Е. Ю. Иванова, А. А. Градинарова

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА НА ФОНЕ РУССКОГО

STUDIA PHILOLOGICA

STUDIA PHILOLOGICA

Е. Ю. Иванова, А. А. Градинарова

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА НА ФОНЕ РУССКОГО

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

ББК 81.2Болг-2
УДК 811.163.2
И 21

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (*РГНФ*)
проект № 15-04-16010

Иванова Е. Ю., Градинарова А. А.

И 21 Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 632 с. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-94457-233-2

Впервые российскому читателю предлагается многоаспектное сопоставительное описание синтаксических систем болгарского и русского языков, при этом русский выступает как фоновый язык описания.

Характеристика синтаксической системы болгарского языка осуществляется в многообразии подходов (структурно-семантический аспект, референциальный аспект, коммуникативный аспект, коммуникативно-функциональный аспект), что создает объемную картину синтаксиса болгарского языка. Сопоставительный характер работы позволяет вычленить контрастирующие элементы системы. Предлагаемый в книге теоретический и практический материал позволяет использовать данные болгарского языка — одновременно «классического и экзотического» (С. Иванчев) — в сопоставительных исследованиях, для переводческих задач и в практике преподавания.

А. А. Градинаровой написаны Глава 4, Раздел 1 Главы 5, Глава 6. Введение и Заключение написаны А. А. Градинаровой и Е. Ю. Ивановой. Все остальные главы и разделы книги написаны Е. Ю. Ивановой.

УДК 811.163.2
ББК 81.2Болг-2

В оформлении переплета использована картина
Николы Петрова «Народният театър», 1912

ISBN 978-5-94457-233-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ *

1. Вступительные замечания

В работе предлагается многоаспектное сопоставление синтаксических систем болгарского и русского языков. Болгарские синтаксические конструкции описываются на фоне русских, что позволяет уделить особое внимание контрастирующим элементам системы.

Необходимость написания данного исследования обусловлена тем, что в отечественной лингвистике не существует обобщающих работ по синтаксису болгарского языка, в том числе и в сопоставительном аспекте. Кратко представлена система синтаксиса в грамматике болгарского языка Ю. С. Маслова [1981: 337—401], фрагментарно введены синтаксические описания в ряде учебников и справочников по болгарскому языку. Более полно и системно отражен болгарский синтаксис в учебных пособиях Е. А. Захаревич и Г. В. Крыловой [Захаревич, Крылова 1968; 1978], но в первом из них доминирует методический аспект, второе требует пересмотра как теоретической части, так и устаревшего языкового материала. Семантические аспекты болгарского и русского предложения исследованы в работе [Иванова 2009в] в рамках классификационной сетки, совмещающей дифференциальные признаки двух важнейших для славистики классификаций: логико-синтаксических типов предложений и семантических типов предикатов.

Отдельные синтаксические явления болгарского языка получили подробное освещение в монографиях известных лингвистов М. Г. Рожновской [1970; 1979], Т. Н. Молошной [1975; 1985], Г. А. Цыхуна [1966], Б. Ю. Нормана [1972; 1980]. Важные наблюдения над синтаксическими особенностями болгарского языка

---

* Выражаем большую признательность Стефане Димитровой и Виктору Самуиловичу Храковскому, которые прочитали предварительный вариант книги и чьи ценные советы, замечания и важные рекомендации позволили нам представить материал и выводы более отчетливо.

Благодарим за полезное обсуждение отдельных фрагментов книги Красимиру Алексову, Адриана Барентсена, Елену Владимировну Урысон, Зою Кузьминичну Шанову, Красимиру Чакырову и Галину Петрову. Мы благодарны Зузане Тополиньской и Антону Владимировичу Циммерлингу, ознакомившимся с окончательным вариантом рукописи. Регулярную помощь в языковых вопросах оказывали Надя Делева и Радостина Стоянова.

Вся ответственность за окончательные решения и за недочеты лежит на авторах книги.

имеются в работах Н. Котовой и М. Янакиева [2001], Т. М. Николаевой [2008 и более ранние], А. В. Циммерлинга [2012б; 2012в; 2013а; 2013б] и др. Благодаря участию Р. Ницоловой в типологических проектах В. С. Храковского российскому читателю были представлены несколько семантико-синтаксических участков болгарского синтаксиса [Ницолова 1998; 2004; 2009]. Тем не менее ввиду отсутствия обобщающих синтаксических работ на русском языке российские лингвисты не имеют возможности комплексно и подробно ознакомиться со спецификой болгарской синтаксической системы.

Между тем синтаксис болгарского языка, представленный в сопоставительном аспекте и многообразии подходов, несомненно, будет интересен российской лингвистической аудитории, поскольку болгарский язык, являясь на общеславянском фоне одновременно языком «классическим и экзотическим» [Иванчев 1988], может предоставить полезный лингвистический материал для сопоставительных исследований.

В предлагаемой сейчас книге болгарская синтаксическая система рассматривается в нескольких важнейших направлениях: структурно-семантический аспект, референциальный аспект, коммуникативный аспект, коммуникативно-функциональный аспект. Каждому из них посвящена отдельная глава монографии. Кроме того, в отдельных главах охарактеризованы линейно-синтаксические свойства болгарского предложения на фоне русского: закономерности порядка слов в болгарском предложении, включая и комплекс вопросов, связанных с болгарскими клитиками, а также специфика пунктуационной системы болгарского языка.

В каждом из разделов и подразделов (параграфов) выделяются контрастирующие с русским языком элементы болгарской синтаксической системы. Существенные различия между сопоставляемыми языками, представляющие интерес для лингвистов, в том числе типологов, имеются во всех предлагаемых в книге областях рассмотрения. В первой главе, описывающей структурно-семантическую организацию болгарского предложения, широко используются переводные эквиваленты и сопоставительный материал, который будет полезен лингвистам, не владеющим болгарским языком. Для той же лингвистической аудитории по всему тексту работы вводятся справочные морфологические (при необходимости и иные) комментарии и примечания, дающие дополнительную информацию об обсуждаемых явлениях (например, образование артиклевых форм имен, построение *да*-конструкции, перечень сохраненных элементов падежной системы).

Некоторые из рассматриваемых в работе аспектов синтаксиса потребовали не только контрастивного выделения особенностей болгарского языка на фоне русского, но и последовательного параллельного сопоставительного описания, в результате которого могут быть показаны сходные и различающиеся моменты. Таковы, например, главы, посвященные коммуникативному анализу предложения, глава, сопоставляющая теоретические принципы болгарской и русской пунктуационных систем. Здесь в большей мере использован, наряду с болгарским, непереводной (оригинальный) русский иллюстративный материал.

Описание синтаксической системы болгарского языка, осуществляемое в данной работе, создано с учетом наиболее результативных современных и классических, проверенных временем, синтаксических трудов болгарских лингвистов. В следующем параграфе представим основные направления в исследовании синтаксиса, существующие в болгарском языкознании на современном этапе его развития.

2. О современных исследованиях синтаксической системы болгарского языка в Болгарии

Работы болгарских языковедов в области синтаксиса родного языка отражают все основные современные направления лингвистических исследований. Вместе с тем синтаксическая традиция — в том виде, в каком она присутствовала в научной среде 60—70-х гг. прошлого века, — не утратила своего значения и в наши дни.

Традиционное *структурно-семантическое описание* представлено в академической «Грамматике современного болгарского литературного языка»[1], опубликованной издательством Болгарской академии наук в 1983 г. и переизданной фототипным способом в 1994 г. [ГСБКЕ 1983]. Авторы грамматического раздела — болгарские лингвисты З. Генадиева-Мутафчиева, С. Георгиев, Е. Георгиева, А. Лазарова, Р. Ницолова, Й. Пенчев, С. Петрова, К. Попов, С. Брезински — известны как специалисты в области изучения структуры, семантики и функционирования синтаксических единиц болгарского языка. И в настоящее время продолжают оставаться актуальными такие их исследования, как «Современный болгарский язык. Синтаксис» К. Попова [Попов 1961], «Обособленные члены предложения в болгарском литературном языке», «Порядок слов в простом предложении в болгарском литературном языке», «Порядок слов в осложненном простом предложении» Е. Георгиевой [Георгиева Е. 1964; 1974; 1987], «Подчинительный союз *да* в современном болгарском языке» З. Генадиевой-Мутафчиевой [Генадиева-Мутафчиева 1970] и др. Традиционный подход к систематизации синтаксических явлений представлен в книгах П. Пашова, И. Недева, С. Брезинского [Пашов 1989; 1999; Недев 1992; Брезински 1995], использующихся в качестве вузовских учебников. Проблемные вопросы синтаксиса болгарского предложения поднимаются в работах С. Петровой [Петрова С. 1995; 2008], см. и ниже о развитии традиционного подхода с привлечением нового исследовательского инструментария.

В 1984 г. было опубликовано первое описание болгарского синтаксиса с позиций *генеративной грамматики* — книга Й. Пенчева «Строение болгарского предложения» [Пенчев 1984]. Ее автор явился основоположником генеративно-трансформационного направления в болгарском языкознании. В 1993 г. вышла в свет монография «Болгарский синтаксис. Управление и связывание» [Пенчев 1993].

---

[1] Для удобства отечественного читателя заглавия работ в данном параграфе предлагаются в русском переводе, см. оригинальные названия в «Библиографии».

Переработанный вариант этой монографии лег в основу его книги «Синтаксис современного болгарского литературного языка» [Пенчев 1998б], а также вошел составной частью в вузовский учебник «Современный болгарский язык (фонетика, лексикология, морфология, синтаксис)» [Бояджиев 1998 и др.]. В этих книгах не только было предложено формализованное описание болгарской синтаксической системы, но и показаны некоторые недостатки генеративной теории тех лет, обнаруженные при представлении специфических для болгарского языка явлений. Значительным оказался вклад Й. Пенчева и в разработку болгарской терминологии в сфере генеративизма. Отметим также, что доступность описания и широкий охват материала позволяет использовать названные книги в качестве вузовских учебников (подробнее см.: [Лакова, Коева 2006; Лакова 2013; Кръпова 2013а]).

Описанию болгарского синтаксиса посредством исследовательского аппарата трансформационно-генеративной грамматики, а также нетрансформационных генеративных моделей посвящены работы многих современных болгаристов, например И. Крыповой [Krapova 1996; 1997; Кръпова 2013б; Krapova 2002], И. Крыповой и Ц. Карастаневой [Krapova, Karastaneva 2000; 2002], С. Коевой [2001а; 2001б; 2005а; 2005б; 2006б], К. Молле [Молле 2002], П. Быркаловой [Бъркалова 2001; 2005], О. Арнаудовой [Arnaudova 2010; Арнаудова 2013], Е. Димовой [Димова 2013]. Особо отметим изданную в 1997 г. и затем переизданную в 2007 г. книгу П. Быркаловой «Болгарский синтаксис — знакомый незнакомец» [Бъркалова 1997] и монографию П. Осеновой «Именные фразы в болгарском языке» [Осенова 2009]. Работы многих зарубежных генеративистов-болгаристов[2] представлены в сборнике «Новые исследования по генеративному синтаксису болгарского языка» [Нови изследвания… 2013], там же и обширная англоязычная библиография.

Современные направления *семантического синтаксиса*, течения в рамках *лингвистического функционализма*, в частности референциально-ролевая грамматика (role and reference grammar), — области исследования, в которых работают болгарские лингвисты М. Лакова [Лакова 1984 и др.], К. Илиева [Илиева К. 1986], А. Динева [Динева 1999/2000], Р. Ницолова [Ницолова 2001; 2005а; 2005б; 2005в; 2008в], М. Джонова [Джонова 2004а; 2005а; 2005б], С. Лесева [Лесева 2006], С. Халачева [Халачева 2004], П. Несторова [Несторова 2008], Д. Савова [Савова Д. 2012], Г. Петрова [Петрова Г. 2006; 2008] и др.

В последние годы заметен интерес болгарских исследователей к такому активно разрабатывающемуся в мировой лингвистике направлению, как *грамматика конструкций*. О перспективах использования ее концептуального аппарата при описании болгарского языкового материала говорится, в частности, в работах М. Стаменова [Стаменов М. 2006; 2007а; 2007б].

---

[2] Значительная часть болгарских генеративистов в настоящее время живет и работает за пределами родной страны.

Исследования в области *автоматической обработки текста и машинного перевода* имеют в Болгарии довольно продолжительную историю. Начало ее датируется 1964 г., когда при Математическом институте БАН была создана Группа по проблемам машинного перевода, руководимая А. Людскановым. К тому времени относится, в частности, разработка системы русско-болгарского машинного перевода, см. [Paskaleva 2000]. В дальнейшем основой для значительной части болгаро-российских исследований стал электронный вариант «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка, см. [Паскалева 2007]. В последнее время работа в сфере языковых технологий осуществлялась в основном по европейским программам и проектам и была связана, в частности, с деятельностью сотрудников *Секции лингвистического моделирования* Института параллельной обработки информации (Институт за паралелна обработка на информацията, ИПОИ) при Болгарской академии наук. Один из успешно осуществленных проектов — «BulTreeBank» (2001—2004, руководитель — К. Симов, проект реализован совместно с коллегами из Тюбингенского университета, Германия) — дал впоследствии имя объединению «BulTreeBank Group», куда вошли болгарские специалисты в области компьютерной лингвистики (http://www.bultreebank.org/). В связи с последними структурными реформами ИПОИ вместе с другими институтами вошел в состав нового Института информационных и коммуникационных технологий (Институт по информационни и комуникационни технологии, ИИКТ-БАН). В числе сотрудников института, занимающихся проблемами лингвистического моделирования, — профессора Е. Паскалева, Г. Ангелова, К. Симов, С. Михов, П. Осенова и др.

Результаты работы по проекту «BulTreeBank» были положены в основу вышедшей в 2007 г. книги П. Осеновой и К. Симова «Формальная грамматика болгарского языка» [Осенова, Симов 2007]. В качестве инструмента для представления языковых данных авторы используют аппарат вершинной грамматики составляющих (Head-driven phrase structure grammar), разработанной К. Поллардом и И. Сагом [Pollard, Sag 1994]. Книга содержит модель синтаксических описаний, составленную на основе большого корпуса примеров из болгарских произведений различных жанров.

Проблемами формального описания болгарской синтаксической системы, разработкой эффективных теоретических моделей и компьютерных технологий занимаются сотрудники *Секции компьютерной лингвистики* Института болгарского языка им. проф. Л. Андрейчина Болгарской академии наук. Руководителем секции является проф. С. Коева, автор многочисленных исследований, посвященных, в частности, формализации синтаксических описаний. В числе проектов, над которыми работают сотрудники секции, — *Глагольная семантика: семантико-синтаксический словарь болгарского языка*, см. [Коева 2008].

Дальнейшие разработки в области синтаксической разметки текстов связаны с созданием важного электронного ресурса, представляющего несомненный интерес для синтаксистов, — это *Болгарский фреймнет 2010*. Словарная статья в *Болгарском фреймнете 2010* предполагает следующие составляющие: лексическую

единицу; грамматический класс, определяющий флективную парадигму; семантический фрейм из фреймнета, представляющий абстрактную синтаксическую структуру; синтаксический фрейм, описывающий лексико-семантические и синтаксические комбинаторные ограничения; семантически и синтаксически аннотированные примеры. Синтаксический фрейм (для глаголов, существительных, прилагательных) представляет комбинацию синтаксических структур, которые ассоциируются с лексической единицей. Синтаксические структуры описывают все возможные комбинации синтаксических категорий, грамматических функций и атрибутов, которые специализируют лексико-семантическую и синтаксическую реализацию аргументов [Коева 2008: 37—51; 2010а], о теоретических основах этих разработок и концептуальных решениях см. [Koeva 2004; Коева 2006б; Koeva 2007; 2008], см. и описание на сайте Института болгарского языка (http://ibl.bas.bg/en/elektronni-ezikovi-resursi-i-programi-za-tyahnata-obrabotka-bulnet-i-freymnet/).

Внимание болгарских исследователей, особенно в последнее десятилетие, направлено и на изучение *синтаксических особенностей разговорной речи*, см., например, работы [Куков 1987; Ангелова 1988; Ликоманова 1992; Георгиева М. 1995; 1998б; 2001; Алексова 2004; Джонова 2004б; Дачева, Тишева 2005], проблемы обработки транскрибированной разговорной речи при создании аннотированного корпуса [Атанасов 2006]. Исследованию взаимодействия между письменно-литературной и устно-разговорной болгарской речью, сопоставлению их синтаксических особенностей посвящена монография П. Радевой «Динамика в синтаксисе современного болгарского языка» [Радева П. 2012].

Цель создания доступного корпуса болгарских разговорных текстов преследует проект *BgSpeech* (http://www.bgspeech.net/index.html), разрабатываемый преподавателями кафедры болгарского языка факультета славянских филологий Софийского университета им. Св. Климента Охридского. Такой корпус должен иметь формат, позволяющий, в частности, электронную обработку содержащихся в нем материалов, подробнее см. в [Тишева, Джонова 2010]. Болгарский разговорный (включительно и диалектный) синтаксис является объектом исследований по научным проектам, финансируемым Софийским университетом («Синтаксические особенности устных форм современного болгарского языка (база данных)», руководитель — Й. Тишева, ср. и ее же работу [Тишева 2013]). Подробнее о Корпусе болгарской разговорной речи см. в Приложении 2.

Из работ, затрагивающих *прагматические аспекты* синтаксиса болгарского языка, отметим монографии Р. Ницоловой «Прагматический аспект предложения в болгарском литературном языке» [Ницолова 1984], К. Илиевой «Биноминативные предложения и прагматика» [Илиева К. 1996], Р. Влаховой «Монофоническая и полифоническая речь» [Влахова-Руйкова 2000], С. Димитровой «Языковая демагогия» и «Лингвистическая прагматика» [Димитрова С. 1999; 2009], докторские диссертации Ц. Йотова «Разговор и его глобальная лингвистическая модель» [Йотов 1994], М. Жеревой «Перформативы и перформативные предложения в современном болгарском языке» [Жерева 2012].

Вопросы синтаксиса болгарского языка в связи с общими проблемами *философии* разрабатываются в исследованиях М. Георгиевой, в частности ее монографиях «Скрытая предикация в болгарском синтаксисе», «Синтаксические аспекты гносеологической недостаточности. Дефициты предикации», «Парадигма предикации в болгарском синтаксисе» [Георгиева М. 1998а; 2009; 2010].

Научная толерантность, которую демонстрирует болгарское лингвистическое сообщество, способствует появлению работ, совмещающих различные подходы к исследованию и интерпретации языкового материала. Описание синтаксической системы языка становится глубже и детальнее благодаря использованию новых методов и механизмов анализа, выработанных в рамках современных лингвистических теорий — как формальных, так и функциональных и когнитивных. В опубликованной журналом «Съпоставително езикознание» дискуссии по поводу содержания книги «Формальная грамматика болгарского языка» [Осенова, Симов 2007] П. Осенова, отвечая на вопрос о путях развития современной лингвистики и возможности совмещения формального и гуманитарного подходов к языковому анализу, отмечает, что среди болгарских языковедов есть исследователи, такие как М. Янакиев, Й. Пенчев, Р. Ницолова, Е. Паскалева и др., которые своими трудами в той или иной мере устанавливают мост между формальным и гуманитарным подходами [Тодорова Е. 2012: 64—65]. Так, современный исследовательский инструментарий для изучения синтаксических явлений болгарского языка применяется во многих последних работах Р. Ницоловой [2001; 2005в; 2008в и др.]. К той же группе языковедов отнесем Й. Тишеву [Тишева 2000; 2001а; 2004б; 2009а; Tisheva 2007 и др.], М. Лакову [Лакова 2002 и др.], Р. Влахову [Влахова 2005; 2006].

В последние годы были изданы несколько монографий, посвященных проблемам описания семантики и структуры болгарского осложненного и сложного предложения. В этих работах, учитывающих достижения современной лингвистики, особое внимание обращено на не разработанные в должной степени вопросы теории болгарского синтаксиса, проблемы классификации сложных предложений, на описание выражающихся в сложных структурах синтаксических отношений, синонимии синтаксических конструкций, см. [Петрова С. 1995; 2008; Пометкова 2003; 2012; Недев 2006]. Системное описание синтаксических явлений расширено наблюдениями над их реализацией в устно-разговорной болгарской речи [Радева П. 1997; 2002].

Значительная часть исследований болгарских лингвистов посвящена проблемам *сопоставительного синтаксиса и синтаксической типологии*. Отметим здесь работы [Лашкова 1974; Радева В. 1977; Иванова Н. 1981; Костова-Добрева 1983; Цветкова 1984; Сеизова 1984; Гугуланова 1989; 2005; Ницолова 1990; Грозданова 1991; Ликоманова 1992; 1998; Малджиева 1995; Алмалех 1999; Лакова 2007; Mladenova M. 2013] и мн. др. Болгарские ученые принимают активное участие в написании отдельных томов многотомной «Болгарско-польской сопоставительной грамматики» [см., напр.: БПСГ 1990; 1993; 1994; 2003].

Большой вклад в сопоставительное изучение болгарского и русского синтаксиса внесли болгарские русисты, такие как И. Васева [Васева 1983а; 1983б; 1983в; 1984; 1986; 1990; 1995а; 1995б; 2003а; 2003б; 2004; 2007а; 2007б], Б. Блажев [Блажев 1988; 1996/1997; 2007], А. Николова [Николова 1977; 1978; 1980; 1981; 1983; 1987; 1997; 2005; 2006; 2007], Т. Иванова [Иванова Т. 1998; 2001; 2004; 2006; 2008], Н. Ковачева [Ковачева Н. 1982]. Той же области исследований принадлежат работы [Аврамова 1982; 1994; Ганчева 1983; Гочев, Пъшева 1985; Колева-Златева 1988; Зозикова 1989; 2001; 2002; Георгиев И. 1990; Чакърова Ю. 1990; 2010; Илиева К., Малджиева 1991; Цонева 1994; Бозова 1995; Кузова 1997; 2000; 2002; Ченева 2004; 2006; Градинарова 2007а; 2007б; 2008; 2010а; 2010б; 2010в; 2010г; 2011; 2012а; 2012б; 2012в; 2012г; Дамянова 2010а; 2010б]. В библиографическом указателе «Языковедческая русистика в Болгарии» [2007] собраны сопоставительные исследования преподавателей основных кафедр русского языка в Болгарии.

Таким образом, современные исследования синтаксиса болгарского языка в Болгарии представляют широкую палитру синтаксических течений, отражающую и признанные мировые научные парадигмы.

* * *

Прежде чем перейти к описанию синтаксической системы болгарского языка, оговорим позицию авторов данной книги относительно выбора материала исследования и представленности научных дискуссий по обсуждаемым вопросам. Основным **объектом** исследования послужил синтаксический строй современного болгарского литературного языка, включая и его разговорную форму (см. Приложение 3). Несмотря на то что для изучения языкового материала мы обращались к разным стилям языка, для иллюстрации общестилевых языковых черт привлекаются преимущественно тексты художественной литературы и литературного разговорного языка. Диалектные и региональные употребления в работе не рассматриваются — это потребовало бы значительного увеличения объема монографии.

Для изложения **теоретической проблематики** отбирались исследования, наиболее эффективные и полезные для конкретной темы, при этом ознакомление читателя с полной историей изучения того или иного вопроса (предполагающей обзор обширной, богатой болгарской лингвистической литературы прошлого и современного этапа) не предусматривалось. Дискуссионные проблемы обсуждаются только в той мере, в которой они необходимы для нашего изложения. Из этого следует, что представленная библиография не включает исчерпывающий перечень всех классических трудов предшествующего периода и современности. Предлагаемая библиография болгарских лингвистических работ по каждому вопросу носит рекомендательный (с точки зрения авторов данной книги) характер.

Глава I. БОЛГАРСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ НА ФОНЕ РУССКОГО: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В данной главе болгарский синтаксис представлен в традиционных рубриках структурно-семантического подхода. Изложение, однако, не замыкается рамками тем, привычных для традиционного аспекта, а предстает обогащенным новой синтаксической проблематикой, изучаемой в современной болгарской и отечественной лингвистике.

Описание носит преимущественно контрастивный характер: конструкциям, имеющим различающиеся характеристики в болгарском и русском языках, уделяется наибольшее внимание.

В нашем описании мы постарались показать, какую роль в развитии синтаксических конструкций болгарского языка сыграли его **грамматические типологические особенности**. Как известно, болгарский язык, являясь чисто славянским в своей основе, в процессе своего развития приобрел черты, значительно отличающие его от других славянских языков, но более всего от восточнославянских, в том числе русского. Часть из них является балканскими чертами, часть развилась как их следствие или сформировалась в рамках самого языка. Среди основных специфических характеристик болгарского языка, влияющих на структуру предложения, отметим следующие: а) утрата падежного склонения у именных частей речи (помимо некоторых местоимений, сохраняющих одну-две формы косвенных падежей); б) наличие разветвленной системы глагольных форм и грамматикализация ряда глагольных значений; в) грамматическое выражение категории определенности / неопределенности при балканском типе построения этой категории; г) утрата деепричастия прошедшего времени и трансформация системы причастий при активизации такого синтаксического явления, как предикативное определение к подлежащему и к дополнению. *Да*-конструкция, постепенно вытеснившая старославянский инфинитив, установилась не только во многих типах сложноподчиненного предложения, но в значительной степени в императивно-оптативной зоне, ставится вопрос и о статусе *да* как вопросительной частицы.

Среди других типологических синтаксических особенностей болгарского языка, определяющих отличие от русского, обратим внимание на его «нулевоподлежащность» (впрочем, относительную, как будет показано в 1.2.5.1.3) и специфику реализации других синтаксических нулей (см. прежде всего в главе IV),

на сохранение глагола *esse* в копульных предложениях (*Той е българин*. ‘Он болгарин’), на использование глагола *habere* для выражения как принадлежности (*Той има кола*. ‘У него есть машина’; *Тя има хубави очи*. ‘У нее красивые глаза’), так и наличия и существования (*В града има няколко парка*. ‘В городе несколько парков’; *Тук няма аптека*. ‘Здесь нет аптеки’). Последнее обуславливает отнесенность болгарского языка к группе языков *habere*-типа («*have*- languages», по [Isačenko 1974]). О периферийных условиях употребления *esse* в бытийных предложениях см. [Иванова 2002; 2003]. Наличие в болгарском языке развитой системы клитик, как сентенциальных, так и групповых, не только определяет организацию предложений с цепочками предикатных клитик или именных групп с клитиками, но и отражается на особенностях других конструкций — структуре словосочетания, выражении посессивности и др.

В работе будут показаны и иные синтаксические особенности болгарского языка, многие из которых связаны с перечисленными выше.

Описание материала начнем с обращения к проблемам синтаксических связей и отношений в словосочетании как составной части предложения, в том числе в терминах грамматики составляющих (1.1.3)

1.1. СЛОВОСОЧЕТАНИЕ

Словосочетание в данной работе рассматривается как непредикативная конструкция, представляющая собой смысловое и грамматическое объединение двух (или более) знаменательных слов на основе подчинительной связи. В болгаристике последний признак не является общепринятым: соединения слов на основе сочинительной связи рассматриваются в большинстве грамматик тоже как словосочетания: *Ще дойда* [*днес или утре*]. 'Приду сегодня или завтра', см., напр., [ГСБКЕ 1983-3; Недев 1992: 17; Радева П. 1997; Пашов 1999: 258].

Предикативное объединение слов, т. е. связь между подлежащим и сказуемым (*Някой е идвал.* 'Кто-то приходил'), и в болгаристике, и в отечественной лингвистике уже не трактуется единодушно как предикативное словосочетание, в отличие от предшествующих периодов, ср., однако, сохранение этого типа в [ГСБКЕ 1983-3: 32; Недев 1992: 19—20; Пашов 1999: 260—261; Бъркалова 2001: 20].

Упомянем другие сочетания слов, которые в этой работе не описываются как словосочетания:

а) сочетания служебных слов со знаменательными словами, напр. сочетания предлогов с существительными: *до вратата* 'у двери', *в гората* 'в лесу' — или аналитические формы глагола: *няма да дойда* (FUT1), *беше написал* (PPERF);

б) составное именное и глагольное сказуемое: *студент съм* 'являюсь студентом', *не мога да откажа* 'не могу отказаться', см., однако, их статус как словосочетаний в [ГСБКЕ 1983-3: 34—35];

в) сочетания сказуемого с детерминантами: *Вчера ни дойдоха гости* 'Вчера к нам пришли гости'; *За мен — само едно кафенце* 'Для меня только кофе';

г) составные, семантически нерасчлененные наименования объектов и фразеологические сочетания: *момина сълза* 'ландыш', *градинска ягода* 'клубника', *хорски приказки* 'пересуды, сплетни', *взема присърце* 'принять близко к сердцу', *посред бял ден* 'среди бела дня', см. и 1.1.4.

1.1.1. Типы подчинительной связи в словосочетании

Согласование, управление и примыкание как три типа подчинительной связи в словосочетании выделяются в болгарской лингвистике, в целом, на тех же основаниях, что и в русской (см. ниже). Однако почти полная утрата именного склонения в болгарском языке полностью перестроила количественную представленность каждой из этих групп. Основная масса словосочетаний строится по типу

примыкания — предложного и беспредложного. Более того, в современный период стремительно увеличивается представленность форм N + N, образованных простым соположением слов, которые также расширяют группу примыкания. Далее мы рассмотрим эти тенденции подробнее, сейчас сделаем лишь несколько общих замечаний.

Утрата падежного изменения сыграла свою роль в значительной активизации согласования: в болгарском языке больше, чем в русском языке, словосочетаний с согласованным определением, напр.: *грипна епидемия* ‘эпидемия гриппа’, *развойни тенденции* ‘тенденции развития’, *годишно време* ‘время года’. Это связано с нежелательностью многократного нанизывания предложных сочетаний и стремлением разгрузить и без того многозначные предлоги, особенно *на*, взявший на себя функции как родительного, так и дательного падежа. Ср. усложненность конструкции при нанизывании предложных сочетаний в заголовке документа: *Тенденции* ***на*** *развитието* ***на*** *пазара* ***на*** *акции и корпоративни облигации* ‘Тенденции развития рынка акций и корпоративных облигаций’.

На долю управления приходится, по сути, лишь тот круг словосочетаний, где зависимый компонент способен изменяться по падежам, — это часть местоимений при главном глагольном компоненте и некоторые сочетания с опорным числительным, см. ниже.

Группа примыкания, таким образом, оказывается чрезвычайно объемной, она включает сочетания с предлогом и без предлога, с сильной и слабой связью. Во многих болгарских грамматических работах предлагается выделять особый тип связи в словосочетании — *предложно свързване* (предложная связь), куда относят сочетания с предлогом при зависимом субстантиве. Но и при таком решении вопрос о сильных и слабых связях не снимается. Так, в синтаксической теории Й. Пенчева (довольно влиятельной в болгарском современном лингвистическом сообществе и имеющей значительное количество последователей) сильная предложная связь — та, которая предсказывает необходимый предлог (*бъркам в джоба* ‘шарить в кармане’), в то время как слабая его не предсказывает: *срещна* (*един приятел*) *на улицата* — ‘встретить (приятеля) на улице’. Проблема сильных и слабых связей остается и при беспредложном примыкании, ср. словосочетания с переходным глаголом типа *виждам Иван* ‘вижу Ивана’ и «чистое» примыкание наречий типа *виждам* (*го*) *сутрин* ‘вижу (его) по утрам’ [Пенчев 1984: 14—17], см. подробнее ниже.

Так что выделение предложных словосочетаний в особый тип, противопоставленный примыканию как беспредложной связи, само по себе не решает проблему сильных и слабых связей. Далее предложная связь будет описана в рамках примыкания.

Рассмотрим типы словосочетаний и возникающие в связи с этим дискуссионные вопросы подробнее.

1. Согласование — связь, при которой зависимое слово уподобляется главному в выражении общих для них грамматических категорий. Или, иначе, в форму-

лировке Й. Пенчева, «зависимое слово выражает те же морфологические категории, что и главная часть» [Пенчев 1984: 14]: *голямо доверие* ‘большое доверие’, *ударена сричка* ‘ударный слог’, *разнебитени нерви* ‘расшатанные нервы’, *първи етаж* ‘первый этаж’, *всяка дума* ‘каждое слово’, *цели групи* ‘целые группы’, *нейна чанта* ‘ее сумка’, см. также: *майчин език*, *сватбени фотографии*, *изоставащ ученик*, *микровълнова печка*, *Борисова градина*, *узряло грозде*, *саморегулиращи се системи*.

В болгарском языке при согласовании речь может идти лишь об уподоблении в роде и числе: *добър приятел — добри приятели*, *зло куче — зли кучета.* Падежные отношения в этом типе связи, в отличие от русского языка, не участвуют.

Именные части речи в болгарском языке имеют еще одну грамматическую категорию — определенности / неопределенности (см. гл. II), однако, поскольку болгарский определенный артикль является групповым определителем, согласование по признаку определенности / неопределенности внешне не имеет того же «дублирующего» механизма, что по роду и числу: в болгарском языке определенность объекта ведет к маркированию артиклем препозитивного согласованного определения, но не самого существительного[3]: *банков служител* ‘банковский служащий’ — *банковият служител*; *банкови служители — банковите служители.*

Как уже отмечалось выше, в связи с именным аналитизмом, приведшим к росту предложных связей, в болгарском языке согласование как тип связи получило значительное развитие. По типу согласования строятся многие болгарские словосочетания, которым в русском языке соответствуют другие типы связи (управление, примыкание):

фронтова линия — линия фронта
рискови зони — зоны риска
събрани съчинения — собрание сочинений
протестна резолюция — резолюция протеста
изпъкнали очи — глаза навыкате
опорна точка — точка опоры
допирни точки — точки соприкосновения
дневен ред — повестка дня
околосветско пътешествие — путешествие вокруг света
грипна ваканция — каникулы в связи с эпидемией гриппа
пръстови отпечатъци — отпечатки пальцев
първолични форми — формы первого лица
клитични вериги — цепочки клитик

В болгарском языке более свободно, чем в русском, образование притяжательных прилагательных, что также увеличивает группу согласования:

---

[3] Обычное грамматическое правило звучит так: если при определенном существительном появляется препозитивное согласованное определение, определенный артикль «переносится» на определение: *приятелката* → *новата приятелка*.

братовата дъщеря — дочь брата
сестрината рокля — платье сестры
Анините приятели — друзья Ани
Ботевата поезия — поэзия Ботева
Вапцаровото стихотворение — стихотворение Вапцарова
Питагорова теорема — теорема Пифагора.

В современном языке притяжательные прилагательные от имен родства и имен собственных испытывают конкуренцию со стороны предложных сочетаний, напр.: *братовата дъщеря — дъщерята на брат ми.* Со значительными ограничениями и меньшей фреквентностью образуются в болгарском языке притяжательные прилагательные от словосочетаний, называющих притяжателя. Как показано в [Младенов, Младенова 2005], имеются две слабопродуктивные модели, а именно а) с одним притяжательным прилагательным — от личных имен, сопровождаемых фамилиями либо титулами *хаджи*, *бай*, *поп*, *доктор*: *Иван Вазовите съчинения* 'сочинения Ивана Вазова', *доктор Кръстевия призив* 'призыв доктора Крыстева'; б) с двумя притяжательными прилагательными — от личных имен и от сопровождающих их терминов родства: *дядова Стоянова воденица* 'мельница деда Стояна'; *лелин Генин мъж* 'муж тети Гены' (где *Гена* — женское имя), но возможно и с одним притяжательным прилагательным по модели (а): *чичо Томовата колиба* 'хижина дяди Тома'[4].

Подобные образования более свойственны диалектной и народной речи. В современном литературном языке предпочитаются предложные сочетания, напр.: *рецептата на лелка Теменужка* 'рецепт тети Теменужки' вместо *лелка Теменужкината рецепта* или *лелкината Теменужкина рецепта*, примеры из [Там же: 157]. Обратим внимание на артиклевую маркированность: в случае двух притяжательных прилагательных маркирование осуществляется по общему правилу (первое слово именной группы), в случае одного — первый компонент остается аппозитивно присоединенным[5].

Упомянем также, что группу согласованных определений пополняют и притяжательные местоимения, которые в болгарском языке, в отличие от русского,

[4] При этом в образовании притяжательных прилагательных имеется и довольно много ограничений словообразовательного характера. Так, суффикс *-ов* не присоединяется к фамилиям на *-ски* (**Христо Смирненската поезия*) и к женским фамилиям на *-ова* (**Анна Каменовото творчество*). Объяснение можно искать в том, что суффикс *-ски* не имеет притяжательного значения, а суффикс *-ов* связывается с именами лиц мужского пола, ср. возможное *Каменовото творчество* с двойной интерпретацией — как образование от имени и от фамилии: от *Камен* 'творчество Камена' и от *Каменов* 'творчество Каменова' [Младенов, Младенова 2005: 157].

[5] Подобные сочетания возможны и без артикля. В случае дериватов от имен собственных это прежде всего предикативные позиции в контекстах эксплицитного и имплицитного контраста (см. главу III), напр. опровержения, убеждения (*Това не е Пушкиново време*; *Това е Ботев стих, не е Вазов*), а также при общеязыковых условиях, блокирующих определенный артикль, напр. после квантитативного слова: *Покажи ми поне една Вазова книга*.

имеют формы для 3 л. (субъекта обладания): *негов костюм*, *неин мъж*, *техни деца*[6], ср. русск. *его костюм*, *ее муж*, *их дети*.

Морфологический комментарий. Словосочетания, построенные по типу согласования, хорошо отражают различия наших языков в принципах родового распределения и проявлениях категории рода как согласовательной категории. Так, к среднему роду относятся обозначения детей и детенышей животных (*момиче* ‘девочка’, *момче* ‘мальчик’, *лисиче* ‘лисенок’), существительные с уменьшительными и увеличительными суффиксами, даже если они обозначают лиц (*човече* ‘человечек’, *адвокатче* ‘адвокатишка’, также *женче*, *женище*, *братле*, *докторче*), некоторые заимствования (*хипи*, *протеже*) и др. В то же время при заимствованиях имеются родовые варианты (*жалък парвеню — жалко парвеню*) с разной стилистической окраской, а при именах собственных с уменьшительными суффиксами намеренный выбор согласовательного варианта может использоваться для различения пола и возраста: *Нашият Тони е награден*. — *Нашата Тони е наградена*. — *Нашето Тони е наградено*, примеры Р. Ницоловой [2008а: 57—58]. Надо учитывать также, что болгарские соответствия многих неизменяемых в русском языке существительных способны образовывать форму мн. ч., так что, в отличие от русского языка, где именные категории при согласовании с такими существительными проявляются лишь в форме определения, в болгарском языке существительное тоже изменяет числовую форму: *топло палто — топли палта*; *горчиво кафе — горчиви кафета*; *малко уиски — две малки уискита.*

Реже, но все же обнаруживаются обратные соотношения, т. е. согласованию в русском соответствует примыкание в болгарском. Преимущественно это составные номинации: *сервиз за ядене* ‘столовый сервиз’; *сервиз за чай* ‘чайный сервиз’; *обслужване в хотел* ‘гостиничный сервис’; *тенис на маса* ‘настольный теннис’; *паста за зъби* ‘зубная паста’; *писта за излитане* ‘взлетная полоса’; *писта за кацане* ‘посадочная полоса’.

Особый тип согласования и в русском, и в болгарском языках — **условное согласование**. Оно представлено в словосочетаниях, где главный компонент — междометие или слово «метаязыкового» характера. Определение при нем условно используется в форме среднего рода: *Разнесе се* ***гръмогласно ура***. ‘Раздалось раскатистое ура’; *Брат ми е* ***голямо ку-ку***. ‘Брат совсем ку-ку’, *букв.* ‘большое ку-ку’; ***Това 5*** *откъде се е взело тук?* ‘Это 5 откуда здесь взялось?’; ***Това «се»*** *изпълнява много важна роля в дадено изречение*. ‘Это «се» исполняет очень важную роль в данном предложении’; *Не бива да се поставя запетая пред* ***еднократно употребеното «и»***. ‘Не надо ставить запятую перед однократно употребленным «и»’.

[6] Атрибутивная посессивность в болгарском языке выражается с помощью местоимений не только полными их формами, выступающими в роли согласованных определений, но и клитическими формами (несогласованными определениями, см. далее о видах примыкания): *моята книга — книгата ми*; *твоят син — синът ти*. О подъеме посессора в болгарском языке и разных возможностях толкования перемещенной клитики, которая может допускать как посессивную трактовку, так и аргументную или комбинированную, см. раздел 5.2.4.

2. Управление — связь, при которой главное слово требует от зависимого определенной грамматической формы. В болгарской лингвистике общепринятым является формально-узкий подход к этому типу связи: в условиях отсутствия падежей у всех именных частей речи, кроме некоторых местоимений, связь *управление* констатируется лишь между глаголом и зависимой падежной местоименной формой [ГСБКЕ 1983-3: 39; Пенчев 1984: 14; Радева П. 1997; Бъркалова 2001; Лакова 2010: 107—110]: *виждам го* 'вижу его', *казвам му* 'говорю ему', *обадих ти се* '(я) позвонил тебе', *извикай го* 'позови его', *извикай него* 'позови его↓', *не вярва на никого* 'не верит никому'; *има за всекиго* (*по нещо*) 'есть, имеется для всех (понемногу)'. Таким образом, фиксируются разные типы связи при выражении зависимого слова существительным и местоимением, ср.: *виждам Иван* 'вижу Ивана' — примыкание и *виждам го* 'вижу его' — управление.

Морфологический комментарий. Активно употребляемые падежные формы сохранили только личные местоимения. Они имеют 3 падежа: именительный и два косвенных — дательный и винительный, при этом у последних есть и краткие, и полные формы, напр. для первого лица: *аз* (им. п.), *ми*, *на мене* (дат. п.), *ме*, *мене* (вин. п.).

Вопросительные и производные от них неопределенные и отрицательные местоимения сохранили только вин. падеж при указании на лиц мужского пола: *Кого обича?* 'Кого он любит?'; *Виждам някого.* 'Я кого-то вижу'; *Не срещнах никого.* 'Я никого не встретил'. При этом в разговорном языке и эта форма, особенно в «производных» разрядах местоимений, вытесняется им. падежом: *Виждам някой*; *Не обича никой*. Формы дат. падежа *кому*, *някому* и *никому* полностью вытеснены предложным сочетанием «*на* + вин. (или им.) пад.»: *кому → на кого*, *никому → на никого → на никой*: *Кому каза? = На кого каза?* 'Кому сказал?'; *Не вярвам никому. Не вярвам на никого. → Не вярвам на никой.* 'Я никому не верю'. Последний вариант не считается литературной нормой.

Слабые, уже утрачиваемые возможности падежного оформления проявляет и определительное местоимение *всеки* — вин. пад. *всекиго*: *Не мога да обяснявам на всекиго / на всеки поотделно.* 'Я не могу объяснять каждому по отдельности'.

Остатки падежей у имен существительных обнаруживаются во фразеологизмах и пословицах (*Гарван гарвану око не вади*), в текстах художественной литературы до первой половины XX в.: *Огнянова гони полицията* (И. Вазов), в фольклоре (*Мама Стояну думаше* — нар. песня), а также в диалектах, особенно при личных именах собственных м. рода: *Повикай Стояна*; *Срещнах Петка*. Вообще вин. форма при именах лиц была до реформы правописания 1945 г. обязательной: *стихотворения от Петка Славейкова* (ср. сейчас: *стихотворения от Петко Славейков*), см. подробнее, напр., [Пашов 1999: 78]. У этого же автора приведены примеры употребления вин. и дат. падежных форм существительных в современном языке в целях архаизации, придания стилю возвышенного характера (*Той отдаде младия си живот народу*. 'Он отдал свою молодую жизнь народу') или, наоборот, выражения иронии, напр. в контексте: *Тоз пейзаж поету се понрави, моментално ода той направи* (Радой Ралин).

Отдельно требуется остановиться на количественно-субстантивных словосочетаниях, которые в русском языке строятся со связью управление: *две книги*, *две секретарши*, *два одеяла*, *два переводчика*, *три улицы*, *сто писем*,

двадцать рабочих, *три компьютера*, *десять отелей*, *двадцать пять стульев*. Трактовка аналогичных болгарских сочетаний в болгаристике различается. Здесь будет принята следующая позиция, во многом соответствующая пониманию Ю. С. Маслова [1981: 371].

Болгарские аналоги приведенных словосочетаний формируются на основе разных связей.

а) Числительное 2, имеющее формы ж. и ср. рода *две*, м. р. *два*, *двама* (личномужская форма), согласуется с опорным существительным в роде, если существительное относится к ж., ср. роду или обозначает лицо мужского пола: *две книги*, *две секретарки*, *две одеяла*, *двама преводачи*. Само существительное выступает в роли опорного слова и стоит в общей форме мн. ч. Связь — согласование (по роду).

б) Числительные свыше 2 присоединяются как примыкающие компоненты к существительным во мн. ч., обозначающим объекты ж., ср. рода или лиц мужского пола: *три улици*, *сто писма, двайсет работници.* Связь — примыкание.

в) Если существительное называет неличный объект м. р., оно является формально подчиненным количественному числительному, поскольку обретает т. н. счетную форму (наследницу двойственного числа): *три компютър**а***, *десет хотел**а***, *двайсет и пет стол**а***. По тому же принципу формируются словосочетания с опорными местоименными числительными: *колко хотел**а***, *няколко хотел**а***, *толкова хотел**а***. Связь — управление. (Ю. С. Маслов предпочитает здесь видеть в качестве главного слова, как и в других количественно-субстантивных словосочетаниях, существительное, а потому говорит об «обратном управлении», т. е. о подчинительной связи с маркированным главным словом.)

г) Числительное *един*, как и в русском языке, присоединяется по типу согласования, изменяясь в роде и числе: *един мъж*, *една жена*, *едно палто*, *едни дънки* ‘джинсы’. Связь — согласование.

3. Примыкание — связь, при которой не имеется формальных признаков подчинения, соотношение зависимого и главного слова устанавливается только по смыслу.

Как примыкание в болгарском языке оформляются все словосочетания, где главное слово не диктует грамматическую форму подчиненному. Таким образом, по типу примыкания строятся следующие разновидности словосочетаний.

1. С сильной смысловой (восполняющей) связью компонентов:

а) соположение двух существительных без предлога. Наибольшую часть группы составляют сочетания со значением количества, формы, меры объекта: *килограм ориз*, *китка цвете*, *кутия бонбони*, *филия хляб*[7], а также некоторые сочетания с количественными числительными (см. о них выше) типа *три филии*, *пет рокли*. В русском языке аналогичный тип словосочетаний реализуется как управление благодаря падежной форме второго компонента, ср. русские соответствия

---

[7] Этот тип словосочетаний хорошо исследован еще в монографии Т. Н. Молошной [1975].

приведенным болгарским примерам: *килограмм риса*, *букетик цветов*, *коробка конфет*, *ломтик хлеба*, *три ломтика*, *пять платьев*;

б) словосочетания, где глагол требует от зависимого существительного употребления без предлога. Сильную связь в этом случае показывает только прямое дополнение при переходном глаголе: *виждам Мария*, *чета книга*, *чакам Петър*, *отварям чанта*, *купувам цветя*, *разхождам кучето*, *подпомагам развитието*, *ухажвам болната*, *пазя линия*. В русском языке такие словосочетания трактуются как управление с разными формами подчиненной составляющей, а именно: при совпадении глаголов по переходности в русском языке представлено беспредложное управление с вин. падежом (*видеть Марию*, *читать книгу*, *ждать Петра*, *открывать сумку*, *покупать цветы*, *выгуливать собаку*), а при несовпадении — беспредложное управление с дат. падежом (*способствовать развитию*) или предложное управление (*ухаживать за больной*, *следить за фигурой*);

в) словосочетания, где опорное слово требует от зависимого употребления с определенным предлогом: *страхувам се от тъмнината*, *мисля за старостта*, *помагам на мама*, *доволен от разходка* (в русском языке — предложное и беспредложное управление: *бояться темноты*, *думать о старости*, *помогать маме*, *довольный прогулкой*).

2. Со слабой связью компонентов:

а) «собственно» примыкание. В этом узком понимании примыкание включает словосочетания, где в роли зависимого слова выступают неизменяемые слова: *очень страшно*, *дом напротив*, *цвет хаки*.

В болгарском языке такими примыкающими зависимыми компонентами являются:

— наречия: ***доста*** *мързелив* ‘довольно ленивый’, ***напълно*** *обездвижен* ‘полностью обездвиженный’, *уча* ***на памет*** ‘учить наизусть’, *къщата* ***отсреща*** ‘дом напротив’, *върви* ***полекичка*** ‘идет потихоньку’, ***винаги*** *сърдит* ‘всегда сердитый’, *загазихме* ***здравата***[8] ‘здорово влипли’;

— неизменяемые прилагательные: *цвят* ***беж***, *категория* ***люкс***, ***екстра*** *грозде*, *плат* ***електрик***, количество которых в болгарском языке значительно больше, чем в русском, за счет, во-первых, турцизмов типа *серт жена* ‘вспыльчивая, горячая женщина’ (ср.: *серт мъж*, *серт хора*), *инат човек* ‘упрямый человек’ и, во-вторых, за счет активного[9] использования интернациональных заимствованных корней и целых лексем как неизменяемых прилагательных: *хипи вид*, *хипи празник*, *хипи период* (напр.: *Този хипи вид изобщо не ти отива*, *букв.* ‘Этот хиппи-вид тебе совсем не идет’; *Този хипи период бе много важен за поколението ни*, *букв.* ‘Этот хиппи-период был очень важен для нашего поколения’), также: *рок*

[8] О разговорных наречиях, образованных от артиклевой формы прилагательных, см. 1.2.5.4.5.

[9] Бóльшая активность в болгарском языке, чем в русском, интернациональных корней (особенно *бизнес*, *евро*, *еко*, *супер*, *топ*, *секс*) подтверждена сопоставительными исследованиями на материале 50 наиболее продуктивных компонентов слов [Стоева 1999].

изпълнител, *ски състезание*, *офис обзавеждане* — к этим новым тенденциям мы еще вернемся далее;

— краткие формы притяжательных местоимений, которые выполняют в предложении функцию несогласованных определений: *брат ми*, *проблемите ти*, *страховете им*, *костюмът му*. В русском языке такие сочетания строятся по типу согласования (*мой брат*, *твои проблемы*), а для 3 л. субъекта обладания — по типу примыкания: *их страхи*, *его костюм*.

При передвижении притяжательного местоимения в приглагольную позицию связь между клитикой и опорным субстантивом может сохраняться или нет (см. 5.2.4.);

б) словосочетания со слабой предложной связью: *видяхме се в центъра*, *уговорихме се за утре*, чему в русском языке соответствуют сочетания, определяемые как слабое управление или примыкание в зависимости от широкой или узкой концепции управления: (*мы*) *увиделись в центре*, (*мы*) *договорились на завтра*;

в) словосочетания со слабой беспредложной связью. Прежде всего сюда входят конструкции с предикативным определением: *връщам се уморен*, *заминавам доброволец*. Предикативные определения изменяются в числе вместе с формой сказуемого: *връща се уморен* 'возвращается уставший' — *връщат се уморени* 'возвращаются уставшими', *заминавам доброволец* 'иду добровольцем' — *заминаваме доброволци* 'идем добровольцами', но это вызвано изменением числа скрытого подлежащего: (*Те*) *се връщат уморени*; (*Ние*) *заминаваме доброволци*. Определение, формально согласуясь с подлежащим, отражает в своей форме его число и род[10];

г) словосочетания, представляющие собой соположение двух существительных с не всегда отчетливым направлением семантической связи. Часть из них изменяется по принципу взаимного согласования, как *писател реалист* (и могли бы быть включены в словосочетания с согласованием как особый вид), у других отсутствует изменяемость первой составляющей: *началник влака*; *допинг скандал*. На этой группе, представляющей собой, с одной стороны, продуктивный грамматический феномен болгарского языка, а с другой — объект серьезных теоретических и практических (в связи с правописанием) дискуссий, мы специально остановимся в разделе 1.1.6.

---

[10] В болгарской лингвистической литературе обсуждаются диагностические критерии отличия существительных, присоединяемых к переходному глаголу беспредложно (у нас это группа 1б), от существительных, представляющих собой предикативное определение как особый член предложения (2в), ср.: *отварям прозорец*, *вземам книга* и *заминавам доброволец*, *отивам войник*. И те, и другие связаны с глаголом по принципу примыкания, но их синтаксическая функция различна. С целью ее идентификации используются морфологические процедуры пассивизации, изменения в числе опорного слова, постановка в артиклевую форму и др. (см. раздел 1.2.5.4.2). Понимая всю теоретическую значимость данных процедур, замечу для читателя, что практическую проблему их различения в болгарском языке представляют лишь омонимичные фразы типа *Взех стареца за управител*. 'Взял старика управляющим' и 'Принял старика за управляющего'.

1.1.2. Классификация словосочетаний по морфологической характеристике главного слова

Классификация, основанная на морфологической характеристике главного слова в словосочетании, осуществляется как в рамках традиционного описания, так и в рамках грамматики непосредственно составляющих, где исследуются типы расширения синтаксических категорий, которые включают связи как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения.

Далее будут представлены две классификации болгарских словосочетаний, опирающиеся на морфологию опорного компонента. В этом разделе дадим классификацию по классическому образцу. Вторая классификация, предложенная П. Быркаловой [Бъркалова 2001] (см. раздел 1.1.3), является попыткой исчисления возможных в болгарском языке вариантов словосочетаний в рамках генеративной грамматики, что позволяет нам увидеть соотнесенность между морфологическим типом главного слова в словосочетании и возможностью его расширения через тот или иной тип подчинительной связи, с участием определенных морфологически ограниченных распространителей.

Итак, с учетом морфологического типа главного слова словосочетания подразделяются на следующие разновидности.

1. **Глагольные словосочетания** (главное слово — глагол в финитной или нефинитной форме).

Глагол распространяется существительным, местоимением или предложной группой (*споделяме мненията*[11], *мразя го*, *вървя след нея*, *жадувам за вода*), числительным (*пристигна първи*), наречием (*гледа унесено*, *загазихме здравата*), в том числе с предлогом (*чакам от снощи*), деепричастием (*говори заеквайки*, *върви плачейки*). Если главное слово — причастие (сохраняющее связь с глаголом[12]) или деепричастие, то такое словосочетание также относится к глагольным: *побелял от яд*, *споменавайки за нея*, *пишещ с молив*, *изключен завинаги.*

2. **Именные словосочетания**:

а) **субстантивные** (главное слово — существительное). Существительное распространяется: прилагательным (*кисели краставици*, *напоителна система*, *катедрено заседание*), причастиями (*блатясала вода*, *летящи чинии*), количественным числительным (*три жени*, *трима полицаи*), порядковым числительным (*трета степен*, *втори ред*), притяжательными местоимениями (*твоята книга*, *книгата му*), другим существительным или предложно-субстантивной группой (*руло хартия, балсам за коса*, *очила за компютър*), наречием (*София нощем*, *четене лежешком*, *завой наляво*), а также предложной группой с наречием (*вестникът от вчера*). К субстантивным словосочетаниям относятся и те, где главное слово — иная часть речи в роли существительного: *гръмко «ура»*, *горно фа*, *твоето «не»*;

---

[11] Примеры в этой классификации даны без русских соответствий, однако в таблице ниже будут представлены основные морфологические возможности с их переводами на русский язык.

[12] Примеры отсутствия такой связи и полной адъективации причастия: *невидим от никого*; *приятно усмихната*.

б) **адъективные** (главное слово — прилагательное). Прилагательное распространяется: наречием (*доста умерен*, *неочаквано весел*), предложной группой (*жаден за власт*, *мургава по рождение*, *сигурен в успеха*, *червен от напрежение*), в том числе с местоимением (*интересен за всички*). Многие адъективные словосочетания повторяют предложное управление глагольных словосочетаний, если опорные прилагательные сохраняют словообразовательную связь с соотносительным глаголом: *болен от*... (*боледувам от*...), *жаден за*... (*жадувам за*...);

в) **местоименные** (главное слово — местоимение). Местоимение распространяется: предложной группой (*някой от присъстващите*, *всеки от нас*, *ония от вас*), прилагательными (*никой друг*, *нещо интересно*), наречиями (*този отдясно*). Возможности присловного распространения во многом определяются разрядом местоимения;

г) **нумеральные** (главное слово — числительное). Числительное порядковое распространяется наречием (*втори отляво надясно*), количественное — существительным в счетной форме (*три кораба*). При числительном возможна и предложная группа (*първи по успех*, *девета в ранглистата*, *единият от нас*, *три от пет*).

3. **Наречные словосочетания** (главное слово — наречие). Наречие распространяется: другим наречием (*много късно*, *съвсем излишно*, *малко множко*), предложной группой (*близо до центъра*, *далеч от мене*, *малко преди изпитите*, *долу до ливадите*, *татък край върбите*).

1.1.3. Морфологический тип главного слова и тип подчинительной связи

В статье П. Быркаловой[13] [Бъркалова 2001] предлагается исчисление всех типов словосочетаний в болгарском языке. В работе показаны как непредикативные, так и предикативные типы связей, а также связи, образующие зависимые отношения с придаточными предложениями. Для нашего изложения значимость предлагаемой автором таблицы определяется прежде всего тем, что она предоставляет исчерпывающий список зависимостей в болгарском предложении и является, по сути, полным перечнем возможных типов связи как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения. К тому же она будет удобна тем, кто привык пользоваться символьными обозначениями.

Далее в таблице представлены виды связей, выделенные П. Быркаловой, за исключением связей предикативного характера (между подлежащим и сказуемым). Сохранены грамматические толкования П. Быркаловой, но добавлен перевод иллюстративных примеров на русский язык с максимальным сохранением типа связи. Заметим, что комментарии автора, сопровождающие эту таблицу в указанной статье, здесь не приводятся, если только они не являются принципиально значимыми для понимания классификации.

---

[13] Благодарю Петю Быркалову, доцента кафедры болгарского языка Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского, за любезное согласие представить здесь ее материал.

Структурная схема	**Пример**	**Русский перевод**	**Тип связи**	**Фраза**
N ← N	чаша кафе ято птици сноп лъчи проф. Мирчева хан Аспарух отец Ередия	чашка кофе стая птиц сноп лучей проф. Мирчева хан Аспарух отец Эредия	примыкание	NP
N → N	хотел «Марица» стадион «Ботев»	гостиница «Марица» стадион им. Ботева		NP
N — p → N	шал от коприна чаша с кафе[14] книга с илюстрации	шарф из шелка чашка с кофе книга с иллюстрациями	предложная связь	NP
V (tr) → N	рисува портрет гледа филм	рисует портрет смотрит фильм	примыкание	VP
V(itr) → N	отива войник заминава посланик	идет на фронт (*букв.* уходит солдатом) уезжает послом		VP
Adv ← N	рано сутрин	рано утром	примыкание	NP
V — p → N^+	чете на детето говори с приятели	читает ребенку разговаривает с друзьями	предложная связь	VP
V — p → N^-	замина като посла-ник дойде за директор	уехал в качестве посла пришел / прибыл в качестве директора		VP
V → pron(Acc)	обичам те подкрепям те	люблю тебя поддерживаю тебя	управление	VP
V → pron(Dat)	вярвам ти благодаря ти	верю тебе благодарю тебя		
A ← N	хубав ден сребърен обков	хороший день серебряное покрытие	согласование	NP
Pron ← N: притяж. указат. вопрос. определит. отриц. неопред.	 мой ден този / такъв ден кой / какъв ден всеки / всякакъв ден никой / никакъв ден някой / някакъв ден	 мой день этот / такой день который / какой день каждый день никакой день какой-нибудь / какой-то день		NP

14

[14] Как и в русском языке, такое предложное употребление возможно только при акцентированности содержимого: *Там е чашата с кафето, а отляво са чашите с чай.*

Структурная схема	Пример	Русский перевод	Тип связи	Фраза
Part ← N прош. действ. СВ прош. страд. наст. действ. наст. страд. прош.действ. НСВ	 припаднал човек поканен човек признат човек молещи ръце любим художник *лъжел човек[15]	 потерявший сознание человек приглашенный человек 'признанный человек' руки, просящие о помощи ('просящие руки') любимый художник --------	согласование	NP
Num ← N	пети ред	пятый ряд		NP
Qu ← N[16]	пет реда	пять рядов		NP
A — p → N	доволен от живота уморен от пътя	доволен жизнью уставший от дороги	предложная связь	AP
A → N	дълъг километри висок метри	длиною в километры (*букв.* длинный километры) высотою в метры (*букв.* высокий метры)	примыкание	AP
Adv — p → N	късно през вечерта вън от стаята	поздно вечером (*букв.* поздно в течение вечера) вне ('снаружи от') комнаты	предложная связь	AdvP
N — c → V	мисълта, че ще дойдеш щастието да си издържал	мысль, что придешь счастье выдержать	с подчинит. союзом	NP
N → V	мисълта, кой ще пристигне човекът, когото обичам	мысль (о том), кто приедет человек, которого люблю	без подчинит. союза	NP
V — ø → V	ела кажи иди вярвай	иди (сюда) скажи верь теперь (*букв.* иди верь)	бессоюзная связь	VP
V — c → V	виждам, че идваш дойдох, за да разбера	вижу, что идешь (я) пришел, чтобы понять	с подчинит. союзом	VP
V (мод.) да V	мога да дойда можеш да дойдеш може да дойда (да дойдеш, да дойде) трябва да дойда (да дойдеш, да дойде)	могу прийти можешь прийти может, приду (придешь, придет) (я, ты, он) должен прийти	*да* — подч. союз (?)	VP

[15] «Антипример» *лъжел човек* демонстрирует невозможность образования NP с прошедшим действительным причастием НСВ, хотя «технически это возможно» [Бъркалова 2001: 18]. Добавим, что этот тип причастия используется только как составная часть пересказывательных и конклюзивных форм: *Той ни е лъжел* (CONCL). 'Он нам лгал (оказывается)'.

[16] Трактовка П. Быркаловой. Ср. наше понимание: Qu → N (управление).

Структурная схема	**Пример**	**Русский перевод**	**Тип связи**	**Фраза**
V (фаз.) да V	започвам да разбирам продължаваш да учиш спира да работи	начинаю понимать продолжаешь заниматься / учить прекращает работать	*да*	VP
V (tr) да V	очаквам да дойдеш искаш да остана желае да решиш	жду, что придешь хочешь, чтобы я остался он хочет, чтобы ты решил	подчинит. союз *да*	VP
A — c→ V	щастлив, че вярва набеден, че краде	счастлив, что верит обвинен в краже (*букв.* обвинен, что крадет)	подчинит. союз	AP
A — да → V	роден да композира принуден да мълчи	рожден быть композитором (*букв.* рожден композиторствовать) вынужденный молчать	подчинит. союз *да*	AP
A — ⌀ → V	хубава, когато идваш единствената, която процъфтява	красивая, когда приходишь единственная, которая процветает	без союза	AP
Adv — c→ V	така, че да разбера толкова, че не стига	так, чтобы я понял столько, что не хватает	подчинит. союз	AdvP
Adv — ⌀ → V	тук, където живея толкова, колкото искам	здесь, где живу столько, сколько хочу	без союза	AdvP
V → A	събужда се усмихната крачи замислен	просыпается улыбающаяся шагает задумавшись (*букв.* задумавшийся)	примыкание	VP
Adv ← A	винаги красива много щастлива	всегда красивая очень счастливая	примыкание	AP
N → adv	къщата отсреща час по-късно	дом напротив часом позже	примыкание	NP
N p → Adv	пътища за никъде план за утре	дороги в никуда план на завтра	предложная связь	NP
V → Adv	схваща бързо връща се тихо	понимает (улавливает суть) быстро возвращается тихо	примыкание	VP
V p → Adv	мисли за утре пътува за някъде	думает о завтра / о завтрашнем дне едет куда-то	предложная связь	VP
A → Adv	застанал вляво останал настрани	вставший слева оставшийся в стороне	примыкание	AP
A p → Adv	пристигнал от далече останал от вчера	прибывший издалека оставшийся со вчерашнего дня	предложная связь	AP
Adv ← Adv	много бързо едва сега	очень быстро только сейчас	примыкание	AdvP

Далее кратко представим болгарские словосочетания через призму еще двух используемых в отечественной науке классификаций, не имеющих широкого применения в болгарской лингвистике.

1.1.4. Классификации словосочетаний по семантике и по синтаксической спаянности компонентов

Семантическая классификация словосочетаний осуществляется в соответствии с типом синтаксических отношений между компонентами. Эта классификация в современной болгарской лингвистике в самостоятельном виде активно не используется. В академической грамматике 1983 г. наблюдения над семантическими разновидностями словосочетаний сделаны в рамках морфологических разновидностей [ГСБКЕ 1983-3: 33—38]. В синтаксической части грамматики 1998 г. [Бояджиев, Куцаров, Пенчев 1998], отражающей генеративистский подход к синтаксису, эта классификация не применяется.

По типу смысловых отношений между опорным словом и распространителем в болгарском языке имеются следующие разновидности словосочетаний (в соответствии с принятыми в отечественной лингвистике признаками, напр. [Валгина 2003: 42]):

1) **объектные**: *приемам гости* ‘принимать гостей’, *приемът на гостите* ‘прием гостей’, *отговарям за него* ‘отвечать за него’, *ухаждвам болните* ‘ухаживать за больными’, *строя мостове* ‘строить мосты’, *мисля за мама* ‘думать о маме’;

2) **субъектные**: *разказът на пилота* ‘рассказ пилота’, *отчет на Министерството на финансите* ‘отчет Министерства финансов’;

3) **определительные**: *плат за костюм* ‘костюмная ткань’, *цвят електрик* ‘цвет электрик’, *центърът на града* ‘центр города’;

4) **обстоятельственные**: *напуснах завинаги* ‘уехал навсегда’, *страда от ревност* ‘страдает от ревности’, *съвсем близо* ‘совсем близко’, *изключен от училището* ‘исключенный из школы’, *преговарям на ум* ‘повторяю про себя’; вычленяются также обстоятельственно-определительные: *говори високо* ‘говорит громко’, *много хубава* ‘очень красивая’;

5) **восполняющие (комплетивные)**, при которых главный компонент представляет собой информативно недостаточное слово и требует распространителя, напр. полузнаменательный глагол: *Джамията се превърна в музей.* ‘Мечеть превращена в музей’; *Той се държи като герой.* ‘Он держится героем’, существительные со вспомогательным значением (напр., совокупности) в аппозитивных сочетаниях: *група ученици* ‘группа школьников’, *вид транспорт* ‘вид транспорта’ и под., см. ниже о синтаксически несвободных словосочетаниях.

При этом существует значительная область словосочетаний с контаминированными отношениями, т. е. комбинацией указанных смыслов: *книгата за тийнейджъри* ‘книга для подростков’ (определит. + объект.), *очила за компютър* ‘очки для компьютера’ (определит. + обст.)[17].

[17] Второй семантический компонент выходит на первый план при вступлении компонентов словосочетаний в предикативную связь: *Книгата е за тийнейджъри.* ‘Книга — для подростков’; *Очилата са за компютър.* ‘Эти очки — для компьютера’.

По степени синтаксической спаянности словосочетания могут быть:

1) **свободные** (каждый компонент сохраняет свою лексическую и синтаксическую самостоятельность, выполняет в предложении роль отдельного члена): *подпомагам изоставащите* ‘помогать отстающим’, *култ към личността* ‘культ личности’, *отклонението вляво* ‘отклонение влево’;

2) **несвободные** (компоненты выполняют в предложении роль единого члена). При этом степень лексической и синтаксической связанности может быть различна, что требует выделения по крайней мере двух видов связанности. Напр., в концепции Н. С. Валгиной [2003: 36—37], это синтаксически несвободные и фразеологически несвободные словосочетания. Ср. в болгарском языке:

а) синтаксически несвободные словосочетания. Их нечленимость контекстуально зависима, компоненты выступают как единый член предложения лишь при определенных связях. Напр., таковы словососочетания с опорным существительным совокупности, формы, объема и т. п. (*букет цветя* ‘букет цветов’, *килограм сирене* ‘килограмм брынзы’), с количественными числительными (*осем години* ‘восемь лет’, *пет стола* ‘пять стульев’), комитативные группы типа *ние с Петър* ‘мы с Петром’.

Несвободными могут быть и зависимые компоненты свободных словосочетаний, если в семантическом отношении они неразрывны. Так, далее выделены несвободные зависимые члены в свободном словосочетании: *произход <u>на човека от маймуната</u>* ‘происхождение человека от обезьяны’, *превръщане <u>на какавидата в пеперудата</u>* ‘превращение куколки в бабочку’, *полетът <u>от Москва до София</u>*, *влак <u>София-Варна</u>*, в том числе сочетания со значением неотторжимой принадлежности: *човек с <u>умно лице</u>*, *орден <u>втора степен</u>*, *пее с <u>дрезгав глас</u>*;

б) фразеологизированные сочетания. Значение конструкции не выводится из значения составляющих ее компонентов, они постоянны и нечленимы для всякого контекста [Там же] и образуют неразложимое синтаксическое единство: *заваря по бели гащи* ‘застать врасплох’, *препъни камък* ‘камень преткновения’, *отбивам си номера* ‘делать для галочки / для проформы’, *силните на деня* ‘сильные мира сего’. Подобные устойчивые обороты в современном языкознании не принято анализировать как словосочетания, притом что главное и зависимое слово в них выделить нетрудно.

В академической грамматике болгарского языка упоминаются только виды (1) и (2б) [ГСБКЕ 1983-3: 28], также и у П. Пашова [1999: 257—258]. И. Недев [1992: 32—34] рассматривает типы (2а) и (2б) в рамках группы неделимых словосочетаний. Особый вариант классификации «связанных фраз» предлагается в работе [Стоянова 2008].

1.1.5. К вопросу о «полипредложных» конструкциях: словосочетания с двойными и тройными предлогами

Словосочетания с двумя (реже — тремя) предлогами являются характерной чертой болгарского разговорного языка, откуда проникают в другие стили и жанры, допускающие разговорные конструкции [Ангелова 1994].

Первый предлог своим значением устанавливает основное смысловое и синтаксическое отношение между членами словосочетания, а второй — дополнительное отношение, в которое вступает второй член словосочетания. По наблюдениям И. Ангеловой [1994: 77—82], в двупредложных конструкциях участвуют 11 самых частотных [Николова Ц. 1987] болгарских предлогов.

В качестве первого предлога используются предлоги как с конкретным, так и абстрактным значением. Среди логических предлогов особенно частотен *за* ‘для’.

Значительно у́же круг значений вторых предлогов, в основном это значения:

а) пространственное: *чантичка за **през** рамо* ‘сумочка для (ношения) через плечо’, *примерът от **под** линия* (‘пример из тех, которые под чертой’, т. е. в сносках внизу);

б) дистрибутивное: *Влязохме там за **по** едно кафе.* ‘Мы зашли туда, чтобы выпить по чашечке кофе’ (*букв.* ‘для по одному кофе’);

в) количественное, точнее аппроксимативно-количественное (о предлогах с этим значением, напр., в [Гърдев 2007: 57]), см. примеры из интернет-источников:

> *резервирате почивка с **до** 30 % отстъпка от цената*, *букв.* ‘…бронируете отдых *с до* 30 % скидки от цены’; *преразход от **над** 2 млн. лв* ‘перерасход *в более чем* 2 млн левов’; *Нефтът падна до **под** 58 долара за барел.* ‘Нефть упала *до уровня ниже* 58 долларов за баррель’; *За това сме дали по **около** 7 лв. на човек.* ‘На это мы потратили *примерно по* 7 левов на человека’;

г) временно́е (указание на точное время или продолжительность): *успокояващ крем **за през** нощта* (*букв.* ‘успокаивающий крем для в течение ночи’).

Словосочетания с тремя предлогами менее частотны. В таких конструкциях характерно включение в качестве второго и третьего компонентов предлогов с дистрибутивным и количественным значениями, напр. (И): *Акциите на банките в страната се обезцениха **с по над** 20 %.* ‘Акции банков в стране обесценились более чем на 20 % у каждого банка’. Из трех болгарских предлогов в русском переводе, как видим, сохранен лишь первый предлог, присоединяющий аргумент к глаголу (*обезценя се с…* — *обесцениться на…*). Предлог *по* использован в дистрибутивном значении (ср. русск. *у каждого банка*), *над* — в количественном значении (*более чем*). Ср. также:

> *За здраве също сме дали повече — **с по около** 7 лв. повече на човек.* ‘На здоровье мы тоже потратили больше — примерно на 7 левов больше на человека’. По сравнению с данным выше примером из п. (в) *За това сме дали **по около** 7 лв. на човек* здесь использовано сочетание со сравнительно-количественным значением ***с** 7 лева повече* ‘на 7 левов больше’;
>
> *Осем жилища **за по над** €1 млн чакат купувачи.* ‘Восемь апартаментов за более чем €1 млн каждый ожидают покупателей’;
>
> …*Бяха осъдени **на по над** 1000 години затвор за атентата на мадридското летище.* ‘…Были осуждены на более чем 1000 лет тюрьмы каждый за теракт в мадридском аэропорту’.

Контактно употребленные предлоги не всегда являются полипредложными сочетаниями, они могут принадлежать разным словосочетаниям. Так, лишь формальное соседство обнаруживается в предложении, где в постпозиции находится несогласованное определение, имеющее свой предлог (*до болка*): *И всичко щеше да бъде добре, ако тази нова форма не беше облечена* ***в до*** *болка омръзналите ни атрибути на традиционното мероприятие*, см. об этом [Бонджолова 1989: 60]. Контактные предлоги подобного типа есть и в русском языке, см. в русск. переводе: *И все было бы хорошо, если бы эта новая форма не была облечена в до боли надоевшие нам атрибуты традиционного мероприятия*.

Синтаксическая сущность полипредложных сочетаний в болгаристике определяется как результат свертки предикации либо как отражение способности болгарского языка к образованию словосочетаний «предлог + предложная группа».

Трактовка полипредложных сочетаний как результата свертки, стяжения синтаксической конструкции [Норман 1978: 97] предполагает восстановление исходного выражения через трансформации. Возможные перифразы, позволяющие показать исходную предикативную единицу, свернутую до уровня второго предлога, различны в зависимости от морфологического типа опорного слова, присоединяющего полипредложное сочетание [Ангелова 1994: 77—82].

1. Именные словосочетания: *вино* ***от на*** *баща ми искаш ли*; *имам оправдание* ***за пред*** *шефа*. По наблюдениям И. Ангеловой [Там же], в этих конструкциях объединяются предлоги, каждый из которых может отдельно выступать в словосочетании:

вино от баща ми ‘вино от моего отца’ и *вино на баща ми* ‘вино моего отца’;
оправдание за шефа ‘оправдание для шефа’ и *оправдание пред шефа* ‘оправдание перед шефом’.

Возможные перифразы зависят не от первого предлога, роль которого заключается в установлении синтаксических связей, а от второго, ср. определительные отношения при втором предлоге *на*: *вино* ***от на*** *баща ми искаш ли — искаш ли вино от това, което е на баща ми* (‘хочешь вина из того, которое сделано / принадлежит моему отцу’). Определительные перифразы, предлагаемые И. Ангеловой, заметим, применимы не для всех типов именных сочетаний, ср. сочетания со значением уровня *роклята до под коляното* (*букв.* ‘платье до под колено’) или сочетания с целевым предлогом, требующим развертывания в целевую конструкцию: *чантата за през рамо* ‘сумка *для ношения* через плечо’, *кремът за през нощта* ‘крем *для накладывания* на ночь’.

Затрудненность перифразирования отмечается прежде всего в тех случаях, когда второй предлог является частью «готовой» локативной или темпоральной синтаксемы, см. об этом [Бонджолова 1989: 60].

2. Глагольные двупредложные конструкции: *изпратих я* ***до пред*** *вратата* (*букв.* ‘я проводил ее до перед дверью’), также: *обадих се* ***от при*** *портиера*, *тръгвам*

за към *гарата.* В данных примерах место или направление задаются первым предлогом, а второй предлог конкретизирует пространственную семантику, ср.: *тръгвам **за** гарата — тръгвам с цел да стигна до гарата* ‘иду с целью достичь вокзала’, *тръгвам **за към** гарата — тръгвам в посока на гарата, без да стигам съвсем до нея* ‘иду в направлении к вокзалу, но не доходя до него’ [Ангелова 1994: 81]. Ср. также: *изпращам до вратата* ‘проводить до двери’ и *изпращам до пред вратата* ‘проводить непосредственно, именно до двери’.

Для других глагольных конструкций предполагаемые перифразы связываются с восстановлением объектного компонента: *обадих се от при портиера ← обадих се от телефона, който е при портиера* ‘я позвонил с телефона, который находится у вахтера’.

Однако, безусловно, и для глагольных конструкций перифразы не всегда применимы или же они носят условный характер [Норман 1978: 97]. В таких случаях В. Бонджолова считает обоснованным говорить не о стяжении, а о сочетании «предлог + предварительно оформленное предложное сочетание», т. е. о семантико-синтаксической закрепленности второго предлога с последующим именем [Бонджолова 1989: 63]. Такая закрепленность, впрочем, легко устанавливается лишь у части плохо поддающихся трансформации полипредложных конструкций, ср. примеры типа *Трябва да спрем за през нощта* (*през нощта* ‘ночью’, ‘в течение ночи’).

В связи с этой позицией обратим внимание и на еще одну трактовку конструкций с двумя и тремя предлогами. Г. Гочев [2007], признавая, что данные сочетания являются реализацией способности болгарских предлогов присоединять предложную группу, вводит для них термин «предложная сочетаемостная фразема», имея в виду, что, употребляясь совместно, предлоги в целом сохраняют свои значения, но их статус, в результате определенных смысловых и синтаксических преобразований, меняется [Там же: 77]. Фразеологизация происходит в синтагматическом плане, поскольку «предложная группа принимает статус существительного» и первый предлог получает способность соединяться с предложной группой. На следующей ступени фразеологизации двупредложные конструкции сами становятся предложной группой и присоединяются к новому предлогу, так образуются конструкции с тройными предлогами.

Рассмотрение полипредложных конструкций как реализации способности болгарского предлога выступать в качестве главного слова словосочетания отвечает и взглядам генеративной лингвистики, где предлоги рассматриваются как опорные слова (вершина словосочетания), так что предложно-предложные группы являются частным случаем этого правила. Конструкция с двойным предлогом описывается как предложная группа, выступающая комплементом другого предлога, т. е. [p P’]: *Крем* [*за* [*след бръснене*]], *букв.* ‘Крем для после бритья’ [Бояджиев и др. 1998: 532].

1.1.6. К проблеме синтаксического статуса единиц типа *жена лекар* и *стажант-лекар*[18]

В традиционной русской лингвистике связь двух существительных с параллельным изменением типа *студент-отличник*, *женщина-космонавт* относят к согласованию [РГ 1980-2: 57—59; Белошапкова 1989: 556], в том числе с признанием его «условным согласованием» [Валгина 2003: 50—51]. В иной трактовке это взаимосогласование [СРЯ 2001: 599—600] либо лишь параллелизм грамматических форм [Скобликова 1971: 206—211].

Подобные и близкие им построения имеются и в болгарском языке: *жена лекар*, *поет революционер*, *писател реалист*. Казалось бы, словосочетания с параллельным формальным изменением должны вызывать не бóльшие трудности, чем в русском языке.

Однако в болгарском языке существуют образования, внешне слабо отличимые от приведенных, которые не подчиняются правилу взаимосогласования, напр. *стажант-лекар*, *помощник-аптекар*, *заместник-председател*, *кандидат-член* — в них изменяется только последний компонент.

Еще в 1967 г. отечественная болгаристка Е. А. Захаревич опубликовала в журнале «Български език» статью, в которой перечислила грамматические отличия словосочетаний типа *писател историк*[19] от сложных слов типа *помощник-аптекар*:

1. Образование артиклевой формы.

В сложных словах определенный артикль присоединяется к последнему компоненту единицы (*помощник-аптекар**ят***), а в словосочетаниях он ставится при первом компоненте: *писател**ят** историк*.

2. Образование формы множественного числа.

В сложных словах окончание множественного числа присоединяется к последнему компоненту (*помощник-аптекар**и***), в словосочетании же изменяются оба компонента: *писател**и** историц**и***.

3. Образование соотносительных имен женского рода.

В сложных словах суффикс прибавляется только ко второму компоненту: *помощник-аптекар**ка***, в словосочетаниях — к обоим или к первому: *писател**ка**-историк* или *писател**ка**-историч**ка*** [Захаревич 1967].

Подобно словосочетанию *писател историк* изменяются и любые другие свободные сочетания: *жена лекар*, *поет революционер*, *писател реалист*, *студент първокурсник*, *съчинение разсъждение*; *местоимения съществителни*; *местоимения прилагателни*, напр.: *Нашата цел е да възстановим интереса към българистиката у нас и по света, да подновим и да съдействаме за изграждането на*

---

[18] По новым орфографическим нормам болгарского языка слитно или через дефис пишутся сложные слова. Раздельно пишутся «составные слова» и словосочетания [Официален правописен речник 2012: 51].

[19] До недавнего времени подобные сочетания писались через дефис, такое же написание представлено в указанной статье. Здесь мы оформляем примеры по новым правилам.

*нови контакти между **учените** **хуманитаристи**.* '…восстановление контактов между учеными-гуманитариями'.

Среди второго типа образований, изменяющихся подобно *помощник-аптекар*, до недавнего прошлого были активны лишь таковые с первым компонентом *заместник*, *стажант*, *кандидат*, а также *министър* (в сложном слове *министър-председател*), напр.:

стажант-лекар → *стажант-лекар**ят*** (артиклевая форма), *стажант-лекар**и*** (мн. ч.), *стажант-лекар**ка*** (образование жен. рода),

заместник-министър → *заместник-министър**ът*** (артиклевая форма), *заместник-министр**и*** (мн. ч.).

В последнее время происходит активизация единиц с изменением лишь второго компонента. Данная тенденция трактуется либо как усиление аналитичности болгарского языка, либо как обретение им статуса «корневого» языка. Расширение группы образований по типу «несогласуемого соположения» идет не только за счет потока заимствованных корней (*рап панталони*, *букв.* 'рэп-штаны', *бар плот* 'барная стойка', также: *факс апарат*, *пънк група*, *рали спорт*, *ретро салон*, *бизнес пътуване*, *допинг скандал*, *бънджи скокове*), но и за счет потери изменяемости первого компонента бывших словосочетаний, в том числе тех, которые теряют и соединявший их предлог *на*, напр.: *ръководител на производството* → *ръководител-производство*; *началникът на отдела* → *началник-отдел*.

При этом у новообразованной единицы изменяется только вторая составляющая: *началник-отдел* → *началник-отдел**ът*** (артиклевая форма), *началник-отдел**и*** (мн. ч.), а способность образовывать соотносительную лексему женского рода, как правило, утрачивается.

Разумеется, далеко не все словосочетания с утраченным предлогом превращаются в сложные слова, ср. словосочетания с беспредложным примыканием: *художник костюми*, *директор продукция*, *ръководител катедра водни спортове* 'заведующий кафедрой водных видов спорта'. Явление утраты предлога *на* — самого многозначного предлога в болгарском языке, а также, в меньшей степени, предлогов *в* и *за* особенно активно представлено в рекламе (вывески, объявления)[20]:

Поправка обувки 'Ремонт обуви'; *Ремонт плажни чадъри* 'Ремонт пляжных зонтиков'; *Търси се: работник мивка*, *букв.* 'Ищется: рабочий (авто)мойка'; *Търся работник студена кухня*, *букв.* 'Ищу рабочего холодная кухня', 'Нужен работник в буфет с холодными блюдами', ср. эксплицированный предлог *за*: *Търся работник/работничка **за** студена кухня.*

---

[20] В устной речи утрата предлогов отмечается и при других типах словосочетаний, прежде всего в послесвязочной позиции: *Синът ми е осми клас*, *букв.* 'Мой сын — восьмой класс'; *Дъщерята я приеха езикова гимназия*. 'Дочь приняли (в) языковую школу' (см. [Димитрова С. 1997: 97]). Такие разговорные употребления характеризуются как просторечие.

Для литературного языка пропуск предлога в таких позициях ненормативен.

Активизация данных единиц с соположением потребовала теоретического упорядочения подобных образований, в том числе в связи с проблемой правописания; см. дискуссии о правописании и статусе слова и словосочетания [Балтова 1985; Лакова 1995; Вачкова, Вачков 1998; Стоева 1999; Венкова В. 2001/2002; Осенова 2004; Мурдаров 2009 и др.], подробный обзор работ имеется в [Аврамова, Осенова 2005].

В результате часть сложных и «составных» слов, т. е. образований без изменения первого компонента, стала писаться слитно или через дефис, другая — раздельно, прежде всего те, в которых первый компонент может выступать как самостоятельное слово: *душ гел*, *бар плот*, *гей клуб*, *допинг проба*, *бизнес сделка* и мн. др. При этом имеются отклонения от правила, допускаются и варианты написания [Официален правописен речник 2012: 52].

Составные элементы словосочетаний, подобно рассмотренным выше типа *жена лекар*, пишутся раздельно. При этом для некоторых из них с семантически равноправными элементами возможны колебания при выборе изменяемой части, отражающие оценку говорящим того, какая часть оценивается им как главная, независимая (см. об этом [Тилков 1978: 64]), ср.:

*Експерт-криминалист**ът** иззел от мястото на произшествието годни пръстови отпечатъци*. ‘Эксперт-криминалист снял с места происшествия отпечатки пальцев’; *Експерт**ът**-криминалист от Самара смята, че Ленин е измислен герой* (И). ‘Эксперт-криминалист из Самары считает, что Ленин — это вымышленный герой’.

1.2. ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Различие предложения как синтаксической единицы коммуникативного назначения и словосочетания как единицы докоммуникативного уровня последовательно проводится в болгарской лингвистике на тех же основаниях, что и в отечественной. Важным признаком предложения (как простого, так и сложного) является синтаксическая организованность его компонентов, смысловая завершенность, предикативность, определенные линейно-интонационные характеристики (порядок слов и интонационное оформление) [ГСБКЕ 1983-3: 41; Недев 1992: 36 и др.], обзор концепций болгарских лингвистов о понятии предложения см., напр., в [Попов 1963; Бъркалова 1997; Петрова С. 2008].

В то же время значительные отличия наблюдаются в подходе к дифференциальным признакам простого и сложного предложений. В основе этих расхождений лежит вопрос о трактовке предложений с несколькими сказуемыми при одном подлежащем. Проблема статуса сказуемых, связанная с признанием центральной роли предиката в предложении (как организующего центра предложения, как носителя категорий времени и модальности), обсуждалась и обсуждается, как известно, не только в болгаристике. Однако если в отечественном языкознании традиционное восприятие сочиненных сказуемых как однородных поддерживается во многих вузовских грамматиках и находит отражение в школьных учебниках, в болгарской лингвистике общепринята трактовка сочиненных сказуемых как образующих сложносочиненное предложение. Так, в болгарских учебниках синтаксиса 50—70-х гг. тенденция трактовать два сочиненных сказуемых при одном подлежащем как сложное предложение уже просматривается достаточно отчетливо, см. обзор в работе [Петрова С. 2008: 81—88]. Эта позиция была закреплена в академической грамматике [ГСБКЕ 1983-3: 209] и поддерживается до сих пор. Обсуждение ведется лишь относительно однородности элементов (частей) сказуемого, см. раздел 1.3.1.

Предложение К. Попова [Попов 1963: 189] признавать однородными лишь те сочиненные сказуемые, которые не имеют распространителей, является попыткой компромиссного решения. В таком случае предложение *Той влезе и седна*. ‘Он вошел и сел’ трактуется как простое с однородными сказуемыми, а предложение *Той влезе в стаята и седна на масата* ‘Он вошел в комнату и сел за стол’ — как сложносочиненное[21]. В академической грамматике 1983 г. предложения с несколькими

[21] Такое решение поддержано и отечественными болгаристами в учебных пособиях по простому и сложному предложению [Захаревич, Крылова 1968; 1978], хотя некоторые примеры из данных работ отражают непоследовательность в соблюдении этой позиции.

сказуемыми при общем подлежащем рассматриваются как многопредикативные единицы без оговорок об их распространителях (*Той влезе и седна* — сложное предложение, см. [ГСБКЕ 1983-3: 209]).

В нашей работе конструкции с сочиненными сказуемыми при одном подлежащем тоже рассматриваются как полипредикативные единицы, т. е. как сложные предложения. Выбор в пользу такого решения, находящегося в русле как болгаристической, так и в целом общеславистической традиции, объясняется тем, что именно в сказуемом выражаются значения синтаксической модальности и синтаксического времени, которые формируют предикативность. См. также подобную позицию в «Русской грамматике»: в предложениях с несколькими сказуемыми «неоднократно выражаются значения времени и наклонения. Соответственно и в семантическом плане они могут быть интерпретированы как сообщения о нескольких ситуациях — одновременных или следующих друг за другом» [РГ 1980-2: 462].

Традиционные классификации простого предложения осуществляются, в целом, на тех же основаниях, что и в отечественной лингвистике. Во всех грамматиках и учебниках болгарского языка вычленяется известный набор типов предложений по коммуникативной предназначенности: повествовательные, вопросительные, побудительные и оптативные (они описываются и в данной работе). Включение в этот ряд предложений восклицательных, отличающихся эмоциональной окраской, как и в русской лингвистике, в последнее время не осуществляется.

Многие интересные в сопоставительном плане синтаксические особенности демонстрирует болгарское отрицательное предложение, классификационно противопоставленное аффирмативному (утвердительному).

Выделение предложений неполных, противопоставленных полным, в болгарской лингвистике является традиционным, но удовлетворительного решения вопроса о границах неполноты предложения не достигнуто (напр., [Петрова С. 2008]). Отдельное описание неполных предложений не входит в задачи нашей работы, тем не менее наблюдения над теми особенностями в болгарском языке, которые отличают их от русского, в тексте представлены, см. также [Куков 1987; Кършакова 1991 и др.].

Прежде чем обратиться к структурно-синтаксическому описанию простых и сложных предложений, отметим особенности построения неповествовательных и неутвердительных высказываний, которые в дальнейшем будут включены в общий материал.

1.2.1. Побудительные предложения

Способы выражения побудительности в болгарском языке разнообразны. В сравнении с русским, представлен бóльший набор грамматически маркированных форм. Значительную роль в формировании побудительных предложений играет болгарская *да*-конструкция, способная выразить, как мы увидим далее, практически любое из значений оптативно-императивной зоны. Полный запрет на образование отрицательных форм от глаголов СВ в синтетической форме импера-

тива (ср. русск. *Не упади* и болг. **Не падни*) и в формах с некоторыми частицами (**Недей да отидеш*) ведет к иному, чем в русском, перераспределению функций между другими средствами. Различается набор «квазиимперативных» употреблений синтетической формы. При этом значительное сходство с русским языком имеется в круге транспозиционных форм, которые используются для выражения побудительности.

В целом зона побудительности в болгарском языке исследована достаточно подробно. Назовем лишь некоторые работы последних лет. В книге [Чакърова К. 2009] предлагается наиболее полное грамматическое исследование императивно-оптативной зоны болгарского языка с четкими морфологическими критериями. Широкая функциональная палитра форм болгарских побудительных предложений представлена в [Ницолова 2008а], в плане стилистических возможностей — в [Маровска 1998], с прагматической точки зрения [Жерева 2011], в сопоставлении с русским языком [Чакърова К. 2006; Маслова 2008]. Некоторые из наблюдений этих лингвистов будут представлены ниже, оттуда же и часть примеров этого подраздела.

Далее будут рассмотрены основные средства выражения волеизъявления и побудительности в болгарском предложении, а также кратко затронуты транспозитивные употребления императивных форм. Начнем с морфологически маркированных. Заметим, однако, что набор последних не является однозначно установленным и со временем меняется.

1. Глаголы в форме повелительного наклонения являются грамматическим ядром поля побудительности.

Синтетические формы повелительного наклонения образуются только для 2 лица ед. и мн. ч.: ***Тръгвай*** *веднага!* ‘Отправляйся немедленно’; ***Влез****, защо стоиш на вратата!* ‘Заходи, не стой в дверях’; ***Дайте*** *ми един хляб, моля.* ‘Дайте мне буханку хлеба, пожалуйста’.

Морфологический комментарий. Для образования этих форм к основе настоящего времени прибавляется: 1) *-й* (*-йте*), если основа глагола оканчивается на гласный: *разказва-м* — *разказва-й*(*те*), *посто-я* — *посто-й*(*те*), *засме-я се* — *засме-й*(*те*) *се*, 2) *-и́* (*-е́те*), если основа глагола оканчивается на согласный: *чет-а* — *чет-и*, *чет-ете*; *направ-я* — *направ-и*, *направ-ете*; *пиш-а* — *пиш-и*, *пиш-ете*; *превед-а* — *превед-и*, *превед-ете*; с чередованием *к//ч*: *изпека* — *изпечи*, *изпечете*.

Особые формы повелительного наклонения: *съм* ‘есть, являться’ — *бъди*, *бъдете*; *вляза* ‘войти’ — *влез*, *влезте*; *изляза* ‘выйти’ — *излез*, *излезте*; *видя* ‘увидеть’ — *виж*, *вижте*; *държа* ‘держать’ — *дръж*, *дръжте*; *дойда* ‘прийти’ — *ела*, *елате*; *ям* ‘есть’ — *яж*, *яжте*; *отида* ‘пойти’ — *иди*, *идете* (наряду с *отиди*, *отидете*).

1.1. **Положительные формы** повелительного наклонения образуются от глаголов НСВ и СВ. Вид глагола оказывает, как и в русском, значительное влияние на прагматику повелительной формы[22]. Основания для выбора вида во многом близки

[22] Речь идет только о положительной форме, т. к. в отрицательной форме видовой конкуренции не существует.

к таковым в русском языке, см. [Храковский 1990: 217—230]. Однако, как показали сопоставительные исследования болгарских лингвистов, в болгарском языке при употреблении НСВ в императиве «эмоционально-модальные оттенки» фамильярности или готовности к действию выражаются с большей очевидностью, чем в русском языке [Станков 1976: 99—101], что отражается в значительной ограниченности контекстов для выбора императива НСВ.

Употребление императива НСВ требуется рассматривать отдельно в нескольких различающихся типах контекстов [Храковский 1990: 219]: для обозначения неоднократных и постоянных действий; для обозначения однократных действий; в пермиссивных высказываниях.

1) В обоих языках используется императив НСВ для обозначения неоднократных, узуальных действий:

> ***Проверявай*** *пощата си поне веднъж дневно.* ‘Проверяй почту хотя бы раз в день’; ***Пийте*** *повече течности и* ***мийте*** *ръцете си след всяко здрависване, за да не пипнете грип в офиса.* ‘Пейте больше жидкости и мойте руки после каждого рукопожатия, чтобы не подхватить грипп в офисе’ (И); *Винаги ме* ***викайте*** *в такива случаи.* ‘Всегда зовите меня в таких случаях’, пример М. Жеревой [2011: 129].

Глагол НСВ используется также при призывах к длительным действиям: *Разхождайте се най-малко по 2 часа на ден.* ‘Гуляйте, как минимум, два часа в день’ и при общем совете: *Лягай си по-рано!* ‘Ложись раньше!’, ср. СВ при побуждении к разовому действию: *Легни си по-рано!* ‘Ляг (сегодня) пораньше’.

Использование в указанных случаях глаголов НСВ соответствует присущему им видовому значению неоднократности, продолжительности.

2) При обозначении однократных действий нет прямых межъязыковых параллелей в употреблении видов. Для русского языка отмечено, что в случае, если

> …исполнитель не ожидает конкретной прескрипции и не готов к ее исполнению, то употребляется форма СВ, а если ожидает и готов ее исполнить, — форма НСВ <…> Предварительная информированность и подготовленность исполнителя приводят к тому, что форма НСВ просто сигнализирует о необходимости без какого-л. временного интервала, т. е. немедленно, приступить к выполнению действия [Храковский 1990: 222—227].

В указанной работе В. С. Храковского описаны несколько разных ситуаций, в которых реализуется «фактитивное» значение НСВ, — сопоставим их с ситуацией в болгарском языке.

А. В обоих языках используется императив НСВ:

а) если каузируется уже совершающееся действие — с целью предотвратить его прекращение: ***Пиши си***[23]*, няма да ти преча.* ‘*Пиши, пиши*, не буду тебе мешать’,

[23] О модальной частице *си* как показателе продолжающегося действия см. раздел 5.2.3 (п. 6), также [Петрова Г. 2008; Иванова, Петрова 2014].

а также если каузируется выполнение прерванного действия, ср. из РБПК: *Ты **пей** чай, **пей**, не стесняйся. Конфеты нравятся?* (Т. Полякова). ‘*Пий, пий чай*, не се стеснявай. Харесват ли ти бонбоните?’ (пер. И. Митевой);

б) если выполнение действия каузируется повторно или необходимость его выполнения очевидна, т. е. «если каузируется выполнение действия, которое должно было начаться еще до произнесения прескрипции» [Храковский 1990: 224]: *Отваряй най-сетне този плик!* ‘*Открывай* же наконец этот пакет!’; *Сядай де, защо стоиш прав!* ‘Да *садись* ты, что ты стоишь!’, ср. и из РБПК: *Плати! — И ухватила Кольку за рукав. — Плати давай!* (А. Приставкин). ‘Плащай! — и сграби Колка за ръкава. — Айде плащай!’ (пер. З. Петровой).

Именно значение «повторной каузации», заключенной в таких употреблениях, воспринимается слушающим как нетерпеливое побуждение и описывается в болгарской лингвистической литературе как «фамильярность» императивных форм НСВ;

в) если каузируется выполнение уже известного действия, а «прескрипция нацелена на то, чтобы действие выполнялось определенным образом, т. е. с конкретным качественным параметром» [Храковский 1990: 225]: *Графикът е качен, **гледай** по-внимателно.* ‘График вывешен, *смотри* внимательнее’; см. и близкие выводы М. Жеревой и ее же примеры: *Разказвай ми всичко, само **говори** откровено* (Б. Райнов); ***Говорете** по-ясно!* с прагматической пресуппозицией ‘Вы не говорите достаточно ясно’ [Жерева 2011: 126].

Б. В русском языке предпочтителен императив НСВ, в болгарском предпочтителен СВ:

а) «если каузируется выполнение действия, которое в соответствии с ситуацией должно выполняться непосредственно после произнесения прескрипции, и прескрипция лишь нацелена на то, чтобы проинформировать об этом» [Храковский 1990: 224]. В болгарском языке выбирается НСВ только при наличии эмоционально нагруженного контекста, напр. указывающего на нетерпеливое побуждение: *А сега по-бързо изчезвай!* (Б. Райнов). ‘А сейчас быстрее исчезай’; *Връщай се веднага!* ‘Сейчас же возвращайся!’

Но и такие употребления характерны преимущественно для ситуаций фамильярного обращения. При отсутствии фамильярности нетерпеливое побуждение при форме СВ может компенсироваться побудительными частицами, см. пример из РБПК:

> «*Где же мои чулки? **Обувай** же меня, ну!*» *Она выставила действительно восхитительную ножку… Я засмеялся и начал натягивать на нее шелковый чулочек* (Б. Акунин). ‘Но къде са ми чорапите? <u>Хайде</u>, *обуй* ме <u>де</u>, <u>хайде</u>! Тя подаде наистина възхитително краче… Аз се засмях и почнах да ѝ обувам копринeното чорапче’ (пер. С. Бранц).

Итак, в случае отсутствия негативного эмоционального контекста и при сохранении значения «приступа к действию» чаще выбирается СВ [Станков 1976:

99—101], ср. русск. НСВ и болг. СВ: *Проходите и садитесь, прошу вас.* ‘Влезте и седнете, моля’; *Снимай туфли!* ‘Събуй си обувките!’

Это подтверждают данные РБПК:

> ***Садитесь****, пожалуйста, — гостеприимно предложил детектив* (Т. Полякова). ‘Моля, *седнете* — гостоприемно ни предложи детективът’ (пер. И. Митевой);
>
> ***Садитесь****, — предложил, будто приказал, ей военный* (А. Приставкин). ‘*Седнете* — предложи ѝ военният и това прозвуча като заповед’ (пер. З. Петровой);
>
> **«*Лови!*»** *— крикнула Оля и, быстро-быстро перебирая крепкими загорелыми ногами, побежала через песчаную отмель на пологий заливной берег и в изумрудную зелень цветущих лугов* (Б. Полевой). ‘*Хвани* ме! — извика Оля и като подмяташе бързо-бързо здравите си загорели крака, побягна през пясъчната ивица по полегатия мочурлив бряг към изумруднозелените разцъфнали ливади’ (пер. К. Георгиевой);
>
> *Деньги за комнату привезли?* ***Давайте*** (Б. Акунин). ‘Донесохте ли парите за наема? *Дайте*’ (пер. С. Бранц).

Ср. использование трех императивных форм, из которых в болгарском переводе только вторая — НСВ для «повторной каузации». Третье употребление содержит функционально эквивалентное сочетание (императив СВ + побудительная частица *де*):

> *А теперь* ***целуй*** *мой сапог. Сияющий кончик сапога осторожно ткнул в лицо:* ***целуй****. <…> Запах сапога чищеного. И сапог тот незлобно, но настойчиво в зубы тычется: ну,* ***целуй*** *же меня* (В. Суворов). ‘А сега ми *целуни* ботуша. Лъскавото бомбе на ботуша деликатно подбутна лицето ѝ: *целувай* <…> Миризмата на лъснат ботуш. И тоя ботуш беззлобно, но настойчиво ти се навира в зъбите: *целуни* ме де’ (пер. Б. Мисиркова);

б) если прескрипция нацелена на отсроченное выполнение действия [Храковский 1990: 225], в болгарском, в отличие от русского, используется глагол СВ, см. перевод примера В. С. Храковского на болгарский язык: Приезжаю завтра «Стрелой». Встречай (*встреть) меня в восемь часов двадцать пять минут на Московском вокзале. ‘*Пристигам утре със Стрелата.* ***Посрещни*** *ме в осем часа и 25 минути на Московската гара*’.

Здесь мы не разбираем видовые различия императивных форм в предложениях-пожеланиях либо при использовании императива в апеллятивной функции (*послушай / слушай*; *чакай / почакай*), т. к. выбор вида в данных случаях часто бывает закреплен конвенционально или исторически обусловлен.

3) Что касается пермиссивных высказываний (ответное высказывание, разрешающее или не разрешающее выполнение запрашиваемого действия) [Храковский 1990: 229—230], то в них, как отметила М. Жерева, иллокутивное воздействие императива НСВ минимально, поэтому он не несет той специфической прагматики, которая ограничивает зону его употребления при обозначении еди-

ничных действий. См. примеры из [Жерева 2011: 125] с глаголом СВ в предыдущей реплике и НСВ в ответе:

Да налея ли още чай? — Добре, наливай! ‘Налить еще чаю? — Хорошо, наливай!’;
Може ли да отворя прозореца? — Моля, отваряйте! ‘Можно открыть окно? — Пожалуйста, открывайте!’;
Да седна ли тук? — Сядай, ако искаш! ‘Мне здесь сесть? — Садись, если хочешь!’;
Може ли да запаля цигара? — Ами, пуши! ‘Можно закурить? — Ну, кури!’.

Данные примеры демонстрируют нам и болгарские контекстные маркеры разрешения, в качестве которых выступают не только показатели согласия (*да*, *добре*), но и допустимости действия, и безразличия говорящего (*ами*, *ако искаш*, *какво пък*, *както ти е угодно* и др.) [Там же: 125].

Спектр семантических интерпретаций предложений с синтетическим императивом, как и в русском, чрезвычайно широк (приказ, просьба, совет, убеждение, призыв, пожелание, проклятье) и зависит от семантики глагола, контекста, интонации и пр., см. подробно [Храковский 1990: 203—209]. В этих соотнесенностях между болгарским и русским языками много общего, см. наблюдения в [Маслова 2008; Иванова 2009в: 271—275] и в указанных выше работах болгарских лингвистов. Не имея возможности описать даже основные параллели, заметим лишь, что, как и в русском, положительные формы простого повелительного наклонения выражают «чистое» побуждение, если образованы от глаголов контролируемых действий: *вземи!*, *яж!*, *иди!*, *спри!* Глаголы с неодушевленным субъектом не образуют императив вообще, напр. болг. **Ръми!*; **Шурти!*, как и русск. **Мороси!*; **Булькай!*, за исключением персонифицированных употреблений: *Ах, трепнете, крила леки!* При «нецелеполагающем» одушевленном субъекте императивные формы (сейчас мы рассматриваем только положительные) возможны, но употребляются в обоих языках не как прямой директивный речевой акт, а как совет, пожелание, упрек, проклятье и пр.: *Забрави я!*; *Засрамете се!*; *Спомняй си за нас*, ср. русск. *Забудь ее!*; *Постыдитесь!*; *Помни о нас.* Как и в русском языке, глаголы физиологических реакций, которые в некоторой степени поддаются контролю, могут использоваться в императиве в контексте имитируемого действия, напр. при имитации физиологических реакций: *Дишайте!*; *Кашляйте!*

1.2. **Отрицательные формы** синтетического императива образуются присоединением частицы *не*[24]. Спектр значений, выражаемых отрицательной формой с *не*, варьируется от простого запрета: *Не мърдай!* ‘Не шевелись!’; *Не приказвайте!*

[24] В болгарской лингвистике к синтетическому императиву часто относят и формы с отрицательной частицей *недей(те)* [ГСБКЕ 1983-2: 367; Куцаров 2007: 381; Чакърова К. 2009: 24], которые, в отличие от аналитических, используются только для 2 л. Мы эти формы считаем аналитическими, поскольку отрицательная частица *недей* присоединяется не к положительной форме синтетического императива, а к другим формам: к *да*-конструкции или к сокращенному инфинитиву, см. ниже п. 4.

‘Не разговаривайте!’ до упрека: *Не се вдетинявай!* ‘Не будь ребенком!’ или просьбы, пожелания: *Не ме забравяй!* ‘Не забывай меня!’; *Не се притеснявай!* ‘Не беспокойся!’.

Однако, как мы покажем далее, для выражения каждого из этих значений в болгарском языке имеются конкурентоспособные синонимы со специфической и узкой семантикой, поэтому частота употребления отрицательных синтетических форм в болгарском языке ниже, чем в русском.

Важное грамматическое ограничение в болгарском языке связано с запретом на сочетание отрицания с глаголами СВ в императиве: **Не мръдни!*; **Не иди!*; **Не кажи!*; **Не падни!*; **Не изпусни!* Условия, в которых может реализоваться «запрещенная» форма, к выражению побудительности не имеют отношения, см. ниже 1.3.

В русском языке, как известно, это ограничение тоже существует, но не имеет категорического характера: отрицательный императив от глаголов СВ оказывается возможным при некоторых условиях:

1) с глаголами неконтролируемого действия — для выражения предостережения как призыв предотвратить нежелательный результат: *Не простудись!*; *Не опоздай!*; *Не обожгись!*; *Не промахнись!* (превентивное значение). Здесь участвуют, в основном, глаголы непредсказуемых физиологических реакций, «промахи» и «осечки» [Арутюнова 1999: 800]. При этом императивная реплика оказывается обращена не к последствию, а к предваряющим его действиям, которые еще находятся под контролем адресата, т. е. за ней скрывается призыв предпринять ряд контролируемых действий, напр.: *Не поскользнись*. ‘Смотри под ноги, не смотри по сторонам, надень подходящую обувь’ и др.; *Не задень прохожих доской*. ‘Неси доску ровнее’ [Храковский 1990: 216; Бирюлин, Храковский 1992: 39], см. и [Иванова К. 1985: 71—75].

Императив от предикатов непроизвольных реакций организма означает призыв сдержаться (если действие хоть как-то поддается контролю) либо просто беспокойство по поводу возможного осуществления действия, — в любом случае в русском языке он требует той же лексической поддержки, что и глаголы следующей подгруппы: *Смотри не чихни на ребенка!*; *Ты там не расплачься*;

2) с глаголами контролируемого действия при сопровождении контекстуальных маркеров превентивности: *Смотри не съешь все варенье!*; *Только не вылей воду из ведра!* (ср. прямой запрет при НСВ: *Не ешь!*; *Не выливай!*). Обычной при этом является экспликация местоименного подлежащего с выделительно-ограничительной частицей *только* и/или формой *смотри*, локализатором *у меня,* обстоятельством «неконтролируемости» *случайно*, *ненароком*: *Ты только не выйди замуж в мое отсутствие!*; *Не возьми случайно ее ключи!*; *Ты смотри у меня, замуж-то не выйди!* [Храковский 1990: 216; Бирюлин, Храковский 1992: 39].

В болгарском языке форма СВ с отрицанием не реализуется ни в одном из перечисленных употреблений. Вместо этого используется конструкция *Да не* + PRES (см. о ней далее) с превентивным значением: *Да не се подхлъзнеш!* ‘Не посколь-

знись!'; *Да не изпуснеш чинията!* 'Не урони тарелку!', в том числе со вспомогательным глаголом *взема* внезапного действия, ср. болгарское соответствие для русского примера из (1) выше: *Ты там не расплачься.* 'Да не вземеш да се разплачеш там', из (2): *Ты только не выйди замуж в мое отсутствие.* 'Ти само да не вземеш да се омъжиш, докато ме няма';

3) в русском языке императив глаголов неконтролируемого действия может быть использован транспозитивно в предложениях нереального условия (*Загорись у нас костер, мы бы не так мерзли в ту ночь*), реже — в предложениях потенциального условия: *Привези он ленту через полчаса, сеанс начнется вовремя* [Бирюлин, Храковский 1992: 48]. Болгарский язык не имеет императивных аналогов такой транспозиции (по крайней мере, в современном языке, ср. пример из (5) в п. 1.3 ниже); вместо них будет использовано условное предложение с индикативной формой, см., напр., выражение нереального условия в придаточной части: *Загорись у нас костер, мы бы не так мерзли в ту ночь.* 'Ако (си) бяхме запалили (PPERF) огън, нямаше така да мръзнем в онази нощ', см. подробнее в разделе 1.4.2.4.5.

Транспозиция форм отрицательного императива в болгарском языке возможна, но в иных функциях, чем в русском. К этому мы и переходим.

1.3. **«Квазиимператив»**.

Набор «квазиимперативных» употреблений в болгарском языке несколько отличается от русского, т. к. часть функций, при которых используется русский «квазиимператив», взяла на себя болгарская *да*-конструкция. Выделяются следующие контексты для транспозиций императива, см. [Ницолова 2008а: 407; Чакърова К. 2009: 29, там же и литература]:

1) положительная императивная форма указывает, что действие совершается по чьему-л. принуждению или в силу обстоятельств. Р. Ницолова называет это «повествовательным» императивом [Ницолова 2008а: 407], имея в виду, что данное употребление встречается в рассказе о прошедших событиях: *И ако това е професия — **стани**, **седни**, това **дай**, онова **дай**. Не е за мене тая работа* (Г. Мишев). 'Что это за профессия — встань, сядь, то подай, сё подай. Не для меня эта работа'. Ср. и пример Р. Ницоловой, где показано характерное для транспозиции явление: образование императива от безличных глаголов *съмна* 'рассвести' и *мръкна* 'стемнеть', не образующих императив для побудительности: *Съмни*, *мръкни, туй е светът* (посл.);

2) императивная форма (положительная или отрицательная) обозначает действие, которое будет иметь нежелательные последствия. Все предложение строится по схеме сложносочиненных с союзом *пък* (см. ниже и пример с *че* П. Радевой), где первая часть, включающая императив, указывает на нежелательное действие, а вторая часть — на негативные последствия данного действия: *Ти **не** ми **донеси** книгата, пък пак ще си поприказваме*, *букв.* 'Ты мне не принеси книгу, а я с тобой поговорю'; *Ти **не** го **възпитай** навреме, пък после се оплаквай*, *букв.* 'Ты не воспитай его в свое время, а потом жалуйся' [Иванова К. 1963]. Характерная черта этих конструкций — возможность использования подлежащего (личного местоимения 2 л.) при императиве.

Для таких предложений более характерна отрицательная императивная форма [Ницолова 2008а: 408], но, подчеркнем, возможна и положительная, если в первой части указывается не само нежелательное действие, а сразу — его негативный результат. В таком случае во второй части содержатся указания на другие негативные последствия либо общие угрозы: *Яж бе, яж.* ***Повреди*** *си стомаха, пък после ще видим*, *букв.* 'Что ж, ешь, ешь. Испорти себе желудок, вот потом посмотрим'. См. и пример П. Радевой [2012: 56] из разговорной речи, где нежелательное действие сформулировано первым информантом ('не буду есть'), а его негативный результат ('упади в обморок на самой презентации, провали все') и дальнейшие угрожающие последствия ('а потом увидишь') содержатся в реплике второго информанта:

> Инф. 1: ..*Нищо няма да ям* // Инф. 2: *Добре тогава //* ***Припадни*** *на самата презентация /* ***провали*** *всичко / че тогава ще видиш*;

3) императивную форму могут включать ответные реплики с частичным повтором, цель которых — завершить бесполезные пререкания: *Няма да мръдна от мястото си! — Не мръдни, де!* ('Я не сдвинусь с места!' — *букв.* 'Ну и не сдвинься!'); *Няма да ида на училище! — Не иди, де!* ('Я не пойду в школу. — Ну и не пойди!'), см. [Иванова К. 1963]. Характерным указанием на транспозитивность формы императива является допустимость здесь сочетания *не* + императив СВ, что для болгарского языка в побудительном употреблении запрещено. Впрочем, это редкие употребления, ср. нормативно НСВ: *не мърдай!*; *не отивай!*;

4) к устаревшим конструкциям с транспозицией относится императив при рассказе о прошедшем действии, представляемом как интенсивное и энергичное: ***Беж*** *вкъщи, заключват се и викат:* «*Мечка!*» (Й. Йовков). 'Бегом домой, закрываются и кричат: «Медведь!»', см. [Ницолова 2008а: 407];

5) лишь в архаичных текстах и фразеологизмах сохранились формы, подобные русскому условному «квазиимперативу», напр. *вари го, печи го* 'как ни старайся': ***Вари*** *го,* ***печи*** *го — все тая.* 'Как ни старайся, все без толку'.

Подлежащее при императиве. И в русском, и в болгарском языках подлежащее при сказуемом в форме повелительного наклонения, как правило, не эксплицировано. Исключение составляют случаи контрастного выделения (эксплицитного или имплицитного): А. *Телефонът звъни!* — Б. *Пиша писмо. Обади се ти↓!* (пример Т. Сеизовой [1984: 33]). 'А. Телефон звонит! — Б. Я пишу письмо. Ответь ты↓!', а также ряд грамматических условий, напр. расширение группы местоименного подлежащего: *Я ми кажи* [*ти, дето се движиш сред толкова хора*], *можеш ли да ми посочиш поне една своя приятелка?* (К. Топалов). 'Ну-ка скажи мне *ты, которая движешься среди стольких людей*, можешь мне показать хотя бы одну свою подругу?', см. и другие подобные условия в 1.2.5.1.3.

Наличие местоименного подлежащего предпочтительно при одном из транспозитивных употреблений императива, рассмотренном выше (***Ти*** *не ми донеси книгата, пък пак ще си поприказваме*). В русском языке набор условий, требующих или

допускающих форму подлежащего, шире, и прежде всего в сфере транспозиций [Добрушина 2013].

Побудительные частицы. В болгарском языке есть побудительные частицы: *я* (в начале предложения, частица с самостоятельным ударением): *Я ми кажи стихотворението!* 'Ну-ка, расскажи мне стишок!', частица *де* (в постпозиции): *Чети де!* 'Давай читай!' или одновременно употребленные частицы *че* (в препозиции) и *де* (в постпозиции): *Че слушай де!* 'Да слушай же ты!' Эти частицы, впрочем, не являются только лишь побудительными, наиболее широк круг употреблений у частицы *де*.

В побудительном значении частица *де* употребляется преимущественно с синтетическим императивом, а частица *я* возможна и с другими формами: *Я да видим каква е тая грешка* (А. Балабанов). 'Ну-ка посмотрим, что тут за ошибка'; *Я недей да плачеш*. 'Ну-ка не плачь'; *Я стига си дрънкал*. 'Ну-ка прекрати болтать'; *Я нека излезе — да го видя*. 'Ну-ка пусть выйдет, я на него посмотрю'.

2. *Да*-конструкция. *Да*-конструкция признается в настоящее время болгаристикой как одна из грамматических форм повелительного наклонения[25]. Она имеет полную лично-числовую парадигму: *да почакам*, *да почакаш*, *да почака*, *да почакаме*, *да почакате*, *да почакат*. *Да*-конструкция может выразить любые значения побуждения: приказ, запрет, превентив, совет, просьбу и т. п. Она свободно сочетается со многими глагольными грамматическими маркерами: показателями относительности, результативности, пересказывания, пассивности [Чакърова К. 2008б; 2009; Маровска 1998; Ницолова 2008а: 409—428][26], из указанных работ и часть примеров ниже.

Побудительная *да*-конструкция, в отличие от синтетического императива (и всех других ядерных императивных форм в болгарском языке), допускает формы СВ не только в положительном, но и в отрицательном варианте; о значениях НСВ и СВ в *да*-конструкции см. [Маслов 1959: 230—238].

2.1. **Форма *Да + PPES*** употребляется:

1) по отношению к 1 и 3 л., т. е. когда нельзя воспользоваться синтетическими формами повелительного наклонения. Спектр значений включает все варианты побудительных значений для 1 л. ед. ч. и 3 л.:

> *Аз да тръгвам вече*. 'Пойду-ка я'; *Да отидат всички заедно.* 'Пусть[27] они все вместе пойдут'; *Иван да ми се обади.* 'Пусть Иван мне позвонит'; *Цвятко бре, я да ти продам една кокошка* (А. Каралийчев). 'Цвятко, давай-ка я продам тебе одну курицу'; *Чумата да го тръшне!* 'Пусть чума его поразит',

[25] О статусе элемента *да* в болгарском языке и его функциях см. раздел 1.2.5.2.2.

[26] При этом категория времени в побудительной *да*-конструкции не выражается: формы с перфектом и плюсквамперфектом маркированы как результативные и относительные [Чакърова К. 2006].

[27] Обратим внимание, что в качестве переводного эквивалента русского *пусть* двуязычные словари обычно приводят только частицы *нека* и *дано*, но это неоправданное ограничение.

а также гортативное значение для 1 л. мн. ч.: *Да вземем кучето с нас.* ‘Возьмем собаку с собой’, пермиссивно-концессивное: *Да обядваме, защо да не обядваме* (А. Константинов). ‘Давай пообедаем, почему ж не пообедать’;

2) для 2 л. конкуренция между *да*-конструкцией и формой синтетического повелительного наклонения зависит от того, идет ли речь о единичном (ближайшем или отдаленном) действии или действии повторяющемся.

Как описано в [ГСБКЕ 1983-3: 67], *да*-конструкция во 2 л. в ситуации побуждения к моментальному действию звучит более строго и нетерпеливо: предполагается, что адресат не хочет выполнять действие в данный момент или вообще, напр.: *Подай ми молива!* (IMP.PFV) и *Да ми подадеш* (PRES. PFV) *веднага молива!* (ср.: русск. *Подай мне карандаш! — Немедленно подай карандаш!*).

Такое употребление *да*-форм особенно характерно для ситуаций, когда говорящий уже высказал свою просьбу в форме простого императива, но исполнения не последовало. Это объясняет частую эмоциональную маркированность *да*-предложений во 2 л. как выражающих недовольство, напр. при разговоре родителей с детьми: *Веднага да си изяждаш* (PRES.IPFV) *закуската, че няма повече да те чакам!* ‘Сейчас же ешь завтрак, а то больше не буду тебя ждать’, см. и наблюдения И. Васевой [2007а: 57].

Р. Ницоловой [2008а: 411] описана градация императивных форм и *да*-форм обоих видов при побуждении к единичному ближайшему действию, ср. ситуацию из четырех последовательных реплик матери по отношению к ребенку, не исполняющему ее волеизъявление, при этом *да*-формы в сопоставлении с синтетическими всегда звучат более строго, чем формы синтетического императива.

— *Слез* (IMP.PFV) *от прозореца и ела* (IMP.PFV) *да закусиш!* ‘Спускайся (*букв.* спустись) с окна (с подоконника) и иди завтракать!’;
— *Слизай* (IMP. IPFV) *от прозореца и идвай* (IMP. IPFV) *за закуска!*;
— *Да слезеш* (PRES. PFV) *веднага от прозореца и да дойдеш* (PRES. PFV) *тук!*;
— *Да слизаш* (PRES. IPFV) *веднага от прозореца, че като дойда!*

Когда волеизъявление говорящего связано с более отдаленным действием, «редуцируется требование немедленного выполнения данного действия» [Чакърова К. 2009: 36], поэтому значение *да*-конструкции — рекомендация, просьба, совет: *Да внимаваш на улицата!* ‘Будь осторожен на улице!’. Р. Ницолова обращает внимание на непременное условие «интимности», близости собеседников для употребления здесь *да*-конструкции, ср. допустимость данной формы в близком общении: ***Да подготвяш*** (PRES.IPFV) *отрано бъдещето си!* — и недопустимость в лозунге, где был бы использован синтетический императив: ***Подготвяй*** *отрано бъдещето си!*, *букв.* ‘Готовь свое будущее заранее’.

Кроме того, форма 2 л. *да*-конструкции используется в устойчивых пожеланиях и призывах: *Да бъдеш здрава и щастлива* (наряду с *Бъди здрава и щастлива*). ‘Будь здорова и счастлива’; *Да живее България!* ‘Да здравствует Болгария!’

3) Возвратно-безличные *да*-формы, обычно с глаголом совершенного вида, выступают при прямом контакте как приказы, требующие немедленного выполнения: *Да се прекрати всякаква стрелба*. 'Прекратить стрелять!'

В ситуации непрямой коммуникации такие формы представляют вариант[28] «инструктивного императива» [Васева 2007а: 63] и характерны, например, при формулировке заданий. Возвратно-пассивная форма сказуемого подчеркивает «двойную опосредованность волеизъявления, его непрямой характер» [Чакърова К. 2009: 36], см., напр., задачу: *Да се намери стойността на дисконтов процент, еквивалентен на 10 % лихвен процент* (И). 'Вычислить стоимость ставки дисконта, эквивалентной 10 % ставке процента'.

2.2. **Форма *Да не + PPES***. Отрицательная форма *да*-конструкции образуется употреблением частицы *не* перед глаголом.

Для выражения запрета (прохибитив) используется только глагол НСВ:

> *Да не я обиждаш повече!* 'Больше не обижай ее!'; *Той да не се държи повече така!* 'Чтоб больше он так себя не вел!'; *Да не чака.* 'Пусть не ждет'; *Да не казва нищо!* 'Пусть ничего не говорит!'; *Да не се корите напразно!* 'Не корите себя напрасно'.

Постулируется такое употребление для всех лиц и чисел, кроме 1 л. ед. ч. [Ницолова 2008а: 414].

Да-конструкция с отрицанием — основная форма выражения превентивного значения в болгарском языке. Для этого используются, в основном, глаголы СВ, наиболее частотны формы для 2 л. Конкретизация превентивного значения связана с контролируемостью / неконтролируемостью предотвращаемого действия:

1) Форма СВ глаголов контролируемого действия используется как призыв не совершить «промах» при осуществлении целенаправленных действий: *Да не купиш корав хляб!* (ср. русск. *Смотри не купи черствый хлеб!*); *Да не влезеш в реката, тя е дълбока* (ср. русск. *Смотри не входи в реку, она глубокая*), см. и работу И. Пете [1991].

2) Форма СВ глаголов неконтролируемого действия служит для предупреждения неудачных действий: *Да не си измърсиш дрехите!* 'Не запачкай одежду!'; *Да не изгориш покривката с цигара!* 'Не прожги скатерть сигаретой!' Как и в русском, превентивное значение глаголов неконтролируемого действия часто является, вообще говоря, призывом предпринять ряд контролируемых действий, чтобы не получить нежелательное неконтролируемое состояние или событие: *Да не настинеш!* 'Смотри не простудись!' (т. е. 'Оденься теплее', см. [Храковский 1990: 216; Бирюлин, Храковский 1992: 39]).

2.3. **Форма *Да + PERF*** может, во-первых, выражать побуждение к отдаленному во времени действию, звучащее более категорично, чем при выражении формами

[28] Для разных видов инструкций характерны разные глагольные конструкции, см. в болгарском в сопоставлении с русским прежде всего [Васева 2007а], также [Васева-Кадынкова 2003].

настоящего времени: *До утре да си почистила* (PERF) *всичко!* ‘До завтра чтоб все было убрано!’ [Ницолова 2008а: 415]. Во-вторых, эта форма может выражать убеждение, что действие, которое не было выполнено в прошлом, необходимо было осуществить: *Да си си отваряла очите!* ‘Смотреть надо было!’. Возможно не только 2 л.: *Да са мислили, когато са подписвали търговския договор…!* (А. Константинов). ‘Надо было [им] думать, когда подписывали торговый договор’ [Чакърова К. 2009: 40].

2.4. **Форма *Да не + PERF*** выражает резкий, даже грубый запрет, напр.:

Да не си идвал тук повече! ‘Не смей сюда больше приходить!’; *Кракът ти да не е стъпил тук.* ‘Чтоб ноги твоей здесь не было!’; *Да не си казала никому нито дума!* ‘Смотри, чтоб никому ни слова!’; *Да не съм те видял пак с това момче!* ‘Чтоб я тебя больше не видел с этим парнем!’

В работе В. Маровской [2005], см. и поддержку в [Куцаров 2007: 291—292], эти конструкции анализируются как аналитические результативные повелительные формы.

Именно форма *да не + PERF* последовательно выступает в РБПК как функциональное соответствие русской запретительной форме *не смей*: *Не смей со мной так разговаривать!* ‘Да не си посмяла да разговаряш така с мен!’; *Не смей перебивать!* ‘Да не си посмял да ме прекъсваш!’

2.5. **Форма *Да + PPERF*** выражает мягкое предложение, вежливую просьбу или напоминание («деликатный императив» [Васева 2007в: 71]), что соответствует такому же значению русского условного наклонения и его синонимам, напр.:

Да бяхте хапнали нещо. ‘Съели бы вы что-нибудь’; *Да беше му помогнал малко.* ‘Помог бы ты ему’; *Да беше ме поканил да вляза.* ‘Может, пригласишь меня зайти?’; *Поне едно червило да беше сложила* (С. Мундрова-Неделчева). ‘Хоть бы губы накрасила’.

3. *Нека-* и *нека да*-формы. *Нека-* и *нека да*-формы (*нека* — ‘пусть’, ‘давай’), по мнению И. Куцарова [2007: 290], а также многих других грамматистов, имеют полную парадигму форм: *нека* (*да*) *почакам*, *нека* (*да*) *почакаш*, *нека* (*да*) *почака*, *нека* (*да*) *почакаме*, *нека* (*да*) *почакате*, *нека* (*да*) *почакат*[29], однако подавляющая часть употреблений приходится на 3 л. Формы 2 л., наоборот, в современном языке употребляются крайне редко — у них есть сильные конкуренты в виде простых форм императива и *да*-конструкции.

Формы с *нека* (*да*), не являясь частотными, имеют широкую семантическую амплитуду. Основными значениями *нека* (*да*)-форм являются:

а) рекомендательное (совет, предложение), обычно к 3 л.:

[29] Различие (семантическое, стилистическое) между формами с *нека* и *нека да* не является доказанным и входит в круг дискуссионных вопросов (см. и [Чакърова К. 2009: 56]).

Нека се качат и други хора. 'Пусть и другие сядут'; *Нека заведе мъжа си на болницата*;

б) гортативное (призыв к совместному действию):

Нека се разберем. 'Давай объяснимся'; *Нека оставим младите спокойно да обмислят!* (Б. Димитрова); *Нека бъдем откровени, Савов* (Е. Коралов);

в) пермиссивное, которое реализуется как испрашивание позволения или же выражение согласия самого говорящего, ср.:

Нека да я погледна барем! 'Дайте хоть я посмотрю на нее'; *Нека стои там*, *тя не ми пречи*. 'Пусть стоит там, она мне не мешает'.

В пермиссивном акте может присутствовать и призыв к собеседнику не противодействовать совершению действия третьим лицом: *Нека дойде, бабо!* 'Пусть он придет, бабушка' [Чакърова К. 2009: 50—59, там же и литература];

г) оптативное, данные употребления рассмотрены в разделе 1.2.2 ниже.

Нека (*да*)-формы, согласно выводам Р. Ницоловой, К. Чакыровой, И. Куцарова и др., характерны для актов волеизъявления, которые обращены к нешифтерным компонентам коммуникативной ситуации. В современном болгарском языке они специализировались прежде всего для выражения непрямого волеизъявления по отношению к 3 л., при этом косвенно запрашивается и согласие собеседника либо подчеркивается непротивопоставленность говорящего данному действию.

По наблюдению К. Чакыровой, данные формы — как положительные, так и отрицательные — иногда могут выражать прямое повелительное значение (приказ или запрет): *Кой е тоя умник, дето възразява?.. Нека излезе две крачки напред* (Л. Стоянов). 'Кто тут такой умник… Пусть выйдет на два шага вперед'; *Нека не влиза!* 'Пусть не заходит'.

Что касается различий форм с *нека да* на фоне *да*-конструкций, то установление первых в модальной парадигме может рассматриваться как способ снятия многозначности болгарской *да*-конструкции: «Наряду с синтетическим императивом, употребляющимся только во 2 л., образования с *нека* должны были выполнять роль интегрирующего ядерного компонента в поле повелительности» [Там же: 60]. Другое дело, как замечает исследователь, что создание этого ряда форм не привело к существенному переструктурированию элементов данного функционально-семантического поля: *нека*-формы не смогли преодолеть «гегемонию» *да*-конструкций, т. к. последние оказались не только исключительно активными в функциональном отношении, но и смогли (посредством механизмов межкатегориальных взаимодействий) обогатить семантико-стилистический спектр болгарского императива [Там же].

Заметим также, что, в отличие от *да*-конструкций, отрицательные *нека* (*да*)-формы возможны лишь с глаголом НСВ: *Нека да не забравяме*. 'Давайте не забывать';

Нека да не търсят виновници за загубата. 'Пусть они не ищут виновных в поражении'; *Нека да не изпадаме в крайности*. 'Давайте не впадать в крайности'.

4. Форма с *недей*(*те*) образуется при помощи отрицательной частицы *недей* (*недейте*) и *да*-конструкции основного глагола НСВ во 2 л.: *недей да ходиш*, *недейте да гледате.* Вместо *да*-конструкции в составе данной формы может употребляться «сокращенный инфинитив» (застывшая форма 3 л. ед. ч. аориста): *недей*(*те*) *говори*, *недей*(*те*) *чака*, *недей*(*те*) *писа*, см. и в примерах (1а) ниже *недей излиза*, *недей философствува.* В современном языке сфера использования сокращенного инфинитива значительно ограничена, но конструкция с *недей* остается одним из контекстов его функционирования.

Семантика и употребление формы с *недей* (русск. *перестань*, *не стоит*, *не надо*[30]) варьируется от запрета до просьбы не совершать действие:

> *Недей да подсказваш!* 'Не подсказывать!'; *Недейте да преписвате!* 'Не списывать!'; *Недей да плачеш!* 'Не надо / Не стоит плакать'; *Недей да ходиш там, моля ти се.* 'Не надо туда ходить, прошу тебя'.

Впрочем, запретительное значение для этой формы наиболее редкое. По сравнению с отрицательной формой синтетического императива запрет с использованием *недей* звучит менее категорично.

Семантика современной формы *недей* тесно связана с ее происхождением: это отрицательная повелительная форма от вышедшего из употребления глагола *дея* — *недей* 'не делай'. В [РБЕ] эта лексема трактуется при самостоятельном употреблении как глагол (в застывшей форме отрицательного императива) со значением 'не делай', 'прекрати делать', а при связанном употреблении — как элемент, исполняющий функцию частицы (*като частица*) для образования отрицательных побудительных форм.

Ниже предлагаются примеры из РБПК, демонстрирующие, что: 1) форма с *недей*(*те*) в связанном употреблении выступает как соответствие отрицательному русскому императиву в контексте просьбы, рекомендации не делать что-л. или упрека (а) и конструкциям с *не надо* (б), 2) в самостоятельном употреблении ее соответствием служит русск. *не надо*, в том числе при метатекстовом употреблении *недей*:

> (1а) *Не уходи, — попросила она*. '*Недей* излиза — помоли тя'; *Ты, главное, не волнуйся*. 'Само *недей* да се вълнуваш'; *И ты с фонарем больше не ползай*. 'И ти *недей* да пълзиш повече с фенерче в устата'; *Не философствуй!* '*Недей* философствува!'; *Не повторяй глупости*. '*Недей* да повтаряш тези глупости'; *…он тебя*

[30] В болгарско-русских словарях в качестве первого переводного эквивалента для *недей* предлагается русск. *не смей*. Это, однако, не соответствует современному значению данной лексемы, что подтверждается РБПК: ни одно из употреблений русск. *не смей* не переведено формой с *недей*, см. выбор более резкой болгарской формы (п. 2.4 выше).

любит, и не ухмыляйся так, любит. '…той те обича и *недей* да се подхилваш така — обича те';

(1б) …*Сейчас отпущу тебя, только не надо кричать*. '…Ей сега ще те пусна, само *недей* да крещиш'; …*Не надо просить за меня*. '…*Недей* моли за мен';

(2) ***Не надо! Не надо***, *— крикнул я. …Так же, как заслониться руками и крикнуть это пуле: вы еще слышите свое смешное «не надо», а пуля — уже прожгла, уже вы корчитесь на полу* (Е. Замятин). 'Не! *Недейте* — викнах. …Все едно да скриеш лицето си в ръце и да викнеш това на куршума: още чуваш смешното си «недей», а куршумът — вече те е пронизал, вече се гърчиш на пода' (пер. Р. Бырдарска).

5. Частица *хайде* ('давай') может быть использована:

1) с *да*-конструкцией в 1 л. мн. ч. — как предложение о совместном действии: *Хайде да отидем заедно.* 'Давай пойдем вместе'; *Хайде да останем вкъщи.* 'Давай останемся дома', и в этом употреблении многие лингвисты традиционно склонны признавать ее аналитической формой повелительного наклонения, см. об иной позиции ниже;

2) с *да*-конструкцией в 1 л. ед. ч. — как испрашивание согласия сделать что-л. : *Хайде да го закарам вкъщи*. 'Давай я его домой отвезу';

3) с глаголом в форме повелительного наклонения 2 л. ед. и мн. ч. Прагматика этих форм варьируется значительно: от нетерпеливого, даже грубого побуждения (*Хайде, тръгвай си вече!* 'Давай уже, уходи!') до успокоения, уговаривания, просьбы перестать что-н. делать: *Хайде, хайде, не се вълнувай толкова* (ср. русск. *Да брось ты, перестань переживать*).

В последнем употреблении *хайде*, по сути, выполняет функции дискурсной частицы. Поэтому вопрос о статусе частицы *хайде* как грамматическом показателе побудительности не является решенным. По мнению К. Чакыровой, конструкции с *хайде* не входят в число форм повелительного наклонения, т. к. они не достигли конечной фазы своей грамматикализации (см. аргументы в [Чакърова К. 2009]). *Хайде*, как показано исследователем, при сочетании с *да*-конструкцией или с синтетическим императивом выполняет роль лексического периферийного побудительного модификатора.

Неморфологический характер *хайде* поддерживается тем, что частица чрезвычайно активна в самостоятельном употреблении в значении 1 и 3 выше: *Хайде!* может значить и 'Пошли!', 'Начали' (гортативное значение) и 'Давай уходи / Начинай! / Ну-ка / Держись' (апелляция к собеседнику).

6. Форма *Стига + PERF* передает требование прекратить действие: *Стига си ходил там!* 'Хватит туда ходить'; *Стига си ме плашил!* 'Хватит меня пугать!' Сомнения лингвистов о включении этой формы в число аналитических форм повелительного наклонения объясняются сохранением лексического значения у *стига* ('хватит, достаточно'), это показывают и его самостоятельные употребления: *Стига!* 'Хватит. Достаточно'; *Стига вече!* 'Хватит уже!' (см. [Молошная 1995:

88]), но современная болгаристика уже практически единодушно включает эти формы в императивную парадигму.

Чаще всего используются формы 2 л. ед. и мн. ч., т. е. запрет направляется непосредственно собеседнику, но возможны и другие: *Стига сме играли* (PERF) *театро, бай Стоянов!* 'Хватит [нам] разыгрывать спектакль' (В. Мутафчиева); *Стига са мъркали* (PERF)*, че напразно пилеем средства* (Б. Димитрова). 'Довольно уже им стонать, что мы зря растрачиваем средства' (см. [Чакърова К. 2009: 66]).

Стига допускает и редкую форму «сокращенного инфинитива»: *Стига чете!*

7. Основные **транспозитивные формы** для выражения побуждения, волеизъявления.

Форма будущего времени со значением побуждения активна в современном разговорном языке. На фоне простых повелительных форм она выражает резкое волеизъявление, а в отрицательном варианте — порицание, категорический запрет [Пашов 1999: 289]: *Ще стоиш тук и ще чакаш!* 'Стой здесь и жди!', *букв.* 'Будешь стоять здесь и ждать'; *Няма да ми противоречиш!* 'Не противоречь мне!', *букв.* 'Не будешь мне противоречить!'

Форма настоящего времени (НСВ) используется для выражения побуждения к действию и долженствования, как и русское «настоящее предписания» [Бондарко 2005: 277]: *Завтра идешь к нему и все выясняешь*; *Ты первый начинаешь!* Это обычно формы 2 л. В болгарском языке, как отмечено И. Васевой [2007в: 68], Р. Ницоловой [2008а: 280] и др., на фоне менее резкой *да*-формы, которая может быть применена для всех семантико-прагматических вариантов побудительности, подобный способ выражения используется реже, т. к. звучит слишком категорично — как беспрекословный приказ, не допускающий никаких возражений со стороны слушающего: *Идваш с мен!* 'Идешь со мной!'; *Ти оставаш* тук! 'Ты остаешься здесь!'

Форма условного наклонения в вопросительном предложении является средством выражения мягкой, вежливой просьбы. В отличие от русского языка, в такой вопрос, как правило, не вводится модальный глагол и сказуемое имеет положительную форму: *Бихте ли паркирали там?* 'Вы не могли бы припарковаться там?'; *Бихте ли ми подали палтото?* 'Вы не могли бы подать мне пальто?', *букв*. 'Вы бы подали мне пальто?'

Как и в русском языке, среди **других средств** выражения побуждения используются вопросительные предложения со сказуемым в будущем времени (*Ще спрете ли да се месите?* 'Вы [не] прекратите вмешиваться?'), а также с модальным глаголом (*Може ли да подадеш онази книга?* '[Не] можешь подать ту книгу?') [Чакърова К. 2002; Кунева 2013].

Об употреблении неспециализированных форм в роли императива в сопоставительном аспекте см. работу на русском языке [Васева-Кадынкова 2003], также [Васева 1995а; 2007в; Чакърова К. 2009], специально о синтаксических средствах выражения побуждения см. [Чакърова К. 2002].

В целом можно присоединиться к наблюдениям К. Чакыровой [2006] о том, что в болгарском языке богаче набор ядерных (морфологических) средств выражения

побудительности. Функциональная межъязыковая асимметрия связана, в основном, с меньшей востребованностью болгарского синтетического императива при широких функциях *да*-конструкции, а также яркой семантической специализацией форм со *стига* и *недей*. Видовые различия, как было показано выше, затрагивают, в основном, русский и болгарский синтетический императив.

1.2.2. Оптативные предложения

Оптативные предложения не так давно были вычленены из побудительных, но вопрос обоснованности этого вычленения с учетом близости их семантики снова поднимается в болгарской лингвистике [Чакърова К. 2009]. Оптативные предложения строятся с частицами *дано* (*да*), *да*, *нека* (*да*), *де*, бóльшая часть которых используется и при выражении побуждения. На статус морфологической формы со специализированным значением оптативности претендует только форма *дано* + PRES [Чакърова К. 2013б: 91].

1. Частица *дано* (*да*). К. Чакырова [Чакърова К. 2009] выводит самостоятельную парадигму формы с *дано* (ср. русск. *пусть* (*бы*), *хоть бы*, *хорошо бы*), считая ее, однако, аналитической формой императива[31]. Представим эту парадигму по И. Куцарову [2007: 293—294], часть примеров — К. Чакыровой, а также П. Пашова [1999]:

— с формами настоящего времени: *дано* (*да*) *пиша*, *дано* (*да*) *пишеш*, *дано* (*да*) *пише*, *дано* (*да*) *пишем*, *дано* (*да*) *пишете*, *дано* (*да*) *пишат*. Примеры: *Дано пък дъщеря ѝ бъде по-честита* (Елин Пелин). ‘Пусть его дочь будет более счастливой’; *Дано да му хареса!* ‘Очень хотелось бы, чтобы ему понравилось’;

— с формами перфекта: *дано* (*да*) *съм писал*, *дано* (*да*) *си писал*, *дано* (*да*) *е писал*, *дано* (*да*) *сме писали*, *дано* (*да*) *сте писали*, *дано* (*да*) *са писали.* Примеры: *Дано си пукнал!* ‘Чтоб ты лопнул!’; *Дано си разбрал, че не те смятам за идиот* (И). ‘Надеюсь, ты понял, что я тебя не считаю идиотом’;

— с формами имперфекта: *дано* (*да*) *пишех*, *дано* (*да*) *пишеше*, *дано* (*да*) *пишеше*, *дано* (*да*) *пишехме*, *дано* (*да*) *пишехте*, *дано* (*да*) *пишеха.* Пример: *Ех, дано настанеше* (IMPERF.PFV) *и сватбата ни по-скоро!* (Л. Каравелов). ‘Эх, скорее бы наша свадьба!’

Добавим, что в *дано*-предложениях с глаголом в форме настоящего времени выражается надежда на возможное действие или состояние в будущем: *Дано завали дъжд, че всичко вече изсъхна*. ‘Хоть бы дождь пошел, а то все уже повысыхало’; *Дано оздравее дъщеря ти!* ‘Надеюсь, что твоя дочь выздоровеет’. В формах с перфектом выражается надежда на благополучный исход совершенного действия (*Дано да съм решил добре задачата.* ‘Хорошо бы (‘надеюсь’) я решил задачу

[31] Выше уже упоминалось, что, опираясь на выводы предшественников о близости семантики желательности и побуждения, К. Чакырова ([Чакърова К. 2009; 2013б] и в предшествующих работах) предлагает рассматривать формы с желательной частицей *дано* в рамках императива, что, соответственно, изменяет и статус оптативных предложений как отдельного коммуникативного типа.

правильно’; *Дано ме е разбрал правилно.* ‘Надеюсь, он понял меня правильно’). Формы с имперфектом, которые используются для выражения ожидания будущего действия, в современном языке не употребляются и заменяются настоящим временем (*дано настанеше* в примере из Л. Каравелова выше → *дано настане*).

В отрицательных формах выражается надежда, что действие не произойдет или что оно не произошло, ср. соответственно и времена: *Дано* (*да*) *не го разкаже* (PRES.PFV) *на майка ми!* и *Дано* (*да*) *не го е разказал* (PERF) *на майка ми!* В русском языке при использовании оптативной частицы *хоть бы* это различие между осуществленным и потенциальным действием формально не выражается: *Хоть бы он не рассказал!*

Самостоятельно употребленная частица *дано* подразумевает, что у говорящего есть основания сомневаться в том, что выражаемое собеседником утверждение сбудется: *Той няма вече да прави така… — Дано!* ‘Он уже больше не будет так делать. — Ну-ну / Будем надеяться…’

2. Частица *да*[32]. Желательность в болгарском языке выражается и *да*-формами (что добавляет сложностей в формальном отчленении побудительных предложений от оптативных).

Действие в желательных *да*-предложениях имеет разную временную ориентацию. Частица *да* с формами настоящего времени (в основном 2 и 3 л.) выражает пожелание удачного осуществления будущего действия, используется также в этикетных формулах: *Да са живи и здрави и момчето, и момичето* (Чудомир), ср. русск. *Пусть твои дети будут здоровы и счастливы.*

Прошедшие времена после *да* (перфект, плюсквамперфект) используются с контрафактивным значением при выражении сожаления о неосуществленном действии:

> *Да му е казал* (PERF) — *защо не му е казал.* ‘Надо было ему сказать — что ж [он] не сказал’;
>
> *Да си му помогнал* (PERF)*, да не си го изоставял* (PERF). ‘Надо [тебе] было ему помочь, не надо было оставлять его’;
>
> *Да беше го помолил* (PPERF). ‘Надо [тебе] было его попросить’.

Считается, что плюсквамперфект, как в последнем примере, выражает значение неосуществленности более отчетливо, чем перфект.

3. Частица *нека* (*да*). Пожелания с *нека* (*да*) близки к *да*-предложениям. Временная отнесенность здесь, однако, ограничена настоящим (в значении будущего): *Нека всички твои мечти да се сбъднат* (PRES). ‘Пусть все твои мечты сбудутся’. Сказуемое употребляется, как правило, в 3 л. ед. ч. Данные формы, как замечено, «выражают только положительные эмоции» и не могут быть использованы в проклятьях: наоборот, частая сфера их применения — поэзия [ГСБКЕ 1983-3: 73]: *Нека вярата не оскъднява* (П. Пенев); *Нека вземем слънцето при нас*; *Нека паднем честни и свободни*.

---

[32] Здесь и далее в основе трактовок оптативных предложений, как и части примеров, лежат наблюдения из [ГСБКЕ 1983-3: 71—74; Пашов 1999: 290—294].

4. Частица *де*. Частица *де* (с последующей *да*-конструкцией) выражает подчеркнутое сожаление, сомнение в возможности осуществления действия. Поскольку *де* регулярно употребляется с последующей *да*-конструкцией для выражения желания, есть предложения рассматривать ее как составную частицу [ГСБКЕ 1983-3: 73; Ницолова 2008а: 478]. Другие лингвисты считают *де* самостоятельной частицей, напр. [Пашов 1999: 292], см. также обзор работ в [Чакърова К. 2009: 144—146]. Подобная же лингвистическая ситуация складывается и вокруг наиболее близкого русского соответствия *де* — элемента *вот / вот бы* в желательных конструкциях, который можно рассматривать либо как частицу *вот*, сопровождающую сослагательные формы, либо как частицу *вот бы*, сопровождающую форму инфинитива или форму на *-л*, см., напр., [Добрушина 2012б].

Отличие болгарской частицы от русской состоит в том, что болгарская конструкция с *де* выражает преимущественно сожаление о нереализованном действии. Значительно более редкая отнесенность к потенциальному действию предстает как трудноосуществимая, маловероятная [Чакърова К. 2009: 146—157].

Это соответственным образом определяет набор временных форм в последующей *да*-конструкции:

— формы имперфекта (87 % употреблений, по К. Чакыровой), которые выражают сожаление о нереализованном действии либо желание маловероятного действия: *Де да можех* (IMPERF) *да пея като теб!* ‘Вот бы мне петь, как ты!’; *Де да ми вървеше* (IMPERF) *и на мен така!* ‘Вот бы и мне так везло!’;

— формы плюсквамперфекта (11 % употреблений) с тем же значением: *Де да беше се отказала* (PPERF)*, но не е!* (И) ‘Вот бы она отказалась, но — увы!’; *Де да беше се случило* (PPERF) *това и с мен!* ‘Эх, вот бы и со мной такое случилось!’;

— формы настоящего времени и перфекта считаются для *де да*-конструкций редкими: *Де да е* (PRES) *така!* ‘Если б / Вот бы это так и было!’; *Де да съм знаел* (PERF). ‘Если б я знал’ — и могут быть заменены имперфектными формами.

1.2.3. Вопросительные предложения

Структура болгарского вопроса, набор и значения вопросительных слов значительно отличают болгарский язык от русского.

Для оформления вопроса в болгарском языке необходимо наличие либо вопросительных частиц, прежде всего *ли*, либо вопросительных местоимений или наречий. Даже удостоверяющие переспросы, состоящие из одного элемента, требуют поддержки вопросительной частицей: *Петър ли?*; *Аз ли?*; *Вчера ли?*, напр.: *Разкажи след това къде си ходил, какво си правил?.. — После* ***ли****? — Да, после* (Б. Биолчев). ‘Расскажи, куда ты после этого пошел, что делал?.. — Потом? — Да, потом’.

Вопросы, образуемые только с помощью интонации[33], составляют незначительную часть (и далее не рассматриваются). Основной контекст их употребления —

[33] Для оформления вопросительности при отсутствии специализированных вопросительных частиц привлекаются вспомогательные средства, прежде всего вводные слова со значением вывода (*Значи, сте рускиня?* ‘Значит, вы русская?’; *Следователно бяха пет?* ‘Так их было пятеро?’)

переспросы с оттенком удивления, ср. пример из Г. Караславова: *Толкова малко искам аз от теб. — Малко?* ‘Я так мало хочу от тебя. — Мало?!!’

В то же время переспрос с частицей *ли* имеет нейтральный характер: *Донеси книгата утре. — Утре ли?* ‘Принеси книгу завтра. — Завтра?’ Переспрос без частицы отразил бы удивление или недовольство спрашивающего: *Донеси книгата утре. — Утре?!*

Причины, которые привели к употреблению вопросительного слова в качестве обязательного маркера болгарского предложения, не установлены. Как представляется, ответ следует искать в специфике интонационного контура болгарского вопроса — он более сглажен по сравнению с другими славянскими языками. В частности, экспериментальными данными доказано, что интонационные реализации болгарских вопросительных предложений с *ли* хоть и близки к параметрам русского контура ИК-3, но выделение интонационного центра по высоте и характеру подъема и падения тона на гласном центра менее контрастно, чем в русском. Это проявляется, в частности, в акценте болгар при попытке произнести русские вопросы с ИК-3: интонационные нарушения таковы, что приводят к стертости коммуникативного предназначения фразы (вопрос? сообщение?), см. об этом [Сопоставительная болгарско-русская грамматика 2009: 248—251].

Бóльшая ровность болгарской вопросительной интонации в сравнении с русской приводит к тому, что «болгарское языковое сознание воспринимает русские фразы без вопросительной частицы *ли* не как вопрос, а как констатирующий факт, неожиданный для говорящего» [Хаджиева 2004: 26], поскольку таков контекст болгарских вопросов без вопросительных частиц (см. примеры выше).

При подобной сглаженности интонационного контура вопросительные частицы, особенно семантически неосложненное *ли*, служат существенной поддержкой для выражения вопроса в болгарском языке.

Структурные типы вопросительных предложений таковы:

1) вопросы с неполнозначными вопросительными словами;

2) вопросы с полнозначными вопросительными словами;

3) вопросы с одновременным употреблением полнозначного и неполнозначного вопросительного слова.

1.2.3.1. Вопросы с неполнозначными вопросительными словами (с частицами)

В таких вопросах ожидается подтверждение или опровержение высказанной информации. Это «удостоверяющие» вопросы («модальные вопросы»,

---

и союзы, инициирующие встречный вопрос: *Казах ѝ всичко. — А тя?*; *Аз тръгвам. — А ние?* Последние случаи рассматриваются в болгарской лингвистике как предложения с опущенным вопросительным словом: *А тя* (*как реагира?*); *А ние* (*какво да правим?*). В формировании любого типа вопросов могут участвовать и частицы прагматического характера (*а*, *е*, ср. соответственно русск. *а*, *ну*), их основная функция — побуждение к продолжению коммуникации: *Затуй си дошла, а?*; *Какво да правим сега, а?*; *Е, какъв е планът?*; *Е, какво ще правим?*

по Ш. Балли), или, традиционно, вопросительно-утвердительные или вопросительно-отрицательные предложения. Как и в русском языке, на положительный вопрос можно дать краткий положительный или отрицательный ответ, а при отрицательной форме вопроса подтверждающее отрицание может быть кратким, а опровержение требует более развернутого ответа, см., напр., [Пенчев 1984: 61; Лакова 2007].

Обичаш ли круши? 'Вы любите груши?' — *Да / Не*;
Не обичате ли круши? — Не. / Не, не обичам. / Да, не обичам. / Напротив, обичам.

Специализированные вопросительные частицы — это ***ли***, ***дали***, ***нали***, ***нима***, а также народно-разговорные синонимы *нима* — ***белки***(***м***), ***мигар***, ***зер***. Значительную активность в современном болгарском языке проявляет *да*-конструкция. Она настолько часто и регулярно формирует вопросы без других вопросительных частиц, что ***да***[34] и ***да не*** часто трактуются как вопросительные маркеры, но противопоставленные другим частицам по признаку «+модальность» [Тишева 2005: 161]. Далее мы рассмотрим и этот структурный подтип.

1.2.3.1.1. Частица *ли*[35]. Основная вопросительная частица — *ли*. Она является самой частотной, многофункциональной, полностью нейтральной стилистически и прагматически: «когда у говорящего нет ожиданий по поводу ответа, используется частица *ли*» [Тишева 2009а: 24].

Вопросы с *ли* могут быть любого **информативного типа**:

а) общие (вопросы к предикату, к ситуации в целом):

Ще дойдеш ли? 'Ты придешь?'; *Не ти ли е студено?* 'Тебе не холодно?'; *Страх ли те е?* 'Тебе страшно?', также: *След това виждала ли си се с Георги?* (Б. Биолчев); *Мамо, какво ти е? Не искаш ли нещо?* (Елин Пелин);

б) частные (вопросы к другим компонентам ситуации):

Тук ли работиш? 'Ты здесь↓ работаешь?'; *Още ли четеш?* 'Все еще читаешь/занимаешься?'; *Кафе ли ще пиеш?* 'Ты кофе↓ будешь пить?'

В болгарском языке частный вопрос возможно оформить как общий. Это особенно характерно для отрицательных предложений в связи с тенденцией ставить отрицание при предикате (1.2.4.4): *Две мастики! — Не пиете* ***ли*** *коняк? — И това го знаете!* (Ц. Марангозов). 'Две мастики! — А вы разве не коньяк пьете ('предпочитаете')? — Вы и это знаете!'

То же возможно и при положительной форме вопроса (при обстоятельствах качественной или количественной характеристики):

---

[34] *Да* — многозначное и многофункциональное служебное слово. Это и частица в побудительных, вопросительных, оптативных предложениях, и вспомогательная частица в составном сказуемом, и многозначный союз в сложноподчиненных предложениях. О формировании *да*-конструкции см. раздел 1.2.5.2.2.

[35] Подробная информация о структуре вопросов разного типа с *ли* в аспекте ее энклитических и фокусообразующих характеристик — в разделе «Болгарские клитики» (5.2.5).

Питам те — ще кацнем ***ли*** *благополучно?* (П. Вежинов). ‘Я спрашиваю тебя: благополучно ли мы сядем?’ (пер. Р. Белло), *букв.* ‘…приземлимся ли благополучно?’;

А имате **ли** *много роднини на село? — Не, неколцина са* (П. Вежинов), *букв.* ‘А имеете ли много родственников в деревне? — Нет, несколько’;

А дава ***ли*** *много мляко?* (С. Стратиев). ‘А много молока дает?’ *букв.* ‘А дает ли много молока?’

Таким образом, вопросительная частица *ли* может следовать за предикатом, а не за носителем смыслового фокуса вопроса;

в) альтернативные вопросы, отличающиеся признаком незакрытости, необходимостью выбора ответа, содержат *ли* в первой своей части; альтернативная часть оформляется союзом *или*: *Вие на документа ли вярвате, или на човека?* (С. Стратиев) ‘Вы документу верите или человеку?’; *Георги с брат ти ли отиде, или е останал в града?* (С. Стратиев) ‘Георгий с твоим братом уехал или в городе остался?’

Частица *ли* оформляет вопросы любого **коммуникативного предназначения**:

а) прямые вопросы, требующие ответа:

От Русия ли си? ‘Ты из России?’; *Вкъщи ли е той?* ‘Он дома?’; *Ти тук ли се храниш?* ‘Ты здесь ешь?’; *Ами наистина ли има хора, които ядат жаби?*(Елин Пелин). ‘А действительно есть люди, которые едят лягушек?’;

б) риторические вопросы, в которых в вопросительной форме выражается утверждение или отрицание:

Мога ли да имам аз пет хиляди лева! (Елин Пелин). ‘Разве может у меня быть пять тысяч левов?’;

в) «рефлексивные» вопросы (вопросы-размышления, на которые ответ, скорее всего, и не ожидается):

Не бях ли се запътил малко лекомислено по съвсем непознат път? (С. Стратиев). ‘Не слишком ли легкомысленно я направился по этому неизвестному пути?’

Далее в разделе 1.2.3.3 будет показано участие частицы *ли* в риторических и рефлексивных вопросах вместе с полнозначным вопросительным словом*: Защо ли ти говоря?*; *Как ли можах да го направя!*;

г) эхо-вопросы: *После какво си правил? — После ли?* Ср. и другие эхо-вопросы, где даже вне контекста нехарактерное место частицы *ли* (при неперемещении слова перед ним ближе к началу фразы) указывает на то, что это повтор реплики-стимула: *Той трябва да отиде там ли?*, *букв.* ‘Он должен пойти туда (ли)?’; *Значи, обадил ти се е вчера от гарата ли*?, *букв.* ‘Значит, он позвонил тебе вчера с вокзала (ли)?’

Таким же образом частица *ли* маркирует завершение эхо-вопроса, построенного с участием местоименного вопросительного слова: — *Какво да правим? — Какво да правим ли?*;

д) вопросительные предложения могут выступать в качестве косвенных речевых актов (просьб, побуждений, упреков и т. п.). Ср. вопросы-просьбы с условным наклонением глагола: *Бихте ли ми подали палтото?* ‘Не могли бы вы мне подать пальто?’, *букв.* ‘Подали ли бы мне пальто?’; *Бихте ли ни прочели нещо?* ‘Не могли бы вы нам прочесть что-нибудь?’ или с модальным глаголом: *Може*

(*Можете*) *ли да ми подадете палтото?* (*букв.* ‘Могли бы вы подать мне пальто?’) [ГСБКЕ 1983-3: 65]; вопросы-упреки: *Не те ли е срам?* ‘Тебе не стыдно?’; вопросы-возмущения: *Присмиваш ли ми се?* ‘Ты смеешься надо мной?’ и т. д.;

е) интенсифицирующая функция болгарского *ли*, реализующаяся в восклицательных предложениях фразеологизированной структуры, в современном языке утрачена, но встречается в художественных текстах до середины XX в.: *Дядо Йордан ги изпращаше до портата и като гледаше изток — ясен, побелял от предвестни зори, — говореше възхитено: — Ех, че време **ли** се отваря! Пак ще се къпе в човешки пот майката земя* (Елин Пелин) (*Ех, че време **ли** се отваря!* ‘Ну и погодка же будет!’, *букв.* ‘Ну и погода ли будет!’);

ж) *ли* способно оформлять и косвенный вопрос, см. раздел 1.4.2.2.3. Частица ставится после первого ударного компонента придаточной части: *Питай го готова **ли** е статията.* ‘Спроси его, готова ли статья’.

Вопросительно-отрицательные предложения строятся с помощью комплекса *не… ли* или (для форм будущих времен) *няма ли*[36]: *Не си ли рускиня?*; *Не говориш ли български?*; *Няма ли да отидеш при него?*; *Нямаше ли някой познат наоколо?*

Хотя, как и в русском языке, вопросы с *не… ли* предполагают ожидание говорящим позитивной альтернативы [Баранов, Кобозева 1983: 272], следует учитывать особую прагматику болгарских вопросительно-отрицательных предложений. В русском языке, как известно, вопросительно-отрицательные предложения формируют вежливые вопросы-предположения: *Вы не из Софии?*; *Вы не знаете, где почта?*; *Нет ли здесь аптеки?*; *Вы не выходите на следующей остановке?*; *У вас нет ржаного хлеба?* И по семантике, и по прагматике им соответствуют только болгарские положительные вопросы, ср. две положительно оформленные реплики из рассказа П. Вежинова «Сините пеперуди» и их русский отрицательный эквивалент из перевода Р. Белло:

> — *Лос, ще ми дадете ли книгата на Син Тъмния? — обади се внезапно той.* ‘Лос, не можете ли вы мне дать Сина Темного? — спросил он вдруг’;
> — *Искате ли да ви пусна някой филм?* ‘Не хотите ли посмотреть какой-нибудь фильм?’.

Функциональным же эквивалентом болгарских вопросительно-отрицательных предложений являются вопросы с *а что* и *разве*, *неужели*, см. такое же предположение и Е. Хаджиевой [2004], Л. Минковой [2003; 2005]: *Нямаше ли някой познат наоколо?* ‘Не было (разве) никого из знакомых вокруг?’; *Няма ли да дойдеш с мен?* ‘Ты что, со мной не пойдешь?’.

Болгарские вопросительно-отрицательные предложения часто служат для выражения нетерпения, удивления и, возможно, раздражения говорящего, который осознает (убеждается, делает вывод), что ожидаемая положительная альтернатива

[36] Соположение частиц *не* и *ли*, как и в русском, не допускается, а соседство ударного *няма* с *ли* — норма.

маловероятна[37]. Так, буквально переведенный русский вежливый вопрос в вопросительно-отрицательной форме «Вы не скажете, который час?» будет иметь иную прагматику в болгарском: *Няма ли да ми кажете колко е часът?* ‘Вы что, так и не скажете, который час?’ Такие «недовольно-недоуменные» коннотации способствуют употреблению данных предложений в контексте упрека: *Нямате ли капка милост към него?* ‘Неужели у вас нет ни капли жалости к нему?’; *Нямате ли малко срам?* ‘Неужели вам совсем не стыдно?’, *букв.* ‘Неужели у вас нет немного стыда?’

Наиболее прагматически нейтральное употребление вопросительно-отрицательных предложений появляется в вопросах, фиксирующих отсутствие чего-л. как примирение с действительностью: *Нямате ли ръжен хляб?* ‘Ржаного хлеба (как вижу) нет?’

Вопросительно-отрицательные болгарские предложения — это, по преимуществу, общие вопросы. Частные вопросы в такой форме практически не встречаются: для вопросительно-отрицательных предложений в полной мере действует тенденция оформлять частное отрицание как общее: (**Не Иван ли го направи?*) → *Не го ли направи Иван?*, см. раздел 1.2.4.4.

1.2.3.1.2. Частица *нали*. В вопросах с *нали* ожидается подтверждение высказываемого предположения. *Нали* — единственная частица, которая может стоять и в начале, и в конце предложения[38].

Русскими переводными эквивалентами начинающего предложение *нали* служат частица *ведь* и удостоверяющее *же*: *Нали ще му кажеш? — Да, ще кажа.* ‘Ты *же / ведь* ему скажешь? — Да, скажу’; *Нали няма да му кажеш? — Няма*. ‘Ты *ведь* ему не скажешь? — Нет’.

Нали может ставиться и в конце предложения, отделяясь запятой (образуя «хвостовой» вопрос): *Ще му кажеш, нали?* В этой позиции возможно наращение — *нали така*, ср. русск. *да? правда? правда ведь? ведь так?*

Вопросительный характер многих предложений с *нали* может быть ослаблен, а сама частица работает уже в иной, усилительно-аргументирующей функции, как и русск. *ведь*, *же*: *Нали докторът не позволява да излизаш.* ‘Ведь доктор не позволяет тебе выходить’; *Нали ти намерих учебника.* ‘Я ведь / же нашел тебе учебник’; *Нали всеки ден се срещаме*! ‘Мы ведь / же каждый день встречаемся!’ В сложном бессоюзном предложении *нали* вводит причину или мотив действия: *Разбира се, че се тревожи — нали е майка.* ‘Понятно, что она тревожится — она ведь / же мать’.

1.2.3.1.3. Частица *дали*. В вопросах с *дали* выражается сомнение, неуверенность в правильности предположения: *Дали трябва да присъствам и аз на тази среща?* ‘А стоит ли и мне присутствовать на этой встрече?’

---

[37] Возможно, поэтому иногда можно встретить утверждение, будто на болгарское вопросительно-отрицательное предложение ожидается отрицательный ответ.

[38] О более редких вариантах расположения *нали*, *нима* и *дали* см. 1.2.3.1.5.

В современном болгарском языке частица *дали* в прямой вопросительной функции употребляется редко. Для нее характерны два типа употреблений:

а) рефлексивные вопросы (*Дали ще ни приеме той?* ‘Примет ли он нас?’), а также альтернативные вопросы выбора, где *дали* составляет первую часть повторяющегося союза *дали… или*: *Дали да отидем при него, или по-добре да останем вкъщи?* ‘К нему пойти или лучше остаться дома?’;

б) косвенные вопросы в сложном предложении: *Не знам дали ме е разбрал.* ‘Не знаю, понял ли он меня’; *Кажи дали наистина ме обичаш?* ‘Скажи, ты действительно меня любишь?’

Собственно, *дали* употребляется в тех же сферах, которые являются основными сферами для русского *ли*: вопросы-сомнения и косвенные вопросы. Таким образом, по сравнению с другими ударными вопросительными частицами, при *дали* отсутствует признак «ожидание конкретного ответа», см. [Ницолова 1984].

1.2.3.1.4. Частица *нима*. Вопросом с *нима* говорящий запрашивает подтверждение информации, выражая удивление и сомнение по поводу ее. Говорящий надеется на опровергающий ответ, ср. русск. *разве*, *неужели*: *Нима е възможно?* ‘Неужели это возможно?’; *Нима тук има крадци?* ‘Разве здесь есть воры?’; *Нима не можеш да влезеш без покана?* ‘Неужели ты не можешь войти без приглашения?’. Одиночное *нима* звучит негативно, иронично: *Той много те обича, уважава*. — *Нима?* (‘Он тебя очень любит, уважает. — Неужто? / Да ну?’).

Тем не менее *нима* далеко не во всех случаях покрывает сферы функционирования *разве* и *неужели.* В работах Л. Минковой (напр., [2003: 271—281]) показаны различия между болг. *нима* и русск. *разве*, *неужели* при разных значениях последних. Основная специфика *нима* состоит в том, что оно предполагает обязательное сопутствующее значение удивления (‘мне это кажется странным’). Оно не может быть использовано в вопросах, где это значение не подразумевается, поэтому эти функции в болгарском языке берет на себя более универсальная частица *ли*, для которой наличие этих эмоциональных оттенков нерелевантно. Напр.:

— при выражении напоминания:

*…а где я с тобой познакомился, не в ресторане **разве**?* ‘…а къде се запознахме, не беше *ли* в ресторант, а?’;

— при подчеркивании известного, очевидного (с маркерами: *не видишь?*, *не слышишь?*, *не замечаешь?*):

*Не видишь **разве**, что я курю?* ‘Не виждаш *ли*, че пуша?’;

— при выражении «экспрессивного отрицания»:

*Девочка моя, успокойся, **разве** можно так отчаиваться, катастрофы нет, поверь*. ‘Успокой се, моето момиче, бива *ли* така да се отчайваш, не е станала катастрофа, повярвай ми’ и др. [Минкова 2003: 271—281].

Еще один функциональный эквивалент вопросов с *нима* — это *да не би да*-предложения (об их структуре см. ниже), ср.: *Нима тук има крадци?* — *Да не би да има крадци тук?*, хотя между ними есть прагматические различия: *нима* маркирует

реакцию удивления, а *да не би да* — еще и неготовность говорящего принять сообщаемую информацию как факт.

Синонимы *нима* — народно-разговорные частицы ***белки*(*м*)**, ***мигар***, ***зер***: *Зер на стопанството без пари работите?*; *Как, мигар вий не знаете за вестника на бай Ганя Балкански?* (А. Константинов). Они стилистически окрашены как диалектные и в литературном языке не употребляются.

1.2.3.1.5. Место вопросительных частиц *ли*, *нали*, *дали*, *нима* в предложении. Порядок слов в болгарском предложении с частицей ***ли*** требует особого внимания, поскольку эта частица, будучи строгой энклитикой, ведет себя не так, как прочие энклитики болгарского предложения[39]. Подробнее к постановке *ли* в предложении с клитиками обратимся в разделе о порядке слов в болгарском предложении (5.2.5, 5.2.6), здесь лишь покажем позицию частицы в предложениях без клитик.

В целом *ли* как маркер коммуникативного фокуса всегда следует за фокусируемым элементом. Фокус вопроса вместе с частицей *ли*, как правило, передвигается ближе к началу предложения. В тривиальном случае фокус вопроса приходится на абсолютное начало предложения, но возможно начать и с тематического элемента (подлежащего, детерминанта), после чего расположить и фокус вопроса, т. е. фокусируемое слово вместе с *ли*. Ср. два линейно-синтаксических варианта вопроса к слову *самолет* в составе именного сказуемого: *Това е самолет.* → *Самолет* ***ли*** *е това?* / *Това самолет* ***ли*** *е?* ‘Это самолет’. → *букв.* ‘Самолет ли (есть) это? / Это самолет ли (есть)?’

Перед фокусируемым элементом возможны тематические, топикализированные группы, а также частицы, союзы и другие элементы, создающие барьер (см. о понятии барьера в разделе 5.2.7): *Ама вие // оттук ли сте?* ‘Так вы отсюда?’; *Оттам // право тук ли идваш?* (П. Вежинов), *букв.* ‘Оттуда [ты] // прямо сюда приходишь?’, *Други въпроси // има ли?* ‘Другие вопросы есть?’, ср. также: *А деца // имате ли?*; *С него // видя ли се някой?*; *Иван // с тебе ли говореше?*

Болгарская частица *ли*, являясь универсальным маркером вопроса, своей позицией указывает на слово — фокус вопроса, ср. варианты возможных вопросов к предложению *Вчера тя беше тук.* → ***Тук ли*** *беше вчера?* / *Вчера* ***тук ли*** *беше?* — ***Вчера ли*** *беше тук?* — ***Тя ли*** *беше вчера тук?* Ср. русские соответствия, где основным средством является интонация и идентифицирующая частица *это* в последнем вопросе: *Вчера она была здесь.* — ***Здесь*** *она была вчера?* / *Вчера она* ***здесь*** *была?* — ***Вчера*** *она здесь была?* — *Это* ***она*** *была здесь вчера?*

Нали, ***дали*** и ***нима*** могут стоять не только в начале предложения. Предполагалось, что их положение несколько правее начала предложения можно связать с вопросом к предикату: если вопрос относится к глаголу, частицы стоят перед ним: *Нали* (*дали, нима*) *Мария се е върнала?* → *Мария нали* (*дали, нима*) *се е върнала?*

[39] Имеется обширная литература о функциях и синтаксисе болгарского *ли*; напр. [Izvorski et al. 1997; Rudin et al. 1997; 1999; Тишева 2002; 2005; Иванова 2013; Циммерлинг 2013а] и др.

[Пенчев 1984: 64]. В таких случаях частица отделяет тематическую часть предложения от рематической, влево от частицы располагаются тематическое подлежащее или детерминант: *А Вълчан // дали си е дошъл?*; *Вчера // нали се видяхте?*

Й. Тишева [2004а; 2005 и др.] предложила описывать место болгарских вопросительных частиц в предложении с опорой на теорию информационной структуры высказывания — топик / комментарий и фокус / фон (вслед за К. Рудин), с учетом общей схемы: Тема > Комплементизатор > Фокус > Глагольная группа.

Вопросительные частицы в этом смысле, разумеется, не являются однородной группой. Вопросительная частица *ли* действует как типичная энклитика; она влияет на элементы, которые ей предшествуют, при этом действует модифицирующе влево от места, которое она занимает в структуре предложения. Благодаря этому данная частица в болгарском языке определяется как суффикс в группе фокуса, см. [Rudin 1997].

Вопросительные частицы, которые имеют свое ударение, действуют вправо — на элементы, которые реализуются после них в структуре предложения. Место *дали*, как показала Й. Тишева, определяется его позицией комплементизатора. С точки зрения информационной структуры частица *дали* связана с обеими группами в предложении. Топик может предшествовать вопросительной частице:

Мария *дали* вече е прочела книгата?;
Книгата *дали* вече я прочела?;
На Иван книгата *дали* му я върнаха?

Будучи связана с фокусом, *дали* влияет на элементы справа от себя, смещая на них фокусирующее ударение. Когда *дали* стоит в начале предложения, обхват действия данной частицы расширяется, и каждая часть предложения может получить фокусирующее ударение. Например:

Дали ИВАН ще донесе книгата? (а не Петър);
Дали Иван ще донесе КНИГАТА? (а не списанията).

В сложных предложениях фокус может находиться и перед частицей. Частица может перемещаться вокруг позиции фокуса:

Чудя се *дали* КНИГИТЕ ще вземе Иван;
Чудя се КНИГИТЕ *дали* ще вземе Иван.

Что касается двух других вопросительных частиц — *нали* и *нима*, они, в отличие от *дали*, как отмечает Й. Тишева, не являются комплементизаторами. Употребляясь как показатели иллокутивной силы высказывания в общих прямых вопросах и в главных предложениях, они не используются в косвенных вопросах. В то же время в аспекте информационной структуры поведение частиц *нали*, *нима* относительно схоже с *дали* — они тоже маркируют топик высказывания, однако фокус не может расположиться перед *нали* и *нима*:

Мария *нали / нима* вече е прочела книгата?;
Книгата *нали / нима* вече я прочела?;
На Иван книгата *нали / нима* му я върнаха вече?

См. [Тишева 2004а: 146—152], также [Тишева 2004б; 2006; 2009а; Tisheva 2003].

1.2.3.1.6. ***Да-вопросы***. Частица *да* (основная функция которой прежде всего модальная), и особенно ее сочетания с *не* (*да не*, *да не би да*), очень активна в современном языке при формировании вопроса-предположения и риторического вопроса. Такие вопросы имеют разговорный оттенок, большинство из них модально окрашены, ср., напр., вопросы с *ли* и *да не*: *Той замина* ***ли*** *вече?* 'Он уже уехал?' — *Той* ***да не*** *е заминал вече?* 'Уж не уехал ли он уже?'

Да + PRES: *Да имате хляб?*; *Да имате в момента тази книга?*; *Да вземате в евро?*; *Някой от вас да играе на табла?* (Г. Гочев). Частица *да* с этой временной формой — это всегда прямой вопрос. В русском языке ему соответствуют разговорные формы вопроса, прежде всего с участием вводящей частицы *а*, ср.: ***А*** *хлеб есть?*; ***А*** *у вас сейчас есть эта книга?*; ***А*** *в евро берете?*

Да + PERF: *Защо се намръщи? Да съм му казала нещо обидно?* 'Почему он нахмурился? (Разве) Я сказала ему что-то обидное?' Такие вопросы подчеркивают, что предполагаемое прошедшее событие не является желаемой для говорящего возможностью. Этот вопрос выражает легкое недоумение, в отличие от подобного же вопроса с отрицанием (см. *да не + PERF* ниже), содержащего не столько недоумение, сколько озабоченность и обеспокоенность.

Да не / да няма + PRES: *Да не те чака някой?* 'Тебя *что*, кто-то ждет?'; *Да няма температура детето?* '*Уж* нет ли у ребенка температуры? / *А* нет ли у ребенка температуры?' Отличие данных предложений от обычных вопросов-предположений с *ли* (*Има ли температура детето?*) состоит в более четко высказанном предположении. Иначе говоря, *ли*-вопросом говорящий не показывает своей позиции, а *да не*-вопросом выражает сформированное предположение. Такой вопрос может быть не только прямым, но и риторическим: *Да не иска да ме излъже?* 'Уж не хочет ли он меня обмануть?'

Все формы с ***да не*** переводятся с участием разнообразных разговорных элементов с предположительным значением:

Да не сте от България? '*А* вы не из Болгарии? / Вы, *случайно*, не из Болгарии?';
Да не си болен? '*Да* ты не болен?';
Да няма температура детето? '*Уж* нет ли у ребенка температуры? / *А* у ребенка, *случайно*, не температура?'

Да не + PERF. Такие вопросы подчеркивают, что предполагаемое прошедшее событие — это нежелаемая, тревожащая говорящего возможность или же предположение, в которое говорящему слабо верится (подробнее о вариантах значения вопросов с *да не* с их русскими параллелями см. в работе [Иванова 2014а]):

Да не съм те обидил нещо? ‘Я *что*, тебя обидел?’;
Да не сме закъснели? ‘Мы *что*, опоздали?’;
Да не си се отказал пак да пушиш? (Б. Райнов). ‘*Неужто* ты опять бросил курить?’

Да не би да + PRES/PERF. Предложения с комплексом *да не би да* также являются вопросами предположения, но с бóльшей эмоциональной вовлеченностью говорящего в ситуацию:

Да не би да сте омъжена? ‘А разве вы замужем?’;
Да не би вашите служби да са пристъпили към борба с корупцията (Б. Райнов). ‘Неужто ваши службы занялись борьбой с коррупцией?’

Однако основное значение *да не би да*-конструкций — апрехенсивное[40]. Они указывают на обеспокоенность говорящего по поводу предположения о нежелательной ситуации (ср. русск. *неужто*, *не дай бог*, *как бы не*, *случайно не* [Добрушина 2006]). Примеры:

да не би да + PRES:
Да не би да хвърлят бомба върху нас? (Й. Радичков). ‘А вдруг на нас бомбу бросят?’;
Да не би и той да е тука? ‘А вдруг и он здесь?’;
Да не би да ми се сърдиш за нещо? (БНК) ‘Ты что, сердишься на меня за что-то?’;

да не би да + PERF:
Да не би да съм ви обидил? ‘Уж не обидел ли я вас?’;
Да не би да си подпитвала някого и изобщо да си извършила някоя глупост? — промърморих (Б. Райнов). ‘Ты случайно не пускалась в расспросы и вообще не совершила ли какую-нибудь глупость? — также шепотом спросил я’ (пер. А. Собковича).

Вопросы с *да не би да* активно используются и как риторические:

Сега защо го биеш? Кажи де, защо? Да не би той да е виновен, че нервите ти са станали идиотски? (Г. Данаилов). ‘Да зачем его бьешь? А, зачем? Он что, виноват, что у тебя с нервами не все в порядке?’;
И в Истанбул непрекъснато се строи. Това да не би да пречи на туристите?, възкликва шефът (БНК). ‘И в Стамбуле непрерывно строят. И что, разве это мешает туристам?’

1.2.3.2. Вопросы с полнозначными вопросительными словами

Предложения с полнозначными вопросительными словами служат для получения конкретной недостающей информации. Это частноинформативные вопросы («частные диктальные вопросы», по Ш. Балли).

[40] Аргументы в пользу того, что болгарская частица *да не би* является маркером апрехенсива, см. в [Иванова 2014а].

Как и в русском языке, прямые частноинформативные вопросы строятся с помощью вопросительных местоимений и наречий, напр.:

> *какво* ‘что’: *Какво е това?* ‘Что это?’; *Какво има тук?* ‘Что здесь (есть)?’;
> *кой* ‘кто’: *Кой е тук?* ‘Кто здесь?’;
> *къде* ‘где’ и ‘куда’: *Къде е Ира?* ‘Где Ира?’; *Къде отиваш?* ‘Куда ты идешь?’;
> *откъде* ‘откуда’: *Откъде сте?* ‘Вы откуда?’;
> *кога* ‘когда’: *Кога си лягаш?* ‘Когда ты ложишься спать?’;
> *защо* ‘почему’: *Защо плачеш?* ‘Почему ты плачешь?’;
> *колко* ‘сколько’: *Колко пари трябват?* ‘Сколько нужно денег?’

Несамостоятельно — в позиции квалификаторов или квантификаторов при именах существительных — могут употребляться только *кой*, *какъв*, *чий* и *колко.*

Чий и *колко* вносят в предложение свое собственное значение — «притяжательности» и «количества» [Пенчев 1984: 66]: *Чие е това портмоне?* ‘Чей это кошелек?’; *Колко пари ти трябват?* ‘Сколько тебе денег нужно?’

Выбор между атрибутивными *кой* (русск. *какой*, *который*) и *какъв* (русск. *какой*), по мнению Й. Пенчева, зависит только от определенности главного существительного: *Коя песен изпя? — Каква песен изпя?* ‘Какую ты песню спел?’. В первом вопросе предполагается, что спрашивающему известно множество (песен), но неизвестен выделенный в данной ситуации представитель множества. Вторым предложением требуется определить само множество [Там же], т. е. определить признак, по которому множество выделяется.

Таким образом, определяя существительное, местоимение *кой* (с формами *кой*, *коя*, *кое*, *кои*) соответствует русск. *какой*, *который* (из имеющихся возможных), напр. в уточняющих вопросах: *На кой етаж живееш?* ‘На каком этаже ты живешь?’; *От коя организация сте?* ‘Вы из какой организации?’

Какъв, *каква*, *какво*, *какви* используется прежде всего в вопросах о качественных характеристиках предмета: *Какъв цвят обичаш? — Червен.* ‘Какой цвет ты любишь? — Красный’; *Какъв хляб купувате обикновено? — Ръжен*. ‘Какой хлеб вы обычно покупаете? — Ржаной’.

Это различие сохраняется и в предикативном употреблении *кой* и *какъв*, ср.: *Каква е стаята ти? — Малка, но уютна* и *Коя е стаята ти? — Първата отляво*. Ср. русск. *Какой у тебя номер? — Маленький, но уютный*; *Который твой номер? — Первый справа.*

Обратим внимание на дополнительные семантические возможности этих местоимений в качестве именного предиката.

С помощью *какъв* в предикативной позиции строятся не только вопросы о качестве, но и вопросы о национальности и профессии: *Какъв е той? — Той е украинец*; *Той е дипломат*. Впрочем, чтобы не возникли коммуникативные недоразумения, обычно делают сопутствующие уточнения (далее подчеркнуты): *Какъв е той <u>по народност</u>? — Той е украинец* и *Какъв е той? <u>Какво работи</u>? — Той е дипломат*.

Местоимение *кой* предполагает в ответе общую информацию о лице (социальное, профессиональное, должностное положение): *Кой е това?* ‘Кто это?’; *Кой е този човек?* ‘Кто этот человек?’; *Коя*[41] *е тази жена?* ‘Кто эта женщина?’

Порядок слов в предложении с полнозначными вопросительными словами отличается от русского языка «подлежащно-сказуемостной инверсией» (И. Ликоманова). Это касается вопросов типа *Какво чете Иван?*, ср. русск. *Что Иван читает?*, см. [Пенчев 1993; Ликоманова 1998; Тишева 2001в]. В указанных работах это правило комментируется как необходимость в еще одной трансформации (г) в болгарском языке при порождении вопросительного предложения:

(а) Иван чете писмо.
(б) Иван какво чете?
(в) Какво Иван чете?
(г) Какво чете Иван? [Тишева 2001в: 194].

Местоимения *какъв* и *колко*, как и в русском языке, могут употребляться как восклицательные частицы-интенсификаторы: *Какъв чудесен ден!* (*Какъв ден!*) ‘Какой чудесный день! (Какой день!)’; *Какви цветя!* ‘Какие цветы!’; *Колко цветя!* ‘Сколько цветов!’. Обратим внимание: когда *колко* выступает в качестве интенсификатора при существительном, последнее сохраняет обычную форму мн. ч.: *Колко балони*! ‘Сколько шаров!’. Этим интенсифицирующее употребление *колко* отличается от квантификатора *колко*, требующего счетной формы существительных[42]: *Колко балона?* ‘Сколько шаров?’. В русском это различие отражается лишь в интонации: *Посмотри, сколько шаров!* и *Посмотри, сколько шаров?*

Напр.: *Я, татко,* ***колко*** *балон****и****! Купи ми няколко! —* ***Колко*** *балон****а*** *искаш?* ‘Смотри-ка, папа, сколько шаров! Купи мне несколько. — Сколько шаров ты хочешь?’

Особые функции имеет вопрос, оформленный **вопросительным словом с *да*-конструкцией**. Такие построения используются с модальным значением:

а) для выражения прямого запроса с оттенком возможности или долженствования. Такая конструкция соответствует русским инфинитивным модальным вопросам: *Как да го направя?* ‘Как мне это сделать? / Как я могу это сделать? / Как мне следует это сделать?’;

б) в качестве реплик-реакций с частичным повтором, выражающих возмущение:

Не мисли за това! — Как да не мисля за това! ‘Не думай об этом! — Как [мне] не думать об этом!’;

Ти не искаш да ми помогнеш — Как да не искам! Искам! ‘Ты не хочешь мне помочь. — Как не хотеть! Хочу!’;

---

[41] О возможности употребления форм женского рода и мн. ч. этого местоимения в позициях подлежащего и сказуемого см. разделы 1.2.5.1.2.4. и 1.2.5.2.3.2.

[42] Счетная форма образуется только у существительных мужского рода неличных, с помощью морфемы *а (я)*. Употребляется после количественных числительных, кроме *един*, в том числе после составных, а также после количественных местоимений *колко*, *няколко*, *толкова*: *два стола*, *три коня*, *пет учебника*, *двайсет и пет лева*, *трийсет и един тома*, *колко лева*.

Махни я! — Защо да я махам — картината е хубава. ‘Убери ее! — Зачем убирать — картина красивая’;

Знаеш ли за това? — Откъде да знам! ‘Ты знаешь об этом? — Откуда мне знать?’

По мнению Й. Пенчева, в конструкциях типа (а) элемент *да* является не специальной модальной частицей, а союзом, а вся конструкция трактуется как результат пропуска глагола, который требует связи через *да* с последующим глаголом: *Кога да дойда?* ← *Кога мога* (*трябва*) *да дойда?* [Пенчев 1984: 66—67]. Исходя из этого, можно предположить пропуск глагола не только в первом, но и во втором из рассмотренных контекстов употребления: *Не мисли за това! — Как* (*мога*) *да не мисля за това!*

1.2.3.3. Вопросы с полнозначными вопросительными словами и частицей ли

Такое предложение с двойным вопросительным словом — это всегда «неистинный» вопрос.

1. Частица *ли* при совместном употреблении с вопросительным наречием или местоимением маркирует «рефлексивный» вопрос, вопрос-раздумье (1.2.3.1.): *Защо ли не иска да ме види?*; *Къде ли се е скрил?*; *Къде ли е тя?* Поскольку вопросительное слово (местоимение или наречие) уже введено, *ли* здесь «не вопросительная, а модальная частица, которая передает удивление говорящего» [Пенчев 1984: 64].

Переводы на русский язык показывают, что наиболее частым эквивалентом такого болгарского вопроса являются русские «рефлексивные» вопросы с частицей *же*: *Защо ли не иска да ме види?* ‘Почему *же* он не хочет меня видеть?’; *Къде ли се е скрил?* — ‘Куда *же* он спрятался?’. Другие примеры:

*Пфюй! Мъжете как **ли** пият толкова много вино? И каква **ли** сладост намират в него?* (Г. Караславов); *Горката невеста, какво ѝ било писано! Как **ли** носи, как **ли** трае!* (Елин Пелин); *Какво **ли** ги чака! Какво **ли** ги чака миличките — мислеше с тъга той и ги гледаше мило и дълго, като че никога не беше ги виждал* (Елин Пелин).

2. Частица *ли*, замыкающая вопрос с полнозначным вопросительным словом, маркирует переспрос: *Питаш ме какво мога да ти кажа за тази жена **ли**?* ‘Ты спрашиваешь, что я могу сказать об этой женщине [ли]?’

Предложения-переспросы часто используются для того, чтобы выиграть время для обдумывания ответа. Эта прагматика эхо-вопросов с *ли* хорошо описана болгарским лингвистом Владко Мурдаровым (см. сайт журнала «Български език» — электронное приложение), показавшим функции *ли*-переспросов в ситуациях задержки ответа или ухода от ответа, ср., напр., диалоговые реплики журналиста и интервьюируемого:

А. — *Кой трябва да поеме отговорност за допуснатите злоупотреби?*
Б. — *Кой трябва да поеме отговорност за допуснатите злоупотреби **ли**?*

А. — Кто должен принять на себя ответственность за допущенные злоупотребления?

Б. — Кто должен принять на себя ответственность за допущенные злоупотребления [ли]?

См. также о частице *ли* в главе V (пп. 5.2.5, 5.2.6).

1.2.4. Отрицание в болгарском предложении

Наиболее характерными особенностями болгарского отрицательного предложения на фоне русского являются: а) наличие разных отрицательных показателей во временных и модальных формах глагола (при едином русск. *не*); б) возможность использования как двойного, так и одинарного отрицания при повторяющихся частицах *ни*, *нито*; в) превалирование смещенного к предикату отрицания; г) более частое, чем в русском, явление «подъема отрицания»; д) использование (в определенных грамматических условиях) вспомогательных глаголов при отрицательной ответной реплике; е) эксплицитная бытийная структура болгарских конструкций типа *няма с кого да поговори*, *няма къде да отида* — эквивалентов русских построений с имплицитной бытийностью *ей не с кем поговорить*, *мне некуда пойти* (эти конструкции рассмотрены в разделе 1.2.6.6.10).

Далее прокомментируем указанные особенности болгарского отрицания, а также явления двойного отрицания и полинегации.

Исходим из положения о том, что с семантической точки зрения различается **общее** и **частное отрицание** [Падучева 2011; 2013]. При общем отрицании сферой действия отрицания является все предложение: ***Не*** *съм пристрастен към алкохола,* ***не*** *обичам празни компании, пияни дърдорковци, ласкатели* (П. Вежинов). ‘Я не любитель выпить, не люблю шумных сборищ, пьяных болтунов, вообще богемы’ (пер. М. Тарасовой). Отрицание является частным, если в сферу его действия входит фрагмент смысла, не составляющий предложения [Падучева 1974]: *За това отговаряте* ***не*** <u>*вие*</u>. ‘За это отвечаете не вы’.

С синтаксической точки зрения различается **предикатное** и **непредикатное** («присловное» [Падучева 2011]) **отрицание**, ср.: *Поканените докладчици не дойдоха*. ‘Приглашенные докладчики не приехали’ и *Не всички от заявените участници дойдоха на тази конференция*. ‘Не все из заявленных участников приехали на эту конференцию’.

1.2.4.1. Набор средств выражения отрицания

1.2.4.1.1. Частица *не*. Основное средство формирования отрицательного предложения в болгарском языке, как и в русском, — это отрицательная частица ***не***[43]. Как и в русском, частица *не* — это показатель отрицания с максимально широкой сочетаемостью (иначе, элемент с высокой дистрибутивностью), но указанные

[43] Частица *не* употребляется и самостоятельно в качестве отрицательного ответа (ср. русск. *Нет*), при этом оно обязательно ударное: *Искаш ли сладолед? — Не́*; *Ти ли му каза за това? Не́-не́!* (*Не́, не́!*). О расширении отрицательного ответа см. ниже.

выше особенности болгарского отрицательного предложения значительно сужают сферу ее дистрибутивности по сравнению с русским языком: частица *не* чаще оказывается при глаголе, но даже и в таком случае в ряде временных и модальных форм должны быть выбраны другие показатели отрицания — глаголы *нямам* и *няма*, частицы *няма* и *недей*(*те*), см. далее.

При общем отрицании частица ставится перед сказуемым и всегда пишется с ним отдельно: *Брат ми не замина, той е тук.* 'Брат не уехал, он здесь'; *Не знам какво става с мен.* 'Не знаю, что со мной происходит'.

От простого сказуемого *не* может быть отделено клитиками, которым частица передает ударение: *Не тé видях*; *Не мý се сърди*[44].

В составном сказуемом с модальными глаголами *не* ставится перед тем глаголом, который входит в сферу действия отрицания, ср.: *Не може да знае това*. 'Он не может этого знать' и *Може* (*и*) *да не знае това*. 'Он может этого (и) не знать'.

Сказуемые с фазисным глаголом требуют отрицания перед всем сказуемым: *Не спря да вика дори когато му направихме забележка.* 'Он не прекратил кричать, даже когда мы ему сделали замечание'. Отрицание перед основным глаголом не исключено, но требует введения альтернативной информации: *Вече започвам не да се тревожа, а направо да се депресирам.* 'Я уже начинаю не тревожиться, а прямо-таки депрессировать'.

В предложении с неглагольным сказуемым *не* стоит перед вспомогательным глаголом (который в болгарском языке в норме не опускается): *Той не е виновен.* 'Он не виновен'; *Той не е тук.* 'Он не здесь'. *Не* вместе со связкой может отделяться от именного или наречного предикативного компонента некоторыми одно- и двусложными временными обстоятельствами (*вече*, *още*, *сега*, *пак*): *Не съм <u>вече</u> млад.* 'Я уже не молод'; *Той не е <u>още</u> тука.* 'Он еще не здесь'. Из этого, в частности, следует, что при именном предикате область, занимаемая в русском языке непредикатным общим отрицанием, в болгарском соответствует области с предикатным отрицанием.

При частном отрицании частица *не* отрицает информацию, содержащуюся в актантах, сирконстантах, атрибутивных компонентах. Хотя, как было сказано, в болгарском языке превалирует смещенное отрицание, возможна постановка отрицательной частицы как присловной, при отрицаемом компоненте. Частица *не* при этом ударная[45]: *Те отидоха там нé по своя воля.* 'Они пошли туда не по своей воле', также: *Бях я виждал нé такава разсеяна*; *Нé за лична изгода го прави*; *Нé винаги успяваше да се обуздае* (Е. Манов); *Нé за нея днес е думата* [Вътов 1987: 77]. Частное отрицание часто имеет эксплицитную альтернативу: *Ако нé от мене, от децата си се засрамете! — каза им той* (Елин Пелин). 'Если не меня, так детей своих постыдитесь'.

---

[44] О порядке слов в отрицательных предложениях с клитиками см. раздел «Болгарские клитики».

[45] «Собственное ударение» болгарской частицы *не* «фонетически проявляется только при условии, когда она стоит не перед глаголом и не перед клитиками»: *Нé ти*; *Нé в гората* [Пенчев 1984: 63], т. е. при непредикатном отрицании.

1.2.4.1.2. Глаголы *нямам* и ***няма*** являются средством общего отрицания.

Спрягаемый глагол ***нямам*** является отрицательным коррелятом глагола *имам*: *Нямам приятел.* ‘У меня нет друга’; *Нямат ли съвест тези хора?*, *букв.* ‘Нет ли совести у этих людей?’

Безличный глагол ***няма*** **—** это отрицательный коррелят глагола *има*, основного бытийного глагола [Иванова 2002] в болгарском языке: *Тук няма интернет.* ‘Здесь нет Интернета’; *Няма никакви хора тук*. ‘Здесь нет никаких людей’.

1.2.4.1.3. Неизменяемая **частица *няма*** входит в состав отрицательной глагольной формы будущего времени, ср. положительную форму, образуемую с помощью частицы *ще*, и отрицательную, образуемую с помощью частицы *няма* и *да*-конструкции от основного глагола: *Ще вали. — Няма да вали* ‘Будет дождь. — Не будет дождя’; *Събев ще дойде тази вечер. — Събев няма да дойде тази вечер* ‘Сыбев придет вечером. — Сыбев не придет вечером’.

Обратим внимание, что отрицательная форма будущего времени глагола *имам — няма да имам*, глагола *има — няма да има*, ср.: *После няма да имаш време за това.* ‘Потом у тебя не будет времени на это’; *Сега там няма да има опашка, ще се справим бързо.* ‘Сейчас очереди там не будет, мы быстро справимся’.

Частица *няма* входит в состав отрицательных форм еще ряда времен: будущего в прошедшем (*<u>Нямаше да</u> те <u>позная</u>*), будущего предварительного (*<u>Няма да се е приготвил</u> до 6 часа*) — и нескольких отрицательных пересказывательных и конклюзивных форм: умозаключительного будущего (*<u>Нямало е да бъде</u> това, което е днес*), умозаключительного результативного будущего (*<u>Нямало са да са пристигнали</u> в селото и затова е трябвало да се изчака*), пересказывательного будущего (*Болното дете <u>нямало да издържи</u> толкова пътуване с кола*), пересказывательного результативного будущего (*Опасява се, че <u>нямало да съм приготвил</u> добре урока си, ако дойдел да ме повика в пет часа*) и некоторых других, очень редких, см. [Куцаров 2007: 388—406].

1.2.4.1.4. Частица *недей* и форма для мн. ч. ***недейте*** входят в состав отрицательной аналитической формы повелительного наклонения 2 л. (ед. и мн. ч.). Степень категоричности варьируется от категорического запрета ‘прекрати’, ‘не смей’ до просьбы, утешения ‘не надо’, ср.: *Недей да казваш глупости!* ‘Прекрати говорить глупости!’; *Недей да плачеш, миличката.* ‘Перестань плакать, милая’.

1.2.4.1.5. Отрицательные **частицы / союзы *нито*** и более редкое ***ни***. Как и русская частица *ни*, они могут употребляться однократно в качестве усилительной частицы (***Нито*** *дума!* ‘Ни слова!’; ***Ни*** *крачка назад!* ‘Ни шагу назад!’) либо многократно в качестве повторяющегося союза, напр.: *Не бях* ***нито*** *стреснат,* ***нито*** *ядосан,* ***нито*** *изненадан дори* (П. Вежинов). ‘Я не был ни взволнован, ни возмущен, ни даже удивлен’ (пер. М. Тарасовой).

Выступая в качестве союзов, эти частицы имеют некоторые специфические характеристики, определяющие их особое место в структуре болгарского отрицательного предложения:

а) они могут применяться как для общего, так и для частного отрицания, ср. соответственно:

Морис, лошо ми е, отвори! И понеже ***нито*** *отварям,* ***нито*** *давам признаци на живот, жената се обслужва сама и натиска бравата* (Б. Райнов). ‘Морис, мне плохо, открой! Но поскольку я не открываю и не подаю признаков жизни, женщина переходит на самообслуживание — нажимает на дверную ручку’ (пер. А. Собковича);

Само че Ришар не се обажда ***нито*** *на следващия ден,* ***нито*** *на по-следващия* (Б. Райнов). ‘Однако господин Ришар не дает о себе знать ни на другой день, ни на третий’ (пер. А. Собковича);

б) если отрицаемый ими сегмент находится в препозиции к сказуемому, *нито* и *ни* способны выступать в качестве единственного отрицательного средства, что для их русских аналогов невозможно, см. об этом также [Блажев 2007: 152]. Иначе говоря, сказуемое при препозиции сегмента с *нито* и *ни* выступает в положительной форме:

Нито *елегантната униформа,* ***нито*** *лачените ботуши, които бе сложил сега, можеха да скрият в телосложението му печата на старостта, жалката сломеност на грохнал и разнебитен от алкохола мъж* (Д. Димов). ‘Ни элегантный мундир, ни обутые ради случая лаковые сапоги не могли стереть (*букв.* могли стереть) печать преждевременной старости, жалкого безволия сломленного пьянством человека’ (пер. Н. Попова и др.);

През свободните минути нашите разговори вървят все в този тон, понеже сме се разбрали, че ***нито*** *в хотела,* ***нито*** *тук ще говорим за по-сериозни неща* (Б. Райнов). ‘И в свободные минуты наши разговоры носят примерно такой же характер, поскольку нам стало ясно, что ни в отеле, ни здесь о серьезных вещах говорить не приходится (*букв.* будем говорить)’ (пер. А. Собковича).

При этом отрицательные местоимения и наречия заменяются на неопределенные:

Аз ***нито*** *съм ви предлагал нещо,* ***нито*** *съм искал нещо* (Б. Райнов). ‘Я вам ничего не предлагал и вас ни о чем не просил’ (пер. А. Собковича), *букв.* ‘Я вам ни что-то предлагал, ни что-то просил у вас’;

в) в ином случае, располагаясь в постпозиции к сказуемому, эти союзы — лишь средство усиления отрицания и требуют отрицательной формы сказуемого:

Учудването, което изигравам, ***не*** *е* ***нито*** *много силно,* ***нито*** *много слабо* (Б. Райнов). ‘Удивление, которое я изображаю на своем лице, не слишком сильное, но и не слабое’ (пер. А. Собковича), *букв.* ‘…не является ни слишком сильным, ни слишком слабым’;

г) при отрицательной форме сказуемого и его препозиции к отрицаемым фрагментам данные союзы способны функционировать с опущением первой составляющей, при этом:

— если *нито* отрицает непредикатный элемент, то опущение первого элемента повторяющегося союза факультативно, ср. примеры ниже с одиночным *нито* и с двойным *нито*:

*Бунтовниците не влязоха в града тая нощ, **нито** на другия ден* (Д. Димов). 'Бунтовщики не вступили в город ни ночью, ни на следующий день' (пер. Н. Попова и др.), *букв.* '…не вступили в город ночью, ни на следующий день';

*Увлечена, тя **не** забелязва **нито** намиганията, **нито** гримасите на сестра ми* (П. Вежинов). 'Увлеченная, она не замечает ни подмигиваний, ни гримас сестры' (пер. Л. Лихачевой);

— если отрицается предикат, то опущение первого элемента союза становится обязательным:

***Не** съм оставяла документи, **нито** съм подавала молби* (Б. Райнов). 'Я ни документов не оставляла, ни заявления не подавала' (пер. А. Собковича), *букв.* 'Я документов не оставляла, ни заявления подавала'.

См. также о соединительной функции данного союза в разделе 1.4.1.1, там же — о способах перевода таких конструкций на русский язык.

1.2.4.1.6. Отрицательные местоимения[46], которые активно включаются в отрицательное предложение, образуют полинегативную структуру (см. 1.2.4.2), но сами по себе, без общего отрицания, не создают отрицательной пропозиции. Только в неполном предложении при опущении бытийных глаголов *нямам*, *няма* эти местоимения являются единственным эксплицированным отрицательным средством: *Никакво движение, никакви признаци на живот* (Й. Йовков). 'Никакого движения, никаких признаков жизни'.

1.2.4.2. Полинегация

Усиление отрицания достигается одновременным использованием общего отрицания и других отрицательных показателей — отрицательных местоимений, наречий, частиц. Как и в русском языке, они образуют полинегацию (ср. понятие «кумулятивного отрицания» в [Падучева 2013: 71—72]) — многократное употребление отрицательных элементов в рамках одного простого предложения при сохранении отрицательного значения предложения [Лашкова 1976б]. Использование отрицательных наречий и местоимений вне отрицательного предиката недопустимо, не составляют исключения и неполные предложения типа *Никога, нито за миг* ниже:

*Лекари с писалки сновяха загрижено между тях, **никой никого не** поглеждаше и **не** поздравяваше* (П. Вежинов). 'Врачи с авторучками в руках озабоченно сновали

[46] Отрицательные местоимения и наречия образуются с помощью префикса *ни* от вопросительных местоимений и наречий: *никой*, *ничий*, *никакъв*, *нищо*, *никога*, *никак*, *никъде* и др.

среди них, никто ни на кого не обращал внимания, никто ни с кем не здоровался' (пер. М. Тарасовой);

Никога *през общия им живот тя* ***не*** *бе го гледала с такива очи и* ***никога*** *така* ***не*** *се бе усмихвала.* ***Никога, нито*** *за миг* (П. Вежинов). 'Никогда за всю их совместную жизнь она не смотрела на него такими глазами и никогда ему так не улыбалась. Никогда, ни на мгновение'.

Обязательность присутствия в отрицательном предложении рассматриваемых элементов различна. В некоторых позициях (прежде всего определительных, в меньшей степени сирконстантных) отрицательные местоимения являются только средством эмфазы отрицания и могут быть удалены из предложения без существенных смысловых потерь (помимо экспрессивных): *Това няма* (*никакъв*) *смисъл!* 'Это не имеет (никакого) смысла!', см. также: *Не го видях* (*никъде*); *Няма да се върна тук* (*никога*)*!* Однако в актантных позициях полинегативного предложения они обычно играют важную структурную и семантическую роль: *Никой не дойде.* 'Никто не пришел'; *На никого не казах нищо.* 'Я никому ничего не сказал'.

1.2.4.3. Двойное отрицание

В болгарском языке возможно и двойное отрицание. В типичном случае оба отрицания относятся к сказуемому.

При именном сказуемом первое *не* располагается перед связочным компонентом, а второе входит в состав предикативной части: *Това не е невъзможно* (ср. с синонимичным утвердительным *Това е възможно*); *Тази постъпка не е неразумна* (ср. *Тази постъпка е разумна*). Что касается возможности расположить *не* перед именным компонентом (*Не неразумна е тази постъпка*), то она не исключена полностью, но требует серьезной поддержки контекста, поскольку воспринимается как инверсия, не характерная для болгарского порядка слов и нарушающая правило расстановки *не* и вспомогательного глагола, ср. предлагаемые Р. Кордовской возможные продолжения при присловном *не*: *Не неразумна е тази постъпка, а необходима / безумна / обмислена*, в то время как отрицание при предикате коммуникативно самодостаточно [Кордовска 1998: 4].

Чаще двойное отрицание встречается при составном глагольном сказуемом. В примерах ниже первое отрицание относится к глагольному компоненту, выражающему эпистемическую модальность [Пашов 1999: 301]: *Иван не може да не знае*. 'Иван не может не знать', ср. *Иван положително знае*. 'Иван наверняка знает'; *Вие не може да не сте чули*. 'Вы не могли не слышать', ср. *Вие на всяка цена сте чули*. 'Вы, несомненно, слышали'. См. о мнимом отрицании и в [Зозикова 2001].

1.2.4.4. Смещение частного отрицания

Наиболее характерная особенность болгарского отрицательного предложения на фоне русского состоит в оформлении частного отрицания как предикатного.

Явление смещения частного отрицания состоит в том, что отрицательная частица *не* уходит со своего синтаксического места при непредикатном отрицании

и передвигается к сказуемому, хотя в сфере действия отрицания находится другой член предложения.

Таким образом, в болгарском языке предложение оказывается построено по (синтаксически) предикатному типу как в случае (семантически) общего, так и частного отрицания, ср. соответственно: *Не нося вестници* и *Не нося вестници* (*а списания*), в отличие от русского: *Я не принес газет* и *Я принес не газеты* (*а журналы*).

Из всех средств выражения отрицания в болгарском языке смещаться, вообще говоря, может только частица *не*, но при этом глагольное сказуемое, принимая смещенное отрицание, требует в некоторых формах использования иных отрицательных элементов — *нямам*, *няма*. Другие отрицательные средства не включаются в это перемещение.

В болгарском языке, в связи со смещением болгарского присловного отрицания к предикату, больше, чем в русском, случаев двойного толкования отрицательных предложений. Так, отдельно взятое предложение *Не търся билети* может означать ‘Не търся нищо, а чакам (някого)’ (Не ищу билеты, а жду кого-л.) или ‘Не търся билети, а един човек (търся)’ (Не билеты ищу, а одного человека) [Пенчев 1984: 63].

Поскольку смещенное частное отрицание интонационно не отличается от обычного общего отрицания[47], возрастает роль контекста для снятия двузначности. В письменной речи зону исходного отрицания помогают очертить средства контекста, напр.:

а) зона альтернативной информации. Иначе говоря, сфера действия отрицания оценивается в соответствии с зоной альтернативной информации [Тополињска 2009: 25—27], далее эта зона подчеркнута: *Не донесох вестници, а само книги.* ‘Я принес не газеты, а только журналы’; *Той не замина вчера, а преди една седмица.* ‘Он уехал не вчера, а неделю назад’, также: *Не си обърнал внимание на съдържанието, а на формата*; *Не е казал това, а нещо съвсем друго*;

б) распространители сказуемого, которые при толковании отрицания как общего были бы неуместны: *Не го е убил с чук* (*букв.* ‘Он не убил его молотком’); *Не чувам добре* (*букв.* ‘Я не слышу хорошо’); также: *Те не произнасят добре звук* «ъ»; *Това за татковците не ти го казвам случайно* (Н. Десев); *Пилотът не отговори веднага* (П. Вежинов);

в) наличие им. падежа личного местоимения на фоне обычного его отсутствия: *Не съм го казал аз!* ‘Я↓ этого не говорил’ (ср. общее отрицание *Не съм го казал*). В сферу действия отрицания в таком случае входит только актант, выраженный им. падежом личного местоимения;

г) полная форма косвенного падежа личного местоимения вместо краткой (т. е. местоимение находится в зоне «логической» выделенности): *Не чаках теб.* ‘Тебя

[47] Как уже было сказано ранее, смещаясь к глаголу или оказываясь перед клитикой, частица *не* теряет свою ударность, которую она имеет, находясь при отрицаемом неглагольном компоненте, напр.: *Не́ за лична изгода правя това.* → *Не пра́вя това за лична изгода*, так что при смещении синтагменное ударение то же, что и при обычном предикатном отрицании.

я не ждал’ (ср. общее отрицание *Не те чаках.* ‘Я тебя не ждал’) или наряду с краткой: *Не те чаках <u>теб</u>*. Первый вариант *Не чаках <u>теб</u>* предполагает расширение высказывания положительной частью: *Не чаках теб, а Стоян.* ‘Я ждал не тебя, а Стояна’, второй вариант служит для усиления логического выделения местоимения: *Не те чаках теб.* ‘Вот тебя-то я не ждал’;

д) нестандартный порядок слов. Так, Р. Кордовска [1998: 4] отмечает вынос рематического второстепенного компонента в предглагольную позицию: *<u>С този изход</u> не се решава кризата.* ‘Этим путем кризис не решается’, ср. с финальным частным присловным отрицанием: *Кризата се решава не с този изход.* ‘Кризис решается не этим путем’, ср. также: *<u>Повече от друг път</u> не четоха* и *Четоха не повече от друг път.*

К показателям порядка слов относятся и случаи, когда сегмент, находящийся в сфере действия частного отрицания, занимает не характерное для данного элемента предложения место, как обстоятельство *всеки ден*, разрывающее группу V + O в примере: *Очевидно в това малко ресторантче не пиеха всеки ден херес* (П. Вежинов). ‘Не каждый день, видно, в этом кабачке заказывали херес’ (пер. М. Тарасовой), *букв.* ‘…не пили каждый день херес’.

Безусловно, существуют и иные средства контекста, указывающие на смещенное отрицание. Это, собственно, любые средства, создающие «асимметрию» (Р. Кордовска) смысла и формы отрицательного предложения. Так, подсказкой, указывающей на смещенное непредикатное отрицание, может быть и гиперболизация: *Около Етоал няма един милион хотели. Всичките ще ги проверим* (Б. Райнов), пример Л. Лашковой [1976а: 95]. ‘Около Этоаля не так уж и много гостиниц. Мы все их проверим’ (*букв.* ‘Около Этоаля нет миллиона гостиниц…’).

Хотя для болгарского языка более распространено смещенное отрицание, в ряде случаев постановка отрицания при отрицаемом непредикатном компоненте является единственно возможным вариантом. Так, всегда сохраняет свое положение *не* при инверсии отрицаемого члена предложения с целью его акцентирования: *Не Стоян, а жена му го е казала.* ‘Не Стоян, а его жена это сказала’; *Не за нея мисля.* ‘Не о ней я думаю’. При отрицании сочиненных групп смещения тоже не происходит: *Брат ми замина не вчера и не за Санкт Петербург.* ‘Брат уехал не вчера и не в Санкт-Петербург’; *Упрекваше вече не Мария, не съдбата, а себе си* (С. Мокрев). ‘Он упрекал уже не Марию, не судьбу, а самого себя’. При этом отрицание ставится перед каждым из сочиненных элементов.

Важно учитывать также и синтаксические факторы, связанные с наличием в болгарском языке энклитических элементов. В предложении с составным именным сказуемым *не* чаще всего стоит перед связочным компонентом — порядок, обусловленный правилами расстановки клитик в болгарском предложении: *Той не е виновен*; *Той не ми е приятел*; *Мария не е любезна с клиентите*. Этот же порядок распространяется и на неклитические (точнее, полуклитические) формы связки: *Изглежда, момичето не беше това, което отначало помислих* (П. Вежинов).

В некоторых типах с л о ж н ы х п р е д л о ж е н и й тоже наблюдается смещение отрицания — от подчинительного союзного средства к сказуемому главного предложения: ***Не*** *го казах, за да те обидя* (ср. *Казах го,* ***не*** *за да те обидя*), *букв.* ‘Я не сказал это, чтобы тебя обидеть’. Это явление известно как «подъем отрицания». Ни при одном типе сложных предложений такое смещение не является обязательным. Наиболее регулярно смещается отрицание в предложениях цели: ***Не*** *дойдох тука, за да се карам с вас.* ‘Я пришел сюда не для того, чтобы ссориться с вами’ (*букв.* ‘не пришел сюда для того, чтобы…’), также: ***Не*** *е отишъл да я арестува, а да я убие*; ***Не*** *бях естраден композитор, за да ме гледат с опулени очи момичетата от модерните кафенета* (П. Вежинов), однако для многих других разновидностей придаточных предложений передвижение частицы нехарактерно.

Условия, при которых сохраняется (или предпочитается) несмещенный вариант отрицания, еще требуют изучения. На данный момент они остаются не до конца решенным вопросом болгарской лингвистики, как и допустимость самих вариантов с несмещенным отрицанием, см. [ГСБКЕ 1983-3; Вътов 1987; Лашкова, Шверчек 1979; Илиева Л. 1995 и др.].

1.2.4.5. Отрицание в ответах на вопросы

1.2.4.5.1. Отрицательные ответы на положительный вопрос содержат повтор (обычно частичный) фокуса вопроса: *Искаш ли сладолед? — Не, не искам*. В целом, принципы выбора повторяемой части те же, что и в русском, ср. некоторые варианты ответов ниже.

Отличие болгарского языка от русского заключается лишь в обязательном использовании вспомогательных глагольных компонентов в некоторых глагольных формах отрицательного ответа. При наличии в реплике-вопросе глагола в форме перфекта или сказуемого со связочным *съм* при ответе используется повтор отрицания с ударной глагольной энклитикой:

Чувал ли си за него? (*Не си́ ли чувал за него?*) *— Не, не съ́м*. ‘Ты слышал о нем? — Нет’.

Българка ли си? — Не, не съ́м. ‘Ты болгарка? — Нет’.

Уморени ли сте? — Не, не сме́. ‘Вы устали? — Нет’.

Обратим внимание, что подобный же ответ мы получим и в тех случаях, когда вопрос задан в форме аориста, а ответ требуется дать в перфекте, поскольку отрицание никогда не случавшегося события — это прямой контекст для употребления перфекта: *Ти ли донесе това? — Не, не съ́м* (ср. *Не съм го донесъл аз*), пример П. Пашова [1999: 301].

Ответ на общий вопрос, заданный в форме будущего времени, формулируется с помощью *не* или же вспомогательной частицы *няма*: *Ще дойдеш ли утре? — Не. Няма*.

1.2.4.5.2. В ответе на **отрицательную форму *да/не* вопроса** (вопросительно-отрицательное предложение) используются отрицательные частицы *не*, *няма*,

которые способны выступать и самостоятельно: *Ти не мé ли познаваш? — Не. / Не, не тé познавам*. ‘Ты меня не знаешь? — Нет. / Нет, не знаю’; *Няма ли да дойдеш? — Няма.* Редким является синонимичный ответ с утвердительной частицей, но при обязательном введении отрицательной поясняющей части: *Да, не тé познавам.* При противоположном ответе используется самостоятельная отрицательная частица с обязательным утвердительным пояснением: *Ти не мé ли познаваш? — Не, познавам те* [Лакова 1978: 430; Пенчев 1984: 61; Илиева Л. 1995: 22—23].

1.2.4.5.3. Ответной репликой согласия **на отрицательную форму побуждения или просьбы** является *няма*: *Не го обиждай. — Няма*. ‘Не обижай его. — Не буду’; *Недей да ми се бъркаш в работата. — Добре, няма*. ‘Перестань вмешиваться в мои дела. — Хорошо, не буду’; *Не забравяй, че те обичам! — Е, спокойно, де, няма*. (Н. Десев). ‘Не забывай, что я тебя люблю. — Да успокойся, не забуду’, *букв.* ‘не буду’.

Примечание. Как и в русском языке, в болгарском существуют словообразовательные элементы с семантикой отрицания (*беззвучен*, *безизразен*, *бездъждовен*, *бездействие*).

Есть лексемы, где *не* может входить или не входить в состав предикатного имени: *неучтив*, *неголям*, *неверен* и др.: *Той не е учтив. — Той е неучтив*; *Отговорът не е верен*. — *Отговорът е неверен.* Однако в русском и болгарском языках не только различается набор подобных лексем с необязательным встроенным негатором, но в болгарском языке второй способ построения в принципе встречается редко, что связано как с регулярным смещением присловного отрицания к предикату, так и с правилом постановки глагольной клитики сразу после *не* при отсутствии других клитик. Эти закономерности оказывают влияние и на лексемы, допускающие варианты со встроенной или отдельной негацией, так что структуры типа *Той е неучтив* ограничены в употреблении, хотя и не запрещены. Последствия этих ограничений ощущаются и при двойном отрицании, см. выше.

Представлен и широкий круг средств имплицитного отрицания — как в составе значения слова (*лишен* (*от*), *липсва* в знач. ‘не хватает’, напр.: *Какво ти липсва?* ‘Чего тебе не хватает?’), так и в сфере разнообразных конструкций. Поскольку эти средства далее не рассматриваются, коротко очертим их круг. Прежде всего это эхо-реплики и частичные повторы с фразеологизированной структурой: *Кажи му го! — Защо да му казвам?* ‘Скажи ему об этом! — Зачем мне ему говорить!’, с частицами: *Разбра ли те? — Ами, разбра!* ‘Он понял тебя? — Ну да, понял!’ = ‘Не понял’, в том числе с «эмфатическим» дативом: *Кой ти слуша?* ‘Да кому это надо’, *букв.* ‘Кто тебе слушает?’; *Къде ти пари?* ‘Какие там деньги!’, *букв.* ‘Где тебе деньги?’

В качестве имплицитного отрицания можно рассматривать и пейоративное *един*: *И той е един учен* (см. 2.2, п. 2), и риторические вопросы-сомнения (см. 1.2.3) и др. Как и в русском, важнейшую роль в оформлении имплицитного отрицания играет интонация и порядок слов, ср. положительное высказывание *Трябва ми много да се срещна с него* ‘Мне очень нужно встретиться с ним’ и высказывание с отрицательным значением *Много ми трябва да се срещам с него!* ‘Очень мне нужно встречаться с ним!’

Убедительные аргументы для включения подчинительного союза *без да* в ряд средств предикатного отрицания выдвинула Л. Лашкова [1973: 79—82], см. о нем 1.4.2.4.2.2.

1.2.5. Двусоставное предложение

1.2.5.1. Подлежащее в болгарском предложении и способы его выражения

Основным признаком канонического подлежащего в болгарском языке является контроль согласования с финитным глаголом (сказуемым). Форма им. падежа, которая является для русского языка важнейшим грамматическим показателем подлежащего, для болгарских существительных нерелевантна ввиду отсутствия падежного изменения. Тем не менее можно выделить еще несколько важных признаков «подлежащного статуса» ИГ в болгарском языке:

1) при местоименной замене подлежащего используется им. падеж[48]: ***Той** сякаш бе роден, за да преуспее в света на тютюна* (Д. Димов). ‘Он будто был рожден для того, чтобы преуспеть в мире табака’. Такую же местоименную замену может допускать, однако, и предикативное имя: *Това е **тя**, жената в черно.* ‘Это она, женщина в черном’;

2) в письменной речи при подлежащной ИГ требуется полная форма определенного артикля (разумеется, если вообще имеются условия для постановки определенного артикля), например:

> *Сърп**ът*** *блестеше в ръцете ѝ* (Елин Пелин). ‘Серп блестел в ее руках’; *По това време май че е отворен само нощни**ят** ресторант на хотел* «*София*» (П. Вежинов). ‘В это время открыт, пожалуй, только ночной ресторан гостиницы «София»’ (пер. М. Тарасовой).

Такой же артикль может принимать, однако, и ИГ в предикативной позиции: *Това е директор**ът** на училището*. ‘Это директор школы’. Кроме того, различение полного и краткого артикля, отражающее синтаксическую функцию ИГ в предложении (главная либо второстепенная часть), возможно лишь у существительных мужского рода и согласованных определений к ним, см. раздел 2.1.1;

3) подлежащее, как известно, способно к контролю рефлексивизации, см. в примерах далее контролируемое подлежащим:

а) полное и краткое возвратно-притяжательное местоимение:

> …*Кожата върху едно от стъпалата ѝ като че беше загубила **своята** чувствителност* (Д. Димов). ‘…Кожа на одной из ее ступней как будто потеряла свою чувствительность’; …*Пречи им дяволът. Той ги държи в ръцете **си*** (Елин Пелин). ‘…Это дьявол им мешает. Он держит их в своих руках’;

б) полное и краткое возвратно-личное местоимение:

> *Тръгнах, но не чух никакви стъпки след **себе си*** (П. Вежинов). ‘Я двинулся, но не услышал шагов позади себя’; *Всяка сутрин **си** купуваше по един вестник.* ‘Каждое утро он покупал себе газету’.

---

[48] Устойчивые падежные формы (им., вин. и дат. падежа) сохранились прежде всего у личных местоимений. См. остатки падежных форм иных разрядов в разделе 1.2.5.1.2.4.

Как и в русском языке, рефлексивизацию контролирует не только каноническое подлежащее. По [Ницолова 2008а: 158—159], полная форма возвратного личного местоимения[49] может иметь контролером дополнение в роли экспериенцера (субъекта психического или физиологического состояния, далее подчеркнут): *Него* *го беше яд* ***на себе си***, *букв.* 'Его зло брало на себя'; *Жал ѝ беше за децата и* ***за себе си***. 'Ей было жаль и детей, и саму себя'. Кроме того, контролером возвратно-личного местоимения может быть и субъект «второстепенного предиката», в том числе в случаях, когда этот субъект некореферентен с подлежащим:

> *Аз често го виждах недоволен от* ***себе си***. 'Я часто видел его недовольным собой'; *Рядко по лицето му откривах задоволство от* ***себе си***. 'Я редко замечал на его лице удовлетворение собой'; *Авторът представя героя си в един мъчителен период на борба със* ***себе си***. 'Автор показывает своего героя в мучительный период борьбы с самим собой' [Там же];

4) в связи с отсутствием падежного изменения у большинства именных частей речи в болгарском языке бóльшее значение имеет начальная позиция подлежащего в предложении, которая позволяет отличить подлежащее от дополнения в коммуникативно-нейтральных структурах (5.1.1. и 5.1.2.1)

Варианты морфолого-синтаксического наполнения канонической подлежащной ИГ, в целом, такие же, как и в русском языке. Не представлено только инфинитивное подлежащее. Вместо русского инфинитива в болгарском языке используется *да*-конструкция (о ее образовании см. в разделе 1.2.5.2.2), при этом употребление ее в позиции подлежащего формирует в болгарском языке не простое, а сложноподчиненное предложение.

В сопоставительном плане наибольшее внимание стоит обратить на местоименное подлежащее. Поскольку болгарский язык в целом проявляет себя как нулевоподлежащный язык ([Кръпова 1990: 155], вслед за [Rizzi 1982; Ликоманова 1998]), употребление личного местоимения как подлежащего связано с рядом существенных ограничений. Ниже будут показаны условия его наличия / отсутствия, а также комплекс вопросов, связанных со спецификой эксплицитного местоименного подлежащего: выбор между указательным и личным местоимением при дейксисе и кореференции, особенности вопросительных местоимений в позиции подлежащего, употребление референциально неоднозначного местоимения *то* и закономерности использования просентенциального *това*.

1.2.5.1.1. Субстантивное подлежащее

Способы морфологического выражения субстантивного подлежащего, в целом, такие же, как и в русском языке: существительное либо субстантивированное прилагательное, причастие, числительное; имеется и междометное подлежащее, отме-

[49] Только полная форма, но не краткая. Этот факт, как отмечает Р. Ницолова, вызывает серьезные сомнения относительно того, являются ли полная и краткая формы возвратно-личного местоимения одной и той же лексемой [2008а: 158].

чается и метаязыковое употребление разных частей речи и синтаксических единиц. Приведем далее примеры морфологического выражения субстантивного подлежащего, комментируя лишь различия болгарского и русского языков.

В роли эксплицитного подлежащего в болгарском языке обычно выступает **существительное**: ***Следователят*** *тръгна след нея* (Д. Шумналиев). ‘Следователь двинулся за ней’; ***Гневът*** *ми бе преминал, бе се превърнал в леко раздразнение* (П. Вежинов). ‘Злость моя прошла, осталась легкая досада’ (пер. М. Тарасовой).

Прилагательное выступает в роли подлежащего только при субстантивации: ***Сит*** *на гладен не вярва* (посл.), ср. русск. *Сытый голодному не товарищ*, см. также: ***Непознатият*** ‘незнакомец’ *ги запита нещо, но те не чуха и заминаха с весел вик* (Елин Пелин); ***Чипоносият*** ‘курносый’ *отваря чекмеджето на писалището* (Ц. Марангозов).

Причастия также нуждаются в субстантивации для выполнения роли подлежащего. В болгарском языке, однако, система причастий имеет иную структуру, чем в русском. Лексемы, исторически представляющие собой страдательные причастия настоящего времени, в современном языке являются прилагательными: *любим*, *обвиняем*, *неуловим*, *нетърпим*, *наказуем* и др., и эта группа довольно многочисленна (И. Гугуланова [2005] выявила около 250 таких лексем): ***Подсъдимият*** *е действал с пряк умисъл при осъществяване на престъпното деяние.*

Причастия на *-ш-*, *-вш-* исчезли из болгарского языка, а сохранившиеся формы адъективировались (*висша математика*, *бивш полковник*, *печелившите имена*), и некоторые из них могут выступать подлежащими при субстантивации: ***Печелившият*** *не е открит.* ‘Выигравший не найден’.

Система причастий современного языка, таким образом, включает: 1) действительное причастие настоящего времени, 2) действительное причастие прошедшего времени СВ (причастие аориста), 3) действительное причастие прошедшего времени НСВ (причастие имперфекта), 4) страдательное причастие прошедшего времени. Из перечисленных типов только тип 3 не может выступать в роли подлежащего: причастие имперфекта предназначено исключительно для формирования ряда аналитических глагольных форм (пересказ, конклюзив).

Примеры подлежащих с другими типами причастий при их субстантивации:

— действительное причастие настоящего времени:

Давещият се *и за сламка се хваща* (посл.). ‘Утопающий и за соломку хватается’; ***Спящият*** *ваш приятел ли е?* (С. Стратиев). ‘Спящий — ваш друг?’;

— действительное причастие прошедшего времени СВ:

Закъснелите *не се приемат* (С. Стратиев). ‘Опоздавшие не принимаются’; ***Седналите*** *на задните редове, както и правостоящите, се размърдаха* (Г. Белев). ‘Сидящие (*букв.* севшие) на задних рядах и те, кто стоял[50], зашевелились’;

[50] *Правостоящ* — напр., в театре: с входным билетом, не имеющий сидячего места.

— страдательное причастие прошедшего времени:

Наградените *вече са известни*. ‘Награжденные уже известны’; ***Парен*** *каша духа* (посл.). ‘Обжегшись на молоке, дуешь и на воду’, *букв.* ‘Ошпаренный на кашу дует’; ***Изгубеното*** *не се връща.* ‘Потерянного не вернешь’, *букв.* ‘Потерянное не возвращается’.

Количественные числительные в роли самостоятельных подлежащих выступают:

а) при обозначении чисел, в том числе при счете: ***Едно и едно*** *прави две*. ‘Один плюс один будет два’, также: ***Две по пет*** *е десет*; ***Две*** *е по-голямо от едно*;

б) для обозначения точного количества лиц в собирательном значении[51]. Собирательное значение в болгарском языке выражается либо лично-мужской формой числительного, либо формой «полного охвата», которая создается препозитивной частицей *и* и артиклевой формой числительного.

Лично-мужская форма количественного числительного употребляется для обозначения группы лиц, состоящей из мужчин или включающей мужчин, в основном от 2 до 6 человек: *двама*, *трима*, *четирима*, *петима*, *шестима*, в том числе в составе составных числительных типа *двайсет и трима*:

Петима *Петка не чакат*, *букв.* ‘Пятеро Петко не ждут’, ср. русск. Семеро одного не ждут; ***Трима*** *от вас да останат тук.* ‘Трое из вас пусть останутся здесь’, см. также: *Тя взима баща ми и* ***двамата*** *отиват към селото* (К. Пастухов); *Колцина бяха тук, сър Хю? Около* ***тринайсетима***[52]*, а? Поне* ***петима*** *паднаха* (БНК).

Форма «полного охвата» образуется сочетанием препозитивной усилительной частицы *и* и числительного в определенной форме. Она подчеркивает завершенный, полный охват множества, как русск. *все* (*все трое*, *все пятеро*) и *оба/обе*, применяемое лишь по отношению к двум объектам. В болгарском языке формы полного охвата распространяются на числительные первого десятка, хотя регулярно применяются только числительные, обозначающие количество от 2 до 6, прежде всего *и двамата*, *и двете*, *и двата*[53].

Форма полного охвата используется как для личных, так и для неличных объектов:

---

[51] Вне собирательного значения числительные в функции подлежащего требуют расширения группы: ***Две от студентките*** *вече са в аудиторията*.

[52] БНК дает значительное количество употреблений лично-мужской формы от числительных и сверх 6, в том числе второго десятка. Однако, как показало исследование А. Даниловой (курсовая работа студентки 1-го курса СПбГУ, 2013 г.), формы от числительных более 10 поддерживаются в болгарском языке переводными текстами: так, формы *дванайсетима*, *тринайсетима*, *шестнайсетима*, *деветнайсетима* зафиксированы в БНК исключительно в переводах.

[53] *Двама* — лично-мужская форма числительного, *две* — форма ж. и ср. рода, *два* — форма для неличных сущностей.

> ***И двамата*** *са тук*. ‘Они оба здесь’; ***И трите*** *сме от Москва.* ‘Мы все три [о женщинах] из Москвы’; ***И четиримата са*** *откарани в болница с опасност за живота.* ‘Все четверо доставлены в больницу в тяжелом состоянии’; *Тук има само два стола, но* ***и двата*** *са счупени.* ‘Здесь только два стула, и оба сломаны’.

Обратим внимание, что в русском языке форма полного охвата *оба*, *обе* обычно дублируется личным местоимением, подсказывающим лично-числовую форму подлежащего: *Обе они из Москвы*; *Мы оба не любим рыбу*. В болгарском языке эта подсказка не обязательна (сказуемое указывает лицо и число), местоимение может отсутствовать: ***И трите*** *бяхме* (1 л. мн. ч.) *изненадани*; ***И трите*** *са* (3 л. мн. ч.) *от Бургас*, ср. соответственно с эксплицированным местоимением: ***Ние и трите*** *се спогледахме и поклатихме глави.* ‘Мы все три переглянулись и покачали головами’.

Порядковые числительные могут быть подлежащими только при субстантивации: ***Първите*** *ще бъдат последни.* ‘Первые будут последними’ [Пашов 1999: 312].

Междометия, как и в русском языке, — единственная неизменяемая часть речи, способная выступить в качестве подлежащего без метаязыкового переосмысления**:** ***Шушу-мушу*** *къща разваля* (посл.). ‘Больше двух говорят вслух’ (*букв.* ‘Шушукание разрушает дом’); *Никакво* ***хър-мър*** *с онуй племе, ей* («24 часа»), в т. ч. с артиклем, показывающим субстантивацию междометия: *Вадя торбата с лъжите и* ***хахо-хихито*** *започва* («Стършел», пример С. Брезинского [1995: 97]).

Подлежащим может быть и любое **метаязыковое выражение**. Если это однословные элементы, они, как и обычное тематическое подлежащее, получают определенный артикль, но написан он будет, скорее всего, через дефис:

> ***«Се»-то*** *не се използва при фазисни глаголи.* ‘«Се» не используется при фазисных глаголах’; <…*От тези непредубедени обяснения не може да се разбере какво всъщност означава НЕ.*> ***Не-то*** *и* ***да-то*** *несъмненно са свързани с вродената бинарност на човешкото мислене, за която пише К. Г. Юнг* (Л. Илиева). ‘<…> «Нет» и «да» несомненно связаны с врожденной бинарностью человеческого мышления, о которой пишет К. Г. Юнг’.

При употреблении согласованного определения оно, по общему правилу, «перетягивает» на себя артикль: *Тво****ето*** *«не» ужасно ме дразни*. ‘Твое «нет» меня ужасно раздражает’.

1.2.5.1.2. Местоименное подлежащее

Как и в русском языке, в позиции канонического подлежащего возможны местоимения всех разрядов:

> личное: *Тя откъде е?* ‘Она откуда родом / где живет?’
> указательное: *Онзи там не ми е познат.* ‘Вон тот мне не знаком’.
> вопросительное: *Кой ме търсеше?* ‘Кто меня искал / спрашивал?’
> неопределенное: *Някой те търсеше*. ‘Кто-то тебя искал / спрашивал’.

отрицательное: *Никой не дойде.* ‘Никто не пришел’.

относительное: *Всеки иска да бъде щастлив.* ‘Каждый хочет быть счастливым’; *Всичко е наред.* ‘Все в порядке’; *Всички сме тук.* ‘Мы все здесь’.

притяжательное: *Вашите какво правят?* ‘Твои (букв. *Ваши*) что делают?’

Примечание. По поводу последнего примера заметим, что в болгарском языке обозначение круга домашних с помощью притяжательных местоимений осуществляется иначе, чем в русском. Родители обозначаются притяжательным местоимением от мн. ч. обладателя, а семья обладателя (супруги, дети) — притяжательным местоимением от ед. числа обладателя. Ср. также болг. и русск.: *Васко, кажи, как са вашите.* ‘Васко, как поживают твои родители?’; *Как са твоите?* ‘Как твоя семья?’; *Нашите имат неприятности*. ‘У моих (родителей) неприятности’; *Моите идват.* ‘Мои (напр., жена и ребенок) идут’. Кроме того, функционирует и аналогичное местоимение для 3 л. обладателя (ср. в русск. только личное *их*): *Той си тръгна у техните*. ‘Он пошел к родителям’ (*букв.* ‘к ихним’); *Петър днес е бил у техните*. ‘Петр сегодня был у своих’.

Далее остановимся на специфике употребления некоторых разрядов местоимений в роли подлежащего, но предварительно обратим внимание на то, что в болгарском языке есть местоимения с пустым референтом. Наиболее распространены они в позиции дополнения (см. 1.2.5.4.4), но возможны и в позиции подлежащего. В роли последнего выступает личное местоимение ж. р. Согласованные притяжательные и указательные местоимения могут сопровождать его или выступать самостоятельно. Перевод на русский язык местоимений с пустым референтом осуществляется устойчивыми фразеосхемами и фразеологизмами, а также использованием лексем неопределенно-широкой референции: *это*, *все*, *дело*, *история*, *жизнь* и др., см. о переводческих параллелях в [Шанова 1993] и ее же примеры:

И стана ***тя*** *каквато стана*. ‘И случилось все, что случилось’; *Остави,* ***тя*** *край няма*. ‘Ну да ладно, этому конца нет’; *Дрън-дрън е* ***тя твоята***. ‘Тебе бы только болтать’; ***Тая*** *няма да я бъде*. ‘Не бывать этому’; ***Вашата*** *е друга*. ‘У вас совсем другое дело’.

1.2.5.1.2.1. Личное местоимение

Местоимения **1** и **2 л.** употребляются в качестве подлежащего лишь при определенных условиях (см. раздел 1.2.5.1.3 ниже), в иных случаях они опускаются: *Как се казваш?* ‘Как тебя зовут?’; *Живея наблизо.* ‘Я живу неподалеку’; *Как сте?* ‘Как дела?’ (*букв.* ‘Как вы?’); *Добре ли си?* ‘У тебя все в порядке?’; *Няма да дойдем*. ‘Мы не придем’. Такое предложение со сказуемым в форме 1 и 2 л. считается в традиционной грамматике односоставным.

Личные местоимения **3 л.** в позиции подлежащего в норме не опускаются: *Къде е Ирина? —* ***Тя*** *е в къщи.* ‘Где Ирина? — Она дома’; *Петър вече е на работа.* ***Той*** *ми каза, че току-що идва от САЩ*. ‘Петр уже на работе. Он сказал мне, что только что вернулся (*букв.* возвращается) из США’.

Однако и в связной монологической речи, и в диалоге наблюдается тенденция пропуска неакцентированных местоимений 3 л. после первого упоминания субъекта: *Да, Владо си е Владо. И на мен* Ø [*той*] *нищо не ми разказва, а* Ø [*той*] *ми е приятел*, *букв.* ‘Да, Владо есть Владо. И мне Ø ничего не рассказывает, а Ø мне друг’.

Ср. и более продолжительные участки текста без местоименного подлежащего 3 л.:

> *Държеше го един дърт тарикат* — [*селянин от Банкя*]$_i$. *Познавах го*$_i$ *от дете.* Ø$_i$ *Изглеждаше доста представителен на вид с къдравата си коса и добре поддържаното катинарче.* Ø$_i$ *Дори внушаваше респект. Без катинарчето обаче* Ø$_i$ *веднага заприличваше на мишка и на най-обикновен селски хитрец, какъвто* Ø$_i$ *си беше* (Г. Стоев).

Личное местоимение **3 л. ср. р. *то*** имеет как широкие референциальные возможности, так и особые синтаксические (нереференциальные) функции, которых нет у соответствующего русского местоимения.

Во-первых, *то* может иметь референтом не только неодушевленные объекты, но и живые существа мужского или женского пола, но грамматически среднего рода (*момиче*, *момче*, *куче*, *врабче*, *хипи*, *гадже* и др.), напр.: *То* [*момичето / момчето*] *пее хубаво*. ‘Она / Он [девочка / мальчик] хорошо поет’; *То* [*котето*] *прогледна*. ‘Он [котенок] стал видеть’.

То используется и при «усреднении рода» в эмоциональной речи, т. е. намеренное игнорирование пола выступает как способ выражения эмоций («сочувствие, сожаление, симпатия или же презрение и возмущение» [Златева 1980: 231]), ср. пример из народной речи из произведения Й. Радичкова: *…то бременно, но любопитно* (*букв.* ‘Оно беременное, но любопытное’).

Во-вторых, *то* в разговорной речи может использоваться при «просентенциализации» вместо указательного *това* (о нем см. ниже): *Аз съм добре подготвен и то е най-важното за мене* [Ницолова 1986: 40]. ‘Я хорошо подготовлен, и это для меня самое важное’. Такая замена регулярна особенно при объектных позициях местоимения: *Казах ти **го** вчера*. ‘Я тебе сказал это [его] вчера’.

В-третьих, местоимение *то* используется нереференциально. Выдвигаются предложения о квалификации такого *то* как формального подлежащего и как частицы [Пенчев 2001; Ницолова 2008а; Ковачева М. 1983; Златева 1980; 1981 и др.].

То как формальное подлежащее обнаруживают прежде всего при безличных сказуемых (*То наистина е студено*, *букв.* ‘Оно действительно холодно’; *То наистина вали*; *То има време*), однако такое же употребление возможно в предложениях двусоставных или односоставных определенно-личных: *Казват, че си видял извънземно. — Ама то наистина го видях!* ‘Говорят, что ты видел пришельца. — Да я действительно его видел!’ Все же от формального подлежащего (в общепринятом понимании, ср., напр., англ. *It’s raining*) *то* отличается дополнительным прагматическим значением — подчеркиванием «правоты» говорящего [Пенчев 2001: 88], особой интонацией, разговорным характером, необязательностью употребления.

У *то* отмечают и функцию со- или противопоставления содержания данного высказывания предшествующей информации, обычно относимую к *то* как частице. Основное назначение такого *то* — выдвижение аргумента, подтверждающего предыдущую реплику. В ответной реплике, начинающейся с *то*, сообщается некий опыт говорящего в пользу предшествующей мысли, см. примеры из КБРР:

1) — *Тя също е голям чешит.* — *Ама* ***то*** *всеки*… ‘Она тоже большая чудачка. — *Да ведь* каждый…’ (ср. *Каждый не без этого*…);

2) — *А, вечерта ли искаш да се връщаме, защото няма проблеми.* — ***То*** *няма къде да останем, бе.* ‘Что, вечером планируешь назад? А то нет проблем. — *Так и* остаться же негде’.

На наш взгляд, во всех указанных нереференциальных употреблениях *то* близко к тем частицам, которые определяются как «усилители индикативности» (ср. др.-русск. *бо* [Зализняк 2008: 31], совр. русск. *ведь*, разг. русск. *так* (*и*), диал. *дак* и др.). Функция болг. *то* соответствует функциям прагматических частиц, выражающих значения, устанавливающие логические связи между высказываниями или показывающие отношение говорящего к сообщаемому, отношение, которое он пытается донести до собеседника (см. описание нескольких прагматических частиц в болгарском языке в [Тишева 2013]).

1.2.5.1.2.2. Указательное местоимение

Употребление указательных местоимений в качестве подлежащих имеет некоторые ограничения, близкие с русскими.

Как и в русском языке, при непосредственном указании на лицо возможно использование указательного местоимения вместо личного, хотя это и не считается этичным (даже звучит грубо и недоброжелательно, см. [Илиева М. 2001: 810]): ***Този*** *какво прави тук?* ‘Этот что здесь делает?’, в том числе с расширением: *Къде е* ***тая*** *с изтъркан билет*? ‘Где эта с истертым билетом?’ Особенно недоброжелательно звучат формы местоимения *онзи*: *Онзи какво прави тук?*, *букв.* ‘Тот что здесь делает?’

Нормативным считается использование указательного местоимения вместо личного при непосредственном указании на неодушевленный объект [Иванчев 1978: 226; Ницолова 1986: 39; 2008а: 148; Чаралозова 1995: 200]. Собственно дейктическое указательное местоимение м. и ж. рода — редкое употребление. Таковым может быть признано местоимение, напр., в противопоставительных контекстах типа ***Този*** [*камион*] *е претоварен, а онзи е празен.* ‘Этот [грузовик] перегружен, а тот пустой’, ср. и местоимение ср. р. при остенсивном *това*: *Това е роза.* ‘Это роза’.

Важнейшей функцией местоимения ср. р. *това* является обобщающе-анафорическое употребление — как и у русск. *это*, ср. болг. *Като показа твърде отдалечената фигура на мъж с широки свлечени рамене и черен костюм, попита: — Нали* ***това*** *е Горенски?!* (М. Радев) и русск. *Тут же зазвонил телефон, как будто ждал подходящего момента.* ***Это*** *был Юрик* (А. Матвеева).

При этом *това*, как и лично-местоименные болгарские подлежащие, легко опускается. Обратим внимание на возможность сохранения при этом глагольного компонента при любой временной форме. В русском языке, наоборот, местоимение остается, глагол (если он стоит в настоящем времени) опускается: *Към десет и половина иззвъня телефонът. Скочих. Бях сигурна, че* ***е Иван****…* (Х. Калчев), ср. *Я была уверена, что это Иван*. Условия для появления «однокомпонентных» («номинативных») предложений типа *Той вдигна слушалката.* ***Майка му*** и причины пропуска или сохранения глагольного компонента см. [Иванова 2009в: 95—98].

1.2.5.1.2.3. Выбор кореферентного местоимения[54]

1. **Местоимение при переключении референции**. Как известно, в русском языке переключение референции маркировано указательным местоимением *тот* [Кибрик 1987; Подлесская 2001: 203][55]. В болгарском языке чаще всего при таком переключении используется личное местоимение, ср. русск. *Анна расспросила обо всем соседку.* ***Та*** *рассказала, что она видела воров.* — болг. *Ана разпита за всичко съседката и* ***тя*** *ѝ разказа, че видяла крадците.*

Можно ли считать, что в болгарском языке «референциальный конфликт» [Кибрик 1987] не снимается, поскольку личное местоимение способно отсылать и к подлежащему, и к другому актанту? Конечно нет, хотя очевидного маркера переключения референции в болгарском не имеется. Однако есть иные немаловажные подсказки, указывающие на смену субъекта в новой предикации: это сам факт наличия местоименного подлежащего (на фоне его обычного отсутствия) и клитики (как *ѝ* в примере выше), обязательное употребление которых подсказывает референциальный статус антецедентных именных групп.

Отметим, что указательное местоимение при переключении референции в болгарском языке не исключено (ср. мнение в [Чаралозова 1995: 200]), хотя: а) оно носит стилистически сниженный характер, б) подчеркивает вре́менное переключение на другого участника (иначе говоря, временную утрату приоритетного статуса центрального участника):

> *Казах на дежурния да се обади на моя лекар и да се разберат кой какво ще прави. Явно моят лекар е казал, че ще дойде все пак и* ***онзи*** *взе да бърза още повече* (И). ‘Я сказала дежурному позвонить моему врачу, чтоб они договорились, кто что

---

[54] Здесь отметим лишь те закономерности выбора кореферентного местоимения, которые затрагивают позицию подлежащего.

[55] «…*Тот* используется в тех случаях, когда его референт повышает свой коммуникативный ранг, но не превращается в протагониста — единственного центрального участника в цепочке связанных событий. Поэтому *тот* в дискурсе органично используется в тех случаях, когда центральный участник временно утрачивает свой приоритетный статус, уступая его другому, ранее уже упомянутому участнику более низкого ранга, с тем чтобы в последующих фрагментах текста вернуть себе этот приоритетный статус (*тот* “роли второго плана”)», как и *тот* «многоходовой комбинации» [Подлесская 2001: 203—204].

делает. Видимо, мой врач сказал, что все-таки придет, и этот [*букв.* тот] стал спешить еще больше'.

Обратим внимание, что в разговорном болгарском языке указательное местоимение может использоваться даже при неназванности (но подразумеваемости) антецедента: *Вчера сутринта първия ни час е История и **онази** взе, че ме изпита…* (И). 'Вчера утром первый урок был история, и *эта* [*букв.* та — об учительнице] вдруг вызвала меня…'

2. **Конкуренция личного местоимения 3 л. ед. ч. и обобщающе-анафорического *това***. Эта конкуренция наиболее активно проявляется в позиции подлежащего биноминативного предложения. Правила выбора местоимения здесь должны учитывать семантику предложения, т. к. разные закономерности наблюдаются в предложениях идентификации, характеризации, именования [Иванова, Прасолова 2005]. Так, в предложениях идентификации, как и в русском языке, при неопределенном, «туманном» антецеденте используется обобщающе-указательное местоимение *това*, но при четко выделяемой антецедентной именной группе в болгарском языке может появиться личное местоимение, что для русского языка невозможно:

> *Само онзи с ботушите не му излизаше от ума. И наистина, Мирчо ли беше **той***[56]… (В. Голев). 'Только тот, в сапогах, все не выходил у него из головы. И действительно, Мирчо ли это был?', *букв.* 'Мирчо ли был он?'

Указанные виды местоимений конкурируют между собой и в предложениях характеризации: *Ами нека да изпее «Планините». Тя е хубава песен* (П. Незнакомов). 'А пусть споет «Горы». Это (*букв.* она) красивая песня', в том числе при нестандартных способах приписывания признака [Там же]: *Не я познаваш, **тя / това** е направо съкровище.* 'Ты ее не знаешь, она / это просто сокровище'.

В качестве ситуативного антецедента используется, однако, только *това*: *Той прекарва по-голямата част от времето си вкъщи и **това** е чудесно.* 'Он проводит бóльшую часть времени дома, и это чудесно'.

В целом же местоимение *това* как подлежащее биноминативного предложения употребляется без исключений в двух общих случаях: а) когда способы введения объекта в текст не позволяют произвести к нему отсылку как к предметному антецеденту (случаи с ситуативным антецедентом, с неопределенным или имплицитным антецедентом), б) когда объект только находится в процессе идентификации и индивидуализирующее представление об объекте еще не сформировано.

3. **«Ленивое» указательное местоимение**. Указательное местоимение (прежде всего *такъв* 'таковой', реже — *този*) может замещать дистантную ИГ, чтобы избежать ее повтора или точнее выразить синтаксические отношения. Это явление характерно для административного стиля, но также встречается и в научном, научно-популярном:

[56] В этом вопросительном предложении подлежащее занимает конечную позицию.

*<u>Пътят</u> за Самоков и **този** за Кюстендил са леко заледени* (пример П. Пашова [1978: 416]). ‘Дорога на Самоков и таковая (*букв.* эта) на Кюстендил — с легким обледенением’; *Относно <u>биологичните продукти</u> на пазара се намират и «лъжливи» **такива***[57].

Не исключено явление и в художественной речи: *Но Кармен имаше мускули на пантера, а и **тези** на Фани не бяха по-малко здрави* (Д. Димов; *букв.* ‘У Кармен были мускулы пантеры, но и [эти] у Фани были не менее крепкие’), хотя обычно в художественных произведениях данное явление маркирует включенность в текст отрывков научного или административного стиля, как в следующем примере, где персонаж пытается вспомнить правило маятника Фуко:

*Видях махалото на Фуко, люлееше си се, видях и хора, които искаха да разберат как то доказва, че земята се върти. Знаех аз тази работа. Махалото винаги се люлее в една равнина и понеже е закачено много високо, <u>скоростта на въртене на земята</u> в центъра, където е окачено то, и **тази** долу на повърхността е различна и… изведнъж усетих хлад… Забравил бях, дяволите да го вземат, този Фуко* (Г. Данаилов). ‘Видел я и маятник Фуко, качается себе, видел и людей, которые хотели понять, как он доказывает, что земля вертится. Я-то это знаю. Маятник всегда раскачивается в равнинной местности, и, поскольку он подвешен очень высоко, скорость вращения земли в центре, где он повешен, и скорость (*букв.* эта) внизу на поверхности различны и… вдруг я похолодел… Черт, я забыл этого Фуко…’

Заменой кореферентного личного местоимения в административном стиле может быть *същият*, ср. русск. *упомянутый*, *предъявитель сего*, как, напр., в шаблоне справки: *Дава се на Иван Петров в уверение на това, че **същият** е записан за обучение през учебната 2013/2014 г.*

1.2.5.1.2.4. Вопросительные и производные от них местоимения

В отличие от русского языка, где вопросительное местоимение *кто* имеет фиксированное значение м. р. ед. ч. (*Кто пришел? *Кто пришла? *Кто пришли?*), в болгарском языке соответствующие вопросительные местоимения и производные от них (отрицательные, неопределенные) имеют формы для всех родов и чисел, ср., напр., местоимения ж. р. в болгарских примерах по сравнению с универсальным русским м. р.: ***Коя** от вас ще дойде с мен?* ‘Кто из вас пойдет со мной?’; ***Никоя** от тях не дойде.* ‘Никто из них не пришел’; ***Някоя** от нас трябва все пак да остане.* ‘Кто-нибудь из нас все же должен остаться’.

Употребление местоимений других родов и чисел, вместо универсального ед. ч. м. р., используется в тех случаях, если говорящий «хочет специально подчеркнуть, что речь идет о лице женского пола, ребенке или о более чем одном

[57] Приведены примеры только на подлежащную позицию, но и в других синтаксических позициях это явление представлено: *…премахване, преместване на <u>пътни знаци</u> или поставяне на лъжливи **такива**…*

лице» [Ницолова 2008а: 191]: ***Кое*** *не си е изяло закуската?* ‘Кто не съел завтрак?’ (по отношению к детям); ***Кои*** *не са съгласни?* ‘Кто не согласен?’ (‘кто именно’ — по отношению к множеству).

Употребление форм ж. и ср. р. (по отношению к людям) имеет разговорный, несколько фамильярный оттенок, поэтому при официальном общении оно избегается, т. е. заменяется сочетанием атрибутивно употребленного местоимения с существительным: ***Кое дете*** *не си е изяло закуската?* Особенно стилистически сниженно звучит форма для ж. р.: ***Коя*** *би купила такава рокля* вместо ***Коя жена*** *би купила такава рокля* [Лакова 1995: 22]. Таким же образом и с теми же стилистическими последствиями используется форма ж. рода неопределенного и обобщающего местоимения, ср. грубое: *Някоя те търсеше.* ‘Какая-то тебя спрашивала’; *Всяка ще поиска*. ‘Каждая захочет’.

Остальные местоимения, выступая в роли подлежащего, не имеют той стилистически-разговорной окраски, как упомянутые: *Кои дойдоха?*; *Някои мислят да дойдат*; *Всеки е длъжен да направи това*.

Не выступают в роли существительных местоимения, для которых имеются лексические аналоги среди местоимений-существительных: *никакво → нищо* (‘ничто’), *някакво → нещо* (‘нечто’), *всякое → всичко* (‘всё’), ср. также устар. *всякои → всички* (‘все’), см. об этом [Там же: 23—25].

1.2.5.1.3. Болгарский как «нулевоподлежащный» язык. Условия использования местоименного подлежащего в болгарском языке

Как известно, в болгарском языке регулярно опускается местоименное подлежащее, прежде всего 1 и 2 л., при наличии согласуемой финитной глагольной формы. Тем самым болгарский язык относится к «нулевоподлежащным»[58] языкам [Кръпова 1990; Ликоманова 1998 и др.], в которых допустимо отсутствие местоименного подлежащего любого лица. В порождающей грамматике данное явление трактуется как последовательное использование нулевой местоименной лексемы *pro*. По этому признаку болгарский оказывается в одной группе с языками, обычно обходящимися без местоименного подлежащего (напр., итальянский, испанский), и даже с русским, который в привычной учебной практике, наоборот, противопоставляется болгарскому по регулярности использования подлежащего: *Прибрахме се късно.* ‘Мы вернулись поздно’; *Няма да дойда*. ‘Я не приду’.

Языки с лексемой *pro*, в сопоставлении с языками, где *pro* отсутствует (английским, французским, немецким и др.), имеют следующие ключевые характеристики (см., напр., [Тестелец 2001: 309]):

---

[58] Ср. также неточный термин «нулевосубъектный», который встречается в славистических работах. Речь, разумеется, идет не о невыраженности в предложении семантического субъекта, а о наличии нулевого подлежащего. В этом смысле наименование «нулевоподлежащный» более адекватное, но неловкое для русского языка; отечественная лингвистика им тоже старается не пользоваться.

— регулярное (или менее категорично — допустимое) отсутствие местоименного подлежащего при наличии согласуемой финитной глагольной формы: русск. *Где Ваня?* — (*Он*) *Болен / Болеет*; болг. *Къде е Събка?* — *Болна е*, ср. англ. *He is sick / *Is sick*;

— отсутствие необходимости в пустых подлежащих при «метеорологических» глаголах типа ‘идти (о дожде)’: болг. *Вали*, русск. *Моросит*, ср. англ. *It's raining*;

— необязательность (или невозможность) замещения первоначальной позиции подлежащего пустым местоимением, если придаточное в роли подлежащего смещается в постпозицию к главному: ср. англ. *It is clear that Louisa will not leave* при русск. *Ясно, что Петр не уедет* и болг. *Ясно е, че Събка няма да замине*. Заметим, что для болгарского языка наличие *то / това* в таких случаях вполне допустимо, в отличие от русского: *Това / То е ясно, че Събка няма да замине*[59].

Осознание различий между языками, использующими нулевое местоименное подлежащее, повлекло за собой предложения ввести дополнительные классификационные параметры внутри этой группы [Franks 1995]. Расхожения между славянскими языками в большинстве случаев, как отмечает И. Ликоманова, имеют не нормативный, а стилистический характер: для одних языков нейтральным вариантом будет присутствие подлежащего, для других — его опущение: «Нулевоподлежащность как свойство языка может рассматриваться в сопоставительно-типологическом плане как градуированное качество» [Ликоманова 1998: 116]; и даже более того, по мнению автора, польский и русский не относятся к нулевоподлежащным.

См. и рассуждения А. В. Циммерлинга [2009], в частности следующее: «Можно усомниться и в том, что финский (а также русский) вообще являются “языками с нулевым подлежащим” <…>, в 3 л. опущение неанафорического местоименного подлежащего в этих языках невозможно <…>. Русский не является стандартным языком pro-drop. Фраза вроде *pro пошел на лекцию* легко интерпретируется в зн. 1 л. = “Я (говорящий) пошел на лекцию”, с некоторой натяжкой — в зн. 2 л. = “Ты (слушающий) пошел на лекцию”, а интерпретация в зн. 3 л. = “NN пошел на лекцию” исключена за пределами контекстов, где опущенное местоимение анафорично».

Ни в традиционной, ни в современных формальных грамматиках болгарского языка не определен список условий, при которых местоименное подлежащее все же может быть использовано — с опорой на условия того контекста, в котором оно находится. Традиционные грамматики, за редкими исключениями, ограничиваются перечислением контекстов с «логическим выделением», где подлежащее обязательно. Формальные синтаксические теории выявляют запреты на эксплицитное подлежащее и правила сочинительного сокращения [Пенчев 1984] — а это

[59] В данной работе мы не касаемся интереснейшего вопроса о том, могут ли претендовать болгарские *то* и *това* на роль формального подлежащего, если применить к ним критерии, предложенные в [Циммерлинг 2012а], см., однако, обзор употреблений *то* в 1.2.5.1.2.1 и примеры с неканоническим подлежащим в конце данного параграфа.

механизмы иного рода, чем «дискурсивное» опущение местоимения (см. об этом [Циммерлинг 2009]). Так, в сочиненных структурах обязательность употребления личных местоимений связана с их кореферентностью разным именным выражениям, или, иначе, — с «переключением референции», ср. пары: а) с кореферентным субъектом и нулевым местоимением: *Иван*$_i$ *каза нещо на Петър*$_j$ *и Ø*$_i$ *излезе*; *Елена*$_i$ *блъсна Мария*$_j$ *и Ø*$_i$ *падна*, и б) с некореферентным субъектом и ненулевым местоимением: *Иван*$_i$ *каза нещо на Петър*$_j$ *и той*$_j$ *излезе*; *Елена*$_i$ *блъсна Мария*$_j$ *и тя*$_j$ *падна*, примеры из [Кръпова 1990: 156].

В болгарских препозитивных придаточных кореферентное общему субъекту местоимение обычно опускается. Ненулевое местоимение допустимо лишь при некореферентности с грамматическим субъектом последующей предикации, ср.: *Когато Ø*$_i$ *работи, Иван*$_i$ *не пие*. ‘Когда работает, Иван не пьет’ и *Ако <u>той</u>*$_j$ *пуши, Иван*$_i$ *се ядосва*. ‘Если он$_j$ курит, Иван$_i$ злится’. См. у И. Крыповой разбор и иных синтаксических позиций [Там же: 158].

Тем не менее нулевое местоимение в придаточном, в норме указывая на кореферентную трактовку (1), может допускать и некореферентное употребление (2), ср.:

(1) *Когато Ø*$_i$ *се прибра, майката*$_i$ *започна да слага масата.* ‘Когда мать вернулась, она начала накрывать на стол’.

(2) *Ирина*$_i$ *се връщаше много уморена. Когато най-сетне Ø*$_i$ *се прибра, майката*$_j$ *започна да слага масата*. ‘Ирина возвращалась домой уставшая. Когда она наконец пришла, мать начала накрывать на стол’.

Установив правила обязательного наличия / отсутствия местоименного подлежащего, формальная грамматика не интересуется случаями в о з м о ж н о г о употребления местоимений в им. падеже, ограничиваясь указаниями на контрастные и эмфатические контексты. Все иные причины использования местоименных подлежащих не регулируются жесткими правилами, они же и представляют наибольшие трудности при изучении болгарского как иностранного.

Далее очертим те направления, в которых может вестись работа по выявлению условий для эксплицирования «плеонастического» местоименного подлежащего — не только регулируемого синтаксическими правилами, но и «дискурсивного». Безусловно, список носит схематический характер, и потребуется дальнейшая конкретизация как в рамках разных стилей, авторов, типов текстов, так и отдельного рассмотрения местоимений разных лиц и чисел.

Условия появления «плеонастического» местоимения 1 и 2 л.[60] могут быть следующих типов:

1. <u>Коммуникативно-смысловые причины</u> — экспликация местоимения, имеющего коммуникативную значимость. Местоимение может быть акцентно выделено или нет. Основные контексты хорошо известны:

[60] Местоимения 3 л. разделяют часть указанных ниже особенностей, но требуют отдельного рассмотрения как способные к анафорическому употреблению.

а) противопоставление: *Ти си сприхав и лошо си тълкуваш това. Искаш ли* ***аз*** *да разбера тая работа?* (Е. Пелин), при этом первый член противопоставляемой пары может находиться как в зоне контрастного выделения (примеры ниже), так и вне ее, как *ти* в примере выше. Второй член пары всегда акцентно выделен.

> ***Ти*** *ще отидеш да следваш в София, а* ***аз*** *трябва да остана тук* (Д. Димов); ***Аз*** *усещах какво мисли* ***той*** *и* ***той*** *усещаше какво мисля* ***аз*** (Г. Стоев); *Разбира се, съзнавам много добре, че* ***обикновените хора*** *могат да подтиснат такива желания в себе си. Но* ***аз*** *не мога и затова все още не се смятам за съвсем нормален човек* (П. Вежинов).

Всегда акцентно выделено местоимение в условиях имплицитного контраста (см. 3.1.2.): *Аз знам, че* ***вие*** *убихте Кирил!* (П. Вежинов); *Кога ще се видим? —* ***Ти*** *кажи… — В колко? —* ***Ти*** *определяш!* (Н. Десев);

б) переключение внимания на другого персонажа. Местоимение в таких контекстах появляется регулярно: *Разделихме се и* ***аз*** *веднага си стегнах багажа и тръгнах за Виена*; *Качихме се в колата,* ***аз*** *отново я оставих да седне отзад* (П. Вежинов).

Эксплицитное подлежащее обязательно, когда сказуемое второй предикации неизменяемое, несогласуемое и отсутствие местоимения может вызвать неправильную соотнесенность этой предикации с субъектом предыдущей: *Хеле по едно време, гледам поспря се* [*влакът*] *и* ***аз*** *— хоп! та вътре* (А. Константинов), см. также другие примеры с междометным сказуемым у И. Недева [1989б: 31].

Сохранение местоимения часто требуется для того, чтобы показать переход к другому участнику сцены уже на текстовом уровне (см. и ниже): ***Сарандовица*** *се залови да тършува из чекмеджетата и да брои пари.* ***Ние*** *седяхме доста настрана от всички, тъй че никой не можеше да ни чуе, ако говорехме ниско* (Й. Йовков), пример И. Недева [Там же: 30];

в) сравнительные обороты (как положительные, так и отрицательные); в них местоимение не обязательно, но обычно: *Да бях аз като тебе*; *Аз не съм като тебе*;

г) эмфаза — как вид акцентно-смыслового выделения вне контрастного или сопоставительного контекста. Характерно наличие фокусирующих частиц *само*, *сам*, *даже*, *най-вече*, *именно*, *точно*, *единствен*, *единствено*, *и*:

> *Значи,* ***аз лично*** *не се страхувам от вярващ човек. Дали е християнин, евреин или мюсюлманин*; *Понякога очакваме повече от другите, защото* ***ние самите*** *бихме направили повече за тях*; *Е, добре, когато видя, че станете годен за това,* ***аз сам*** *ще ви подкрепя* (Д.Димов); *Страната притежава други достойнства, като перфектно обслужване, нещо, към което* ***и ние*** *трябва да се стремим*;

д) клефт (расщепленное предложение) предполагает обязательное наличие местоименного подлежащего: *Как можах да го направя?* ***Аз*** *ли съм този, който го направи?* (В. Пасков); *Няма за какво да ми се извиняваш!* ***Аз*** *съм тази, която трябва да го направи* (Е. Андреев).

2. Семантико-грамматические причины:

а) сохранение местоимения как синтаксического хозяина. Необходимость местоимения наиболее очевидна при приложениях, референциально насыщающих местоимение: *Може ли да не се радваме, като гледаме, че и* ***ние****, българите, се удостояваме с едно таквоз учреждение* (В. Друмев). В следующем примере устранение местоимения приведет к трактовке приложения *дъртото магаре* как апеллятива: *Ех,* ***аз****, дъртото магаре, защо по твоя ум вървя — отговаряше усмихнато глухият…* (Елин Пелин).

Обособленные определения, по-видимому, требуют присутствия местоименного хозяина в меньшей степени: (*Аз*)*, измъчвана толкова години, не можех повече да живея с него*;

б) личное местоимение как часть группы подлежащего. Местоимение обязательно при сочинении с другой ИГ: ***Аз и майка ми*** *отидохме на екскурзия до Турция* — и не обязательно при группе совместности: (***Ние) с майка ми отидохме*** *на село и останахме там, у бабини*. Имеет значение удаленность подлежащной группы от финитного глагола. Так, в следующем примере возможность опущения местоимения маловероятная: [***Ние*** *с Благой Рагин, председател на Българската асоциация на хотелиерите и ресторантьорите,*] *често си говорим в какво се целим всъщност*;

в) личное местоимение в постпозитивной авторской части конструкций с прямой речью: *Какво правите тук? — креснах аз гневно* (П. Вежинов); *Как се казваш? — попитах* ***аз***, но ср. и его отсутствие без каких-л. стилистических или семантико-прагматических различий: *— Къде отиваме? — попитах Ø. Никой не ми отговори.*

3. Прагматические причины.

Сюда мы относим контактоустанавливающие и иллокутивные функции местоименного подлежащего. Во всех этих случаях местоимение возможно / желательно, но не категорически обязательно:

а) местоимение 2 л. ед. ч. при нацеленности на диалог: *Ти откъде си?*; *Вие и двете ли сте от София?*;

б) местоимение 1 л. ед. ч. в контексте самопредставления: *Аз съм Борис Морев, син на Редингота — представи се той, като че беше решил да се забавлява с баща си* (Д. Димов);

в) вежливое «Вие»: *Вие откъде сте? Вие тук ли живеете?* Болгарские лингвисты уже обращали внимание на то, что личное местоимение 2 л. мн. ч. *вие* часто сохранено при «вежливом» употреблении, при уважительном обращении к единичному собеседнику. На фоне нулевого подлежащего, по мнению И. Недева, оно в большей степени выражает подчеркнуто вежливое употребление [Недев 1989б: 30]. Но, думается, такое *Вие* имеет и контактоустанавливающую функцию как своеобразная замена обращения или поддержка обращения: *Господинов Лозанов, Вие от кой университет сте?*;

г) *аз* в контексте угрозы: *Аз ще те науча кой съм!*; *Баща ни те остави на моите ръце и аз няма да дам да му срамиш името, чу ли — каза ядосано Иван и го задърпа за рамо* (Елин Пелин);

д) *ти* в контексте побуждения для смягчения приказа: *Ти не стой тука*; *Ти недей да го тормозиш*;

е) *ти* для дополнительной апеллятивности при обращении: *Бае Георги, какво говориш? — Ти слушай каквото ти говоря…* (Елин Пелин). Хотя И. Недев отмечает, что при сказуемом в форме аориста (не различающем 2 и 3 л. ед. ч.) употребление местоимения 2 л. ед. ч. в постпозиции к обращению является обязательным: *Къде отидоха твоите другари, Драгане, къде остана ти!* (К. Калчев) [Недев 1989б: 32], обратим внимание, что приводимый им пример содержит противопоставление, объясняющее в данном случае ненулевое подлежащее. В иных контекстах этой обязательности не усматривается. Современная речь полна примеров с нулевым подлежащим даже при аористном сказуемом, не различающем 2 и 3 л. ед. ч. Контекст может подсказывать это лицо, ср., напр., реплику с обращением: *Къде тръгна бе кукло, вратата ли объркa нещо* (И), либо оставлять читателя выявлять лицо из широкого контекста или речевой ситуации;

ж) местоименное подлежащее как заполнитель паузы при подборе слов: *Тя примига смутено, после каза просто и ясно: — Аз… аз си помислих, че вие ще ме поканите* (П. Вежинов);

з) *аз* как выражение своей точки зрения (‘според мене’) — исключительно активно в жанре интервью: *Аз мисля, че не бива да се драматизира евентуална забрана, ако тя важи за всички*; *Аз много се възмущавам от това в момента прекаляване и залитане към това, европейското.*

Заметим также, что, вопреки устоявшемуся мнению об «экономичности» разговорного языка и редкому использованию в нем местоимений в им. пад., статистические исследования подтверждают значительный процент употребления местоименного подлежащего в диалогической речи [Атанасова И. 1992: 97]. Высокую степень «эгоцентричности» болгарской устной речи показало и недавнее изучение корпуса разговорного языка (см. *bgspeech.net*), проведенное Й. Тишевой [2013; в печати].

4. <u>Текстоформирующие причины</u>:

а) редко — оформление одной из коммуникативных повествовательных стратегий (коммуникативная стратегия с рецессией подлежащего, см. 3.2.1): *Взимам* ***аз*** *първия трен за Сливница* (*там обикновено аз откривах лова си*) *и подир един час пристигам на мястото. Пък се улучи и един хубав ден, само за лов. Тръгнах* ***аз*** *из стърнищата около гората с моя Мечо…* (Елин Пелин);

б) новая экспозиция, логический переход, вывод — подобные условия благоприятствуют появлению ненулевого подлежащего: *Природните ни дадености са се ценили още от римско време. Така че* ***ние*** *не правим нищо ново, просто връщаме традицията и преоткриваме стари неща*.

Список условий появления плеонастического местоименного подлежащего, разумеется, остается открытым. Данные ограничения и допуски, по-видимому, надо прописывать по отдельности для местоимения каждого лица и числа. Так, местоимение 1 л. менее регулярно даже в начале текста, хотя и там оно может появиться по грамматическим причинам: начальные фразы текста, абзаца,

содержащие именное сказуемое, более склонны к ненулевому местоимению [Ницолова 1986: 43].

В заключение обратим внимание на претендентов на роль слабых подлежащих. В работе [Циммерлинг 2012а: 579—580] (в связи с вопросами выделения в русском языке сильных и слабых подлежащих) указаны возможные комбинации категории состояния[61] с выражениями, способными быть слабыми подлежащими: 1) ИГ со значением дат. падежа лица + сентенциальная составляющая: *Мне приятно, что Вася принес свои извинения*, 2) ИГ со значением дат. падежа лица + слово *это*: *Мне это приятно*, 3) сентенциальная составляющая + слово *это*: *Это приятно, что Вася принес свои извинения*, 4) безударное ситуативное *это* при отсутствии дат. падежа: *Это было очень приятно.* Вариант 5) **Мне это приятно, что Вася принес свои извинения* в русском языке не представлен [Там же: 580].

Из перечисленных возможностей в болгарском языке имеются все, хотя последняя комбинация считается неграмматичной (тем не менее представлена в интернет-общении). Некоторая бóльшая ее допустимость, чем в русском, связана, как представляется, с клитичностью местоимения в роли экспериенцера, а клитики, как известно, легко появляются даже в тех позициях, где полные формы блокируются. Перечислим указанные варианты:

1) *Приятно ми е, че ти си намерил време да дойдеш при мен.*

2) *Това ми е приятно*.

3) разг. *Това е много приятно, че ти си намерил време да дойдеш при мен.*

4) *Това е много приятно.*

5) разг., неграмматично при предикатах состояния (*Това ми е много приятно, че ти си намерил време да дойдеш при мен*) при большей допустимости с предикатами оценки и мнения (*Това ми е ясно, че трябва да плащам*).

1.2.5.2. Виды сказуемого и способы его выражения

Традиционная классификация сказуемых производится на тех же основаниях, что и в русской лингвистике, — учитывается морфологическая природа этого главного члена предложения и его состав. Выделяется сказуемое простое (простое глагольное и простое междометное) и составное (составное глагольное и составное именное).

Как и в русской традиционной лингвистике, термин «составное именное сказуемое» трактуется расширительно — в него включаются сказуемые со связочным глаголом и неглагольной частью, выраженной не только именными частями речи, но и наречиями, обстоятельственными выражениями, фразеологизмами. С. Брезински [2001] выделяет и составное междометное сказуемое. Далее все эти варианты сказуемого мы объединим под названием «составное сказуемое с неглагольной частью».

---

[61] В болгарской современной лингвистике категория состояния не выделяется, притом что набор лексем, способных выступать в соответствующей предикатной позиции со значением состояния и особыми грамматическими характеристиками, имеется.

Наиболее интересные в сопоставительном плане вопросы касаются формирования *да*-конструкции как компонента сказуемого, тавтологичного сказуемого (оба явления относятся к балканизмам [Асенова 2002]), набора фазисных и модальных глаголов в глагольном сказуемом, области связочных глаголов в именном сказуемом.

Из особых типов именных предикативов типологический интерес представляют именные сказуемые с существительными состояния и экспериенцером в объектной позиции, они подробнее рассмотрены в разделе «Безличные предложения», т. к. для их построения важен анализ и других составляющих конструкции.

Примечание. Несколько слов о теоретических проблемах определения границ и типов болгарского сказуемого.

Важной проблемой, не имеющей единого подхода в болгарской лингвистике, является вопрос вычленения круга глаголов, образующих **составное именное сказуемое**. Притом что этот вопрос не признается дискуссионным, он получает в разных работах самое разное решение. С одной стороны, в состав именного сказуемого еще недавно включалась конструкция с предикативным определением, т. е. с определением при полнозначном глаголе, напр. *Вървят уморени*. ‘Идут уставшие’; в современных грамматиках предикативное определение рассматривается как второстепенный член предложения. С другой стороны, исследователи, работающие в рамках генеративного направления, выводят за рамки составного именного сказуемого конструкции не только с предикативным определением, но и с неполнозначными глаголами, такие как *Смятам те за свой човек.* ‘Я считаю тебя своим’ [Коева 2001а; Лазарова М. 2001; Бъркалова 2001].

Неодинаково представлен и круг лексем, выполняющих роль глагольного компонента в **составном глагольном сказуемом**, — от самого минимального набора фазисных и модальных глаголов [Пенчев 1984: 55—56] или даже непризнания их вспомогательными в авторитетной грамматике [Бояджиев и др. 1998: 533, 550—552] до максимально расширенного окказиональными употреблениями полнозначных глаголов [Радева П. 1997]. Иначе говоря, вопрос состоит в том, в каких случаях приписывать первому глаголу в конструкции «глагол + *да* + глагол» статус вспомогательного — фазисного или модального, а в каких — самостоятельного, присоединяющего *да*-предложение[62]. Попытки выделить грамматические признаки модальных и фазисных глаголов как первых компонентов сказуемого не принесли однозначных результатов, см. критерии Й. Пенчева в его работах разных лет [Пенчев 1984: 55—56; 1993; Бояджиев и др. 1998: 533, 550—552]. Наиболее часто упоминаемый критерий для непризнания глагола вспомогательным — способность присоединить *да*-предложение с субъектом, не референтным субъекту первого глагола. Этот критерий работает для части глаголов. Так, глагол *искам* способен образовать не только моносубъектную, но и разносубъектную конструкцию, ср.: *Искам да ти помогна*. ‘Я хочу тебе помочь’ и *Искам да ми помогнеш*. ‘Я хочу, чтобы ты мне помог’. Однако есть полнозначные глаголы, которые не могут образовать

[62] Проблема в том, что конструкция «глагол + *да* + глагол» в болгарском языке служит для построения и составного глагольного сказуемого: *Започвам да готвя обяд*. ‘Я начинаю готовить обед’, и сложноподчиненного предложения с одинаковыми или разными субъектами: *Отидох да го взема*. ‘Я пошел его забрать’; *Моля да ми се обадите утре*. ‘Я прошу вас позвонить мне завтра’, *букв.* Я прошу вас, чтобы вы позвонили мне завтра, см. 1.2.5.2.2.

разносубъектную конструкцию: *Забравих да отида там*. 'Я забыл туда пойти' (**Забравих да отидеш там*) [Бояджиев и др. 1998: 551].

Понятие о с л о ж н е н н о г о с к а з у е м о г о в традиционной болгарской лингвистике связывается с наращением сказуемого дополнительными модальными и фазисными глаголами: *Трябва да продължаваш да мълчиш*. 'Ты должен продолжать молчать'. При общих для болгарского и русского языков механизмах фазисно-модальных наращений даже здесь имеются отличия: в болгарском языке легко образуются цепочки вспомогательных компонентов с последовательностью модальных глаголов «(эпистемическая) возможность + необходимость»: *Ако стоките преминават през няколко страни, те* ***може да трябва да преминат*** *през няколко митнически контроли.* 'Если товары пересекают несколько стран, они, *возможно, должны* будут пройти несколько раз таможенный контроль'. Модальные и фазисные наращения будут представлены в конце раздела о сказуемом (1.2.5.2.4).

О с л о ж н е н и е с к а з у е м о г о, понимаемое в ряде русских грамматик как введение в него усилительных частиц, повторов, устойчивых оборотов, в данной работе не рассматривается ввиду фразеологизированности подобных конструкций, что требует отдельного объемного описания. Упомянем здесь лишь конструкцию с интенсифицирующим значением «*глагол + ли + глагол*», являющуюся соответствием русских сказуемых с усилительной частицей *так* или с повтором глагола для выражения продолжительности и/или интенсивности: *Дъждът вали ли вали*. 'Дождь (все) идет и идет'; *По половин час не мога да затворя. И настояват ли, настояват да се видим!* (Н. Десев). 'По полчаса не могу разговор закончить. И так настаивают на встрече!'

Дискуссионен вопрос о трактовке двух глагольных форм в повелительном наклонении (*Иди виж*. 'Иди посмотри') и «тавтологичного» сказуемого (*Прихна да се смее*. 'Расхохоталась', *букв.* 'Прыснула смеяться') — простое ли это или составное сказуемое? Обе разновидности рассматриваются здесь как составное сказуемое в связи с неравноценностью входящих в них компонентов.

1.2.5.2.1. Простое сказуемое

1.2.5.2.1.1. **Простое глагольное сказуемое** выражено синтетической или аналитической глагольной формой, напр.:

Прозорците ***светят*** (PRES). 'Окна светятся'; *Никой не* ***се обаждаше*** (IMPERF). 'Никто не звонил'; *От преди два дена* ***се беше стопил*** *снегът* (PPERF). 'Снег растаял уже два дня назад'; ***Щях да*** *ти* ***кажа*** (PFUT) *толкова много неща*. 'Я собирался сказать тебе так много всего'; *Ако* ***е съобщил*** (PERF) *след срещата, значи, той* ***се е бил*** *вече* ***разделил*** (CONCL.PPERF)[63] *с Любо* (Б. Райнов). 'Если он сообщил после встречи, значит, он уже расстался к тому времени с Любо'.

[63] Здесь и далее в работе трактовка составных глагольных форм, статус которых является дискуссионным в болгарской лингвистике, дается нами в концепции И. Куцарова [2007], ср., напр., *се е бил разделил* как конклюзивный плюсквамперфект.

В роли простого сказуемого выступают и аналитические (описательные) предикаты: ***Нося отговорност*** *за това, което се случва*. 'Я несу ответственность за то, что происходит', см. подробнее о них в разделе 4.2. Простым считается и сказуемое, выраженное фразеологизмом: ***Минаха ми през ума*** *лошите страни на въпроса* (З. Стоянов). 'У меня мелькнула мысль об отрицательных сторонах этого вопроса'.

О болгарских эквивалентах русских предложений с инфинитивным сказуемым, которые являются экспрессивно-фазисной модификацией модели со спрягаемой формой глагола [Золотова и др. 1998: 140] типа *Так ты драться*; *Он сразу бежать* см. в разделе 1.2.6.6.

1.2.5.2.1.2. **Простое междометное** (интеръекциональное, см. *интерекциално* [Брезински 2001: 40]) **сказуемое** выражено междометием, соотносимым с каким-л. действием:

> *…Ние с управителя* ***кис! кис! кис!*** (А. Константинов). 'А мы с управляющим — *хи-хи-хи*'; *А то* [*кучето*] *си тръгна с нас и в ресторанта дойде с нас и* ***муш*** *под масата* (Г. Данаилов). 'А она [собака] увязалась за нами и в ресторан пришла с нами и *шмыг* под стол'; *…Излизат по чехли и фланелки и* ***бум*** *в колата* (газ. «24 часа»). 'Выходят в шлепанцах и майках и *бух* в машину'.

Способностью выступать в предикативной функции обладают прежде всего звукоподражательные междометия, от которых «можно легко образовать глаголы» [Там же: 55], ср. *кис* — *кискам*, *муш* — *мушвам*. Эта общая тенденция не является категорическим правилом, ср. имитационное междометие (звук поезда), не имеющее соответствующего глагола: ***Тадаф-тадаф*** *и след има-няма два часа бяхме там*, пример П. Радевой [2012: 182], см. и многочисленные примеры в работе С. Брезинского.

П. Радева обратила внимание на распространенность другого словообразовательного явления — междометий, образованных от сокращения глаголов: *Днес* ***примък*** *по обед / утре* ***примък*** *по вечеря / ама не може постоянно така* (от *примъквам* — здесь 'таскаться') [Там же: 182].

1.2.5.2.2. Составное глагольное сказуемое

Составное глагольное сказуемое состоит из вспомогательного глагола и *да*-конструкции основного глагола. В редких случаях (см. 1.2.5.2.2.2) на месте *да*-конструкции употребляется «сокращенный инфинитив» — форма старославянского инфинитива с отпавшим показателем *-ти*: *казати* → *каза*. Сокращенный инфинитив совпадает с формой 3 л. ед. ч. современного аориста.

Да-конструкция — так условно называется сочетание служебной частицы или союза *да* с последующим глаголом, чаще всего в форме настоящего времени[64].

[64] В концепции Ю. С. Маслова [1981] это особое наклонение — конъюнктив (пожалуй, это одно из немногих положений Ю. С. Маслова, не принятое болгарскими лингвистами). Подробнее о морфологическом статусе компонента *да* и о функциях *да*-конструкции в болгарском языке в [Генадиева-Мутафчиева 1972; 1976; Деянова 1981; 1985; Тишева 2001а; Викторова 2005; 2006; Симов, Колковска 2004], см. также обзор этих концепций на русском языке в [Иванова 2014б].

Постепенное вытеснение инфинитива *да*-конструкцией (полностью закончившееся только к новоболгарскому периоду развития языка) произошло под влиянием балканской языковой среды.

Основные употребления *да*-конструкции: 1) самостоятельное — в нескольких видах неповествовательных предложений, см. разделы о побудительных, оптативных и вопросительных предложениях, 2) связанное — в составном глагольном сказуемом (*Тя продължаваше да мълчи*. 'Она продолжала молчать') и в качестве придаточной части сложноподчиненных предложений: изъяснительных (*Не вярвам да дойде*. 'Не думаю, что он придет'), цели (*Отиваме да купим билети за влак*. 'Мы идем купить билеты на поезд') и др. [Иванова 2014б].

Первый, вспомогательный глагол в составном глагольном сказуемом берет на себя функции выражения всех предикативных значений, так что может стоять в любом времени и наклонении, а глагол после *да* — только в форме настоящего времени (изредка — иное, см. далее). Таким образом, согласование глаголов происходит только в лице и числе: *Обичам да чета романи.* 'Я люблю читать романы'; *Продължаваш ли да ходиш на тенис?* 'Ты продолжаешь ходить на теннис?'; *Децата искат да купят сладолед*. 'Дети хотят купить мороженое'. Каждый из глаголов в составном глагольном сказуемом спрягается по своему спряжению: *зная да плувам*; *знаеш да плуваш*; *знае да плува*; *знаем да плуваме*; *знаете да плувате*; *знаят да плуват*. *Да*-конструкция в составном сказуемом всегда переводится на русский язык инфинитивом: *Я умею плавать*; *Ты умеешь плавать*; *Он / Она умеет плавать* и т. д.

Между первым глаголом и *да*-конструкцией могут стоять энклитики, относящиеся к первому глаголу (в составном сказуемом таковыми могут быть только возвратные частицы и/или вспомогательный глагол), но только если предложение начинается со сказуемого: *Стараем **се** да се учим добре*; *Трябвало **е** да замине.* В ином случае клитики располагаются перед всем сказуемым: *Не **се** стараеш да учиш добре.* Клитики, относящиеся ко второму глаголу, стоят непосредственно перед ним (после *да*): *Не мога да **ти се** обадя днес*; *Започвам да **се** питам.*

Между первым глаголом и *да*-конструкцией могут находиться и детерминанты в случае их акцентированности, как *още днес* 'прямо сегодня' и *тук* 'здесь': *Мога **още днес** да поговоря с директорката* (наряду с *Мога да поговоря с директорката **още днес***); *Можеш **тук** да сложиш книгите* (наряду с *Можеш да сложиш книгите **тук***).

Как и в русском языке, основные группы глаголов, регулярно выступающих в качестве вспомогательного компонента в составном глагольном сказуемом, — это фазисные и модальные. К последним примыкают и некоторые глаголы желания и намерения, конструкции с которыми составляют переходную зону между простым и сложным предложением ввиду колебаний их семантической полноты в каждом конкретном случае.

Обратим также внимание, что цепочки *да*-конструкций в болгарском языке не всегда являются осложненным сказуемым: модальное и фазисное наращение может иметь матричный глагол с последующим придаточным: *Започнах да мечтая* [*да ми дойде на гости*]. 'Я начал мечтать, что она придет ко мне в гости'.

1.2.5.2.2.1. Фазисные глаголы

Основные фазисные глаголы начала действия — (*за*)*почвам*, *залавям се*, *захващам се*, *заемам се* и др. (примеры *а*), продолжения действия — *продължавам* (примеры *б*), окончания действия — *спирам*, *преставам*, *завършвам* и др. (примеры *в*):

а) *Започвам да чета.* 'Я начинаю читать / готовиться'; *Аз се залавям с чистенето, а ти с готвенето.* 'Я берусь за уборку, а ты — за готовку'; *Още в първите два дни след пристигането ни той се зае да помага на стария си баща* (Елин Пелин). 'С первых дней после приезда он взялся помогать своему старому отцу'. В современной разговорной речи чрезвычайно активен начинательный глагол *взема* (чаще в форме аориста СВ) 'начать, приняться, стать': *Киселото зеле* ***взе*** *да се разваля. На самото зеле още нищо му няма, но сокът* ***взе да*** *става на слуз* (И). 'Квашеная капуста стала портиться. Сама капуста еще ничего, но сок начал превращаться в слизь';

б) *Продължавахме да мълчим.* 'Мы продолжали молчать', также: *Продължихме да вървим доста време в пълно мълчание* (Г. Марков); *Дъждът продължаваше да шуми навън* (Елин Пелин);

в) *Жена ми спира да глади и отговаря по телефона.* 'Жена прекращает гладить и отвечает на телефонный звонок'; *Свърши ли да учиш?* 'Ты закончил заниматься?'

В болгарском языке гораздо свободнее, чем в русском, образуются глаголы с начинательными приставками (инхоативы), прежде всего *за-* и *про-*, что дает возможность использовать простое сказуемое вместо составного, ср.:

Той ***зачете*** *вестника*. 'Он начал читать газету'; *Близо до портата тя срещна баба Лукана и* ***се заприказва*** ('стала разговаривать') *с нея* (Й. Йовков); *Магда трескаво* ***се заоглежда*** ('стала озираться'), *сякаш търсеше някой, който да ѝ помогне*; ***Пропуших*** *на 12 години*. 'Я стал / начал курить в 12 лет'; *Слепият* ***прогледна***. 'Слепой стал видеть'[65].

1.2.5.2.2.2. Модальные глаголы

1. **Грамматические особенности**. Модальные глаголы в болгарском языке, как и в русском, бывают личные (изменяемые по лицам и числам) или безличные.

Личные модальные глаголы — это двувидовой глагол *мога* 'мочь', 'смочь', *зная* 'уметь', *умея* 'уметь':

Можеш ли да вдигнеш 70 кг? 'Ты можешь поднять 70 кг?'; *Можете да седнете.* 'Вы можете сесть'; *За съжаление няма да мога да ти помогна*. 'К сожалению, я не смогу тебе помочь'; *Зная да броя до сто.* 'Я умею считать до ста'; *Детето не знае да играе шах.* 'Ребенок не умеет играть в шахматы'; *Умее да готви добре*. 'Он умеет хорошо готовить'.

Безличные модальные глаголы: *трябва* 'должен, нужно', *не трябва* 'не надо', *може* 'можно', 'возможно', *не може* 'нельзя', *налага се* 'приходится', *не*

---

[65] Об инхоативах от глаголов «свойств» в болгарском языке и возможностях их перевода на русский язык см. [Иванова 2012в].

бива[66] 'не стоит', 'не надо', которые не изменяются по лицам и числам. Изменяется лишь второй глагол — в *да*-конструкции. Таким образом, при отсутствии подлежащего грамматические данные о субъекте действия извлекаются из формы второго глагола, ср.:

Трябва да напиша молба. 'Мне надо написать / Я должен написать заявление'.
Трябва да напишем молба. 'Нам надо написать / Мы должны написать заявление'.
Трябва да напишат молба. 'Им надо написать / Они должны написать заявление'.
Може ли да вляза? 'Можно (мне) войти?'
Може ли да влезем? 'Можно (нам) войти?'
Не трябва да чакате. 'Вам не нужно ждать'.
Налага се да почакате. 'Придется (вам) подождать'.
Стефка не бива да закъснява. 'Стефка не должна опаздывать / Стефке лучше не опаздывать'.
Не бива да излизаш днес. 'Тебе сегодня лучше не выходить'.

В болгарском языке безличные модальные глаголы могут сочетаться и с безличной формой *да*-конструкции (с рефлексивной формой сказуемого 3 л.):

Не трябва да се чака. 'Не нужно ждать'.
Налага се да се почака. 'Придется подождать'.

Некоторые модальные глаголы допускают иную грамматическую форму основного глагола, кроме *да*-конструкции. В диалектах встречается форма сокращенного инфинитива: *Можем ли **изпя** сега една песен?* В речи молодого поколения сокращенный инфинитив после модальных глаголов практически не употребляется, но в художественной литературе XIX—XX вв. он представлен: *Не можеш никого **излъга*** (Чудомир). 'Ты не можешь никого обмануть'; *Лудите не може никой **утеши**, бесните не може никой **укроти*** (Х. Ботев); *Можеш ли **събра** на едно място вълка и овцата* (Й. Йовков). В литературе прошлого отмечаются очень редкие случаи употребления и «сверхсокращенных» инфинитивных форм: *На чиляка силом му земаш, та силом не можеш му **да*** (П. Славейков), ср. «обычный» сокращенный инфинитив *даде*; *…съдържа някои правила, които не можем **наре** инак освен еуфонични* (Б. Цонев), ср. *нарече* [Пашов 1999: 214].

2. **Семантические особенности модальных глаголов**. Как и во многих языках мира, для большинства болгарских модальных глаголов характерна полисемия в выражении эпистемических и ирреальных значений, а также полисемия в рамках ирреальности, а именно внутренних и внешних значений возможности или

[66] Глагол *бива* не имеет утвердительной положительной формы, кроме выражения *Бива го (за нещо).* 'Он мастер / хорош / разбирается (в чем-л.)' и фразеосхем (*То бива*, *бива … ама …*). Помимо обычного для этого глагола отрицательного употребления со значением неразрешения, используется и вопросительная форма — *бива ли* 'стоит ли' [Пенчев 1984: 64]: *Бива ли да го вземаш чак толкова навътре?* (И). 'Стоит ли принимать это так близко к сердцу?'; *Бива ли да се ангажираш така с неговите проблеми?* (И). 'Стоит ли так заниматься его проблемами?'

необходимости [Плунгян 2011: 432]. Остановимся на некоторых различиях между модальными глаголами болгарского языка, описывая их в терминах модальности в концепции [Плунгян 2011][67].

МОГА и *МОЖЕ*. Личный двувидовой глагол ***мога*** имеет значения:

1) внутренней возможности ‘быть в состоянии что-н. (с)делать, (с)уметь, быть / стать способным’:

> *Може да изяде цяла кокошка.* ‘Он может съесть целую курицу’; *Той може да работи и през нощта.* ‘Он может работать и ночами (*букв.* ночью)’; *Стоян може да виси в интернет с часове.* ‘Стоян способен сидеть в Интернете часами’; *Можеш ли да помогнеш на Ирина?* ‘Ты можешь помочь Ирине?’; *Всъщност ти какво можеш?* ‘Да что ты вообще можешь?’

Ср. и отрицательные формы: *Не мога да търпя това.* ‘Не могу это терпеть’; *Без кафето не мога да се събудя*. ‘Без кофе я не могу проснуться’;

2) внешней возможности (отсутствие препятствий для реализации действия, разрешение другого лица на реализацию действия и т. п.):

> *Можете да влезете.* ‘Вы можете войти’; *Можеш да го сложиш тук*. ‘Ты можешь положить его / это здесь’; *Можем да минем от другата страна.* ‘Мы можем пройти с другой стороны’.

Безличный глагол ***може*** ‘можно’, ‘возможно’, ‘может быть’ имеет значения:

1) внешней возможности, прежде всего в контекстах разрешения, допустимости действия: *Може да влезете.* ‘Можете войти’, *букв.* ‘Можно (вам) войти’;

2) возможности, вероятности действия (эпистемические значения): *Може и да не завали.* ‘Дождя может и не быть’; *Тя може да е вкъщи.* ‘Она может быть дома / Она, возможно, дома’; *Иван може да не се съгласи*. ‘Иван может и не согласиться’. Выражение эпистемического значения позволяет глаголу *може* начинать цепочку с последующим модальным глаголом (см. 1.2.5.2.4).

Маркером эпистемического значения является частица *и*, помещающаяся между модальным глаголом и последующей *да*-конструкцией: *Може* ***и*** *да е хубава песента, какво толкоз* (И). ‘Может, песня и хорошая, но что с того’.

При эпистемическом *може* (как и *трябва*, см. ниже) допустимы два темпоральных варианта форм основного глагола. Для настоящего или будущего временнóго

[67] Модальные показатели могут а) давать оценку степени правдоподобности (или степени вероятности) данной ситуации со стороны говорящего («эпистемическая» модальность), б) описывать статус ситуации по отношению к реальному миру («ирреальность»). Выделяются два основных значения ирреальной модальности — возможность и необходимость. Оба значения могут быть внутренними и внешними. Внутренние возникают в силу внутренних свойств субъекта (его способность, готовность), вторые являются следствием внешних обстоятельств, не зависящих от самого субъекта (в частности, разрешение некоторого лица не создавать препятствий для реализации ситуации).

плана оцениваемого действия используются формы настоящего времени: *Може и да е тук*. 'Возможно, он (она, оно) здесь'; *Може и да няма повишаване на цената на тока.* 'Может, и не будет повышения цены на электричество', а для указания на завершенное действие — формы перфекта: *Може да е дошъл вече.* 'Возможно (может быть), он уже пришел'; *Няма ли го? Може да е изпуснал автобуса.* 'Его нет? Может быть, он опоздал на автобус'.

Поскольку форму *може* имеет и безличный глагол, и спрягаемый глагол *мога* в 3 л. ед. ч., возможны двузначные фразы, как и в русском языке. Так, *Биляна може да спи до късно*. 'Биляна может спать допоздна' допускает толкование как способности, так и разрешенности действия (т. е. внутренняя и внешняя возможность). Предложение *Боян може да се изкаже*. 'Боян может выступить' допускает толкование как разрешенности действия (т. е. внешняя возможность), так и вероятности (эпистемическое значение).

НЕ МОЖЕ и *НЕ БИВА*. Отрицательная форма *не може* 'нельзя' выражает:

1) недозволенность, запрет, ср. окрик «Нельзя» ребенку: *Не може!*;

2) отсутствие объективной возможности сделать что-н.: *Не може да минем през площада: там в момента снимат филм.* 'Через площадь сейчас нельзя пройти: там снимают фильм'.

Безличное *не може* в значении недозволенности и запрета близко по значению к еще одному модальному глаголу — *не бива.*

Не бива 'не стоит / не следует' указывает на отсутствие разрешения, но в более мягкой форме. *Не бива* — это совет, рекомендация: *Не бива да излизаш, щом кашляш.* 'Тебе не стоит выходить, раз ты кашляешь'; *Не бива да ядеш толкова сладолед, трябва да пазиш линия.* 'Не надо тебе есть столько мороженого, ты должна следить за фигурой'. В таких случаях употребление *не може* звучало бы как резкий, категорический запрет: *Не може да излизаш, щом кашляш!* 'Нельзя тебе выходить на улицу, раз ты кашляешь!'

Не бива, таким образом, — моносемантичный модальный глагол со значением внешней невозможности.

ТРЯБВА и *ТРЯБВА МИ*. Безличный глагол *трябва* 'нужно', 'должен' используется для выражения долженствования в следующих значениях:

1) внутренняя необходимость, связанная с потребностями субъекта: *Трябва да пия повече вода.* 'Мне нужно / Я должен пить больше воды'; *Трябва да науча английски най-сетне.* 'Я должен в конце концов выучить английский'. Ср. и с отрицанием: *Не трябва да мисля за теб*. 'Я не должен думать о тебе';

2) внешняя необходимость, связанная с независящими от субъекта обстоятельствами, с «навязываемой субъекту конкретными обстоятельствами моделью поведения» [Плунгян 2011: 428]: *Трябва да влизам в час.* 'Я должен идти на занятие'; *Пътниците трябва да си купят билети предварително*. 'Пассажиры должны купить билеты заранее'. Ср. и с отрицанием: *Неща, които не трябва да правим, когато ни спре полиция* (И). 'То, что нельзя делать, если нас остановит полиция';

3) высокая вероятность ситуации (эпистемическое значение): *Ти трябва да си луд, ако харесваш това.* ‘Ты, *должно быть*, сумасшедший, если тебе нравится это’.

Как было отмечено и для глагола *може*, безличный глагол *трябва* в эпистемическом значении употребляется в перфекте для указания на предположительно произошедшую ситуацию: *Влакът трябва да <u>е пристигнал</u> вече*. ‘Поезд, должно быть, уже пришел’.

Отрицательные формы в этом значении малочастотны: *Не трябва да е там*. ‘Вряд ли он там’, ср. в более обычном значении (2) ‘не должно быть’, ‘не следует’: … *Този паметник не трябва да е там, а трябва да е, примерно, в някой музей* (И). ‘Этот памятник не должен стоять там, а должен быть, например, в каком-нибудь музее’.

Вне *да*-конструкции глагол *трябва* может быть и спрягаемым, когда имеет значение ‘быть необходимым, нужным (кому-н.)’. Здесь уже обязательно указание на лицо:

> *Трябваш ми.* ‘Ты мне нужен’; *Трябват му пари.* ‘Ему нужны деньги’; *Не ти трябва това.* ‘Тебе это не нужно’; *Тези речници още ми трябват*. ‘Эти словари мне еще нужны’; *Коя съм? Не ви трябва да знаете.* ‘Кто я? Вам это знать не нужно’; *Ние повече не ви трябваме, нали?* ‘Мы вам больше не нужны, так ведь?’

Впрочем, в разговорном болгарском языке существует и контаминированное употребление, в котором есть и местоименное дополнение, и *да*-конструкция. *Не ми* (*ти*…) *трябва* + *да*-конструкция соответствует русск. *Мне* (*тебе*…) *нет нужды* (*незачем*) *что-н. делать*: *Не ти трябва да отслабваш! Я си хапни тортичка!* ‘Нет нужды тебе худеть. Давай-ка съешь кусочек тортика!’; *Хич не ти трябва да се връщаш тук!* ‘Нет никакой необходимости тебе сюда возвращаться!’, ср. с конструкцией *Няма защо да се връщаш*. ‘Незачем тебе возвращаться’ в 1.2.6.6.10.

ИМАМ и *ИМА*. Личный глагол *имам* и безличный *има* ‘придется’, ‘предстоит’[68] употребляются в разговорной речи для выражения обязательности и необходимости предстоящего действия, осознаваемой говорящим [ГСБКЕ 1983-3: 128], напр.:

> *Имам да готвя доклад*. ‘Мне предстоит / нужно готовить доклад’; *Имам да ти кажа нещо*. ‘Мне надо тебе кое-что сказать’; *Май че има да чакам*. ‘Похоже, мне еще придется ждать’; *Ако направя това, има да ми носиш от село мед и ракия.* ‘Если я это сделаю, с тебя из деревни мед и ракия’.

Ср. и устойчивое ироническое *Има да чакаш.* ‘Не дождешься’, *букв.* ‘Тебе придется подождать’.

По-видимому, при глаголе *имам*, как и при других модальных, можно различать внутреннее долженствование: *Имам да свалям 20 кг*. ‘Мне нужно / предстоит сбросить 20 кг’ — и внешнее: «*Сега трябва да остана спокоен, защото имам да играя*

---

[68] Напомним, что глаголы *имам* и *има* являются также глаголами с (соответственно) посессивным и бытийным значением, ср. также о конструкции спорного грамматического статуса *Той има подготвени два доклада* в п. 3 раздела 1.2.5.2.3.2.1.

още два мача тук», заяви Димитров. '«Сейчас я должен оставаться спокойным, потому что мне еще *предстоит* здесь сыграть два матча», — заявил Димитров'.

В некоторых грамматиках эти формы относятся к составным формам будущего времени. Во многом это мнение объяснимо напрашивающейся параллелью с формой будущего отрицательного времени *няма да уча*, где *няма*, однако, полностью грамматикализовано как частица будущего времени и не имеет той модальности, которую выражает *имам*. Более того, сказуемое с *имам / има* может само употребляться в форме будущего времени: *Сега **ще** имам да плащам*; ***Ще** имаш да черпиш*.

Специфика конструкции с *имам / има*, на фоне других модальных глаголов болгарского языка, состоит в разговорной окраске и значении неизбежного, принимаемого говорящим, долженствования. *Имам*, помимо того, — это единственный л и ч н ы й модальный глагол со значением долженствования.

Статус форм с *имам / има* как «конструкций» дискутируется в болгарской лингвистике. В работе [Чакърова К. 2008а] показаны возможные временные формы с *има*, а также даны наблюдения над переводом данных конструкций на русский язык, указывающие на их модальный характер.

1.2.5.2.2.3. Расширенный набор вспомогательных глаголов

К модальным и фазисным иногда относят глаголы, содержащие сему способности, планируемости, желания, настроенности на осуществление действия (*готвя се*, *каня се*, *решавам*, *мисля*, *искам*, *старая се*, *опитвам се*, *дръзвам*), его результативности (*съумявам*, *успея*), обычности, привычности действия (*навиквам*, *привиквам*, *свиквам* и др.), долженствования (*налага се*), см. [Радева П. 1997: 78—79], напр.:

> *Искам да си вървя*. 'Я хочу уйти'; *Стараем се да задоволим нуждите на клиентите*. 'Мы стараемся удовлетворить нужды клиентов'; *Мисля да поговоря с преподавателя.* 'Я думаю поговорить с преподавателем'; *Той се опитва да мине напред.* 'Он пытается пройти вперед'; *Тъкмо се канехме да излезем*. 'Мы как раз собрались выходить'; *Тя бе първата жена, която дръзна да атакува президентския пост на Франция.* 'Она была первой женщиной, которая дерзнула штурмовать пост президента Франции'; *Вече свикнахме да се натъкваме в интернет на обяви от типа: Продавам дипломи от всички ВУЗ-ове*. 'Мы уже привыкли наталкиваться в Интернете на объявления типа: Продаю дипломы всех вузов'.

Как и в русском языке, круг вспомогательных глаголов расширяется за счет полнозначных глаголов, которые участвуют в составном сказуемом с ослабленным значением. Как отмечено П. Радевой, это позволяет им привнести в семантику сказуемого «более разнообразные созначения» — интенсивности, неожиданности, обязательности, воспроизводимости, кратности, предрасположенности, фиктивности и др. [Радева П. 1997: 78]. Большинство таких употреблений, впрочем, стилистически окрашены и/или недолговечны, окказиональны, их список неустойчив.

Так, среди примеров П. Радевой часть глаголов принадлежит только разговорной речи (*Сега пък* ***объърнах*** *и аз да го лекувам*), другие — языку прошлого столетия и ранее: *Тя чувстваше ненавистта в душите на болярите и болярките в Царевец, които* ***упорствуваха*** *да вярват, че тя с магия е привързала царя* (И. Вазов); *…ако Русия* ***постоянства*** *да иска нови избори* (С. Стамболов).

Как и в русском языке, помимо глаголов, модальное значение имеют несколько прилагательных, которые выступают как часть сказуемого с поддержкой связочного глагола: *Задължен съм да направя това.* 'Я обязан это сделать'; *Способен съм да те защитя.* 'Я способен тебя защитить'; *Принуден съм да го направя.* 'Я вынужден это сделать'.

1.2.5.2.2.4. Тавтологическое сказуемое

Любопытнейшей особенностью болгарского языка является тавтологическое сказуемое. Оно основано на дублировании — структурном или семантическом, — которое вообще является характерным языковым феноменом балканских языков, см. [Асенова 2002: 104—116], проявляющимся на разных уровнях, от фонетического (напр., болг. *тинтири-минтири*, *калкан-малкан*, *кафенце-мафенце*) и морфологического (*щура-пощуряла*) до синтаксического (*бягай да бягаме*; *тече ли тече* и др.).

На синтаксическом уровне фиксируются повторы, которые можно рассматривать как составное тавтологическое глагольное сказуемое (о нем речь ниже), другие же относятся к чисто синтаксическим повторам, как *тече ли тече* '(все) течет и течет', ср. также: *А, бе, тия мъже… И* ***настояват ли, настояват*** *да се видим!* (Н. Десев). 'Ох уж эти мужчины… как настаивают / все настаивают и настаивают на встрече'. Такие синтаксические повторы здесь не рассматриваются.

Подробный анализ болгарского тавтологического сказуемого проведен П. Радевой [1992; 1997: 79—81]. Тавтологическое сказуемое образуется, как и составное глагольное, двумя глагольными формами, связанными *да*[69]. Оба глагола должны быть совместимы семантически — т. е. должны быть одинаковых или близких значений. Различаются тавтологии, основанные на формальном повторе и на семантическом повторе.

1. Лексемы, участвующие в формальном повторении, немногочисленны. П. Радева указывает три глагола: *взема*, *видя*, *мога*, формирующие 7 однотипных употреблений из разговорной речи [Радева П. 1992: 96]. Так, в предложении ***Да взема да взема*** *един магнет на старо* первый глагол использован в модальном значении как глагол намерения, второй глагол — в одном из своих значений — 'купить'. Коммуникативная нагрузка конструкции — усиление намерения совершить действие.

2. Более распространены тавтологические сказуемые с семантическим дублированием, т. е. сочетания двух синонимических глаголов, при котором первый десемантизируется. Его назначение — придать основному глаголу семантику интенсивности,

---

[69] В работе 1992 г. автор рассматривает в качестве тавтологических и формы с синонимами, связанными союзами *че*, *та*, *па*, однако они трудно отделимы от сочинительно связанных конструкций.

неожиданности, продолжительности, внезапного начала. Здесь могут быть использованы глаголы как контролируемого, так и неконтролируемого действия.

Первый глагол пары, образующей тавтологическое сказуемое, обычно является синонимом второго, имея дополнительный семантический компонент неожиданного начала или интенсивности, напр. *лумна да гори*: *лумна* ‘вспыхнуть’, *горя* ‘гореть’; *търти да бяга*: *търтя* ‘броситься бежать’, *бягам* ‘бежать’. Общий семантический результат связан с интенсивностью действия и бурным началом, см. примеры и толкования из работы [Радева П. 2012: 118]: *прихна да се смее* ‘засмеялся бурно, внезапно’, *вторачва се да гледа* (*букв.* ‘таращится смотреть’) ‘смотрит долго, с большим вниманием’, *ревна да плаче* ‘заплакала внезапно, очень сильно’.

Тавтологические сказуемые иногда включают глаголы лишь с относительной синонимией, т. е. основной лексико-семантический вариант одного глагола и вторичный — другого: *дера се* ‘надрываться (от крика, кашля)’ и *викам* ‘кричать’; *зяпна* ‘разинуть рот’ и *карам се* ‘ругаться’; *викна* ‘крикнуть’ и *пея* ‘петь’ [Радева П. 1997: 81]: *…но простодушните турци обръщат ли на такива работи внимание*; *те* ***зяпнаха да гледат*** *отсечената глава* (З. Стоянов), *букв.* ‘разинули рот смотреть’; *Някаква жена* ***писна да плаче***, *после всичко утихна* (Д. Талев), *букв.* ‘взвизгнула плакать’.

Факт хотя бы частичной синонимии крайне важен для трактовки сказуемого как тавтологического. Те же «экспрессивные» глаголы при сочетании с несинонимическим глаголом составляют обычное (стилистически маркированное) составное сказуемое: Так, напр., в предложении *…прилично уча и уча и* ***се дера*** *да уча* (И) глагол *дера се* ‘надрываться (от крика, кашля)’ переосмысляется как вспомогательный: *Я старательно учусь и учусь,* ***надрываюсь*** *учиться*.

Тавтологическое сказуемое, по свидетельству П. Радевой [1992], характерно прежде всего для народно-разговорной речи, откуда оно переходит в литературно-разговорную и художественную речь.

1.2.5.2.2.5. Сдвоенный императив

В качестве составного сказуемого может выступать сдвоенный императив. Первым компонентом этой формы выступает глагол движения или «активного» позиционирования[70]. Второй глагол получает в данной конструкции целевое значение: *Ела ми разкажи всичко подробно*; *Седни си почини*; *Стани разтреби масата* (ср. русск. *Сядь послушай сказку*; *Пойди помой посуду*).

В современном болгарском языке, в отличие от русского, частотность этих форм уменьшается, они активно вымещаются сочетанием императива с *да*-конструкцией:

[70] Глаголы «активного» позиционирования (изменения позиции) придают целевое значение последующему императиву: *ляг отдохни*, *ложись поспи*. Обратим внимание на то, что в болгарском языке нет «сериальных» конструкций типа русских *Лежит отдыхает*, *сидит вздыхает*, в которых используются глаголы «неактивного» позиционирования (статической позиции), нет и их императивных форм типа русск. *лежи отдыхай*; *сиди читай* (**лежи си почивай*), но есть сдвоенный императив с глаголами изменения позиции: *легни си почини* ‘ляг отдохни’.

Иди купи хляб. → *Иди да купиш хляб*, или сочиненными формами: *Стани кажи какво мислиш.* → *Стани и кажи какво мислиш.* На фоне конкурирующих построений двойные повелительные формы звучат грубовато, фамильярно и воспринимаются как явление периферийное, индикатор просторечия или диалектного влияния [Димитрова С. 1997: 95].

Сдвоенный императив послужил основой чрезвычайно активных сейчас фразеологизмов (*Иди го гони*; *Върви го търси*, напр.: *Дадеш ли му пари на заем, върви го търси после* (А. Мандаджиев), ср. русск. *Ищи-свищи*) и фразеосхем, где первый компонент *иди* переосмыслен как глагол обреченной на неудачу попытки: *Иди срещни някого в тази късна доба.* ‘Пойди тут найди кого-нибудь в такой поздний час’; *Минало, бъдеще… иди го разбери* (В. Веселинов). ‘Прошедшее, будущее… попробуй тут пойми’.

1.2.5.2.3. Составное сказуемое с неглагольной частью

1.2.5.2.3.1. Система связочных глаголов

Основным связочным глаголом является **глагол *съм***[71] (укажем здесь только формы наст. времени: *съм*, *си*, *е*, *сме*, *сте*, *са* — и имперфекта / аориста: *бях*, *беше* (*бе*), *беше* (*бе*), *бяхме*, *бяхте*, *бяха*), который в норме не опускается. В предложении с составным именным сказуемым он принимает на себя функции выражения модально-временных значений:

> *Той е* (PRES) *преводач.* ‘Он переводчик’; *Той беше* (IMPERF) *преводач, а сега работи като преподавател.* ‘Он был переводчиком, а сейчас работает преподавателем’; *Няма да съм* (FUT1.NEG) *тук, когато дойдете.* ‘Меня не будет здесь, когда вы придете’; *Трябва да е била* (PERF) *Мария.* ‘Должно быть, это была Мария’; *Разказът бил* (PRES.INFER) *несполучлив!* ‘Рассказ, мол, неудачный’.

В формах будущего времени вместо *съм* чаще используется лексема *бъда*, а в форме повелительного наклонения — только *бъда*:

> *Ще е* (*ще бъде*) *топло.* ‘Будет тепло’; *Той няма да е* (*няма да бъде*) *тук.* ‘Его здесь не будет’; *Няма да бъдем заедно.* ‘Мы не будем вместе’; *Бъди здрав!* ‘Будь здоров!’; *Бъдете щастливи!* ‘Будьте счастливы’.

В случае отсутствия подлежащего глагол *съм* сохраняется: *Тук съм.* ‘Я здесь’; *Болен ли си?* ‘Ты болен?’; *Беше ли вчера с него?* ‘Ты был вчера с ним?’; *Бяхме само двама.* ‘Нас было только двое’.

---

[71] Глагол *съм* в болгарском языке является: 1) связкой: *В отпуск съм*; 2) вспомогательным глаголом при образовании аналитических глагольных форм: *Не съм го видял*; 3) бытийным глаголом, периферийным по отношению к основному бытийному глаголу *има*. В целом набор функций *съм* близок русскому *есть*, но дистрибуция этих функций, их реализация значительным образом отличаются [Иванова 2002; 2003]. Здесь мы говорим только о связочном *съм*.

Опущение глагола *съм* наблюдается при следующих условиях[72]:

— для выражения эмоционально-экспрессивных значений: *Даскале! Нягуле! Сенебирски арестуван!* (Й. Йовков). 'Учитель! Нягул! Сенебирски арестован!';

— для подчеркивания актуальных признаков в момент их восприятия, обнаружения: *Човекът се оказа пълничък, с оредяло теме, сиви мустачки и къси крака… Ръцете му — и те къси, и те изцапани с боя* (В. Голев). 'Человек оказался пухленьким, лысоватым, с серыми усиками и короткими ногами… Руки — и те короткие, и те выпачканные краской';

— при описательном перечислении (в сочинительных конструкциях): *<Той всичко си има,> домът му дом, здравето му здраве, ръцете му юнашки, сърцето му широко, душата му открита*[73]. С. Стоянов связывает опущение связки в подобных описаниях с желанием избежать повтора при сочиненных предикативах [Стоянов 1970: 24—25];

— в пословицах: *За вълка говорим, а той в кошарата*, *букв.* 'Говорим о волке, а он в овчарне', ср. *Легок на помине*; *Казана дума — хвърлен камък*, *букв.* 'Сказанное слово — брошенный камень', ср. *Слово не воробей, вылетит — не поймаешь*.

Другие два близких глагола — ***бъда*** и ***бивам*** — имеют крайне ограниченную сферу употребления. *Бъда* ограничен формально: он используется в будущем времени наряду с *съм* и в синтетической форме повелительного наклонения (вместо *съм*) в форме *бъди*: *Ще бъда преводачка*; *Няма да бъдем заедно*; *Бъди щастлива!*

Глагол *бивам* ограничен семантически: он употребляется как бытийный, указывая на наличие событийных сущностей ('случаться, происходить'): *Такъв студ не е бивал отдавна* и реже — как глагол движения ('бывать, навещать, приходить'): *Често съм бивал у тях*, т. е. в качестве связочного не используется, см. [Бозова 1994; 1995].

Другие связочные глаголы. Связочную функцию могут выполнять, помимо *съм*, глаголы полусвязочные, глаголы с ослабленным лексическим значением.

Большинство связок можно охарактеризовать как авторизующие [Золотова и др. 1998] — они указывают на то, что признак объекту приписывается каким-л. лицом или неопределенно-широкой группой лиц: *смятам* ('считать'), *минавам* ('считаться'), *струвам се* ('казаться'), *славя се* ('быть известным'), *изглеждам* ('выглядеть') и др. Ряд авторизующих связок служит для выявления скрытых качеств объекта или подчеркивает несоответствие между истинными и наблюдаемыми качествами лица: *излизам* и *оказвам се* ('оказываться'), *правя се* ('изображать из себя') и др. Примеры:

---

[72] См., напр., [Стоянов 1970]. В контексты с опущением *съм* также входят ситуации неожиданного восприятия, обнаружения: *Гледам, зад вратата — Петко*. 'Смотрю, за дверью — Петко'. Здесь, однако, речь должна идти об имплицитности не связки, а бытийного глагола *съм*. См. о бытийных предложениях 1.2.6.5.2.1., п. 3, об их неполных реализациях — 1.2.6.7.1.

[73] За этот пример, как и за некоторые другие, благодарю Стефану Димитрову, не только тщательно прочитавшую весь текст работы, но и предложившую ряд наблюдений и примеров.

> ***Минава*** *за честен човек*; *Еньо ѝ* ***се видя*** *чужд и страшен* (Елин Пелин); *Квартирата изведнъж ми* ***се стори*** *гола и чужда* (П. Вежинов); *…Същият той беше спасил детето ѝ и му* ***се явяваше*** *нещо* ***като*** *баща* (А. Томов); *Той* ***минава за*** *вещ познавач на тия работи*; *Макар и отпуснати, тия млади мъже* ***изглеждаха*** *много пъргави* (Г. Стоев); *…Този надпис им* ***се стори*** *изпростял* (Д. Димовски); *Той* ***не си пада*** *домошар. Рядко се завърта вкъщи* (Н. Десев); *Защо* ***се правиш*** *на палячо?*; *Той* ***се преструва на*** *заспал*; *Той* ***се направи*** *на глух.* См. и разговорные авторизующие связки: *Нашите* ***се слагат*** *големи футболисти*; ***Пише се*** *за компетентен.*

Глаголы, имеющие объектную валентность, могут иметь две авторизующие формы, выступая в качестве сказуемого или неопределенно-личного предложения (с нулевым неопределенно-широким субъектом), или двусоставного (с определенным субъектом, который и является объектом характеризации): *Смятат го за умен. — Той се смята за умен*, как и русск. *Его считают умным. — Он считается умным*.

Круг глаголов, допускающих подобную трансформацию, в болгарском языке шире, чем в русском. В него включаются полнозначные глаголы, которые могут быть переосмыслены как авторизующие связки и способны открыть упомянутые две валентности в этом своем значении, напр. *имам* и *мисля*, ср.: *Ти го* ***имаш*** *за млад* (*човек*) и *Ти* ***се имаш*** *за млад* — пример из [Пенчев 1984: 42]. ‘Ты считаешь его / себя молодым’.

Обратим внимание, что большинство глаголов требуют предложной связи через *за*, *на* или *като* с последующим существительным или прилагательным: *Минава се / смята се / счита се / има се* ***за*** *честен* (*човек*), *слави се* ***като*** *честен* (*човек*). В русском языке им соответствуют конструкции с творительным падежом: *Он считается честным человеком*. Конструкциям с *като* соответствуют русские обороты с *как*: *известен как честный человек.*

Отметим, что часть подобных глаголов в генеративно ориентированных исследованиях не считается связочными, а рассматривается как входящие в «малки изречения» (напр., [Пенчев 1984; Коева 2001а: 62]), т. е. в предложения с предикативным определением. Так, Й. Пенчев [1984: 39] оставляет в ряду вспомогательных такие глаголы, как *стана*, *окажа се*, *изглежда*, *престоря се*, *правя се*, отграничивая их от «полнозначных» типа *смятам* (*Смятат го за глупав*), т. е. авторизующих связок с неопределенным субъектом. В качестве доказательства применяется пассивизация: *Всички го смятат за глупав. — Той се смята за глупав от всички.*

Притом что авторизующие связки, вообще говоря, формируют полипредикативную структуру [Золотова и др. 1998: 76]: *Всички го смятат за глупав. — Всички смятат, че той е глупав*, для классического структурного синтаксиса четкое отграничение этих двух групп (полнозначных и ослабленных глаголов в роли сказуемого) остается релевантным, т. к. оно позволяет разграничить составное именное сказуемое от простого сказуемого с последующим предикативным определением, которое при традиционном подходе выступает как второстепенный член

предложения (см. раздел 1.2.5.4.2), ср. *Баща ти остана жив и здрав* и *Баща ти се върна жив и здрав от фронта* (пример П. Радевой [1997: 82—83]), ср. русск. *Твой отец остался жив и здоров. — Твой отец вернулся с фронта живым и здоровым.*

1.2.5.2.3.2. Морфологические типы послесвязочной части

Составное неглагольное сказуемое классифицируется по морфологической характеристике послесвязочной части: сказуемое с именной частью является составным именным, с наречной — составным адвербиальным. В качестве особых подтипов из именного сказуемого иногда вычленяют прономинальные сказуемые (с местоименной частью) и нумеральные (с числительным), см. [Радева П. 1997], которые здесь будут рассмотрены в рамках именных. С. Брезински [Брезински 2001] обратил внимание на существование в болгарском языке и междометного (не только простого, но и составного) сказуемого.

Русское инфинитивное сказуемое имеет аналогом болгарскую *да*-конструкцию, и такие предложения относятся к сложноподчиненным.

1.2.5.2.3.2.1. В качестве **именной части**, как и в русском языке, выступает чаще всего существительное (или ИГ) либо «синтаксическое прилагательное». Предикативную позицию значительно чаще, чем в русском языке, занимает предложное сочетание. Морфологическое выражение опорного компонента ИГ разнообразно: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, а также некоторые причастия.

1. **Существительное**: *Тя е софиянка*; *Брат ми е преводач*. Чаще предикативную позицию занимает развернутая ИГ:

> *А Валентин наистина беше* [*много тихо* ***дете***] (П. Вежинов); *Той бе* [*будно, буйно, остригано до голо, с вехти панталонки до под коляното, нищо и никакво* ***момченце*** *с клепнали уши*] (Д. Димовски); *Той беше* [*висок, мършав и начумерен* ***мъж****, с плешиво теме и студено лице, които заедно с мъчните текстове по латински вдъхваха у гимназистите завинаги отвращение към древността*] (Д. Димов).

2. **Предложная группа**. Предложные группы в качестве предикатива распространены в болгарском языке шире, чем в русском. Это связано прежде всего с эксплицитностью глагола-связки: многие свободные сочетания «существительное + предложная группа» (со значением цели, принадлежности, происхождения, пространственных характеристик и т. п., см. ниже) в болгарском языке можно развернуть в полноценную предикацию, ср.:

> *книгата на масата — Книгата е на масата*,
> *книгата на брат ми — Книгата е на брат ми*,
> *чаша от стъкло — Чашата е от стъкло*,
> также: *Роклята е на райета*; *Къщата е в планината*; *Разказът е за деца.*

В русском языке, конечно, теоретически тоже нет препятствий для образования таких предложений, ср. соответственно приведенным болгарским: *Книга —*

на столе; *Книга — брата*; *Этот бокал — из стекла*; *Платье — в полоску*; *Дом — в горах*; *Рассказ* (*Этот рассказ*) *— для детей.* Тем не менее они требуют особой контекстуальной поддержки или (в устной речи) подчеркнуто предикативной интонации, паузирования на месте тире. Нулевая связка в русском языке чаще заменяется другим глаголом или причастным сказуемым: *Книга лежит на столе*[74]; *Дом находится в горах*; *Этот рассказ написан для детей*, либо вся именная группа трансформируется в именную часть сказуемого при местоименном подлежащем: *Это — книга брата*, либо происходит адъективация несогласованного определения: *Дом в 2 этажа.* → *Дом двухэтажный*, ср. болг. *Къщата е на два етажа.* Еще более затруднительна в русском языке предикативизация словосочетаний притяжательного значения в иных временных планах: *?Эта квартира была брата*, ср. болг. *Апартаментът беше на брат ми.*

Различия с русским языком в рамках предложных групп выявляются и на уровне семантических типов синтаксем, способных занимать эту позицию, особенно с субстантивами абстрактного значения:

> *Неговата възраст е от значение*. 'Его возраст имеет значение'; *Това не е за вярване*. 'Этому трудно поверить', *букв*. 'Это не для веры'; *Маринов е без значение в случая* (Б. Райнов). 'Маринов в этом случае вообще не в счет / вообще ни при чем'.

У нас нет возможности перечислить даже основные предикативные предложные группы в болгарском языке[75], поэтому покажем некоторые (заведомо не все) семантико-синтаксические типы предикативов на примере групп с предлогами *от*, *в*, *на*, *за*.

Предлог ***от*** в составе именной части сказуемого объединяет в себе несколько значений, выражаемых в русском языке, в основном, предлогами *из* и *от*. Предикативно-предложные группы с *от* обозначают: 1) принадлежность к определенной группе, категории людей: *Той е от първенците на града*; *…Момъкът бе от по-долни хора* (Т. Влайков); 2) «локативную принадлежность», происхождение, источник: *Той е от България*; *Той не е от нашия град*; *Писмото е от сестра ми*, материал: *Покривът на къщичката е от слама* (Д. Димов), в т. ч. переносно: *Човек може да е от желязо* (Й. Йовков); *Сърцето му е от камък*; 3) авторство: *Картината е от един варненски художник* и др.

---

[74] Особенно явно различие между болгарским и русским языком в использовании глаголов в локативных предложениях, ср. *Книгата **е** на масата.* 'Книга *лежит* на столе'; *Лампата **е** на масата.* 'Лампа *стоит* на столе'. Это связано с тем, что в болгарском языке глаголы позиционирования менее десемантизированы, чем в русском. Ср. наблюдения и выводы Е. В. Рахилиной [1998], сделанные на русском материале, и Н. Ковачевой [1982] — на болгарском.

[75] См. обзоры значений некоторых предлогов в литературе на русском языке [Маслов 1981: 321—330; Градинарова 1997; Шанова 2010а], на болгарском [ГСБКЕ 1983-2; Станева 1988в; Гуторанова 1996 и др.], также в работах последних лет [Бонджолова 2007; Влахова 2009; Атанасов 2010] и в коллективной монографии «Славянските предлози» [2007].

Предложные группы с предлогом ***в*** чаще всего выражают 1) локативное значение: *Тя не е в нашия вагон*; *Той е в Америка сега*; 2) значение полного охвата, покрытия, а также охваченность состоянием: *Тя е в черно*; *Стаята е цяла в цветя*; *Той е в еуфория*; *Бях в паника*, ср. и оттенки этих значений: *Училищата в Бургас, Монтана, Пазарджик са в грипна ваканция*; *Той е в отпуск*; *Тя е в развод*; 3) значение размера с указанием количества составляющих: *Пиесата е в десет картини*; *Филмът е в две части*.

Предложные группы с предлогом ***на*** имеют значения: 1) притяжательности: *Книгата е на Мария*; *Тази кола е на Петър*; 2) пространственных характеристик, напр. отстояние: *Колата наистина бе до къщата, а самата сграда — на пет метра от външния зид на църквата* (Е. Андреев); 3) определительные: *Къщата е на два етажа*, с многочисленными метафорическими вариациями: *Полицията е на нокти от три дни*; *Всички сме на крак*. Отметим и специфическое значение предлога *на*, получившее распространение в современном разговорном языке. Предлог вводит название предмета, который занимает все внимание субъекта и определяет его занятие в данный промежуток времени: *Искаш ли череши? — Благодаря, още съм на месо*. 'Хочешь черешни? — Спасибо, я пока ем мясное', *букв.* 'я еще на мясе'.

Предложные группы с предлогом ***за***, в основном, имеют целевую семантику (цель, предназначение): *Книгата е за Мария.* 'Эта книга для Марии'; *Всичко ли е за продан?* 'Это все на продажу?'; *Това ти е за спомен.* 'Это тебе на память'. Целевое значение лежит в основе употреблений, которые закреплены в языке как синтаксические фраземы: *За уважение са такива хора.* 'Эти люди достойны уважения'; *Филмът не е за изпускане*. 'Фильм стоит посмотреть', *букв.* 'Фильм не для пропуска'; *Тя е направо за смях*. 'Она просто смешна', *букв.* 'Она просто для смеха'. В русских переводах для передачи этого предложного сочетания используются самые разные средства (см. [Градинарова 2012а]), напр.:

> *Колкото и да бе рисковано това пътуване, то бе все пак* ***за предпочитане*** *пред възможността да бъде пленен от французите или сърбите* (Д. Димов). 'Как ни рискованно выглядело такое путешествие, это было *лучше*, *чем* попасть в плен к французам или сербам' (пер. Н. Попова и др.).

Значение цели лежит в основе употребления *за* для указания направления: *Автобусът е за гараж*. 'Автобус (идет) в гараж'; *Тази пътека е за върха*. 'Эта тропинка (ведет) к вершине горы' (примеры Р. Влаховой [2009: 21]).

С целевым *за* часто оформляются сочетания с д в о й н ы м и п р е д л о г а м и, при этом *за* предшествует предлогу с пространственным, количественным или временным значением: *Този пуловер е* ***за под*** *сакото.* Такие грамматико-смысловые комбинации для русского языка не характерны и обычно требуют эксплицирования обоих смыслов (*Этот свитер* ***для того, чтобы*** *надевать его* ***под*** *пиджак*) либо устранения одного из двух этих смыслов в поверхностной структуре: *Этот свитер надевается* ***под*** *пиджак* (семантика предназначения имплицирована). См. также:

Този шал е за през зимата, *букв.* ‘Этот шарф — для во время зимы’; *Сега не е за без палто*, *букв.* ‘Сейчас не для без пальто’; *Не съм за пред хора сега*, *букв.* ‘Я сейчас не для перед людьми’.

Выбор иных предлогов в предикативных полипредложных группах таков же, что описанный для словосочетаний (см. раздел 1.1.5.):

*Нормалните риби са **по около** 200 г.* ‘Нормальные рыбы — около 200 г каждая’;
*Това е **по над** 5 $ на барел.* ‘Это более чем по $5 за баррель’;
*Бюджетът ми е **до към** 1300—1400 лв.* ‘Мой бюджет достигает примерно *1300—1400 лв.*’;
*Само 4 са предприятията, в които заетостта е **с по над** 250 работни места.* ‘Только 4 предприятия, в которых занятость — более чем по 250 рабочих мест’.

3. **Прилагательные и причастия**: *Времето беше **топло***; *Момичето беше много **любезно***; *Денят се оказа **горещ***; *Разбрах, че си голям **инат***[76] (Н. Десев); *Тя е много **притеснена***; *Тя е **лишена** от чувство за хумор*, в том числе бывшие причастия: *Независимо че в действителност са **печеливши**, гледат на себе си през очите на губещия, песимизмът се превръща в тяхна трайна социална нагласа* (Ю. Генов).

Со страдательным причастием прошедшего времени строятся разнообразные пассивные и квазипассивные конструкции болгарского языка (см. о них подробнее раздел 1 главы IV): *Поканен съм от Иван*; *В стаята е влизано*; *В това легло е спано*; *Господин Петров, вие сте натоварен да придружите госта* (примеры П. Пашова [1999: 206—207]).

Обратим внимание еще на одну конструкцию со страдательным причастием, статус которой обсуждается в болгарской лингвистике.

Дискуссия ведется прежде всего по поводу того, является ли сочетание *имам* + страдательное причастие (*Имам написани две книги*) конструкцией или же морфологической формой глагола с результативным (перфектным) значением, см. [Костадинова 2006], где дан и обзор литературы. Предшествующее обсуждение вопроса см. и в работе [Костов 2004], в которой, помимо того, выдвигается ряд не вполне обоснованных претензий к предыдущему автору, что является дополнительной иллюстрацией высокого дискуссионного статуса проблемы.

П. Костадинова, вслед за Й. Пенчевым [Пенчев 1968; Костадинова 2006], видит основания различать в этой конструкции два омонима: страдательное причастие может служить определением к существительному, и тогда глагол *имам* имеет обычное притяжательное значение: *Имам написани две книги*. ‘Я имею (У меня есть) написанные две книги’, либо глагол *имам* имеет непритяжательное значение и поясняется причастием: ‘Я имею написанными (У меня написаны, готовы) две книги’.

Ср. еще употребления конструкции с притяжательным значением (а) и непритяжательным (б):

---

[76] *Инат* — неизменяемое прилагательное (турцизм), ‘упрямый’. В примере — по отношению к женщине: *Я понял, что ты очень упряма.*

(а) *Обектът има охранявани зони*. 'Объект имеет охраняемые зоны'; *Машинката изглежда безобидна, но тя има вградено микрофонче*. 'Прибор выглядит безобидным, но в нем есть встроенный микрофон';

б) *Той има спечелени 13 сребърни и 2 златни медала*. 'Он уже выиграл ('имеет выигранными') 13 серебряных и 2 золотые медали'; *Секторът вече има обсъдени и изработени няколко варианта*. 'В секторе уже обсуждены и выработаны несколько вариантов'; *Отборът има изиграни общо 87 мача*. 'Команда уже сыграла в общей сложности 87 матчей'.

Проблема различения омонимов (а) и (б), в принципе, не стоит остро, они легко подвергаются трансформации. Примеры группы (а) при трансформации эксплицируют посессивно-локативное или чисто посессивное значения: *На обекта има охранявани зони / Обектът съдържа охранявани зони*; *В машинката има вградено микрофонче / Машинката притежава вградено микрофонче*. Вторые трансформируются в предложения с перфектом: *Той е спечелил 13 сребърни и 2 златни медала*; *Секторът вече е обсъдил и изработил няколко варианта*; *Отборът е изиграл общо 87 мача* [Костадинова 2006].

Именно по поводу употреблений (б) обсуждается проблема грамматической характеристики данного сочетания — не является ли форма сказуемого особым, результативным, временем? Аргументы в пользу того, что речь должна вестись не о форме глагола, а о конструкции *вспомогательный глагол + причастие*, следующие:

1) в ней могут участвовать только переходные глаголы;

2) субъект предложения и производитель действия, обозначенного причастием, должны совпадать (или, по крайней мере, субъекту должна приписываться [Пенчев 1968: 174] роль производителя);

3) субъект действия должен быть одушевленным; последнее распространяется и на наименования, заменяющие собой обозначения групп людей, — *сектор*, *институт*, *завод*.

При этом авторы усматривают и неполностью стертое значение притяжательности у глагола *имам* в данных конструкциях [Пенчев 1968; Костадинова 2006].

Статус этих форм еще требует изучения. Не прояснена соотнесенность его с двумя смежными явлениями: 1) конструкциями с местоименным дополнением: *Имам **го** записан някъде телефона му*, *букв.* 'Я имею [его] где-то записанным его телефон', и 2) конструкциями, где нет упомянутого выше совпадения субъекта и производителя действия, но и притяжательная трактовка тоже невозможна. Так, наряду с *Имам поръчани кецове*. 'У меня заказаны кеды' возможно: *Аз имам поръчано да чакам тук*. 'Мне поручили ждать здесь', см. [Костов 2004: 127].

4. **Местоимение**.

Личные местоимения. Личные местоимения выступают в качестве именной части сказуемого в предложениях идентификации: *Я виж, — казах на този, който ми прилагаше хватка. — Та това си **ти**!* (В. Пасков). 'Смотри-ка, — сказал я тому,

кто меня скрутил, — так это ты!’ С характеризующим переосмыслением они работают и в устойчивых формулах и тавтологиях, построенных по типу предложений идентификации: *Аз съм си **аз**, ти си си **ти***. ‘Я — это я, ты — это ты’, см. об этом [Иванова 2009в: главы 3 и 4]. Богатый материал с личными местоимениями в предикативной позиции собран С. Брезинским [2001: 48—50].

Указательные местоимения. При непосредственном указании на неодушевленный предмет (при остенсивном употреблении) в роли предикатива выступает только указательное местоимение: *Твоето място е **това.*** ‘Твое место — это’; *Кой е твоят автобус? — **Онзи** е*. ‘Какой автобус — твой? — Тот’.

При прямом указании на лицо употребление указательного местоимения вместо личного, как и в позиции подлежащего, является невежливым: *Потърпевшият е **този***. ‘Потерпевший — этот’. Это положение не столь категорически относится к клефту, где указательное местоимение составляет инверсированную рему: *Този / той е, който е счупил прозореца.* ‘Это этот / Это он разбил окно’, см. подробнее о клефте в главе III.

Субститутом приписываемых качественных признаков объекта является указательное местоимение *такъв* (*такава*, *такова*, *такива*): *Ужасно дете! — Всички деца са такива.* ‘Ужасный ребенок! — Все дети такие’; *Той си е такъв*. — ср. рус. *Такой уж он*; *Аз съм си такава, все на чомпе* (Б. Димитрова). ‘Вот такая я, все не как у других’.

Такое же местоимение используется в предикативной функции с целью избежать повтора именного выражения: *Родителите ми са работници, и на жена ми са **такива***, пример П. Пашова [1978: 415], ср. иное в русск.: *Мои родители — рабочие, и родители жены — **тоже***.

Обратим внимание, что *такъв* и его формы используются и на месте русских личных местоимений «повтора» [Падучева 1985: 149] в тв. падеже (т. е. после полусвязочных глаголов), ср.: *Его брат — технический переводчик. Он стал **им** после прохождения специальных курсов*. ‘Неговият брат е преводач на техническа литература. Той станал *такъв* след преминаването на специални курсове’. В тех же условиях вместо вопросительного русского местоимения в тв. падеже выступает болгарское *какъв*: *Кем быть?* ‘Какъв да стана?’

Притяжательные местоимения выступают в роли предикатива как в прямом значении принадлежности, обычно с нулевым артиклем: *Речникът е **неин*** (*букв.* ‘Словарь — ее’); *Вината е **моя*** (*букв.* ‘Вина — моя’); *Проблемът е **техен*** (*букв.* ‘Проблема — их’), так и в переносном ‘близкий по духу, включенный в микромир субъекта’: *По закона на младостта ти си **наш*** (А. Германов). ‘По закону молодости, ты — наш’; *Лоши сме си*[77], *ама **наши** сме си* (посл.), ср. русск. *Хоть плохонькие, но свои*.

Возвратно-притяжательное местоимение при связочном глаголе *съм* используется только в значении прилагательного ‘родственный, близкий’: *Той е свой*

[77] О значениях болгарского свободного возвратного датива *си* см. раздел 5.2.1 (глава V).

сред свои. ‘Он свой среди своих’; *Кой е? — Свои сме*; *За тях той е свой*; *Каквито сме, да сме, свои сме* (посл.). При других связочных глаголах такого ограничения для *свой* нет, ср. *Смятам този апартамент за свой*. ‘Я считаю эту квартиру своей’ и *Считам Петър за свой* (*човек*). ‘Я считаю Петра своим (человеком)’.

Вопросительные местоимения используются как предикатив в вопросительных предложениях: *Кой е той?* ‘Кто он?’; *Какво е това?* ‘Что это?’

В отличие от русск. яз., помимо формы м. рода местоимения *кой*, употребляются и формы ж. р. *коя* и мн. ч. *кои* при вопросе к субъекту действия, если их соотнесенность с родом и числом является однозначной (напр., при дейксисе — ситуационном или текстовом: *Коя е тази жена?* ‘Кто эта женщина?’; *Кои са тези хора?* ‘Кто эти люди?’)[78]. Изменяется и предикативное *какъв*: *Какъв е според зодията?* ‘Кто [он] по знаку зодиака?’; *Каква ти е?* ‘Кто [она] тебе?’

Неопределенные и отрицательные местоимения редко выступают в роли предикатива. Для *нещо* ‘что-то’ необходимо расширение: *Това е нещо неприятно*; *Това е нещо, което според мен не е добре* (Г. Янакиев). Отрицательное местоимение *нищо* ‘ничто’ без расширения переосмысливается: *Това е нищо в сравнение с това, което направи премиерът.* ‘Это ничто в сравнении с тем, что сделал премьер’.

Местоимения-прилагательные вполне возможны как в прямом значении: *Кучето е ничие*. ‘Собака ничья’, так и в переносном: *Той не ми е никакъв.* ‘Он мне никто’ (*букв.* ‘Он мне никакой’).

Определительные местоимения. В роли предикатива при связке *съм* выступают прежде всего местоимения-существительные: для лиц — *всички* ‘все’, для предметов — *всичко* ‘всё’: *Тук сме всички*. ‘Здесь все [мы]’; *Това е всичко.* ‘Это всё’, см. и с переосмыслением: *За мен той е всичко*. ‘Для меня он всё’.

С другими связочными глаголами возможно употребление местоимения-определения *всякакъв* — ‘всякий’, ‘разный’ со значением качественной или профессиональной характеристики[79]:

> *Тя може да бъде всякаква.* ‘Она бывает разной’; *В Берлин човек може да бъде всякакъв, важното е да може това, което прави.* ‘В Берлине человек может работать кем угодно, важно, чтобы он мог делать свое дело’.

Лексема *сам* в предикативной позиции прочитывается всегда как прилагательное[80] ‘находящийся в одиночестве’: *Аз съм сама* ‘Я одна’.

---

[78] См. также раздел 1.2.3.2.

[79] Ср. кванторное местоимение *всеки* ‘каждый, всякий’.

[80] В современных болгарских теоретических грамматиках [Куцаров 2007; Ницолова 2008а] *сам* отсутствует в списках определительных («обобщителни») местоимений. Трактовку *сам* как прилагательного поддерживают и словари, указывая, впрочем, что *сам* может выступать «в качестве местоимения»: *Той сам ми го каза*. ‘Он сам мне это сказал’, напр. [БТР 2006].

5. **Числительное.** В роли именной части сказуемого выступает количественное числительное, в том числе лично-мужская форма: *Две по две е четири.* ‘Дважды два четыре’; *Те бяха петима.* ‘Их было пятеро’; *Бяхме двама.* ‘(Нас) было двое’, и порядковое: *Ти беше първият.* ‘Ты был первым’; *Той се оказа третият на опашката.* ‘Он оказался третьим в очереди’.

1.2.5.2.3.2.2. **Составное адвербиальное сказуемое**. С помощью наречия формируется значительная часть предложений состояния, локативных и временных:

Тук е много студено. ‘Здесь очень холодно’; *В стаята не е уютно.* ‘В комнате неуютно’; *Беше топло.* ‘Было тепло’; *Студено ми е.* ‘Мне холодно’; *Тя винаги е нащрек*. ‘Она всегда начеку’; *Аптеката е отсреща*. ‘Аптека — напротив’; *Всичките му грижи и мисли бяха там* (Елин Пелин). ‘Все его беспокойства и мысли были там’; *Командировката е утре.* ‘Командировка завтра’.

1.2.5.2.3.2.3. **Составное интеръекциональное сказуемое**. В роли сказуемого может выступать междометие со связочным глаголом. С. Брезински [2001], собравший богатый материал таких употреблений (его и примеры ниже), предлагает называть такое сказуемое составным интеръекциональным (наряду с простым интеръекциональным).

Примеры: *След време човек разбираше, че Ромата е* ***куку*** (Д. Енев), *букв.* ‘Через некоторое время понимаешь, что Рома ку-ку’, см. также: *Тя притисна червилото до гърдите си. Сега тя беше* ***тип-топ*** (Р. Кьоно); *Баба ми — жена на всички времена — може би е малко* ***трала-ла*** (эстр. песня); *Яденето беше* ***о'кей.***

Однако традиционно такое употребление междометий квалифицируется как субстантивация, таким образом, сказуемое такого типа является составным именным.

1.2.5.2.3.2.4. При замещении позиции предикатива **глагольной *да*-конструкцией** формируется сложноподчиненное предложение: *А сега-засега най-важното беше* [*да се качим незабелязано в асансьора*] (П. Вежинов). ‘Сейчас главное было незаметно добраться до лифта’ (пер. М. Тарасовой).

1.2.5.2.4. Осложнение составного сказуемого фазисными и модальными глаголами

Введение дополнительного фазового или модального глагола возможно как в составное глагольное, так и составное неглагольное сказуемое:

Трябва да умееш да настояваш, докато получиш своето. ‘Ты должен уметь настаивать до тех пор, пока не получишь желаемое’;

Трябва да умееш да продължаваш да настояваш, докато получиш своето. ‘Ты должен уметь продолжать настаивать до тех пор, пока не получишь желаемое’;

Трябва да станеш по-весела. ‘Ты должна стать более веселой’;

Котката не може да е гладна: току-що яде. ‘Кошка не может быть голодной: она только что ела’.

Модальные и фазисные глаголы могут осложнять и составное междометное (интеръекциональное) сказуемое, см. примеры С. Брезинского [2001: 59]: *Моята леля продължава да бъде малко трала-ла.* ‘Моя тетя продолжает быть немного «траля-ля»’ (‘не в себе’); *Той май че престана да бъде хахо-хихи*. ‘Он вроде перестал быть чокнутым’.

Цепочки вспомогательных глаголов более характерны для составного глагольного сказуемого. При этом первым глаголом в цепочке должен быть модальный глагол: *Трябва да започна да уча всеки ден*. ‘Я должен начать заниматься каждый день’; *Можеш ли да спреш да пушиш?* ‘Ты можешь бросить курить?’ Нанизывание (даже двух) фазисных глаголов невозможно, за редкими исключениями, а вот нанизывание модальных глаголов для болгарского языка обычно: *Трябва да можеш да разбираш хората*. ‘Ты должен уметь понимать людей’.

Обратим внимание, что болгарские цепочки с модальными глаголами способны к последовательности *глагол возможности* (эпистемическое употребление) + *да* + *глагол долженствования*, что для русского языка возможно лишь при единичных глаголах долженствования (*потребоваться*, *нуждаться*, *быть обязанным*): *Пътникът, по време на пътуването си,* ***може да трябва да заплати*** *други такси*. ‘Пассажиру, во время его путешествия, *может потребоваться* оплатить и другие таксы’.

Эпистемическое значение *може* делает допустимым модальное осложнение глагола *мога*: *Можеш ли да дойдеш? —* ***Може и да мога****, ще видя.* ‘Можешь прийти? — Может, и могу / смогу, посмотрю’. В русском языке первый глагол в такой цепочке обычно оформляется как вводное слово: *Трябва да можеш да разбираш хората*. — *Може да трябва да разбирам хората, но аз не мога.* ‘Ты должен уметь понимать людей. — *Может*, я и должен понимать людей, но я не могу’; *Вероятно е бил повреден и може да трябва да се замени*. ‘Вероятно, он был поврежден и, *может быть*, нуждается в замене’.

1.2.5.3. Подлежащее и сказуемое: особые случаи согласования

«Согласование» сказуемого с подлежащим заключается в зависимости формы числа, рода, лица сказуемого от соответствующих характеристик подлежащего. Иначе говоря, форма сказуемого контролируется подлежащим, которое задает согласовательные категории. В [РГ 1980-2: 242], как и в некоторых других работах, эту связь между подлежащим и сказуемым рассматривают как взаимонаправленную, т. е. как «координацию» (взаимозависимость компонентов по числу, роду, лицу), а при неизменяемой форме сказуемого связь между подлежащим и сказуемым трактуется как соположение: *Аптека — за углом*.

В болгарском языке о «соположении» подлежащего и сказуемого, т. е. их формальной независимости, может вестись речь в очень ограниченных случаях, т. к. даже при именной неизменяемой части сказуемого связочный компонент всегда эксплицирован[81]: *Аптеката* ***е*** *зад ъгъла*. Форма сказуемого независима от подле-

[81] Немногочисленные условия для опущения связки см. в разделе 1.2.5.2.3.1.

жащего, во-первых, при междометном или фразеологизированном сказуемом (*Той хлоп вратата.* ‘Он хлоп дверью’), а во-вторых, в случае подлежащего местоименно-обобщенного типа, при котором форма глагола-связки согласована с именной частью сказуемого. Классический пример, как и в русском языке, — выраженность подлежащего местоимением *това* ‘это’: *Това бях аз*. ‘Это был я’; *Това бяха моите приятели*. ‘Это были мои друзья’; *Това е бил страхотен мач!* ‘Это был потрясающий матч’.

Ср. примеры стандартного «согласования» подлежащего[82] и:

а) простого сказуемого в форме настоящего времени

— *Аз не го виждам. Ти не го виждаш. Той не го вижда. Тя не го вижда. То* [*Анчето, момичето*] *не го вижда. Ние не го виждаме. Вие не го виждате. Те не го виждат*;

б) именного сказуемого, включающего форму настоящего времени связочного глагола

— *Аз съм добър човек. Ти си добър човек. Той е добър човек. Тя е добра студентка. То* [*Анчето*] *е добро момиче. Ние сме добри готвачи. Вие сте добри преводачи. Те са добри хора*;

в) сказуемого в форме перфекта полнозначного глагола

— *Аз не съм го видял. Ти не си го видял. Той не го е видял. Тя не го е видяла. То* [*Анчето, момичето*] *не го е видяло. Ние не сме го видели. Вие не сте го видели. Те не са го видели*;

г) сказуемого в форме будущего пересказывательного («пересказывательный футурум претерити», по И. Куцарову [2007: 311]), где наблюдается плеонастическое согласование, т. к. три компонента глагольной формы (вспомогательный глагол, состоящий из двух элементов, и основной глагол) являются изменяемыми: *Аз съм щял да пиша*; *Ти си щял да пишеш*; *Той щял да пише*[83]; *Ние сме щели да пишем*; *Вие сте щели да пишете*; *Те щели да пишат.*

Перечислим здесь лишь основные, важные для сопоставления русского и болгарского языков случаи нестандартного согласования и нарушения формального употребления по числу.

1. «Вежливая» («Вие») форма. Литературная норма [Официален правописен речник 2012: 29] предписывает выбор следующих форм сказуемого при обращении на «Вы».

Глагольное сказуемое (простое и составное) употребляется в форме 2 л. мн. ч.: *Вие **идвате** тъкмо навреме*; *Г-жо Петрова, вие **сте одобрили** проекта*; *Господине, **бяхте** ли **уведомили** всички участници?*; *Добър ден и добре **сте** ни **дошли**, госпожо.*

Составное именное сказуемое содержит форму 2 л. мн. ч. связочного компонента и форму 2 л. ед. ч. именной части — причастий на *-н*, *-т*, прилагательных,

[82] Здесь отвлечемся от факта, что для появления лично-местоименного подлежащего, особенно в 1 и 2 л. ед. и мн. ч., нужны особые контекстные условия.

[83] В 3 л. пересказывательных форм вспомогательный глагол опускается.

порядковых числительных, изменяемых местоимений: *Господине, вие* ***сте одобрен*** *за кредит*; *Г-жо,* ***съгласна*** *ли* ***сте*** *с изказаното току-що мнение?*; *Вие* ***сте неотразима***; *Господине, Вие* ***сте запознат*** *с условията ни*; *Госпожо, Вие* ***бяхте първата****, която ни съобщи новината*; *Защо вие* ***сте такава****?* [Официален правописен речник 2012: 29]. Ср. в одной реплике взаимодействие правил (1) и (2): *О, Стефи, Вие вече* ***сте пристигнали****! Колко* ***сте хубава****! Наистина, много* ***сте се разхубавили****!*, пример из [Димитрова С. 1997: 100].

В современном разговорном языке происходят колебания при выборе ед. или мн. ч. при «вежливом» обращении. Одной из причин является то, что еще недавно, в языке довоенного периода, были разрешены обе формы при причастиях на *-л*: *Вие вече сте пристигнали!* и *Вие вече сте пристигнала!* Кроме того, при выборе формы числа говорящий должен ориентироваться на морфологическую характеристику слова, которую нелингвисту определить не так просто, особенно при омонимии: *Вие сте пропаднал* (именное сказуемое с прилагательным, ‘деградирал’, ср. русск. *опустившийся*) и *Вие сте пропаднали* (причастие от глагола *пропадна* ‘пропасть, исчезнуть’ в составе формы перфекта) [Там же: 101].

2. Согласование глагольного сказуемого с разными компонентами группы подлежащего.

1) Если подлежащее состоит из двух сочиненных групп, то сказуемое контролируется либо ближайшей ИГ (и тогда получает форму ед. ч.), либо обеими (и тогда получает форму мн. ч.): *Отиде / отидоха си и той, и споменът за него.* ‘Исчез / Исчезли и он, и воспоминание о нем’; *Дърво и камък се пука / се пукат от студ.* ‘Дерево и камень трещит / трещат от мороза’. Подробнее о разных вариантах выбора формы глагола при сочиненных существительных, в целом близких ситуации в русском языке, см. в [ГСБКЕ 1983-3: 146—149]. В современном языке предпочитается вариант с выбором мн. ч.

Если одна из сочиненных групп представляет собой личное местоимение ед. ч., то сказуемое контролируется по лицу местоимением, а по числу — всей ИГ, т. е. ставится во мн. ч.: *Иван и аз тръгнахме*, *букв.* ‘Иван и я [мы] пошли’; *Иван и ти ще тръгнете утре.* ‘Иван и ты отправитесь завтра’.

2) Если подлежащее представляет собой комитативную группу (группу со значением совместности), то соблюдается то же правило, что и в (1): сказуемое ставится во мн. ч., а в лице контролируется местоимением: *Ние с Иван тръгнахме.* ‘Мы с Иваном пошли’; *Вие с Иван ще тръгнете утре.* ‘Вы с Иваном отправитесь завтра’.

То же правило работает, если первый участник подразумевается (если местоимения 1 и 2 л. нет в поверхностной структуре), что для болгарского языка более характерно. Значения лица и числа выражаются только в сказуемом: *С Иван тръгнахме.* ‘[Мы] С Иваном пошли’; *Заедно с Петър ще отидете.* ‘Вместе с Петром пойдете’.

3) При группе подлежащего, включающей личное местоимение и слово со значением совокупности (местоимение обобщенности, существительное со значением

совокупности или собирательную форму числительного), глагольная форма также стоит во мн. ч., ориентируясь в лице на эксплицированное или отсутствующее местоимение: *Всички ли сте тук?* '[Вы] все здесь?'; *И шестимата сме тук.* '[Мы] все шестеро здесь'; *Цялата група алпинисти заминаваме за Хималаите*. '[Мы] вся группа альпинистов отправляемся в Гималаи'.

4) Если подлежащее представляет собой наименование объекта как группы, т. е. слово со значением совокупности и ее содержимого, ее состава (*група хора*) или части (*част от хората*), то допускается сказуемое в ед. и мн. ч. Согласование определяется тем, как воспринимает говорящий эту совокупность — как расчлененное единство (тогда сказуемое во мн.ч.) или как нерасчлененное (тогда сказуемое в ед. ч.), ср.:

> ***Рояк искри*** *се пръснаха наоколо.* 'Сноп искр разлетелись повсюду', ср. *Една прегоряла главня се срина в огнището, по комина нагоре полетя* ***рояк искри****.* '… вверх полетел сноп искр';
>
> ***Част от нас*** *не могат да карат ски и скучаят в планината.* 'Часть из нас не умеет кататься на лыжах и скучают в горах' (говорящий знает состав группы), ср. ***Една голяма част от жени*** *нищо не разбира от политика.* 'Довольно большая часть женщин ничего не понимает в политике' [Димитрова С. 1997: 101].

Согласование может определяться степенью организованности такого множества:

> ***Рота войници*** *влезе* ('рота солдат вошла') *в казармата под строй*; *По лицето му избиха* ***капчици пот*** ('выступили капли пота'); ***Група ученици*** *играеше / играеха* ('группа школьников играла / играли') *в двора на училището*; ***Ято гълъби*** *пореха / пореше синьото безоблачно небе* ('стая голубей рассекали / рассекала синее безоблачное небо'), см. в [ГСБКЕ 1983-3: 152—153].

Помимо того, играют роль и синтаксические факторы: наличие распространителей у группы подлежащего, дистанцированность подлежащего и сказуемого — действие этих факторов, в целом подобное таким же в русском языке, требует дополнительного изучения на корпусных данных.

5) Если подлежащее включает квантификаторы *много*, *малко*, *няколко*, *повечето*, *мнозинство*, сказуемое ставится во мн. ч.: *Тук пасат много крави* (ср. русск. *Здесь пасется много коров*), также: *Мнозинството от българите искат две деца*; *Повечето от проходите в страната са затворени за движение*; *Многото от нас не знаят дори и смисъла на тази дума.*

Если группа подлежащего выражена сочетанием существительного и количественного числительного, заканчивающегося на *един*, сказуемое ставится во мн. ч.: *Бяхме 21 мъже.*

6) Если в группе подлежащего имеется два или более согласованных однородных определения, то опорное существительное употребляется в ед. ч., а сказуемое — во мн. ч.: *Тук* ***се изучават*** *английски, немски и руски* ***език***, ср. 'Здесь изучаются английский, немецкий и русский *языки*'; *Рилски и Бачковски* ***манастир***

цялогодишно ***са*** *посещавани от хиляди туристи*, *букв*. ‘Рильский и Бачковский *монастыри* ежегодно *посещаются* тысячами туристов’.

3. Предложение с квантитативным сказуемым. Безличным русским предложениям со значением количества со сказуемыми *не хватает*, *недостает*, *остается*, *было* с объектным дополнением во мн. ч. соответствуют двусоставные болгарские предложения со сказуемым во мн. ч.:

Пассажиров было мало. ‘Пътниците бяха малко’;
Их было только трое. ‘Бяха само трима’;
С нами было / были только двое человек. ‘С нас бяха само двама души’;
Им не хватало слов. ‘Не им достигаха думи’;
Остается 3 минуты. ‘Остават 3 минути’.

Русским предложениям о наличии, бытии с глаголом *быть* соответствуют болгарские предложения с безличным глаголом *има* (3 л. ед. ч.): *Там были разные люди. — Там имаше различни хора.* Подробнее о строении бытийных предложений см. [Иванова 2002; 2003]. См. также 1.2.6.5.2.1., п. 3.

4. Особые случаи родового рассогласования.

Наряду с обычным формальным согласованием подлежащего и сказуемого по роду, при ряде глаголов допускается форма с причастием на *-л* в среднем роде независимо от рода подлежащего: *Станало е грешка* (*букв.* ‘Произошло ошибка’) вместо *Станала е грешка.* К таким глаголам относятся, по наблюдениям И. Георгиева [1990: 135—137], М. Коритковской [1984: 63—67], прежде всего глаголы экзистенциальные и экзистенциально-фазисные, напр. *съм*, *валя*, *мина*, *има* (при событийных именах), *поникна*, *стана*: *Валяло е дъжд*; *Било късна есен*; *Поникнало е трева*; *Наближавало зима*, в частности глаголы, включающие указание на количественную характеристику наличной субстанции: *Не останало жива душа* (см. подробнее 1.2.6.5.2.1). Эти формы ср. рода не частотны в современном языке, но в прошлом они были активнее, что нашло отражение в художественной литературе первой половины XX в.: *Трева е поникнало и на камък* (Й. Йовков); *Замък там било отколе* (П. Славейков). В современном языке чаще используется формальное согласование.

Обратим внимание, что безлично-усредняющая форма возможна не только у перфектных времен, но и в «перфектоподобных» формах (конклюзиве, адмиративе, пересказе), см. адмиратив: …(*поглежда си часовника*) *леле /* ***станало*** *четри часъ*, пример из [Алексова 2004: 25].

1.2.5.4. Второстепенные члены предложения

Далее будут кратко рассмотрены основные характеристики и способы выражения второстепенных членов предложения (в основном, в аспекте специфических проявлений): а) определения — согласованного и несогласованного, б) предикативного определения к подлежащему и дополнению, в) приложения, г) дополнения, д) обстоятельства.

1.2.5.4.1. Определение

1.2.5.4.1.1. Согласованное определение

В болгарском языке согласование определяющего компонента с определяемым происходит в роде и числе:

> *Гневът ми бе преминал, бе се превърнал в* ***леко*** *раздразнение* (П. Вежинов). 'Мой гнев прошел, превратившись в легкое раздражение'; *На* ***мижавата*** *светлина от няколко лампи видя множество коловози и* ***някаква*** *гара в далечината* (С. Пайчев); *…след като получеше парите, броеше ги с* ***трепперещи*** *ръце три-четири пъти…* (Елин Пелин).

Как уже отмечалось в разделе «Словосочетание», болгарский определенный артикль является групповым определителем, поэтому определенность объекта ведет к маркированию артиклем препозитивного согласованного определения, но не самого существительного: *банков служител* 'банковский служащий' — *банковият служител*; *банкови служители — банковите служители.* При этом для согласуемых частей речи, изменяющихся по родам, обязательным является уподобление по синтаксической информации, отражаемой в определенном артикле. Напомним, что определенный артикль мужского рода (как для существительных, так и для прилагательных и частей речи, функционирующих как прилагательное) имеет полную[84] форму, отражающую синтаксические позиции главных членов предложения, и краткую — для второстепенных, ср. полный артикль при согласованном определении при ИГ в позиции подлежащего: *Глухи**ят** шум на опинците му по неравния калдъръм стана още по-тих* (Д. Талев); *Беше само на двайсет и пет и цели**ят** му живот бе пред него* (В. Люцканова), и краткий артикль при согласованном определении при ИГ в позиции второстепенного члена: *На единайсетгодишна възраст лека кола е прегазила нейни**я** баща просто пред очите ѝ* (П. Вежинов); *Обаждаше се медицинската сестра от лекарски**я** кабинет в града* (И).

Правило маркирования первого члена ИГ распространяется и на цепочки согласованных определений: *Бе му сварила* [*негова**та** любима леща чорба*] (П. Вежинов); [*Цяла**та** тази безмълвна увертюра*] *предвещава едно доста добре обмислено и доста обстойно изложение* (Б. Райнов).

Исключением из правила оформления определенным артиклем именного выражения с несколькими согласованными определениями являются следующие случаи:

а) отдельная смысловая значимость каждого из согласованных определений, когда каждое из них маркируется определенным артиклем, ср. пример, где представлен групповой артикль (при ИГ *сини**те** далечни планини на запад* 'голубые далекие горы на западе') и раздельная маркированность в сочиненной группе *високи**те**, благородни**те** страдания* 'высокие, благородные страдания': *Слънцето бе заседнало зад сини**те** далечни планини на запад* и *Високи**те**, благородни**те***

[84] В устной речи правило полной формы не соблюдается, на практике используется преимущественно краткая. Об образовании артиклевых форм см. кратко в разделе 2.1 главы II.

страдания на Яворовия дух, които са ни грабвали и увличали, започват да добиват демонстративен характер, пример из [Недев 1992: 124];

б) связь каждого из определений с отдельным объектом, притом что опорное существительное (в болгарском языке оно употребляется в ед. ч., в отличие от русского, см. раздел 1.2.5.3) является для этих обозначений общим: *За английски**я**, немски**я** и френски**я** език* (ед. ч.) *е достъпен избор на мъжки или женски глас* (ед. ч.). 'Для английского, немецкого и французского языков доступен выбор мужского или женского голосов', также: *Настоящата презентация има за цел представянето на някои аспекти на влияние между българския и английски**я** език*; *Дистанционно образование е форма на обучение, равнопоставена с редовно**то**, вечерно**то** и задочно**то** обучение* (И).

Если в такую цепочку включено определение, дающее общую характеристику всех объектов, оно получает безартиклевую форму и ставится перед существительным: *френска**та** и италианска**та** филмова седмица* [ГСБКЕ 1983-3: 166];

в) инверсия, характерная, в основном, для поэтической речи, при этом артикль присоединяется к существительному (в принципе, правило группового оформления здесь не нарушается, т. к. артикль ставится при первом слове именной группы): *Мени се* [*почерк**ът** чепат*]… (Б. Димитрова), *букв.* 'Меняется почерк колючий…'

От инверсии в рамках именного выражения надо отличать поэтический вынос подлежащего (далее *непостижното*, *просторното*) в постпозицию к именному сказуемому (*е примамица*): *Как ще спреш ти мене — волната, скитницата, непокорната — родната сестра на вятъра, на водата и на виното, за която е примамица непостижното, просторното, дето все сънува пътища — недостигнати, неминати, — мене как ще спреш?* (Е. Багряна), а также регулярную для болгарского языка постановку предикативного определения (в безартиклевой форме) в постпозицию к существительному: *Той влезе задъхан и изпотен* (см. подробнее в разделе 1.2.5.4.2).

Как и в русском языке, в роли согласованного определения выступают прежде всего прилагательные, но также и все части речи, способные занимать позиции прилагательного («синтаксические прилагательные»).

Круг синтаксических прилагательных шире, чем в русском, за счет сложных притяжательных прилагательных (*Димитър-Димова творба*, *Емилиян-Станев разказ*, *Златю-Бояджиев маниер*, примеры из [Нов правописен речник 2002: 49]), притяжательных местоимений 3 л. (*неин*, *нейна*, *нейно* и др.) и — шире — за счет тенденции оформлять связь по типу согласования во избежание нанизывания предложной связи, см. об этом подробнее в разделе «Словосочетание».

Порядок следования согласованных определений. Цепочки более чем из двух определений обычно выстраиваются по категориальному принципу, как и в русском языке: обобщающее местоимение, указательное местоимение, притяжательное местоимение (полные формы), затем другие синтаксические прилагательные: *тази нейна нова приятелка* 'эта ее новая подруга', *цялата тази странна история* 'вся эта странная история' и под. Имеются наблюдения о том, что качест-

венные прилагательные предшествуют относительным, а квантификаторы ставятся перед прилагательными: *тези нейни две хубави малки осиновени деца* [Бъркалова 2001: 29].

В начале цепочки ставится, если он необходим, и неопределенный артикль, который является групповым определителем: ***В една** такава паянтова къща на този квартал живееше семейството на Редингота* (Д. Димов).

Проиллюстрируем основные **морфологические варианты** выражения определения, согласуемого с опорным субстантивом.

1. Имена прилагательные, напр.: *Следва **банален** разговор за необикновено **топлото** време* (Ц. Марангозов); *Ирина взе матура с **пълно** отличие* (Д. Димов).

2. Причастия. Функцию определения выполняют все виды причастий, кроме причастия имперфекта на *-л*, см. таблицу П. Быркаловой в разделе 1.1.3, т. е.:

— действительное причастие настоящего времени:

*Градецът животуваше сънливо и тихо в дребни клюки и благоухание на **съхнещ** тютюн* (Д. Димов); *Сега-засега никой не познава ни нейната истинска сила, ни **ужасяващата** ѝ слабост* (П. Вежинов);

— действительное причастие прошедшего времени:

*Лицето му имаше **прегорелия** цвят на пшеничното зърно* (Елин Пелин); *В тесните дворове, през които течеха миризливи помийни вади, се мяркаха **потънали** в грижи жени* (Д. Димов);

— страдательное причастие прошедшего времени:

*Предпочитам **преживените** неща* (Р. Ралин); *Из **нажалените** му очи като из два кладенци извираха сълзи* (Елин Пелин).

По поводу последнего типа заметим лишь, что эти причастия не только более всего «темпорально дезориентированы» [ГСБКЕ 1983-3: 162], т. е. часто несут информацию не о прошедшем признаке, а признаке, одновременном моменту речи, ср. *гонен човек* 'гонимый, преследуемый человек', но и завуалированы со стороны своих залоговых характеристик: ***Разплаканият** му глас, нещастният му вид и зацапаното му лице разсмешиха хората* (Елин Пелин), *букв.* 'его расплаканный голос…', при наличии глагола каузации *разплача* (*някого*) и возвратного *разплача се*. Ряд страдательных причастий перешли в прилагательные (как *усмихнат*), другие различают значения прилагательного и причастия: *замислен* — 1) задумчивый, 2) задумавшийся, напр. *Шопът устреми **замислен** поглед* 'задумчивый взгляд' *към нивята и баирите, над които отдавна беше паднала есенната тъга, и не отговори* (Елин Пелин).

Страдательные причастия настоящего времени как непродуктивный тип практически все уже функционируют как прилагательные.

3. Местоимения — только те, которые способны выступать как синтаксические прилагательные:

*Полската работа бе **неговата** стихия* (Елин Пелин); ***Всяка** дума трябва да мериш на кантар* (Ц. Марангозов); *Беше само на двайсет и пет и **целият** му живот*

бе пред него (В. Люцканова); *Моля го да напомни от* ***своя*** *страна на началството за* ***моето*** *съществуване* (Ц. Марангозов); *Като начало може да се каже, че виждам само* ***някакви*** *камъни, нападали върху квадратните плочи на площада* (Г. Тенев).

4. Числительные.

а) Порядковые числительные как согласованные определения не отличаются по своим характеристикам от обычных прилагательных:

Тънка ***първа*** *слана сребреше покривите и буренака край пътя* (Елин Пелин); *И за* ***стотен*** *път обяснява, че цял живот е стоял настрана от политиката* (Ц. Марангозов); *На* ***петия*** *ден се събуди мултимилионер* (В. Люцканова).

б) Среди количественных числительных согласуется с субстантивом только числительное *един* с полной грамматической парадигмой. Способность к согласованию усматривается и у числительного женско-среднего рода *две*, отражающего род опорного существительного [Маслов 1981: 371]:

В моя помощ, освен ***двете*** *секретарки и частния ми адвокат, са и десетте служители от личната ми документация* (Р. Ралин).

В целом, в болгарском языке имеется ряд грамматических факторов, которые ведут к активной представленности согласованных определений (см. раздел 1.1).

1.2.5.4.1.2. Несогласованное определение

В качестве несогласованных определений могут выступать, как и в русском, разные части речи. Основные грамматические отличия связаны с тем, что в болгарском языке, во-первых, в качестве несогласованного определения используются краткие формы личных местоимений (в функции притяжательных), которые образуются для всех лиц и чисел, а во-вторых, имеется значительное количество заимствованных основ с определительным значением при беспредложном соединении с определяемым.

Несогласованное определение связано с определяемым или предложной связью, или беспредложно, по типу примыкания.

1. Предложная связь.

Как и в русском языке, в функции несогласованного определения регулярно выступают сочетания с предлогами пространственного значения: *Мъжът* ***до нея*** *непрекъснато говореше по телефона.* ‘Мужчина *рядом с ней* постоянно разговаривал по телефону’, см. также: *Черни лилии от ковано желязо обрамчват остъклената врата* ***към*** *вътрешна зимна градина* (Г. Тенев); *Вратата на СУ* ***откъм*** *Цар Освободител е заключена* и др.

Среди других предложно связанных сочетаний обратим внимание лишь на некоторые основные значения многозначных предлогов и предлогов с абстрактными значениями, с которыми они выступают в данной синтаксической позиции[85].

[85] Часть примеров на предложные сочетания — из работ [Захаревич, Крылова 1978; Попов 1979].

Основные функции предлога ***за*** — участвовать в выражении цели, предназначения: *плат за костюм*, *фабрика за сапун*; *гел за бръснене* (ср. русск. *ткань на костюм*, *фабрика мыла*, *гель для бритья*), объекта речемыслительных действий и эмоций: *мечти за България*; *жажда за живот* (ср. русск. *мечты о Болгарии*, *жажда жизни*). Впрочем, в последней функции используются и другие предлоги, особенно отметим предлог ***към***: *култ към личността*; *носталгия към миналото*; *любов към знанието*; *страст към пътешествия* (ср. русск. *культ личности*, *ностальгия по прошлому*, *любовь к знанию*, *страсть к путешествиям*).

Предлог ***без***, как и в русском, указывает на отсутствие чего-н. как характерный признак объекта: *А тоя* ***без зъбите*** *до нея, не, няма наистина, ѝ носи чантата, ако отиде на пазар случайно* (П. Вежинов). ‘Этот, рядом с ней, *беззубый* (*букв.* ‘без зубов’), правда беззубый, носит за ней сумку, когда та случайно отправится за покупками’ (пер. Л. Лихачевой).

Предложные группы с предлогом ***на*** в роли несогласованного определения определяют объект через:

1) притяжательность, принадлежность, отношение к целому:

В очите ***на Стив*** ‘в глазах Стива’ *имаше любов и загриженост към всеки* (В. Люцканова); *По матираните стъкла бавно изпълзява студената светлина* ***на слънцето*** ‘свет солнца’ (Г. Тенев), *Гаврата се удря с дъното* ***на чашата*** ‘дно стакана’ *в челото* (Ц. Марангозов);

2) сравнение — эксплицитное или имплицитное:

Но Кармен имаше мускули ***на пантера*** ‘мускулы пантеры’ (Д. Димов); *Ирина и Борис забелязаха веднага, че гримасата* ***на лудостта*** (‘гримаса сумасшествия’) *беше изчезнала от лицето ѝ* (Д. Димов);

3) дополнительные характеристики по форме, размеру, составляющим:

Построиха къща ***на два етажа*** (‘дом в два этажа’); *Купувам плат* ***на райета*** (‘ткань в полоску’),

4) пространственные характеристики:

Цветята ***на прозореца*** (‘цветы на окне’) *получават достатъчно светлина*.

Предлог ***от*** в данной позиции участвует в выражении комплекса близких значений — происхождение: *Завиват ме с одеяло* ***от камилска вълна*** (Г. Тенев), часть целого: *Счупена е дръжката* ***от мотиката***, источник: *Вън… прелита птица и шумът* ***от крилете*** *ѝ далечно се долавя зад високите прозорци*, авторство: *Романът* ***от този автор*** *много се чете*, «локативную» принадлежность: *Мина му през ума, че офицерът отсреща и тоя* ***от гарата*** *поддържат връзки чрез телеграфа* (Э. Станев), реже — временные: *Чете вестника* ***от оня ден***. Ср. русск. соответствия: *одеяло из верблюжьей шерсти*, *ручка мотыги*, *шум крыльев*, *роман этого автора*, *тот с вокзала*, *позавчерашняя газета*, букв. *газета от позавчера*.

Предлог ***по***, помимо пространственного значения, используется для указания на специальность, профессиональную ориентированность объекта: *Учебниците* ***по история*** *трябва да се преработят*; *На урока* ***по математика*** *беше шумно*;

Липсват специалисти ***по детски болести***; *Написани са няколко учебника* ***по български език***. То же и в русском языке.

Предлог ***в*** участвует в выражении локативно-определительной семантики: *доцент в университета* ‘доцент университета’, *служител в банката* ‘работник банка’, либо определительно-характеризующей (чаще всего при описании внешнего вида через предметы одежды): *котаракът в чизми* ‘кот в сапогах’, *жена в червено* ‘женщина в красном’.

Предлог ***с*** используется в словосочетаниях со значением совместности, в том числе присоединяет внешний или внутренний характерный признак*: Човекът* ***с кожухчето*** ‘человек в полушубке’ *се разхождаше мудно из стаята*; *Това е документ* ***с историческо значение*** ‘документ исторического значения’.

А р т и к л е в а я м а р к и р о в а н н о с т ь предложной группы связана с ее семантикой. Характеризующее несогласованное определение должно, в норме, выступать с нулевым артиклем: *В стаята влезе момиче* ***с дебела плитка***. ‘В комнату вошла девочка с толстой косой’; *Предлагаме почивка за двама във вила* ***на планина***. ‘Предлагаем отдых для двоих в вилле в горах’ (‘в горной местности’), ср. также *чаша за чай*, *прах за пране*, *рокля на цветя* и под.

Однако в контексте идентификации (а не характеризации) ИГ, указывающая на индивидуализирующую черту, может получить определенный артикль: *Коя от тези жени е Мария Събева? — Ей онази жена с куче****то*** */ с букет****а*** */ с червена****та*** *рокля*. ‘Кто из этих женщин Мария Сыбева? — Вон та с собакой / с букетом / в красном платье’.

Конкретизируются объекты не только через какие-л. значимые детали внешности, но и через конкретные пространственные характеристики и принадлежность:

> *Столът до легло****то*** *е счупен*. ‘Стул у кровати сломан’; *Часовникът в стая****та*** *не работи*. ‘Часы в комнате не работают’; *Вилата на шефка****та*** *се намира някъде в полите на Витоша*. ‘Дача начальницы находится где-то в подножии Витоши’.

Что касается артиклевой маркированности определяемого существительного (опорного слова), она во многом обусловлена контекстом, тем не менее семантика несогласованного определения также накладывает свои условия: отношения притяжательности, части целого, пространственные характеристики обычно требуют артиклевой формы определяемого (если нет блокирующих постановку артикля факторов), см. в примерах выше *вила****та*** *на шефката*, *очи****те*** *на Стив*, *дръжка****та*** *от мотиката*, *сто****лът*** *до леглото* и под.

2. Беспредложная связь.

Беспредложно могут присоединяться краткие притяжательные местоимения, неизменяемые прилагательные, существительные, наречия.

Местоимение. В качестве несогласованного определения выступают краткие формы притяжательных и возвратно-притяжательного местоимения: *Чистачките пълнят кофите* ***си*** *и изстискват парцалите* (Г. Тенев). ‘Уборщицы наполняют свои ведра и выжимают тряпки’, см. и другие примеры:

> *В паметта **ми** остава допира на неговата малка, влажна ръка* (Ц. Марангозов); *Майк усети, че по страните **му** текат сълзи* (В. Люцканова); *Цялото **му** лице беше зацапано с кръв, която бе се съсирила по мустаците **му*** (Елин Пелин).

Таким образом, болгарские притяжательные местоимения находятся в разных синтаксических позициях в зависимости от того, выступают ли они в полной или краткой форме: полные притяжательные местоимения связаны с опорным субстантивом по типу согласования, а краткие — по типу примыкания, соответственно первые являются согласованными, а вторые — несогласованными определениями, ср. *нейната*, *моята* — *ѝ*: *И същевременно усещах как **нейната** ръка бавно изстива в **моята**, как потръпват пръстите **ѝ*** (П. Вежинов). ‘Я ощущал, как ее рука постепенно остывает в моей, как дрожат ее пальцы’ (пер. М. Тарасовой)[86].

Личные местоимения выступают в функции несогласованного определения только при предложной связи и только в полной форме: *Липите **над мене*** ‘липы надо мной’ *леко помахваха широките си листа* (Э. Станев); *И виждам те унесена в мечти **за мен*** ‘мечты обо мне’ (П. П. Славейков).

Имя прилагательное в качестве несогласованного определения выступает, как и в русском языке, лишь когда оно неизменяемое. Таких прилагательных в болгарском языке больше, чем в русском, с одной стороны, благодаря имевшим место в прошлом активным заимствованиям из турецкого (*инат жена*, *баш майстор*), с другой — благодаря тенденции к беспредложному соединению (соположению) основ, первая из которых по своей синтаксической позиции и семантике выступает в роли определения (*кънтри певец*, *хард диск*, *хоби инструмент*), см. также в разделе «Словосочетание». В такой же позиции функционируют сокращения, такие как *жп* [*железопътна*] *линия*. Близкие функции приобретают сокращения субстантивных групп: *ЕКГ данни*, *СДС лидер*, *ДНК фактор*. См. примеры из БНК и интернет-источников, где выделены несогласованные определения:

> *Ти си **инат** жена, няма начин да не се справиш*; *До септември пускат две магистрали и **жп** линия*; *Кенет Арнолд* (*Кепну*) *Чесни… е американски **кънтри** певец и автор на песни*; … *Пуснах тази тема, защото много често се използват и **хоби** инструменти от майсторите, защото са доста по-евтини*; *Това е наистина и буквално убийствена поредица от **супер** филми, представляващи суровия живот!*

Обретение подобными лексемами функций прилагательных показывает их употребление в цепочке с согласованными определениями (***Този хипи вид** изобщо не ти отива*) и возможность союзного соединения с согласованными прилагательными: …*блог за **професионално и хоби** дърводелство*; *Фирми за внос и търговия с **професионални и хоби** инструменти*.

По типу примыкания присоединяются **существительные** в словосочетаниях, где главное слово обозначает емкость, форму, совокупность, вид (предметов,

---

[86] Об условиях употребления полных и кратких форм притяжательных местоимений см., напр., в [Иванова и др. 2011: 234—244].

содержимого): *чаша вода*, *парче хляб*, *кошница ябълки*, *купчина хартия*, *облак прах*, *букет рози*, *китка цветя*, *камара слама*, *ято гълъби* (литература по этим сочетаниям обширна, см., напр., [Алмалех 1990; 1991; 1999; Венкова В. 2001/2002; Осенова 2004], ср. русск. соответствия с иным типом связи (раздел 1.1): *стакан воды*, *кусок хлеба*, *корзина яблок*, *пачка бумаги*, *облако пыли* и т. п.

Многочисленные в современном болгарском языке сочетания, где один из компонентов имеет целевое или определительное значение, рассматриваются либо как приложения, если они обладают параллельным словоизменением (*град герой — градове герои*), либо как сложные слова (*душ гел — душ гелове*), см. в разделе «Словосочетание».

Для **наречия** функция несогласованного определения типична, как и в русском, ср. примеры из [ГСБКЕ 1983-3: 176—180][87]:

> *Една отпрана дъска* ***отстрани*** *постоянно, еднообразно, глухо и безразсъдно клепеше* (Е. Пелин); *Тихият плясък на вълните насищаше атмосферата* ***наоколо*** *със своеобразно очарование* (Э. Станев); *В този миг аз дочух от чардака* ***горе*** *един много неприятен смях* (А. Гуляшки); *Ония* ***отзад****, изглежда, са отгатнали намерението ми, защото натискат газта и почват да скъсяват разстоянието* (Б. Райнов); *Нашите* ***тук*** *калъпят сега платформи, програми и се карат* (Э. Станев); *Жената* ***днес*** (название журнала); *Светът* ***вчера*** (название телевизионной рубрики).

1.2.5.4.2. Предикативное определение

1.2.5.4.2.1. Предикативное определение как член предложения

Предикативное определение (сказуемостное определение, депиктив), далее ПО, понимается как член предложения с двойной синтаксической связью: формально согласуясь с подлежащим или дополнением, он в смысловом отношении соотносится с глагольным компонентом, обозначая актуальный на момент действия признак объекта:

> *Наблюдаваше ни замислен.* ‘Он наблюдал за нами в задумчивости / задумавшись’; *Тя се изчерви засрамена.* ‘Она покраснела, пристыженная’; *Намерих я заспала на леглото*, *букв.* ‘Я обнаружил ее уснувшей на кровати’.

В болгарской лингвистике термин «сказуемно определение» до недавнего времени применялся не только к ПО как особому члену предложения, но и определению в составе именного сказуемого — как при глаголе *съм*, так и с фазисными, авторизующими и каузирующими связками: *станал си по-добър*; *останах доволен*; *изглежда мрачен*; *тази рокля те прави дебела.* В более новых работах именные части сказуемого получили название *предикатив*. Для терминологического отграничения предикативного определения от смежных форм предлагаются те или

[87] В этой же грамматике [ГСБКЕ 1983-3: 168—182] представлен обильный иллюстративный материал на каждый из болгарских предлогов при несогласованном определении с указанием их значений.

иные варианты названий, ср., напр., термин «черезсказуемостное определение» (*чрезсказуемно определение*) П. Радевой [2005], но пока общепринятым остается только *сказуемно определение*. Работы, выполненные в русле теории управления и связывания, используют наименование *малки изречения* [Коева 2001а и др.] [88].

Выделяются два вида ПО:

1) ПО к подлежащему (часто называемое «первым» ПО) согласуется с подлежащим[89] в роде и числе:

Той влезе усмихнат (*букв.* ‘Он вошел улыбающийся’); *Тя влезе усмихната*; *То* [*момичето*] *влезе усмихнато; Те влязоха усмихнати*;

2) ПО к дополнению («второе» ПО) — согласуется с прямым дополнением:

Видях го усмихнат (*букв.* ‘Я увидел его улыбающимся’); *Видях я усмихната*; *Видях го* [*момичето*] *усмихнато*; *Видях ги усмихнати.*

В редких случаях взятое вне контекста предложение не дает возможности определить, с которым из двух ПО мы имеем дело. Так, предложение *Тя я чакаше уморена* может трактоваться как имеющее «первое» ПО (*букв.* ‘Она ждала ее уставшая’) или как имеющее «второе» ПО, *букв.* ‘Она ждала ее уставшей’ (‘ждала, что та вернется уставшей’)[90].

ПО как член предложения вычленяется во фразе вполне отчетливо: ПО синтаксически «факультативно»[91], т. е. не является структурно обязательным, не восполняет валентность глагольного компонента: ср. *Той влезе. — Той влезе мрачен*; *Тя си отиде. — Тя си отиде доволна*; *Видях го. — Видях го весел и безгрижен.*

1.2.5.4.2.2. Предикативное определение и другие члены предложения — способы идентификации

ПО могут быть омонимичны другим членам предложения. Критерии их разграничения хорошо разработаны в болгарской лингвистике, в том числе с привлечением различных доказательных процедур [Пенчев 1993; Лазарова М. 2001: 9—10; Бъркалова 2001; Коева 2001а и др.]; см. также [Радева П. 2005]. Одно из наиболее ранних русскоязычных исследований по этому вопросу: [Рожновская 1979].

---

[88] Й. Пенчев интерпретирует все «малки изречения» как имеющие позицию PRO [Пенчев 1994; 1998а: 64—65]. С. Коева показала, что, согласно строгому применению теории управления и связывания, позиция PRO наличествует только в тех случаях, когда рассматриваемое определение соотносится с подлежащим, см. [Коева 2001а: 66—67].

[89] В связи с «нулевоподлежащностью» болгарского языка чаще встречается «закадровое» [Бъркалова 2001: 23] подлежащее: *Влезе усмихнат / усмихната.*

[90] О способах перевода ПО на русский язык см. в разделе 1.2.5.4.2.4.

[91] Именно синтаксически, так как отнесение ПО к второстепенным членам предложения в определенной мере осуществляется условно, при абстрагировании от его коммуникативной и смысловой значимости, а она высока: сопровождая сказуемое, такое определение обычно перетягивает на себя коммуникативный фокус, ослабляя семантику основного предиката.

Отличие ПО-существительных от **дополнения** — аргумента глагола — активно обсуждается в болгарской лингвистической литературе в связи с проблемой примыкания. При переходном глаголе и дополнение, и ПО-существительное связаны с глаголом беспредложно, но их синтаксические функции в предложении различны.

Приведем морфологические процедуры идентификации этих явлений из [Лазарова М. 2001], также см. [Бъркалова 2001; Коева 2001а].

Дополнения при переходном глаголе (существительные в словосочетаниях типа *отварям прозорец*, *вземам книга*, *пиша писма*, *давам интервю*):

а) субституируются личным местоимением в вин. падеже: *отварям го*, *вземам я*, *пиша ги*, *давам го*;

б) допускают пассивизацию: *отварям прозорец — прозорецът е отворен*, *вземам книга — книгата е взета*; *пиша писма — писмата са писани*, *давам интервю — интервюто е дадено*;

в) изменение числа глагола не ведет к изменению числа дополнения и наоборот: *отварям прозорец — отваряме прозорец — отварям прозорци*;

г) существительное может получать определенный артикль: *отварям прозореца*, *вземам книгата*, *пиша писмата.*

ПО (существительное в словосочетаниях типа *заминавам доброволец, отивам войник*):

а) субституируется местоимением *такъв* (или его формами): *заминавам* (*като*) *такъв*, *отивам* (*като*) *такъв*;

б) не подлежит пассивизации: **заминат е доброволец*;

в) изменение глагола по числу вызывает обязательное изменение и именного компонента: *заминаваме доброволци*, *отиваме войници* (но это изменение вызвано изменением числа «скрытого» подлежащего, с которым формально согласовано ПО);

г) постановка определенного артикля при ПО невозможна: **заминавам доброволецът*;

д) ПО к дополнению невозможно без эксплицитного прямого дополнения: **направиха го герой — *направиха герой.*

Труднее доказывается формальными способами отличие ПО от **именного компонента** составного сказуемого[92]. Здесь прежде всего необходимо опираться на семантическую достаточность сказуемого при ПО и способность глагола формировать самостоятельную предикацию. Предложение с ПО должно быть способно разворачиваться в две самостоятельные предикации с одинаковой временной отнесенностью, ср. пару предложений соответственно с ПО и именным сказуемым: *Той се върна мълчалив* (= Той се върна. Той беше мълчалив)[93] и *Той стана мълчалив*.

[92] Общие черты этих двух явлений (включая и их одинаковые реакции на многие тесты, приведенные выше) показаны как в генеративистских концепциях (на болгарском материале работы Й. Пенчева, С. Коевой), так и в исследованиях в духе Грамматики конструкций, ср. описание в [Лингвистика конструкций 2010].

[93] Или, в записи С. Коевой [2001а: 61]: 1) *Иван влезе.* 2) *Иван е весел.* → *Иван* [*влезе* [*Иван е весел*]].

По сравнению с обычным **атрибутом имени**, ПО преимущественно постпозитивно к глаголу, обычно (но не всегда) входит в рему и имеет нулевую артиклевую маркированность, ср. ***Премръзналите*** (атрибут) *пътници се прибраха по домовете си* и *Пътниците се прибраха по домовете си* ***премръзнали*** (ПО) — пример П. Радевой [2005: 434].

ПО и **наречное обстоятельство** формально совпадают, когда предикативное определение выражено формой ср. рода, совпадающей с однооформленным наречием, напр. *Момчето чакаше майка си радостно*. При этом ПО допускает изменение по роду и числу, а наречие — нет: *Тя чакаше майка си радостна. — Те чакаха майка си радостни.* Из других подсказок упомянем порядок слов: в отличие от ПО, обстоятельство может занимать место перед глаголом: *Тя радостно чакаше майка си.*

1.2.5.4.2.3. Морфологические типы предикативного определения

1. Подавляющая часть ПО в болгарском языке выражена **причастиями** (страдательными и действительными причастиями прошедшего времени), в меньшей степени — **прилагательными**. Наиболее частотные из лексем хорошо исчислимы, см. их список по версии [ГСБКЕ 1983-3: 138]:

> *безгрижен*, *безмълвен*, *безучастен*, *благ*, *бледен*, *бос*, *волен*, *гологлав*, *грохнал*, *доволен*, *екзалтиран*, *ентусиазиран*, *загледан*, *загрижен*, *замислен*, *засмян*, *захласнат*, *зашеметен*, *зяпнал*, *изморен*, *изненадан*, *изнурен*, *изоставен*, *изплашен*, *изправен*, *изтерзан*, *изтощен*, *изумен*, *легнал*, *ликуващ*, *любопитен*, *мълчалив*, *наведен*, *наежен*, *настръхнал*, *ненаживян*, *ненаситен*, *нервиран*, *несигурен*, *неспокоен*, *неуморим*, *неутешим*, *обезверен*, *обезпокоен*, *обезумял*, *озадачен*, *окаян*, *омагьосан*, *онемял*, *освирепял*, *отпаднал*, *очарован*, *печален*, *плах*, *подпухнал*, *посърнал*, *пребледнял*, *преуморен*, *прехласнат*, *приведен*, *радостен*, *развълнуван*, *раздразнен*, *разлютен*, *разсеян*, *разсърден*, *разтревожен*, *разчувстван*, *разярен*, *самотен*, *свит*, *сдържан*, *седнал*, *слисан*, *сломен*, *смаян*, *смирен*, *спокоен*, *стреснат*, *съкрушен*, *сърдит*, *угнетен*, *угрижен*, *удивен*, *ужасен*, *умислен*, *умърлушен* (сейчас чаще — *омърлушен*), *унесен*, *усмихнат*, *ухилен*, *учуден*, *хубав*, *щастлив*, *ядосан* и др.

Например:

> *Той я наблюдаваше замислен*; *Влезе запъхтян*; *Хранеха се мълчаливи и загрижени*; *Тя се изчерви засрамена*; *Нощем будуваше уплашена* (К. Кюлюмов); *Селяните се опитаха да вдигнат крака на вола, но животното се стъписа изплашено* (Й. Радичков); *Прибрах се по-омърлушен от всякога* (Н. Десев).

2. Незначительная часть ПО выражена **существительными**, напр.: *Той замина доброволец*; *Отива войник*; *Знаех ги като деца*; *Тогава работеше като лекарка*; *Назначиха го за директор.*

3. Возможны в качестве ПО **числительные**, прежде всего порядковые: *Влезе първа*; *Пристигнахме втори.* Статус количественных числительных как ПО не признается многими лингвистами: *Той си тръгна сам, а се върнаха двамата*; *Тръгнахме седмина да се бием*…(Н. Вапцаров).

4. В качестве ПО способны функционировать лишь единичные **местоимения**. Указательное *такъв* является субститутом прилагательных и причастий: *Никога не съм го виждала такъв*.

Определительные местоимения *сам* и *цял* легко занимают место ПО[94]: *Можеш ли да го направиш сама?*; *Изяде го цяло*.

Приводимые в ряде работ в качестве примеров ПО притяжательные местоимения *наш*, *свой*, *техен* в значении ‘принадлежащий группе лиц, близких (*свой*, *наш*) или противопоставленных (*техен*) говорящему’ встречаются лишь после полузнаменательных связок (*Чувствам го свой*), но не после знаменательных глаголов.

Выявлены также связи между типом ПО (ПО к подлежащему и ПО к дополнению) и морфологическим составом ПО [Коева 2001а].

При переходных глаголах:

а) ПО, выраженное прилагательным, может соотноситься (согласовываться по роду и числу) как с подлежащим, так и с прямым дополнением:

Стоян я гледаше ***сериозен***. — *Стоян я видя* ***весела*** *и* ***засмяна***.

б) ПО, выраженное существительным, соотносится только с прямым дополнением:

Назначиха го ***учител*** *в едно малко село.*

в) ПО, выраженное предложной группой, соотносится с прямым дополнением:

Знаех ги ***като деца***.

2. При непереходных глаголах ПО соотносится только с подлежащим:

а) ПО, выраженное прилагательным или причастием:

Снегът святкаше на места ***синкав***.

б) ПО, выраженное существительным:

Петър замина ***войник***.

в) ПО, выраженное предложной группой:

Той е назначен ***за директор***[95].

В этой классификации С. Коевой не упомянуты некоторые морфологические варианты выражения именного компонента, потому что как единая группа рассмотрены «синтаксические прилагательные». Поэтому прокомментируем неупомянутые подтипы «синтаксических прилагательных», дав свои примеры. ПО, выраженное причастием, ведет себя в рассматриваемой соотнесенности как прилагательное (*върна се развълнувана / видях я развълнувана*). ПО, выраженное порядковым числительным (*влезе първа*), соотносится чаще всего с подлежащим, напр. *Чух я първа*. ‘Я ее первой услышала’; соотнесенность с прямым дополнением возможна лишь при *да*-расширении: *Заварих я първа да влиза в рейса.* Количественные числительные — если вообще их рассматривать как ПО, функционируют по типу

[94] Возможность трактовать эти «плавающие определители» как ПО подвергается сомнению в [Тестелец 2001: 296—297]: в русском языке они не способны выступать в тв. падеже в качестве присказуемостных имен: *видел их самих // обоих // всех // одних* (**самими*, **обоими*, **всеми*, **одними*).

[95] Глагол *назнача* может присоединять существительное как предложно, так и (реже) беспредложно.

существительных: *тръгнахме двамата.* Притяжательные могут соотноситься с обоими типами ПО: *Смятам се за свой*; *Смятах го за свой.* Другие местоимения (*Не те обичам такава*) соотносятся с прямым дополнением.

1.2.5.4.2.4. Семантика ПО. Прототипическое значение ПО

Семантике ПО в болгарской лингвистике уделяют намного меньше внимания — возможно потому, что, если принимать во внимание все морфологические типы ПО, разнообразие их значений вряд ли можно сформулировать более конкретизированно, чем приписывание сопутствующего действию признака объекта, причем признака в самом широком значении. Так, в примерах с числительными определители привносят обстоятельственный оттенок действия (*пристигнах първа* 'я прибыла первой'). Конструкции с существительными сообщают об обретении субъектом нового статуса (*избраха го за председател* 'его выбрали председателем', *отиде войник*, *букв.* 'ушел солдатом' / 'в армию') или пребывании в этом статусе (*работя като инженер* 'работать инженером', *пристигна като лекарка* 'приехала в качестве врача'). В единичных случаях ПО с существительными обозначают состояние, в котором лицо находится во время осуществления действия: *той се завърна сиромах* 'в жалком состоянии, без денег'. Прилагательные и причастия, в основном, обозначают временный признак.

Среди всех перечисленных случаев с двойной синтаксической связью выделяется конструкция с ПО, обозначающая д е й с т в и е и а к т у а л ь н о е н а м о м е н т э т о г о д е й с т в и я с о с т о я н и е субъекта. Именно такая конструкция (а не вообще конструкция с двойной связью) составляет отличие болгарского языка от русского, в котором двойная зависимость широко употребляется (*вошел первым*; *работает секретарем*; *выбран председателем*), в то время как конструкция с ПО со значением актуального состояния менее активна. Далее, говоря о семантической специфике ПО, мы будем рассматривать именно последний семантический вариант.

Проанализируем две разновидности ПО (к подлежащему и к дополнению), обращая особое внимание на семантические и лексико-семантические особенности, которые, на наш взгляд, во многом связаны с п р и з н а к о м к о н т р о л и р у е м о с т и / н е к о н т р о л и р у е м о с т и глагола-сказуемого, с которым соотнесено ПО. Здесь же будут показаны соответствия между семантическими типами ПО в болгарском языке и их синтаксическими аналогами в русском.

1. Конструкция с ПО к подлежащему[96] («первым» ПО, «субъектным» ПО).

Семантика предложений с первым ПО определяется как действие и актуальное на момент этого действия состояние субъекта, что требует постановки в позицию определения соответствующей лексики. Это причастия, образованные преимущественно от глаголов неконтролируемых действий (*загрижен*, *отмалял*, *навъсен*, *задъхан*, ср. соответственно русск. *озабоченный*, *без сил*, *нахмурившись*,

[96] При этом подлежащего может и не быть, но субъект должен предполагаться [Радева П. 2005: 434].

запыхавшись), а также неглагольные предикаты со значением актуального состояния (*здрав*, *гневен*, *мрачен*, *зъл*, *мълчалив*, *болен*, *гузен*, ср. русск. *здоровый*, *разгневанный, мрачный*, *злой* и т. д.).

Среди этих конструкций с общим значением ‘действие и актуальное на момент этого действия состояние’ выделяются две группы употреблений: в одних конструкциях (их большинство) указанное значение ничем не осложнено, действие и состояние представлены как независимые друг от друга явления (*Погледна ме загрижен*, *букв.* ‘Он взглянул на меня озабоченный’; *Влезе задъхан.* ‘Вошел запыхавшись’), в других имеется причинно-следственная связь между действием и состоянием (*Тя се изчерви засрамена.* ‘Она покраснела застыдившись’; *Изтръпнах ужасен.* ‘Я содрогнулся в ужасе’). Различие этих групп, как представляется, определяется признаком контролируемости действия основного глагола.

А. Можно предположить, что сказуемое, выраженное глаголом контролируемого действия, и ПО от глагола неконтролируемого действия (или неглагольный предикат состояния) образуют центральную, прототипическую конструкцию с первым ПО. Такое сочетание компонентов, разных по контролируемости, однозначно обеспечивает наиболее характерную семантику конструкции — это сообщение о действии лица, находящегося в том или ином состоянии: *Майка ѝ я гледаше развълнувана.* ‘Мать смотрела на нее в волнении’, также: *Стоян вървеше свит*; *Другите го последваха омърлушени*; *Тя вече ме бе видяла и приближи сияеща.* Лексико-семантические типы глаголов разнообразны: это глаголы движения и позиции, конкретных целенаправленных действий, активного восприятия, речемыслительной деятельности. Но их объединяет одно: все они обозначают контролируемые действия.

Лексически близкие пары глаголов, разные по признаку контролируемости, имеют и разные возможности выступать в роли сказуемого данных конструкций. Так, агентивные глаголы *слушам* ‘слушать’, *гледам* ‘смотреть’ могут быть сказуемыми при ПО, а неконтролируемые *чувам* ‘слышать’, *виждам* ‘видеть’ — нет: *Слушат го захласнати.* — **Чуват го захласнати*; *Той я гледа възхитен.* — **Той я вижда възхитен*; *Той ни посрещна сияещ.* — **Той ни срещна сияещ.*

Указанное распределение ролей — наиболее распространенный, но не единственный вариант первого ПО. Рассмотрим, как меняется семантика прототипической конструкции при замене одного из членов пары глаголом с противоположно отмеченным признаком. Для этого далее будем учитывать только ПО, выраженные отглагольными образованиями, т. е. причастиями. Итак, можно ожидать существования еще трех вариантов с разными семантико-синтаксическими последствиями.

Б. Сказуемое, выраженное глаголом контролируемого действия, и ПО от глагола контролируемого действия. Любое причастие, образованное от глагола контролируемого действия, находясь в сфере действия агентивного сказуемого, имеет ослабленную контролируемость и прочитывается как сопутствующий и одновременный с действием эпизодический статический признак (состояние):

Тя вървеше навела глава. 'Она шла, опустив голову'; *Той стоеше все така изправен до прозореца.* 'Он все так же, застыв, стоял у окна', *букв.* '…стоял выпрямившийся у окна'. Примечательно, что ПО данного типа образуются преимущественно от глаголов с «нецеленаправленной» контролируемостью, т. е. обозначающих автоматические действия человека (сесть, наклониться. выпрямиться, сжаться и т. п.): *клекна*, *наведа се*, *изправя се*, *свия се*, *ухиля се*, *усмихна се*. Ср. с неупотребительностью созидательных действий в качестве ПО: *Ти ме слушаш *готвеща обед*; *Влезе *подаващ ми писмо*.

В. Сказуемое, выраженное глаголом неконтролируемого действия, и ПО от глагола контролируемого действия. В этом случае семантика исходного для ПО предиката обеспечивает прочтение основного глагола как контролируемого: *Той спеше облечен*. 'Он спал одетым' — здесь *спеше* понимается не как состояние 'спать', а как контролируемое действие 'лечь спать'.

Таким образом, признак контролируемости хотя бы у одного из участвующих в конструкции глаголов сохраняет типичную семантику данного построения — 'контролируемое действие, производимое в определенном состоянии'.

Г. Сказуемое, выраженное глаголом неконтролируемого действия, и ПО от глагола неконтролируемого действия. В тех случаях, когда ни один член пары не является предикатом контролируемого действия, семантика конструкции меняется. Она описывает две ситуации, связанные между собой причинно-следственными отношениями как мотивирующее состояние и производное неконтролируемое действие: *Тя се изчерви смутена.* 'Она покраснела, смутившись'; *Той се отдръпна отвратен.* 'Он отшатнулся в отвращении', также: *Тя припадна **ужасена***; *Нощем будуваше **уплашена*** (К. Кюлюмов); *Селяните се опитаха да вдигнат крака на вола, но животното се стъписа **изплашено*** (Й. Радичков).

Такие конструкции могут быть трансформированы в другие формы выражения причинно-следственных отношений: *Тя се смути и се изчерви* (*От смущение тя се изчерви*); *Тя се ужаси и припадна* (*Тя припадна от ужас*); *Той* (*неволно*) *се отдръпна от отвращение.* Те же отношения обоснования устанавливаются и при иных морфологических вариантах определения: *Чучулиги, задушени от страшната мараня, падаха от небето **мъртви*** (Елин Пелин).

В более редких случаях такие конструкции представляют последовательные неконтролируемые реакции: *Усети **развълнуван** топлината на ръката ѝ* (Г. Стоев). 'Он почувствовал с волнением теплоту ее руки', ср. *Усети топлината на ръката ѝ и се развълнува.* 'Он почувствовал теплоту ее руки и разволновался', также: *Гълъбът **ужасен** го усети над себе си и падна съвсем ниско над водата*, ср. *Усети го над себе си и се ужаси*.

Типичные конструкции с ПО (т. е. сказуемое от глагола контролируемого действия и ПО от неконтролируемого) никаких подобных трансформаций не допускают. Они предполагают полную одновременность предикаций, подразумевая, что не существует / не существовало такой фазы в действии, которая бы протекала вне сопровождающего состояния. Потому и трансформации типичной модели выглядят

иначе: *Тя го погледна ужасена = В погледа ѝ имаше ужас.* ‘Она посмотрела на него в ужасе. = В ее взгляде был ужас’.

Заметим, что глаголы, которые участвуют в формировании конструкций с причинно-следственной семантикой, — это прежде всего предикаты непроизвольных физиологических реакций организма (*изчервя се*, *припадна*, *онемея*), а также нечаянных и неловких движений (*подхлъзна се*, *изгубя*, *изтърва*, *счупя*). Практически не употребляются глаголы, которые используются при назывании ошибочных и неудачных действий — *изложа се*, *орезиля се*, *посрамя се*, *компрометирам се*. Причина невозможности образовать конструкцию с ПО состоит в том, что бóльшая их часть относится к классу так наз. интерпретационных, оценочных предикатов, предполагающих взгляд со стороны, оценку извне, а для конструкции с первым ПО важно совпадение субъекта сознания и субъекта действия. Для выражения причины «оплошности» будут использованы другие средства.

Не создают интересующих нас конструкций и предикаты свойства, т. к. они не локализованы во времени, а это является необходимым условием для порождения конструкции с ПО.

Причинно-следственная связь выявляется иногда и при глаголе контролируемого действия: *Жената излезе засрамена.* ‘Женщина вышла, застеснявшись’; *Стоичковица изскочи уплашена* (Елин Пелин). ‘Стоичковица выскочила, испугавшись’. Но в целом прототипическое значение не предполагает этой зависимости: состояние при типичном ПО лишь сопутствует действию, но не обуславливает его. Предложения с причинно-следственными отношениями подчеркивают именно значение обусловленности, и это имеет, в частности, синтаксические последствия — возможность передвижения определения в начальную позицию и его обособления: *Жената излезе засрамена*. — *Засрамена, жената излезе.* Прототипические ПО таких трансформаций не допускают: *Той се върна замислен.* ‘Он вернулся в раздумье’. — (*?*)*Замислен, той се върна*.

Особых комментариев требуют предложения, в которых субъекты обозначают стихийные силы, природные явления. В таких предложениях часто встречаются коммуникативно и семантически значимые определения при глаголах-проявлениях, напр. *святкам*, *духам*, *залязвам*, *тъмнея*, *изтичам*, *бликам*:

> *Дърветата стърчаха измръзнали и почернели* (Й. Радичков). ‘Деревья торчали замерзшие и почерневшие’, также: *На сутринта небето светна синьо и чисто* (А. Каралийчев); *Планинският вятър духаше вече доста свеж и силен*; *Слънцето залязваше огненочервено*; *Желязото чернееше без ръждиви петна* (А. Дончев); *Слънцето заседна червено, кърваво и падна здрач* (Елин Пелин).

Эти предикаты «проявлений», имея стертую семантику, должны быть рассмотрены как образующие составное именное сказуемое. Сопоставление предложений *От сутринта денят вървеше дъжделив* и *Стария вървеше мрачен* хорошо показывает разный семантический вес глаголов.

В переводе на русский язык различия между центральными моделями и конструкциями с причинно-следственными отношениями будут проявляться в выборе разных средств.

Для выражения актуального состояния служат наречия состояния (*смущенно*, *потрясенно*, *изумленно*), предложно-субстантивные сочетания со значением внутреннего состояния и внешнего проявления состояния: *в ужасе*, *в гневе*, *с улыбкой*, а также деепричастия (в том числе настоящего времени *гневаясь*, *смущаясь*, *улыбаясь*): *Той я погледна смаян*. 'Он изумленно / в изумлении посмотрел на нее'; *Тя вървеше усмихната.* 'Она шла, улыбаясь'.

Причинно-следственные отношения находят выражение в предложных сочетаниях с причинной семантикой (*из-за смущения*, *от смущения*), в формах, указывающих на предшествующее мотивирующее действие (в основном деепричастия или причастия прошедшего времени), *разгневавшись*, *улыбнувшись*, *смутившись*, *испугавшись*, *испуганный*, *смущенный*: *Тя се изчерви смутена.* 'От смущения она покраснела'; *Тя се отдръпна уплашена.* 'Испугавшись, она отшатнулась'.

2. Конструкция с ПО к дополнению («вторым» ПО, «объектным» ПО).

Конструкция с ПО к дополнению обычно отражает ситуацию восприятия человеком другого объекта (обычно лица) и сообщает о состоянии последнего. В качестве сказуемого используется класс перцептивных глаголов, отражающих ситуацию восприятия (*усещам*, *чувствам*, *виждам*), в том числе перцептивность случайного, нечаянного обнаружения (*заварвам*, *забелязвам*, *намирам* (*някого*)), мысленного восприятия (*X застава пред очите* (*ми*), *представям си*) и «ретровосприятия» (*спомням си*, *помня*): *Помнеше я много разгневена* (М. Радев). 'Он помнил ее разгневанной', также: *Така я зърна Куманов — самотна, замислена — и побърза да иде при нея* (Л. Робертов); *Не съм я виждал усмихната*. В качестве сказуемого могут быть использованы единичные глаголы иной семантики, но чаще всего они прочитываются как перцептивные: *Не съм я срещал* (= *не съм я виждал*) *никога обезпокоена и угрижена*.

Большинство таких глаголов обозначают неконтролируемые действия, а контролируемые представлены глаголами слабоактивной семантики: *Представях си я унижена и разплакана*. 'Я представлял ее себе униженной и заплаканной'. Такой уход от контролируемости — это не грамматическое ограничение, а гносеологическое, и объясняется характером воспринимаемого явления: статические состояния объектов не столько сознательно наблюдаются, сколько неосознанно или пассивно воспринимаются.

Активные глаголы восприятия могут быть употреблены, если ПО имеют семантику динамического действия (придаточные предложения, причастия активного залога):

> *Следя я как шие*, *букв.* 'Я слежу за ней, как она шьет'; *...Доставяше ѝ огромно удоволствие да ме гледа молещ и унижен...* (К. Бачков). 'Ей доставляло огромное

удовольствие смотреть на меня, просящего и униженного’, также: *Наблюдавам го как размахва криле*; *Гледам я как тича по перона*.

Как и при первом ПО, определительный компонент указывает на состояние объекта. Таким образом, оба участника (субъект восприятия и носитель состояния) в наиболее типичном случае выступают в роли Экспериенцера: *Той завари жена си и майка си прималели от страх*… (И. Вазов). ‘Он застал жену и мать охваченными страхом’. Одинаковая семантическая роль не является препятствием к построению предложения, т. к. эти роли распределяются по разным предикациям — основной и дополнительной.

ПО может выражаться причастной формой от глагола контролируемого действия, который, в сфере действия перцептивного глагола, как мы показывали и выше, прочитывается как актуальное статическое состояние: *Заварихме я седнала на пейката*, *букв.* ‘Мы застали ее севшей на скамейку’; *Намерих я свита на леглото*, *букв.* ‘Я нашел ее сжавшейся в клубочек на кровати’.

Интересна еще одна семантическая группа конструкций со вторым ПО — это результирующие состояния. Они строятся с предикатами контролируемого действия в сочетании с прилагательными, обозначающими длительный, статичный признак: *Ожениха ги млади.* ‘Их поженили молодыми’; *Възпитахме го почтителен.* ‘Мы воспитали его почтительным’; *Той ме е създал такъв.* ‘Он создал меня таким’.

Как было показано и выше, в функции ПО могут выступать придаточные изъяснительные предложения. Они также демонстрируют двойную зависимость придаточного (и от сказуемого, и от актанта в главной части) и располагают тем же лексическим набором для выражения сказуемого главного предложения, что и сказуемое при втором ПО, т. е. в основном это глаголы восприятия и обнаружения: *Виждам я как стои и чака някого*, *букв.* ‘Я вижу ее, как стоит и ждет кого-то’; *Заварих ги да се целуват*, *букв.* ‘Я застал их, как они целуются’. В большинстве случаев для перевода болгарских ПО, выраженных *да*-конструкциями, требуются изъяснительные, временные или относительные предложения, причастия и деепричастные обороты (см. в разделе 1.4.2.2).

1.2.5.4.3. Приложение

Приложение представляет признаки объекта посредством иного его наименования. Оно оформляется в болгарском языке через примыкание (редко — взаимосогласование, т. е. с параллельным изменением форм во мн. ч., как *жена лекар*, см. об этом в разделе «Словосочетание»).

Сфера приложений, присоединяемых как примыкающие компоненты, в болгарском языке шире, чем в русском, за счет оформления названий организаций и географических объектов (при этом написание приложения требует кавычек):

улица «*Граф Игнатиев*» ‘улица графа Игнатиева‘, *площад* «*Славейков*» ‘площадь Славейкова’; *Софийски университет* «*Св. Климент Охридски*» ‘Софийский

университет имени Святого Климента Охридского’; *Народна библиотека* «*Иван Вазов*» ‘Народная библиотека имени Ивана Вазова’; *завод* «*Найден Киров*» ‘завод имени Найдена Кирова’.

Значительны различия в орфографическом оформлении некоторых видов приложений (*град музей*, *храм паметник*), что усложняет проблему их отграничения от сложных слов типа *кандидат-студент*, см. 1.1.6.

Рассмотрим традиционно выделяемые семантические разновидности необособленных приложений, обращая внимание и на их артиклевую маркированность.

1. Приложения, характеризующие определяемое или сужающие его объем[97]: *концерт рецитал*, *съчинение разсъждение*, *държава собственик*, *мач реванш*.

Такие сочетания получают «групповую» артиклевую маркированность, необходимость которой определяется общими правилами постановки артиклей в языке, но, в отличие от именных групп с согласованными определениями, артикль не обязательно ставится к первому компоненту группы. В рамках подобной субстантивной группы надо учитывать, изменяются ли в таком сочетании обе составляющие или же только последняя из них. В последнем случае болгаристика говорит о сложном слове, а не о словосочетании. Ср. присоединение артикля к первому компоненту в (а), ко второму — в (б):

(а) *Така, изключително емоционално, писателят емигрант Златко Енев обясни защо се е върнал към темата за Възродителния процес в новата си книга*; *Карабашлиев живее в САЩ от 1997 г. и е сред писателите емигранти, които нашумяха много и у нас, и в чужбина*;

(б) *Сериалът представя изпълненото със странности всекидневие на стажант-лекаря Джон* «*Джей Ди*» *Дориан*; *При обучението на студентите и стажант-лекарите се подчертават тесните връзки между профилактичните и клинични аспекти в медицинската наука* (И).

Если каждое из двух существительных равным образом способно выступить в роли опорного элемента, артикль явится подсказкой для понимания того, какая из составляющих имеет в данном контексте больший семантический вес:

Съдия-изпълнителят Шукри Дервиш влезе вчера с полиция в култовия нощен клуб «*Джулиани*» *в хотелски комплекс* «*Ален мак*» *в Благоевград* (И); *Съдията изпълнител проверява, има ли* [*лицето*] *задължения към държавата* (И).

2. Приложения-сравнения: *снага-топола*, *бисер-сълзи*, *гайтан-вежди*, *очи-череши*, см. примеры из [Радева П. 1997: 104]:

…още от малка беше хубава, момиче-капка, *букв.* ‘девочка-капелька’; *…нейните очи-череши, нейните вежди-гайтани, нейната коса-коприна, нейната*

[97] Часть приводимых сочетаний взята из орфографического словаря [Нов правописен речник 2002].

снагатопола как да ги, мамо, забравя, *букв.* ‘глаза-черешни, брови-шнурочки (‘тонкие, изогнутые брови’), волосы-шелк, фигура-тополь’.

Эти приложения не употребляются с определенным артиклем.

3. Приложения-прозвища, клички. В подавляющем большинстве случаев такие приложения оформляются кратким определенным артиклем: *Замлъкна и воденицата на Лазар* ***Дъбака****, която приветливо показваше керемидения си покрив между зеленината на четири шумнати ореха в дола* (Елин Пелин).

4. Приложения, указывающие на родственные связи: ***Дядо*** *Йордан беше главата,* ***баба*** *Марга — душата на кръчмата* (Елин Пелин), а также дающие характеристику лиц по их возрастным показателям [Радева П. 1997: 104]: *От няколко дни му гостуваше* ***наборът*** *Петър* (В. Дойчев).

Имена родства при приложениях не ставятся в артиклевую форму, в отличие от неродственных именований, как, например, *набор* ‘одного года рождения; одного призыва’ из примера выше, ср. русск. неполные эквиваленты *сверстник*, *сослуживец*.

5. Приложения, обозначающие профессиональные статусы, должности и т. п.:

> ***Доктор*** *Юрукова млъкна за момент, лицето ѝ бе намръщено* (П. Вежинов); *Улавям се, че все още се надявам* ***пианистката*** *Ана Божилова да се появи* (Ц. Марангозов); ***Професор д-р*** *Славчо Томов днес бе избран за ректор на плевенския Медицинския университет*; *Когато след около половин час влязох в кабинета,* ***лекарят*** *Иванов ме прегледа*; *Всяка събота между 10.00 и 13.30 ч.* ***водещият*** *Кирил Вълчев обобщава най-интересното от изминалата седмица чрез своите гости*; ***Преподавателят*** *Събев е в командировка*; *В голямото семейство живее и щерката на Каменаров от предишния му брак с* ***журналистката*** *Камелия Станчева, Софи*; ***Отец*** *Никанор е монах в Гигинския манастир* (И).

Артиклевая маркированность таких приложений различна. В целом, названия профессий, специальностей, должностей присоединяют определенный артикль, а названия титулов, военных чинов, духовных санов, научных званий — не присоединяют, ср. *преподавателят Иванов* и *доцент Иванов*. В случае если название может быть и профессией, и должностью / званием, возможны колебания. Так, в норме приложение *доктор* не присоединяет артикль (в отличие от *лекар* ‘врач’), но ср. из произведения Ц. Марангозова «Безразличният» артиклевые формы *докторът*, *доктора*:

> *— Жизнен опит на милиони — обажда се* ***докторът*** *Венедиков, раздавайки ловко картите*; ***Доктор*** *Венедиков разсмива партньорите си*; *Унизително е да имаш такъв съперник, казвам си, сякаш не съзнавам, че в сравнение с* ***доктора*** *Венедиков аз съм* (*в социално отношение*) *един господин Никой.*

Существенно, что эти употребления возникают у автора параллельно с обозначениями других участников такими же профессионально определяющими приложениями с регулярной маркированностью: *Всеки петък присъствам с надеждата*

да срещна тук ***пианистката*** *Ана Божилова*; *Решавам:* ***адвокатът*** *Керимидчиев ще бъде* «*третият*»; ***Писателят*** *Мушанов не произхожда от буржоазно семейство* и на фоне колебаний их артиклевой маркированности за рамками нормы по всему тексту произведения.

При присоединении определенного артикля должны соблюдаться все правила употребления полной и краткой форм для существительных мужского рода, а также правило группового определителя при присоединении согласованного определения, см. оттуда же: *Издателят Бисеров мразеше червените*; *Не изключвам да ме следят заради връзката ми с издателя Бисеров*; *Разпитва ме за връзките ми с бившия издател Бисеров*.

Употребление кратких форм вместо полных в письменной речи не допускается, поэтому, примененное на письме, оно может либо отражать специфику устной речи, либо нести экспрессивную нагрузку, указывая на пренебрежительный и фамильярный характер номинации: *Те му взеха издателството. Предложиха му да си изкарва хляба като коректор. Той отказа. Но издателя Бисеров не беше герой. И той търпеше* (Ц. Марангозов).

6. Имена собственные — приложения[98] к существительным, называющим географические объекты: *Булевард* «***България***» *свързва центъра на София с южните квартали на града*; *Площад* «***Петко Славейков***» *е известен площад в същинския център на София*; *Тридневна екскурзия до връх* ***Радомир***.

Такие приложения имеют артикль лишь в силу языковой традиции (*село Елените*), бóльшую трудность представляют семантически плохо объяснимые правила артиклевой маркированности определяемых существительных, см., напр., [Гинина и др. 1985: 152].

7. Приложения, являющиеся:

а) индивидуальным (собственным) именем организаций, учреждений, средств массовой информации:

> *Хотел* «***Албена***» *е едно чудесно място за почивка и релакс*; «*Казанова*» *в театър* «***Сълза и смях***»; *Вестник* «***Сега***» *е ляво-центристки и икономически независим, национален ежедневник*; *Атентатът в църквата* «***Света Неделя***» *е най-тежкият терористичен акт в историята на България*;

б) названием научных, литературных или музыкальных произведений:

> *С масово рецитиране на стихотворението* «***Аз съм българче***» *Регионална библиотека* «*Проф. Беню Цонев*» *даде старт на инициативите, посветени на 1 юни*; *Художествените образи в комедията* «***Тартюф***» *са носители на една преобладаваща страст, порок или добродетел*; *По проект на РС* «*Технитари*» *Стара*

---

98 Квалификация компонентов как определяемого и его приложения для разновидностей (6)—(7) в ряде болгаристических работ противоположная, см., напр., [Радева П. 1997: 104], также пункт 5 в [ГСБКЕ 1983-3: 182].

Загора бе издадена монографията «***Ромската жена — пространства и граници в живота ѝ***»; *През 1946 е отпечатан първият откъс от романа* «***Тютюн***».

Артиклевая маркированность таких названий возможна при их распространенности, ср. примеры из [Официален правописен речник 2012: 24]: «*Железният светилник*», «*Властелинът на пръстените*», «*Спасителят в ръжта*», «*На самотния остров*», а среди определяемых компонентов регулярно используются с определенным артиклем существительные из группы (б) и единичные существительные из группы (а), как *църквата* выше.

1.2.5.4.4. Дополнение

Болгарское дополнение имеет значительные грамматические особенности, отличающие его от русского. Но прежде укажем морфолого-синтаксические характеристики дополнения как второстепенного члена предложения. Болгарское дополнение — как прямое, так и косвенное, выражается ИГ разного состава. Субстантивная группа присоединяется беспредложно (прямое дополнение) и предложно (косвенное дополнение), как *Ние предчувствахме* ***победата*** и *Тъгувам* ***за родината си***[99].

Чаще всего дополнение поясняет глагол-сказуемое, как в примерах выше.

Прямое дополнение может использоваться не только в конструкциях с глаголами и нефинитными глагольными формами, но и с предикативными существительными *срам*, *яд*, *гняв* и под.: *Яд ли те е от него?*; *Страх ли го е момчето?*; *Гнус ли ви е?*, а также входить в ряд особых построений, напр. с указательной частицей: *Ето го Петър*, со сравнительным союзом: *Тя е като мене* (см. 1.2.5.4.4.1). Обратим внимание на возможность присоединения прямого дополнения к отглагольным существительным на *-не*, образованным от переходных глаголов: *повишаване качеството*, *опазване здравето*. При этом постановка отглагольного существительного в артиклевую форму блокирует возможность беспредложной связи: *борбата за опазването* ***на*** *здравето* [ГСБКЕ 1983-3: 192; Маслов 1981: 285], в таком случае, а также при существительных на *-ние*, предложная группа рассматривается болгарской лингвистикой как несогласованное определение.

Косвенное дополнение может пояснять, помимо глаголов и нефинитных глагольных форм, и другие части речи:

— существительные (номинализация действий, состояний и качественных признаков): *опит за реставрация*; *интерес към политиката*; *жажда за отмъщение*; *нужда от пари*; *доказателство за прогреса*; *нападение над униформените лица*.

Примечание. Как и в русской лингвистике, наблюдаются колебания в отнесении таких предложных групп к дополнениям или к несогласованным определениям [ср. ГСБКЕ 1983-3: 172—174, 192—193]. Разграничение может проводиться на основе потенциального вопроса и семантики опорного слова [Недев 1992: 130—133]. Мы опираемся прежде всего на то, что присубстантивные дополнения соответствуют объекту в соотносительных с ними глагольных конструкциях [Кустова 2013: 65—66]. Это каса-

[99] Примеры дополнений с последовательными русскими переводами см. ниже.

ется и релятивных имен деятеля (*участник в програмата*, *купувач на стока*): агенс, наследуя валентностную структуру, «получает “в собственность” вторую глагольную валентность, будучи сам заполнителем первой», при этом «средства кодирования унаследованной валентности могут измениться по сравнению с исходными» [Лингвистика конструкций 2010: 253]. Ср. на этом фоне субъектные и обстоятельственные предложные группы, которые занимают позиции несогласованного определения: *визитата на лекаря* и *слизането от планината*.

Дательное дополнение используется и при единичных предикативных существительных (*жал*, *време*, *мерак*): *Жал ми е за него*; *Време ти е да тръгваш*;

— прилагательные: *алчен за пари*; *горд с дъщеря си*; *доволен от теб*; *обречен на провал*; *виновен в убийство*; *отдалечен от шумните улици*; *важен за мене*. Приадъективные дополнения обозначают объект, на который распространяется или по отношению к которому проявляется признак [Скобликова 2006: 208—209; Кустова 2013];

— наречия: *Работят наравно с мъже*; *Направи го напук някому*, в том числе предикативные наречия: *Студено ли му е?*; *На Петър удобно ли му е?*

Относясь ко всей предикации, дополнение представляет собой детерминант: ***За него*** *уволнението не е дреболия* (Д. Димов). ‘Для него увольнение — не пустяки’ (пер. Н. Попова и др.).

Помимо аргументных местоимений, в болгарском языке есть местоимения <u>с пустым референтом</u>, восполняющие объектную валентность глагола [Ницолова 2008а: 157; Тагамлицка Г. 1963: 261]: *Да* ***му*** *се не види макар!* ‘Черт побери!’, *Ама че* ***го*** *каза!* ‘Ну и сказанул!’ См. также раздел 5.2.3, п. 4 об отличии от dativus ethicus. Подобные местоимения возможны в позиции не только дополнения, но и подлежащего. Перевод на русский язык местоимений с пустым референтом осуществляется (помимо устойчивых фраз) с использованием лексем неопределенно-широкой референции: *это*, *дело*, *история*, *жизнь* и др., напр. *Ала хубаво* ***я*** *измисли той с общината!* ‘А здорово он это выдумал тогда с общиной!’, см. о переводческих параллелях в [Шанова 1993].

1.2.5.4.4.1. Прямое дополнение

Основные характеристики прямого дополнения в болгарском языке (на фоне русского) состоят в следующем.

1. В болгарском языке **шире круг переходных глаголов**, требующих прямого дополнения. Во-первых, многие глаголы с утратой форм именного склонения существительных стали осмысляться как переходные, см. п. (б) ниже. Во-вторых, в болгарском языке больше переходных предикатов каузативной семантики: напр. *разлайвам* (*кучето*) ‘вызывать лай (собаки)’, *разплаквам* (*майка си*) ‘заставлять (маму) плакать’, см. п. (в) ниже.

Примеры полных грамматических эквивалентов в русском и болгарском языках представлены в (а), расхождения — в (б) и (в).

а) Переходные глаголы и в болгарском, и в русском языках: *виждам*, *подозирам*, *атакувам* и мн. др., напр.:

Разпитва ***ме*** *за връзките ми с бившия издател Бисеров* (Ц. Марангозов). ‘Расспрашивал *меня* о моих связях с бывшим издателем Бисеровым’.

Той адресира ***писмото*** *до директора*. ‘Он адресовал *письмо* директору’.

Анка носеше ***кафето****, като внимаваше да не* ***го*** *разлее* (С. Дичев). ‘Анка несла *кофе*, стараясь *его* не разлить’.

б) Переходные глаголы в болгарском языке, которым соответствуют непереходные в русском, см. также [Захаревич, Крылова 1978: 66]:

владея, *възсядам*, *гледам*, *гласувам*, *дишам*, *духам*, *завеждам*, *завладявам*, *заплашвам*, *заприказвам*, *изкачвам*, *иронизирам*, *командвам*, *конкурирам*, *лъжа*, *наближавам*, *наблюдавам*, *нагрубявам*, *настъпвам*, *обитавам*, *отминавам*, *плащам*, *подпомагам*, *подражавам*, *председателствам*, *предшествам*, *пренебрегвам*, *притежавам*, *рискувам*, *ръководя*, *следя*, *съветвам*, *съпътствам*, *шпионирам* и др.

Например[100]:

Защо ***ме*** *лъжеш?* ‘Почему ты *мне* лжешь?’;

Изслушвам съветите на майка си, но не ***ги*** *следвам.* ‘Я выслушиваю советы мамы, но не следую *им*’;

Не тряскай ***вратата****!* ‘Не хлопай *дверью*!’;

Защо ***го*** *нагрубяваш?* ‘Почему ты *ему* грубишь?’;

Той притежаваше прекрасна ***памет***. ‘Он обладал прекрасной *памятью*’;

Какво ще ***ме*** *посъветваш да облека?* ‘Что ты *мне* посоветуешь надеть?;

Не искам да си рискувам ***живота*** *заради пари*. ‘Я не хочу рисковать своей *жизнью* ради денег’;

Не се опитвай да ***го*** *заговориш, няма да ти отговори*. ‘Не пытайся *с ним* заговорить, он тебе не ответит’;

Не пренебрегвай и най-малката ***възможност*** *да разбереш нещо повече за своята специалност*. ‘Не пренебрегай малейшей *возможностью* узнать больше о своей специальности’;

Ти заплашваш ли ***ме****?* ‘Ты что, *мне* угрожаешь?’;

Присъстващите размениха ***мнения*** *по този въпрос.* ‘Присутствующие обменялись *мнениями* по этому вопросу’;

Живей си твоя ***живот****, не* ***ме*** *шпионирай*. ‘Живи своей *жизнью*, не следи (*букв.* не шпионь) *за мной*’;

Бях принуден да пренебрегна ***съвета*** *ви.* ‘Я был вынужден пренебречь вашим *советом*’;

Дейността, която извършва този човек, подпомага ***развитието*** *на нашата култура*. ‘Деятельность этого человека способствует *развитию* нашей культуры’;

Ръководеше ***го*** *стремежът да помогне на приятеля си на всяка цена*. ‘*Им* руководило стремление любой ценой помочь другу’.

---

[100] Часть примеров на предложные сочетания в разделах «Дополнение» и «Обстоятельство» взято из словаря валентностей М. Поповой [Попова 1987].

в) Переходные каузативные глаголы, которым в русском языке соответствуют составные предикаты с отдельным каузирующим глаголом:

*Той **я** разплака.* ‘Он *заставил* ее *плакать* / *довел* ее *до слез*’;
*Тази песен направо **ме** разрева!* ‘Эта песня просто *довела* меня *до слез*’;
*Новата пешеходна зона разхубави **града**.* ‘Новая пешеходная зона *сделала* город *красивее*’;
*Дъждовете и градушката оскъпиха **доматите**.* ‘Дожди и град *привели к подорожанию* помидоров’;
*Псевдо-организацията на изложбата малко **ни** изнерви* (И). ‘«Псевдоорганизация» выставки *заставила* нас *понервничать*’.

2. Прямое дополнение используется с обязательностью во многих **конструкциях с переходными и непереходными глаголами и неглагольными предикатами** (ср. «конструктивный» падеж [Кустова 2011]). В них прямое дополнение в виде местоименной клитики непременно эксплицируется, а при коммуникативной выделенности дополнения требуется именной повтор (1.2.5.4.4.3). Семантическая роль дополнения — в основном, экспериенцер (см. также в разделе 1.2.6.5):

а) при глаголах «недомоганий» типа *боли* ‘болит’, *сърби* ‘чешется’, *щрака* ‘щелкает’, ‘дергает’ и др., которые употребляются только в 3 л. ед. или мн. ч. С такими глаголами можно строить как обычные двусоставные предложения с подлежащим и сказуемым:

*Боли **ме** ръката / зъб(ът).* ‘У меня болит рука, зуб’;
*Сърби **ме** гърбът.* ‘У меня чешется спина’;
*Сърбят **я** очите.* ‘У нее чешутся глаза’,

так и безличные предложения:

*Щрака **ме** в слепоочието.* ‘У меня дергает в виске’;
*Върти **ме** в коляното.* ‘У меня крутит, ноет в колене’;

б) в предложениях о состоянии человека, организуемых предикативно употребленными существительными *страх* ‘страх’, *срам* ‘стыд’, *яд* ‘злость’, *гнус* ‘отвращение’, *грижа* ‘забота’ (последнее чаще с отрицанием) [101], а также производными от них глаголами:

*Страх **ме** е.* ‘Мне страшно’;
*Срам **го** е.* ‘Ему стыдно’;
Яд ме е. ‘Меня зло берет’;
Достраша ме. ‘Мне стало страшно’;

---

[101] Данная группа субстантивов является замкнутой, причем из них лишь несколько используются активно (указанные выше *страх*, *срам*, *яд*, *гнус*, *грижа*), другие же употребляются редко или вообще в современном языке в роли предикатива не встречаются (*мъка*, *еня*, *скомен*, *грях*, *смях*, *зор*).

Досрамя ме. ‘Мне стало стыдно’;
Доядя ме. ‘Меня зло взяло’;
Дострашава ме. ‘Мне становится страшно’;
Досрамява ме. ‘Мне становится стыдно’;

в) при безличных глаголах *няма* ‘нет’, *има* ‘есть’, *тресе* ‘трясет’, *мързи* ‘охватывает лень’, *бива* ‘стоит’, ‘годится’ и некоторых др.:

*Няма **го** тук.* ‘Его здесь нет’;
*Тресе **го**.* ‘Его трясет (знобит)’;
*Мързи **го** да учи.* ‘Ему лень заниматься’;
*Не **го** бива за нищо.* ‘Он ни на что не годен’;

г) после указательных частиц *ето*, *ей* ‘вот’, ‘вон’: *Ето **я**, идва насам.* ‘Вот она, идет сюда’.

3. В народном разговорном языке и фольклоре отмечается **внутреннее («тавтологическое») дополнение** типа *нощ нощувам* ‘ночь ночевать’, *ден денувам* (*букв.* ‘день дневать’), где дополнение не обозначает объект действия, а служит либо для создания образности и напевности (в фольклоре): *Шетба шета Марко Кралевики*, либо для указания на интенсивность действия, см. примеры из разговорной речи с характерным участием интенсифицирующих определений *голям* и *такъв*: *Голям плач плаках*, *букв.* ‘Большой плач плакала’; *Такъв смях се смяхме*; *Ма напоследък голямо ядене ям*; *Голямо пътуване пътуваш* [Радева П. 2012: 178].

1.2.5.4.4.2. Косвенное дополнение

Основная специфика болгарского косвенного дополнения, отличающая его от русского, заключается в том, что косвенное дополнение может быть беспредложным только при выражении его кратким личным местоимением в дат. падеже, причем только в определенных семантических ролях и в некоторых конструкциях. В ином случае представлена предложная связь.

1.2.5.4.4.2.1. **Беспредложное косвенное дополнение**. Дат. падеж, как и в русском языке, является семантически наиболее мотивированным. Далее рассмотрим основные функции болгарского дополнения, выраженного краткой формой местоимения в дат. падеже, — прежде всего семантически мотивированные (1—3), затем конструктивно обусловленные (4).

Хотя основные функции дат. падежа в обоих языках связаны с ролями реципиента, бенефактива, экспериенцера, различия здесь, как покажут примеры, все-таки значительны — как на уровне единичных предикатов, так и мини-групп глаголов (напр., глаголы лишения, изъятия, которые присоединяют в болгарском языке беспредложный дат. пад., в отличие от русского, и др.).

Наиболее полное представление семантических ролей болгарского местоименного датива и соотнесенных с ними семантических групп глаголов содержится в книге Г. Петровой [2006], наблюдения из которой будут представлены ниже. Русским фоном служит версия [Кустова 2012].

Г. Петрова выделяет две основные роли местоименного датива — бенефицианта (в широком понимании) и экспериенцера.

1. Местоимение в семантической роли **бенефицианта**.

а) Реципиент. Аргумент с ролью *реципиент* присоединяют глаголы, обозначающие ситуацию материального или нематериального трансфера [Петрова Г. 2006: 55]. Далее перечислены соответствующие ролевые разновидности согласно различным типам «трансфера», представленные в классификации Г. Петровой [Там же: 55—92], ее же и примеры:

— с участником — непосредственным или опосредованным получателем: *Той му даде подарък.* ‘Он дал ему подарок’; *Тя ми изпрати книгата*. ‘Она выслала мне книгу’;

— с участником, воспринимающим объект в себя: *Вливат му кръв.* ‘Ему переливают кровь’; *Присадиха му бъбрек*. ‘Ему пересадили почку’; *Те са ми пъхнали това пликче в джоба*. ‘Они мне сунули этот конверт в карман’;

— с участником, принимающим лицо в свое личное пространство: *Отивам му на гости.* ‘Я иду к нему в гости’; *Децата често им гостуват.* ‘Дети часто у них гостят’; *Водя ти едно момче*, *букв.* ‘Я веду к тебе одного парня’, в том числе при глаголе *съм* со значением пребывания: *Вчера му бях на гости*. ‘Вчера я был у него в гостях’;

— с участником — получателем информативного, перцептивного, мыслительного содержания:

> *Тя **му** разказа приказката.* ‘Она рассказала ему сказку’; *Той **ми** показа картината.* ‘Он показал мне картину’; *Те **му** изиграха едно хоро.* ‘Они станцевали ему хоро’; *Ти **ми** вдъхна надежда.* ‘Ты вдохнул в меня надежду’; *Те **ми** се присмиват.* ‘Они надо мной насмехаются’; *Трябва да **ѝ** благодариш за всичко.* ‘Ты должен ее поблагодарить за все’; *Защо **му** се караш*? ‘Почему ты на него ругаешься?’; *Не **ми** се извинявай!* ‘Не извиняйся передо мной’.

При соответствующем переосмыслении глаголов других семантических групп также открывается возможность присоединять датив: *Не ти мисля злото*. ‘Я не желаю тебе зла’, *букв.* ‘Я не думаю тебе зла’.

Особенно обратим внимание на группу глаголов преднамеренного поведения, открывающих места как для субъекта поведения, так и для участника, на которого ориентировано поведение. Этот последний участник вводится в русском языке предложно, в то время как в болгарском языке при местоименном выражении он имеет форму датива (при субстантивной ИГ обычно используется предлог *пред*, см. 1.2.5.4.4.2.2): *Какво **ми** се перчиш!* (*перча се пред някого* ‘показывать свою значимость перед кем-л.’); *Той **ми** се хвали*. ‘Он хвастается передо мной’; *Тя **ви** се подмазва*. ‘Она подлизывается к вам’.

Широко используется ситуация мимических и звуковых сигналов как знаков передачи информации и эмоционального отношения: *Той **ми** се намуси*. ‘Он на меня дуется’ (ср. *Той се намуси.* ‘Он нахмурился’); *Той **ти** се смее.* ‘Он смеется над тобой’ (ср. *Той се смее.* ‘Он смеется’).

б) Бенефактив и малефактив. Аргумент с ролями *бенефактив* (получатель пользы, выгоды) или *малефактив* (получатель вреда, ущерба и т. д.) присоединяют глаголы, предполагающие ситуацию создания полезного или вредного объекта, полезного или вредного действия или воздействия [Петрова Г. 2006: 55, 92—102], см. и примеры Г. Петровой:

> *Плета* ***ѝ*** *пуловер.* 'Я вяжу ей свитер'; *Тя* ***ми*** *пречи да работя.* 'Она мешает мне работать'; *Тези нови приятели* ***ѝ*** *влияят зле.* 'Эти новые друзья плохо влияют на нее'; *Това* ***му*** *подейства като студен душ.* 'Это подействовало на него как холодный душ'; *Върви* ***ѝ*** *в живота.* 'Ей везет в жизни'; *Липсват* ***ми*** *сто лева.* 'У меня отсутствуют ('были, но исчезли') сто левов'.

Обратим внимание на глаголы со значением лишения, захвата, которые последовательно реализуются с дательным местоимением: *Тошо, защо* ***ѝ*** *отнемаш куклата*? 'Тошо, зачем ты отнимаешь у нее куклу?'; *Те* ***му*** *взеха това златно място* (Г. Караславов). 'Отняли они у него это доходное местечко'; *Не* ***ми*** *отнемай надеждата!* 'Не отнимай у меня надежду!'

Некоторые из подобных местоимений в дативе (при выражении объекта обладания артиклевой ИГ) могут трактоваться со сдвоенной посессивно-аргументной семантикой (*Гладя му ризата*; *Не ми отнемай надеждата*), см. 5.2.4.

в) Адресат эмоциональных реакций, оценок состояния, внутренних установок, направленных на объект, который оценивается субъектом [Там же: 104—114]. Данные значения можно рассматривать и как «дальнюю периферию бенефактивно-малефактивной семантики». При этом участник-адресат, вообще говоря, в ситуацию не вовлекается, его интересы «затрагиваются лишь косвенным образом либо эта соотнесенность присутствует лишь в сознании субъекта» [Кустова 2012]:

> *Много* ***му*** *се ядосах, че закъсня.* 'Я очень разозлился на него, что он опоздал'; *Благодарна съм* ***му****, че ми помогна.* 'Я благодарна ему, что он мне помог'; *Вярвам* ***ти****.* 'Я верю тебе'; *Липсва* ***му*** *смелост.* 'Ему не хватает смелости'; *Време* ***ти*** *е да се ожениш.* 'Тебе пора жениться'.

Специфический болгарский глагол *личи* (безл.) указывает на наличие или отсутствие состояния на основе видимых признаков: *Личи* ***му****, че е притеснен и уплашен*. 'По нему видно / заметно, что он расстроен и напуган'; *Не* ***ѝ*** *личи, че е болна*. 'По ней не видно, что она больна'. Ср. и в СВ: *Пролича* (AOR) ***ѝ****, че се разочарова* (AOR). 'По ней стало заметно, что она разочарована'. При этом аргумент в роли *адресат наличия / отсутствия состояния* возможен только в ситуации, сообщающей о психическом или физиологическом состоянии, позволяющем введение данного аргумента. В ином случае глагол одноместный: *Личи, че ще вали*. 'Видно / похоже, что будет дождь' [Петрова Г. 2006: 111—112].

Особую подгруппу составляют предикаты оценки соответствия (см. близкую группу соотношения ниже): *Тези обувки* ***ми*** *стават*. 'Эти туфли мне подходят (соответствуют по размеру)'; *Този цвят не* ***му*** *прилича*. 'Этот цвет ему не идет', ср.,

однако, *му* в роли экспериенцера: *Тази жена **му** приличаше на Ирина*. ‘Эта женщина ему казалось похожей на Ирину’.

2. Местоимение в семантической роли э**кспериенцера —** субъекта восприятия, состояния (физического, ментального, эмоционального), модальной ситуации [Петрова Г. 2006: 116—158]:

> *Студено **ми** е.* ‘Мне холодно’; *Добре ли **ти** е?* ‘Тебе хорошо, удобно?’; *Лошо **ми** е.* ‘Мне плохо’; *Жал **му** е за парите.* ‘Ему жалко денег’; *Тежи **ми** този спомен.* ‘Мне тяжело об этом вспоминать’, *букв.* ‘Гнетет, тяготит меня это воспоминание’; *Това **ми** се струва ужасно.* ‘Мне кажется это ужасным’.

Группы глаголов, присоединяющих такое дат. дополнение, близки по составу в русском и болгарском языках, в том числе некоторые фраземы: *не ми е по силите* ‘мне не по силам’, *не ми е по душата* ‘мне не по душе’, *не ми е до приказки* ‘мне не до разговоров’ и нек. др.

Обратим, однако, внимание на ситуацию восприятия, при которой экспериенцер приобретает некоторые ощущения <u>как результат воздействия раздражителей</u> [Там же: 119—131]:

> *Лекарството **ми** горчи*. ‘Лекарство горькое / мне кажется горьким’, *букв.* ‘Лекарство мне горчит’;
>
> *Виното **ми** киселее.* ‘Вино мне кажется кислым’, *букв.* ‘Вино мне кислит’;
>
> *Нещо **ми** се белее в далечината*. ‘Мне кажется, что-то белеется вдали’, *букв.* ‘Мне что-то белеется вдали’;
>
> *Тя **ми** се мярна в тълпата*. ‘Она, мне показалось, мелькнула в толпе’;
>
> *Саламът **ми** мирише*. ‘Колбаса, кажется, попахивает’ (*букв.* ‘Колбаса мне пахнет’), ср. с безличным глаголом: *Тук мирише на мухъл.* ‘Здесь пахнет плесенью’.

Ср. и в переносном употреблении — при перцептивных глаголах, развивших вторичные значения мыслительной деятельности: *Мирише ми на скандал*. ‘Похоже, будет скандал’; *Намирисва ми на лъжа*, *букв*. ‘Мне пахнет ложью’; *Това ми прилича на самолет*. ‘Мне это напоминает (*букв.* ‘Это мне похоже на’) самолет’.

По той же модели строятся конструкции с глаголом *тежа* ‘весить’, ‘иметь (большой) вес’, связанным с мускульными ощущениями, а также его переносными употреблениями:

> *Голямата торба на гърба **ѝ** тежеше* (Елин Пелин), *букв.* ‘Большой узел на спине ей казался тяжелым’;
>
> *А ти как си, тежи ли **ти** коремчето вече, колко кг си качила?* (И). ‘А ты как, чувствуешь ли [тяжелым] уже животик, сколько кг набрала?’;
>
> *Тежеше **ѝ**, че не поиска прошка.* ‘Ее тяготило то, что она не попросила прощения’.

Экспериенцер модальной ситуации — роль, указывающая на субъективную потребность в чем-то или возможность чего-н. [Там же: 156—158]: *Невъзможно **ми** е да участвам.* ‘У меня нет возможности (*букв.* ‘Мне невозможно’) участвовать’;

*Възможно ли **ти** е да дойдеш довечера?* ‘У тебя есть возможность прийти вечером?’; *Трябва **ми** компютър*. ‘Мне нужен компьютер’.

3. Среди **других групп** предикатов, которые в русском языке имеют дат. дополнение, отметим следующие болгарские параллели:

а) дат. падеж в обоих языках требуют глаголы и предикативы со значением обладания, приобретения, достаточности / недостаточности ресурсов, присоединяющие местоимение в семантической роли «посессор» (обладатель, «словарно заданный посессор»): *принадлежа* ‘принадлежать’, *стига* ‘хватает’, *струвам* ‘стоить (*кому чего*)’, предикативы: *достатъчно* ‘достаточно’, *малко* ‘мало’, *много* ‘много’;

б) дат. падеж требует часть глаголов соотношения: *противореча* ‘противоречить’, *съответствам* ‘соответствовать’, в том числе соотношение событий на «временной оси»: *съпътствам* ‘сопутствовать’, *предшествам* ‘предшествовать’, ср., однако, многочисленные различающиеся формы дополнений в этой роли:

аналогичен с — аналогичный (*чему*),

обратен на — обратный (*чему*),

успореден с — параллельный (*чему*),

подобен / противоположен / равен / чужд на — подобный / противоположный / равный / чуждый (*кому*, *чему*);

в) различна форма дополнения при предикате, указывающем на свойство:

присъщ на, *характерен за*, *свойствен за* — присущ, свойствен (*кому*, *чему*).

4. Среди **конструкций**, требующих употребления датива, обратим внимание на близость в сопоставляемых языках построений с релятивными именами. Обязательной для трактовки дативной клитики как аргументной является безартиклевая форма релятивного имени:

> *Той **ми** е приятел*. ‘Он *мне* друг’; *Тя не **ми** е съпруга*. ‘Она *мне* не жена’; *Вие сте **му** майка, трябва да му помогнете* (П. Вежинов). ‘Вы *ему* мать, вы должны ему помочь’; *Леля Роза по-скоро **ми** е кака, а не леля* (А. Гуляшки). ‘Тетя Роза скорее *мне* старшая сестра, а не тетя’.

Обязательным в болгарском языке является датив в «желательной» конструкции типа *Яде ми се.* ‘Мне хочется есть’; *Спи ми се.* ‘Мне хочется спать’ (см. раздел 1.2.6.5.2.2).

Конструктивно обусловленный дательный при русских инфинитивах в болгарском языке выражается иными способами, не предполагающими датив, см. раздел 1.2.6.6.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о конструкциях с внешним посессором. Здесь мы не будем останавливаться на том, в каких случаях и почему можно рассматривать ту или иную дативную клитику как имеющую квазипосессивное значение (внешнего посессора), об этом см. раздел 5.2.4. Напомним лишь, что каноническое выражение атрибутивной посессивности в болгарском языке осуществляется полными притяжательными местоимениями, выступающими в роли

согласованных определений, и клитическими формами (несогласованными определениями): *моята книга* — *книгата ми*; *твоят син* — *синът ти*.

При подъеме посессора (5.2.4) притяжательная клитика извлекается из именной группы и перемещается в группу предиката. При этом либо сохраняется ее посессивная трактовка, и тогда с уверенностью можно говорить о чистом подъеме посессора, как в примере (а) ниже, либо имеет двойную — аргументно-посессивную трактовку (б). Однозначно аргументная функция устанавливается при отсутствии артиклевой маркированности ИГ (в):

(а) *Облечете **си** детето по-топло*. ‘Оденьте ребенка потеплее’, ср. *Облечете* [*детето **си***] *по-топло*;

(б) *Те **му** отнеха парите.* ‘Они отняли у него (его) деньги’; *Той **ми** действа на нервите*. ‘Он мне действует на (мои) нервы’.

(в) *Той **ми** купува лекарства*. ‘Он покупает мне лекарства’.

Конструкции (б) имеются и в тех славянских языках, где нет подъема посессора и дативная клитика в главной клаузе всегда оформляется как аргумент предиката даже при посессивном толковании («посессивный датив»), напр. в сербском и македонском [Иванова, Петрова 2014]. Поэтому мы склонны говорить о наличии в болгарском языке двух синтаксических конструкций: (а) конструкций с подъемом посессора, с перемещенной из ИГ в предикатную группу притяжательной клитикой, где посессивное отношение продолжает выражаться прототипически, с сохранением отнесенности клитики к ИГ («следов» ее в ИГ), и (б) «квазипосессивные» конструкции, где посессивное отношение выводится опосредованно, см. [Zimmerling 2013]. Подробнее об обеих конструкциях в 5.2.4.

1.2.5.4.4.2.2. **Косвенное местоименное дополнение в полной форме** (выраженное предложно-местоименной группой). Если местоименное дополнение акцентировано, оно должно быть употреблено в полной форме и включается в предикацию с помощью предлога ***на***, поскольку полные формы дательного падежа (напр., *вам*, *нему*, *неи*) в современном языке не употребляются[102]: *Горещината влияе и **на тях***. ‘Жара влияет и на них’, также с дублированием краткой формой: *А **на вас ви** благодаря за намесата* (об условиях дублирования см. ниже).

Только предложной может быть связь дополнения, выраженного другими разрядами местоимений, т. к. у них нет сохранившейся формы дательного падежа: *Казваш на всекиго, на някого / на кого да е*.

Обратим внимание и на то, что адресат / реципиент, выражаемый субстантивом с предлогом *пред*, способен заменяться кратким дат. дополнением: *Извинявам се пред нея*. ‘Я извиняюсь перед ней’. → *Извинявам ѝ се*, см. 1.2.5.4.4.2.1.

[102] Точнее, они являются архаическими, но могут быть использованы в стилистических целях, ср. и устойчивое *и **тям** подобни* ‘и другие / и им подобные’: *Обявявам война на магове, гадатели, екстрасенси **и тям подобни***.

1.2.5.4.4.2.3. **Предложное косвенное дополнение**. Ввиду отсутствия падежей у существительных для выражения синтаксических отношений привлекается значительное количество предлогов, причем многозначных, ср., напр., сочетания с предлогом *за*:

*Готвя се **за** изпит.* ‘Я готовлюсь к экзамену’; *Времето благоприятства **за** това.* ‘Погода благоприятствует этому’; *Благодаря ви **за** намесата.* ‘Благодарю вас за поддержку’; *То може да допринесе **за** откриване на убийците.* ‘Это может помочь обнаружению убийцы’; *Тя копнеела **за** свободата.* ‘Она, мол, мечтает о свободе’; *Той молеше брат си **за** помощ.* ‘Он просил брата о помощи’; *Не претендирам **за** ръководни места.* ‘Я не претендую на руководящие должности’.

Наиболее многозначный предлог в болгарском языке — предлог *на*, с одной стороны, является основным предлогом для выражения притяжательности, обозначения реципиента, бенефицианта, адресата, — именно этот предлог «заменил» в болгарском языке флексию род. и дат. падежа в указанных функциях [Ницолова 2008а: 457] (и в этих функциях, как мы видели выше, он допускает беспредложное косвенное местоимение):

*Иска ми се да отделя повече внимание **на** тези детайли, но събитията се развиват прекалено бързо* (Г. Тенев). ‘Мне хочется, чтобы он уделял больше внимания этим деталям…’; *Тя благодари **на** журналистите за проявения интерес към това събитие*. ‘Она поблагодарила журналистов за проявленный интерес к этому событию’.

С другой стороны, он выступает с ИГ в широком круге разных значений (прежде всего обстоятельственных, см. 1.2.5.4.5), но также и в позиции дополнения, напр. для выражения отношений сравнения (*Детето прилича **на** майка си*. ‘Ребенок похож на мать’; *Този Реал ми напомня **на** великия Милан*. ‘Это Реал напоминает мне великий Милан’), при глаголах трансформации (*Смъкна своята жабешка кожа, превърна се **на** невиждана хубавица*… ‘Сбросила свою лягушачью кожу, превратилась в писаную красавицу’) и др., см. подробнее [Маслов 1981: 322—323].

О семантике других предлогов см. работы на русском языке — [Маслов 1981: 321—330; Градинарова 1997; Шанова 2010а], а также ряд статей в сборнике [Славянските предлози 2007], на болгарском языке, напр., [ГСБКЕ 1983-2; Цветкова 1984; Станева 1988в; Гуторанова 1996; Бонджолова 2007; Славянските предлози 2007; Влахова 2009; Атанасов 2010].

Предложной связи в болгарском языке может соответствовать как предложное, так и беспредложное косвенное управление в русском, см. примеры последнего:

*Климатът благоприятства **за** извършване на земеделските работи.* ‘Климат благоприятствует проведению сельскохозяйственных работ’; *Всичко напомня **на** първата ми среща с Ню Йорк* (Л. Стефанова). ‘Все напоминает мою первую встречу с Нью-Йорком’; *Той научи и него **на** упоритост* (Е. Коралов). ‘Он и его научил

упорству / настойчивости’; *Лесно се поддаваше **на** подобни внушения* (Л. Стоянов). ‘Он легко поддавался подобным внушениям’.

1.2.5.4.4.3. Удвоение дополнения

Характерной балканской чертой болгарского языка является удвоение дополнения. Это явление заключается в том, что именная группа или полная падежная форма личного местоимения употребляется вместе с краткой падежной формой: *Тази история са ми я разказвали* (Й. Радичков). ‘Эту историю мне рассказывали’; *Нея вече я видях*. ‘Ее↓ я уже видел’.

Удвоение дополнения в болгарском языке происходит по коммуникативным и коммуникативно-синтаксическим причинам[103], и от этих случаев, как мы покажем далее, надо отличать грамматически обязательное двойное дополнение, которое не находится в прямой зависимости от указанных причин.

Коммуникативными считаются условия, при которых дополнение акцентно выделено (и, скорее всего, инверсировано), и его удвоение подчеркивает эту выделенность и акцентированность, как в следующих примерах: *Познаваш ли ги? — Него да, но нея не я познавам.* ‘Ты их знаешь? Его да, а её↓ не знаю’; *Когато влязох, тебе те забелязах веднага.* ‘Когда я вошел, тебя↓ я заметил сразу’.

Синтаксическими (а точнее, как мы покажем далее, коммуникативно-синтаксическими) считаются условия, когда удвоение помогает установлению синтаксических отношений в предложении, поскольку, в связи с отсутствием падежного изменения существительных, подлежащее и прямое дополнение различаются только местом в предложении. Таким образом, удвоение прямого дополнения, выраженного ИГ, необходимо для раскрытия синтаксической омонимии в тех случаях, когда прямое дополнение занимает место подлежащего (т. е. при инверсии прямого дополнения, см. богатый иллюстративный материал в разделе 5.1.1) и при этом имеются условия для ошибочного истолкования субъекта и объекта, напр. дополнение стоит в той же числовой форме, что и подлежащее, и может семантически подходить на роль субъекта [Недев 1992: 112], ср. классические примеры без удвоения *Петър обича Мария*; *Кучето ухапа котката* и с удвоением, проясняющим субъектно-объектные отношения в предложении при непрямом порядке слов: *Петър го обича Мария.* ‘Петра [его] любит Мария’; *Котката я ухапа кучето.* ‘Кошку [ее] укусила собака’.

И. Недев считает описанные выше синтаксические условия обязательными для удвоения кратким местоимением [Там же], однако заметим, что здесь нет категорической обязательности, ср. намеренный или ненамеренный комический эффект в газетных заголовках[104]: *Пет проститутки заловили полицаите.* ‘Пять проституток

[103] В рамках современных синтаксических концепций эти виды удвоения рассматриваются как языковой механизм маркирования топика в информационной структуре предложения [Тишева, Джонова 2006].

[104] См. в главе III об отсутствии удвоения при коммуникативной стратегии «суперпозиция ремы» в газетных заголовках.

поймали полицейские (?) / полицейских (?)’. Такие предложения осуждаются со стилистической точки зрения, но грамматические правила в них не нарушаются.

От перечисленных условий удвоения необходимо отличать грамматическую обязательность клитики в структуре предложения, что наблюдается в ряде конструкций с местоименным аргументом. Это приведенные выше построения в п. 1.2.5.4.4.1 (прямое дополнение) и п. 1.2.5.4.4.2 (косвенное дополнение), см. подобные же с удвоением: *Момчето срам ли го е да отиде при гостите?*; *Ето ги тетрадките*; *Няма го Петров в стаята*; *Иван го досмеша от тия приказки*; *Баба Петя я боли в гърдите*; *На Боян му е мъчно за детето*.

Дублетный характер дополнения здесь не ведет к его логической выделенности. Роль местоименной клитики — маркирование референциальных характеристик аргумента [Петкова-Шик 1997: 57]. Клитическая форма указывает на прямой или косвенный объект в большей степени и с большей определенностью, чем развернутая аргументная форма. В разговорном болгарском языке в таких случаях предлог *на* при дательном аргументе не выражен с обязательностью, ср. *На детето му се спи. — Детето му се спи*; *На човек често му трябва само една добра дума. — Човек често му трябва само една добра дума* [Там же].

Ср. и примеры из [Тишева, Джонова 2006], показывающие тенденцию современного болгарского языка в стилизованных художественных текстах и в разговорной речи опускать предлог *на* при ИГ в позиции косвенного дополнения: [*На*] *Писателите не им стигат само голи комплименти* (Р. Ралин). ‘Писателям мало только голых комплиментов’. Такое опущение, подчеркнем, возможно только в условиях наличия местоименной клитики (в примере это *им*) в той же синтаксической позиции.

1.2.5.4.5. Обстоятельство

Основные семантико-синтаксические характеристики обстоятельства как второстепенного члена болгарского предложения, как мы увидим далее, сходны с русским. Обстоятельства обычно поясняют само действие[105], обстоятельственный признак действия (*Прибрахме се* ***късно*** *вечерта.* ‘Мы вернулись поздно вечером’) или атрибут: *Следва банален разговор за* ***необикновено*** *топлото време* (Ц. Марангозов). ‘Следует банальный разговор о необычайно жаркой погоде’; ***Ниско*** *остригани войници разнасяха по масите влажни бисквити* (Д. Димов). ‘Коротко остриженные солдаты разносили по столам влажное печенье’.

Однако **способы морфолого-синтаксического** выражения обстоятельств в русском и болгарском языках значительно различаются. В отличие от русского языка, где в качестве обстоятельств выступают наречия, деепричастия, инфинитивы, предложно-падежные сочетания и существительные в косвенных падежах, в болгарском языке в обстоятельственных функциях используются прежде всего наречия и предложно-субстантивные сочетания.

---

[105] Детерминанты и распространители сказуемого рассматриваются в этом разделе совместно.

Меньшая представленность деепричастий связана с ограничением их форм и функций в современном болгарском языке. Имеются только деепричастия наст. времени (образуются с суффиксом *-йки*, *-ейки*): *Депутатите не преминават проверка за оръжие,* ***влизайки*** *в парламента.* 'Депутаты не проверяются на оружие на входе (*букв.* входя) в парламент'. Деепричастия реализуются преимущественно в строгих стилях письменной речи. Поэтому на их месте в художественной и разговорной речи обычно находим придаточные предложения, причастия, предикативные определения, наречия, отглагольные существительные и др., см. [Градинарова 2014], также в п. 1.3.2.6. Ср. далее примеры из романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова и его перевода на болгарский язык Л. Минковой:

> *Однако выскочить удалось, и,* ***отдуваясь и фыркая****, с круглыми от ужаса глазами, Иван Николаевич начал плавать в пахнущей нефтью черной воде меж изломанных зигзагов береговых фонарей.* 'Но изскочи и *като пъшкаше и пръхтеше* с изцъклени от ужас очи, Иван Николаевич заплува във вмирисаната на нафта черна вода между начупените зигзаги от крайбрежните лампи'.

Деепричастия прошедшего времени в болгарском языке не представлены. Основными функциональными эквивалентами русских деепричастий прошедшего времени в болгарском языке являются:

— наречия: *Бездомный подумал,* ***рассердившись****…* 'Бездомни си каза *сърдито…*'; *Чем хочешь ты, чтобы я поклялся? — спросил, очень* ***оживившись****, развязанный.* 'В какво искаш да ти се закълна? — попита вече много *оживено* развързаният';

— предложные сочетания со значением сопутствующего действия, состояния: *— Так, так, —* ***улыбнувшись****, сказал Пилат.* 'Тъй, тъй — каза *с усмивка* Пилат';

— предикативные определения: *Иван! —* ***сконфузившись****, шепнул Берлиоз.* '— Иване! — пошепна *сконфузен*[106] Берлиоз'.

Развернутые деепричастные обороты имеют и ряд других соответствий, см. [Градинарова 2014].

В позиции обстоятельственных русских инфинитивов регулярно появляется *да*-конструкция: *Когато слизам долу* ***да посрещна*** *Франк, намирам го сам в пустинния хол* (Б. Райнов). 'Когда я спускаюсь вниз *встретить* Франка, я обнаруживаю его в одиночестве в пустынной гостиной'. Поскольку такие структуры относятся к области сложного предложения, они описываются далее в разделе 1.4.2.4.4. «СПП с придаточным цели».

Наречия, как и в русском языке, являются основным морфологическим поставщиком обстоятельств. Болгарский язык показывает значительное разнообразие в словообразовательных вариантах наречий, бóльшая часть которых производны от различных застывших падежных форм именных частей речи [Куцаров 2007: 129—130].

---

[106] В отличие от обычных согласованных определений при имени, предикативные определения не оформляются определенным артиклем (1.2.5.4.2).

Например, от прилагательных образованы наречия:

— на *-о* (*седмично*, *искрено*, *здраво*, *страшно*) — это, как и в русском, наиболее многочисленная группа;

— на *-ом*, *-ому* (старый твор. и дат. падежи): *слепешком*, *скришом*; *по-новому*; *по-нашему*;

— на -(*с*)*ки*: *юнашки*, *мъжки*, *кавалерски*;

— на *-ата*: *слепешката*, *лудешката*, *яката*, *здравата* (по происхождению артиклевые формы прилагательных ж. рода).

Некоторые из них имеют внешне сходные отглагольные образования на *-ешком* и *-ешката* (связанные со старыми действительными причастиями наст. времени) с той же семантикой образа действия, причем сразу в двух словообразовательных вариантах, ср. *тичешком*, *вървешком, крадешком* и *тичешката*, *вървешката*, *крадешката.* Словообразовательные варианты все вместе образуют ряд разговорных и диалектных синонимов обычному наречию (ср. *Нахвърли се сляпо / слепешком*, *слепешката*, *сляпата*. 'Он набросился в ослеплении') и деепричастию (*Притича плачейки / плачешката, плачешком*. 'Прибежал плача').

Наречия, образованные от существительных, — разнообразные окаменевшие падежные формы род. п. — *довечера*, *отръки*, *снощи*, вин. п. — *днес*, *лятос*, *нощес*, *сутрин*, *вред*, местного падежа — *зиме*, *лете*, *горе*, твор. п. — *денем*, *нощем*, *редом* и т. п. [Куцаров 2007: 129—135].

В отличие от русского языка, болгарские наречия чаще могут связываться с предлогом, образуя предложно-наречную группу: ***От вчера*** *не ми се е обаждал.* 'Со вчерашнего дня (*букв.* со вчера) он мне не звонил'; ***От снощи*** *го чакам*. 'Со вчерашнего вечера его жду'; ***От днес*** *започвам диета*. 'С сегодняшнего дня (*букв.* с сегодня) сажусь на диету'; *Поръчай храна* ***за вкъщи***. 'Закажи еду на дом', см. также с местоименными наречиями: … *разбрах, че пак е излязъл* ***на някъде*** *с тях*… (И). '…я понял, что он опять [на] куда-то пошел с ними'.

Предложно-субстантивные сочетания — морфологически важный способ выражения обстоятельств в болгарском языке, т. к. они выступают, в частности, на месте русских деепричастий (*улыбнувшись — с усмивка*), русских косвенно-падежных форм (*любой ценой — на всяка цена*), а также русских предложно-падежных сочетаний: практически любой предлог в болгарском языке может в том или ином значении оформлять обстоятельственное выражение[107], напр.:

> *Утре ще ги води* ***на*** *реката* ***за*** *риба*; *Стълбата водеше* ***към*** *тавана*; ***С*** *радост ще ти помогна*; ***В*** *първите две години трябваше да живеем* ***в*** *землянки* (Ц. Марангозов); ***От*** *първи януари се захващам за работа*; ***По*** *коридорите на «Коунс»-хотел бродеше тревога* (Л. Стефанова); *И сега щяха да летуват* ***на*** *планина*; *Ще мина и* ***край*** *библиотеката, за да взема някоя книга*.

[107] Основные значения болгарских предлогов и ссылки на соответствующую литературу были даны в разделах 1.2.5.2.3.2 и 1.2.5.4.4.2.3.

Предложная группа с предлогом *на* и здесь (ср. 1.2.5.4.4.2.3) является самой многозначной, выражая:

— разные виды пространственных отношений: *Потегляме на север*. ‘Мы двинулись на север’; *Звъня на вратата*. ‘Звоню в дверь’; *Слагам книгата на масата*. ‘Кладу книгу на стол’; *Лежи на сянка*. ‘Лежит в тени’; *Живея на село*. ‘Я живу в деревне’; *Искам да изляза на чист въздух*. ‘Хочу выйти на свежий воздух’; *Театърът се намира на две крачки оттук*. ‘Театр находится в двух шагах отсюда’;

— временные отношения: *на другия ден* ‘на другой день’; *на разсъмване* ‘на рассвете’; *на отиване* ‘по дороге туда’; периодичность: *Идвам тук два пъти на месец*. ‘Приезжаю / прихожу сюда два раза в месяц’; *Пия хапчета на два часа.* ‘Пью лекарства каждые два часа’, при обозначении дат: *Той е роден на 1 януари.* ‘Он родился 1 января’ и др.;

— целевые отношения: *Отиваме на театър*. ‘Мы идем в театр’; *Често ходи на разходка преди закуска*. ‘Часто ходит на прогулку до завтрака’;

— образ и способ действия: *казвам на шега* ‘говорю в шутку’, *чета на глас* ‘читаю вслух’, *стоя на пръсти* ‘стою на цыпочках’, *работим на две смени* ‘мы работаем в две смены’, *пише на ръка* ‘пишет от руки’, *прави всичко на бърза ръка* ‘делает все на скорую руку’, *идват на тълпи* ‘приходят толпами’, *срещат се на четири очи* ‘встречаются один на один’, см. спектр значений данного предлога в [РБЕ].

Более того, по свидетельству Р. Ницоловой, предлог *на* превращается в «универсальный», используясь, в нарушение письменной нормы, вместо других предлогов [Ницолова 2008а: 457]: *Влакът тръгва на 6 часа* (вместо *в 6 часа*); *Ще те чакам на паметника* (вместо *пред паметника*).

Как и в русском, обстоятельство может быть выражено фразеологизмом: *Живееше* ***днес за утре*** *и се стараеше да бъде съвсем незабелязан* (Д. Немиров), пример из [Недев 1992: 115]. ‘Жил одним днем (*букв.* ‘сегодня за завтра’)’, а также сравнением: *Едни смятат* ***като за първо отделение****, други* ***като инженери*** (Радой Ралин). ‘Одни считают, как первоклашки (*букв.* ‘как для первого класса’), другие — как инженеры’.

Семантические типы обстоятельств, как и в русском, разнообразны. Обстоятельства указывают на пространственно-временные характеристики (место и время действия), логические отношения (цель, причину, условие, уступку), характеризующие признаки (способ действия, а также количественные характеристики действия или признака).

Приведем далее примеры[108] обстоятельств в соответствии с их семантическим типом.

Обстоятельство места:

Един ден, когато стоях ***на своето бюро у дома****, телефонът позвъня.* ‘Однажды, когда я сидел *дома за письменным столом*, позвонил телефон’;

[108] Небольшая часть приведенных примеров — из работ [Радева П. 2002; ГСБКЕ 1983-3].

Знаем, че чуждите думи са най-много ***при буквата А*** *и затова въобще не поглеждам* ***натам*** (Б. Вълчев). 'Известно, что заимствованных слов больше всего *на букву А*, так что я *туда* даже и не смотрю'.

Обстоятельство времени[109]:

Ирина и Борис забелязаха ***веднага****, че гримасата на лудостта беше изчезнала от лицето ѝ* (Д. Димов). 'Ирина и Борис *сразу* заметили, что гримаса безумия исчезла с ее лица';

И ***все по-често нощем*** *започва да ме застига самотата…* (Б. Райнов). 'И *все чаще ночью* начинает одолевать меня одиночество…';

От съседния апартамент бабичката се показва ***отново****, но само* ***за миг*** (Ц. Марангозов). 'Из соседней квартиры *опять* выглядывает старушка, но лишь *на секунду*'.

Обстоятельство цели:

Заминаха ***по проверки*** *из района* (Г. Мишев). 'Они уехали в район *с проверками*'; *Утре ще ми дойде* ***на гости*** *еди кой си* (Г. Стоев). 'Завтра ко мне *в гости* придет такой-то и такой-то', см. также: *Днес висиш на бесилото* ***за всеобщо назидание*** (Ц. Марангозов); *…елате* ***за кратка справка*** *в управлението* (Ц. Марангозов).

Обстоятельство причины:

Ирина… днес не бе отишла на работа именно ***поради тази среща*** (Д. Димов). 'Ирина… не пошла сегодня на работу именно *из-за этой встречи*';

От смущение и досада *в първия момент дори не успях да видя как изглежда* (П. Вежинов). '*Из-за смущения и раздражения* я сначала даже не успел ее рассмотреть';

Със своята удивителна памет *тя знае някои неща по-добре дори от много мои колеги…* (П. Вежинов). '*Благодаря своей удивительной памяти* она знает некоторые вещи даже лучше многих моих коллег'.

Обстоятельство условия:

При определени условия *дори обикновените породи домашни кучета са агресивни и опасни* (А. Андреев). '*При определенных условиях* даже обыкновенные породы домашних собак агрессивны и опасны'.

[109] Виды временных обстоятельств с точки зрения их способности включаться в предикации устойчивого или динамического признака, обозначать длительность, кратность, мгновенность действия описаны подробно в [Иванова 2009в: 161—266], при предикатах «свойств» — [Иванова 2012в]; см. также работы болгарских лингвистов: о временных и количественных детерминантах в болгарском языке — [Евтимова 2010], наблюдения о временных показателях в болгарском языке в сопоставлении с польским на основе темпоральной модели Г. Рейхенбаха — [Ницолова 2008б], о показателях кратности — [Чакърова К. 2003].

Обстоятельство уступки:

Въпреки студа *беше облякъл тънко дочено облекло* (В. Попов). ‘*Несмотря на холод*, он был в легкой хлопчатобумажной одежде’;

При цялото си благоразположение *не можах да се сдържа* (З. Евтимова). ‘*При всем своем расположении* я не смог сдержаться’;

Макар и с проядени дробове*, той продължаваше да обикаля клоновете на фирмата си* (Д. Димов). ‘Несмотря на разрушенные болезнью легкие (*букв.* ‘хотя и с…’), он продолжал объезжать филиалы своей фирмы’.

Обстоятельство количества и степени:

Три пъти *обикалям бараката* (П. Чухов). ‘Я *три раза* обхожу вокруг сарая’; *Ти* ***съвсем*** *си се разпарцаливил* (Г. Стоев). ‘У тебя одежда *совершенно* истрепалась’.

Обстоятельство образа действия:

Той прие поканата ***почтително****, но* ***без никакво вълнение*** (Д. Димов). ‘Он принял приглашение *с почтительностью*, но *без всякого волнения*’; см. также: *Не изглеждате стеснителен —* ***звънливо*** *изчурулика Зара* (Д. Димов); *Освен че са държани* ***без обяснение*** *на турската митница, от тях са искани и рушвети* (газ.); *Но влезте, влезте! — кани ме Юлия Серафимова и ми се усмихва* ***съучастнически*** (Ц. Марангозов).

Артиклевая маркированность обстоятельств, выраженных предложно-именной группой, различна. Обстоятельство, как известно, чаще имеет абстрактное значение, что ведет к употреблению безартиклевой формы. Так, с нулевым артиклем употребляются:

а) обстоятельство со значением цели: *Тръгваме на разходка.* ‘Мы идем на прогулку’; *Той тича за здраве*. ‘Он бегает для здоровья’;

б) обстоятельство со значением причины: *Треперя от ужас.* ‘Трясусь от ужаса’; *Детето плаче от срам.* ‘Ребенок плачет от стыда’; *Примира от удоволствие.* ‘Он млеет от удовольствия’;

в) обстоятельство со значением образа действия: *Чете на глас.* ‘Он читает вслух’; *Отговаря с грешки.* ‘Он отвечает с ошибками’; *Те винаги ходят по двойки.* ‘Они всегда ходят парами’.

Однако обстоятельства, выражающие пространственные отношения, обычно требуют определенного артикля: *Разхождам се из град*<u>*а*</u>*.* ‘Я гуляю по городу’, см. также: *Вървя по булевард*<u>*а*</u>; *Скачам във вод*<u>*ата*</u>; *Живея в предградие*<u>*то*</u>*.* Кроме того, артиклевую форму имеют имена с временным предлогом *през*: *през нощ*<u>*та*</u> ‘ночью’, *през ваканция*<u>*та*</u> ‘во время каникул’, *през лято*<u>*то*</u> ‘летом’.

Итак, в болгарском языке значительно сокращена представленность обстоятельств, выраженных деепричастиями. В отличие от русского, падежные формы не могут выражать обстоятельственное значение. При этом богато представлены

предложные сочетания, разнообразны наречные типы. Часть функций, близких обстоятельственным, берут на себя предикативные определения, см. 1.2.5.4.2.

1.2.6. Односоставное предложение

1.2.6.1. Проблема односоставности болгарского предложения

Односоставные предложения — вечный объект лингвистического внимания, отражающий не только витки развития научной мысли, но и борьбу (со)существующих концепций, особенно в связи с вопросом о статусе безличных и именных предложений.

В этом разделе представим односоставные предложения болгарского языка с учетом как традиционных, так и современных исследований, в том числе отрицающих обоснованность выделения некоторых классификационных групп. Разумеется, анализ односоставных структур невозможен без обсуждения вопросов, связанных со способами «подавления субъекта», тем более для болгарского языка, где субъектный имперсонал, «аффективный» имперсонал (рефлексивная конструкция с дательным субъекта) и «безагенсный квазипассив» представляют активно используемые конструкции. В этом разделе, однако, способы подавления субъекта будут лишь упомянуты (см., однако, о желательной конструкции в параграфе 1.2.6.5.2.2 ниже), а более детально, с русско-болгарскими параллелями, они представлены в главе IV.

Болгарские генеративисты рассматривают глагольные односоставные предложения как нулевосубъектные. Не возражая против традиционных принципов вычленения типов глагольных предложений, Й. Пенчев замечает, что определенно-личные предложения имеют полную парадигму лица и местоименное подлежащее здесь всегда может быть введено. Производитель действия предполагается и в неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях. В безличных же предложениях пустая позиция подлежащего не получает никакой семантической роли, см. выводы Й. Пенчева [2001] о видах *pro* в болгарских безличных предложениях.

Именные предложения в концепции Й. Пенчева представляют «синтаксические категории NP, AP, AdvP, PP — предицированные, приписанные как признак к ситуации речевого акта» [Там же: 86], так что, как отмечает Й. Пенчев, есть основания полагать, что все односоставные предложения имеют предикат, в случае именных предложений он — безглагольный.

Традиционная структурная классификация односоставных предложений, воспринятая в свое время из русской лингвистики, опирается на: а) представленность одного из двух главных членов (сказуемое или подлежащее либо неоднократно критиковавшийся «единый главный член»), б) наличие формальных «следов» субъекта в глагольном сказуемом (которые отражаются в форме сказуемого в определенно-, неопределенно- и обобщенно-личных и не отражаются в сказуемом безличных предложений)[110].

---

[110] Ср. предложение А. М. Ломова [2007: 208] о разделении односоставных предложений на формально-односоставные и содержательно-односоставные.

Впрочем, традиционные выделяемые группы предложений, не содержащих подлежащего, совпадают с русским делением лишь частично, т. к. включают построения совершенно разной, по сравнению с русскими, функциональной значимости, а некоторые и выделяются на других основаниях. Кроме того, инфинитивные предложения отсутствуют в болгарском языке, поэтому деление глагольных предложений на спрягаемо- и неспрягаемо-глагольные, как это возможно в русском, отсутствует.

Основное деление односоставных предложений «по морфологическому выражению главного члена» в болгарской лингвистике, как и в традиционной русской, противопоставляет бесподлежащные предложения именным как «подлежащно-бессказуемостным» [Пашов 1999: 305]. Но ситуация в русском и болгарском языках различна. Чисто формально в русском языке односоставное именное предложение, действительно, чаще всего является подлежащим бытийного предложения, включающего невыраженный в настоящем времени экзистенциальный глагол. При иной семантике (характеризация, идентификация, именование) именная часть представляет собой элемент сказуемого [Арутюнова 1976], развитие этой идеи в [Иванова 2003].

В болгарском языке существительное (точнее, ИГ) в именных бытийных структурах, в отличие от русского, даже не является подлежащим — это, в тривиальном случае, дополнение при безличном экзистенциальном глаголе, что доказывает принципиальную неправомерность трактовки именных предложений как содержащих только подлежащее при полной элиминации сказуемого. Т. н. номинативные, именные предложения, если обобщить, содержат в поверхностной структуре лишь один из «предикатообразующих» элементов. Так что первичное деление односоставных предложений «по главному члену» оказывается просто не релевантно для болгарского языка и здесь не будет принято. Более того, само понятие односоставности к предложениям без глагола может быть применено крайне ограниченно: в болгарском языке именные предложения оказываются неполными двусоставными, а на статус односоставных претендуют только указательные предложения болгарского языка, причем только те, которые содержат предикативно употребленную указательную частицу (с прямым дополнением): *Ето го* ‘Вот он’, *букв.* ‘Вот его’, см. 1.2.6.7.

Далее подробнее представим традиционно выделяемые группы односоставных предложений.

1.2.6.2. Определенно-личные предложения

Определенно-личными в грамматиках традиционного направления считаются те односоставные предложения, сказуемое в которых имеет форму 1 или 2 л. ед. и мн. ч.: *Излязох навреме*. ‘Я вышел вовремя’; *Отиваме заедно*. ‘Мы идем вместе’; *Помогни ми.* ‘Помоги мне’; *Починахте ли си?* ‘Вы отдохнули?’ В болгарском языке указание на 1 и 2 л. содержится во флексиях глагола почти во всех его формах[111].

[111] Болгарские глагольные формы аориста 2 и 3 л. ед. ч. и имперфекта 2 и 3 л. ед. ч. являются омонимичными, не содержат они и родовых окончаний: *Дойде.* ‘Ты пришел / Он пришел / Она пришла’, *Беше ли там?* ‘Ты был там? / Он был там? / Она была там?’

Ср. болг. и русск. определенно-личное предложение со сказуемым в форме настоящего времени: ***Връщам се*** *вкъщи.* ‘Я возвращаюсь домой’, будущего времени: ***Ще дойдете*** *ли утре?* ‘Вы придете завтра?’, аориста: ***Пристигнахме*** *вчера.* ‘Мы приехали вчера’, перфекта: *Не* ***съм*** *го* ***виждала****.* ‘Я его не видела’, будущего в прошедшем: ***Щяхте да*** *му* ***кажете****.* ‘Вы собирались ему сказать’, сослагательного наклонения: *Не* ***бих искала*** *това.* ‘Мне этого не хотелось бы’, пересказа: ***Бил си*** *болен.* ‘Ты, говорят, болеешь / болел’, адмиратива: ***Бил си*** *умен, бе!* ‘А ты, оказывается, умный!’ и т. п.

Важное различие болгарского и русского языков заключается в разной значимости определенно-личных предложений в системе языка: в болгарском языке определенно-личное предложение является немаркированным вариантом, т. к. местоименное подлежащее при сказуемом 1 и 2 л. и не должно употребляться, в то время как в русском языке отсутствие местоимений 1 и 2 л., наоборот, является в общем случае маркированным (см. п. 1.2.5.1.3).

1.2.6.3. Неопределенно-личные предложения

Неопределенно-личными считаются те односоставные предложения, сказуемое в которых имеет форму 3 л. мн. ч., а субъект либо неизвестен, либо не важен: *Утрото в офиса започна по обичаен ред.* ***Донесоха*** *писма, вестници.* ‘Утро в офисе началось как обычно. Принесли письма, газеты’. В то же время, если субъект действия упомянут в ближайшем левом контексте, предложение относится к неполным двусоставным: *Пристигнаха ли куриерите? — Да, току що* ***бяха*** *тук,* ***донесоха*** *писма и пратки.* ‘Курьеры прибыли? — Да, только что были здесь, принесли письма и посылки’.

Мотивы «ухода» от определенности субъекта, в целом, таковы же, что и в русском языке: неизвестность субъекта (*Откъде се обаждаха?* ‘Откуда звонили?’), затрудненность его опознания в условиях перцептивных помех (*Зад вратата викаха.* ‘За дверью кричали’), как особый вид референции к властным структурам (*Милен го арестуваха.* ‘Милена арестовали’), как стилистический прием (*Никога още не я обичаха така.* ‘Ее никогда так не любили’), а также все случаи, когда субъект действия не важен. Как и в русском языке, указание на агенса, осуществляющего действие, может содержаться в локативном компоненте: *<u>В казармата</u> го обикнаха, защото беше весел и хубавец* (Елин Пелин); *<u>В клуба</u> на децата предлагат различни занимания и игри*, ср. и русск. *<u>Из компании</u> сообщили о грядущих перестановках*; *<u>В деканате</u> нас об этом предупредили.*

Тем не менее, хотя принципы формального выделения неопределенно-личных предложений и мотивы подавления субъекта схожи в обоих сопоставляемых языках, в болгарском языке эта разновидность имеет ограниченное распространение, т. к. существует серьезная конкуренция со стороны более активных синонимических конструкций с рефлексивным сказуемым. Это следующие:

а) безличные предложения со сказуемым, выраженным безличной формой личного глагола (с субъектным имперсоналом, см. главу IV): *Как се плаща тук?* ‘Как

здесь платят?', *букв.* 'платится', ср. неопределенно-личное *Как плащат тук?*; *Тук не се влиза с горни дрехи.* 'Сюда не входят в верхней одежде', *букв.* 'не входится', ср. *Тук не влизат с горни дрехи*;

б) конструкции с формами возвратного пассива: *Писмата се донесоха.* 'Принесли (*букв.* 'принеслись') письма', ср. *Донесоха писма.*

Далее в разделах о способах подавления семантического субъекта в главе IV мы еще вернемся к вопросу о том, как выражается в болгарском языке значение референциальной неопределенности субъекта действия, и рассмотрим в его контексте неопределенно-личную модель в соотнесенности с болгарским пассивом и субъектным имперсоналом. Будет показано, что употребление болгарских неопределенно-личных конструкций может быть предпочтительным в тех случаях, когда в русском оригинале использованы синтаксические модели иных типов (4.1.3).

Но все же здесь представим еще одну точку зрения [ГСБКЕ 1983-3: 83—84] — попытку очертить специфические области употребления неопределенно-личных предложений, т. е. те, где они могли бы считаться если не незаменимой, то хотя бы основной выбираемой конструкцией:

1) предложения с глаголами речи (*приказват*, *казват*, *разправят*, *съобщават*), указывающие на неопределенный источник информации: *Казват, че Мария заминава.* 'Говорят, что Мария уезжает'; *Приказват врели и некипели*. 'Рассказывают всякую ерунду'. Эта функция, действительно, не имеет серьезных конкурирующих средств[112]. Эта же подгруппа неопределенно-личных предложений является поставщиком вводных слов и предложений, указывающих на источник информации: *Той, казват, заминава утре*; *Той, разправят, не е надежден*;

2) предложения с глаголами именования (*викат*, *наричат*, *казват*), которые сообщают об имени — первично или вторично присвоенном: *Наричаха я Пшеничката* (Елин Пелин). 'Ее называли Пшеничкой'. Действительно, конструкции именования часто строятся по типу неопределенно-личного предложения. Однако, в то время как в русском языке это основная форма именования (ср. *Ее зовут Катя*; *Его называли Бармалеем*), в болгарском — лишь одна из нескольких, см. [Иванова 2006б];

3) предложения с глаголами физического воздействия, направленного на объект (с разными значениями — экспериенциальными, объектными, приобретения и т. п.): *влачат* 'тащат', *отнемат* 'отнимают', *награждават* 'награждают', когда субъект в них ассоциируется с властными структурами: *Кога го пуснаха?* 'Когда его выпустили?'; *Карат я Албена* (Й. Йовков). 'Албену везут', также: *Андрея го откараха в града и го затвориха* (Й. Йовков); *Иванка награждават, Иванка обсипват с почести*. В этих случаях возможны в качестве синонимических пассивные преобразования с причастным сказуемым, тоже очень активные в современном языке, ср. *Андрея го откараха в града и го затвориха. — Андрей бе откаран в града и затворен*, см. главу IV.

[112] Но, заметим, именно синтаксических средств, т. к. морфологические средства выражения эвиденциальности в болгарском языке хорошо развиты, ср.: *Казват, че Мария заминава* и *Мария заминавала*.

1.2.6.4. Обобщенно-личные предложения. Способы выражения обобщенности

Как известно, обобщенно-личные предложения как тип односоставных плохо подчиняются строго формальным критериям вычленения, т. к. указание на обобщенного субъекта может осуществляться как грамматическими, так и лексическими способами. Более того, если по отношению к русскому языку можно опираться хотя бы на основную форму, регулярнее других предполагающую обобщенного субъекта, — 2 л. ед. ч.[113] (ср. в современном решении — понятие об «иллокутивном нуле» в [Падучева 2012]), то в болгарском языке у этой формы есть и серьезный конкурент в виде формально двусоставных предложений с обобщенным подлежащим *човек*.

В русском языке, что хорошо описано, помимо формы 2 л. (*Любишь кататься, люби и саночки возить*), в обобщенном значении могут выступать и 1 л. мн. ч. — *Что имеем — не храним, потерявши — плачем*, и 3 л. мн. ч. — *Цыплят по осени считают*, довольно редко — 1 л. ед. ч. *Чужую беду руками разведу*, при расширенном понимании — формы прошедшего времени, инфинитивные предложения и другие конструкции. Обобщенноличность, таким образом, не является значением лишь только односоставного предложения. Предложения (любой формы) с обобщенно-личным значением, сообщая о «действиях говорящего, приобщают к его опыту адресата и любое другое лицо, которое может быть на его месте» [Золотова и др. 1998: 118]. В той же концепции произведен анализ обобщенноличности в болгарском языке А. Николовой [2006].

Далее опишем варианты выражения обобщенно-личного значения сначала в односоставных предложениях, а затем в предложениях формально двусоставных.

1. Односоставные предложения с **формой 2 л. ед. ч.** (как и в русском, прежде всего со сказуемым в форме настоящего гномического времени или синтетического повелительного наклонения) регулярно используются в болгарском языке с референцией к обобщенному субъекту. Основная сфера бытования — пословицы: *Дават ли ти — еж, гонят ли те — беж*, ср. русск. *Дают — бери, бьют — беги*; *Простирай се според чергата си*, ср. русск. *По одежке протягивай ножки*.

Из этих же предложений берут свое начало лексикализованные конструкции: *Върви му доказвай на такъв човек!*, пример П. Пашова [1999: 307]. ‘Иди докажи что-то такому человеку’; *Де да знаеш, какъв човек е той.* ‘Кто его знает (*букв.* ‘Откуда знаешь’), что он за человек’, а также вводные *кажи-речи*, *кажи го*, *речи го* и др.

В нарративе обобщенно-личные предложения чаще следуют одно за другим: *Той беше уверен, че благополучието идва по три пътя: или да се ожениш за някоя богата жена, или да откраднеш, или да намериш някъде пари* (Г. Караславов). Обобщенно-личными предложениями во 2 л. ед. ч. оформляются и тексты-рассуждения, размышления, содержащие вопросительные цепочки или вопросно-ответные комплексы: <*Животът ме лъхаше в лицето като вятър, летеше над мен като*

[113] Г. А. Золотова отмечает, что различие в числе здесь нейтрализуется [Золотова и др. 1998: 118], но все же «лицом» обобщенности остается 2 л. ед. ч.

облак, течеше в краката ми като река.> Можеш ли да хванеш в шепа вятъра, облака, реката? Можеш ли да ги задържиш? … Да живееш значеше да имаш и да нямаш. И да не поискаш да имаш (А. Дончев). Этот пример, как и некоторые другие ниже, заимствован из работы М. Велевой [1988], где намечены основные контексты, в которых используются обобщенно-личные предложения с разными формами сказуемого.

2. Односоставные предложения с **формой 2 л. мн. ч.** могут организовывать целые куски текста в авторском повествовании от 1 л., но могут встречаться и как единичные мысли-обобщения: *Ако искате да познаете света и човека, станете слуги* (Э. Станев). ‘Если хотите познать мир и человека, станьте слугами’. М. Велева замечает, что, употребленные единично, они претендуют на общезначимость выражаемой мысли, но в блоке, в цепочке во многом сохраняют апеллятивную функцию [Там же: 47].

3. Форма 1 л. мн. ч. для обобщающих наблюдений и суждений употребляется редко, т. к. в подобных случаях в болгарском языке наиболее уместно обобщающее подлежащее *човек*, ср. *Оценяваме едва тогава, когато загубим*. ‘Ценим, лишь когда потеряем’ и *Човек оценява нещо едва когато го загуби*.

4. Место подлежащего может занимать **лексема *човек*** — показатель обобщенно-личного значения предложения. Лексема *човек* при этом не соотносится ни с каким определенным денотатом, и субъект действия в таком предложении понимается как любое лицо [Москова-Еленска 1978: 128]: *Човек не може да разбере какво става с тебе* (Э. Станев). ‘Не поймешь, что с тобой происходит’, *букв.* ‘Человек не может понять, что с тобой происходит’, см. также: *От тоя нож човек на драго сърце би умрял* (Й. Йовков); *То, времето хубаво, ама не си стока да тръгне човек с тебе* (Елин Пелин); *Като помисли човек, дори тръпки го побиват* (А. Гуляшки).

Приведем несколько примеров, показывающих отражение этого обобщенного значения в русских переводах (П. Вежинов. «Бариерата», пер. М. Тарасовой):

> *Не може току-тъй **човек** да обиди шивача си, особено ако държи да е добре облечен*. ‘Обижать своего портного, особенно если хочешь быть хорошо одетым, нельзя’;
>
> *Пък и как да ги види **човек**, като непрекъснато са обвити в облаци цигарен дим.* ‘Да и как их [девушек] разглядишь, если они вечно окутаны клубами табачного дыма!’;
>
> *Дори беше малко смешно да я гледа **човек**, ако не знаех колко е сериозно*. ‘Наблюдать за ней было забавно (*букв.* ‘даже немного смешно человеку смотреть на нее’), но я не смеялся, зная, насколько это серьезно’;
>
> *От нея **човек** можеше да очаква всичко*. ‘От нее можно было всего ожидать’.

Отличительной особенностью лексемы *човек* в данном значении является употребление ее в неартиклевой форме[114] и, как правило, отсутствие каких-л. распространителей — на фоне других возможных референциальных употреблений этого

[114] См. об этом еще в работе 1978 г. [Москова-Еленска 1978].

слова, которые требуют артиклевой формы (или иных референциальных показателей), см., напр., обязательный артикль при определенно-референтном (первый пример ниже) и родовом употреблении (второй и третий примеры):

Всяка сутрин човекът идваше и донасяше един пакет. ‘Каждое утро [этот] человек приходил и приносил пакет’;

Човекът е неблагодарно същество (Б. Райнов). ‘Человек — существо неблагодарное’;

Но какво да се прави, така е устроен човекът (П. Вежинов). ‘Но что поделаешь, так уж устроен человек’ (пер. М. Тарасовой).

Самый обычный контекст появления обобщенного подлежащего *човек* — модальный контекст, контекст упрека, указание на невозможное, трудно осуществимое действие:

Говориш така, че човек не може да те разбере. ‘Говоришь так, что тебя не понять’;

Два часа след началото на играта сървърът сам изключва и колкото и да опитва човек, не може да го включи отново. ‘Через два часа после начала игры сервер сам выключает [игру], и сколько ни пытаешься, нельзя включить снова’;

Чърчил прекрасно е знаел това, а точно него човек не може да го обвини в лъжлив патриотизъм. ‘Черчилль прекрасно это знал, а именно его не обвинишь в лжепатриотизме’.

Предложения с обобщающим подлежащим *човек* в некоторых работах причисляются к односоставным [ГСБКЕ 1983-3: 87; Велева 1988: 48; Пенчев 1984].

1.2.6.5. Безличные предложения

Формальным признаком выделения безличных предложений служит отсутствие прямого указания на субъекта действия (или носителя признака) в качестве подлежащего. Полное отсутствие даже предполагаемого подлежащего («синтаксический нуль») позволяет считать их «истинными» односоставными предложениями, ср. «содержательно односоставные предложения» [Ломов 2007: 208]. В иной терминологии, позиция подлежащего остается пустой и не получает в безличных предложениях никакой семантической роли [Пенчев 2001: 87].

Исчерпывающее структурно-семантическое сопоставление безличных предложений в русском и болгарском языках (причем на русском языке) см. в [Георгиев И. 1990]: показаны семантические типы и модели предложений, выражающих: а) состояние природы и окружающей среды; б) психофизиологическое состояние; в) долженствование, г) экзистенциальность. Для каждого типа приводится перечень структурных моделей предложения, специфика которых связывается с лексико-семантическими и синтаксическими свойствами организующего предиката. См. о безличных предложениях болгарского языка также [Рожновская 1959; Лакова 2006; Джонова 2004б; Иванова 2009в; Градинарова 2012г и др.].

Таким образом, в связи с достаточно подробным освещением многих типов безличных предложений, причем с болгарско-русскими параллелями (см. указанные работы М. Г. Рожновской, И. Георгиева, Е. Ю. Ивановой, А. А. Градинаровой), мы ограничимся следующим кругом вопросов.

В этом разделе будут представлены только структурные типы безличных предложений. Функциональное осмысление тех структур, которые представляют наибольший интерес в сопоставительном плане (**субъектный имперсонал**: *Тук се плаща в евро*, **причастный имперсонал:** *Тук е влизано*), дано в разделе 1 главы IV. Здесь будет подробно охарактеризована лишь т. н. **желательная конструкция** болгарского языка (*Работи ми се* ‘Мне хочется / Меня тянет поработать’) в сопоставлении с русской рефлексивной конструкцией с дательным субъекта.

Устройство **бытийных** предложений болгарского языка, которые организуются по модели безличных, в данном разделе затронуто лишь кратко (см. 1.2.6.5.2.1, п. 3.) ввиду ограниченности объема книги, более подробно см. [Иванова 2002; 2006б: 66—79; 2009в: 110—145]. В конце раздела 1.2.6.5.2.1 (п. 4), остановимся на болгарских эквивалентах русских безличных предложений с **родительным партитивным**.

Итак, традиционно типы безличных предложений выделяются в соответствии со способом выражения сказуемого. Сказуемое безличных предложений может быть глагольным или неглагольным (со связочным глаголом).

1.2.6.5.1. Безличные предложения со связочным глаголом

Безличные предложения такого типа содержат связочный глагол в 3 л. ед. ч. (чаще всего — связку *съм*, реже — *бъда*, *ставам* и нек. др.) и компонент, в котором заключен предикативный признак (в болгарской лингвистике называемый *предикативом*)[115] — это безличный предикатив на *-о*, предикативное существительное или страдательное причастие в форме ср. рода, ср. примеры с:

— предикативом на *-о* и образованным от него компаративом: *Още е рано.* ‘Еще рано’; *Неприятно ми е.* ‘Мне неприятно’; *В стаята беше топло.* ‘В комнате было тепло’; *В стаята става все по-топло.* ‘В комнате становится все теплее’; *Ще ти бъде студено с това яке.* ‘Тебе будет холодно в этой куртке’;

— предикативным существительным: *Време е.* ‘Пора’; *Срам ме е.* ‘Мне стыдно’; *Момчето го е страх.* ‘Мальчику страшно’;

— страдательным причастием в ср. р.: *Много е ходено по тези места.* ‘По этим местах хожено много’; *Не е говорено по този въпрос*, *букв.* ‘По этому вопросу не говорено’ (о конструкции причастного имперсонала см. главу IV).

Такие предложения могут содержать или не содержать указание на экспериенцера.

---

[115] Категория состояния как часть речи в болгарской лингвистике не выделяется, см. об этом в [Норман 1988]. Ю. С. Маслов указывал на омонимичность таких предикативов и других именных частей речи: слова категории состояния не изменяются по числу, не присоединяют артикль, лишены категории грамматического рода, не распространяются определением [Маслов 1981: 290—291]. Они не могут быть заменены местоимением [Норман 1988: 5].

1.2.6.5.1.1. Группа, рассматриваемая в этом подразделе, не имеет значимых особенностей (в наличии указания на лицо) по сравнению с русским языком.

Безличные предложения о состоянии природы, о местоположении, времени и т. п. обычно не содержат указания ни на какое лицо: *Тъмно е тук.* ‘Здесь темно’, *Жега е.* ‘Жара’; *Късно беше.* ‘Было поздно’; *Оттук до Университета не е много далече.* ‘Отсюда до университета не очень далеко’, см. и разнообразные примеры безличных предложений такого типа с их русскими параллелями в [Рожновская 1959; Георгиев И. 1990].

В предложениях с модальными (*необходимо*, *разрешено*, *възможно*) и ментальными предикатами (ср. *известно*), предикатами оценки удобства, уместности (*лесно*, *трудно*, *удобно*) позиция экспериенцера заполняется или не заполняется в зависимости от его референциального статуса и условий контекста: *Разрешено е* и *Разрешено ми е*; *Необходимо е* и *Необходимо ми е*; *Трудно е* и *Трудно му е*; *Удобно е* и *Удобно му е.* Закономерности употребления личного дополнения в болгарском и русском языках здесь сходны, ср. [Апресян 1995; Кустова 2002; Георгиев И. 1990; Градинарова 2010а; Джонова 2004б; Иванова 2009в: 235—238].

1.2.6.5.1.2. Безличные предложения о состоянии человека содержат указание на экспериенцера в синтаксической позиции дополнения, выраженного личным местоимением вин. или дат. падежа. Выбор падежа зависит от морфологического типа предикативного слова:

а) если в состав сказуемого входят в качестве именной части существительные *срам* ‘стыд’, *страх* ‘страх’, *гняв* ‘гнев’, *яд* ‘злость’, *гнус* ‘отвращение’, *грижа* ‘забота’ и нек. др., то указание на экспериенцера осуществляется в форме вин. падежа личного местоимения: *Срам **го** е*. ‘Ему стыдно’; *Страх **я** беше*. ‘Ей было страшно’; *Не **ме** е грижа за него*. ‘Мне нет до него дела’. При существительных *мъка* ‘страдание’, *жал* ‘жалость’, *мерак* ‘страстное желание’ и *зор* ‘усилие, напряжение’ используется дат. падеж: *Жал **ми** е за него*. ‘Мне его жаль’; *Мъка **ми** е*. ‘Мне печально / мучительно’; *Хич не ми е зор*. ‘Меня это совершенно не волнует’.

Эта группа субстантивов является лексически замкнутой, причем из них лишь несколько используются в данной конструкции активно (*страх*, *срам*, *яд*, *гнус*, *грижа* — последнее с отрицанием: *Не ме е грижа*. ‘Это меня не касается’), другие же (*мъка*, *еня*, *скомен*, *грях*, *гняв*, *смях*) неактивны. Большинство этих существительных послужили производящими для инхоативных дериватов, см. далее.

Если требуется обозначить экспериенцера именным выражением, то в предложение дополнительно вводится существительное (или ИГ) без предлога: *<u>Момчето</u> **го** е страх от тъмнината*. ‘Мальчик боится темноты’; *<u>Жената</u> **я** е срам*. ‘Женщине стыдно’. При этом неточно было бы говорить (как это часто встречается в лингвистических работах), что здесь местоимение удваивает ИГ. Местоимение — обязательный компонент конструкции, а ИГ лишь восполняет референциально необходимую информацию.

Существительные *грехота*, *срамота* в современном болгарском языке не требуют указания на лицо и формируют не безличные, а двусоставные предложения:

Това, което правиш, е ***срамота****... ами най-добре иди си и не стъпяй вече тук* (Елин Пелин), ср. русск. *Это грех*; *Это позор*, см. и в [Норман 1988: 7]. Однако в языке предшествующего периода наблюдались колебания в выражении носителя признака, ср. по безличному типу: *А бре, баби, защо направи така? Не беше ли* ***те*** *грехота от бога* (И. Вазов);

б) если в состав сказуемого входят в качестве неглагольной части наречия состояния, а также существительные *мъка*, *жал*, *мерак*, *зор*, то указание на экспериенцера осуществляется в форме д а т. п а д е ж а личного местоимения: *Студено ли* ***ти*** *е?* ‘Тебе холодно?’, также: *Страшно* ***му*** *беше в тъмната стая*; *Леко* ***ми*** *е на душата*; *Не* ***ти*** *ли е жал за парите?*; *Не мога, господин управителю, противно* ***ми*** *е на стомаха* (Елин Пелин); *Гадно* ***ми*** *е в устата.* Референциальное уточнение местоимения происходит посредством ИГ с предлогом *на*: <u>*На децата*</u> ***им*** *беше весело* ‘Детям было весело’; <u>*На момчето*</u> ***му*** *е жал за кучето*. ‘Мальчику жаль собаку’.

Указанные в (а) и (б) предикаты, обозначающие эмоциональное состояние, могут включать аргумент с ролью *объект эмоции* и *стимул*, наречные предикаты часто присоединяют и *локатив* как место средоточия ощущения, ср. из примеров выше: объект эмоции — *Не ме е грижа* <u>*за него*</u>*. / Не ти ли е жал* <u>*за парите*</u>*?*; стимул — *Момчето го е страх* <u>*от тъмнината*</u>*. / Страшно му беше в* <u>*тъмната стая*</u>; локатив — *Леко ми е* <u>*на душата*</u>*. / Гадно ми е* <u>*в устата*</u>.

Некоторые наречные предикативы, как правило низших психических реакций [Кустова 2002], допускают формирование как структур с экспериенцером, так и структур без указания на лицо (обычно при наличии локатива), ср. *Страшно / весело / скучно / студено* ***ми*** *е. — Тук е страшно / весело / скучно / студено*, ср. русск. *Мне страшно / весело / скучно / холодно. — Здесь страшно / весело / скучно / холодно.*

1.2.6.5.2. Безличные предложения с глагольным сказуемым

Предложения такого типа содержат сказуемое, выраженное: 1) безличным глаголом или личным глаголом в значении безличного (1.2.6.5.2.1), здесь же выделим особую группу бытийных предложений (там же, п. 3), 2) безличной *се*-формой личного глагола (1.2.6.5.2.2). И в той, и в другой разновидности различаются структуры, которые не содержат указания на какое-л. лицо, и структуры, где введение лица (в роли экспериенцера или реже — другой), выраженного косвенно-падежной формой местоимения, обязательно.

1.2.6.5.2.1. Сказуемое — безличный глагол или личный глагол в значении безличного. Выделяются, как и в русском языке, собственно безличные глаголы, всегда имеющие форму 3 л. ед. ч. и не способные иметь актант-подлежащее (о некоторых особых случаях факультативного актанта см. ниже): *застудява* ‘холодает’, *здрачава* (*се*)[116] ‘смеркается’, *мързи* ‘лень’, *не свърта* ‘не сидится’, и те, которые могут употребляться в языке как лично, так и безлично: *мирише на рози* ‘пахнет

[116] Среди истинно безличных глаголов, обозначающих явления природы, много лексем с колеблющейся рефлексивностью.

розами' (ср. *цветята миришат* 'цветы пахнут'), *пише го във вестника*, *букв.* 'об этом пишется в газете' (ср. *той пише статия* 'он пишет статью').

Процесс формирования безличного значения у личных глаголов сводится к деагентивации и, в конечном счете, смене семантического типа предиката, которая, как и в русском языке, сопровождается обретением глаголом нового значения [Падучева 2004б: 218], ср. *Той щрака с пръсти*. 'Он щелкает пальцами'. — *Щрака ме в слепоочието*. 'У меня дергает (*букв.* щелкает) в виске'. Бóльшей частью отход значения от прямого останавливается на уровне многозначности: *Той боде с пръчка.* → *Розата боде.* → *Боде ме в корема*. 'Он колет прутиком. → Роза колет[ся]. → У меня колет в животе', и лишь у немногих глаголов безличное значение выступает как омоним личному: *Той върви по улицата*. 'Он идет по улице'. — *Върви ти*. 'Тебе везет'.

По семантико-структурным разновидностям предложения рассматриваемого типа делятся на следующие группы.

1. Не требуется указания на лицо. Это обычно предложения о природных явлениях: *Смрачава се*. 'Опускаются сумерки / Смеркается'; *Развиделява* (*се*). 'Наступает рассвет / Рассветает'; *Съмваше се бавно*. 'Медленно рассветало'; *Запролетява* (*се*). 'Приходит весна'; *Гърми*. 'Гремит гром'; *Изгърмя*. 'Прогремел гром'; *Ръми*. 'Моросит'; *Мръква*. 'Смеркается', реже — иные, в основном перцептивные (*бучи*, *кънти*, *лъхна*, *мирише*, см. примеры ниже). М. Лакова [2006], проанализировавшая семантические признаки безличных предложений, обозначающих состояние окружающей среды, разделяет их на следующие группы.

А) Безличные предложения с глаголами действия, среди которых:

а) глаголы с подразумеваемым внешним аргументом:

— *вали*, *ръми*, *ръси*, *ръмоли* ('моросит', 'идет' — о слабом мелком дожде) с предполагаемыми аргументами *дъжд*, *сняг*, *градушка*, *суграшица* 'смесь снега и дождя', 'крупа'. Ср. и двусоставные *Сняг вали на едри парцали.* 'Снег идет крупными хлопьями'; *Заваля дъжд на едри капки*, *букв.* 'Пошел дождь крупными каплями'; *През лятото валя градушка*, *букв.* 'Летом шел град'. К таким глаголам также относится *плющи* 'хлещет' — о сильном дожде;

— *трещи* 'трещать, грохотать', с подразумеваемым актантом *силни гръмотевици*;

— *кънти* 'раздаваться', для которого М. Лакова предлагает внешний аргумент «помещение», «пространство» и т. д.;

б) глаголы с аргументом, выводимым из корня глагола (ср. понятие *инкорпорированного участника*): *дъжди* 'дождит', *роси* 'выпадает роса / мелкий дождь', *мирише* 'пахнет' (от *мирис* 'запах'), *звъни* 'звенит', *ечи* 'отзывается эхом' (от *ек*), *заоблачи се* 'стало облачно', также *застуди се*, *святка се*, *гърми* и др. Некоторые из этих глаголов могут образовывать «поэтические» варианты с эксплицированным аргументом: *Сняг снежи*; *Роса роси*; *Слана ослани*; *Ек ечи*; *Мъгла се замъгли*, другие же — нет: **Суша се засуши*; **Звезди се зазвездиха* и т. д.

Б) Безличные предложения с глаголами состояния, которые интерпретируются как 'наступление какого-л. состояния':

а) глаголы: *съмва се*, *разсъмва се* ‘рассветает’, *проясни се* ‘прояснилось, стало яснее’ и др. В структуре таких глаголов не содержится информации о субъектном аргументе, хотя с глаголами *разбистри се*, *проясни се*, *попроясни се*, *изведри се* возможно подлежащее *небе*: *Небето се попроясни*;

б) глаголы с аргументом, выводимым из корня глагола: *смрачи се* (ср. *мрак*), *здрачи се* (ср. *здрач*), *развидели се* (ср. *видело*), *просветне* (ср. *свят*), *раззори се* (ср. *зора*) и др. [Лакова 2006: 301—314].

2. Необходимо указание на лицо — носителя состояния или, для единичных, — пациенса. Это указание осуществляется:

А. личным местоимением в вин. падеже:

а) при глаголах: *мързи* ‘лень’, *не сдържа* ‘не терпится’, *не свърта* ‘не сидится на одном месте’, *боли* ‘болит’, а также при других глаголах недомогания *тресе* ‘тресет’, *щрака* ‘дергает’, *дере* ‘дерет’, *сърби* ‘чешется’ и т. п.: *Щрака ме в слепоочието.* ‘У меня дергает в виске’; *Боде ме в стомаха*; *Върти ме в коляното*. Однако дат. падеж требуется при глаголе *бучи* ‘гудит’: *Бучи му в главата*. ‘У него гудит / шумит в голове’.

От большинства этих глаголов образуются инхоативные дериваты с той же семантической структурой: *мързи ме* → *домързее*[117] *ме*, *боли ме* → *заболее ме*, *сърби ме* → *засърбее ме*, напр.: *Изми си лицето и зъбите. Домързя* (AOR) *го да се бръсне* (Р. Радев). ‘Он умылся и почистил зубы. Бриться стало лень’; *Засърбя* (AOR) *го между плешките.* ‘У него зачесалось между лопаток’.

Предложения «недомогания», однако, регулярно употребляются и в двусоставном структурном варианте, т. е. с выдвижением участника «место» (область ощущения) в позицию подлежащего: *Боли я глава*(*та*). ‘У нее болит голова’; *Боде ме сърцето.* ‘У меня сердце колет’. Сказуемое при этом возможно лишь в форме 3 л., но способно к изменению числа: *Сърби го кракът.* ‘У него нога чешется’; *Засърбяха го пръстите.* ‘У него зачесались пальцы’;

б) при глаголах, образованных с помощью приставки *до-* от существительных, требующих вин. падежа в исходной форме, см. 1.2.6.5.1.2 (а): *срам ме е* → *досрамее ме*, *страх ме е* → *дострашее ме*, *яд ме е* → *доядее ме, гнус ме е* → *догнусее ме*: *Достраша* (AOR) *го от мишките*, *букв.* ‘Ему стало страшно из-за мышей’; *Ще те досрамее* (FUT1. PFV) *от казаните думи.* ‘Тебе станет стыдно сказанных слов’.

Обратим внимание, что некоторые инхоативные дериваты не имеют активно употребляющихся исходных предикативных существительных, как глаголы *догневее ме*, *досмешее ме*, см. таблицу из [Джонова 2005а: 569] (правая часть таблицы включает и инхоативы с дат. п., описанные ниже в п. Б (а)):

---

[117] Здесь и ниже даны словарные формы глаголов СВ, многие из которых редко употребляются в непрошедших временах.

Статический предикат с вин. клитикой	**Инхоативный предикат с вин. клитикой**	**Статический предикат с дат. клитикой**	**Инхоативный предикат с дат. клитикой**
гнус ме е	догнусее ме	зле ми е	призлее ми
не ме е грях	догрешее ме	жал ми е	дожалее ми
срам ме е	досрамее ме	лошо ми е	долошее ми
			прилошее ми
страх ме е	дострашее ме	мъчно ми е	домъчнее ми
		мъка ми е	примъчнее ми
яд ме е	доядее ме	студено ми е	достудее ми
	догневее ме		
	досмешее ме		

Б. личным местоимением в дат. падеже :

а) при глаголах, образованных от наречий и безличных глаголов с помощью начинательных приставок: *мъчно ми е → домъчнее ми*; *лошо ми е → прилошее ми*; *зле ми е → призлее ми*; *жал ми е → дожалее ми*; *плаче му се → доплаче му се*; *спи ми се → доспа ми се*. Обычно используются формы аориста: *Домъчня ми за тебе.* ‘Я соскучился / соскучилась по тебе’; *Прилоша ли ти?* ‘Тебе стало плохо?’; *Доспа ли ти се, момчето ми?* ‘Тебе спать захотелось, мой мальчик?’ — или вторичных имперфективов: *Домъчнява му за родителите*. ‘Он начинает скучать о родителях’; *Прилошава ми, когато го виждам*. ‘Мне становится плохо, когда я это / его вижу’;

б) при глаголах *скимва* и *хрумва* ‘приходит в голову’, *омръзва* ‘надоедает’, *блазе* ‘везет’: *Омръзна ми да слушам твоите съвети.* ‘Мне надоело выслушивать твои советы’, см. также: *Какво му хрумна?*; *Днес ми скимна в събота да отскочим към Търново.*

Возможная референциально-уточняющая ИГ добавляется при вин. падеже личного местоимения — без предлога, а при дат. падеже — с предлогом *на*: *<u>Детето</u> го достраша от нещо*; *<u>На момчето</u> му прилоша.*

3. Бытийные предложения в болгарском языке формируются с ядерными бытийными предикатами — безличными глаголами ***има***, ***няма***:

> *Тук имаше доста хора.* ‘Здесь было довольно много людей’; *Има го във списъка.* ‘Он есть в списке’; *На гардероба имаше голяма блъсканица* (М. Радев). ‘В гардеробе была толкучка’; *В стаята нямаше телефон.* ‘В комнате не было телефона’; *Там няма никой / никого.* ‘Там никого нет’; *Миналото лято в Пловдив имаше страшна жега.* ‘Прошлым летом в Пловдиве была ужасная жара’; *Нямаше никаква опашка.* ‘Не было никакой очереди’.

Как видим, русским отрицательным предложениям с генетивом соответствуют болгарские безличные предложения с глаголом *няма* и именем объекта в неизменяемой по падежам форме существительного или местоимением в вин. падеже: *Тук няма аптека.* ‘Здесь нет аптеки’; *Няма го вкъщи.* ‘Его нет дома’;

Петър го няма вкъщи. ‘Петра дома нет’. О коммуникативно-референциальных типах положительных и отрицательных бытийных предложений, определяющих наличие-отсутствие дублирующего местоимения, см. в [Иванова 2002; 2009в: 116—117, 125—126].

Бытийные отрицательные предложения с другими экзистенциальными глаголами строятся в болгарском языке по типу двусоставных, см. из РБПК: *…Ни одной копии этих телеграмм в делах никак не обнаружилось* (М. Булгаков). ‘В нито една папка не се намери никакво копие от подобна телеграма’ (пер. Л. Минковой), *букв.* ‘…копия не нашлась’.

Ср. также: *Но* ***не нашлось*** *у них ни фанерки, ни карандаша* (А. Рыбаков). ‘Но никой нямаше нито парче шперплат, нито молив’ (пер. З. Петровой); *В кармане Елены* ***не нашлось*** *кошелька, а старушка протягивала уже руку* (И. Тургенев). ‘В джеба си Елена не намери чантичката си, а старицата вече протягаше ръка’ (Г. Константинов).

4. Болгарские соответствия русским предложениям с «родительным партитивным» строятся преимущественно по типу двусоставных предложений. В связи с разложением родительного падежа в среднеболгарский период (XII—XIV вв.) функции родительного партитивного приняли на себя именительный и винительный. В работе И. Георгиева [1990: 123—133], где выстроены болгарско-русские параллели в области выражения экзистенциально-партитивного значения, этим же разложением родительного объясняется отсутствие в болгарском языке того лексического многообразия глаголов, которые в русском способны выражать количественно-разделительное значение и развились именно в связи с активным функционированием родительного партитивного: «Поэтому, например, разнообразный лексический состав продуктивного словообразовательного типа с приставкой *на* (*набежало*, *нагромоздилось*, *накопилось*, *набилось*, *накапало*, *налетело*) получает приблизительно одинаковый перевод: *натрупа*(*-ха*) *се, насъбра*(*-ха*) *се*» [Там же: 135]: *Натъпкаха се пътници*, *букв.* ‘Набились пассажиры’; *Натрупаха се деца*, *букв.* ‘Столпились дети’.

В болгарском языке, как показывает И. Георгиев [Там же], «остались как пережиточные» лишь отдельные формы немногих глаголов, получающих безличное употребление, но оно грамматически ограничено ед. числом перфектных времен (и «перфектоподобных» форм на *-л*, например пересказывательных, адмиративных), т. к. только в них возможна флексия среднего рода: *Останало бе вода* (*букв.* ‘Осталось вода’), *Натрупало се* (*Наизлязло / Стекло се*) *бе народ* (*букв*. ‘Скопилось народ’). Но эти же глаголы возможны и в личном употреблении: *Останала бе вода*; *Натрупал се бе народ*, см. и в разделе 1.2.5.3, также [Коритковска 1984].

Случайная выборка из РБПК не показала примеров безличного оформления:

> *Выходило, что у них в заначке скопилось целых одиннадцать банок* (А. Приставкин). ‘Излезе, че в скривалището *са се събрал****и*** единайсет буркана’ (пер. З. Петровой);

Квартира так выгорела, что на стенах не осталось даже штукатурки (Т. Полякова). ‘Апартаментът бе изгорял до такава степен, че по стените не *бе останал**а*** дори мазилка’ (пер. И. Митевой);

Тут, помимо вас, уже много скопилось виноватых… (В. Пикуль). ‘Тук и без вас *се събра**ха*** много виновници…’ (пер. Ю. Пеневой-Павловой).

См. оттуда же еще краткие параллели:

Нас осталось семеро. — *Останахме седмина*. ‘Мы остались всемером’.
Любопытствующих соседей прибавилось. — *Натрупали се любопитни комшии*.
Материалу, таким образом, прибавилось. — *По такъв начин се притури още материал*.
Сколько у тебя осталось денег? — *Колко пари ти останаха?*
Слишком уж много воды утекло с тех пор. — *Твърде много вода бе изтекла от онова време*.

1.2.6.5.2.2. **Сказуемое — безличная форма личного глагола**. Безличная форма личного глагола — это форма 3 л. ед. ч. с частицей *се: чета — чете се*, *писах — пишеше се*, *писал съм — писало се.* Таким образом, это безличные возвратные глаголы, производные от личных. В предложении с таким сказуемым может требоваться или не требоваться указание на лицо (экспериенцера).

1. Предложения, не содержащие указания на лицо. Безличная форма позволяет представить действие как не связанное с определенным лицом. Здесь употребляются только исходно невозвратные глаголы. Таким образом формируются в болгарском языке конструкции субъектного имперсонала. Их эквивалентами в русском являются неопределенно-личные предложения, построения с модальными глаголами, обобщенно-личные предложения и др. (см. подробно в разделе 1 главы IV).

Основные значения конструкции субъектного имперсонала связываются либо с указанием на обычность, общепринятость действия, либо с модальной семантикой долженствования или возможности:

Там се краде безнаказанно. ‘Там воруют безнаказанно’, *букв.* ‘Там воруется безнаказанно’; *На този ден не се пее.* ‘В этот день не поют (не принято петь)’; *Тук не се влиза с обувки.* ‘Сюда надо входить без обуви / Сюда в обуви не входят’; *Оттук се стига до центъра на града за 10 минути*. ‘Отсюда до центра города можно доехать за 10 минут’.

Подобным же образом иногда оформляются указатели и надписи:

Минава се през подлеза. ‘Проход через подземный переход’ (*букв.* ‘Проходится через…’); *Тук не се влиза*. ‘Входа нет / Здесь нельзя входить’ (*букв.* ‘Здесь не входится’); *Тук не се пуши.* ‘Здесь не курят’ (*букв.* ‘Здесь не курится’).

В такую конструкцию возможно введение модального глагола. В таком случае модальность выражается лексически, а безличная форма используется как макси-

мально отстраненная от указания на лицо: *Тук може да се пуши.* ‘Здесь можно курить’; *Тук не трябва да се говори високо.* ‘Здесь нельзя разговаривать громко’.

О болгарских параллелях русских безличных предложений с творит. падежом неуправляемого каузатора (*Ветром снесло крышу*; *Молнией повредило телефонные столбы*) см. в разделе 4.1.

2. Предложения, содержащие указание на лицо (экспериенцера), являются предложениями состояния, которое не контролируется экспериенцером, не зависит от его воли.

Основным типом здесь является **«желательная» конструкция**: *Прибира ми се вече* (‘Мне уже хочется пойти домой’, *букв.* ‘Мне возвращается домой’); *Ходи ми се на ресторант* (‘Мне хочется сходить в ресторан’, *букв.* ‘Мне ходится в ресторан’). Рефлексивные конструкции с дательным субъекта, указывающие на «внутреннюю предрасположенность к действию» [Булыгина 1982: 78; Булыгина, Шмелев 1997: 106], имеются и в русском языке и считаются результатом деагентивации: *Мне не читалось*; *Здесь ему всегда хорошо работалось*; *Однако как воинственно мне сейчас думается, сидя в его кабинете!* (В. Маканин).

Но совпадает ли значение этих трансформов? У русской и болгарской конструкций имеются как общие, так и разные компоненты в толковании. Основное смысловое отличие состоит в том, что в толкование русской модели в качестве пресуппозиции включен компонент *X делает P* [Апресян 2005: 10], а для болгарской конструкции такая пресуппозиция не обязательна. Это определяет разную временную соотнесенность между состоянием субъекта и его деятельностью: в русском языке состояние говорящего связано с успешностью / неуспешностью уже протекающего процесса, а болгарская конструкция ориентирована на предстоящее действие, что отражается и в русском переводе: *Прибира ми се вече.* ‘Мне уже *хочется* пойти домой / Меня уже *тянет* домой’. Общим для этих трансформов оказывается лишь их семантический результат, связанный с непроизвольностью, необъяснимостью состояния «предрасположенности» к действию.

Итак, болгарский трансформ — это «желательная» конструкция [Пенчев 2001: 89], в то время как значение русской модели связано с протекающим процессом. Например, русское *Работалось хорошо, жаль было отрываться* (В. Рыбаков) фиксирует успешность протекающего творческого процесса, а болгарское *Работи ми се* — только лишь желание поработать: *Работи ми се, а пък работа няма.* ‘Мне хочется работать, а работы нет’.

Иная временная ориентация болгарской конструкции позволяет соединить в одном временном моменте настроенность на одно действие и реализацию другого, что для русской невозможно: *Плаче ми се, ама пея* (Н. Райнов). ‘Мне хочется плакать, но я пою’; *Тръгвам към къщи, макар че не ми се прибира.* ‘Я направляюсь домой, хотя мне не хочется возвращаться’.

Ср. еще болгарские примеры и их перевод:

Не му се влизаше вътре. ‘Ему не хотелось заходить внутрь’, *букв.* ‘Ему не заходилось внутрь’, также: *Не ми се става.* ‘Мне не хочется вставать’; *Колко му*

се пушеше! ‘Как ему хотелось курить!’; *Хич не ми се излиза днес.* ‘Ну совсем не хочется выходить сегодня’; *Как не му се отиваше!* ‘Как ему не хотелось идти!’

Исследования грамматической специфики болгарской формы, напр. [Георгиев И. 1990: 76—82; Пенчев 2001: 87—89; Градинарова 2009; 2010г], показывают гораздо большую свободу образования и употребления конструкции в болгарском языке:

1) она может образовываться от возвратных глаголов[118] (*връщам се*, *смея се*, *шегувам се*): *Не ми се връща вкъщи*. ‘Мне не хочется возвращаться домой’; от многих непереходных (*скачам*, *разговарям, отивам*): *Не ми се скачаше долу, страхувах се.* ‘Мне не хотелось прыгать вниз, я боялся’;

2) регулярно образуется как отрицательная, так и положительная форма, в отличие от русского языка, где в подавляющем случае используется отрицательная форма, ср. **Мне сидится, *лежится*): *Ходи ми се на ресторант / Не ми се ходи на ресторант*. ‘Мне хочется сходить / не хочется идти в ресторан’, *букв.* ‘Мне идется / не идется в ресторан’;

3) болгарская модель никак не связана стилистически, мало ограничена лексически[119], возможна в разных временах, а также в формах пересказа: *Танцувало ѝ се*. ‘Ей, мол, танцевать хочется’;

4) от нее возможны дериваты с начинательным значением. Это глаголы СВ и вторичные глаголы НСВ, образованные с помощью приставок *до-* и *при-* от некоторых «желательных» конструкций: *спи ми се → доспа ми се → доспива ми се* ‘мне хочется спать → мне захотелось спать → мне начинает хотеться спать’, также: *яде ми се* ‘мне хочется есть’ *→ прияде ми се→ прияжда ми се*; *пуши ми се* ‘мне хочется курить’ →– *допуши ми се → допушва ми се*, напр.: *Точно преди 5 мин така ми се допуши, че ми идваше да се разплача* (И). ‘Ровно 5 мин. назад мне так захотелось курить, что я чуть не расплакалась’; *Като пия алкохол, много ми се допушва* (И). ‘Когда я пью алкоголь, мне начинает очень хотеться курить’.

Эти дериваты могут быть положительными и отрицательными, могут выступать в различных временах и формах пересказа: *Вече ми се е приженило* (PERF). — *Още не ми се е приженило*. ‘Мне уже захотелось жениться / Мне еще не захотелось жениться’; *В 11 часа вече ще ми се е доспало* (FUT2). — *В 11 още няма да ми се е доспало*. ‘К 11 часам мне уже захочется спать. — К 11 мне еще не захочется спать’. *Доспало му се* (AOR. INFER). ‘Ему, мол, спать захотелось’.

Более того, просматривается тенденция образования дериватов с обратным фазисным значением ‘расхотеться’ (приставка *от-*): …*Сега и аз видях цените и нещо ми се отходи.* ‘Сейчас и я увидела цены, и что-то мне расхотелось ехать’;

5) важнейшей особенностью болгарской модели (как исходной, так и с начинательными приставками) является ее способность эксплицировать объект желаемого действия в формальной позиции подлежащего:

---

[118] Явление, которое рассматривается как «правильная» рефлексивная гаплология, свойственная и другим славянским языкам, см., напр., [Риверо 2013: 90].

[119] О различии семантических типов предикатов, отбираемых в данную форму в русском и болгарском языках, и разном синтаксическом поведении трансформа см. [Ivanova 2014].

В един момент усещаш как ти се вдига скандал. 'В какой-то момент чувствуешь, как тебя тянет поднять скандал' (*букв*. '…как тебе поднимается скандал'); *Допи ми се кафе*. 'Мне захотелось кофе / Меня потянуло выпить кофе' (*букв*. 'Мне запился кофе'), также: *Води му се в момента такъв един разговор, който прилича на цигара, запалена пред трудно изпитание* (М. Радев); *Пътува ми се, носят ми се красиви дрехи, ходи ми се на театър и в ресторант* (Д. Петрунова).

Далее обратимся к еще одной структурной модели русских односоставных предложений, не имеющей в болгарском языке ни грамматических эквивалентов, ни прямых переводческих параллелей, — инфинитивным предложениям.

1.2.6.6. Русские инфинитивные предложения и их болгарские эквиваленты

Инфинитивные предложения русского языка с хорошими переводческими рекомендациями описаны в болгаристике достаточно подробно, напр. [Николова 1983; 2004; Градинарова 2010в]. Частично эти наблюдения будут представлены ниже. Сначала рассмотрим предложения с т. н. независимым инфинитивом, а также болгарские аналоги инфинитивных построений типа *Некуда пойти*; *Тебе есть о чем подумать* (1.2.6.6.10), а в заключение обратимся к инфинитивно-экспрессивным модификациям сказуемого двусоставных предложений (1.2.6.6.11—12).

В качестве основы для описания русских инфинитивных предложений взят набор основных семантико-прагматических разновидностей инфинитивных моделей из работы [Иванова 2009в: 303—312], где он выделен для других целей, с учетом исследований других русистов, прежде всего [РГ 1980-2; Золотова и др. 1998; Шелякин 2006]. Инфинитивные предложения рассматриваются с учетом наличия / отсутствия признака «контролируемость» в семантике предиката, т. к. он оказывает существенное влияние и на выбор необходимого переводческого соответствия.

1.2.6.6.1. Мне завтра ехать; Мне еще гладить

В инфинитивных предложениях **предстоящего действия**: *Мне завтра ехать*; *Мне еще обед готовить*; *Через два дня выходить на работу* — действие предстает как запланированное и контролируемое агенсом, хотя и вынужденное (ср. отсутствие этого оттенка в запланированном настоящем *Я завтра уезжаю*). В болгарском языке это значение предпочтительнее передавать средствами, способными выражать неизбежность и обязательность, а именно сочетаниями с предикатами долженствования *трябва*, *имам*: *Мне еще готовить*. 'Имам да готвя'; *Через несколько дней мне ехать в Москву*. 'След няколко дни трябва да замина за Москва', а также настоящим предстоящего действия: *След няколко дни заминавам за Москва*.

Использование последнего варианта перевода, однако, ограничено по двум причинам. Во-первых, инфинитивные предложения в связи с семой «вынужденности» (которая отсутствует в варианте с настоящим) чаще встречаются в негативном контексте, напр. обоснование отказа или каких-н. ограничений для других

действий: *Я не могу сейчас разговаривать, мне еще идти в магазин*; *Мне завтра ехать в Москву, поэтому надо пораньше вернуться домой*; *Не трогай его, ему еще доклад готовить*. Настоящее предстоящего действия, наоборот, часто используется «позитивно»: *Не беспокойся, я иду в магазин и все куплю*; *Завтра я еду в Москву и там поищу все, что нужно*. Во-вторых, инфинитивные предложения способны выразить предстоящее длительное действие, представляя его как еще не выполненный «пункт плана» (лексический маркер *еще*): *Мне еще гладить / собирать ребенка в школу / мыться / посуду мыть*. С этим смыслом и связан тот оттенок необходимости, который часто отмечается в подобных независимых инфинитивах. Настоящее запланированное для выражения этого значения не подходит.

1.2.6.6.2. Одним — радоваться, другим — страдать

Рассмотренные выше предложения запланированного действия *Мне завтра ехать*; *Ему скоро в школу идти* часто объединяют в одну группу с инфинитивными предложениями со значением предстояния, **неизбежного и предопределенного действия** типа *Одним — радоваться, другим — страдать*. Последние, однако, отличаются несколькими существенными характеристиками.

Предложения типа *Одним — радоваться, другим — страдать* всегда предстают как вывод о неизбежности наступления действия (и состояния), который субъект речи делает на основании своих наблюдений, размышлений и пр.: *Мне всю жизнь с ней мучиться*; *Что же, мне теперь мерзнуть* (*голодать / умирать / скучать*)*?*; *Вижу я, быть ему холостяком*; *Одним карать и каяться. Другим — кончать Голгофой* (Б. Пастернак). Эту же семантику имеют бытийные предложения в инфинитивной форме: *Что войне быть, в этом Степан теперь не сомневался* (В. Шукшин); *Видимо, рассвету скоро быть* (Ю. Наумов).

Само действие предстает как неограниченное во времени, без указания на его завершение. Временные ограничители если и имеются, то они используются в противоположном значении: указывают не на ограниченность действия во времени, а, наоборот, на выходящую за рамки нормы продолжительность: *И до рассвета бушевать огню…* (С. Щипачев); *Что же, мне до вечера тут сидеть?*; *Еще целых два часа ждать!*

Основная часть предикатов в таких предложениях сообщает о неконтролируемых ситуациях (с одушевленным и неодушевленным субъектом), а употребление предикатов контролируемых действий в такой форме подчеркивает «обреченность» субъекта действия на их выполнение, вынужденный характер действия. При этом сема «запланированности» нейтрализуется. Иной и семантический тип этих агентивных предикатов — это не однократные «разовые мероприятия» (как в запланированных *Мне завтра ехать*; *Ему завтра к врачу идти*; *Нам скоро переезжать*; *Ему еще с учеником заниматься*), а обобщенные деятельности, глаголы «занятий» и «поведений»: *Одним — торговать, другим — покупать*; *Одним — наживаться, другим — вкалывать*; *Женщине — лукавить, / Царю — править, / Мне — славить / Имя твое* (М. Цветаева).

Учитывая все эти семантические особенности, перевод модели на болгарский язык с помощью модального глагола *трябва* не рекомендуется. Имеются наблюдения А. Николовой [2004: 49—51] о переводе интересующих нас предложений (при этом автор использует иную классификацию инфинитивных моделей):

а) модальным глаголом *имам* с *да*-конструкцией: *Я только верую, что вам еще долго жить* (Ф. Достоевский). ‘Аз само вярвам, че вие *имате* още дълго *да живеете*’. Это, по-видимому, наиболее точное переводческое решение в случае предикатов с нецелеполагающим агенсом, поскольку глагол *имам*, обладая необходимой здесь семантикой «обреченности» (см. 1.2.5.2.2.2), может быть использован даже при глаголах данного семантического типа;

б) формой будущего времени, которая передает лишь предстояние, но вне необходимых модальных оттенков: *Ах, какого старика загубили! Всю жизнь мне терзаться!* ‘Ах, какъв старец погубиха! Цял живот *ще се измъчвам!*’ (К. Горбунов). Именно будущее время выбирается и для перевода предложений с глаголами *быть*: *Быть завтра большому ветру! — подумал дед.* ‘Утре *ще има* силен вятър! — помислил дядо’ (Ал. Толстой); *Быть в дороге какой-нибудь беде, не иначе*… (М. Шолохов). ‘Сигурно по пътя *ще* ми *се случи* нещо лошо’;

в) конструкциями со страдательными причастиями со значением предопределенности, обреченности типа *писано ми е*, *съдено ми е*, *отредено ми е*, напр.: *Нам здесь жить, Анна* (Г. Николаева). ‘*Съдено ни е* тук да живеем, Ана’; *Я в колхозе родилась, мне и жить в колхозе* (Г. Николаева). ‘Аз съм се родила в колхоз и в колхоза *ми е писано* да живея’.

Отрицательные варианты таких предложений (*Ему не выздороветь*; *Тебя не понять*) выражают убежденность в невозможности осуществления действия или наступления состояния. Однозначность их семантики обусловливает традицию рассмотрения их как отдельного типа инфинитивных предложений. Так и поступим.

1.2.6.6.3. С этой задачей нам не справиться

Инфинитивные предложения со значением **невозможности** осуществления действия или наступления состояния характеризуются наличием отрицания, факультативностью позиции экспериенцера, частым наличием объектного дополнения и употреблением преимущественно глаголов СВ (см. [Николова 1983]). Участвуют в этой модели, однако, и глаголы *быть* и *бывать*, но также осмысляемые как глаголы СВ: *Войне не быть*[120]; *Замужем ей не быть / бывать*; *Этому не бывать!*; *Не бывать по-твоему.*

При переводе на болгарский язык инфинитивных предложений со значением невозможности, как показала А. Николова [Там же: 5—15], используется весь арсенал средств, выражающих это значение в болгарском языке. Наиболее частотны, по ее наблюдениям, следующие четыре варианта:

[120] С глаголом *бывать* возможны только отрицательные инфинитивные предложения с событийным объектом: *Войне — не бывать!* (**Войне — бывать!*)

а) личный модальный глагол *мога* или безличный *може* с отрицанием + *да*-конструкция: *Не понять тебе этого*. — *Ти не можеш да разбереш това*, или «сокращенный инфинитив» (1.2.5.2.2). Последний придает фразе бóльшую категоричность и разговорный характер: *Туда теперь не проехать* (А. Чаковский). ‘Дотам с кола не можете *стигна*’; *Нет, это не страх, Марина. Это нечто большее, вам сразу не понять* (Л. Леонов). ‘Не, Марина, това не е страх. То е нещо повече, не можете го *разбра* отведнъж’;

б) отрицательное будущее: *Этот день мне не забыть*. ‘*Няма да забравя* този ден’;

в) условное наклонение: *Век не забыть Андрею горького унижения!* (М. Шолохов). ‘Цял живот *не би могъл да забрави* Андрей горчивото унижение!’;

г) риторический вопрос: *Уж вы продайте* [*грибы*]*, вам столько и не съесть!* (Б. Полевой). ‘Продайте ни малко, можете ли изяде толкова!’, *букв*. ‘Можете ли съесть?’

Местоименная форма им. падежа, являющаяся соответствием русской дательно-субъектной формы, присутствует в поверхностной структуре только при наличии логического выделения: *Тебе одному не управиться*. ‘*Ти* сам не можеш се справи’. В ином случае номинативное местоимение опускается: *Нам вдвоем не справиться с пожаром*. ‘Двамата няма да можем да се справим с пожара’; *Я боюсь, не сдержаться мне*. ‘Страх ме е, че няма да издържа’.

Эквивалентом русских инфинитивных предложений с обобщенным значением являются болгарские обобщенно-личные предложения, в том числе с генерическим подлежащим *човек*: *В ташкентский трамвай не попасть* (Ф. Вигдорова). ‘В ташкентския трамвай *не можеш се качи*’; *Как ты похудел! Просто не узнать!* (Ю. Бондарев). ‘Как си отслабнал! Просто да не те познае *човек*!’ Более подробно и на русском языке этот материал изложен в работах [Николова 1981; 2004].

В качестве отдельной группы инфинитивных предложений А. Николова выделяет предложения с оттенком «ненужности, ненеобходимости», которые обозначают, что субъекту «не придется совершать определенное действие» [2004: 51—52]: (X-у) не привыкать, не ждать, не занимать (ума, умения, терпения, мастерства). Как представляется, именно связанная лексико-синтаксическая структура таких предложений диктует иные возможности их передачи на болгарский язык, а именно *не трябва / няма нужда* + *да*-конструкция: *По-твоему выходит, что раз ты со мной, лиха нам не ждать* (Ю. Герман). ‘Според теб излиза, че щом сме заедно, *не трябва да чакаме* нищо лошо’. При выборе переводчиками других форм болгарского изъявительного наклонения (вместо *да*-конструкции) не передается модальность русских инфинитивных предложений, см. примеры А. Николовой: *К этому было не привыкать Григорию* (М. Шолохов). ‘Григорий бе свикнал вече с това’; *Серафиме Антоновне у нас с тобой ума не занимать* (В. Кочетов). ‘Серафима Антоновна е по-умна и от тебе, и от мене’.

1.2.6.6.4. Помочь?

Это вопросительные предложения, в которых «говорящий предлагает сам совершить названное действие, побуждая собеседника к речевому акту согласия,

разрешения, подтверждения его необходимости» [Золотова и др. 1998: 145]. Обязательность наличия признака «контролируемость» обусловлена готовностью субъекта речи стать агенсом: *Словарь тоже взять?*; *Зонтик открыть?*

Этот тип предложений последовательно передается на болгарский язык вопросительными *да*-конструкциями: *Да вземам ли и речника?*; *Да отворя ли чадъра?*, см. и переводческие пары А. Николовой: *Барин! Ужин подавать?* (М. Горький). 'Господарю, *да слагам* ли вечерята?'; *Вас проводить?* (Ю. Бондарев). '*Да* ви *изпратя*, другарю полковник?'

Оформление русского инфинитивного вопроса частицами *не… ли*, по наблюдению Г. А. Золотовой, формирует более деликатное предложение либо идею, внезапно пришедшую в голову. В реальном применении, особенно при введении адресатного дополнения во 2 л., это часто косвенный речевой акт, с помощью которого говорящий предлагает собеседнику взять на себя функции исполнителя действия: *Не сходить ли тебе самому?*; *Не взять ли тебе зонтик?*; *Не пригласить ли вам и других знакомых?*

В болгарском переводе, в отличие от русского инфинитива, не удается сохранить анонимность лица адресата, которому предлагается выполнить действие, ср. русск. фразу *Не открыть ли нам окно? Тут такая духота…* в ситуации, когда говорящий надеется, что исполнителем действия будет кто-н. помимо него. Таким образом, русская модель может иметь значение уклончивого побуждения по отношению к собеседнику или, точнее, ко всем присутствующим. Болгарская *да*-конструкция, в принципе допускающая безличное глагольное оформление, все же обычно используется с глаголом в личной форме, причем в случае рассматриваемой модели — 1 л. Максимально возможным отстранением от исполнения действия в болгарском языке является *да*-конструкция в 1 л. мн. ч.: *Да отворим ли прозорците?*

Из вопросительных средств, помимо частицы *ли*, при переводе русских инфинитивных вопросов, особенно отрицательных, используются подчеркнуто вежливое *дали* и недоуменное *нима* — частицы позволяют придать такому вопросу «оттенки сомнения, колебания, нерешительности, неприятия, осуждения» [Николова 2004: 55]: *Не послать ли в погоню, Сережа?* (Ф. Достоевский). '*Дали* да не изпратя да го настигнат, Серьожа?'; *Разве тебе понять, что я чувствую?* (Д. Гранин). '*Нима* можеш да разбереш какво чувствам?', см. также [Николова 1980].

1.2.6.6.5. Быть или не быть?

Рефлексивные инфинитивные вопросы отражают ситуацию выбора потенциального действия. Субъект речи обычно является и агенсом: *Пойти в кино или остаться дома?* Обычно выбор говорящего представлен как сомнение в целесообразности совершать указанное действие, то есть имеется выбор между совершением и несовершением действия: *Сын сопел у плеча, подхватил насморк, — идти гулять вечером или не идти?* (А. Иличевский). Инфинитивная конструкция может быть единичной, если говорящий уже склоняется к какому-то решению; характерное синтаксическое сопровождение такого употребления — частица *что ли*:

Пойти поспать, что ли?; *Поехать и мне с тобой, что ли?*, или вводно-модальные слова: *Может, поесть?* Действие здесь всегда планируемое и контролируемое, даже если выражено неактивными предикатами: *Быть или не быть?*; *Забыть его? Ненавидеть? Или продолжать любить?* Глаголы физиологических реакций и неловких и ошибочных действий человека осмысляются как намеренно производимые: *Уронить платочек, чтобы он поднял, или это будет неестественно?*; *Упасть в обморок или начать задыхаться?*

В болгарском языке в аналогичных случаях используется *да*-конструкция:

Быть или не быть? 'Да бъдеш или да не бъдеш?';

Забыть его? Ненавидеть? Или продолжать любить? 'Да го забравя? Да го мразя? Или да продължа да го обичам?';

Уронить платочек, чтобы он поднял, или это будет неестественно? 'Да си изпусна ли кърпичката, за да я вдигне той, или това ще изглежда неестествено?

Оформление рефлексивного вопроса частицами *не… ли* (*Не поехать ли и мне с тобой?*) устраняет рефлексивность и представляет идею, внезапно пришедшую в голову (см. модель выше). Это хорошо показывают и болгарские эквиваленты, которые содержат активный фазисный глагол быстрого начала действия *взема*: *Да взема и аз да дойда с тебе?* (ср. 'Взять да и пойти с тобой?').

1.2.6.6.6. Сначала — отдыхать!

Предложения **«целесообразности»** (*Сначала — отдыхать!*; *Спать, спать!*) строятся как сообщения о наиболее уместном и своевременном действии субъекта речи, который является и производителем действия. Действие здесь также всегда представлено как контролируемое. Формально это антиподы рефлексивных сообщений, но в речи часто они оказываются функциональными синонимами, отличаясь лишь фактором «рефлексивности»: в предложениях целесообразности решение уже принято. В устной речи предложения целесообразности и рефлексивные предложения не всегда различимы, если произносятся с неопределенной по утвердительности / вопросительности интонацией: *Пойти поспать…* Такое сближение возможно только при единичной предикации, ср. четкую спланированность действий в цепочке: — *Какие у тебя планы?* — *Сначала — мыться, потом — спать, потом — разбирать чемоданы*. В болгарском языке, помимо *да*-конструкции, здесь можно ожидать цепочек с отглагольными именами: *Първо — почивка, после — спането…*

1.2.6.6.7. Молчать!

Инфинитив, как известно, может взять на себя функции императивной формы. **Волеизъявление** говорящего, обращенное к собеседнику, в инфинитивных предложениях, по сравнению с императивными, выражается более резко и категорично — как акт приказа, не предполагающего возможности невыполнения: *Замолчать! Слушать команду!* Инфинитивные предложения используются также

в призывах-лозунгах *Добиться экономии средств!*; *Вырастить хороший урожай!* и в «инструктивном императиве» (см. [Васева 2007а]): *Вскрывать в темноте*; *Перед употреблением взбалтывать*; *Построить график температур воды.*

Отрицательная форма инфинитивного предложения со значением волеизъявления может быть употреблена не только превентивно или запретительно (*Завтра не проспать!* 'Принять все меры, чтобы не проспать'; *Когда войдем, не шуметь!*), но и как призыв прекратить имеющую место ситуацию: *Не паниковать!*; *Не суетиться!*

В болгарском языке эквивалентами императивного инфинитива являются все средства выражения побуждения (см. раздел «Побудительные предложения»), прежде всего:

а) *да*-конструкция как с личной, так и с безличной формой глагола: *Ссадить его на берег!* 'Да го свалим на брега!'; *Спалить этот дом!* (Э. Казакевич) 'Да се изгори тази къща!';

б) форма повелительного наклонения: *Молчать!* 'Мълчи! / Мълчете!'

О способах передачи инструктивного императива на болгарский язык см. в [Васева 2007а].

Для перевода отрицательных императивных инфинитивных предложений обычно выбираются конструкции, не содержащие финитных форм глагола, см. далее примеры А. Николовой [2004: 53]: *Ничего не пить сегодня!* 'Днес никакво пиене!'; *Не ссориться!* 'Без караници'; *Замолчать! Исполнять, что сказано!* (А. Бек). 'Без приказки! Да се изпълни, както е казано'.

1.2.6.6.8. Мне только подписать

В этих **«просительных»** предложениях выражается целенаправленная, но вынужденная деятельность субъекта речи: *Вы зачем? — Мне поговорить*; *Вам что? — Мне только подписать.* Частица *бы* усиливает значение желательности, просительности, но не изменяет правил формирования модели: *Мне бы поговорить*; *Мне бы сына увидеть.* Такая просьба возможна и в отношении 3 л.: *А это еще кто? — Да ему только подписать*. Частица *бы* и здесь не исключается (собственно, отражая цитатность фразы) и подчеркивает сочувствие просителю: *Ей бы только сына одним глазком увидеть — и она уйдет.*

Перевод на болгарский язык осуществляется, как правило, *да*-конструкцией: *Бежать! Бежать во что бы то ни стало!.. Бежать немедленно!* '*Да бягам! Да бягам* на всяка цена!.. Незабавно *да бягам*!' (А. Беляев). См. также:

Вы зачем? — Мне поговорить. 'За какво сте дошли? — За да поговорим / Да поговорим';

Вам что? — Мне только подписать. 'Какво искате? — Само да подпиша';

Мне бы сына увидеть. 'Само да видя сина си';

Ей бы только сына одним глазком увидеть — и она уйдет. 'Тя иска само с едно око да зърне сина си — и ще си отиде'.

1.2.6.6.9. Поспать бы! Не забыть бы!

Неотрицательные инфинитивные предложения с частицей *бы* однородны по значению и выражают **желательность** для говорящего какого-н. действия, перехода в какое-н. состояние, приобретения какого-н. качества: *Поспать бы!*; *Прийти бы домой пораньше!*; *Поработать бы!*; *Улизнуть бы!*; *Влюбиться бы!*; *Остаться бы с ним наедине!*; *Быть бы известной!*; *Быть бы принцессой!*; *Иметь бы много денег!*

Отрицательные формы также допускают самые разнообразные группы предикатов (из тех, естественно, которые требуют одушевленного субъекта). При глаголах НСВ, обозначающих контролируемое действие, выражается совет другому лицу не совершать указываемое действие: *Не приходить бы тебе!*; *Не читать бы тебе при таком свете!* ('Лучше бы не приходить, не читать'), или сожаление по поводу совершенного действия: *Не говорить бы тебе этого* ('Жаль, что ты пришел, сказал'), а при неконтролируемых глаголах НСВ — только последнее из значений: *Эх, не ронять бы мне тогда эту вазу!*; *Не знать бы мне тогда этого!*

Как и соответствующие императивные формы (*Не урони!*; *Не забудь!*), инфинитивы с отрицанием допускают глаголы СВ группы «происшествий» с личным субъектом, выражая предостережение, опасение: *Не уронить бы!*; *Не забыть бы!*; *Не ошибиться бы!*; *Не промахнуться бы!*; *Не поскользнуться бы!*; *Не чихнуть бы!* Подобные предостережения могут быть иногда обращены и к другим участникам ситуации, но, выбирая эту форму, говорящий принимает на себя ответственность за попытку контроля над ситуацией: *Не забыть бы!* ('нам, и мне в том числе') — или, по крайней мере, выражает свое беспокойство, причастность к возможной оплошности: *Не уронить бы!* Этой автороцентричностью (разворачиванием ситуации «на себя») инфинитивные предложения «предостережения» отличаются от подобных императивных: *Не поскользнись!*; *Не урони!*

Инфинитивное предложение с *только бы не*, *лишь бы не*… предпочитает глаголы-происшествия: *Только бы не споткнуться!*; *Только бы не покраснеть!*; *Только бы не удариться!*; *Только бы не задеть его!*; *Только бы не опростоволоситься!*

Видеть ее, говорить с ней! Семантической разновидностью предложений желания являются инфинитивные предложения **«заветной мечты»**. Они строятся без частицы *бы* и обычно имеют цепочечное построение: *Видеть ее, слышать, говорить с ней, быть рядом с ней.* Обозначаемое предикатом действие или состояние представлено как объект интенсивного желания, стремления субъекта речи. Усиление этого значения, представление его как единственного желания достигается употреблением частиц *только бы*, *лишь бы.*

Ограничений по признаку контролируемости здесь нет, выбор предикатов диктуется тематически: если объект «мечты» — человек, то предикаты прежде всего перцептивные (*видеть*, *слышать*, *касаться*, *смотреть*, *находиться рядом*), а в отрицательных формах — и ментальные (чаще всего неконтролируемых проявлений). Если же объект мечты, например, — определенный образ жизни, то выбираются

контролируемые действия, возможно и в ряду неконтролируемых, для отражения разных сторон той «обстановки», которую воображает себе говорящий: *Работать, помогать людям, любить и быть любимым…*

Данные предложения имеют широкий круг функциональных болгарских эквивалентов для выражения желания: *Поспать бы! — Да можех да си поспя!*; *Как ми се спи!*; *Само да си подремна!*; *Малко поне да си поспя.*

По наблюдениям А. Николовой над большим корпусом текстов [2004: 56], *да*-конструкция при переводе инфинитивов «желания» используется прежде всего по отношению к 1 л. (ед. и мн. ч.), в ином случае вводится глагол со значением желательности: *Отдохнуть бы Григорию, отоспаться!* (М. Шолохов). 'Как му *се иска* на Григорий да си почине, да се отспи!'; *Ему бы провалиться сейчас сквозь землю — вот был бы выход из положения* (Ю. Герман). '*Искаше* му *се* в тоя момент да потъне в земята — това щеше да бъде изход от положението'.

При отрицательных формах при переводе включаются болгарские частицы опасения *да не*, *да не би да*. В отличие от обычных способов выражения предостережения (*Смотри не упади! — Да не паднеш!*, см. 1.2.1.), при инфинитивах желательности предостережение относится не к собеседнику, а к самому говорящему (*Не пропустить бы!* 'Само да не го изпусна!') или эмпатическому персонажу (или группе лиц, включающих говорящего или эмпатического персонажа); *Не опозориться бы!* 'Да не се изложим!'

Рассмотренные предложения нужно отличать от инфинитивных конструкций с комплексом *только бы* не в оптативном, а в ограничительном значении: *Вам бы только болтать*; *Вам только бы сплетничать*; *Ему бы только музыку слушать* — из уст говорящего реплика звучит как осуждение характерных занятий Х-а. Соответственно, отличается и перевод на болгарский язык:

Вам бы только болтать! 'Дай ви само да дрънкате' (*букв.* 'Дай вам только болтать');
Вам только бы сплетничать! 'Дай ви само да клюкарствате!';
Ему бы только музыку слушать. 'Дай му само да слуша музика!'

1.2.6.6.10. Некуда пойти

Русские конструкции с инфинитивом и неопределенными либо вопросительными местоимениями и наречиями (*Некуда пойти*; *Тебе есть о чем подумать*) имеют в болгарском языке аналоги в виде предложений с бытийным глаголом *има / няма*. Болгарский язык эксплицирует скрытую в русском языке «бытийную» сущность данных построений[121]: акцентированный бытийный глагол присутствует в болгарском не только в положительной (как в русском), но и в отрицательной форме настоящего времени, где в русском глагол опускается, ср. положительную форму с глаголом *има*: *Има какво да правим.* 'Нам есть чем заняться', *букв*. 'Есть что (нам)

[121] Об их принадлежности к полю бытийности см. [Арутюнова, Ширяев 1983: 26, 92], несколько иная версия экзистенциальной трактовки представлена в [Апресян, Иомдин 1989].

делать’ *Има кого да запитам.* ‘Мне есть кого спросить’, и отрицательную форму с глаголом *няма*: *Няма защо да се безпокоиш.* ‘Незачем тебе беспокоиться’; *Няма за кого да се грижи.* ‘Ему (ей) не о ком заботиться’.

Помимо глаголов *има / няма* в требуемой временной форме, в конструкцию входит вопросительное местоимение (в им. пад. или косвенно-падежной[122] форме или с предлогом) или наречие с последующей *да*-конструкцией (на месте русского инфинитива). Глагол в *да*-конструкции имеет форму, координирующую с выраженным или закадровым субъектом.

Обозначение субъекта распространяющей предикации производится в болгарском языке синтаксически независимой формой ИГ: *Радка има за кого да се грижи.*

Обратим внимание, что в данной конструкции, независимо от лица и числа субъекта, в норме употребляются неизменяемые глаголы *има / няма*. Обычно в языке они формируют безличное предложение (напр., с местоименным актантом: *Няма никого*; *Има го в списъка*), но в данной формуле это не так: субъект, если он выражен личным местоимением (в случае логического выделения), имеет форму им. падежа: *Тебе незачем волноваться*. ‘*Ти* няма защо да се безпокоиш’. Ср. и другие примеры с эксплицитным субъектом и без него:

Нам есть о чем подумать. ‘Има за какво да помислим’; *Ей будет с кем сотрудничать*. ‘Ще има с кого да сътрудничи’; *Незачем тебе туда ходить*. ‘Няма защо да ходиш там’; *Ребенку нечего есть*. ‘Детето няма какво да яде’; *Не о чем тебе с ним разговаривать*. ‘Няма за какво да говориш с него’; *Петру не с кем было пойти в кино*. ‘Петър нямаше с кого (с кой) да отиде на кино’.

Ср. и в переводных парах из параллельных корпусов:
а) положительные формы:

У вас есть где жить? (Т. Полякова). ‘Имате ли къде да живеете?’ (пер. И. Митевой);

Кроме того, товарищ Бочаров, у нас есть о чем с вами потолковать... (И. Тургенев); ‘Освен това, другарю Бочаров, двамата с вас има за какво да си поприказваме…’ (пер. Г. Константинова);

Народ разошелся. Офицеры меня поздравляли — точно, было с чем! (А. Литвиненко). ‘Народът се разотиде, офицерите ме поздравяваха — и наистина имаше за какво’ (пер. З. Петровой);

А поболтать было бы о чем: кругом народ дикий, любопытный… (А. Литвиненко). ‘А би имало за какво да се побъбри: наоколо див, интересен народ…’ (пер. З. Петровой).

б) отрицательные формы:

Да горе в том, что спросить-то было некому (М. Булгаков). ‘Но бедата е там, че нямаше кой да го попита’ (пер. Л. Минковой);

[122] Собственно, категория падежа в этой конструкции проявляется только у вопросительного местоимения *кой*, ср. им. п. — *кой*, вин. п. — *кого* (в том числе после всех предлогов).

И некому было утешить ее в горе, некому было ответить плачем на ее плач… (Ч. Айтматов). ‘И нямаше кой да я утеши в мъката ѝ, нямаше кой да отговори на риданията ѝ с ридания’ (пер. М. Златанова);

Юра рассчитывал на случайную встречу, но им негде было встретиться (А. Солженицын). ‘Юра разчиташе на случайна среща, но нямаше къде да се срещнат’ (пер. В. Райчева);

Вы сейчас смоетесь, и мне будет не с кем словом перемолвиться (А. Приставкин). ‘Вие ей сега ще изчезнете оттук и аз няма да има с кого да обеля една дума’ (пер. З. Петровой);

И не перед кем было ей лить слезы… (Ч. Айтматов). ‘И тя нямаше пред кого да излее мъката си…’ (пер. М. Златанова).

В разговорном болгарском языке в данном типе конструкций допускается и личная форма глагола *имам / нямам*[123]: *Имам къде да отида*. ‘Мне есть куда пойти’; *Нямаш ли какво да правиш?* ‘Тебе что, делать нечего?’

Теперь обратимся к двум конструкциям (в литературе обычно не различаемым), инфинитив в которых не имеет самостоятельного синтаксического статуса. Они представляют экспрессивно-фазисную модификацию модели со спрягаемой формой глагола [Золотова и др. 1998: 140].

1.2.6.6.11. А он — сразу бежать

Признак «контролируемость» считается необходимым условием образования русских предложений с инфинитивным сказуемым со значением **внезапного, интенсивного начала действия** [Булыгина 1982: 76—77]. В типичном случае начавшееся действие представлено как продолжительное или многократно повторяющееся: *И царица — хохотать, / И плечами пожимать, / И подмигивать глазами, / И прищелкивать перстами, / И вертеться подбочась, / Гордо в зеркальце глядясь* (А. С. Пушкин). Впрочем, эта семантика может прагматически эксплуатироваться для характеристики даже однократного действия агенса, представляя единичное событие как многократное: *Я ему пытался объяснить, а он сразу в милицию звонить / за ружье хвататься*.

Однако наиболее характерный признак конструкции — «интенсивный и внезапный приступ к действию» [Там же: 76—77]. Понятно, что эта семантика ограничивает круг глаголов даже контролируемых действий. Главным требованием

---

[123] При обсуждении текста Стефана Димитрова обратила наше внимание на то, что рассматриваемые конструкции с изменяемым глаголом *имам / нямам* имеют разный стилистический статус в зависимости от лица сказуемого. В то время как конструкции с 1 л. (ед. или мн. ч.) типа *Аз имам / има за какво да помисля* признаются синонимичными, дискуссионна нормативность конструкций со 2 л. В некоторых фразах установились, по-видимому, и семантические различия. Так, предложение *Ти нямаш какво да правиш* (с изменяемым глаголом) указывает на отсутствие объекта приложения действия, а фраза *Ти няма какво да правиш* (с безличным глаголом) выражает бессилие и беспомощность, ср. примерные смыслы ‘Тебе нечем заняться’. — ‘Ты не можешь ничего предпринять’.

для включения того или иного глагола в эту инфинитивную конструкцию является его способность обозначать деятельность, интенсивность которой имеет внешнее выражение. Поэтому агентивные предикаты, не соотносимые с «бурными» действиями, здесь вряд ли могут быть употреблены: *И она давай* (*?*) *чертить* / (*?*) *гладить* / **наблюдать* / **ждать мужа домой* / **слушать музыку.* Статичные и событийные глаголы, а также глаголы позиционирования здесь тоже невозможны (*А он* — **преподавать* / **приходить* / **лежать*).

При глаголах неконтролируемых действий значение бурного и внезапного начала не может быть выражено этой конструкцией, для этого имеются другие средства — глаголы с фазисной семантикой, частицы «внезапной интенсивности»: *А она после этих таблеток как начала толстеть!*; *А снег как повалил!* (Ср. **А она — толстеть*; **Снег — валить*), примеры Т. В. Булыгиной. Однако некоторые «бурные» неконтролируемые человеческие реакции могут быть переданы данной конструкцией: *Ну что же ты! Я тебе это по-хорошему сказал, а ты сразу плакать*; *Она увидела это и давай рыдать*; *Один пацаненок говорит другому:* «*У меня мать с отцом, как спать лягут, сразу храпеть*» (Э. Асар).

В современном разговорном языке рассматриваемая модель чаще всего встречается в противопоставительных контекстах, выражая неожиданность поведения агенса для субъекта речи, контраст с ожидаемой от него реакцией, поэтому конструкция обычно вводится союзом *а*: *Я ему кричу, а он сразу бежать*; *Я ему пытался объяснить, а он сразу драться.* Субъект речи часто является участником ситуации и всегда — ее интерпретатором, т. к. конструкция — ретроспективна, она сообщает о событии, которое имеет/имело место. Субъект ответного «интенсивного» действия обозначен либо 3 л., либо — при обращении к собеседнику — 2 л.: *Да подожди! Я тебе пытаюсь объяснить, а ты сразу драться / бежать / кричать.* Разговорные частицы «внезапной начинательности» *давай* и (редко) *ну* употребляются только в неактуальном времени и только по отношению к 3 л.: *Я ему объясняю, а он давай драться!* Наречия *сразу*, *вдруг* — частый элемент конструкции.

На болгарский язык это значение бурного начала передается с введением фазисных начинательных глаголов, при возможности — со значением быстрого начала действия (они имеют ограничения как стилистические, так и сочетаемостные) и основного глагола НСВ:

Я ему пытался объяснить, а он сразу в милицию звонить. ‘Аз се опитвах да му обясня, а той веднага *почна* да звъни на милицията’;

Она увидела это и давай рыдать. ‘Тя видя това и *започна* да плаче’;

Я ему кричу, а он сразу бежать. ‘Аз му викам, а той веднага *се втурна* да бяга’.

1.2.6.6.12. Так ты драться!

Структурно (и во многом — семантически) совпадает с рассмотренной выше конструкцией оценочно-экспрессивная трансформация спрягаемого глагола

в предложениях **неодобрительно-оценочной реакции** на действия другого лица: *Так ты драться!*; *Ах, так ты кусаться!* Интенсивность не является обязательной составляющей семантики этой конструкции. Наоборот, чаще всего такая реплика появляется как ответ на единичное действие осуждаемого субъекта, ср., например, возможную реакцию на однократный поступок: *Это он-то — и мне замечания делать, вот еще!* Таким образом, многократность создается самой формой как гиперболизация обвинительного смысла. Недаром чаще всего в нее включаются глаголы «поведения» ([Падучева 1996: 149—151; Апресян 2004а: 12—14], с болгарскими параллелями — [Иванова 2012а]), которые обобщают единичный поступок субъекта как тип поведения:

Леся Дмитриевна, как стало ясно, пришла повиниться и признать, какая она плохая… и как ей важно, чтобы именно я ее понял. — А-а. ***Так ты каяться?*** *— я вроде как засмеялся* (В. Маканин);

Биби она в самом деле, должно быть, рассказала, потому что та была день или два очень суха с Виктором. Злоба в душе его забушевала. Поймав снова Иродиаду в коридоре, именно после описанного нами чтения, он остановил ее. — А, ***так ты ябедничать****! — произнес он и так распорядился, что Иродиада, для спасения себя, сначала толкалась, а потом укусила ему плечо. —* ***Ты еще кусаться!*** *— проговорил Виктор и схватил её за косу* (А. Писемский).

Неагентивные глаголы в этой форме невозможны.

Важным смысловым отличием от предыдущей инфинитивной конструкции является непременное осуждение и неприятие действий другого участника, недопустимость их с точки зрения субъекта речи. В этих предложениях всегда есть конфликт и его оценка. Именно эта специфика лежит в основе того факта, что, по наблюдению Г. А. Золотовой [Золотова и др. 1998: 140], конструкции типа *А он сразу бежать* (1.2.6.6.11) принадлежат репродуктивному типу повествования, а рассматриваемые здесь представляют реактивный регистр речи.

Болгарские эквиваленты данных предложений включают глагол намерения *искам*:

Ах, так ты кусаться! — А, искаш да ме ухапеш! (‘Хочешь меня укусить!’);
А, так ты ябедничать! — Искаш да ме натопиш! (‘Хочешь меня заложить!’).

Как показывают примеры, специфика русских инфинитивных предложений, во многих из которых соединены значения внутренней и внешней или «всеобщей» («суждено») мотивированности действия [Гришина 1997: 9], не может быть передана на болгарский язык в том же цельном виде, как в русских независимых инфинитивах. Эти компоненты значения либо предстают в переводе раздельно, либо один из них остается не выражен [Николова 2004: 59]. Семантической синкретичности русского независимого инфинитива способствует и невыраженность лица, в то время как в болгарском языке отнесенность действия к какому-л. лицу становится ясной обычно уже из самой грамматической формы.

1.2.6.7. Вопрос односоставности безглагольных предложений

Как мы уже подчеркнули выше, «номинативные», «именные» предложения представляют собой речевую реализацию разных семантико-синтаксических структур — чаще всего экзистенциальных, но также и идентифицирующих, характеризующих, именующих. В работе [Иванова 2003] подробно описано, каким образом и в каких условиях образуются «редуцированные» варианты, каковы их функции и особенности в сопоставляемых языках. При этом если в русском языке неполными оказывается, при ближайшем рассмотрении, лишь часть из традиционно выделяемых неглагольных предложений, то в болгарском, по-видимому, все «номинативные» предложения можно считать неполными.

В конце этого раздела рассмотрим сходства и различия в болгарском и русском языках предложений, содержащих предикативную указательную частицу. Для болгарского языка это единственный претендент на статус односоставного неглагольного предложения.

1.2.6.7.1. «Номинативные» («именные») предложения

Разумеется, в лингвистике не единожды раздавались призывы обратить внимание на то, что предложение номинативной формы само по себе не сигнализирует о том или ином значении. Призывы эти были направлены прежде всего против формального подхода, включающего в группу номинативных (именных) предложений не только сообщения о существовании предмета и явления, но и построения иной семантики и разного синтаксического статуса: «магия» изолированной формы номинатива заставляла объединять в одну группу односоставных предложений построения одинаковой формы (*Туман*; *Позор!*; *Скальпель!*; *Красота!*; *Мышь!* и др.). Если вопрос о неполноте конструкций с небытийным значением все же решался более-менее единообразно, то вопрос о статусе номинативов с бытийным значением дискуссионен до сих пор.

Действительно, издавна бытийному номинативу (в сочетании с предикативной интонацией) приписывалась феноменальная способность и называть предмет, и одновременно утверждать его существование в момент восприятия. Утверждение о наличии в номинативных предложениях «единого» главного члена, совмещающего функции подлежащего и сказуемого, способствовало укреплению идеи «спаянности» и структурных, и семантических компонентов[124]. Представление о синтаксической нерасчлененности и семантической синкретичности номинативного предложения привело к вопросу о том, не является ли формальная односоставность его структуры языковым отражением особой формы мысли — одночленной, имплицитной [Бабайцева 1968; Проничев 1991], возможно «промежуточной» между понятием и суждением [Панфилов 1971: 160]. В «Русской грамматике», как не раз обсуждалось, бытийность была приписана самой форме N_1 как инвариантное значение: «существование, наличие предмета или предметно представленного

[124] Об истории изучения номинативных предложений в русском и болгарском языках см. [Иванова 2003; 2007].

действия, состояния» [РГ 1980-2: 358]. Предлагаемая схема N_1 не дает возможности решить основной вопрос, который ставится (даже если не формулируется) в связи с объяснением феномена номинативного предложения, — чем выражается в нем бытийное значение?

Неотчетливость субъектно-предикатного членения номинативных предложений, трудности определения синтаксического статуса опорного существительного, неполный охват схемой N_1 всего комплекса высказываний с бытийной семантикой (в «Русской грамматике», как известно, ряд бытийных структур выведен в другие типы предложений), контекстуальная зависимость и стилистическая маркированность многих из них[125] привели лингвистов к мысли о том, что номинативные предложения, скорее всего, не являются самостоятельным структурным типом. Предлагалось относить их к периферийным моделям [Москальская 1974: 89—91] либо исключать из состава структурных схем предложения как речевое образование [Юрченко 1972; Левицкий 1995]. Общие сомнения по поводу синтаксического статуса этих построений были выражены И. П. Распоповым:

> В реальности подобных предложений (именно как предложений), вообще говоря, невозможно сомневаться — они довольно очевидный факт речевой действительности… вопрос заключается не в этом, а в том, правомерно ли выделять такие предложения в особую группу, используя критерии одного лишь конструктивного синтаксиса (без вмешательства коммуникативно-синтаксических критериев), т. е. правомерно ли говорить о наличии специальных конструктивных схем номинативных предложений [Распопов 1970: 70].

Исследовательские методы семантического синтаксиса позволяют предположить, что номинативные предложения представляют собой речевой вариант семантико-синтаксических структур с экзистенциальным значением. К такому выводу пришли, хотя и с разных позиций, с одной стороны, Г. А. Золотова и, с другой, — Н. Д. Арутюнова. Так, в концепции Г. А. Золотовой [Золотова и др. 1998], номинативные предложения типа *Мороз*; *Стук* предстают как неполные речевые реализации моделей *На дворе мороз*; *В доме стук* с предицируемым компонентом *на дворе*, *в доме* при опущении его в силу избыточности или названности в контексте. В концепции Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1976; Арутюнова, Ширяев 1983] логико-синтаксический механизм образования «фоновых» номинативных предложений связывается с актуализацией имени бытующего предмета. «Соскальзывание» коммуникативного фокуса влечет за собой содержательные и формальные изменения. Если в нейтральной структуре имя объекта бытия входит вместе с глаголом в рему предложения *В этом лесу // есть грибы*, то при логическом выделении имени бытийный глагол становится менее обязательным и может быть утрачен: *Здесь // грибы*. В ряде случаев становится ненужным и локализатор, в результате чего

[125] «Языковая модель предложения должна выводиться вне влияния распространителей и контекста. Если такая зависимость обнаруживается, то либо перед нами речевая реализация модели, либо неверен принцип её выделения» [Золотова 1982: 189].

и возникают номинативные предложения — как модификации бытийной логико-синтаксической структуры.

Эти исследовательские методы представляются эффективными и для изучения номинативных конструкций с небытийным значением. Номинативные предложения предстают как речевые варианты разных семантико-синтаксических структур — чаще всего экзистенциальных, но также и идентифицирующих, характеризующих, именующих. Каждый логико-семантический тип предложения (Н. Д. Арутюнова) может быть реализован в реальном предложении текста с участием не всех своих семантических составляющих. Часть их может быть сдвинута в контекст или вообще не быть выражена, ср. «усеченные» предложения: а) характеризации: *Дом — в центре города.* ***Голубой особняк*** (В. Токарева); б) идентификации: *Дверь в комнату отворилась…* ***Риммуля!*** (В. Попов); в) именования: *Теперь детям пятнадцать и шестнадцать — сын и дочь.* ***Соня и Сева*** (В. Токарева); бытия: *Она быстро выдернула ящик.* ***Рыжий портфель*** (В. Набоков). В сопоставительном плане обратим внимание на следующие моменты.

1. Для болгарского языка нормативно наличие глагольного компонента во всех перечисленных выше логико-семантических типах предложений в их полном варианте (даже бытийных, ср. *На масата* ***има*** *цветя*; *Зад нас* ***е*** *Димо*), поэтому усечение до номинатива всегда имеет результатом неполное (глагольное) предложение. Русские же бытийные предложения, где в норме бытийный глагол в настоящем времени не выражается (*На столе цветы*; *Справа — Казанский собор*), даже при утрате локализатора не становятся неполными, а представляют собой двусоставную структуру с нулевым бытийным глаголом.

2. В однокомпонентных высказываниях болгарского и русского языков, где эксплицировано только имя объекта бытия, достигается одинаковый стилистический эффект: *Ниви. Ливади. Синьо небе.* 'Поля. Луга. Синее небо', об этом подробнее см. [Иванова 2003; 2004].

3. Совсем иное соотношение русских и болгарских бытийных структур складывается при устранении только глагола (при сохранении локализатора). Если опущение глагола в болгарском предложении — это лишь вопрос стилистического выбора [Стоянов 1970], не затрагивающий семантику высказывания, то в русском языке безглагольные и глагольные структуры различаются семантически [Селиверстова 1990: 71—84; Янко 2001: 309—325], ср. болг. *На стената има картина. — На стената — картина, до леглото — голяма ваза с цветя*; *На главата му има шапка. — На главата му — шапка, в ръцете — куфар* и русск. *В холодильнике помидоры. — В холодильнике есть помидоры*; *На стене гвоздь. — На стене есть гвоздь, можно повесить картину*, см. подробнее об этих болгарско-русских параллелях в [Иванова 2002; 2009в].

1.2.6.7.2. Указательные предложения

Указательные частицы (русск. *вот/вон*, болг. *ето/ей*) и в русском, и в болгарском языках могут быть употреблены как предикативно, так и непредикативно [Николаева 2000: 321—325; Тарланов 1999: 142; Рогова 1971: 41—42; Блажев 1996/1997].

Непредикативные употребления в русском языке хорошо описаны Т. М. Николаевой. В частности, непредикативное *вот* часто включается в именные предложения в функции «описательной демонстрации» [Николаева 2000: 309], сопровождая рематическое имя — объект бытия: *Однажды, уже по служебным делам, я проезжал мимо ее дома.* ***Вот*** *земляной утоптанный пустырь. Тяжелые ржавые гаражи*… (В. Попов), ср. ту же функцию и в болгарском языке:

> ***Ето*** *двама души, които вероятно биха скандализирали обществото от «Варшава». Дебели пуловери. Обувки от петнайсет лева. Басмена пола. Дочен панталон. И това — в декември* (Б. Райнов);
>
> *Яворов ни запознава с наченките на Гоце* (*Георги*) *Делчев, роден в 1872, в историческия гр. Кукуш.* ***Ето*** *средата му,* ***ето*** *семейството му*… (М. Арнаудов);
>
> …*Зад тях с молния в очите бай Ганьо Балкански,* ***ето*** *Гочоолу и Дочоолу,* ***ето*** *Петреску, внучето на Данка Харсъзина, Спиро Копоя, Топал Мустафа,* ***ето*** *циганите, рибарите,* ***ето*** *сам Данко Харсъзина* (А. Константинов).

Подобное непредикативное употребление частиц русск. *вот*, *вон* и болг. *ето*, *ей* осуществляется в рамках именных предложений — неполных реализаций бытийного типа.

Указательную функцию выполняют эти частицы и в предложениях с финитным глаголом: ***Ето*** *там живея, наблизо* (Д. Талев). ‘Я вон там живу, недалеко’ (см. и в примере ниже *А вон там, подальше отсюда*…).

Однако указательные частицы могут выступать и в предикативной функции. Русское предикативное *вот / вон* формирует двусоставное предложение, где подлежащим является ИГ, а сказуемым — указательная частица, которая инвертирована и выступает в позиции акцентированной ремы: ***Вот***↓ *— этот случайный дворик, в который я наобум свернул с тротуара* (В. Попов); *А вон там, подальше отсюда, кто-то щедро накрошил в залив пенопластовых крошек,* ***вот***↓ *они — болтаются на волнах* (П. Мейлахс). Ср. и у З. К. Тарланова о способности слова *вот* «занять также синтаксическую позицию сказуемого двусоставного несогласованного предложения» и выполнять предикативную функцию, которая «наиболее очевидной представляется тогда, когда оно следует за именительным падежом субъекта, ср. *Софа — вот*» [Тарланов 1999: 77].

В болгарском языке предикативное *ето / ей* выполняет функцию сказуемого с обязательным аргументом — прямым дополнением: ***Ето***↓ *я*. ‘Вот она’ (*букв.* ‘Вот ее’); ***Ето***↓ *ги*. ‘Вот они’; …*Очите му зашариха по лавиците на библиотечния шкаф.* «***Ето***↓ *този бюст!*» (А. Гуляшки). ‘Глаза его стали шарить по полкам библиотечного шкафа. «Вот↓ этот бюст!»’, см. и близкую трактовку в [Блажев 1996/1997]. Данная конструкция считается балканской чертой болгарского языка [Цивьян 1979: 177]. В отличие от русского языка не допускается перестановка частицы (**Този бюст — ето*), т. к. ИГ является дополнением.

Указательные предложения болгарского языка с указательной частицей в функции предиката являются единственным типом неглагольных односоставных предложений.

1.3. ОСЛОЖНЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Традиционно выделяемые[126] в отечественной лингвистике типы осложнения простого предложения — это, с одной стороны, синтагматический тип осложнения в виде обособленных и однородных членов предложения, с другой — элементы синтагматически независимого плана[127]: вводные и вставные слова и выражения, а также обращения.

В болгаристике понятие осложнения простого предложения не используется. Обычные рубрики, в рамках которых рассматриваются способы включения в предложение дополнительных элементов, следующие: распространяющие и повторяющиеся члены предложения; однородные члены предложения; обособленные члены предложения; вводные и вставные конструкции; обращения и междометия, напр. [Недев 1992]. Иногда список расширяется «присоединительными» конструкциями (по сути, включающими и парцелляцию), как в [ГСБКЕ 1983-3].

При этом если набор синтагматически связанных единиц общепринят, то по отношению к независимым элементам в болгаристике представлены диаметрально противоположные точки зрения даже в рамках концепций традиционного синтаксического описания. Так, в работах предшествующих десятилетий [Попов 1963; ГСБКЕ 1983-3] состав осложняющих элементов расширен частицами, предлогами и союзами. Некоторые современные грамматики не рассматривают в рамках синтаксиса междометие [Пашов 1999], ср. выведение не только междометия, но и обращения из списка осложняющих элементов в [Брезински 1995; Радева П. 1997]. В таком случае понятие осложняющих членов сужается до тех явлений, которые интегрированы в синтагматическую цепочку.

Обратим внимание и на еще один существенный момент. Факт пунктуационного вычленения (отражающий особый ритмико-интонационный характер синтаксических явлений) крайне важен для выделения большинства типов осложняющих элементов. Однако сейчас в болгарском языке, после упрощения пунктуационных

---

[126] В этой работе мы не останавливаемся на дискуссионности понятий «осложнение простого предложения», «осложняющие члены предложения», как и на разнообразии подходов к их классификации (см., напр., обзор в [Синтаксис современного русского языка 2008: 44—49]), не включен в раздел вопрос о пропозитивном осложнении предложения (напр., отглагольными существительными). Из дискуссионных теоретических вопросов осветим лишь принятый в болгарской лингвистике подход к пониманию однородных членов.

[127] Это разделение хорошо согласуется с современными синтаксическими концепциями, которые рассматривают вводные слова и обращения (и тем более междометия) как единицы, не входящие в основные синтаксические составляющие.

правил, не все из перечисленных явлений имеют пунктуационное оформление (см. об этом главу VI).

1.3.1. Однородные члены предложения

Как и в русской лингвистике, однородными считаются члены предложения, исполняющие одну синтаксическую функцию[128] и связанные сочинительной связью[129]. По отношению к главному дискуссионному вопросу однородности — о трактовке сочиненных сказуемых — в болгарской лингвистике принята практически единая позиция о трактовке сочиненных сказуемых как сложносочиненных предложений (см. далее).

Что касается других членов предложения, то с теми или иными вариациями на сегодняшнем этапе с уверенностью утверждается наличие однородных определений, подлежащих, дополнений, обстоятельств. Однородные приложения рассматриваются либо отдельно, либо в рамках однородных определений — в зависимости от того, каков статус одиночных приложений в каждой концепции.

Из особых точек зрения упомянем предложение И. Недева выявлять однородные члены через критерий реакции на отрицательную частицу *не*: при однородности в сферу ее действия попадают все однородные члены, и вся отрицаемая группа прогнозирует необходимость появления противительного союза: *Костадин си припомни, че за мелницата и за машините ще трябва около осемстотин хиляди лева* (Э. Станев). — *… не за мелницата и машините, а за…* При неоднородном сочинении *не* действует только на ближайший сочиненный элемент: *Лазо* (*не*) *лежеше и пушеше* [Недев 1992: 156—157].

Впрочем, как справедливо показала С. Петрова [2008: 84—85], данный критерий применим лишь при соединительном сочинении, и то не для всех случаев. Сама болгарская исследовательница предлагает связывать однородность с брахилогией — сочинительным сокращением, пропуском ненужно повторяемой общей части [Там же]. Это подход позволяет, как отмечает автор, рассматривать как однородность даже сочинение союзов, союзных слов, предлогов: *Ще кажа ако и понеже настояваш*, *букв.* ‘Скажу, если и поскольку ты настаиваешь’; *Говори истината където и когато е необходимо.* ‘Говори правду, где и когда это необходимо’; *Със или без тебе, ще стане*, *букв*. ‘С или без тебя, это произойдет’[130].

---

[128] Традиционное определение требует уточнения с учетом разной семантики, возможной у второстепенных членов (напр., обстоятельство места, времени и т. п.), не допускающих трактовки их сочинения как однородности. Ср., однако, понятие *ряда.*

[129] При этом такая связь непредикативных членов в большинстве лингвистических исследований определяется как сочинительное словосочетание, см. [ГСБКЕ 1983-3: 32; Недев 1992: 17—18; Радева П. 1997: 13; Пашов 1999: 258].

[130] Обратим внимание, что невозможность сочинения в русском языке предлога *с* преодолевается в болгарском возможностью его слогового наращения: *с* → *със*. По правилу замена *с* на *със* производится только перед следующим инициальным *с* и *з* (*със захар*), однако в разговорной речи нет этого ограничения.

1. Проблема однородных сказуемых. Проблема однородности сказуемых, связанная с признанием центральной роли предиката в предложении, обсуждалась и обсуждается, как известно, не только в болгаристике. Однако если в отечественном языкознании традиционное восприятие сочиненных сказуемых как однородных поддерживается во многих вузовских учебниках и находит отражение в школьных грамматиках, в болгарской лингвистике общепринята трактовка сочиненных сказуемых как образующих сложносочиненное предложение. Обсуждение ведется лишь относительно однородности частей сказуемого.

Имеющиеся в некоторых работах болгарских исследователей утверждения о том, что сказуемые могут быть однородными, означают лишь, что однородными авторы признают части составного сказуемого. На данный момент в целом общепринятым в болгаристике считается, что однородными являются:

(а) сочиненные части составного неглагольного сказуемого с общим связочным компонентом: *Не му е казала, че човекът, когото обича, не е* ***някой простак и развейпрах****, а* ***главен писар*** *във финансовото министерство, който може да стигне до книговодител и дори до счетоводител* (С. Минков);

(б) глагольные части составного глагольного сказуемого (иначе говоря, сочиненные *да*-конструкции) с общим вспомогательным глаголом: *…Борис не посмя* ***да*** *го* ***обезпокои и да попита*** *за назначението си* (Д. Димов);

в) особые случаи сочинения в рамках аналитических форм, напр. сочинение форм будущего в прошедшем при разных типах сказуемого: простое глагольное сказуемое (*щяха да изсъхнат*) и составное именное (*щяха да станат чупливи*): *Листата не биваше да се излагат веднага на слънце, защото щяха* ***да изсъхнат*** *много бързо* ***и да станат чупливи*** (Д. Димов).

Добавим здесь же, что в [ГСБКЕ 1983-3] вид сочинения (б) вообще не упоминается, как и в последней грамматической энциклопедии [Бояджиев и др. 1998], где раздел синтаксиса выполнен тем же автором, Й. Пенчевым, в генеративном ключе. В работе 1998 г. этот момент, впрочем, выглядит более аргументированным, т. к. в генеративной концепции Й. Пенчева модальные и фазисные глаголы не являются неполнозначными [Там же: 533, 550—552].

2. Союзы при однородных членах предложения. Однородные компоненты, как и в русском языке, могут быть связаны как бессоюзно, напр. *…той пееше* ***тихичко, сладичко****, повечето на себе си* (Елин Пелин); *Той се почувствува* ***смазан, безпомощен, неспособен*** *да оправдае или осъди поведението на Лила* (Д. Димов), так и союзно.

Основные типы болгарских сочинительных союзов и особенности их употребления рассмотрены в разделе «Сложносочиненное предложение»: именно при связывании клауз особенности союзов выступают в наиболее отчетливой форме. Там же оговариваются союзы, допускаемые или предпочитаемые при однородном соединении частей простого предложения или же характерные только для сложного. Ниже обратим внимание на специфику лишь некоторых союзов.

Список соединительных союзов при однородных частях предложения у́же, чем при сочиненных частях сложного предложения. Часть функций сочинитель-

ных союзов не реализуется в рамках однородности в простом предложении, как, например, *и* в функции «нормального развития повествования» [Урысон 2011: 309—310], условно-следственное и др., см. раздел 1.4.1.1.1. Некоторые союзы могут быть употреблены при однородных членах только в комплексе с другими единицами, ср. союз *та*, обычный для сложного предложения, прежде всего для сочиненных сказуемых, и союзное сочетание *та* (*дори*) *и* с градационным оттенком значения (ср. русск. *и даже*): *Стари, млади, жени, мъже, деца,* ***та дори и*** *кърмачета* (А. Константинов). Союз *но* при однородных членах резко сужает круг своих функций (ср. описание ниже и перечень в 1.4.1.2.2.1). Союз *а* при сочинении членов предложения встречается либо в отрицательном контексте (при наличии альтернативы), либо с наращением *също* (*така*) *и*, обретая присоединительное значение, и т. д.

Приведем примеры[131] на разные типы союзов при разных членах предложения, обратив внимание на специфику болгарского языка при употреблении ряда союзов.

а) Соединительные союзы. Для простого предложения наиболее характерен одиночный *и*, многоместные (повторяющиеся) *и... и*, *ни… ни*, *нито… нито* ‘ни… ни’, *хем… хем* ‘и…и’, ‘с одной стороны… с другой стороны’, составные и двойные союзы: *камо ли* ‘не то что’, ‘тем более’ (см. другие эквиваленты при предикативной связи 1.4.1.1.3), *не само… но/ами/а* (*и*) ‘не только… но и’, *както… така и* ‘как… так и’, *както и…* ‘так же, как и’, а также другие союзные комплексы, обычные для СПП, но способные выполнять соединительные функции и в рамках простого предложения: *повече/по-скоро… отколкото* ‘скорее… чем’, *ако не…* (*то*) (*поне*) ‘если не… то’ и под.

Обратим внимания на союз *хем... хем*, который является активным конкурентом повторяющегося союза *и... и* как при соединении дополняющих признаков, так и противопоставленных, ср. соответственно: ***Хем*** *морална,* ***хем*** *материална награда получил* (К. Цачев). ‘И моральную, и материальную награду он, мол, получил’; *Усмивката ѝ бе хем весела, хем малко кисела* (БНК). ‘Улыбка у нее была веселая и одновременно слегка кислая’. В последнем случае в русском языке при однородных членах используется одиночный союз *и*; подробнее о союзе *хем… хем* и его переводе на русский язык см. в разделе 1.4.1.1.2.

При двух отрицательных конъюнктах, в отличие от русского языка, обычно используется не одиночный союз *и*, а повторяющийся *нито… нито* (*ни… ни*)[132] либо его одиночная экспликация, ср. болг. оригинал и русск. перевод:

---

[131] Часть примеров в данном разделе, особенно на менее частотные употребления (напр., специфические виды обобщающих слов, относительно редкие союзы), взята из работ: прежде всего [Недев 1992: 153—171; ГСБКЕ 1983-3: 214—219; Радева П. 1997; РБЕ]. Полные списки средств выражения сочинительной связи см., напр., [Петрова С. 2006; Ницолова 2008а; Радева П. 2012], для разговорной речи — [Радева П. 2012].

[132] Предложения с однородными членами, связанными союзами *нито… нито* и *ни… ни*, соблюдают все закономерности выбора положительной или отрицательной формы сказуемого, см. раздел 1.2.4.1.5.

Позвънявам спокойно, сиреч ***нито*** *с излишна плахост,* ***нито*** *много настойчиво* (Б. Райнов). 'Звоню спокойно, то есть *не* робко *и не* слишком настойчиво' (пер. А. Собковича), *букв.* 'ни с робостью, ни с излишней настойчивостью';

Не *живея с илюзии,* ***нито*** *пък с мечти* (И). 'Я живу *не* иллюзиями *и не* мечтами', *букв.* 'Я не живу иллюзиями, ни мечтами'.

Градационный союз *камо ли* при положительной форме сказуемого указывает на то, что реализация ситуации со вторым конъюнктом более вероятна, чем с первым: *Електрическият ток спокойно може да убие възрастен човек, та* ***камо ли*** *момче като теб* (П. Вежинов). 'Электрический ток спокойно может убить взрослого человека, не то что ребенка, как ты'. При отрицании сказуемого он показывает, что реализация ситуации со вторым конъюнктом еще менее возможна, чем с первым: *Той това* ***не*** *можеше да си го представи,* ***камо ли*** *да го направи.* 'Он этого не мог даже себе представить, тем более сделать'.

Соединительные союзы связывают:

— однородные подлежащие:

Не растяха ***ни*** *треви,* ***ни*** *цветя,* ***ни*** *папрат дори* (П. Вежинов). '[Здесь] не росли ни травы, ни цветы, ни даже папоротник';

На техни години нощем по улиците на тоя кален и тъмен град не се мяркаха дори жени, ***та камо ли*** *момичета* (П. Вежинов). 'В те годы на улицы этого темного и грязного города по ночам не выходили даже взрослые женщины, не то что девушки' (пер. Л. Лихачевой);

— однородные дополнения:

…обществото, в което тя се движи, прави чест ***не само*** *на нея,* ***ами и*** *на нас* (Елин Пелин). '…общество, в котором она движется, делает честь не только ей, но и нам';

Човек рядко мисли за измяната на жена си, ***както*** *и за смъртта* (Г. Стаматов). 'Человек редко думает об измене жены, так же как и о смерти';

Тя не казва ***нито*** «*да*», ***нито*** «*не*». 'Она не говорит ни «да», ни «нет»';

Ако не *от мен, от децата си засрамете* (Елин Пелин). 'Если не меня, то хоть детей своих постыдитесь';

— однородные определения — согласованные:

Усети, че ще я обиди, а бе мила ***и*** *добра жена* (В. Люцканова). 'Он почувствовал, что обидит ее, а она была милой и доброй женщиной';

Тежката болнична миризма, ***по-скоро*** *въображаема,* ***отколкото*** *истинска, отново ме зашемети* (П. Вежинов). 'Тяжелый больничный запах, скорее воображаемый, чем реальный, снова ударил мне в нос' (пер. М. Тарасовой)

и несогласованные: *Той чу гласовете на майка си* ***и*** *на братовата си жена* (Э.Станев). 'Он услышал голоса матери и жены брата';

— однородные предикативные определения: *Вечерта ме завари на терасата пиян* ***и*** *отпаднал* (П. Вежинов), *букв.* ‘Вечер застал меня на террасе пьяным и вялым’;

— однородные обстоятельства:

Но вече никога не я срещна, макар и случайно, ***нито*** *по улиците,* ***нито*** *по ресторантите* (П. Вежинов). ‘Но Сашо никогда больше не встречал ее, даже случайно — ни на улице, ни в ресторане’ (пер. Л. Лихачевой);

Скоро очите му свикнаха с тъмнината, той вече виждаше нейния красив профил, с малко едър нос и строго изрязани устни — силна и властна ***както*** *в живота,* ***така*** *и в съня* (П. Вежинов). ‘…сильная и властная как в жизни, так и во сне…’

б) Сопоставительно-противительные союзы — *но*, *а*. В болгарском языке список союзов этой группы включает также синонимы *ама*, *ала*, *ами*, *пък* (о различиях между этими союзами см. 1.4.1.2), *обаче* ‘однако’, возместительный союз *затова пък* ‘зато’, уступительный союз *макар и* ‘хотя’. Однако для всех этих синонимов функция связи частей простого предложения не характерна или значительно сужена, см. [РБЕ].

Значительная часть контекстов союзов *а*, *но* при связи однородных частей предполагает участие отрицательной частицы — при противопоставлении (*а не*, *но не* (*и*)) или в заместительном значении (*не… а*, *не… но*). Обратим внимание на возможность употребления частицы *и* в составном комплексе *но не и*. Роль данной частицы — подчеркивать семантическую однородность связываемых конъюнктов. При употреблении *но не и* отрицается наличие семантически близкого признака, например при градационном сочинении (*Пазарите изнервени,* ***но не и*** *уплашени*. ‘Рынки встревожены, но не [и] испуганы’, ‘нельзя сказать, что они еще и испуганы’), или указывается, что присоединяемый элемент является исключением из множества (‘но только не’): *…И се измъква незабелязано от вестибюла. Незабелязано, разбира се, за всички други,* ***но не и*** *за бащата на Беба, който го пронизва с недружелюбен поглед в гърба* (С. Минков). ‘…[ушел] незаметно для всех других, но не для отца Бебы…’

Вне отрицательных контекстов союз *но* (а также его синонимы *ама*, *ала*) употребляется и в значении «*но* противоположной оценки», когда из двух сопоставляемых признаков вторая оценка подается как более важная [Санников 1989: 151]:

…Времето, когато появата с красиво момиче захранваше самочувствието, беше отлетяло като косата му: бавно, ***но*** *сигурно* (Д. Шумналиев). ‘Время, когда появление с красивой девушкой повышало его самооценку, ушло, как его волосы, — медленно, но верно’;

Той изглеждаше малко глупаво, ***ала*** *безобидно и добродушно момче* (Д. Димов). ‘Он выглядел глуповатым, но безобидным и добродушным парнем’.

Сопоставительно-противительные союзы соединяют:

— однородные подлежащие: *Радваха се всички,* ***но не и*** *аз, аз, чуждият в тая къща* (Елин Пелин). ‘Радовались все, но только не я, я, чужак в этом доме’;

— однородные дополнения: *Не питай старо,* ***ами*** *патило* (посл.), *букв.* ‘Спрашивай не старого, а многоопытного’;

— однородные определения:

> *При минусовите температури го спасила стара,* ***но*** *дебела ватенка*. ‘При минусовых температурах его спас старый, но толстый ватник’; *Добър човек,* ***ама*** *недовиждащ* (В. Колев). ‘Хороший человек, но близорукий’ (‘плохо разбирается в людях’);
>
> *Млад човек,* ***пък*** *нервен!* ‘Молодой [человек], а нервный!’;
>
> *И вероятно това е най-простият,* ***макар и*** *непълен отговор на въпроса* (Б. Райнов). ‘И вероятно, это самый простой, хотя и неполный ответ на вопрос’;

— однородные обстоятельства: *…на Възнесение ще бъда* ***не*** *дома,* ***а*** *на планината и нямаше да мога да видя ни леля Дъмша, ни Ангелинка* (Елин Пелин). ‘На Вознесение я буду дома, а не в горах…’

в) <u>Разделительные союзы</u>: *или… или, я… я* ‘не то… не то’, *било… било* ‘то ли… то ли’, *ту… ту* ‘то… то’. Союз *или*, как и в русском языке, выступает как одноместный или многоместный, см. подробно о функциях данного союза в простом предложении в [Савова С. 1984]. При вопросительной форме предложения повторяющийся союз *или… или* замещается вариантом с первой вопросительной частицей: *ли… или* или (обычно в сложном предложении) *дали… или*: *Аз* ***ли*** *се побърквам,* ***или*** *той?* ‘Я схожу с ума или он?’

Для остальных перечисленных союзов характерно многоместное употребление, хотя одноместный вариант тоже возможен.

Разделительные союзы связывают:

— однородные подлежащие: ***Или*** *ти,* ***или*** *аз.* ‘Или ты, или я / Либо ты, либо я’;

— однородные определения: *Непрекъснато ни обливаха* ***ту*** *по-хладни,* ***ту*** *по-топли течения, сякаш плувахме из море* (П. Вежинов). ‘Нас омывали струи воздуха, то теплые, то прохладные, словно мы плыли в море’;

— однородные обстоятельства:

> *…рано* ***или*** *късно ще му дойде времето* (Г. Тенев). ‘…рано или поздно он ответит’;
>
> *Други аристократи се бяха самоубили също в имението си* ***било*** *от малодушие,* ***било*** *от гордост, за да не бъдат блъскани от мръсните ръце на простолюдието* (Д. Димов). ‘Иные аристократы сами лишили себя жизни в своих поместьях либо из малодушия, либо из гордости — чтобы их не коснулись грязные руки простолюдинов’ (пер. Т. Рузской);

— однородные дополнения: *Тя влизаше и излизаше тихо от стаята му, принасяйки му* ***ту*** *едно,* ***ту*** *друго.* ‘Она тихо входила и выходила из комнаты, принося ему то одно, то другое’; *Кафе* ***ли*** *ще пиете или чай?* ‘Вы кофе будете пить или чай?’

г) Присоединительные союзы: *а и*, *пък и* (‘да и’), *а също* (*така*) *и* (‘а также’) и др.:

Слязъл отново на най-ниската орбита, Дайлън многократно претърси цялата планета, но да спусне кораба на нея не посмя. Безнадеждна, ***па и*** *ненужна вече работа!* (Л. Дилов). ‘…Безнадежное, да и ненужное уже дело’;

Той поддържаше майка, две сестри, ***а също*** *и семейството на брат си*’ (Д. Димов). ‘Он помогал матери, двум сестрам, а также семье брата’.

3. **Обобщающее слово при однородных членах предложения**.

Обобщающими словами при ряде однородных членов выступают члены предложения с той же синтаксической функцией, которые представляют выражаемые понятия «суммированно» [Недев 1992: 169], объединяя их в семантическое целое по типу отношений рода и вида, целого и его частей. Обобщающими словами обычно служат местоимения и наречия с обобщающим значением (*всичко*, *всички*, *навсякъде*): *Зная* ***всичко*** *за тези хора: радостите, грижите, надеждите им* (И. Петров). ‘Я знаю все об этих людях: их радости, заботы, надежды’.

Ср. также и местоименные комплексы (*такъв* — *какъвто*, *това* — *което* и др.), не имеющие обобщающего значения, но отсылающие к последующему или предшествующему ряду однородных членов и потому также исполняющие при нем роль обобщающего члена:

Той го виждаше ***такъв****, какъвто сам желаеше да бъде на младини: събуден, самостоятелен, практичен, издигнат политически* (Г. Караславов); *Със същинско детско любопитство земляците се заглеждат в униформата му, особено в* ***това****, което за тях е чуждо и оригинално: артилерийската емблема върху медните копчета, тежкия парабел, темляка на сабята, шпорите* (Й. Йовков).

Роль обобщающего члена, как известно, играют и именные выражения, семантически соотносимые с однородным рядом как обобщенное, цельное наименование объектов, действий, признаков и т. п. Легче всего эту функцию выполняют обобщенные наименования событий: …*Отвред се долавяха познати* ***звуци*** *— хлопане на врати, дрънкане на съдове, лай на кучета и детски гласове* (Э. Станев), имена естественных и функциональных классов: …*чернеят се купове* ***посрещачи****: девойки, деца, бабички*… (И. Вазов) и классов артефактов: *Пред очите ни се възправиха огромните стопански* ***сгради*** *на селската кооперация: обор, овчарник, птичарник, навес за машините и сечивата* (А. Каралийчев).

4. Опущение предлога при однородных членах.

Предлог при непервых членах ряда опускается в следующих случаях [Недев 1992: 168; ГСБКЕ 1983-3: 220]:

а) если у существительных есть общее определение: *Вниманието му се погълна* ***от*** *нейните жестове и думи* (Э. Станев),

б) если предлог двухместный, как *между*: *Застана* ***между*** *Иван и високия възрастен мъж*.

Повторение предлога обязательно[133]:

а) при логическом выделении каждого члена ряда, что обычно маркировано и артиклевой формой каждой ИГ: *Подиграваха учителите си, наричаха бащите си еснафи, пушеха, пиеха, приказваха* ***за*** *властта на пола* ***и за*** *любовните си приключения* (Э. Станев);

б) при повторяющихся и составных разрывных союзах: *Той не дойде* ***и на*** *четвъртия,* ***и на*** *петия ден* (Елин Пелин); *Такива хора можеха да проявят храброст* ***не толкова от*** *любов към Германия,* ***колкото от*** *омраза към враговете ѝ* (Д. Димов);

в) при отрицательной частице *не*: *Мисля* ***за*** *детето, а не* ***за*** *тебе*;

г) перед местоимением, при котором есть придаточное: ***По*** *движението на устните ѝ* ***и по*** *това, че посочи с глава пътната врата* (Э. Станев).

В других случаях возможность пропуска предлога связывается с семантической близостью членов ряда, с отсутствием их интонационного и логического выделения. Как и в русском, предлог чаще всего опускается при одиночном союзе *и*.

5. Согласование по числу.

При ряде однородных подлежащих в форме ед. ч. сказуемое ставится, как правило, во мн. ч.: *Жената и детето заминаха*. Форма ед. ч. сказуемого (*Дърво и камък се пука от студ*) была более характерна для предшествующих периодов истории языка.

Определяемое при однородных определениях, как правило, стоит в единственном числе: *Имам червен и син* ***молив***; *Той говори английски и френски* ***език***. Множественное число определяемого допустимо для подчеркивания значения множественности перечисляемых объектов: *В тази международна конференция участваха специалисти от Българската, Чешката и Полската* ***академии*** *на науките*.

О пунктуации в предложениях с однородными членами см. главу VI.

1.3.2. Обособленные члены предложения

Обособленные члены предложения, как и в русской лингвистике, вычленяются по признаку ритмико-интонационного и смыслового выделения, обычно отражаемого и пунктуационно[134], а также по ряду структурно-семантических особенностей, свойственных в разной степени разным видам обособления, см. далее.

Обособленные члены предложения исчерпывающим образом представлены в болгарской лингвистической литературе благодаря прежде всего ряду крупных работ Е. Георгиевой [1964 и др.]. Значительный вклад в изучение обособления сделан также С. Брезинским [1979]. В рамках обособления обычно описывается и парцелляция, поскольку в болгаристике принято, вслед за Е. Георгиевой, трактовать парцелляцию как «более сильное обособление» (*по-силно обособяване*), см. обзор в [Иванова 1999; Ступкина 2007], там же описание парцелляции в болгарском языке.

[133] В разных грамматиках приводятся разные условия обязательного повторения предлога, здесь перечислим лишь бесспорные случаи.

[134] См. главу VI.

Вычленяемые виды обособления — в целом те же, что и в русском языке[135], хотя морфологически состав обособленных компоненов несколько отличается, и прежде всего в связи с тем, что система причастий и деепричастий в болгарском языке имеет значительно более урезанный состав, чем в русском: отсутствуют страдательное причастие настоящего времени и деепричастие прошедшего времени, значительно сокращены области использования действительного причастия настоящего времени и деепричастия настоящего времени.

В сопоставительном плане обратим внимание также на наличие в болгарском языке такого второстепенного члена предложения, как предикативное определение, которое, обычно не обособляясь, берет на себя функции, выражаемые в русском разными обособленными и необособленными членами полупредикативного характера, см. раздел «Предикативное определение».

1.3.2.1. Обособленное определение. Обособляются в постпозиции к ИГ либо сочиненные постпозитивные определения, либо развернутые постпозитивные группы с опорным адъективом и причастием, редко — другим «синтаксическим прилагательным»[136]: *Падна чудна лятна нощ,* ***прохладна и свежа*** (Елин Пелин). ‘Наступила прекрасная летняя ночь, прохладная и свежая’; *Липсва му нещо от оптимизма на човека,* ***готвещ се*** *за скорошен брак* (Б. Райнов). ‘Как-то не хватает ему оптимизма человека, готовящегося к скорому браку’, см. также:

> *Искаше да си намери работа,* ***лесна и добре платена*** (В. Люцканова); *Капките на сутрешната роса започват бавно да се спускат зад прашните мъгливи правоъгълници,* ***закрити*** *от металната мрежа* (Г. Тенев); *Дрипави овчарчета,* ***подпрени*** *на гегите си, гледаха втренчено автомобила, който се хлъзгаше по шосето, и хората в него* (Д. Димов); *За какви пожари ми говорите, Албер? — промърморва дамата,* ***вперила*** *очи в летящата срещу нас лента на асфалта* (Б. Райнов).

Обособленное определение, как правило, используется с нулевым артиклем. Если определительный оборот предшествует именной группе, требующей определенного артикля, он обычно не обособляется, и тогда первое определение принимает на себя групповой артиклевый показатель: [*По изгорели****те*** *от сушата селски мери*] *лениво пасяха овци* (Д. Димов), ср. при обособлении: *По селски****те*** *мери,* ***изгорели от сушата****, лениво пасяха овце.*

Как и в русском языке, обязательно обособляется определительная группа, относящаяся к личному местоимению[137]: *Надарен с ум, практичен и с търговски*

---

[135] В разных концепциях этот набор незначительно колеблется, см., напр., вычленение как отдельных групп обособленных деепричастных конструкций, обособленных сравнений, определительно-дополнительных обособленных частей [ГСБКЕ 1983-3].

[136] Термин, принятый в современной болгаристике, см., напр., сборник «Съвременни лингвистични теории» [2001].

[137] Если только она не является предикативным определением: *Аз първа го видях*.

способности, той бе съумял да направи и пари и да се издигне между селяните си като пръв човек (Елин Пелин).

Несогласованные определения в болгарском языке обычно обособляются, находясь в однородном ряду с другими, согласованными и несогласованными обособленными определениями: *Най-зла от всички в къщи беше Божаница, суха, висока жена,* ***с дълго, кокалесто, грубо лице****, посеяно с едри месести брадавици,* ***с мустаци като на мъж*** (Елин Пелин). Вне ряда обособляется несогласованное определение с уточняющей функцией: *Да се чудиш просто как една такава жена,* ***без излишък на интелект****, винаги може да има право* (Б. Райнов).

1.3.2.2. Обособленное предикативное определение появляется лишь в особых условиях. Это наблюдается прежде всего при нехарактерной для него дистанцированности от сказуемого: *Ние се връщахме в града заедно с последната партида гости —* ***изморени****, сякаш цял ден сме пренасяли вода* (‘Мы возвращались в город вместе с последней партией гостей — уставшие, будто целый день носили воду’), а также при сочинении предикативных определений разной морфологической принадлежности: *Генуа грее,* ***целият бял****,* ***покатерен по хълмовете****,* ***плъзнал по морския бряг****, а от двете му страни се издигат зелени планини* (К. Константинов), см. [Брезински 1995: 224]; *Босилков си спомни как го беше срещнал един ден по шосето,* ***посръбнал и зъл в двуколката****, да шиба едрия чер кон* (Э. Станев). ‘Босилков вспомнил, как он встретил его как-то на шоссе в двуколке, подвыпившего и злого, стегающего крупную черную лошадь’.

Одиночные предикативные определения, как правило, не обособляются: *Той я гледаше* ***изумен****.* ‘Он смотрел на нее в изумлении’. Обособляясь, предикативное определение утрачивает свою важную коммуникативно-синтаксическую функцию в предложении — быть частью основного рематического центра высказывания, поэтому такой обособленный оборот может быть перемещен даже в нехарактерную для предикативного определения инициальную позицию: ***Ужасен****, мъжът подал сигнал в столичната полиция*. ‘Потрясенный, мужчина позвонил в столичную полицию’. К такому передвижению и обособлению способны, по нашим наблюдениям, те одиночные предикативные определения, которые связаны с основным событием как обусловливающее состояние (см. раздел «Предикативное определение»). Что касается распространенных предикативных определений, то, обособляясь, они теряют характерные признаки этого второстепенного члена предложения и реализуются, подобно другим обособленным определениям, как дополнительная информация, вынесенная в отдельную синтагму: *Бяха се скупчили,* ***наведени към земята****, някои дори бяха коленичили* (П. Вежинов). ‘Они сгрудились, наклонившись к земле (*букв.* ‘наклоненные к земле’), некоторые даже присели на корточки’ (пер. М. Тарасовой).

1.3.2.3. Обособленные приложения в болгарском языке находятся, как правило, в постпозиции к определяемому: *Стефан,* ***дядо Цоновият син****, беше слушал всичко* (Й. Йовков); *Ластовичките,* ***весели другарки на пролетта****, радостно цвъртят около гнездата си* (И. Вазов); *Леля Станка имаше някаква далечна роднина,* ***гражданката, която живееше в София*** (Елин Пелин). Препозитивные обособленные приложения представляют собой более редкое явление, и, как и в русском

языке, их обособление связано с отнесенностью к личному местоимению и/или с обстоятельственным (обычно причинным) оттенком значения: ***Сираче от дете,*** *Рада от много години живееше под един покрив с хаджи Ровоама* (И. Вазов) [Брезински 1995: 221] ‘Сирота с детства, Рада долгие годы жила под одной крышей с хаджи Ровоама’.

Артиклевая маркированность приложения во многом определяется его семантикой. Идентифицирующие приложения оформляются определенным артиклем: *Сега срещнах Ненча,* ***раздавача*** (А. Каменова), если нет факторов, блокирующих артикль (напр., краткое притяжательное местоимение при некоторых именах родственников: Стоян, *баща му*, казваше…). Приложения характеризующего типа обычно не оформляются артиклем, хотя имеется набор оценочных лексем (*завалията*, *нещастникът*, *проклетникът* и др. [Крумова 1979]), которые склонны к употреблению в качестве приложений, причем именно в определенной форме: *Той, нещастникът, е болен*. ‘Он, бедняга, болен’.

1.3.2.4. Обособленные обстоятельства. Как и в русском, обособляются обстоятельства разных семантических типов, при этом обстоятельства места и времени обособляются обычно тогда, когда имеют уточняющее значение по отношению к уже названному обстоятельству (далее определяемое подчеркнуто):

— места: *Далече няккъде,* ***на един синур между зелените ниви****, се белееше нещо и шаваше* (Елин Пелин); *Изваждам отнякъде —* ***навярно от джоба на панталоните, в които съм обут*** *— една малка бутилка с минерална вода и му я подавам* (Г. Тенев); *Завих бавно на ъгъла, след малко излязох на булеварда. Там,* ***по твърдия гранит на паважа****, лениво пъплеше гигантски екскаватор* (П. Вежинов); *Вън,* ***някъде в короните на дърветата на болничната градина****, прелита птица и шумът от крилете ѝ далечно се долавя зад високите прозорци* (Г. Тенев); *Завийте оттук и паркирайте колата там,* ***вдясно*** (Б. Райнов);

— времени: *Едно лято,* ***скоро по Петровден****, в село пристигна Павел* (Елин Пелин); *Все по това време,* ***през пролетта****, докато тревата беше още зелена, черният жребец има още една среща с кулестия. Веднаж,* ***привечер****, от двора на чифлика изскочи кулестият* (Й. Йовков);

— условия[138]: *Направил е въобще бай Нако възможното —* ***при наличните обстоятелства*** (А. Страшимиров);

— уступки: *Волов,* ***при всичките свои знания****, беше слаб между народа, не бе го надарила природата с оня божествен огън, който се изискваше тогава от проповедниците на свободата* (З. Стоянов);

— причины: *Макар вече е есен, това прелестно кътче,* ***поради своята усойност****, запазваше още неприкосновена своята зеленина и свежест* (И. Вазов);

— образа действия и сравнения: *Обаждаше се понякога и Димчо кехая,* ***плахо, неуверено****, като след всяка дума поглеждаше жена си* (Й. Йовков); *Когато то,* ***като всички деца****, захленчваше да поиска хляб, те му викаха…* (Елин Пелин);

ср. и ниже о деепричастных оборотах.

[138] Часть примеров ниже — из работ [Недев 1992; Брезински 1995; ГСБКЕ 1983-3].

1.3.2.5. Обособленные дополнения. Этот вид обособления выделяется лишь в части грамматик и учебников. По К. Попову [1963: 207], см. также [Радева П. 1997: 132], критерием их распознавания является семантический фактор: они обозначают объекты, включаемые, исключаемые, замещаемые или существующие вместе, параллельно с другими. Для выражения этого значения служит набор предлогов и предлогообразных оборотов (*включително*, *за разлика от*, *освен*, *съответно*, *независимо от*, *наред с* и под.):

Тя знае, че катастрофата е една възможност, която важи за всеки, ***включително и за нас*** (Б. Райнов); *Паднахме се осем души в една килия —* ***заедно с Вапцаров и Антон Попов*** (М. Исаев); *В моя помощ,* ***освен двете секретарки и частния ми адвокат****, са и десетте служители от личната ми документация* (Р. Ралин); … *Малкият,* ***за разлика от сестра си****, спеше доста бурно* (Б. Райнов).

1.3.2.6. Деепричастные обороты. Деепричастные обороты в болгаристике рассматриваются как вид обособленного обстоятельства. Деепричастия[139] (как было уже показано в разделе «Обстоятельство») менее распространены в болгарском языке, чем в русском, хотя, как доказало исследование И. Гугулановой [2005], они активизировались в последнее время, особенно в языке СМИ, и потому уже не могут считаться показателями книжного языка, как ранее. См. и примеры из художественных текстов:

Жената ме поглежда най-първо с нещо като усмивка, ***въобразявайки си****, че се шегувам* (Б. Райнов); *Те идеха към нас,* ***разговаряйки шумно помежду си****, без да подозират, че ги грози опасност* (Й. Радичков); *…жените лакомо впиваха погледи в неизвестния мургав красавец, а господата,* ***изпускайки лениво дим от пурите си****, с привидно равнодушие се помъчиха да отгатнат професията му* (Д. Димов).

Тем не менее фреквентность болгарских и русских деепричастных оборотов принципиально различна — как из-за ограниченной представленности деепричастных форм настоящего времени в болгарском языке, так и из-за отсутствия деепричастий прошедшего времени.

Болгарские параллели русским деепричастиям подробно рассмотрены в работе [Градинарова 2014], здесь укажем лишь основные соответствия.

На болгарский язык русские обороты с деепричастием передаются[140]:

а) придаточными предложениями с союзом *като*, см. раздел 1.4.2.4.2.2:

— Простите, — после паузы заговорил Берлиоз, поглядывая на мелющего чепуху иностранца, — при чем здесь подсолнечное масло… и какая Аннушка? ‘Извинете — поде след малко Берлиоз, *като поглеждаше към дрънкащия дивотии чужденец*, — какво общо има с това някакво олио… и коя е тази Анушка?’;

[139] Напомним, что в болгарском языке имеется только деепричастие настоящего времени.

[140] Примеры из романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова и его перевода Л. Минковой.

Как ваш адрес? — шепотом спросил Бездомный у доктора, прикрывая трубку ладонью. ‘Какъв ви е адресът? — шепнешком попита Бездомни лекаря, *като прикриваше слушалката с длан*’;

б) конструкциями с сочиненными финитными глаголами:

Изумительно! — воскликнул непрошеный собеседник и, почему-то воровски оглянувшись и приглушив свой низкий голос, сказал… ‘— Изумително! — възкликна неканеният събеседник, после, кой знае защо, *се озърна крадешком, приглуши плътния си глас* и каза…’ (*букв.* ‘потом оглянулся украдкой, приглушил и сказал…’);

Ванна, сто семнадцатую отдельную и пост к нему, — распорядился врач, надевая очки. ‘Баня, сам в стая сто и седемнайсета и под наблюдение — разпореди се лекарят и *си сложи очилата…*’ (*букв.* ‘распорядился и надел очки’);

в) предложными сочетаниями со значением сопутствующего состояния: *Берлиоз спросил, криво усмехнувшись…* ‘Берлиоз попита *с кисела усмивка…*’ (*букв.* ‘спросил с кривой улыбкой’);

г) конструкциями с причастиями, напр.:

— страдательным причастием прошедшего времени: *Да, мы не верим в Бога, — чуть улыбнувшись испугу интуриста, ответил Берлиоз*. ‘Да, ние не вярваме в бога! — отвърна Берлиоз, *леко усмихнат на уплахата на чуждестранния гост*’ (*букв.* ‘…ответил, слегка улыбнувшийся испугу иностранного гостя’);

— действительным причастием прошедшего времени: *Оплывая потом, официанты несли над головами запотевшие кружки с пивом*. ‘*Плувнали в пот*, келнерите носеха над главите си запотени халби бира’ (*букв.* ‘утонувшие в поту, официанты несли…’).

1.3.3. Вводные слова и конструкции

Вводные и вставные конструкции (слова, словосочетания, предложения) представляют собой синтагматически не связанный вид осложнения предложения. В болгарской лингвистике наблюдается тенденция[141] описывать вводные и вставные элементы под одной рубрикой (*вметнати изрази и конструкции*) [ГСБКЕ 1983-3; Недев 1992; Пашов 1999].

Состав, структура и значение вводных элементов подробно описаны еще в монографии Й. Пенчева [1966], в дальнейшем ставшего автором раздела о вводных и вставных элементах в [ГСБКЕ 1983-3], где было закреплено неразличение вводности и вставности. Основной принцип синтаксического описания элементов данного типа в болгаристике неодинаков. У И. Недева он опирается на их способность или неспособность выполнять функции части предложения (простого или сложного). По этому принципу рассматриваемые элементы делятся на те, которые имеют

[141] В тех случаях, если они вообще включены в рассмотрение (ср., напр., [Брезински 1995; Радева П. 1997]). О разном наборе явлений, включаемых в осложнение простого предложения, см. выше.

грамматическую связь с включающим их предложением, и те, которые ее не имеют [Недев 1992: 188—196]. Й. Пенчев описывает все вводные элементы как «оценочные слова и выражения», а вставные — как «такие члены предложения и предложения, которые прибавляются к общему содержанию основного предложения как попутные замечания и пояснения» [ГСБКЕ 1983-3: 248].

Вставные конструкции болгарского языка подробно рассмотрены в [Иванова 1999] в традиционном для отечественного языкознания ключе; здесь мы остановимся только на вводных элементах. Сразу отметим, что, в соответствии с пунктуационными правилами болгарского языка, ряд вводных слов не допускает пунктуационного выделения (см. главу VI), так что специфическая интонация вводных элементов не всегда отражается на письме.

Структурно и морфологически вводные элементы болгарского языка представлены типизированными средствами, частично соотнесенными с их функциями (см. далее). Это:

1) модальные слова (*очевидно*, *вероятно*, *възможно*, *може би*). Часть из них представляет собой безличные глагольные формы (*изглежда* ‘выходит’, *разбира се* ‘конечно’, *букв.* ‘понимается’);

2) предложные сочетания (*според неговите думи* ‘по его словам’, *за съжаление* ‘к сожалению’);

3) предикативные выражения:

а) с глаголом в 1 л. ед. ч. (*уверен съм*, *помня*, *мисля*, *смятам*), в том числе в *да*-конструкции: *да ти кажа* (‘скажу я тебе’), *да си призная* (‘признаюсь’), ср. и с 1 л. мн. ч.: *да кажем*, ср. русск. *скажем*, *допустим*;

б) с глаголом 2 л., в отличие от русского — всегда с вопросительной частицей *ли*, формирующей апеллятивно-вопросительный характер конструкции: *виждаш ли*, *знаеш ли*, *разбираш ли*, *представяте ли си*, ср. русск. *понимаешь*, *знаешь* (*ли*), *представляете*;

в) с глаголом в 3 л. *кой знае* ‘кто знает’, в том числе в безличной форме: *може да се каже* ‘можно сказать’, *така да се каже*, *известно е*;

г) с глаголом в форме повелительного наклонения: *слушай*, *гледайте*, *виж*, *вижте*;

д) в форме придаточных предложений с союзом *както*: *както всички разбираме* ‘как мы все понимаем’, *както знаете*, *както е известно*.

В болгарской лингвистике выделяются те же **функции** вводных слов и конструкций, что и в русской[142]:

1) передача эмоционального отношения к сообщаемому, оценка ситуации как позитивной или негативной (*за беда*, *за жалост*, *за щастие*, *за съжаление*): ***За мое огорчение*** *Моранди измърморва някакъв уклончив отговор* (Б. Райнов). ‘К моему огорчению, Моранди что-то невнятно бормочет, отвечая весьма

[142] В разных грамматиках и болгарского, и русского языков приводится близкий перечень функций вводных слов. Здесь мы опираемся на [ГСБКЕ 1983-3: 243—244; Недев 1992: 188—196] с учетом классификации в [Синтаксис современного русского языка 2008: 169].

уклончиво’ (пер. А. Собковича). См. также: *Баща ми се подхлъзнал, паднал, но **за щастие** не си счупил крака*; ***За съжаление** ловците не се отзоваха с голяма готовност* (Елин Пелин);

2) выражение субъективно-модальных значений уверенности / неуверенности, возможности / невозможности (*очевидно*, *види се*, *изглежда*, *може би*, *разбира се*, *естествено*, *наистина*, *навярно*, *вероятно*, *сигурно*, *то се знае, по всяка вероятност*):

> *Родителите ѝ бяха прави. **Може би** не трябваше да го вижда повече* (Д. Димов). ‘Ее родители были правы. Может быть, ей не нужно было больше его видеть’;
>
> *Първата ми мисъл е, **разбира се**, за кучето* (Елин Пелин). ‘Моя первая мысль, конечно, о собаке’.
>
> См. также: *Знам, че ти **сигурно** си се срещал с нея* (Елин Пелин); *Намерих ли тука това, което търсех? Не го намерих*, ***естествено*** (П. Вежинов); ***То се знае**, Бистра пет пари не даваше за мен, освен дето беше свикнала да ме третира като частна собственост* (Б. Райнов); *Жорж е, **изглежда**, от нервните* (Б. Райнов); ***Вероятно** ще ми досажда — небрежно каза той* (Д. Димов);

3) указание на источник информации (*според X*, *според мнението на X*, *според моето* (*твоето*…) *гледище*, *както казва / каза X*) или на ее общеизвестность (*както казват*, *дето се вика*, *както е известно*):

> *Единствената му слабост **според мъжете от квартала** е, че обожава жена си* (И. Петров). ‘Его единственная слабость, по мнению местных мужчин, — это то, что он обожает свою жену’; *А особено сега трябва да се мълчи, защото, **дето се вика**, не само стените, а и върбите имат уши* (Г. Караславов). ‘Сейчас тем более ему нужно молчать, потому что, как говорится, не только у стен, но и у деревьев есть уши’. См. также: *Това е най-добрият изход **според мене**, за да не се скарате с разни политически негодяи, които банката ще насъска срещу вас*… (Д. Димов); *Дядо Захари се сети, че **според обичая** трябва да се бяга оттук преди изгрев слънце, та да оставят болестта*… (Елин Пелин);

4) комментирование логики изложения, подчеркивание важных или, наоборот, незначимых элементов сообщения, установление связи с предшествующим текстом или структурирование текста (*например*, *впрочем*, *между това*, *между другото*, *следователно*, *значи*, *обратно*, *напротив*, *обаче*, *общо взето*, *с една дума*, *по-точно казано*, *накратко казано*, *от една страна*, *от друга страна*, *първо*, *второ*, *трето* и др.):

> *Това поколение е **всъщност** достатъчно лишено от скрупули, за да има нужда от лъжи и тънки преструвки* (П. Вежинов). ‘Впрочем, это поколение настолько лишено щепетильности, что ему нет нужды лгать и притворяться’ (пер. М. Тарасовой);
>
> *Може да е умрял някой у дома ѝ, майка ѝ, **да речем**, и внезапно да са я извикали* (П. Вежинов). ‘Может, у нее кто-то умер, например мать, и её попросили срочно прийти’ (пер. М. Тарасовой).

См. также: *Божан, **наопаки**, като хитър и скритен човек, уверяваше всички, че това е лъжа…* (Елин Пелин); *Във вашата музика **например** всичко изглежда много точно пресметнато* (П. Вежинов); *Думите му предизвикваха неприятна изненада, но не се посрещаха с гняв, **първо**, защото това беше Иван и, **второ**, защото се говореше, че между баща му — бай Генчо, и майката на Тодор Живков баба Маруца има някаква роднинска връзка* (Г. Данаилов); *В казармата го обикнаха, защото беше весел и хубавец и, **главно**, защото разполагаше с много пари и черпеше кого де види* (Елин Пелин); ***Впрочем** ти ще оцениш това по-нататък* (Д. Димов); ***В края на краищата** това е без значение* (Д. Димов); *Въведе го в триетажната къща, която беше нейна или **по-точно** трябваше да бъде нейна* (Д. Димов);

5) апеллятивность к собеседнику, интимизация изложения, указание на заинтересованность во внимании собеседника (*знаеш ли*, *разбираш ли*, *виж*, (*право*) *да ти кажа*, *между нас казано*, *представи си*): ***Право да ти кажа**, приятелю, яд ме е на тебе* (Елин Пелин). ‘Сказать по правде, приятель, я зол на тебя’; ***Знаеш ли**, Антони, моят баща беше чиновник* (П. Вежинов). ‘Знаешь, Антоний, мой отец был чиновник’ (пер. М. Тарасовой). Как и в русском языке, основу этой группы составляют перцептивные и ментальные глаголы и глаголы речи. См. также:

***Представи си**, миличък, минавам оная сутрин по голямата банкерска улица Уолстрийт и гледам: на тротоара стои едно златокосо момченце на около петшест години и плаче* (С. Минков); ***Да ви кажа**, то е цял роман* (И. Вазов); *А-а, **вижте**, с тая работа не съм съгласен!* (С. Минков).

1.3.4. Обращение

Обращение — это синтагматически не связанный компонент предложения (или более сложной синтаксической единицы), обозначающий лицо или предмет, к которому адресована речь, и выражающий одновременно «вокативность и императивную модальность» [Дмитриева 1976: 31]. Употребление разнообразных лексических средств (и даже не только оценочных слов, см. далее *Хей, **шапката**!*) и специфических грамматических форм и конструкций (напр., *Да те обръснат вкочанясал, **поразнико с поразнико**!* (Чудомир)) в качестве обращений позволяет признать и еще одну важную функцию обращения — экспрессивно-характеризующую.

Трактовка обращения как осложняющего предложение элемента противоречива как в традиционном русском, так и в болгарском языкознании. В некоторых грамматиках болгарского языка обращение рассматривается не как осложнение предложения, а как способ выражения подлежащего, поскольку последнее в предложении с обращением обычно отсутствует.

Перечислим кратко способы выражения обращения, остановившись более подробно на специфических для болгарского языка конструкциях.

1. Существительные в звательной форме — имена собственные: ***Деяне**, излез от паяжина!* (Б. Димитрова), и нарицательные: *Ех, **попадийо** — промърмори*

примирително поп Костадин (Д. Талев); *Каквото и да напиша, ти, **читателю**, знам, ще кажеш: не, не е това, това не е моят Левски!* (С. Цанев).

Звательная форма имен собственных[143] в последние десятилетия не является обязательной при обращении: *Пенка, къде отиваш* (вместо *Пенке*); *Иван, здравей* (вместо *Иване*) [Пашов 1999: 390]. Считается, что на современном этапе употребление «обычной» формы вместо звательной (разумеется, если она от данного имени вообще образуется) выражает официальность и/или дистанцированность между субъектом речи и адресатом [Недев 1992: 197; Ницолова 2008а].

С другой стороны, есть такие звательные формы (ж. р. на *-о*), употребление которых звучит строго, дистанцированно, см. наблюдения и примеры Ю. С. Маслова из произведения Д. Димова «Тютюн» (подтверждаемые и современной речевой практикой):

> *Защо се смееш, **Лило**? — строго попита цивилният агент*. 'Почему ты смеешься, Лила? — строго спросил агент в штатском';
> ***Лиле**! … загрижено рече майката…* 'Лила! — озабоченно сказала мать…' [Маслов 1981: 163].

Не имеют звательной формы заимствованные имена: *Ако Мима ти харесва, **Джо**, няма да се притесняваш* (Д. Енев), а также существительные во мн. числе (как *деца* 'дети' в примере далее) и ср. роде (*момче* 'парень'). Они при обращении выступают в общей форме: ***Деца**, **деца**, защо се ядете! За всички ви има, за всички съм приготвил* (Елин Пелин); *Въздишай, **момче** — има защо!... Млада булка си оставил!* (Елин Пелин), см. п. 4 ниже.

Удерживается звательная форма при терминах родства: *майко*, *мамо*, *бабо*, *лельо* и др.: *Не ме спирай, **татко**…* (Д. Талев). 'Не останавливай меня, папа'. Некоторые звательные формы служат только обращением к родственникам и не имеют общей формы: *синко*, *дъще*, *братко*, *бабинце*, *маминце*: *Бабо, сладко мое **бабинце**, кажи ми още нещо, някоя друга история* (И). 'Бабушка, бабулечка моя чудесная, расскажи мне еще что-нибудь, какую-нибудь другую историю'.

Сохраняется звательная форма при принятых официальных обращениях: *господине* (от *господин*), *госпожице* (от *госпожица*), *госпóжо* (от *госпожá*). При существительном с приложением ранее оба существительных использовались в звательной форме (*Господин**е** министр**е**!*), ср. с современным состоянием: *Господин министр**е** / Господин министър* [Пашов 1999: 390].

2. Термины родства, помимо звательной формы, имеют еще несколько специфических образований, выступающих в качестве обращений к детям и людям молодого возраста со стороны старших. Специфика их состоит в том, что адресат называется через родственный статус адресанта. Это ограниченный круг лексем:

---

[143] Об образовании звательной формы см. на русском языке [Маслов 1981], из болгарской литературы см., напр., [Ницолова 2008а].

а) притяжательные прилагательные, обычно в артиклевой форме (*маминото*, *бабиното*, *дядовото*): *Ставай,* ***бабиното****!* 'Вставай, деточка!' (букв. 'бабушкино'); *Гладничко ли си,* ***маминото****? Нá ти, нá!... Срещу мене стоеше една жена, която даваше хляб на едно козле* (В. Цонев). 'Ты голодный, мой маленький?' (*букв.* 'мамино', здесь — при ласковом обращении к козленку);

б) старые дательные падежные формы (*баби*, *лели*): *Ами защо плачеш,* ***лели****? У-у, гледай сега, бива ли тъй! Цял мъж да плаче* (Елин Пелин). 'А ты почему плачешь, деточка' (*букв.* 'тёти');

в) предложные сочетания с притяжательным значением (*на мама, на баба*, *на леля*), которые, в свою очередь, послужили производными для обращений *мама*, *баба*, *леля* (с отсутствующим предлогом притяжательности), что приводит к совпадению формы «обратного» обращения с общей формой «прямого» родственного наименования. Например, *Кажи,* ***баба*** требуется переводить на русский ласковыми обращениями бабушки к ребенку или человеку молодого возраста, напр.: *Говори, внучек / внученька / деточка / милок* и т. п.

Обращения типа (б) и (в) в целом более свойственны речи старшего поколения и устаревают.

Ср. диалог из рассказа «Задушница» Елина Пелина, где пожилая женщина обращается к более молодому собеседнику посредством лексемы *баби* ('милок', *букв.* '(чей?) бабушки'), т. е. старой притяжательно-дательной формой от *баба*, а он к ней — *бабо*, звательной формой от *баба*:

При тях се приближи тъща му — майката на покойната Божана.

— У-у! Станчооо, ***бааби****! Сиромахуу, свиди ми се, като те гледам. Почернил си се,* ***баби****. Гледам, страниш от хората като говедце. Мешай се,* ***баби****, събирай се с човеци. Тя — Божана, бог да я прости, така ѝ било писано.*

Тия думи наново натъжиха Станчо. Очите му, тъмните му страдалчески очи, веднага се наляха и клепките му леко се оросиха.

— Ех, ***бабо*** *— рече с въздишка той, — по-добре е било аз да съм такова, не тя…*

— Е, по-добре би било, ***баби****, по-добре, ама божа работа! Дечица без баща по могат, а без майка… — рече да го утеши баба му.*

Станчо извади кърпа из пояса и почна да си трие носа и очите.

— Ти не плачи, ***баби****! Прежали Божана, па си намери къщница — така се не живее.*

3. Роль обращения выполняют несколько субстантивированных прилагательных в форме с наращением -*и*, уже вышедшей из употребления[144]: *скъпи*, *любими*, *уважаеми*, *любезни*, *драги*, *мили* [Недев 1992: 198]. Иные прилагательные используются в этой форме редко, см., однако, *еднооки* в примере ниже. Те же расширенные формы употребляются при распространении субстантивного обращения

[144] У Ю. С. Маслова эта форма рассматривается как звательная форма прилагательного м. рода ед. ч. [1981: 169]. То же расширение -*и* мы наблюдаем и при образовании артиклевых форм «синтаксических» прилагательных м. рода: *милият дядо*, *черният костюм*, *нашият лекар*.

этими прилагательными; звательная форма существительного при этом также сохраняется: *Що си мислиш ти, еднооки дяволе*! (Д. Талев); *Защо, скъпи читателю, ти разказвам цялата тази история?* (Д. Бежански); *Мили мой приятелю!*; *Млади момко*!

4. В качестве обращений могут использоваться одиночные существительные или ИГ. Они могут стоять в общей форме, например *Какъв е твоят коментар, треперко?* (Б. Димитрова), но также и в артиклевой форме: *Посрещачите, отдръпнете се!*; *Дежурният по кораб, чети молитвата* (Д. Добревски), примеры из [Пашов 1999: 391].

Обязательна артиклевая форма при обращении к лицу через его характерный признак: *Хей ти! Русият!* (пример из [ГСБКЕ 1983-3: 260]). Иногда при обращении для имен м. рода используется краткая артиклевая форма (*Хей, студента!*), отражающая, с одной стороны, произношение артиклей в разговорной речи, с другой — оформляющая субстантив как прозвище, для которого характерна только краткая форма.

Обращения, выраженные субстантивом с несогласованным определением, как правило, оформляются артиклем: *Ела тук, момичето ми.* ‘Иди сюда, моя девочка’, ср. *Ела тук, момиче*; *Госпожата с чантата, минете малко напред!*, ср. *Госпожо, минете малко напред!*

Как и в русском языке, многие из обращений-существительных являются косвенной характеризацией адресата — либо посредством лексем с оценочной семантикой (*треперко* ‘трусишка’), либо через выделяющий его элемент внешности: *Хей, шапката!* (‘Эй, шляпа!’).

Как и в русском, возможны обращения в виде личных местоимений 2 л. ед. и мн. числа: *Хей, вие!*

В народно-разговорной речи обращения регулярно сопровождаются вокативными частицами *бе*, *бре* при обращении к мужчине, *ма* — при обращении к женщине и др., ср. *Къде беше, **бре** лели?* (Елин Пелин); *Защо побягна **ма**, мамо?* (Д. Кирков).

1.4. СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Традиционная классификация сложных предложений выделяет сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Как и в отечественной лингвистике, обсуждается статус бессоюзных сложных предложений, при которых, в связи с отсутствием союзов, синтаксические отношения не всегда отчетливы и дифференцированы. Неясен союзный статус и разного рода лексических коннекторов, напр. *затова пък* 'зато', *затова* 'поэтому', *ето защо* 'вот почему', *между това* 'между тем', *още повече* 'тем более' и под., в том числе единиц, служащих для организации частей высказывания и текста, напр. *следователно*, *значи*, *от една страна… от друга страна*, см. из более новых обзоров [Недев 2006; Петрова С. 2008]. Бессоюзная связь усматривается современными болгаристами и по отношению к придаточным, присоединяемым вопросительными словами (см. раздел 1.4.2.2).

Типы многочленных предложений усложненной и смешанной структуры выделяются болгарскими лингвистами на тех же основаниях, что и в отечественном языкознании, за исключением позиции по однородным сказуемым (см. раздел 1.2).

СПП усложненного типа (сложноподчиненное предложение с несколькими придаточными) организуется только на основе подчинительной связи, напр.:

> *Знам много добре, че в такава нощ бих загинал, докато ме намерят, ако тая скърцаща катафалка внезапно спре* (П. Вежинов). 'Прекрасно знаю, что если застрянешь ночью в этом скрипучем катафалке [о лифте. — *Е. И.*], то скорее умрешь, чем кого-либо дозовешься' (пер. М. Тарасовой).

Предложения, в которых представлены как сочинительный, так и подчинительный тип связи между предикативными единицами, рассматриваются как предложения смешанной структуры, напр.:

> *Ирина и Борис забелязаха веднага, че гримасата на лудостта беше изчезнала от лицето ѝ, а очите ѝ, макар и забъркани от смущение, гледаха с разумен поглед, който преценяваше обстановката* (Д. Димов). 'Ирина и Борис сразу заметили, что гримаса безумия слетела с лица Марии, а глаза смотрят хоть и растерянно, но разумно, словно оценивая все, что ее окружает' (пер. Н. Попов и др.).

Описание бессоюзных и многочленных предложений, как и более сложных синтаксических единиц (сложного синтаксического целого), не входит в задачи данного исследования. Теоретические проблемы, возникающие при выделении

дифференциальных признаков сложносочиненного и сложноподчиненного предложений, будут рассмотрены в рамках каждого из следующих разделов.

1.4.1. Сложносочиненное предложение (ССП)

Проблемы вычленения и изучения ССП в болгарской лингвистике близки тем, которые составляют предмет обсуждения и в отечественном языкознании: относительность «равноправности» частей в ССП, границы класса сочинительных союзов, гибридный характер ряда союзных средств. Так, неотчетлив сочинительный или подчинительный статус союзов, обычно служащих для оформления частей СПП, но в одном из своих значений — соотнесенности и соответствия — имеющих соединительные функции, напр. *колкото… толкова* ‘чем…, тем’, *докато* ‘в то время как’, *по-скоро… отколкото* ‘скорее…, чем’ и под.

Статус то союза, то частицы проявляет болгарское *пък* (ср. русск. *а*, *же*). Как частица ведет себя союз *нито* (*ни*) в одиночном употреблении, как союз — в повторяющемся и т. п. Перечень лексем, в том числе дискуссионного статуса, выступающих в роли союзов, дан в обобщающих таблицах в [Петрова С. 2008]. В работе [Радева П. 2012] представлен расширенный круг средств связи в ССП с учетом разговорных элементов.

Сочинительные союзы могут быть одиночными и повторяющимися (многоместными) или же составными.

Особенностями употребления многоместных союзов в современном болгарском (особенно разговорном) языке на фоне русского являются:

1) частый пропуск первого элемента союза, особенно при союзах *хем… хем*, *ту… ту*, *нито… нито*;

2) вариативность компонентов повторяющихся союзов. Взаимозаменяемость свойственна союзам с синонимичным значением, т. е. осуществляется в рамках каждого из подтипов (напр., *ту… или*), а также в случае синонимии союзов разных типов ССП (*хем… но/а*; *и… а*), см. примеры далее. Подробно о всех возможностях таких замещений в работе [Радева П. 2012].

Составные («сложные» в болгарской терминологии) союзы могут быть неразрывными (*камо ли*, *а също така*) и разрывными (двойными), как *не само… но и*. У разрывных союзов их элементы начинают разные сочиненные предикации, неразрывные союзы начинают вторую сочиненную часть.

Для двойных союзов в современной болгарской речи так же, как и для многоместных, свойственна вариативность второй части. Наибольшую вариативность дают двойные образования с противительными союзами во второй части: *не само… но / ами / пък и*; *не стига че… но / а / ами и*.

Семантически различаются три традиционных типа ССП — соединительные, сопоставительно-противительные и разделительные («соотносительные»). Место союзов с градационным значением, как и в русской лингвистике, не закреплено однозначно — в данной работе они представлены как подгруппа соединительных. Союзы присоединительные и пояснительные выделяются не всеми лингвистами;

предлагается также группа «заключительных» союзов (напр., [Ницолова 2008а: 470—471]), — здесь эти разновидности будут рассмотрены отдельно, после основных трех традиционных семантических типов.

1.4.1.1. ССП с соединительными союзами

Основные средства связи с соединительным значением — одиночные союзы *и*, *та*, *па*, *че* и повторяющиеся союзы *и… и*; *хем… хем*; *ни… ни*; *нито… нито*. Составные союзы имеют градационную или заместительную семантику (1.4.1.1.3).

1.4.1.1.1. Одиночные соединительные союзы.

Союз *и*, как и в русском языке, является наиболее частотным, стилистически нейтральным и семантически недифференцированным: он может употребляться и при разных вариантах временных отношений, и при причинно-следственных отношениях, и при выражении распространительных и противительных отношений, см. подробнее о контекстных условиях реализации этих значений, в целом аналогичных с русским языком, в [Захаревич, Крылова 1978: 4—5], на болгарском языке, помимо грамматик, см. о семантике ССП с союзом *и* в [Станева 1988б]. Ср. примеры с ССП, выражающими значения:

а) одновременных действий: *Седи омърлушен* ***и*** *се взира апатично през стъклото* (Б. Райнов). ‘Вид у него пришибленный, глаза с апатией смотрят сквозь стекло’ (пер. А. Собковича), *букв.* ‘Сидит пришибленный *и* смотрит апатично…’[145];

б) последовательных действий: *Просто отидох там* ***и*** *седнах на първата голяма маса* (П. Вежинов). ‘Я вошла в ресторан *и* села за первый же столик’ (пер. М. Тарасовой).

В рамках данного подтипа как ССП со значением быстрой смены действий рассматриваются употребления союза *и* в рамочной конструкции *тъкмо*… (*и*) (союз *и* при этом может даже отсутствовать). Однако скорее здесь нужно вести речь о «миративном» значении, значении возникновения непредвиденной ситуации (см., напр., [Мальчуков 2004: 276]). Предложения с *тъкмо*… (*и*) переводятся на русский язык лексическими средствами с «миративной» семантикой *как вдруг*, *и вдруг*, конструкциями со значением быстрой смены действий *не успел… как*, *только… как/и* либо деепричастными оборотами:

> *Тъкмо да завием по «Патриарха, и светофарът дава червено* (Б. Райнов). ‘Не успели мы свернуть на Патриарха, как зажигается красный свет’ (пер. А. Собковича);
>
> *И тъкмо бях потеглил*, *усетих зад себе си някакво човешко движение* (П. Вежинов). ‘Но, едва проехав несколько метров, я почувствовал, что за спиной у меня кто-то шевелится’ (пер. М. Тарасовой);

[145] Напомним, что в традиции болгарской лингвистики предложения с сочиненными сказуемыми при общем подлежащем рассматриваются как сложносочиненные, в этой работе принята данная концепция. См. вопрос об однородности сказуемых в разделе «Однородные члены предложения».

в) причинно-следственное: *Бях четвъртият в стаята* ***и*** *за мен бе останало най-калпавото легло с разкапана пружина* (К. Топалов). 'Я был четвертым в комнате, и мне досталась негодная кровать с поломанной пружиной'. См и семантические варианты этих отношений в зависимости от видо-временных форм сказуемых в [Станева 1988б];

г) условно-следственное, которое, как и в русском языке, характеризуется наличием императивной формы в первой части [Захаревич, Крылова 1978: 5; Ницолова 1998: 131]: *Мълчи* ***и*** *никой няма да разбере глупостта ти* (А. Дончев). 'Молчи, и никто не поймет, что ты глуп';

д) противопоставительно-уступительное: *Знаеш* ***и*** *не ми се обаждаш!* 'Ты знаешь и мне не говоришь!';

е) распространительное: *Като всяко дете по света, ти имаш права* ***и*** *те са гарантирани от държавата, в която живееш* (И). 'Как у любого ребенка в мире, у тебя есть права, и они гарантированы государством, в котором ты живешь'.

Как и в русском языке, поскольку союз *и* семантически недифференцирован, указанные значения подчеркиваются лексическими коннекторами, напр. *затова* 'поэтому' — для прояснения причинно-следственного значения, *тогава* 'тогда' — условно-следственного, *все пак* 'всё же' — уступительного.

Союзы *та*, *па* и *че* — разговорного характера (*па* и *че* — диалектные и в ряде значений устаревшие), семантически дифференцированные.

Союз *та* чаще всего связывает сочиненные части причинно-следственной связью, ср. и отражение этой семантики в русских переводах:

> *…това бе Едит — една изнудвачка на възрастни мъже, която бе скитала из Южна Америка,* ***та*** *знаеше малко испански* (Д. Димов). 'Несомненно, это была Эдит — вымогательница, обиравшая пожилых мужчин, которая разъезжала одно время по Южной Америке и *потому* немного знала испанский' (пер. Т. Рузской);
>
> *Медицинската академия прави опити с мене,* ***та*** *изкарвам по някой лев* (С. Стратиев). 'Медицинская академия ставит на мне опыты, *так что* идет какая-то копейка';
>
> *В горите гъмжало от лисици,* ***та*** *те стимулират избиването им* (С. Стратиев). 'В лесах, мол, развелось полным-полно лисиц, *вот* они *и* стимулируют их уничтожение'.

Таким образом, болгарский язык с типологической точки зрения может быть отнесен к тем языкам, которые располагают специальным сочинительным союзом для указания на то, что между сочиненными предикациями со значением «нормального следствия» имеется причинная связь [Rudnitskaya, Uryson 2008].

Значительно реже союз *та* оформляет отношения временной последовательности. В таком значении союз *та* обычно связывает сочиненные сказуемые при общем подлежащем: *Елица дойде,* ***та*** *застана пред Момчил под дървото* (А. Дончев) [ГСБКЕ 1983-3: 294—295]. В данном употреблении он является народно-разговорным (и несколько архаичным) синонимом союза *и* со значением последовательности действий.

Инициальное *та* не имеет указанных значений — ни причинно-следственного, ни временнóго, а выступает, как показывает наш материал, в качестве межтекстового коннектора прежде всего со значением вывода, итога:

> *Да, ами самичка е, нали баща му почина още Костя като се ожени, значи преди шестнайсет години…* ***та*** *такива истории там сега* '…*вот* такие / такие *вот* истории там сейчас'; *Да отидем на гробищата да ѝ покажа Балкана / училището ми и тъй нататък / да видим Стилиян / да видим кой останал в Габрово…* ***та*** *това съм го измислила за август месец…* '…*так что* вот это я запланировала на август…'. См. также в устойчивом сочетании с *та така* 'так что вот так', ' вот такие дела': *… големи комедии / ние само стоим отстрани и слушаме, ох и ах…* ***та така,*** *такива истории с московското Верче* (примеры из КБРР).

Союз *па* встречается в основном в текстах художественной литературы или народно-разговорной речи, в нескольких семантических вариантах. *Па* вводит часть со значением следования, последовательности действий: *Трябваше най-напред да му подари писалката и по този начин да го предразположи към благодарност,* ***па*** *тогава да иска бележката* (Л. Дилов, БНК). 'Нужно было сначала подарить ему ручку и этим настроить его на благодарность, а уж тогда и просить оценку'. При этом существенная часть примеров представляет значение «ненормального следствия» (см. подробнее в разделе 1.4.1.2.2): *Направи добро,* ***па*** *го хвърли в морето* (посл.), *букв.* 'Сделай добро и потом выбрось его в море'; *Карахме се, карахме се,* ***па*** *го обърнахме на смях.* 'Мы ругались, ругались, а / и потом вдруг стали смеяться'.

Разновидностью данного употребления является содержащееся в первой части ССП решение говорящего, ожидаемо не имеющее предсказуемых последствий: *Ела… да те водя у дома,* ***па*** *ще видим.* '…давай отведу тебя домой, *а / и там* посмотрим' (Елин Пелин); *Ще остана тук,* ***па*** *каквото ще да става.* 'Я останусь здесь, *и* будь что будет'.

Па может присоединять сегмент с противопоставительным значением (ср. русск. *а / а вот*): *Ама той имаше ли глава? — Мисля, че имаше. —* ***Па*** *аз мисля, че нямаше* (Елин Пелин), *букв.* 'Да у него вообще голова была? (ср. в русск. *Да где у него голова была?*). Думаю, что была. — А вот я думаю, что не было'.

Исходя из подобных употреблений, необходимо было бы вычленять в союзе *па* как соединительное, так и противопоставительное значение.

Союз *че* в соединительном значении считается архаизированным, см. из народной песни: *Синьото цвете цъфтеше, малки го моми беряха,* ***че*** *го на китки виеха.*

В грамматиках отмечается регулярность использования *па*, *та* и *че* в текстах прошлого для избежания повторения союза *и* в соединительном значении при множественной сочинительной связи, см., напр., [ГСБКЕ 1983-3: 295].

Составные союзы типа *па и*, *та и* и др., которые имеют присоединительное значение, рассматриваются в разделе 1.4.1.4.

1.4.1.1.2. Повторяющиеся соединительные союзы. Многоместными являются соединительные союзы *и… и*; *хем… хем*; *ни… ни*; *нито… нито*. Они используются в предложениях открытой структуры и способны выступать не только в качестве двухместных (и более), но и одиночно, с опущением первой части союза.

Союз *и…и*:

> *И додето гледам през прозореца, аз мислено отбелязвам как хоризонтът бавно се отмества встрани, безспорен признак за въртенето на земята,* ***и*** *как линиите на телеграфните жици плавно се изгъват, сигурно доказателство на Айнщайновата теория за изкривяване на пространството,* ***и*** *как облаците стремително бягат от нас към дъното на хоризонта, очевидна илюстрация на хипотезата, че вселената се разширява* (Б. Райнов). ‘Глядя в окно, я мысленно отмечаю, как линия горизонта медленно смещается в сторону — явный признак вращения Земли, *и* как плавно прогибаются нити телеграфных проводов — верное доказательство теории Эйнштейна об искривлении пространства, *и* как стремительно разбегаются облака в дальние дали — веский аргумент в пользу гипотезы расширяющейся вселенной’ (пер. А. Собковича).

Употребление союза *и… и* не отличается от русского, за исключением того, что в болгарском языке у него есть несколько активно конкурирующих синонимических вариантов, так что на месте русск. *и… и* можно ожидать не только болг. *и… и*, но и *хем… хем*, *нито… нито*, *ни… ни*, см. далее. В разговорной речи союз *и… и* используется с усилительным значением, особенно при повторе частей: *От снощи вали //* ***И*** *си вали /* ***и*** *си вали / все едно няма намерение да спира* (пример П. Радевой [2012: 63]). ‘Со вчерашнего дня идет дождь // И идет, и идет / словно и не думает прекращаться’.

Союз *хем… хем*. Союз *хем* чаще всего используется как двухместный. Он характерен для разговорного стиля речи, а в применении к языку художественных произведений можно утверждать, что этот союз является особенностью индивидуально-авторского стиля (в нашем корпусе БРКТ он представлен в основном примерами из произведений Елина Пелина и С. Минкова при полном отсутствии его у многих авторов).

Специфика семантики данного союза состоит в том, что он способен соединять противоречивые явления и признаки, которые сосуществуют в одном временном периоде. Значение совмещенности конфликтующих или разнородных признаков имеет разную степень экспликации.

Наиболее отчетлива эта противоречивость при выражении состояний. Ментальные и эмоциональные предикаты, объединяемые союзом *хем… хем*, отражают «внутренний конфликт» — ‘с одной стороны… с другой стороны’[146], ‘вроде бы… но’:

---

[146] Союзный статус средств организации текста типа *от една страна… от друга страна* обсуждается и в русской, и в болгарской лингвистике, см., напр., [Петрова С. 2008: 44] .

Хем *му се иска,* ***хем*** *не му стиска*; ***Хем*** *сърби,* ***хем*** *боли* (варианты пословицы, ср. русск. *И хочется, и колется*); ***Хем*** *искам да ѝ се извиня,* ***хем*** *ме е срам*. '*С одной стороны*, хочу перед ней извиниться, *с другой* — стыдно'; *А она*[147] ***хем*** *го обича,* ***хем*** *му се сърди* (Елин Пелин). 'А она *и* любит его, *и* сердится на него'; *И какво ще правим сега, драги ми Сашо?* ***Хем*** *в училище не ти се стои,* ***хем*** *вкъщи не ти се ходи*…(С. Рачева. БНК). 'И что мы будем делать сейчас, дорогой мой Саша? *И* в школе не хочешь оставаться, *и* домой не хочешь идти'.

Ср. и многоместный союз *хем* в примере, хорошо отражающем рефлексивность персонажей фильма («герои устроены как-то по-чеховски»):

Героите го карат по инерция, не са способни на дълбоки чувства… и някак по чеховски устроени — ***хем*** *искат да направят нещо,* ***хем*** *не знаят как,* ***хем*** *им се иска да действат,* ***хем*** *имат съмнения* (И). 'Герои живут по инерции, не способны на глубокие чувства… и устроены как-то по-чеховски: *вроде бы* хотят что-то сделать, *но* не знают как, *вроде бы* хотят действовать, *но* колеблются'.

Союз *хем* может выступать с синонимичной составляющей, прежде всего с союзом *но и*, который хорошо подчеркивает противоречивость в семантике *хем*: *Наблюдавам се отстрани,* ***хем*** *съм аз,* ***но и*** *не съм* (БНК). 'Наблюдаю за собой со стороны: *вроде* я, а *вроде* не я'.

В других случаях двойной союз *хем… хем* соединяет не противоречивые, но разнородные одновременно протекающие ситуации, которые, по мнению говорящего, хорошо сочетаются и дополняют друг друга: ***Хем*** *ще пия кафе,* ***хем*** *ще гледам кой минува* (А. Константинов). 'Буду *и* кофе пить, *и* за прохожими наблюдать'. Ср. и характерный контекст для такого употребления — «сочетать приятное с полезным»: *Мади предлага <u>да съчетаем полезното с приятното</u> —* ***хем*** *ще поработим заедно,* ***хем*** *ще се поразсеем малко* (БНК).

В этом употреблении союз *хем… хем* близок к союзу *и… и* взаимодополняющих действий: *Затова когато човек настине, няма нищо по-хубаво от чаша горещ чай с малинов сироп или с малиново сладко —* ***хем*** *загрява,* ***хем*** *лекува* (Н. Боев, БНК). '…горячий чай с малиновым сиропом или малиновым вареньем — и согревает, и лечит' ('с одной стороны… с другой стороны').

Обратим внимание, что в болгарской лингвистике данный союз иногда трактуется как разделительный [ГСБКЕ 1983-3: 296—297; Куцаров 2007: 151]. Между тем важнейший дифференциальный признак разделительного союза — невозможность одновременного сосуществования двух связываемых ситуаций — при *хем… хем* не соблюдается. Наоборот, данный союз подчеркивает совместимость соединяемых (пусть даже противоречивых) явлений.

При единично употребленном союзе *хем* требуется решение вопроса о том, является ли он единственным эксплицированным элементом многоместного союза или одиночным союзом с иным значением. Допустимость вычленения сегмента

[147] *Она* (диал.), ср. литературное *тя* 'она'.

предтекста как одного из конъюнктов позволяет предположить отсутствие первого элемента союза, напр. *Ела с мен в кухнята,* [*хем*] *ще хапнем заедно.* ***Хем*** *ще си поговорим и ще спестим още половин час за сън* (БНК). ‘Пойдем со мной в кухню, *перекусим*. [*Заодно*] *и* поговорим и сэкономим полчаса на сон’. Но в случае парцелляции, как в данном примере, присоединительный оттенок значения становится неизбежен.

Одиночный союз *хем* обычно используется с распространительным или присоединительно-уступительным значением:

> *Тя знае кого да покани, кого да залъже и да подхлъзне на динена кора.* ***Хем*** *така ще го каже, че дори и в гроба някого да тикне, пак приятно ще му бъде* (С. Минков). ‘Она знает, кого пригласить, кого обмануть и подставить. *И / При этом* так это скажет, что, даже если в могилу сведет, все равно человеку будет приятно’.

Пожалуй, можно согласиться с П. Радевой, которая, на основе изучения материала разговорной речи, отмечает, что одиночный союз *хем* проявляет семантическую эквивалентность с союзами, которые включают в спектр своего значения семантику ‘уступительность’ [Радева П. 2012: 164].

Данные РБПК представляют богатый материал употреблений одиночного *хем*, присоединяющего предикацию с аргументирующе-уступительным значением (в русск. оригинале — *а /ведь /а ведь /а… же / причем*): *Я на часах стоял… А ведь знаю, что кругом никого…*(А. Приставкин). ‘Бях на пост. *Хем* знам, че наоколо няма никого’ (пер. З. Петровой).

Союзы *нито… нито* и *ни… ни*. О специфике союзов *нито... нито*; *ни... ни* было подробно рассказано в разделе «Отрицательные предложения». Здесь лишь напомним основные характеристики наиболее распространенного в современном языке варианта *нито... нито* в применении к сложному предложению.

а) Многократно употребленный союз *нито* берет на себя соединительные функции в тех случаях, когда сказуемые отрицательные, поэтому часто его эквивалентом в русском языке является не только *ни… ни*, но и одиночный или повторяющийся союз *и*, соединяющий отрицательные предикаты, см. об этом и [Блажев 2007: 152—153]:

> *Не си дадох труд* ***нито*** *да прощавам,* ***нито*** *да забравям и продължих да си го имам Райман като едно на ум…* (Б. Райнов). ‘Не стал я *ни* прощать, *ни* забывать, и Райман по-прежнему остается у меня на примете…’ (пер. Л. Лихачевой);
>
> *Но Криста като че ли* ***нито*** *я виждаше,* ***нито*** *я чуваше…* (П. Вежинов). ‘Но Криста, казалось, ее *не* видела *и не* слышала…’

Ср. использование и других соединительных союзов с отрицательными предикатами в переводе на русский язык: *Фактически* ***нито*** *катализаторът причинява рак,* ***нито*** *примесите ускоряват биохимичните реакции.* ‘Фактически катализатор *не* является причиной рака, *так же как и* примеси *не* ускоряют биохимических реакций’.

б) При расположении союза перед сказуемым последнее употребляется без отрицания. В таком случае *нито… нито* является самостоятельным средством выражения отрицания: *Тя* ***нито*** *се е убила,* ***нито*** *се е отровила, тя просто се е върнала там, откъдето е произлязла* (П. Вежинов). ‘Офелия не покончила с собой, не отравилась, она просто вернулась туда, откуда пришла’ (пер. Л. Лихачевой);

в) Первый элемент союза может быть устранен из первого конъюнкта, если сказуемое в нем содержит отрицание: *При мене* ***не*** *се отбива никой*, ***нито*** *аз самият имам повод да ида при някого, тъй като за служебните справки съществува телефон* (Б. Райнов). ‘Ко мне никто не заходит, да и у меня самого нет повода (*букв.* ‘ни у меня самого есть повод’) идти к кому-либо…’

Ср. также в сочетании с противопоставительной частицей *пък*, характерной для одиночного *нито*:

> ***Няма*** *никакви противоречия помежду ви,* ***нито пък*** *в характерите ви се забелязват каквито и да било различия* (С. Минков). ‘Нет никаких противоречий между вами, и в характерах у вас не просматриваются (*букв.* ‘ни в характерах у вас просматриваются’) какие бы то ни было различия’.

На русский язык, как видно и из переводов выше, построения с одиночным *нито* передаются отрицательными формами сказуемых с одиночными соединительными и присоединительными союзами. Поскольку придаточная часть, вводимая одиночным *нито*, получает оттенок присоединения, незапланированного добавления, наиболее адекватным переводом могут считаться русские союзы с присоединительным значением, как в: ***Не*** *я докосна повече до края на живота ѝ,* ***нито*** *пък тя се опита да се приближи отново към него* (П. Вежинов). ‘До самой ее смерти он больше ни разу не прикоснулся к ней, *да и* она не сделала никакой попытки с ним сблизиться’ (пер. Л. Лихачевой).

В случае если наблюдается многоместное употребление данного союза при опущении *нито* при первом конъюнкте, перевод на русский язык осуществляется сочиненными отрицательными предикатами с союзом *и*:

> *Бенц* ***не*** *ги* [*жените*] *обичаше със заслепение,* ***нито*** *ги презираше,* ***нито*** *ги ревнуваше,* ***нито*** *имаше угризения по отношение на тях* (Д. Димов). ‘Любовь никогда не доводила его до ослепления, он не ревновал, не презирал женщин и не испытывал даже сочувствия к покинутым’ (пер. Н. Попова), *букв.* ‘не любил их до ослепления, ни презирал, ни…’

1.4.1.1.3. Составные союзы. Составные соединительные союзы в основном двойные (разрывные). Неразрывным является градационный союз *камо ли.*

Составные союзы имеют градационное или заместительное значение: *не само… но и* (‘не только… но и’), *не че… но* (‘не то чтобы… но’), *по-скоро… отколкото* (‘скорее… чем’), *не толкова… колкото* (‘не столько… сколько’), *камо ли* (‘тем более, где уж’).

Употребление наиболее распространенного градационного **союза *не само*** (***че***)… ***но*** (***и***) с вариантами второго компонента *а, ама, ами* не отличается от его русского аналога *не только… но* (*и*): *Ние* ***не само*** *слушаме протестиращите,* ***но и*** *ги чуваме*; ***Не само*** *ще я посрещна,* ***а и*** *ще я закарам в един хубав хотел*. В целом, однако, этот союз активен при соединении частей простого предложения и сочиненных сказуемых.

Более характерен для ССП составной **союз *не стига че… но / а / ами*** (***и***) (ср. русск. *мало того что… но* (*еще*) (*и*)). Он подчеркивает, что признак, вводимый второй частью, накладывается на первый, усугубляя описываемую ситуацию: ***Не стига, че*** *нощта бе тъмна,* ***но и*** *снегът пълнеше очите* (С. Чочоолу). 'Мало того что ночь была темная, но и снег залеплял глаза'; ***Не стига че*** *пътят влиза в гора,* ***ами*** *прави голям завой* (Й. Радичков). 'Мало того что дорога углубляется в лес, но она делает и резкий поворот'.

Союз *камо ли* ставится в начале второй части ССП, обычно при отрицательной форме предикации в первой части. Он подчеркивает, что вторая ситуация еще более невозможна, чем первая. Таким образом обе ситуации градационно отрицаются. Переводные эквиваленты этого союза в русском языке зависят во многом от стилистических характеристик текста, ср. *тем более*, *не говоря уж*, *куда уж* (*тут*), *где уж*, *какое там*: *Не ми го побира главата, та* ***камо ли*** *да го измисля* (М. Радев). 'Мне это даже в голове не укладывается, *куда уж там / какое там* выдумать!' В первом сегменте (конъюнкте) может содержаться не отрицание, а указание на маловероятность ситуации:

> *Бедата е, че там има още милион други неща, защото това е супермаркет на четири етажа, които е трудно дори да обходиш,* ***камо ли*** *да наблюдаваш* (Б. Райнов). 'Но, к сожалению, там есть еще миллион других вещей, ибо это четырехэтажный универмаг, который тяжело даже обойти — *где уж там* все разглядеть!' (пер. С. Никоненко).

Близкую к градационной семантику выражают и составные разрывные **союзы *не че… но / а / ама*** (***и***) ('не то чтобы… но'), ***не толкова… колкото*** ('не столько… сколько'), ***по-скоро… отколкото*** ('скорее… чем'). Они указывают на то, что одна из частей высказывания соответствует действительности в большей степени, чем другая (ср., напр., анализ аналогичных русских союзов в [Санников 2008; Апресян В., Пекелис 2012]). В болгаристике квалификация градационных союзов не является однозначной, чаще всего они толкуются как противопоставительные [Радева П. 2002; Ницолова 2008а: 470], см. также обобщение в обзорной работе [Петрова С. 2008: 55—60], напр.:

> *…Сега-засега най-важното беше да се качим незабелязано в асансьора.* ***Не че*** *държа толкова много на чуждите мнения,* ***но*** *младата леди явно не ми подхождаше* (П. Вежинов). 'Сейчас главное было незаметно добраться до лифта. Не то что я уж очень дорожу мнением соседей, но юная леди явно мне не подходила' (пер. М. Тарасовой);

По-скоро *усетих,* ***отколкото*** *разбрах, че моят разказ не ѝ направи особено впечатление* (П. Вежинов). ‘Я скорее почувствовал, чем осознал, что мой рассказ не произвел на врача особого впечатления’ (пер. М. Тарасовой).

Что касается русского союзного комплекса с градационной семантикой *а то и*, то аналогов ему в болгарском языке нет; при переводе на болгарский язык во вторую предикацию вводится, например, лексическая поддержка градационной частицей *дори* (‘даже’) или используется усилительно-разделительный коннектор *или изобщо* (‘или вообще’), ср. примеры из РБПК:

Свирепый як, хоть и истекал кровью, мог еще долго сопротивляться, ***а то и*** *выйти победителем* (Ч. Айтматов). ‘Макар че губеше кръв, свирепият як можеше още дълго да се съпротивлява, *дори* да излезе победител’ (пер. М. Златановой);

Он даже подумал, что, если волки не заявятся этой ночью, он, пожалуй, отложит засаду, ***а то и*** *вовсе отменит свое решение* (Ч. Айтматов). ‘Дори си помисли, че ако тази нощ вълците не дойдат, може би ще отложи засадата *или изобщо* ще се откаже от намерението си’ (пер. М. Златановой).

1.4.1.2. ССП с сопоставительно-противительными союзами

В болгарском языке, кроме *но* и *а*, имеется еще несколько употребительных союзов с сопоставительно-противительным значением — *ама*, *ала*, *ами*, *пък*, *обаче.* Каждому из этих союзов посвящены развернутые словарные статьи в многотомном толковом словаре болгарского языка [РБЕ], которые показывают существенную близость этих союзов в области выражения противопоставительных, сопоставительных и присоединительных значений. Здесь наша задача будет состоять, скорее, в обратном — в попытке показать различия между данными союзами и соотнести их с русскими.

Сначала мы перечислим значения указанных болгарских союзов, исходя из данных болгарской грамматической литературы (1.4.1.2.1), затем попытаемся спроецировать болгарский материал на результаты некоторых отечественных разработок по семантике противительных союзов, использующих иной подход (1.4.1.2.2).

1.4.1.2.1. Основные сопоставительно-противительные союзы. Семантика союза *но* связывается со значением противоречия и противопоставления, а *а* — с несходством, несоответствием сопоставляемых понятий и ситуаций. Так, значения **союза *но***, выделяемые в [ГСБКЕ 1983-3: 299], см. также [Захаревич, Крылова 1978: 9—10; Станева 1988а и др.], следующие:

— резкое противопоставление: *Князът го погледна, но той нищо не рече* (Э. Станев) с частым противопоставительно-ограничительным смыслом: *Не видях лицето, но познах гласа на Гюлфие* (А. Дончев);

— противопоставительно-уступительное: *Пътят е кален, но конете ще вървят* (Э. Станев);

— противопоставительно-изъяснительное (дополняющее): *Тихик каза това нехайно, но в гласа му звучеше болка* (Э. Станев).

Значение болгарского **союза *а*** связывается с противопоставлением и несоответствием, при этом *а* как самый частотный из союзов вытесняет и *но*, и другие свои синонимы. По [ГСБКЕ 1983-3: 298], *а* может иметь следующие значения:

— противопоставительное: *Долу в равнината вече червенееха черешите, а тук цъфтяха бели цветове* (А. Дончев);

— сопоставительное, показывающее несходство и различие действий: *Сибин се приведе от креслото, а Тихин се отдръпна* (Э. Станев);

— соединительное, присоединительное: *Каручката е напълнена до половина със сено, а върху сеното е метната шарена черга* (Елин Пелин).

Более подробно представлен спектр значений данного союза в [РБЕ].

Союз *пък* — это разговорный союз со значением несоответствия, несходства того, что сопоставляется [Захаревич, Крылова 1978: 10]:

*Горда, **пък** се пъха в чужди коли!* (Б. Райнов). ‘Гордая, а забирается в чужие машины!’ (пер. М. Тарасовой);

*Толкова скиташ, **пък** никога не съм те видяла да се върнеш с лов* (Елин Пелин). ‘Ты столько охотишься, но я никогда не видела, чтобы ты вернулся с добычей’;

*Много се проточи тая сватба. Уж родителите съгласни, уж не знам какво си, **пък** работата май започва да става малко съмнителна* (С. Минков). ‘Очень затянули с этой свадьбой. Вроде, говорят, и родители согласны, и все такое, но как-то это дело становится несколько сомнительным’.

Случаи употребления *пък* в сдвинутой вправо позиции часто толкуются в болгаристике как возможность перемещения союза *пък*: *Предложих му, **пък** той се отказа*. ‘Я ему предложил, а он отказался’. — *Предложих му, той **пък** се отказа*[148].

Думается, однако, что значение «сдвинутого» *пък* не равно его толкованию в союзной (начальной) позиции. В постпозиции *пък* выступает, скорее, как частица контраста (подобно русск. *же*). Так, следующие пары предложений описывают положение дел несколько по-разному: *Иван е химик, **пък** Димо е физик*. ‘Иван — химик, *а* Димо — физик’; *Иван е химик, Димо **пък** е физик*. ‘Иван — химик; *что касается Димо*, он физик’.

Поскольку закрепленное место союза как части речи — между конъюнктами — входит, наряду с синтаксической функцией, в определение данной части речи[149] и на основании различий в толковании предложений со «сдвинутым вправо» *пък*,

[148] Однако в последнем из вышедших томов многотомного словаря болгарского языка [РБЕ] все примеры на союз *пък* — в начальной позиции, при этом, в отличие от предшествующих словарей и грамматик, увеличено число функций частицы *пък*. Это отражает, по-видимому, теоретическую установку авторов словаря, близкую нашему пониманию, — о различении союза *пък* (всегда в начальной позиции) и частицы *пък* (в «ваккернагелевской» позиции).

[149] См. из [Апресян В., Пекелис 2012]: некоторые сочинительные союзы по значению сближаются с частицами, ср. *Я принял предложение, он же отказался* (*же* — частица) vs. *Я принял предложение, а он отказался* (*а* — союз). Однако сочинительный союз всегда занимает позицию между двумя конъюнктами и не может, в отличие от частицы, входить в состав конъюнкта; нельзя сказать **Я принял предложение, он а отказался* [Там же].

мы полагаем, что *пък* надо рассматривать как союз при начальном положении (или, иначе, в позиции между конъюнктами) и как частицу в иных позициях.

Обширный материал по союзу (и частице) *пък* представлен в работе [Цонев 2013б].

Важная и значительная сфера употребления *пък* — в сочетании с союзом *и* для выражения присоединительного значения, см. раздел 1.4.1.4.

Пък участвует также в качестве второго элемента в составных союзах ***а пък*** и ***но пък***, способных употребляться в тех же значениях, что и *пък*. Тем самым, как отмечено в [РБЕ], достигается подчеркивание того или иного значения данных противительных союзов. Если для союза *а пък* данное утверждение справедливо, см. и примеры (а) ниже, то при составном союзе *но пък* развивается чаще всего «возместительное» значение (б), как у еще одного составного союза ***затова пък*** (‘зато’), см. пример (в):

а) *Политиците преборват престъпността,* ***а пък*** *хората продължават да се страхуват* (И). ‘Политики успешно борются с преступностью, а люди продолжают бояться’; *Роднини сме уж,* ***а пък*** *никак не се виждаме* (С. Минков). ‘Мы родственники, а совсем не видимся’;

б) *В католическия вариант Бог е по-суров и дистанциран към хората.* ***Но пък*** *ги допуска да седат в храма му…* (В. Колев). ‘В католическом варианте Бог более суров и дистанцирован по отношению к людям. Но зато разрешает сидеть в храме’; *Годината беше трудна за производителите на череши и ябълки,* ***но пък*** *сравнително добра за праскови и други пресни плодове* (И). ‘Год был тяжелый для производителей черешни и яблок, но сравнительно удачен для персиков и других свежих фруктов’.

в) *Слава богу, нямаше никакъв портиер на пропуска. Но* ***затова пък*** *новата постройка ми се стори шеметно непривлекателна и грозна като всички ония модерни сгради, които остаряват още преди да са ги построили* (П. Вежинов). ‘Слава богу, вахтера у входа не было. Но зато новое здание показалось мне ужасающе неуютным и безобразным, как и все современные здания, устаревающие прежде, чем их достроят’ (пер. М. Тарасовой).

Союзы *ала*, *ама*, *ами* считаются синонимичными союзам *но* и *а* и между собой различаются стилистическими и небольшими семантическими особенностями.

Союз *ала* (русск. *но*) греческого происхождения, он единственный из этих трех союзов способен выступать не только в разговорной, но и в письменной речи:

Буби прекрачва прага и потъва в тясно полутъмно коридорче, където го лъхва мирис на кисело зеле, ***ала*** *слугинята разтваря пъргаво втора врата и мирисът на киселото зеле изчезва* (С. Минков). ‘<…> его обдает запахом кислой капусты, но служанка проворно открывает вторую дверь, и запах кислой капусты исчезает’.

Для употребления союза *ала* имеют значение и индивидуально-авторские предпочтения.

Союз *ама* (турецкого происхождения) представлен в разговорном литературном языке, в диалектах, а также в диалогических фрагментах художественных произведений: *Извинявайте, приятели и братя,* ***ама*** *така не се жени единствена дъщеря, и то дъщеря на полковник. Младоженецът трябва да се отсрами, че дяволите го вземат, а!* (С. Минков).

Этот союз, по наблюдениям Р. Цонева [2013a] над разговорной речью, служит:

— для противопоставления: *Уж щеше да дойдеш навреме /* ***ама*** *пак закъсня*. ‘Ты же обещал прийти вовремя / а (но) опять опоздал’; *Той ще ти даде /* ***ама*** *да не забравиш / да му ги върнеш*. ‘Он тебе даст, но смотри не забудь ему их вернуть’;

— для сопоставления: *По принцип не е лош човек /* ***ама*** */ дали такъв е и като пийне / не знам*. ‘В принципе, он не плохой человек, но такой ли он и когда выпьет, не знаю’;

— для присоединения: *Много пъти съм го гледала /* ***ама*** *колко не помня вече.* ‘Я много раз его [фильм] смотрела, но сколько, не помню уже’.

Значительная доля употреблений данной лексемы приходится на *ама* как прагматическую частицу [Тишева, Хауге 2001; Fielder 2010; Цонев 2013a: 67].

Для разговорного **союза *ами*** (русск. *а*, *ну а*) греческого происхождения значение противопоставления реализуется при употреблении отрицания в первом конъюнкте: *Не се извинявай,* ***ами*** *се махай от очите ми!* (Б. Априлов). ‘Не извиняйся, а убирайся с глаз моих’. В иных случаях за ним закреплено сопоставительное значение, обычно при контрасте: *Ние обичаме лятото,* ***ами*** *ти?* ‘Мы любим лето, (ну) а ты?’. В современном языке *ами* преимущественно выступает как частица; в ряде случаев отчленение союза *ами* от частицы *ами* затруднено, см. об *ами* как прагматической частице [Тишева 2013: 59—76].

При употреблении отрицания в первой сочиненной предикации оформляется разрывной союз с вариантами второй части: ***не… а / ама / ами*** (русск. *не… а*) с заместительным значением, см. аргументацию вычленения такого значения в [Санников 2008: 182]: *Какво се пулиш срещу мен? —* ***Не*** *се пуля — отвърна лисичето, —* ***а*** *те гледам и си мисля* (Б. Априлов). ‘Ты что на меня уставился? — Я не уставился, — ответил лисенок, — а смотрю на тебя и думаю’.

Противительные союзы, как будет показано ниже (1.4.1.4), сочетаются с частицей *и* для выражения присоединительного значения, но, помимо того, они могут создавать дополнительное противопоставительное наращение при присоединительной связи, ср. *но+ пък и* (*букв.* ‘но + да и’): *Вечерта, разбира се, забравих за нея,* ***но пък и*** *никой не се появи през следващите дни да търси отговор* (Г. Господинов). ‘Вечером я про нее, конечно, забыл, но и никто не появился в последующие дни, чтобы найти ответ’.

Функционирование ***обаче*** (статус которого трактуется неоднозначно: союз? вводный элемент в союзной функции?) несколько отличается от русск. *однако*. Во-первых, *обаче* используется свободно и в разговорной речи (хотя часть грамматик продолжает приписывать ему исключительно книжный характер): *Абе то и аз щях да дойда,* ***обаче*** *много път става.* ‘Дак и я бы пришел, но в такую даль

ехать'; *Ееее, те ми се карат за много неща, **обаче** няма кой да ги слуша.* 'Ну, они [родители] за многое меня ругают, да кто их слушает'. Во-вторых, он может находиться в постпозиции к контрастивному тематическому компоненту (подобно болг. *пък* или русск. *же*): *Предложиха му помощ, той **обаче** отказа*. 'Ему предложили помощь, *но* он отказался / он, *однако*, отказался'; *Другиму навярно биха се разсърдили, с него **обаче** ги свързваха надежди* (В. Андреев). 'На другого они, наверно, рассердились бы, с ним *же* их связывали определенные надежды'.

1.4.1.2.2. Сопоставительно-противительные союзы и установка говорящего. Современная отечественная лингвистика предлагает сейчас новые принципы классификации значений сочинительных союзов, основанные на значительно бóльшем внимании к семантике ситуации и прежде всего к установкам говорящего [Санников 1989; Урысон 2011: 200 и др.][150].

Союз *но* и его синонимы. Применение основных параметров, предлагаемых в этих работах, прежде всего [Урысон 2011], показывает, что болгарское ***но*** и его разговорный синоним ***ама*** будут появляться в большинстве случаев, в которых употребляется и русское *но*[151].

В основе семантики союза *но* лежит «ментальная готовность к определенному положению дел» (не всегда даже осознаваемая говорящим), которая не находит подтверждения и в этом смысле является «обманутым ожиданием» [Урысон 2011: 190—206].

Так, ***но* «ненормального следствия»** (термин В. З. Санникова [1989]) указывает на нарушение неких жизненных закономерностей, связанных с общими представлениями о типовой ситуации, об определенном, привычном ходе вещей:

> *Опитаха се да ми обяснят тази теория, **но** нищо не разбрах* (Д. Шумналиев). 'Мне попытались объяснить эту теорию, но я ничего не понял';
>
> *Този разговор не продължи повече от минута, **но** той бе достатъчен да смае Бенц: фройлайн Петрашева говореше френски съвършено* (Д. Димов). 'Разговор был минутным, но привел Бенца в изумление: фрейлейн Петрашева говорила по-французски в совершенстве!' (пер. Н. Попова и др.);
>
> *Те обходиха от всички страни просторната стъклена сграда, **но** не видяха ни най-малък белег на каквото и да е отвърстие* (П. Вежинов). 'Они обошли со всех сторон просторное стеклянное здание, но не увидели в нем ни малейшего отверстия' (пер. Р. Белло).

См. и с *ама* в том же значении: *Навън вече е спряло да вали. **Ама** още е мокро и мрачно*. 'Дождь прошел. Но еще влажно и мрачно'; *Той много я обича, **ама** тя*

---

[150] Некоторые рассуждения К. Викторовой [2001] о семантике болгарских ССП близки представляемым концепциям, см. также [Лазарова А. 1981].

[151] Разумеется, здесь представлены лишь общие наблюдения и однозначные примеры. Исследование сочинительных союзов болгарского языка еще впереди. Подробнее о принципах рассмотрения, аргументации каждого из значений русских союзов в [Урысон 2011], также см. [Крейдлин, Падучева 1974; Янко 1990: 246—258; Санников 2008].

него — *не* (И). ‘Он очень ее любит, а/но она его — нет’. Случаи, подобные последнему, Е. В. Урысон предлагает отчленять как отдельную семантическую разновидность **«*но* противоположной ситуации»**, см. аргументацию в [Урысон 2011: 193].

«*Но* противоположной оценки» сопоставляет два признака, причем вторая оценка подается как более важная [Санников 1989: 151]: *Той е много талантлив,* ***но*** *е мързелив* (И). ‘Он очень талантливый, но ленивый’. Это значение реализуется, в основном, на уровне сочиненных именных сказуемых. В болгарском языке, ввиду краткости и разговорности данных конструкций, здесь особенно активен союз *ама*: *ДНК анализа е най-сигурен,* ***ама*** *скъп и болезнен* (И). ‘Анализ на ДНК самый надежный, но дорогой и болезненный’.

«*Но* противодействия» обычно содержит причину того, почему «ожидание» закономерного положения дел было обмануто, ср.

> *Навън вали,* ***но*** *Мики си има чадър* (И). ‘Идет дождь, но у Мики есть зонтик’; *Предполагам, че ще е много трудно да го поддържам,* ***но*** *аз имам много време засега*. ‘Полагаю, что будет очень трудно его поддерживать, но у меня сейчас много времени’; *Мога да го направя,* ***но*** *не искам.* ‘Могу это сделать, но не хочу’.

«*Но* неприятия» [Урысон 2011: 199—202] отражает попытку примирения с негативным (реже — с удивительным для говорящего) положением дел, описываемым в предшествующей предикации: *Един милион евро странични доходи — звучи шокиращо,* ***но*** *е факт.* ‘Миллион евро левых доходов — звучит шокирующе, но это факт’; *Ситуацията не е нормална,* ***но*** *това е положението*. ‘Ситуация ненормальная, но таково положение’.

В этом значении активен и союз *ама*: *Всички си платиха данъците! Направо не е за вярване —* ***ама*** *е така!* ‘Все заплатили налоги. Просто не верится — но это так!’

Субъект речи может предлагать собеседнику перенастроить свое сознание, смирившись с неприятным положением дел, виновником которого является сам говорящий: *Извинявай,* ***ама*** *е така.* ‘Извини, но это так’.

«*Но* метатекстовое» (т. е. в функции разметки текста) функционирует, в основном, на уровне простого предложения, но все же упомянем его здесь. В этой функции союз отъединяет обстоятельство от его синтаксического хозяина. Такая разметка служит сигналом, предупреждающим о неожиданной информации, и заставляет переключить сознание на противоположную ситуацию [Там же: 197—198], ср. болгарские примеры: *Заплатите се повишиха,* ***но*** *с малко*. ‘Зарплаты повысились, но не намного’; *Дамаск чака въздушните удари,* ***но*** *не твърде скоро*. ‘Дамаск ожидает ударов с воздуха, но не в ближайшее время’; *Хайде, мери,* ***ама*** *по-бързо, че нямам търпение*. ‘Давай, меряй, но быстрее, а то у меня не хватает терпения’.

С о ю з *а* и е г о с и н о н и м ы. В толкование союза *а* (как русского, так и болгарского) «входит следующий компонент: ‘говорящий не знает, почему ситуация P не влияет на положение дел и имеет место ситуация Q, или не думает об этом’» [Там же: 216]. Приведем примеры на разные семантические варианты союза *а*.

***А* «ненормального следствия»**. В отличие от *но* «ненормального следствия», которое предполагает наличие какой-л. причины, из-за которой ситуация следствия произошла (эта причина часто указывается в последующем контексте), союз *а* в болгарском языке, как и в русском, указывает на отсутствие связи между ситуациями, на то, что ситуация произошла незакономерно, «как если б возникла “сама по себе”, непонятным образом» [Урысон 2011: 215]:

> *Беше три часът, **а** все още лежеше с отворени будни очи, все още се давеше в горчивото минало* (П. Вежинов). ‘Три часа, а он все еще лежит с открытыми бессонными глазами, задыхаясь в горечи прошлого’ (пер. Л. Лихачевой);
>
> *Как може да си навъртял тридесетте, **а** да си още неженен?* (В. Колев). ‘Как можно разменять четвертый десяток, а быть еще неженатым?’,

ср. «противопоставительную» функцию, по [ГСБКЕ 1983-3: 298].

Предложения с союзом *а* если и вводят причину, то подают ее как неизвестную говорящему, ср. оборот *не знам защо*: *Карах много бързо, **а** той не знам защо спря и аз не можех да не му налетя.* ‘Я ехала очень быстро, а он *не знаю почему* остановился, и я не смогла не врезаться в него’. В следующем примере истинная причина болей замерзшего на улице старика стала ясна врачам не сразу, и правый контекст разъясняет истинные причины состояния: *Веднага го отвели в болница, **а** той се оплакал от болки в стомаха. Станало ясно, че те не са от болестно състояние, а от глад.* ‘Его [старика] сразу отвезли в больницу, *а* он пожаловался на боли в желудке. Стало ясно, что они не от болезни, а от голода’.

Если говорящий не совпадает с агенсом, то часть с союзом *а* может содержать отрицательную оценку действий агенса как неуместных или неудачных [Урысон 2011: 217]: *Възрастен човек, **а** се държи като дете!* ‘Пожилой человек, а ведет себя как ребенок!’; *Имам колежка, която е на 55, **а** се облича като тийнейджър, за да е в крак с тях.* ‘У меня есть коллега, ей 55, а одевается как подросток, чтобы идти в ногу с ними’.

Союз *а* может показывать, что знание причины положения вещей не является для говорящего существенным [Там же: 216—217], обычно эта семантика реализуется в сообщениях о явлениях природы: *Навън вали, **а** цветовете на дъгата се усмихват, слънцето блести.*

Значение **сопоставления** выражается в болгарском языке двумя сопоставительными союзами — ***а*** в одном из его значений (*а* сопоставления) и ***пък*** (союз, подчеркивающий несходство и контраст).

Ярче всего сопоставительная функция *а* выражается при наличии антонимических пар, при построении частей по принципу синтаксического параллелизма, с акцентно выделенными элементами тем и рем[152], когда в фокус помещается сначала

---

[152] Как известно, в предложениях, где есть контрастные темы, обычно есть и контрастные ремы, см. об этом [Янко 2001].

один объект, потом другой, ср. и о психологической основе обмана инерционности сознания [Урысон 2011: 264]:

Ти разсъждаваш от практична гледна точка, ***а*** *аз имам предвид философията* (Б. Райнов). ‘Ты рассуждаешь с практической точки зрения, а я пытаюсь взглянуть на вещи философски’ (пер. А. Собковича);

Ти ще вървиш, ***а*** *аз ще те яздя* (Б. Априлов). ‘Ты будешь идти пешком, а я поеду на тебе’.

При отрицании в главной части формируется заместительный составной союз ***не… а***: *Всъщност* ***не*** *седна,* ***а*** *сякаш кацна там като зиморничаво врабче* (П. Вежинов). ‘*Не* села, *а* опустилась на краешек, как озябший воробей’ (пер. М. Тарасовой).

Пък подчеркивает контрастивность субъектного элемента: *За моя началник ще ти говоря,* ***пък*** *ти↓ си мисли за твоя Тато* (П. Христозов). ‘Я о своем начальнике буду тебе рассказывать, а ты уж думай о твоем Бате’.

А и *пък* часто употребляются вместе, образуя составной союз *а пък*, в нем сочетаются значения сопоставления и контраста: *Кучетата имат само зъби,* ***а пък*** *аз имам и ръце* (Н. Хайтов). ‘У собак есть только зубы, а у меня еще и руки’.

В значении сопоставления возможно и употребление союза *ама* в разговорной речи для выражения удивления, возмущения ситуацией, не соответствующей ожидаемой: *Някой трябва да се бори,* ***ама*** *никой не се бори!* ‘Кто-то должен бороться, а никто не борется!’; *Казах им да репетират,* ***ама*** *те си тръгнаха!* ‘Я им сказала репетировать, а они [представь себе] ушли!’ Такие употребления соотносятся и со значением «ненормального следствия».

Вслед за Е. В. Урысон [2011: 248—249], как и [ГСБКЕ 1983-3: 298], от сопоставительного союза *а* мы отделяем ***а*** **с соединительным значением**: …*Заведението бе почнало да се изпразва. Джазът свиреше вече отпуснато,* ***а*** *келнерите проверяваха сметките си* (Д. Димов). ‘Ресторан стал пустеть. Джаз играл уже вяло, а официанты проверяли счета’.

А **поворота повествования** — значение, которое, по-видимому, не свойственно никакому другому противительному союзу: *Спеше си кротко. А ключът беше забучен от вътрешната страна на бравата. Опитах се да отключа тихо* (В. Колев).

Инициальное *а* имеет также набор разнообразных функций, сближающих этот союз с частицей. В частности, это инициальное ***А*** **вопроса** и ***А*** **начала новой темы**: ***А*** *вие какво правите?*; ***А*** *обичаш ли ме?*; *Само прическата ѝ струва поне двайсет лева с бакшиша и още толкова с изгубеното време.* ***А*** *гримът,* ***а*** *парфюмът,* ***а*** *моите дрехи?* (К. Топалов). ***Ама*** употребляется в этой позиции, если говорящий сопровождает вопрос удивлением или недоумением: ***Ама*** *ти каза ли на вашите, че си бременна? — прекъснах я аз сепнато*; ***Ама*** *ти сериозно ли?*, см. и разнообразные примеры на инициальные функции *а* в [РБЕ].

1.4.1.3. ССП с разделительными союзами

Как и в русской лингвистике, выделяются предложения взаимоисключающих (оформляются союзами *или*, *или… или*, *ли / дали… или*, *я… я*, *било… било*) и чередующихся (*ту… ту*) действий. Граница между двумя подтипами условна: описывая действия как исключающие друг друга в данную единицу времени, союз *или* может выражать и их чередование: *Той* ***или*** *лежеше със стенание на леглото си,* ***или*** *мълчаливо се разхождаше назад-напред из стаята…* (Елин Пелин). ‘Он то / или лежал, постанывая на кровати, то / или молчаливо ходил взад и вперед по комнате’. Поэтому для союзов *или* и *ту* возможны синонимические замены при повторяющемся употреблении: ***Ту*** *весело се усмихвала,* ***ту*** *се натъжавала* ***или*** *се разплаквала* (Е. Цанова), пример С. Савовой [1991: 213].

Кроме перечисленных, в грамматиках упоминаются другие (редкие или диалектные) разделительные союзы: *кое… кое*, *ха… ха*, *а… а* и др. К чередующимся союзам, как мы отметили выше, иногда относят *хем… хем* (1.4.1.1).

1.4.1.3.1. Союзы со значением взаимоисключающих действий. Основное средство связи во взаимоисключающих ССП — **союз *или***, одиночный или повторяющийся. Его использование при оформлении сочиненных частей как повествовательных предложений в целом не отличается от русского союза *или*, напр.: *Те се закачаха с крясъци, ядяха вафли* ***или*** *ходеха важно, прегърнати през кръста* (Д. Димов). ‘Они крикливо дразнили друг друга, жевали вафли или важно прохаживались в обнимку’ (пер. Н. Попова и др.).

При оформлении частей разделительного ССП как вопросительных предложений первый элемент повторяющегося союза выступает в виде частиц ***дали*** или ***ли***. Расположение этих вопросительных частиц следует их закономерностям в обычных вопросах: как правило, *дали* начинает первое сочиненное предложение, а постановка *ли* определяется ее клитическими характеристиками (см. разделы 1.2.3.1 и 5.2.5):

> *Това твое предположение* ***ли*** *е,* ***или*** *си говорила с някого?* (С. Стратиев). ‘Это твое предположение, или ты с кем-то говорила?’[153],
>
> ср.: ***Дали*** *притежаваше лични способности, дарби или свръх умения,* ***или*** *само партийното послушание го бе изнесло на гребена на вълната?* (Г. Мишев). ‘Обладал *ли* он личными способностями, талантами или сверхумениями *или* только партийное послушание вынесло его на гребень волны?’

Эти разделительные союзы при соединении вопросительных предикаций в целом синонимичны. Заметим лишь, что предложения с *ли… или* стилистически и прагматически не маркированы, а предложения с *дали… или*, как и вопросительные предложения с *дали* (1.2.3.1.3), маркируют рефлексивность, раздумье, поэтому

[153] Как известно, повторяющийся союз *или* способен оформлять разные виды дизъюнктивных вопросов, их структурно-семантические разновидности хорошо изучены в болгарской лингвистике, напр. [Савова С. 1986; Тишева 2000]. В целом семантика и эллиптические разновидности данных вопросов имеют много общего с русским языком.

более характерны для авторской речи и монологов персонажей: ***Дали*** *тънка философска усмивка лукаво и примамливо се е скрила между тия увехнали страници,* ***или*** *някоя велика идея скромничи там?* (Елин Пелин). Структуры с *дали* часто образуют цепочки вопросов с завершающей сочиненной частью с *или*, напр.: *...вътре в читалище «Просвета и култура» влиза един бивол.* ***Дали*** *подгонен от жегата е потърсил сянка,* ***дали*** *любознателност някаква го е подтикнала* ***или*** *просто са го подмамили зелените като трева корици на едно списание, което още от началото бе забравено върху масата?* (Елин Пелин).

Данная специфика *дали* ограничивает употребление союза *дали… или* в ситуации прямого вопроса к собеседнику при совпадении адресата и субъекта действия, т. е. когда рефлексивное прочтение невозможно. В таком случае используется нейтральный союз *ли… или*: *Ще чакаш* ***ли*** *автобуса,* ***или*** *ще вървиш?* 'Будешь ждать автобус или пойдешь?' при **Дали ще чакаш автобуса, или ще вървиш?* [Савова С. 1986: 172—173].

Употребление союзов *ли / дали... или* с *да*-конструкциями характерно для вопросов-колебаний (прямых или рефлексивных) о выборе возможных действий [Там же: 173]: *Да влизаме* ***ли*** *или да не влизаме?* 'Зайдем или не будем заходить?' Русские инфинитивные вопросы выступают в качестве эквивалентов только при непрямых вопросах: *Сега* ***ли да*** *ѝ кажа* ***или да*** *почакам до утре?* 'Сейчас ей сказать или до завтра подождать?'

Союз *я… я* вводит взаимоисключающие явления, выражая при этом оттенок сомнения [БТР 2006: 1090]. Он свойствен народно-разговорной речи, где встречается в кратких репликах типа *Я дойде, я не.* 'То ли придет, то ли нет'; *И тия господари не са по-добри от татарите. Я ни дадат вода, я не* (С. Загорчинов). 'И эти хозяева не лучше татар. Может, дадут воды, может, нет'.

Союз *било… било* в ССП употребляется редко, обычно он соединяет сочинительной связью либо однородные члены в составе простого предложения, либо части СПП с причинной семантикой, напр. *било че… било че*, *било защото… било защото* (ср. русск. *то ли потому что… то ли потому что*): *Но никой не отвори дума за тях,* ***било че*** *не знаеха,* ***било че*** *ги презряха* (И. Вазов). 'Но никто и не заикнулся о них, то ли потому что не знали, то ли потому что их презирали', см. также: *Не наричам императора «бог»,* ***било защото*** *не искам да лъжа,* ***било защото*** *не смея да му се подигравам,* ***било защото*** *самият не би желал да се наричa «бог»* (И).

1.4.1.3.2. Союз со значением чередующихся действий. **Союз *ту… ту*** (русск. *то... то*) соединяет чередующиеся во времени действия. Обычная позиция компонента *ту* — перед сказуемым; противопоставляются чаще всего действия, имеющие общий субъект:

> *Така си представяше телевизионните репортерки. С невероятно здрави зъбки. Около тях начервени устни. Те* ***ту*** *се разгъват в усмивка,* ***ту*** *мигом преминават в насмешка, после ето ги тъй сериозни, делови* (Д. Шумналиев). '…Они [накрашенные губы] то растягиваются в улыбку, то изображают насмешку…'

При контрастных аргументах сказуемого, выносимых в препозицию, союз ставится перед ними: *Кака Дона* ***ту*** *детето гледаше жаловито,* ***ту*** *към доктора хвърляше обнадежден поглед*[154] (Т. Г. Влайков). ‘Дона то на ребенка смотрела с жалостью, то на доктора бросала полный надежды взгляд’. В более редких случаях первый компонент союза стоит в постпозиции к предикату, имеющему обстоятельственный характеризующий компонент, входящий в его сферу действия:

Лаят на кучетата се чуваше ***ту*** *много ясно,* ***ту*** *заглъхваше задълго* (И. Петров). ‘Лай собак слышался то очень отчетливо, то надолго затихал’;

Тялото ѝ сякаш се разтягаше — изглеждаше ***ту*** *неестествено дълго,* ***ту*** *се скъсяваше* (Э. Станев), *букв.* ‘Тело ее… выглядело то неестественно длинным, то становилось короче’ (здесь болгарские примеры из [Савова С. 1991: 213]).

Союз обычен в повторяющемся варианте: *Нона* ***ту*** *сядаше,* ***ту*** *ставаше,* ***ту*** *отиваше до вратата и се ослушваше* (Й. Йовков). Однократное употребление союза в ССП отмечено в [Захаревич, Крылова 1978: 15] и [Савова С. 1991: 213—214], в последней работе такое употребление связывается с утверждением новой тенденции в болгарском языке: *Очите им трескаво оглеждаха всяка бучица земя,* ***ту*** *се връщаха към Зъмка и търсеха да отгатнат къде гледа тя* (Э. Станев). В той же работе освещены вопросы структурной организации соединяемых частей и способы выражения их семантического противопоставления.

1.4.1.4. ССП с союзами пояснительными, присоединительными, заключительными

Союзы **с пояснительным** значением **—** *тоест*, *а именно*, *или*, *сиреч* (‘а именно’, ‘иначе говоря’) связывают синтаксические единицы равного или синонимического значения [Ницолова 2008а: 471]. Чаще они используются для связи частей простого предложения, ср. более редкое их употребление в ССП: *Не! — ще отговориш ти с тон, който по най-добрия начин ще допълни неизречената част от мисълта ти,* ***а именно****, че въобще и не желаеш да я познаваш* (К. Топалов).

Все **присоединительные** союзы — неразрывные. Основную часть присоединительных союзов составляют двухсловные союзы, образованные сочетанием соединительных (*па*, *та*) и противительных (*а*, *но*, *ама*, *ала*, *ами*, *пък*) союзов с усилительной частицей *и*:

За гроздето му бяха обещали добра цена, ***а и*** *от тютюна също се надяваше да вземе доста пари* (Д. Димов). ‘За виноград ему обещали хорошую цену, *да и* за табак он тоже надеялся получить немало’;

Американецът, както казваше чичо ми, лапнал въдицата, ***пък и*** *леля ми не останала равнодушна към неговите чувства* (С. Минков). ‘Американец, как гово-

[154] При соединении частей простого предложения эта позиция союза — единственно возможная: *Обвиняваше* ***ту*** *маслото,* ***ту*** *брашното и най-вече готовата смес, която купуваше от различни магазини с единствената надежда да попадне на образеца* (Д. Шумналиев).

рил мой дядя, попался на крючок, *да и* тетя моя не осталась равнодушной к его чувствам’.

Присоединительное значение имеют составные союзы *още повече че* (‘тем более что’), *при това* (‘при этом’), *също и*, *а така също*, (*а*) *също така* (‘(а) также’) и *както и* (‘как и’): …*Състудентките ми започнаха да ми обръщат внимание,* ***още повече че*** *и с медицината си допаднахме по същия начин, както и с кожените якета и дънките* (К. Топалов). ‘Сокурсницы стали обращать на меня внимание, *тем более что* медицина мне подходила так же хорошо, как и кожаные куртки и джинсы’.

В болгарской лингвистике иногда утверждается наличие еще одной группы соединительных союзов — **заключительных**, относимых то к сочинительным [Ницолова 2008а: 470], то к подчинительным [Попов 1963: 305] или рассматриваемых как средство связи гибридного сочинительно-подчинительного статуса [Петрова С. 2008: 52]; в качестве союзных средств выводится список лексем, указывающих на итоговый, выводной характер последующей предикации: *следователно*, *значи*, *ето защо*, *и така*, *тогава*, *прочее*, *затова* и др.: …*Неда ме покани настойчиво, следователно тя не е* (*или поне не е съвсем плътно*) *ангажирана* (К. Топалов). ‘Неда пригласила меня настойчиво — следовательно, она не занята (по крайней мере, полностью)’.

В список заключительных иногда попадают и союзы *тъй че*, *така че*, присоединяющие придаточное со значением следствия [Ницолова 2008а: 470]. В болгарской лингвистике придаточное следствия выделяется не всеми исследователями в связи с тем, что логическая классификация сложноподчиненных структур, соотносящая синтаксическую позицию придаточного с членом предложения, не имеет аналогов таким придаточным в списке членов предложения. В таком случае место им находится именно в группе ССП с заключительными союзами.

1.4.2. Сложноподчиненное предложение (СПП)

1.4.2.1. Общие замечания

1.4.2.1.1. Классификация СПП. В болгарской лингвистике при классификации СПП традиционно используется функционально-семантическая основа систематизации придаточных частей — с опорой на их синтаксическую функцию и уподобление членам простого предложения. Этот принцип применяется и в рамках генеративного подхода, где строгое различение члена предложения и придаточной части намеренно не проводится, ср. выделение Й. Пенчевым [1984; 1998а] традиционных классификационных групп: придаточные подлежащные, дополнительные, сказуемостные («сказуемноопределителни»), определительные, обстоятельственные.

Известно, что соотнесенность придаточного с тем или иным членом предложения, требуемая функционально-семантическим («логическим») принципом классификации, сталкивается с нерешенностью вопросов о выделении второстепенных членов предложения и их неполном соответствии типам придаточных частей.

Не останавливаясь на этом общеизвестном тезисе, упомянем лишь работу С. Петровой [2008], где автор, делая обзор основных грамматик болгарского языка, показывает классификационные проблемы установления параллелей между видом придаточного и членами простого предложения[155].

При этом и структурно-семантический принцип классификации, закрепленный в русском языкознании, имеет, как известно, свои недостатки, порождая значительное количество промежуточных случаев.

Классификационные решения отечественных болгаристов имеют более [Маслов 1981] или менее [Захаревич, Крылова 1978] компромиссный характер: материал описывается исходя из классификационных ячеек, выделенных на структурно-семантических основаниях (СПП с изъяснительными, относительными, обстоятельственными придаточными), но с указанием внутри каждой из групп возможных синтаксических позиций придаточной части. Мы также будем следовать этому решению, т. к. оно позволит учесть в качестве классификационных факторов формально-грамматические средства и особенности структуры СПП в целом, что важно для сопоставительного анализа, но слабо исследуется в рамках чисто «логического» подхода. Соотнесенность классификационных ячеек структурно-семантической классификации с функционально-семантической будет отмечаться при рассмотрении каждого вида придаточных.

Выделение трех групп придаточных в СПП в целом соответствует и трем основным установленным типам отношений между частями СПП (объектным, атрибутивным, обстоятельственным) и имеет определенные параллели с классификацией составляющих на актантные, определительные и сирконстантные [Маслов 1981: 394], см. также в теоретическом плане [Тестелец 2001: 191—192] и реализацию на русском материале в [Пекелис 2014].

Об основаниях принятой здесь классификации СПП с обстоятельственными придаточными см. 1.4.2.4.

1.4.2.1.2. Средства связи в СПП. Основные средства связи придаточного предложения с главным — это подчинительные союзы, союзные слова. Обсуждается союзный статус вопросительных слов в изъяснительных предложениях: поскольку вопросительные слова по ряду признаков отличаются от союзов и союзных слов, связь с их использованием в болгаристике часто рассматривается как бессоюзная [Бояджиев и др. 1998: 572; Петрова С. 2008: 20, 114—115, 118 и др.]. В типологии придаточных, разработанной С. Коевой [2001б: 144], вопросительные средства предстают как отдельная группа наряду с другими, таким образом вычленяются три группы придаточных по форме связи с главным предложением: относительные, вопросительные и союзные.

---

[155] В частности, это отсутствие «покрытия» (соответствия со стороны второстепенных членов) придаточных следствия и присоединительных, спорность подчиненного статуса подлежащных придаточных, соединение в одной группе сказуемостных предложений двух типов — и тех, которые замещают именную часть предиката (*Важното е, че си тук*), и тех, которые замещают второстепенный член предложения — предикативное определение (*Видях го да идва тук*).

Идея вычленения связи посредством вопросительных слов в отдельную группу имеет и грамматическую поддержку в болгарском языке. Дело в том, что вопросительные местоимения и наречия даже формально отличаются от производных от них относительных местоимений и наречий: в последних (за редким исключением) представлено наращение *-то*, что исключает омонимию вопросительных и относительных местоименных средств связи, ср. *Помисли* ***къде*** *може да бъде той* (‘Подумай, *где* он может быть’). — *Ще седна,* ***където*** *е по-тихо* (‘Я сяду [там], *где* тише’). Также: *защо — защото* (русск. *почему* и *потому что*), *как — както* (ср. русск. омоним *как*), *кой — който* (ср. русск. омоним *кто*) и др.

Как и в русском языке, в болгарском имеются подчинительные союзы дифференцированного и недифференцированного значения. Первые не только связывают части СПП, но и указывают на смысловые отношения между предикациями (*ако*, *за да*, *понеже*), вторые исполняют только связующую функцию (*да*, *че*, *как*). Союз *да* является и самым многозначным. Как одиночный он используется в изъяснительных, целевых, в меньшей мере причинных предложениях, а также входит как составная часть в большинство союзов в обстоятельственных СПП (см. также 1.4.2.1.6).

Активное употребление в нескольких видах СПП демонстрирует неизменяемая лексема *дето* — по происхождению связанная с относительным наречием *където*. Современные исследования функций этой лексемы показывают, что это средство связи употребляется без каких-л. стилистических ограничений и переосмыслений только для указания места (прежде всего в СПП места) [Дачева, Тишева 2005: 391—394]: *Дето старо се не почита, там за добро недей пита* (посл.). ‘Где старость не чтут, добра не жди’.

В определительных придаточных *дето* является разговорным синонимом союзным К-словам и трактуется как комплементизатор [Rudin 1986: 123—154; Дачева, Тишева 2005: 392]: *Това е жената, която* (*дето*) *спечели голямата награда.* ‘Это та женщина, которая (ср. русск. разг. *что*) вчера выиграла большую награду’. Помимо разговорного характера, важным формальным свойством этой лексемы является то, что она не согласуется по роду и числу с определяемым и требует дублирования своей функции местоименной клитикой (обязательно — находясь в роли косвенного дополнения и регулярно — в роли прямого): *Това е мъжът, дето* ***го*** *видяхме вчера.* ‘Это тот мужчина, которого [его] мы вчера видели’; *Това е детето, дето* ***му*** *казаха да дойде с родителите си.* ‘Это тот ребенок, которому [ему] сказали прийти с родителями’.

Помимо указанных типов придаточных, *дето* функционирует как союз изъяснительный, синонимичный *че*: *Той… ми обясняваше защо най-големите мошеници днес са докторите и колко е правилно,* ***дето*** *им забраниха частната практика* (К. Топалов). ‘Он… объяснял мне, почему самыми большими мошенниками сейчас являются врачи и как правильно, *что* им запретили частную практику’, а также как союз с уступительной семантикой: *Баща ти,* ***дето*** *е мъж, и той се изплаши* (Т. Трифонов), пример П. Радевой [2012: 136]. ‘Твой отец, *хотя* и мужчина, и он испугался’. Реже отмечаются другие значения.

Широкий набор средств связи в СПП, характерный только для разговорной речи, представлен в указанной работе П. Радевой [Радева П. 2012: 136—151].

1.4.2.1.3. Место общего подлежащего. Употребление местоименного подлежащего. В болгарском языке при кореферентности субъектов главной и придаточной частей подлежащее обычно используется только в главной при любой позиции придаточной. Таким образом, в отличие от русского языка, при препозиции придаточной части ее субъект, кореферентный с субъектом главной части, не эксплицируется:

Едва когато [$Ø_i$] *си тръгна,* ***момчето***$_i$ *видя, че в кабинета има още един човек…* (П. Вежинов). ‘Лишь когда *мальчик*$_i$ уходил, *он*$_i$ заметил, что в кабинете находится еще один человек’;

След като [$Ø_i$] *чака още половин час,* ***Методи***$_i$ *се качи горе разтревожен* (М. Грубешлиева). ‘После того как *Мефодий*$_i$ прождал еще полчаса, *он*$_i$ в тревоге поднялся наверх’.

Вариант с введением подлежащего, выраженного субстантивной группой, в препозитивное придаточное при кореферентности возможен, но значительно реже, ср. *Едва когато* ***момчето***$_i$ *си тръгна,* ***то***$_i$ *видя, че в кабинета има още един човек*.

Иная ситуация с общим местоименным подлежащим. Оно может быть использовано в препозитивном придаточном только при разносубъектности предикаций (см. раздел 1.2.5.1.3): *Едва когато той*$_i$ *запали колата, Иван*$_j$ *дойде.* ‘Лишь когда он$_i$ завел машину, подошел Иван$_j$’. Если субъект главной части выступает в препозитивной придаточной части в позиции объекта, он выражается падежной краткой формой личного местоимения: *Чак когато* ***го***$_i$ *заключиха отвън,* ***Иван***$_i$ *разбра, че работата е сериозна*. ‘Только когда *Ивана*$_i$ заперли снаружи, *он*$_i$ понял, что дело принимает серьезный оборот’ [Захаревич, Крылова 1978: 18].

Местоименное подлежащее может вообще не быть выражено ни при общем субъекте, ни при разных субъектах главной и придаточной частей, ср. соответственно:

[$Ø_i$] *Излезе, без* [$Ø_i$] *да ми каже нещо*. ‘Он вышел, так ничего мне и не сказав’;

Тогава той$_i$ *ме помоли да се качим* [$Ø_j$] *заедно на тавана, за да сме намерили* [$Ø_j$] *някакъв плик с разписки и квитанции, който* [$Ø_i$] *уж бил забравил по старите куфари* (П. Вежинов). ‘И дядя попросил меня подняться с ним на чердак, чтобы, мол, поискать какой-то конверт с квитанциями, который он будто бы засунул в один из старых чемоданов’ (пер. М. Тарасовой).

В случае возможности референциального конфликта (при переключении референции) местоименное подлежащее в придаточном более вероятно, но все же не обязательно (см. об этом в разделе 1.2.5.1.3). В художественной литературе, наоборот, приемы пропуска подлежащих, провоцирующие референциальный конфликт, намеренны и имеют регулярный характер. Например, в отрывке ниже подчеркнуто СПП, где опущены грамматические субъекты придаточной и главной частей,

притом что они разные. Для главного предложения референциального конфликта нет — его субъект кореферентен подлежащему (опять же невыраженному) предшествующего предложения. Для придаточного предложения первым должно приниматься толкование данного СПП как односубъектного, но в приведенном предложении это не так:

> ***Урумов***$_i$ *обядва умислен под укоризнения поглед на* ***сестра си***$_j$. [Ø$_j$] *Бе му сварила неговата любима леща чорба.* [Ø$_j$] *Рядко я правеше да не би* [Ø$_i$] *да свикне с нея, но той я гълташе, без да ѝ обръща внимание* (П. Вежинов). 'Обедал Урумов в глубокой задумчивости под укоризненным взглядом сестры. Та сварила ему любимую его чечевичную похлебку. Делала *она* ее редко, чтобы *брат* к ней не слишком привыкал (*букв.* делал(а) ее редко, чтобы не привыкал(а)), но сейчас он поглощал ее совершенно равнодушно' (пер. Л. Лихачевой).

Разносубъектность СПП здесь подсказывает и общий контекст, и, в частности, введение притяжательного местоимения *неговата* 'его' в предшествующем предложении.

В следующем подчеркнутом СПП отсутствуют подлежащие в главной части и в двух придаточных, притом что последние имеют разных субъектов действия, причем в предтексте есть четыре возможных для них антецедента 3 л. (*слугинята* (*Силви*), *Елена*, *вратата*, а также эмпатический персонаж — поручик Бенц, от лица которого ведется повествование и который в отрывке ниже не обозначен):

> *Но дали Силви щеше да дойде днес? Ако слугинята бе идвала вчера след излизането му с Елена да почисти стаите, вратата на задния ход трябваше да бъде заключена. Невъзможно бе да не забележи, че е отворена, и да не я заключи след почистването на къщата* (Д. Димов). 'Но придет ли Сильвия сегодня? Если служанка приходила вчера после их ухода с Еленой убрать комнаты, дверь черного входа должна была быть закрыта. Невозможно, чтобы она не заметила, что дверь открыта, и не закрыла ее после уборки' (*букв.* 'Невозможно было, чтобы не заметил(а), что открыта, и не закрыл(а) ее после уборки'[156]).

1.4.2.1.4. Особенности употребления соотносительных слов в болгарских СПП. Местоименно-соотносительные предложения. Соотносительные слова в болгарском языке обычно опускаются, и вопрос их появления — это вопрос стилистического выбора и более отчетливого выражения синтаксических отношений [Петрова С. 1988: 245], хотя есть некоторые типы СПП, где присутствие соотносительных слов необходимо. Так, они сохраняются в актантных позициях при ограничительных и усилительных частицах: *Тя се вълнуваше* ***само от това****, дали парите щяха да стигнат до края на месеца*… (Д. Димов). 'Она беспокоилась

[156] Показательно, что весь этот (подчеркнутый) референциально затемненный кусок исключен переводчиком из текста перевода на русский язык (*Д. Димов*. Табак // *Д. Димов*. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Прогресс; 1978. Перевод — Н. Попов, И. М. Шептунов, Д. Горбов, Т. Рузская, В. И. Злыднев).

только о том, хватит ли денег до конца месяца…’ Наличие соотносительных слов является структурно необходимым при некоторых разновидностях придаточных меры и степени. Бóльшую или меньшую представленность или обязательность соотносительных слов мы будем отмечать при анализе каждого вида предложений.

В связи с нормативным отсутствием соотносительных слов во многих позициях, где они есть в русском, изменяются и другие структурные характеристики:

а) усилительные и ограничительные наречия (*само* ‘только’, *тъкмо* ‘именно’, *дори* ‘даже’ и др.) присоединяются прямо к союзным словам: *Разнообразието е приятно **само когато** ти си го доставяш, а не когато е по принуда* (Б. Райнов). ‘Разнообразие приятно *только тогда, когда* (*букв.* только когда) ты этого хочешь, а не по принуждению’ (пер. С. Никоненко). Точно так же располагаются и временные уточнители (*малко* ‘незадолго’, *един месец* ‘месяц’, *два часа* ‘два часа’ и др.): *Той излезе **много преди да** дойдеш ти*. ‘Он ушел *задолго до того*, как пришел ты’, см. подробнее в 1.4.2.4.2.1;

б) отрицание в главной части (если оно стоит не при сказуемом) тоже перемещается к союзному компоненту: *Въвеждам ви в същността на операцията **не за да** разсейвам съмненията ви, а за да протече всичко по-леко и по-бързо* (Б. Райнов). ‘Ввожу вас в курс дела *не для того, чтобы* (*букв.* не чтобы) рассеивать ваши сомнения, а чтобы все протекло легче и быстрее’.

В относительных придаточных функции соотносительного слова часто выполняет артикль: *Това е мъжъ**т**, когото видяхме вчера.* ‘Это *тот* мужчина, которого мы вчера видели’ (см. 1.4.2.3.2).

В связи с нерегулярностью появления соотносительных слов тип местоименно-соотносительных предложений как отдельная классификационная группа не выделяется в болгарском языкознании[157]. В нашей работе местоименно-соотносительные связи будут рассмотрены в рамках каждого из видов СПП, здесь лишь отметим два общих момента.

В качестве соотносительных слов (если они вообще использованы) употребляются преимущественно указательные м е с т о и м е н и я б л и з о с т и (а не дальности, как в русском): *Каквото искаш — **това** ще правиш.* ‘Что хочешь — то (*букв.* это) будешь делать’.

В расщепленных структурах[158] местоимения близости и дальности в качестве соотносительных слов функционируют в равной мере:

> *За моя изненада тя↓ беше **тази**, която разчисти пътя на истината* (К. Христов). ‘К моему удивлению, именно *она* раскрыла пусть к истине (*букв.* она↓ была эта, которая…)’; *Тя↓ беше **онази**, която предложи да се оженим.* ‘Это она↓ предложила пожениться (*букв.* она↓ была та, которая…)’.

[157] Предложения изъяснительного типа с местоименно-соотносительной связью рассматриваются в болгарской лингвистике, как правило, в группе определительных, напр. [Тишева 2004б: 30].

[158] См. о расщепленных структурах подробнее в разделе 3.1.

В качестве соотносительных слов могут выступать и личные местоимения (1.2.5.1.2.3): *Който се дави в морето, **той** и за сламка се хваща*, *букв.* ‘Кто тонет в море, тот (*букв.* он) и за соломку хватается’. Это особенно значимо для приместоименных относительных предложений и в совсем небольшой мере затрагивает иные типы.

1.4.2.1.5. Местоименное дублирование. Препозитивное придаточное, находящееся в синтаксической позиции несубъектного актанта, дублируется в последующей главной части падежной местоименной формой.

Обычно дублирование происходит только клитической (краткой) формой местоимения: *Когото обичаш, не **го** обиждай с думи*, *букв.* ‘Кого любишь, не обижай словами’; *Който е млад, морето **му** е до колене*, *букв.* ‘Кто молод, море ему по колено’.

При логическом и акцентном выделении, которое в русском маркируется введением усилительной частицы *и* (*кого… того и*), в болгарском используется полная дублирующая местоименная форма или двойное дублирование: одновременное употребление полной и краткой местоименной формы: *Който ти е взел книгата, **него го** питай*. ‘Кто взял у тебя книгу, того и спрашивай’, *букв.* ‘спрашивай его↓’.

Ср. и примеры из [Петрова С. 1988: 242]:

а) с единичным дублированием — местоименной клитикой: *Когото търсех, намерих **го***. ‘Кого я искал, того (*букв.* его) нашел’, см. также: *Което знаеш, не **го** пази за себе си*, *букв.* ‘Что знаешь, не храни его для себя’; *На когото исках, казах **му***. ‘Кому хотел, тому сказал’. В таких примерах с отсутствием акцентного выделения дублирование кратким местоимением при препозиции придаточного является стандартным, но не обязательным правилом, ср. без всякого дублирования: *Каквото търсех, намерих*. ‘Что искал — нашел’; *На когото исках, казах.* ‘Кому хотел, сказал’;

б) с единичным дублированием — полной формой местоимения: *Когото търсех, **него** намерих*. ‘Кого я искал, того и нашел’; *На когото исках, **на него** казах.* ‘Кому хотел, тому и сказал’;

в) с двойным дублированием — краткой и полной местоименной формой: *Когото търсех, **него** не **го** намерих*; *На когото исках, **на него му** казах*; *Който е млад, **на него** морето **му** е до колене.*

Местоименное дублирование считается балканской особенностью болгарского языка [Асенова 2002: 104—116], см. также раздел 1.4.2.3.4.

1.4.2.1.6. Место союза в придаточной части и дистантное расположение компонентов союза. Союз *да*, входящий в составные союзы, тяготеет к положению при глаголе, что ведет к разрыву составных союзов членами придаточной части. Между первой частью союза и последующим *да* могут вставляться, помимо клитик и отрицания: тематическое подлежащее, детерминанты, акцентированное дополнение, частицы. Исключение составляет целевой союз *за да*, не допускающий разрыва. Так, в следующих примерах между двумя частями разорванного союза стоят подлежащее (*те*), обстоятельство (*никога*), частица и дополнение (*даже на баща си*): *Смята се, че е автор на повече от хиляда творби, **макар** те никога **да***

не са описани («Капитал»); *И какво? ще тръгнеш, без да ни се обадиш, ама и **без** даже на баща си **да** кажеш ли?*, пример из [Венкова Ц. 2001].

Составной союз *да не би да* может разрываться не только указанными членами предложения. Примеры ниже демонстрируют, что между *да не би* и *да* могут стоять: развернутая группа подлежащего (а), обособленный деепричастный оборот (б), обстоятельственное придаточное (в)[159]:

а) ***Да не би*** [*Сократ и другите знаменити мъже след него, които са имали зли жени,*] ***да*** *са се борили с тях?* (К. Топалов). 'Неужто [Сократ и другие знаменитые мужи после него, у которых были злые жены,] воевали с ними?';

б) *Казвал съм вече, че човек трябва да внимава, когато чете книги —* ***да не би*** [*самолекувайки се по напечатани медицински и фармацевтични учебници и справочници,*] ***да*** *умре от печатна грешка, например* (БНК). 'Я уже говорил, что нужно быть осторожным, читая книги, — чтобы, [лечась самостоятельно по медицинским и фармацевтическим учебникам и справочникам,] не умереть, например, от опечатки';

в) *Започнаха да се хранят, но мълчаха, като се бояха* ***да не би,*** [*като кажат нещо,*] ***да*** *върнат гнева на Вълчана* (Й. Йовков), *букв.* '…молчали, боясь, как бы, [сказав что-нибудь,] не вызвать гнев Волчана'.

При самостоятельном употреблении союза *да* (напр., как изъяснительного или целевого) то же тяготение к приглагольной позиции приводит к тому, что придаточное предложение начинается не с *да*, а с указанных выше компонентов придаточного: *Преподавателите винаги искат* [*студентите навреме*] ***да*** *идват в час.* 'Преподаватели всегда хотят, чтобы [студенты вовремя] приходили на занятия'. Между *да* и последующим глаголом могут стоять только энклитики и отрицательная частица *не*: *Всички проявяваха една и съща слабост* ***да*** *<u>се</u> влюбват в него и да му помагат самотвержено в контрабандата* (Д. Димов); *Сега най-важното е тя* ***да*** *<u>не</u> разбере нищо — мислеше уплашено той* (П. Вежинов).

1.4.2.1.7. Видо-временные формы. Типы СПП болгарского языка значительно отличаются друг от друга тем, насколько строгим или, наоборот, вариативным является набор временных форм. Эти ограничения и допуски будут кратко рассмотрены в каждом разделе, но описать весь потенциал глагольных форм в болгарском сложном предложении не представляется возможным из-за высокой степени конкуренции форм и/или последствий нейтрализации признаков у сильно маркированных членов глагольных категорий. Здесь отметим лишь несколько общих моментов.

В болгарском языке имеется разветвленная система глагольных форм, реализующих ряд оппозиций[160]. Традиционная теория девятичленной категории време-

---

[159] Эта особенность союза *да не би да* может быть одним из аргументов в пользу трактовки *да не би* как частицы, см. подробнее [Иванова 2014а].

[160] Часть болгарских лингвистов считают категорию времени девятичленной морфологической категорией, основанной на комбинации различных признаков (как в упомянутой ниже концепции Г. Герджикова и К. Алексовой), другая часть поддерживает мнение И. Куцарова [2007] о том, что категория времени трехчленна (предшествование, следование, одновременность), но

ни выделяет следующие времена (далее примеры в 3 л. ед. ч.): настоящее (*пише*), аорист (*писа*), имперфект (*пишеше*), перфект (*писал е*), плюсквамперфект (*беше писал*), будущее (*ще пише*), будущее в прошедшем (*щеше да пише*), будущее предварительное (*ще е писал*), будущее предварительное в прошедшем (*щеше да е писал*). Об образовании и основных значениях этих времен см. грамматики на русском языке [Маслов 1981; Гинина и др. 1985; Шанова 2010б; Иванова и др. 2011].

В целом основные значения данных времен соответствуют аналогичным временам в языках с богатыми глагольными формами и проистекающими из этого правилами временно́го согласования. Этот набор временных форм предстает в аспекте их референциальных характеристик следующим образом, по Р. Ницоловой [2009: 118].

У трех временных форм время референции совпадает с временем речи, это:

настоящее время, *перфект* (прошедшее неопределенное, прошедшее, имеющее следы в настоящем) и *будущее время*.

У других временных форм время референции (время ситуации в прошлом или в будущем) не совпадает с временем речи, а именно:

аорист — действие одновременно с временем референции в прошлом и реализуется в рамках этого периода; закрытый временной интервал;

имперфект — действие одновременно с временем референции, но его временной интервал — открытый, шире по отношению к интервалу референции и включает его в себя;

плюсквамперфект — действие предшествует времени референции в прошлом, а результат действия одновременен с временем референции (результативное время);

будущее в прошедшем — действие следует за временем референции в прошлом;

будущее предварительное в прошедшем — действие следует за временем референции в прошлом, а его результат одновременен с временем референции, которое является будущим по отношению к времени первой референции (результативное время);

будущее предварительное — действие предшествует времени референции в будущем, следуя после времени речи, а результат действия одновременен с этим будущим временем референции (результативное время).

Однако более существен для нашего последующего изложения тот факт, что в болгарской глагольной системе широко распространено явление замены глагольной формы, требуемой согласованием времен, на иную форму, не соответствующую правилам согласования. Для такой замены важно, однако, чтобы в контексте уже был выражен признак, нейтрализуемый в глагольной форме.

Обычно такие замены описываются как конкуренция глагольных форм, но в современной болгарской литературе, посвященной взаимодействию глагольных категорий, эта конкуренция раскрывается в терминах н е й т р а л и з а ц и и

регулярно комбинируется с другими глагольными категориями (напр., результативность и относительность).

глагольных категориальных признаков (см. прежде всего [Алексова 2003; 2008] и другие ее работы, с опорой на теорию глагольных категорий Г. Герджикова, напр. [Герджиков 2000а; 2000б]) и идею о том, что, поскольку категория времени предстает как категория многочленная и многие глагольные времена маркированы несколькими признаками, в некоторых состояниях системы происходит замена сложномаркированных форм теми, которые маркированы минимально.

Наиболее часто в качестве замещающего варианта выступает настоящее время как максимально немаркированный член темпоральной системы, а также единично маркированные времена — будущее, перфект, имперфект. Нейтрализация признаков чаще всего наступает при прошедшем ориентационном моменте в главной части, т. к. он требует, по согласованию времен, значительно маркированных форм в придаточных, поэтому нейтрализация здесь более распространена.

Степень вытесненности сложной, маркированной несколькими признаками формы может быть различной. Продемонстрируем это на примере нейтрализации признака ‘следование’, ведущей к употреблению в придаточных времени и условия следующих времен, см. [Алексова 2003]:

— настоящего времени вместо будущего: *Ще се накича довечера, като се връщаме* (вм. *ще се връщаме*) (Д. Талев);

— имперфекта вместо будущего в прошедшем: *Ако българският цар навлезеше* (вм. *щеше да навлезе*) *в Родопите, това щеше да бъде явно предизвикателство към Тодор Комнин* (Д. Мантов);

— перфекта вместо будущего предварительного: *Ако тя е написала* (вм. *ще е написала*) *нещо по темата, ще можем да го обсъдим по-късно* (П. Вежинов);

— плюсквамперфекта вместо будущего предварительного в прошедшем: *Ако бях доложил* (вм. *щях да съм доложил*)*, знаеш ли какво щеше да стане?* (Б. Райнов).

Употребление немаркированного коррелята может быть настолько регулярно, что маркированный коррелят (в примерах выше он в скобках) уже выглядит как недопустимый или как крайне редкий, как в двух последних предложениях. Может происходить и семантическое переосмысление маркированного коррелята. Как мы покажем в соответствующем типе СПП, в условных и временных предложениях употребление будущего времени (вместо ставшего регулярным немаркированного настоящего) воспринимается как предварительно оговоренное и запланированное условие.

Итеративное значение в СПП выражается чаще всего глаголами НСВ в форме имперфекта или настоящего времени, при поддержке лексических показателей итеративности и средств контекста, напр.:

Ако бебето спеше (IMPERF.IPFV) — *пристъпваше* (IMPERF.IPFV) *на пръсти, повдигаше* (IMPERF.IPFV) *страхливо покривките и дълго съзерцаваше* (IMPERF.IPFV) (Г. Райчев). ‘Если ребенок спал — он на цыпочках подходил, с опаской поднимал одеяльце и долго смотрел на него’;

Същото и когато натискам (PRES. IPFV) *и на профила си горе в дясно* (И). ‘То же [происходит] и когда нажимаю на свой профиль наверху справа’.

Средства выражения итеративности в болгарском предложении рассмотрены еще в давней работе Ю. С. Маслова [1959], богатая литература имеется в болгарской лингвистике, из более новых работ назовем, напр., [Алексова, Никова 2003; Чакърова К. 2013а]; обзор синтаксических средств выражения кратности с теоретических позиций, близких школе В.С. Храковского, см. в [Чакърова К. 1996].

Не имея возможности описать все условия реализации многократного значения, отметим лишь возможность употребления глагола СВ в придаточных времени, условия и уступки, когда целостная ситуация представлена как регулярная. В работе К. Чакыровой отмечается преимущественно препозитивный характер такой придаточной части:

И който отидеше (IMPERF.PFV)*, най-напред питаше* (IMPERF.IPFV) *за Индже, него искаше да види* (Й. Йовков). ‘И кто бы ни пошел, прежде всего спрашивал об Индже, его хотел видеть’;

Когато Петър се напиеше (IMPERF.PFV)*, той говореше* (IMPERF.IPFV) *в кръчмата пред всички* (Елин Пелин). ‘Когда Петр, бывало, напивался, он разглагольствовал в корчме’;

Тръгне (PRES.PFV) *ли по улицата, всичко живо се изпокрива* (PRES. IPFV). ‘Как только двинется он по улице, все живое прячется’.

1.4.2.2. СПП с изъяснительным придаточным

Изъяснительные придаточные в структурно-семантической классификации выделяются на основе «восполняющей» семантики придаточной, причем независимо от морфологической характеристики восполняемого компонента. Тем самым они составляют зону наибольшего классификационного расхождения с логической (функциональной) концепцией, принятой в болгарской лингвистике. Так, если ориентироваться на синтаксическую функцию придаточной части, бóльшая часть изъяснительных придаточных занимает объектные позиции, т. е. оказывается, в логической концепции, «дополнительными». Это, в основном, предложения, раскрывающие содержание речемыслительного или перцептивного действия (*Тя казва, че ме обича.* ‘Она говорит, что меня любит’; *Виждам, че тя ме обича.* ‘Я вижу, что она меня любит’) или указывающие на причину[161] эмоционального состояния (*Радвам се, че ме разбира.* ‘Я рад, что она меня понимает’), см. п. 1 далее. При субстантивном выражении предиката мысли, речи, чувства придаточное в структурно-семантической классификации считается тоже изъяснительным, а в логической концепции относится к определительным: *Мисълта, че ще го види утре, я развълнува.* ‘Мысль о том, что завтра его увидит, взволновала ее’, см. п. 2.

[161] Поэтому придаточные при предикатах эмоционального состояния иногда включаются болгаристами не в дополнительные, а в причинные предложения.

Некоторые разновидности изъяснительных предложений способны, кроме того, выступать в функции подлежащего или именной части сказуемого. В русском языке им соответствуют конструкции с инфинитивом в двусоставном предложении, см. п. 3 ниже.

Специфическими для болгарского языка являются и придаточные в функции предикативного определения: *Видях я* [*как скача на въже*]. 'Я увидел [ее], как она прыгает на скакалке / Я увидел ее прыгающей на скакалке', см. подробнее в п. 4.

Таким образом, с точки зрения логической (функциональной) концепции, принятой в болгарской лингвистике, изъяснительные предложения должны быть распределены по всем возможным синтаксическим позициям, исключая обстоятельственные.

Изъяснительные придаточные в болгарском языке присоединяются союзами *че*, *как*, *да* или вопросительными словами (наречиями, местоимениями, частицами): *Не знаех,* ***че*** *е дошъл*; *Виждам* ***как*** *се приближава колата му*; *Не се страхувай* ***да*** *го правиш*; *Не знам* ***кога*** *ще дойде / с* ***какво*** *ще пристигне /* ***къде*** *ще се настани /* ***дали*** *ще дойде при мен*. О выборе средства связи будет сказано ниже.

Обычное расположение придаточной части — в постпозиции к восполняемому слову в главной части. Препозиция придаточного возможна в разговорной речи: *Кога да дойда, казваш?* 'Когда мне прийти, говоришь?' Случаи вставки главного предложения в придаточное возможны, как и в русском языке, прежде всего, при знаменательном вопросительном слове в придаточной: *Кога мислите да е екскурзията?*, *букв*. 'Когда, вы думаете, должна быть экскурсия?' см. о порядке слов в изъяснительных предложениях с вопросительной частью в 1.4.2.2.3.

Придаточные невопросительной формы реже встречаются с перестановкой, хотя в лингвистической литературе предлагается широкий список возможностей перемещений в разговорной речи [Пенчев 1973: 97].

1.4.2.2.1. Синтаксические функции придаточной части.

1. Придаточная часть в объектной позиции. Управляющий придаточной частью член предложения, как и в русском языке, чаще всего занимает позицию сказуемого, выраженного:

— глаголом: ***Мисля****, че ще дойде по-късно.* 'Думаю, что он придет позже';

— прилагательным со связкой: ***Сигурен съм****, че ще дойде.* 'Я уверен, что он придет';

— предикативным словом со связкой: ***Страх*** *го* ***е*** *да влезе в тъмната стая.* 'Ему страшно войти в темную комнату';

— фразеологизмом: ***Мина ми през ума****, че навярно ще ме удуши, пък после ще ме окачи на някоя греда, уж съм се обесила* (П. Вежинов). 'Наверное, он меня задушит, а потом повесит на балке, вроде как я сама повесилась, *пронеслось у меня в голове*' (пер. М. Тарасовой).

2. Придаточная часть в объектно-атрибутивной позиции. В качестве опорного слова выступают существительные со значением речевых и мыслительных явлений, перцептивного восприятия и состояния (*мисъл*, *идея*, *хипотеза*, *новина*,

подозрение, *чувство*): *И се обърнах рязко назад с* ***чувството****, че в следния миг ще ме сполети жестокият удар* (П. Вежинов). 'И резко обернулся назад, уверенный (*букв.* с чувством), что сейчас на меня обрушится страшный удар' (пер. М.Тарасовой).

3. Придаточная часть в позиции одной из частей связочного (копульного) предложения. Придаточная часть может находиться как в подлежащной, так и в предикативной позиции, ср. соответственно: *Важно е да я намериш.* 'Важно найти ее' и *Най-важното е да я намериш.* 'Самое важное — найти ее'.

Вопрос о статусе таких придаточных решается в болгаристике преимущественно с опорой на артиклевую маркированность именного компонента главной части [ГСБКЕ 1983-3: 327—328; Недев 1992: 263—264 и др.][162]. Если этот компонент имеет нулевую артиклевую оформленность, его позиция считается предикативной, а синтаксическая функция придаточной определяется как подлежащная. Если он оформлен определенным артиклем, его позиция считается подлежащной, а синтаксическая функция придаточной определяется как предикативная, т. е. как именная часть сказуемого. Таким образом, в паре предложений 1) *Щастие е* [*да имаш свой дом*] и 2) *Щастието е,* [*че имаш свой дом*] в первом случае имеем придаточное в функции подлежащего, во втором — именной части сказуемого, то же и в приведенной выше паре примеров (*важно* / *най-важното*).

Разная маркированность данных пар предложений связана с тема-рематической организацией высказывания. В русском языке такое распределение коммуникативной информации отражается (впрочем, далеко не всегда) в использовании или отсутствии местоименных скреп в инициальной части: *Важно е… → Важно, что…*; *Важно**то** е… → Важно* ***то****, что…*, или других показателей того, что данный компонент является тематической и определенной ИГ: ***Важното бе*** *да стигне до София или до някоя гара близо до София* (Д. Димов). '*Самое главное* — добраться до Софии или до ближайшей к ней станции' (пер. Н. Попова и др.).

Особенно характерны местоименные скрепы в русском переводе при распространенности ИГ, к которой присоединяется изъяснительное придаточное:

> [*Идеята, която е в основа на предлаганото изследване,*] ***е, че*** *въпросителните изречения се отличават от останалите комуникативни типове по това, че…* (Й. Тишева). '[Идея, которая лежит в основе предлагаемого исследования,] *состоит в том, что* вопросительные типы предложений отличаются от остальных коммуникативных типов тем, что… (*букв.* [Идея…] есть, что…)';
>
> [*Единственото реално действие, на което са способни,*] ***е*** <…> ***да*** *вземат пазарската мрежа и да идат за четвърт сирене до бакалницата* (Б. Райнов). '[Единственное, на что они теперь способны,] *так это* взять авоську и пойти купить четвертинку брынзы в молочной' (пер. А. Собковича).

[162] Иное мнение представлено в работах Й. Пенчева, предлагающего считать оба типа придаточных подлежащными, поскольку они субституируются местоимением *това*, см. и обзор у Е. Николовой [2000].

К группе придаточных в функции именной части сказуемого в болгарской лингвистике обычно относят и характерные для болгарского синтаксиса клефты — «расщепленные» предложения: *Ние↓ сме, които ще решим всички въпроси*, *букв.* '[Это] мы↓ есть, которые решим все вопросы'. Поскольку средством связи здесь выступает относительное местоимение, в соответствии с принятой в данной книге структурно-семантической классификацией СПП мы рассмотрим их в разделе «СПП с относительным придаточным» (1.4.2.3), ср. такую же позицию в работе [Коева 2006а], см. также [Коева 1999], где дан исчерпывающий анализ подобных предложений, трактуемых как относительные (*определителни*) придаточные при имплицитном субстантивном предикативе.

4. Придаточная часть в позиции предикативного определения. Придаточное с изъяснительным значением может замещать синтаксическую позицию предикативного определения. Оно вводится союзами *да*, реже *как*, *че* или вопросительными местоимениями. Придаточные в функции предикативного определения разделяют многие особенности предикативного определения как второстепенного члена (1.2.5.4.2). Так, глаголы в главной части являются предикатами восприятия и обнаружения, в том числе мысленного: *наблюдавам*, *забелязвам*, *виждам*, *чувам*, *усещам*, *откривам*, *намирам*, *спомням си*, *помня*. Как и соответствующий член предложения, придаточное в функции предикативного определения может определять как подлежащее, так и прямое дополнение.

Абсолютное большинство таких придаточных — это предикативное определение к прямому дополнению: *Виждам я* [*как стои и чака някого*], *букв.* 'Я вижу ее, как стоит и ждет кого-то'; *Видях ги,* [*че се целуват*], *букв.* 'Я увидел их, что они целуются'; *Не я ли виждаш* [*каква е ревнива*], *букв.* 'Разве ты ее не видишь, какая она ревнивая'[163].

Придаточные в функции предикативного определения к подлежащему используются гораздо реже. Для их вычленения оказывается значимым место интонационной паузы в предложении, поскольку именно в этом может состоять различие придаточных в роли предикативного определения и «дополнительных». Так, в предложении *От махалата се виждаше димът на завода как се развява като опашка и се стеле* (Э. Станев) возможны две синтаксические трактовки при разном месте паузы:

а) *От махалата се виждаше* // [*димът на завода как се развява като опашка и се стеле*] — придаточное дополнительное с вынесенным в предсоюзную позицию подлежащим *димът на завода*, *букв.* 'Из этой части города было видно, дым с завода как вьется хвостом и стелется';

б) *От махалата се виждаше димът на завода* // [*как се развява като опашка и се стеле*] — придаточное предложение в позиции предикативного определения к подлежащему *димът на завода*. 'Из этой части города был виден заводской дым, как [он] вьется хвостом и стелется'.

[163] О способах перевода предложений с предикативным определением на русский язык см. ниже.

Синтаксическую функцию придаточного может подсказать форма личного местоимения: местоимение в именительном падеже возможно лишь как подлежащее придаточной части: *Не съм чувал* [*тя да се е отбивала при него често*]. Личное местоимение в винительном падеже указывает, что придаточное выполняет функцию предикативного определения к дополнению: *Видя ли я* [*как сложи киселото мляко в сака*] (И).

Если при ИГ использован краткий определенный артикль мужского рода, он подсказывает единственно возможную трактовку — прочтение придаточного как имеющего функцию предикативного определения к дополнению: *Видях студента* [*как преписва домашното*], *букв.* ‘Я увидел студента, как списывает домашнее задание’.

В придаточных в функции предикативного определения субъект действия обычно не выражен вне зависимости от кореферентности с субъектом главного предложения. При отнесенности предикативного определения к подлежащему субъекты кореферентны, а при отнесенности к дополнению кореферентность устанавливается с объектом главного предложения, напр.: *И го*$_i$ *видях* [*как Ø*$_i$ *гузно се обърна настрана*] (А. Гуляшки), *букв.* ‘Я увидел его, как он виновато отвернулся’; *Той видя Борислав*$_i$ [*Ø*$_i$ *да стои изправен до вратата на кабинета му*] (А. Гуляшки), *букв.* ‘Он увидел Борислава, как стоит у двери кабинета’. Местоименное подлежащее может появляться при союзе *как* для указания на участника развертывающегося перед глазами говорящего процесса: …*защото го*$_i$ *виждам как той*$_i$ *разговаря с нея, как я гледа* (И). …потому что я вижу, как он разговаривает с ней, как смотрит на нее’.

Времена в предложении с придаточным в функции предикативного определения не отличаются от набора форм, характерных для всех изъяснительных предложений (1.4.2.2.4). Здесь заметим лишь, что действие придаточной части в рассматриваемом подтипе обычно представлено как одновременное действию главной, поэтому основные временные формы выбираются по типу параллельной временной соотнесенности, хотя для предложений с *да* имеются ограничения на варианты форм, в связи с чем доминирует настоящее время, как практически во всех примерах выше. Перфектные формы используются при общефактическом значении: *Не го помня да е боледувал* (PERF), *букв.* ‘Не помню [его], чтобы болел’. Обозначение в придаточной части завершенного действия не исключено, но и оно предстает как одновременное с действием главной: *Баба Ана го видя как отиде* (AOR) *право при керванджията* (Й. Йовков), *букв.* ‘Баба Анна [его] увидела, как пошел прямо к проводнику каравана’.

В русском языке полных эквивалентов данным конструкциям нет. Как правило, они передаются обычными изъяснительными либо относительными придаточными, а также причастными оборотами и отглагольными существительными. Примеры:

Никога не съм я видял да плаче. ‘Я никогда не видел, чтобы она плакала. / Я никогда не видел ее плачущей’; *Вчера те видях да разговаряш с него.* ‘Я вчера

видел, как ты с ним разговариваешь’; *После чух Петър да вика.* ‘Потом я услышал, что/как Петр кричит. / Потом я услышал крик Петра’; *Видя полицая да размахва празния револвер близо до чешмата* (Э. Станев). ‘Он увидел полицейского, который размахивал незаряженным револьвером у колонки’.

Перевод относительными придаточными, как в последнем примере, возможен лишь в случаях, когда придаточное относится к субстантивной группе, но не к местоимению. Но и такая возможность ограничена условием семантической достаточности сказуемого для образования осмысленного высказывания с одним прямообъектным актантом: *Той намери жена си да глади в кухнята.* ‘Он застал жену в кухне за глажкой (*Он застал жену, которая гладила в кухне)’.

См. о данном типе придаточных подробнее в [Коева 2006а; 1999], а также соответствующие подразделы («сказуемноопределително изречение», «сказуемно-именно изречение») во всех грамматиках болгарского языка. О терминологических вопросах в связи с названием данной группы см. в [Недев 1989а; Петрова С. 1997/1998; Несторова 2000; Николова Е. 2000].

1.4.2.2.2. Средства связи главной и придаточной частей. Болгарские *да*- и *че*-предложения. Как и в русском языке, выбор союзного средства зависит от того, имеет ли изъяснительная придаточная часть структуру повествовательного предложения или вопросительного, ср. соответственно (а) и (б):

а) *Зная,* ***че*** *не ми вярва.* ‘Я знаю, что он мне не верит’; *Не вярвам* ***да*** *ме излъже.* ‘Не думаю, что он меня обманет’; *Видях те* ***как*** *бягаш всяка сутрин.* ‘Я видел [тебя], как ты бегаешь каждое утро’;

б) *Кажи знаеш* ***ли*** *нещо за това?* ‘Скажи, ты знаешь что-нибудь об этом?’; *Попитах я* ***кого*** *чака.* ‘Я ее спросил, кого она ждет’; *Не се знае* ***кога*** *ще свършим.* ‘Неизвестно, когда закончим’; *Не знам* ***чия*** *е тази чанта*. ‘Не знаю, чья это сумка’.

В первом случае выбор осуществляется между *че*, *да* и *как*. Союз *как* выбирается при указании на наблюдаемое действие. Проблема выбора между *че* и *да* рассмотрена ниже. При косвенно-вопросительном придаточном связующую роль выполняют вопросительные слова (частицы *дали*, *ли*, местоимения и наречия *какво*, *кой*, *какъв*, *къде*, *кога* и др.).

Вопрос о сущности различий между ***да*- и *че*-предложениями** является наиболее обсуждаемой проблемой в области данного типа СПП. Литература по этому вопросу обширна, из относительно новых работ см., напр., [Илиева К., Малджиева 1991; Пенчев 1993: 83—90; 1998а: 109—114; Ницолова 2000; 2001; 2008в; Тишева 2001а; 2001в; Ласкова 2009] и др.

Распределение сфер функционирования между данными союзами близко к ситуации с русскими *что*- и *чтобы*-придаточными: придаточные с *че* вводят фактивные предикации, с *да* — преимущественно ирреальные. Но полных параллелей не наблюдается, во-первых, потому что зона русских инфинитивных подчиненных клауз тоже обслуживается в болгарском языке с помощью *че*- и *да*-предложений,

во-вторых, многие болгарские глаголы не зависят от контекста снятой реальности, который в русском языке позволяет употреблять придаточное с *чтобы*. Имеются, конечно, и более частные различия и особенности. Ниже рассмотрим некоторые типы глаголов, хотя в рамках обзорной работы невозможно провести убедительных межъязыковых сопоставлений: каждая семантическая подгруппа глаголов, присоединяющих изъяснительное придаточное, обладает своей спецификой, а многие предикаты должны описываться отдельно с учетом всех данных каждого языка.

1) Наиболее регулярно и без всяких условий вводятся нефактивные *да*-предикации при глаголах желания, намерения, каузации, деонтической возможности и необходимости: *възнамерявам се*, *стремя се*, *приготвя се*, *умея*, *зная*, *смея*, *каня се*, *мисля*, *старая се*, *опитам се*, *науча се*, *свиквам*, *посъветвам*, *разреша*, *допусна*, *принудя*, *приуча* и др. Часть таких предикатов в болгарской лингвистике рассматриваются как формирующие составное сказуемое или представляющие группу дискуссионного синтаксического статуса, см. раздел 1.2.5.2.2.3.

Специфика вводимых этими предикатами *да*-придаточных близка к той, которую демонстрируют русские *чтобы*-конструкции: немаркированность относительно фактивности ситуации и непрямая временная референция, дефективность временной парадигмы зависимого предиката (1.4.2.2.4). В русском языке таким *да*-придаточным соответствует либо инфинитив, либо изъяснительные *чтобы*-предложения (об этом см. далее), ср. пары:

> *Академикът <u>се стараеше</u> **да** върви в крак с младежа* (П. Вежинов). ‘Академик старался идти в ногу с молодым человеком’; *<u>Исках</u> **да** го направи веднага.* ‘Я хотел, чтобы он сразу это сделал’; *<u>Предпочитам</u> **да** го направим заедно.* ‘Я предпочитаю, чтобы мы это сделали вместе’, см. также: *Пиша ви двойка и ви <u>съветвам</u> **да** се потрудите и я поправите* (Елин Пелин); *Тъй че не <u>свикнах</u> **да** уча сам, но <u>свикнах</u> **да** чета* (Б. Райнов).

Помимо глаголов, такое *да*-предложение может быть введено значительным рядом прилагательных и адъективированных причастий с семантикой способности, намерения, готовности: *горд*, *готов*, *склонен*, *компетентен*, *способен*, *свикнал*, *приучен*, *заинтересован*, *решен*, *убеден*, *съгласен*, *разположен*, модальными адъективами *длъжен*, *задължен*, *принуден* (список по [ГСБКЕ 1983-3: 337]): *…Аз въпреки обичайната си сговорчивост <u>съм принуден</u> **да** възразя* (Б. Райнов); «*<u>Горд съм</u> **да** стоя тук с тези велики играчи*»*, заяви Кристиано Роналдо* (И). Часть этих лексем возможна с *че*-предложениями, при этом семантика готовности к действию не реализуется: *Съгласен съм **да** подпиша молбата. — Съгласен съм, **че** ще ми дадат неплатен отпуск*, ср. русск. *Я согласен подписать просьбу. — Я согласен, что мне дадут неоплачиваемый отпуск*.

2) Глаголы речевого действия могут использоваться в каузативном значении (для выражения волеизъявления) и тогда оказываются способны присоединить *да*-придаточное: *Той ми <u>каза</u> **да** му върна парите*. ‘Он сказал мне вернуть деньги’, ср. с *че*: *Той ми <u>каза</u>, **че** не иска нищо от мен*. ‘Он сказал, что ничего от меня не

хочет’. Это явление хорошо описано и для русских предикатов речи, в каузативном употреблении присоединяющих *чтобы*-предложения, напр. [Добрушина 2012а: 55].

3) Если русские глаголы восприятия присоединяют *чтобы*-предложения только в контексте снятой фактивности[164], то в болгарском языке глаголы восприятия могут присоединить *да*-предложение и в утвердительной форме:

> *Аз видях **да** плаче котка* (И). ‘Я видел, как кошка плачет’; *Усетих някой **да** ме докосва по рамото.* ‘Я почувствовал, что кто-то трогает меня по плечу’. См. также: *И чини ви се, че слушате **да** тече в дъното на дола някаква река* (И. Вазов); *Чух **да** се говори за долмените край с. Голям Дервент. Как се стига до това село?* (И).

Глаголы восприятия — это и основная группа, присоединяющая *да*-предложения в функции предикативного определения: *Видях го **да** идва насам*. ‘Я [его] увидел, как/что он идет навстречу’; *Веднъж я чух **да** говори с баща ми.* ‘Однажды я [ее] услышал, что/как она разговаривает с моим отцом’.

4) В русском языке, как известно, ментальные глаголы либо не допускают *чтобы*-предложений, либо допускают их в особых условиях.

Глаголы знания типа русск. *знать* вообще не присоединяют клаузы с *чтобы*, напр. [Апресян 1995: 405—433]: **Не знаю, чтобы Асен когда-нибудь был в Японии*; **Знаешь кого-нибудь, чтобы писал по этому вопросу?* Болгарский глагол *зная* допускает *да*-предложение в контексте снятой фактивности: *Не зная Асен да е бил някога в Япония*; *Знаеш ли някой да пише / да е писал по този въпрос*[165].

Глагол мысленного знания *помня* присоединяет *да*-предложение в контексте снятой фактивности: *Не помня да съм го виждал у тях* (‘Не помню, чтобы я его видел у них’). — *Помниш ли да си го виждал у тях?* (‘?Ты помнишь, чтобы когда-нибудь ты его видел у них?’) при **Помня да съм го виждал у тях* (‘*Помню, чтобы я его видел у них’).

Сфера использования *да*-конструкции при ментальных предикатах шире в болгарском языке и потому, что *да*-предложения употребляются не только в условиях снятой фактивности. Даже вне этих условий само по себе *да*-предложение способно показать, что «речь идет только о ситуации возможного мира предположения, которая могла бы найти место в актуальном мире…» [Ницолова 2001: 179]. Например, глагол *вярвам* (в отличие от русск. *верить*), по наблюдению Й. Тишевой, может присоединять *да*-предложение и в утвердительной форме, выражая гипотетичность (на фоне предложения с союзом *че*): *Вярвам той **да** се обади все*

---

[164] Контексты снятой фактивности в применении к изъяснительным предложениям — это контекст: а) отрицания: *Я никогда не видел, чтобы она плакала*, б) вопросительности: *Ты видел когда-нибудь, чтобы она плакала?* при невозможном **Я видел, чтобы она плакала*, в) редкости или маловероятности ситуации: *Трудно себе представить, чтобы власть так легко отказалась от использования СМИ в своих целях* [Добрушина 2012а: 55—57].

[165] Примеры Р. Ницоловой из работы [2001б: 176, 178], где анализируются болгарские дополнительные придаточные при предикатах знания. Теоретические установки в данной статье очень близки к выдвинутым Ю. Д. Апресяном [1995: 405—433].

пак; *<u>Вярвам</u> той вече **да** е пристигнал там*. В этих употреблениях *вярвам* имеет значение: ‘думать, допускать’; «говорящий высказывает самое общее предвидение возможности осуществления или реализации действия, обозначенного в *да*-предложении» [Тишева 2000: 58]. Функция этого глагола с последующим *да* близка вводно-модальной, т. е. глагол служит выразителем эпистемической модальности, ср. и русские соответствия *че*- и *да*-предложениям: *Вярвам, **че** той ще се обади все пак.* ‘Я верю, что он все же позвонит’; *Вярвам той **да** се обади все пак.* ‘Надеюсь, он все же позвонит’.

Такой же способностью к передаче гипотетического значения посредством *да*, как отмечено Й. Тишевой, обладают и предикаты *мисля* ‘думать’, ‘допускать’, его синонимы *предполагам*, *предвиждам* ‘предвидеть’ и др.: *В молбата пишеш откога до кога* (*горе-долу*) *мислиш да е престоя ти* (И). ‘В заявлении пишешь, с какой по какую дату (примерно) думаешь находиться там’, *букв.* ‘чтобы было пребывание там’. Сюда же можно отнести и глаголы *надявам се* ‘надеяться’, *чакам*, *очаквам* ‘ждать, ожидать’, способные присоединить не только *че*-, но и *да*-предложение с отмеченной субъективной гипотетичностью: *Надявам се **да** си живеят добре*.

Интересный двойной эпистемический эффект наблюдаем, когда подобные *да*-предложения с гипотетической семантикой помещаются еще и в контексты, упомянутые выше: отрицательные и вопросительные. Такие предложения выражают сомнение, неверие в возможную гипотетическую ситуацию:

> *Не вярвам **да** ми се обади.* ‘Не думаю (‘очень сомневаюсь’), что он позвонит’;
> *Нима допускаш **да** дойде?* ‘Неужели ты веришь, что он придет?’;
> *Не очаквах **да** дойдеш.* ‘Я не думал (‘совершенно не ожидал’), что ты придешь’.

Ср. и комментарий в [ГСБКЕ 1983-3: 336] по поводу *да*-предложений с ментальными глаголами типа *Не мога да <u>си спомня</u> **да** е пяла* (Д. Габе). ‘Не могу вспомнить, чтобы она [когда-нибудь] пела’: действие в них осмысляется как «сомнительное».

Однако глагол понимания *разбирам*, как и русск. *понимать*, не может присоединить изъяснительное *да*-предложение.

Болгарские глаголы показывают в целом меньшую зависимость выбора союза *да* от семантических сдвигов к эпистемическому значению. Так, русский глагол *ждать* «присоединяет клаузу с сослагательным наклонением тогда, когда означает ‘хотеть, чтобы нечто произошло’» [Добрушина 2012а: 55], ср. примеры оттуда же: *Переключая в летнюю жару телевизионные каналы, зритель ждет, чтобы его рассмешили*; *Жена встретила его, как обычно, он ни о чем ее не спрашивал, ждал, что сама скажет о своем свидании у водоразборной колонки*. Болгарский язык позволяет выбрать *да*-предложение во всех возможных значениях глагола *чакам* (где-то при конкуренции с *че*): *Той чакаше да дойде влакът*, *букв.* ‘Он ждал, чтобы пришел поезд’; *За юбилея се чакаше да дойде и професор Събев*. ‘На юбилей ожидался [чтобы пришел] профессор Сыбев’, ср. и с *че*: *Аз все чаках, че ще се събудя и всичко това ще бъде сън* (И). ‘Я все ждала, что я проснусь и все это окажется сном’.

1.4.2.2.3. Структура косвенно-вопросительных СПП. Структура таких СПП следует моделям общих и частных вопросов [Тишева 2001б: 193], а также модели восклицательного предложения с интенсифицирующей частицей, производной от вопросительного местоимения или наречия: *Те се ужасиха колко голяма е сметката*, *букв*. 'Они пришли в ужас, какой большой счет' [Тишева 2000: 67]. Общие косвенно-вопросительные предложения вводятся частицами *ли* и *дали*, частно-вопросительные — вопросительными местоимениями и наречиями.

В общих косвенно-вопросительных придаточных *дали* обычно начинает придаточную часть, *ли* ставится в соответствии со своими энклитическими характеристиками (см. 1.2.3.1.5, 5.2.5, 5.2.6): *Поогледах се* ***дали*** *не е оставила някаква бележка* (П. Вежинов); *Не знам не прекаляваме* ***ли*** *малко с това уиски* (Б. Райнов).

Возможно введение в качестве косвенного и «рефлексивного» вопроса с одновременным употреблением вопросительного местоимения и частицы *ли* (см. раздел 1.2.3.3):

> *Можеше да се забия в буренака на някой селски двор, да втренча поглед в синята бездна над мене и да си мисля* ***какво ли*** *би станало, ако в този момент земното притегляне бъде отменено и аз започна да падам, да падам, да падам безкрай в лазурната необятност* (Б. Райнов). 'Достаточно было разлечься в каком-нибудь заросшем бурьяном сельском дворе, уставиться взглядом в высокую синюю бездну и думать над тем, что бы случилось, если бы вдруг исчезло земное притяжение и я начал падать, падать, падать в эту беспредельную лазурь' (пер. А. Собковича).

Частно-вопросительные косвенные вопросы строятся с сохранением структуры вопроса. Как правило, повторяется и порядок слов:

> *Кой заминава утре за Варна с Петър? — Попитаха ме кой заминава утре за Варна с Петър.* 'Меня спросили, кто едет завтра в Варну с Петром';
> *С кого заминава Иван утре за Варна? — Попитаха ме с кого заминава Иван утре за Варна*. 'Меня спросили, с кем едет Иван завтра в Варну';
> *Кога заминава Иван за Варна? — Попитаха ме кога заминава Иван за Варна* 'Меня спросили, когда Иван едет в Варну'.

Тематические обстоятельства и подлежащее могут занять место перед вопросительным словом, или, в иной терминологии, они способны заполнить позицию топика перед спецификатором, находящимся в позиции комплементизатора (комплементайзера), см. подробнее в [Тишева 2001б: 196], ее же и примеры:

> *Попитаха ме утре кой заминава за Варна с Петър*;
> *Попитаха ме за Варна кой заминава утре с Петър*;
> *Попитаха ме утре за Варна кой заминава с Петър*;
> *Попитаха ме Иван с кого заминава утре за Варна* и т. п.

При местоименном подлежащем постановка его перед вопросительным словом менее характерна: *Попитаха ме той с кого заминава утре за Варна*.

Как и в прямых вопросах, в косвенных вопросах соблюдается принцип цельности рематического поля, тематические элементы (далее выделены) ставятся в начало или конец придаточного, но не в середину рематического сегмента. Наиболее типичная для болгарского языка ситуация — исключение тематического подлежащего, см. *Не знам какво ~~ти~~ пишеш* ‘Не знаю, чтó ~~ты~~ пишешь’:

Не знам ти какво пишеш / Не знам какво пишеш ти / Не знам какво пишеш, но не **Не знам какво ти пишеш*;

Кажи Иван какво чете ‘Скажи, Иван что читает’ или *Кажи какво чете Иван*, но не **Кажи какво Иван чете*.

В терминах перемещений это явление, а также иные возможности порядка слов в косвенно-вопросительных предложениях объясняются, напр., в [Ликоманова 1998: 112—117; Тишева 2001в: 194—195].

1.4.2.2.4. Временные формы глагола в изъяснительных придаточных. Здесь покажем лишь наиболее характерные из разнообразных возможных вариантов видо-временных форм, см. подробнее [Ницолова 2009]. Общий принцип выбора временной формы определяется временной соотнесенностью действий главной и придаточной частей — как одновременно происходящих либо находящихся в отношении следования или предшествования.

При всех средствах связи, кроме *да*, выбор временной формы в придаточной части определяется следующим правилом. При выражении сказуемого главной части формами непрошедших времен возможен один вариант форм в придаточной — в соответствии с типичным их временным значением. При выражении сказуемого главной части формой одного из прошедших времен в придаточной части возможны два варианта форм — как тот, который соответствует правилу соотношения времен, так и — чаще — тот, который выбирался бы как соотнесенный с настоящим моментом главного действия, см. о теории нейтрализации глагольных категорий в болгарском языке в 1.4.2.1.7. Иначе говоря, в *че-*, *как-*предложениях:

1) для выражения **одновременности действий**:

а) при настоящем или будущем времени в главной части в придаточной используется форма настоящего времени, т. е. PRES / FUT1→ PRES: *Усещам, че ме следят.* ‘Я чувствую, что за мной следят’; *Ще науча къде е той*. ‘Я разузнаю, где он’. Та же форма придаточной части употребляется при императиве в главной: *Кажи какво мислиш*. ‘Скажи, чтó ты думаешь’;

б) при прошедших временах в главной части в придаточной используется форма настоящего времени либо — реже — имперфекта, т. е. IMPERF / AOR и под.→ PRES (IMPERF): *Усещах, че ме следят* (*следяха*). ‘Я чувствовал, что за мной следят (следили)’; *Той каза какво мисли* (*мислеше*). ‘Он сказал, что он думает (думал)’;

2) для выражения **следования действий** (действие в придаточной части следует за действием в главной):

а) при настоящем или будущем времени в главной части в придаточной используется форма будущего времени, т. е. PRES / FUT1 → FUT1: *Не зная какво ще ми*

каже. ‘Я не знаю, что он мне скажет’; *Виждам, че нищо няма да излезе от това*. ‘Я вижу, что ничего из этого не выйдет’;

б) при прошедших временах в главной части в придаточной используется форма будущего времени либо — реже — форма будущего в прошедшем, т. е. IMPERF / AOR и под. → FUT1 (PFUT): *Не знаех какво ще ми каже* (*щеше да ми каже*). ‘Я не знал, что он мне скажет’; *Виждах / Видях, че нищо няма да излезе* (*нямаше да излезе*) *от това*. ‘Я видел / увидел (понял), что ничего из этого не выйдет’;

3) для выражения **предшествования действий (**действие в придаточной части предшествует действию в главной):

а) при настоящем или будущем времени в главной части в придаточной используется форма перфекта, т. е. PRES / FUT1 → PERF: *Разбирам, че се е случило нещо*. ‘Я понимаю, что что-то случилось’;

б) при прошедших временах в главной части — в придаточной используется форма перфекта либо — реже — форма плюсквамперфекта, т. е. IMPERF / AOR и под. → PERF (PPERF): *Разбрах, че се е случило* (*беше се случило*) *нещо*. ‘Я понял, что что-то случилось’.

Для выражения свидетельского действия, особенно сопровождаемого точными временными показателями, возможно использование аориста в придаточной части независимо от времени основной предикации: *Знам* (PRES)*, че се върна* (AOR) *вчера към полунощ*. ‘Я знаю, что он вернулся вчера около полуночи’.

Изъяснительные *да*-предложения гораздо более ограничены в выборе форм.

При выражении одновременности и следования действий в *да*-предикации возможно лишь настоящее время (от глаголов НСВ для выражения одновременности, СВ — для следования), независимо от времени в главной части. Например, *Не вярвам* (PRES) */ не вярвах* (IMPERF) *да ме лъже* (PRES.IPFV) */ да ме излъже* (PRES.PFV). ‘Я не верю / не верил, что он меня обманывает / обманет’.

При выражении предшествования в *да*-предикации используется перфект: *Не вярвам* (*не вярвах*, *не повярвах*) *да ме е излъгал* (PERF). ‘Я не верю (не верил, не поверил), что он мне солгал’.

1.4.2.3. СПП с относительным придаточным

Относительное (определительное) придаточное выполняет атрибутивные функции по отношению к именному выражению, к которому оно присоединяется. В болгарской лингвистике к относительным («*определителни*») относят также присубстантивные СПП с определительным оттенком, которые в структурно-семантической классификации, принятой в этой работе, входят в группу изъяснительных на основании общности средств связи, семантики опорного компонента (предикат речи, мысли, чувства) и делиберативного значения придаточного, ср. атрибутивную семантику в (а) и делиберативную в (б):

а) *Хората, които имат телепатични способности, успяват да се включат на честотата на мисълта,* ***която*** *искат да «прочетат»*… (И). ‘Людям, у кото-

рых есть телепатические способности, удается подключиться к частоте той мысли, которую они хотят прочитать';

б) *През главата му мина* <u>*мисълта*</u> ***да*** *я вземе със себе си до Рио де Жанейро и да я натовари с риска да носи куфарите* (Д. Димов). 'Ему пришло в голову взять ее (*букв.* ему пришла в голову мысль, чтобы взять ее) с собой в Рио-де-Жанейро и дать ей рискованное поручение провезти чемоданы' (пер. Т. Рузской).

1.4.2.3.1. Союзные слова. В качестве средств связи выступают специализированные союзные слова *който*, *какъвто*, *чийто*, неизменяемые *щото* и *дето*, а также союзные слова с обстоятельственным значением *когато* и *където*.

Союзные слова *който*, *какъвто*, *чийто* согласуются в роде и числе с определяемым, а употребление с предлогом или без предлога зависит от их синтаксической функции в придаточной части: беспредложно — в функции подлежащего (пример а) или прямого дополнения (пример б), предложно — во всех других функциях (примеры в) — весь иллюстративный материал из романа П. Вежинова «Бариерата», перевод М. Тарасовой:

а) *Тоя човек,* ***който*** *с такъв вкус обличаше другите, наистина не знаеше как да облече себе си.* 'Этот человек, с таким вкусом одевавший других (*букв.* который с таким вкусом одевал других), совершенно не умел одеваться сам';

б) *…Изведнъж си помислих, че съм попаднал в някакъв хитър капан,* ***който*** *те двете с Доротея ми бяха заложили.* '…У меня вдруг возникло опасение, уж не попал ли я в сети, которые они с Доротеей мне хитроумно расставили';

в) *И аз едва съществувах в артистичния безпорядък,* ***в който*** *живеехме.* 'А я с трудом переносил тот художественный беспорядок, который окружал нас (*букв.* в котором мы жили)'; *Пък и обичам да карам нощем по пусти улици, по булеварди,* ***из които*** *вятърът мъкне пияници и мръсни хартии.* 'Да и кроме того, я люблю ездить ночью по пустынным улицам и бульварам, по которым ветер гонит пьяниц и бумажный сор'; *Постепенно загубих интерес към тия пътувания,* ***към които*** *някога бях така алчен.* 'Постепенно я потерял интерес к этим поездкам, в которые так рвался раньше (*букв.* к которым я был когда-то так алчен)'.

Все союзные слова, кроме *що*(*то*) и *дето*, могут иметь модальное наращение *да*, которое появляется, по нашим наблюдениям, в гипотетических относительных предложениях, причем в тех же условиях, что и русское сослагательное наклонение, ср. из РБПК: *Он стремился вызвать потрясение,* ***которое бы уничтожило*** *то, что жило в ней, оторвало от нее ничтожный зародыш, чуть ли не сломавший его жизнь* (А. Рыбаков). 'Стремеше се да предизвика сътресение, *което да унищожи* онова живо нещо в нея, да откъсне от тялото ѝ нищожния зародиш, който едва не обърка живота му' (пер. З. Петровой). На этих параллелях мы подробнее остановимся позже.

<u>***Който***</u>. Основным союзным словом для присоединения определительного придаточного является ***който*** (ж. р. *която*, ср. р. *което*, мн. ч. *които*), русск. *который*:

Какво искаш от една жена, ***която*** *не обичаш!* (Елин Пелин). ‘Что ты хочешь от женщины, *которую* не любишь’,

также: *Имаше вид на човек,* ***който*** *беше прекарал следобеда на открито, под сянката на някое дърво, и сега се връща в къщи* (Д. Димов); *Наистина се страхуваше от онова продължение,* ***което*** *превръща спомена в жажда* (Д. Шумналиев); *…На нашия етаж историите,* ***които*** *почват добре, са доста повече от ония,* ***които*** *завършват добре* (Б. Райнов).

Който используется в форме вин. падежа *когото*, когда поясняемое существительное обозначает лицо мужского пола и не является подлежащим. Прямообъектные отношения выражаются при этом беспредложно, остальные — с предлогами:

Нищо не остана от онзи Джо, ***когото*** *ти някога познаваше и обичаше* (Ц. Величкова). ‘Ничего не осталось от того Джо, которого ты когда-то знала и любила’; *Той ми бил намерил някакъв адвокат,* ***за когото*** *щял да ме годява* (С. Минков). ‘Он, мол, нашел мне какого-то адвоката, за которого собрался меня сватать’.

См. также: *Щом чу името Коко, веднага го свърза с онзи Коко,* ***при когото*** *Генади бе запрашил, за да избяга от някакъв си Иван* (Д. Петрунова); *Познаваш ли ти, Милане, господина,* ***с когото*** *приказваше досега?* (С. Минков); *Дядо Йордан,* ***пред когото*** *нарочно подхвърляха тия думи, се топеше от мъка* (Елин Пелин).

Форма дат. падежа *комуто* вытеснена предложным сочетанием *на когото*, ср. оба употребления в прозе Елина Пелина: *Да, спомням си — каза докторът,* ***комуто*** *стана неприятно от спомените за нещо толкова незначително, което той съвсем бе забравил* (Елин Пелин) и *Той ѝ се виждаше като някой цар, богат и силен,* ***на когото*** *всички се покоряват* (Елин Пелин). Впрочем, в современном болгарском языке уже и форма вин. падежа *когото* теряет свои позиции: в разговорной речи она заменяется общей формой относительного местоимения: *който* (вм. *когото*), *на който* (вм. *на когото*).

Как и в русском языке, позиция *който* определяется его синтаксической функцией: выступая в качестве актанта группы сказуемого, оно стоит в начале придаточной части (см. примеры выше), а определяя иное слово в предложении — после управляющего им в придаточной части слова [Захаревич, Крылова 1978: 34]: *Той се запасваше със сив шнур, краищата* ***на който*** *свършваха с рошави пискюли* (Г. Белев). Как мы увидим далее, последний тип организации относительного предложения представлен ограниченно, в связи с более обычным в таком случае употреблением союзного слова *чийто*: *…сив шнур, краищата* ***на който****… → сив шнур,* ***чиито*** *краища…*

<u>Какъвто</u>. Для присоединения придаточной части, определяющей объект через уподобление другому или другим подобным, используется иное средство связи — союзное слово ***какъвто*** (ж. р. *каквато*, ср. р. *каквото*, мн. ч. *каквито*), русск. *какой*, *который*. В русском языке тоже имеется уподобляющее местоимение с частицей *и* (*каков и*), но область применения болгарского союзного слова несравнимо шире. Оно используется не только при расширении однородного ряда

объектов (‘Х-ы, к которым относится и У’), как в примере (1), но и во всех иных случаях уподобления и сравнения с другим или другими объектами и ситуациями, в том числе с периодами, когда характеризуемый объект не существовал (примеры 2):

(1) *Анадолецът, или Пашата, както му казваха още, беше най-хубавото куче на Петра. То беше голямо, черно, с дълга космата опашка и с увиснали уши,* ***каквито*** *са ушите и козината на каракачанското куче* (Й. Йовков).

(2) *Той е майстор,* ***какъвто*** *съм и аз*, *букв.* ‘Он мастер, как и я’; *На сърцето ѝ легна мъка,* ***каквато*** *не бе изпитвала досега* (Елин Пелин). ‘На сердце у нее была такая тоска, какую она до сих пор не испытывала’; *Тя се радваше сега на почивка, на* ***каквато*** *по-рано никога не би склонила* (С. Радев). ‘Она сейчас радовалась отдыху, на который раньше никогда бы не согласилась’; *Това наистина е заложба,* ***каквато*** *ние не притежаваме…* ‘Это действительно дар, которым мы не обладаем’.

Уподобление всему множеству объектов и ситуаций подчеркивается соотносительным словом *всички*: *Изиграл всички роли,* ***каквито*** *човек може да играе в живота си, стига само да съумее да спаси себе си, сиромах Лазар разбира, че се е борил нечестно* (Й. Радичков). ‘Сыграв все роли, какие только можно сыграть…’

Местоименным коррелятом для предложений с *какъвто* выступает указательное местоимение *такъв*: *Казвам ви, не само че няма да има мир, но скоро ще имаме такъв бой,* ***какъвто*** *досега не е било.* В сравнении с русскими структурами местоименный коррелят не обязателен, ср.: *Може да има каквото поиска <…> да вземе мома,* ***каквато*** *му сърце желае* (Елин Пелин). ‘У него может быть все, что захочет <…> может взять в жены *такую* девушку, какую только пожелает’.

Чийто. Союзное слово *чийто* (ж. р. *чиято*, ср. р. *чието*, мн. ч. *чиито*), как и русск. *чей*, согласуется не с определяемым, а с обозначением обладаемого объекта. Однако, в отличие от русск. *чей*, болгарское местоимение *чийто* определяет не только личные, но и неличные существительные. Это различие хорошо отражают русские переводы, где при неличных существительных используется местоимение *который* или вместо СПП выбираются бессоюзные или сложносочиненные синтаксические структуры:

Той бе млад, чернокос, с грамадно телосложение и добродушни кафяви очи, ***чийто*** *израз никак не отговаряше на сърдитите викове, с които цепеше посадата* (Д. Димов). ‘Это был молодой черноволосый великан с добродушными карими глазами, выражение *которых* никак не вязалось с сердитыми выкриками, с какими он крушил ворота’ (пер. Т. Рузской);

За да се получи някаква реакция, освен всичко друго трябва да се появи и дразнителят, ***чиито*** *антитела са сходни на вируса* (П. Вежинов). ‘Чтобы произошла реакция, кроме всего прочего, должен быть какой-нибудь раздражитель, антитела *которого* подобны антителам вируса’ (пер. Л. Лихачевой);

Най-сетне, след като не остава нищо за разтребване, редакторът вади от чекмеджето обемист ръкопис, ***чиято*** *синя пластмасова папка ми е добре позната* (Б. Райнов). ‘Наконец, когда расчищать больше нечего, редактор вытаскивает из ящика объемистую рукопись; эта (*букв.* чья) синяя полиэтиленовая папка мне хорошо знакома’ (пер. А. Собковича).

Що/щото, ***дето***. Неизменяемые союзные слова *що*[166]*/щото* ‘что’ замещают в придаточной части позиции подлежащего или прямого дополнения. *Що/щото* употребляется редко, звучит архаично и в современном языке может встретиться только в народно-разговорной и поэтической и поэтизированной речи: *Това,* ***що*** *е било с векове печелено и кътано, за ден-два ще бъде разхитено* (Н. Райнов).

Неизменяемым средством связи является и союзное слово *дето*, чрезвычайно активное в современной разговорной речи. Подобно русск. *что* в относительных придаточных, оно имеет сниженный стилистический характер. Чаще всего союзное слово *дето* замещает позицию подлежащего: *Съжалявам, но обичам друг. — Кой, оня,* ***дето*** *те би ли?* (Н. Десев). ‘Извини, но я люблю другого. — Кого, того, что тебя избил?’, см. и в примерах из КБРР: А. *В кой зъб?* Б: *в тоя /* ***дето*** *не е направен.* ‘А. В каком зубе? Б. В том, *что* не сделан’; *…тоя /* ***дето*** *седеше до мен / беше с опашчица отзад хваната така…* ‘…тот, *что* сидел около меня, был с таким хвостиком сзади…’

Когда *дето* в составе относительного придаточного выполняет другие синтаксические функции, оно дублируется местоименной клитикой, устанавливающей кореферентность с именным выражением (см. 1.4.2.3.4):

Повиках детето, ***дето*** *<u>му</u> взеха топката*, пример из [ГСБКЕ 1983-3: 310]. ‘Я позвал ребенка, у которого [*букв.* что у него] забрали мячик’;

Не знам дали ме помните… Аз съм Димитър Стаматов… Митко… ***Дето*** *често <u>ми</u> лекувахте сливиците…* (С. Пейчев). ‘Не знаю, помните ли вы меня… Я Димитр Стаматов… Митко…. [*букв.* что] вы мне часто гланды лечили’.

Для непрямого объекта, как в приведенных примерах, местоименное дублирование обязательно. Для прямого объекта дублирование, в принципе, не является категорическим правилом [Дачева, Тишева 2005: 393], но в КБРР представлены примеры только с местоименной поддержкой: *…Подгъвам си зимните дънки, тези* ***дето*** *си <u>ги</u> купих.* ‘…Закатываю свои зимние джинсы, которые я себе купила’, см. и: *…за едни тъпи изпити,* ***дето*** *не ти разрешават да <u>ги</u> вземеш*; *тая /* ***дето*** *изобщо не <u>я</u>* [*харесах*]…

Където, ***когато***. Связочную функцию в относительном придаточном могут выполнять и относительные местоименные наречия *където*, *когато* (ср. и русск. *где*, *когда*). Эти союзные слова, в отличие от других, не имеющих ограничений в

[166] Это единственное относительное местоимение, способное в современном языке выступать без наращения *-то* [ГСБКЕ 1983-3: 309].

семантике определяемого, присоединяются только к ИГ того же значения — места и времени [Коева 2001б: 144]:

*И той сочеше към тавана, **където** според него живеел някакъв виден партиец* (П. Вежинов). 'И он показывал пальцем куда-то в потолок, *где*, по его мнению, жил какой-то видный партиец' (пер. Л. Лихачевой).

*Жена ми издебваше момента, **когато** родителите ѝ гледаха телевизия в хола, и правеше нещо набързо за вечеря, след което го пренасяше в нашата стая* (Г. Господинов). 'Жена улучала момент, *когда* ее родители смотрели телевизор в гостиной, и на скорую руку готовила ужин, после чего относила его к нам в комнату';

В роли **местоимений-существительных** функционируют *който* 'кто' с формой винит. падежа *когото*, а также неизменяемые *каквото* и *което* 'что', напр. ***Който** много знае, бързо остарява*. 'Кто много знает, тот быстро старится'; *Видях, **каквото** ми трябваше* (Д. Димов). 'Я увидел то, что мне нужно было'.

1.4.2.3.2. Присубстантивные и приместоименные придаточные. Рестриктивные и характеризующие придаточные.

Как и в русском языке, можно различать два типа относительных придаточных в зависимости от места их прикрепления: присубстантивные и приместоименные. Об особенностях приместоименных предложений см. 1.4.2.3.3 и 1.4.2.3.4 ниже.

Присубстантивные придаточные могут быть рестриктивными (идентифицирующими), указывающими на признак, выделяющий определяемый объект из ряда других, или описательными (характеризующими), содержащими новые признаки объекта, ср.:

Един ден тя нахълта в мазето, в което живеех, и ми тикна в ръцете един огромен букет (К. Топалов). 'Как-то она ворвалась в каморку, в которой я жил, и ткнула мне в руки огромный букет';

*Първо, на един от скоковете дадох резултат, **който** ме отхвърли под чертата на прогнозираното класиране* (В. Колев). 'Во-первых, в одном из прыжков я показал результат, который отбросил меня ниже прогнозируемой позиции в рейтинге'.

В первом случае определяемая ИГ сопровождается определенным артиклем (*мазето*), если нет блокирующих его факторов. Определенный артикль в таких придаточных регулярно появляется на месте русского идентифицирующего *тот*: *Помня **деня**, в който се преместихме у Цецови* (П. Вежинов). 'Помню *тот день*, когда мы переехали к Цецо'. Подчеркнутая отсылка к старому знанию маркируется идентификатором *същият* (русск. *тот же*, *тот самый*):

…*Всъщност стаята подир трескавата суетня на нашата чистачка — същата, на която плащах и в предишната квартира — вече е добила приличен вид* (Б. Райнов). 'Впрочем, после лихорадочных хлопот нашей уборщицы — *той самой*, что убирала и нашу прежнюю квартиру, — моя комната уже обрела вполне приличный вид' (пер. А. Собковича).

В характеризующих присубстантивных придаточных соотносительные слова обычно не используются. Их употребление связано преимущественно с контекстами приравнивания и уподобления близких признаков, см. с лексемой *същият*, такой же двузначной, как и русск. *тот же* [Арутюнова 1999: 289—293]: *…Защото ме гледахте със **същия** интерес, с който гледате стената* (Б. Райнов). '…Потому что вы смотрели на меня с *тем же* интересом, с *каким* вы смотрите на стену', а также с указательным местоимением:

> *Казваше, че* [*мокетът*] *отива много хубаво на цвета на стените, с <u>тая</u> типично женска логика, **която** ги задължава да си ушият син костюм, ако случайно имат синя чантичка* (П. Вежинов). 'Она утверждала, что он [палас] необыкновенно подходит по цвету к стенам, с *той* типично женской логикой, *которая* обязывает женщин шить синий костюм, если у них случайно завелась синяя сумочка' (пер. М. Тарасовой).

1.4.2.3.3. Соотносительные слова в приместоименных относительных придаточных.

Соотносительные слова, как и в других болгарских СПП, обычно опускаются, особенно в разговорной речи: *Вземи, **каквото** искаш и си тръгвай*. 'Возьми (*то*), что хочешь, и уходи'; *Светът не е, **какъвто** беше* (Г. Караславов). 'Мир уже не *такой*, каким был'.

Использование коррелятивных комплексов, таким образом, ограничено. В примерах ниже их появление продиктовано необходимостью введения актанта с предлогом, в примере из Д. Димова — контекстом переспроса с уточняющим значением: *Разбира се, имаше нещо испанско в <u>това</u>, **което** ѝ бях изсвирил* (П. Вежинов). 'Конечно, было что-то испанское *в том* (*букв*. в этом), что я ей сыграл'. См. также:

> *Сега тя страдаше и по-дълбоко, защото бе унизена от <u>тоя</u>, **когото** обичаше и **когото** мислеше и чакаше денонощно* (Елин Пелин); *— Недоверие ли? — повтори тя като безпомощно тъжно ехо. — Какво недоверие? — <u>Това</u>, **което** Лукан насажда непрекъснато у работниците към всеки интелигент! <u>Това</u>, **което** ти изрази преди малко към мене!* (Д. Димов).

Регулярно используются соотносительные слова при препозиции придаточной с местоимениями *каквото* и *което*, замещающими неличный объект: ***Каквото** си надробиш, <u>това</u> ще сърбаш*. — ср. русск. *Что посеешь, то и пожнешь*; ***Каквото** искам, <u>това</u> си правя*. 'Что хочу, то и делаю'. В таком случае соотносительное слово выполняет дублирующие функции (см. 1.4.2.3.4)

В качестве местоименных слов, к которым присоединяется придаточное относительное, используются, как и в русском, местоимения нескольких разрядов — указательные, обобщающие, личные. На месте русских коррелятов — указательных местоимений дальности в болгарском используются местоимения близости *този/тоя* и их формы, это проиллюстрировано примерами выше.

Имеются некоторые коррелятивные зависимости при выборе соотносительного и союзного слова. Так, к субстантивно употребленному местоимению *това* придаточная часть обычно прикрепляется союзными словами *което*, а также *дето* и устар. *що*, но не *каквото*:

> *Може би смяташе, че им се изплаща докрай точно с* <u>*това*</u>*,* ***което*** *получаваше — взаимна обич* (П. Вежинов). 'Возможно, она считала, что платит им тем же, что и получает, — взаимной любовью'; *Тя направи една бърза обиколка с автомобил на юг и остана удивена от* <u>*това*</u>*,* ***що*** *видя* (Д. Димов). 'Она совершила короткую поездку на машине на юг и была удивлена тем, что увидела'.

К указательному местоимению *такъв* прикрепляется придаточная часть с *какъвто*: *Животът е* <u>*такъв*</u>*,* ***какъвто*** *си го направиш*. 'Жизнь такова, какой ее сделаешь'.

Другие разряды местоимений, присоединяющих придаточные, — определительные (обобщающие) и личные. К обобщающему местоимению *всичко* прикрепляется придаточная с *което* и *каквото*, но при препозиции предпочитается *каквото*: *Това е* <u>*всичко*</u>*,* ***което*** *има* (П. Вежинов). 'Это все, что у него есть'; *Тя бе се натеглила при своя мъж, който не обичаше работата, пиеше и прахоса* <u>*всичко*</u>*,* ***каквото*** *имаше* (Елин Пелин). Ср. с препозицией: ***Каквото*** *искаш,* <u>*всичко*</u> *имаш*, *букв.* 'Что хочешь, все имеешь'.

Личные местоимения в качестве соотносительных слов выступают при акцентном выделении: *Да! Именно* <u>*аз*</u>*,* ***която*** *преценявам хората според наличието или липсата на книга в чантата им, спрях да чета* (И). 'Да! Именно я, которая оценивает людей по наличию или отсутствию книги в сумке, бросила читать'.

Обратим внимание на то, что в составных местоименных подлежащных группах типа *всички ние / вие / те* (русск. *все мы / вы / они*) допустимо отсутствие личного местоимения, при этом на лицо указывает форма глагола не только в главном, но и в придаточном предложении: *Всички, които пристигнахме* (1. л. мн. ч.)*, бяхме настанени веднага* [ГСБКЕ 1983-3: 308—309]: 'Все <u>мы</u>, которые приехали, сразу были размещены'.

1.4.2.3.4. Местоименное дублирование.

1. <u>Местоименное дублирование препозитивного придаточного</u>. Если придаточная часть находится в препозиции, ее синтаксическое место в главной части замещается личным местоимением.

Местоименное дублирование (личным местоимением в косвенном падеже) регулярно происходит при несубъектных актантах: *Което знаеше Калистрат козарят, знаеше* ***го*** *цяло село* (Й. Йовков), *букв.* 'Что знал Калистрат пастух, это (*букв.* его) знало все село'; *Който правда казва, отвред* ***го*** *пъдят*, *букв.* 'Кто правду говорит, отовсюду его гонят'.

Факультативно дублируется субъектный актант (личным местоимением в имен. падеже): *Който се учи,* <u>*той*</u> *ще сполучи*, *букв.* 'Кто учится, тот обретет удачу'. Используется и местоименный определитель *сам*, как и в русском языке: *Който копае*

гроб другиму, сам пада в него. — ср. русск. *Кто роет яму другому, сам в нее попадает.*

2. Местоименное дублирование определяемого члена в придаточной части

При интерпозиции или постпозиции придаточной происходит местоименный повтор определяемого в придаточной части. Особенно регулярно такое дублирование происходит при неизменяемых союзных словах, что позволяет зафиксировать аргументную позицию: *Тая работа,* ***дето*** *си* ***я*** *намислил, не ми я приказвай* (Д. Рачев), *букв.* 'Это дело, что ты его задумал, мне его не рассказывай'. В данном примере имеется и повторное дублирование в главной части (*не ми* ***я*** *приказвай*) — оно связано с вынесением актанта в позицию топика, что требует его дублирования кратким местоимением.

1.4.2.3.5. Повторы определяемого.

Специфической чертой придаточной части с *какъвто* и *който* является «возможность включения в ее состав определяемого члена — имени существительного, которое при этом следует непосредственно за союзным словом» [Захаревич, Крылова 1978: 35—36]. Это явление имеет разные грамматические условия и стилистические последствия при постпозиции и при препозиции придаточного.

При постпозиции повтор осуществляется, если в состав главной части, кроме определяемого существительного, входит еще одно с аналогичными грамматическими характеристиками (далее в примерах *инспекция* и *среда*, *здание* и *дружество*). Повтор при этом факультативен и просто позволяет снять двусмысленность. Чаще всего это явление встречается при дистанцированности определяемого и придаточного. В целом явление повтора определяемого (далее повтор подчеркнут) в современном языке расценивается как канцеляризм, а в художественных текстах — как архаизм, ср. соответственно:

> *Освен това има си и районни инспекции за опазване на природната среда, каквато инспекция има и в Пловдив.* 'Кроме того, существуют и районные инспекции по охране окружающей среды, каковая [инспекция] есть и в Пловдиве';
>
> *И ние тръгнахме към зданието на застрахователното дружество «Балкан», срещу което здание на втория етаж се помещаваше въпросната фирма* (Г. Караславов).

Другой вариант повтора при постпозиции также связан с дистанцированностью и развернутостью предложения. В придаточном после союзного слова повтор осуществляется через свернутое пропозитивное обозначение, вмещающее описание предшествующей ситуации: *Измежду петте точки има четири, които лежат на една права, в който случай кривата от втора степен се цепи на две прави* (А. Матвеев), пример из [ГСБКЕ 1983-3: 319].

При препозиции придаточной части определяемое слово включается в нее, будучи продублировано в последующей главной части личным местоимением (см. о дублировании выше): *Която мома се бои от щипане, тя не се лови на хорото,*

букв. ‘Которая девушка боится щипания, она не встает в хоро’ [хоро́ — болгарский народный танец-хоровод]; *А с което момиче си стоял на един чин, няма да го забравиш никога* (Л. Стоянов), *букв.* ‘А с которой девочкой ты сидел за одной партой, ее не забудешь никогда’ (примеры из [Захаревич, Крылова 1978: 35—36]). Такие употребления считаются архаизмом.

1.4.2.3.6. Гипотетические относительные придаточные.

В относительных придаточных с гипотетическим значением союзные относительные слова (кроме *дето*, *що*) могут иметь модальное наращение *да*. Оно используется в тех же условиях, в которых в русском языке употребляются относительные придаточные, содержащие форму сослагательного наклонения, см. [Добрушина 2011; Dobrushina 2012].

Прежде чем продемонстрировать эти параллели, заметим, что использование связующих средств с *да* резко ограничивает временную амплитуду сказуемого придаточного предложения — настоящее время при настоящих и будущих гипотетических ситуациях, перфект (реже плюсквамперфект) для ситуаций прошлого, имеющих «следы» в настоящем[167], ср.: *Няма човек, който да ме спаси* (PRES). ‘Нет человека, который мог бы меня спасти’; *Няма човек, който да не е чувал* (PERF) *за него.* ‘Нет человека, который бы не слышал о нем’.

Ранее в болгарском языке было допустимо условное наклонение в таких придаточных: *Едва ли имаше човек в Мечи дол, който да би излязъл* (COND) *наглава с него* (А. Тодоров) [Захаревич, Крылова 1978: 37], но сейчас болгарский кондиционал резко сузил зону своего применения, уступив во всех типах придаточных предложений изъявительному наклонению.

Комплекс с *да* разделяет все особенности составных союзов, включающих *да*: возможен разрыв частей детерминантом, а при сочиненных придаточных достаточно только повтора *да* в каждом из них. Пример из РБПК хорошо демонстрирует эти черты:

> *Он с упоением помышлял, в глубочайшем секрете, о девице благонравной и бедной* (*непременно бедной*)*, очень молоденькой, очень хорошенькой, благородной и образованной, очень запуганной, чрезвычайно много испытавшей несчастий и вполне перед ним приникшей, такой,* ***которая бы*** *всю жизнь считала его спасением своим, благоговела перед ним, подчинялась, удивлялась ему, и только ему одному* (Ф. Достоевский). ‘С упоение си мислеше, дълбоко в себе си, за благонравна и бедна (непременно бедна) девойка, много младичка, много хубава, благородна и образована, много плаха, изпитала извънредно много нещастия и напълно покорна, такава, *която* цял живот *да* го смята за свой спасител, *да* благоговее пред него, *да* му се подчинява и *да* се възхищава от него и само от него’ (пер. Г. Константинова).

---

[167] Такое же ограничение мы будем наблюдать и в других зависимых клаузах, где содержится *да* в качестве основного средства связи или в составе такого средства.

Вернемся к вопросу об условиях, в которых присутствует наращение *да* в болгарском языке и сослагательное наклонение в русском. Их схожесть обусловлена семантикой гипотетического относительного придаточного — оно определяет несуществующие объекты или такие, о существовании которых ничего не известно [Добрушина 2011; Dobrushina 2012].

1) В большинстве случаев в главном предложении содержится сообщение о несуществовании характеризуемого объекта; обычно вводится эксплицитное предикатное отрицание:

И в нито един от тях [*домовете*] *не намираха някаква вещ,* ***която да*** *докаже, че пеперудите водят разумно съществуване* (П. Вежинов). ‘И ни в одном из них [домов] не заметили они ни одной вещи, которая бы свидетельствовала, что бабочки ведут образ жизни разумных существ’ (пер. Р. Белло);

Няма жена на тоя свят, ***която*** *поне веднъж през живота си* ***да*** *не направи нещо безумно и непоправимо* (П. Вежинов). ‘Нет женщины, которая хоть раз в жизни не совершила бы чего-то безрассудного и непоправимого’ (пер. М. Тарасовой).

Отрицание может быть и имплицитным: *Липсвала здрава ръка,* ***която да*** *стегне всичко* (Д. Димов), *букв.* ‘Отсутствовала крепкая рука, которая бы все держала’.

2) Несуществование характеризуемого объекта может быть задано придаточным потенциального условия: *И всред това щастие той съзна изведнъж, че ако имаше и един кон,* ***с който да*** *прекарва дърва в града, не би желал нищо повече* (Д. Димов). ‘И посреди этого счастья он вдруг осознал, что, если б у него была лошадь, на которой он *мог бы* перевозить дрова в город, ему бы более ничего не нужно было’.

3) Сомнение в существовании объекта может быть имплицировано в риторическом вопросе: *Има ли човек,* ***който да*** *го надприказва?* ‘Есть ли человек, который бы его переговорил?’

4) На необходимость появления нового объекта указывают модальные глаголы: *Трябва ни човек,* ***който да*** *вкарва по 15—20 гола на сезон.* ‘Нам нужен человек, который бы забивал по 15—20 голов в сезон’.

Снятие пресуппозиции существования объекта осуществляется и модальными расширениями при основном предикате: *Сега трябва непременно да ѝ кажеш нещо,* ***което да*** *я успокои*. ‘Сейчас ты должен непременно сказать ей что-нибудь, что бы ее успокоило’.

5) Некоторые наречия и наречные выражения способны указывать на малую вероятность существования объекта: *Рядко се срещат хора,* ***които да*** *не притварят блажено очи, когато усетят нежния аромат на ванилия* (И). ‘Редко встречаются люди, которые бы не прикрывали блаженно глаза, когда почувствуют нежный аромат ванили’.

6) Вне контекстов 1—5 (отрицания, сомнения, модальности), по наблюдениям Н. Р. Добрушиной над данными русского языка, возможно введение гипотетиче-

ского придаточного при предикатах с семантикой создания нового объекта (*организовать*, *подготовить*, *разработать*, *сочинить*), введения нового объекта в личную сферу (*искать*, *ждать*, *назначить*, *пригласить*, *представить себе*): *Я всю жизнь ждал человека, который мог бы понять меня* (Ю. Азаров); *Потом в троллейбусе я живо представил себе обстоятельства, при которых мог бы познакомиться с ней…* (К. Шахназаров).

И в болгарском языке в соответствующих контекстах будет выбрано *да*-наращение:

> *Все щеше да се намери някой, **който да** ви отвори очите* (С. Стратиев); *…аз просто усещам как напряга бедната си глава с надежда да измисли в последния миг нещо, **което да** ѝ послужи за юзда, но не може да измисли нищо* (Б. Райнов); *Искам да кажа, отец Сандовал позволява да работим заедно само ако се съгласите да съединим двете болници в една, **която да** функционира от името на ордена* (Д. Димов).

В предложениях с контрафактивным значением русское сослагательное наклонение используется лишь в тех придаточных, которые содержат указание на какие-л. альтернативные условия, при которых ситуация была бы осуществлена в альтернативном мире (в альтернативном месте, времени, альтернативным лицом): *Объяснить эту ненормальную ситуацию, которая в любой другой стране была бы, наоборот, нормой, не берусь* (Э. Рязанов); *Но Самоделкин умеет мастерить такие сложные машины, которые я ни за что не смог бы нарисовать* (В. Постников), см. подробнее указанные статьи Н. Р. Добрушиной.

В болгарском языке при этом типе *да*-наращение не используется, но возможно как раз условное наклонение: *Независим, влюбен в риска, той постига неща, които другите хора не **биха постигнали*** (COND) (А. Рыбаков, пер. З. Петровой). Ср. и пример из РБПК:

> *Ехал он и размышлял о той пользе, какую **приносили бы*** (COND) *театры, если бы в них давались пьесы нравственного содержания* (А. П. Чехов). ‘Той седеше в екипажа и мислеше за ползата, която *би имало* (COND) от театрите, ако в тях се даваха пиеси с нравствено съдържание’ (пер. К. Койчевой).

1.4.2.3.7. Место придаточной части.

Придаточное, определяющее ИГ, как правило, постпозитивно по отношению к определяемому. Присубстантивные придаточные разрешают препозицию только при повторах определяемого (п. 1.4.2.3.5 выше). Приместоименные придаточные с эксплицированными коррелятами допускают препозицию как менее частотный вариант расположения (*Каквото искаш, това ще имаш*. ‘Что хочешь, то и будешь иметь’, ср. *Ще имаш всичко, каквото искаш*); препозитивное расположение регулярно реализуется у придаточных в функции подлежащего: *Който търси, намира*. ‘Кто ищет, тот находит’; *Каквото било, било*. ‘Что было, то было’.

1.4.2.4. СПП с обстоятельственным придаточным

Разновидности СПП с придаточными обстоятельственными будут представлены в нашей работе в следующем порядке: СПП с придаточными пространственно-временных характеристик (придаточные места, времени), логических отношений (придаточные цели, причины, условия, уступки, ограничительные, следствия), характеризующего типа (меры и степени, сравнительно-сопоставительные, а также заместительные и соответствия). Последними описываются предложения присоединительные, поскольку они могут служить для выражения разных смысловых связей.

Обратим внимание, что предложения «образа действия», описываемые в болгаристике как разновидность СПП «способа действия и сравнения», имеют, на наш взгляд, непосредственное отношение к выражению таксисных связей, поэтому будут рассмотрены как подгруппа временных предложений. Что касается заместительных предложений и предложений соответствия, их место в классификации относится к спорным моментам теории СПП, о нашей аргументации см. при описании соответствующего типа.

Общий порядок описания каждой из обстоятельственных разновидностей предложений следующий: значение данного подтипа СПП, союзные средства и соотносительные слова, место лексических конкретизаторов (ограничителей, уточнителей), порядок следования частей, видо-временные формы, другие особенности и специфика вычленяемых подтипов. Если в рамках одного обстоятельственного подтипа имеются структурно-семантические разновидности принципиально различной структуры, они рассматриваются поочередно.

1.4.2.4.1. СПП с придаточным места

Придаточное места в общем случае характеризует ситуацию в главной части или ее фрагмент с точки зрения пространственных признаков:

> *Отведете ме,* ***където*** *искате, но пощадете живота на тия чужденци* (Д. Димов). ‘Отведите меня куда хотите, но пощадите этих иностранцев’; *Там,* ***където*** *разумът не достига, понякога природата мобилизира странни и невъобразими сили* (П. Вежинов). ‘Там, где разум бессилен, природа мобилизует таинственные подспудные силы’ (пер. М.Тарасовой).

Присоединяясь к обстоятельству места, выраженному наречиями ориентационного значения (*нататък*, *отдолу*, *наляво* и под.), придаточная часть имеет уточняющий характер:

> *Спънаха се в няколко войнишки трупа, разкъсани от бомбите, и* <u>*по-нататък,*</u> ***където*** *лежаха анархистите, видяха човешки тела, които бяха облети от петролната смес на огнепръскачката* (Д. Димов). ‘Они споткнулись о трупы солдат, разорванных гранатами, а дальше, где лежали анархисты, увидели человеческие тела, которые были облиты горючей смесью из огнемета’ (пер. Т. Рузской).

В придаточных места используются союзные слова *където*, *закъдето*, *накъдето*, *докъдето*, *откъдето*, их фонетические варианты (напр., *гдето*), а также разговорное и диалектное *дето*.

Роль соотносительных слов выполняют местоименные наречия *там* 'туда', 'там', *тук* 'здесь, сюда' и их производные[168] *натам* 'туда', *дотам* 'до того места' и др.: *Спортът хуква <u>натам</u>, където са парите* (И). 'Спорт устремляется туда, где деньги'. Ср. также: *Радев ще стърчи <u>там</u>, където смята, че е най-вероятно да го потърсят* (Б. Райнов); *Може би <u>тук</u>, където съм, хората се вълнуват от други неща.*

В болгарской речи, прежде всего разговорной, коррелятивные местоименные компоненты обычно отсутствуют: *Чети, откъдето искаш.* 'Читай откуда хочешь', ср. и пример из художественной литературы: *От залпа телеграми, който Фани бе отправила в Португалия, три улучиха, където трябваше* (Д. Димов). 'Из залпа телеграмм, которые Фани отправила в Португалию, три попали куда надо'. Однако препозитивная придаточная часть чаще требует соотносительного слова в главной части: *Дето е тънко, <u>там</u> се къса* (посл.). 'Где тонко, там и рвется'.

Усилительные и конкретизирующие наречия (*чак*, *точно*, *именно* и под.) располагаются перед соотносительным словом:

> *…Личната свобода на всеки се простира <u>точно</u> дотам, където започва да засяга личната свобода на друг* (И). '…Личная свобода каждого простирается <u>ровно</u> до того места, где начинает затрагивать личную свободу другого';
>
> *Забиваше дълбоко в Интернет, <u>чак</u> там, където и смелостта ѝ не бе достигала* (Д. Шумналиев). 'Она ныряла глубоко в Интернет, даже туда, куда не проникала и ее смелость'.

В отсутствие соотносительного слова наречия способны располагаться прямо перед союзным словом: *<u>Чак</u> където свършват пътеките, имаше девствен снежец* (И). 'Лишь там, где заканчиваются тропинки, был нетронутый снежок'.

Основная позиция придаточной, как и в русском языке, постпозитивная. Препозиция исключается для придаточных уточняющего характера.

Видо-временные формы главной и придаточной частей отражают общие правила употребления времен.

Болгарские предложно-именные сочетания с идентифицирующим значением (в русском языке включающие коррелят *тот же*), к которым присоединены придаточные предложения, употребляются в артиклевой форме:

> *Тя ги разглеждаше винаги с малко свито сърце и ги оставяше точно на <u>мястото</u>, откъдето ги е взела, сякаш покойната можеше да се върне внезапно и да ѝ кресне защо пипа нейните вещи* (П. Вежинов). 'Она рассматривала их с чуть стесненным

---

[168] Для болгарских наречий *там*, *тук* характерно неразличение позиции и направления. Поэтому в языке образованы префиксальные лексемы, которые используются для указания направленности, — *натам* 'туда', *дотам* 'до того места', *оттам* 'оттуда', *дотук* 'до этого места' и др.

сердцем и ставила всегда точно на *то же место*, откуда брала, словно покойница могла внезапно вернуться и накричать на нее за то, что она трогает ее вещи' (пер. Л. Лихачевой).

1.4.2.4.2. СПП с придаточным временным

В данном разделе выделяются две части. В первой из них описываются традиционные для болгарской (и русской) классификации придаточные с временным значением. Вторая часть посвящена СПП с придаточными, называемыми в болгарской синтаксической науке придаточными «образа действия». В них так же, как и в типичных СПП с придаточным времени, передается временно́е соотношение между двумя ситуациями, но при этом наступление или ненаступление ситуации в зависимой предикации определяет характер протекания другой ситуации (что и объясняет их «характеризующее» наименование в болгарской типологии предложений).

1.4.2.4.2.1. СПП, передающие временное соотношение между двумя ситуациями

Традиционно выделяются три основных типа временных отношений в данных СПП — одновременность, следование или предшествование ситуации в главной части по отношению к зависимой, ср. соответственно:

Когато се изкачваше по стръмните стъпала на звездолета, стотици обективи следяха най-малкото му движение (П. Вежинов). 'Когда он поднимался по крутым ступеням на звездолет, сотни объективов следили за малейшим его движением' (пер. Р. Белло);

И когато сам той [*часовникът*] *ме увери, че времето на доброто възпитание е кажи-речи изтекло, станах, извиних се и си отидох* (П. Вежинов). 'И когда они [часы] подтвердили, что я отсидел положенное воспитанному человеку время, я встал, извинился и ушел' (пер. М. Тарасовой);

Преди да си тръгне, тя попита с равнодушен, делови глас… (Д. Димов). 'Прежде чем уйти, она спросила равнодушно и по-деловому…'

Временные придаточные указывают на время действия главной части. Придаточные, которые относятся к обстоятельству времени, уточняют время действия опосредованно — путем соотнесения со временем другой ситуации:

*<u>Четири години по-късно</u>, **когато** останахме да живеем сами с жена ми, това напрежение не изчезна* (Г. Господинов). 'Четыре года назад, когда мы остались с женой одни, это напряжение не исчезло';

*В гласа му прозвуча ирония — както <u>винаги</u>, **когато** говореше за чичо си* (Д. Димов). 'В его голосе прозвучала ирония — как всегда, когда он говорил о своем дяде'.

Временные союзы. Союз *когато* (русск. *когда*) и более редкий в чисто временном значении его синоним союз *като* указывают на наличие временного отношения между частями, не уточняя его. Остальные являются союзами с более

конкретной временной семантикой: *преди да* 'до того как'/ 'перед тем как', *след като* 'после того как', *откакто* 'с тех пор как' / 'с того момента как', *щом* (*като*), *едва щом* 'как только', *колчем* 'каждый раз как', 'стоит / стоило… как' и нек. др.

Обратим внимание на несколько семантических вариантов, в которых может выступать союз *докато* (диал. *додето*, *догдето*, *дорде* и др.). Он может связывать части временного предложения со значением одновременности (русск. *пока*, *в то время как*), предела (русск. *пока не*), предшествования (русск. *прежде чем*, *перед тем как*, *не успел… как* и др.), ср. соответственно примеры:

> ***Докато*** *ядеше, все мислеше за Ана.* 'Пока он ел, все время думал об Анне';
> *Препирали се, препирали се,* ***докато*** *се скарали.* 'Пререкались, пререкались, пока не поссорились'[169];
> *Но от вратата на плевника се показа дим и* ***докато*** *нане Вуте приближи, избухна пламък* (Елин Пелин). 'Но из двери сарая показался дым, и не успел дядя Вуте подойти, как вспыхнуло пламя'.

Выделяется и особое, сопоставительное значение *докато* ('в то время как', 'между тем как', 'тогда как'), см. раздел 1.4.2.4.11.

Соотносительные слова. Соотносительное слово *тогава* 'тогда' употребляется редко. На фоне обычного его отсутствия (1.4.2.1.4) оно используется как ограничитель: *Борисов говори* *тогава,* ***когато*** *той прецени.* 'Борисов высказывается [только] тогда, когда считает нужным'.

Лексемы *дотогава* 'до тех пор' и *оттогава* 'с тех пор' регулярно появляются как указание на временно́е ограничение действия в придаточной, присоединяемой союзами *докогато* и *откогато* (*откакто*):

> *Щастието трае* *дотогава,* ***докогато*** *човек умее да го цени.* 'Счастье длится до тех пор, пока человек способен его ценить'; *Фалшифицирането на монетите съществува* *оттогава,* ***откакто*** *са се появили самите монети* (И). 'Фальсификация монет существует с тех пор, как появились сами монеты'.

Усилительные и конкретизирующие наречия — *едва*, *само*, *чак*, *още*, *точно*, *тъкмо*, *именно*, *дори*, *даже* — располагаются прямо перед союзами, если соотносительные слова отсутствуют. Наречие ***едва*** ('лишь', 'только') указывает, что действие в главном предложении осуществляется в непосредственной временной близости к действию придаточного предложения и, с точки зрения субъекта речи, несколько позже, чем можно было ожидать: ***Едва*** *когато свърших, се досетих, че не съм сам* (П. Вежинов). 'Только доиграв до конца, я спохватился, что не один' (пер. М. Тарасовой), ср. и из РБПК: *Очнулся он,* ***лишь*** *когда увидел возле себя троих волчат* (Ч. Айтматов). 'Опомни се *едва* когато недалеч от себе си съгледа трите вълчета' (пер. М. Златановой).

---

[169] Употребление отрицания после союза *докато* (на фоне русских союзов *пока* и *пока не*) будет рассмотрено ниже.

Наречие ***само*** (‘только’, ‘только в том случае’) при временных придаточных с союзом *когато* имеет, в отличие от *едва*, оттенок условия:

В мензата на академията се хранех ***само*** *когато се случеше да имаме лекции и упражнения цял ден…* (К. Топалов). ‘В столовой академии я ел, *только* когда лекции и практические длились целый день’;

Ще дойда ***само*** *когато баща ти го няма вкъщи.* ‘Я приду, *только* когда твоего отца не будет дома’,

ср. из РБПК: *Свобода* ***лишь тогда*** *свобода, когда она не боится закона, иначе это фикция* (Ч. Айтматов). ‘Свободата е свобода *само* когато не се сблъсква със закона, иначе е фикция’ (пер. М. Златановой).

Наречие ***чак*** подчеркивает, что действие осуществляется значительно позже, чем предполагалось. Ср. русск. *аж* и его последовательную передачу в РБПК болгарским *чак*:

…До последнего сиди. ***Аж*** *когда надзиратель с дневальными будет койки обходить, во все дыры заглядать, тогда выходи* (А. И. Солженицын). ‘…До последния чакай, пък *чак* когато надзирателят вземе да обикаля наровете с дневалните, по всички дупки да занича, тогаз излизай’ (пер. В. Райчева).

Однако, в отличие от русского *аж*, *чак* является стилистически нейтральным, поэтому вне разговорного стиля русским аналогом *чак* может служить временной ограничитель *только лишь*: …[*Еньо*] *спря да почине* <u>*чак*</u> *като дойде при брястовете, дето стана молебенът* (Елин Пелин). ‘…[Еньо] остановился отдохнуть, *только лишь когда* дошел до вязов, где происходил молебен’. РБПК, впрочем, показывает выбор болгарского *чак* как отражение значения «позднего» совершения действия независимо от средств его выражения в русском оригинале, см., напр.: *В себя пришел,* ***только*** *когда Игорек меня оттащил* (Б. Акунин). ‘Опомних се *чак* когато Игорьок ме отдръпна’ (пер. С. Бранц); *Проснулся он, когда машина остановилась*. ‘Той се събуди *чак* когато камионът спря’ (пер. М. Златановой).

Адекватно передает значение временного предложения с наречием *чак* русский деепричастный оборот с временным указателем *ужé*: ***Уже*** *надев пальто, повязав платок и оглядев себя в зеркале, Варя повернулась к сестре* (А. Рыбаков). ‘*Чак* когато си облече палтото, върза шала и се огледа в огледалото, Варя се обърна към сестра си’ (пер. З. Петровой).

Наречие ***още*** ‘еще’ при временных придаточных указывает на сравнительно раннее осуществление действия: *Майка ми умря* ***още*** *когато бях дете.* ‘Моя мать умерла, *еще* когда я был ребенком’, ср. из РБПК:

Утром он явился на летное поле, когда оно было ***еще*** *пусто* (Б. Полевой). ‘Сутринта се появи на летателното поле *още* когато то бе празно’ (пер. К. Георгиевой);

Вчера я убил дону Окану. Я знал, что убиваю, ***еще*** *когда шел к ней с пером за ухом* (А. и Б. Стругацкие). ‘Вчера убих дона Окана. *Още* когато отивах при нея с перо над ухото, знаех, че убивам’ (С. Владимиров).

Наречия ***тъкмо***, ***точно***, ***именно*** (‘в тот момент’, ‘как раз’, ‘именно’) указывают на временнóе совпадение двух действий: ***Тъкмо*** *когато искаше да отвори пътната врата, той чу някакво странно пъшкане, прилично на кравешки рев и на кучешко скимтене* (Елин Пелин). ‘*В тот момент*, когда он хотел открыть калитку, он услышал какой-то странный стон, похожий на коровий рев и на собачье скуление’, ср. из РБПК: *И, как назло, старуха умерла* ***как раз в то самое время****, когда он почувствовал, что жалеет ее*… (А. Чехов). ‘И за зла чест старицата умря *тъкмо* когато той почувствува, че я жали…’ (А. Каралийчев).

Усилительное ***дори*** ‘даже’ и его синоним русизм ***даже*** привносят уступительный оттенок значения: *Но* ***дори*** *когато това стане, аз все пак имам съзнание кое е истинско и кое лъжливо* (П. Вежинов). ‘Но *даже* когда это происходит, я все-таки понимаю, где реальность, а где нет’.

Показатели временного интервала между действиями возможны при союзах дифференцированного значения *преди да* и *след като*. Эти показатели располагаются непосредственно перед союзами:

> *Месец-два* ***преди да*** *тръгна, ние бяхме разменили по едно-две писма* (К. Константинов). ‘За пару месяцев до отъезда (*букв.* За месяц-два до того, как я уехал), мы обменялись письмами’;
>
> *Два дена* ***след като*** *бе депозирал рецензията, Стоев ме срещна в коридора*… (Б. Райнов). ‘Через два дня после сдачи рецензии Стоев встретил меня в коридоре…’;
>
> *Часове* ***преди да*** *се появи тренът, ние се възкачвахме на една височина край селото* (Н. Хайтов). ‘За несколько часов до того, как появится поезд, мы забирались на холм у деревни’.

Видо-временные формы. Основные наборы, употребляемые в главной и придаточных частях предложений, будут рассмотрены при каждой семантической разновидности. В то же время рамки данной работы не позволяют углубленно представить вопрос реализации той или иной формы, тем более в их отношении к проблеме выбора вида, и даже перечислить все возможности. См. подробнее, напр. [ГСБКЕ 1983-3: 348—359; Ницолова 2009].

Напомним здесь два основных правила, нарушающие в болгарском языке согласование времен в их тривиальных значениях:

1) во многих подтипах временных СПП регулярно используются формы настоящего времени вместо тех, которые предписываются правилами согласования времен. Как говорилось выше (1.4.2.1.7), в структуралистских концепциях это объясняют тенденцией к нейтрализации тех или иных глагольных категорий, которая ведет к преобладанию в зависимой части немаркированных форм, каковыми являются формы настоящего времени, см. [Герджиков 2000а; 2000б; Алексова 2003; 2008; 2014б]. С другой стороны, подавляющая часть подобных употреблений связана с наличием в составе союза элемента *да*, который диктует темпоральные ограничения на форму последующего глагола и при котором форма настоящего времени является наиболее обычным вариантом;

2) после любого временного союза не употребляются маркеры будущего времени, поэтому в значении будущего выступает форма настоящего времени. Использование показателя будущего времени после временного союза *когато* допустимо, но при этом меняется значение придаточной:

а) подчеркивается запланированность действия (см. тот же эффект в условных предложениях — 1.4.2.4.5): *Моят е на свободна професия и си взима отпуска, когато* ***ще*** *ходим някъде*. 'Мой [муж] — человек свободной профессии и берет себе отпуск, когда мы *надумаем* куда-то ехать';

б) указывается, что действие в придаточной части с *когато* будет предстоящим по отношению к главному. Ср. отношения следования при сказуемом в форме PRES[170] в придаточном: *Ще затворя външната врата, когато* ***изляза*** (PRES.PFV). 'Я закрою внешнюю дверь, когда выйду' — и отношения предшествования со сказуемым в форме FUT1.IPFV, в котором подчеркивается «предстояние» события [Лазарова А. 1970: 460]: *Ще затворя прозорчето, когато* ***ще излизам*** (FUT1.IPFV). 'Я закрою форточку, перед тем как уходить / когда буду уходить'[171].

Выражение многократности. Итеративное значение в придаточных предложениях следования, предшествования и предела (ограничительного предшествования) выражается преимущественно глаголами НСВ в форме настоящего времени или имперфекта при поддержке лексических показателей итеративности и средств контекста [Маслов 1959; Станков 1980; Чакърова К. 1996; Алексова, Никова 2003 и др.]: *Лошо работя* (PRES.IPFV)*, когато в очите ми блести* (PRES.IPFV) *слънцето, изобщо не обичам* (PRES.IPFV) *ясни слънчеви дни* (П. Вежинов); *В празник, когато Елка отиваше* (IMPERF.IPFV) *в черква, всички я изглеждаха* (IMPERF.IPFV) *съжалително и говореха* (IMPERF.IPFV) *зад гърба* (Елин Пелин).

В качестве специфической глагольной формы выступает глагол СВ (в имперфекте или настоящем времени) в придаточной части. На фоне НСВ он подчеркивает целостность итеративной ситуации: *Щом малкото селище потънеше* (IMPERF.PFV) *в тъмнина, и започваха престрелките* (П. Вежинов). 'Как только деревенька погружалась / погрузится во тьму, начиналась перестрелка'. См. о других комбинациях видо-временных форм в указанных выше работах.

---

170 В указанной выше концепции [Алексова 2003; 2008; 2014б] в таком придаточном предложении предполагается исходное будущее предварительное время: *Ще затворя външната врата, когато <u>ще съм излязъл</u>*, которое претерпевает действие нейтрализации а) категории результативности *Ще затворя външната врата, когато <u>ще изляза</u>* и б) будущности («темпорална следходност»): *Ще затворя външната врата, когато <u>изляза</u>*. Нейтрализация сразу двух признаков реализуется при выражении обоих признаков в контексте и в связи с имеющимся маркером будущности в главном предложении.

171 Помимо того, форма будущего времени может употребляться в относительных предложениях с союзным словом *когато*: *Ще дойде ден, когато* ***ще*** *ме* ***няма***. 'Придет день, когда меня не будет'.

В болгарском языке имеется специальный союз со значением итеративности *колчем* 'каждый раз, когда'. Ср. его употребление как с последующим глаголом НСВ, так и СВ:

***Колчем** си помислях* (IMPERF.IPFV) <…> *да поканя момиче да танцуваме, ме спираха две неща* (К. Топалов). 'Каждый раз, когда я собирался <…> пригласить девушку танцевать, меня останавливали две вещи';

***Колчем** се зададе* (PRES.PFV) *пътуване, все гледам да го прекарам през Виена* (И). 'Каждый раз, когда планируется путешествие, я стараюсь поехать через Вену'.

I. <u>Одновременность</u>. Для выражения одновременности используются союзы *когато* 'когда' и *докато* 'пока' или реже 'в то время как'.

1.1. Полная одновременность в типичном случае предполагает параллельное протекание темпорально неограниченных действий. В таком случае используется союз *когато* и союз *докато* (в одном из его значений — 'в то время как'):

*Извинете, но **когато** съм гладен, не умея да слушам* (Б. Априлов). 'Извините, но когда я голоден, я не умею слушать';

*Можеше да почукаш — забелязва секретарката ми, която лежи само по комбинезон с вечната книга в ръка, **докато** грамофонът в ъгъла оглася помещението с някакви тромпетни истерии* (Б. Райнов). 'Ты бы мог постучать, — говорит секретарша, лежа на кровати в одной комбинации с книгой в руке, в то время как проигрыватель оглашает комнату саксофонной истерией' (пер. А. Собковича)[172].

Предложения с союзом *докато* 'пока' при выражении полной одновременности обычно указывают, что темпорально ограниченная ситуация, обозначаемая в главной части, локализуется во временном интервале длящейся, но прекращающейся ситуации в придаточной части [Барентсен, в печати]:

*Много ги обичах, **докато** бяха малки* (П. Вежинов). 'Я их очень любила, пока они были маленькие' (пер. М. Тарасовой);

***Докато** има пари на тоя свят, хората все ще си остават нищожни и дребни като тях, както и да се пребоядисват* (П. Вежинов). 'Пока будут на свете деньги, люди, как бы они ни притворялись, всегда останутся такими же ничтожными и мелочными' (пер. М.Тарасовой).

Предложениям полной одновременности с союзами *когато* и *докато* свойственна темпоральная одноплановость глаголов-сказуемых [ГСБКЕ 1983-3: 350].

Основные временные формы, используемые при выражении полной одновременности, — настоящее и имперфект (НСВ):

Когато искаш (PRES), *четеш* (PRES), *когато искаш* (PRES), *спиш* (PRES)… (К. Топалов). 'Когда хочешь, читаешь, когда хочешь, спишь';

---

172 О сопоставительном употреблении союза *докато* 'в то время как', не сопряженном с временными значениями, см. раздел 1.4.2.4.11.

…Когато по него се движеха (IMPERF) *повече от двама, то силно се люлееше* (IMPERF) (Н. Хайтов). 'Когда по нему [мостику] двигалось более двух человек, он сильно раскачивался';

През цялото време, докато аз учех (IMPERF)*, тя мълчеше* (IMPERF). 'Все время, пока я занимался, она молчала'.

Если сказуемое главной части используется в перфекте для выражения общефактического значения, второе, для указания на одновременное действие, также ставится в перфект: *Винаги когато съм имал* (PERF) *нужда от помощ, ти си се отзовавала* (PERF). 'Всегда, когда мне нужна была помощь, ты откликалась'.

При отнесенности к будущему плану в главной части употребляется будущее время, а в придаточной части используется форма настоящего времени в значении будущего: *Докато спортуваш* (PRES)*,* ***няма да имаш*** (NEG.FUT1) *проблеми със здравето* (И). 'Пока ты будешь заниматься спортом / пока ты занимаешься спортом, у тебя не будет проблем со здоровьем'.

1.2. Неполная одновременность. При неполной одновременности время действия одной ситуации включено в период протекания другой; одна из ситуаций представлена как завершенная.

Как и в русском языке в СПП с союзом *когда*, в болгарских СПП с союзом ***когато*** любая из частей может обозначать завершенное действие, что отражается в видо-временных формах сказуемых: *Когато излязохме* (AOR.PFV)*, валеше* (IMPERF.IPFV). 'Когда мы вышли, шел дождь'; *Когато разговарях* (IMPERF.IPFV) *с Ирина, ми се обади* (AOR.PFV) *Петър.* 'Когда я разговаривала с Ириной, мне позвонил Петр'.

В предложениях с союзом ***докато*** завершенность касается прежде всего (см., однако, п. 1.3. далее) ситуации в главном предложении: *Докато тя спеше* (IMPERF.IPFV)*, се обадихме* (AOR.PFV) *на Петър.* 'Пока она спала, мы позвонили Петру'; *Докато мислех* (IMPERF.IPFV) *всичко това, влязохме* (AOR.PFV) *в някакъв вход* (К. Топалов). 'Пока я думал обо всем этом, мы вошли в какой-то подъезд'.

В контексте настоящего исторического используются первичные или вторичные имперфективы независимо от завершенности / незавершенности выражаемого действия, ср. соответствия предложениям выше: *Когато излизаме, вали*; *Когато разговарям с Ирина, ми се обажда Петър*; *Докато тя спи, се обаждаме на Петър*; *Докато мисля всичко това, влизаме в някакъв вход*.

Сказуемое главной части может стоять в форме повелительного или условного наклонения:

Дорде трае (PRES) *този ден… притвори* (IMP) *очи за миг* (Е. Багряна), пример из [ГСБКЕ 1983-3: 351]. 'Пока длится этот день, прикрой глаза на миг';

Иначе, докато се емчиш (PRES) *на коня си, биха ти пуснали* (COND) *някой куршум в гърба* (Б. Райнов). 'А вообще-то, пока ты красуешься на лошади, тебе могли бы пустить пулю в спину'.

Список допустимых форм сказуемого главной части в предложениях неполной одновременности с *докато* расширяется за счет разнообразных контекстов, указывающих на характер завершения действия, прерывающего другое действие. Так, в центре внимания может находиться не сама фоновая ситуация[173], а ее граница со следующей ситуацией: прерывание фона происходит в тот самый момент, когда в главной части подводится «итог деятельности» [Барентсен 2014]. Ср. болгарские примеры, где на завершенность ситуации (ее «итоговость») в главной части указывают результативные времена:

Или светът някак неизмеримо ***се бе променил*** (PPERF)*, докато аз лекомислено си подрънквах на пианото?* (П. Вежинов). ‘Или мир так изменился, пока я бренчал на рояле?’ (пер. М. Тарасовой);

Докато си говорим общи неща, вече ***ще е измислил*** (FUT2) *някаква версия* (К. Топалов). ‘Пока мы будем обмениваться общими фразами, он уже выдумает какую-нибудь версию’.

В главной части СПП с союзом *докато* действие может быть представлено как целостное при использовании глаголов НСВ. Данные возможности расширяют список допустимых видо-временных форм. Так, общефактическое значение выражается в главной части перфектом, ограниченная кратность — аористом НСВ. Это известные условия, в которых происходит в болгарском языке конкуренция частновидовых значений, см. [Маслов 1959; Станков 1976], такие как:

— общефактическое значение НСВ: *Кой е идвал* (PERF.IPFV)*, докато ме нямаше?* (IMPERF.IPFV). ‘Кто приходил, пока меня не было?’;

— ограниченно-кратное значение НСВ: *Търсиха* (AOR.IPFV) *те няколко пъти, докато те нямаше* (IMPERF.IPFV). ‘Тебя спрашивали несколько раз, пока тебя не было’;

— императив НСВ для указания «приступа к действию», т. е. говорящий выражает желание, чтобы слушающий немедленно приступил к реализации действия: *Махай се* (IMP.IPFV) *оттук, докато си* (PRES.IPFV) *цял!* ‘Убирайся отсюда, пока цел!’.

Болгарские придаточные с *докато* со значением полной или неполной одновременности берут на себя часть функций, которые в русском языке выполняют деепричастные обороты. Ср. примеры из П. Вежинова и Б. Райнова (пер. М. Тарасовой, А. Собковича):

Една нощ, докато се мъчех да заспя, опитах се да си припомня лицето ѝ. ‘Както ночью, *ворочаясь* без сна в постели, я силился припомнить ее лицо’;

[173] В концепции А. Барентсена инвариантное значение союза *пока* предполагает указание на то, что ситуация, обозначаемая главной частью, локализуется на фоне, обозначаемом зависимой частью, причем считается релевантным представление о прекращении этого фона [Барентсен 2014].

Едва ли — помислих с досада аз, докато сядах на почетното място до него. ‘Вряд ли, подумал я, *садясь* на почетное место рядом с ним’;

…Докато крача към съответния адрес, отново преповтарям набелязания план за действие. ‘…*Отправляясь* по соответствующему адресу, я повторяю про себя намеченный план операции’.

1.3. Специфика временного значения в СПП с союзом *докато* при глаголах СВ в обеих частях. Когда в обеих частях использован глагол СВ, трактовка СПП как предложений одновременности или как иного временно́го значения может во многом зависеть от лексико-семантических и контекстных факторов.

В рамках отношений одновременности остаются лишь такие предложения с СВ в обеих частях, где «фон мыслится как процесс, который “производит” смену ситуации» [Барентсен 2014]: *Целият се изпотих, докато я изведох на шосето* (П. Вежинов). ‘Я весь взмок, пока выбрался на шоссе’ (пер. М. Тарасовой). При использовании *докато* акцентируется процессная фаза действия придаточной части, фон, см. об этом подробнее [Барентсен, Пупынин 1999: 120].

Как употребление с совмещением семантики одновременности и предшествования, по-видимому, можно квалифицировать специфическую конструкцию с *докато* с отрицанием (по А. Барентсену, с «отрицательным перфектным значением»), в которой главная часть обозначает некоторую ситуацию (точнее, смену ситуаций), которую «целесообразно осуществить до завершения будущего события, имплицированного в придаточной» [Барентсен, в печати]. В таких предложениях выражается «значимость в момент речи нереализованности названного события, воспринимающегося как ожидаемое», и «указание того, что целесообразно воспользоваться сложившейся ситуацией» и действовать прежде, чем фоновая ситуация исчезнет. Главная часть часто содержит императив или другую форму с побудительным значением: <u>*Залавяй се*</u> *с некаква работа, Огнене, докато* ***не*** *са се свършили бащините ти жълтици* (Д. Талев). ‘Займись каким-нибудь делом, Огнян, пока не закончились отцовские золотые’.

Ср. и пример из [РБЕ], где подобные употребления *докато* отнесены к значению I (г): «действие в главном предложении происходит прежде, чем началось действие в придаточной»:

Султанът ни гони…, взема ни парите и ги дава на европейците. Това ме е накарало да ходя, да проповядвам, докато не сме завладени и продадени на султана от европейците (И. Унджиев). ‘…Это заставило меня ходить, проповедовать, пока мы не завоеваны и не проданы европейцам султаном’;

Тая история заслужава да се чуе… докато още не е забравена (С. Минков). ‘Эту историю стоит послушать… пока она не забыта’.

1.4. Отрицание при союзе *докато* при отношениях одновременности. Как известно, в болгарском языке отрицание после *докато* ставится по иным правилам, чем в случае русского союза *пока* (*не*). Условия постановки отрицания необхо-

димо определять для каждого из семантических подтипов, в которых может быть употреблен союз *докато*.

В предложениях с отношениями одновременности *докато* употребляется с последующим отрицанием в тех случаях, когда это отрицание «истинное», т. е. когда *докато* вводит предикацию с отрицательным значением, см. [Барентсен 2014; 2007] о необходимости вычленять в употреблении русского союза *пока* (*не*) случаи с истинным отрицанием.

Ср. пары предложений, в которых отрицание ставится тогда, когда оно входит в смысл предикации:

> *Яж, докато яденето е топло. — Яж, докато* ***не*** *е изстинало яденето.* ‘Ешь, пока еда теплая. — Ешь, пока еда не остыла’;
>
> *Добре, можеш да четеш списанието, докато съм заета с други неща. — Добре, можеш да четеш списанието, докато* ***не*** *съм приключила с прането.* ‘Хорошо, можешь читать журнал, пока я занята другими делами. — Хорошо, можешь читать журнал, пока я не закончила со стиркой’.

Ситуация в главной части протекает во время другой ситуации — реализующейся (при положительной форме сказуемого) либо незавершенной (при отрицательной форме сказуемого). В последнем случае обычно используется форма перфекта, она указывает на ограниченно-длящуюся ситуацию, окончание которой будет связано с достижением некоторого результата. На момент действия в главной части этот результат не достигнут (о чем сообщает отрицание при сказуемом), а потому создаются благоприятные условия для совершения / несовершения действия в главной части.

Таким образом, при выражении одновременности отрицание употребляется в условиях отрицательно маркированной ситуации, ср. все возможные варианты:

> *Болният е заразен, докато има мехурчета.*
> *Болния не е заразен, докато има мехурчета.*
> *Болният е заразен, докато няма мехурчета.*
> *Болният не е заразен, докато няма мехурчета.*
> (Больной заразен / не заразен, пока у него есть пузырьки / нет пузырьков).

Для предложений ограничительного предшествования будут действовать иные правила, см. ниже п. 2.3, где отрицание при *докато* не обязательно является истинным.

II. Значение предела (ограничительного предшествования). Значение предела предполагает, что действие главной части прекращается с наступлением действия придаточной. В русском языке регулярным показателем ограничительного предшествования является союз *пока не*. В болгарском языке используется союз *докато*, в отрицательной разновидности — *докато не*.

2.1. Семантические варианты СПП ограничительного предшествования связаны с тем, что ситуация в придаточной части «или прерывает ситуацию P_2, или завершает ее, или является ее результатом» [Барентсен, в печати].

а) Ситуация в придаточной части является завершением или результатом ситуации в главной части и тем самым прекращает ее:

[*Лъвът*] *Копал с ноктите, гризал със зъбите,* ***докато*** *най-после преял дървото и то паднало* (Сказка). 'Лев рыл когтями, грыз зубами, пока наконец не перегрыз дерево и оно не упало';

Магарето продължаваше да крачи към планината, но вече не тъй енергично, стъпките му ставаха колебливи, ***докато*** *най-после спря* (Б. Априлов). 'Осел продолжал шагать к горе, но уже не так энергично, шаги его становились неуверенными, пока он наконец не остановился'.

б) Придаточная часть вводит новую ситуацию, прерывающую действие в главной части:

…*Това трая около два месеца,* ***докато*** *един ден ми вика*… (Б. Райнов). 'Это продолжалось пару месяцев, пока он мне вдруг не говорит…'; *Той писа тъй,* ***докато*** *навън се позвъни* (П. Вежинов). 'Так он писал, пока не позвонили в дверь'.

2.2. Видо-временные формы. В типичном случае в придаточной части используется глагол СВ для обозначения предельного события, а в главной части — глагол НСВ для обозначения длящегося процесса или состояния.

Длящееся действие или состояние (в главной части) выражается формами настоящего времени и имперфекта, см. примеры ниже. Реже используются другие видо-временные формы, например аорист НСВ при указании временного промежутка, ограниченного как раз действием придаточной: *Еди го гледа* (AOR. IPFV) *със завист, докато го сепна гласът на майка му* (Б. Априлов) (*букв*. 'Эди смотрел на него с завистью, пока его не отвлек голос матери'), или плюсквамперфект при подчеркивании результативности: *А тя, естествено, бе преживяла* (PPERF) *доста неизвестности и несгоди,* ***докато*** *си хване това глупаво пиле, каквото бях аз* (П. Вежинов). 'А ей наверняка пришлось пережить немало неприятных минут, пока она не поймала такого дурака, как я' (пер. М. Тарасовой). Ситуация в главной части, тем не менее, представлена как длительная, что и сохраняет семантику предела.

При любых формах сказуемого главной части в придаточной части могут быть использованы формы настоящего времени. При непрошедшем временном плане (в главной части) формы настоящего времени в придаточной обязательны и соответствуют согласованию времен (пример 1 ниже), а при прошедшем временном плане они предстают как возможные наряду с аористом (примеры 2).

1) *Разговорът между двамата не върви. — Днес няма да е възможно — съобщава* (PRES) *Ана… И тъй нататък,* ***докато*** *аполонът хвърля* (PRES) *с раздразнение една смачкана банкнота на масата и си тръгва* (Б. Райнов). 'Разговор у них явно

не клеится… — Сегодня не могу, — заявляет Анна… Наконец кавалер раздраженно бросает на стол скомканный банкнот и уходит' (пер. А. Собковича), *букв.* 'пока кавалер раздраженно не бросает…';

2) *Стояхме* (AOR) *там,* ***докато*** *заблестят* (PRES) *звездите*. 'Мы стояли там, пока не засверкали звезды'; *Той питаше* (IMPERF) *настойчиво,* ***докато*** *чу* (AOR) *отговора*. 'Он настойчиво спрашивал, пока не услышал ответ'.

Набор видо-временных форм в придаточной расширяется за счет имперфекта СВ, подчеркивающего предельность итеративных ситуаций:

Четеше (IMPERF.IPFV) *от сутрин до вечер при прозорчето,* ***докато*** *сивата светлина на кишавия зимен ден* ***се*** *превърнеше* (IMPERF.PFV) *в мрак* (Д. Димов). 'Он читал с утра до вечера, сидя у окна, пока серый свет зимнего слякотного дня не превратится в мрак';

Когато ни пращаха (IMPERF.IPFV) *за тебешир, ние стоехме* (IMPERF.IPFV) *на прага,* ***докато*** *някой от намиращите се вътре учители ни подадеше* (IMPERF.PFV) (К. Топалов). 'Когда нас посылали за мелом, мы стояли на пороге, пока кто-нибудь из находящихся внутри учителей не подаст'.

Но и в этих условиях в придаточном возможна форма настоящего времени (СВ): *докато се превърне*, *докато подаде*, см. также: *Много му харесваше* (IMPERF.IPFV) *да козирува и да си търка ботушите един о друг,* ***докато*** *съвсем замирише* (PRES.PFV) *на боя* (П. Вежинов). '…Очень ему нравилось отдавать честь и тереть сапогом о сапог, пока не завоняет ваксой' (пер. М. Тарасовой).

Иные темпоральные варианты редки и целиком обусловлены контекстом, ср. восстановление событий, которым говорящий не был свидетелем, но достоверность которых он подчеркивает употреблением плюсквамперфекта в обеих частях:

Както по-късно разбрах, бе престояла (PPERF) *мъртва цялата нощ в това пусто, оръфано от грейдерите поле. Бе лежала* (PPERF) *там,* ***докато*** *някакъв кранист я бе забелязал* (PPERF) *случайно от своята висока кабина* (П. Вежинов). 'Как я узнал потом, она пролежала всю ночь на голом, изрытом грейдерами пустыре. Она лежала там, пока какой-то крановщик случайно не заметил ее с высоты своей кабины' (пер. М. Тарасовой).

2.3. Отрицание при союзе *докато* при ограничительном предшествовании. В русском языке союз *пока* с последующим отрицанием, не связанным с отрицанием вводимой предикации, маркирует отношения предела, ограничительного предшествования, см. работы А. Барентсена, где *пока не* рассматривается как маркер значения предела. В отличие от русского языка, в болгарском языке при выражении предела *докато* обычно употребляется без отрицания (см. примеры с *докато* выше и их русские переводы с *пока не*). Отрицание, однако, в болгарском тоже возможно, и при этом оно, в отличие от предложений одновременности, не меняет смысл предложения: *Пея тихичко, докато* (*не*) *заспи.* 'Я пою тихонько,

пока не заснет'; *Покрийте болното място със крем, докато* (*не*) *се излекува.* 'Намажьте больное место кремом, пока не заживет'. Положительная форма, однако, предпочтительна.

Отрицательная форма сказуемого главной части делает появление отрицания после *докато* обязательным: *В бара Ани* ***не*** *миряса, докато* ***не*** *изпукахме всичките триста и двайсет лева* (К. Топалов). 'В баре Ани не успокоилась, пока мы не просадили все триста двадцать левов'; ***Не*** *го болеше, докато* ***не*** *го оперираха*. 'У него не болело, пока его не прооперировали'.

Таким образом, и в болгарском языке можно признавать наличие «пустого» отрицания после *докато* в значении предела. Оно носит обязательный характер при наличии отрицания в главной части, в остальных случаях появляется спорадически. Вопрос о сущности «пустого» отрицания и смысловая специфика отрицательных форм в предложениях предела на материале разных славянских языков представлены, прежде всего, в [Барентсен 2006; 2007; 2011].

III. Предшествование. Отношение предшествования между частями СПП устанавливается в том случае, когда действие в главной части предваряет действие в придаточной. Используются союзы *когато* (русск. *когда*), *преди да* (русск. *перед тем как*; *до того как*; *раньше, чем*; *прежде, чем*; *не успел… как*[174]) или *докато* (русск. *прежде чем*; *не успел… как*).

Обстоятельства, уточняющие временной интервал между ситуациями, употребляются лишь с союзом *преди да*: *6 часа* ***преди да*** *си легнете, не пийте кафе*. 'За 6 часов до сна (*букв.* до того как ляжете) не пейте кофе'.

Соотношение времен при выражении предшествования различно при разных союзах. Общим правилом является преимущественное использование глаголов СВ в главной части.

3.1. При союзе ***когато*** в главной части используются относительные времена, обозначающие предшествование относительно момента, указанного в придаточной части. Таким образом, соотношение времен в придаточной и главной частях при союзе *когато* таково:

— AOR, реже другие прошедшие времена в придаточной части → PPERF в главной: *Беше минала* (PPERF) *полунощ, когато гостоприемният хазяин прекъсна* (AOR) *настъпилото мълчание* (Л. Стоянов). 'Минула полночь, когда гостеприимный хозяин прервал наступившее молчание'.

— PRES → PERF, обычно это контексты настоящего исторического: *Когато се връща* (PRES) *вкъщи, никой още не е легнал* (PERF). 'Когда он возвращается, никто еще не спит' (*букв*. не лег).

174 Тонкие различия между русскими союзами раскрыты в работах [Барентсен, Пупынин 1999: 113; Барентсен, в печати] и др. Болгарский союз *преди да* семантически более объемен, чем его русск. соответствия *до того как* и *перед тем как*, «акцентирующие идею локализации во времени» [Барентсен, в печати]: *преди да* частично пересекается и с русск. союзом *прежде чем*. Необходимо более детализированное сопоставительное изучение болгарского и русского материала.

— PRES в знач. FUT → FUT2: *Когато стигна* (PRES) *до гарата, влакът ще е заминал* (FUT2) *вече*. 'Когда я доберусь до вокзала, поезд уже уйдет'.

Значительно более редкий случай выражения предшествования — употребление будущего времени НСВ в придаточном предложении при неотносительном времени в главной части. Использование формы будущего времени указывает на то, что действие в главной части закончится незадолго до окончания действия в зависимой части[175]: *Ще затворя, когато ще излизам* (FUT1.IPFV). 'Я закрою, перед тем как уходить / когда буду уходить' [Лазарова А. 1970: 460].

Ту же функцию выполняет и будущее в прошедшем для выражения предшествования прошедшему моменту, однако при употреблении этого времени оно сохраняет не только значение предшествования, но и присущее ему модальное значение (намерения, готовности к действию): *Когато Ана щеше да излиза, телефонът иззвъня*. 'Когда Анна собралась выходить, зазвонил телефон' [Ницолова 2009: 137].

3.2. В придаточных с ***докато*** используется настоящее время (СВ) независимо от времени главной части: *Измина* (AOR) *половин минута,* ***докато*** *отвътре се чуят* (PRES.PFV) *шляпащи стъпки* (Е. Манов). 'Прошло полминуты, прежде чем за дверью послышались шлепающие шаги'.

При выражении итеративных ситуаций возможно использование имперфекта СВ в придаточной части, но и здесь появляется конкурирующее настоящее время СВ:

> *Мукавата хвърчеше изпод ръцете им и* ***докато*** *човек се обърнеше / се обърне* (IMPERF.PFV / PRES.PFV)*, чехлите ставаха готови* (С. Стратиев), пример из [ГСБКЕ 1983-3: 357]. 'Картон так и разлетался из-под их рук, и не успевал человек оглянуться, как шлепанцы были уже готовы'.

Значение предшествования при союзе *докато* может быть подчеркнуто результативным временем в главной части: *Взимам една пура и* ***докато*** *я освободя* (PRES.PFV) *от амбалажа и прережа края с клещите, секретарката вече е поставила* (PERF) *върху масичката в ъгъла разхладителното* (Б. Райнов). Обратим внимание на то, что переводы на русский язык не всегда отражают значение полного предшествования, ср. буквальный перевод: *Я беру сигару, и к тому времени, когда я освобожу ее от упаковки и откушу щипцами конец, секретарша уже поставила напитки на столик в углу*, и контекст временной одновременности в переводе А. Собковича: *Я беру сигару, и, пока освобождаю ее от упаковки и откусываю щипцами конец, секретарша приносит и ставит на край столика бутылки*.

---

[175] Помимо того, форма будущего времени может указывать на планируемое действие: *Какво трябва да знаем, когато ще ползваме кредит*. 'Что мы должны знать, когда собираемся брать кредит', а также употребляться в относительных предложениях с *когато*: *Времето се запазва без промяна до петък, когато ще захладнее*. 'Погода сохранится без изменений до пятницы, когда похолодает'.

Как правило, в русском языке предложениям с *докато* соответствуют СПП с союзом *прежде чем* и разрывным союзом *не успел… как*, что демонстрируют переводы выше.

Соединение *докато* с модальной частицей *да* и последующим СВ[176] подчеркивает значение предшествования, указывая на то, что «действие в придаточном предложении не завершено до конца в тот момент, когда совершается действие в главной части» [РБЕ]: ***Докато да*** *изгрее месецът, трябва да бъдат там* (Г. Караславов, БНК). 'До того как месяц взойдет, они должны быть там'. Эта незавершенность, как и при союзе *докато*, акцентируется результативным временем в главной части: *Докато да изгрее слънцето, и дървото е грейнало* (PERF) *в огнено и снежно*[177].

Учитывая такую семантику, сочетание *докато да* часто используется для указания на предшествующее действие, которое должно было состояться, но не состоялось в результате совершения другого действия: *Понякога решаваше да каже нещо, но* ***докато да*** *го каже, сторваше му се, че то никак не е умно, и се отказваше* (К. Атанасов), *букв.* 'Иногда он хотел было что-то сказать, но, перед тем как сказать, ему казалось вдруг, что это совсем не умно, и он передумывал'. См. и примеры в 3.4 ниже.

3.3. В придаточных с союзом ***преди да*** употребляется преимущественно настоящее время — независимо от времени в главной части, но также возможен и перфект. Считается, что оба времени семантически не различаются в данных придаточных: хотя употребление перфекта связывается с оттенком результативности, перфект свободно заменяем формой настоящего [Лазарова А. 1973: 33—40]. А. Лазарова отмечает также немаркированность придаточных с *преди да* относительно реализованности / нереализованности действия.

Условия, в которых в придаточных с *преди да* появляется перфект или настоящее время, еще требуют изучения, сейчас обратим внимание на три возможные, на наш взгляд, закономерности:

а) перфект подчеркивает, что наступление ситуации будет препятствовать реализации ситуации в главной части или делать ее бессмысленной. Так, если наступление темноты создает помехи для осуществления другого события, скорее всего, будет использован перфект:

Стигнахме (AOR) *хижата, преди да се е смрачило* (PERF). 'Мы добрались до турбазы прежде, чем стемнело';

Работното време на търговските обекти е фиксирано така, че те да затварят преди да се е смрачило (PERF)*, когато опасността се увеличава.* 'Рабочее

[176] В то же время частица *да* может сопровождать и *докато* в значении предела, образуя вариант союза с тем же значением предела: *После поседях на миндера в килера,* ***докато да*** *утихнат болките ми* (А. Гуляшки). 'Потом я посидел на лавке в чулане, пока не утихнет боль' ('вплоть до того момента, как утихнет боль').

[177] Этот и некоторые другие примеры в данном разделе предоставлены Красимирой Алексовой.

время торговых объектов определено так, чтобы они закрывались до наступления темноты, когда опасность увеличивается’.

Настоящее время индифферентно к этой семантике и указывает только на временные рамки: *Мисля да съм там малко преди да се смрачи* (PRES)*, към 18:30.* ‘Я планирую быть там незадолго до того, как стемнеет, примерно полседьмого’;

б) благодаря перфекту действие в зависимой части предстает как н е и з б е ж н о е в своем будущем осуществлении:

…всички ония модерни сгради, които остаряват още преди да са ги построили (PERF) (П. Вежинов). ‘….все те модные здания, которые устаревают еще до того, как их построили’;

Има неща, за които съжаляваме още преди да сме ги направили (PERF)*… и въпреки това ги правим* (И). ‘Есть вещи, о которых мы сожалеем еще до того, как мы их совершили… и вопреки этому мы их делаем’.

Если нет связи с будущим результатом действия, используется настоящее время: *14-годишно момче заснело самолета на смъртта, преди да падне* (PRES). ‘14-летний мальчик заснял самолет смерти, перед тем как тот упал’;

в) в случае п р е д о т в р а щ е н и я с о б ы т и я, т. е. если действие в придаточной части не осуществляется благодаря действию в главной, выбор глагола в настоящем времени наиболее закономерен: *Крадецът успя* (AOR) *да се скрие, преди да го хванат* (PRES). ‘Вор успел скрыться, прежде чем его поймали’; *Паднала съм* (PERF[178]) *на пода, преди да стигна* (PRES) *до умивалника* (П. Вежинов). ‘Я упала на пол, не успев добраться до умывальника…’

Тем не менее, даже когда в главной части обозначено действие, предотвращающее неотвратимую ситуацию, в придаточной может быть использован перфект с его семантикой неизбежности и подчеркиванием близкого результата: *Мъжът се спусна към нея и я хвана, преди да е паднала* (PERF). ‘Мужчина бросился к ней и подхватил ее, прежде чем она упала’.

Подобным же образом различаются и следующие предложении:

Трябва да го заловим, преди да е убил (PERF) *още някого*. ‘Мы должны поймать его, прежде чем он убьет еще кого-нибудь’. Ср.: *Той пил вино, преди да убие* (PRES) *бебето*. ‘Он пил вино, перед тем как убить младенца’.

3.4. В заключение обратим внимание на несколько наиболее адекватных возможностей перевода русских конструкций ***не успел… как*** на болгарский язык (примеры из РБПК: М. Булгаков. «Мастер и Маргарита», пер. Л. Минковой):

1) *докато да* + PRES (именно настоящее время, т. к. обычно данные конструкции не предполагают предотвращающее событие, наоборот — действие в придаточной

[178] К. Алексова (в устной беседе) предложила рассматривать эту форму как конклюзивный аорист, а не перфект: говорящий восстанавливает, что произошло в действительности, т. к. в момент события состояние говорящего (физическое, ментальное) не позволяло осознать это.

подается как неожиданное для говорящего): *И **не успел** Николай Иванович опомниться, **как** голая Гелла уже сидела за машинкой, а кот диктовал ей*. '*Докато* Николай Иванович *да* се опомни, голата Хела вече седеше пред пишеща машина и котаракът ѝ диктуваше';

2) *преди да* + PRES: ***Не успел** он договорить, **как** Коровьев выхватил из кармана грязный платок, уткнулся в него носом и заплакал*. 'Но *преди да* довърши, Коровиев измъкна от джоба си мръсна кърпа, завря нос в нея и заплака';

3) конструкция с *не успя… и*: *Но **не успел** он выговорить эти слова, **как** весь зал разразился криками негодования*. '*Не успя* да изрече тези думи *и* залата избухна в негодуващи викове'.

IV. <u>Следование</u>. В предложениях следования сообщается о двух последовательно происходящих действиях, при этом в придаточном задано предшествующее, в главной — последующее действие. Помимо союза *когато*, употребляются союзы: со значением следования — *след като* 'после того как', *като* ('когда', редко в данном значении, т. к. основная сфера его функционирования — предложения группы 1.4.2.4.2.2, см. ниже), начального момента действия — *откакто* ('с тех пор как', 'с того момента как'), быстрой смены действий — *щом* (*като*), *едва щом* ('как только'), с указанием на многократность — *колчем* ('каждый раз как', 'стоит / стоило… как').

Временные формы характеризуются значительным разнообразием: все основные болгарские времена могут в том или ином контексте появиться в предложениях следования, см. [ГСБКЕ 1983-3]. При этом предложения с *откакто* и *след като* предлагают значительно бóльшую, чем с *когато*, вариативность форм [Ницолова 2009], поскольку допускают в каждой из частей указание на незавершенное действие. При любом союзе предшествование действия в придаточной части часто подчеркивается формой результативного времени (перфекта или плюсквамперфекта). Далее мы лишь перечислим наиболее характерные комбинации (первым дается обозначение времени в главной части, вторым — в придаточной).

1) <u>Времена прошедшего плана</u>:

AOR — AOR:

*Когато **стегна** багажа, Боян **извика** такси.* 'Собрав вещи (*букв.* Когда собрал вещи), Боян вызвал такси'. Ср. также и аорист НСВ при обозначении ограниченного временного отрезка: *След като чака* (AOR.IPFV) *още <u>три дни</u>, Мечтателя предприе* (AOR.PFV) *нещо неочаквано…* (Б. Априлов). 'После того как Мечтатель выждал еще три дня, он предпринял кое-что неожиданное'.

IMPERF — IMPERF:

*Обикновено след като го **отминаваше**, тя **продължаваше** да мисли за него* (Д. Димов). 'Обычно, после того как она проходила мимо него, она продолжала думать о нем'; *…Изкачи се на третия етаж, където **живееше**, откакто **се помнеше*** (Д. Шумналиев). 'Он поднялся на третий этаж, где жил, с тех пор как себя помнил';

IMPERF — PPERF:

И тъй Димов ***започваше*** *да дрънчи в кухнята едва към осем, доста след като пътната врата* ***бе хлопнала*** *след Илиев* (Б. Райнов). ‘Итак, Димов начинал громыхать в кухне лишь к восьми, через некоторое время (*букв.* довольно долго) после того, как входная дверь захлопнется за Илиевым’; *Откакто* ***бяха тръгнали****, това магаре непрекъснато* ***се страхуваше*** (Б. Априлов). ‘С самого начала пути (*букв.* С тех пор, как пошли) этот осел постоянно беспокоился’.

PPERF — PPERF:

Минали бяха *девет дена, откакто боляринът Калота* ***бе удвоил*** *стражата пред главните порти* (Н. Хайтов). ‘Прошло девять дней, с тех пор как боярин Калота удвоил стражу перед главными воротами’.

PERF — PERF:

Той ***е починал****, след като* ***е бил*** *откаран в болница.* ‘Он умер, после того как был доставлен в больницу’. Ср. и многие другие возможности, напр. в [ГСБКЕ 1983-3: 348—359; Ницолова 2009].

2) <u>Времена настоящего плана</u>:

а) в контексте настоящего исторического (используются преимущественно вторичные имперфективы):

Когато сикелската стара робиня <u>изкъпва</u> стария Лаерт, <u>намазва</u> го с благовонен елей, <u>загръща</u> го в чиста мантия, синът <u>се смайва</u>: сега той <u>вижда</u> «баща си приличен на бог вековечен» (Т. Жечев). ‘Когда старая рабыня искупала Лаэрта, помазала его благовонным елеем и облекла в чистую мантию, сын изумился — отец показался ему похожим на «вечного бога»’ (пер. Е. Фалькович) (*букв.*: *искупывает, *намазывает, облекает, изумляется, видит);

б) при указании на типичные, узуальные действия (допускается употребление в придаточном глаголов обоих видов):

Около 30 минути след като се събуди (PRES.PFV) */ се събужда* (PRES. IPFV), [*бебето*] *закусва* (PRES. IPFV) *мляко*. ‘Минут через тридцать после того как проснется / просыпается, [малыш] завтракает молоком’;

в) настоящее актуальное (в главной части) используется на фоне предшествующего завершенного действия в придаточной части, которое выражается формой аориста (при свидетельственности) или перфекта:

Той е (PRES) *в болница, след като вчера го блъсна* (AOR) / *е блъснала* (PERF) *кола*. ‘Он в больнице, после того как вчера его сбила машина’;

Откакто вчера те видях (AOR)*, все мисля* (PRES) *за теб*. ‘С тех пор как вчера я тебя увидел, я все время думаю о тебе’.

3) Времена будущего плана. В главной части используется будущее время, в придаточной — настоящее время от глаголов СВ в значении будущего, напр.:

Когато стегне (PRES.PFV) *багажа, Боян ще извика* (FUT1) *такси.* 'Когда Боян соберет вещи, он вызовет такси';

Щом свърши (PRES.PFV)*, ще ми се обади* (FUT1). 'Как только он закончит, он мне позвонит'.

4) Итеративность выражается формами настоящего времени и имперфекта в придаточном. Использование глаголов СВ вместо НСВ подчеркивает итеративное значение, относимое к целостной ситуации, ср. пары предложений настоящего и прошедшего планов:

Щом се прибира (PRES.IPFV)*, сестра ми почва* (PRES.IPFV) *да шета.* 'Как только сестра возвращается, она начинает убираться'; *Щом се прибере* (PRES.PFV)*, сестра ми почва да шета*;

Щом се прибираше (IMPERF.IPFV)*, сестра ми почваше* (IMPERF.IPFV) *да шета.* 'Как только сестра возвращалась, она начинала убираться'; *Щом се прибереше* (IMPERF.PFV)*, сестра ми почваше да шета*.

На русский язык предложения с придаточными, включающими глагол в СВ, можно передавать конструкциями с разрывным союзом *стоит … и / как / так* или итеративным *бывает / бывало*, напр:

Вие, мъжете, щом кихнете (PRES.PFV) *и закашляте* (PRES.PFV)*, веднага предполагате* (PRES.IPFV) *най-лошото* (И. Петров). 'Вам, мужчинам, *стоит* только чихнуть и закашлять, *так* сразу предполагаете худшее';

Когато сутрин станеше (IMPERF.PFV) *и по стар навик погледнеше* (IMPERF.PFV) *небето, той не казваше* (IMPERF.IPFV) *както преди…* (Елин Пелин). 'Когда утром он, бывало, встанет и по старой привычке посмотрит на небо, он уже не говорил, как прежде…'

О наборе болгарских соответствий русским конструкциям *стоит / стоило… и / как / так* см. [Ченева 1989].

1.4.2.4.2.2. СПП с придаточными, обозначающими ситуацию, сопровождающую действие в главной части и определяющую характер его протекания

В придаточной части этих предложений (напомним, это предложения «образа действия» в болгарских синтаксических классификациях) сообщается о действии, которое сопровождает или должно было сопровождать действие в главной части. Таким образом, ситуация в придаточной части (в том числе несостоявшаяся) определяет характер действия в главной, способ его протекания, осуществления. В русском языке таким придаточным частям обычно соответствуют деепричастные обороты в случае односубъектности предикаций или набор иных средств — в случае разносубъектности.

Средства связи — союз *като* и составной союз *без да*, последний употребляется только при указании на отсутствие, неосуществленность действия. Эти два варианта данных СПП (с *като* и *без да*) имеют специфические структурные, грамматические и семантические характеристики, поэтому требуют отдельного рассмотрения. Для обеих разновидностей позиция придаточной части относительно главной строго не закреплена, преобладает постпозитивное придаточное, особенно в первом подтипе.

1. Предложения с союзом *като*.

В предложениях с союзом *като* сообщается о действии, протекающем одновременно с действием в главной, т. е. сопровождающем его. В соответствии с этим значением в подчиненной предикации обычно используются глаголы НСВ. Перевод таких придаточных на русский язык осуществляется деепричастиями настоящего времени или сочиненными структурами:

а) сказуемое придаточной части в настоящем времени:

Те си тръгват (PRES)*, като взимат* (PRES) *всичко със себе си.* ‘Они уходят, забирая все с собой’;

Юфката се слага (PRES) *във вряща вода за около 3—5 минути,* ***като*** *периодично се разбърква* (PRES). ‘Вермишель кладут (*букв.* кладется) в кипящую воду на 3—5 минут и периодически размешивают’;

б) сказуемое придаточной части в имперфекте:

И двете [*гъсеници*] *стояха* (IMPERF) *изправени,* ***като*** *се придържаха* (IMPERF) *леко с горните си крачка към най-близките предмети* (П. Вежинов). ‘Обе они [гусеницы] стояли выпрямившись, придерживаясь верхними лапками за ближайшие предметы’ (пер. Р. Белло).

В главной части предложений с *като* чаще используются те же формы, что и в придаточной (т. е. настоящее время и имперфект, как в примерах выше). В главной части возможно указание и на завершенное действие, которое характеризуется через другое действие, протекавшее одновременно с ним:

Всичко това той <u>*разправи*</u> (AOR) *спокойно, ясно и убедително,* ***като*** *го подкрепваше* (IMPERF) *с доказателства, които бяха очевидни или можеха да се проверят* (Д. Димов). ‘Все это он рассказал спокойно, ясно и убедительно, подкрепляя доказательствами, которые были очевидны или могли быть проверены’.

Субъекты действия в рассматриваемых предложениях всегда кореферентны. Как и в других типах болгарских односубъектных обстоятельственных предложений, субъект в придаточной части обычно не выражается — независимо от ее преили постпозиции по отношению к главной.

Придаточное с *като* обычно постпозитивно.

В придаточное предложение с *като* возможно введение отрицания: *Неканената гостенка започна да тананика,* ***като не*** *сваляше погледа си от мене, загадъчно*

усмихната (К. Калчев). ‘Незваная гостья начала что-то напевать, не отводя от меня взгляда…’ В современном языке отрицательные предложения с *като* вытесняются предложениями с *без да*. При этом предложения с *като* не разделяют тех специфических особенностей, о которых пойдет речь ниже при описании придаточных с *без да*.

2. Предложения с союзом *без да*.

Конструкции с *без да* возникли на месте старославянских конструкций с отрицательным причастием: последнее было заменено *да*-конструкцией, а предлог взял на себя функции выразителя отрицания. Постепенно эти конструкции расширили свое употребление в болгарском языке, вытеснив и отрицательные деепричастия [Лашкова 1973: 74—75]. Современный составной союз имеет собственное ударение: *бéз да.*

Придаточная часть с союзом *без да* (*букв*. ‘без того чтобы’) сообщает о неосуществленном действии, «которое могло бы сопровождать действие главной части (при глаголе несов. вида) или предварять его (при глаголе сов. вида)» [Захаревич, Крылова 1978: 50]. Реализация этого общего значения, как показывает материал, может иметь несколько семантических вариантов, которые мы опишем в их связи с темпоральной характеристикой частей и общностью или различием субъектов действий.

Основные структурно-семантические особенности придаточной части с *без да* состоят в следующем.

1. Ограничения на временные формы в придаточном. Времена сказуемого в придаточной части отражают происхождение этого союза: *да*-конструкция оставила некоторые следы в виде темпоральных ограничений, а именно следующие:

а) **настоящее время НСВ** — используется при выражении нереализованного сопровождающего действия: *Доядох* (AOR)*,* ***без да*** *бързам* (PRES)*, студеното телешко и мрачно се понесох към неизвестната маса* (П. Вежинов). ‘Доел, не торопясь, телятину и мрачно направился к столу, за который меня пригласили’ (пер. М. Тарасовой).

Придаточное содержит сообщение о (несовершенном) действии, определяющем характер протекания другого действия. Подобные предложения наиболее близки к обстоятельствам образа действия, что отражается и в русских соответствиях: *доядох, без да бързам* ‘доел не спеша, неспешно, без спешки; *направих това, без да му мисля много* ‘я сделал это не особенно задумываясь’. Как правило, придаточное содержит ситуацию, характеризующую состояние лица, ср. еще примеры из БНК с характерным именным предикатом:

> *…Няколко дълги минути просто лежах в леглото,* ***без да*** *съм в състояние да стана на крак*. ‘…Несколько долгих минут я просто лежал в постели, не *будучи в состоянии* встать на ноги’; *Прибирам го,* ***без да*** *съм сигурен трябва ли да благодаря.* ‘Я забираю его, *раздумывая* (‘не будучи уверенным’), нужно ли благодарить’; *Бях сдържан,* ***без да*** *съм груб*. ‘Я был сдержан, но *без грубости*’;

б) **настоящее время СВ** — употребляется при выражении нереализованного действия, которое можно было бы ожидать как предшествующее действию в главной части (см. подобную трактовку и в [ГСБКЕ 1983-3: 364—365]):

Станах (AOR) *и като сляп се запътих* (AOR) *към колата си* — ***без да*** *платя* (PRES.PFV)*,* ***без да*** *се обадя* (PRES.PFV)*,* ***без да*** *взема* (PRES.PFV) *багажа си* (П. Вежинов). 'Я встал из-за стола и, как слепой, побрел к машине — *не расплатившись, не сказав никому ни слова, не взяв вещей*' (пер. М. Тарасовой).

Основная часть таких употреблений выражает отказ субъекта (несознательный или намеренный) от действия, которое было уместно или естественно в данной ситуации, поэтому сказуемое в главной части опирается, в основном, на глаголы контролируемого действия;

в) **относительные времена** — перфект или плюсквамперфект — употребляются при указании на никогда не происходившее / так и не произошедшее действие, которое могло бы иметь место как обусловливающее действие в главной части. Нереализация указанного обусловливающего действия расценивается как уступительность, ср. возможную синонимичную трансформацию в уступительное предложение: *Мога да накарам животно да извърши едно или друго,* ***без да*** *съм го дресирал* (БНК). — *Мога да накарам животно да извърши едно или друго,* ***дори и да не*** *съм го дресирал*, ср. русск. *Я могу заставить животное делать то или иное, не дрессируя его / даже если я его не дрессировал.*

При отрицательной форме сказуемого главной части придаточное приобретает обратное, а именно условное, значение: *Не мога да си тръгна,* ***без да*** *съм се сбогувал*. — *Не мога да си тръгна****, ако не*** *съм се сбогувал*. 'Я не могу уйти, не попрощавшись / если я не попрощался'. Ср. и отражение этого значения в профессиональных переводах: *Но човек не може да бъде щастлив,* ***без да*** *го е заслужил* (П. Вежинов). 'Но человек не может быть счастлив, *если* он этого не заслужил' (пер. М. Тарасовой).

Выбор между относительными временами — формами перфекта или плюсквамперфекта — регулируется в целом правилами согласования времен: при настоящем плане главной предикации ожидаем в придаточной перфект, при прошедшем — плюсквамперфект, ср. соответственно (1) и (2) ниже. Однако на позициях плюсквамперфекта может появиться и перфект, как в (3), как результат нейтрализации глагольных категорий (в данном случае признака ориентированности действия к прошлому моменту). Эта замена, однако, отнюдь не столь регулярна, как это мы наблюдали при изъяснительных и временных предложениях.

(1) *Парадоксалното тук е* (PRES)*, че можеш* (PRES) *да бъдеш нещо…* ***без да*** *си бил* (PERF) *никога това* («Култура»). 'Парадокс здесь в том, что можно быть чем-то, чем ты никогда не был'; *Не бива* (PRES) *да заспивате,* ***без да*** *сте се нахранили* (PERF) (БНК). 'Не стоит ложиться спать, не поев';

(2) *След пет минути излязох* (AOR)*, **без да** бях разбрал* (PPERF) *нито дума от това, което бе казано* (БНК). ‘Через пять минут я вышел, так и не поняв ни слова из того, что было сказано’;

(3) *Обиди* (AOR) *ме, **без да** съм ти направил* (PERF) *нищо* (С. Вълев). ‘Ты обидел меня, а я ведь тебе ничего не сделал’;

г) **имперфект** — употребляется преимущественно при именных предикатах в тех же условиях, которые описаны в (в) для глагольных предикатов: ***Без да*** *беше* (IMPERF) *нужно, прокурорът се намесва* (PRES) (БНК). ‘Хотя это и не было нужно, прокурор вмешивается’.

Нейтрализация глагольных категорий влияет и в этом случае на возможность употребления настоящего времени вместо имперфекта в придаточной части: *Бях откликнал* (PPERF)*, **без да** съм* (PRES) *позован* (З. Златанов). ‘Я откликнулся, хотя меня никто и не звал’.

2. Возможность придаточной части иметь свое подлежащее. В случае разносубъектности предполагается, что в связи с действием в главной части в норме должно иметь место действие в придаточной части, но оно остается нереализованным: *Тя остана да живее при мен, **без да** сме говорили за това* (П. Вежинов). ‘Она осталась жить у меня, хотя мы не сговаривались об этом’ (пер. М. Тарасовой).

Подлежащее придаточной части обычно имплицитное, как в примере выше, но может быть и эксплицитным:

*Умирам за такова студено море, защото ми дава възможност с чиста съвест да се излежавам до обед в леглото, а следобеда да скитам насам-натам, **без** чужденците на всяка крачка **да** ме настъпват по новите обувки* (Б. Райнов). ‘Страсть как хочется побывать там, когда холодное море, потому что при этом я могу с чистой совестью нежиться до обеда в постели, а после обеда скитаться, *не рискуя, что* иностранцы будут наступать на мои новые ботинки’ (пер. А. Собковича).

Предложения с разными субъектами представляют наибольшие трудности для их перевода ввиду отсутствия эквивалентов в русском языке и разнообразия прагматических установок. В наиболее типичном случае переводчики выбирают уступительные конструкции с союзом *хотя*, как пример выше *Хотя это и не было нужно, прокурор вмешивается*. Однако в СПП с *без да* разносубъектность и разноплановость, столкновение предполагаемого и неосуществленного используются для передачи различных семантических и прагматических оттенков. Например, нереализация действия в придаточной части расценивается субъектом речи как «обманутое ожидание»: *Те си отидоха, **без** аз **да** разбера*. В таком случае для перевода можно предложить адверсативную конструкцию «несбывшегося ожидания» *а X так и не…*; *а X даже и не…*: *Они ушли, а я даже и не понял*.

В других предложениях на первый план выступает отсутствие «какой-л. реакции субъекта по отношению к действию в главной части» [ГСБКЕ 1983-3: 365]: *И жената може да изневери на мъжа, **без** той **да** разбере* (БНК). ‘И женщина

может изменить мужу, а тот даже и не узнает’; *Промъкнал се беше, **без да** го усетя* (БНК). ‘Он пробрался незаметно для меня’ (‘а я даже не почувствовал’).

При отрицательном сказуемом в главной части в придаточном указывается нежелательное действие, без которого не обходится осуществление действия в главной:

> *Нито едно събиране... не завършваше, **без** той **да** се напие като пън* (БНК). ‘Ни одна встреча не заканчивалась без того, чтобы он не напился вдрызг’;
>
> *Горката жена нямаше да може и роклята да си смени, **без** той **да** разбере.* ‘Бедная женщина и платья не могла бы поменять, так чтобы он не узнал об этом’.

Еще бóльшие сложности возникают при переводе сочиненных *без да*- предложений, каждое из которых имеет своего субъекта, ср. пример из [Лашкова 1973], где субъект первого придаточного кореферентен грамматическому субъекту главной части, в отличие от субъекта второго придаточного: *Излезе* $Ø_i$, *без* $Ø_i$ *да отговори нещо и без да го види някой*$_i$. ‘Он вышел, ничего не ответив и *без того чтобы его увидел кто-то’.

3. <u>Бóльшая свобода положения придаточной части относительно главной</u>, прежде всего возможность интерпозиции, менее характерной для *като*-предложений: *Изкачиха, **без да** говорят, близкия клон, после поеха по билото* (Л. Стоянов). ‘Поднялись, не разговаривая, по ближайшему склону, потом двинулись по гребню горы’.

4. <u>Возможность использования в придаточной как неопределенных, так и отрицательных местоимений и наречий</u>: *Излезе, без да отговори **нещо** / **нищо** и без да го види **някой** / **никой***; *Останал е сам, без да получи помощ от **някъде** / **от никъде*** ‘Он остался один, так *ниоткуда* и не получив помощь’ [Лашкова 1973: 75].

5. <u>Возможность дистанционного расположения компонентов союза.</u> Между *без* и *да* могут быть вставлены детерминанты и тематическое подлежащее (субъект действия придаточной части): *Димов го изслуша мълчаливо, **без** <u>нито веднъж</u> **да** го прекъсне* (П. Вежинов). ‘Димов молчаливо его выслушал, ни разу не прервав’; *И **без** <u>повече</u> <u>аз</u> да го питам, му прибирам различни неща.* ‘И, больше его не спрашивая, я собираю всякие его вещи’.

1.4.2.4.3. СПП с придаточным причины

Придаточные в данных СПП раскрывают причину или дают обоснование ситуации, описываемой в главной части[179].

[179] Е. А. Захаревич и Г. В. Крылова связывают различающуюся семантику предложений причины с позицией придаточной части: при препозиции придаточной выражаются причинно-следственные отношения, при постпозиции — отношения мотивации [1978: 64]. С. Петрова полагает, что эти два значения можно соотнести с общей или частной каузацией. Последняя создается тогда, когда придаточное поясняет не сказуемое, а другую часть главного предложения, в результате чего возникает семантика мотивировки, обоснования: *Избрах най-стръмната пътека, защото бе най-пряка* (Б. Димитрова); *Той вървеше мъчно, защото дрехите му бяха пълни с вода* (Б. Райнов) [ГСБКЕ 1983-3: 374]. Первое из представленных мнений опровергается материалом, вторая точка зрения не учитывает тот факт, что придаточное причины поясняет не сказуемое, а главное предложение в целом, т. к. причинно-следственные отношения устанавливаются между ситуа-

СПП с придаточным причины располагают следующим основным набором средств связи: *защото* (‘потому что’), *тъй като* (‘так как’), *понеже* (‘поскольку’), *че* (‘а то’, ‘не то’), *задето* (*дето*, *загдето*) (‘что’, ‘из-за того, что’), союзы с местоименным компонентом *от това, че* (‘от того, что’); *поради това, че* (‘из-за того, что’, ‘по причине того, что’) и др., а в особых структурно-семантических разновидностях — *да*, *както*, *какъвто*, *като* (о способах перевода СПП с данными союзами см. ниже). В [ГСБКЕ 1983-3: 373] список причинных средств связи включает и ряд частиц и наречий.

Не решен однозначно вопрос о составном союзе *да не би да*, который трактуется либо как причинный, либо как целевой, см. об этом в разделе 1.4.2.4.4. и работу [Иванова 2014а]. Как и в отношении русского союза *раз*, дискуссионен статус союза *щом* с условно-причинным значением, см. в разделе 1.4.2.4.5.

Соотносительные слова в СПП с придаточным причины используются в особых условиях: коррелят *затова* может быть употреблен при союзе *защото* в случае препозиции придаточной части: *Тъкмо* ***защото*** *не е лошо,* *затова* *го предлагаме.*

Местоименные компоненты при союзе *че* являются частями составных союзов: *от това, че*; *поради това, че*; *затова, че*; *заради това, че*, ср. русск. *оттого что*; *из-за того что* и под.

Место придаточной части. Препозитивное положение допускают не все придаточные причины. Придаточные с союзами *защото*, *задето*, *че*, *да* не употребляются в препозиции.

Как и для русских союзов со значением причины, определяющую роль в разрешении на препозицию играет то, способен ли вводить союз информацию о явлении-причине как известную (а именно «не неожиданную», проистекающую из общих знаний о мире или из конситуации), но не активированную [Пекелис 2008: 83]. Такой способностью обладает русск. союз *поскольку*, поэтому в позиционном и коммуникативном отношении придаточное с ним свободно. И наоборот, придаточное с союзом *потому что* всегда вводит неизвестную информацию и не может быть темой (помимо случаев контраста, см. ниже) и потому всегда выступает в постпозиции, см. [Пекелис 2008; 2014; Апресян В., Пекелис 2012], там же и литература. Так же и болгарские *защото*, *задето* предполагают неизвестность вводимой информации для собеседника, в отличие от *понеже* и *тъй като*.

Наиболее характерна препозиция для союза *понеже* (о его неполной эквивалентности с русск. *поскольку* см. далее):

За мен вече нямаше никакво съмнение, че чува всичко, което чете — толкова то съвпадаше. ***Понеже*** *знаех повечето от тях, а някои дори бях дирижирал, поглеждах от време на време часовника* (П. Вежинов). ‘Для меня уже не было сомнения,

циями. Элементы главного предложения (фрагменты ситуации, нуждающиеся в обосновании) могут составлять его рематическую часть, и тогда образуются те смысловые связи, о которых говорит С. Петрова: *Той вървеше мъчно, защото дрехите му бяха пълни с вода*. ‘Он шел медленно, потому что его одежда набухла от воды’.

что она слышит все, что читает по нотам. И *так как* я знал большинство этих произведений, а некоторыми когда-то дирижировал, то я иногда следил за ней по часам' (пер. М. Тарасовой).

Близок к *понеже* в этом же отношении союз *тъй като*, препозиция которого в болгарском языке очень частотна, поэтому именно он часто выбирается как эквивалент русского союза *поскольку*, см. из РБПК: *А* ***поскольку*** *генерал спал, я принял решение самостоятельно* (А. Литвиненко). 'И тъй като генералът спеше, взех решението самостоятелно' (пер. З. Петровой).

Препозиция части с *защото* возможна лишь при наличии перед союзом усилительных слов *тъкмо*, *именно*, *само*, *просто*: *Именно защото е в такова настроение, трябва да го поканим* (Д. Коруджиев). 'Именно потому что он в таком настроении, мы должны его пригласить', см. и с коррелятом *затова* выше. Та же ситуация наблюдается и в русском языке с союзом *потому что*, что в [Пекелис 2008: 83] объясняется контекстом контраста, который позволяет придаточному выступить в запрещенной для него роли темы.

Остановимся на других особенностях причинных союзов — семантических, функциональных, стилистических.

Союз *защото* (как и русск. *потому что*) является наиболее частотным и стилистически нейтральным, его функционирование близко русскому эквиваленту:

Изглежда, че съм се усмихнал, ***защото*** *тя побърза да добави…* (П. Вежинов). 'Кажется, я улыбнулся, *потому что* она поспешила добавить…' (пер. М. Тарасовой);

Нямах време да се занимавам повече с нея, ***защото*** *бяхме навлезли в гората* (П. Вежинов). 'Но мне некогда было раздумывать об этом, *потому что* мы въехали в лес' (пер. М. Тарасовой);

Не те поканих да участваш, ***защото*** *те познавам — обяснявам гузно* (Ц. Марангозов). 'Я не пригласил тебя участвовать, *потому что* мы знакомы, — объясняю я ей виновато'.

Союз *тъй като*, как и русский аналог *так как*, считается более характерным для научной речи (*Тези случаи са сравнително рядко срещани,* ***тъй като*** *причастията би трябвало да са употребени или като напълно адиективирани, или пък да са субстантивирани* (С. Брезински)), но ср. и в художественной: *Лишен от чувства, той бе по-страшен и от природата,* ***тъй като*** *не зависеше от нея* (П. Вежинов). 'Лишенный чувств, он [робот] мог противостоять природе, *поскольку* не зависел от нее' (пер. Р. Белло).

Союз *понеже*, в отличие от русск. *поскольку*, регулярно употребляется во всех стилях речи, в том числе и в разговорном [ГСБКЕ 1983-3: 375], ср. болг. и русск. *Обиколихме кафенетата наоколо, всички бяха затворени,* ***понеже*** *беше обед* (К. Топалов). 'Мы обошли все кафе поблизости, все были закрыты на обед' (*букв.* поскольку был обед). Поэтому при переводе на русский язык выбирается не союз *поскольку*, а иные эквиваленты — *так как* (особенно при препозиции *понеже*),

потому что (при постпозиции), деепричастные обороты с причинным значением, замена сочинительной связью:

*Нямам склонност към вещи, а най-хубавите от тях бе прибрала жена ми, с основание, разбира се, **понеже** ги бе купувала самата тя* (П. Вежинов). 'Я не питаю слабости к вещам, а лучшие из них забрала моя жена, и, разумеется, по праву, *потому что* она их сама покупала' (пер. М. Тарасовой);

*Едит вдига за миг очи от книгата и ме поглежда, но **понеже** аз още се занимавам с писмата, тя отново се задълбочава в четене…* (Б. Райнов). 'Эдит отрывает глаза от книги и смотрит на меня, но, *так как* я все еще занимаюсь письмами, она снова погружается в чтение' (пер. А. Собковича);

*…А тя, **понеже**, както изглежда, си има вече готов отговор, този път няма да се замисли* (К. Топалов). 'А она, *имея*, по-видимому, уже готовый ответ, в этот раз даже и не задумается';

*Но **понеже** тия думи не дават резултат, отново насочвам вниманието си към паметника* (Б. Райнов). 'Но эта мысль меня не убеждает, и я снова перевожу взгляд на памятник' (пер. А. Собковича), *букв.* 'Но *поскольку* эти слова не дают результата, я снова…'

Составные союзы с местоименным компонентом *това* имеют преимущественно книжный характер: *заради това, че / поради това, че* ('из-за того, что', 'потому, что', 'по причине того, что'), *благодарение на това, че* ('благодаря тому, что'), *във връзка с това, че* ('в связи с тем, что') и др. Как и у русских союзов с местоименным компонентом *то*, семантика большинства болгарских союзов соотнесена со значением предлога, входящего в их состав:

*Повечето хора мислят, че котката лекува **благодарение на това, че** с тялото си стопля болното място* (И). 'Большинство людей думает, что кошка лечит *благодаря тому, что* своим телом согревает больное место';

*Пенчо Славейков е образец на младия авангардист далеч не само **заради това, че** е автор на антологии* (С. Игов). 'Пенчо Славейков является образцом молодого авангардиста далеко не только *потому, что* является автором антологий';

*Представям това доказателство **във връзка с това, че** от нея не можем да представим декларация, че синът ѝ е живял при нея* (И). 'Предоставляю это доказательство *в связи с тем, что* не можем предоставить справку от нее о том, что сын жил у нее'.

Союз *затова, че / затуй, че* ('потому, что', 'за то, что') не является фреквентным. Обычно он употребляется с ограничительными или усилительными конкретизаторами:

Той [*Луис Ромеро*] *считаше* (*в което собствено бе прав*) *съвсем глупаво и недостойно за един мъж да се ожени непременно за някоя Инес или Кармен <u>само</u> **затова, че** я бе погледнал или държал две вечери ръцете ѝ през решетката на пътната врата, както правеха кавалерите преди три века* (Д. Димов). 'Он считал (и был,

собственно, прав) просто глупым и недостойным мужчины непременно жениться на какой-нибудь Инес или Кармен только *потому, что* посмотрел на нее или два вечера подряд подержался с ней за руки сквозь решетчатую калитку, как это делали кавалеры три века тому назад' (пер. Т. Рузской).

Ср. и из РБПК: *И все же она виновата перед Сашей* уже ***в том, что*** *она на свободе, а он в тюрьме* (А. Рыбаков). 'И все пак тя е виновна пред Саша дори *затова, че* е на свобода, а той е в затвора' (пер. З. Петровой).

Обратим внимание на пунктуационную расчлененность компонентов союза в болгарском языке, в отличие от русского, где допускаются два варианта употребления союзов, расчлененный и нерасчлененный.

Времена в СПП с указанными союзами ставятся по общим правилам.

Союз *че*, помимо рассмотренных выше комплексов с местоимениями, в самостоятельном употреблении вводит придаточную часть с яркой разговорной окраской и особой семантикой, а именно:

а) в придаточной сообщается о возможных нежелательных последствиях, которые произойдут, если не совершится действие в главной части, ср. русск. *а то*, *а не то*, *не то*: *Трябва да изчистя шишето на лампата,* ***че*** *баба пак ще ми се скара* (К. Калчев). 'Мне надо почистить стекло лампы, *а то* / (*а*) *не то* бабушка опять меня отругает'. В соответствии с семантикой гипотетического действия, придаточное содержит сказуемое в форме будущего времени. Форма главной части тоже ориентирована на предстоящее действие — императив или другие формы выражения побуждения или совета, ср.: *Дръж се здраво,* ***че*** *ще паднеш.* 'Держись крепче, *а то* упадешь'; *Не бива да пресичаме тук,* ***че*** *ще ни глобят.* 'Не надо переходить здесь, *а то* нас оштрафуют'.

Несмотря на то что эквивалентами союза *че* в этом значении считаются русские союзные сочетания *а то*, *а не то*, *не то*, в переводных текстах РБПК такие параллели не зафиксированы. Возможно, здесь играет роль стремление болгарского переводчика избежать многозначности союза *че*, ср. предлагаемые варианты перевода с наречием *иначе/инак* ('иначе', 'в противном случае'):

Пусть гонит паспорт, ***не то*** *я на весь город разболтаю, что убийство не настоящее* (Т. Полякова). 'И нека той да си ми върне паспорта, *иначе* ще раздрънкам из целия град, че убийството не е било истинско' (пер. И. Митевой);

А ты, Явтух, дай молодцам по чарке горилки. Да философа привязать, ***а не то*** *как раз удерет* (Н. Гоголь). 'А пък ти, Явтух, дай на тия юнаци по чашка ракия. А философа вържете, *защото инак* сигурно ще избяга' (пер. И. Добрева);

б) в придаточной содержится мотивировка действия, предлагаемого в главной части, ср. русск. *а то*: *Минете в стаята,* ***че*** *тук няма къде да седнем.* 'Проходите в комнату, *а то* нам здесь негде сесть'; *Да си лягаме,* ***че*** *утре рано ще ставаме.* 'Давайте ложиться, *а то* нам завтра рано вставать'.

Для этого типа обязательно выражение в главной части намерения совершить действие — либо соответствующими формами, как в примерах выше, либо лексически, т. е. глаголами намерения или каузации, как, напр., *подтиквам*:

> *…Времето навън непрекъснато ме подтиква да си взема нов чадър, **че** все евтини китайчета взимам, които се чупят, ако задуха вятър* (И). ‘Погода постоянно меня *подталкивает* купить новый зонтик*, а то* я беру все время дешевые китайские, которые ломаются, как только ветер подует’.

Времена в придаточной части выбираются по общим правилам. Мотивирующее событие может относиться к будущему плану (как *няма къде да седнем* и *ще ставаме* в примерах выше), к повторяющейся ситуации (*взимам*), к произошедшему событию: *Да излезем на чист въздух, **че** ме заболя* (AOR) *главата*. ‘Выйдем на свежий воздух, а то у меня голова заболела’.

Примеры из РБПК и в этом семантическом варианте не показывают употребления *а то* как русского эквивалента *че.* Это можно объяснить тем, что болгарское *че* в причинном значении имеет яркую разговорную окраску и свойственно кратким репликам диалогической речи. При всей разговорности русского союза *а то*, он способен употребляться не только в диалогической, но и в несобственно-прямой речи, в комбинированных видах повествования, что демонстрируют и примеры из РБПК далее. Болг. *че* невозможно в данных стилистических условиях:

> *Вот и Бостон в кои веки вырвался к берегу, **а то** все издали да мимоходом любовался иссык-кульской синью* (Ч. Айтматов). ‘Така и Бостон откога не беше идвал на брега, само сегиз-тогиз, *и то* отдалече, се бе любувал на исъккулската синева’ (пер. М. Златановой), *букв.* ‘…только иногда, *и то* издали, любовался…’;
>
> *Хорошо, мотор завелся от стартера, **а то** все приходилось заводить сплеча, от рукоятки* (Ч. Айтматов). ‘И добре, че успял да запали мотора от стартера, *защото* обикновено се налагало да го задвижва с манивелата’ (пер. М. Златановой), *букв.* ‘…*потому что* обычно приходилось…’

Союз *задето* носит народно-разговорный характер (русского разговорного эквивалента нет): *И тая* [*смет*] *не е от нас, дадоха ми я съседите, **задето** им помагах да метат* (Елин Пелин), *букв.* ‘И этот [мусор] тоже не наш: мне соседи дали [за то], *что* я им подмести помогала’.

Когда причинное *задето* присоединяется к предикатам эмоционального или физического состояния, оно семантически близко к союзу *че* в изъяснительных предложениях, обретающих семантический оттенок обоснования при тех же предикатах: ср. *Сърдех ѝ се, **задето** беше издала нашата тайна* (Э. Станев) и *Сърдех ѝ се, **че** беше издала нашата тайна*, ср. русск. *что*: *Я сердился, что она выдала нашу тайну*. Различение изъяснительных и причинных СПП с указанными глаголами идет, таким образом, только с ориентацией на выбранный союз. В [ГСБКЕ 1983-3: 378—379] предлагается относить предложения с *задето* при указанных предикатах к смешанному «причинно-объектному» типу.

Союз *да* в причинном значении употребляется при глаголах со значением физического и эмоционального перенапряжения; *да*-придаточные указывают на физическое действие — причину этого состояния. В целом конструкция строится на гиперболизации (интенсивно выполняемое действие влечет за собой предельное утомление). Предложения имеют разную степень фразеологизации и употребляются только в разговорной речи:

Избихме си краката ***да*** *тичаме*, *букв.* ‘Мы стерли ноги бежать’;
Изтекоха ѝ очите ***да*** *плаче*, *букв.* ‘Вытекли у нее глаза плакать’, ср. *Все глаза выплакала / проплакала*;
Изтрепах се ***да*** *работя*, *букв.* ‘Измотался работать’ (ср. *Устал, просто сил нет*);
Заболя го главата ***да*** *слуша*, *букв.* ‘У него разболелась голова слушать’;
Ръцете ни отмаляваха ***да*** *ръкопляскаме* (П. Вежинов), *букв.* ‘У нас руки ослабевали хлопать’ (болгарские примеры из [Захаревич, Крылова 1978: 64—66]).

Наличие *да* ограничивает временные возможности сказуемого придаточного предложения настоящим временем и требует обязательной постпозиции зависимой части.

В качестве средств связи в причинных СПП может выступать ряд союзов, имеющих в качестве основного другие значения. Так, союзы ***както*** и ***какъвто*** (см. СПП сравнительные и относительные) могут вводить придаточную часть со значением обоснования. В ней указывается на состояние, настоящее или имеющее результат в настоящем, которое позволяет сделать вывод о наличной или предполагаемой ситуации:

Един борец от тежка категория… И ***както*** *е застанал* (PERF) *такъв заплашителен на прага, подозирам* (PRES)*, че е дошъл да ме бие* (Б. Райнов), *букв.* ‘Боксер-тяжеловес… Так, как угрожающе встал в двери, подозреваю, что пришел меня бить’;
Глей ти, ***квато***[180] *си* (PRES) *откачена, да не станеш някоя Вичева* (Ч. Шинов). ‘Смотри, ты такая ненормальная (*букв.* какая ты ненормальная), не стать бы и тебе какой-нибудь Вичевой’.

В русском языке такие конструкции не представлены. При переводе придаточных с союзом *както* могут быть использованы причастные и деепричастные обособленные обороты, в том числе с *будучи* с подчеркнуто причинным значением:

…Сега, ***както*** *бях изпълнен с досада, нямах никакво усещане, че ме очакват някакви изненади* (П. Вежинов). ‘…А сейчас я сидел, изнывая от скуки, не ведая, что меня ждет’ (пер. М. Тарасовой), ср. и более приближенный к оригиналу перевод: ‘…сейчас, *будучи* переполненным раздражением, я не почувствовал, что меня ожидают какие-то неожиданности’;

[180] *Квато* — разг. редуцированная форма от *каквато*.

*…Той навярно се отегчаваше, **както** бе седнал без компания, и сам каза: Ела да пием по една водка* (Б. Райнов). '…Он, наверное, скучал, *будучи* без компании, и сам мне сказал…';

*…Коридорът, **както** е задръстен от стара изпочупена мебел, не ме изпълва с благоговение* (Б. Райнов). '…Коридор, заставленный старой поломанной мебелью, не внушает мне благоговения'.

При переводе используются и другие способы, подчеркивающие результативность состояния или знания, служащего мотивировкой: *…Така изглеждате. Тъй, **както** си седя на стола, виждам у вас сериозни белези на невроза* (П. Вежинов). 'Установила по вашему виду. *На мой взгляд* (*букв.* 'Так, как сейчас сижу на стуле', т. е. 'не вставая с места'), у вас явные признаки невроза' (пер. М. Тарасовой).

Для перевода причинных придаточных с *какъвто* уместны разнообразные показатели аргументации в рамках сочиненных частей, ср. частицу *же* в русском переводе: ***Каквато** е хубава, как няма да я обичат мъжете.* 'Она же такая красивая, как мужчинам ее не любить'.

Тот же оттенок обоснования обнаруживается в СПП, вводимых союзом *да* (и обычно относимых к условным): ***Да** си млад и хубав, как няма да те обичат децата* (К. Бачков). 'Ты молодой и красивый', *букв.* '*Быть молодым и красивым, как тебя детям не любить'.

Значение причины отмечено [ГСБКЕ 1983-3: 379; Радева П. 2012: 129] и у союза ***като***: ***Като** нямало какво да прави, той тръгнал да скита* (Елин Пелин). '[Поскольку] делать было нечего, он пошел побродить'.

Для этих особых союзов, имеющих причинное значение как неосновное, характерна препозиция придаточной.

1.4.2.4.4. СПП с придаточным цели

Современный болгарский литературный язык располагает бóльшим, по сравнению с современным русским литературным языком, количеством союзных средств, использующихся для выражения цели в СПП[181].

Как известно, в русских целевых СПП участвуют союзы *чтобы* (а также составные союзы с этим элементом: *для того чтобы*, *с тем чтобы*, *ради того чтобы*, *затем чтобы*, *с той целью чтобы* и др.) и устаревший *дабы*, использующийся в современном литературном языке с определенным стилистическим заданием. Часто в ряду целевых союзов перечисляются и частицы *только бы* и *лишь бы*, выполняющие союзные функции, напр. [РГ 1980-2: 594].

В современном болгарском литературном языке в построении сложноподчиненных предложений со значением цели участвуют союзы *да*, *за да*, *с цел да*, *та да*, *че да*, *дано* (*да*). Союз *щото да*, использовавшийся как синоним союзов *да* и *за да*, в настоящее время устарел и вышел из употребления. Союз *колкото да*, вводящий

[181] В данном разделе использованы наблюдения и выводы из работ [Иванова 2009а; Градинарова 2010г].

придаточное ограниченной цели, рассматривается либо в рамках целевых предложений [Градинарова 2010г], либо чаще — в рамках предложений меры и степени, как и в данной работе, вслед за [ГСБКЕ 1983-3; Захаревич, Крылова 1978].

Неоднозначным является вопрос о включении в состав целевых средств составного союза *да не би да*. Его значение трактуется то как причинное, то как целевое, то как «объектно-мотивирующее». Мы полагаем, что проблема связана с тем, что частица *да не би* в составе данного союза является маркером апрехенсивного значения (‘беспокойство о возможности нежелательной ситуации’), см. [Иванова 2014а]. Именно компонент ‘беспокойство’, ‘опасение’ и провоцирует разную квалификацию данных придаточных. При этом ориентация только на семантику предиката главной части (предикат со значением речемыслительного действия или предикат конкретного действия), которая в иных случаях помогает в различении изъяснительного и целевого значения придаточной части, здесь не играет определяющей роли.

В этой ситуации мы руководствуемся следующим. Если нежелательная ситуация, описываемая в сентенциальном актанте, предстает как каузатор негативного эмоционального и психофизического состояния субъекта, мы относим конструкцию к изъяснительным СПП: *Врабчетата <u>помислили</u> **да не би да** е избухнала войната, но никъде не се чувал никакъв гърмеж* (Й. Радичков). ‘Воробушки подумали [‘забеспокоились’], а вдруг началась война, но ниоткуда не было слышно выстрелов’. Разумеется, к изъяснительным относятся и все употребления придаточных с *да не би да*, выступающие в качестве косвенного вопроса: *Веднъж някакъв гост-диригент, обезпокоен, го попитал: какво става, **да не би** да му е лошо?* (Г. Данаилов). ‘Однажды один приглашенный дирижер обеспокоенно спросил его: что с ним, уж не плохо ли ему?’

Если в главной части СПП с *да не би да* содержится описание ситуации, с помощью которой субъект действия пытается предотвратить наступление нежелательного события, зависимая предикация имеет целевое значение: *То е ясно — отговори сухо, **да не би да** му трепне гласът.* ‘И так ясно, — сказал он сухо, *чтобы не дай Бог* не дрогнул голос’.

Далее мы кратко представим структурно-семантические характеристики предложений с основными целевыми союзами, более подробно остановимся на целевом значении союза *да* и эквивалентах конструкций с ним в русском языке. Затем обратимся к вариантам семантики предложений с целевыми союзами.

1. Структурно-семантические особенности предложений с целевыми союзами. Обратим внимание на общие структурные черты целевых предложений. Наличие компонента *да* в составных целевых союзах делает необходимым контактную позицию этого элемента со сказуемым и резко ограничивает временные возможности последнего: во всех таких целевых придаточных возможно только настоящее время глагола.

Между первым компонентом союза и *да* допустима вставка тематических подлежащих или обстоятельств. Исключение составляет союз *за да* — это, подчеркнем,

единственный подчинительный составной союз с компонентом *да*, элементы которого никогда не разрываются. Приведем примеры:

— с разрывом союзов тематическим подлежащим: *Той го държеше за ръце,* ***за да не би*** *<u>Фют</u>* ***да*** *открадне опашката си* (Елин Пелин); ***С цел*** *<u>ензимните процеси</u>* ***да*** *денатурират протеините… е необходим съответен период на узряване* (БНК);

— с разрывом союзов обстоятельствами: *Навън ви чака професор Добози… Предупреждавам ви,* ***да не би*** *<u>случайно</u>* ***да*** *се разминете!* (П. Вежинов); *Защо е трябвало да ме пусне,* ***та*** *<u>после</u>* ***да*** *ме гони?* (Б. Райнов).

Союз *за да*. Союз *за да* (русск. *чтобы*, *для того чтобы*) представляет собой специализированное грамматическое средство выражения целевых отношений. Он используется прежде всего в тех случаях, когда нужно подчеркнуть целенаправленное, преднамеренное действие:

> *Той пусна ръката му и мина пред него,* ***за да*** *го води* (П. Вежинов). 'Он оставил его руку и прошел вперед, чтобы показывать дорогу' (пер. Л. Лихачевой),
>
> см. также: *Лазар сяда, запретва крачола си и почва да удря силно крака с длани,* ***за да*** *го масажира* (Й. Радичков); [*Хазайката*] *Заключвала шкафове и врати. Изваждала му бушоните,* ***за да*** *пести ток* (Ц. Марангозов); *…Прославеният Яне Сандански винаги сядал на кюше,* ***за да*** *не го изненадат отзад* (В. Голев).

Особенно показательно употребление *за да* при глаголах, где цель действия тривиальна и обычно не выражается, т. е. при глаголах регулярных физических действий, речемыслительных и перцептивных действий. В таких случаях употребление данного союза подчеркивает преднамеренный (а не машинальный) характер действия:

> *Но към средата на обеда той млъкна изведнъж,* ***за да*** *вземе някакви хапове, и във връзка с това стана дума за маларията му* (Д. Димов). 'Когда он умолк, чтобы принять какие-то пилюли, разговор перешел на его малярию' (пер. Н. Попова и др.),
>
> см. также: *Така ли? — прехапвам си горната устна. Не от изненада, а* ***за да*** *видя как изглежда тази физиономия в огледалцето, монтирано зад звукоизолационното стъкло, отделящо ме от шофьора* (Г. Тенев).

Союз *за да*, в отличие от других союзов, способен выражать квазицелевые отношения (см. о них далее):

> *Когато Цанко Туркулов изтърва, по една непростителна разсеяност, съпругата си при паметника на Михай Витяза, той я дири в тълпата напразно, а после се затече към една друга госпожа и я гони доста надалеко,* ***за да*** *се убеди с ужас, че се е припознал* (И. Вазов). '…И преследовал ее довольно долго, чтобы с ужасом убедиться, что он обознался'.

Другая сфера употребления союза *за да* — предложения достаточного и необходимого основания, где он конкурирует с *да*-конструкцией (см. о семантике и структуре этих предложений далее): *После обаче се оказа, че препаратът бил*

<u>*неимоверно скъп,*</u> ***за да*** *се пусне в масово производство* (Б. Райнов). ‘Но потом оказалось, что препарат этот невероятно дорогой для того, чтоб начать его массовое производство’ (пер. С. Никоненко).

Союз *с цел да*. К специализированным целевым союзам относится и составной союз *с цел да*, который, как и его русский аналог *с* (*той*) *целью, чтобы*, стилистически маркирован как принадлежащий административно-деловому и научному стилям речи:

> *След 1945 г. са изработени стандарти* ***с цел да*** *се подобри качеството на продукта.* ‘После 1945 г. разработаны стандарты, *для того чтобы* (*с той целью, чтобы*) улучшить качество продукта’; ***С цел да*** *бъдат установени непредвидени отрицателни последици на един ранен етап, трябва да се следят съществените екологични последици от плановете и програмите* (БНК).

Заметим, что у целевых придаточных с данным союзом имеется серьезный синтаксический конкурент в виде предлога *с цел* + отглагольное существительное: *Намаление има при посещенията* ***с цел*** *гостуване*; *Комисията се уведомява за подобни случаи и ги разглежда* ***с цел*** *адаптиране на списъка* (БНК).

Союзы *че да* и *та да*. В конструкциях с характерными для разговорной речи союзами *че да* и *та да* значение цели осложнено семантическими оттенками следствия. Это связано с семантикой союзов *та* и *че*: союз *та* функционирует самостоятельно в качестве сочинительного союза со значением следствия, а *че* является в одном из своих значений союзом следствия или причины:

> *Трябва аз да кресна,* ***та да*** *излязат* (Б. Райнов). ‘Мне нужно крикнуть, чтобы они вышли’; *Слушай да ти разправя аз как беше,* ***че да*** *знаеш* (Й. Йовков). ‘Давай-ка я тебе лучше сам расскажу, как это было, чтобы ты знал’.
>
> См. также: *Дай им парите! Дай им ги,* ***та да*** *има мир* (Й. Йовков); *А преди това си се оженил за наследницата му,* ***та да*** *пипнеш и парите* (Б. Райнов); *Ми да взема да дойда и аз,* ***та да*** *ти подкарам зайците,* **па** *ти* **да**[182] *ги гърмиш!* (Й. Радичков).

Русскими соответствиями данных союзов, учитывая их разговорный характер, являются:

а) бессоюзные структуры, благодаря их богатому смысловому и стилистическому потенциалу: *Нищо, нека спи една нощ с дрехите си,* ***та да*** *внимава друг път с алкохола и шведките* (П. Вежинов). ‘Ничего, пусть поспит ночку одетым, в другой раз будет осторожней и со спиртным, и со шведками’ (пер. Л. Лихачевой);

б) целевые структуры с союзом *чтоб*, разговорная форма которого отражает стилистическую окраску союзов *та да* и *че да*: *Ако можех да насека и себе си на десетина парчета,* ***та да*** *бъда навсякъде едновременно — всичко щеше да е наред*

[182] В этом примере мы видим и еще один, довольно редкий, союзный вариант этой разновидности — сочетание *па да*, в данном случае с разрывом местоименным подлежащим. Союз *па* присоединяет предложения со значением последовательности действий (см. 1.4.1.1), в сочетании с *да* он сохраняет свою семантику.

(Б. Райнов). ‘Вот если б можно было раздробить и себя на десяток частей, *чтоб* одновременно быть везде, — тогда все было бы хорошо’ (пер. С. Никоненко).

Союз *дано* (*да*). При использовании союза *дано* (*да*) выражаются «целевые отношения, сочетающиеся с модальной семантикой желания и надежды» [Градинарова 2010г: 106]: *Стойна изви очи към Лазара, **дано** той **да** я задържи, но той нищо не каза…* (Д. Талев); *Замениха бесилото с каторга в пустинята, там **дано** изгние, но той издържа* (Г. Данаилов); *Паунецо разказа как германците разрязвали гайдите му, **дано** намерят в тях някакъв механизъм* (Й. Радичков). В русском языке нет точного соответствия болгарскому союзу *дано* (*да*). При переводе конструкций с этим союзом часто используются деепричастие *надеясь* или предложно-падежное сочетание *в надежде*, подчеркивающие оптативность и имплицирующие целевое значение:

> *Напразно децата предприемат поход в гората, **дано** намерят някаква тревичка* (Г. Белев). ‘Напрасно дети предпринимают поход в лес, *надеясь* найти хоть какую-нибудь травку’;
>
> *Тя беше почнала тази игра отдавна, след дълги колебания, с известна мудност — **дано** станеше нещо, което да я осуети — и преди два дни беше стигнала до решителната ѝ фаза, която се изрази в това пътуване* (Д. Димов). ‘Эту игру она начала давно, после долгих колебаний: все медлила *в надежде*, что произойдет какое-то событие и помешает ей, но два дня назад она дошла до решающей фазы, согласившись на эту поездку’ (пер. Т. Рузской).

Союз (*за*) *да не би да*. Придаточная часть, вводимая составным союзом (*за*) *да не би да*, может сообщать о нежелательной ситуации, которую субъект стремится предотвратить. Значение цели в таких конструкциях осложнено модальным оттенком опасения, что позволяет относить их к апрехенсивным [Иванова 2014а]: *Започвате да избягвате определени теми и обстоятелства, **за да не би да** избухне спор* (И); *Още тогава започнала да си слага шал около устата, **за да не би да** пипне инфекция при контакт с други деца* (И).

Русский перевод апрехенсивными показателями *как бы*, *а то вдруг*, *а то*, *а не то*, *а то случайно*, *не дай бог* в целевых придаточных затруднен. Это связано с тем, что болгарский апрехенсив в стилистическом отношении универсален, в то время как русские апрехенсивные показатели — это очевидные маркеры прямой или несобственно-прямой речи и уместны лишь в соответствующих стилистических контекстах:

> *Беше ѝ неловко и се промъква някак скришом, **да не би** хората **да** вземат да тълкуват и да говорят.* ‘Ей было неловко, и она пробиралась тайком, *чтобы*, *не дай бог*, люди не стали судачить’;
>
> *Върви сега подире ми, но стъпвай внимателно, **да не би да** събудим пак тая лавина!* (Й. Радичков). ‘Иди сейчас за мной, но осторожней, *как бы* опять не разбудить эту лавину / Иди сейчас за мной, но осторожней, *чтобы, не дай бог*, опять не разбудить эту лавину’.

В связи с этими ограничениями в переводах с болгарского языка в качестве русского эквивалента целевых конструкций с *да не би да* выбирается обычное целевое отрицательное придаточное со *чтобы / чтоб*:

Той приближи с небрежно изражение на лицето — ***да не би*** *тия, малките,* ***да*** *си помислят нещо* (П. Вежинов). ‘Сашо подошел, сохраняя на лице небрежное выражение — чтоб эти малявки чего не подумали’ (пер. Л. Лихачевой);

«*Брат ми е*» — *избъбря жената,* ***за да не би да*** *помисля, че е любовникът ѝ* (Б. Райнов). ‘«Брат зовет», — поясняет моя собеседница, чтобы я не подумал, что ее ищет любовник’ (пер. Т. Мицневой и Ю. Лубченкова).

Болгарская целевая *да*-конструкция и ее функциональные соответствия в русском языке[183]. *Да*-конструкции со значением цели были известны еще староболгарскому языку как соответствия греческому объектному инфинитиву. Исчезновение болгарского инфинитива приводит к значительному увеличению синтаксических значений *да*-конструкции, которая, наряду с другими функциями, начинает выполнять и функцию целевого субъектного инфинитива. В новоболгарском языке условия использования *да*-конструкции с целевым значением особенно многообразны. Она не только употребляется вместо исчезнувших инфинитива и супина, но и замещает конструкции со старыми целевыми союзами [Граматика на старобългарския език 1991: 507—508]. По мере дальнейшего развития новоболгарского языка сокращается количество контекстов, в которых *да* выполняет функцию целевого союза. Во многих случаях ему на смену приходит союз *за да*, а также другие составные союзы — *та да*, *че да*, *дано да*, (*за*) *да не би да*, *колкото да*, в конструкциях с которыми значение цели осложняется модальными оттенками или значениями следствия, меры и степени.

В современном болгарском литературном языке *да*-конструкции с целевым значением активно используются после глаголов движения, глаголов, называющих целенаправленное действие, прилагательных и страдательных причастий с семантикой предназначения (*готов*, *подготвен*, *роден*, *предопределен*), см. [ГСБКЕ 1983-3: 385]. Например[184]:

Фройлайн Петрашева излезе ***да*** *го изпрати*. ‘Фрейлейн Петрашева вышла проводить его’; *Бенц не направи никакво движение* ***да*** *прибере револвера в джоба си*. ‘Бенц не сделал даже движения, чтобы положить пистолет в карман’; *Много внимателно следеше събитията, готова* ***да*** *офейка при всяка по-сериозна заплаха*. ‘Наталия с большим вниманием следила за международными событиями, готовая бежать при первой более или менее серьезной угрозе’.

---

[183] В основу параграфа положены выводы и наблюдения из работы [Градинарова 2010г: 97—120].

[184] Примеры из произведений Д. Димова «Поручик Бенц» и П. Вежинова «Нощем с белите коне» и их переводов на русский язык Н. Попова и Л. Лихачевой.

В болгарском языке целевое *да*-придаточное могут присоединить и качественные прилагательные с семантикой обладания личными качествами (*смел*, *способен*, *силен*, *умен* и др.), причем не только с лексемой достаточного признака, как в примере (а) ниже, но и без нее (б): а) *Бе хирург. Бе им се сторил* <u>*достатъчно честен*</u> ***да*** *запази една тайна.* 'Они узнали, что он хирург, и сочли его достаточно честным, чтобы хранить тайну'; б) *Той е* <u>*опитен*</u> *да ръководи*, *букв*. 'Он опытен руководить'; *Той е* <u>*честен*</u> *да го признае*, *букв.* 'Он честен признать это'. (О предложениях достаточного основания в болгарском языке и пропуске лексического показателя степени см. и п. 2 далее.)

С болгарским целевым *да*-предложением в современном русском языке функционально соотносятся несколько конструкций, наиболее частотные из них:

а) бессоюзный инфинитивный оборот: *Одевшись таким образом, он вышел прогуляться, подышать свежим воздухом*… (В. А. Соллогуб), ср. болг. …*излезе да се поразходи, да подиша чист въздух*;

б) придаточное с союзом *чтобы* и последующим инфинитивом: *С болезненным выражением лица затыкал он уши, чтобы не слышать уличного крика и хохота* (Д. С. Мережковский), ср. болг. …*запушваше си ушите да не чува виковете и смеха от улицата*;

в) придаточное с союзом *чтобы* и последующей формой на *-л*: *Из магазина говорящих и играющих аппаратов раздалась зябкая музыка, и кто-то прикрыл дверь, чтобы музыка не простудилась* (В. Набоков), ср. болг. …*някой затвори вратата да не настине музиката*;

г) реже — сдвоенный императив: *Встань скорее, нетяг ленивый, — иди посмотри, что нам немец сделал* (Н. С. Лесков), ср. болг. … *върви да видиш какво ни е сторил немецът*, см. о функциональном отличии русского и болгарского сдвоенного императива в разделе 1.2.5.2.2.5.

Выбор из указанных в (а)—(в) русских вариантов осуществляется на основе учета правил контроля PRO инфинитивного оборота и предикатно-актантной структуры предложения[185]. Эти ограничения для болгарской *да*-конструкции оказываются не существенны: она может быть употреблена вне зависимости от одно- и разносубъектности сложной предикации, не зависит и от валентностных характеристик основного предиката. Так, например, в предложениях *Петър отиде на срещата да му предадат необходимите сведения*; *Иван излезе от тълпата да го видят* нулевое подлежащее придаточного не кореферентно подлежащему главного предложения, поэтому перевод на русский язык осуществляется только *чтобы*-

[185] По данному вопросу имеется значительная литература. Здесь мы исходим из положения о том, что в русском языке «бессоюзный целевой инфинитив может использоваться в тех случаях, когда осуществление названного им действия или состояния предполагается в конечной точке перемещения субъекта или объекта матричного глагола, причем нулевое подлежащее целевого оборота должно контролироваться подлежащим или дополнением (пациенсом / адресатом) главной клаузы» [Градинарова 2010г: 100 (в развитие закономерности, предложенной в [Гусев 2004])].

придаточным: *Петр пошел на встречу, чтобы ему передали необходимые сведения*; *Иван вышел из толпы, чтобы его увидели*.

Другой пример. Болгарские предложения *Пращам ви книги да почетете* и *Пращам ви книги да поумнеете* не эксплицируют различий в семантических структурах этих языковых единиц. Функциональным эквивалентом первого болгарского предложения является русское *Посылаю вам книги почитать*. Употребление целевого бессоюзного инфинитива возможно в данном случае потому, что неодушевленный объект (*книги*) главной клаузы присутствует в качестве объекта и в семантической структуре зависимой клаузы. Действие, названное целевым инфинитивом, будет совершено над объектом в конечной точке его перемещения, причем нулевое подлежащее зависимой клаузы контролируется, согласно правилу, дополнением (адресатом) главной части [Градинарова 2010г: 100].

Второму болгарскому предложению соответствует русская конструкция с зависимой финитной клаузой: *Посылаю вам книги, чтобы вы поумнели.* Аномальность предложения **Посылаю вам книги поумнеть* связана с тем, что пациенс главной клаузы не является актантом предиката зависимой. Ср.: *отнес начальнику документы подписать*; *отдал обувь починить*; *отвез телевизор ремонтировать*; *поставил чайник кипятиться* и под.

Приведем еще ряд болгарских предложений с целевой *да*-конструкцией, не имеющих в русском языке функциональных эквивалентов с целевым бессоюзным инфинитивным оборотом, т. к. они нарушали бы указанные выше ограничения, в связи с чем для перевода выбирается *чтобы*-предложение:

> *Войникът го подзе под мишниците да го вдигне и отвлече настрани* (Д. Жотев). ‘Солдат ухватил его под мышки, чтобы поднять и оттащить в сторону’; *…видях фурничката на площада, дето преди двадесет и пет години се нареждахме с купоните в ръка да получим парче кален, чер хляб…* (Э. Станев). ‘…я увидел маленькую пекарню на площади, где двадцать пять лет назад мы выстраивались в очередь с карточками в руках, чтобы получить кусок недопеченного, черного хлеба…’; *Турчинът дели дете от майка да го направи еничарин…* (А. Дончев). ‘Турок отрывает ребенка от матери, чтобы сделать его янычаром…’ [Градинарова 2010г: 101].

Таким образом, смысловые различия, эксплицируемые рассмотренными русскими целевыми предложениями, современный болгарский язык скрывает под общей языковой формой.

2. Семантика предложений с целевыми союзами[186].

В данном разделе будут рассмотрены семантические разновидности целевых и «квази»- («псевдо»-) целевых предложений. В современном семантическом синтаксисе эта тематика неотделима от вопроса о признаке «контролируемость / неконтролируемость действия» как компоненте лексического значения предиката.

---

[186] В основе подраздела лежат работы [Иванова 2009а; 2009в]. Частично использованы примеры из статьи [Петрова С. 1988: 256], а также из корпуса примеров аспирантки СПбГУ А. Мосинец.

В этом понимании контролируемые явления — это те, при которых именно субъект определяет, будет или не будет иметь место соответствующее положение вещей [Булыгина 1982: 21; Булыгина, Шмелев 1997: 57], т. е. субъект способен инициировать или прекратить ситуацию по собственному усмотрению [Падучева 1996: 127].

Истинно целевые придаточные предполагают преднамеренность и контролируемость желаемого действия со стороны агенса. Известный диагностический тест для выявления целевых предложений гласит, что истинно целевые придаточные с союзом *чтобы* способны перемещаться в препозицию к главной части [Булыгина 1982: 70; Булыгина, Шмелев 1997: 99]: *Она переставила кресло, чтобы было удобнее смотреть*. — *Чтобы было удобнее смотреть, она переставила кресло.* П. Баракова [1982] на болгарском материале тоже уже давно обратила внимание на омонимию целевых и нецелевых предложений при постпозиции придаточного и на снятие этой омонимии, т. е. однозначно целевое значение, при препозитивном расположении, ср.: *Влизам в стаята, за да установя, че го няма* и *За да установя, че го няма, влизам в стаята*. Обратим внимание, что такая перестановка возможна лишь при придаточных с союзом *за да*. И только придаточные с *за да* способны выражать «псевдоцелевые» значения.

Тест на перестановку позволяет отделить «псевдоцелевые» построения, где перестановка не допускается. Это:

а) предложения «**антицели**» (незапланированного и алогичного последствия) как особый прием письменной речи[187]: *Той се преборваше с едно противоречие, за да се изправи пред друго* (Б. Райнов). ‘Он с трудом преодолевал одно противоречие, чтобы оказаться перед другим’. В русском языке подобные предложения очень активны в «обличительной» публицистике: *Это вполне в нашем духе: выиграть у Англии, чтобы проиграть Израилю!* (из устного интервью); *Мы исправно платим налоги, чтобы за эти деньги стоять в бесконечных пробках* («Metro»). В работе [Малджиева 1985] представлены важные наблюдения над специфическими синтаксическими и семантическими особенностями подобных конструкций;

б) характерные для художественных текстов предложения со значением **следования**:

> *Върху мъртвешките ѝ бузи се появиха две розови петна, които после се разляха върху цялото лице, а ужасната обтегнатост на чертите ѝ се изгуби,* ***за да*** *стори място на мек, унесен и блажен израз* (Д. Димов). ‘На ее мертвенно-бледных щеках проступили розовые пятна, потом они разлились по всему лицу, а ее заострившиеся черты смягчились, и лицо приняло счастливое, мечтательное выражение’ (пер. Т. Рузской), *букв.* ‘…чтобы лицо приняло…’

[187] Часто предложения антицели понимаются более широко: в них включают также предложения с семантикой достаточного основания (см. о них далее). Здесь же антицелевыми называются сообщения-«парадоксы»: в придаточном указывается неожиданное событие, которое, не являясь следствием действия главной, дает противоположный ожидаемому результат.

См. также: *Сетне погледът ми се спуска по-надолу,* ***за да*** *спре съвсем случайно — но все пак според закона за вероятностите — върху едно ярко петно…* (Б. Райнов); *Вероника… прекоси двора и излезе навън.* ***За да*** *не се върне никога повече* (С. Биячев);

в) предложения с **причинно-следственным значением**: *Но между тях никога не бе съществувала взаимност,* ***за да*** *изпитва сега нужда да я възстановява* (З. Златанов). 'Но между ними никогда не было взаимности, чтобы испытывать необходимость сейчас ее восстанавливать';

г) предложения со значением **необходимого** или **достаточного основания**; см. ниже (1) и (3).

Тест на перестановку оказывается не всегда релевантен: есть синтаксические условия, при которых перемещение придаточного в препозицию осуществляется без ограничений на контролируемость предиката либо, наоборот, вообще недопустимо, причем вне зависимости от агентивности глагола. Назовем некоторые из этих условий, см. подробнее в [Иванова 2009а].

1. И в болгарском, и в русском языках при употреблении модальных слов долженствования допускается перестановка придаточного даже при неагентивном глаголе. Модальные слова долженствования — конструктивная часть предложений необходимого основания-условия [РГ 1980-2: 595], которые обычно рассматриваются как разновидность целевых. Такие построения, широко распространенные в обоих языках, включают в качестве сказуемого главной части любые предикаты, в том числе неагентивные, и при этом допускают свободную препозицию придаточного: *Това е философска поезия. Длъжен е да* ***остарее****, за да изпита цялата безутешност на писането ѝ* (З. Златанов), ср. и русск. *Чтобы научиться реагировать адекватно и быстро, человеку нужно не один раз оказаться в подобной ситуации.*

2. Невозможно перемещение придаточного (даже при агентивном глаголе) при отрицании указанной цели: *Човек отглежда куче, за да го брани, да му бъде страж, а* ***не за да*** *го лае* (Й. Радичков), ср. русск. *Что-то подсказало Татарскому, что мужик идет к его автомобилю* ***не для того, чтобы*** *подсказать дорогу к магазину, и он вдавил педаль газа в днище* (В. Пелевин).

3. Невозможна перестановка (вне зависимости от агентивности предиката) в синтаксически связанных структурах со значением достаточного / недостаточного основания [РГ 1980-2: 601—602; Петрова С. 1988: 256]. В болгарском языке они строятся с лексемами достаточности / недостаточности в союзном комплексе *достатъчно… за да* (русск. *достаточно… чтобы*), *твърде / прекалено… за да* (русск. *слишком / чересчур… чтобы*) и под.: *Стените бяха* ***достатъчно*** *дебели, за да не се чуват приказките на съседите* (А. Гуляшки); *И сам* ***твърде*** *възрастен, за да променям привичките си* (Б. Райнов), ср. и русск. *Он* ***слишком*** *долго жил с близоруким человеком, чтобы теперь не распознать подделку очков* (А. Малышева).

В болгарских предложениях достаточного / недостаточного основания может отсутствовать лексический компонент, указывающий на степень признака: *Султана беше* [***твърде***] *малка, за да му попречи* (Д. Талев). 'Султана была мала, чтобы

ему помешать’, см. также примеры из [ГСБКЕ 1983-3: 385]: *Те са опитни да ръководят*; *Той е силен да се бори*. По-видимому, в этом проявляется характерная способность болгарского языка избавляться от соотносительных слов — способность, которая переносится и на близкие по функции элементы.

В данных конструкциях возможно употребление количественного интенсификатора, не содержащего сему достаточности / недостаточности, такого как *много* (‘очень’): *Ирина беше* ***много*** *горда, за да покаже, че страда,* ***много*** *пламенна, за да се примири, и* ***много*** *ревнива, за да му прости* (Д. Димов). Иная ситуация в русском: без интенсификатора подобные предложения вообще не употребляются, а приведенный ниже пример небрежной речи врача без семы достаточности: *культя очень* (ср. *довольно* / *вполне*) *удобная, чтобы пристегнуть к ней протез* — находится на грани с нормой: *К ней подошел хирург и стал объяснять, как все хорошо: она жива, ноги нет, но сама-то она совершенно здорова, культя* ***очень*** *удобная, чтобы пристегнуть к ней протез, и Елизавета всегда сможет выбирать, что ей больше по душе: протез или костыль* (С. Залыгин).

4. Не применима перестановка в контексте неудавшейся попытки: *Тя* ***напразно*** *махаше криле, за да се вдигне пак във въздуха* (Е. Пелин). Желательность и еще не осуществленное намерение тоже часто блокируют перестановку: *Бързам.* ***Ще ми се*** *да тичам пред трамвая, за да пристигна по-бързо* (Ц. Марангозов); то же в рус.: ***Хотел*** *отдернуть штору, чтобы еще раз посмотреть на исчезающую луну, но вовремя одумался* (К. Сурикова).

Имеются и другие, достаточно разнообразные контекстные условия, не допускающие перестановку. Например, целенаправленность может относиться не только и не столько к самому действию, а к другим составляющим, и в этом случае препозиция придаточной сомнительна: *Улови се, че търси в съзнанието си* ***най-лесния и бърз*** *изход, за да се измъкне от създалото се положение* (З. Златанов). В любых своих непрямых коммуникативных функциях придаточное с целевым союзом не выражает прямую цель, и перестановка тоже чаще всего невозможна: *Интересно, отде е научил адреса, за да дойде чак тука*! (С. Минков) и т. п. Кроме того, существуют контекстные и семантические условия, вообще исключающие возможность присоединения целевого расширения, см. в [Иванова 2009а: 53—54].

Все эти ограничения имеют место потому, что присоединение целевого расширения представляет собой, вообще говоря, попытку сформулировать «внешнюю» цель, которая является преднамеренной и сознательной, в то время как «контролируемость» (как семантический признак предиката) обеспечивается прежде всего целью «внутренней», которая состоит в потенциальной способности агенса совершить данное действие [Падучева 2004б: 216].

1.4.2.4.5. СПП с придаточным условия

В болгарском языке условные предложения подробнейшим образом описаны еще в академической грамматике [ГСБКЕ 1983-3] (автор раздела З. Генадиева-Мутафчиева). Тонкие наблюдения над болгарско-русскими параллелями в области

условных предложений представлены в статьях И. Васевой на русском [1983а; 1983б; 1983в; 1984] и болгарском языках [1985; 1986]. В работе Р. Ницоловой [1998] (на русском языке) СПП условия представлены в рамках исследования всех видов условных конструкций болгарского языка, согласно типологической концепции В. С. Храковского [Храковский 1998].

Здесь мы кратко представим все типы СПП условия, подробнее остановившись на вопросах, не затронутых или недостаточно затронутых в исследовании Р. Ницоловой, а именно:

а) сопоставительный аспект, проблемы перевода условных СПП;

б) итеративные и универсальные условные СПП (по концептуальным причинам не включенные В. С. Храковским в сферу исследуемых, поэтому не рассматриваемые и Р. Ницоловой);

в) частные, но важные вопросы структуры и семантики болгарских условных предложений, например СПП с союзом *щом* (с дискуссионным условно-причинным значением), СПП с формой будущего времени в условии (*Ако ще тръгваш — тръгвай*), которые характеризуются не только специфической семантикой и прагматикой, но и особенностями употребления видов и ограничениями на семантику предиката, позволившими нам выделить эту структуру в отдельный подтип условных предложений, и др.

Прежде всего несколько слов о типах условия в условном придаточном. Как показано в [Плунгян 2004], «три базовых типа условий образуют своего рода “шкалу реальности”: статус ситуации оценивается либо как (скорее) реальный, высоковероятный (в случае реального условия), либо как неопределенный (в случае гипотетического условия), либо как нереальный (в случае контрафактического условия)» [Там же: 276]. Однако распределение конструкций, отвечающих этим типам условий, в современной типологии и в традиционных описаниях условных предложений не вполне совпадает. Главным различием является признание / непризнание в качестве условных предикаций, сообщающих о прошедшей или настоящей ситуации, как *Если уж виноват, извинись*. Такие предложения в типологических исследованиях часто исключаются из рассмотрения как негипотетические. В таком случае к реальным относят те, где реализация посылки лишь высоковероятна, напр.: *Если пойдет дождь, мы останемся дома* [Плунгян 2011: 429]. Здесь мы рассматриваем последнее как потенциальное условие будущего плана, как это представлено в традиционных классификациях. Предикации с реальными ситуациями являются тоже гипотетическими, поскольку в них обозначается «факт, о котором говорят как о не-факте» [Ницолова 1998: 137], а значит также входящими в круг условных, см. далее.

1. Средствами связи в болгарских условных предложениях являются следующие союзы[188].

Союз ***ако*** — ‘если’, наиболее частотный и стилистически нейтральный.

[188] Русские переводные эквиваленты в перечне ниже даны без учета важнейшего факта, о котором пойдет речь далее, — болгарские союзы регулярно появляются на месте бессоюзной связи в русских сложных предложениях с условным придаточным.

Союз ***щом*** — ‘раз’, ‘коли’, ‘если’. Используется преимущественно в придаточном единичного реального условия и в придаточном запланированного действия, выделенном здесь в отдельный подтип (1.4.2.4.5.3). Вводя ситуацию, локализованную в прошлом или настоящем, и устанавливая условно-каузальные связи с другой ситуацией, союз *щом* формирует придаточные, близкие по значению к причинным, в связи с чем его статус оказывается дискуссионным. Часть болгарских лингвистов относят его к причинным союзам [ГСБКЕ 1983-3; Ницолова 1998], другие — к условным, как И. Недев [1992: 286], П. Пашов [1999: 431—432] и русские болгаристы Ю. С. Маслов [1981: 398], Е. А. Захаревич, Г. В. Крылова [1978: 71]. Во многих работах позиция авторов по статусу *щом* остается неясной.

В целом семантика этого союза близка русск. *раз*, трактовка которого тоже не однозначна, ср. аргументы в пользу как условного, так и причинного толкования в [Санников 2001; 2008: 439—441] и мысль о том, что *раз* «находится “на границе” двух разных групп союзов и поэтому не может быть отнесен ни к одной из них» [Урысон 2011: 50].

Болгарское *щом* соответствует русскому аналогу *раз* и по разговорной стилистической окраске, и, как мы покажем далее, по семантике: *Влез, щом си дошъл*. ‘Входи, раз пришел’. Редко *щом* употребляется в высказываниях с обобщенным значением: *Не дават гараж, щом нямаш кола*. ‘Гараж не дают, если (?раз)[189] нет машины’. Использование *щом* в условных СПП со значением запланированного и неотменимого действия с будущим временем в условии: ***Щом*** ***ще*** *плащам* (FUT1), *искам да зная*. ‘Раз мне предстоит платить, я должен знать’ подтверждает предназначенность данного союза представлять условие как факт, который говорящий готов принять, см. далее п. 1.4.2.4.5.3.

Союз ***ли***. Считается, что условное *ли* имеет народно-разговорный характер. На самом деле это не совсем точно. В СПП с придаточным универсального условия *ли* используется в пословицах, отсюда и трактовка частицы-союза *ли* как элемента «народной» речи, напр.: *Имаш* **ли** *хляб, кучета много!* (ср. русск. *Если/коли хлеба в достатке, нахлебники всегда найдутся*); *Искаш* **ли** *голяма лъжица, вземи и голяма лопата* (*букв.* ‘Хочешь большую ложку — возьми большую лопату’, ср. русск. *Кто не работает, тот не ест*).

В итеративном и потенциальном типах условий *ли* активно функционирует в разговорном литературном языке и в художественном стиле речи. Особенности каждой разновидности будут рассмотрены ниже, здесь же заметим, что в любом случае краткость и безударность (клитичность) *ли* используется как средство передачи экспрессивности, сжатости, емкости условной конструкции: *Фучеше* ***ли****, нямаше нищо опасно, но видиш* ***ли*** *го такъв леден, значи бесен е* (Б. Райнов). ‘Кипятится — значит, ничего опасного, а увидишь его сдержанным — значит, взбешен’; *Създаде* ***ли*** *се прецедент — край*; (С. Стратиев). ‘Будет прецедент — всё, конец’.

[189] Важный компонент семантики союза *раз* — указание на единичность, случайность, неожиданность события [Санников 2008: 439].

Поэтому именно *ли* (для всех типов условий, кроме нереальных, где для тех же целей применяется *да*) служит средством перевода русских бессоюзных предложений, позволяя передать их «энергичность», «быстрое и обязательное наступление результата» [Васева 1983б: 102], ее же примеры:

…споткнешься — трудно будет очиститься, грязь, она липучая (П. Проскурин). '…препънеш *ли* се — трудно ще се очистиш, щото калта е лепкава' (пер. М. Накова);

Смотри, в другой раз порожняком придешь — самого оставим (Ф. Абрамов). 'Да знаеш, дойдеш *ли* другия път без тях, тебе ще оставим тука' (пер. Е. Георгиевой).

На этом фоне болгарское *ако* не может выразить указанные экспрессивно-семантические оттенки.

Союз ***да***[190]. В современном языке союз используется в конструкциях преимущественно с нереальным условием и обычно передается на русский язык бессоюзно, с квазимперативом в условии (об этом подробнее далее): напр., ***Да** бях аз на твое място, знам какво щях да поискам.* 'Будь я на твоем месте, я бы знала, чего попросить'.

Употребление при выражении потенциального условия для *да* сейчас ограничено. Однако в сочетании с ограничительной частицей *само* это средство связи используется активно: *На адвоката само **да** му кажеш добър ден и ще ти иска 150 евро*. 'Адвокату только скажи «добрый день», и с тебя уже 150 евро'.

Союзы ***в случай че*** 'в том случае, если' и ***при условие, че*** 'при (том) условии, что', как и русские аналогичные союзы, вводят реальное или потенциальное условие. Особенно характерны для научных формулировок, а также делового языка и строгих жанров публицистики, см. примеры из разных по жанрам сайтов Интернета:

*Проучването и добивът на шистов газ ще станат **при условие, че** са безопасни за хората и околната среда.* 'Изучение и добыча сланцевого газа будут предприняты при условии, что они безопасны для людей и окружающей среды',

ср. также: *Потърсете съдействие от полицията на тел. 166, **в случай че** сте пострадали от престъпление или сте станали свидетел на такова*; *Холандските компании имат план, **в случай че** Гърция напусне еврозоната.*

Союз ***стига да*** 'вот если бы', 'вот если (бы) только', 'вот только бы' — разговорный союз условно-ограничительной семантики, соединяет главное предложение, в котором обозначено возможное или желаемое действие, с придаточным, в котором содержится «необходимое минимальное условие для совершения действия в главном предложении» [Васева 1986: 72]: *Бихме отслабвали по-лесно, **стига да** беше по-весело*; *Да, бих желал да ми го пратите, **стига да** не ви затруднявам.*

[190] В функции условного союза *да* появляется в среднеболгарскую эпоху — с XIII в. [ГСБКЕ 1983-3: 398].

В русском языке прямого эквивалента нет: *Бихме отслабвали по-лесно,* ***стига да*** *беше по-весело*. ‘Может, мы бы легче худели, *если бы* (‘вот если б только’) это было веселее’.

Ср. возможные русские соответствия иной структуры:

> *Аз мога, стига да искам*. ‘Я-то могу, главное — захотеть’;
> *Искам, стига да мога.* ‘Хочу, но вот смогу ли’;
> *Можеш, стига да искаш*. ‘Ты можешь, надо только хотеть’;
> *Всичко е възможно, стига да го пожелаеш от сърце!* ‘Все возможно, главное — желать этого всем сердцем’.

В болгарском языке имеются и составные союзы, образованные совмещением двух условных: *ако ли*, *ако да* и другие, редкие и устаревшие. Здесь рассмотрим лишь указанные.

Союз ***ако ли*** (***пък***) ‘если же’ — единственный из составных условных союзов с *ако*, не входящий в число устаревших или редких. Он вводит альтернативное условие [ГСБКЕ 1983-3: 398], при котором возникнет ситуация, выраженная в главном предложении.

Поскольку условие с *ако ли* противопоставлено ситуации, выраженной в предшествующем контексте, оно чаще всего оформлено как противоположное ему по утвердительности / отрицательности или содержит антонимичные лексемы или другие средства выражения контраста: *Ако имам време, ще дойда у вас.* ***Ако ли пък*** *съм зает, ще ти се обадя по телефона*. ‘Если у меня будет время, я приду к вам. Если же я буду занят, то позвоню тебе’ (пример Р. Ницоловой [1998: 140]), см. также из БНК:

> *От кого да бяга, от жената с детето ли? Тя с нищо не го застрашаваше — ако беше решил, просто нямаше да я пусне в страната и тя щеше да умре.* ***Ако ли пък*** *жената не беше опасна, тогава защо да бяга?*; *А Мария, без да подозира заплахата, възседнала пластмасовата дъска, се носеше с вълната към брега. Дори да ѝ извикаше, нямаше да го чуе.* ***Ако ли пък*** *го чуеше, беше още по-лошо. Можеше да се стресне и да изгуби равновесие* (П. Бобев).

Данный союз, таким образом, следует за эксплицитно выраженной альтернативной ситуацией в предтексте. Последняя, однако, может быть и имплицитной: *Тя помнеше думите му:* «***Ако ли пък*** *си ме излъгала, ако загубя и не се върна, знаеш какво те очаква*» (П. Бобев, БНК). ‘Она помнила его слова: «Если же ты меня обманула, если я проиграю и не вернусь, ты знаешь, что тебя ожидает»’.

Отрицательная пропозиция, вводимая с *ако ли*, может быть сокращена до отрицательной частицы, ср. примеры из разговорной болгарской речи и их переводные эквиваленты, прежде всего с русским *а нет*: *Ако можеш да помогнеш — помогни.* ***Ако ли не*** *— то не пречи*. ‘Если можешь помочь — помоги. А нет — так не мешай’; *Търся съвет, ако можете да помогнете ок,* ***ако ли не*** *— да сте живи и здрави* (И). ‘Мне нужен совет, если можете помочь — ок, а если нет — всего

вам доброго'. Для официально-делового стиля наилучшим переводным эквивалентом для сокращенной части *ако ли не* является русск. *в противном случае*: *Паспортите трябва да се връщат 3 месеца след като валидността им е изтекла.* ***Ако ли не*** *— налага се санкция от 30 до 200 лв*. 'Паспорта нужно вернуть через 3 месяца после истечения срока действия. *В противном случае* налагается штраф от 30 до 200 левов'.

Союз *ако да* 'если бы' — устаревший: *Колко би загубила българската столица, от красотата на панорамите си,* ***ако да*** *нямаше Витоша* (И. Вазов). В современном языке введение *да* вместе с *ако* рассматривается как подчеркнутая модальность предположения, таким образом, *да* трактуется как модальная частица: ***Ако да*** *не беше закъснял, щеше да изпълни по-добре задачата си* [БТР 2006].

2. Местоименный коррелят *то* (при союзе *ако*), как и любые местоименно-соотносительные элементы в болгарском языке, для условных предложений не характерен, ср. болг. и русск.:

> ***Ако*** *природата наистина умееше да се защищава, както твърдеше доктор Юрукова, в тоя случай тя бе избрала съвсем непонятни за мен пътища* (П. Вежинов). '*Если* природа в самом деле так изобретательна, защищаясь, как утверждала доктор Юрукова, *то* в данном случае она избрала совершенно неведомые мне пути' (пер. М. Тарасовой).

То же касается и лексических показателей *тогава* 'тогда', *в такъв случай* 'в таком случае'.

Р. Ницолова отмечает представленность коррелята *то* в научном стиле в условных конструкциях логического вывода [1998: 145—146]. В предшествующую эпоху, заметим, коррелят был гораздо более регулярен, причем не только в конструкциях логического вывода: *Хаджи Генчо не обича циганите и ако му излезе насреща някой Мено или някоя Хайша,* ***то*** *той ги праща при Нейча касапина, за да им одере кожите* (Л. Каравелов).

3. Лексические конкретизаторы. При условных союзах употребляются только ограничительные лексемы *само* и *единствено* (ср. русск. *только*):

> *Ще оцелеем като порода <u>само</u>* ***ако*** *чуждият ни стане по-близък от собственото дете* (Г. Господинов). 'Мы выживем как вид, *только если* чужой станет нам ближе собственного ребенка';
>
> *Но ще го оцените <u>единствено</u>* ***ако*** *го откриете сами* (БНК). 'Но вы это оцените *только в том случае*, *если* вы сами это обнаружите'.

4. Место придаточной части. При всех условных союзах, кроме *да* и *ли*, место придаточной части строго не закреплено, хотя разные семантические варианты условных конструкций требуют в большей или меньшей степени постпозиции придаточной части [Храковский 1998; Ницолова 1998]. В интерпозиции находятся, в основном, условные конструкции со значением сопутствующего замечания, имеющие характер вводных предложений: *Ще ви покажа,* ***ако ми позволите*** ('если

позволите'), *един много интересен пръстен* (К. Калчев); *За пълната обиколка,* ***ако не се лъжа*** ('если не ошибаюсь'), *цената беше 80 евро* (И).

Союзы *да* и *ли* употребляются только в препозитивной придаточной части: *Седна* ***ли*** *и аз, ще станем тринайсет!* 'Если и я сяду, нас будет тринадцать!'; *Аз* ***да*** *имам толкова картини, ще обиколя цяла Европа* (Чудомир). 'Будь у меня столько картин, я бы всю Европу объездил'.

5. Место союзов. Все союзы, кроме *да* и *ли*, занимают начальное место в придаточной. При этом в разговорной речи союз *ако* допускает слева от себя топикализованные компоненты предложения, ср. пример Р. Ницоловой [1998: 148]: *Аз* <u>*нея*</u> ***ако*** *не откарам, кого другиго?* (А. Каралийчев). 'Если уж я ее↓ не отвезу, то кого другого?'

Позиция союза ***да*** определяется его обязательной контактностью с глаголом[191]. Таким образом, союз *да* может начинать условную часть только в случае прямого следования за ним сказуемого. Между *да* и последующим глаголом (или глагольным компонентом составного сказуемого) могут стоять только энклитики и отрицательная частица *не*: *Да* <u>*не*</u> *беше болен, щях да те помоля за нещо*; *Да* <u>*ми*</u> *бяхте казали* (PPERF) *по-рано, щях да дойда*. Начальную ударную группу, после которой следуют энклитики, может составлять *да* с акцентно самостоятельным элементом сказуемого, что дает вариант, напр., для последнего предложения *Да бяхте* <u>*ми*</u> *казали по-рано, щях да дойда*.

Да вместе со сказуемым может сдвигаться достаточно далеко от начала предложения при выдвижении вперед акцентированных или тематизированных компонентов (*и ти*, *по цяла нощ* в примере ниже), а также элементов, осложняющих предложение (как частица *ами*, обращение *братле*): *Ами, братле, и ти* ***да*** *беше на мое място и по цяла нощ* ***да*** *висеше в тоя пуст офис, и ти щеше да откачиш.* 'Знаешь, братец, будь ты на моем месте и сидел бы ночами в этом дурацком офисе, и ты бы свихнулся'.

В составных союзах, включающих *да*, сохраняется контактность *да* со сказуемым, притом что первая часть составного союза начинает придаточное: ***Стига*** *един дъждец* ***да*** *падне и всичко отведнаж ще се обнови* (Елин Пелин). 'Стоит дождику пройти, и все сразу обновится'.

Место союза ***ли*** определяется его энклитическими свойствами[192]. При начальном глаголе *ли* находится в постпозиции к нему и начинает цепочку клитик (см. раздел 5.2.3): *Създаде* ***ли*** *се прецедент — край* (С. Стратиев). Случаи препозиции *ли* к сказуемому связаны с наличием отрицания, которое становится базисом для клитик глагольной группы. При этом порядок клитик в цепочке меняется: отрицательная частица передает свое ударение первой же энклитике в цепочке, но, по-

[191] Обязательная контактность *да* с глаголом во всех возможных значениях и употреблениях заставляет рассматривать его как элемент *да*-конструкции или *да*-формы, подробнее о статусе *да*-форм в системе болгарского языка см. в [Генадиева-Мутафчиева 1972; 1976; Деянова 1981; Тишева 2001а; Викторова 2005; 2006; Симов, Колковска 2004; Иванова 2014б] и др.

[192] Союз *ли* сохраняет те же энклитические свойства, что и вопросительная частица *ли*.

скольку *ли* как истинная энклитика не может принять это ударение, она сдвигается вправо, уступая место следующему по очереди клитическому компоненту, после которого и помещается: *Не мé* ***ли*** *одобрят — свършен съм* (см. подробнее раздел 5.2.5).

Далее рассмотрим особенности построения условных СПП при разных типах условия.

1.4.2.4.5.1. СПП реального условия

Круг явлений, описываемых как реальное условие, в грамматических исследованиях разнится. В современных лингвистических описаниях реальным условием называется выполнимая возможность, т. е. когда «реализация посылки высоковероятна» [Плунгян 2011: 429]. В традиционных описаниях выполнимая возможность связывается с потенциальным условием, а к реальным относят те, в которых сообщается о ситуации в прошлом или настоящем, которую говорящий готов принять как достоверный факт: *Ако си готов, да тръгваме.* ‘Если ты готов, пойдем’. Несмотря на то что в реальном условии содержится сообщение об уже имеющейся ситуации, фактуальность условия в них не утверждается: в условной части этих предложений обозначается «факт, о котором говорят как о не-факте» [Ницолова 1998: 137]. Таким образом, и здесь имеется гипотетичность, позволяющая рассматривать данные придаточные как придаточные условия. Чаще всего положение дел в таком условии имеет характер цитации или выводов говорящего (см. наблюдения В. С. Храковского [1998: 25]).

Помимо единичного реального условия, опишем и итеративное и универсальное условие, хотя разделяем точку зрения авторов сборника «Типология условных конструкций» [Там же: 51—53] по поводу того, что выражаемые в итеративных и универсальных высказываниях дополнительные смыслы (многократность или вневременность) не являются характерной чертой именно условных конструкций.

1. СПП реального единичного условия. Употребляются союзы *щом*, реже *ако.* Условная часть оформляется в прошедшем (см. (1) ниже) или настоящем (2) плане.

В главной части, при любом темпоральном оформлении сказуемого придаточной, встречаем следующие формы (преимущественно с гипотетическим значением):

— настоящее время, чаще всего с модальными предикатами (долженствования и желательности): *Ако ти е скучно, могa да дойда.* ‘Если тебе скучно, могу прийти’; *Щом си му обещал, трябва да отидеш.* ‘Раз ты ему обещал, должен пойти’;

— будущее время: *Ако ти е скучно, ще ти изпратя един забавен клип.* ‘Если тебе скучно, могу прислать забавный клип’; *Щом не знаеш, аз ще ти обясня.* ‘Раз не знаешь, я тебе объясню’;

— императив или другие формы со значением побуждения: *Ако ти е скучно, ела при мене.* ‘Если тебе скучно, приходи ко мне’; *Ако няма въпроси, да преминем към изказвания.* ‘Если нет вопросов, перейдем к высказываниям’;

— условное наклонение: *Ако ти е скучно, бихме могли да излезем заедно.* ‘Если тебе скучно, мы могли бы куда-нибудь вместе пойти’.

Формы плюсквамперфекта в главном предложении, отмечаемые в лингвистической литературе, появляются лишь с частицей *да* в составе форм для выражения побуждения: *Ако режисьорката Лилия Абаджиева си е имала свои идеи,* ***да*** *беше написала* (PPERF) *своя пиеса…* (газ. «Политика»). ‘Если уж у режиссера Лилии Абаджиевой были свои идеи, взяла бы и написала свою пьесу…’

1) Условие, представляемое как осуществленное, обычно выражается формами перфекта: *Да вървим, щом сме тръгнали* (PERF) (Б. Димитрова). ‘Пойдем, раз уж пошли’; *Щом сте решили* (PERF) *да играете на разследване, то поне соблюдавайте правилата на играта* (Б. Райнов). ‘Раз вы решили поиграть в расследование, то хотя бы соблюдайте правила игры’.

В литературе приводятся примеры с аористными формами в условии, подчеркивающие свидетельственность или точную темпоральную отнесенность положения дел (см. *вчера* в примере): *Ако той вчера изрази* (AOR) *ясно мнението си, няма ли да направи и следващата крачка?* [Ницолова 1998: 155]. ‘Если он вчера выразил свое мнение, не сделает ли он и следующий шаг?’ Обратим внимание, однако, что формы аориста, маркирующие свидетельственность, редки, ведь в большинстве случаев фактивность условия утверждает не сам говорящий, а его собеседник [Храковский 1998: 21]. Даже в случаях, когда говорящий включен в число участников события, условие — это, как правило, цитация или мнение собеседника [Там же: 43], что создает контекст для употребления в болгарском языке перфекта, подчеркивающего отстранение говорящего от фактуальности утверждения, обозначенного в главной части: *Ако съм заслужила* (PERF)*, нека ме наругае.* ‘Если я это заслужила, пусть он меня отругает’.

Другие контексты для употребления перфекта также соответствуют указанным В. С. Храковским прагматическим ограничениям. Так, в предложении *Ако сте свършили* (PERF)*, да дам думата на госпожа Митрева.* ‘Если вы закончили, я дам слово госпоже Митревой’, по сути, придаточная часть содержит запрос, предположение.

Для предложений реального условия наиболее характерен союз *щом*. В отличие от *ако*, он показывает, что говорящий принимает «на веру» положение дел в условии или представляет его как результат собственных наблюдений. Более редкий в этом типе условия союз *ако* употребляется в случаях, если вводит положение дел, к которому говорящий относится как к непроверенной информации, высказывая субъективное отношение — сомнение, неуверенность: *Ако и той се е променил, тогава и аз в никого вече не вярвам* (Е. Коралов). ‘Если и он изменился, тогда и я никому уже не верю’. Сюда же относятся и предложения условно-ограничительной семантики (с отрицанием — *ако не*): *Ако не е получил сътресение в мозъка, ще дойде на себе си за по-малко от час* (А. Гуляшки). ‘Если [только] он не получил сотрясение мозга, то придет в себя меньше чем за час’.

Особую разновидность предложений реального условия составляют СПП «логического вывода» [Ницолова 1998: 155]. В них также может использоваться как

союз *ако*, так и союз *щом*: *Щом (ако) го е направил, той го е преценил*. ‘Раз (если) он это сделал, он это обдумал’. Союз *щом* и здесь выбирается для указания на принятие говорящим данного положения дел, ср. использование *щом* при высказывании собственного мнения: *Щом съм го казала, значи съм го мислила / значи е имало защо / значи е истина / значи е така.* ‘Раз я это сказала — значит, я это думала / значит, было почему / значит, это правда / значит, это так и есть’.

В результирующей части предложений «логического вывода» употребляются, помимо перечисленных выше, и конклюзивные формы: *Ако е убил заек, той е бил* (CONCL) *питомен*. ‘Если он убил зайца, [значит,] тот был домашний’ — пример из [ГСБКЕ 1983-3: 397].

2) Условие н а с т о я щ е г о п л а н а выражается формами настоящего времени в придаточной части:

> *Новият куфар ако не ти трябва* (PRES)*, ми го върни — подхвърля жена ми на изпроводяк* (Б. Райнов). ‘Новый чемодан, если он тебе не очень нужен, ты мне верни, — бросает вдогонку жена (пер. А. Собковича);
> *Ако не вярвате* (PRES) *на мен, попитайте вашите учени* (П. Вежинов). ‘Если не верите мне, спросите ваших ученых’ (пер. Р. Белло).

При локализации условия в настоящем плане существует ряд прагматических ограничений, общих с реальным условием прошедшего плана. По замечанию В. С. Храковского, «говорящий не может выступать в роли участника положения дел, выражаемого в условии, если данное положение дел контролируется этим участником» [1998: 44].

Еще раз обратим внимание, что союз *щом* эксплицирует бóльшую уверенность говорящего в наличии условия, в то время как *ако* отражает сомнение и допущение. Ср. в переводах с русского:

> *Не разумеешь — молчи* (М. Шолохов). ‘*Щом* не разбираш — мълчи’ (пер. Г. Жечева), ср. ***Ако*** *не разбираш — мълчи*;
> *Что ж, поедем, коль охота есть* (М. Шолохов). ‘Добре, *щом* искате, да отидем’ (пер. Г. Жечева), ср. ***Ако*** *искате — да отидем*, см. [Васева 1983б: 105].

2. Итеративные СПП. В качестве средства связи используются союзы *ако* и *ли*. При итеративном условии сказуемые обеих частей имеют одинаковую временную форму. Как правило, это имперфект для прошедшего временного плана, настоящее время для настоящего временного плана. В главной части всегда используется глагол НСВ, притом что в придаточной возможен как НСВ, так и СВ. В последнем случае подчеркивается значение целостности ситуации, повторяющейся многократно:

а) настоящий временной план: *Ако минавам* (PRES. IPFV) *там, обаждам ѝ се* (IMPERF. IPFV) *винаги*. — *Ако мина* (PRES. PFV) *там, обаждам ѝ се* (IMPERF. IPFV) *винаги* (‘Если я бываю там, всегда ей звоню’);

б) прошедший временной план: *Ако минавах* (IMPERF. IPFV) *там, обаждах ѝ се* (IMPERF. IPFV) *винаги*; *Ако минех* (IMPERF.PFV) *там, обаждах ѝ се* (IMPERF. IPFV) *винаги* (‘Если я бывал там, всегда ей звонил’).

Для перевода придаточных с глаголами СВ на русский язык можно предложить показатель итеративности *бывало* в сочетании с условным союзом: *Ако минех* (IMPERF.PFV) *там, обаждах ѝ се винаги.* ‘Если я, *бывало*, заезжал туда, я всегда ей звонил’, а также конструкцию *стоило* (*стоит*)… *как*: *Попаднеше* (IMPERF. PFV) *ли между хубави хора, душата му се разтваряше*. ‘Стоило ему попасть в общество хороших людей, душа его раскрывалась’.

3. Универсальные СПП. В универсальных СПП (пословицы, сентенции, афоризмы) средствами связи, как и при итеративности, служат союзы *ако* и *ли* и устар. *да.* См. в пословицах: ***Ако** не видиш злото, не познаваш и доброто*. ‘Если не замечаешь зло, не понимаешь и добра’; *Хванеш **ли** се на хорото, трябва да го играеш* (ср. русск. *Назвался груздем — полезай в кузов*); ***Да** би мирно седяло, не би чудо видяло*. ‘Сидел бы тихо, ничего бы не случилось’, или в текстах первой половины XX в.: *Земя хубава, плодородна… — едно **да** посееш, сто се ражда* (Елин Пелин).

При универсальном условии в придаточной части используется настоящее (гномическое) время от глаголов НСВ и СВ, в главной — настоящее время от глаголов НСВ или императив: *Хубавото не става по-хубаво, ако почваш прекалено да се вторачваш в него* (П. Вежинов). ‘Хорошее не становится лучше, если начинаешь чересчур вглядываться в него’; *Ако искаш мед, не ритай кошера* (посл.), *букв.* ‘Если хочешь меда, не пинай улей’ (ср. *Не плюй в колодец…*).

Обратим внимание на наличие союзов в болгарском языке при бессоюзной связи в русском: *Канят **ли** те — еж, гонят **ли** те — беж* (ср. русск. *Дают — бери, бьют — беги*), *букв.* ‘Приглашают ли тебя — ешь, преследуют ли тебя — беги’. Для универсальных СПП с *ли* наличие альтернативного условия, как это представлено в данном примере, не обязательно. Болгарские пословицы в изобилии предоставляют материал его одиночного использования: *Имаш ли око на чуждото, не виждаш своето* (ср. русск. *В чужом глазу соринку видим, в своем бревна не замечаем*).

1.4.2.4.5.2. СПП потенциального условия

Предложения потенциального условия оформляются как в будущем, так и в прошедшем временном плане, или, используя выражение В. С. Храковского, в «футуральной» или «претеритной упаковке» [1998: 25].

1. Потенциальное условие будущего временного плана выражается глаголом в форме настоящего времени[193].

В главной части фиксируются формы:

— будущего времени: *Ако не се боят от мене, ще се качат на главата ми* (Д. Димов). ‘Если они не будут меня бояться, они сядут мне на голову’;

[193] В особых случаях могут быть использованы формы будущего времени. Однако семантически и даже некоторыми формальными характеристиками подобные конструкции близки предложениям реального условия, мы рассмотрим эту разновидность отдельно, см. далее 1.4.2.4.5.3.

— настоящего времени от глаголов с гипотетическим значением: *Не искам да се огорчи, ако нищо не стане* (П. Вежинов). ‘Не хочется ее огорчать, если ничего не выйдет’ (пер. М. Тарасовой);

— с побудительным значением: *Поздрави Маргарет, ако я видиш* (А. Игов). ‘Передай привет Маргарет, если ее увидишь’, см. о других, более редких глагольных формах в [Ницолова 1998];

— условного наклонения: *Знам много добре, че в такава нощ бих загинал, докато ме намерят, ако тая скърцаща катафалка внезапно спре* (П. Вежинов). ‘Прекрасно знаю, что если застрянешь ночью в этом скрипучем катафалке [о лифте], то скорее умрешь, чем кого-либо дозовешься’ (пер. М. Тарасовой).

Обратим внимание, что формы условного наклонения в данном типе условия, как и при реальном условии, используются в своих обычных значениях — указание на гипотетическую ситуацию, как в примере выше, а также прагматические употребления: *Ако се освободиш, бих ти предложил да излезем заедно*. ‘Если освободишься, мы могли бы пойти куда-нибудь вместе’.

Есть и другие семантические оттенки, которые вносят формы условного наклонения. М. Костова [2011: 268] полагает, что неуверенность, отмечаемая при болгарских кондициональных формах, может быть вызвана не внутренним колебанием говорящего, как в типах условных конструкций «претеритной упаковки», а недосказанностью или неясностью формулировки условия. Так, при потенциальном условии «футуральной упаковки» предложение с формой кондиционала на фоне предложений с будущими временами показывает, что существуют и иные (помимо указанного в придаточной) варианты условия. Об этом свидетельствуют и специфические контексты их появления, показывающие недоговоренность условия:

— *Ако имам пари, бих дошъл на тази екскурзия.*
— *Само парите ли са проблем?*
— *Е, не съвсем. Трябва да искам и разрешение от шефа.*

(Если бы у меня были деньги (*букв.* Если у меня будут деньги), я бы поехал на эту экскурсию. — Только в деньгах дело? — Ну, не совсем. Нужно и у начальства просить разрешение).

Иные временные формы в аподозисе условных предложений данного типа обычно связаны с переосмыслениями и транспозицией: *Открият ли го, отиде* (аорист вместо будущего) *селото* (К. Калчев). ‘Если его найдут — все село пропало’ [Ницолова 1998: 151—152]; *Ако не дойдеш, тръгвам* (настоящее предстоящего действия). ‘Если не придешь, ухожу’. Разумеется, другие грамматикализованные в болгарском языке глагольные категории также могут быть выражены, см. в работе Р. Ницоловой полные наборы форм.

Формы синтетического условного наклонения, выражающие готовность, внутреннюю способность совершить действие, встречаются в народно-разговорной речи и в текстах авторов до середины XX в.: *Не съм гладен, ами ако почерпите, пийвам едно винце* (Й. Йовков). ‘Я не голоден, но, если угостите, винца бы выпил’.

Союз *ли* появляется в потенциальном условии чаще всего при введении альтернативного условия, ср. в переводах с русского языка, где он отражает емкость русских бессоюзных структур: *Спать захочу — в стогу высплюсь, есть захочу — сворую чего-нибудь* (А. Толстой). ‘Приспи *ли* ми се, ще се наспя в някоя купа, прияде *ли* ми се, ще отмъкна нещо’ (пер. К. Койчевой).

Союз *да* в СПП с придаточным потенциального условия практически не используется, ср. пример из [ГСБКЕ 1983-3: 394]: *Да* (совр. *ако* или *ли*) *те поканят, не им отказвай*. ‘Если тебя пригласят, не отказывай им’. Однако в сочетании с ограничительной частицей союз появляется в «угрожающих» условных предложениях, которым соответствуют русские структуры с императивом: *Только свяжись — измотаю как цуцика* (М. Шолохов). ‘*Само да* се счепкаш — ще те смажа като паленце’ (пер. Г. Жечева).

2. Потенциальное условие прошедшего временного плана оформляется, как правило, имперфектом сказуемого (в том числе от глаголов СВ), а в главной части используются формы будущего в прошедшем, реже условного наклонения:

Той се колебаеше. Щеше да изглежда (PFUT) *смешен, ако се заловеше* (IMPERF.PFV) *с тая работа*… (Э. Станев). ‘Он колебался. Он выглядел бы смешным, если бы за это взялся’,

см. также: *Дали нямаше да бъде* (NEG.PFUT) *подходящо, ако Павел поговореше* (IMPERF.PFV) *с Борис и се опиташе* (IMPERF.PFV) *да го вразуми* (Д. Димов); *Ако човек го погледнеше* (IMPERF.PFV) *отстрани, би си помислил* (COND)*, че той не се интересува и не знае какво става в тази къща* (Г. Караславов).

В русском языке потенциальное условие прошедшего плана передается, как известно, формами сослагательного наклонения, в придаточной возможен квазиимператив, см. примеры из РБПК:

Вадим, <u>попади</u> он в такую историю, тут же бы сломался (А. Рыбаков). ‘Ако Вадим попаднеше (IMPERF.PFV) в такава ситуация, веднага щеше да се прекърши (PFUT)’ (пер. З. Петровой);

Она уходила от него поздно ночью, <u>разреши</u> он, не уходила бы совсем (А. Рыбаков). ‘Тя си отиваше късно през нощта, ако той ѝ разрешеше (IMPERF.PFV), изобщо нямаше да си отива (NEG.PFUT) (пер. З. Петровой).

1.4.2.4.5.3. СПП запланированного (оговоренного) условия

Придаточные, содержащие формы будущего времени в условии (протазисе), имеют особую семантику — означают запланированное действие, которому предстоит осуществиться в ближайшем будущем. Такое употребление возможно только в том случае, если действие-условие предварительно оговорено с субъектом речи и/или воспринимается им как установленный факт [Кошелев 2003: 52—57]: *Ако ще питаш* (FUT1)*, питай, сега е моментът.* ‘Если собрался спрашивать — спрашивай, сейчас подходящий момент’. Вне такой заданности в придаточном используется настоящее время: *Ако те питат* (PRES)*, ще кажеш,*

че не си получавал такава телеграма. ‘Если тебя спросят, скажешь, что не получал такой телеграммы’.

Запланированность, выражаемая данной формой, отражает не только и не столько предварительное знание говорящего, сколько результат его наблюдений и предположений над данной ситуацией: *Тръгваш ли? Ако **ще** си тръгваш, загаси лампата*. ‘Уходишь? Раз уходишь, выключи свет’ [Там же: 51]. В русских переводах обычно требуется введение в состав придаточной части предикатов намерения:

> *Ако **ще** учиш английски, купи поне речници*. ‘Если *думаешь* учить английский, купи хотя бы словари’; *Ако **ще** отслабвате, прочетете тази статия.* ‘Если *собираетесь* худеть, прочитайте эту статью’; *Момчета, ако **ще** си чешете езиците, не го правете тук, моля*. ‘Ребята, если вы *намерены* чесать языками, то не здесь, пожалуйста’.

Характерный признак этих предложений, помимо будущего времени после условного союза[194], — использование в условии только положительных форм, причем лишь от глаголов НСВ, и употребление в результирующей части (аподозисе) средств выражения побуждения.

Представление действия в протазисе как предстоящего и запланированного максимально сближает этот тип с условными реальными СПП. Имеются и формальные доказательства этой близости — возможность использования союза реальности *щом* (т. е. *щом* + FUT1) и употребления в аподозисе форм настоящего времени глаголов намерения и модальных глаголов, что для потенциального условия нехарактерно: <u>*Щом*</u> *ще давам* (FUT1) *пари,* <u>*искам*</u> *да съм сигурен, че парите ми отиват където трябва.* ‘Если мне предстоит давать деньги, я хочу быть уверен, что они идут куда надо’.

> **Примечание**. Отметим еще одну важную черту этого типа предложений. Форма *ако/щом* + FUT1.IPFV относится к числу «сильно агентивных», т. е. она не только требует глаголов контролируемого действия, но и заставляет прочитывать любой предикат, использующийся в этой форме, как контролируемый. Даже те глаголы, при которых контролируемость не задана лексической семантикой, понимаются в данной форме со значением контролируемого действия. Напр., глагол *съм* работает здесь как глагол пребывания или перемещения: *Ако **ще сте** си в къщи на празника, най-вероятно любимият да предпочете сърцето да бъде от кайма, а украсата от салатка* (И). ‘Если вы будете (‘собираетесь быть’) дома в праздник…’
>
> В связи с этим данная форма имеет высокий прагматический потенциал. Рассмотрим, как используется ее агентивность в применении к ситуациям, не предполагающим контроль.
>
> 1) Особый прагматический результат наблюдается при включении в данную форму предикатов слабо контролируемых физиологических реакций. Конструкция получает скрытый обвинительный смысл и выражает стремление переложить вину с ситуации,

[194] Обратим внимание, что в разговорной речи *ако ще (да)* может использоваться и в другом значении — в роли уступительного союза: …***Ако ще*** *и левче* ***да*** *е, пак няма да си нося торбичка от вкъщи.* ‘…Пусть пакет даже лев будет стоить, я все равно не буду приносить свой из дома’.

не поддающейся контролю, на человека, не способного справиться с ней: *Ако **ще** кашляш така, как ще гледаме спектакъла?* ‘Если ты будешь так кашлять (‘намереваешься кашлять так и дальше’), как мы будем смотреть спектакль?!’; *Ако **ще** хъркаш така, по-добре да спим в отделни стаи.* ‘Если ты будешь так храпеть (‘если ты собираешься так храпеть’), лучше нам спать в разных комнатах’.

Разумеется, вне такой прагматики будущее время с *ако* не употребляется: *Ако кашляш* (PRES.IPFV) *така и утре, иди на лекар.* ‘Если будешь и завтра так кашлять, сходи к врачу’; *Ако се разкашляш* (PRES.PFV) *през нощта, вземи това хапче и ще ти мине.* ‘Если ты раскашляешься ночью, прими эту таблетку, и все пройдет’.

2) В современных рекламных (или скрыто-рекламных, имплицитно мотивирующих потребителя) текстах значение «договоренности», выражаемое данной формой, обыгрывается как пресуппозиция неизбежности (покупок или услуг). Поскольку решение о покупке уже (якобы) принято, конструкция служит средством для ориентирования потенциального покупателя на нужную фирму или вид товара: *Ако ще е парфюм, да е марков.* ‘Если уж [собираетесь купить] духи, так [пусть они будут только] фирменные’. Особенно показательны цепочечные построения с параллелизмом: читателю даже предлагается выбор, но сама идея «неотвратимости» (более дорогой) покупки или услуги не подлежит сомнению, напр.: *Сега е моментът да дадете материален израз на любовта си. Ако ще е парфюм, да е марков, ако ще е бельо, нека да е фирмено, ако ще е бижу, да е поне Bvlgari!* (И).

3) В отличие от рассмотренных в пп. 1 и 2 случаев, где говорящий намеренно «эксплуатирует» фактор предполагаемого контроля собеседника за ситуацией, в предложениях ниже адресат уходит за кадр, и неконтролируемость такой обезличенной ситуации принимается говорящим как неизбежность. Соглашаясь с этой неизбежностью, говорящий пытается «улучшить» ситуацию, выдвигая (в главном предложении) встречное условие-пожелание: *Ако ще се строи църква — защо не е българска?* (И). ‘Если уж [планируется] строить церковь — почему не болгарскую?’; *Щом ще се умира, ще е както аз реша.* ‘Раз уж [предстоит] умирать — будет, как я решу’.

1.4.2.4.5.4. СПП нереального условия

Средствами связи являются союзы *ако* и (в особых случаях, см. ниже) *да*.

Условие при союзе *ако* выражается глаголом в форме плюсквамперфекта (реже имперфекта), в главной части используется будущее в прошедшем или сослагательное наклонение. Разберем эти варианты подробнее.

Формы в условной части. Основной формой выражения нереального условия в болгарском является плюсквамперфект[195]: *Ако не <u>се беше разплакала</u>* (PPERF)*, <u>щях</u> отново <u>да</u> я <u>нахокам</u>* (PFUT) (П. Вежинов). ‘Если б она не расплакалась, я бы ее опять отчитал’.

---

[195] Во многих языках мира плюсквамперфект служит для выражения контрафактического значения. Вопрос о причинах этого совмещения неоднозначен. В. А. Плунгян показал, что «контексты контрафактического условия чрезвычайно близки к базовым для плюсквамперфекта контекстам “нарративной дигрессии”», они соответствуют «дискурсивному значению плюсквамперфекта, описывающего отступление от естественной последовательности событий и обращение к предшествующему временному плану» [Плунгян 2004: 286].

Главными условиями употребления имперфекта (вместо обычного плюсквамперфекта) в придаточном предложении являются следующие:

а) сказуемое — глагол НСВ: *Че то, ако не обичах* (IMPERF.IPFV) *себе си, как щях да обичам* (PFUT) *останалите, като себе си?* 'Да если б я не любил самого себя, как бы я любил остальных, как самого себя?', также: *Ако беше* (IMPERF.IPFV) *си дома Павел — мислеше старият Герак, — тая работа нямаше да бъде* (PFUT) *така, но кой знае* (Елин Пелин).

Однако от глаголов НСВ возможен и плюсквамперфект для подчеркивания контрафактического условия, что обычно связано с наличием темпоральных показателей предшествующего действия: *Да бях знаял* (PPERF) *<u>по-рано</u>, нямаше да ходя* (PFUT) *в града* (Елин Пелин). 'Знал бы я раньше, не поехал бы в город';

б) наличие двух обуславливающих действий, одно из которых (в плюсквамперфекте) предшествует другому (в имперфекте): *Ако не ѝ бяха вързали* (PPERF) *очи, та да видеше* (IMPERF.PFV) *това, що се върши по съдилищата, тя щеще, макар и на хартия написана, да се изчерви* (И. Вазов). 'Если бы ей [Фемиде] не завязали глаза и она бы увидела, что творится в судах, она бы, пусть и нарисованная, покраснела бы', см. [Захаревич, Крылова 1978: 73].

Формы в главной части. Основной формой сказуемого главного предложения является будущее в прошедшем, как во всех примерах выше.

Помимо будущего в прошедшем, в главной части возможны формы условного наклонения[196]. Они маркируют меньшую убежденность говорящего в достижении вызываемого условием положения дел, ср. показательное употребление условного наклонения в контексте вероятности (см. лексемы *вероятно* и *навярно* ниже) и в контексте вопроса (*какво всъщност бих направил*…):

> *Невинната ми бележка произвежда такъв ефект, че ако беше седнал, <u>вероятно</u> Димов **би скочил*** (COND) (Б. Райнов). 'Мое невинное замечание производит такой эффект, что, если бы Димов сидел, он, вероятно, вскочил бы со стула' (пер. А. Собковича);
>
> *Във всеки случай през ума ми мина мисълта: какво всъщност **бих направил*** (COND)*, ако тя се появи внезапно на стъклената врата, такава, каквато си е — боса, с омачкана рокличка. <u>Навярно</u> тайничко **бих се измъкнал*** (COND) *през задния вход* (П. Вежинов). 'Но все же в голове у меня мелькнула мысль: что бы я сделал, если б девушка вдруг появилась из-за стеклянной двери — в туфлях на босу ногу, в своей мятой юбке? Наверно, сбежал бы тайком через черный ход' (пер. М. Тарасовой).

В свете этого различия можно соответствующим образом прочитывать и истолковывать совместно употребленные формы, ср.: *Ако аз се ръководех от материални съображения, днес **нямаше да съм*** (PPERF) *тук в тая хралупа и целият ми*

[196] Формы условного наклонения полностью вытеснены из придаточной части болгарских СПП условия индикативными формами и вытесняются также из главной.

живот ***би протекъл*** (COND) *другояче* (Б. Райнов). ‘Если бы я руководствовался материальными соображениями, я сейчас *не находился бы* в этой развалюхе и вся моя жизнь, возможно, *протекла бы* иначе’.

Впрочем, это известное различие форм индикатива и условного наклонения не всегда находит подтверждение. С одной стороны, и будущее в прошедшем может появиться в предположительных и вопросительных контекстах, и кондиционал не обязательно коррелирует с коннотациями неуверенности и колебания. Р. Ницолова [1998: 139—140] заметила, что наличие лексических модальных индикаторов является более сильным маркером оценки, чем глагольная форма, ср., напр., сочетание модального слова невысокой степени уверенности с формой будущего в прошедшем: *Ако нямах лаптоп или телефон, може би* ***щях да се наспивам*** (PFUT) *вечер* (И). Руководствуясь этим правилом доминирующей семантики модального слова, в приведенном предложении необходимо прочитывать значение неуверенности: ‘Если бы у меня не было ноутбука или телефона, я, *может быть*, и высыпалась бы вечером’.

Но многие контексты не дают провести такое различие между двумя конкурирующими формами. Особенно часты пересечения сфер действия форм будущего в прошедшем и кондиционала при отрицании в протазисе. В условии указано событие, несовершение которого могло бы привести к нежелательной ситуации в главной части. Будущее в прошедшем здесь не выражает убежденность говорящего, что даже позволяет использовать при переводе на русский язык модальные глаголы предположительности, см. наблюдения и примеры из [Китина 1991: 103—104]:

Щеше да умре (PFUT) *жената, ако не бяха ме повикали* (Елин Пелин). ‘Матушка-то твоя *могла помереть* тогда, кабы за мной не послали’;

Това смущение щеше да има (PFUT) *по-печална сетнина, ако Странджата да се не бе намесил* (И. Вазов). ‘Все это *могло бы привести* к печальным последствиям, если бы не вмешался Странджа’.

Поэтому трудно сказать, действительно ли в болгарском языке происходит в таких случаях «борьба» между лексическим маркером неуверенности и категоричностью будущего в прошедшем. Не является ли добавка эпистемических маркеров просто показателем и р р е а л ь н о с т и — с учетом того, что глагольные формы на эту ирреальность впрямую не указывают? Переводы на русский язык, сделанные профессиональными переводчиками, обычно не принимают во внимание наличие модального слова неуверенности. По-видимому, в русском языке сам контекст сослагательного наклонения достаточен для указания на ирреальность ситуации, а болгарский язык данными маркерами оказывает лексическую поддержку временам индикатива, не способным указывать на ирреальное событие.

Формы с и н т е т и ч е с к о г о   у с л о в н о г о   н а к л о н е н и я, обозначающие субъективную готовность говорящего к совершению действия [Пантелеева 1998; 2006], — редкое для современного языка явление. В основном, по свидетельству

Р. Ницоловой, оно образуется сейчас только от глаголов *ям* и *пия*: *ядвам* ‘я бы съел’, *пиввам* ‘я бы выпил’ [Ницолова 2008а: 397]. Употребление синтетического условного наклонения свойственно народно-разговорной речи. Ср. и форму от глагола *карам*, трактуемую как разговорную по сравнению с аналитической формой из [Радева П. 2012: 17]: *И аз карвам такъв курс*. — *И аз бих карала такъв курс*. ‘И я бы хотела пройти такой курс’.

Причина утраты активности этой формы связывается как с семантическими причинами, а именно совпадением ее значения с одним из значений аналитического кондиционала, так и с грамматическими — омонимией многих таких форм с имперфективными образованиями, т. к. при имперфективации используются те же суффиксы: *И умната, че ако ни хванат тез чамурлийци, **съдират** ни от бой* (Й. Йовков) [Ницолова 2008а: 397].

Предложения нереального условия с союзом *да* имеют некоторые особенности семантического и структурного плана. В современном языке *да* используется в предложениях нереального условия прежде всего в конструкциях с неглагольным предикатом в протазисе: *И десета година **да** бях тук, опитът ми едва ли би бил по-богат* (Б. Райнов). ‘Будь я здесь хоть десятый год, вряд ли мой опыт был бы богаче’, см. также: ***Да** беше татко, той би се съгласил* (Н. Райнов); *И ти **да** беше на негово място, и ти щеше да питаш*.

Для данных моделей характерно употребление имперфекта связочного глагола, как в примерах выше (*бях*, *беше*). Возможны и формы настоящего времени как результат темпоральных ограничений на *да*-конструкции: *Да <u>съм</u> на негово място, аз не бих я оставил да живее самичка в Пловдив* (А. Гуляшки). ‘Будь я на его месте, я не позволил бы ей жить одной в Пловдиве’. Приведенное русское соответствие иллюстрирует и тот факт, что *да* регулярно появляется в переводах русских бессоюзных предложений нереального условия с квазиимперативом в аподозисе, позволяя передать разговорный характер конструкции.

Сказанное о параллелях между болгарскими *да*-предложениями и русским «квазиимперативом» в условных предложениях не исключает того, что:

а) болгарским *да*-предложениям могут соответствовать формы сослагательного наклонения в русском: *Был бы я великаном, надел бы великанью шубу и вышел из дома* (Ч. Айтматов). ‘Да бях (IMPERF) великан, щях да наметна (PFUT) великанска шуба и щях да изляза (PFUT) навън’ (пер. Н. Христовой), пример И. Васевой [1983б: 103];

б) а русский квазиимператив может применяться для перевода нереального условия с *ако*: *И тая вечер навярно щеше да изчезне* (PFUT) *докрай от паметта ми, ако все пак не се беше случило* (PPERF) *нещо особено* (П. Вежинов). ‘И этот вечер, наверно, бесследно исчез бы из моей памяти, не <u>случись</u> нечто необыкновенное’ (пер. М. Тарасовой).

Основные структурные отличия условных предложений русского и болгарского языков заключаются в следующем.

1) Наличие союзов в болгарском языке при бессоюзной связи в русском.

Речь идет прежде всего о союзах *да* и *ли*, которые являются «легким», но емким элементом структуры, позволяя передать энергичность и экспрессивность русских бессоюзных предложений.

Да появляется прежде всего на месте русского квазиимператива в нереальном условии: *Да беше ти на мое място*… 'Будь ты на моем месте…'

Ли-предложения хорошо передают категоричность, которую выражают русские бессоюзные структуры потенциального и реального плана, что не может отразить болгарское *ако*, в котором значение гипотетичности ощущается гораздо сильнее.

2) Специализированный характер болгарских условных союзов.

Союз *ако*, хоть и считается «универсальным», в реальном условии используется, как было показано выше, лишь в особых контекстах. На фоне более частотного *щом* (его употребительность более чем в 10 раз превышает употребительность *ако* в реальном типе условия [Васева 1983б: 104]) *ако* выражает «допущение ближе к значению ирреальности» (В. Москова-Еленска, цит. по [Там же: 104]). Поэтому перевод русского *если*, которое действительно универсально, осуществляется на болгарский язык разными союзами, которые различаются не только стилистически, но и семантически.

3) Использование в болгарском языке форм индикатива (на месте форм сослагательного наклонения в русском) и семантическая маркированность форм болгарского кондиционала.

Употребление форм индикатива позволяет передать разнообразные значения, которые выражаются болгарскими глагольными категориями (темпоральность, свидетельственность, конклюзивность и др.), см. подробнее в [Ницолова 1998; Храковский 1998]. С этим же связано то, что «в русском языке роль контекста для разграничения разных модальных типов условия важнее, чем в болгарском» [Васева 1983б: 105]. Индикативные формы способны передать и таксисные отношения двух действий в протазисе (условии): *Какво би било, ако Ангел Кънчев не бе загинал* (PPERF) *така рано и след смъртта на Левски продължаваше* (IMPERF.IPFV) *неговата работа?* (С. Загорчинов). 'Что было бы, если бы Ангел Кынчев не погиб и после смерти Левского продолжал бы свою работу?'

Хотя формы условного наклонения в болгарском языке значительно потеснены формами индикатива во всех видах условия, в предшествующие столетия, однако, они были активны в любой части условной конструкции, см. из произведений XIX — нач. XX в.: *Да би бил* (COND) *неприятелят по-смел, тая паника би се превърнала* (COND) *в катастрофа* (И. Вазов), см. и фиксацию их в пословицах: *Да би мирно седяло* (COND)*, не би чудо видяло* (COND).

В современный период формы условного наклонения возможны только в главной части СПП и со следующими ограничениями:

а) в реальном типе условия формы условного наклонения выражают деликатное или неуверенное предложение говорящего собеседнику, ср. будущее время в аподозисе *Ако искаш, ще ти помогна*. 'Если хочешь, я тебе помогу' на фоне услов-

ного наклонения *Ако искаш, бих ти помогнал*. ‘Если хочешь, я мог бы тебе помочь’, либо употребляются в качестве чисто прагматического средства — смягчения категоричности высказывания: *Ако питаш мен, със сигурност бих предпочела* [*сватбата*] *да бъде извън София.* ‘По мне (*букв.* Если спрашиваешь меня), так я бы точно предпочла, чтобы [свадьба] была не в Софии’. Обратим внимание на совмещение в данном предложении формы кондиционала и лексического маркера полной убежденности *със сигурност*;

б) в предложениях нереального условия и при потенциальном условии «претеритной упаковки» в сравнении с формой индикатива (будущего времени в прошедшем) формы условного наклонения маркируют меньшую убежденность говорящего в достижении вызываемого условием положения дел: *И десета година да бях тук, опитът ми едва ли би бил* (COND) *по-богат* (Б. Райнов). ‘Будь я здесь хоть десять лет, едва ли мой опыт был бы богаче’.

Тем не менее последнее различие не всегда подтверждается примерами — имеются контексты (хотя их список еще не определен) с нейтрализацией этой соотнесенности. Что касается введения в аподозис лексических модальных индикаторов, определяющих модальность главной части [Ницолова 1998: 139—140], мы склонны, как было показано выше, трактовать их как лексический показатель ирреальности, которая в болгарском языке, использующем индикативные формы, не столь эксплицирована, как в русском с его параллельной сослагательностью. Примечательно, что такая лексическая поддержка в болгарской условной конструкции особенно характерна для индикативных форм, а не для кондициональных.

В любом случае современный болгарский язык уже полностью отошел от параллельного оформления сослагательным наклонением частей условной конструкции, в то время как в русском такое «согласование наклонений» [Добрушина 2004] является типичным способом построения.

4) Грамматикализация особой семантической разновидности условия со значением запланированного, очевидного и/или оговоренного действия (*Ако ще тръгваш — тръгвай*), включающей форму будущего времени глагола НСВ в протазисе.

Этот тип условия, как было показано, имеет не только специфическую семантику, но и некоторые структурные особенности.

5) Наконец, отметим особенности из числа общих для всех обстоятельственных СПП болгарского языка: регулярное опущение соотносительных местоименных слов и выражение общего грамматического субъекта в главном предложении независимо от позиции придаточного.

1.4.2.4.6. СПП с придаточным уступительным

Уступительные конструкции болгарского языка исчерпывающе описаны Р. Ницоловой [2004] во всех их структурных и семантических разновидностях, поэтому здесь мы кратко представим лишь основные семантико-синтаксические характеристики уступительных СПП, прежде всего в сопоставительном плане.

Ситуация, названная придаточной частью таких СПП, является условием, препятствующим осуществлению ситуации в главной части, но недостаточным для того, чтобы не допустить ее. Основные типы СПП с уступительным придаточным — в целом те же, что выделяются и для русского языка: собственно уступительные СПП и условно-уступительные СПП. Особую группу занимают придаточные с «усилительным» значением, которые строятся с участием местоименно-союзных комплексов.

1. Собственно-уступительные СПП.

1.1. К **собственно уступительным** относятся, в концепции В. С. Храковского, конструкции с толкованием ‘имеет место ситуация Р и связанная с ней ситуация не-Q; говорящий знает или считает, что из ситуации Р нормально должна следовать ситуация Q’ [Храковский 2004: 13].

Основные[197] союзы с уступительным значением — *макар че* и *макар* (*и*) *да* ‘хотя (и)’, *въпреки че* ‘хотя’, ‘несмотря на то, что’, *без оглед на* ‘невзирая на то, что’, *при все че* ‘хотя’, ‘притом, что’, *независимо* (*от това*)*, че / кога*… ‘независимо от того, что / когда…’

Помимо наиболее употребительных и стилистически нейтральных *макар че* и *макар* (*и*) *да* (о них см. ниже), относительной стилистической свободой отличается ***въпреки че***. Ср. его перевод в художественных произведениях не русскими аналогами, более характерными для письменной речи (*вопреки тому, что* и *несмотря на то, что*), а стилистически свободным *хотя*: *Кимам сговорчиво,* ***въпреки че*** *ми иде да му тегля някоя* (Б. Райнов). ‘Я киваю согласно, *хотя* охотно выдал бы ему все, что о нем думаю’ (пер. А. Собковича). См. также из интернет-источников: *Няма да играя в ЦСКА,* ***въпреки че*** *Стойчо Младенов ме покани*. ‘Я не буду играть в ЦСКА, *хотя* Стойчо Младенов меня пригласил’; ***Въпреки че*** *се чувстваме различни, всички сме еднакви*. ‘*Хотя* мы чувствуем разницу между нами, мы все одинаковые’.

Союз ***независимо*** (***от това***)***, че***, как и его русский эквивалент *независимо от того, что*, ограничен в сфере употребления книжными стилями речи:

> ***Независимо от това, че*** *планът на нападението беше обмислен твърде старателно, едно непредвидено обстоятелство за малко не развали работата* (БНК). ‘*Независимо от того, что* план нападения был продуман крайне старательно, непредвиденное обстоятельство чуть было не испортило все дело’,

а союз ***без оглед на*** ‘невзирая на то, что’ является принадлежностью прежде всего официально-делового стиля: *Следователно,* ***без оглед на това, че*** *наемът се изплаща на едно лице, което е упълномощено от съсобствениците, фактически притежатели на дохода са отделните съсобственици, съразмерно на частта, която притежават от недвижимия имот*.

[197] Списки малоупотребительных и архаичных уступительных союзов см. в [Ницолова 2004: 113].

Союз ***при все че*** (русск. *хотя*, *притом, что*) имеет более широкие стилистические возможности, чем упомянутые выше союзы: *Другото, което за мен беше проблем, са скапаните дюшеци и възглавници* (***при все че*** *не съм капризна*). ‘Еще одна вещь, которая для меня была проблемой, — это сбитые матрасы и подушки (*притом что*/*хотя* я не капризна)’ (И), ср. и научную речь: *Обикновено видовете се характеризират с това, че просъществуват около 10 милиона години* (*от появата до измирането си*), ***при все че*** *някои видове, наречени живи фосили, оцеляват практически непроменени в течение на стотици милиони години* (Уикипедия. Измиране). В РБПК болгарский союз *при все че* выбран только как соответствие русскому союзу *хотя* (7 вхождений) и единично — *несмотря на то, что*, напр.: *Я и Штирнер пришли к одному и тому же выводу,* ***хотя*** *шли различными путями* (А. Беляев). ‘Аз и Щирнер сме стигнали до един извод, *при все че* сме вървели по различни пътища’ (пер. А. Траянов).

Союзы ***макар че*** и ***макар*** (***и***) ***да*** ‘хотя (и)’ — наиболее частотные, стилистически нейтральные. Времена в предложениях с уступительными союзами в целом употребляются в своих обычных значениях, даже при союзе, включающем *да*, хотя после *макар да* остается ограничение на времена будущего временного плана и кондиционал [Ницолова 2004: 125]. По замечанию Р. Ницоловой, в придаточной с *макар* (*и*) *да* разграничиваются формально лишь два темпоральных плана — план прошедшего (пример 1а ниже) и план непрошедшего (пример 1б), а в предложениях с другими собственно уступительными союзами — три: настоящее, прошедшее и будущее (соответственно примеры 2а—в):

1а) *И те бяха* (IMPERF) *направени от същите материали,* ***макар да*** *се различаваха* (IMPERF) *по форма.* ‘Они были сделаны из того же материала, хотя и различались по форме’;

1б) *Ние ще продължаваме* (FUT1) *да я развиваме, докато ви възпроизведем отново, та* ***макар да*** *почнем* (PRES) *от обикновената амеба*. ‘Мы будем продолжать развивать ее [науку], пока не воспроизведем вас снова, хотя бы начать пришлось с обыкновенной амебы’;

2а) *Кой знае защо, тоя смях ми се стори* (AOR) *кух и зловещ,* ***макар че*** *сега разбирам* (PRES) *колко е бил шеговит и добронамерен*. ‘Не знаю почему, но этот смех показался мне мрачным и зловещим, хотя сейчас понимаю, что он был веселым и добродушным’;

2б) *Не носеше* (IMPERF) *чорапи,* ***макар че*** *пролетта беше* (IMPERF) *доста хладничка*. ‘Чулок на ней не было, хотя весна в этом году довольно прохладная’; *Е, значи, не сте съвсем като тях? — Не съм* (PRES) *наистина,* ***макар че*** *съм имала* (PERF) *такива пристъпи.* ‘Значит, вы не такая, как они? — Не совсем, но (*букв.* хотя) у меня ведь бывали приступы’; ***Въпреки че*** *нямаше от какво да се плашат* (PFUT)*, Дирак настоя* (AOR) *да пренощуват във всъдеходката*. ‘Хотя бояться как будто было нечего, Дирак настоял на том, чтобы переночевать в вездеходе’; *…Не стъпих* (AOR) *втори път в клиниката,* ***макар че*** *ми бяха предписали* (PPERF) *някакви противоалергични процедури*. ‘…Я не пошел второй раз в клинику, хотя

мне и назначили какие-то процедуры’ (примеры из произведений П. Вежинова, пер. М. Тарасовой и Р. Белло);

2в) *Никой магазин не е* (PRES) *снабден с всичко,* ***макар че*** *ще се опитат* (FUT1) *да ви убедят, че е точно така.* ‘Никакой магазин не снабжен всем, хотя вас попытаются убедить, что это так и есть’ (И).

Как и во всех союзах, включающих *да* (кроме *за да*), при *макар да* возможно дистантное расположение частей союза из-за включения между ними тематических компонентов придаточной части, прежде всего подлежащего: *Същата зависимост съществува и при нас,* ***макар*** *<u>етапите</u>* ***да*** *са последователни.* ‘Та же зависимость существует и у нас, хотя этапы соблюдаются последовательно’.

1.2. Уступительные СПП с местоименно-союзными комплексами имеют усилительно-уступительное значение, указывая на предельное проявление препятствующего условия [Захаревич, Крылова 1978: 79]. Но общее семантическое толкование (по крайней мере, в случае неитеративной конструкции) такое же, как и у стандартных уступительных конструкций [Храковский 2004: 75].

Средством связи в таких предложениях являются союзные комплексы, состоящие из относительного местоимения или наречия[198], усилительной частицы *и* и союза *да.* Союзные комплексы указывают на достижение максимального предела охвата [Захаревич, Крылова 1978: 79], а именно:

а) пространственного предела — *където и да* (*откъдето и да*, *накъдето и да* и др.):

Сега, виж какво: ако още веднаж бъде счупен джам, веднага ще те измъкна, ***където и да*** *се завреш, и ще те накарам да ми платиш за всичките джамове и то така, че да ме запомниш за цял живот* (Б. Райнов). ‘А теперь слушай: если еще хоть раз будет разбито окно, я тебя вмиг найду, *где бы* ты *ни* спрятался, и ты мне заплатишь за все разбитые стекла — да так, что запомнишь на всю жизнь’ (пер. А. Собковича);

б) временного предела — *когато и да*: *Аз винаги се наспивам,* ***когато и да*** *си легна* (Н. Петков). ‘Я всегда высыпаюсь, *когда бы ни* лег’;

в) предела охвата субъектов и объектов — *който и да* (в т. ч. с падежной формой *когото и да*), *каквото и да*:

Но ***който и да*** *бе оня, що можеше да ги чуе, Бенц не искаше да прави страданието си достояние другиму* (Д. Димов). ‘Но *кто бы* это *ни* был, Бенц не хотел делиться с ним своим страданием’ (пер. Н. Попова и др.);

На ***когото и да*** *се обаждате — казва, — нашето изискване остава същото* (Б. Райнов). ‘*Кому бы* вы *ни* звонили, — говорит он, — наше требование остается прежним’;

---

[198] В болгарском языке относительные местоименные слова морфологически маркированы конечным аффиксом *-то*, ср. вопросительные местоимения и наречия и относительные, производные от них: *кой* — *който*, *чий* — *чийто*, *къде* — *където*, *кога* — *когато*.

> ***Каквото и да*** *има там, то нямаше да бъде същото, ще си остане винаги чуждо, далечно и непонятно* (П. Вежинов). '*Что бы* он там *ни* встретил, это не станет ему близким, всегда будет чуждым, далеким и непонятным' (пер. Р. Белло);

г) предела охвата признаков субъектов и объектов — *който* (*X*) *и да*, *какъвто* (*X*) *и да* и др.: ***Каквото и да*** *бе чувството ѝ към Бенц, плътско или възвишено, то бе налице, то му даваше неоспорима власт над нея* (Д. Димов). '*Каково бы ни* было ее чувство к Бенцу, было ли оно плотское или возвышенное, оно давало ему неоспоримую власть над ней' (пер. Н. Попова и др.);

д) предела охвата вариантов действия — *както и да*: *Но* ***както и да*** *тълкуваш тия два случая, едно е ясно — тя не може да гледа на живота като съвсем обикновена жена* (П. Вежинов). 'Но *как ни* толковать эти два случая, ясно одно: мама не может смотреть на жизнь как обычные женщины' (пер. Л. Лихачевой);

е) количественного предела и предела интенсивности — *колкото и да*, *както и да*: ***Колкото и да*** *бе рисковано това пътуване, то бе все пак за предпочитане пред възможността да бъде пленен от французите или сърбите* (Д. Димов). '*Как ни* рискованно выглядело такое путешествие, это было лучше, чем попасть в плен к французам или сербам' (пер. Н. Попова и др.).

В случае разделения компонентов комплекса распространителями усилительная частица *и*, находящаяся в середине комплекса, может примыкать то к левому, то к правому компоненту: ***Която и*** *стая* ***да*** *вземете* (ср. ***която*** *стая* ***и да*** *вземете*)*, ще се радвате на абсолютно спокойствие и тишина* (Ц. Драгойчева) — ср. русск. *Какую комнату вы бы ни выбрали… / какую бы комнату вы ни выбрали…*

Вариант с примыканием усилительной частицы к левому (местоименному) компоненту комплекса является преобладающим:

> *Бенц откри, че* ***каквито и*** *гадости* ***да*** *бе преживял в продължение на една година,* ***колкото и*** *малко* ***да*** *бе мислил за нея, тя продължаваше да съществува в него, в кръвта и духа му като неразрушимо наследство от вековете, което никакви страсти не можеха да задушат напълно* (Д. Димов). 'Бенц понял, что, *какое бы* безумие *ни* владело им последний год, *как бы* мало он *ни* думал о родине, она продолжала существовать в нем, в его крови и духе, как нерушимое наследие веков, которое никакие страсти не могли подавить' (пер. Н. Попова и др.).

Характерным, но не обязательным и даже не частотным элементом структуры уступительно-усилительных СПП являются частицы *пак* 'все равно' и *все пак* 'все-таки', 'все же': ***Какъвто и да е*** *баща ѝ, все пак ѝ е баща!*

Расположение придаточной части относительно главной свободное. Предложения с релятивными комплексами чаще, чем другие уступительные предложения, попадают в интерпозицию и приобретают значение дополнительного замечания: *И всяко нещо,* ***колкото*** *и сложно* ***да е****, може да се обясни само с две думи* (Б. Райнов).

Времена, используемые в усилительно-уступительных придаточных, благодаря присутствию *да*, ограничены:

а) настоящим временем (для непрошедшего события): *Ще им помагам* (FUT1)*, където и да съм* (PRES) (Елин Пелин). 'Я буду им помогать, где бы я ни был';

б) имперфектом (для прошедшего события): *Колкото и да пъдех* (IMPERF) *от спомените това лудо момиче, част от него като че ли бе останало* (PPERF) *трайно в мен* (П. Вежинов). 'Как ни гнал я от себя воспоминания о сумасшедшей девушке, что-то от нее передалось мне' (пер. М. Тарасовой). Иное редко, см. пример с аористом Р. Ницоловой [2004: 132]: *Той искаше* (IMPERF) *да скрие, че синът му е задържан, колкото и да го смути* (AOR) *тая вест* (Д. Талев).

Если действие выступает как повторяющееся[199], в придаточной части возможно использование глаголов СВ: *Където и да се озовеше* (IMPERF.PFV)*, него вече го чакаха* (В. Люцканова). 'Где бы он ни оказался, его уже ждали'.

В главной части усилительно-уступительных конструкций часто, как это отмечено и для русского языка, употребляются обобщающие слова (напр., *винаги*, *навсякъде*, *все*): ***Каквото и да*** *има там, то нямаше да бъде същото, ще си остане* <u>*винаги*</u> *чуждо, далечно и непонятно* (П. Вежинов); *Ресторантът сега беше празен. На* ***която и*** *маса* ***да*** *седнеше човек,* <u>*все*</u> *щеше да се чувствува неловко* (Л. Дилов), при отрицательных придаточных — *никога*, *никъде*: *Но* ***каквото и да*** *сте, ангел или зъл дух,* <u>*никога*</u> *не ще забравя човешкия ви образ*… (Д. Димов).

При сказуемом главной части характерны фазисные наращения, показывающие сохранение и продолжение имеющегося состояния или действия (см. из примера выше: *каквото и да има там, то*… <u>*ще*</u> *си* <u>*остане*</u> *винаги чуждо, далечно*).

2. Условно-уступительные конструкции оформляются союзными комплексами: (*и*) *да*, *дори и, дори* (*и*) *да*, *дори / даже ако* и др.[200]; в русских переводах, как будет видно из примеров ниже, в качестве эквивалентов всем болгарским вариантам союзов выступает союзное сочетание *даже если* и разговорные союзы (*да*) *пусть*, (*да*) *пускай*, *да хоть*, отражающие краткость и разговорность болгарских (*и*) *да*, *дори и, дори* (*и*) *да*. Толкование болгарских условно-уступительных союзов близко русским эквивалентам[201].

---

[199] О семантических и грамматических особенностях и видах генерализованных уступительных конструкций см. в [Храковский 2004: 21]. В [Ницолова 2004] все комплексы с усилительным значением рассматриваются как генерализованные.

[200] О некотором семантическом различии между ними, а также о более редких союзах см. [Ницолова 2004]. В разговорной речи активно сочетание условного союза и показателя будущего времени — *ако ще (да)*, статус которого как союзного средства еще не признан, об этом средстве связи см. в конце данного подраздела.

[201] Конструкции типа русск. *даже если P, не Q* и *даже если бы P, не-Q* предполагают следующее толкование: 'может иметь место / могла бы иметь место либо ситуация P, либо ситуация не-P; если реализуется / если бы реализовалась ситуация P, будет иметь место / имела бы место и связанная с ней ситуация не-Q; говорящий знает или считает, что из ситуации P нормально должна следовать / должна была бы следовать ситуация Q', см. [Храковский 2004: 14], там же и толкования непрототипических моделей.

Коррелят *то* в болгарском языке почти не употребляется; он не является обязательным и в русских аналогах: ***Даже и да*** *не ми вярва, ще трябва да приеме предложението ми* (В. Попов). ‘*Даже если* он мне не верит, ему все равно придется принять мое предложение’.

В комплексах, включающих элемент *да*, возможна вставка тематического подлежащего (*Петър Тошков* в примере ниже) и обстоятельств (*в дън земя*) между компонентами комплекса, при этом *да* примыкает к сказуемому, допуская вставку лишь клитик (в примерах — *ви* и *се*):

> ***Даже*** *Петър Тошков* ***да*** *ви беше рожден брат, пак нямаше да ви извадя от служебното следствие* (А. Гуляшки). ‘*Да будь* вам Петр Тошков *даже* родным братом, все равно я не отстраню вас от следствия’;
>
> ***И*** *в дън земя* ***да*** *се скриеш, нашите ще те намерят* (П. Вежинов). ‘*Да хоть* под землю провались, наши тебя найдут’.

Усилительная частица *и*, входящая в союзные комплексы, очень частотна, но может и отсутствовать. Отсутствие усилительного *и* часто восполняется фокусирующими словами *пак* ‘все равно’, *все пак* ‘все же’:

> ***Дори да*** *си завършил с успех операцията, една инфекция все пак не е изключена като послеслов* (Б. Райнов). ‘Даже если операция закончилась успешно, инфекция все же не исключена в качестве послесловия’;
>
> *С очите си* ***да*** *видя, пак няма да повярвам* (А. Мандаджиев). ‘Пусть хоть собственными глазами увижу, все равно не поверю’.

Эти фокусирующие слова особенно важны для уступительного прочтения при союзе *да* (последний пример), который без усилительной частицы используется в условных придаточных.

Расположение придаточных с разными союзами различно. Зависимая часть с союзом (*и*) *да* обычно занимает препозитивное положение, *дори ако* — чаще постпозитивное, остальные союзные средства в равной степени могут вводить как препозитивную, так и постпозитивную к главной придаточную часть:

> *Те ще ви поканят утре на обяд — каза той. — Предполагам, че не ще откажете* ***дори ако*** *се почувствувате прекалено отрупан с проявите на нашата любезност* (Д. Димов). ‘Они пригласят вас завтра к обеду, — сказал он. — Полагаю, что вы не откажетесь, *даже если* проявления нашей любезности становятся для вас слишком обременительными’ (пер. Н. Попова);
>
> *Онази жена наистина приличаше на броячка — имам око за такива неща, — но каква е гаранцията, че е броила специално мене? И* ***дори да*** *е изпратена от американеца, това съвсем не значи, че той иска да ме задържи* (Б. Райнов). ‘Та женщина в самом деле была похожа на «хвост» — у меня на такие вещи глаз наметан, — но где гарантия, что она следила именно за мной? *Даже если* ее послал американец, это еще не означает, что он имеет намерение задержать меня’ (пер. С. Никоненко).

Чистая интерпозиция (т. е. с разрывом главной части) для условно-уступительных придаточных не характерна, см., однако, пример из [Радева П. 2002: 162—163] с союзом *и да*, обычно препозитивным: *Хората от околността, **и да** знаеха за съществуването му, никога не говореха открито за него* (Б. Райнов). 'Люди из окрестностей, даже если и знали о его существовании, никогда не говорили о нем в открытую'.

В условно-уступительных СПП выражаются те же типы условий, что и в условных СПП, — реальное, потенциальное и нереальное с близким набором форм. Напр.:

а) реальное настоящего плана: *Мод се е инсталирала до една маса и **дори да** е* (PRES) *ядосана на неточността ми, не го показва* (PRES) (Б. Райнов). 'Мод сидит за столом и, даже если сердится за мое опоздание, этого не показывает';

б) реальное прошедшего плана: ***Дори да** е имала* (PERF) *някаква инстинктивна хитрина в себе си, нищо няма да я огрее* (NEG.FUT1) (П. Вежинов). 'Даже если она в чем-то инстинктивно хитрит (*букв.* имела хитрость), ничего у нее из этого не выйдет' (пер. М. Тарасовой);

в) потенциальное в «футурной упаковке» (показатель будущего времени, по правилу, не используется):

*Веднъж ми каза — гласът ѝ бе сподавен и възмутен — че ако се оженим и аз тръгна подир друг мъж… и **дори да** имам* (PRES) *деца от този мъж, той нямало да ме убие* (NEG.INFER.FUT1)*… защото… такива били разбиранията им* (Д. Димов). 'Однажды он мне сказал, — продолжала она приглушенным, негодующим голосом, — что если мы поженимся и я заведу другого… и даже если у меня будут дети от этого другого, он меня не убьет… потому что… такие уж новые идеи' (пер. Т. Рузской);

г) потенциальное в «претеритной упаковке»:

*Най-правдоподобното бе да мисли, че звънеше някой от слугите. Но в такъв случай **дори ако** не отвореше* (IMPERF. PFV)*, те можеха* (IMPERF) *да влязат пак, защото имаха свой ключ* (Д. Димов). '…Скорее всего, звонил кто-то из слуг. Но в таком случае, даже если бы он не открыл, они могли бы все равно войти, потому что у них был свой ключ';

д) нереальное:

***Дори ако** бе ругала* (PPERF.IPFV) *цяла нощЕредиа, ефектът на думите ѝ не би бил* (COND) *нито една стотна от болката и яростта, която можеше да му причини горчивата изповед на Оливарес!* (Д. Димов). 'Даже если бы она целую ночь ругала Эредиа, ее слова во сто раз меньше уязвили бы и разъярили его, чем это могла сделать горькая исповедь Оливареса!' (пер. Т. Рузской).

Как и в условных СПП, сохраняется различие болгарского и русского языков в грамматических способах оформления условия: при ирреальном условии в рус-

ском языке используются формы сослагательного наклонения, а в болгарском — индикативные.

В роли уступительного союза в разговорной речи функционирует сочетание ***ако ще*** (***да***) — ср. русск. *пусть даже*, *даже если*. В придаточной части, вводимой данным союзом, содержится нежелательное для говорящего гипотетическое условие, которое, тем не менее, не сможет препятствовать реализации ситуации, обозначенной в главном предложении: *Обърнете раницата си, изсипете я направо на земята,* ***ако ще да*** *изгубите нещо от нея — нищичко не е толкова важно, колкото това малко червено уредче* (И). ‘Переверните рюкзак, вывалите все прямо на землю, и *пусть даже* потеряете что-то, ничто не важно так, как этот маленький красный приборчик’.

1.4.2.4.7. СПП с придаточным ограничительным

В придаточной части ограничительных предложений[202] сообщается о признаке или действии, ограничивающем или исключающем реализацию ситуации в главной. В первом случае указывается положение дел, не позволяющее полную реализацию ситуации в главной части, во втором случае представлены взаимоисключающие положения дел, поэтому реализация одного ведет к нереализации другого. Союзы в целом дифференцированы по этой семантике, но могут использоваться и для выражения иных значений.

Все ограничительные союзы являются составными, они содержат в качестве общего элемента предлог *освен* ‘кроме’ и союзный элемент — подчинительный союз или союзное слово: *освен че / дето* ‘кроме того, что’, *освен когато* ‘кроме тех случаев, когда’ и под., *освен ако* (*букв.* кроме если), *освен да* ‘кроме как’. Обратим внимание, что болгарские союзы не содержат в своем составе коррелятивный местоименный компонент. Это дает им гораздо большую синтаксическую и, как следствие, семантическую свободу, что отражено и в переводческих решениях: русские союзы, включающие предлог *кроме*, используются в переводах редко, а выбираются другие способы выражения ограничительного значения, в том числе смыкающиеся с уступительными, градационными, противопоставительными и другими конструкциями.

Еще одной примечательной чертой данных союзов являются их широкие стилистические возможности: они могут употребляться в разных стилях речи, начиная от разговорного и заканчивая языком официальных деловых документов.

1. Семантика союзов ***освен че*** и ***освен дето*** (‘кроме того, что’, ‘разве что’, ‘разве только’) связана с позицией придаточного: при постпозиции союз выступает в прототипическом (ограничивающем) значении, а в препозиции — преимущественно во вторичном, соединительно-градационном значении (‘помимо того что’, ‘не только… но и’).

[202] В ряде работ данный тип называется «сложноподчиненные предложения с придаточным исключения» и включает, помимо ограничительных, предложения заместительного типа [ГСБКЕ 1983-3: 409; Радева П. 2002: 169—174], которые мы рассматриваем отдельно.

а) Постпозитивное придаточное содержит частичное ограничение. Ситуация, обозначенная в придаточном предложении, предстает как «единичное исключение» [ГСБКЕ 1983-3: 410]:

Тя бе застанала доста далеч от мене, някак усамотена и свита, сякаш се боеше да не я обвинят, че се самоизтъква. Нямаше нищо общо с това, което си бях представял, ***освен че*** *може би бе стройна, макар че както се бе свила в този момент, не изглеждаше и стройна* (Б. Райнов). ‘Она стояла далеко от меня, такая одинокая и жалкая, словно боялась, что люди могут обвинить ее в высокомерии, не имевшая ничего общего с тем представлением, которое я о ней составил заочно. *Кроме того разве, что* она была стройна, хотя, стоя так вот, пригорюнившись, она и стройной не казалась’ (пер. А. Собковича).

Ср. и с иными вариантами перевода:

То се знае, Бистра пет пари не даваше за мен, ***освен дето*** *беше свикнала да ме третира като частна собственост* (Б. Райнов). ‘Что ж, это понятно: Бистра ни в грош меня не ставит, *но* привыкла обращаться со мной как с личной собственностью’ (пер. А. Собковича);
...Нищо не работи, ***освен дето*** *харчи парите на баща си* (Б. Райнов). ‘Ничего не делает, *только* деньги отца тратит’.

б) Препозитивное придаточное гораздо реже, чем постпозитивное, выражает ограничительное значение:

Той е точно от тези, дето нито да ги мразиш, нито да ги обичаш. Не защото е лисица, а защото, ***освен че*** *е лисица, няма други отличителни белези* (Б. Райнов). ‘Он именно из числа тех, которых и любить не за что, и презирать грех. И не потому, что он лиса, а потому, что, *оставаясь* лисой (*букв.* кроме того, что он лиса), никаких других примет не имеет’ (пер. А. Собковича).

Наиболее характерным значением конструкции с препозитивной частью является градационное, подобно ССП с союзами *не само че… но и*. В [ГСБКЕ 1983-3: 411] это семантическое отношение частей названо соотносительным, содержащим градацию:

Освен че *беше дъщеря на Панайот Хлебаров, Наташа заемаше висок пост в Министерство на външните работи* (Д. Петрунова). ‘*Помимо того что* была дочерью Панайота Хлебарова, Наташа занимала высокий пост в Министерстве иностранных дел’;
Освен че *винаги бе хладно, тук винаги и в изобилие имаше и фин перлитов прах* (Д. Парнаров). ‘*Мало того что* здесь было холодно, *но еще* всегда было полно мелкой перлитовой пыли’.

Свидетельством того, что данные структуры не имеют ограничительного значения, служит возможность употребления в главной части противительных союзов

но (*и*), *ами* (*и*), характерных для градационных союзных комплексов: *Гаменарията, **освен че** вдига шум и чупи джамове, **но** иска **и** да яде* (Б. Райнов). '*…Помимо того, что* ребятня поднимает шум и бьет стекла, она требует есть' (пер. А. Собковича). См. и подобное наблюдение П. Радевой над конструкциями разговорной речи: *Освен че ми източиха бензина,* (*но*) *ми разбиха и багажника*; *Освен че го обраха,* (*ами*) *му подпалиха и магазина* [Радева П. 2002: 171; ГСБКЕ 1983-3: 411].

Видо-временные формы выбираются по общим правилам, обычно одинакового временного и видового плана. В примерах выше представлено настоящее время, а также имперфект (*Освен че беше дъщеря на Панайот Хлебаров, Наташа заемаше висок пост в Министерство на външните работи*) и аорист (*Освен че ми източиха бензина, но ми разбиха и багажника*). Другие формы в придаточной появляются как параллельные формам главной предикации: *Освен дето беше престанал* (PPERF) *да пуши, напоследък Драгомиров се беше превърнал* (PPERF) *почти във вегетарианец* (А. Наковски). 'Драгомиров не только перестал курить, но и в последнее время превратился в почти что вегетарианца'.

2. Союзы ***освен когато***, ***освен като***, ***освен както*** вводят исключающее событие, хотя единичные примеры допускают возможное толкование придаточного как содержащего частичное ограничение. Относительные наречия, входя в состав союза, уточняют семантический подтип обстоятельственного ограничения — образа действия или временное, см. примеры ниже.

Набор видо-временных форм в этих придаточных более специфический, в отличие от рассмотренных выше предложений с *освен че/дето*, поскольку в зависимой предикации обычно содержится потенциальное либо регулярно повторяющееся действие. Далее примеры П. Радевой [2002: 170]:

> *В стаята бе* (IMPERF) *мрачно и студено, **освен когато** някой слънчев лъч се прокраднеше* (IMPERF.PFV) *през плътните облаци* (Д. Начев). 'В комнате было мрачно и холодно, разве что иногда солнечный луч выглянет из-за плотных туч';
>
> *Малкият не можеше* (IMPERF) *да достига контакта, **освен като** се качи* (PRES.PFV) *на стола* (Б. Априлов). 'Малыш не мог дотягиваться до розетки, кроме как взобравшись (*букв.* заберется) на стул';
>
> *Не мога* (PRES) *да ям ориз, **освен както** го приготвя* (PRES) *майка ми* (И). 'Не могу есть рис, разве что таким, как его готовит мама'.

Обратим внимание на широкие стилистические возможности этих союзов. Так, союз *освен когато* широко применяется также и в административных, юридических текстах, циркулярах и т. п. (ср. русск. *кроме случаев, когда*; *за исключением случаев, когда*):

> *Те влизат в сила три дни след обнародването им, **освен когато** в тях е определен друг срок* (Конституция на Република България). 'Они вступают в силу через три дня после их обнародования, *за исключением случаев, когда* в них установлен другой срок',

ср. и пример с препозитивной придаточной частью:

> ***Освен когато*** *се изисква от законодателството, на площите, собственост на къмпинга или на ръководството, не се предлагат напитки в метални опаковки за еднократна употреба* (БНК). ‘*За исключением случаев, когда* это предписывается законодательством, на территориях, принадлежащих кемпингу или руководству, не предлагаются напитки в металлической упаковке одноразового использования’.

В подобных условиях используется и специфический болгарский союз *освен ако.*

3. Союз ***освен ако*** (‘кроме как если’, ‘если только не’, ‘кроме случаев, когда’) является союзом полного исключения. Придаточная часть содержит описание ситуации, которая является единственным условием неосуществления действия в главной:

> *Аз мисля, че ще умре,* ***освен ако*** *е ранен в крилото* (Э. Станев). ‘Я думаю, что он умрет, если только не (*букв*. кроме как если) ранен в крыло’.
>
> *Така алчно пестяха, че съм сигурна — никога няма да похарчат нито лев от тях,* ***освен ако*** *къщата наистина се събори над главите им* (П. Вежинов). ‘Они так жались, что я уверена — они никогда не потратят из этих денег ни гроша, если только дом и вправду не рухнет’ (пер. М. Тарасовой).

Семантика союза в норме предполагает употребление сказуемого в положительной форме, но современный язык, особенно разговорная речь, показывает тенденцию к выбору отрицательной формы: *Смешно е, освен ако* ***не*** *ти се случи на теб* (И). ‘Это смешно, если только это не случится с тобой’.

Отсутствие полного эквивалента союзу *освен ако* в русском языке заставляет принимать разные переводческие решения:

> *Тая капризна, доста старомодна дамичка наистина не обичаше ухилени типове и самохвалковци. Най-често ги подминаваше,* ***освен ако*** *бяха извънредно ловки в комплиментите* (П. Вежинов). ‘Эта капризная, весьма старомодная дамочка и в самом деле не любит ухмыляющихся типов и хвастунов. Чаще всего она обходит их стороной, *кроме разве* тех, кто уж особенно ловок по части комплиментов’ (пер. Л. Лихачевой);
>
> *Не искам изобщо да споменавам за лъжата ви относно въображаемата «позната»,* ***освен ако*** *наричате така мъжа, с когото се срещахте в Женева* (Б. Райнов). ‘А о вашей лжи относительно воображаемой приятельницы вообще говорить не приходится; *впрочем, может*, вы так называли мужчину, с которым встречались в Женеве’ (пер. А. Собковича);
>
> *Старостта не обича да вижда себе си, угасналите си очи, вдървената си походка. Тя винаги е много самотна,* ***освен ако*** *не намери нещо в себе си* (П. Вежинов). ‘Старость не любит видеть в других себя, свои угасшие глаза, свою деревянную походку, она всегда страшно одинока, *если только не* находит какого-то смысла в себе самой’ (пер. Л. Лихачевой).

Союз *освен ако* предстает в двух стилевых вариантах. С одной стороны, он оформляет, как видим, сложные конструкции художественной речи. Но, с другой стороны, он является приметой официально-делового, канцелярского стиля (и здесь аналогом болгарского союза может выступать русск. *кроме того случая / тех случаев, если*):

*Превозвачите предоставят на пътника билет, **освен ако** други документи не дават право на превоз*. 'Перевозчики предоставляют пассажиру билет *в том случае, если* другие документы *не* дают права на поездку / *кроме тех случаев, когда* другие документы дают право на поездку'.

См. также: *В приложение III се съдържа списък с клаузи, които се приемат за неравноправни, **освен ако** търговецът не докаже, че не са* (БНК); *Министрите ръководят отделни министерства, **освен ако** Народното събрание реши друго* (Конституция на Република България).

Времена в придаточных с данным союзом несколько отличаются от времен в предложениях с другими ограничительными союзами из-за включения условного союза *ако*. В основном, используется форма настоящего времени, как в примерах выше, помимо предложения *Най-често ги подминаваше, освен ако бяха извънредно ловки в комплиментите*, где использован имперфект для выражения одновременности другому прошедшему действию. Для обозначения общефактического действия избирается перфект: …*Никога не те потърсва* (PRES) *сама, **освен ако** <u>сте уговорили</u>* (PERF) *да вървите някъде* (Б. Райнов). 'Никогда сама не ищет тебя, если только вы не договорились пойти куда-нибудь'.

Придаточное с *освен ако* в норме постпозитивно.

4. Придаточное с ***освен да*** вводит действие, исключающее все другие. В придаточной части всегда употребляется сказуемое в настоящем времени. Союз включен в состав сложной структуры, формируемой в главной части и возможной в двух вариантах — с отрицательным или с вопросительным местоимением.

а) В первом варианте при отрицательном сказуемом используется отрицательное местоимение и/или прилагательное *друг*. Наиболее частотное лексическое наполнение конструкции *Не остава нищо* (*друго*), *освен да*… (ср. русск. *Не остается ничего другого, кроме как*…) представлено в двух первых примерах ниже:

*Защо са на сестра му тия чужди мъртвешки дрехи? И защо му са на него бижута? Не му оставаше нищо друго, **освен да** си повярва сам, че ги взима за спомен* (П. Вежинов). 'Зачем сестре эти чужие, с мертвеца, платья? И зачем ему драгоценности? Не оставалось ничего другого, как поверить, что он действительно хочет сохранить их на память' (пер. Л. Лихачевой);

*Тогава не му оставаше нищо, **освен да** кове докрай желязото* (П. Вежинов). 'Теперь не оставалось ничего другого, как ковать железо, пока оно горячо' (пер. Л. Лихачевой);

…*Никакви особени подвизи няма да се искат от вас и изобщо не рискувате нищо друго, **освен да** понатъпчете джоба си*… (Б. Райнов). '…Никаких особых подвигов

требовать от вас не станут, и вообще, вы ничем не рискуете, разве только тем, что можете набить себе карман…’ (пер. А. Собковича).

б) Во втором варианте при положительном сказуемом используется вопросительное местоимение *какво*. Вся главная часть имеет форму риторического вопроса:

Какво могат тия днешни момчетии, ***освен да*** *гледат накриво майките си и да плюскат горчивия им вдовишки хляб* (П. Вежинов). ‘Что они могут, нынешние сыновья, кроме как косо поглядывать на матерей да поедать их горький вдовий хлеб’ (пер. Л. Лихачевой).

<*Не знаеше* > *какво друго може да направи,* ***освен да*** *чака* (П. Вежинов). ‘Теперь ему оставалось только ждать’ (пер. Л. Лихачевой), *букв.* ‘<Он не знал,> что еще может сделать, кроме как ждать’.

Обратим внимание, что прямой русский эквивалент этого союза (*кроме как* + инфинитив) не всегда используется в русском переводе, ср. бессоюзно присоединенные предложения с ограничительной частицей:

Какво можеше да каже утре на майката, ***освен да*** *разстрои и нея?* (П. Вежинов). ‘Что он скажет завтра матери? *Только* еще больше расстроит’ (пер. Л. Лихачевой), ср.: ‘Что он мог сказать завтра матери, кроме как расстроить и ее?’;

И не можеше да направи нищо в тоя миг, ***освен да*** *диша дълбоко и да усеща как постепенно се възвръщат силата му и неугасимата жажда за живот* (П. Вежинов). ‘И ничего не мог поделать с собой в эту минуту — *только* глубоко дышал, чувствуя, как возвращаются к нему силы и неугасимая жажда жизни’ (пер. Р. Белло), ср.: ‘кроме как глубоко дышать и чувствовать, как…’

1.4.2.4.8. СПП с придаточным следствия

В придаточном следствия сообщается о действии, которое предстает как результат либо следствие действия в главной части, ср. (а) и (б):

а) *Зъбите му бяха много лоши,* ***така че*** *леко фъфлеше* (П. Вежинов). ‘Зубы у него были очень плохие, *отчего* (*букв.* так что) он слегка пришептывал’ (пер. Л. Лихачевой;

б) *Тук събеседникът ми млъква за миг и ме поглежда очакващелно над очилата си,* ***тъй че*** *аз съм принуден да кимна, за да покажа, че разбира се, защо не, бъдете, колкото щете, искрен* (Б. Райнов). ‘Тут мой собеседник замолкает и с минуту выжидающе смотрит на меня поверх очков, *так что* я вынужден кивнуть; мол, разумеется, почему бы и нет, будьте искренни, насколько вам угодно’ (пер. А. Собковича).

Придаточное, всегда постпозитивное, присоединяется с помощью союзов ***така че*** (***тъй че***), русск. *так что*, в разговорной речи — *че*. Предложения следствия отличаются от предложений с причинно-следственной семантикой субъективностью выводимого следствия: оно является необязательным и даже может содержать неожиданный для самого говорящего результат, а с синтаксической

точки зрения — расчлененностью СПП и грамматической непредсказуемостью придаточного. Кроме того, в придаточных причины следствие заключено в главном предложении, в то время как в рассматриваемых СПП следствие указано в придаточной части.

Гораздо больше общих синтаксических черт у предложений следствия с предложениями присоединительными. Обе эти разновидности характеризуются ослабленной смысловой связью с главной частью, которая предстает как завершенная и синтаксически, и семантически. Поэтому придаточные носят непредсказуемый, добавочный характер, легко парцеллируются, в связи с чем в славистике говорят об ослабленности синтаксической связи в этих предложениях.

В болгарской лингвистике придаточные следствия объединяются в одну группу с придаточными присоединительными (*изречения за последица и заключение*), что имеет определенные основания при использовании в последних союзных средств следственной семантики[203]. Оба типа придаточных характеризуются семантической и синтаксической независимостью главной части [ГСБКЕ 1983-3: 413].

В качестве союза следствия в болгарском языке может выступать союз ***че*** ‘так что’, присоединяющий придаточное обычно со сказуемым перцептивного или ментального значения, ср. пример из разговорной речи: *Което беше за сборника / аз го предадох / ама е повече страници /* ***че*** *не знам* [Радева П. 2012: 95]. ‘Насчет сборника / я его сдала / но страниц больше, чем требовалось / так что не знаю’. В данном значении союз был активен и в языке предшествующего времени, напр. *Патил съм от нея,* ***че*** *знам* (Чудомир). ‘Я натерпелся от нее, так что знаю’ [ГСБКЕ 1983-3: 417].

В болгаристике часто рассматриваются как предложения следствия и такие придаточные, которые содержат в первой предикации интенсифицирующее указательное местоимение (*така* / *тъй* / *толкова / такъв… че*): *Дохождат дни, такива мрачни дни, /* ***че*** *ще ти се да виеш от ненавист* (Н. Вапцаров). ‘Приходят дни, такие мрачные дни, что хочется выть от ненависти’ [ГСБКЕ 1983-3: 417; Пенчев 1984: 138; Пашов 1999: 432 и др.][204]. В таком случае союзом следствия считается только союз *че*.

В представляемой здесь классификации предложения с союзом *че* и местоименно-указательными словами в главной части, в том числе конструкции с разрывом союза *така че*, рассматриваются в рамках сравнительно-сопоставительных и меры и степени. К предложениям следствия причисляем лишь те, где союз неразрывен и «связь между предикативными частями и формально, и по смыслу не является предсказующей» [СРЛЯ 1988: 635].

---

[203] В эту же группу при этой концепции попадают и те предложения, где предикативные части связаны такими коннекторами со значением следствия, как: *затова* ‘поэтому’, *следователно* ‘следовательно’, *ето защо* ‘вот почему’ и др.

[204] См. подобное же решение в отечественной болгаристике [Маслов 1981: 399] и русистике [Золотова и др. 1998: 358].

1.4.2.4.9. СПП с придаточным меры и степени

СПП с придаточным меры и степени (в болгарской лингвистике — *за количество и степен* ‘количества и степени’) отличаются многообразием семантических оттенков и структурных разновидностей, поскольку, во-первых, в болгарском языке для выражения в СПП семантики количества и интенсивности имеется большой набор средств связи, во-вторых, регулярное отсутствие либо, наоборот, наличие соотносительного слова позволяет выразить специфические значения в рамках каждой структурной разновидности. В целом, в данных СПП, в отличие от других типов сложных предложений, соотносительное слово имеет структурно значимый характер и не всегда является свободно варьируемым.

Придаточные данного типа, в основном, находятся в постпозиции к главной части, особые случаи будут оговариваться ниже.

Видо-временные формы в предложениях рассматриваемого типа используются в соответствии с общими правилами согласования времен. При союзах, включающих *да*, сказуемое придаточной части стоит в форме настоящего времени.

Как и в русском языке, отмечается контаминированная (количественно-качественная) семантика[205] в зависимости от представленности качественных сем в сопоставляемом признаке, ср. *толкова много, че… — така силно, че… — толкова хубава, че…*. (как и русск.: *так много, что… — так сильно, что… — такая красивая, что…*). Таким образом, в одних случаях количественная семантика выявляется отчетливо, в других присутствует в контаминации с качественной, в третьих — слабо выражена, см. об этом и ниже.

Поскольку все структурные разновидности данных СПП обладают своей спецификой, рассмотрим их поочередно.

1. *Такъв / толкова / така / тъй… — сякаш / като че ли / както* (русск. *такой / настолько / так… — будто / словно / как*).

Сравнительные союзы *сякаш / като че ли / както*, вводящие придаточную часть, определяют и сравнительно-сопоставительную семантику придаточной: интенсивность проявления признака уподобляет действие в главной части ситуации, описываемой в придаточной части:

> *Те разговаряха* ***тъй*** *високо,* ***сякаш*** *се караха, и ръкомахаха* ***тъй*** *енергично,* ***като че*** *бяха разгневени* (Д. Димов). ‘Они переговаривались так громко, будто ссорились, и, словно в гневе, энергично размахивали руками…’ (пер. Н. Попова), *букв.* ‘…так громко, будто ссорились, и размахивали руками так энергично, будто гневались’;
>
> *В края на краищата сам си бях виновен, дори острият кинжал на самотата не е* ***така*** *страшен,* ***както*** *една леко пийнала, бъбрива и досадна компания* (П. Вежи-

[205] Контаминированность признается здесь не только в семантике, но и в структуре. Предложения соотносительного типа, напр. *А дочки у меня такие красавицы, что <…> даже князья и графы засматриваются* (А. П. Чехов), трактуются как занимающие промежуточное место между предложениями расчлененной и нерасчлененной структуры.

нов). 'В конце концов, я сам виноват: даже острый кинжал одиночества не так страшен, как подвыпившая, шумная и скучная компания' (пер. М. Тарасовой).

Выбор местоименного слова определяется категориальной принадлежностью и семантикой слова — носителя признака: *такъв* используется при прилагательных и существительных (особенно оценочно-характеризующих), *толкова* — при наречиях и при существительных с признаком, способным к количественному измерению, *така / тъй* — при наречиях, глаголах, предикативно употребленных прилагательных, хотя возможны и единичные иные соотнесенности.

2. ***Такъв / (до)толкова / така / тъй / дотам… че*** / ***че да*** (ср. русск. *такой / настолько / так / до такой степени… что / чтобы*).

При союзе ***че*** семантика придаточного осложняется значением следствия: ***Така*** *се стреснах,* ***че*** *заковах на място колата* (П. Вежинов). 'Я так испугался, что остановил машину' (пер. М. Тарасовой); *И си крещим в лицата* ***така, че*** *никой нищо не чува.* 'И мы кричим в лицо друг другу так, что никто ничего не слышит'. Ряд болгарских лингвистов описывают данные структуры в рамках СПП с придаточным следствия, т. е. совместно с предложениями с неразрывным союзом *така* (*тъй*) *че*; см. раздел 1.4.2.4.8 этой главы.

При союзе ***че да*** количественное значение сохраняют лишь структуры с соотносительными словами степени *дотолкова*, *дотам*. Обычно это СПП с отрицанием в главной части, при котором предложение с *че да* получает значение несоответствия. Оно реализуется в двух структурных вариантах в зависимости от позиции соотносительного слова — а) при компоненте со значением признака, б) в конце главной части в качестве местоименной скрепы, т. е. контактно к союзу:

а) *Не съм* ***дотам*** *неграмотен, Майкъл,* ***че да*** *не мога да направя разбор на един разговор* (Б. Райнов). 'Я *не настолько* глуп, Майкл, *чтоб* не понять, что к чему' (пер. С. Никоненко); *Няма да бъда* ***дотам*** *взискателен,* ***че да*** *питам какво ще правим в Идар* (Б. Райнов), *букв.* 'Я *не* буду *до такой степени* требовательным, *чтобы* спросить, что мы будем делать в Идаре';

(б) *Млади човече — казва Фурман, — аз съм наистина проницателен, обаче не* ***дотам, че да*** *виждам през сакото ви. Благоволете да извадите самите книжа* (Б. Райнов). 'Молодой человек, — говорит Фурман, — взгляд у меня действительно проницательный, но *не настолько, чтобы* видеть сквозь пиджак. Соблаговолите выложить наличные' (пер. А. Собковича).

Семантика предложений с местоименно-союзными комплексами *такъв / така / тъй / …че да* является дискуссионной. Количественная составляющая в них может вообще отсутствовать, заменяясь на значение образа действия: *Как да сгъваме слушалки* ***така, че да*** *не се оплитат?* 'Как складывать наушники *так, чтобы* они не запутывались?'; *Услужливата ни памет е устроена* ***така, че да*** *запомняме важното, а* ***да*** *забравяме несъществено.* 'Наша услужливая память устроена *так, чтобы* мы запоминали самое важное, а забывали несущественное'. Традиционные классификации иногда выделяют тип СПП *за количество и начин* (количества

и способа действия), в который помещаются как структуры меры и степени, так и указанные придаточные со значением образа действия, но также и предложения с *като* и *без да*, рассматриваемые в нашей работе как разновидность временных.

3. (***Толкова***)***… колкото*** (ср. русск. *столько… сколько*), (***дотолкова***)***… доколкото / че*** (ср. русск. *настолько / до такой степени… насколько / что*).

Наличие соотносительного слова в этом типе предложений не является обязательным[206], но именно при его введении непосредственно перед союзным словом рассматриваемый структурный тип ярче всего представляет количественную семантику: *Ще платя* ***толкова, колкото*** *ми поискат.* 'Заплачу *столько*, *сколько* потребуют'; ***Колкото*** *поискаш,* ***толкова*** *ще ти дам.* '*Сколько* попросишь, *столько* и дам'.

В ином случае соотносительное слово указывает на степень признака, выраженного последующим словом: *Често бих желала, поручик Хиршфогел, да проявявам към себе си и другите* ***толкова*** *свирепост,* ***колкото*** *проявявате вие* (Д. Димов). 'Мне подчас хочется, поручик Гиршфогель, относиться к себе и людям, как вы, — с такой же жестокостью' (пер. Н. Попова и др.), *букв.* '…с *такой же степенью* свирепости, *какую* проявляете вы'.

Отрицание при соотносительном слове, как и в русском языке, указывает на то, что в придаточной последует «корректировка» признака. Введенный в главной части признак предстает на этом фоне либо как недостаточный, менее значимый, либо как неточный, ср.:

> *Понеже седя зад закрилата на синия чадър, аз страдам не* ***толкова*** *от жегата,* ***колкото*** *от върволицата минувачи, промъкващи се през лабиринта на сергиите* (Б. Райнов). 'Я укрылся под синим зонтом кафе, и меня угнетает *не столько* жара, *сколько* нескончаемая вереница прохожих, движущихся по образуемому лотками лабиринту' (пер. А. Собковича);
>
> *Такива хора можеха да проявят храброст* ***не толкова*** *от любов към Германия,* ***колкото*** *от омраза към враговете ѝ* (Д. Димов). 'Такие люди способны проявлять храбрость *не столько* из любви к Германии, *сколько* из ненависти к ее врагам' (пер. Н. Попова и др.).

Отсутствие однозначной количественной семантики в этом подтипе СПП побуждает рассматривать их как сочинительные с градационным значением, см. раздел «Сложносочиненное предложение».

Препозиция придаточной части порождает значение сопоставления по параметрам количественности или интенсивности. В этом случае обе части союзного комплекса начинают предикацию: *Но* ***колкото*** *тая задача бе проста по смисъл,* ***толкова*** *сложно бе нейното изпълнение* (Б. Райнов). 'Но *насколько* эта задача была проста по замыслу, *настолько* сложна по исполнению'. Ср. близкие структуры с сопоставительным значением, но вне какой-л. количественной семантики, относящиеся к сравнительному типу СПП (1.4.2.4.10).

[206] Обратим внимание, что в предложениях соответствия используется то же средство связи (*колкото… толкова*), но в них наличие соотносительного слова обязательно

При отсутствии соотносительного слова значение меры и степени ослабляется и придаточное приобретает сравнительное значение: *Но мистер Лакран тежеше,* ***колкото*** *тежи чувал с олово* (Э. Станев). ‘Но мистер Лакран весит [столько же], *сколько* мешок со свинцом’.

Придаточное с *(до)колкото* вне коррелята может выполнять функции вводного предложения и даже лексикализуется [Захаревич, Крылова 1978: 47]: *доколкото знам* ‘насколько я знаю’; *доколкото ми е известно* ‘насколько мне известно’; *крещя, колкото ми глас държи* ‘кричать во весь голос’, *букв.* ‘кричать, насколько выдерживает голос’; *тичам, колкото ми крака държат* ‘бежать изо всех сил’, *букв.* ‘бежать, насколько выдерживают ноги’.

При союзе *че* при корреляте *дотолкова* возникает оттенок следствия:

> *Азбучна истина за днешната геометрия е, че правата, стигаща с едната си страна до безкрайно отдалечена точка, задължително се връща към нас от противоположната страна, т. е. наподобява окръжност с безкраен радиус,* ***дотолкова*** *изгубила изкривяването си,* ***че*** *то се свежда до нула* (Т. Жечев). ‘Азбучная истина сегодняшней геометрии гласит: прямая, следующая с одной стороны до бесконечно удаленной точки, непременно возвращается к нам с противоположной стороны, то есть она напоминает окружность с бесконечным радиусом, *до такой степени* потерявшую кривизну, *что* практически эта кривизна сведена к нулю’ (пер. Е. Фалькович).

4. *Колкото да*. В этой разновидности соотносительное слово отсутствует. Для предложений с союзом *колкото да* можно выделить два структурно-семантических подтипа.

а) Придаточная часть указывает на «количественный минимум, необходимый и достаточный для осуществления того, о чем в ней сообщается» [Захаревич, Крылова 1978: 47]:

> *Около минута се застоях в таксито,* ***колкото да*** *се уверя, че никаква кола не ме преследва* (Г. Христов). ‘Еще с минуту я посидел в такси, *чтоб* [‘столько, чтобы’] убедиться, что никакая машина меня не преследует’,
>
> см. также: *След двайсетина минути, които стигаха* ***колкото да*** *провери дали помещенията са си на място, Божидар приключи обхода…* (К. Кынчев); *Той допълва своята чаша с две кубчета лед и минерална вода, отпива,* ***колкото да провери*** *дали е улучил пропорцията* (Б. Райнов).

Для перевода данных СПП[207] используются русские целевые предложения, которые, однако, не отражают специфический смысл болгарского придаточного: *Спирам за миг,* ***колкото да*** *дам възможност на Борислав да се настани до мене…*

[207] Здесь и далее до конца подраздела: иллюстративный материал, при котором нет указания на переводчика, взят из корпуса А. А. Градинаровой [2010г: 114—115] — это примеры из произведений Б. Априлова, П. Вежинова, Л. Дилова, Б. Райнова; переводы на русский язык выполнены Е.Андреевой, Р. Белло, В. Куц, Л. Лихачевой, С. Никоненко, М. Тарасовой.

‘Останавливаюсь на мгновение, *чтобы* дать возможность Бориславу устроиться рядом со мной…’[208]

Функционально эквивалентными являются русские союзные комплексы, содержащие количественный компонент, т. е. целевые предложения со значением достаточного основания (первый пример), а при контекстной допустимости — с сочетаниями необходимого количественного минимума *чтоб* (*хоть*) *немного*, *чтобы чуть*, ср.: *Две хиляди километра път,* ***колкото да*** *снижиш волтажа на нервната си инсталация*… ‘Две тысячи километров пути — *этого достаточно, чтоб* спало нервное напряжение…’; *Просна се за секунда до нея,* ***колкото да*** *си поеме дъх*. ‘Он распластался рядом с Нуми, *чтобы хоть немного* перевести дух’.

Частотно для русских переводов бессоюзное присоединение: *Поигра малко на колебание,* ***колкото да*** *вдигне цената. После кандиса* (Б. Райнов). ‘Поначалу делал вид, будто колеблется, — *цену набивал*. Потом сдался’ (пер. А. Собковича). Адекватность русской бессоюзной структуры при передаче требуемого значения поддерживается лексическими маркерами малого количества, малой степени — *наскоро*, *только на минутку*, в последнем примере — *как-нибудь*:

> *Преглеждам набързо един от тях* [*вестниците*], ***колкото да*** *разбера какво става по света.* ‘Наскоро просматриваю одну из них [газет]: надо же знать, что происходит в мире’;
>
> *И двата пъти тя се появи на прозореца само за мигове,* ***колкото да*** *погледне утринното небе, после изчезваше*. ‘И оба раза девушка появлялась у окна только на минутку — взглянуть на утреннее небо, потом исчезала’;
>
> *Направи ми един отвор!..* ***Колкото да*** *влезем!..* ‘Сделай одно отверстие! Как-нибудь войдем’ (*букв*. ‘Так, чтоб только пролезть’).

б) Придаточная часть, имея общее значение ограниченной цели, «характеризует действие как совершаемое формально, не в полную меру» [Захаревич, Крылова 1978: 47]:

> «*Наистина ли бяхте поканена?*» — *питам,* ***колкото да*** *наруша мълчанието* (Б. Райнов). ‘«Вы действительно приглашены?» — спрашиваю я, *чтоб как-то* нарушить молчание’,
>
> см. также: *Дадоха я на Куцара,* ***колкото да*** *я оженят — ожени мома, да не е дома*… (Й. Йовков); *Навик стана на Вълкадина да стане сутрин, да подкара пред себе си кравата, за да я пасе —* ***колкото да*** *се намира на работа* (Й. Йовков).

На русский язык такие конструкции обычно передаются придаточными ограниченной цели (*лишь бы*; *только для того, чтобы*): *От София ли сте? — попитах,* ***колкото да*** *кажа нещо.* ‘Вы из Софии? — спросил я, *лишь бы* что-то сказать’.

---

[208] В. С. Храковский обратил наше внимание на русские конструкции с деепричастными оборотами и сочетанием *тем самым*, позволяющие передать указанную семантику болгарской модели, ср. *Спирам за миг,* ***колкото да*** *дам възможност на Борислав да се настани до мене*… ‘Останавливаюсь на мгновение, *давая тем самым* возможность Бориславу устроиться рядом со мной’.

Такой перевод не всегда достаточен, когда необходимо подчеркнуть формальность выполнения действия, незаинтересованность в нем субъекта действия, — семантику, которую несет в себе придаточное с *колкото да*. При подходящем контексте хорошо отражают этот смысл обороты типа *от нечего делать*, *ради галочки*, сравнительно-компаративные конструкции *больше из/от… чем из/от* и под.:

«*За къде сте?* » — *попитах аз,* ***колкото да*** *кажа нещо*. '«Куда держите путь?» — спросил я *от нечего делать*';

«*Музика ли слушаш?*» — *запита Мечтателя,* ***колкото да*** *покаже, че е готов да разговаря.* '«Музыку слушаешь?» — спросил Мечтатель *больше* из вежливости, *чем* из желания поговорить'.

1.4.2.4.10. СПП с придаточным сравнительным

СПП данного типа устанавливают сходство двух ситуаций или их фрагментов[209]. Средства связи — союзы *сякаш* (*че*), *като че* (*ли*), *като да*, вводящие ирреальное сравнение, и союзы *както*, *тъй както*, (*от*)*колкото* со значением реальной модальности (ср. русск. эквиваленты ниже). Соотносительные слова не являются обязательными, кроме предложений соответствия с разрывным комплексом *колкото… толкова*.

Придаточное находится в постпозиции к главному. Исключение составляют СПП с союзом *както* со свободной позицией придаточной части.

1. Предложения с союзами ***сякаш*** (***че***), ***като че*** (***ли***), ср. русск. (*как*) *будто*, *словно*, *точно*, выражают значение уподобления, основанное на субъективно усматриваемом сходстве явлений [Захаревич, Крылова 1978: 53]:

Той идва бавно насам, като гледа разсеяно витрините под аркадата, ***сякаш*** *е тръгнал да убива времето* (Б. Райнов). 'Он неторопливо идет к кафе, рассеянно глядя на витрину, *будто* у него одна забота — убить время' (пер. А. Собковича);

Върху лицата на едни бе изписано смущение, примесено с парлива възбуда, други се смееха и разговаряха високо, ***като че*** *щяха да присъстват на бой с бикове* (Д. Димов). 'Одни, казалось, испытывали неловкость, смешанную с острым возбуждением, другие смеялись и громко разговаривали, *точно* пришли на бой быков' (пер. Т. Рузской).

Видо-временные формы используются на общих основаниях. Если сопоставляются ситуации целиком, одноплановые формы в обеих частях СПП отражают параллелизм построения: *Никакъв звук не достигаше* (IMPERF) *до слуха им,* ***сякаш*** *се намираха* (IMPERF) *в някаква изолационна камера* (П. Вежинов). 'Не доносилось ни звука, будто они находились в изолированной камере' (пер. Р. Белло).

---

[209] В болгарских грамматиках (см., например, [ГСБКЕ 1983-3; Пашов 1999]) в одной группе со сравнительными часто рассматриваются и предложения образа действия — с союзами *като* и *без да*.

2. «Симулятивный» союз ***като да*** имеет полный русский эквивалент — *как если бы*, однако область употребления болг. *като да* несравненно шире, т. к. он является стилистически нейтральным.

Участие *да* в составе этого союза незначительно влияет на набор временных форм в придаточной: используется настоящее время и имперфект для значения одновременности с ситуацией в главной части, перфект и плюсквамперфект для указания на завершенность и результативность события. Времена употребляются в своих основных значениях:

Продължаваше (IMPERF) *да лежи с неподвижно лице и спуснати клепачи,* ***като да*** *не чуваше* (IMPERF) *гласа ми* (А. Гуляшки). 'Он продолжал лежать с неподвижным лицом, прикрыв глаза, *словно* (*букв.* как если бы) не слышал моего голоса';

Вратата сама се отвори (AOR)*, като да ги бе очаквал* (PPERF) *някой зад нея* (Д. Талев). 'Дверь открылась сама, *как будто* (*букв.* как если бы) кто-то ждал их за нею'.

В связи с тем, что область русск. *как если бы* ограничена, при переводе на русский язык, как показывают и примеры выше, выбираются другие сравнительные союзы — *словно*, (*как*) *будто*, сравнительные конструкции и др. То же наблюдаем и в переводах с русского, где переводчики находят возможным использовать *като да* вместо русских сравнительных союзов или добавлять его при имплицитном сравнении, ср. примеры из романов «Мастер и Маргарита» М. Булгакова (пер. Л. Минковой) и «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина (пер. З. Петровой), при этом в текстах нет ни одного случая употребления *как если бы*:

…*Связанный мгновенно рухнул наземь,* ***как будто*** *ему подрубили ноги*. '…Вързаният тутакси рухна на земята, *като да* му бяха отсекли краката;

…*Передернул плечами, как будто озяб*. '…раменете му потрепериха, *като да* беше премръзнал';

Жарко, — сказал Колька, ***будто*** *сознался в чем-то*. 'Горещо е — каза Колка, *като да* си признаваше нещо';

И галошу Колька погладил, ***как*** *живую*. 'И Колка погали халоша, *като да* беше живо същество' (*букв.* 'как если бы она была живым существом');

Вообще-то… Мы подождем. Правда… — Получилось почти по-взрослому. 'Всъщност… Ще почакаме. Наистина. — Излезе почти *като да* говореше възрастен' (*букв.* 'Получилось почти как если бы говорил взрослый').

3. Значение сходства и сопоставления реальных ситуаций — основная сфера применения союза ***както*** (русск. *как*):

Изобщо всичко ще стане, ***както*** *вие го желаете* (Б. Райнов). 'И вообще все будет *так*, *как* вы пожелаете' (пер. А. Собковича);

Изобщо, ***както*** *напоследък се случва, жените бяха повече от мъжете и по-добре се забавляваха*…(П. Вежинов). '*Как* часто случается в последнее время, женщин было больше, чем мужчин, и они вовсю веселились' (пер. М. Тарасовой);

*Но от жените, **както** се бях уверил през моя доста дълъг живот, всичко може да се очаква* (П. Вежинов). ‘Но от женщин, *как* я уверился за свою довольно долгую жизнь, можно всего ожидать’ (пер. М. Тарасовой).

Позиция придаточного с *както* не является закрепленной, однако определяет семантическую специфику этого типа СПП. Наблюдается закономерность использования в интерпозиции и в начальной позиции придаточных без соотносительных слов, вводящих комментарии обобщающего характера (отсылка к генерическим ситуациям, к прошлому опыту, см. последние два примера выше) либо имеющих характер вводных сообщений, напр. указывающих на источник информации и мнения: *Господин Тоци, **както** личеше от надписа на табелката, бе адвокат* (Б. Райнов). ‘Господин Тоцци, как значится на табличке, адвокат’ (пер. А. Собковича); ***Както** сам се досетихте, тук играят роля и някои наследствени фактори*… (П. Вежинов). ‘Как вы догадываетесь, тут играют роль и некоторые наследственные факторы…’ (пер. М. Тарасовой). Введение коррелятов для таких предложений не характерно.

Значение «глобального» уподобления развернутых ситуаций возникает в закрепленной структуре (***и***) (***тъй***) ***както… така и*** при обязательной препозиции придаточного, ср. русск. *как… так и*; *подобно тому как*:

***И тъй, както** пеперудата се хвърля в пламъка, който ще я изгори, **така и** тя се хвърли върху монаха, обхвана го като пантера и впи устните си в неговите* (Д. Димов). ‘*И как* бабочка бросается в пламя, которое ее сожжет, *так* она бросилась на монаха, схватила его в объятия и впилась губами в его губы’ (пер. Т. Рузской).

Для предложений «глобального» уподобления характерно использование вводящего инициального союза *и.* Эти предложения формально близки одной из разновидностей СПП «убеждающего» сопоставления (см. раздел 1.4.2.4.11).

4. Союз (***от***)***колкото*** оформляет сравнительно-количественные конструкции с участием компаративов в главной части. В придаточной части сообщается, с чем сравнивается член, выраженный компаративом [Захаревич, Крылова 1978: 54], т. е. придаточная часть выполняет роль объекта сравнения: *И ти знаеш **повече, отколкото** трябва да знае една мислеща машина — измърмори Алек* (П. Вежинов). ‘И ты знаешь *больше*, *чем* полагается знать мыслящей машине, — пробормотал Алек’ (пер. Р. Белло).

Начальный наречный компаратив *по-скоро* может играть роль первого компонента союзного комплекса, ср. структуры с контрастным сопоставлением субъектов: *На този етап **по-скоро** той им влияе, **отколкото** те на него.* ‘На этом этапе *скорее* он на них влияет, *чем* они на него’, ср. также: *По-скоро аз ще му стана помощник, отколкото той на мен*; *По-скоро той ме е поиталианчил, отколкото аз да съм го побългарила* (И). В предложениях подобного типа реализуются не столько сравнительные отношения, сколько эпистемическая семантика недостоверности ситуации в придаточной части, усиливаемая ее сравнением с другой, которая подается как более соответствующая реальности.

1.4.2.4.11. СПП с придаточным соответствия и сопоставления

Характерной особенностью семантики данных СПП является взаимная соотнесенность ситуаций в главной и придаточной частях, которая проявляется в сопоставлении или соразмерном уподоблении всех или отдельных признаков ситуации, что отражается как в синтаксическом, так и лексико-семантическом параллелизме конструкции.

Используются разрывные союзные комплексы *колкото… толкова*, *както… така и*, *ако… то*, союзы *отколкото*, *докато.* Разнородность связующих средств, употребляемых в этом типе предложений, объяснима тем, что все они явились результатом переосмысления значений союзов в обстоятельственных СПП различных типов. Отсюда и разное их место в классификациях СПП. Предложения данного типа обычно рассматриваются в рамках предложений с придаточными сравнительно-сопоставительными, меры и степени (в болгаристике часто объединяемых в одну классификационную ячейку), условия (*ако… то*), а также временными (*докато*). При этом лингвисты всегда отмечают особый характер рассматриваемых конструкций, приближающий их к сложносочиненным предложениям, либо вообще помещают их в ряд сочиненных структур. Тем не менее по формальным признакам данные конструкции имеют главную и зависимую часть и связаны подчинительными союзами. Общность семантики позволяет обсуждать их как единую группу.

1. ***Колкото… толкова*** (русск. *по мере того как…*; *чем… тем*). Придаточная часть указывает на соотнесение нарастающего признака с нарастающим признаком в главной части. Ср. определение семантики аналогичных предложений в русском языке:

> Значение соответствия в таких предложениях проявляется в том, что события, действия в главной и придаточной части взаимно соотнесены, уподоблены в том, что одно из них разворачивается соразмерно другому, интенсивность их проявления, качественные и количественные характеристики находятся в закономерной связи и соотнесенности [СРЛЯ 1988: 640].

Союзный комплекс *колкото... толкова* вводит предложения, эквивалентные двум русским подтипам СПП со значением соответствия.

В первом из них сопоставляются по временнóму признаку взаимообусловленные ситуации целиком (русск. *по мере того как*): ***Колкото*** *животът си отива към края,* ***толкова*** *ние се връщаме към началото си* (С. Загорчинов). ‘По мере того как жизнь приближается к концу, мы возвращаемся к своему началу’, пример из [Захаревич, Крылова 1978: 54]. Как и в русских предложениях с союзным комплексом *по мере того как*, здесь передается «значение одновременного, постепенного, соразмерного развертывания событий» [СРЛЯ 1988: 640].

Во втором подтипе сравниваются какие-л. признаки в их количественном проявлении (русск. *чем… тем*), указывается на их «пропорциональное соответствие» [Там же: 640]. Здесь в обеих частях используются компаративные формы — это

прежде всего формы сравнительной степени с морфемой *по-* (возможные для качественных прилагательных и наречий) и супплетивное *повече* (‘больше’):

> *И **колкото** <u>повече</u> я гледаше и слушаше, **колкото** <u>повече</u> се разкриваше миналото ѝ, средата ѝ, печалните обстоятелства в живота ѝ, **толкова** <u>по-силно</u> ставаше убеждението на Бенц, че отсега нататък той почва да живее само за нея* (Д. Димов). ‘Чем дольше он слушал и смотрел на нее, чем больше он узнавал о ее прошлом, о ее среде и печальных обстоятельствах ее жизни, тем сильнее крепло в нем убеждение, что отныне он будет жить только ради нее’ (пер. Н. Попова и др.).

Считается, что в этой разновидности предложений соответствия придаточная часть всегда препозитивна, но все же это не категорический запрет, ср. обратный порядок в болгарском оригинале с заменой на обычный — в русском переводе: *Забелязал съм, че някои келнери са **толкова** по-високомерни към клиента, **колкото** по-невзискателен е той към тях* (Б. Райнов). ‘Я заметил, что *чем* невзыскательней клиент, *тем* пренебрежительней относятся к нему официанты’ (пер. А. Собковича).

Для рассмотренного подтипа характерен не только параллелизм построения, но и одноплановые временные формы глаголов НСВ [Захаревич, Крылова 1978: 54].

2. *Както… така и* (русск. *как… так и*). Если препозитивное придаточное с *както* имеет коррелят *така и* в главном предложении, оно выражает значение «убеждающего сопоставления»: аргументом для истинности утверждаемой ситуации служит наличие аналогичной или, наоборот, контрастной ситуации того же плана: ***Както** има различни игри, **така** има **и** различни играчи* (Б. Райнов). ‘Как есть разные игры, так есть и разные игроки’; ***Както** има добри хора, **така** има **и** лоши*. ‘Есть хорошие люди, а есть плохие’ (*букв.* ‘Как есть хорошие люди, так есть и плохие’).

3. *Ако… то*. Условный подчинительный союз при наличии коррелятивного местоименного компонента *то* оформляет предложения сопоставления (соответствия). В русском языке при значении соответствия обязательно введение коррелята (в то время как для предложений условия он не является необходимым), в болгарском языке это требование не носит категорического характера: ***Ако** денят е къс, годината е дълга* (посл.), *букв.* ‘Если день короткий, год длинный’; ***Ако** аз съм млад, ти си още дете*. Введение соотносительного слова усиливает категоричность сопоставления: ***Ако** аз съм млад, **то** ти си още дете.* ‘Если я молодой, то ты еще ребенок’.

Помимо афоризмов и пословиц, предложения данного типа, как и в русском языке, активны в научной и научно-популярной речи: ***Ако** Иван Вазов е художник на един свят, в който личната човешка част представлява твърде важна условност на обществения живот, **то** Димитър Димов е писател на общество, в което тая условност е вече отпаднала* (М. Василев), пример И. Недева [1992: 286].

4. *Докато*. Союз *докато*, имеющий несколько семантических вариантов как временной союз, способен также вводить придаточное со значением сопоставления (ср. русск. *между тем как*, *тогда как*, *в то время как*):

Жена ми имаше лошия навик да се разхожда из къщи с износените си пеньоари и рокли, ***докато*** *новите ѝ дрехи тъй си и вехтееха в гардероба* (П. Вежинов). ‘У моей жены была скверная привычка донашивать дома старые платья, пока [точнее: *тогда как*, *в то время как*] новые ее туалеты пылились в гардеробе’ (пер. М. Тарасовой).

В данном значении союз *докато* активно используется в научной речи:

То не е предизвикало детонация — или заради малкото количество на пробата, или защото сапьорите са взели проба от веществото от горните пластове, ***докато*** *основната концентрация на хексогена може да се е намирала в долната част на чувала.* ‘Он не вызвал детонации либо из-за малого количества пробы, либо из-за того, что саперы взяли пробу вещества с верхних слоев, *тогда как / между тем как* основная концентрация гексогена могла находиться в нижней части мешка’.

1.4.2.4.12. СПП с придаточным заместительным

В данных СПП реализуются замещающие отношения, т. е. указывается, что вместо одной ситуации происходит (произошла / будет происходить) иная. Таким образом, одна из частей (либо главная, либо зависимая) содержит реальное положение дел, а другая — ирреальное, см. примеры далее.

В болгарской лингвистике СПП с этими придаточными не выделяются как отдельная разновидность. Они, в тех случаях если вообще упоминаются, вводятся в группу предложений с придаточными «исключения» [ГСБКЕ 1983-3: 409; Радева П. 2002: 169—174] или в группу с придаточными ограничительными [Брезински 1995: 289]. В русской лингвистике также не принято выделять заместительные придаточные как отдельный тип, хотя такое специфическое значение союза *вместо да* регулярно отмечается, ср. и на типологическом фоне [Thompson, Longacre 1987: 199].

Придаточное заместительное вводится союзом *вместо да*, реже в варианте *наместо да* ‘вместо того, чтоб(ы)’, а также разг. *дето*[210]:

А сега, ***вместо да*** *се успокоя, изведнъж се почувствах в някакъв идиотски вакуум* (П. Вежинов). ‘Однако, вместо того чтобы окончательно успокоиться, [я] почувствовал себя в каком-то странном вакууме’ (пер. М. Тарасовой);

Наместо да *се борим с престъпността, ние я легализираме, затваряйки си очите за истината на българския преход и за великата криминална революция, случила се у нас* (И). ‘Вместо того чтобы бороться с преступностью, мы ее легализуем…’;

Дето *ще се тъпчеш с хапчета, може да опиташ с билки* (разг.). ‘Вместо того чтобы глотать таблетки, полечилась бы травами’.

[210] В [ГСБКЕ 1983-3: 410] союз *дето* определяется как народно-разговорный, а *наместо да* — устаревающий. Заместительное *дето* несравнимо реже присутствует в современном разговорном языке, чем его омонимы, вводящие, напр., относительное придаточное или придаточное места. В КБРР нет ни одного употребления *дето* с заместительным значением; все приводимые здесь примеры из разговорной речи на заместительное *дето* — из работы [Радева П. 2002].

В большинстве случаев субъект придаточной части кореферентен субъекту главного предложения. Тем не менее болгарский язык допускает и разносубъектные предикации. Такие СПП возникают при контрастивных подлежащих главного и придаточного предложений[211], причем подлежащее придаточного предложения, как правило, выносится в позицию перед *да*, т. е. происходит разрыв союза: ***Вместо*** *той↓* ***да*** *ми помага, аз↓ непрекъснато се занимавам с неговите проблеми*. 'Вместо того чтобы он↓ мне помогал, я↓ постоянно занимаюсь его проблемами'. Иное возможное место контрастивного подлежащего — в конце придаточного, тогда разрыва союза нет: ***Вместо да*** *отида аз↓, ще отидеш ли ти↓?* (пример [ГСБКЕ 1983-3: 410]), *букв.* 'Вместо того чтобы пошла я, пойдешь ли ты?'

Разрыв союза с *да* возможен и другими элементами предложения, тоже обычно контрастивными, при этом одновременно противопоставляться могут и другие части предикаций, ср. *пред мнозина* / *насаме*; *да похвалят* / *да похулят*: ***Вместо*** *пред мнозина* ***да*** *те похвалят, по-добре е насаме да те похулят*, пример П. Радевой [2002: 170], *букв.* 'Вместо того чтобы перед многими тебя хвалили, лучше наедине чтобы поругали'.

Частица *да* в данном составном союзе, в отличие от большинства других комплексов с *да*, не накладывает, по утверждению [ГСБКЕ 1983-3: 409], жестких ограничений на времена сказуемого, тем не менее примеров на другие глагольные формы, помимо настоящего времени, не приводится и нами тоже не обнаружено.

Для предложений с *дето* отмечена возможность сочетания его с формой будущего времени: *Дето* *ще се бутам* (FUT1) *в тролея, ще вървя пеш* [Радева П. 2002: 170]. 'Вместо того чтобы толкаться в троллейбусе, пойду пешком'. Разговорное *дето* не имеет полного переводного эквивалента в русском языке, используется все тот же союз *вместо того чтобы*.

Тем же русским союзом переводится болг. *вместо да* (см., однако, иные случаи далее):

> *След като направи несполучлив опит да си отреже палеца, той се върна с две окастрени пръчки и незначителна раничка. Но* ***вместо да*** *го приеме като герой, тя безжалостно го смъмра…* (П. Вежинов). 'После неудачной попытки отрезать себе палец он вернулся, неся две очищенные от коры палочки. Но *вместо того, чтобы* встретить его как героя, Криста безжалостно накинулась на него…' (пер. Л. Лихачевой).

Сопоставление болгарских текстов с их русскими переводами показывает бóльшую активность болгарского союза, чем русского. Ср. иные возможности выражения заместительного значения в русском, в основном адверсативной семантики:

---

[211] Противопоставление может охватывать и зону предиката, но и тогда разносубъектность частей возможна лишь при контрастивных подлежащих: *Наместо воловете да реват, колата скърца* (посл.), *букв.* 'Вместо того чтобы волы ревели, телега скрипит'.

— отрицательные деепричастные обороты:

Ето че имам и секретарка. И ***вместо да*** *съм доволен от това, аз сядам и надрасквам едно късо съобщение*… (Б. Райнов). ‘Вот и секретарша у меня есть. Но, *не довольствуясь этим*, я сажусь за стол и строчу на листке бумаги объявление…’ (пер. А. Собковича);

— отрицательные целевые предложения:

Философия на примирението — сбърчва гнусливо нос Едит. — Ненавиждам я. — И добавя: — Обаче песента е хубава. «И виното» — бих добавил аз. Но ***вместо да*** *се занимавам с празни приказки, поръчвам втора бутилка* (Б. Райнов). ‘Примиренческая позиция, — брезгливо морщит нос Эдит. — Ненавижу я ее. — И добавляет: — А песня хорошая. «Да и вино неплохое», — готов продолжить и я, но, *чтобы не заниматься пустыми разговорами*, заказываю вторую бутылку’ (пер. А. Собковича);

— заместительные сочинительные конструкции (*не… а*):

Вместо да *търся прибързани познанства, аз на свой ред възприемам стила на предприятието: добър ден — и всеки по пътя си* (Б. Райнов). ‘Я в свою очередь *не* кидаюсь на поиски знакомств, *а* усваиваю стиль предприятия, «здравствуйте» и «до свидания»’ (пер. А. Собковича);

— прикомпаративные СПП:

Слушайте — каза Кишо, — ***вместо да*** *пием скъпи италиански боклуци, не е ли по-добре да си поръчаме вино* (П. Вежинов). ‘Послушайте, — сказал Кишо, — *чем* пить дорогие итальянские помои, *не лучше ли* заказать вино?’ (пер. Л. Лихачевой).

1.4.2.4.13. СПП с придаточным присоединительным

Сообщение в придаточной присоединительной части распространяет (поясняет, дополняет, оценивает, обобщает, подытоживает и др.) ситуацию или ее событийный фрагмент, представленные в главной части:

Беше мила душа, макар и малко заядлива, ***което*** *ни сродяваше* (В. Колев). ‘Она была добрая душа, хотя и несколько сварлива, *что* нас роднило’;

Тя го погледна с търпеливо безразличие, ***което*** *никак не изстуди горещината, с която дланите му се плъзнаха по голите ѝ ръце*… (Д. Димов). ‘Она взглянула на него с терпеливым равнодушием, *что* отнюдь не охладило его пыл, и он скользнул ладонями по ее обнаженным рукам…’ (пер. Н. Попова);

Аууу! — каза гласът, ***от което*** *се разбра, че кафето навярно отдавна е прекипяло* (П. Вежинов). ‘О-ой! — охнул голос, *из чего* стало ясно, что кофе давно перекипел’ (пер. Л. Лихачевой).

Несмотря на разнородную семантику подобных придаточных (они могут выражать как обусловливающие значения, так и характеризующие и даже значения противопоставительного плана), общим признаком всех присоединительных частей является вмещающее значение союзного слова, чем предложения присоединительные и отличаются от внешне близких им структур.

Союзное слово, полностью или частично обобщая содержание главной, включает ее в состав придаточного как формально, так и содержательно [Захаревич, Крылова 1978: 87]. Формально — поскольку оно занимает в придаточной то же синтаксическое место, что и главная, содержательно — поскольку «сентенциализировано», является обозначением событийного содержания главной.

Примечание. В болгаристике данные придаточные не имеют однозначного места в классификациях. В большинстве грамматик придаточные, вводимые вмещающими относительными местоимениями с предлогами причинно-следственной семантики (*поради което*, *заради което*, *вследствие на което*, *благодарение на което*), объединяются с предложениями следствия в группу «следствия и заключения» [ГСБКЕ 1983-3: 413—420] или просто «следствия» [Недев 1992: 291—292; Брезински 1995: 290]: *Колко гениален е и този, който е измислил кафето. Сега ще пия кафе,* ***благодарение на което*** *в главата ми няма да има вече черни мисли* (С. Сивриев). ‘Как гениален и тот, кто выдумал кофе. Сейчас я буду пить кофе, *благодаря чему* в моей голове уже не останется черных мыслей’. СПП с придаточными, вводимыми неизменяемым *което* вне причинно-следственных отношений, находят место среди определительных (относительных) [напр., ГСБКЕ 1983-3: 315, 320; Недев 1992: 292, 296], ср. и термин «общеопределительные придаточные» [Брезински 1995: 281]: *Но междувременно Клавдий го потупа по рамото с дясната си ръка,* ***което*** *на царски език значи благоволение*. ‘Но между тем Клавдий похлопал его по плечу правой рукой, *что* на царском языке означает благоволение’.

Ср. подобный же подход в [Золотова и др. 1998: 358—359], где придаточное с союзом следственной семантики (*вследствие чего*) приводится в группе придаточных следствия (как имеющее комбинированное значение), в то время как присоединительные включают только предложения характеризующего типа, что дает возможность авторам сделать предположение о семантике присоединительных предложений как представляющих собой обобщение (узуальное или гномическое) либо «оценочно-квалифицирующий взгляд из иной субъектной сферы» [Там же: 359].

Здесь мы признаем факторы «вмещающего» значения связующего средства и распространяющую семантику придаточного решающими для выделения данной подгруппы.

Итак, в болгарском языке придаточное присоединительное включает союзное слово *което* — неизменяемое относительное местоимение. Когда союзное слово *което* замещает подлежащее или прямое дополнение, оно употребляется без предлога:

…сега е дошъл неговият ред да си каже думата, ***което****, разбира се, не пречи на Допотопния да го прекъсва тук и там…* (Б. Райнов). ‘…теперь настало его время

сказать свое слово, *что*, разумеется, не мешает Несси прерывать его своими репликами…' (пер. А. Собковича);

Всъщност изпитвах непреодолимо желание да я прегърна, ***което*** *направих, след като се съгласи да пием чай заедно* (Д. Димов). 'По правде говоря, мне очень хотелось обнять ее, *что* я и сделала, когда она согласилась попить со мной чаю' (пер. Н. Попова и др.).

В иных случаях при союзном слове используются разные предлоги (см. примеры из Б. Райнова ниже). Обратим внимание, что русские присоединительные придаточные с относительными местоимениями *отчего* и более редкими *зачем, почему* передаются болгарскими предложными сочетаниями с неизменяемым местоимением *което*: *… Аз ѝ поставям задача да бели и реже пресни картофки,* ***от което*** *пръстите ѝ ще покафенеят* (К. Топалов). 'Я ставлю ей задачу чистить и резать сырую картошку, *отчего* пальцы у нее станут коричневыми'.

Считается, что место придаточного присоединительного фиксированное, что вытекает из характера самих присоединительных отношений. Действительно, абсолютно инициальная позиция для этих придаточных недопустима, однако после союзов могут разместиться присоединительные придаточные вводного характера, как в примере ниже, где подчиненная часть находится в препозиции к тому сегменту главной, к которому оно относится (*да я вземе със себе си*): *Но можеше ли да остави Елена сама или,* ***което*** *бе също тъй рисковано, да я вземе със себе си, без да знае какво става в София?* (Д. Димов) 'Но мог ли он оставить Елену или, *что было столь же рискованно*, брать ее с собой, не зная, что делается в Софии?' (пер. Н. Попова).

Как типичные вводные элементы выступают устойчивые предикации присоединительного типа *което ще рече* 'другими словами', *което е добре известно* 'что хорошо известно', *което е по-важно* 'что важнее': *…Излизам на някакъв площад с паметник и* ***което е по-важно,*** *с кафене* (Б. Райнов). '…Выхожу на какую-то площадь с памятником и, *что еще важнее*, с кафе'.

Несмотря на имеющиеся четкие русско-болгарские параллели в области формирования рассматриваемых структур, переводные тексты не показывают полных аналогий. Причина, как представляется, в том, что, с одной стороны, обилие присоединительных конструкций в оригинальном тексте является индивидуально-авторской особенностью, с другой стороны, эта особенность часто не реализуется переводчиками из-за недооценки стилистических возможностей данной конструкции.

Например, проза Богомила Райнова насыщена присоединительными предложениями для выражения наблюдаемых эмпатическим персонажем последовательных действий. При этом писатель использует присоединительную конструкцию в двух направлениях. Во-первых, оформляя обычные, незначительные действия персонажей конструкцией, предполагающей результирование, вывод, автор придает им ироническую многозначительность:

*Това е млад мургав красавец с широки плещи, обаче моите също не са тесни и той се задоволява да ми хвърли само един пренебрежителен поглед, **след което** се инсталирва на свободния стол*. 'Это молодой смуглолицый красавец с широкими плечами, но и мои тоже не узкие, поэтому он ограничивается тем, что окидывает меня пренебрежительным взглядом, *после чего* усаживается (*букв.* устанавливается) на свободный стул'.

Во-вторых, присоединительное придаточное, которое содержит умозаключение автора, выведенное как результат анализа поступков других персонажей или своих действий, служит либо для выражения (само)иронии, либо для отражения неспешного течения мысли эмпатического персонажа. Переводчики часто игнорируют этот синтаксический прием, ср. решение переводчика и буквальный перевод:

*Запалвам цигара и отпивам глътка от горещата течност, **с което** всъщност я и приключвам, защото в Италия кафето се поднася в размера на една глътка*. 'Закурив, отпиваю глоток горячего кофе, второго глотка мне сделать не удается, потому что в Италии кофе подают один-единственный глоток' (пер. А.Собковича), *букв.* '…отпиваю глоток горячей жидкости, *чем*, по сути, ее и заканчиваю…';

*Само че този път още е заран. Ранна заран, **което** не пречи някой вече да ми звъни двукратно на вратата.* 'Сейчас раннее утро, кого-то уже принесло ко мне — в дверь звонят' (пер. А. Собковича), *букв.* …Раннее утро, *что* не мешает кому-то уже дважды позвонить мне в дверь'.

Глава II. РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ БОЛГАРСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В **разделе 2.1** представлена система артиклей в болгарском языке. В данный раздел включена также информация об образовании определенной формы (т. е. формы с определенным артиклем).

Главной задаче главы — соотнесению референции именных групп и артиклевых показателей — посвящен **раздел 2.2**.

В **разделе 2.3** будут представлены некоторые наблюдения о связи референциальных и артиклевых характеристик ИГ с глагольными категориями.

2.1. Артиклевая система болгарского языка

Одной из важнейших типологических особенностей болгарского языка является морфологический статус категории определенности / неопределенности и формирование постпозитивного артикля балканского типа [Асенова 2002: 132].

2.1.1. Определенный артикль. Варианты артикля

Определенный артикль в болгарском языке представляет собой морфему, присоединяемую к концу слова[1]. Хотя данный принцип присоединения позволяет предполагать агглютинативный характер болгарского артикля, другие его особенности указывают «скорее на фузионный характер синтезирования» [Маслов 1971: 188]: это синтетосемия (выражение артиклевым показателем нескольких грамматических значений) и преимущественно асемантический тип присоединения. Вариант определенного артикля выбирается прежде всего по принципу фонетической аналогии, напр. *майката* ‘мать’ — *бащата* ‘отец’ — *дядото* ‘дед’, и лишь в части случаев — в зависимости от числа и рода существительного[2].

Для имен существительных система определенных артиклей выглядит следующим образом:

женский род — ***та***;

средний род — ***то***;

мужской род — [***ът***], [***ъ***] (орфографически ***ът***, ***а***, ***ят***, ***я***); возможны также ***та***, ***то*** (для имен на гласный);

множественное число — ***те***, ***та***.

Определенный артикль болгарского языка обладает свойством **группового определителя**: если перед существительным имеется согласованное определение (определения), то артикль присоединяется к первому слову именного комплекса:

> [*Парк<u>ът</u>*] *ще бъде открит официално на 1 октомври.* — [*Градски<u>ят</u> парк*] *ще бъде открит официално на 1 октомври.* — [*Нови<u>ят</u> градски парк*] *ще бъде открит официално на 1 октомври.* ‘Новый городской парк официально будет открыт 1 октября’.

---

[1] Постпозитивный артикль — это характерная особенность болгарского языка как члена Балканского языкового союза: подобный же артикль есть в македонском, румынском и албанском языках.

[2] Подробная типологическая характеристика болгарского определенного артикля с указанием всех его возможных вариантов дана в [Маслов 1971].

Поэтому, кроме «определенных форм» (т. е. форм с определенным артиклем, артиклевых форм) имени существительного, имеются артиклевые формы у «синтаксических прилагательных» — прилагательных, причастий, порядковых числительных, некоторых разрядов местоимений. Когда эти части речи выступают субстантивированно, они сохраняют присущий им вариант артикля. Особые правила выбора артикля имеют болгарские количественные числительные.

Морфологический комментарий.

I. Имена существительные.

1. Артикль ***-та*** присоединяют:

а) существительные ж. рода на *-а*, *-я*: *вода — водата*, *гора — гората*, *жена — жената*, а также те, которые оканчиваются на согласный. У последних ударение переносится на артикль: *вечер — вечертá*, *възможност — възможносттá*, *пролет — пролеттá*,

б) существительные м. рода (личные) на *-а*, *-я*: *баща — бащата*, *колега — колегата*, *съдия — съдията*,

в) существительные мн. ч. с окончанием *-а*, *-я*: *села — селата*, *имена — имената*, *братя — братята*.

2. Артикль ***-то*** присоединяют:

а) все существительные ср. рода: *момче — момчето*[3], *село — селото*, *дърво — дървото*, *море — морето*, *такси — таксито*, *меню — менюто*,

б) существительные м. рода (личные) на *-о*, *-е*: *дядо — дядото*, *чичо — чичото*, *аташе — аташето*,

в) существительные ж. рода на *-и*, *-е*. В основном это уменьшительные или сокращенные имена собственные, которые могут трактоваться и как ср. род: *Мими — Мимито*, *Лили — Лилито*, *Венче — Венчето*, а также редкие заимствования ж. рода на *-у*, как *фрау — фраучто* [Ницолова 2008: 80],

г) «метаязыковые» употребления условно-среднего рода: *Да се похваля, научих кога* ***не-то*** *се пише отделно* (И). ‘Похвастаюсь: я выучила, когда *не* пишется отдельно’.

3. Артикль **[ъ] / [*ът*]** присоединяют существительные м. рода на согласный и *j*, при этом предшествующий согласный звучит либо твердо, либо мягко. Орфографически это выглядит как ***а***[4] или ***я***: *влак — влака* [*влакъ*], *път — пътя* [*пьт'ъ*], *лай — лая* [*лаj'ъ*], или, в позиции главного члена предложения, как ***ът*** или ***ят***: *влакът*, *пътят*, *лаят*. Таким образом, при написании мы получаем целых четыре варианта артикля мужского рода: ***а***, ***я***, ***ът***, ***ят***.

Выбор между артиклем с элементом *-т* и без него (ср. *влакът и влака*) определяется синтаксическим правилом: артикль дифференцирует синтаксические функции имен мужского рода. Выступая в роли подлежащего или сказуемого, существительное присоединяет полную форму артикля (***ът***, ***ят***); будучи второстепенным членом предложения — краткую форму (***а***, ***я***): *Ние чакаме влак<u>а</u> от Варна. Влак<u>ът</u> пристига на трети коловоз.* ‘Мы ждем поезда из Варны. Поезд прибывает на третий путь’. Полный артикль употребляется и при тех членах предложения, которые согласуются

[3] Личные имена существительные на *-че* (напр., *момче* ‘мальчик’, *момиче* ‘девочка’), а также содержащие уменьшительные или увеличительные суффиксы, относятся к ср. роду: *адвокатче*, *братле*, *женище*.

[4] Именно *а*, а не ъ, потому что на конце слова ъ не пишется.

или скоординированы с главными членами, а именно: а) при согласованных определениях в группе подлежащего или именной части сказуемого: *Това е най-любимият ми филм.* ‘Это мой любимый фильм’, б) при приложениях и обособлениях к подлежащему: *Тя се казва Ада, а той — мъжът с белия каскет — е просто Папа* (П. Антов). ‘Ее зовут Ада, а он — мужчина в белой фуражке — просто Папа’; *Той — другият — умря* (Н. Вапцаров). ‘Тот, другой, умер’, в) при вставных конструкциях, дублирующих позицию подлежащего: *Илия* (*любимецът на шефа*) *живее сега в САЩ.* ‘Илья (любимец шефа) сейчас живет в США’ [Ницолова 2008: 81].

Это синтаксическое правило, требующее употребления полной или краткой формы, действует для письменной речи, а в устной речи редко соблюдается, — используется краткая форма во всех позициях. В говорах встречается либо краткий, либо, наоборот, только полный вариант.

Выбор «мягкого» или «твердого» варианта артикля регулируется следующим правилом. Основная часть существительных м. рода присоединяет артикль без смягчения предыдущего согласного (т. е. ***-ът***, ***-а***): *влакът*, *влака*. Мягкий вариант (т. е. с ***-ят***, ***-я***) имеют: а) существительные на *-й*: *трамвай — трамвая*(*т*), *герой — героя*(*т*): *Чакам трамвая. Трамваят идва*; б) существительные с суффиксом *-тел*: *писател — писателя*(*т*), *високоговорител — високоговорителя*(*т*): *Писателят вече е тук. Вземам автограф от писателя*; в) существительные с суффиксом *-ар*, но только личные: *лекар — лекаря*(*т*), *аптекар — аптекаря*(*т*): *Питаме лекаря какво да правим. Лекарят пише рецепта*; г) 10 существительных, ранее имевших конечный мягкий: *ден*, *сън*, *път*, *огън*, *кон*, *цар*, *крал*, *зет*, *нокът*, *лакът*: *Денят е топъл и слънчев, но аз прекарвам деня вкъщи.*

Изменения ударения и чередования. Ударение переносится на артикль у большой группы односложных существительных: *град — градъ́т*, *градá*; *век — векъ́т*, *векá* (также *син*, *труд*, *час*, *мъж*, *вълк*, *дом*, *крак*, *враг* и др.), в том числе два слова с мягким вариантом: *сън — сънят*, *ден — денят.* Среди этих односложных слов с подвижным ударением (их больше ста) есть и такие, у которых перенос ударения вызывает чередования, см. б) и в) ниже.

Чередования: а) выпадает ъ в суффиксах *-изъм*, *-азъм*: *алтруизъм — алтруизмът*, *алтруизма*, *ентусиазъм — ентусиазмът*, *ентусиазма* и др.; б) в связи с переносом ударения происходит чередование *я//е* «променливо я»: *бряг — брегъ́т*, *брегá*, *смях — смехъ́т*, *смехá*, *свят — светъ́т*, *светá* (также *цвят*, *сняг*, *гняв*, *грях* и др.); в) в связи с переносом ударения происходит перестановка *ръ//ър*: *гръм — гърмъ́т*, *гърмá*, *връх — върхъ́т — върхá*, *гръб — гърбъ́т*, *гърбá.*

4. Артикль ***-те*** присоединяют существительные мн. ч. на *-и*, *-е*: *жени — жените*, *мъже — мъжете*, *столове — столовете*, *очи — очите*, *ръце — ръцете.*

II. Другие части речи.

1. Артикль ***-та*** присоединяют:

а) «синтаксические прилагательные» ж. рода: *нова — новата*, *синя — синята*, *българска — българската*, *подарена — подарената*, *наша — нашата*, *цяла — цялата*, *втора — втората*, *една — едната*,

б) числительные на *-а*: *два* (м. р.) — *двата*, *двеста — двестата*, в том числе лично-мужские формы на (*а*)*ма*: *двама — двамата*, *петима — петимата* и обозначения приблизительного количества типа *десетина — десетината.*

2. Артикль ***-то*** присоединяют «синтаксические прилагательные» ср. рода: *ново* — *новото*, *синьо* — *синьото*, *българско* — *българското*, *подарено* — *подареното*, *наше* — *нашето*, *цяло* — *цялото*, *второ* — *второто*, *едно* — *едното*.

3. Артикль **[ът] / [ъ]** (орфографически *-ят*, *-я*) присоединяют «синтаксические прилагательные» м. рода. При этом используется «расширенная основа» на *-и*, которая в современном языке сохранилась в неартиклевой форме лишь у небольшой части прилагательных, прежде всего у прилагательных с суффиксами *-ск*, *-к*, *-ш*: *български* — *българския*(*т*), *овчи* — *овчия*(*т*), *младши* — *младшия*(*т*), у порядковых числительных *втори* — *втория*(*т*), *двайнайсети* — *дванайсетия*(*т*).

Для большинства же прилагательных элемент *-и* восстанавливается только при образовании артиклевой формы мужского рода (*-ият*, *-ия*): *нов* — *новия*(*т*), *син* — *синия*(*т*), *подарен* — *подарения*(*т*), *наш* — *нашия*(*т*), *цял* — *целия*(*т*), *един* — *единия*(*т*).

При этом работает синтаксическое различие полной формы *-ият* — для главных членов предложения и краткой *-ия* — для других: *Новият филм от този режисьор се прожектира на много места в града*; *Главната роля в новия филм се изпълнява от един млад актьор, Стоян Трайков*. При образовании определенных форм прилагательных мужского рода могут происходить чередования [Иванова, Шанова, Димитрова 2011 и др.: 82—84].

4. Артикль ***-те*** присоединяют:

а) все части речи во мн. ч., заканчивающиеся на *-и*: *нови* — *новите*, *сини* — *сините*, *български* — *българските*, *подарени* — *подарените*, *наши* — *нашите*, *цели* — *целите*, *втори* — *вторите*, *едни* — *едните*,

б) количественные числительные на *-е*, *-и* и на согласный (т. е. основная масса числительных): *две* (ж.-ср. р.) — *двете*, *три* — *трите*, *четири* — *четирите*. При этом у числительных на согласный и у числительного *сто* артикль выступает в ударном варианте: *пет* — *петтé*, *десет* — *десеттé*, *двайсет* — *двайсеттé*, *сто* — *стотé*.

Слова *хиляда*, *милион*, *милиард* и под. образуют определенную форму как существительные: *хилядата*, *милионът* (*милиона*), *милиардът* (*милиарда*).

Подробнее об образовании болгарских определенных форм см., напр., на русском языке: [Маслов 1981; Гинина и др. 1985: 152; Иванова и др. 2011: 65—85].

Употребление определенного артикля в болгарском языке соответствует, в общем, его функциям в других артиклевых языках. Важнейшими являются индивидуализирующая и генерализирующая функции, ср. соответственно: ***Кучето*** *лежи до вратата*. 'Собака лежит у двери' и ***Кучето*** *е домашно животно*. 'Собака — домашнее животное'. Обсуждаемая в литературе «количественная» определенность, указывающая на замкнутое множество (*Учениците взеха участие в екскурзията*), является разновидностью индивидуализирующей функции, выделяя множество как целое.

Подробнее о референциальных возможностях определенного артикля см. в разделе 2.2.

2.1.2. Артикли со значением неопределенности

Форме, маркированной определенным артиклем, противостоит прежде всего форма с нулевым артиклем (общая форма). Форма с неопределенным артиклем

един (*една*, *едно*, *едни*) занимает второстепенное место в этой иерархии. Такое устройство категории с учетом набора значений артиклей имеют и некоторые другие балканские языки [Асенова 2002: 132, там же и литература].

Артиклевый статус *един* не признан однозначно в болгарском языкознании, хотя, как верно замечено в [Котова, Янакиев 2001: 444], сдержанность болгарских лингвистов относительно утверждений о наличии в болгарском языке неопределенного артикля и соответственно категории неопределенности во многом объясняется отсутствием полярного противопоставления *определенный* / *неопределенный* артикль.

В данной работе обсуждение вопроса о наличии неопределенного артикля в болгарском языке не предполагается, т. к. многолетние наблюдения как автора данной главы, так и многих лингвистов-компаративистов убеждают в близости ряда его функций к функциям показателей неопределенности в западных языках [Атанасова Т. и др. 1963; Грозева 1979; Рачева 1984; Станков 1984; Стаменов Х. 1985; Иванова 2006а и др.].

При сопоставлении сфер неопределенности в болгарском и в западных языках легко заметить их основное различие: в болгарском языке наблюдается гораздо бóльшая активность общей формы имени в сфере выражения значений неопределенности. Именно **общая форма** имени в болгарском языке наиболее отчетливо противостоит определенной [Георгиев С. 1967; Стаменов Х. 1985; Станков, Иванова 1989; Станков 1995 и др.]. Нулевой артикль используется и при неопределенно-референтных ИГ (*На дървото кацна* ***врана***. ‘На дерево села ворона’), и при нереферентных ИГ (*Той търси* ***нова секретарка***. ‘Он подыскивает новую секретаршу’), и в предикативном употреблении (*Стоян е студент.* ‘Стоян — студент’).

Неудивительно поэтому, что на таком фоне область функционирования **формы с *един*** предстает, на первый взгляд, как периферийная. В нереферентных и предикатных употреблениях (на фоне нормативного использования нулевого неопределенного артикля) *един* становится тонким инструментом для создания особых прагматически, семантически и коммуникативно маркированных значений. Некоторые из употреблений *един* делают его более похожим на интенсифицирующую частицу, ср. [Станков 1995: 126]: *Ама и тука е* ***една*** *ледница! Пета година вече как не оправят парното в тази стая* (С. Стратиев). ‘Ну тут и ледник! Пять лет батареи починить не могут в этой комнате’. (Об этом и других значениях *един* см. далее.)

Однако по крайней мере в одном из референциальных употреблений — слабоопределенных ИГ — *един* является морфологическим средством, выражая значение «специфической неопределенности» [Станков, Иванова 1989], т. е. слабой определенности, по Е. В. Падучевой [1985], и не имеет конкурентов среди других артиклей.

Соответственно, сферы функционирования неопределенного артикля различаются в болгарском и, напр., в английском языке. Так, английский неопределенный артикль ввиду своих широких референциальных возможностей не позволяет вне

контекста однозначно установить тип неопределенности, в отличие от болгарского, сфера действия которого значительно у́же.

Например знаменитые в теории референции фразы

(1) *John wants to marry **a girl** with green eyes.*
(2) *Every evening at six o'clock **a heron** flies over the chalet*,

по поводу которых ведется дискуссия о референциальном статусе именных выражений *a girl with green eyes* и *a heron,* могут быть переданы на болгарский язык двумя способами:

(1а) Джон иска да се ожени за *едно момиче* със зелени очи.
(1б) Джон иска да се ожени за *момиче* със зелени очи.
(2а) Всяка вечер в шест часа над хижата прелита *една* чапла.
(2б) Всяка вечер в шест часа над хижата прелита *чапла*.

При этом вариант (а) однозначно предполагает указание на специфически неопределенное употребление именного выражения, а вариант (б) — на неспецифически неопределенное [Стаменов Х. 1985: 36; Ухлиржова 1992: 6 и др.][5].

[5] По мнению ряда болгарских лингвистов, вариант (б) не исключает и трактовки ИГ как специфически неопределенной.

2.2. Денотативный статус именных групп и их артиклевая маркированность в болгарском языке

Болгарскими лингвистами сделано очень многое в исследовании связи артиклевой маркированности и референциального типа ИГ и предложения в целом (особенно выделим работы В. Станкова [1984; 1995], Х. Стаменова [1985], М. Лаковой [Лакова 1987; Лакова, Гаргов 1985]). Болгарские референциальные описания, однако, базируются на принципах западноевропейской референциальной концепции, которая из-за недостаточной детализированности не может удовлетворительно объяснить все случаи неопределенности в болгарском языке[6]. Из более новых работ упомянем книгу [Маровска 2013] о связи признаков определенности и относительности; описание эволюции определенного артикля в его разных функциях представлено в работе [Mladenova 2007], см. и обсуждение последней в [Соболев 2009].

Здесь будет использована классификация денотативных статусов ИГ Е. В. Падучевой [1985: 86—102], поскольку она позволяет более точно описать соотнесенность референциальных возможностей ИГ с их артиклевой маркированностью. Понятно также, что сейчас речь пойдет только об артиклевых показателях денотативных статусов, а не о других средствах выражения детерминации (как притяжательные, указательные местоимения, рестриктивные придаточные и проч.). Кроме того, в этом разделе не учитываются и не комментируются случаи неупотребления артиклей в газетных «сенсационных» стратегиях, например заголовочных: *Баба замръзна в село от студ*; *Газов бойлер уби мъж в Барселона*; *Кондуктори изхвърлят бегълци от влак*; см. об этом раздел 3.2.3.3 главы III.

Рассмотрим основные (наиболее типичные[7]) употребления артиклей в ИГ разных денотативных статусов.

---

[6] О некоторых терминологических и концептуальных параллелях референциального подхода в русской и болгарской лингвистике см. в [Иванова, Коваль 1994].

[7] Известно, что референциальный статус ИГ зависит от многих внутренних характеристик предложения, прежде всего «определенности» целой ситуации, выражаемой в том числе и видо-временными формами глагола [Лакова, Гаргов 1985; Станков 1995: 134; Зидарова 1996 и др.], см. также раздел 3 данной главы. При этом понятие определенности или неопределенности объекта для говорящих имеет удивительные и даже парадоксальные реализации в языке художественного произведения, см., напр., [ТФГ 1992: 215—220], для объяснения которых нужно привлекать категории лингвистики текста. На этих вопросах нет возможности останавливаться.

Выделяются: 1) субстантивные (термовые) употребления ИГ — те, которые так или иначе вводят в рассмотрение внеязыковые объекты, и 2) предикатные употребления — те, при которых активизируется только сигнификативный компонент значения, т. е. приписываются признаки.

1. Субстантивные ИГ могут быть референтными (они соотносятся с индивидуализированным объектом или множеством объектов, рассматриваемым как единый объект) и нереферентными (они тоже соотносятся с объектами, но не выделены как индивидные, не выбраны, не могут быть предъявлены из ряда подобных).

1.1. Референтные ИГ различаются прагматическим компонентом: индивидуализируют объект с разной степенью осведомленности говорящего и слушающего.

1.1.1. Для **определенных ИГ (**предмет определен и для говорящего, и для слушающего — дейктически, ситуационно или составляет фонд общих знаний[8]) основным артиклевым показателем является <u>определенный артикль</u>: ***Момичето*** *си седеше кротко на столчето.* ‘Девочка смирно сидела на табуретке’; ***Момичетата*** *си тръгнаха вече.* ‘Девочки уже ушли’; *Извикай* ***децата*** *да вечеряме.* ‘Позови детей ужинать’, если, конечно, нет блокирующих его других маркеров детерминации (ср. *Брат ми / Той / Антон ме повика.* ‘Мой брат / Он / Антон меня позвал’).

Правило работает в любой синтаксической позиции, в том числе для ИГ в составе сказуемого: *Това дете е* ***ученикът****, за когото ти говорих*[9] (‘Это тот школьник, о котором я тебе говорил’), для рематического, но индивидуализированного подлежащего *Кой дойде? — Дойде* ***момчето****, когото бях изпратил за вестниците* (‘Кто пришел? — Пришел мальчик, которого я посылал за газетами’), идентифицирующего приложения (*Иван,* ***архитектът****, живее в съседната къща*) и т. п. Определительные придаточные при таких ИГ всегда рестриктивные (индивидуализирующие), а не характеризующие.

Для указания на множество объектов (или объем нечленимого объекта) как целое для постановки определенного артикля должен наличествовать и признак «тотальность» [Станков 1987; 1995]: *Той сложи захар<u>та</u> в кафето си.* ‘Он положил в кофе весь сахар’. Более обычное употребление без артикля свидетельствовало бы о тривиальной ситуации (использовал не весь сахар). Ср. также: *Изядохме халва<u>та</u>*. ‘Мы съели халву’, но *Оставихме халва и за детето.* ‘Мы оставили халву и ребенку’.

1.1.2. Для **слабоопределенных ИГ** (предмет определен только для говорящего) используется <u>артикль *един*</u>. Здесь он выступает как системный морфологический маркер [Станков, Иванова 1989: 26]: *Кой се обади? —* ***Една*** *колежка*. *Ти не я познаваш*. ‘Кто звонил? — Одна коллега. Ты ее не знаешь’.

---

[8] В том числе если говорящий «навязывает» слушающему презумпцию общего знания, как, например, в абсолютном начале художественного текста.

[9] С целью соотнесения референциальных сеток, принятых в русской и болгарской лингвистике, далее будут частично использоваться примеры, обсуждаемые на страницах болгарских лингвистических изданий.

Определительные придаточные при таких ИГ обычно рестриктивные: *Кой се обади? — Един колега, когото бях помолил да ми помогне с превода.* ‘Кто звонил? — Один коллега, которого я попросил помочь с переводом’. Впрочем, для объектов, идентифицированность которых для говорящего однозначна, определительные придаточные не обязательно рестриктивные: *В кабинета ми ме чака един приятел, който трябва да се подложи на много сериозна операция.* ‘В кабинете меня ждет друг, которому предстоит серьезная операция’.

Неопределенный артикль мн. ч. *едни* характерен более всего для этого референциального типа:

Работехме у ***едни*** *хора в съседното село.* ‘Мы работали у одних людей в соседней деревне’;

Получих ***едни*** *пари, които отдавна чаках*. ‘Я получил деньги, которые давно ждал’.

1.1.3. В **неопределенно-референтных ИГ** (предмет не определен ни для говорящего, ни для слушающего) возможны оба показателя неопределенности.

1.1.3.1. В типичном случае используется нулевой артикль. Это такие тривиальные рематические позиции, как:

а) финальное рематическое подлежащее либо прямое дополнение, вводящие новый объект: *На дървото кацна* ***врана***. ‘На дерево села ворона’; *От къщата излезе* ***жена***. ‘Из дома вышла женщина’; *Някъде откъм гората той чу* ***писъци***. ‘Откуда-то со стороны леса он услышал крики’;

б) комплексная рема: *Какво прави детето? — Пише* ***писмо.*** *Чете* ***книга***. ‘Что делает ребенок? — Пишет письмо. Читает книгу’;

в) «номинативные» предложения, где субстантивная группа — единственный рематический компонент: *Ниви, ливади*; *Лято*; *Тълпи хора.* (‘Поля, луга’; ‘Лето’; ‘Толпы людей’).

Акцентное выделение неопределенных ИГ в норме тоже оформляется нулевым артиклем, потому что обращено к сигнификату понятия: ***Жена*↘** *беше се изпречила на пътя им, хубава жена, а всичко това не предвещаваше нищо добро* (Й. Йовков). ‘Женщина↘ встала на их пути, красивая женщина, и все это не предвещало ничего хорошего’. Акцентная выделенность (при неопределенно-референтных ИГ[10]) отражает сдвоенный референциальный тип [Падучева 1985: 100]: неопределенно-референтное употребление скомбинировано с активизацией признаковых характеристик (т. е. с предикатным статусом).

Неопределенно-референтный статус имеют и рематические ИГ в художественной коммуникативной стратегии «суперпозиция ремы» (см. и раздел 3.2.3.1

[10] Эта оговорка нужна потому, что акцентирование имени при определенно-референтном статусе ИГ не ведет к активизации сигнификативного компонента, хотя значительно влияет и на семантику предложения, см. акцентированность идентифицирующего имени: *Ела на телефона,* ***брат ти*↘** *се обажда* (В. Даверов). ‘Подойди к телефону, *брат*↘ звонит’.

главы III), выводящей на сцену новый объект. Они тоже обычно оформлены нулевым артиклем, ведь они — и рематические, и акцентированные:

Отворих кухненския шкаф и в същия миг ***петнайсет тенджери*↘** *се изсипаха с трясък върху цимента* (В. Цонев). ‘Я открыл кухонный шкаф, и в тот же миг *пятнадцать кастрюль*↘ с грохотом вывалились на цемент’;

***Лек хладец*↘** *попълзи по кожата ѝ.* ‘*Легкий холодок*↘ пополз по ее коже’.

1.1.3.2. Неопределенный артикль *един* используется при неопределенно-референтном употреблении в двух основных случаях:

1) для понижения коммуникативной или информативной значимости именного выражения. Так, именно *един* (русск. *какой-то*) выбирается, если значимость неопределенного объекта не столь важна с точки зрения развития повествования:

В стаята влезе ***едно дете****, което постоя малко и си отиде.* ‘В комнату вошел [какой-то] ребенок, постоял немного и ушел’,

также: *Той влезе в* ***един двор*** *малко да си почине.* ‘Он зашел во [какой-то] двор, чтобы немного передохнуть’.

При реализации стратегии «суперпозиция ремы» употребление *един* указывает на отстраненность восприятия эмпатического персонажа, его неготовность к появлению нового объекта: ***Една жена*↘** *стоеше на пътя им, хубава жена.* ‘Какая-то женщина↘ стояла на дороге, красивая женщина’. См. и разбор подобных примеров в русском языке [ТФГ 1992: 215—220, 224];

2) как «рефлексирующее» *един* — как лексема, которая отражает некатегоричность, субъективность предлагаемой номинации (подробнее об этом значении в разделе о предикатных ИГ), см. употребление такого *един* при «суперпозиции ремы»:

Една *готовност да се изпие до дъно чашата на личното страдание*↘ *издават неговите писма от последната вдъхновена година на краткия му живот* (П. Зарев). ‘Некую готовность выпить до дна чашу личного страдания↘ отражают его письма последнего года жизни’;

Едно *надмощие*↘*, едно мъжко надмощие*↘ *личеше във всяко негово движение* (Елин Пелин). ‘[Какое-то] Превосходство↘, мужское превосходство↘ ощущалось в каждом его движении’.

1.2. **Нереферентные ИГ**. Нереферентные ИГ не соотносятся с конкретными объектами, т. е. объекты мыслятся как существующие, но не индивидуализированные.

1.2.1. В **экзистенциальных ИГ** (объект не выбран из представленного множества или из абстрактного множества — экстенсионала общего имени) употребляются, вообще говоря, не столько артикли, сколько лексические показатели (неопределенности, всеобщности, дистрибутивности и т. п.): ***Всеки от вас*** *може да направи това*; *Навънка няма* ***никой***; ***Някои жени*** *не обичат цветя.* Но если говорить только

о случаях артиклевой маркированности, то, несомненно, практически вся область экзистенциальной нереферентности находится в ведении нулевого артикля:

*Тя иска да се омъжи за **швед**.* 'Она хочет выйти замуж за шведа'; *Искам да послушам **хубава музика**.* 'Я хочу послушать хорошую музыку'; *Той се нуждаеше от **учител** и не можеше да го намери* (З. Златанов). 'Он нуждался в учителе и не мог его найти (подыскать)'.

Употребление артикля *един* связано здесь с подчеркиванием значения «один из многих возможных» [Зидарова 1996]: *Измислете за утре вечер **едно хубаво заведение с музика**.* 'Подберите на завтрашний вечер какой-нибудь приличный ресторан с музыкой'.

Далеко не каждый контекст позволяет очертить такую ситуацию выбора. Если именное выражение обращено ко всему экстенсионалу понятия без суживающих его значение характеристик, то ИГ с *един* либо получает экземплифицирующее значение:

*Ако поканиш **един** чужденец на вечеря и трябва да му сервираш нещо типично българско, какво би избрал?* 'Если пригласишь, *например*, *иностранца* на ужин и хочешь угостить его чем-то типично болгарским, чтó бы ты выбрал?'

либо прибавление *един* поменяет статус ИГ на референтный: *Предприятието търси **една чистачка.*** Последнее предложение может быть истолковано только как со слабоопределенной или неопределенно-референтной ИГ, ср. русск. *Предприятие ищет* (*одну*/*какую-то*) *уборщицу*.

1.2.2. В **универсальных ИГ**, поскольку предполагается отсылка ко всему множеству денотатов, используется (если отсутствуют другие кванторы всеобщности) определенный артикль «полного охвата»: *Конете ядат сено.* 'Лошади едят сено'; *Славеите пеят хубаво.* 'Соловьи красиво поют'.

1.2.3. **Родовые ИГ** подразумевают эталонного представителя класса. В родовых ИГ используется несколько артиклей:

а) определенный артикль ед. ч. в генерическом значении: *Тополата е растение.* 'Тополь — это растение'; *Заекът е животно.* 'Заяц — животное'; *Млякото е полезно.* 'Молоко полезно';

б) неопределенный артикль *един* для указания на эталонного представителя класса:

***Един ръководител** е длъжен да уважава подчинените си.* 'Руководитель ('Настоящий руководитель') должен уважать подчиненных';

***Един мъж** може да започне всичко отначало и на четиридесет години, но **една жена** — не може* (С. Стратиев). 'Мужчина может начать все заново и в 40 лет, но женщина — не может';

в) нулевой артикль. В родовых ИГ он имеет периферийный статус, т. к. его употребление связано с некоторым ограничением класса [Хауге 1986; Станков 1988],

с «о т н о с и т е л ь н о й целостностью рода» [Ницолова 2008: 111]. Этот неполный охват всего множества выражается в ограничивающих род признаках (далее подчеркнуты):

Превозвачът има правото да откаже превоз на [*пътник,* *който не е изпълнил тези изисквания*]. ‘Перевозчик имеет право отказать пассажиру, который не выполнил эти требования’;

[*Нередовен* *пътник*] *заплаща, освен цената на билета, и глоба.* ‘Безбилетный пассажир платит, кроме стоимости билета, и штраф’;

[*Заек,* *който е ранен*], *е лесна плячка за кучета.* ‘Раненый заяц — легкая добыча для собак’;

[*Футболист* *без техника*] *не е страшен за съперника.* ‘Футболист без техники не страшен для соперника’.

С нулевым артиклем употребляются также родовые ИГ в позиции несогласованного определения:

За какво ти е тяло на ***атлет****, в което дреме душа на* ***кретен****?* (В. Даверов). ‘Зачем тебе тело атлета, в котором дремлет душа кретина?’

1.2.4. В **атрибутивных ИГ** объект хоть и не является индивидуализированной сущностью, но уже введен в рассмотрение (известен из общего фонда знаний, текстовой предупомянутости) и обладает презумпцией единственности. Это оказывается достаточным условием для употребления определенного артикля в болгарском языке: *Никой от жителите на блока не е видял* ***престъпника****.* ‘Никто из жителей дома не видел преступника’.

2. В **предикатных ИГ**, приписывающих признак (это позиции именного сказуемого, сравнения, ИГ при глаголах трансформации), нормой является употребление нулевого артикля:

Тя е ***счетоводителка****.* ‘Она бухгалтер’; *Той се оказа* ***лъжец****.* ‘Он оказался лжецом’;

Вечеринката беше направила от селското момиче ***фея*** (В. Колев). ‘Вечеринка сделала из деревенской девушки фею’;

«Включение в класс», т. е. известное во многих языках таксономическое значение неопределенного артикля, могут иметь и ИГ с *един*, где *един* — рематизатор, указатель на постинформацию, некий мостик между общим наименованием класса и его сужением: *Това обаче е* ***един*** *въпрос, по който аз упорито си оставам на особено мнение…* (Б. Райнов). ‘Это такой вопрос / из тех вопросов, по которому я придерживаюсь своего мнения’. Особенно распространено такое употребление при парцелляции: *…На прага застава строен момък с хубаво, малко начумерено лице.* ***Едно*** *лице, което ми изглежда и познато, и чуждо,* ***едно*** *лице, което ми напомня за Любо и в същото време е тъй различно от лицето на Любо* (Б. Райнов).

Некатегоричность, субъективность совершаемой автором таксономии отражается в постановке «рефлексирующего» *един*, с помощью которого обыгрываются различные нюансы в самом акте выделения в класс, подчеркивается индивидуально-авторская интерпретация класса. *Един* обретает сравнительно-уподобительное значение:

Казват, че всяко заминаване е ***едно*** *умиране* (Б. Райнов). ‘Говорят, что каждый отъезд — это своего рода смерть’; *Емиграцията е* ***едно*** *неуморно,* ***едно*** *доживот сверяване и пресверяване на ценностите* (журн.); *Бележките на баща ми са* ***една*** *живописна мозайка, в която има всичко* (А. Гуляшки); *Хора с мрежи, хора без мрежи… Сърцето на моя град всъщност е* ***един*** *тесен коридор за всякъде* (Б. Биолчев); *Историята е* ***едно*** *пътуване сред развалините на най-превъзходното* (С. Игов); *Той беше ротмистър от гвардията,* ***една*** *кукла,* ***един*** *пуяк в червена униформа* (Д. Димов); *Секретарката е мило момиче, но вероятно само с началството. Иначе е* ***един*** *малък айсберг с изрусена коса и неприветливи очи* (Б. Райнов).

Присоединение *един* здесь маркирует «нетривиальный лексический выбор» [Шилихина 2013], некоторую условность, некатегоричность обозначения, отсутствие автоматизма при подведении под понятийный класс.

«Рефлексирующее» *един* может сопровождаться некоторыми оборотами, которые показывают, что отнесение к классу, обозначенному предикативной ИГ, идет условно, с определенным интеллектуальным напряжением: *така да се каже*, *бих го нарекъл*, *изобщо казано* и др. *Поезията на Николай Кънчев е* ***като че*** *едно вечно завръщане към изворите на битието* (С. Игов). В русском языке на месте такого *един* используются соответствующие эквиваленты, которые служат оговоркой о необычности совершаемой таксономии или указывают на последующее уподобление: *так сказать*, *своеобразный*, *своего рода*, *что-то вроде*, *этакий* и под. Ср. и другие возможности перевода: *Бракът ни се оказа едно малко корабокрушение* (Б. Райнов). ‘Наш брак чем-то напоминает маленькое кораблекрушение’ (пер. А. Собковича).

Благодаря этому *един* может отражать само замедление речемыслительного процесса и в такой функции являться заполнителем коммуникативной паузы при подборе нужных слов для обозначения класса, к которому будет отнесен объект характеризации. Вот, например, как зафиксирован поиск подходящего выражения Й. Радичковым, который рассуждает о позиции многих писателей в период культа личности: *Това е едно… едно падане на колене, едно отстъпление* (Пламък. 1990. № 9).

Другие значения *един* в предикатных ИГ — менее грамматические, менее «артиклевые», приближающие *един* к интенсифицирующей частице[11]:

[11] Некоторые из данных значений встречаются, хоть и реже, при других денотативных статусах: эмфатическое *един*: *Миналата година бяха* ***едни*** *дъждове…* (С. Стратиев); *Прасето… То има* ***една*** *зурла, половин метър напред стърчи* (Й. Радичков), усредняющее *един*: *Какво искате от* ***едни*** *жени!* (Й. Йовков).

а) эмфатическое, подчеркивающее высокую степень признака, выраженного ИГ: *А ръцете ѝ* ***едни*** *топли, топли!* ‘А руки у нее такие теплые-теплые!’, также: *Не са, да кажем, като песните на славеите. Те техните песни* ***едни*** *издокарани, па засукани…* (Й. Радичков); *Сега из базата е* ***едно*** *мъртвило,* ***една*** *тишина…* (Ч. Шинов);

б) пейоративное, подразумевающее недостаточную проявленность типичных признаков объекта или вообще ставящее под сомнение наличие таких признаков:

Дъщеря ми взима уроци по пиано, ама ***едни*** *уроци… — губене на време*. ‘Дочь берет уроки игры на фортепьяно, но это такие уроки — трата времени’;

А и той е ***един*** *Мегре! Какъвто е завеян!* (Ч. Шинов). ‘Тоже мне Мегре! / Какой он Мегре! Такой рассеянный…’;

в) усредняющее, указывающее на обладание только указанным признаком:

Това бе само ***една*** *шега.* ‘Это была просто шутка’; *Аз съм* ***един*** *учител и нищо повече.* ‘Я просто учитель, и ничего более’;

Това е ***един*** *застаряващ франт, който очевидно прави всичко необходимо, за да не изглежда застаряващ* (Б. Райнов). ‘Это просто-напросто стареющий франт, который явно делает все необходимое, чтобы не выглядеть стареющим’,

также: *Така тя оставаше за мене* ***една*** *непозната,* ***една*** *непозната, с която прекарвах всеки ден* (Б. Райнов); [*Колев*] *е* ***един*** *обикновен завеждащ кабинет по вътрешни болести* (М. Радев).

При этом значении эмоционально-оценочные коннотации приписываемого признака обусловлены лексическим наполнением субстантивного предиката. Они варьируются от сочувствия: *Дора е* ***едно*** *нещастно същество и аз съм правил опит да ѝ помогна* (Б. Райнов) (‘Дора — просто несчастное существо’) — до уничижительной, принижающей характеризации: *Тя бе това, което бе и той —* ***един*** *неудачник* (Б. Райнов) (‘Она была тем же, чем был и он, — просто неудачником’).

Предикатно употребленными могут быть и ИГ с определенным артиклем. В основном это «специфицирующие» контексты, когда предполагается вычленение единичного или особенного в рамках общего [Илиева К. 1996: 41]. Определенный артикль сопровождает суперлативы и лексемы единичности и исключительности (*главният*, *единственият*, *първият*, *последният*):

Тангото е ***единственият*** *танц, при който си позволявам да разговарям* (М. Радев). ‘Танго — единственный танец, при котором я позволяю себе разговаривать’,

см. также: *Сашка бе* ***най-редовната*** *посетителка на лекциите ти* (Б. Райнов); *Фирмата беше* ***последният*** *рубеж, на който се мъчеше да се задържи нежелаещата да си отиде доскорошна номенклатура* (Н. Стоянов); *Вазов е* ***патриархът*** *на българската литература*.

Это создает грамматическую омонимию с определенно-референтными группами.

2.3. Референциально-артиклевые характеристики именных групп и глагольные категории

Хорошо известно, что референциальный статус ИГ — это лишь одна из сторон, самая очевидная, детерминации как сложной категории, имеющей семантико-прагматический характер [Падучева 1985; Ницолова 2008а: 78 и др.]. «Детерминация имеет проекцию не только на значение именной группы, но и на значение всего предложения, и кроме того, связана с выстраиванием референциальной системы всего текста» [Ницолова 2008а: 78].

Детерминация на уровне предикатной группы с финитным глаголом отражается прежде всего в выборе глагольных категорий [Лакова, Гаргов 1985; Станков 1995: 134; Зидарова 1996; Маровска 2013 и др.].

До недавнего времени утверждалось, что наличие / отсутствие артикля имеет непосредственную связь с видом глагола, а именно что определенные ИГ часто являются объектными дополнениями при глаголах СВ, указывающими на состоявшееся событие: *Изядох ябълките*; *Обрах черешите*; *Измих пода* (‘Я съел яблоки / Собрал всю черешню / Вымыл пол’) при **Изядох ябълки*; **Обрах череши*; **Измих под* [Кабакчиев 1986]. В. Станков [1993/1994: 118—120] обратил внимание на то, что в предложениях *Набрах ябълки*, *Набрулих орехи*, *Налях вода* (‘Набрал яблок / Насбивал орехов / Налил воды’), несмотря на глагол СВ, нет указания на исчерпанность объекта воздействия, поэтому используется общая форма имени. Отсюда следует, что нет прямой соотнесенности между видом и категорией определенности. Основную роль здесь играет другое, а именно лексическое значение глагола: если глагол имеет семантику «количественная исчерпанность объекта», при имени объекта употребляется определенный артикль. Если это не заложено в лексическом значении глагола, при выборе артикля ориентируются на полный или частичный «охват» объекта воздействия: *Вземете си* ***от*** *гроздето*, *букв.* ‘Возьмите (себе) из этого винограда’ (также: *Взех си* ***от*** *тортата*; *Отрязвам* ***от*** *сиренето. Отчупих* ***от*** *хляба*) [Там же].

Значительные группы глаголов позволяют предсказывать общую или определенную форму имени. К. Иванова выделила глаголы, значение которых содержит указание на исчерпанность и ограниченность действия (отрицательный признак «партитивность»), что блокирует употребление общей формы. Это глаголы следующих способов действия: результативно-дефинитивный (**Добраха ябълки*, **Допивам чай*), результативно-циркумкурсивный (**Оглозгах кокал*, **Оръфах хляб*),

результативно-панкурсивный (*Оскубах бурен), результативно-панкурсивно-дистрибутивный (*Изкупих вестници), отчасти и общерезультативный (*Изяждам макарони, *Привършивам брашно) — у этих последних описаны и особые случаи, где закономерность нарушается [Иванова К. 1983: 53—55].

Глаголы, которые, наоборот, требуют общей формы, включают признак «+ партитивность» — это одноактные и многоактные глаголы (*Пийнах водата, *Сръбвам чорбицата), итеративно-аттенуативные глаголы (*Попийвам виното, *Похапвам динята), комплетивные глаголы, обозначающие возобновление действия, связанное с достижением дополнительного результата (*Прикупих дървата, *Досипах черешите), частично-результативные глаголы (*Отрязвам сиренето, *Отчупих хляба) и др. [Там же].

При этом важно отметить, что эти закономерности наблюдаются и при использовании глаголов НСВ, т. к., во-первых, вторичная имперфективация в болгарском языке носит практически универсальный характер (*Изяждам ябълките*, *Допивам чая* и т. п.), а во-вторых, и среди первичных имперфективов есть «охарактеризованные» по признаку неохвата: *бера си ябълки* (‘собирать яблоки’), *нося грозде* (‘приносить виноград’).

Итак, способ действия может или соотноситься с полным / тотальным охватом объектного дополнения (*Изядох ябълките.* ‘Я съел яблоки’) или с неполным охватом (*Набрах ябълки.* ‘Я набрал яблок’), или не задавать его. В последнем случае надо, по-видимому, ориентироваться на другие референциальные характеристики объекта воздействия. Напр.: *Той купи* (*взе*) *череши за вечеря.* ‘Он купил к ужину черешню’ — неопределенно-референтный статус (по Е. В. Падучевой) и *Взех книгите, които разгледах вчера.* ‘Я купил книги, которые вчера присмотрел’ — определенно-референтный статус.

О некоторых других глагольных категориях, определяющих способ детерминации, мы уже говорили выше. Они часто проявляют «предпочтение» к выбору формы ИГ. Прежде всего это касается нереферентных ИГ в контекстах с ирреальными наклонениями, «со снятой утвердительностью» — в этих условиях форма ИГ не маркирована определенным артиклем, ср. слабоопределенную ИГ с *един* и нереферентную ИГ с *един*: ***Измислих*** (AOR) *за утре вечер* ***едно*** *хубаво заведение с музика* (‘Я подобрал / выбрал на завтрашний вечер приличный ресторан с музыкой’) и ***Измислете*** (IMP) *за утре вечер* ***едно*** *хубаво заведение с музика* (‘Подберите на завтрашний вечер какой-нибудь приличный ресторан с музыкой’), примеры В. Зидаровой [1996].

Глава III. КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛГАРСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Коммуникативными, как известно, называются значения, связанные со способом изложения передаваемой информации. Предложение, выражающее определенное коммуникативное намерение говорящего, строится из коммуникативных компонентов, имеющих различные коммуникативные функции, и одно только расположение этих компонентов может производить особые семантические эффекты и вносить вклад в структуру дискурса [Янко 2001: 13].

Основными средствами выражения коммуникативных значений являются порядок слов и интонация. При синтаксическом описании, не привлекающем фонетические инструменты для исследования интонации, основное внимание неизбежно направлено на линейно-синтаксическую организацию предложения. Тем не менее реконструкция просодии в письменном тексте возможна в той мере, в которой читатель способен восстановить коммуникативные намерения автора, а именно: если текст однозначен и коммуникативные намерения автора поняты правильно, соотношение между коммуникативной перспективой и соответствующей ей фразовой просодией однозначно [Иванова-Лукьянова 2004: 25]. Такие подсказки контекста будут далее указываться.

В **разделе 3.1** будет показан основной инвентарь коммуникативных значений болгарского и русского языков (тема, рема, основные типы акцентного выделения, верификация), который в сопоставляемых языках совпадает. Тем не менее основные средства выражения коммуникативных значений — порядок слов (линейно-синтаксическая структура) и интонация — имеют специфику реализации в болгарском языке на фоне русского в связи с двумя основными отличиями: более строгим, чем в русском, порядком слов болгарского предложения и бóльшей сглаженностью интонационного контура (по крайней мере в повествовательном и вопросительном предложении). Эти отличия проявляются с особенной очевидностью при линейно-интонационных вариантах построения высказывания, связанных с акцентированностью.

В **разделе 3.2** будут описаны несколько коммуникативных стратегий — специальных комбинаций системных и модифицирующих компонентов, используемых говорящим для различных семантических и дискурсных задач. Для сопоставления взяты три коммуникативные стратегии, хорошо исследованные в русском языке:

стратегия с рецессией темы, с «неингерентной» темой и с суперпозицией ремы. В этом разделе мы рассмотрим, как выражаются подобные коммуникативные задачи в болгарском языке, если учитывать: а) серьезные ограничения на линейно-синтаксические перемещения и б) нежелательность разрыва рематического поля, ср. интонационный принцип болгарского языка в формулировке Й. Пенчева: «Рематическое поле не может быть разорвано безударными словами» [Пенчев 2005: 251].

Будет показано, что артиклевая маркированность является в болгарском языке мощным средством оформления коммуникативных стратегий. При действии ограничений на линейно-интонационные варианты именно артикли берут на себя функцию выражения коммуникативных значений.

3.1. Системные и модифицирующие коммуникативные значения

Коммуникативные компоненты, которые привлекаются для осуществления речевого акта, играют в его реализации разную роль. Так, в концепции Т. Е. Янко [2001: 14—41] они делятся на три функциональных типа:

1) значения, конституирующие речевые акты, т. е. собственно формирующие предложения как речевой акт, — это рема;

2) значения, не конституирующие речевой акт, а только служащие основанием для его начала, его исходной точкой, — это прежде всего тема; в предложении она может и отсутствовать. В книге 2008 г. тема и рема отнесены Т. Е. Янко к **системным иллокутивным** значениям [2008: 24];

3) **модифицирующие** значения (контраст, эмфаза, верификация). В предложении их может не быть, но в случае реализации они способны комбинироваться с темой или ремой и играть важнейшую роль в формировании коммуникативных намерений говорящего.

3.1.1. Тема и рема[1]. Тема понимается как исходный пункт сообщения, его начало, исходная точка; в типичном случае она соответствует восходящему начальному ударению. Рема содержит сообщение о теме; при расположении ремы в конечной части фразы она выражается главным фразовым ударением — нисходящим[2]: *Вчерашното ѝ смущение // го бе изпълнило с подозрение*↘ (Д. Димов), ср. русск. *Спасительный сон // не приходил*↘ (Ю. Трифонов)[3]. Между темой и ремой нет функциональной симметрии: рема — обязательный компонент предложения, который делает возможным существование данного высказывания; без ремы предложение утрачивает смысл, т. е. рема конституирует речевой акт сообщения.

---

[1] Основу представленного здесь понимания основных коммуникативных значений составляют концепции Т. Е. Янко [2001; 2008], Т. М. Николаевой [1982; 2000], И. И. Ковтуновой [1976], Е. В. Падучевой [1985], также см. обобщение в [Тестелец 2001], из этих же работ взята часть русских примеров.

В данном разделе и в последующих разделах и главах используется оригинальный русский материал, а переводные русские примеры привлекаются в минимальной степени.

[2] Акцентное падение типа ИК-1 (по классификации Е. А. Брызгуновой [РГ 1980-1: 97—122]) служит показателем конечной ремы для многих языков, хотя возможны и варианты мелодики нисходящей части [Янко 2001: 23—25].

[3] Знаком // в этой главе будем отделять тематическую часть от рематической, знаком / — части многочленных тем и рем.

> Рема — это абсолютное достояние предложения, потому что она формирует предложение как произведение речи с определенным коммуникативным заданием, а роль темы — относительна: тема несет ответственность за связь предложения с текстом и экстралингвистической реальностью [Янко 2001: 24].

Тема, как будет показано и далее, играет важную роль в реализации особых коммуникативных стратегий говорящего, но при этом она — не обязательный член иллокутивного акта. Поэтому в каждом предложении есть рема, но темы может и не быть, как, например, в коммуникативно-нерасчлененных предложениях: *Разделяме се*; *Бе чудесно майско утро*; *Тъмно е*; *Спи ми се*, ср. русск. *Наступила весна*; *Гремит гром*; *Хочется есть*; *Ни ветерка*, либо она может содержаться в предтексте или в провоцирующей реплику ситуации: *Помощ, парите откраднаха!* 'Помогите, деньги украли!' (см. об этом ниже).

В пределах единичной ремы можно выделить собственно рему — группу меньшей протяженности, сегмент с носителем главной фразовой интонации: *Но комедията // трябваше да се изиграе* ***докрай*** (Д. Димов), ср. русск. *Ехал с нами в купе один военный. Высокий такой, молодой, красивый. Я его сегодня //* ***с трудом*** *узнал. Это тот самый — наш с вами сосед* (И. Грекова). Слово или словосочетание, являющееся основным носителем главного фразового ударения, будем называть коммуникативным фокусом.

В предложении может быть несколько тем (*Посред тия груби селяци / бедната, мъничка учителка // се почувства като агне сред вълци* (Елин Пелин)), а также несколько рем. Вопрос о множественных и сложных ремах не имеет единого решения, и прежде всего потому, что допустимы разные интерпретации и разные прочтения одного протяженного рематического участка и вопрос о границах сегментов можно решать по-разному, как в следующих примерах: *Върна се на работното си място // с мътното чувство на дезертьор / заради едно кафе и недопушен разговор* (Б. Димитрова), ср. русск. *Пианист Зоофилов // взял на время / у чиновника Трупакина / волчью шубу* (А. Аверченко)[4].

При членении на тему и рему в предложении могут обнаружиться элементы «смазанного» коммуникативного статуса. Это, во-первых, внетематические элементы (далее выделены скобками) — элементы, которые находятся в позиции после ремы или внутри разорванной ремы [Падучева 1985: 113]:

> *Бях свел излизанията си из града до минимум. Работата ми позволяваше* [*това*] (Г. Господинов); *Без късмет* [*човек съм*] *и туйто* (Елин Пелин), ср. русск. *Щетка* [*у него тут*] *зубная. Домашняя обувь. Кормят* [*его тут*], *поят* (Т. Толстая); *Ехал* [*с нами в купе*] *один военный* (И. Грекова).

[4] См. предлагаемые варианты решения вопроса в [Падучева 1985: 113; Янко 2001: 168—170], там же и литература. Значительную часть своей монографии Й. Пенчев также посвящает данной проблеме, вводя понятие «включена рема» (включенная рема) как факт расширения рематического поля [1980: 64].

Эту коммуникативно наименее релевантную позицию называют также атонической [Янко 2001: 37]. Внетематическими могут оказаться и неакцентированные элементы между контрастной темой и ремой (см. далее).

Неясное коммуникативное положение имеют, во-вторых, т. н. тематические глаголы, которые, вводя рематическую ИГ, «не вносят никакого реального вклада в содержание высказывания» и поэтому «тяготеют к положению в его теме» [Апресян 1997: XXXII]: *Пальто* [*стоит*] *пятьсот долларов*; *Мешок* [*весит*] *пять пудов*, ср. и болг.: *Един чувал* [*тежеше*] *към 50 килограма*. Кроме того, некоторый эффект «смазанной рематичности» появляется у глаголов существования, функционирования, проявления, когда коммуникативный фокус падает на другой компонент ремы:

> *За няколко секунди в залата* [*настъпи*] *пълно мълчание* (Д. Димов); *Служебният мерцедес* [*препускаше*] *безшумно* (А. Гуляшки), см. и русск. *Она наклонилась: на ковре* [*лежала*] *сережка-подковка с изумрудной капелькой посредине* (Т. Моспан).

Так же ведут себя лексически ослабленные сказуемые при предикативном определении: *Той* [*стоеше*] *ням, безпомощен, изплашен от себе си и от душата си* (Э. Станев); *Дърветата* [*стърчаха*] *измръзнали и почернели* (Й. Радичков).

3.1.2. Модифицирующие значения. Со значением темы и ремы как составляющими коммуникативной структуры могут сочетаться коммуникативные значения модифицирующего характера (Т. Е. Янко): контраст, неконтрастное подчеркивание (эмфаза), верификация.

Акцентное выделение, которым сопровождаются эти виды значений, может быть основано на контрасте или не быть контрастным.

Чаще всего встречается **контраст** — выбор из множества других альтернатив, или, иначе, выбор с противопоставлением выбираемого другим элементам какого-то известного (и небольшого) множества. Контраст может быть эксплицитный, т. е. выраженный в тексте:

> …*идеята не беше* ***моя****, а* ***на Жоро*** (С. Стратиев); *Защо* ***Аз*** *да съм го направил? — изумих се.* ***Вие*** *нямате ли пръст в цялата тая работа?* (И. Благоев), ср. русск. ***Сына*** *же на самом деле никакого* ***не было****,* ***была дочь****, и проснулась она в ужасе оттого, что сон был сильнее яви* (Л. Улицкая).

Контраст может быть и имплицитный — невыраженный, но подразумеваемый, т. е. предполагается существование альтернативы, возможность иного выбора:

> *Виждаш ли, решила съм веднъж да си уредя живота и* ***аз*** (К. Бачков); *Вие защо взехте «и-краткото» на Методий? —* ***Аз*** *не съм го взимал* (С. Стратиев); ср. русск. *Сначала плакала, а потом думаю — это же не* ***я*** *умерла!* ***Я*** *же жива!* (А. Курков); *Чередниченко отметил, что* ***вблизи*** *циркачка не такая уж красавица, и это придало ему храбрости* (В. Шукшин).

Контрастной бывает чаще рема: *Вместо да обиди* ***доцента*** *— той обиждаше* ***кучето*** (С. Стратиев). Вариант контрастной ремы — это рема верифицированная (общеверификативная, по [Адамец 1978: 18, 101—103]): *— Какво да бъде? — Подстригване… — Но вие сте подстригани!* (С. Стратиев). ‘Что делаем? — Просто стрижка… — Но вы подстрижены!’ Ремой здесь выступает тот факт, что ожидаемая ситуация уже имеет место. Контраст же заключен в выборе из двух возможностей: «имеет место» / «не имеет места»[5].

Возможна, однако, и контрастная тема: ***Вие*** *не се обаждайте там —* ***вас*** *никой не пита* (С. Стратиев); *И изобщо не те ли е срам от мене? —* ***От тебе*** *— не!* (П. Вежинов), ср. русск. ***Я*** *никогда ключей не теряла. — А Диана?* (А. Малышева). Существование контрастной темы признается далеко не всеми лингвистами; так, Й. Пенчев связывает контрастную эмфазу только с ремой: «контрастное эмфатическое (логическое) ударение тоже определяет данное фразовое слово как рематическое» [1980: 65]. Тем не менее современные исследования показывают, что есть все основания утверждать, что значение контраста может совмещаться с темой.

В болгарском языке приходится учитывать некоторую специфику интонационного оформления контрастного выделения. Она связана с двумя случаями ослабления акцентного выделения или его утраты у сегмента, который должен был бы принять на себя контрастный акцент.

Во-первых, это происходит в частноотрицательных предложениях при смещении отрицательной частицы к сказуемому. Как было сказано ранее, «собственное ударение» болгарской частицы *не* «фонетически проявляется только при условии, когда она стоит не перед глаголом и не перед клитиками»: *Нé ти*; *Нé в гората* [Пенчев 1984: 63]. Смещаясь к глаголу или оказываясь перед клитикой, частица *не* теряет свою ударность, которую она имеет, находясь при отрицаемом неглагольном компоненте, напр. *Нé за лична изгода правя това. → Не прáвя това за лична изгода*, так что при смещении синтагменное ударение то же, что и при обычном предикатном отрицании, см. раздел «Отрицательные предложения».

Во-вторых, в болгарском языке контрастное выделение существительного интонационно не проявляется, если последнее имеет при себе согласованное определение, которое даже вне контраста «всегда сильнее выделено, чем соответствующее опорное слово» [Пенчев 1980: 55]: ***Бял***↓ *кон, а не крава* (ср. с русск. *Белая лошадь↓, а не корова*).

Чаще всего, когда в предложении есть контрастная тема, в нем есть и контрастная рема, особенно при сочинительной связи предикаций: ***През нощта*** *кара* ***той****, а* ***през деня*** *отстъпва волана на* ***Тошко*** (К. Бачков), ср. и в пословицах: *Аз на тебе, ти на мене*; *Бостанджията иска дъжд, а керемедчията слънце*, ср. русск. *В гостях хорошо, а дома лучше.*

---

[5] Верификацию логичнее рассматривать как отдельное модифицирующее значение, но для нашего исследования это несущественно.

Контрастные темы и контрастные ремы часто выявляются в предложениях, оформленных по принципу синтаксического параллелизма. Однако предложения с единоначалием и параллелизмом, которые синтаксически обеспечивают внешнюю контрастность, могут и не выражать противопоставления. Для таких случаев предлагается применять термин «**сопоставительное выделение**» [Паршин 1988; Тестелец 2001: 459—460]. Так, в предложении *Утром мы пойдем в Эрмитаж, днем погуляем по набережным, а вечером — в театр* рассказывается о последовательности действий, но не имеется в виду выбор из ряда взаимоисключающих альтернатив. В отрывке из романа Д. Димова «Осъдени души» также нет резкого противопоставления того, чем заняты разные участники ситуации, тем не менее сопоставительная интонация при прочтении как темы, так и ремы здесь неизбежна:

> *<Фани се облече бързо и влезе в трапезарията.> Клара и Мюрие още не бяха излезли от стаите си. Рамонсита миеше пода, а съдържателят, свалил обецата и живописната кърпа от главата си, правеше с молив някакви сметки зад тезгяха*.

Другой вид акцентного выделения — это **неконтрастное подчеркивание**[6], т. е. смысловое и акцентное выделение без (даже подразумеваемого) противопоставления или сопоставления. Семантика рематического неконтрастного подчеркивания обычно связана с указанием на нарушение нормы в положительную или отрицательную сторону: *Много е непрактична в житейските работи. — Е, не чак толкова! Оная нощ* ***много добре*** *се ориентира в обстановката* (П. Вежинов), ср. и в русск. ‘В житейских делах она очень непрактична. — Ну, не совсем! В ту ночь она *прекрасно* сориентировалась в обстановке’ (пер. М.Тарасовой).

Выявление акцентного выделения в письменной речи осуществляется лишь сопоставлением коммуникативной и семантической нагрузки окружающего контекста. Обычно это не составляет труда при выраженном противопоставлении элементов. В иных случаях можно пользоваться и другими, помимо очевидных средств контраста, подсказками. Перечислим их для болгарского языка.

а) Некоторые частицы способны указывать на контрастность последующего слова: болг. *само* ‘только’, *единствено* ‘лишь’, ‘единственно’, *тъкмо* ‘как раз’, ‘именно’: *Никой не е идвал. Тук сме само* ***ние*** (И. Радоев). ‘Никто не приходил. Здесь только мы’; *Косъм няма да остане. — Точно* ***това*** *не трябва* (С. Стратиев). ‘И волоска не останется. — Как раз этого не надо’.

б) Употребляются местоименные формы, не характерные для данных позиций: им. падеж личного местоимения вместо нулевого подлежащего и полные формы косвенных падежей вместо кратких: ***Вие*** *не се обаждайте там —* ***вас*** *никой не ви пита* (С. Стратиев). ‘*Вы* там вообще молчите, *вас* никто не спрашивает’.

[6] Термин Т. М. Николаевой [2000: 66] близок понятию эмфазы у Т. Е. Янко. В традиционной лингвистике понятие эмфазы, эмфатического выделения применяется неединообразно: и по отношению к любому акцентному усилению, и — чаще — к особому интонированию инвертированного компонента. Поэтому здесь термин «эмфаза» избегается.

в) Графические средства обычно указывают на акцентно выделенную рему: *Хвърлих топката безцелно, но улучих…* ***Невена*** (К. Бачков); ср. русск. *Открыл глаза, глянул вниз, а внизу, у окошка, сидит…* ***Семен Иваныч Малафейкин*** (В. Шукшин).

г) Косвенные подсказки дает стилистический и прагматический контекст. Так, контрастное акцентное выделение часто встречается в диалоге, в контексте опровержения или, наоборот, подтверждения [Янко 2001: 48—51]. Так же и в болгарском: *Не* ***за тебе*** *е думата*. 'Не о тебе речь'; *Не, не е Иван,* ***Петър*** *е*. 'Нет, это не Иван, это Петр'. С имплицитным контрастом, как показала Т. Е. Янко, регулярно строятся вопросы и просьбы в разговорной речи. То же и в болгарском (*Дайте ми* ***обезмаслено*** *мляко*; *За мен* ***безкофеиново*** *кафе, моля*), однако в разговорной речи разрывы именных групп с согласованным определением не осуществляются, ср. русск. *А* ***серую*** *ты не хочешь посмотреть* ***сумку****?* и болг. *Не искаш ли да погледнеш и* ***сивата чанта****?* Именные группы, содержащие несогласованное определение, все же могут быть разорваны: русск. *А* ***голубого цвета*** *есть* ***свитер****?* — болг. *А* ***във синьо*** *имате ли* ***такъв пуловер****?*

д) Неконтрастная тема — обязательная составляющая тех конструкций, которые являются представителями **«топиковых» структур** в славянских языках. Как известно, наши языки не относятся к прямом понимании к топиковым, т. к. не располагают темой как особым членом предложения, поэтому конструкции, «напоминающие» топик, — это всегда стилистически окрашенные средства. В разговорном языке по принципу топика формируются построения с двойным обозначением, напр.: *А <u>Нела</u> — помниш ли <u>я</u>?*; *<u>Леля</u>, ние с <u>нея</u> се разбираме,* пример из [Васильева, Стайкова 1988: 165]; *<u>Той</u>… няма <u>го</u> сега*, ср. русск. *Кошелек мой — он ведь здесь лежал*.

Наиболее яркое проявление «игры в топик» — т. н. именительный темы и близкие ему приемы экспрессивного синтаксиса с выдвижением сегмента и его дальнейшим местоименным или синонимическим повтором[7]:

> ***Сметката****! Тя <u>я</u> прави злобна, отвратителна, мнителна* (Э. Станев); ***Заминаването****. <u>То</u> тежеше като домоклев меч над всяка тяхна целувка, над всеки изпълнен с обич техен поглед* (С. Трайков); ***А хората около ми!*** *Как безкрайно мили ми се виждат <u>те</u>, всичките* (К. Христов); ***Снежа****. <u>Ø</u> Нищо не иска от него, за нищо не го упреква, не се стреми да го промени и подчини на себе си* (Б. Димитрова),
>
> ср. русск. *Алкоголь… <u>Он</u> разрушил не одну семью* (газ.); *Свежесть, свежесть и свежесть — <u>вот что</u> должно быть девизом каждого буфетчика* (М. Булгаков).

е) В болгарском языке акцентированная тема и акцентированная рема могут выражаться с помощью **клефта —** расщепления предложения с выносом контрастивного элемента в начало структуры.

---

[7] См. подробнее о конструкциях экспрессивного синтаксиса в болгарском языке в [Иванова 1999].

При акцентировании ремы придаточная часть составляет тему, но находится в конце предложения, а рема инвертирована и выдвигается вперед; между ними располагается связочный глагол: ***Аз***↓ *съм този, който го направи*, *букв*. 'Я↓ есть тот, кто это сделал'. В русском языке такое акцентирование подчеркивается идентификатором *это*: *Это я*↓ *сделал*.

Формально то же строение, но иное коммуникативное и смысловое значение имеют конструкции с акцентированием темы: *Не съм **аз**↓ тази, която ще се откаже* (В. Голев), *букв.* 'Не я↓ та, что откажусь'; *Не си **ти**↓ този, който ще направлява живота ми* (Х. Калчев). Они представлены преимущественно отрицательными формами главной части, а придаточная предикация имеет характеризующее значение. Такие предложения не идентифицируют, а приписывают признак. Они синонимичны простым предложениям с акцентированием темы типа ***Аз***↓ *няма да се откажа*. 'Я↓ не откажусь' и переводятся на русский язык иначе, чем идентифицирующие, — с введением средств выделения темы (идентификатор *это* здесь недопустим!), напр. *Не съм аз↓ тази, която ще се откаже.* — ***Уж я-то** не откажусь* / ***Кто-кто, а уж я** не откажусь.* Такое выделение темы функционально близко к упоминавшимся топиковым структурам.

ж) Акцентное выделение ремы может сопровождаться **инверсией** — нарушением обычного порядка слов, изменением его на «субъективный», «эмоциональный». Инвертированный порядок слов определяется на фоне объективного, нормативного для нейтральной фразовой интонации.

При инверсии актуальное членение не меняется, но рематический компонент или его «фокусная» часть выдвигается вперед:

> ***Фалшив** щеше да бъде разговорът ни* (М. Радев); ***Стара лъжа** е това, дядо Щиляне* (П. Вежинов); *Може да е получил и отравяне.* — ***От пиене** се е отровил той — възрази бързо огнярят. — Обичаше много чашкат*а (З. Златанов); *Добър вечер, мойто момче! Аз **по гърба** те познах. Викам си, това е Маринчо и никой друг* (В. Голев), ср. русск. *Да уж… **тяжеленька** ваша должность* (А. Аверченко); ***Весь день** вчера угробил* (В. Шукшин).

Ограничения на инверсию в болгарском языке будут сформулированы в разделе «Порядок слов в болгарском предложении», см. и далее 3.1.4.

3.1.3. Тема и рема в ее отношении к понятиям данного и нового, известного и неизвестного

Понятия данного и нового характеризуют лексические элементы темы и ремы по их связи с левым контекстом [Крылова 1992: 27], т. е. с точки зрения их упоминания в тексте (в первый раз или повторно). Понятно, что исходный пункт сообщения чаще всего связан с чем-то предупомянутым (одно из правил сцепления предложений), а новое естественным образом составляет рему.

Тем не менее достаточно распространены и иные соотношения. Так, повторно упоминаемый (т. е. данный) элемент может быть и ремой: *Кафенце ли ще поръчим*

*или количка? — За мен — // **едно кафе***, ср. русск. *Не знаю, торт пойти купить или пирожные. — Купи // **торт.***

И наоборот, темой может быть элемент предложения, впервые вводимый в текст: ***Закъснелите** // не ги приемат. Ще изгори картата* (Ст. Стратиев); *Не стигаха само петдесет сантима. **Даде** ги // един тънък младеж с високо чело и замрежен поглед — най-заможният от групата* (Д. Димов), ср. русск. *У вас из-под двери дымом тянет… **Пожарных** // уже вызвали* (А. Малышева). Обычно тема, вводящая новый объект, акцентно выделена.

Интерпретация элементов как и з в е с т н ы х / н е и з в е с т н ы х основывается на докоммуникативных знаниях, предполагает обладание / необладание фоновыми знаниями [Крылова 1992: 29], т. е. здесь релевантен факт вхождения соответствующего понятия в фонд знаний говорящих. Рема, действительно, чаще всего содержит неизвестное, но ср. и рему, содержащую известное, т. е. «старое» знание: *След малко на прага се появи и **самият поп*** (П. Незнакомов); *Ей, да не си го писал **ти*** (С. Стратиев), ср. русск. *А, рыженькая, да… Это **та неприятная*** (Р. Сенчин). Ср. также тему — неизвестное: ***Един човек** иска да ви види*, как и русск. ***Какой-то человек** караулит у подъезда*.

В артиклевых языках, в том числе болгарском, и данное, и известное маркируются определенным артиклем и в составе темы, и в составе ремы (если нет других взаимоисключающих детерминирующих средств): *Дебели**ят** с прошарената брадичка е човек**ът**, който ни следеше снощи.* Отсутствие обязательной связи темы с известным, а ремы с неизвестным особенно ярко проявляется в предложениях идентификации, где рема всегда новое, но известное из прошлого опыта говорящего [Падучева 1987]: *Коя беше тая жена? Дали не беше **Калина, моята мъничка Пшеничка**?* (Елин Пелин), ср. русск. *…эта дама была несомненно **его петербургская рыжеволосая тетя**…* (В. Набоков), о болгарских предложениях идентификации в сопоставлении с русскими см. [Иванова 2006б; 2009в: 78—98; Прасолова 2009].

Нет абсолютной соотнесенности и между парами и з в е с т н о е / н е и з в е с т н о е и д а н н о е / н о в о е. Неизвестное-рема — типичный случай: *До входа стоеше **някакъв човек***, а неизвестное-данное — более редкий: *Един човек иска да те види.* «***Човекът***» *е Васил* (Б. Райнов).

Для нас важен и тот факт, что и данное, и известное могут выражаться определенно-референтной ИГ. Для определенности объекта достаточно, чтобы предмет либо был задан контекстуально и ситуативно (данное), либо входил в фонд докоммуникативных знаний (известное).

3.2. Особые коммуникативные стратегии говорящего

Коммуникативные стратегии — это особые, выработанные языком способы расположения коммуникативных компонентов для выражения различных смыслов [Янко 2001: 38—39]. Предложения с порядком следования компонентов «тема — рема» без участия модифицирующих значений демонстрируют наиболее нейтральную коммуникативную структуру. Такая коммуникативная организация предложения, вносящая минимальный вклад в семантическую структуру, является немаркированной и в русском, и в болгарском языках, как в примерах из п. 1.1: *Спасительный сон // не приходил* (Ю. Трифонов); *Вчерашното ѝ смущение // го бе изпълнило с подозрение* (Д. Димов).

Тема, хотя и является необязательным компонентом коммуникативной структуры, играет, однако, важную роль в организации специфических коммуникативных стратегий говорящего. Смещаясь со своего привычного начального места, она открывает возможность для разных комбинаций коммуникативных значений.

Далее рассмотрим болгарские соответствия трем русским коммуникативным стратегиям: с рецессией темы, с «неингерентной» темой и с суперпозицией ремы. Попытаемся определить, какие параллели имеются в болгарском языке, если учитывать более строгий, чем в русском, порядок слов болгарского предложения и, что в данном случае еще важнее, более ровную, чем в русском, организацию рематического поля, не склонного к разрыву [Пенчев 2005: 251].

3.2.1. Рецессия темы

При этой коммуникативной стратегии тематический компонент убран на задний план, в атоническую нишу после начального акцентированного и инвертированного глагола. Рема здесь разорванная: первым располагается рематический акцентированный глагол, затем — после атонической ниши — следует оставшаяся часть ремы. В примерах далее подчеркнута рецессированная тема: *Посадил <u>дед</u> репку*; *Выходит <u>Анка</u> замуж*; *Служил <u>на Кавказе</u> один барин* (примеры Т. Е. Янко). У этих предложений имеются нейтральные коммуникативные варианты со стандартной темо-рематической стратегией: *Дед посадил репку*; *Анка выходит замуж*; *На Кавказе служил один барин*.

Основной текстовой функцией рассматриваемой стратегии с рецессией темы является «обещание продолжения», см. о подобных структурах и «сказочном порядке слов» в работе [Золотова и др. 1998: 383].

В болгарском языке подобная линейно-интонационная структура наблюдается редко, см. [Васева 1982: 185], см. и ее отражение в русских переводах в 5.1.2.1. Причины этого связаны не только с ограничениями на место подлежащего[8], обусловленными отсутствием падежного изменения. Важнейший фактор, оказывающий влияние на структуру болгарского предложения, — это стремление к цельности рематического поля. Как следствие, имеются ограничения на начальную позицию ремы при последующем тематическом компоненте.

Как замечено Й. Пенчевым при исследовании порядка слов в болгарском предложении, начальная позиция рематической части может создать «нежелательную для болгарского языка рематическую ситуацию», напр.: *Тук ли той е отседнал?*, где местоименное подлежащее *той* находится внутри разорванной ремы [Пенчев 1984: 62]. Стремление к более сглаженной интонационной линии является одной из причин смещения подлежащего при вопросе в крайние позиции: *Той тук ли е отседнал?* или *Тук ли е отседнал той?* Но самое частое средство избежать разрыва ремы — это пропуск нерематического местоименного подлежащего: *Тук ли е отседнал?* [Там же: 62]. Позже, в работе 2005 г., Й. Пенчев сформулирует уже приведенный выше основной интонационный принцип болгарского языка о невозможности разрыва рематического поля тематическими элементами, что порождает запрет на фразы типа **Донесох <u>вчера</u> всичко*[9], в том случае если *вчера* является тематическим элементом [Пенчев 2005: 251].

Какие соответствия при имеющихся ограничениях предлагает болгарский язык русской стратегии с рецессией темы? Можно предположить, что в разных жанрах будут выбраны разные решения.

Коммуникативная стратегия с рецессией темы обычна для русских нарративных текстов: анекдотов (3.2.1.1), сказок, притч, коротких рассказов (3.2.1.2).

3.2.1.1. Наиболее характерной является эта стратегия в русских анекдотах и шутливых рассказах [Янко 2001: 201], формируя специфическое «анекдотическое начало»: *Едут <u>муж с женой</u> в машине и ругаются*; *Приезжает <u>муж</u> из командировки*; *Пришел <u>мужик</u> в баню*; *Приходит <u>блондинка</u> в автосалон и покупает новенький «порше»*.

Болгарский язык выработал для анекдотического начала свою стратегию, в которой привлечены возможности категории определенности / неопределенности. В коммуникативно-нейтральных предложениях тема, являясь данным и/или известным, маркирована в болгарском языке определенным артиклем (*Момичето играеше в двора*), а в случае слабоопределенных или неопределенно-референтных именных групп используется неопределенный артикль (*Едно момиче ми го даде*; *Едно момиче играеше в двора*). «Анекдотическое начало» на этом фоне выделяется

---

[8] Как известно, в болгарском языке синтаксические функции неместоименных подлежащего и дополнения определяются по их позиции к глаголу, поэтому постпозитивное к глаголу существительное в тривиальном случае рассматривается как прямое дополнение (см. раздел 5.1.1).

[9] Все же отметим, что данный порядок слов не является категорическим запретом. В невыстроенной разговорной речи он возможен.

тем, что вводит в рассмотрение объект с неопределенной референцией, маркируя его нулевым артиклем, см. об этом и у В. Станкова [1995: 115].

В наборе функций болгарского нулевого артикля, действительно, есть возможности, которые позволяют ему использоваться в данной коммуникативной стратегии. Нулевой артикль, как хорошо описано в болгаристике, имеет свойство подчеркивать сигнификативные признаки в значении слова, активизировать понятийный компонент семантики.

Вне анекдотического начала подлежащее может быть употреблено с нулевым артиклем при акцентном выделении. Акцентное выделение подлежащего обычно происходит при контрастном начале. Контраст (эксплицитный или имплицитный) позволяет подчеркнуть «классовые» признаки объекта, «понятийные» характеристики: ***Не игла** — помисли си пак Шибил и въздъхна. **Нож** може да държи тъй в устата си, и от тоя нож човек на драго сърце би умрял* (Й. Йовков); ***Жена** беше се изпречила на пътя им, хубава жена, а всичко това не предвещаваше нищо добро* (Й. Йовков).

В отличие от этих, хорошо описанных в болгаристике употреблений нулевого артикля, общая форма имени в начале болгарских анекдотов и шуток употребляется в н е а к ц е н т н о г о в ы д е л е н и я. Именно общая форма начального подлежащего при отсутствии акцентного выделения и позволяет формировать специфический болгарский анекдотический зачин, производящий тот же эффект, что русская рецессия темы.

Приведем примеры из классических «Габровских анекдотов» («Габровски шеги») с данным зачином:

Габровец отседнал в евтин хотел…
Габровец дължал на приятеля си един лев и оня не го оставял на мира…
Габровец си купил автомобил…
Другоселец помолил габровец да му заеме пари…
Заможен бакалин бил на смъртно легло…
Кърджия спрял в едно село у свои познати…

В тех случаях, когда начальное подлежащее, вводящее субъект действия, маркировано *един*, оттенок анекдотичности исчезает [Там же: 115]: *Един габровец се похвалил на друг, че от всеки дял на държавната лотария печели по петдесет стотинки, понеже не си купувал билет*. Здесь использована обычная стратегия введения в рассмотрение нового объекта посредством неопределенно-референтной именной группы с неопределенным артиклем.

Следует ли ожидать, что переводы габровских шуток на русский язык будут производиться соответствующей русской стратегией с рецессией темы — основной анекдотической русской стратегией? Очевидно, что положительного ответа нельзя ожидать: немалое значение имеет и влияние конструкции языка оригинала, и тот факт, что габровец не является обычным героем русского анекдота. Рецессия же темы предполагает героя повествования известным и типичным.

Доказательства этому представлены в исследовании А. В. Пучиной [2012], по материалам магистерской диссертации «Интродуктивные коммуникативные стратегии в болгарском, русском и английском языках» (СПбГУ, 2012), где выявлено, что классические переводы «Габровски шеги» на русский язык[10] осуществлялись с помощью рецессии темы лишь в части анекдотов (как в примерах 1 ниже), а в большинстве случаев повторялся болгарский порядок слов (примеры 2), при этом специфическая артиклевая (не)маркированность подлежащего, создававшая анекдотический зачин, не находила в русском переводе никакого выражения:

(1) *Габровец поправял вратата си и пратил сина си да поиска теслата на съседа.* ‘Взялся габровец чинить дверь. Послал маленького сына к соседу за теслом’;

Габровец поискал да поставят надгробен паметник на тъща му. ‘Надумал габровец поставить надгробье своей покойной теще’;

Младоженка получила като дар на сватбата си три чадъра. ‘Подарили невесте на свадьбе три зонтика’.

(2) *Габровец си купил автомобил.* ‘Габровец купил автомобиль’;

Габровец отседнал в евтин хотел. ‘Габровец остановился в дешевой гостинице’;

Габровец дължал на приятеля си един лев и оня не го оставял на мира — през ден, през два ходел да си го иска. ‘Габровец задолжал своему приятелю один лев, и тот не оставлял его в покое, чуть ли не каждый день приходил к нему домой и напоминал о долге’;

Габровец си избира плат за костюм. ‘Габровец выбирал материал на костюм’;

Кърджия спрял в едно село у свои познати. ‘Габровец-коробейник приехал в одно село и остановился у своих знакомых’;

Другоселец помолил габровец да му заеме пари. ‘Крестьянин попросил у знакомого габровца денег в долг’.

Другие, менее частотные, возможности перевода связаны с рематическим конечным подлежащим, т. е. с обычной стратегией введения в рассмотрение нового объекта (пример 3) или с введением лексических показателей неопределенности у начального подлежащего (пример 4):

(3) *Габровец пътувал в автобуса и държал куфара си на рамото*. ‘Ехал в автобусе габровец. Свой чемодан он держал на коленях’.

(4) *Един габровец се похвалил на друг, че от всеки дял на държавната лотария печели по петдесет стотинки, понеже не си купувал билет.* ‘*Один* габровец похвастался другому, что с каждым розыгрышем государственной лотереи он становится на пятьдесят стотинок богаче, потому что не покупает билета’;

[10] Габровски шеги. София, 1971; Габровские анекдоты / Пер. Ю. Жанова. София, 1988.

Стара набожна габровка всяка вечер палела кандилото и дълго се молела пред него. '*Одна* набожная габровская старушка каждый вечер зажигала лампадку и долго молилась';

Търговец си поръчал фирма при габровски художник, на която искал да има нарисуван лъв. '*Некий* торговец решил заказать габровскому художнику вывеску с изображением льва'.

Разумеется, в предложениях нераспространенных, где нет ни детерминантов, ни объектных актантов у сказуемого, использование рецессии темы в обоих языках исключено: *Габровец се разболял*. 'Габровец заболел'.

Вариантом болгарского «анекдотического» начала, по-видимому, является его линейно-интонационный вариант с перемещением начального немаркированного подлежащего в постглагольную позицию, например, в типичном зачине «семейных» анекдотов: *Прибира се <u>мъж</u> от командировка и сварва жена си в семейното легло с друг*… На первый взгляд, он очень напоминает русскую рецессию темы. Но это лишь внешняя близость. В отличие от тематической трактовки, потребовавшей бы определенного артикля, здесь существительное *мъж* не маркировано определенным артиклем, что исключает его толкование как чисто тематического компонента. Поэтому и в данном варианте болгарской анекдотической стратегии, как и в основной модели, цельность рематического поля не нарушается.

3.2.1.2. Коммуникативная стратегия с рецессией темы широко используется в русских сказках и других фольклорных жанрах.

Здесь, однако, структуры с рецессией подлежащего редко являются инициальными. Они более характерны для начала новой темы, перехода к новому сюжетному ходу, новой экспозиции. Поскольку данная коммуникативная стратегия применяется внутри повествования, рецессированной темой (далее подчеркнута) здесь являются имена уже упомянутых персонажей: *Съел <u>петушок</u> зернышко и подавился*; *Ходят <u>девушки</u> по лесу, аукаются, собирают ягоды*; *Вот открыл как-то раз <u>отец</u> сундук, что от первой жены остался*; *Пошла <u>курочка</u> к дровосекам.*

Впрочем, и в начале сказки эта стратегия не исключена, поскольку герои сказок могут быть намеренно введены как известные или типичные для создания «интимизирующего» стиля общения. Так, коммуникативными структурами с рецессией темы оформлено и начало сказки «Репка», и каждый новый абзац:

Посадил <u>дед</u> репку. Выросла репка большая-пребольшая. Пошел <u>дед</u> репку рвать: тянет-потянет, вытянуть не может!

Позвал <u>дед</u> бабку: бабка за дедку, дедка за репку — тянут-потянут, вытянуть не могут!

Позвала <u>бабка</u> внучку…

Позвала <u>внучка</u> Жучку…

Позвала <u>Жучка</u> кошку…

Позвала <u>кошка</u> мышку…

В несколько ином варианте стратегии в атоническую нишу помещаются детерминанты и объектные актанты начального (инверсированного) предиката. Этот вариант обычен для инициальной позиции текста. Так в русском языке строятся начала небольших рассказов, притч, занимательных историй*: Жил в Петербурге один добрый и благочестивый вельможа*; *Жил в Петербурге один барин, который уж очень не любил выпивох*; *Ездили по Сибири в древности купцы*; *Шел по дороге паренек. Смотрит — копейка лежит.*

В болгарском языке в фольклорных жанрах предложения с рецессией темы, в целом для языка не характерные, все же используются. Такие случаи отмечаются и в авторском творчестве как стилизация под народный эпос [Градинарова 2010г: 128]: *Залюбил е млади Камен / Цена хубавица*, */ И за Цена се милее / Негова душица* (И. Вазов). Как правило, предложения с рецессией темы представлены внутри повествования, в рамках сложносочиненных предложений, как специфический переход к новой экспозиции: *Изправил се пак Петльо на плета и запял с цяло гърло*. Обратим еще раз внимание, что болгарские предложения с рецессией темы не только представлены более ограниченно, но и тяготеют к позиции первой части сочиненных структур, что для русского языка не обязательно.

3.2.2. «Неингерентная тема»

Коммуникативная стратегия с неингерентной темой нацелена на объяснение, пояснение, приведение аргументов и доводов в пользу высказанной мысли, причем такое объяснение дается в рамках «экстренного введения в ситуацию» [Николаева 1981], что приводит к особой интонированности и линейным перемещениям в высказывании, см. обзор и обширную литературу по данному вопросу в [Янко 2001: 196; 2008: 33—40; Тестелец 2001: 447—454].

Темой при этом является провоцирующая реплику ситуация. Таким образом, тема задана в предтексте (далее выделена угловыми скобками):

<Открой дверь!> Почтальон↓ пришел;
<— Что там такое?> — Скорая↓ к соседям приехала;
<Пустите,> я на поезд↓ опаздываю,

либо исходный пункт ясен из ситуации речи, напр. *Врача↓ надо вызвать!* как реакция на признаки серьезной болезни. Подобные предложения служат объяснением чего-то ненормативного, являются ответом на скрытый или явный вопрос «Почему?» [Янко 2001: 182—197].

Термин «неингерентная тема» был введен для описания подобных предложений после появления статьи А. Н. Баранова и И. М. Кобозевой [1983], где предложена классификация общих вопросов в русском языке, в том числе с привлечением параметра ингерентность / неингерентность темы. Вопросом с неингерентной темой назван такой общий вопрос, «тема которого не находит выражения в его лексико-синтаксической структуре, остается за рамками его языкового значения,

присутствуя в имплицитном виде как элемент языкового или внеязыкового контекста вопроса. Такое явление наблюдается в том случае, когда пропозициональное содержание вопроса интересует говорящего не само по себе, а в качестве возможного объяснения для ситуации, заинтересовавшей его в ходе общения» [Баранов, Кобозева 1983: 265].

Изучение порядка слов и акцентирования предложений, сообщающих об экстраординарной ситуации («Что случилось?»), на материале разных языков показало, что в них выбор акцентоносителя и его перемещение совершаются по особым правилам.

В работе Т. Е. Янко [2008] приведены результаты сопоставления данного интонационного контура и правил выбора в нем акцентоносителя в разных языках. Оказалось, что данная стратегия используется неравномерно по языкам (сопоставляются данные русского, английского, немецкого, французского, датского языков) даже при наличии в данном языке близкого интонационного рисунка. Так, во французском и датском языках схожий интонационный контур возможен только в ответах на вопросы типа *Кто-н. из студентов болен? — Пьер↓ болен*, где второй компонент полностью заимствован из предтекста [Янко 2008: 123]. В рассматриваемой же структуре обоснования голосовое подчеркивание элемента не связано с его смысловым выделением.

При стратегии «экстренного» обоснования меняется линейно-интонационная структура и в коммуникативно нерасчлененных предложениях: ср. пары (1а) *Пришла весна, зацвели сады* и (1б) *Что это ты улыбаешься? — Весна↓ пришла*; (2а) *Дует ветер, льет дождь* и (2б) — *Зачем ты надела шапку? — Ветер↓ дует.*

В русском предложении при реализации данной стратегии вместе с акцентированием возможны передвижения компонентов, в основном актантов, ближе к началу предложения.

Принцип выбора акцентоносителя, обычно сдвинутого со своего классического места, является многоступенчатым (см., напр., [Там же: 49]), но в упрощенном виде может быть представлен следующим образом:

> обстоятельство образа действия < сказуемое < сирконстант < подлежащее < дополнение[11].

Таким образом, если в предложении есть дополнение, то именно оно берет на себя роль акцентоносителя: *Катя ВАЗУ разбила*; *Иванов РУКУ сломал.* Ср. коммуникативно нейтральные корреляты: *Катя разбила вазу*; *Иванов сломал руку*.

При его отсутствии выдвигается и/или акцентируется подлежащее: *Почему ты говоришь шепотом? — БАБУШКА спит*; *Открой дверь. ПОЧТАЛЬОН пришел*; *Почему дома такая грязь? — ГОСТИ приходили*. Ср.: *Бабушка спит*; *Пришел почтальон*; *Приходили гости*.

---

[11] Это вариант записи из [Тестелец 2001: 453], вслед за Т. Е. Янко [2001].

В предложении без актантов возможным акцентоносителем является обстоятельство: *Почему ты мокрый? — Под ДОЖДЬ попал,* или сказуемое (при определенных типах обстоятельств): *ПОРУГАЛИСЬ немного*. Ср. *Я попал под дождь*; *Мы немного поругались*.

В болгарском языке возможности перестановки элементов крайне ограничены. Прежде всего блокируется передвижение объектных актантов — постановка их между подлежащим и сказуемым не характерна для болгарского языка, в том числе и при акцентировании, поэтому используется нейтральный порядок слов даже в «экстраординарных» ситуациях[12]:

— Что случилось? — Катя ВАЗУ разбила. — *Какво има? — Катя счупи вазата.*

— Что за шум? — (Соседи) МЕБЕЛЬ двигают. — *Откъде е този шум? — От съседите* (*е*)*, местят мебелите.*

— Пустите, я на ПОЕЗД/АВТОБУС опаздываю! — *Моля, пуснете ме да мина. Закъснявам за влака! / Изпускам автобуса!*

— Что случилось? — Сумка НА ПОЛ упала. — *Какво стана? — Чантата ми падна на пода*, болгарский пример из [Пенчев 1980: 65].

Если объектных актантов в высказывании нет, в русском языке перемещается подлежащее. Болгарские рематические подлежащие, в коммуникативно-нейтральных предложениях находящиеся на конечной позиции, в «экстренной» ситуации тоже могут быть передвинуты, но могут и оставаться на своем месте, ср. констатирующее сообщение, например в новостях: *Умрял е Джон Ленън*, и «экстраординарное» обоснование: *Защо плачеш? — Джон Ленън↓ е умрял. / Умрял е Джон Ленън↓*. Ср. также:

— Почему лужа на полу? — БАТАРЕИ протекли.

— Защо на пода има локва? — Радиаторът↓ е потекъл. / Парното↓ потече. / Потече парното.

— Что случилось? — МАШИНА сломалась.

— *Какво има? — Счупи се колата*, болг. пример Т. Сеизовой [1984: 34].

В предложениях с бытийным предикатом (в том числе и нулевым) в русском также происходит перемещение: *У меня мокрые руки — У меня РУКИ мокрые* (см. расширенный контекст ниже). В болгарском языке в подобных случаях используется структура с именным сказуемым (*Ръцете ми са мокри*). При экстраординарной ситуации обоснования, в целом, инверсия определения не имеет строгих ограничений в болгарском языке, хотя, безусловно, встречается реже, чем в русском.

---

[12] Здесь мы говорим о возможностях только линейных перемещений в болгарском предложении, т. к. второй важнейший фактор, фонетический (прежде всего общая мелодика фразы и выделение акцентоносителя), требует экспериментальных исследований. Но и сейчас стоит напомнить, что интонация болгарских (непобудительных) предложений не имеет таких резких контуров, как в русских предложениях с акцентной выделенностью.

А. Телефон звонит!
Б. Я пишу письмо. Ответь ты!
А. Не могу. У меня РУКИ мокрые.
А. *Телефонът звъни!*
Б. *Пиша писмо. Обади се ти!*
А. *Не мога. Мокри↓ са ми ръцете*, болг. пример Т. Сеизовой [1984: 33].

3.2.3. Суперпозиция ремы

В качестве третьей специфической стратегии мы рассмотрим такую, в которой нет темы вообще. Отсутствие темы здесь является результатом специальной коммуникативной задачи и связано с тем, что все компоненты информационной структуры преднамеренно подаются как полностью рематические, так что все обычные претенденты на роль темы (например, подлежащие и детерминанты) осознанно преподносятся как ремы.

Суперпозиция ремы — это, собственно, коммуникативная структура с двумя ремами — акцентированной и неакцентированной. Наиболее важная часть ремы (далее выделена) акцентируется и выносится в начало предложения, представляя читателю нововводимый объект, остальная часть (тоже рема) дает информацию о проявлении или функционировании объекта: *В нескольких шагах от меня раздался крик:* ***испуганное лицо молодой девушки*** *выглянуло из-за деревьев* (И. Тургенев), пример Т. Е. Янко; *Графиня вошла в бальную залу — и* ***ропот восхищения*** *пробежал среди блестящих гостей…* (А. Аверченко). Интонационный контур таких высказываний отличается от нейтральных нисходящим акцентом на начальной реме, ср. с восходящей интонацией при тематическом начале: *Лицо молодой девушки // было мне знакомо.*

Предложения с суперпозицией ремы характерны, во-первых, для художественных текстов (3.2.3.1), во-вторых, для языка газет (3.2.3.2). С некоторой спецификой они реализуются в «сенсационных» заголовках (3.2.3.3).

3.2.3.1. В художественных текстах структуры с суперпозицией ремы являются характерной чертой индивидуально-авторского стиля. Выбор данной нестандартной коммуникативной структуры совершается тогда, когда хотят сообщить о неожиданном появлении нового объекта в центре внимания эмпатического персонажа. Этим нововводимым объектом чаще всего бывает новый персонаж, новое чувство или мысль эмпатического персонажа либо явление природы, предстающее перед глазами персонажа или повествователя [ТФГ 1992: 215—220, 224; Янко 2001: 145—161], далее выделим основной акцентоноситель в рамках начальной ремы.

> *Тотчас из-за одного из памятников показался черный плащ.* ***Клык*** *сверкнул при луне, и Маргарита узнала Азазелло* (М. Булгаков); *Смутное* ***недовольство*** *было на душе у Маши. Хотя красный галстук так ярко и свежо свешивал свои длинные уголки на грудь, чего-то не хватало* (Л. Улицкая); *Волна большой* ***радости*** *залила мое сердце* (А. Аверченко); *Теплый, влажный, пропитанный невыносимым запахом*

прокисшего пива и старых закусок ***воздух*** *окутал Патлецова, когда он открыл темную липкую дверь* (А. Аверченко).

Построения такого рода были проанализированы еще И. И. Ковтуновой как результат двукратной перестановки в исходной схеме «детерминант — сказуемое — подлежащее»:

> …меняются местами детерминант и предикативная группа, внутри предикативной группы меняются местами подлежащее и сказуемое. В результате все компоненты линейной схемы (синтаксические группы подлежащего, сказуемого и детерминантов) выстраиваются в обратном порядке — по принципу зеркального отражения [Ковтунова 1976: 107],

ср. *Но вдруг тревожное* ***волнение*** *распространилось по всему дому* (И. Тургенев) на фоне возможной исходной схемы: *Но вдруг по всему дому распространилось тревожное волнение.*

Подобные структуры описываются во многих исследованиях как сжатое высказывание, в котором заключаются минимум два сообщения: первое утверждает существование или возникновение какого-либо явления, второе характеризует это явление. Сказуемые таких предложений — это семантически ограниченный круг глаголов с бытийным или бытийно-характеризующим компонентом значения, прежде всего глаголы появления и «проявления», позиционирования. Подробно разбирается данная стратегия в [ТФГ 1992: 215—220], где анализируются высказывания, вводящие элемент обстановки, пейзажа, явление природы, которое вмешивается в ход событий и сопровождает его как важная деталь сюжета или создаваемого впечатления[13].

Стратегия с суперпозицией ремы имеется и в болгарском языке. При этом инициальное рематическое подлежащее употребляется без определенного артикля, что понятно: оно — и рематическое, и акцентированное. Ср. далее примеры (1), вводящие новый объект, и примеры (2), вводящие природное явление или же новое ощущение эмпатического персонажа:

(1) *Ганев натисна дръжката.* ***Рус мъж с изгоряло от слънцето лице*** *стоеше обърнат към стената, дето беше масата, и редеше по нея някакви шишенца и прибори за бръснене* (Э. Станев); *Влязохме в столовата, за да чакаме рейса. Вместо добродушен великан,* ***калорифер*** *духаше връхните ни дрехи, за да прогони влагата* (Д. Стоилов).

(2) ***Зимно утро*** *раздира студените мъгливи покриви на нощта* (Елин Пелин); ***Силен дъжд*** *рукна* (Й. Йовков); ***Тежка буца*** *заседна на гърлото му* (В. Голев).

---

[13] Там же см. о роли нововведенного объекта в общей линии повествования, об условиях появления случайного персонажа при использовании данной стратегии [ТФГ 1992: 215—220, 224].

Употребление неопределенного артикля *един* при акцентированной реме в данной коммуникативной стратегии оказывается возможным в двух случаях. Во-первых, он применяется при столкновении двух изобразительных эффектов: с одной стороны — «появление на сцене», «введение в рассмотрение», и с другой — неготовность к этому воспринимающего персонажа, отстраненность его восприятия: *Хайдутите не се трогнаха, те дори не ги* [*жените*] *и погледнаха. Тяхното внимание беше другаде:* ***една жена*** *стоеше още на пътя, млада, хубава. И как беше пременена!* (Й. Йовков).

Во-вторых, *един* появляется в «рефлексирующем» значении — как показатель некатегоричности, субъективности, условности наименования [Иванова 2009в: 36, 38—39]: ***Едно*** *надмощие, едно мъжко надмощие личеше във всяко негово движение* (Елин Пелин); ***Една*** *готовност да се изпие до дъно чашата на личното страдание издават неговите писма от последната вдъхновена година на краткия му живот* (П. Зарев).

3.2.3.2. Стратегия с суперпозицией ремы активна и в русских, и в болгарских газетных текстах — прежде всего в заголовках и начальных фразах коротких сообщений, ср. русск.

> *Изумрудная лихорадка охватила Колумбию*; *Новые выступления антиглобалистов прошли по всему миру*; *Новый вид гриппа распространяется по Китаю* и болг. *Масови протести се проведоха в Португалия срещу проектобюджета за 2013*; *Тежки болести налегнаха партиите*; *Нов пожар гори на Витоша*; *Протести посрещнаха тройката кредитори в Атина.*

Как и в случае 3.2.3.1, сказуемые этих предложений содержат в своем значении компонент существования, появления на сцене либо каузации бытия объекта.

Особенностью болгарского языка является прежде всего немаркированность артиклем выдвинутого в начало объекта. Как известно, объектные дополнения выдвигаются в начало предложения либо при их тематизации и с важнейшей грамматической поддержкой — местоименным дублированием объекта, напр. *Писмото го донесе раздавачът*, либо будучи логически выделенными и рематизированными, что исключает местоименное дублирование: *Писмото↓ донесе раздавачът* [Пенчев 2005: 254]. Однако в рассматриваемой стратегии выдвинутый вперед объект, как правило, освобождается от показателей определенности.

Эти особенности языка газеты уже привлекали внимание болгаристов, см., например, обзор в [Тодорова Б. 2005]. Наиболее подробно они описаны в статье Л. Ухлиржовой [1997], где разбираются типичные варианты словопорядка и артиклевой (не)маркированности газетных заголовков и «начал». Здесь мы наблюдаем, как замечает автор, согласованность между порядком слов и категорией определенности как средствами актуального членения, которые делают болгарский язык уникальным на фоне других славянских языков, не располагающих определенным артиклем [Ухлиржова 1997: 43]. В работе [Gešev 2013] показано, что при порядке слов OVS рематический характер объекта подсказывают не только артикли,

но и такие факторы, как формальное согласование, категория одушевленности и фоновые знания.

3.2.3.3. Вариантом 3.2.3.2 будем считать «сенсационную» газетную стратегию, которая реализуется исключительно в заголовках.

Они строятся по такому коммуникативному образцу, где каждый компонент подается как рематический. При прочтении каждая составляющая может быть произнесена с эффектом «скандирования», ср. русские и болгарские примеры: *Мост обрушился в Америке в самый час пик*; *Цирковой леопард набросился на ребенка в подмосковном Домодедове*; *Баба замръзна в село от студ*; *Огромно куче ухапа Радина Кърджилова.*

В отличие от 3.2.3.1 и 3.2.3.2, здесь нет идеи введения объекта как нового с последующим его описанием, а есть «интродукция всего события» [Янко 2001: 164]. Оно оценивается и подается «глобально», как чрезвычайное — ‘произошло значительное событие’. Далее обычно вводится указание на место и время события, см. также о финальных кулисах в болгарских заголовках [Ухлиржова 1997: 145].

Сказуемое здесь чаще всего представлено событийным глаголом — контролируемого и неконтролируемого действия.

В начальной позиции находится, как правило, «непрототипическое» подлежащее — субъект неконтролируемого действия, «неканонический» агенс (животное, механизмы и т. п.), пациенс, см. примеры выше. На этом фоне начальные «прототипические» (агентивные) подлежащие имеют меньший сенсационный эффект, но и они в болгарском языке освобождаются от показателей определенности для подчеркивания значимости каждого элемента сообщения: *КрадциØ изкъртиха банкомат от стенаØ.* ‘Воры выворотили банкомат из стены’; *ДепутатØ покривал банда за фалшиви пари.* ‘Депутат прикрывал банду фальшивомонетчиков’.

На фоне русского языка отметим, помимо артиклевого оформления, следующие особенности болгарских «сенсационных» предложений: во-первых, более свободное продвижение на позицию подлежащего актантов со значением неодушевленного каузатора: ***Газов бойлер*** *уби мъж в Барселона.* ‘Газовый бойлер убил мужчину в Барселоне’; ***Тонове развалено месо*** *затвориха месокомбината в Силистра*[14], *букв.* ‘Тонны протухшего мяса закрыли мясокомбинат в Силистре’, во-вторых, более регулярное использование пассивных конструкций, что является следствием отсутствия падежного изменения существительных и нехарактерности начальной позиции объекта в болгарском языке, о чем шла речь выше: *18 танцьорки* ***са задържани*** *по време на акция на ГДБОП*; *Пияна шофьорка* ***бе заловена*** *тази нощ в Пловдив.*

Заметим, что построение болгарских газетных заголовков по коммуникативному типу, который мы здесь разбираем как «суперпозиция ремы», подвергается критике со стороны специалистов по культуре речи, поскольку из-за отсутствия

[14] В болгарском языке более регулярно, чем в русском, происходит замена агенса другими таксономическими классами субъекта, о причинах этого см., напр., в [Иванова 2009в: 282], см. также о такой замене в языке болгарских газет в [Ницолова 1994].

артиклей и удвоения инициального прямого объекта в активной конструкции оказываются не маркированы синтаксические роли подлежащего и дополнения, что может порождать неоднозначное прочтение. Заметим, что эта неочевидность ролей участников довольно редко приводит к недоразумениям (ср. мысль Г. Гешева о роли экстралингвистических знаний в таких случаях [Gešev 2013]), но вот комический эффект порождает часто: *Пет проститутки заловили двама полицаи*.

Таким образом, специфические коммуникативные стратегии, сформированные особым расположением коммуникативных компонентов, являются хорошо продуманным стилистическим приемом. Многие закономерности болгарского порядка слов и артиклевой маркированности здесь нарушены, но такое употребление, как заметила Л. Ухлиржова в связи с изучением языка газеты, «функционально мотивировано, преднамеренно, обдуманно, даже, можно сказать, рафинированно; оно не является хаотичным, стихийным, неосознанным» [1997: 38].

Основные различия болгарского и русского языков при формировании функционально однородных стратегий связаны с двумя важными факторами: принципом цельности рематического поля[15] в болгарском языке, что препятствует реализации стратегии с «рецессией темы», и большей закрепленностью, чем в русском, места актантов по отношению к сказуемому, что блокирует их перестановку при коммуникативной стратегии «экстренного» обоснования.

В предложениях с «суперпозицией ремы», где перестановка актантов является одним из обязательных условий формирования этой стратегии, незатрудненное перемещение актантов в болгарском языке объясняется их акцентированностью (рема в «суперпозиции» — это акцентно выделенная начальная рема), что снимает запрет на перемещение.

Артиклевая маркированность является в болгарском языке мощным средством оформления коммуникативных стратегий. При действии ограничений на линейно-интонационные варианты именно артикли берут на себя роль маркеров специфических коммуникативных значений.

[15] Принцип неразрывности рематического поля в болгарском языке, как показывают примеры, не всегда соблюдается строго, но в целом, безусловно, определяет вектор формирования всех коммуникативных стратегий.

Глава IV. БОЛГАРСКИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ НА ФОНЕ РУССКИХ В КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ПЛАНЕ

4.1. Синтаксические конструкции как языковые формы подавления семантического субъекта

В составе болгарских синтаксических моделей выделяются структуры, рассмотрение которых в коммуникативно-функциональном плане на фоне русского языкового материала представляется особенно интересным. В первую очередь это касается конструкций, которые устраняют семантический субъект из структуры высказывания, понижая коммуникативный статус этого субъекта и приписывая ему особую референциальную характеристику. К таким конструкциям относятся, в частности, пассив, субъектный имперсонал, неопределенно-личная модель и безличная модель с причастным предикативом (причастный имперсонал).

4.1.1. Пассив

При образовании пассива внимание фокусируется на объекте действия, который передвигается в позицию подлежащего. Конструкция обозначает совершающийся над объектом процесс (*Дом строится рабочими*) или состояние объекта как результат имевшего место процесса (*Дом построен рабочими*). В трехчленном пассиве субъект действия занимает периферийную позицию: в русском языке это творительный агентивный, в болгарском — косвенное дополнение с предлогом *от* (*Пътят се строи от работници на фирма* «*Манди*», газ. «Нов живот»). Конструкция двучленного (безагенсного) пассива является широко распространенной в языках мира формой устранения субъекта из поля зрения, выражения его референциальной неопределенности или несущественности: *Дом строится*; *Блокът се строи*.

Как известно, степень представленности в языке синтаксических конструкций пассива связана с типологическими характеристиками языка. В болгарском языке с его именным аналитизмом пассивные конструкции имеют гораздо более широкое распространение, чем в русском[1]. Связь степени употребительности пассива

[1] О различных мнениях о составе болгарских пассивных конструкций см., напр., [Сааведра 2008: 78—92]; о семантике и дистрибуции болгарских конструкций пассива см. [Баракова 1980].

с синтетическим или аналитическим строем языка убедительно доказывается в работах типологов (см. об этом в [Зарецкий 2008]). Здесь мы не будем заниматься описанием использования всех болгарских и русских пассивных форм, поскольку в дальнейшем изложении этот вопрос затрагивается в связи с употреблением болгарского пассива в качестве функционального соответствия тех или иных русских синтаксических построений.

Остановимся подробнее лишь на формах **возвратного перфективного пассива**, широко представленных в болгарском языке[2] и имеющих очень узкую сферу распространения в русском.

1. В русистике существует мнение, что в современном языке возвратные формы от глаголов СВ не могут являться залоговыми формами пассива, в противном случае такие образования должны расцениваться как ненормативные [Зализняк 1977; Князев, Недялков 1985; Падучева 2001; Апресян 2002 и др.]. Хотя это мнение очень авторитетно: «Можно считать общепризнанным, что естественно ожидаемой пятой залоговой формы СТРАД СОВ на *-ся* (*Книга* ***прочиталась*** *людьми всех возрастов*) в русском языке нет. Эпизодически цитируемые в литературе примеры типа *Все это потом* ***забетонируется*** не выходят за пределы окказионализмов» [Апресян 2002: 19]; «[В] русском языке для возвратного глагола СВ исключена пассивная интерпретация» [Падучева 2001: 53], — общепризнанным его считать нельзя. Достаточно известны мнения о допустимости, но маргинальности возвратного перфективного пассива в русском языке [Янко-Триницкая 1962; Милославский 1978; РГ 1980-1; Перцов 2003; Гаврилова 2010]. Корпусные исследования последних лет даже приводят к заключениям о значительной распространенности этих форм в русских текстах [Коломацкий 2007].

В известной степени этот вопрос связан с проблемой интерпретации семантики части русских глаголов СВ на *-ся* и, соответственно, с широким или узким пониманием пассива.

В результате изучения семантической структуры глагольных форм от пассива были отграничены формы типа *дом разрушился*, в настоящее время чаще именуемые декаузативными (см., напр., [Падучева 2001; Плунгян 2003]), реже — квазипассивными [Гаврилова 1990]. Независимо от того, как трактуется декаузативация — как понижающая актантная деривация [Плунгян 2003] или как не меняющий лексического значения глагола диатетический сдвиг [Падучева 2001], — специфика декаузативных конструкций, описывающих ситуации, которые не имеют в числе участников агенса, очевидна на фоне сопоставления с пассивом, понижающим коммуникативный статус агенса, но не лишающим его актантной роли.

В [Падучева 2001] показано, что возвратные формы от совершенновидовых агентивных глаголов типа *сварить*, *испечь*, *зажарить*, *поджарить* (*Мясо сварилось*) также являются декаузативами, а не пассивами, как считают многие иссле-

[2] Как отмечает П. Баракова, в современном болгарском литературном языке глаголы НСВ и СВ, по статистическим данным, примерно в равной степени участвуют в образовании возвратных пассивных форм (55 % составляют глаголы НСВ) [Баракова 1980: 141].

дователи, подчеркивая невозможность осуществления ситуаций, обозначенных глаголами типа *свариться*, без участия агенса.

По мнению Г. М. Зельдовича, предложения типа *Белье постиралось* «формируют совершенно новый, промежуточный класс возвратных конструкций, оказывающийся своего рода гибридом между пассивом и декаузативом» [Зельдович 2010: 34].

При глаголах типа *наполниться*, *населиться*, *покрыться* и под., как отмечает Е. В. Падучева, творительный падеж (*Комната наполнилась народом*) не выражает каузатора [Падучева 2001]. У глаголов, в семантической структуре которых присутствуют компоненты «контакт с внутренней поверхностью», «полнота охвата поверхности», есть актант с таксономическим классом «масса» [Падучева, Розина 1993: 5—16; Падучева 2004а: 89]. Этот актант неагентивен, его семантическая роль — средство. В русском языке, занимая позицию творительного беспредложного, он формально неотличим от пониженного в ранге агенса. В аналитическом болгарском потеря актантом агентивности маркируется сменой предлога. Так, пример (1) содержит форму возвратного перфективного пассива (*се препълни*, *букв.* ‘переполнилась’), агенс выражен именем с предлогом *от* (*от момчета* ‘парнями’), а в примере (2) при декаузативе *се препълни* используется именная форма с предлогом *с* (*с деца* ‘детьми’):

(1) *Залата* ***се препълни от*** *здрави* ***момчета*** *и от двата лагера* (газ. «Сега»);

(2) *Залата* ***се препълни с*** *малки, големи и още по-големи* ***деца*** (журн. «Български дипломатически преглед»).

Ср. также пассив (3) и декаузатив (4) от болгарского совершенновидового глагола *населя* ‘населить’:

(3) *…след като България* ***се насели от*** *омбудсмани и едва ли не всяка община вече има омбудсман* (С. Попов);

(4) *Дали природата се грижи светът да не* ***се насели с*** *гении…* (Г. Данаилов).

Надо заметить, что контексты с декаузативами от болгарских перфективных глаголов *препълня* ‘переполнить’, *напълня* ‘наполнить’, *населя*, судя по материалам болгароязычного Интернета, многократно превышают контексты с пассивными формами от этих глаголов, что, вероятно, свидетельствует о постепенном вытеснении последних из употребления.

Перевод на болгарский язык может служить для русских глагольных форм своеобразным тестом на агентивность. Так, в болгарском переводе пассивной, по мнению некоторых исследователей, конструкции *Даль окуталась туманом* не будет ожидаемой именной агентивной формы с предлогом *от*. Перевод дает формы декаузатива: *се обви в мъгла*, *се покри с мъгла*, свидетельствующие о декаузативном значении оригинала. Декаузатив *окутаться* входит в ту же группу глаголов, что и *покрыться*.

Языковые факты не столь далекой истории, а именно языка середины XIX в., свидетельствуют о том, что русский возвратный перфективный пассив представлял собой в тот период живую грамматическую категорию. Богатый материал, иллюстрирующий распространенность и нормативность этих форм, содержит «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля [Даль 1978].

Абсолютным доказательством принадлежности конструкции к пассиву является использование при возвратном перфективном глаголе творительного агентивного, как, например, в следующем иллюстративном материале из словаря Даля:

> *Дело увидится нами*, когда уже поздно будет; *Тобою я избавился от болезни; Я тобой оборонился*, без тебя я бы пропал; *Обвинился людьми*, да оправдался перед Богом; *Не нами уставилось, не нами и переставится*; *Не нами началось*, да на нас оборвалось и мн. др.

Н. Ю. Шведова, говоря об употреблении в поэтических и прозаических сочинениях втор. пол. XVIII — перв. пол. XIX в. рефлексивных глаголов СВ со значением собственно страдательным, отмечает их преимущественное использование в форме будущего времени [Шведова 1964: 211]. О том же свидетельствуют и материалы словаря Даля. Очень часто возвратный страдательный глагол СВ является у Даля сказуемым временной придаточной части: *Когда наворочается большая куча*, будет навалена; *Когда второе кушанье поднесется*, то подноси вино; *Когда сплетется кружево, тогда и продастся* и под. Так же часто в конструкции с таким предикатом имеется обстоятельство времени: Мост сымается, *сымется в полночь*; Ставни навешиваются, *сегодня навесятся все*; *За осень все зайцы постреляются в этих колках*, а по весне опять натекут и т. д.

Если в позиции творительного падежа оказывался инструмент, то этот участник — «исполнитель “воли” генератора» ситуации, «как бы вторичный генератор» [Лутин 2008: 15] — указывал на существование агенса и поддерживал страдательное значение конструкции. У Даля: *Коли свечи (церковные) покатаются магилем*, то выгладятся; После клейки, *все сровняется пемзою*. Аналогичный эффект имело указание на средство: *Доска эта утвердится винтами, на винтах*; *Дом обошьется тесом*; *Лестница уставится цветами*. Подчеркнем, что речь идет о конструкциях, представляющих агентивные ситуации и имеющих в позиции подлежащего неодушевленный семантический объект.

Уже в середине XIX в. возможность образования страдательных конструкций с возвратным перфективным глаголом прошедшего времени была ограничена. Так, Даль, например, объясняет в примечании к словарной статье, что со страдательным значением глагол *привязаться* употребляется только в форме будущего времени — «*Он привяжется*, т. е. будет привязан», а форма прошедшего времени *привязался* в этом значении не используется. Спустя столетие академик В. В. Виноградов отмечал ту же закономерность: «В соотносительных формах совершенного вида страдательное значение возможно лишь в будущем времени. Соответствующие же

формы прошедшего времени совершенного вида обычно приобретают средне-возвратное значение» [Виноградов 1947: 633].

Для русской грамматической системы конца XVIII — перв. пол. XIX в. был характерен процесс переосмысления пассивных конструкций со страдательными глаголами на *-ся* в активные со значением средне-возвратным или обще-возвратным, см. [Шведова 1964]. Страдательное значение ослабевало и затушевывалось в конструкциях, передающих неагентивные ситуации. Хорошо иллюстрируют этот процесс включенные в словарь Даля предложения с возвратными глаголами, чаще всего в форме СВ прошедшего времени. См. конструкции, имеющие в позиции творительного неагентивный каузатор: *Леса закурились, задымились палом или встающим туманом*; *Вселенная объялась тьмою*; *Дверь натиснулась обвалом поленницы*. Ср. также предложения с лицом в позиции номинатива — семантического объекта пассивной конструкции: *Человек* истек кровью, изошел, умер или *до крайности истощился потерею крови*; *Праведники освятились жизнию и смертию своею*; *Он искусился предложением этим* и под.

В середине XIX в. творительный падеж в части подобных конструкций уже заменялся причинным сирконстантом — «фоновым каузатором» (Е. В. Падучева). Ср. у Даля: *Гайка оттряслась ездой*, свалилась (толкование уже свидетельствует о декаузативации) и *Гайка отвинчивается тряской или* ***от тряски***; *У меня все пальцы ознобами,* ***от ознобов****, перекорчились*. Активно шел процесс переосмысления конструкций с лицом в позиции именительного падежа. Часть приведенных выше построений была вытеснена из употребления семантически прозрачными и однозначными предложениями со страдательными причастиями на *-н*, *-т*.

В первой половине XIX в. еще были распространены страдательные конструкции с возвратным перфективным глаголом и природной силой в позиции творительного каузатора. У Даля: *Бумажка ветром со стола смахнулась*, ее спахнуло; *Коли греча морозом побьется*, то вся почернеет; *Утес обгладился вековым прибоем*; *Камешек обточился водою, огладился*. Эти структуры были вытеснены конкурирующими конструкциями — активной типа *Ворота распахнул ветер*, так называемой стихийной *Ворота распахнуло ветром* и страдательной с причастием *Ворота распахнуты ветром*.

Несмотря на то что архаизация страдательных предложений с рефлексивными глаголами СВ проходила очень интенсивно и часть таких построений была переосмыслена, другая погибла в борьбе с причастными пассивными структурами и конструкциями актива, русскому языку так и не удалось окончательно избавиться от модели *возвратный перфективный пассив*. Бесспорно только то, что современные его формы ограничены в употреблении.

В наши дни основной сферой использования этих форм является речь, не связанная строгими нормами книжных стилей. Ниже приводятся примеры, источником которых являются форумы самых различных по содержанию и назначению сайтов Рунета. Принадлежность конструкций к описываемой модели доказывается наличием агентивного дополнения в творительном падеже:

Зверь ***поймался мной*** *с третьей попытки, а* ***котами****, к счастью,* ***не поймался*** (julia-elvin.livejournal.com); *Далее со временем, возможно, все изменится в лучшую сторону, и все эти статьи без проблем* ***перепишутся нами*** (yomoto.ru); *Архив — то, что выкинуть жаль и, возможно, еще когда-нибудь* ***отредактируется автором*** (forum.ingenia.ru); *В финансовом плане он совершенно не пострадал, поскольку ущерб* ***возместился*** *той самой* ***дамочкой*** (forum.zakon.kz) и т. п.

Подобные примеры, даже если признавать их нарушающими строгую литературную норму, отнюдь не свидетельствуют об устаревании модели. Аналогичные употребления встречаются и в редактируемых текстах, в том числе художественных, публицистических и научных. Ср.:

Авдотья же вспомнила тут не свои слова, а золовки Оли, но ***произнеслись*** *они* ***ею*** *так же просто, как были бы ее собственными* (Г. Немчинов, Пролет теней); *Такой методический подход к проведению политики Минздрава России в регионы, а затем в практическое звено* ***выработался нами*** *с помощью активной поддержки деятельности представителя МЗ РФ в ПФО руководителями органов управления здравоохранением на местах — в субъектах округа* (М. Позднякова, Пресс-служба представителя МЗ РФ в ПФО); *Причина этого положения вещей* ***выяснится нами*** *впоследствии*… (В. Дильтей, Сущность философии, пер. с немецкого под ред. М. Е. Цельтера) и под.

Близки к классическому пассиву русские возвратные перфективные формы от глаголов действия, включающих в свою семантическую структуру компонент ‘удалось’. Е. В. Падучева со ссылкой на В. А. Плунгяна говорит о пассивно-потенциальном значении таких форм, поскольку они, в отличие от декаузативов, предполагают участие в ситуации агенса: *юбка отстиралась*, *руки отмылись*, *марка приклеилась*, *роман прочелся* и т. п. [Падучева 2001].

Возвратные перфективные формы без творительного агентивного достаточно широко представлены в русских текстах, в том числе литературных:

В дальнейшем эта площадка ***забетонируется*** *и будет огорожена невысоким металлическим парапетом* (газ. «Вечерний Новосибирск»); ***Отремонтируются*** *отделения общехирургического профиля и отделения реанимации и интенсивной терапии* (газ. «Минский курьер»); *Затем* ***разрежется*** *ленточка, и все пройдут к наспех сваренным клеткам и за ночь сколоченным вольерам* (газ. «Новые времена в Саратове»); *Слова* ***не произнесутся****. Перо не напишет* (П. Лукницкий, Ленинград действует…); *Хотим мы того или нет, Гребенщиков навечно останется культовой и полумифической фигурой для нескольких поколений, его концерты обязательно соберут аншлаги, а альбомы* ***раскупятся*** (газ. «Бульвар Гордона») и под.

Количество подобных употреблений не позволяет считать их окказиональными. Отсутствие в таких конструкциях агентивного дополнения закономерно и обусловлено самой их функцией — обозначить достигшее результата действие над объектом безотносительно к субъекту. Образование этих форм имитирует декау-

зативацию, но, в отличие от последней, агенс не устраняется из ситуации в силу необоримой агентивности глагола.

В. И. Гаврилова, говоря о широком употреблении «в устной речи людей, пользующихся услугами автоматизированных систем в области обработки текстов или бухгалтерского учета», конструкций типа *Текст уже отредактировался*, *Статья уже перевелась*, *Смета скоро составится*, считает подобные конструкции обозначающими «вторичные стихийные процессы» и квазипассивными. Автор связывает такие употребления с процессом компьютеризации и созданием «системы устройств и механизмов, осуществляющей такие процессы, которые изначально выполнялись непосредственно с помощью интеллектуальной или мускульной силы человека» [Гаврилова 2001]. Представляется, что процесс автоматизации производства, поддерживая такие употребления, не является причиной их появления. Говорящий и ранее нуждался в средствах выражения неопределенного и/или коммуникативно незначимого агенса / каузатора.

Таким образом, нельзя не признать того факта, что возвратный перфективный пассив в современном русском языке существует. Не погибая в конкурентной борьбе с причастными конструкциями, эта синтаксическая модель продолжает соответствовать потребностям говорящих. Вместе с тем сфера ее употребления, несомненно, ограничена.

2. В болгарском языке возвратный перфективный пассив, наряду с возвратными формами пассива от глаголов НСВ, широко используется во всех сферах функционирования языка. Для того чтобы можно было получить более адекватное представление о распространенности возвратного перфективного пассива в стилях болгарской речи, далее эти синтаксические формы будут представлены в сопоставлении с их русскими функциональными соответствиями.

Болгарский возвратный перфективный пассив особенно частотен в составе придаточных частей, присоединяемых к главным посредством союзов *за да*, *ако*, *докато*, *след като* и др. (1). Не менее распространен он и в функции предиката *да*-конструкций, используемых в контексте модальных, оценочных, модально-оценочных глаголов и предикативных наречий (2), волитивных и каузативно-волитивных глаголов (3):

(1) *Сигурно сте чували какви огромни енергии са необходими, за да* ***се изведе*** *една ракета в орбита?* (П. Вежинов); *А ако венецът* ***се улови*** *от момък, той ще я поиска за жена* (Лазаровден, Уикипедия); *Мисълта ми прескача на други подробности — ония, които остават, след като* ***се изстиска*** *водата от обширния редакторски коментар* (Б. Райнов).

(2) *Човек действа не с мускулите си, а с мисълта, следователно и оръжието трябва* ***да се насочи*** *към мисълта* (Б. Райнов); *Бързото движение, с което погледна часовника си, можеше* ***да се изтълкува*** *като мълчаливо роптание срещу Хиршфогеловите думи* (Д. Димов); *Тази заран обаче трудно би могла* ***да се нарече*** *тиха* (Б. Райнов); *Справедливо бе* ***да се признае****, че в държането ѝ към*

младите мъже, които идваха да виждат брат ѝ, нямаше нито сянка от флирт (Д. Димов).

(3) *Исках да използувам камъните и златото на една демодирана гривна. Казах ѝ, че искам* ***да се претопи*** (Д. Димов); *Оказа се, че той е наредил* ***да се изтеглят*** *шпалтите, обаче онова момче, помощникът му, забравило да изпълни нареждането* (Б. Райнов).

Несколько менее частотен, но также достаточно широко распространен, особенно в публицистическом стиле, возвратный перфективный пассив с глагольными формами будущего и прошедшего времен:

Но във всеки случай едно присъствие, което, особено след чудесно изграденото трето действие, ***ще се запомни*** *от оперната публика* (газ. «Култура»); *Подробностите* ***ще се обмислят****, когато моите двама души влязат в контакт със сигурни хора от граничните села* (Б. Райнов); *Предложението на Манева* ***се отхвърли*** *от парламентарното мнозинство* (газ. «Телеграф»).

Функциональными соответствиями болгарского трехчленного возвратного перфективного пассива в современном русском языке являются, чаще всего, конструкции актива. Ср. в переводе с болгарского:

И започва да обяснява, че щом възпитанието ***не може да се осигури от родителите****, значи то* ***трябва да се поеме от държавата*** (Б. Райнов). ‘И он начал втолковывать мне, что современные родители, как правило, не в состоянии дать детям воспитание. Следовательно, эту функцию должно взять на себя государство’ (пер. А. Собковича).

В официально-деловом и публицистическом стилях конкуренцию конструкциям актива представляют предложения с причастными формами пассивного залога. Ср.:

Решението ***трябва да се завери от нотариус*** (газ. «24 часа»). ‘Решение *должно быть заверено нотариусом*’; *Позицията на ДПС най-добре* ***може да се изрази от*** *легитимните* ***представители*** *на движението* (газ. «Дневник»). ‘Позиция ДПС лучше всего *может быть выражена* легитимными *представителями* движения’.

Болгарскому двучленному возвратному перфективному пассиву функционально эквивалентны русские конструкции с инфинитивом СВ, причастными формами пассива, обобщенно-личные и неопределенно-личные структуры.
Ср. в переводах с болгарского:

После обаче се оказа, че препаратът бил неимоверно скъп, за да ***се пусне в*** *масово* ***производство*** (Б. Райнов). ‘Но потом оказалось, что препарат этот невероятно дорогой для того, чтоб *начать* его массовое *производство’* (пер. С. Никоненко);

Можеше да се отгатне *трагедията* (Д. Димов). ‘Причину трагедии *нетрудно было разгадать*’ (пер. Н. Попова и др.);

Аз проучвам писмата и ги сортирам: тия, на които ***трябва да се даде място****, другите, дето* ***следва да се проверят****...* (Б. Райнов). ‘В ходе изучения писем я сортирую их по категориям: одни *должны быть опубликованы*, другие нуждаются в проверке…’ (пер. А. Собковича);

Що се отнася до мене, едничкото, което ме занимава, е въпросът кога и как ***ще се установи*** *връзката* (Б. Райнов). ‘Единственное, что меня интересует, — когда и как *будет установлена* связь’ (пер. Т. Мицневой и Ю. Лубченкова);

Не могат да се препишат *току-тъй цял куп ноти* (П. Вежинов). ‘Без этого такую стопку нотных листов *не перепишешь*’ (пер. М. Тарасовой);

На другия ден в легацията ***се получи*** *препис от доклада му* (Д. Димов). ‘Уже на другой день в посольстве *получили* копию его доклада’ (пер. Н. Попова и др.).

Ср. также в переводах с русского языка на болгарский:

Нельзя *ли* ***ужесточить*** *режим пропуска?* (В. Пелевин). ‘*Не може ли да се затегне* режимът на пропуска?’ (пер. И. Попова);

Записано ясно: подговаривал ***разрушить*** *храм* (М. Булгаков). ‘Записано е ясно: подстрекавал си *да се разруши* храмът’ (пер. Л. Минковой);

«*Понял! — решительно заявил Иван, — прошу* ***выдать*** *мне бумагу и перо*» (М. Булгаков). ‘«Разбрах! — заяви решително Иван. — Моля *да* ми *се даде* хартия и писалка»’ (пер. Л. Минковой);

…он, будем говорить прямо… с нечистой силой знается… и так его ***не поймаешь*** (М. Булгаков). ‘…той, да си кажем откровено… е свързан със сатаната… и иначе *не може да се улови*’ (пер. Л. Минковой).

В перечисленных контекстах формы болгарского возвратного перфективного пассива распространены во всех функциональных стилях речи.

К книжным стилям тяготеют конструкции с возвратным перфективным пассивом в присубстантивной позиции несогласованного определения. В той же позиции и с той же функцией в русском языке используется инфинитивный оборот. Ср.:

Той научи от подофицера, че предишния ден била получена заповед ***да се изпратят*** *веднага инвентарът и стоките в София* (Д. Димов). ‘Он узнал от унтер-офицера, что накануне был получен приказ срочно *отправить* все интендантские запасы в Софию’ (пер. Н. Попова и др.)[3].

Таким образом, там, где в болгарском языке для устранения субъекта используются формы двучленного возвратного перфективного пассива, в русском литературном языке применяются другие способы «сокрытия» агенса.

---

[3] О русских функциональных эквивалентах болгарского возвратного перфективного пассива см. также в [Дамянова 2004].

Видовая характеристика болгарского возвратного глагола не ограничивает его использования в качестве пассивизатора. Если учесть тот факт, что в болгарском языке и страдательные причастия регулярно образуются от глагольных основ как СВ, так и НСВ, ср. [Норман 1980: 132; Ницолова 2008а: 437], то болгарская система пассивных конструкций может быть представлена как более стабильная по сравнению с русской.

Продуктивность болгарской модели *возвратный перфективный пассив* позволяет активно использовать ее двучленные формы как средство устранения из поля зрения семантического субъекта. При этом референциальные значения субъекта извлекаются в каждом конкретном случае из контекста. В русском языке формы возвратного перфективного пассива не входят в число конструкций, составляющих основной арсенал средств понижения коммуникативной значимости агенса.

4.1.2. Субъектный имперсонал

В болгарском языке одним из способов выражения генерализованного или неопределенного субъекта является конструкция субъектного имперсонала[4]. Эта конструкция, причисляемая болгарской грамматической традицией к числу безличных, стилистически нейтральна и чрезвычайно широко употребительна. В болгарском субъектном имперсонале глагол имеет возвратную клитику *се*, позиция семантического субъекта стерта: *На този ден* ***не се пее***. ‘В этот день не поют’ (*букв.* ‘В этот день не поется’). Ср. неграмматичность построения с агентивным дополнением: **На този ден* ***от никого*** (‘никем’) *не се пее*. Экспликация субъекта в дат. падеже трансформирует рассматриваемый вид имперсонала в другую глагольную диатезу, известную под термином *аффективный имперсонал*. Речь идет о конструкции со значением независимой от воли субъекта расположенности / нерасположенности к определенным состояниям, определенной деятельности: *Не* ***ми*** *се пее*. ‘Мне не хочется петь’[5].

В лингвистической литературе отсутствует детальное описание болгарского субъектного имперсонала. Отдельные болгарские исследователи формы типа *говори се*, *пуши се* наряду с некоторыми другими относят к «безличному (недействительно-нестрадательному) залогу» [Чолакова, Иванова 1973].

В других работах, утверждающих существование в болгарском языке только двух залогов — действительного и страдательного, — формы субъектного имперсонала считаются формами страдательного залога[6].

Так, в конструкциях с исходным переходным глаголом типа *По този въпрос* ***се говори*** *много* К. Цанков видит безличное употребление *возвратно-страдательных глагольных форм*. В подобных примерах отсутствие агентивного дополнения

---

[4] См. о субъектном имперсонале в [Плунгян 2003: 218—219].

[5] См. об этой конструкции в главе I, раздел «Безличные предложения».

[6] Различные точки зрения болгарских языковедов на отношение глаголов с клитикой *се* к категории *залог* представлены в монографии [Цанков 1995]. Ср. также [Велкова 2006: 412—426].

не устраняет идею о субъекте действия, который в данном случае мыслится как неактуальный [Цанков 1995: 26].

При непереходных глаголах, считает К. Цанков, также может идти речь о противопоставлении по залогу:

> При непреходните глаголи също може да се говори за залогово противопоставяне (от една страна — деятелен залог: *Минавам оттук*; от друга страна — безлично-страдателна форма: *Оттук не се минава*). От това следва, че както преходните, така и непреходните глаголи имат форми и за двата залога[7] [Там же: 33].

Образования с возвратной клитикой от непереходных глаголов (*отива се*, *тръгва се*, *ходи се* и под.) К. Цанков определяет также как *возвратные безличные формы глаголов*. Подчеркивается, что действие, выражаемое этими формами, «се мисли като извършвано от някакъв друг вършител, различен от глаголното лице, например: *Забранено е да* ***се ходи*** *по тревата* (*от гражданите). *Минаха на крачка от мен, както* ***се минава*** *покрай шкаф* (А. Антонов-Тонич)»[8] [Там же: 27]. Отмечается достаточно высокая распространенность этих форм во всех функциональных стилях речи, особенно в стиле публицистическом [Там же]. В последние годы для обозначения этой глагольной диатезы используется термин *безличный се-пассив* [Коева 2004].

Еще на заре трансформационного синтаксиса, сопоставляя структуры с рассматриваемыми формами с исходными конструкциями, Х. Валтер отмечал устранение в результате трансформации субъекта действия и (в конструкциях с переходными глаголами) прямого объекта ядерного предложения: «Чрез елиминиране на субекта и директния обект на ядреното изречение съобщението се концентрира върху глагола»[9] [Валтер 1982: 18].

При образовании субъектного имперсонала от исходных структур с переходными глаголами прямой объект не продвигается в позицию подлежащего, как при образовании пассива, а, имея предельно низкий коммуникативный ранг, уходит со сцены вместе с субъектом. При отсутствии контролирующего согласование подлежащего глагольный предикат принимает «безличную» форму 3 лица ед. числа. Ср.: *Вноските се плащат по банков път* (безагенсный пассив). — *Плаща се по банков път* (субъектный имперсонал).

---

[7] При непереходных глаголах также можно говорить о противопоставлении по залогу (с одной стороны — действительный залог: *Минавам оттук*; с другой — безлично-страдательная форма: *Оттук не се минава*). Из этого следует, что как переходные, так и непереходные глаголы имеют формы обоих залогов (перевод наш. — *А. Г.*).

[8] …воспринимается как совершаемое каким-нибудь другим деятелем, отличным от того, на которого указывает личное окончание глагола, например: *Забранено е да* ***се ходи*** *по тревата* (*от гражданите). *Минаха на крачка от мен, както* ***се минава*** *покрай шкаф* (А. Антонов-Тонич) (перевод наш. — *А. Г.*).

[9] Вследствие устранения субъекта и прямого объекта ядерного предложения сообщение концентрируется на глаголе (перевод наш. — *А. Г.*).

Таким образом, назначение субъектного имперсонала — не характерное для залоговых противопоставлений конвертирование ориентации процесса, а устранение из поверхностной синтаксической структуры его участников. Оказавшиеся за кадром субъект непереходного глагола, а также субъект и объект глагола переходного воспринимаются как участники референциально обобщенные или неопределенные. Неслучайно, что конструкция субъектного имперсонала, специализированная на устранении субъекта и объекта ситуации и выражении их нереферентности, так широко распространена именно в болгарском — языке, придающем большое значение категории определенности / неопределенности и располагающем большими возможностями формального выражения референциальных свойств актантов.

Исходными для предикатов имперсональных конструкций являются глаголы с одушевленным субъектом, как правило лицом. Бóльшую часть таких глаголов характеризуют значения *занятие*, *деятельность* и *действие*:

> *На Женския пазар* ***се краде*** *безнаказано* (газ. «Монитор»); *Бунтове има не когато много* ***се лъже****, а когато малко* ***се лъже*** (газ. «Дневник»); *Никой не работи, няма движение по улиците от изгрев до залез,* ***не се яде*** *и* ***не се пие****, всеки се усамотява, медитира и си прави равносметка за изминалата година — какво е направил и какво му предстои в бъдеще* (Б. Делчева); *Ами има библиотеки — там* ***се чете*** *безплатно* (газ. «Капитал»); *…там от десетилетие* ***се воюва*** *почти без прекъсване* (К. Стоилов); *Когато подобни филми ги правят Стивън Спилбърг, Копола или Терънс Малик,* ***се преглъща****. Понякога даже* ***се аплодира*** (газ. «Сега»); *Никога не забравяйте — в секта* ***се бяга****. От какво бяга детето ви?* (газ. «Сега») и под.

Считается, что агентивность имперсональных ситуаций уменьшена [Плунгян 2003: 218]. Возможность употребления при глаголе имперсональной конструкции агентивно-ориентированных обстоятельств, однако, сохраняется:

> *Сега се работи* ***спешно*** *и по укрепване бреговете на Дунав* (газ. «Демокрация»); *Премиерът <...> подчерта, че опасностите от политиката на бездействие спрямо тероризма са много по-големи, отколкото ако се действа* ***енергично*** *за неговото възпиране* (газ. «Демокрация»).

Достаточно высокая степень агентивности имперсональной ситуации доказывается и другим тестом на агентивность, а именно возможностью распространения конструкции целевой придаточной частью. Эта часть тоже может иметь форму имперсонала:

> *С Българския лекарски съюз и Националната здравноосигурителна каса се разговаря,* ***за да се достигне до нормалната ситуация*** (Протокол заседания Парламента); *То не се продава или подарява: за него се воюва,* ***за да го заслужиш пред онези****, които най-добре знаят цената му!* (Г. Божилов-Слона).

Производными для предикатов имперсональных конструкций могут быть, хотя и гораздо реже, основы глаголов со значением *происшествий*, *состояний* и *процессов*:

Не казвам, че ***не се пада****,* ***пада се****, и пак се става и* ***пак се пада****, но това изобщо не разваля върховното удоволствие да летиш по пистата* (porio.there4you.org); *Именно от безсилието* ***се страда*** (В. Иванов); *По обяд сигурно едвам* ***ще се диша*** (С. Иванов).

Предикаты всех приведенных выше имперсональных конструкций образованы от основ невозвратных глаголов. Производство субъектного имперсонала от возвратных глаголов затруднено. Так, предложения типа *Тук не се вълнува*; *Там не се мотае без работа*; *В този салон не се бръсне*; *Понякога не се сбогува* могут быть истолкованы только как личные конструкции с нулевым подлежащим (pro).

При безусловном преобладании несовершенновидовых глагольных форм в конструкциях субъектного имперсонала используются и формы СВ. Они возможны в предложениях, не несущих типичных для субъектного имперсонала модальных значений (о модальных значениях субъектного имперсонала см. ниже), в придаточных цели, в контексте каузативно-волитивного глагола, в позиции подлежащего в конструкциях с оценочным, модально-оценочным или модально-волитивным предикатом:

Руслан сдъвка последното парче сандвич и се канеше вече съвсем да угаси телевизора, но тогава на вратата ***се звънна*** (Е. Лукин, пер. И. Попова); *А* ***за да се слезе*** *от влака, е нужен билет* (В. Пелевин, пер. И. Попова); *Вчера Стьопа нахлул при финдиректора <...> с готова чернова на договора,* ***заповядал*** *незабавно да бъде преписан и* ***да се плати*** (М. Булгаков, пер. Л. Минковой); *В това* ***е трудно да се повярва*** *— като актьор Кудрявцев беше слабо известен…* (В. Пелевин, пер. И. Попова); ***Необходимо е да се попречи*** *и на това Ливан да се превърне отново в терен за сблъсъците на съседните страни…* (газ. «Льо Монд», пер. Л. Константинова); *Това е долнопробно чувство, но все пак* ***трябва да се влезе*** *в положението и на посетителя* (М. Булгаков, пер. Л. Минковой); ***Наредено е да се узнае*** *за останалите трима и се установят точните им имена* (газ. «Черноморие»).

Как уже было отмечено, отсутствие в поверхностной структуре семантического субъекта позволяет интерпретировать его как лицо обобщенное или неопределенное. Эти частные референциальные значения реализуются при поддержке узкого контекста, в частности с помощью семантики обстоятельств. Так, обстоятельство места, вопросительное или относительное *как* в роли обстоятельства образа действия способствуют выражению референциальной обобщенности субъекта и значений деонтической модальности (‘обязательно’, ‘необходимо’, ‘разрешено’, ‘запрещено’, ‘можно’, ‘принято’, ‘до́лжно’ и под.):

В камиона не се пуши*,* ***не се накланя*** *през каросерията,* ***не се подсвирква*** *на минаващи девойки…* (kazanlak.com); *Сега, когато и вторият ѝ брак е вече минало, 34-годишната Джаксън отново е сама, без ни най-малка представа* ***как се ходи*** *на срещи и* ***как се флиртува*** (газ. «Сега»).

Наличие временного дименсива в предложениях без обстоятельства образа действия связывается с выражением неопределенности субъекта и отсутствием

указанных выше модальных смыслов: ***От 15 години се спори*** *за мястото на този инспекторат* (lex.bg); *Във Враца* ***цяла година се работи*** *по проект «Моцарт ефект»* (И. Стойкова, М. Манлихерова).

Болгарским независимым предложениям с формой субъектного имперсонала в функции сказуемого и значением неопределенного или обобщенного субъекта в русском языке соответствуют бесподлежащные структуры с глаголом-сказуемым в форме 3 лица мн. числа настоящего времени / мн. числа прошедшего времени. Как известно, это русские конструкции, специализированные на выражении неопределенно-личных и обобщенно-личных значений. Ср.: *Тук не се пуши.* 'Здесь не курят'; *Там се краде безнаказано.* 'Там воруют безнаказанно' и т. д. Ср. также русскую и болгарскую стратегию кодирования одних и тех же ситуаций в оригинальных произведениях и их переводах: *В запертую дверь купе сильно* ***постучали*** (В. Пелевин). 'На заключената врата силно *се почука*' (пер. И. Попова).

Болгарский язык тоже располагает так называемыми неопределенно-личными предложениями. Однако из-за широкого распространения субъектного имперсонала и пассива сфера их использования несколько уже, чем в русском языке[10]. Ср.: *В дверь* ***постучали*** (В. Пелевин). 'На вратата *почукаха*' (пер. И. Попова).

Функциональными соответствиями болгарских предложений с формами субъектного имперсонала могут являться русские структуры, традиционно именуемые обобщенно-личными: ***Не се живее*** *само с хапчета* (Л. Дилов). 'На одних таблетках *не проживешь*' (пер. В. Куц).

Особо следует остановиться на русских соответствиях болгарских конструкций с некоторыми глаголами речевого действия, валентными на делибератив: *В статията* ***се съобщава*** *за един много находчив румънски гражданин, който явно е решил да каже «не» на циганската музика* (escape-bg.blogspot.com).

Такие болгарские предложения не являются конструкциями безагенсного пассива. В них отсутствует подлежащее и нет позиции агентивного дополнения. Семантика локализатора позволяет предположить, что субъектом речи является автор речевого произведения, который, впрочем, не всегда может быть известен из контекста. В структурном отношении эти построения не отличаются от типичных конструкций субъектного имперсонала. Предикатом русских соответствий также является возвратный глагол: *В книге* ***говорится*** *о*…; *В статье* ***сообщается*** *о*…; *В романе* ***рассказывается*** *о*… и т. п.

В. А. Плунгян считает, что предложение *В инструкции сообщалось о правилах обращения с пейджерами* служит примером использования так называемого ленивого (или неполного) пассива — редкой для русского языка конструкции [Плунгян 2003: 202—203]. Е. В. Падучева видит в конструкции *сообщается о потерях* безагенсный пассив. По ее мнению, одной из возможных трактовок такого построения является его возведение к агентивному пассиву: *сообщается* (*кем-то*)

---

[10] Об использовании болгарских конструкций с глагольной формой 3 лица мн. числа в болгарских паремиях в сравнении с русскими см. [Николова 2006: 187—188].

о потерях. Субъектный актант пропадает в результате трансформации «опущение неспецифицированного агенса» [Падучева 2004а: 61][11].

Нам же представляется, что в структурном отношении эти построения не отличаются от типичных конструкций субъектного имперсонала. Ср. болгарские предложения, построенные по этой модели: *В книгата се говори за слабостите на човешкия род* (Д. Свифт, пер. Т. и Б. Атанасовых). ‘В книге говорится о слабостях рода человеческого’; *В знаменитата приказка на Шарл Перо се разказва за един забележителен котарак, който ловял зайци…* (В. Йонев). ‘В знаменитой сказке Шарля Перро рассказывается о замечательном коте, который ловил зайцев’.

Русская литература XIX в. содержит многочисленные примеры использования субъектного имперсонала.

Материал словаря Даля свидетельствует о том, что деривационная база для производства этих конструкций в русском была так же широка, как и в современном болгарском языке. Для русских построений так же были характерны модальные значения ‘до́лжно’, ‘необходимо’, ‘разрешено’, ‘запрещено’, ‘принято’ и под. Приведем некоторые примеры с толкованиями Даля:

> *В наши времена не кутится*, нельзя кутить или нет охоты; *Здесь не плутуется* <…> никто не плутует, и нельзя плутовать; *Тут не топается*, нельзя; *В этом деле не прекословится*, и спорить нельзя; *По грязи не маршируется*, нельзя маршировать; *Заходится* <…> заходят, должно заходить. *В таком-то случае заходится правым крылом* (*флангом*); *В этом случае всегда откозыривается*, так водится, требуется игрой; *Заезжаться* <…> *заезжается справа, слева*, заезжают, надо заезжать.

Очень характерным и показательным является толкование таких конструкций посредством неопределенно-личных структур:

> *За ним следится*, следят; *Будь осторожен: за нами примечается*, примечают; *За ним строго подзирается*, тайно следят; *Ему светится лучиной*, светят; *Ему во всем потакается*, потакают; *Ему, кажись, по силам угождается*, угождают, стараются угодить; *У вас так пылится по утрам* (пылят), *что сидеть нельзя* и т. д.

Ср. также толкование конструкцией с неопределенным местоимением: *Часто запаздывается*, кто-либо запаздывает.

Дательный в этой конструкции — падеж адресата. См. примеры выше, а также: *Нашему брату во всем отказывается*; *Ему подсобляется миром*; *Этим мне крепко надосаждается*.

Особо отметим конструкции, предикаты которых образованы от основ глаголов речемыслительного действия, валентных на делибератив. У Даля:

---

[11] Отметим также, что болгарским предложениям, представляющим пропозиции без участника Текст, соответствуют русские неопределенно-личные конструкции. Ср.: *По това време вече* ***се говори*** *за Българска методология в преподаването на Айкидо* (Българска Айкидо Федерация). ‘В то время уже *говорят* о болгарской методологии в преподавании айкидо’.

Об этом не просится, никто не просит, или нельзя просить; *Об этом давно клянчится*, клянчат; *О чем у вас рассуждается?* о чем толкуете?; *Сумеречничая, тарабарится*, беседуется о пустяках; *О сем объявляется для всеобщего и всенародного сведенья*; *Об этом напоминается тебе в последний*; *Тут о чем-то намекается*, идут намеки; *Об этом деле судится различно*; *Иногда по внешности заключается и о сущности*; *Мало ли о чем мудрствуется*.

На судьбу субъектного имперсонала в русском языке, несомненно, повлияли процессы «смещения значений, которые происходили в возвратном глаголе» [Шведова 1964: 191] на протяжении всего XIX столетия, активизация структур с невозвратным глаголом, в том числе и неопределенно-личных. Конкуренция с неопределенно-личной моделью привела к архаизации конструкций русского субъектного имперсонала. Тем не менее литературные тексты продолжают давать примеры спорадического использования этих структур, ср.: *Но стены камер — с тех пор тут и сдирались обои, и* ***штукатурилось****, и* ***белилось****, и* ***красилось*** *не раз — стены камер не отдавали нам ничего из прошлого* (А. Солженицын)[12].

В зависимости от контекста болгарский субъектный имперсонал может имплицитно выражать модальность физической или психической возможности / невозможности, способности / неспособности. Семантический субъект может получить интерпретацию ‘говорящий и любой другой человек в подобной ситуации’:

Въздухът стана пак горещ и тежък, ***не се диша*** (С. Иванов); *Та се разбързах и взех та се ожених за съученичка. Сега сме всичко осем, с децата.* ***Не се издържа*** *вече* (В. Писарски); *Липсата на отговорите на въпросите, които си задавам, ме карат да се чувствам несигурна в знанията си, а така* ***не се работи*** (odit.info).

Интересно, что в русском языке есть аналоги болгарского субъектного имперсонала с данной модальной семантикой. Ср.:

Люби, покуда ***любится****, Терпи, покуда* ***терпится****, Прощай, пока* ***прощается****, И — бог тебе судья!* (Н. Некрасов); *Пытаюсь приложить больше усилий, чтобы проснуться. Встаю.* ***Не встается****. Тогда я понимаю, что мне не хватает сил проснуться* (offtop.ru)[13].

Уже в 70-е гг. прошлого века было отмечено широкое употребление болгарского субъектного имперсонала после союза *да* в клаузах, которые следуют за модальным глаголом, имеющим, главным образом, волюнтативную семантику: *На изостаналите ученици* ***трябва да се помогне*** [Валтер 1982: 18].

[12] Что касается современных русских нередактируемых текстов, то в сетевых электронных источниках разговорного характера формы субъектного имперсонала нередки. Д. К. Поляков, не используя термина *субъектный имперсонал*, говорит о свободном образовании подобных форм и иллюстрирует их употребление на примере дериватов от глаголов движения, зарегистрированных в текстах Интернета [Поляков 2010: 30—31].

[13] То же модальное значение могли выражать и конструкции с дативом: «Безногому не встается, *безличн.* не может встать» (Даль). В настоящее время такие употребления, очевидно, устарели.

Действительно, субъектный имперсонал характерен для контекстов с модальными глаголами и модальными предикативными наречиями. Так, он частотен в конструкциях с модальными компонентами, несущими значения необходимости, детерминированной как внешними, так и внутренними факторами:

Изобщо до менюто ***се налага да се прибягва*** *само ако трябва да се изменят основните параметри на картината — контраст, наситеност, резолюция, компресия, ефекти…* (photo-forum.net); *Със съдбата* ***трябва да се флиртува*** (газ. «Стандарт»); *Тогава* ***не бива да се бърза*** (В. Гинев); ***Необходимо е да се седи*** *изправено, не трябва да се накланяте напред, назад или пък настрани* (Регулиране на духа Шън, перевод).

Типична для субъектного имперсонала и позиция синтаксического объекта после волитивных и каузативно-волитивных глаголов:

Множеството се отправило демонстративно към конака и заявило, че народът ***иска да не се пее*** *по църквите на гръцки език* (И. Михайлов); *Дамян Дамянов* ***поиска да се върви*** *към сливане на висши училища, а колежите да бъдат закрити* (газ. «24 часа»); *Еврокомисията* ***нареди да се пише*** *кратко заради проблемите с превода* (mediapool.bg); *Къде ще ходите, ако държавата* ***забрани да се ходи*** *на този плаж?* (daspasimirakli.com).

Субъектный имперсонал широко используется также в конструкциях с глаголами и предикативными причастиями, выражающими значения деонтической возможности / невозможности:

Тук ***може да се празнува*** *до ранните утринни часове* (bulgaria.lisa-reisen.de); ***Разрешава се да се стои*** *само върху асфалтовата ивица* (журн. «Маргарита»); ***Забранено е да се говори***. ***Забранено е да се мисли***. ***Забранено е да се пее*** (В. Тодоров); ***Прието е да се пише*** *по форумите с малки букви* (nariba.com).

Форма субъектного имперсонала часто следует за сочетаниями безличных глаголов ***има***, ***няма*** с местоимениями и наречиями: *има / няма къде*, *как*, *защо*, *за какво*, *с кого* и под. Такие сочетания выражают модальные значения необходимости или возможности / невозможности:

Има защо да се излиза *при -емнайсет градуса пред Министерствата…* (К. Ненов); ***Няма защо да се бяга*** *от очевидната вече истина, че САЩ се радват на искрената ненавист на много хора по света* (газ. «Сега»); *Така че* ***има за какво да се дискутира***, *не само в България, ами и в Европа* (dnevnik.bg); *Тъкмо да не съм сама. Да* ***има с кого да се разговаря*** (К. Павлов); ***Няма откъде да се печели*** (Б. Борисов).

В русском языке глагольный инфинитив соответствует болгарской форме субъектного имперсонала в позиции подлежащего, в функции предиката зависимых клауз, в частности в позиции синтаксического объекта после глаголов побуждения,

валентных на дат. падеж адресата (именно адресат контролирует референцию нулевого подлежащего инфинитивного оборота). Ср.:

На половине покойника ***сидеть*** *не разрешается!* (М. Булгаков). ‘Забранено *е да се седи* в стаите на покойника!’ (пер. Л. Минковой);

А чтобы ***сойти*** *с поезда, нужен билет* (В. Пелевин). ‘А *за да се слезе* от влака, е нужен билет’ (пер. И. Попова);

Командирът заповяда ***да не се стреля*** (Ф. Фармер, перевод). ‘Командир приказал *не стрелять*’.

Отношениями функциональной эквивалентности могут быть связаны русские инфинитивные предложения с модальной семантикой невозможности и болгарские конструкции с модальным глаголом и субъектным имперсоналом: ***Не все же время пить****, можно в перерыве и написать что-нибудь!* (И. Яркевич). ‘Нали *не може* непрекъснато *да се пие*, в промеждутъците човек може и да напише нещо!’ (пер. И. Тотоманова).

Болгарской конструкции с субъектным имперсоналом, заполняющей валентность волитивного глагола типа *искам*, соответствует русское *чтобы*-придаточное: *И тъй като активно е изучавала всичко това, би искала* ***да не се говори*** *само за материализъм* (Е. Александров). ‘И так как она все это активно изучала, то хотела бы, чтобы *не говорили* только о материализме’.

В переводах с русского языка болгарский субъектный имперсонал в позиции предиката зависимых клауз может использоваться в качестве функционального соответствия русскому деепричастию:

*…****судя*** *по энергичным рывкам его спины и зада, прикрытого простыней с треугольными синими штампами, он собирался провести в объятиях Морфея еще не меньше часа* (В. Пелевин). ‘…ако *се съди* по енергичните движения на гърба и задника му, покрити от чаршаф с триъгълни сини печати, той смяташе да прекара в обятията на Морфей още не по-малко от час’ (пер. И. Попова).

Для болгарского субъектного имперсонала характерна позиция подлежащего в конструкциях с предикатом аксиологической, нормативной, утилитарной, телеологической и т. п. оценки:

Не е хубаво да се лъже*, детенце!* (Ф. Андреев); ***Да се греши е човешко, да се прощава е в разрез*** *с политиката на отдела* (Уикицитат); *Колкото и да е неприемливо за съвременните нежни «принцеси», много* ***по-полезно е да се спи*** *на твърд матрак* (журн. «Маргарита»); ***Важно е*** *при джогинга* ***да се бяга*** *изключително бавно* (tialoto.bg); *Няма такъв* [човек] *и затова* ***е безсмислено да се говори, да се пише, да се мисли, да се обича, да се страда!*** (М. Коев).

В русских соответствиях позицию подлежащего занимает инфинитив. Ср.: «***Думать****, а иногда и* ***размышлять****, — сказал сосед, сделав дирижирующее движение рукой, — разумеется,* ***полезно****…*» (В. Пелевин). ‘«*Да се мисли*, а понякога и *да се*

размишлява — каза съседът, правейки дирижиращо движение с ръка, — разбира се, *е полезно…*»’ (пер. И. Попова).

В отличие от конструкций типа *Не е хубаво да се лъже*, в которых предикативную оценку получает вся представленная имперсоналом ситуация, в следующих предложениях оценочное наречие занимает позицию обстоятельства образа действия и характеризует протекание процесса:

В помещението, в което се храним (*столовата*)*, се пуши така, че* ***трудно се диша****!* (П. Радев); ***Лесно се работи****, когато хората знаят какво искат и имат сходни вкусове* (И. Флорин); *Цветко Цветков също е много контактен и* ***лесно се разговаря*** *с него* (С. Хубенов); *В колата* ***се спи удобно****, но на сутринта ми става студено* (georgi.unixsol.org); *С разни метъли* ***не се тича добре*** (dobrich.com); *Това е музика, на която страхотно* ***добре се мисли*** *или* ***мечтае*** (И. Тончев).

С этими болгарскими конструкциями как будто соотносятся русские предложения, неизменно вызывавшие интерес исследователей на протяжении всей истории русской синтаксической науки. Ср.:

32 человека помещаются в машине. ***Дышится с трудом*** (grani.ru); ***Легко работается****, когда на душе радость* (З. Королева); *С Вами* ***легко разговаривается*** (А. Салангин); *В складке перевязи так* ***удобно спится****!* (vozrogdenie.ru); *С полным желудком* ***плохо думается*** *и* ***плохо бегается*** (А. Бурьяк); ***Хорошо мечтается*** *над крутыми веслами* (И. Северянин).

При внешней схожести приведенных болгарских и русских конструкций между ними имеются серьезные различия.

В отличие от болгарских имперсональных структур, в которых позиция для семантического субъекта отсутствует, русские конструкции включают дат. падеж субъекта. Ср. болг. **На всички лесно им се работи* — русск. *Всем легко работается*.

В болгарском языке структурно и семантически разграничены субъектный имперсонал, способный представлять ситуации с достаточно высокой степенью агентивности, и аффективный имперсонал (желательная конструкция), имеющий позицию датива и описывающий экспериенциальные ситуации (*На всички им се работи.* ‘Всем хочется работать’)[14].

В русском языке модальность непроизвольного желания / нежелания и семантика успешности / неуспешности протекания процесса выражаются одной и той же синтаксической структурой — предложением типа *Мне работается*. Трудности в описании этой русской конструкции вызваны, как кажется, именно ее семантической диффузностью, совмещением в ней значений, в других языках выражаемых различными формальными структурами.

Таким образом, положительный ответ на вопрос о соответствии русских предложений типа *Легко работается* болгарским конструкциям типа *Лесно се работи,*

---

[14] См. об этой конструкции в главе I, раздел «Безличные предложения».

когато… кажется не совсем правильным. Во всяком случае, более приемлемым кандидатом в функциональные эквиваленты болгарскому имперсоналу в подобных контекстах является все тот же русский инфинитив. Ср.: *Накурено так, что* ***трудно дышать*** (Д. Карпенко); ***Легко работать****, когда чувствуешь за спиной надежный тыл* (И. Некрасова); *С ним* ***легко разговаривать****, это по-настоящему свой парень!* (газ. «Сочи») и т. п.

Наконец, назовем еще одну синтаксическую позицию, типичную для болгарского субъектного имперсонала. Речь идет о присубстантивной позиции несогласованного определения:

> *Тя* [музиката] *може <…> да предизвика определено душевно състояние, да се докосне до подсъзнателното, да засили* ***способността да се мечтае*** (М. Костакева); *А има и по-тънки* [навици]. *Например* ***навикът да се лъже*** (sveta-gora-zograph.com); *Друг фактор, който в играта се проявява много отчетливо, е целта за превъзходство, за която съдим от* ***склонността да се заповядва, да се властвува*** (А. Адлер, перевод).

В той же позиции, с той же функцией и тем же значением в русском языке используется инфинитив: *способность мечтать*, *привычка лгать*, *склонность повелевать и властвовать* и т. д.

Таким образом, в зависимости от синтаксической позиции болгарской формы субъектного имперсонала в русском языке ей соответствуют, в первую очередь, глагольные формы 3 лица мн. числа настоящего времени / мн. числа прошедшего времени, инфинитив, деепричастие.

На фоне сопоставлений с болгарским субъектным имперсоналом заметней становится специфика русских конструкций типа *В статье сообщается о…*; *Легко работается*; *С трудом дышится*. Типологическая характеристика этих построений, так же как и предложений вроде *Не встается* (‘кто-л. не может, не способен встать’), нуждается в уточнении.

4.1.3. Неопределенно-личная модель

Одним из средств устранения субъекта из структуры высказывания в болгарском и русском языках являются неопределенно-личные предложения: *По вестниците пишат за атентати*; *В София ще строят нови детски градини*; *В дверь постучали*; *Мусор вывозят за город* и т. п. Языковая стратегия нулевого актанта, в данном случае нулевого семантического субъекта, не приводит к устранению последнего из концепта ситуации. Синтаксический нуль и специальная модель глагольного согласования выступают маркерами неопределенности / обобщенности субъекта, т. е. приписывают этому участнику особую референциальную характеристику.

Известно, что русский язык относится к тем славянским языкам, в которых неопределенно-личные предложения широко употребительны [Мразек 1990: 31]. Принято считать, что по сравнению с русским в болгарском языке сфера употребления

неопределенно-личных конструкций у́же [Норман 1980; Николова 2007]. Ограничения в использовании болгарской неопределенно-личной модели связаны с рядом факторов. В первую очередь, такие ограничения обусловлены аналитизмом болгарского языка, в определенных условиях препятствующим тематизации прямого дополнения.

Дополнение-рема более обычно для болгарских текстов, причем расположение такого дополнения после темы высказывания предпочтительно. Так, при переводе русских неопределенно-личных конструкций с препозитивным рематическим прямым дополнением последнее чаще заменяется постпозитивным. Ср.:

> *Ну, он немножко удивился, но потом решил, что это просто* ***новое оформление*** *сделали, и стал смотреть дальше. А дальше все опять было как обычно. Сначала* ***какой-то трактор*** *показали, потом израильскую армию* (В. Пелевин). ‘Е, той малко се учудил, но после решил, че просто са направили *ново оформление*, и продължил да гледа нататък. А нататък всичко отново било като преди. Отначало показали *някакъв трактор*, после израелската армия’ (пер. И. Попова).

Тематизация прямого дополнения осложняется отсутствием в болгарском языке форм склонения имен существительных. Дополнение-тема при формальном неразличении именительного и винительного падежей может быть неправильно воспринято как подлежащее. Необходимость представления прямого объекта в позиции темы в болгарских литературных текстах связывается, в первую очередь, с выбором конструкции безагенсного пассива. Так, в переводах с русского с целью сохранения тематической позиции объекта, представленного препозитивным дополнением русской неопределенно-личной конструкции, переводчики обычно используют болгарский пассив:

> ***Место*** *отправления ЗПЛ «Темное Пламя»* ***выбрали*** *так, чтобы его могло проводить наибольшее количество людей* (И. Ефремов). ‘*Мястото*, откъдето щеше да потегли ЗПЛ «Тъмен пламък», *бе избрано* така, че той да може да бъде изпратен от най-голям брой хора’ (пер. Б. Мисиркова);
>
> *…еще и потому, что качеством своей провизии Грибоедов бил любой ресторан в Москве, как хотел, и что* ***эту провизию отпускали*** *по самой сходной, отнюдь не обременительной цене* (М. Булгаков). ‘…но и затова, че по качеството на продуктите Грибоедов спокойно биеше всички ресторанти в Москва и че *тези продукти* му *се доставяха* най-изгодно без надценка’ (пер. Л. Минковой).

Широкое использование конструкций пассива и особенно пассивных структур с причастными предикатами в болгарском языке является типичной чертой книжной речи [ГСБКЕ 1983-3: 283]. В стиле, близком к научному, переводчик выбирает пассив в качестве функционального соответствия русской неопределенно-личной конструкции даже в случаях с рематическим русским прямым дополнением: *Разгадали* ***Лоренцево уравнение*** *с его кажущимся исчезновением времени и возрастанием массы при скорости света* (И. Ефремов). ‘Било разгадано *Лоренцовото*

уравнение с неговото мнимо изчезване на времето и нарастване на масата със скоростта на светлината' (пер. Б. Мисиркова).

Болгарский безагенсный пассив широко используется в разного рода руководствах и инструкциях для специалистов. Его функциональным соответствием в аналогичных русских текстах часто, но не всегда является неопределенно-личная конструкция, ср. [Васева 2007а].

Другая тактика тематизации прямого дополнения характерна для болгарских разговорных и близких к ним текстов. Препозитивное дополнение-тема, выраженное существительным, дублируется местоименной клитикой, падежная форма которой однозначно выражает синтаксические отношения. В таких текстах русским неопределенно-личным конструкциям соответствуют аналогичные болгарские структуры:

> *Дверца открыта, **документы** вернули — бери и смывайся!* (Е. Лукин). 'Вратата е отворена, *документите ги* върнаха — скачай и изчезвай!' (пер. И. Попова);
>
> *…а **эту печку**, было похоже, не топили лет десять…* (В. Пелевин). '…а *тази печка* изглежда не *я* бяха палили сигурно десетина години…' (пер. И. Попова)[15].

Таким образом, количественное соотношение русских и болгарских неопределенно-личных конструкций имеет различное выражение в зависимости от типа текста (речевого регистра).

Русские неопределенно-личные конструкции имеют еще один болгарский функциональный эквивалент, а именно субъектный имперсонал. Эта конструкция может соответствовать русскому неопределенно-личному предложению с непереходным глагольным предикатом, а также в тех случаях, когда объект переходного глагола имеет предельно низкий коммуникативный ранг и не нуждается в поверхностном выражении. Ср.:

> *Через четверть часа после того, как она покинула меня, ко мне в окна **постучали*** (М. Булгаков). 'Петнайсетина минути след като тя ме напусна, на прозореца ми *се почука*' (пер. Л. Минковой);
>
> *На самом деле, конечно, жених был известен заранее, а на состязании главным образом **жрали** и **пили*** (В. Пелевин). 'Всъщност, разбира се, женихът е бил известен отпреди, а на състезанието главно *се е яло* и *пило*' (пер. И. Попова).

Безагенсный пассив, субъектный имперсонал и неопределенно-личная модель сближаются на основе общего для них значения референциальной неопределенности субъекта действия. Этот общий семантический компонент при определенных условиях обеспечивает возможность функциональной эквивалентности данных конструкций как на внутриязыковом, так и на межъязыковом уровне.

---

[15] Точно так же дублируется местоименной клитикой и препозитивное дополнение-тема, выраженное полной формой местоимения: ***Его** как-то оттерли в сторону от горстки еще не ангажированных боевиков…* (В. Пелевин). '*Него* някак *го* избутаха встрани от шепата все още неангажирани бойци…' (пер. И. Попова).

Несмотря на меньшую степень распространения неопределенно-личной модели в болгарском языке по сравнению с русским, было бы ошибочным считать, что эта болгарская конструкция в принципе менее предпочтительна на фоне синонимичных в функциональном плане структур или что она вообще редко фиксируется в текстах. Если нет ограничений на ее использование (стилистических или связанных с актуальным членением высказывания), она весьма употребительна и в переводах с русского языка может появляться даже в качестве соответствия русскому пассиву: *Ведь* ***писано*** *же, что явился в угрозыск в половине двенадцатого дня…* (М. Булгаков). ‘Нали *пишат*, че се е явил в милицията в единайсет и половина’ (пер. Л. Минковой); ср. возможный перевод конструкцией пассива: *Нали* ***е написано****, че се е явил…*

Болгарское неопределенно-личное предложение может являться функциональным эквивалентом русского инфинитива, входящего в состав безличной конструкции с предикативным наречием типа *надо*, *трудно*, *легко* и имплицитным неопределенным семантическим субъектом. Ср.: *С дороги его, конечно,* ***трудно было заметить*** (Б. Полевой). ‘От пътя, разбира се, *беше трудно да* го *забележат*’ (пер. К. Георгиевой). Сочетание модального слова с инфинитивом из приведенного русского предложения вне контекста ничего не сообщает ни о модальном субъекте, ни о субъекте названного инфинитивом действия. Болгарское функциональное соответствие — модальный компонент в сочетании с неопределенно-личной *да*-конструкцией — несет информацию о субъекте *да*-конструкции. Эта информация выражается посредством глагольной флексии. В русском *трудно было заметить* категория персональности, взаимодействующая с категорией определенности / неопределенности, имеет нулевую грамматическую репрезентацию. Инфинитив формально не выражает отнесенности действия, процесса, состояния к лицу. Он был утрачен болгарским языком, так как не соответствовал пути его развития в направлении приоритетности категории определенности / неопределенности. Определенность / неопределенность выражается в болгарском языке в первую очередь морфологически — посредством членной или нечленной формы имени. В русском эту категорию выражают разноуровневые языковые средства, в число которых, однако, не входят морфологические формы. Отсутствие морфологического выражения данной категории является одной из важнейших особенностей русского языка, противопоставляющей его языкам артиклевым, в частности родственному болгарскому языку.

Не имея возможности использовать инфинитивную форму без субъектных распространителей как средство устранения лица из структуры поверхностного предложения, говорящие на болгарском языке с аналогичной целью применяют другие языковые стратегии. Так, в переводах с русского тем же синтаксическим построениям с модальным предикатом и инфинитивом соответствуют разные формальные структуры. В них после подчинительного союза *да* место русского инфинитивного оборота, кроме неопределенно-личной структуры, могут занимать, например, субъектный имперсонал, обобщенно-личная конструкция, безагенсный пассив, декаузатив:

А с коварным проверяльщиком Бубенцовым ***поступить надо*** *вот как, придумал владыка* (Б. Акунин). ‘А с коварния надзорник Бубенцов *трябва да се постъпи* тъй, намисли владиката’ (пер. С. Бранц);

«*Виноват, — мягко отозвался неизвестный, — для того, чтобы управлять,* ***нужно****, как-никак,* ***иметь*** *точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок»* (М. Булгаков). ‘«Извинете — меко възрази непознатият, — но за да ръководиш, *е необходимо* все пак *да разполагаш* с точен план за известен, що-годе продължителен срок от време»’ (пер. Л. Минковой);

Согласно закону, согласно обычаю, одного из этих двух преступников ***нужно будет отпустить*** *на свободу*… (М. Булгаков). ‘Според закона, според обичая, един от тези двама престъпници *трябва да бъде пуснат* на свобода…’ (пер. Л. Минковой);

Требовалось *тут же, не сходя с места,* ***изобрести*** *обыкновенные объяснения явлений необыкновенных* (М. Булгаков). ‘*Налагаше се* незабавно, на място, *да се намерят* най-обикновени обяснения за най-необикновени явления’ (пер. Л. Минковой).

Как показывают примеры, определение болгарского эквивалента тесно связано с референциальными свойствами невыраженных субъектов описываемых ситуаций.

В болгарском языке, так же как и в русском, неопределенно-личные конструкции могут быть функционально близки бесподлежащным построениям с причастными предикативами: *Тук е косено с ръчни коси. — Тук са косили с ръчни коси*; *Стреляно е от засада. — Стреляха от засада*; *На стол накрыто. — На стол накрыли*; *С делами покончено. — С делами покончили* и под. При этом наряду с возможными одноструктурными межъязыковыми эквивалентами типа *В комнате убрано. — В стаята е подредено* отмечается и отсутствие в болгарском языке построения, подобного русскому. Функциональными эквивалентами русских безличных конструкций с причастным предикативом в таких случаях оказываются болгарские неопределенно-личные предложения (часто наряду с пассивом): *С нас будет спрошено. — Ще ни търсят отговорност*; *На стол накрыто. — Сложиха масата* и под.

Итак, области функционирования русской и болгарской неопределенно-личной модели совпадают далеко не полностью. Активное использование в болгарском языке конструкций безагенсного пассива и субъектного имперсонала сужает сферу распространения неопределенно-личных предложений. Вместе с тем тексты переводов с русского языка свидетельствуют о том, что употребление болгарских неопределенно-личных конструкций может быть предпочтительным в тех случаях, когда в русском оригинале использованы синтаксические модели других типов.

4.1.4. Безличная модель с причастным предикативом (причастный имперсонал)

Краткое страдательное причастие в роли предиката безличного предложения используется и в болгарском, и в русском языках. Построения, речь о которых пойдет далее, обычно считаются структурно безличными, независимо от того,

с переходным или непереходным глаголом соотносится их причастный предикат[16]. Такие синтаксические конструкции возникают в результате подобных пассивизации преобразований исходных структур. Здесь так же, как и при образовании пассива, для понижения коммуникативного ранга агенса используется форма страдательного залога. Выделим следующие группы в составе модели.

1. Бесподлежащные конструкции со страдательным причастием, образованным от основы переходного глагола со значением действия, в которых позиция подлежащего не заполнена из-за референциальной обобщенности, неопределенности или, напротив, определенности и очевидности семантического объекта, а также по причинам коммуникативно-прагматического характера.

Для болгарского языка подобные конструкции достаточно характерны:

В стаята на Хабиби ***е подредено****, чисто, има три легла и масичка с котлон* (журн. «Тема»); *Интересното е, че този канал с шараните беше до едно циганско гето, но около него никак* ***не беше замърсено*** (forums.akulata.com); ***Нахвърляно е*** *и* ***накъсано****. Нищо не обединява текста* (otkrovenia.com); *Предадоха ни материалите на този агент, може да се каже, в насипно състояние, което показваше, че от него* [*досието*] ***е дърпано****,* ***вадено****,* ***скривано*** *и кой знае още какво са правили с него* (газ. «Дневник»); *Не само* ***не е крадено****, но обратно — хранилището е било попълвано с газ, заяви Чачев* (blitz.bg); *Гостилничарят се появи при трясъка на вратата. Беше ядосан, защото отвън вече висеше табелка:* «***Затворено****, заради мероприятие*» (Т. Радевски).

В русском языке эта модель также довольно продуктивна:

На столе открытый патефон с пластинками, в доме ***убрано****, заправлены кровати* (А. Графов), ср.: *Субботний вечер, в квартире* ***все убрано****, вымыто* (П. Мейлахс); *Потом люди с чуть более высокой планкой приличия видят — а, а здесь* ***накидано****, ну и я, значит, могу* (dual.com.ua); *Есть на даче летняя кухня кирпичная, фундамент около 40 см, внутри* ***засыпано*** *песком, и бетонная стяжка на нем 15 см* (forum. autoua.net); *Дурашка, не спи! Дурашка, не спи! Не для тебя* ***стелено*** (журн. «Самиздат»); *Человек с лампообразной головой подошел к конторке, еще не понимая, почему все разошлись. Напрягая подслеповатые глаза, он прочитал:* «***Закрыто*** *на обед*» (С. Сдобнов)[17].

---

[16] В наши задачи не входит описание семантики этих конструкций. Значения русских предложений данного типа являлись предметом изучения во многих частных и более общих исследованиях по грамматике. Из работ последних лет отметим [Замятина 1998; 2007; 2009; Князев 2007; Петров 2007; Шелякин 2009 и др.]. О болгарской модели см., например, [Коева 2004; Минчев 2005].

[17] Подобные структуры имели широкое распространение в русском языке предшествующих столетий. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля [Даль 1978], отражающий язык к. XVIII — перв. пол. XIX в., содержит, например, построения типа *Где сватано, там и пропито*; *На корешке книги натиснуто золотом*; *Не туда несено, да тут уронено* и под.

2. Бесподлежащные конструкции с причастными предикатами, образованными от основ переходных глаголов других классов, в частности глаголов со значением состояний и отношений, а также их проявлений, в русском языке используются редко: ***Будет*** *непременно / Нежно-женственно отменно /* ***Люблено*** *самозабвенно!* (А. Зимин). В болгарском языке страдательные причастия на *-н*, *-т* образуются от таких глаголов более последовательно, чем в русском, см. болг. *обичан*, *чакан*, *почитан*, *обожаван*, *прегръщан*, *съжаляван*. Несмотря на более широкую словообразовательную базу, связанную с одинаковой продуктивностью образования болгарских страдательных причастий от глагольных основ как СВ, так и НСВ (ср. [Норман 1980: 132; Ницолова 2008а: 437]), болгарские тексты, так же как и русские, дают единичные примеры использования бесспорно безличных структур с такими предикатами: *За мен е необяснимо, че* ***беше чакано*** *близо година и половина, за да се повдигне въпросът* (parliament.bg); *Така* ***е целувано*** *на времето. Избираш жабата, поемаш отговорност и готово* (В. Щерева). Следует отметить, однако, нейтральность подобных болгарских конструкций и стилистическую окрашенность русских.

3. В болгарском языке при пассивизации предложений с некоторыми переходными глаголами прямой объект может остаться в исходной позиции, в результате чего эксплицитное подлежащее оказывается невозможным и предикат принимает безличную форму:

> *Същото е и положението към София,* ***нито е хвърляно пясък***, ***нито луга*** (news.zapernik.com); *Как ще реагираш, ако в кафето ти* ***е сипано сол*** *вместо захар?* (fbox7.net); *Дайте идея как да приготвя торта с крем брюле, моля, на която кремът ѝ да е по-гъст, но в него да няма брашно и да* ***не е слагано желатин*** *също!* (forum.all.bg); *Това, че вие не ги помните, не значи, че* ***не е давано пари*** *за тях* (chelsea.gol.bg).

Подобные болгарские структуры, тяготеющие к разговорной речи (ср. [Добрева 1984: 277]), представляют собой формы так называемого ленивого пассива. Для русского языка ленивый пассив не характерен (ср. [Плунгян 2003: 202—203]), тем не менее современные нередактируемые электронные тексты содержат единичные примеры употребления конструкций, подобных описываемым. Ср.: *Разве все еще недостаточно* ***ругано*** *уже в наше время* ***Булгакова*** *за «его пародию на Иисуса»?* (marklyando.livejournal. com).

4. Пассивизация приводит к образованию безличной конструкции и в тех случаях, когда семантико-синтаксические свойства глагола позволяют представить объект в периферийной позиции. При пассивизации передвижения объекта из этой позиции не происходит, а причастный предикат получает грамматические показатели безличности. См. в русском языке:

> *Обычный американский юмор, смешные моменты есть, но большая часть фильма — это разбор отношений, есть моменты, где* ***с этим затянуто***, *и начина-*

ет надоедать (irk.ru) [ср. актив: *Как-то создатели* ***с этим затянули****… Напрягает еще куча сюжетных линий* (kinopoisk.ru)]; *Кто-то хотел заставить нас так, как и прежде, продавать газ по бросовым ценам.* ***С этим закончено*** (В. Путин).

Особо следует выделить конструкции с дистрибутивным объектом, сохраняющим при пассивизации свою морфологическую форму: *Вначале обоим небожителям* ***было отправлено по письму****…* (журн. «Русский репортер»); *Гребцы и кормчие, причалив карбасы за корневища сосен, коштовались отдельно, и всем им* ***было дано по чарке водки*** (К. Коничев). Аналогичная картина представлена и в болгарском языке: *В него участват четири конкурентни двойки, на всяка от която ѝ* ***е дадено по един апартамент*** *за ремонтиране и мебелиране* (jurnalistika.pomagalo.com); *От всички Слънца и планети* ***е взето по една малка част*** *и е сглобено сегашното тяло* (П. Дынов).

5. Отдельную группу составляют экспрессивные высказывания типа *Ягод-то, ягод набрано дачницами!* (пример из [Щаднева, Кудрявцев 2007]), в которых родительный падеж существительного передает количественное значение, а сама конструкция деривационно может быть связана со структурой, имеющей в своем составе неопределенно-количественное слово *много* / *мало*: *Много ягод набрано дачницами* (*←Много ягод набрали дачницы*). Как и в случае с дистрибутивным объектом, объект в генитиве с семантикой количества не может изменить своей формы при пассивизации: *Ягод-то, ягод набрали дачницы! → Ягод-то, ягод набрано дачницами!*

Подобные конструкции в аналитическом болгарском языке отсутствуют.

6. Особое место занимают бесподлежащные структуры с делиберативным объектом при причастном предикате речи или мысли, образованном от переходного глагола. См. в болгарском языке:

Притесни се, че му ***е било казано за*** *голямата тайна на Майлс, а той е забравил* (Л. Буджолд, пер. М. Илиевой); «***Говорено е за*** *мен*» *е познат израз както на преподавателите, така и на учащите в УНСС…* (Б. Маринов, К. Крумов); *Щом* ***е попитано за*** *преценката, защо ти не кажеш твоята?* (twilight.foromotion.net); ***За*** *това* ***е написано*** *в книгата на свещеник Алексий Грачев* «*Когато децата боледуват*» (anatoli1606.blog.bg); *Първо,* ***не беше мислено за*** *младите попълнения* (газ. «Стандарт»); *В същото време единодушно* ***бе забравено за*** *намаляването и* ***за*** *диференцирането на ДДС* (Ч. Николов).

Ср. русские предложения:

После этого соглашение становилось недействительным. ***Об*** *этом* ***сказано*** *в самом тексте этого документа* (журн. «Земляки»); *Когда* ***было спрошено о*** *недавних наблюдениях НЛО в Индии и Китае, монахи улыбнулись…* (газ. «Шестая раса»); *Но* ***об*** *этом* ***написано*** *во всех газетах, говорится во всех телепрограммах…* (А. Пятигорский); *Если уж* ***думано о*** *контрударе, то где?* (И. Драган); *Валя была с Иваном, Лида — с Ильей, и, казалось,* ***о*** *прошлом* ***было забыто*** (Т. Тронина).

Поскольку делиберативный и прямой объекты при переходном глаголе могут употребляться параллельно (*Мне* ***об этом все*** *сказали режиссеры*. В. Лебедько), в конструкции, полученной в результате пассивизации, позиция подлежащего может быть заполнена: *…об этом* ***все*** *сказано…*

И. В. Замятина, описывая предложения типа *У меня об этом в письме написано*, отмечает:

> Можно предположить, что в безличной конструкции значение состояния усиливается, значение пассивности, страдательности исчезает, и происходит это благодаря тому, что в безличных причастных конструкциях практически устранена форма творительного падежа, поддерживающая пассивный оборот. Конструкции с формой творительного падежа субъекта или орудия составляют приблизительно пять процентов от безличных причастных предложений, зарегистрированных нами в качестве языкового материала, хотя введение формы творительного падежа в причастную конструкцию почти всегда возможно [Замятина 2009: 25].

Творительный агентивный действительно довольно редко встречается в подобных структурах. Ср.: *Мне об этом сказано* ***теми людьми****, кто у нас занимается политической жизнью в России, политическим планированием* (Д. Рогозин). Возможность его появления, однако, сохраняет связи бесподлежащной структуры с каноническим пассивом, оправдывая применяемый к ней иногда термин *безличный пассив* (Ю. П. Князев; из последних работ см. [Князев 2010: 823—824]).

Употребление делибератива при нормативно не валентных на этот актант предикатах связано с расширением семантики последних: *Мужики, называйте вещи своими именами, распределение — странное,* ***о*** *чем* ***было ругано*** *мной на регистрации* (paintball-online.ru).

Модель с делиберативом охватывает причастия, образованные не только от переходных, но также и от *непереходных* глаголов. Эксплицитное подлежащее в таких конструкциях, естественно, невозможно. Для болгарского языка подобные конструкции более характерны. В отличие от аналогичных русских, они лишены каких бы то ни было стилистических коннотаций:

> *Защо толкова дълго* ***е мълчано за*** *разкритието* (газ. «Дневник»); *Години наред* ***не е преговаряно*** *добре с Брюксел* ***относно*** *парите за София* (газ. «Атака»); *Той освен това допълни, че много скоро ще има среща с президента на ФИФА Сеп Блатер за да* ***бъде поговорено за*** *расисткитe обиди към Емил Хески в мача с Хърватия* (gong.bg).

Ср. явно не нейтральное русское предложение с делиберативом при причастии, образованном от делимитативного глагола: *Когда закончился праздник,* ***было*** *съедено и выпито,* ***поговорено о*** *режиссере Сергее Эйзенштейне, Таня вынесла всем по подарку* (Н. Ивеншев).

7. Структурно безличны русские предложения типа *Никаких темных дел за Алоизием* ***не замечено****…* (М. Булгаков), входящие в достаточно обширную группу

так называемых генитивных конструкций. Родительный падеж такой структуры в условиях отрицательного контекста замещает именительный (о генитивной конструкции см., напр.: [Guiraud-Weber 2003; Падучева 2005] и мн. др.).

Подобный механизм смены падежа при отрицании в болгарском языке не используется. Ср.: *При огледа* ***са забелязани следи*** *от автомобилни гуми с различен грайфер* (А. Заркова). — *При огледа* ***не са забелязани следи***…

8. В русском языке безличное предложение с причастным предикативом обычно образуют страдательные причастия, произведенные от основ переходных глаголов. Но именно в этой конструкции отмечаются и причастия страдательного залога, образованные от глаголов непереходных, т. е. те формы, которые нарушают общее правило об отсутствии в парадигме русских непереходных глаголов форм страдательных причастий (см. [РГ 1980-1: § 1456]). По замечанию Ю. П. Князева, для грамматических трудов обобщающего и нормативного характера вообще «характерна тенденция к отождествлению переходности глагола и возможности образования страдательного причастия» [Князев 2007: 526]. Нельзя не согласиться, однако, с позицией самого исследователя, считающего более плодотворным

> …такой подход к данному вопросу, при котором переходность глагола и наличие у него формы пассива <…> рассматриваются как тесно связанные между собой, но не дублирующие друг друга признаки. Это созвучно представлениям современной синтаксической типологии, в соответствии с которыми степень вовлеченности непереходных глаголов в актантную деривацию, в большей или меньшей степени близкую к пассивизации, и особенности оформления таких производных конструкций являются важными типологическими характеристиками данного языка [Там же: 526].

В русских диалектах модель с причастным предикативом, образованным от основы непереходного глагола, довольно продуктивна [Кузьмина, Немченко 1971; Князев 2007: 555]. Анализируя языковой материал, собранный К. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко [Кузьмина, Немченко 1971], Ю. П. Князев отмечает, что производящими для предикатов диалектных безличных конструкций служат чаще всего основы совершенновидовых глаголов перемещения и изменения состояния (*поехано*, *встато*, *привыкнуто*, *из ума выжито*), делимитативных глаголов (*пожито*, *погрешено*, *погоревано*, *поревлено*) и непредельных глаголов НСВ (*сижено*, *гуляно*, *жито*) [Князев 2007: 555]. В языке XIX в. подобные структуры имели широкое распространение, о чем свидетельствует словарь Даля. Ср.: *Тут идено землемером*; *Тут хожено, перехожено и дорожка проторена*; *В девках сижено, плакано; замуж хожено, выто*; *Уж тут сижено и пересижено, да не берет!*; *Немного по́жито — а все про́жито!* и под. [Даль 1978].

Что касается современного литературного языка, то причастия на *-н*, *-т*, образованные от непереходных глаголов НСВ, по предположению Ю. П. Князева, представлены в безличных конструкциях главным образом формами *хожено* и *езжено*, хотя в литературе отмечается спорадическое использование и форм от других

глаголов [Князев 2007: 555—556]. Наш материал свидетельствует о том, что в современных русских текстах примеры использования безличных конструкций с причастными предикатами, образованными от непереходных глаголов НСВ, далеко не единичны. В числе причастий от основ глаголов движения, кроме достаточно распространенных *хожено* и *езжено*, отмечаются формы *лазено*, *бегано*, *плавано*, *ползано* и еще целый ряд подобных:

Ведь сколько ***было езжено*** *по этой дороге!* (Н. Запорожец); *Сколько туда раз* ***хожено****, сколько под воротами раз* ***лазено****…* (mycrap.ru); ***Вхожено было*** *в шесть музыкальных и два рок-магазина…* (horvath.livejournal.com); *Хочется полазить там, где в прошлый раз еще* ***не лазено*** (rfdf.ru); ***Езжено, бегано, летано, плавано,*** *Планово и бестолково-беспланово* (В. Боков); *Тут много* ***было ползано*** *на коленях и работано пальцами, чего Иннокентий и оценить не мог* (А. Солженицын); *А потом* ***было гулено*** *по Москве в районе ВДНХ с сестрой и любимым* (mayhog.livejournal.com).

Причастие безличной конструкции может быть произведено и от позиционного несовершенновидового глагола, чаще всего от *сидеть*: *Вот старинные стулья с атласной обивкой и гнутыми спинками — как много славных часов* ***сижено было*** *на них вокруг уютного стола на витых ножках…* (Н. Воронель); *Позже было* ***лежано*** *в ванне, читаны книжки…* (assoli.livejournal.com).

Интересно, что русские причастные предикативы, образованные от основ непереходных глаголов, способны вести себя аналогично формам от глаголов переходных, а именно управлять подлежащим: *Я-то как раз Прагу не в теории знаю, вот этими ножками* ***все хожено*** (tv100.ru); *Не ездил только от Ширяевского оврага до Бахилово,* ***остальное все езжено*** *не один раз* (velosamara.ru); особенно в конструкциях с двойным предикатом: *Почитайте отчеты, в этих местах уже* ***все езжено-переезжено****…* (forum.awd.ru). Этот факт, очевидно, можно считать свидетельством тесной связи безличной конструкции с канонической моделью пассива.

Для большинства приведенных выше русских предложений характерна экспрессия, связанная не только с маркированностью самих предикативов, но и, в частности, с определенным коммуникативным членением и использованием квантитативных форм типа *сколько*, *сколько раз*, *много*.

В отличие от русских конструкций, строящиеся по той же модели болгарские стилистически нейтральны:

Според него през изминалите 7 години с тази кола ***е пътувано*** *много пъти зад граница* (газ. «Черно море»); *С маратонките* ***не е ходено, лазено е****, затова само боята е леко ожулена отпред…* (prodavalnik.com); *Напоследък обаче масово това не се прави, а се използват по-модерни методи за отваряне <...>. С тях често няма никакви белези, че в жилището* ***е влизано*** (газ. «24 часа»); *Обикаляме го спокойно, като туристи, защото планините вече са изкатерени, в морето* ***е плувано*** (газ. «Капитал»); *Продавам бягаща пътека на 2 месеца. На нея* ***е бягано*** *4 пъти и е в отлично състояние* (burgasinfo.com); *Миналия април германското Луфтвафе получи осем юрофайтъра, на които обаче заради различни проблеми досега* ***е летяно***

общо само 300 часа (газ. «Дневник»); *…състоянието на салона вътре показва, че много малко **е седяно** вътре* (opelclub-bg.com); *Този талон дали болницата няма да го използва и да пишат, че **е лежано** 5 дни?* (puls.bg).

Приведем еще ряд примеров употребления в русском языке интересующих нас безличных структур. Причастные предикаты в них образованы от основ непереходных глаголов НСВ, входящих в семантические классы *действия*, *процессы* и *состояния*:

*Значит, сзади **было стреляно**, свои стреляли…* (Л. Леонов); *Конечно, мы знаем все это, но три года жильцы бьются лбами об стену. Куда только не писано, **не звонено*** (fdski.org); *Да не держи на меня сердца. Всяко **было жито**, да вот не погрызлись насмерть*... (В. Личутин); ***Плакано** очень много в жизни. Много было истерик* (В. Лебедько); *Я когда-то в казино работала, и ночами часто тоже, причем иногда 2 человека сидит, 4 часа ночи, **не спано** из-за универа и хочется даже не спать, а просто сдохнуть на этом месте* (semeistvo.by); *В Москве: читано на книжном фестивале из нового романа, понято, что читать из него вслух болезненно и дело не в ларингите, **мерзнуто**…* (nutlet.livejournal.com).

Ср. ниже аналогичные болгарские конструкции с причастными формами от глаголов тех же классов. Подчеркнем еще раз, что в болгарском языке, в отличие от русского, такие построения стилистически нейтральны:

***Стреляно е** с пистолет със заглушител, който е бил изхвърлен от убиеца до близката бензиностанция* (газ. «Труд»); *Затова сега ми е тъжно да съм в дом, в който **е живяно**, а обитателите ги няма вече* (журн. «Тема»); *…в тази спалня вече **е спано**…* (Х. Николов-Ричката); *Базови изисквания за годност за даване на кръв са: възраст до 65 год., да **не е боледувано** от хепатит тип Б и сифилис, да няма диабет…* (planina.e-psylon.net); *В някаква степен зарязах блога... не че **е страдано** много заради това…* (charlottesch.blogspot.com); *На Балканите за никой **не е тъгувано** толкова, откакто умря Тито — жалва се Ивановска* (bglovetose.18.forumer.com).

Причастия от непереходных глаголов *совершенного* вида, образующие безличные предложения литературных текстов, в русском языке могут быть произведены, по наблюдениям Ю. П. Князева, от основ глаголов с «инкорпорированным» объектом (*наследить* ‘оставить следы’, *ответить* ‘дать ответ’, *накурить* ‘наполнить помещение дымом’, *телеграфировать* ‘дать телеграмму’, *покончить* ‘положить конец’, *свистнуть* ‘издать свист’ и под.) [Князев 2007: 557]. См. хорошо известное булгаковское ***Свистнуто**, не спорю, — снисходительно заметил Коровьев, — действительно **свистнуто**…* (Мастер и Маргарита), а также:

*Было молчание там, где бог велел сказать слово, был телефон, по которому обязательно надо было позвонить и **не было позвонено**…* (В. Гроссман); *В ординаторской, конечно, **накурено*** (И. Грекова); *Под кустом **натоптано, наслежено***

(В. Бианки); *В жизни всегда есть место подвигу, но там так **нагажено**!* (babedra.ru); *В начале книги воспроизводятся и комментируются письма, адресованные Солженицыну в первой трети 90-х, — «огнедышащий вулкан человеческого протеста», выбросами которого **отвечено** на разворошенное бытие*… («Русский журнал»); *Правды, только правды просила больная у своего врача, и в этой правде ей **было отказано*** (И. Грекова).

Прямые аналоги подобных русских предложений в болгарском языке могут быть образованы только в случае наличия в нем производящего глагола с соответствующими семантико-синтаксическими свойствами: *Накрая **беше звъннато** на пророчица Надя и тя стана главен герой в рубриката «Колосални простотии»* (dariknews.bg); ***Отговорено е** и на искането на концесионера, който стопанисва стадион «Спартак»* (Е. Крумова).

Отметим также использование в безличных конструкциях причастных предикатов, образованных от непереходных делимитативных глаголов СВ:

«*У меня от чая одышка», — отказалась гостья, женщина еще молодая, но по лицу было видно: **пожито** и попито* (Б. Екимов); *Дело в том, что буквально в 2005 году было празднование 1000-летия Казани, в Казани очень существенно **было поработано**, огромный объем работ был выполнен* (А. Афанасьев); *Это была дочка Z., одиннадцатилеточка, ясная, беленькая, с белокурыми русскими косичками, какие и у меня были в одиннадцать лет* (*много было из-за них **поплакано**, много было за них подергано!..*) (Н. Тэффи).

Ср. в болгарском языке: *Сериозно **е поработено** върху икономичността на колата* (газ. «Дневник»).

Очевидно, русские делимитативные глаголы в качестве производящей базы для предикатов безличных структур до известной степени продуктивны. Причастные формы исключительно редко образуются от глаголов некоторых семантических классов, в частности от глаголов поведения. Однако если глагол принадлежит к группе делимитативных, возможность производства от его основы формы причастного предикатива увеличивается: …*все переговорено, обо всем **похвастано**, надо всем **позубоскалено*** (В. А. Кораблинов); *Как поживает гостиница «Крым», где немало попито и **погулено**, также дорогих папирос покурено и прочее, прочее, прочее* (inoforum.ru).

По замечанию З. Минчева, в болгарском языке причастия, организующие описываемые безличные конструкции, образуются, главным образом, от *непереходных* глаголов: «…ИП (имперсонален пасив. — *А. Г.*) се използва главно когато има наличие на непреходен глагол. Това обаче не е повод да се съмняваме в употребата и на преходни»[18] [Минчев 2005: 152].

[18] Имперсональный пассив употребляется главным образом тогда, когда имеется непереходный глагол. Это, однако, не повод сомневаться в использовании и переходных (перевод наш. — *А. Г.*).

Р. Ницолова, упоминая о формах безличного пассива в болгарском языке, говорит о возможности образования причастных форм ср. рода ед. числа от некоторых непереходных глаголов без возвратного форманта *се*: *В стаята е влизано*; *Много е спорено по този въпрос* [Ницолова 2008а: 437]. Хотя возможно производство болгарских страдательных причастий прошедшего времени от отдельных непереходных возвратных глаголов (*усмихна се*, *засмея се*, *изтегна се* и под.), такие причастные формы согласуются с подлежащим, выполняя функцию определения при сказуемом [Там же: 437—438]. Что же касается безличной модели, то запрет на образование ее причастного предиката от основы возвратного глагола, очевидно, достаточно строг. Так, нарушения этого запрета воспринимаются носителями языка как отступления от литературной нормы: *А по повод дали има нещо общо с БТВ ще кажа, че на БТВ* ***се е обаждано*** *поне сто пъти от обикновени шофьори по повод дупките на този кантар* (btv.bg) — выделенный предикат соотносится с *обаждам се* 'предупреждать, говорить; звонить по телефону'; *С якето е карано, но* ***не е търкаляно*** (bikerz.bg) — выделенный предикат соотносится с *търкалям се* 'катиться, валяться'.

О соотнесенности русских страдательных причастий на *-н*, *-т* с переходными и непереходными (в том числе возвратными) глаголами достаточно подробно говорится в [Князев 2007: 525 и сл.]. Поскольку в русском языке безличные конструкции с причастным предикатом, произведенным от основы непереходного невозвратного глагола, как правило, не являются стилистически нейтральными, случаи использования причастного предикатива, соотнесенного с возвратным глаголом, воспринимаются как явления того же плана, т. е. как употребление языковых форм (часто с определенной стилистической целью), нарушающих строгую книжную норму:

> *…Андрей Николаевич не просительно, а понятливо, будто обо всем* ***договорено было*** *заранее, сказал, что очень хочет посмотреть в работе изобретенный комбайн…* (А. Азольский); *В Москве: читано на книжном фестивале из нового романа, <…>* ***разминуто*** *с десятком приятных сердцу людей…* (nutlet.livejournal.com); *Извиненьица просим — двое суточек связь не связывалась, просто безынтернетье какое-то… Оттого и было молчано нами,* ***не восхищано*** *креативчиком* (pdrs.dp.ua).

9. Как правило, субъектным семантическим актантом предиката рассматриваемых безличных конструкций является лицо. Тем не менее возможны исключения из этого правила. Например, в следующих русских предложениях субъектом предиката является сила: *Как это ни парадоксально, однако в обнаруженном грузовом отсеке воды было фута два, не больше… «Безнадежно, — солгал офицер. — И тут* ***затоплено***» (К. Касслер, пер. К. Новикова); ***Кручено-верчено*** *темным смерчем до темна, / Юная сосна с корнем вырвана* (Е. Манычева).

Та же констатация относится и к болгарскому языку. Семантическим субъектом предиката может быть и нелицо: *А за Люлините, Младостите и Дружбите в*

*София да не говорим — там всяка втора улица изглежда по този начин, а вчера във всички тези квартали **беше наводнено** по същия начин!* (dnes.bg).

В связи с указанной возможностью закономерным кажется вопрос, поставленный в [Иванова 2009б: 68—69]:

> Или же, допустим, т. н. причастный имперсонал <…> типа болг. *Тук е влизано*; *От прасковите е късано*; *В терминала е проникнато през гишето за работа с клиенти* во всех работах предстает как «строгая» форма с точки зрения правил отбора глаголов: он образуется от предикатов контролируемого действия и, более того, заставляет прочитывать как контролируемые те глаголы, которые не охарактеризованы по этому признаку: *Като вероятност не е **мислено** за загуба*. Насколько силен этот запрет? — над этим еще можно подумать…

Действительно, даже в случаях личного субъекта этот субъект может быть неагентивен. Такие примеры имеются в числе уже приведенных, см. также: *Изгражда се имунитет само срещу стрептокока, от който **е боледувано*** (puls.bg); *Моят мотор е с рисунка на акула, но **е падано** с него и е доста ожулен* (motoforum-bg.com). Ср. в русском языке: *Десять ступенек, где лёжано, ползано, / Вставано, **падано**, бегано, прыгано*… (О. Фокина); *Помнишь, битый, как **ахано-охано**, / По обочинам ямы и рытвины*… (Е. Фролова).

10. Выше уже было упомянуто, что в русских безличных конструкциях с причастным предикативом возможно появление творительного агентивного. Кроме уже приведенных примеров, см. также: *Всматриваясь в белесую озерную гладь, я думал о том, сколько **ими плавано**, сколько видано, сколько испытано в навигацию прошлого года*… (П. Лукницкий); *Ах, Ворскла… Ворскла… Сколько **бегано мною** вдоль ее берегов* (forum.qrz.ru).

И. В. Замятина, описывая семантику безличных причастных конструкций со значением результативного состояния среды (*В комнате накурено*), говорит об отсутствии в ее картотеке примеров использования творительного агентивного в предложениях данного типа. Этот факт позволяет исследователю сделать предположение о полном заглушении субъектной валентности у причастия подобных конструкций, утрате им значения пассивности и выражении им только значения результативного состояния [Замятина 2007]. В огромном корпусе Рунета форма агенса в конструкциях этого семантического разряда все-таки фиксируется: *В темном, тесном, душном помещении, где может быть даже **кем-то накурено** и **никем не проветрено***… (soloviev.nevod.ru); *Вдоль стен кожаные диваны, чередующиеся с жуткого вида агрегатами. **Накурено кем-то**. В углу бар с крепчайшими напитками* (shakram.6bb.ru).

Что касается болгарской модели, то субъектная словоформа (имя с предлогом *от*) при предикате, так же как и в русском языке, фиксируется в текстах сравнительно редко[19]: *По проблема някъде **беше писано от Събин***… (boardreader.com); *Такааа, стана ясно, че в акаунта на milica1 **е влизано от няколко човека***… (skipex.net).

[19] По наблюдениям З. Минчева, семантический субъект в болгарском имперсональном пассиве появляется значительно реже, чем в пассиве стандартном. Более того, конструкция импер-

11. Специфическое для русского языка и довольно частотное явление — редупликация причастного предикатива[20]. Дублирующая его форма содержит префикс *пере-* и пишется через дефис или присоединяется посредством союза *и*. В конструкциях с таким предикатом выражается значение множественности действий и ситуаций:

*Машинист Вадим Супруненко спокоен: помощником у него старший брат Игорь, а по дороге этой им **езжено-переезжено*** (газ. «Комсомольская правда»); *Конечно, это субъективно, но полет над проливом, по которому **было** столько **хожено и перехожено**, произвел на меня сильнейшее впечатление* (lib.rus.ec); *Мазуры — ежегодный рай озерных яхтсменов, и сколько там мною **плавано-переплавано** — ой!* (forums.ng.ru); *И от маньяков спасалась, и тонула, и на Эльбрусе заблудилась, и на борде **катано-перекатано**, и с парашютом прыгано* (beansi.livejournal.com); *Так с березы этой **ныряно-перенырянo**. И солдатиком. И ласточкой* (proza.ru); *Мебель работы Михаила Ромма — это не деталь экспозиции, а то, на чем **сижено-пересижено**, **говорено-переговорено*** (журн. «Сеанс»); *Да уж вилами по воде на эту тему **вожено-перевожено**, **писано-переписано**…* (forum.auto35.ru).

Для болгарских текстов подобное явление не характерно. Единичные употребления типа *Не искам да споря точно на тази тема* (***говорено и преговорено е***), *затова няма да го направя* (archives.bg-mamma.com) могут быть связаны с влиянием русского языка.

Отметим также использование в русском парных предикативов, напр.: *Уже **говорено-ругано** по этому поводу предостаточно* (community.livejournal.com); *Несомненно, уж сто раз про эти звания **говорено-писано*** (О. Вергелис); *Уж было **пито-едено**, **курено-говорено**!* (Ю. Даниэль).

Если говорить о болгарских предложениях типа *Рудните запаси в Косово, ислямските пари в Босна, базата Бондстийл, национализмът в Хърватия — **говорено**, **писано**, и то многократно* (газ. «Култура»); *…да бъдат поругавани, обиждани, изкарвани престъпници, малоумници, **да** им **бъде говорено / писано** с насмешка* (nalov.com), — то их интонационное и связанное с ним пунктуационное оформление говорит не о парности предикатов, а об их однородности или вариативности (взаимозаменяемости).

Описание использующихся в сопоставляемых языках единиц типа болг. *речено — сторено*, *пито — платено*, русск. *сказано — сделано* относится к сфере паремиологии.

12. Таким образом, и в болгарском и в русском языках действует один и тот же механизм образования безличной структуры с причастным предикативом. Непереходность глагола не является препятствием для образования от него предиката

сонального пассива с выраженным субъектом воспринимается как значительно менее естественная по сравнению с включающим субъект пассивом [Минчев 2005: 154].

[20] О функциональном статусе предикативов с удвоением, так же как и других словных удвоений, см. в [Крючкова 2004].

данной модели (ср. однофункциональность причастных форм от основ переходного и непереходного глаголов при их параллельном употреблении: *Так что тут у нас лет пять* ***не кошено*** *и* ***не хожено*** (Ю. Домбровский)). Количество и состав актантов у производящего глагола вообще не имеют принципиального значения для производства конструкции, поскольку основное ее назначение — фокусирование внимания на семантике результативного состояния. Если пассив — это, по выражению В. А. Плунгяна, «прежде всего “борьба с исходным подлежащим”, которое не устраивает говорящего своей коммуникативной выделенностью; не так существенно, найдется ли среди участников данной ситуации другой кандидат на столь же привилегированный коммуникативный статус» [Плунгян 2003: 199], то причастный имперсонал (безличный пассив) — это борьба с исходными подлежащим и прямым дополнением одновременно.

Вместе с тем можно предположить, что русская безличная модель теснее, чем болгарская, связана со структурой канонического пассива. Русский нормированный нейтральный контекст, в отличие от болгарского, в большинстве случаев не допускает безличных конструкций с причастной формой, образованной от непереходного глагола. Более того, такие формы, как *хожено*, *езжено*, использующиеся в русских стилистически сниженных текстах и закрепленные за безличной структурой, способны образовывать и пассивную конструкцию (*все хожено*; *все езжено*).

Между болгарским и русским языками имеются различия в объеме производящей базы и функциональной закрепленности безличных структур с причастным предикатом. Возможность образования этой предикативной формы в русском языке в большей степени, чем в болгарском, связана с грамматическими и лексико-грамматическими характеристиками производящего глагола — его видом, переходностью или непереходностью, способом глагольного действия. В то же время ограничения, связанные с лексической семантикой исходного глагола, и в том и в другом языке примерно одинаковые: довольно широко представлены причастные формы от глаголов со значением действия и позиции, немногочисленны фиксации образований от глаголов со значением состояний, отношений, поведения и др. В обоих языках субъектом предиката может являться не только агенс, но и неагентивный участник, в частности экспериенцер. Кроме того, возможен и неличный каузатор.

В болгарском языке безличные предложения с причастными предикативами, независимо от грамматической и лексико-грамматической характеристики производящей глагольной основы, стилистически нейтральны. Для того чтобы получить представление о причинах стилистического расслоения русских конструкций, сделаем небольшой экскурс в историю русского литературного языка.

Предложения с причастными предикатами на *-но*, *-то*, выражающие действия неопределенного лица, в русском языке втор. пол. XVIII — нач. XIX в. были очень распространены и соотносились с неопределенно-личными глагольными предложениями. Предикатами безличных конструкций являлись большей частью причастные формы от глаголов «решения, веления, речи, восприятия» типа *доложено*, *записано*, *отказано*, *говорено*, *велено*, *назначено*, *сведано*. В XIX в. пред-

ложения с такими предикатами продолжают употребляться в книжной и деловой речи, хотя состав используемых причастных форм становится более узким. Широко распространенные в начале XIX в. предложения с причастными предикатами, образованными от «разнообразных глаголов конкретного действия» (*выстрелено*, *тушено*, *дойдено*, *поступлено*, *приступлено*, *делано* и др.), в первой половине того же столетия резко сократили свою употребительность, так как

> …по своему содержанию, определявшемуся лексическим значением причастной формы, они не были связаны со специфической сферой распространения безличных причастных предложений — с речью деловой, официально-книжной. Этому содержанию гораздо больше соответствовала форма неопределенно-личных глагольных предложений, которые в данном случае и возобладали над причастными [Шведова 1964: 299—301].

Конструкции с причастными предикатами, семантическим актантом которых является определенное лицо (*думано*, *сижено*, *заплачено*, *пожито*, *прожито*, *спрошено*), широко распространенные в кон. XVIII — нач. XIX в., на протяжении XIX столетия ограничивают свою употребительность, уступая место глагольным конструкциям: «Это было одним из проявлений общей тенденции к сосредоточению личных значений в системе личных предложений» [Там же: 292—297].

Предложения с обстоятельственными детерминантами типа *В комнате убрано*; *Везде было занято*; *На диване не было постлано*, которые Н. Ю. Шведова включает в группу конструкций «с собственно бессубъектным значением», относительно редко встречающиеся в текстах XVIII в., в дальнейшем становятся более распространенными. Они широко представлены в художественной литературе второй половины XIX в. [Там же: 303—304].

Современная картина употребления и стилистической закрепленности русских безличных конструкций с причастным предикативом является результатом тех изменений, которые происходили в системе русского литературного языка в переломные периоды его развития.

В настоящее время мы видим широкое распространение в русских текстах стилистически нейтральных бесподлежащных предложений с причастным предикатом, образованным от основы переходного глагола, и тематическим обстоятельственным компонентом (*В доме убрано*; *Там еще не чищено*; *Здесь отремонтировано*), т. е. тех конструкций, продуктивность которых возрастала на протяжении XIX столетия. В русском языке, по сравнению с болгарским, такие построения более частотны. Дело в том, что представляемые ими ситуации в болгарском языке предпочтительно выражаются двусоставной конструкцией, чаще всего пассивом, — участник *место*, облеченный в русском предложении в форму обстоятельства, занимает позицию подлежащего. Ср.:

> *В комнате убрано.* — *Стаята е почистена*/*подредена* (при менее предпочтительном *В стаята е подредено*); *На стол накрыто.* — *Масата е сложена*; *В квартире*

не топлено. — *Апартаментът не е отопляван*; *В дискотеке накурено.* — *Дискотеката е пълна с цигарен дим / Дискотеката е опушена с дим от цигари*[21].

Резко возросшая в XIX в. продуктивность русской неопределенно-личной модели имела следствием, прежде всего, вытеснение из нейтральных контекстов безличных конструкций с причастным предикатом, образованным от основы непереходного глагола. Хотя в русской стилистически сниженной речи продолжают употребляться предикативы типа *езжено*, *плавано*, *сижено*, *стреляно*, *жито*, функциональными соответствиями болгарских предложений с подобным предикатом в нейтральном контексте являются неопределенно-личные конструкции: *Стреляно е от засада.* — *Стреляли из засады*; *В морето е плувано.* — *В море плавали*; *В апартамента вече е живяно.* — *В этой квартире уже жили* и под.

От некоторых глаголов, в большинстве своем глаголов НСВ, в русском кодифицированном языке перестали образовываться страдательные причастия прошедшего времени, что было связано с разграничением семантики и функций причастных сказуемых на -*н*, -*т* и сказуемых, выраженных рефлексивными глаголами, см. [Шведова 1964]. В настоящее время из-за отсутствия русской нормативной причастной формы НСВ соответствием болгарской безличной конструкции с причастным предикативом не может быть аналогичная структура. Ср., напр.: *Там **беше питано** за жените* (газ. «Новинар»). ‘Там *спрашивали* о женщинах’ (см. еще возможное в XIX в.: *О подобных предметах **спрашивано** у Головнина при допросах Матсмайским губернатором* (В. Кюхельбекер)). Отвергаемая литературной нормой, русская причастная форма НСВ может, однако, активно использоваться в стилистически сниженном контексте. Ср.: ***Ще** им **бъде плащано** за свършена работа* (газ. «Демокрация»). — *Им **будут платить** за проделанную работу*; но см. частые употребления в разговорной речи типа *Хотя, вообще-то, **плачено** за два канала, а используется как будто один* (avtozvuk.com).

[21] Ср., однако, отсутствие русской нейтральной безличной причастной конструкции, эквивалентной болгарскому предложению с причастным предикативом НСВ: *В колата не е пушено.* — *В машине не курили*; а также распространенность безличной структуры в русских стилистически сниженных текстах: *В машине не курено!!! Так как сам не курю и другим не даю!!* (forum.astrakhan.ru) и под.

4.2. Описательные предикаты как единицы коммуникативного синтаксиса

Термин *описательные предикаты* (ОП), предложенный В. А. Белошапковой и введенный в научный оборот М. В. Всеволодовой и представителями ее школы, мы используем для обозначения глагольно-именных сочетаний, характеризующихся относительной целостностью семантики, проницаемостью структуры (ср. *совершить прыжок* и *совершить* головоломный *прыжок*), возможностью структурных трансформаций (Российские ученые *проводят исследование* Женевского озера → *Исследование* Женевского озера *проводится / проведено* российскими учеными) и возможной, но не обязательной семантической соотнесенностью с однословным предикатом (ср., напр.: Космонавты *произвели запуск* микроспутника ← Космонавты *запустили* микроспутник), см. [Градинарова 2012б].

В российской лингвистической науке глагольно-именные сочетания как соответствия однословных номинаций имеют длительную историю изучения. Для их обозначения были предложены многочисленные термины: «описательные формы глагола» [Буслаев 1959], «глагольно-именные описательные выражения» [Мордвилко 1964], «аналитические конструкции» [Гак 1965], «описательные глагольно-именные обороты» [Лекант 1967; Лагузова 2003], «описательные фразеологические обороты» [Виноградов 1982], «аналитические лексические коллокации» [Телия 1996], «описательные предикаты» [Канза 1991; Макович 1997; Кузьменкова 2000; Всеволодова 2001], «глагольно-именные словосочетания» [Грошева 2004], «словосочетания с ЛФ-глаголами» [Апресян 2004б и др.], «вербальные синлексы» [Климовская 2008; Лобанова 2011] и др. Большое количество терминологических обозначений отражает неодинаковые взгляды исследователей на объем и состав этих единиц, а также различные подходы к их изучению.

В последние годы описания данных сочетаний с точки зрения их структуры и семантики, связей в синтагме и языковой системе, функций в предложении, стилистических свойств дополнились исследованиями этих единиц с позиций функционально-коммуникативного синтаксиса ([Воробьева 1994], работы М. В. Всеволодовой и ее последователей), лингвистической теории поля (см. указания на полевую структуру категории описательных предикатов и замечания относительно организации этой структуры в работах [Кузьменкова 2000; Всеволодова, Кузьменкова 2003; Лобанова 2011] и др.), когнитивно-концептуального подхода [Телия 1996; Дидковская 2000; Грошева 2004; Острецова 2010 и др.].

Функционирование ОП в разноструктурных языках позволяет предположить их универсальный характер [Телия 1981; Всеволодова, Кузьменкова 2003; Грошева 2004 и др.]. Вместе с тем многоаспектное изучение таких единиц в сопоставительном плане только начинается. В перспективе такое изучение должно помочь исследователям в разработке и решении ряда теоретических проблем, касающихся, в частности, определения объема понятия *описательный предикат*, разграничения ядерной и периферийной зон для сверхсловных номинаций, характеризующихся признаками ОП, и др.

Болгарские глагольно-именные сочетания рассматриваемого типа изучены в значительно меньшей степени, чем русские. Вместе с тем они не раз становились предметом описания в исследованиях болгарских языковедов.

М. Виденов считает подобные образования одним из типов так называемых мультивербизированных названий, характерных для письменных стилей речи. По его наблюдениям, в сочетаниях, относящихся к этому типу, чаще всего используются глаголы *имам* (има <повишена> разтворяемост), *правя* (правя предложение), *извършвам* (извършвам операция), *поднасям* (поднасям извинение), *провеждам* (провеждам имунизация), *водя* (водя спор), *нося* (нося отговорност), *давам* (давам отговор), *изразявам* (изразявам благодарност), *намира* (намира приложение), *вдигам* (вдигам шум) [Виденов 1979: 114—115].

К. Босилков, использующий для обозначения таких сочетаний термин «аналитические фразеолоиды» (объединяющий, впрочем, различные по структуре и семантике единицы), связывает их употребление вместо однословных предикатов с общеязыковой тенденцией к аналитизму и подчеркивает их особенно широкое распространение в книжных стилях, реагирующих на интеллектуализацию речи [Босилков 1979: 38—40].

Говоря о частотности аналитических словосочетаний типа *правя замяна*, *предявявам изискване* в современном болгарском языке, К. Кабакчиев отмечает, что такие сочетания в отдельных случаях позволяют избежать указания на конкретный объект действия, ср.: *Ако* ***направим*** *една бегла* ***съпоставка***. — **Ако* ***съпоставим*** *бегло* [Кабакчиев 1981: 428—429]. По мнению автора, в составе подобных соединений используется около 50 болгарских глаголов. Исследователь на основании проведенных им статистических подсчетов приходит к выводу, что одна из основных функций аналитических словосочетаний в болгарском языке — компенсация двувидовости глагола, ср.: *апелирам* (несов. и сов. вид) — *отправям* (несов. вид) / *отправя* (сов. вид) *апел*, *атакувам* (несов. и сов. вид) — *извършвам* (несов. вид) / *извърша* (сов. вид) *атака* и т. д. В отличие от тех форм 3 лица болгарских глаголов III спряжения, которые совмещают значения настоящего времени и аористическое значение прошедшего времени, глаголы в аналитических сочетаниях эти значения разграничивают, ср.: *Той* ***анализира*** *доклада* (наст. и прош. вр.) — *Той* ***прави анализ*** (наст. вр.) и *Той* ***направи анализ*** (прош. вр.). Компенсация видовой дефектности болгарского глагола, по мнению К. Кабакчиева, также является важной функцией аналитических словосочетаний, ср.: *безчинствам* (только несов. вид) — *извършвам*

(несов. вид) / *извърша* (сов. вид) *безчинства*, *опасявам се* (только несов. вид) — *изпитвам* (несов. вид) / *изпитам* (сов. вид) *опасения* и под. [Кабанчиев 1981: 430—432].

П. Баракова вслед за сербскими лингвистами использует по отношению к рассматриваемым сочетаниям термин «декомпозированный предикат» и говорит об исключительной продуктивности модели[22], ее представленности (в качестве типологической особенности) в других европейских языках. В числе употребляющихся в таких сочетаниях болгарских глаголов (помимо отмеченных выше) автор приводит *вземам* (вземам решение), *полагам* (полагам грижи), *предлагам* (предлагам информация), *нанасям* (нанасям вреда), *проявявам* (проявявам разбиране), *приемам* (приемам решение), *представлявам* (представлявам интерес), *получавам* (получавам поддръжка), *изпадам* (изпадам в паника), *влизам* (влизам в спор, полемика, противоречие), *стигам* (стигам до убеждението), *идвам* (идвам до заключението), *намирам се* (намирам се под наблюдение), *поставям* (поставям под съмнение), *тъна* (тъна в недоумение) [Баракова 2003: 248—252]. Перечисляя преимущества использования таких сочетаний, П. Баракова отмечает возможность выражения смысла, который не может быть передан посредством однословного предиката (*върша престъпление*, *правя бюджет*), возможность детализировать описание ситуации с помощью адвербиального приглагольного компонента (*осъществявам бързо контакти* — ср. **контактувам бързо*), возможность употребления определения при существительном (*ощетявам* — *нанасям огромни щети*), возможность выражения кратности действия посредством использования формы множественного числа имени (*провеждам разговори, срещи, преговори* и т. п.), возможность представить информацию как официальную (ср.: *Симеон отиде в Мадрид да посети семейството си* и *Симеон ще направи официално посещение в САЩ през април*) и нек. др. Говоря о том, что детальное изучение болгарских декомпозированных предикатов еще предстоит, исследователь указывает, в частности, на необходимость составить полный список глаголов, использующихся в составе этих единиц, классифицировать эти глаголы, описать их с точки зрения пересемантизации, десемантизации и грамматикализации. Именной компонент также должен стать объектом описания [Там же: 252—254].

В настоящем разделе описательные предикаты будут интересовать нас как языковые единицы, образующиеся и использующиеся в речи для решения определенных коммуникативных задач.

На материале русского языка этот аспект изучения описательных предикатов подробно разрабатывался М. В. Всеволодовой и представителями ее школы. Отмечалось, что смысл образования описательного предиката заключается, в частности, в том, чтобы перевести наименование предикативного признака из ком-

---

[22] Эта модель отмечена и в сленге, ср.: *правя мисъл* — *мисля* [Баракова 2003: 253]. Ср. также замечание К. Кабакчиева о нередком использовании таких сочетаний в разговорно-бытовой речи: *Ще направя прането*; *Дръпнах му един бой*; *Удари на гумата няколко помпи*; *Ще му ударя един сън* и под. [Кабакчиев 1981: 431].

муникативно менее значимой позиции глагольного сказуемого в более значимую позицию дополнения или подлежащего [Всеволодова 1989; 2000; Всеволодова, Кузьменкова 2003 и др.]. Сверхсловность номинации обеспечивает ей богатые трансформационные возможности, позволяет именному компоненту в зависимости от коммуникативной цели говорящего занимать различные членопредложенческие позиции, а глагольному — замещаться системно связанными с ним единицами [Кузьменкова 2000].

Термин *описательный предикат* оказался удобным для объединения в пределах одной большой и разнородной группы, во-первых, описательных словосочетаний, выполняющих функцию глагольного сказуемого (*осуществляет продажу*, *отличается смелостью* и др.) и уже давно являющихся объектом изучения, и, во-вторых, единиц уровня предложения — подлежащно-сказуемостных сочетаний (*проходит выбор*, *охватывает тревога* и др.), на которые обратила внимание М. В. Всеволодова в связи с разрабатываемыми ею проблемами коммуникативно-функционального синтаксиса [Всеволодова 1989]. Этот термин удачно объединяет в один класс разнородные единицы языка, появление и функционирование которых связано с действием когнитивных и коммуникативных механизмов, а грамматическое оформление осуществляется по продуктивным моделям, сегментирующим языковое пространство на участки без четких семантических границ.

Прежде чем говорить о свойствах болгарских описательных предикатов в сопоставлении с русскими, скажем несколько слов относительно объема признаков, определяемых российскими исследователями как необходимые для включения синтаксического соединения в разряд ОП.

В числе условий отнесения глагольно-именного сочетания к классу ОП часто приводят его корреляцию с однословным предикатом. Если такой соотнесенности не наблюдается, но сочетание строится по модели описательного предиката, оно может быть охарактеризовано как аналог ОП, см. [Кузьменкова 2000; Всеволодова, Кузьменкова 2003]. Отнесение корреляции с однословной номинацией к числу обязательных признаков описательного предиката, однако, может серьезно осложнить сопоставительное изучение этих сочетаний. Кроме того, соотнесенность ОП с однословным предикатом — исторически изменчивая характеристика. Покажем это на примере.

В болгарском языке глагольно-именные сочетания *нанасям щети*, *сключвам съюз*, *въвеждам в заблуждение* употребляются параллельно с однословными глагольными предикатами соответственно *ощетявам*, *съюзявам се*, *заблуждавам*. Русские структурные и семантические эквиваленты этих болгарских сочетаний *наносить ущерб*, *заключать союз*, *вводить в заблуждение* не соотносятся с глаголом. Эта констатация справедлива только для современного языка. Толковый словарь Ушакова, фиксируя глагол *ущерблять / ущербить*, сопровождает его пометами *книжн. редко.* В Словаре русского языка в 4 томах (МАС) этот глагол имеет помету *устар.* См. также в Словаре Даля: «*Союзиться* с кем, вступать в союз»; в Словаре русского языка XVIII в.: «*Заблудить* <…> *заблуждать* <…> чаще несов.

кого. Ввести в заблуждение, заставить уклониться от истины, добродетели». Считать болгарские единицы описательными предикатами, а русские лишать этого статуса — значит не только усложнять создание общей теории ОП, но и сводить назначение этих языковых единиц в основном к выполнению коммуникативной (наведение фокуса внимания на определенный компонент пропозициональной структуры предложения, передача актуализирующих семантику пропозиции смыслов), терминологической и стилистической (ср. *шуметь* и техн. *производить шум*; *заявить* и офиц. *сделать заявление*) функций. Между тем в ряде исследований, посвященных изучению ОП, подчеркивается их роль как одного из механизмов концептуализации определенных фрагментов действительности, не получивших отражения в языке посредством однословных номинаций, т. е. как средства заполнения номинативных лакун.

Как видно из приведенного в начале раздела определения, инвариантными признаками ОП мы считаем особенности их структуры (глагол и формально зависимое от него имя), относительную целостность семантики, проницаемость структуры, возможность структурных трансформаций.

Выше уже было отмечено, что трансформационные возможности описательных предикатов делают их удобным инструментом для выражения различных коммуникативных смыслов. Принимая во внимание специфику болгарской и русской синтаксических систем, следует предположить, что ОП в сопоставляемых языках имеют не полностью совпадающий трансформационный потенциал, т. е. для реализации тех или иных речевых установок болгароязычный и русскоязычный говорящие используют не абсолютно одинаковый набор языковых средств.

Далее мы проследим участие описательных предикатов в образовании болгарских и русских синтаксических конструкций. Предметом исследования являются трансформационные преобразования ОП, связанные с изменением синтаксической модели предложения. Модификации с лексическими заменами типа антонимических конструкций (*предъявить обвинения — снять обвинения*), ликвидативов (*возвести обвинения — опровергнуть обвинения*), конверсивов (*дать согласие — получить согласие*) и др. (см. [Кузьменкова 2000; Всеволодова, Кузьменкова 2003]) строятся по исходной модели и выходят за рамки нашего описания.

4.2.1. Участие описательных предикатов в образовании пассивных конструкций

Как известно, при образовании пассива прямое дополнение активной конструкции продвигается в позицию подлежащего, а подлежащее активной конструкции занимает место косвенного дополнения, в большинстве случаев не имеющего поверхностного выражения. Морфологическими маркерами пассива в болгарском и русском языках являются формы страдательных причастий или возвратная клитика *се* (в болгарском языке) и глагольный формант *-ся*/*-сь* (в русском языке). Использование в речи пассива связано с необходимостью сфокусировать

внимание на дополнении исходной конструкции. Пассивизация является одним из самых распространенных по языкам мира механизмов устранения субъекта ситуации.

Путь к позиции подлежащего, имеющего самый высокий коммуникативный ранг, для глагола-сказуемого исходного предложения лежит через образование описательного предиката. Номинализованный предикат занимает коммуникативно более выделенную (по сравнению с исходной) позицию прямого дополнения, из которой при пассивизации передвигается в позицию подлежащего: Командир *приказал* наступать → Командир *дал приказ* наступать → *Был дан приказ* наступать.

Таким образом, образование ОП с последующей пассивизацией конструкции представляет собой механизм продвижения предиката из позиции глагольного сказуемого в позицию подлежащего. Конечным коммуникативным эффектом этих операций является фокусировка внимания на предикате, получившем самый высокий коммуникативный статус.

Пассивизация как завершающий этап этого процесса широко используется как в болгарском[23], так и в русском языке. В переводах с русского языка на болгарский пассивным конструкциям с ОП неизменно соответствуют аналогичные болгарские структуры:

(1) *К этому времени **произведен был** ночной **обыск** в доме номер сорок восемь по Малой Буяновке, рядом с амбулаторией, у вдовы Гореглядовой* (Б. Пастернак). ‘Междувременно *бе извършен* нощен *обиск* на Малая Буяновка номер четиридесет и осем, близо до амбулаторията, у вдовицата Гореглядова’ (пер. С. Бранц);

***Высказывались** самые невероятные **предположения**, **велись** горячие **споры**, заключались пари* (А. Беляев). ‘*Изказваха се* най-невероятни *предположения*, *водеха се* разпалени *спорове*, обзалагаха се’ (пер. А. Траянова).

Болгарская система пассивных конструкций отличается от современной русской. Так, перфективный пассив в болгарском языке широко представлен не только причастными формами, как в современном русском, но и глаголами СВ с возвратной клитикой *се*[24]. Поэтому в переводах на болгарский русскому пассиву с причастием может соответствовать возвратный перфективный пассив:

(2) *Незначительным большинством голосов в конце концов **было принято решение***… (А. Беляев). ‘В края на краищата *взе се решение* с малко мнозинство на гласовете…’ (пер. А. Траянова),

ср. ненормативность (несмотря на далеко не единичные фиксации в Рунете) аналогичной русской формы: **принялось решение*.

[23] Легкость пассивизации болгарского описательного предиката отмечена в работе [Баракова 2003: 253].

[24] В современном русском языке сфера употребления возвратного перфективного пассива ограничена [см. об этом выше в разделе «Пассив»].

В болгарской художественной речи описательный предикат формирует пассивную конструкцию значительно чаще, чем в русской. Этот факт находит свое подтверждение в переводах художественных текстов с болгарского языка на русский и с русского на болгарский. Так, в приведенных ниже примерах болгарскому пассиву с описательным предикатом соответствуют русские предложения, традиционно относимые к разряду бытийных. В последних при подлежащем — предикатном имени, наряду с бытийным глаголом *быть*, используются так называемые делексикализованные глаголы (*идти*, *проходить*, *происходить*, *состояться* и др.) и группа локализатора, часто включающая и темпоратив:

(3) *На улицах **бой*** (Б. Пастернак). ‘По улиците *се водят боеве*’ (пер. С. Бранц);

***Пересменка была** и в комнате охраны* (С. Лукьяненко). ‘И в стаята на охраната *се извършваха смени*’ (пер. З. Петкова);

*Я пошел по лестнице и обнаружил, что на втором этаже нашего офиса **идет ремонт*** (С. Лукьяненко). ‘Тръгнах по стълбището и открих, че на втория етаж *се извършва ремонт*’ (пер. З. Петкова);

***Разговорът се водеше** в кухнята* (Б. Райнов). ‘*Разговор шел* в кухне’ (пер. А. Собковича);

*Тържественото **откриване** на заведението **се извършва** следната вечер* (Б. Райнов). ‘Торжественное *открытие* гостиной *происходит* на следующий вечер’ (пер. А. Собковича);

*Но **покушение не состоялось*** (Б. Пастернак). ‘Но *покушението не се извърши*’ (пер. С. Бранц).

Для того чтобы функциональная соотносительность этих болгарских и русских конструкций стала более понятной, сделаем некоторые замечания относительно статуса русских предложений, подобных приведенным.

В работе [Арутюнова, Ширяев 1983] дается следующее описание делексикализованных глаголов, употребляемых в составе бытийных предложений с подлежащим — именем предиката:

> Делексикализованные глаголы при событийном имени — такие, семантика которых ограничена указанием на факт совершения события или его протекания во времени. <…> К наиболее употребительным делексикализованным глаголам при событийном имени относятся *происходить*, *идти*, *проходить*, *состояться*, *случаться*, *совершаться*, а также фазисные глаголы *начинаться*, *продолжаться*, *кончаться*, *заканчиваться*, *открываться*, *закрываться*, *завершаться* [Там же: 129].

Проводимые в настоящее время исследования семантической структуры предложения, его коммуникативной парадигмы, лексической семантики и используемых языками механизмов семантической деривации позволяют корригировать представления об объеме класса бытийных предложений. Проблемными в составе этого класса оказываются конструкции с предикатным словом в позиции подлежащего. Непредметность подлежащего деривационно связывает эти предложения

с другими языковыми структурами, причем инвариантное пропозициональное содержание может использовать бытийную модель (локализатор — бытийный глагол — имя предмета) на периферии семантико-синтаксических преобразований. Ср.: *В квартире была уборка* ← *В квартире делали / проводили уборку* ← *В квартире убирались* ← *Квартиру убирали* ← *Она убирала квартиру*.

Причисляемые к группе бытийных предложений фазисные реализации структур типа *В квартире была уборка* — *В квартире началась уборка*, *В квартире продолжалась уборка*, *В квартире закончилась уборка*, *В квартире возобновилась уборка* и т. д. — представляют собой декаузативные конструкции[25], соотносящиеся с бытийной моделью посредством трансформационных преобразований.

Новый взгляд на считающиеся бытийными предложения с делексикализованными глаголами при событийном имени представлен в работах М. В. Всеволодовой и ее последователей. Изучение предложения как сложной многоуровневой системы (включающей денотативный, коммуникативный, семантический и синтаксический уровни) позволило увидеть в этих построениях особую модель описательного предиката — конструкцию предикативного типа ОП-2, соотнесенную с непредикативной моделью ОП-1 [Всеволодова 1989; 2000; Канза 1991; Кузьменкова 2000; Всеволодова, Кузьменкова 2003 и др.], ср.: В квартире *проводилась уборка* (ОП-2) ← В квартире *проводили уборку* (ОП-1).

Модель ОП-2 объединяет предложения с предикатными именами в позиции подлежащего и семантически ослабленными глаголами (а также причастными формами) в позиции сказуемого. Эта модель включает, в частности, конструкции с репрезентантами события типа *состояться*, *идти*, *пройти*, *произойти* (ср., напр., [Всеволодова, Кузьменкова 2003]), а также декаузативами типа *совершиться*, *осуществиться*.

Возвращаясь к приведенным выше сопоставлениям (3), еще раз отметим функциональную соотносительность болгарских и русских конструкций. И те и другие являются трансформами исходных структур и представляют модель ОП-2, хотя трансформационный путь болгарских предложений, по сравнению с русскими, длиннее. Будучи конструкциями пассива, болгарские структуры, в отличие от непассивных русских, соотносятся с предложениями, построенными по модели ОП-1. Конечно, и болгарский и русский переводы не представляют собой единственно возможных функциональных соответствий оригинальным предложениям. Нельзя, однако, не обратить внимания на частотность подобных соответствий в переводах, в конкретном случае свидетельствующую о более широкой распространенности в болгарской художественной речи, в сравнении с русской, пассивных конструкций с описательными предикатами.

[25] Ср.: «Декаузативы обычно есть у фазовых глаголов (что неудивительно, поскольку мена фазы — это изменение состояния): *начаться*, *кончиться*, *возобновиться* (о занятиях, боли, кровотечении и проч.), *продолжиться*, *прерваться*, *пресечься* <…>. Более того, для большинства фазовых глаголов декаузативное употребление первично» [Падучева 2001: 69].

Этот вывод подтверждают и довольно часто встречающиеся в текстах оригиналов и переводов следующие виды соотнесенности:

а) болгарский пассив с ОП-2 — русская неопределенно-личная конструкция с ОП-1:

(4) *Это на рысях, в безрессорных тачанках, которые подскакивали кверху и доламывали несчастным кости и выворачивали внутренности, подвозили раненых к перевязочному пункту, где им* ***подавали*** *первую* ***помощь*** (Б. Пастернак). ‘Безресорните тачанки с ранените, подкарани в тръс, подскачаха нагоре-надолу, дочупваха костите на нещастниците и им преобръщаха вътрешностите. Те караха ранените до превързочния пункт, където им *се даваше* първа *помощ*’ (пер. С. Бранц);

б) образующий *да*-конструкцию болгарский пассив с ОП-2 — русское инфинитивное предложение с ОП-1:

(5) *Активных* ***действий не предпринимать****, в детективов-любителей не играть* (С. Лукьяненко). ‘*Да не се предприемат* активни *действия* и никакви игрички на детективи-любители!’ (пер. З. Петкова);

Почему бы через них ***не осуществлять*** *тайную* ***связь*** *со сторонниками Ломинадзе в зарубежных компартиях?* (А. Рыбаков). ‘Защо чрез тях *да не се осъществява* тайна *връзка* със съмишлениците на Ломинадзе в чуждестранните компартии?’ (пер. З. Петровой);

в) болгарский пассив с ОП-2, образующий *да*-конструкцию в контексте глаголов речи или волитивных глаголов, — русская конструкция с глаголом речи или волитивным глаголом и инфинитивным оборотом, представляющим собой ОП-1:

(6) *Он не велел* ***чинить препятствий*** *доктору*… (Б. Пастернак). ‘…нареди *да не се правят спънки* на доктора…’ (пер. С. Бранц);

Для вящей приличности постановили ***провести расследование****, ибо как же иначе*… (Б. Акунин). ‘За по-представително решиха *да се проведе разследване*, как иначе…’ (пер. С. Бранц);

Старый приказал ***не причинять*** *ему* ***вреда*** (Е. Лукин, Л. Лукина). ‘Старият заповяда *да не му се причинява вреда*’ (пер. Г. Гачева);

г) болгарская конструкция с модальными предикатами типа *може*, *трябва*, *следва*, *налага се*, *нужно е*, *необходимо е*, *възможно е* и пассивом с ОП-2 — русская безличная конструкция с модальными предикатами типа *можно*, *надо*, *нужно*, *необходимо*, *следует*, *приходится*, правая валентность которых заполняется ОП-1 с глаголом в инфинитиве:

(7) *Но разве* ***можно делать*** *такие* ***внушения***? (А. Беляев). ‘Но нима *е възможно да се правят* такива *внушения*?’ (пер. А. Траянова);

Улицу переходили в нескольких, очень удаленных друг от друга местах, к которым по обеим сторонам ***приходилось делать*** *большие* ***обходы*** (Б. Пастернак).

‘Улицата се пресичаше само на няколко места, твърде отдалечени едно от друго, и дотам *се налагаше да се правят* големи *обиколки* и от двете страни’ (пер. С. Бранц).

Ср. более редкие для художественной речи случаи перевода болгарских конструкций с пассивом и модальным компонентом аналогичными русскими предложениями:

(8) *Затуй **играта трябва да се води** в два плана — убедителност на фактите и убедителност на психологията* (Б. Райнов). ‘И потому *игра должна вестись* в двух планах — убедительность фактов и убедительность психологии’ (пер. А. Собковича).

Отметим также, что часто переводчики с болгарского языка на русский отказываются от употребления не только пассива, но и описательного предиката. Ср.:

(9) *След всяко погребение **се дава** малка **гощавка**…* (П. Вежинов). ‘После похорон всегда приглашают людей к столу…’ (пер. Л. Лихачевой);

***Беше** му **дадена инструкция** да заведе фотографа у дома си…* (Б. Райнов). ‘Согласно инструкции, он должен был привести фотографа к себе домой…’ (пер. А. Собковича);

*Той приличаше много на револверите, с които **се извършват** салонни **убийства** по филмите* (Д. Димов). ‘Точь-в-точь такими револьверами пользуются герои кинофильмов в сценах салонных убийств’ (пер. Н. Попова и др.);

*…че **доставката** на тапетите и мебелите **е извършена** не без скромното съдействие на вездесъщия Жорж* (Б. Райнов). ‘…что мебель и обои удалось им заполучить не без скромного содействия вездесущего Жоржа’ (пер. А. Собковича).

Закономерным образом пассивная конструкция с ОП-2 появляется в болгарском переводе при отсутствии в русском оригинале и пассива, и описательного предиката:

(10) *Опять та же деликатность и жалость к былым товарищам не позволила караулу наброситься на Ржаницкого или ответить преждевременным залпом, до общей команды, на его покушение* (Б. Пастернак). ‘Пак същата деликатност и жал към старите другари не позволи на караула да се нахвърли върху Ржаницки или да отвърне на покушението с преждевременен залп, преди да *е дадена* общата *заповед*’ (пер. С. Бранц).

В обоих сопоставляемых языках активно используется тематизация ОП-2, образующего пассивную конструкцию. Пропозициональное имя занимает в этом случае инициальную позицию:

(11) ***Вопрос был задан** участливым тоном…* (М. Булгаков). ‘*Въпросът беше зададен* със съчувстващ тон…’ (пер. Л. Минковой);

***Передислокация была произведена** скрытно* (А. Рыбаков). ‘*Предислокацията бе извършена* в пълна тайна’ (пер. З. Петровой);

Разговорът се води *между мене и секретарката ми на гарата, където току-що сме се срещнали* (Б. Райнов). '*Разговор ведется* между мною и моей секретаршей, происходит он на вокзале, где мы только что встретились' (пер. А. Собковича).

В болгарском языке построения, подобные только что приведенным, более частотны, чем в русском. В последнем не существует ограничений для топикализации прямого дополнения в составе ОП-1 (см. пример 12), поэтому такие структуры употребляются параллельно с конструкциями типа (11). Вследствие именного аналитизма болгарского языка сфера использования предложений с прямым дополнением, вынесенным в позицию темы, ограничена рамками разговорной речи. Ср.:

(12) ***Расследование*** *от Темных тоже* ***ведет*** *твой старый знакомый* (С. Лукьяненко). '*Разследването* за Тъмните също *се води* от твой стар познат' (пер. З. Петкова).

4.2.2. Участие описательных предикатов в образовании декаузативных конструкций

Декаузативные конструкции, устраняя из числа участников ситуации агенса, переводят в позицию подлежащего объект исходной структуры [Падучева 2001].

И в болгарском и в русском языках ОП могут формировать декаузативную конструкцию. Пропозициональное имя получает в этом случае, как и при образовании описательными предикатами конструкций пассива, самый высокий коммуникативный ранг. См. болгарские и русские примеры:

(13) *От ударите е възможно да* ***се произведе изстрел*** *с нежелани последици* (lrdrodopi.com); *Мисловните* ***предавания*** *и* ***приемания се извършват*** *според още неовладени от човечеството закони* (Б. Райнов); *Защото те помогнаха нашата родина да се включи в общоевропейското развитие, да* ***се извърши промяна*** *в съзнанието на българина* (Е. Бояджиева);

(14) «*При этом собственник дома стал отверткой разбирать один из гранатометов. В этот момент из гранатомета* ***произвелся выстрел*** *и последующий взрыв гранаты», — говорится в сообщении* (Информагентство «Интерфакс»); *А пока у нас происходили все эти волнующие события, в жизни моей племянницы Лариски* ***совершился****, как оказалось,* ***поворот*** *сюжета…* (О. Зайончковский); *Впрочем, и в самом романтизме, течении далеко не новом и не однородном, тоже* ***совершились изменения*** (А. Федоров).

В обоих языках жесткие ограничения на образование декаузативов имеют причины семантического характера.

4.2.3. Участие описательных предикатов в образовании рефлексивной конструкции с дательным субъекта

Примерами рефлексивной конструкции с дательным субъекта могут служить русская модель *Мне* (*хорошо*) *работается*, *Мне не работается* (*плохо работается*)

и болгарская *На мен ми се работи / Работи ми се* 'Мне хочется работать', *На мен не ми се работи / Не ми се работи* 'Мне не хочется работать'. Подробнее об этих конструкциях говорится в разделе 1.2.6.5. «Безличные предложения» (см. о них также в [Иванова 2009в]). Напомним, что в болгарском языке, в отличие от русского, возможно образование таких построений от структур с переходным глаголом и выраженным семантическим объектом: *Той яде пържени картофи*. 'Он ест жареную картошку' → *Ядат му се пържени картофи*. 'Ему хочется жареной картошки'.

Этот факт позволяет формировать данную структуру болгарским описательным предикатам. Русские ОП лишены такой возможности.

(15) *Чакам вятъра да ме отнесе обратно.* ***Не ми се правят движения****, знаеш* (Б. Априлов). 'Я жду, когда ветер отнесет меня обратно в море. Мне не хочется самой двигаться' (пер. Е. Андреевой);

Вместо отговор аз отново потъвам в новините, защото знам, че така най-силно ще го вбеся, и защото ***не ми се водят спорове*** *с простаци* (Б. Райнов). 'Ничего не ответив, я снова возвращаюсь к новостям, отлично зная, что этим наверняка приведу его в бешенство, да и препираться с дураками у меня нет никакого желания' (пер. А. Собковича).

В качестве функциональных соответствий болгарских предложений в приведенных примерах переводчики использовали русские безличные построения с эксплицитной модальностью и отказались (очевидно, по стилистическим причинам) от включения в них ОП-1.

Рефлексивная конструкция с дательным субъекта в болгарском языке может быть образована и от исходных структур с описательным предикатом типа *занимавам се със рисуване* 'заниматься рисованием':

(16) «*Смятате ли, че ще успеем?*» — *запитва жената до мене. В момента* ***не ми се занимава със смятане****, затова премълчавам* (Б. Райнов). '«Успеем мы, как по-вашему?» — спрашивает женщина. Меня сейчас это мало занимает, и я молчу' (пер. А. Собковича), точный перевод: '«Как вы считаете, мы успеем?» … В настоящий момент мне не хочется заниматься счетом'; *букв.* 'мне не занимается счетом…'

В русском языке, в отличие от болгарского, существует запрет на образование рефлексивной конструкции с дательным субъекта от исходных структур с возвратными глаголами.

Таким образом, возможность образования описательными предикатами рефлексивной конструкции с дательным субъекта из двух сопоставляемых языков имеется только в болгарском.

4.2.4. Номинализация глагольного компонента описательного предиката

Для обозначения семантически ослабленного глагола в составе полуидиоматических сочетаний представителями различных направлений и концепций исполь-

зуются разные термины, в частности *экспликатор* (М. В. Всеволодова и ее последователи), *глагольная лексическая функция*, или *глагольная ЛФ-коллокат* (школа Ю. Д. Апресяна). Мы используем термин *экспликатор* как достаточно распространенный и удобный для целей нашего описания.

Номинализации как свернутые пропозиции позволяют говорящему смещать фокус внимания относительно предикатов и участников описываемых ситуаций, редуцировать синтаксические актанты предиката, расширять диапазон его референции, оптимальным и экономным способом распределять и передавать информацию адресату. Ср.: *После того как комиссия* ***решила*** *этот вопрос, работа парламента возобновилась. — После* ***решения*** *этого вопроса работа парламента возобновилась.*

Глагол-экспликатор в составе ОП, занимая место сказуемого, предоставляет позиции более высокого коммуникативного ранга репрезентирующему предикат имени, см. [Всеволодова 1989; 2000; Всеволодова, Кузьменкова 2003 и др.]. Номинализованный экспликатор свертывает пропозицию, гарантируя предикату больший коммуникативный вес по сравнению с его выражением одной словоформой и поддерживая его акциональные семы:

> *После* ***принятия решения*** *об отдыхе сразу становится чуть легче* (В. Спектр); *Ведь как мало ни плати, а предающий до* ***совершения предательства*** *воспринимает эту плату как чистый выигрыш…* (Ф. Искандер); *…большая часть вечера ушла на то, чтобы поставить вверх дном кухню, а затем на* ***ведение*** *трескучих* ***споров*** *насчет того, в какую сыграть карточную игру…* (В. Набоков); *Главную задачу —* ***совершение взрыва*** *— Мурад принял на себя* (А. Боков); *Задача «Комитета» —* ***оказание помощи*** *российским беженцам* (С. Довлатов).

Номинализация экспликатора в составе ОП возможна как в болгарском, так и в русском языке. Ср.:

> (17) *Мне поручено провести с вами предварительный разговор до* ***принятия*** *окончательных* ***решений*** (С. Лукьяненко). ‘Възложено ми е да проведа предварителен разговор с вас преди *приемане на* окончателни *решения*’ (пер. З. Петкова);
>
> *…«железный генерал», который принимал участие в военной экспедиции против Штирнера «в целях изучения новых методов* ***ведения войны***» (А. Беляев). ‘…«железният генерал», който взе участие във военната експедиция срещу Щирнер «с цел да се изучат новите методи за *водене на война*»’ (пер. А. Траянова).

Ограничения на номинализацию экспликатора в сопоставляемых языках полностью не совпадают. В русском они связаны в первую очередь с проблематичностью образования обозначающих действие существительных от некоторых глаголов (см.: *предпринимать / предпринять* — **предпринимание*, **предпринятие*), специализацией значений девербативов и узкой сферой использования таких имен действия и состояния, как *допуск*, *допускание*, *допущение*, *делание*, *дача*, *отдание*, *испытывание* и *испытание* (от *испытывать* ‘чувствовать’ и *испытать* ‘почувствовать’).

В болгарском языке от каждого глагола НСВ посредством суффикса *-не* образуется существительное с процессуальным значением [ГСБКЕ 1983-2: 384], поэтому для болгарских текстов вполне обычны ОП с номинализованным экспликатором типа *предприемане на действия*, *допускане на грешка*, *правене на избор*, *даване на консултация*, *даване на заповед*, *изпитване на любов*. Переводы с болгарского языка на русский иллюстрируют такие ограничения в языке перевода. Ср., напр.:

(18) *Да почнем с първоначалните: Некачествено проектиране на новите халета* ***с допускане на*** *груба* ***грешка*** *в проекта…* (Б. Райнов). 'Начнем: некачественное проектирование новых цехов, в проекте — грубые *ошибки…*' (пер. А. Собковича).

Номинализация экспликатора болгарского описательного предиката ограничена в основном причинами стилистического характера и стремлением избежать отягощения фразы предложными формами имен, управляемыми девербативами. Ср.:

(19) *Боль пройдет, но зато каким ужасным мучениям совести подвергнешься ты всякий раз* ***по совершении кражи***! (Л. Соловьев). 'Болката ще минава, но какви ужасни угризения на съвестта ще те измъчват след всяка *кражба*!' (пер. И. Костова и Р. Русева);

…все мысли их были заняты заботами о собственном возвышении, о предохранении себя от ударов со стороны врагов и ***о нанесении*** *в свою очередь таких же* ***ударов***… (Л. Соловьев). '…всичките им мисли били заети с грижите да се издигнат, да се предпазят от ударите на враговете си и *да нанесат* на свой ред също такива *удари…*' (пер. А. Далчева).

4.2.5. Атрибутизация и адвербиализация глагольного компонента описательного предиката

Атрибутизация и адвербиализация спрягаемого глагола (образование соответственно причастия и деепричастия) используются в языке в числе других способов построения предложений с предикативной конденсацией [Золотова 1973; 1982]. Так же как и номинализация, они позволяют свернуть пропозицию для ее выражения в синтаксически простом полипропозитивном предложении.

4.2.5.1. Атрибутизация экспликатора в составе ОП представлена в обоих сопоставляемых языках. Она обеспечивает говорящему возможность выбирать различные синтаксические позиции для представления предиката и при этом репрезентировать максимальное количество актантов и сирконстантов ситуации, высвечивая или затемняя те или иные элементы пропозициональной структуры:

(20) *Этот* ***вопрос, заданный*** *сразу после того, как Шарок упомянул Лену, показал, что о нем осведомлены* (А. Рыбаков). 'Този *въпрос*, *зададен* веднага след като Шарок спомена Лена, му показа, че те за всичко са осведомени' (пер. З. Петровой);

«*Как бы не так!*» *— вслух сказал Алексей, точно с сердцем отвергая* ***сделанное*** *ему кем-то* ***предложение*** (Б. Полевой). '«В никакъв случай» — гласно рече

Алексей, сякаш ядосано отхвърляше *направеното* му от някого *предложение'* (пер. К. Георгиевой);

Команде, ***производившей погребение****, прошу выдать награды* (М. Булгаков). 'На отреда, *извършил погребението*, моля да бъдат раздадени награди' (пер. Л. Минковой);

«*Саша, быстренько одевайтесь, едем*», — *приказал он девочке, гордый блестяще* ***проведенной беседой*** (Б. Акунин). '«Саша, обличайте се бързо, отиваме» — нареди той на момичето, горд от бляскаво *проведения разговор*' (пер. С. Бранц).

Ограничения на атрибутизацию экспликатора в составе ОП связаны с правилами образования самих причастных форм в болгарском и русском языках. Так, например, страдательное причастие настоящего времени в современном болгарском языке, в отличие от русского, не представлено как живая причастная форма [ГСБКЕ 1983-2: 377—378; Ницолова 2008а: 439—440], а в современном русском языке страдательное причастие прошедшего времени от глаголов НСВ имеет, в отличие от болгарского, узкую сферу употребления. Такие ограничения на атрибутизацию экспликатора иллюстрируют следующие переводы оригинальных болгарских и русских текстов:

(21) *Такая, последняя по времени, ничем другим пока не смененная, всем современным вдохновением* ***совершаемая работа*** — *христианство* (Б. Пастернак). 'Такава *дейност*, последна по време, *която* още не е изместена от нищо друго и *се извършива* с истински съвременен плам, е християнството' (пер. С. Бранц);

Но последната разходка с Петко я виждам ясно, защото беше последна и защото беседата ми напомни за една съвсем друга и съвсем отдавнашна ***беседа, водена*** *някога с баща ми* (Б. Райнов). 'Но свою последнюю прогулку с Петко я вижу вполне отчетливо — потому что она была последней и потому что наша беседа напомнила мне совсем о другой, давнишней *беседе* с моим отцом' (пер. А. Собковича).

4.2.5.2. Адвербиализация экспликатора в составе ОП возможна и в болгарском и в русском языках. В болгарском, однако, она используется значительно реже, чем в русском. См., напр.: *Нуер <...> са готови да жертват живота си,* ***водейки война*** *с племената динка за пасища и добитък* (bg.wikipedia.org). 'Нуэр готовы жертвовать своей жизнью, *ведя войну* с племенами динка за пастбища и скот'.

Болгарские деепричастные формы образуются только от основ глаголов НСВ, функционально закреплены за книжными стилями [ГСБКЕ 1983-2: 382—383; Ницолова 2008а: 440—441] и характеризуются очень незначительной, в сравнении с русским языком, частотой употребления. Поэтому русские ОП с адвербиализованным экспликатором в болгарских переводах обычно заменяются ОП с атрибутизацией экспликатора, а также ОП с финитным экспликатором в составе придаточных или сочиненных частей. Ср.:

(22) *Когда я,* ***совершив*** *богохульный* ***обман****, был приближен к эмиру, то часто получал от него в подарок кошельки с золотом и серебром* (Л. Соловьев). 'Когато,

извършил богохулна *измама*, бях приближен на емира, често получавах от него кесии със злато и сребро' (пер. А. Далчева);

«*Ничего не болит и чувствую себя вполне здоровым*», — *отвечал Качинский,* ***делая*** *новую* ***попытку*** *сесть и вновь падая на сторону* (А. Беляев). '«Нищо не ме боли и се чувствам напълно здрав» — отговори Качински, като *направи* нов *опит* да седне и отново падна' (пер. А. Траянова);

«*Ага!..*» — *догадался Агабек,* ***сделав*** *рукою хищное* ***движение****, словно прибирая что-то в карман* (Л. Соловьев). '«Аха!..» — сетил се Агабег и *направил* с ръката хищно *движение*, сякаш прибирал нещо в джоба си' (пер. И. Костова и Р. Русева).

Таким образом, специфика грамматических систем сопоставляемых языков обусловливает не совпадающие в полной мере трансформационные возможности болгарских и русских описательных предикатов. Так, в болгарском языке, в отличие от русского, ОП способны образовывать рефлексивную конструкцию с дательным субъекта, номинализация экспликатора в составе ОП имеет меньше, чем в русском, формальных ограничений. Напротив, запреты как формального, так и стилистического характера делают употребление болгарских ОП с адвербиализованным экспликатором значительно менее распространенным по сравнению с аналогичными русскими формами. В целом ограничения на номинализацию, атрибутизацию и адвербиализацию экспликатора в составе ОП связаны в первую очередь с общими особенностями образования девербативов, причастных и деепричастных форм в болгарском и русском языках.

Часто фиксирующаяся в болгарских текстах пассивизация описательных предикатов связана с общим широким распространением пассива в болгарском языке, обусловленным именным аналитизмом этого языка. Пропозициональное имя в составе ОП в болгарском чаще, чем в русском, становится подлежащим, занимая позицию самого высокого коммуникативного ранга.

4.3. Фразеосхемы-тематизаторы

Изучению процессов фразеологизации синтаксических построений, исследованию структуры, семантики и функционирования устойчивых синтаксических образований, созданию классификационных схем для таких языковых единиц посвящено большое количество российской научной литературы (см. указания на нее, напр., в [Кайгородова 1999]). В настоящее время фразеологизированные синтаксические построения привлекают особое внимание российских исследователей по ряду причин, среди которых, в частности, необходимость решения проблем, связанных с автоматической обработкой текстов, и обострение интереса к проблематике и концептуальному аппарату Грамматики конструкций (Construction Grammar, CxG) — перспективного современного направления в лингвистике, во многом корреспондирующего с традиционными российскими лингвистическими описаниями, см. [Лингвистика конструкций 2010: 18—76].

Болгарские фразеологизированные синтаксические конструкции как предмет многоаспектных монографических описаний все еще ждут своих исследователей. До сих пор объем посвященных им научных изысканий сравнительно невелик. Отдельные фрагментарные сведения о синтаксической фразеологии в болгарском языке содержат работы болгарских авторов, связанные с другими тематическими областями, исследования по фразеологии и синтаксису болгарского языка, лексикографические издания. Из числа специально посвященных болгарским фразеосхемам работ отметим здесь в первую очередь работы К. Ничевой [Ничева 1982; 1990], а также статьи, в которых болгарские фразеологизированные конструкции рассматриваются в сопоставлении с русскими, см. [Леонидова 1976; 1978; Лазарева 2004; Ченева 2004; 2006; Шепелев 2004; Градинарова 2012а]. Некоторые болгарские устойчивые синтаксические структуры приводятся в числе функциональных соответствий русских инфинитивных предложений[26] в работах А. Николовой [Николова 1977; 2004; 2006 и др.].

---

[26] Русские инфинитивные предложения, имплицитно выражающие разнообразные модальные значения, включаются в состав нестандартных синтаксических конструкций из сферы так называемого микросинтаксиса, см. [Иомдин 2006]. «В состав микросинтаксиса, — пишет Л. Л. Иомдин, — входят, по нашему мнению, объекты двух основных типов — (1) синтаксические фраземы и (2) нестандартные синтаксические конструкции. Граница между этими объектами достаточно условна; главным различающим критерием тут является степень лексикализации этого объекта: синтаксические фраземы образуются из конкретных слов, а нестандартные

И в болгарском и в русском языках существуют синтаксические соединения, которые, так же как и некоторые другие формальные средства, выступают маркерами темы высказывания. В настоящем разделе отдельные болгарские выделяющие тему фразеологизированные конструкции будут сопоставлены с их русскими функциональными соответствиями. Дифференциация различных типов несвободных синтаксических соединений в зависимости от степени их лексикализации не имеет существенного значения для целей нашего описания, поэтому по отношению к его объектам мы будем использовать как общие наименования достаточно распространенные термины *фразеологизированные синтаксические конструкции / построения* и *фразеосхемы*. Показать соотносительность болгарских и русских структур нам помогут тексты переводов с болгарского языка на русский и с русского на болгарский.

1. В первую очередь отметим специализированные на выражении темы болгарские фразеосхемы *Що се отнася до* (реже *за*) *N,* (*то*) … и *Колкото до* (реже *за*) *N,* (*то*) … Ту же коммуникативную функцию выполняют их русские эквиваленты — соответственно *Что касается* $N_{род.}$, (*то/так*) … и *Что до* $N_{род.}$, (*то/так*) …

В паре *Що се отнася до N,* (*то*) … — *Що се отнася за N,* (*то*) … вторая конструкция (с компонентом *за*) не только менее распространена, но и признается ненормативной большинством наших информантов. Тем не менее она фиксируется и в редактируемых текстах: ***Що се отнася за*** *мен — аз имам доброто желание да помагам на пишещите, въобще на добрата българска книга* (газ. «Литературен форум»).

Глагол в конструкции *Що се отнася до N,* (*то*) … окончательно не потерял своих грамматических свойств. Так, он способен использоваться в пересказывательном наклонении: *А* ***що се отнасяло до*** *медицинското, немците го уважили, но въпреки това Герд изгубил работата си* (Г. Данаилов) — и принимать форму имперфекта: ***Що се отнасяше до*** *него поне — всичко вървеше само по себе си…* (Д. Талев).

В составе русского эквивалента глагол, вопреки мнению В. А. Белошапковой[27], тоже может использоваться в форме прошедшего времени:

> *А* ***что касалось*** *темного подсознательного страха,* ***то*** *от него спасали только трезвость и чувство юмора* (В. Пелевин); ***Что касалось*** *чести советского офицера, здесь Адам был кремень* (В. Синицына); *А* ***что касалось*** *«левого» заработка —* ***так*** *ведь дорога длинная и удачу еще никто не отменял* (С. Иванов); ***Что касалось*** *самих строительных работ,* ***то*** *все было готово, за исключением кое-каких мелочей* (М. Милованов).

синтаксические конструкции к конкретным словам не привязаны или почти не привязаны» [Иомдин 2013б: 298].

[27] В. А. Белошапкова, считая сочетание *что касается … то* особым служебным словом с выделительной функцией, отмечала, что словоформа *касается* «не имеет глагольных свойств (ср. невозможность изменения этой формы во времени)» [Белошапкова 1981: 505].

В паре *Колкото до N,* (*то*) … — *Колкото за N,* (*то*) … нормативна и гораздо более употребительна, чем ее русское соответствие[28], первая конструкция. Вторая же, хотя и фиксируется словарями без ограничительных помет, встречается реже и преимущественно в литературных текстах прошлого века, а также нередактированных современных. См. в художественной литературе середины XX в.: ***Колкото за*** *любовта му, тя продължаваше да бъде фатална за него* (Д. Димов).

В академическом толковом «Словаре болгарского языка» («Речник на българския език») сочетания *колкото до* и *колкото за* квалифицируются как сложные предлоги, использующиеся с целью «означаване на обекта, по отношение на който е насочено действието» [РБЕ]. Более точно функцию этих сочетаний определяют современные электронные словари, в частности «Речник на думите в българския език» (rechnik.info), связывающий употребление *колкото до* и *колкото за* с указанием на тему высказывания.

Частица-коррелят *то* в составе болгарских предложений с сочетаниями *що се отнася до* и *колкото до* употребляется сравнительно редко. В русских функциональных соответствиях использование коррелята *то*, наоборот, значительно преобладает (ср. статистические данные в статье [Грудева 2006: 126]).

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих соотносительность болгарских и русских конструкций:

«*А* ***що се отнася до*** *издръжката — засякох я аз, — ще ти я донеса още утре*» (П. Вежинов). ‘«*Что касается* денег, — прервал я ее, — *то* я их завтра же тебе принесу»’ (пер. М. Тарасовой);

Колкото за *французина, с него я свързваше едно ефимерно приключение при зимна обстановка в Баварските Алпи* (Д. Димов). ‘*Что до* Жака Мюрье, с ним ее связывал мимолетный зимний роман в Баварских Альпах’ (пер. Т. Рузской);

Не знам кристалът чист ли е и дали изобщо е кристал, но ***колкото до*** *амалгамата, тя е аривидерче Рома*… (Б. Райнов). ‘Не знаю, какой это хрусталь и вообще хрустальное ли оно, *что* же *касается* амальгамы, *то* тут невольно вспоминается «Аривидерчи, Рома!»…’ (пер. А. Собковича);

Колкото до *връщането, ще те закарам обратно, но пак ще се върна тук* (Б. Априлов). ‘*Что касается* возвращения, *то* я довезу тебя до Тихого леса и снова сюда вернусь’ (пер. Е. Андреевой);

А ***что до*** *врачебной ошибки,* ***так*** *я запрос послал в Санкт-Петербургскую академию*… (Б. Акунин). ‘А *колкото до* лекарска грешка, пратих запитване до Санктпетербургската академия…’ (пер. С. Бранц).

Надо отметить, что болгарское и русское несвободные сочетания *що се отнася до* и *что касается* активно используются и в рематической части высказывания. См. их употребление со значением ‘если говорить о …’ после рематизатора *особенно* (болг. *особено*) в составе присоединительной конструкции:

[28] Статистические данные, приводимые в работе [Грудева 2006: 126], свидетельствуют о том, что сочетание *что касается*, вводящее тему, встречается в текстах во много раз чаще синонимичного *что до*.

Трябва някой ден да ѝ обясня, че играта на въпроси е моя професия, а не нейна, особено ***що се отнася до*** *шокиращите въпроси* (Б. Райнов); *Их впечатления были очень критические, особенно* ***что касается*** *паникерских настроений в верхних эшелонах власти Украины и бездеятельности государственного и партийного аппаратов* (А. Яковлев).

2. Конструкцией, специализированной на введении темы высказывания, является болгарская фразеосхема *Ако* (*като*) *е за P, …* Она включает условный союз *ако* (реже временной *като*), отвлеченную связку наст. времени 3 лица ед. числа *е* и делиберативную синтаксему с предлогом *за*, имплицирующую семантику глагола речемыслительного действия.

В позиции делибератива часто оказывается предикатное существительное, хотя ее может занимать имя, называющее любого участника делиберативной ситуации (о том, что делиберативная синтаксема имеет пропозициональное прочтение, см. [Всеволодова 2000: 145]). Приведем примеры:

Правото си е право, г-н съдия. ***Ако е за разбиране*** *— не разбрахме,* ***ако е за отказване*** *— не се отказваме!* (Й. Йовков); *Ама* ***като е за помнене****, помня* (Й. Йовков); ***Ако е за гледане*** *— от другата ми страна се простират широките витрини на ресторанта с чудесния си изглед към околността или по-точно към бездната* (Б. Райнов); ***Като е за юначество****, то е друго, ще има кога да го покажеш* (Д. Талев); *Виж,* ***ако е за богати хора****, богати хора в Сарънджа има, ама те си крият парите, проклетите…* (Й. Йовков); *Глас…* ***ако е за глас****, глас има, например Митю Караколев, ловецът. Когато вика на копоя си в Иланлъшката гора, чува се чак в Каралез, на десет километра* (Й. Йовков).

В народной речи и стилизациях под нее позицию делибератива может занимать описывающая ситуацию *да*-конструкция:

Ако е за готвене, Мара чичова Пенева знае да ти уготви ядене, та и пръстите да си изядеш. <…> Ако е за ***у къщи да ти нареди****, а Мара знае да нареди по-хубаво, отколко що са наредени и бояджийските дюкяне в касабата. Ако е за* ***платно да изтъче****, а Мариното платно го знае цело село — като бурунджук!* (М. Георгиев).

Условный союз и делиберативная синтаксема делают эту фразеосхему особенно близкой вводящей тему конструкции *Ако говорим за P,* (*то*) …: ***Ако говорим за*** *лекарски грешки,* ***то*** *такива винаги е имало, уви, и ще има* (К. Пенчев). Аналогичная русская структура *Если говорить о P,* (*то*) …, по мнению авторов академической «Русской грамматики», близка по функции предложениям, «в которых союз *если*, утрачивая или ослабляя условное значение, выполняет роль выделителя предмета для последующего оценочно-комментирующего сообщения» [РГ 1980-2: § 3023]. В связи со сказанным отметим закономерную соотнесенность однофункциональных конструкций в оригинальном тексте и его переводе: *О,* ***ако е за*** *записи, аз разполагам с далеч по-интересни неща* (Б. Райнов). ‘О, *если говорить о* записи, *то* у меня есть значительно интереснее’ (пер. С. Николенко).

Русские построения, функционально однотипные с конструкцией *Если говорить о P,* (*то*) …, также часто выступают в переводах с болгарского как эквиваленты фразеосхемы *Ако е за P, …* Ср.:

Ако е за *такива неща, Грейс винаги се оправя* (Б. Райнов). ‘*Когда речь идет о* пирушке, Грейс не растеряется’ (пер. А. Собковича);

…и как дядо ти Стефан — сиреч нейният баща — я изпратил да следва в Женева не толкова за следването, колкото за да учи език, макар че ***ако е за*** *езика, най-подходящо било да я изпрати в Сорбоната…* (Б. Райнов). ‘…и о том, как мой дедушка Стефан — то есть ее отец — послал ее для получения высшего образования в Женеву, впрочем, не столько ради образования, сколько ради изучения языка, хотя *если иметь в виду* язык, *то* было куда больше смысла послать ее прямо в Сорбонну’ (пер. А. Собковича).

Функциональным соответствием болгарской конструкции является и русская *Что касается* $N_{род.}$, (*то*):

Може да си въобразявам хиляда други работи, но знам, че не съм положителен герой. А пък ***ако е за*** *отрицателни, те и без мене бяха достатъчно в романа* (Б. Райнов). ‘Я могу воображать о себе все что угодно, но в том, что я не положительный герой, у меня нет никакого сомнения. *Что касается* отрицательных, *то* их и без меня хватает в романе’ (пер. А. Собковича).

Иногда появление в переводе перечисленных русских эквивалентов невозможно из-за отсутствия или стилистической ограниченности в языке девербатива, аналогичного болгарскому. В таких случаях ситуацию, обозначенную болгарским предикатным именем, в русском тексте может представлять инфинитив:

После реших, че ***ако е за лежане****, по-удобно място от леглото си едва ли ще намериш…* (Б. Райнов). ‘Но потом я решил, что *если уж валяться*, то лучшего места, чем моя постель, не найти…’ (пер. А. Собковича).

В числе используемых переводчиками функциональных соответствий назовем также именительный темы:

*«Всъщност всичко опира до това килерче. То решава въпроса за квартирата на детето». — «****Ако е за килерчето****, него вече съм го обещал на Лиза за сватбен подарък» — уведомявам го* (Б. Райнов). ‘«Все дело в этом чуланчике. Сразу снимается вопрос, куда девать ребенка». — «*Чуланчик*? Да, я обещал отдать его Лизе в качестве свадебного подарка»’ (пер. А. Собковича).

3. Очевидно, деривационно связаны описанная в параграфе 2 структура и сочетание девербатива с предлогом *за* с личной формой производящего глагола, употребленной с отрицанием или без него, типа *За помнене,* (*не*) *помня*.

3.1. При выражении в предложении (или более широком контексте) противительного или уступительного значений и (чаще всего) непредставленных

распространителях глагола болгарским сочетаниям без отрицания в русском языке соответствуют соединения инфинитива с частицей *-то* или без нее и личной формы того же глагола типа *помнить*(*-то*) *помню*[29]. Ср.:

За помнене, ***помня***, *старче,* ***ама*** *това, което ни остави великото завинаги управление на ОДС-СДС, сега го сърбаме*… (news.ibox.bg). '*Помнить*(*-то*) *помню*, старик, *но* за то, что нам оставило вечно великое управление ОДС-СДС, мы сейчас расплачиваемся';

За помнене — помня, макар че *какво ме интересува* (news.plovdiv24.bg). '*Помнить*(*-то*) *помню, хотя* какое мне до этого дело';

За четене — чета, ***ама****, честно казано, имам нужда някой да ми каже, че това, което аз си мисля, е правилно* (odit.info). '*Читать*(*-то*) *читаю, но*, честно говоря, мне надо, чтобы кто-нибудь мне сказал, что то, что я думаю, правильно';

За ходене — ходя, но *кой ти каза, че не е от дъжд на вятър?* (clubs.dir.bg). '*Ходить*(*-то*) *хожу, но* кто тебе сказал, что не раз в год по обещанию?'

Ср. также русский оригинал с его болгарским переводом:

«*Как малахольная, как малахольная-с? Говорить может? Мысли-с излагать?*» — «***Говорить говорит****, что* ***же*** *насчет мыслей, то где ей*» (Б. Акунин). '«Как откачена? Как откачена? Умее ли да говори? Умее ли да излага някакви мисли?» — «*За говорене — говори, но* колкото до мисли, как не»' (пер. С. Бранц);

Ездить-то *к ней все* ***ездят****, потому что весело очень: барышня хорошенькая, играет на разных инструментах, поет, обращение свободное, оно и тянет.* ***Ну, а*** *жениться-то надо подумавши* (А. Островский). '*За ходене* всички *ходят* у тях, защото там е много весело: госпожицата хубавичка, свири на различни инструменти, пее, държи се свободно, това привлича. *А* като дойде ред за женитба, всеки се позамисля' (пер. Б. Мисиркова).

При тех же условиях использования болгарской структуры ее русским функциональным соответствием может выступать конструкция с личной формой глагола, которой предшествует дублирующая ее форма с частицей *-то*. Ср.:

«*Что же, не могли они распилить его* [тутовник] *пополам?*» — «***Могли-то могли, но*** *каждому хотелось получить его целиком для себя*» (Л. Соловьев). '«Защо, толкова ли не можаха да я разрежат наполовина?» — «*За можене — можеха, ама* всекиму се искаше да я вземе цялата»' (пер. И. Костова и Р. Русева)[30].

---

[29] Такие русские построения относят к числу *конструкций с инфинитивным эхом*, см. [Пайар, Плунгян 1993]. Приводимые здесь конкретные русские соответствия болгарской структуры известны под именем *тавтологический инфинитив*. Подробнее о них см. в работах [Пайар, Плунгян 1993; McCoy 2002; Иомдин 2013а; 2013б]. Л. Л. Иомдин включает эти построения в состав *нестандартных синтаксических конструкций*. Хотя при личном глаголе возможно отрицание (*Есть не ест и пить не пьет*), оно, по мнению автора, не составляет части конструкции [Иомдин 2013а; 2013б].

[30] О русской конструкции см. [Пайар, Плунгян 1993].

Если при болгарском глаголе имеется отрицание, в русском эквиваленте инфинитив обычно используется без акцентирующей частицы: *А бе* ***за помнене, не помня, ама*** *добре го измисли* (И. Стефанов). ‘*Помнить не помню, но* ты это хорошо придумал’; ***За знаене не знам, но*** *чувствам, че е силна, упорита*… (forum.swan-kingdom.com). ‘*Знать не знаю, но* чувствую, что она сильная, настойчивая…’[31]

В русском языке отрицание перед личной глагольной формой в соединении с частицей *-то* при инфинитиве чаще связано со специфичным интонированием предложения (более сильным акцентным выделением инфинитива), частым использованием усилительного союза *и*, располагающихся перед сочетанием или после него глагольных распространителей:

> *Дальше и дальше, и нашло на меня:* ***и*** *сидеть-то я не сижу,* ***и*** *читать-то я не читаю,* ***и*** *работать не работаю, иногда смеюсь и бабушке что-нибудь назло делаю*… (Ф. Достоевский); «*Как же, — зло сказал Иван. — Я* ***о них и*** *помнить-то не помню, забываю постоянно*…» (Я. Смирнов); *Я* ***и*** *читать-то не читаю* ***всей этой чуши*** (газ. «Комсомольская правда»); *Ой… я уже* ***и*** *помнить-то не помню,* ***чего было там*** (forum.alpari.ru).

В таких контекстах особенно ярко проявляется специфика русских сочетаний с отрицанием. Их «субъективно-модальное значение», как отмечают авторы «Русской грамматики», — «уверенное акцентирование признака» [РГ 1980-2: § 2197].

Болгарской структуре с отрицанием подобное употребление несвойственно. Хотя описываемая конструкция (с отрицанием и без него) в болгарском языке также выполняет акцентирующую функцию, ее основное назначение — тематизация обозначенного девербативом признака и рематизация личной глагольной формы. Коммуникативная расчлененность этой структуры подчеркивается и пунктуационно: между девербативом и глаголом обычно ставится запятая или тире (такова пунктуационная практика, хотя отдельное правило, регламентирующее постановку знака в таких случаях, в болгарской системе правил пунктуации отсутствует).

Сочетания инфинитива с частицей *-то* и личной глагольной формы, использующиеся в первой части сложных предложений со значением уступки (*Читать-то он читает, но результатов пока нет*), сопоставляются с болгарскими функциональными соответствиями в работе [Ченева 2004]. В числе таких соответствий, помимо структур типа *За помнене, помня*; *За четене, чета* и упомянутой выше *Колкото до N, …* (*Колкото до четенето — чета*), приводится *Че чете, чете* (*букв.* ‘Что читает, читает’), см. [Там же: 50—51]. Последняя конструкция акцентирует семантику согласия.

[31] Русские соответствия болгарских структур с отрицанием объединяют построения, относимые Л. Л. Иомдиным к *нестандартным синтаксическим конструкциям*. Кроме уже упоминавшегося тавтологического инфинитива, здесь используется конструкция, описанная в [Иомдин 2013а; 2013б] как уступительная: *Z X-овать не X-овал* (*но…P*): ‘Z не сделал X, но Z сделал P; P — нечто менее сильное, чем X’.

В. Ченева обращает внимание на то, что фразеологизированные сочетания в рассматриваемых ею сложных предложениях могут образовывать и имена. См. примеры из ее работы: «*Отнеси часы Петрову, он хороший мастер*», — «***Мастер-то он мастер, но*** *не всегда старается*». ‘«Занеси часовника на Петров, той е добър майстор» — «*Че е майстор, майстор е, но* не винаги се старае»’, ‘«*За майсторлъка е майстор, но* не винаги се старае»’; см. также болгарские построения *Че съм проста, проста съм, ама*…; *За простото съм проста, ама*… [Ченева 2004: 51].

3.2. Русский функциональный эквивалент обыкновенно используется без частицы *-то* при инфинитиве и в тех случаях, когда в составе болгарского предложения отсутствует противопоставление, а при глаголе описываемой конструкции нет распространителей: ***За чуване — чува*** *и явно малко вижда* (forum.dog.bg). ‘*Слышать слышит* и явно немного видит’.

При имеющихся глагольных распространителях на выбор русского функционального соответствия влияет место логического ударения в болгарском предложении. Если распространители глагола акцентированы, то иногда более приемлемым русским эквивалентом оказывается конструкция *Что касается* $N_{род.}$, (*то*) … (или *Что до* $N_{род.}$, (*то*) …):

А за четене, чета ***на английски*** (bg-mamma.com). ‘А что касается чтения, читаю *на английском*’;

За пеене, пея ***постоянно, особено преди сън*** (mamazavinagi.com). ‘Что касается пения, пою *постоянно, особенно перед сном*’;

За свирене — свиря ***поне 4—5 часа на ден*** (forum.muzikant.org). ‘Что касается игры, играю *по крайней мере 4—5 часов в день*’.

Менее предпочтительной в таких случаях конструкцию с инфинитивом делает бóльшая распространенность акцентной выделенности рематической личной глагольной формы. При возможности акцентирования и спрягаемой формы и ее распространителей, например при присоединительных отношениях или парцелляции, ограничений на использование конструкции с инфинитивом нет: *За четене —* ***чета****, и то* ***същото****, което и вие четете* (lex.bg). ‘Читать *читаю*, причем *то же*, что и вы читаете’; *За четене —* ***чете****. Най-вероятно* ***5 книги едновременно*** (bg-mamma.com). ‘Читать *читает*. Вероятнее всего, *5 книг одновременно*’. Ср. также свободное употребление этой русской конструкции с отрицанием при спрягаемом глаголе и неакцентированных его распространителях: *За правене — не правя* ***нищо по-различно*** (bg-mamma.com). ‘Делать ничего другого *не делаю*’; *За говорене —* ***не говори*** *още* (bg-mamma.com). ‘Говорить еще *не говорит*’.

Впрочем, акцентная выделенность личной формы глагола в русской конструкции просто более распространена, но не абсолютно обязательна. Ср. ее неакцентированность как в болгарском предложении, так и в его русском соответствии *За говорене,* ***всичко*** *сме говорили* (clubs.dir.bg). ‘Говорить мы *все* говорили’. См. также: *Пить пьет* ***все, что даю****…* (detstvo.ru).

3.3. В составе болгарской конструкции глагол может формировать безличную структуру, по отношению к которой используется термин *аффективный имперсонал*. В таких случаях из числа русских функциональных соответствий исключаются соединения инфинитива с личной формой того же глагола. Ср.: *За ходене,* ***ходи ми се****, малко ме е шубе*… (bg-mamma.com). ‘Что касается поездки, *хочется поехать*, немного страшновато…’ или разговорное *Поехать-то хочется*, … с выделением инфинитива-темы посредством частицы *-то*.

Таким образом, сопоставление болгарских фразеосхем-тематизаторов с их русскими функциональными соответствиями обнаруживает общие черты и специфические особенности этих единиц в обоих языках. Межъязыковые различия касаются, в первую очередь, состава фразеосхем и их структуры. В сравнении с русским языком в болгарском шире представлены конструкции с делиберативной синтаксемой.

Глава V. ПОРЯДОК СЛОВ В БОЛГАРСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ. БОЛГАРСКИЕ КЛИТИКИ

5.1. Порядок слов в болгарском предложении

Особенности порядка слов в предложении, как известно, тесно связаны с типологическими характеристиками того или иного языка. Так, синтетизм или аналитизм языкового строя задает определенную степень свободы или несвободы словорасположения.

Русский язык как язык синтетического строя имеет относительно свободный порядок слов. Мера этой свободы, неодинаковая для различных письменных и разговорных стилей, обусловлена иерархическим распределением выполняемых словопорядком функций (актуальное членение высказывания, кодирование определенной синтаксической позиции, выражение эмоционально-экспрессивных смыслов, ритмизация речи и др.). Например, если в письменных стилях доминантной функцией порядка слов является тема-рематическое членение информации, то в бытовой устной речи эта функция словопорядка уже не доминирует, поскольку при разговоре выделение неравноценных в коммуникативном плане речевых отрезков осуществляется преимущественно интонацией. С этим фактом связана бо́льшая свобода словопорядка в разговорных стилях по сравнению со стилями письменными.

Система болгарского порядка слов формируется в соответствии с теми структурными ограничениями, которые связаны с одной из фундаментальных характеристик болгарского языка — его именным аналитизмом. Невозможность выражения синтаксических отношений посредством падежных флексий существительных имеет своим следствием увеличение грамматической значимости и уменьшение степени свободы болгарского словорасположения.

Принято считать, что порядок слов в болгарском языке «частично свободен». Фиксированы позиции местоименных и глагольных клитик, вопросительных слов, наречий в группах наречий и прилагательных. В значительной степени закреплены позиции за составляющими группы существительного. В глагольных группах словорасположение характеризуется наибольшей свободой [Пенчев 1998б: 190—191][1].

---

[1] Из новейших работ в этой области см. [Циммерлинг 2013а].

В последующем изложении при сопоставлении языкового материала русский порядок слов, выбранный в качестве фона для характеристики особенностей болгарского словорасположения, будет описываться в первую очередь.

5.1.1. Позиция прямого дополнения

В этом разделе мы сопоставим болгарские и русские схемы расположения прямого дополнения относительно сказуемого в невопросительных предложениях. Целью этих сопоставлений будет обнаружение сходств и различий в линейном следовании компонентов болгарских и русских синтаксических групп, включающих сказуемое и прямое дополнение. Лингвистическое объяснение существующих различий также входит в наши задачи.

5.1.1.1. Прямое дополнение, выраженное именем существительным и краткой формой местоимения.

5.1.1.1.1. В стилистически нейтральной русской речи прямое дополнение, выраженное именем существительным, располагается в составе ремы после сказуемого. Если дополнение выражено личным местоимением, оно нормативно как в постпозиции, так и в препозиции по отношению к сказуемому: *В конце концов она // потеряла **дорогу** и не нашла **ее** — все под ногами слилось в одной движущейся неразберихе* (В. Распутин); *А художник // молчал и **его** не видел* (Е. Попов).

В болгарском языке, в соответствии с кодифицированной нормой, прямое дополнение, выраженное именем существительным, занимает позицию непосредственно за сказуемым [Георгиева Е. 1974: 42; ГСБКЕ 1983-3: 275]: *Леха латинки красеше **входа**, по чиито стъпала прецъфтелият трендафил беше изронил **листата си*** (Э. Станев); *Усещам как онова познато до вдрусване чувство за тягост обгръща **сърцето ми*** (Б. Райнов). Эта позиция маркирует именную словоформу как прямой объект и обеспечивает ее отграничение от субъектной словоформы в позиции подлежащего. Позиционная закрепленность подлежащего и прямого дополнения считается самым ярким проявлением грамматической функции порядка слов в болгарском языке [Георгиева Е. 1974: 42].

Если болгарское прямое дополнение выражено краткой формой личного местоимения[2], то оно, будучи энклитикой, может быть как постпозитивным, так и препозитивным по отношению к сказуемому. Подробно о позициях энклитик см. в разделе «Болгарские клитики».

5.1.1.1.2. Важной особенностью болгарского дополнения, выраженного краткой формой местоимения, является его *контактная* позиция относительно сказуемого[3]. Болгарский язык входит в группу языков, в которых действует запрет на дистантное расположение глагола и клитики (цепочки клитик). В отдельных исследованиях, однако, содержатся примеры нарушения этого запрета. Так, случаи

---

[2] Местоименное склонение в болгарском языке частично сохранено.

[3] Этот факт позволяет отнести болгарский язык к языкам с клитиками, смежными с глаголом (verb-adjacent clitics), см., однако, [Циммерлинг 2012б; 2013б].

разъединения местоименной клитики и глагола ударным наречием отмечаются в поэтических и, шире, художественных текстах [Димитрова М. 1990], а также в современной публицистике [Шанова 2006]. Дистантность глагола и местоименной клитики фиксируется и в народных говорах [Цыхун 1966]. Ср. в народной речи XIX в.: *И там **го съд не отсъди**, а той **го назад повърна**…* (Син кара баща си на съд — Н. Геров, Песнопойче, 1860).

В современном болгарском литературном языке контактное размещение глагола и местоименной клитики, тем не менее, нормативно, а отклонения от стандартного словопорядка вносят в речь элементы поэтичности или просторечия: *Като я заведе в пещерата, змеят **я вече има** за жена* (Змейове, змеици — Д. Маринов, Народна вяра и религиозни народни обичаи); *Със своето съжаление аз **го още повече унижавам**, па унижавам и себе си* (Н. Райнов).

Что касается болгарского прямого дополнения, выраженного полной формой личного местоимения, то его употребление связано с определенными условиями актуализации. Так, оно нормативно в фокусе ремы: «*Ние сме ударили **него**↓*» — *дрезгаво произнесе Макс* (Д. Димов); *Кларнети прозвучаха пак в душата му и той видя **нея**↓ — другата Мария* (Й. Йовков). При тематизации в разговорной речи, находясь в фокусе темы, оно дублируется краткой местоименной формой: *В България има пет човека, които могат да си позволят да си купуват картини. И **тях** всеки **ги** знае* (И. Марковский); *Аз пък зная, че **тебе** не са **те** арестували по политически причини…* (Я. Язова).

Таким образом, для выраженных личными местоимениями прямых дополнений, использующихся в стилистически нейтральных русских текстах, функциональными соответствиями служат болгарские дополнения, представленные краткими местоименными формами. Выбор позиций для кратких местоимений регулируется строгими правилами расположения клитик (см. 5.2). Размещение же русских местоименных форм, не являющихся клитиками, более свободно. Поэтому наряду с контекстами, где русские и болгарские местоимения расположены одинаково (ср., напр.: *Берлиоз тоскливо оглянулся, не понимая, что **его** напугало* (М. Булгаков). 'Берлиоз жално се озърна — не проумяваше какво *го* бе уплашило' (пер. Л. Минковой)), имеются контексты, в условиях которых русские местоимения занимают позиции, невозможные для болгарских клитик. Приведем в качестве иллюстраций тексты переводов с русского языка на болгарский:

*Но даже и они судили **его** не слишком строго* (Б. Акунин). 'Но даже и те не *го* съдеха твърде строго' (пер. С. Бранц);

*На этот раз его просьбу удовлетворяют, но только отчасти: **его** посылают на Саракш…* (А. и Б. Стругацкие). 'Този път удовлетворяват неговата молба, но само отчасти: изпращат *го* на Саракш…' (пер. М. Асадурова).

В русском языке контактное расположение сказуемого и выраженного личным местоимением прямого дополнения не является обязательным. Очень часто, особенно в контекстах с разговорной окраской, между управляющим глаголом и ме-

стоимением в функции прямого дополнения располагаются другие члены предложения — обстоятельства образа действия, места, времени, подлежащее. Ср. русские предложения с их переводом на болгарский язык:

> *Впрочем, все это **меня** мало **касалось*** (А. и Б. Стругацкие). ‘Впрочем всичко това малко *ме засягаше*’ (пер. М. Асадурова);
>
> *Закидай помоложе, я **его** рвотным камнем **спасла*** (Б. Акунин). ‘Закидай е по-млад, та *го спасих* с лек за повръщане’ (пер. С. Бранц);
>
> *Он **вас** там **встретит*** (А. и Б. Стругацкие). ‘Той *ще ви посрещне* там’ (пер. М. Асадурова);
>
> *…а третий смотрит и, когда **его** потом **спросят**, — расскажет* (А. и Б. Стругацкие). ‘…а третият гледа и когато после *го питат*, разказва’ (пер. М. Асадурова);
>
> *Я **его** до сегодняшнего дня вообще **не примечал*** (А. и Б. Стругацкие). ‘До ден днешен *не бях го забелязал*’ (пер. М. Асадурова);
>
> ***Схватили** мы **его** за руки* (А. и Б. Стругацкие). ‘*Хванахме го* за ръцете’ (пер. М. Асадурова).

Разделить управляющий глагол и местоименную клитику в винительном падеже может только другая клитика, например вопросительная частица *ли*: ***Видяхте** ли **го** моя син?* (Елин Пелин). Согласно правилу, по которому при одновременном использовании кратких форм винит. и дат. падежей личного местоимения форма дат. падежа всегда предшествует форме винительного [ГСБКЕ 1983-3: 275], в предложениях с начальной неаналитической и неотрицательной формой сказуемого клитика в дат. падеже оказывается между сказуемым и клитикой в винительном: *Тя се появи с табла, на която бе сложила храната. Подаде **му я*** (Э. Станев). При препозиции клитик по отношению к сказуемому контакт между ним и прямым дополнением не нарушен: «*Ще **му го** кажете ли?*» — *попита Прайбиш с известно съмнение* (Д. Димов). Подробно о правилах формирования цепочек клитик см. 5.2.

В русском языке расположение местоименных форм дат. и винит. падежа относительно друг друга не закреплено строгим правилом:

> *Он покупал — теперь уже за свои — фрукты писательнице и носил **ей их** раз в неделю, по субботам* (Г. Щербакова); *…изменить всю внешнюю политику, как мы излагали **ему ее** на последней встрече в Завидово* (А. Проханов); *Я посолил кусок хлеба и протянул **его ей**, но она оттолкнула его* (Л. Добычин); *Еще подумала: отдам **его им**, а с кем останусь сама?* (В. Войнович); *Толстая аккуратно **ей его** бросила, и та так же аккуратно его поймала* (В. Месяц); *Им не нужно твое припрятываемое, но ты **его им** отдай* (В. Маканин).

Закономерности словопорядка наблюдаются в русском языке в тех случаях, когда косвенное дополнение обозначает лицо и выражено местоимением, а прямое дополнение называет предмет. При этих условиях дат. падеж косвенного дополнения размещается непосредственно после управляющего глагола и предшествует

прямому дополнению [Розенталь 1988]: *Стараясь не смотреть на нее, он протянул* ***ей конверт*** (Ю. Герман).

В болгарском языке описанные условия также позволяют аналогичный порядок слов. Ср. контексты с косвенным дополнением, выраженным неопределенным местоимением: *...още не съм чула някой някъде да е подарил* ***някому втората си риза*** (Б. Райнов). '...я еще не слыхала, чтоб кто-то подарил *кому-то свою вторую рубашку*' (пер. С. Никоненко).

5.1.1.2. Вернемся к правилу, в соответствии с которым болгарское прямое дополнение, выраженное существительным, размещается непосредственно за сказуемым [Георгиева Е. 1974: 42; ГСБКЕ 1983-3: 275]. Это правило сформулировано относительно стилистически нейтральной письменной речи[4]. Но даже для этой функциональной сферы оно далеко не всегда соблюдается. Е. Георгиева, автор цитируемой здесь книги и посвященного порядку слов раздела в академической болгарской грамматике [ГСБКЕ 1983-3], отмечает, что при одновременном использовании прямого и двух косвенных дополнений в соответствии с нормой за сказуемым следует одно из косвенных дополнений, за ним располагается прямое и далее — второе косвенное: *Някои запазени в град Дубровник търговски тефтери и лични завещания дават* ***на обществото ценни сведения за София*** [Георгиева Е. 1974: 45]. В примере, приведенном Е. Георгиевой, второе косвенное дополнение (в другой интерпретации — несогласованное определение) подчинено прямому дополнению, а не непосредственно сказуемому. Поэтому данный пример служит лишь иллюстрацией того факта, что в нейтральной болгарской речи выраженное существительным косвенное дополнение может следовать непосредственно за сказуемым и предшествовать прямому дополнению.

Многочисленные случаи неконтактного расположения сказуемого и прямого дополнения, не связанные с условиями речевой актуализации, усугубляют сомнения относительно существования в болгарском языке строгого правила о контактной постпозиции прямого дополнения относительно сказуемого.

В связи с нормативным для болгарского языка размещением обстоятельства образа действия после сказуемого это обстоятельство особенно часто занимает в составе ремы позицию между сказуемым и прямым дополнением. В русском языке в подобных контекстах контактное расположение сказуемого и прямого дополнения сохраняется вследствие стандартной препозиции обстоятельства образа действия по отношению к сказуемому. Ср.: *Борислав //* ***произнася*** *бавно* ***съответния адрес*** (Б. Райнов). 'Борислав // медленно *выговаривает адрес*' (пер. С. Никоненко);

[4] В исследованиях, посвященных языковым особенностям болгарской разговорной речи, делаются оговорки типа следующей: «Существует ряд оснований, связанных со словорасположением в разговорной речи и в диалектах, из-за которых эта модель [порядок слов SVO. — *А. Г.*] может быть названа не основной, а, скорее, исходной, начальной — в реальной речевой коммуникации реализуются ее варианты или трансформации» [Тишева 2009б: 244]. Об изменениях в словорасположении в зависимости от актуального членения болгарского предложения см., напр., [Коева 1995: 210—229].

*Доротея // **огледа** предпазливо **обстановката*** (П. Вежинов). ‘Доротея // опасливо *оглядела комнату*’ (пер. М. Тарасовой)[5].

В русских текстах при нейтральном словопорядке из двух зависимых от сказуемого падежных форм непосредственно за ним следует та, которая, оказавшись в конечной позиции, вопреки коммуникативным намерениям автора речи могла бы быть воспринята как самостоятельная рема [РГ 1980-2: § 2164]. В связи с этой закономерностью пространственные словоформы (локатив, латив, элатив, трасса), например, часто располагаются сразу после сказуемого, а прямое дополнение следует за ними. Размещение пространственных словоформ после прямого дополнения могло бы привести к их рематизации. Ср.: *Босталоева // сложила **в чемодан** два запасных платья, ведомость потребных стройматериалов и оборудования, белье*… (А. Платонов) и *Босталоева сложила два запасных платья // **в чемодан***…

В стилистически нейтральных болгарских текстах пространственные словоформы также часто оказываются в позиции после глагола и перед прямым дополнением. Ср.:

*Надявах се да видя **тук** един познат*… (Б. Райнов). ‘Я надеялся встретить *тут* одного знакомого…’ (пер. С. Никоненко);

*Наистина преди години често взимах **в колата си** случайни хора* (П. Вежинов). ‘Раньше я часто брал *в машину* случайных попутчиков’ (пер. Р. Белло);

*Само при един поглед на Сеймур жената изважда **от шкафа** бутилка уиски, шише минерална вода и чаши* (Б. Райнов). ‘Достаточно одного взгляда Сеймура, и она уже достает *из шкафа* виски, бутылку воды и стаканы’ (пер. С. Никоненко).

См. также в переводах с русского: *Незнакомец немедленно вытащил **из кармана** портсигар*… (М. Булгаков). ‘Непознатият тутакси извади *от джоба си* табакера…’ (пер. Л. Минковой).

Позицию между переходным глаголом и прямым дополнением могут занимать и другие болгарские обстоятельственные компоненты, в частности обстоятельства времени, которые, по замечанию Е. Георгиевой, характеризуются относительной свободой расположения и не имеют в предложении закрепленной за ними позиции [Георгиева Е. 1974: 83—84]: *Южна Корея изпрати **вчера** танкер, натоварен с 6,2 хил. тона петрол за Северна Корея* (газ. «Сега»).

Вместе с тем некоторые схемы словорасположения, возможные в русском языке при определенных условиях актуализации, в болгарском языке допустимы лишь в случаях стилизации текста. Так, действующие в русском языке механизмы топикализации могут привести к размещению подлежащего между сказуемым в инициальной позиции и прямым дополнением: *Очертил **Бездомный** главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, // очень черными красками* (М. Булгаков). В болгарском переводе сказуемое и прямое дополнение контактны: ***Бездомни** беше обрисувал главното действуващо лице в поемата, тоест Иисус, с много*

[5] Подробнее о позиции обстоятельства образа действия см. ниже.

тъмни краски (пер. Л. Минковой). Ср., однако, размещение болгарского подлежащего между сказуемым и прямым дополнением при стилизации под народный эпос: *Залюбил е* ***млади Камен*** *Цена хубавица* (И. Вазов).

5.1.1.3. Остановимся подробнее на некоторых случаях коммуникативно обусловленного изменения нейтрального порядка слов в предложениях с прямым дополнением.

В русских текстах очень широко распространено явление топикализации прямого дополнения. При топикализации прямое дополнение вычленяется из рематической группы сказуемого и выносится в абсолютное начало предложения в позицию темы: ***Данную в штабе подписку*** *Марютка // держала крепко* (Б. Лавренев). Ср. исходную структуру: *Марютка // крепко держала данную в штабе подписку*. Далее мы будем использовать понятие *топик* по отношению к прямому дополнению, оказавшемуся в инициальной позиции не только в результате его вынесения из состава ремы исходной конструкции, но и вследствие перестановок в составе темы.

Топикализация прямого дополнения возможна и в болгарском языке, однако сфера ее использования ограничена рамками разговорной речи. В жанрах художественной литературы конструкции с вынесенным в начальную позицию тематическим дополнением передают характерные черты устного общения или являются особенностью стиля писателя:

> ***Тая история за двете ризи я*** *слушаме вече две хиляди години* (Б. Райнов); ***Кафето*** *той сам си* ***го*** *прави в стъклена колба…* (Б. Райнов); [*И наистина, случило се е нещо невероятно:*] ***всесилните самоковски бейове, които пет пари не дават за султанските фермани****, Чакъра* ***ги*** *стряска* (Н. Хайтов).

Приведенные примеры показывают, что топикализация дополнения в болгарском языке обычно сопровождается его дублированием краткой формой личного местоимения. Винительный падеж клитики указывает на позицию объекта и устраняет возможность неразличения подлежащего и прямого дополнения[6].

Отсутствие дублирующей местоименной клитики, по мнению Е. Георгиевой, является показателем использования прямого дополнения в составе ремы [Георгиева Е. 1974: 75] (см. об этом ниже). Добавим, что вынесение прямого дополнения в позицию темы и превращение его в топик возможно и без участия дублирующей клитики:

> ***Памида*** *// изтърсваха небрежно в каци и кошове, // а* ***кехлибареножълтия болгар и мискета, покрит със синкав прах****, // нареждаха грижливо в плитки сандъчета…* (Д. Димов); ***Влажните бали*** *поставяха // в горните етажи, // а* ***сухите*** *// — в долните или в избата* (Д. Димов); ***Тази щипка трева*** *скитникът е откъснал // близо край камъшите на утайника* (Й. Радичков).

[6] Из довольно многочисленных работ, исследующих проблемы удвоения дополнения в болгарском языке с позиций генеративной грамматики, см., напр., [Карастанева 2008; Arnaudova 2010; Арнаудова 2013].

Очевидно, отсутствие в наших примерах клитики связано с желанием писателя избежать стилистической окраски разговорности, характерной для конструкций с дублирующим дополнение кратким личным местоимением.

Особенно интересны контексты, в которых маркером позиции прямого дополнения является возвратно-притяжательное местоимение. В доступной нам литературе по болгаристике не удалось найти указаний на то, что болгарское возвратно-притяжательное местоимение в полной и краткой форме (*свой* и *си*) не способно употребляться при именах в позиции подлежащего[7]. Тем не менее, в отличие от прилагательного *собствен*, возвратно-притяжательные *свой* и *си* при имени в этой позиции не используются*: **Собствената** риза е най-близо до гърба*; **Своята** риза е най-близо до гърба*; **Ризата* ***си*** *е най-близо до гърба*. Ср. русское ***Своя*** *рубашка ближе к телу*.

Невозможность употребления возвратно-притяжательного местоимения при подлежащем превращает его в маркер неноминативных позиций. Очевидно, с этим связано отсутствие дублирующей дополнение личной клитики в следующем болгарском переводе русского предложения:

> ***Чай*** *он всегда пил // с легким отвращением* (В. Пелевин). ‘*Чая си* той винаги пиеше // с леко отвращение’ (пер. И. Попова).
>
> Ср. также: ***Дипломите си*** *ще получат // 138 офицери и студенти, обучавани в 7 акредитирани специалности* (md.government.bg); ***Запитванията си*** *можете да направите // на електронната поща…* (nani-na.biz); ***Подаръците си*** *ще вземат // на 25 декември в детския коледен град* (news.bg) и под.

Обратим внимание на то, что в использованном иллюстративном материале дополнения, занимающие начальную позицию, выражены словоформами, которые имеют определенный референциальный статус, — именами в членной форме (словоформами с определенным постпозитивным артиклем) и существительными с предшествующим указательным местоимением. Именно референтность таких дополнений позволяет дублировать их кратким личным местоимением.

Можно было бы предположить, что невозможность продублировать клитикой дополнение, выраженное нереферентным именем, затрудняет его тематизацию в текстах переводов с русского. Так, в следующих примерах тематическое прямое дополнение оригинала в болгарском переводе заменено рематическим:

> *…а* ***соцстрах*** *можете за меня не платить* (Ильф и Петров). ‘Може да не ми плащате *социални осигуровки*’ (пер. Т. Баловой); [*Та шевелила губами, считая петли.*] ***Недоумения*** *не выказывала* (Б. Акунин). ‘[Тя мърдаше устни — броеше примките.] Не изрази *никакво недоумение*’ (пер. С. Бранц).

---

[7] Р. Ницолова, перечисляя синтаксические факторы, влияющие на выбор возвратно-притяжательного или личных притяжательных местоимений, говорит и о синтаксических функциях объекта обладания [Ницолова 2008а: 172—173], однако об указанной выше особенности не упоминается.

Необходимо отметить, однако, два обстоятельства. Во-первых, в болгарском языке грамматически допустима тематизация прямого дополнения, выраженного нереферентным именем. Так, в следующем примере нечленная именная форма дополнения находится в позиции топика: [*Остава едно портиерско място.*] ***Заплата*** *// на първо време, разбира се, не мога да ви обещая* (Б. Райнов). Ср. также использование конструкции с неначальным тематическим прямым дополнением в переводе с русского: *Я **чужого** // в жизни не возьму* (В. Пелевин). ‘Аз *чужди неща* // през живота си не съм взимала’ (пер. И. Попова)[8].

Во-вторых, тексты переводов с русского языка на болгарский дают многочисленные примеры замены русского тематического прямого дополнения болгарским рематическим и в тех случаях, когда дополнение представлено референтной именной группой и, следовательно, при переводе может быть использовано предложение с дублирующей клитикой, т. е. та структура, которая ясно разграничивает позиции подлежащего и прямого дополнения. Тем не менее вместо использования стилистически маркированной конструкции переводчик изменяет коммуникативное членение оригинала:

> ***Эту поэму*** *Иван Николаевич // сочинил, и в очень короткий срок*… (М. Булгаков). ‘Иван Николаевич // беше написал *поемата*, и то в много кратък срок…’ (пер. Л. Минковой);
>
> ***Этого свиста*** *Маргарита // не услыхала* (М. Булгаков). ‘Маргарита // не чу *това изсвирване*’ (пер. Л. Минковой);
>
> ***Барона*** *// обступили со всех сторон* (В. Пелевин). ‘Обкръжиха *барона* от всички страни’ (пер. Б. Пенчева);
>
> ***Прядку-то*** *// подбери, стыдно* (Б. Акунин). ‘Прибери *тоз кичур*, срамота’ (пер. С. Бранц).

Заметим, что довольно часто в стремлении сохранить коммуникативное членение оригинала переводчик выбирает конструкцию, которая позволяет участника, выраженного в русском предложении тематическим прямым дополнением, представить в позиции подлежащего. Из таких конструкций особо выделим распространенный в болгарском языке пассив. Ср.: ***Серый берет*** *он // лихо заломил на ухо* (М. Булгаков). ‘*Сивата му барета* // беше накривена предизвикателно над ухото’ (пер. Л.Минковой).

Сопоставление оригинальных русских текстов с их переводом на болгарский язык оказывается достаточно информативным. Так, нежелание переводчика использовать болгарскую конструкцию с местоименной клитикой, дублирующей тематическое прямое дополнение, является доказательством стилистической окрашенности этой структуры. Замена русского предложения с прямым дополнением в начальной позиции болгарской конструкцией пассива свидетельствует о функциональной эквивалентности этих построений.

---

[8] Об использовании аналогичных структур в современной болгарской устной речи см. [Ангелова 1988].

Что касается болгарских структур с начальным тематическим прямым дополнением без дублирующей клитики и без возвратно-притяжательного местоимения (независимо от того, может быть использована клитика или нет, т. е. независимо от референтности или нереферентности дополнения), то их фиксации в переводах с русского единичны. Последнее говорит о том, что названные конструкции отнюдь не относятся к числу типичных для болгарского литературного языка построений. Начальное тематическое прямое дополнение без дополнительных маркеров синтаксической позиции может быть принято за подлежащее, поэтому подобные структуры не могут получить в письменных текстах широкого распространения. В современной устной речи они, однако, нередки, и этот факт нашел отражение в болгарской лингвистической литературе [Ангелова 1988].

Очевидно, среди этих конструкций шанс на «выживание» в письменной речи имеют построения с некоторым набором семантических и грамматических признаков, позволяющих отличить подлежащее от прямого дополнения. В качестве примера приведем предложения с начальным прямым дополнением в составе темы и рематическим подлежащим, в которых интересующие нас позиции занимают именные группы, различающиеся по согласовательным категориям. Из этих именных групп как подлежащее воспринимается то, которое согласуется со сказуемым: *Изборите тук спечели // Иван Кардамов…* (С. Цанев). Ср. также в переводе: *Такие штуки может отколоть // любой профессионал-гипнотизер средней силы…* (М. Булгаков). ‘Такива номера може да прави // всеки средно способен професионалист хипнотизатор…’ (пер. Л. Минковой).

В русском языке очень распространены так называемые безличные конструкции с прямым дополнением в позиции топика: ***Фургон*** *// отбросило в сторону по касательной, закрутило и перевернуло резким борцовским рывком вверх колесами* (А. Логинов).

В болгарских текстах подобные бесподлежащные построения неупотребительны. Их закреплению и распространению в языке препятствует тот факт, что при отсутствии в составе глагольной формы однозначного маркера безличности инициальная беспредложная форма имени идентифицируется как подлежащее. В переводах с русского языка такие конструкции заменяются личными предложениями, в которых участник, выраженный русским прямым дополнением, занимает позицию подлежащего: ***Грозу*** *// унесло без следа* (М. Булгаков). ‘*Бурята* // отмина безследно’ (пер. Л. Минковой); ***Плащ Воланда*** *// вздуло над головами всей кавалькады* (М. Булгаков). ‘*Наметалото на Воланд* // се изду над главите на цялата кавалкада’ (пер. Л.Минковой).

Русские безличные модальные конструкции с начальным прямым дополнением в составе темы также не имеют аналогичных соответствий в болгарском языке. Одним из функциональных эквивалентов этих структур является болгарский пассив. Ср.: ***Этого*** *установить // не удалось* (М. Булгаков). ‘*Те* // не можаха да бъдат установени’ (пер. Л. Минковой); *…**ее** из Зоны выносить // нельзя* (А. и Б. Стругацкие). ‘*…тя* // не бива да се изнася от Зона’ (пер. М. Асадурова).

Проблематична для болгарского языка тематизация занимающей позицию прямого дополнения *да*-конструкции. В русском же языке нефинитные клаузы, функционально эквивалентные болгарской *да*-конструкции, легко занимают позицию темы. Ср.: *…оправившись после сабельного ранения,* ***вновь брать в руки оружие*** *он // не пожелал* (Б. Акунин). '…подир възстановяването си от сабленото ранение // не пожела повече *да хване оръжие*' (пер. С. Бранц).

5.1.1.4. Ударное прямое дополнение, располагающееся в составе ремы перед сказуемым, характерно для разговорных русских конструкций. Такие конструкции широко употребительны и в художественных текстах.

Аналогичные построения частотны и в болгарской разговорной речи, причем препозиция ударного прямого дополнения по отношению к сказуемому не связана с референтным статусом именной группы в роли дополнения. Ср.: *Аз //* ***прасето си*** *бях загубил нощес* (Й. Радичков); *Така ще го направя, че //* ***кокалите си*** *няма да събере* (Й. Радичков); *А насреща //* ***два портрета*** *съм си окачил* (Вен. Ерофеев, пер. И. Тотоманова; в оригинале: *А напротив — // висят два портрета*).

В болгарских художественных текстах эти структуры, однако, не имеют широкого распространения, что связано, очевидно, с их яркой разговорностью и невозможностью передать в письменной речи интонационную маркированность дополнения. В исследованных нами переводах русское препозитивное прямое дополнение последовательно заменяется болгарским постпозитивным: *...оттого, что я в храме* ***яблоки*** *просыпала* (Б. Акунин). '…задето в храма бутнах *ябълките*' (пер. С. Бранц); [*Но этого всего ему мало показалось,*] *возмечтал он* ***некую особую, прежде еще не бывалую породу*** *вывести* (Б. Акунин). '[Но всичко това му беше малко,] той забленува да създаде *някаква особена, небивала досега порода*' (пер. С. Бранц).

Аналогичной перестановке компонентов подвергаются при переводе и русские предложения с расположенным в составе ремы перед сказуемым неударным прямым дополнением: *А бригадир* ***документы*** *посмотрел и говорит…* (В. Пелевин). 'А бригадирът погледна *документите* му и казва…' (пер. И. Попова); *...а мужичок* ***сумку*** *бросил — и бежать* (Е. Лукин). '…а човекът хвърли *чантата* — и беж' (пер. И. Попова).

Для русских отрицательных, неопределенных и указательных местоимений-существительных, употребляющихся в составе ремы в функции прямого дополнения, обычным является расположение перед сказуемым. В болгарских нейтральных конструкциях местоимения-существительные указанных разрядов нормативно постпозитивны по отношению к сказуемому, причем отрицательные местоимения интонационно выделены, в отличие от русских, обыкновенно неударных. Ср.:

И изведнъж ми се стори странно, че досега не бях чул ***нищо*** *за него* (П. Вежинов). 'И мне показалось странным, что я до сих пор *ничего* о нем не знал и не слышал' (пер. Р. Белло);

Омир не разказва ***нищо*** *за по-сетнешната съдба на героя* (Т. Жечев). 'Гомер *ничего* не рассказывает о дальнейшей судьбе Одиссея' (пер. Е. Фалькович);

«*В нашей стране атеизм* ***никого*** *не удивляет», — дипломатически вежливо сказал Берлиоз* (М. Булгаков). ‘«В нашата страна атеизмът не учудва *никого*» — каза с дипломатическа учтивост Берлиоз’ (пер. Л. Минковой);

След като сложите ***нещо*** *отгоре си* (Б. Райнов). ‘После того как вы на себя *что-нибудь* набросите’ (пер. С. Никоненко);

Тя, изглежда, разбра ***това*** (П. Вежинов). ‘Она, похоже, *это* поняла’ (пер. М. Тарасовой).

5.1.1.5. И в русских, и в болгарских экспрессивных конструкциях прямое дополнение может выступать в качестве препозитивной ремы. Ср.:

[*Я теперь что надо вспомнил.*] ***Адрес*** *// вспомнил* (М. Успенский). ‘[Сега си спомних каквото трябва.] *Адреса си* // спомних’ (пер. И. Попова);

«[*Нет, вы не ослышались, — учтиво ответил Берлиоз, —*] ***именно это*** *// я и говорил*» (М. Булгаков). ‘«[Не, не грешите — учтиво отвърна Берлиоз, —] *тъкмо това* // казах»’ (пер. Л. Минковой).

Разговорная речь является основной сферой функционирования болгарских структур с прямым дополнением в функции препозитивной ремы. Сравнительно редко встречающиеся в художественной прозе, эти конструкции, однако, характерны для стиля отдельных писателей. См., напр., у Й. Радичкова в рассказе «Змийски сняг»: ***Кротост и смирение*** *излъчваше гробището,* [*само дивата шипка по края стърчеше предизвикателно с алените си плодове*].

Как видно из приведенных примеров, использование болгарского прямого дополнения в роли препозитивной ремы экспрессивных предложений не связано с референтностью или нереферентностью являющейся дополнением именной группы. Прямое дополнение в подобных предложениях не дублируется краткой формой личного местоимения.

Таким образом, некоторые установленные для болгарской письменной нейтральной речи нормы не подтверждаются существующей языковой практикой. Так, кодифицированная контактность сказуемого и прямого дополнения реально нарушается многими обычными для нейтральной речи схемами словорасположения.

Размещение прямого дополнения в русских и болгарских конструкциях регулируется общими закономерностями, действие которых в болгарском языке ограничивается его именным аналитизмом.

Несоответствия в расположении русских и болгарских прямых дополнений наблюдаются в случае их выражения личными местоимениями. Строгие правила размещения болгарских клитик контрастируют с более свободным расположением русских местоименных форм.

Имеются расхождения в линейном следовании компонентов отдельных русских и болгарских схем словопорядка. Так, русская нейтральная последовательность «обстоятельство образа действия + сказуемое + прямое дополнение» не совпадает

с нейтральной болгарской «сказуемое + обстоятельство образа действия + прямое дополнение».

В сравнении с русским в болгарском языке сфера использования конструкций с прямым дополнением, вынесенным в позицию темы, очень ограничена. Обычные для болгарской разговорной речи, эти структуры не являются предпочтительными для письменных стилей.

Именной аналитизм, препятствующий топикализации прямого дополнения в письменной нейтральной речи, является причиной отсутствия в болгарском языке безличных конструкций с тематическим прямым дополнением, т. е. таких построений, которые в русском языке широко распространены.

Расположение болгарского прямого дополнения в составе постпозитивной ремы перед сказуемым связано с интонационной маркированностью дополнения. Конструкции с таким словопорядком распространены в болгарской разговорной речи, но не типичны для речи письменной. Та же особенность характеризует и болгарские экспрессивные предложения с прямым дополнением в функции препозитивной ремы. В письменных текстах болгарские схемы словорасположения, в которых прямое дополнение предшествует сказуемому, лишаются интонационной поддержки. Необходимость ясно различать синтаксические позиции исключает такие схемы из числа предпочтительных для письменных стилей. В русском языке, маркирующем позиции, в первую очередь, падежными флексиями, распространение аналогичных структур не может получить подобных ограничений.

5.1.2. Позиции подлежащего и сказуемого

Далее будут сопоставлены отдельные русские и болгарские схемы расположения главных членов предложения — подлежащего и сказуемого.

5.1.2.1. Взаиморасположение подлежащего и сказуемого

В русских стилистически нейтральных коммуникативно расчлененных предложениях подлежащее-тема предшествует сказуемому-реме: *Квартира молчала. Полоска, выпадавшая из спальни Елены, потухла* (М. Булгаков). Коммуникативно нерасчлененные предложения нейтральной русской речи характеризуются расположением подлежащего после сказуемого: *Шумела папиросная бумага юбочек и плащей, качались на проволочных стеблях искусственные розы, струились шелковые ленты бубна* (В. Катаев).

В болгарском языке при аналогичных условиях порядок следования подлежащего и сказуемого соответствует русскому. Так, в качестве основной и обычной для болгарского языка модели словорасположения кодифицируется последовательность подлежащее — сказуемое [ГСБКЕ 1983-3: 274]: *Слънцето бе изгряло, но оставаше скрито зад тънки облаци* (Д. Талев). Предшествование сказуемого подлежащему академическая грамматика связывает с особенностями семантики используемого глагола и высказывания в целом [Там же], но все указанные грамматикой условия имеют место при коммуникативной нерасчлененности предложения:

Наближаваше краят на август… (Д. Димов); *Започват да се нижат дните, равни и монотонни*… (Й. Радичков); *Мяркат се кожуси, пъстри поли, бели забрадки, широки шалове, превързани чак през кръста, каскети и калпаци* (Й. Радичков).

В русских стилистически нейтральных предложениях с начальным обстоятельственным детерминантом-темой и ремой, включающей всю предикативную группу, подлежащее следует за сказуемым: *В дверях // стоял Чапаев с никелированным маузером в руке* (В. Пелевин); *Днем // с приятным ровным гудением бегали трамваи с желтыми соломенными пухлыми сиденьями, по образцу заграничных* (М. Булгаков).

Е. Георгиева, говоря о позиции в предложении обстоятельства места, связывает его контактную препозицию по отношению к глаголу-сказуемому с теми случаями, когда сказуемое предшествует подлежащему [Георгиева Е. 1974: 49]. В сущности, речь идет о конструкциях, аналогичных только что приведенным русским, т. е. о предложениях с детерминирующим обстоятельством-темой и предикативной группой в позиции ремы. Ср.: *Вдясно от нас // слизаше пропаст с червеникави, сякаш ръждясали скали, // а в дъното ѝ // растяха смърчове* (А. Дончев); *По песъчливата и рохкава почва между дънерите // сновяха с кошници гроздоберците — повечето млади хора* (Д. Димов). Такой же порядок слов характеризует болгарские предложения с детерминирующим обстоятельством времени: *Към края на седмицата // задуха топъл и сух вятър* (Э. Станев); *Подир метежа // дойде войска*… (Й. Радичков).

Таким образом, болгарское словорасположение при перечисленных условиях соответствует русскому.

Сказуемое может предшествовать подлежащему в контекстуально зависимых русских и болгарских предложениях. См. примеры с рематическим подлежащим и сказуемым, образующим тему или входящим в ее состав:

> [*Но Даше почему-то все эти ужасы казались убогими.*] *По-настоящему понравился ей // только Телегин* (А. Толстой); [*...в общем-то здания не изменились.*] *Не изменился // и зенковский центр города* (Ю. Домбровский); [*Лестница долго скрипела.*] *Поднимался // кто-то солидный, большого веса человек* (М. Булгаков); [*Человеку, в сущности, очень немного нужно.*] *И прежде всего ему нужен // огонь* (М. Булгаков);
>
> [*Войводата мълчи.*] *Мълчат // и двамата негови помощници Дикята и Месаро*… (Н. Хайтов); [*Дъщерята на старшията не издаде нищо пред учителите, но твърдо отказа да влезе в кръжоците.*] *Пречеха ѝ // дребното охолство, сладникавата мечтателност* (Д. Димов); *Тук работеха // бременни жени*… (Д. Димов); *Затворени или полузатворени бяха // и повечето от дюкяните из чаршията*… (Д. Талев).

Сказуемое находится перед подлежащим и в экспрессивно окрашенных предложениях с инвертированным расположением компонентов актуального членения — препозитивной ремой и постпозитивной темой: *И то, ловок стал // Лукашка твой*, [*— прибавил урядник, обращаясь к старику*] (Л. Толстой); *Сухой, неприятный*

человек // Еремей Перепелкин (Б. Акунин); *Каменен е // моят край* (Й. Радичков); *Лудост е // всичко това* [*— рече тя твърдо*] (Э. Станев). Ср. также в русском оригинальном тексте и его переводе на болгарский язык: *Хорош лицом // заволжский епископ*… (Б. Акунин). ‘Хубавец е в лице // заволжкият архиепископ…’ (пер. С. Бранц).

Для болгарского языка препозиция оценочного или модального именного предиката-ремы достаточно частотна и используется не только в художественной, но и в разговорной речи. В русском языке подобные конструкции более характерны для стилистически окрашенной художественной речи, поэтому при переводе подобных болгарских разговорных конструкций на русский язык часто восстанавливается нейтральный порядок компонентов. Ср.: «*Хубаво нещо са // ваканциите*» *— кимам* (Б. Райнов). ‘«Отпуск // — чудесная вещь», — соглашаюсь я’ (пер. С. Никоненко).

В позиции подлежащего-темы рассматриваемых болгарских построений часто оказывается *да*-конструкция: *Грях е // да пипаш хляб и каквато и да е храна с нечисти ръце*… (Д. Талев). В русских переводах таких предложений инвертированный словопорядок обычно устраняется и рема занимает свое обычное, нейтральное, постпозитивное положение. Ср.:

> *Изключено е // да се сетиш за Сеймур и да продължиш да се храниш с апетит* (Б. Райнов). ‘Думать про Сеймура и одновременно с аппетитом есть // — невозможно’ (пер. С. Никоненко);
>
> *Излишно е // да се въртя повече тук и да привличам вниманието на съседите* (Б. Райнов). ‘Но и тут крутиться и привлекать внимание соседей // не следует’ (пер. С. Никоненко).

Такое решение переводчиков, очевидно, объясняется желанием сохранить коммуникативную расчлененность предложения, так как препозиция оценочного или модального компонента в русском привела бы к невозможности выделения темы. Ср.: *Невозможно думать про Сеймура*…; *Не следует тут крутиться*…

В стилистически окрашенных русских предложениях сказуемое часто оторвано от зависимых от него дополнений и обстоятельств и вынесено из состава ремы в позицию топика. Между сказуемым и членами его группы располагается подлежащее: *Работал папа // десятником на дровозаготовках*… (В. Астафьев); *Появился он здесь // недавно* (А. Толстой); *Жил Шамет // в лачуге на окраине города* (К. Паустовский). В болгарском языке такой словопорядок тоже возможен: *Поработи Стоян // около два часа време* (Д. Талев). Встречается он, однако, достаточно редко (ср. [Васева 1982: 185])[9], поэтому при переводе русских конструкций с топикализованным сказуемым на болгарский язык обычно восстанавливается нейтральное словорасположение:

---

[9] О коммуникативных целях и текстовых функциях подобных конструкций (предложений с рецессией темы), а также о стремлении к цельности рематического поля как факторе, оказывающем влияние на структуру болгарского высказывания, см. в главе III.

Родился заволжский преосвященный // в знатном придворном семействе… (Б. Акунин). ‘Негово заволжко преосвещенство // бе роден във видно придворно семейство…’ (пер. С. Бранц);

Помещался «Драфт Подиум» // в подвале старого кирпичного дома недалеко от центра (В. Пелевин). ‘«Драфт Подиум» // се помещаваше в мазето на стара тухлена сграда близо до центъра’ (пер. И. Тотоманова).

В русском повествовательном стиле расположение подлежащего между начальным сказуемым и компонентами его группы может характеризовать предложения с устно-поэтической или разговорной окраской. Подлежащее-тема разрывает рематическую часть предложения, которую составляет группа сказуемого: *Вынесли // бабы // Валентина на улицу и положили его в подворотне* (И. Бабель). При тех же стилистических условиях возможны и аналогичные болгарские конструкции: *Изчезва // Милойко // в тъмното*, [*чак сега се осмелявам да въздъхна дълбоко*] (Й. Радичков). Ср. в переводах с русского: *Иду // я, // значит, из ресторана, один* (В. Пелевин). ‘Излизам значи // аз // от ресторанта, сам’ (пер. И. Попова); *Залез // он // на табурет рядом и говорит Эрнесту…* (А. и Б. Стругацкие). ‘Покачи се // той // на съседното столче и казва на Ърнест…’ (пер. М. Асадурова). См. также пример из [Радева П. 2012: 237]: *Пътуваме ние с автобуса и…*

5.1.2.2. Взаиморасположение компонентов составного сказуемого

При определенных коммуникативных условиях в русском языке частотны различные виды инверсии частей составного сказуемого.

Модальный или фазисный компонент русского составного глагольного сказуемого часто используется в конце предложения — в позиции актуализации, в связи с чем инфинитивный компонент оказывается в препозиции к спрягаемой глагольной форме, ср. [Ковтунова 1976: 189]. Функционально эквивалентная русскому инфинитивному обороту болгарская *да*-конструкция редко подвергается такой инверсии[10], ср. русский текст и его перевод на болгарский язык: …***поднять-то*** *я ее* ***мог****…* (А. и Б. Стругацкие). ‘…*да я вдигна мога…*’ (пер. М. Асадурова). Обычно же препозиция *да*-конструкции по отношению к спрягаемому глаголу избегается, о чем свидетельствуют и тексты переводов на болгарский:

…никакого другого пути я ***придумать*** *сейчас* ***не мог*** (А. и Б. Стругацкие). ‘…сега *не можех да измисля* нищо друго’ (пер. М. Асадурова);

От серьезности вопроса владыка испытал облегчение и ***конфузиться*** *сразу* ***перестал*** (Б. Акунин). ‘Олекна му от сериозността на въпроса ѝ и той веднага *престана да се смущава*’ (пер. С. Бранц);

Может, ты со мной больше ***встречаться не захочешь*** (А. и Б. Стругацкие). ‘Ти може би повече *няма да искаш да се срещаш* с мен’ (пер. М. Асадурова).

[10] Примеры инвертированного словопорядка, в которых компонент составного сказуемого с частицей *да* (*да*-конструкция) находится в препозиции и выделяется логическим ударением, приводятся в [Георгиева Е. 1974: 87]: *Да пише може // детето*; *Да пиша // трябва*; *Да пишеш // можеш*; *Да дойда // искам*.

Характерное для русского языка вынесение инфинитива в препозицию по отношению к спрягаемому глаголу в составе темы также не находит аналогичных по частоте употребления болгарских соответствий, ср.: ***Стоить-то*** *она* ***может*** *// много*, [*— сказал Гриша*] (В. Пелевин). ‘*Може да струва* // много [— каза Гриша]’ (пер. И. Попова).

В русской разговорной речи компоненты составного глагольного сказуемого часто разрываются другими членами предложения — подлежащим, дополнениями, обстоятельствами. Для болгарского языка подобное явление нельзя считать типичным, так как компоненты сказуемого в болгарском обыкновенно располагаются контактно. Ср.:

По прирожденному любопытству ***не могла*** *сестра* ***пройти*** *мимо такого события*… (Б. Акунин). ‘С вроденото си любопитство сестрата *не можеше да подмине* такова събитие…’ (пер. С. Бранц);

Сестра Пелагия ***хотела*** *руку за спину* ***спрятать***… (Б. Акунин). ‘Сестра Пелагия *понечи да скрие* огледалцето зад гърба си…’ (пер. С. Бранц);

…а кроме того, Зону ***собираются*** *стеной* ***огородить*** *от кладбища до старого ранчо* (А. и Б. Стругацкие). ‘…а освен това *смятат да оградят* Зоната със стена — от гробищата до старото ранчо’ (пер. М. Асадурова).

Вместе с тем не существует строгого запрета на дистантное расположение компонентов болгарского составного глагольного сказуемого. Чаще всего между частями сказуемого оказываются обстоятельства. См. в оригинальной болгарской художественной литературе:

Инвалид и вече застарял, той ***започна*** *внезапно* ***да се грижи*** *за имота, останал от баща му* (Э. Станев); *…така че, без никому да се зловиди, Христо* ***можел*** *на воля* ***да стреля***… (Н. Хайтов); *Докато* ***се мъчеха*** *в паниката* ***да се прегрупират*** *и да дадат отпор*… (Г. Христов).

Ср. также в переводах с русского:

Рэдрик вытащил сигарету, закурил, подобрал с пола какой-то журнал и ***принялся*** *его рассеянно* ***перелистывать*** (А. и Б. Стругацкие). ‘Редрик запали цигара, вдигна от пода някакво списание и *захвана* разсеяно *да* го *разглежда*’ (пер. М. Асадурова);

Смутившись, Пелагия ***принялась*** *многословно* ***оправдываться***… (Б. Акунин). ‘Пелагия се смути и *взе* многословно *да се оправдава*…’ (пер. С. Бранц).

Инвертированное расположение компонентов составного именного сказуемого и в русском и в болгарском языках наблюдается при препозиции сказуемого-ремы в экспрессивно окрашенных предложениях. См. примеры, приведенные выше, а также: *Хороший был // век*… (Д. Быков); *Старым стал // дядя Мирон*… (Э. Успенский); *Какъв рунтав беше // нашият Марчо*… (Й. Радичков); «[*Виждаш ли, Милойко — каза Леко Алексов,*] *— като бръснач стана // длетото*» (Й. Радичков).

Аналогичный порядок компонентов составного именного сказуемого характеризует русские и болгарские конструкции с вопросительной частицей *ли* и вопросительными или относительными местоимениями в группе сказуемого:

> *Не прав ли был сэр Артур Эддингтон со своей теорией эмергентной вселенной?* (А. Пятигорский); «*Глупав ли беше Райхерт?*» [*— попита Бенц*] (Д. Димов); [*Посмотрите,*] *каким большим стал фикус,* [*отросток которого ваша мама мне дала*] (В. Брагин); [*Твърде е възможно, поручик Хиршфогел, да повярвате някога*] *колко невинно беше всичко това* (Д. Димов).

Отметим также расположение именной части сказуемого перед связкой в контекстуально зависимых предложениях с подлежащим в качестве ремы: *Теперь старшим сделался // я…* (Ю. Домбровский); [*Мъжете се сащисаха,*] *най-много същисан беше // Заяко* (Й. Радичков).

Для болгарского языка не характерно вынесение именной части сказуемого в позицию перед связочным глаголом в составе постпозитивной ремы. Ср. русские разговорные предложения и их перевод на болгарский язык: *Лицо у него // спокойное и ясное сделалось* (А. и Б. Стругацкие). ‘Лицето му // стана ясно и спокойно’ (пер. М. Асадурова); *Потом, он // странный какой-то стал последнее время…* (А. и Б. Стругацкие). ‘После, стана някак си странен напоследък…’ (пер. М. Асадурова).

В русском языке распространены предложения, в которых именная часть составного сказуемого включает существительное широкой семантики (*человек*, *мальчик*, *девушка*, *парень* и под.) и несущее основную смысловую нагрузку, вследствие этого интонационно выделенное постпозитивное прилагательное. Такое прилагательное «обнаруживает тенденцию стать ремой предложения в целом» [РГ 1980-2: § 2152]. Для болгарского языка подобная перестановка прилагательного нетипична, ср.: *А Марья Афанасьевна была супруга поистине золотая* (Б. Акунин). ‘А Маря Афанасиевна беше истинска златна съпруга’ (пер. С. Бранц); *Лев Абалкин был мальчик замкнутый* (А. и Б. Стругацкие). ‘Лев Абалкин бил затворено момче’ (пер. М. Асадурова). Запрет на подобную инверсию в болгарском, однако, некатегоричен. См. в предложении с широкозначным словом *човек*: *Ты человек образованный*, [*знаешь, наверно, есть в Индии такая древняя книга…*] (В. Пелевин). ‘Ти си човек грамотен, [знаеш сигурно, че в Индия има такава древна книга…]’ (пер. Б. Пенчева). В работе [Иванова 2009в] отмечено, что такая перестановка в болгарском связана, прежде всего, с выражением аргументации. Кроме того, она возможна в сочинительном ряду и является в данном случае грамматически обусловленной: *Баща ѝ е човек богат, прочут и с име* (Елин Пелин) [Там же: 168].

Характерная для русского языка топикализация широкозначного компонента именной части сказуемого (***Человек** он // простой, тихий, обыкновенный…* (А. Толстой)) в болгарском языке не используется, ср.: ***Женщина** она // добрая и честная* (Б. Акунин). ‘Тя // е добра и честна *жена*’ (пер. С. Бранц).

Обычный для русского языка разрыв связочным глаголом словосочетания, составляющего именную часть, болгарским письменным стилям несвойствен, ср.: *Этот самый Аполлон Николаевич, ныне уж покойный, **страстный** был **собачник*** (Б. Акунин). 'Този същият Аполон Николаевич, лека му пръст, беше *запален кучкар*' (пер. С. Бранц), хотя в разговорной речи возможен: *Ама **голям** беше **сладур** — видяхме как си отваря устичката и пие водичка и накрая го снимахме в една замислена поза с ръчичка под брадичката* (bg-mamma.com).

Так же как и в случае с составным глагольным сказуемым, компоненты именного сказуемого в русском языке могут быть разъединены другими членами предложения, включительно подлежащим: ***Был** Бойе **большой любитель** встречать и провожать пароходы* (В. Астафьев). Хотя в болгарском языке части именного сказуемого, как и глагольного, тоже могут быть разорваны второстепенным членом (см.: *Това момче, както го наричате, **беше** наистина за мене **мое момче**…* (Б. Райнов); *Лъвът **бил** тържествено **откаран** в новото му находище — Ямболската зоологическа градина*. (Р. Ралин))[11], типичным все-таки является их контактное расположение, ср.:

> *Войдя в возраст и достигнув мудрости, **стал** он к своей и чужой плоти **снисходительней*** (Б. Акунин). 'Достигнал възраст и постигнал мъдрост, той *стана по-снизходителен* и към своята, и към чуждата плът' (пер. С. Бранц);
>
> *Кроме того, полнокровный обычно администратор **был** теперь **бледен** меловой нездоровою бледностью*… (М. Булгаков). 'Освен това обикновено червендалестият администратор сега *беше блед*, с болезнена тебеширена бледост…' (пер. Л. Минковой).

Таким образом, хотя в болгарском языке возможны некоторые типы инверсии компонентов сказуемого, а также их дистантное расположение, в целом болгарское глагольное и именное составное сказуемое, в сравнении с русским, представляет собой более устойчивую в отношении словопорядка группу[12].

5.1.2.3. Контактное и дистантное расположение подлежащего и сказуемого

В русском языке, как в разговорной речи, так и в письменных стилях, подлежащее и сказуемое могут быть разделены другими членами предложения или расположены контактно. Для болгарского языка отмечается решительное преобладание контактного расположения подлежащего и сказуемого [Васева 1982: 185—186].

---

[11] Е. Георгиева связывает дистантное расположение компонентов болгарского составного сказуемого с теми случаями, когда эти компоненты распределяются между темой и ремой предложения, напр.: *Командирът **беше** за тях // **голям авторитет***, а также со случаями использования эмфазы: ***Беше** // от обществото // **наказан***; *Пътищата **бяха** // от виявицата // **засипани*** [Георгиева Е. 1974: 87].

[12] Ср. мнение И. Васевой о большей компактности болгарского составного сказуемого по сравнению с русским, а также приводимый ею материал в [Васева 1982: 187—188].

Это заключение подтверждается материалом переводов на болгарский язык текстов русских авторов:

> …почти всегда, когда в русском подлиннике между главными членами предложения употреблены второстепенные (дополнения или обстоятельства), в болгарском переводе делается перестановка: главные члены располагаются контактно, дополнение — после сказуемого. Напр.: Андрей *в Каменской* отстал от товарищей (М. Шолох., Подн. цел.). — *В Каменска* Андрей изостана от другарите си. Лакей Петр *что-то* сказал кучеру (Л. Толст., В. и мир). — Лакеят Пьотр каза *нещо* на кочияша [Васева 1982: 186].

Уточним, что заключение о преобладании в болгарском языке контактного размещения подлежащего и сказуемого делается на основе учета позиций детерминантов и второстепенных членов из группы сказуемого. Что касается компонентов из группы подлежащего, то несогласованные определения, постпозитивные и в болгарском языке, а также постпозитивные обособленные согласованные определения, определительные придаточные части располагаются между главными членами предложения:

> *Дребно* ***старче*** *с нощна шапка, направена от женски чорап, с богообразен вид на стар учител-пенсионер,* ***се показа*** *на вратата* (Э. Станев); ***Буркан*** *нескафе* ***и чай****, китайски, зелен, в голяма метална кутия,* ***бяха наградата*** (Г. Христов); *Кокетни* ***дворчета****, в които като розови облачета цъфтяха японски трендафили,* ***се редяха*** *едно до друго* (Э. Станев).

Место между подлежащим и сказуемым занимают также имеющие пропозициональное прочтение и определяющие подлежащее локативные формы: *Само* ***едно нещо*** *в тоя гъсталак* ***беше питомно*** *и* ***кротко****…* (Н. Хайтов); *И* ***други*** *в селото* ***имаха*** *пчели* (А. Стамболова). Обстоятельственные компоненты разделяют главные члены предложения и в тех случаях, когда подлежащее выражено отглагольным именем, сохраняющим синтаксические связи производящего глагола: *Честите* ***звънения*** *на вратата с упрека «пак нямаме телефон от един час»* ***са една епопея*** (Г. Шейтанов).

И в русском и в болгарском языках, таким образом, между препозитивным подлежащим и постпозитивным сказуемым нормативно размещаются компоненты из группы подлежащего, ср., напр.: *Но* ***жена*** *с вашия интелект, без да говорим за физиката,* ***би могла да постигне*** *значително повече* (Б. Райнов). ‘Но *женщина* с вашим интеллектом, не говоря уже про внешность, *могла бы достигнуть* значительно большего’ (пер. С. Никоненко).

Размещение после препозитивного подлежащего второстепенных членов из группы сказуемого, детерминирующих обстоятельств, обстоятельственных обособленных оборотов и придаточных частей встречается в болгарском языке реже, чем в русском. Однако оно возможно и не нарушает норм болгарского словорасположения. См. примеры из произведений болгарских авторов:

Ние** до такава степен **свикнахме** с това: «Българи-юнаци!»*… (Й. Радичков); …това** изцяло **покрива** нуждите ми* (Б. Райнов); *И **той** още на следващия ден **изпратил** дописка до всичките столични вестници*… (Р. Ралин); ***Кучетата** през цялата нощ **си говорят** на глас за своите кучешки работи*… (Й. Радичков); ***Мъжете**, въпреки молбите на жените си, **останаха** в село*… (К. Петканов); *И жената каза това на мъжа си, а **мъжът**, без да се замисля, **рече***… (Й. Радичков); ***Историята**, както всяка история, бързо **преминала** в архивата на човешката памет…* (Р. Ралин); *Самият **Чакър**, като се стъмнило, **тръгнал** за Рилския манастир* (Н. Хайтов); ***Вятърът**, попаднеше ли там, **заплиташе се** и **издъхваше** унищожен* (Н. Хайтов).

Ср. также болгарский текст с русским переводом:

*По пътя от ресторанта до хотела **Мод** на два пъти **се бе отбивала** в телефонни кабини*… (Б. Райнов). 'По дороге из ресторана в гостиницу *Мод* дважды *забегала* в телефонные кабины…' (пер. С. Никоненко);

…*когато **американецът** по стар навик **захапва** цигарата*… (Б. Райнов). '*Американец* по старой привычке *прикусывает* сигарету…' (пер. С. Никоненко).

Интересно, что нередки примеры, когда в русском переводе оригинальное болгарское предложение с обстоятельственным компонентом, размещенным между главными членами, заменено конструкцией с контактно расположенными главными членами и препозитивным детерминантом:

…*някакви личности в бели манти постоянно питаха къде е този или онзи, сякаш **никой** в тоя огромен дом **не беше на мястото си*** (П. Вежинов). '…какие-то личности в белых халатах кого-то спрашивали, словно в этом огромном здании *никто не сидел* на своем месте' (пер. М. Тарасовой);

***Човекът на рецепцията**, противно на надеждите ми, **оповестява**, че има свободна стая* (Б. Райнов). 'Вопреки моим надеждам, *администратор сообщает*, что есть свободная комната' (пер. С. Никоненко).

Тем не менее случаи, когда русский переводчик, в отличие от болгарского автора, размещает обстоятельственный компонент между главными членами предложения, по нашим наблюдениям, преобладают:

***Той продължава** в тоя дух още някое време* (Б. Райнов). '*Он* еще какое-то время *распространялся* в том же духе' (пер. С. Никоненко);

*При най-добро развитие на събитията, **срещата с Петко няма да стане** преди обедния час* (Б. Райнов). 'Даже при наилучшем развитии событий *встреча с Петко* до обеда *не состоится*' (пер. С. Никоненко);

***Доктор Юрукова млъкна** за момент, лицето ѝ бе намръщено* (П. Вежинов). '*Юрукова* на мгновенье *замолчала*, лицо у нее было хмурое' (пер. М. Тарасовой);

*А **кой** ви **доведе** там?* (П. Вежинов). 'А *кто* вас туда *пригласил*?' (пер. М. Тарасовой).

Ср. также контактное расположение подлежащего и сказуемого в болгарском переводе русского предложения, в котором главные члены разъединены обстоятельством:

*Попав в тень чуть зеленеющих лип, **писатели** первым долгом **бросились** к пестро раскрашенной будочке с надписью «Пиво и воды»* (М. Булгаков). ‘Като се озоваха под сянката на едва раззеленилите се липи, *писателите се втурнаха* най-напред към шареното павилионче с надпис «Бира и безалкохолни напитки»’ (пер. Л. Минковой).

Отметим, что размещение между главными членами предложения детерминантов и второстепенных членов, входящих в группу сказуемого, не противоречит нормам болгарского словопорядка и при условии препозиции сказуемого по отношению к подлежащему: *Както вместо онова село **лъщи** пред очите ни **елитен вилен квартал** с медни покриви и кулички по ъглите на масивните огради* (Б. Биолчев); *Пред вратата на старата къща **е излязъл** на чист въздух **старец*** (Б. Биолчев). См. в сопоставлении с русским переводом: ***Би могъл да го открие** в някои интонации **само един добър специалист*** (П. Вежинов). ‘Это *мог определить* по отдельным интонациям *только очень хороший специалист*’ (пер. М. Тарасовой).

Мнение о том, что в болгарском языке контактное расположение подлежащего и сказуемого встречается гораздо чаще, чем в русском, находит подтверждение, на наш взгляд, прежде всего в особенностях размещения в болгарском предложении дополнения, выраженного существительным, и обстоятельства образа действия.

Так, в болгарских письменных стилях, в отличие от русских, конструкции с прямым дополнением, располагающимся в составе ремы перед сказуемым, не имеют распространения. Именной аналитизм болгарского языка ограничивает свободу размещения в предложении прямого дополнения[13].

Нетипично для болгарской письменной речи и расположение между подлежащим и сказуемым косвенного дополнения, ср.:

Плавание** девочкам **необходимо (Б. Акунин). ‘*Плуването е необходимо* за момичетата’ (пер. С. Бранц);

*…истинные **испытания** человеку **ниспосылаются** не в области физиологической, а в области духовной…* (Б. Акунин). ‘…истинските *изпитания се пращат* човеку не във физиологията, а в духовната област…’ (пер. С. Бранц).

Итак, основные особенности взаиморасположения подлежащего и сказуемого в болгарском и русском языках совпадают. Частные несоответствия касаются только отдельных коммуникативных типов болгарских и русских высказываний. Гораздо больше различий наблюдается в закономерностях размещения компонентов болгарского и русского составного сказуемого. Для болгарского языка нетипичны многие часто встречающиеся в русских стилях речи типы перестановок этих

[13] Подробнее об этом см. в разделе «Позиция прямого дополнения».

компонентов. Распространенное мнение о преобладании в болгарском языке контактного расположения главных членов предложения может найти подтверждение, в первую очередь, при описании позиций прямого и косвенного дополнений, выраженных существительными, и обстоятельства образа действия.

Далее мы остановимся на некоторых схемах расположения обстоятельства образа действия в болгарской и русской письменной прозаической речи.

5.1.3. Позиция обстоятельства образа действия

В стилистически нейтральных контекстуально независимых русских высказываниях наречие на *-о*, *-е*, выступающее в роли обстоятельства образа действия, нормативно располагается перед глаголом-сказуемым. Вместе с ним оно входит в состав ремы коммуникативно расчлененных высказываний или используется в составе высказываний с нулевой темой: *Стреноженные верблюды // **уныло** позвякивали бубенцами в белесой поземке* (Б. Лавренев); ***Кирпично** краснели крыши помещичьих хуторов* (И. Бунин). Обратим внимание на то, что в первом примере обстоятельство занимает позицию между подлежащим и сказуемым.

По данным академической «Русской грамматики», обстоятельство образа действия, выраженное падежной или предложно-падежной формой существительного, нормативно предшествует глаголу-сказуемому или следует за ним [РГ 1980-2: § 2163]. Речевая практика свидетельствует, однако, о решительном преобладании препозитивных обстоятельственных словоформ в тех случаях, когда обстоятельство не используется в качестве самостоятельной ремы. Постпозиция такого обстоятельства обычно связана с его рематизацией. Ср.:

> *Я // **со злостью** отпихнула их обоих…* (Ф. Кнорре). — *Рубился // **со злостью, с матюками**, в кровь изодрал руки…* (Е. Носов); *Лукин // **с интересом** посмотрел на верхнюю фотографию* (Н. Дежнев). — *Меня слушали // **с интересом** и **недоверием**…* (А. Варламов); *Розовато-белые, голубоватые, синие вдали, весенние травы // **волнами** перекатывались по степному простору горной долины под порывами ветерка* (Г. Николаев). — *Машинный рев с улицы доносился // **волнами** — то набежит, то затихнет по воле светофора* (В. Распутин).

В нейтральных болгарских высказываниях, членящихся на тему и рему, наречие в роли обстоятельства образа действия в соответствии с кодифицированной нормой постпозитивно по отношению к глаголу: *Той // примигва **предизвикателно** с лъскавите си тъмни очички* (Б. Райнов); *После // заплува **бавно** към парчето лед…* (Э. Станев). Та же позиция характерна для наречия и в болгарских глагольных высказываниях с нормативно отсутствующим подлежащим-темой: *Отбих **внимателно** колата на червеникавия банкет и угасих мотора* (П. Вежинов). Ср. болгарский оригинал с его переводом на русский язык: *Приближавам **невъзмутимо** до колата* (Б. Райнов). ‘*Уверенно* приближаюсь к автомобилю’ (пер. С. Никоненко).

Конечной ударной позиции наречия оказывается недостаточно для превращения его в самостоятельную рему: *Сватбените файтони // се точеха **глухо***

(А. Страшимиров). Этот факт особенно интересен на фоне сопоставления с русским языком, в котором конечная позиция наречия свидетельствует о его использовании в качестве самостоятельной ремы.

Е. Георгиева считала, что превращению болгарского конечного наречия в самостоятельную рему способствует употребление обстоятельства времени, см. *сега*, *тоя път* в следующих примерах: ***Сега*** *Чубрата го гледаше //* ***подигравателно***; ***Тоя път*** *жената се ядоса //* ***страшно*** и под., а также сравнительной степени самого наречия: *Кучетата залаяха //* ***по-стръвно*** [Георгиева Е. 1974: 84—85]. Как и в русском языке, рематизация болгарского наречия может быть связана с семантикой глагола. Так, постпозитивное рематическое наречие типично для контекстов с глаголами звучания, протекания бытия, а также с информативно недостаточными глаголами:

Нейните думи звучаха // ***изкълчено*** *и* ***някак извратено***… (В. Бикова); *…животът им протичаше //* ***мирно*** *и* ***равно*** (Э. Станев); *Самолетът се държеше //* ***послушно*** (Е. Черепов).

Ср. в русском языке: *Голоса их звучали //* ***приглушенно*** (Д. Гранин); *Дни протекали //* ***довольно однообразно*** (В. Тучков); *Да и Грибакин обходился с ним //* ***учтиво,*** *но* ***холодно*** (И. Бунин).

Вопрос о коммуникативной значимости болгарского наречия в конечной позиции, тем не менее, не так прост. Е. Георгиева, считая, что в предложениях *Чубрата // го гледаше* ***подигравателно***; *Тя // се ядоса* ***страшно*** наречие входит в рему предложения вместе с глаголом [Там же: 84], отмечала в то же время возможность колебаний в определении состава ремы. Связывая эти колебания с тенденцией (не чуждой и болгарскому языку) к превращению словоформы в конечной позиции в самостоятельную рему, Е. Георгиева сравнивала подобные употребления наречия с его использованием перед глаголом. В последнем случае, по мнению исследователя, позиция наречия однозначно маркирует его вхождение в состав ремы вместе с глаголом: *Чубрата //* ***подигравателно*** *го гледаше* [Там же: 88]. Е. Георгиева говорила также о трудности определения коммуникативной значимости препозитивного обстоятельства образа действия (*Тя* ***страшно*** *се ядоса*; *Жената* ***спокойно*** *отговори*; *Тя* ***разсеяно*** *го погледна*) и высказывала предположение о том, что препозиция наречия связана с дополнительной актуализацией в составе ремы [Там же: 84].

Для того чтобы получить более ясное представление о правилах, определяющих позиции обстоятельства образа действия в болгарской глагольной группе, мы включили в число анализируемых источников болгарские переводы русских художественных текстов. К исследованию были привлечены также переводы с болгарского языка на русский.

В большом количестве случаев русским коммуникативно расчлененным высказываниям с препозитивным наречием, входящим вместе со сказуемым в состав ремы, в болгарских переводах соответствуют высказывания с постпозитивным по отношению к сказуемому наречием: *Третья //* ***лаконически*** *сообщает, что особых*

примет у человека не было (М. Булгаков). ‘Третият // съобщава *лаконично*, че особени белези нямал’ (пер. Л. Минковой).

Изменение позиции обстоятельства образа действия в числе других переводческих перестановок давно было отмечено лингвистами, исследующими проблемы перевода с русского языка на болгарский и с болгарского языка на русский. И. Васева связывает постпозицию болгарского обстоятельства образа действия с необходимостью контактного расположения членов болгарской предикативной группы (подлежащего и сказуемого) [Васева 2007б: 36].

Следует обратить внимание еще на одну особенность болгарского обстоятельства образа действия. Обычно оно занимает контактную по отношению к глаголу-сказуемому позицию. Е. Георгиева отмечала, что дистантное расположение этого обстоятельства и глагола почти невозможно [Георгиева Е. 1974: 84]. Даже болгарский транзитивный глагол в рамках предложения оказывается теснее связанным с обстоятельством образа действия, чем с прямым дополнением. В следующих примерах, располагаясь непосредственно после глагола, обстоятельство разрывает группу «транзитивный глагол + прямое дополнение»: *Стори ѝ се, че той не би разсмивал* ***по тоя начин*** *едно момиче от своята среда* (Д. Димов); *Само от време на време поглеждах* ***съвсем дискретно*** *часовника си* (П. Вежинов). См. также перестановку русского препозитивного наречия в болгарском переводе: *Тут он* ***вежливо*** *снял берет* (М. Булгаков). ‘Той си свали *учтиво* баретата’ (пер. Л. Минковой).

В переводах с болгарского языка на русский контактность транзитивного глагола и прямого дополнения восстанавливается:

> *Обаче ако съм зле информиран, нищо чудно да изпълня* ***зле*** *и ролята си* (Б. Райнов). ‘Но если я плохо информирован, неудивительно, если я *плохо* буду выполнять свою роль’ (пер. С. Никоненко);
>
> *Само богинята на мъдростта може да помогне на всички одисеевци* <…> *да закръглят* ***плодотворно*** *своя кръг…* (Т. Жечев). ‘Только богиня мудрости может помочь всем одиссеям <…> *успешно* завершить свой круг…’ (пер. Е. Фалькович).

Контактная по отношению к глаголу-сказуемому постпозиция обстоятельства образа действия, разрывающая группу «сказуемое + подлежащее», нередка при оформлении слов автора, следующих за прямой речью:

> «*Мисля, че излишно споменавате името на тоя човек, след като дори не го познавате*» — *забелязва* ***почти любезно*** *Мод* (Б. Райнов). ‘«Думаю, что вы напрасно упоминаете имя этого человека», — *почти любезно* замечает Мод’ (пер. С. Никоненко);
>
> «*У вас свети!*» — *каза* ***учудено*** *тя* (П. Вежинов). ‘«А у вас свет горит!» — *удивленно* сказала она’ (пер. М. Тарасовой).

Приведенные примеры перевода подобных болгарских контекстов являются иллюстрацией того факта, что в русском языке при данном коммуникативном членении порядок слов, соответствующий болгарскому, невозможен.

В болгарском языке, однако, существуют условия, при которых дистантное расположение сказуемого и обстоятельства образа действия встречается достаточно регулярно. Так, в словах автора, находящихся после прямой речи, между сказуемым и обстоятельством может располагаться подлежащее:

«*От нищо*» — ***произнесе*** *той* ***безразлично*** (Д. Димов); «*Страшно приятно!*» — ***каза*** *той* ***високо*** (П. Вежинов); «*Хей, Дан, какво стана?*» — ***извика*** *тя* ***уплашено*** (З. Енев). Ср. в русском языке: «*Прошу внимания!* » — ***произнес*** *он* ***громко*** (В. Аксенов).

Постпозитивное обстоятельство образа действия в функции самостоятельной ремы нормативно может быть отделено от сказуемого прямым или косвенным дополнением, пространственными словоформами:

Той ***каза*** *това //* ***тихо*** *и* ***убедително***… (Е. Гуляковски); *...ще трябва* ***да влезете в контакт*** *с първата цигулка //* ***посредством Томас*** (Б. Райнов); *Дяволчето* ***вървеше*** *напред //* ***бързо*** *и* ***леко***… (Елин Пелин); ***Върви*** *по улицата //* ***бързо, енергично*** (Л. Коен).

Ср. в русском языке: *Максим* ***хотел сказать*** *это //* ***громко***… (Г. Марков); *Некоторое время они* ***шли*** *вперед //* ***молча, один за другим***… (В. Пелевин).

Отдельные случаи инверсий, разрушающих контактность глагола и наречия, следует отнести к архаичным или стилистически обусловленным употреблениям: *Но* ***блъсна*** *някой* ***троснато*** *вратата* (А. Страшимиров).

Указание на контактное расположение обстоятельства образа действия *после* глагола-сказуемого как на основную, нормативную позицию этого компонента в болгарском предложении [Георгиева Е. 1974: 50; ГСБКЕ 1983-3: 277], по меньшей мере, не совсем точно. В коммуникативно нерасчлененных болгарских высказываниях с препозицией сказуемого по отношению к подлежащему (высказываниях с нулевой темой) обстоятельство образа действия, непосредственно предшествующее глаголу-сказуемому, также нормативно: ***Бавно*** *се плъзга ледът по каменните ребра на планината, очернял и сбръчкан като стъпало на мамут* (Е. Сугарев). В приведенном примере препозиция наречия сохраняет контактность сказуемого и подлежащего, уже отмеченную в качестве предпочтительной характеристики болгарского словопорядка. Ср. также в переводах с русского языка:

Проворно *защелкали острые стальные спицы* (Б. Акунин). '*Бързо* се запремятаха острите стоманени куки' (пер. С. Бранц);

Грохот, звон серебра о каменный пол, во все стороны ***обрадованно*** *катятся красные яблоки* (Б. Акунин). 'Трясък, звън на сребро в каменния под, на всички страни *радостно* се търкалят червени ябълки' (пер. С. Бранц).

Располагаясь перед глаголом-сказуемым, актуализированное обстоятельство образа действия (однородный ряд таких обстоятельств) образует препозитивную

рему эмоционального высказывания: ***Не случайно*** *// заляга войводата в упражненията за бой* (Н. Хайтов); *Все* ***по-мъчително*** *и* ***по-силно*** *// забиваше тя човката си в леда* (Э. Станев).

Порядок слов, при котором обстоятельство образа действия следует за предшествующим подлежащему сказуемым, разрушая контактность главных членов, может быть использован для построения экспрессивных коммуникативно расчлененных высказываний с препозитивной ремой: *Глъхне* ***тревожно*** *// бялата нощ // — и тъжна, и страшна* (А. Страшимиров).

В бесподлежащных коммуникативно нерасчлененных глагольных высказываниях, наряду с постпозитивным наречием (см. выше), возможно и препозитивное, причем без какой бы то ни было дополнительной актуализации: ***Бързо*** *се обърнах напред* (П. Вежинов).

Препозитивное по отношению к глаголу обстоятельство образа действия в составе темы используется в экспрессивных высказываниях с вынесенной в начало предложения ремой: *Само едно нещо //* ***много ясно*** *съзнавах в тоя момент…* (П. Вежинов). Ср. русский перевод: *Только одно // я* ***четко*** *сознавал в тот момент…* (пер. М. Тарасовой).

Наконец, в нейтральных коммуникативно расчлененных высказываниях, наряду с кодифицированным постпозитивным по отношению к сказуемому обстоятельством образа действия, используется и препозитивное, разрушающее контактность подлежащего и сказуемого: *Сретко //* ***мълчаливо*** *изнесе от мазата търнокоп и лопата…* (Д. Жотев); *…жената // ми дава гръб и* ***бавно*** *се отдалечава към ъгъла* (Б. Райнов); *И тогава //* ***с учудване*** *забелязах, че местността се е променила до неузнаваемост* (Э. Станев). Наш материал содержит многочисленные примеры такого рода. Особенно часто препозитивное обстоятельство образа действия встречается в произведениях современных молодых авторов: *Нощта* ***бързо*** *настъпваше и изпълваше въздуха със своите звуци…*; *Гепардът направи няколко крачки и* ***въпросително*** *се обърна към човека. «Тръгвай, вестоносецо» —* ***тихо*** *каза Калунга* (Б. Събев).

В подобных примерах местоположение болгарского обстоятельства образа действия аналогично русскому. Ср. болгарские предложения и их перевод на русский язык:

> *Ако една жена има хубава кожа, то е, защото* ***акуратно*** *се грижи за кожата си* (Б. Райнов). ‘Если у женщины хорошая кожа — значит, она *старательно* следит за ней’ (пер. С. Никоненко);
>
> *А днес, малко преди обяд,* ***ненадейно*** *надзърна в стаята ми* (Б. Райнов). ‘А сегодня незадолго до обеда она *неожиданно* заглянула ко мне в комнату’ (пер. С. Никоненко).

Как уже упоминалось, Е. Георгиева предполагала, что расположение болгарского обстоятельства образа действия перед сказуемым вызывает дополнительную актуализацию в составе ремы [Георгиева Е. 1974: 84]. Возможно, однако, что мы

имеем дело с вариантом нейтральной нормы, развившимся вследствие стремления избежать превращения конечного обстоятельства образа действия в самостоятельную рему.

Таким образом, более подробное описание позиций обстоятельства образа действия в болгарском высказывании позволяет сделать вывод о том, что постпозиция этого члена предложения по отношению к сказуемому не является в современном языке доминирующей чертой словопорядка. Актуализированное обстоятельство образа действия может быть как постпозитивным, так и препозитивным. Его расположение перед сказуемым часто не связано с дополнительной актуализацией, представляя собой вариант нейтральной нормы.

Нормативное и распространенное в болгарском языке размещение обстоятельства образа действия в составе комплексной ремы после сказуемого (в этом случае подлежащее и сказуемое контактны) отличает болгарский словопорядок от русского, в котором при аналогичном коммуникативном членении препозитивное обстоятельство оказывается между главными членами.

Представление о невозможности или неграмматичности дистантного расположения болгарского глагола и обстоятельства образа действия не совсем точно. Скорее, можно говорить о решительно преобладающей в болгарском языке контактности этой группы. В силу данной особенности словопорядка болгарское обстоятельство образа действия может разрушать контактность компонентов некоторых синтаксических групп («транзитивный глагол-сказуемое + прямое дополнение», «сказуемое + подлежащее»). В русском языке в аналогичных условиях эти компоненты обыкновенно контактны.

5.2. Болгарские клитики

5.2.1. Состав клитик болгарского языка

Хотя однозначного определения клитик, как известно, до сих пор не дано, общеприемлемым является утверждение о том, что клитики — это акцентно несамостоятельные элементы, имеющие свой синтаксис, см. обзор работ и концепций в [Николаева 2008; Циммерлинг 2012б; 2012в; 2013б][14].

В болгарском языке представлен следующий набор кластеризуемых (способных образовать цепочку) клитик[15], удовлетворяющих как синтаксическим, так и просодическим признакам их выделения:

а) местоименные аргументные энклитики:

дат. п. *ми*, *ти, му, ѝ, му*; *ни*, *ви*, *им*,

вин. п. *ме*, *те*, *го*, *я*, *го*; *ни*, *ви*, *ги*,

возвратно-местоименные клитики *се*, *си*,

б) глагольные клитики:

формы глагола *съм* в индикативе (энклитики): *съм*, *си*, *е*, *сме*, *сте*, *са*,

показатель будущего времени *ще* (проклитика)[16];

в) иллокутивные и дискурсивные энклитики:

вопросительная частица *ли*,

dativus ethicus — частицы *ми*, *ти*,

свободный возвратный датив («модальная частица» [Петрова Г. 2008: 118]) *си*.

---

[14] В современной науке о клитиках активно обсуждаются просодические и синтаксические критерии их определения. Установлено, что просодические факторы выделяют одну группу клитик, синтаксические — нескольку иную, а при их наложении образуются «несовпадающие остатки», см. только в отечественной лингвистике [Николаева 2008; Зализняк 2008: 8; Толстая 2000: 134—135, 143; Циммерлинг 2012б; 2012в; 2013б: 45—46; 2013а: 297—298], о роли просодических и синтаксических свойств для южнославянского языкового материала также в [Иванова 2013].

[15] Ср. на общеславянском фоне: «Кластеризуемые клитики в славянских языках относятся к одному из четырех разрядов: 1) местоименные аргументные клитики в дат. п., вин. п., род. п., относящиеся к предикатной вершине; 2) местоименные возвратные клитики в вин. п. и дат. п.; 3) связочные клитики — формы служебных глаголов “быть” и, реже, “хотеть”; 4) частицы (показатели вопроса и дискурсивные маркеры)» [Циммерлинг 2013б: 43].

[16] У формальной лингвистики есть, впрочем, убедительные аргументы, чтобы не включать показатель будущего времени, а также показатель отрицания в состав кластеризуемых клитик, поскольку они «выступают как базы, притягивающие цепочки энклитик», см. обоснование в [Циммерлинг 2013а: 116] и в других работах автора.

Помимо клитик, способных образовывать цепочки, в болгарском языке имеются краткие притяжательные местоимения (генетически связанные с личноместоименными формами), которые функционируют на уровне именных групп (см. 5.2.2), — *ми*, *ти*, *му*, *ѝ*, *ни*, *ви*, *им*, *си*. Поскольку болгарские посессивные клитики способны к операции «подъем посессора», т. е. к извлечению из состава именного выражения и перемещению в приглагольную позицию, они тоже могут включаться в цепочку (см. 5.2.4).

Кроме того, помимо перечисленных выше частиц отместоименного происхождения — dativus ethicus *ми*, *ти* и свободного возвратного датива *си*, клитика *си* может выступать как частица, выполняющая усилительную функцию, либо являться частью лексемы. О возможностях кластеризации частицы *си* в зависимости от ее функций см. [Иванова, Петрова 2014].

Обратим внимание, что болгарский вспомогательный глагол *бих*, *би*, *би*, *бихме*, *бихте*, *биха* в форме условного наклонения (*бих отишъл*, *би отишъл*…) — ударный элемент, поэтому клитики кондиционала в болгарском языке, в отличие от многих славянских, нет.

5.2.2. Клитики уровня предложения и уровня группы

Помимо клитик, относящихся к финитному глаголу или к предложению в целом (т. н. сентенциальных, или сентенциональных, клитик — именно они будут подробно рассматриваться далее), существуют клитики, которые присоединяются к **нефинитным глагольным формам** — либо одиночно, либо как двухэлементная цепочка, но такая цепочка всегда фиксирована в постпозиции к форме (неподвижна).

Базисом для двухэлементной цепочки клитик является обычно деепричастие[17]. В цепочку при деепричастии могут быть включены:

а) краткая форма личного местоимения дат. падежа и возвратный компонент: *Той вървеше с мене, оплаквайки* ***ми се*** *от поредния конфликт в работата*, *букв.* ‘Он шел со мной, жалуясь мне на очередной конфликт на работе’;

б) краткие формы личного местоимения дат. и вин. падежа: *Подавайки* ***ми го,*** *той ми се усмихваше пренебрежително.* ‘Подавая мне его, он пренебрежительно мне улыбался’.

При причастных формах цепочки встречаются редко: *Погледнах съпруга си — той беше малко блед, но много хубав,* ***усмихващ ми се*** (Н. Неделчева), *букв.* ‘Я посмотрела на супруга — он был немного бледный, но очень красивый, улыбающийся мне’.

Возможность присоединить две клитики сохраняется и у бывших причастий, в современном языке ставших прилагательными: *Втори звънец. Хайде на* ***полагаемото ни се*** *място* (П. Незнакомов). ‘Второй звонок. Пойдем на полагающееся нам место’.

[17] В болгарском языке имеется лишь один тип деепричастия — настоящего времени.

Наиболее частотная единичная клитика после причастия — это возвратный компонент. Он составляет необходимую часть формы причастия настоящего времени и действительного причастия прошедшего времени от возвратных глаголов. Клитика неподвижна, ср. (а) в обособленном обороте, (б) в необособленном обороте:

а) *Взривиха ресторант във Франция,* ***намиращ се*** *близо до джамия.* 'Во Франции взорвали ресторан, находящийся недалеко от мечети'; ***Опарило се****, детето се отдръпна от печката.* 'Обжегшись (*букв.* обжегшийся), ребенок отшатнулся от плиты'.

б) [***Окопитилата се***] *пияна тълпа изведнъж изрева* (К. Топалов). 'Пришедшая в себя пьяная толпа вдруг взревела'; *И с един последен ритник изпрати в ъгъла* [***изпречилата се*** *пред погледа му*] *папка* (В. Иванова). 'И последним пинком послал в угол попавшуюся ему на глаза папку'.

То же и при субстантивации причастий: *Никой не може да спаси* ***давещите се*** (*давя се* 'тонуть'), *освен самите* ***давещи се***, *букв.* 'Никто не может спасти утопающих, кроме самих утопающих'.

Аргументные клитики возможны, но частотность их по сравнению с возвратными несопоставима. Пример: *Съд за злоупотребилите с власт и* ***помагалите им****!* 'К суду злоупотребивших властью и помогавших им!'

При страдательном причастии возвратный компонент не эксплицируется, ср. *измит* (от *измия се*), *облечен* (от *облека се*), местоименные клитики также не прикрепляются.

Отглагольные существительные присоединяют исключительно притяжательные клитики, возвратность исходного глагола в них не эксплицируется: ***Изказването му*** *ме изненада.* 'Его выступление меня удивило', ср. *изкажа се.*

Клитики уровня предложной группы. В болгарском языке краткие местоимения, причем только дат. п., присоединяются к производным ударным предлогам *насреща му*, *наоколо ни*, *помежду си* и др. (в основном отыменного происхождения; некоторые из них функционируют и как наречия, не присоединяя клитик): *Насреща* ***им*** *духаше лек вятър.* 'Навстречу им дул легкий ветерок'; *Всички наоколо* ***му*** *въздъхнаха с облекчение.* 'Все вокруг него вздохнули с облегчением'; *Наоколо* ***ни*** *нямаше никого.* 'Вокруг нас никого не было'; *Седни помежду* ***ни****.* 'Сядь между нами'. Кластеры не образуются[18].

Клитики уровня именной группы[19]. Клитики уровня ИГ — это краткие болгарские притяжательные местоимения: *Къде е чантата* ***ми****?* 'Где моя сумка?';

[18] Некоторые из этих предлогов способны управлять как клитическими формами дат. падежа, так и полными (!) винит. формами, причем в последнем случае предлог безударен: *върхỳ* (*ми*, *ти*, *му*, *ѝ*, *ни*, *ви*, *им*) — *върху* (*мене*, *тебе*, *него*, *нея*, *нас*, *вас*, *тях*), *подире* (*ми*, *ти*, *му*, *ѝ*, *ни*, *ви*, *им*, *си*) — *подир* (*мене*, *тебе*, *него*, *нея*, *нас*, *вас*, *тях*, *себе си*).

[19] Подробные сведения о устройстве именной группы в болгарском языке с точки зрения формальной лингвистики см. [Осенова 2009].

Да поканим и сестра ***му***. ‘Пригласим и его сестру’; *Вземи очилата* ***си***. ‘Возьми свои очки’. Эти клитики с посессивным значением являются расширением именного словосочетания и функционируют как несогласованные определения. Они перемещаются в рамках именного выражения с согласованными определениями, занимая второе место в ИГ:

Къде е [*чантата* ***ми***]? ‘Где моя сумка?’ → *Къде е* [*новата* ***ми*** *чанта*]? → *Къде е* [*новата* ***ми*** *кожена чанта*]? ‘Где моя новая кожаная сумка?’

Постановку кратких посессивов в ИГ нельзя, однако, описывать (только) «ваккернагелевским правилом», т. к. определяющим формальным фактором для возможности употребления притяжательной клитики при ИГ является наличие артикля у препозитивного слова (потому считается, что местоимение клитизируется, собственно, к артиклю [Бояджиев и др. 1998: 567]).

Таким образом, притяжательная клитика следует только за тем словом в ИГ, которое маркировано артиклем (см. о двух исключениях ниже). В связи с этим клитика может оказаться и не на «ваккернагелевском» месте, если, например, первое согласованное определение имеет препозитивный распространитель: [*Всякога влажни****те ѝ*** *брегове*] *сега се напукаха* (Елин Пелин), *букв.* ‘Всегда мокрые ее берега потрескались’.

Если в ИГ нет слова, маркированного определенным артиклем, притяжательную клитику употребить невозможно и требуется использование полного притяжательного местоимения: [*Един* ***мой*** *приятел*] *ми го каза*. ‘Один мой друг мне об этом сказал’.

Обратим внимание на то, что существуют две возможности использования притяжательной клитики при ИГ без артикля (они отмечены как в традиционных грамматических описаниях, так и в формальных, напр. [Avgustinova 2002]): а) после некоторых имен родства (имена почти всех ближайших родственников в ед. ч., без уменьшительных суффиксов: *майка ми*, *брат ми*), см. подробнее в разделе 5.2.4 в связи с вопросом о подъеме клитики, б) после указательных местоимений *този*, реже *онзи* в разговорной речи:

> *Тази* ***му*** *приятелка е по-подходяща за него.* ‘Эта его подруга подходит ему больше’; *Много харесах този* ***ти*** *поглед*. ‘Мне очень понравился этот твой взгляд’; *Намираше този* ***ми*** *героизъм за доста глупав и беше прав*. ‘Он считал этот мой героизм довольно глупым, и был прав’; *Намерих онази* ***ти*** *снимка, на която*… ‘Я нашел ту твою фотографию, на которой…’

Как мы увидим далее (5.2.4), наличие артикля является решающим, без исключений, фактором для возможности подъема притяжательной клитики.

Значимость артикля для присоединения посессивной клитики объясняется генетически: становление системы кратких притяжательных местоимений связывается с развитием артиклевой системы болгарского языка, в результате которого именная группа стала выделяться как предложенческое звено более отчетливо [Гълъбов 1986], что позволило краткому личному местоимению в своей посессив-

ной функции получить место как клитике уже не в рамках предложения, а в рамках ИГ. Таким образом, посессивность в истории болгарского дательного выделилась из других видов «заинтересованности», и ряд кратких дательных форм личных местоимений расщепился на два омонимичных ряда [Андрейчин 1958: 200; Минчева 1964; Станков 1982: 495—496].

В рамках ИГ цепочки (кластеры) не образуются. Вопрос о клитическом статусе определенного артикля решается отрицательно: этот способный к смещению аффикс относится уже к уровню морфологии [Мельчук 2001: 204—205; Ухлиржова 2011/2012; Циммерлинг 2012в и др.].

Соположение омонимичных клитик — допуски и ограничения. Соположение клитик уровня предложения и уровня групп может возникать на границах именной и глагольной группы: *Приятелката* ***ми*** | ***ми*** *го даде*; *Даже майка* ***му*** | ***му*** *го каза*, предложной и глагольной группы: *Насреща* ***ми*** | ***се*** *зададе кола*.

Соположение клитик разных уровней допускается без ограничений, даже если они омонимичные, как притяжательное и личное местоимение в примерах выше.

В рамках сентенциальной цепочки свободно допускается омонимия клитик разных морфологических разрядов (частиц, глаголов, местоимений): *Ти си* (2SG) *си* (DAT) *го купил вече*. ‘Ты себе его / это уже купил’. Основной случай омонимичных последовательностей клитик разного морфологического статуса связан с внедрением в цепочку клитики *си* в ее разных функциях, см. о функциях частицы *си* [Петрова Г. 2008], об омонимии *си* и других клитик в [Иванова, Петрова 2014], см. и примеры из последней работы: *Купувам си* (PCL) *си* (DAT) *шоколадчета по време на изпитите.* ‘Я покупаю [всегда / ради своего удовольствия] себе шоколадки во время экзаменов’.

В то же время соположение двух омонимичных аргументных местоименных клитик (напр., вин. и дат. падежа *ни*, *ви*) избегается. Такое ограничение легко объяснимо референциальными запретами, но имеет и поддержку со стороны более общего грамматического правила: в болгарских дитранзитивных конструкциях краткие винительные формы 1 и 2 л. не сочетаются с краткими дательными формами, в то время как аккузатив 3 л. сочетается без ограничений, ср. **Иван му* ***ме*** *представи* при *Иван му* ***го*** *представи* [Василев 1969: 175—176; Hauge 1976: 13—14; Ницолова 2008а: 155]. Для разрешения данного конфликта используется разворачивание дательного аргумента в полную местоименную группу: **Иван му ме представи*. → *Иван ме представи на него*. Это морфологическое ограничение описывается в типологии и для других языков (напр., французского, испанского, греческого, арабского) как «ограничение падеж-лицо» [Perlmutter 1971; Bonet 1995].

При этом данное ограничение не затрагивает возвратной клитики *се*, которая ведет себя как элемент, неспецифицированный по лицу: *Аз им се препоръчвам* [Rivero 2003; 2005; Риверо 2013], см. там же и применение синтаксических правил для объяснения данного явления на болгарском материале.

5.2.3. Кластеры клитик. Ранги сентенциальных клитик болгарского языка

Понятие кластера клитик применяется к таким цепочкам, где 1) порядок элементов жестко фиксирован, он определяется четкими правилами, 2) вставка полноударных элементов запрещена и 3) вся цепочка в тривиальном случае (вне действия барьеров) передвигается по предложению как одно целое, как один элемент. Ср.:

> «Цепочкой (cluster) признается сложный синтаксический объект, состоящий из элементов {a, b, c… n}, таких что они могут употребляться самостоятельно вне комбинации друг с другом, но при контактной реализации упорядочиваются единственным образом, так что для любых пар элементов a, b направление развертывания a > b является заданным. Элементы, удовлетворяющие данному определению, называются далее кластеризуемыми», см. подробно в [Циммерлинг 2012б: 5].

Наиболее наглядны для показа порядка клитик в цепочке табличные записи, они, однако, хорошо подходят для описания отдельно взятого языка, в то время как для типологических исследований строчечные формулы более эффективны [Циммерлинг 2013а: 43]. Для болгарского языка представляем таблицу рангов[20] для невопросительного предложения, т. к. вопросительная частица *ли* обычно нарушает цепочку (об этом см. далее).

Порядок клитик в невопросительном болгарском предложении[21]

1	2	3	4	5	6
Частица буд. вр. *ще* / отриц. частица *не*[22]	Глагольные энклитики наст. вр., кроме *е*: *съм*, *си*, *сме*, *сте*, *са*	Dativus ethicus *ми*, *ти* / модальная частица *си*	Местоименные энклитики дат. п. *ми*, *ти*, *му*, *ѝ*, *му*; *ни*, *ви*, *им* / возвратно-местоименное *си*	Местоименные энклитики вин. п. / возвратно-местоименное *се*	Глагольная энклитика наст. вр. *е* (3 л. ед. ч.)

[20] Термин «ранг» в приложении к клитикам введен А. А. Зализняком при описании системы клитик в древненовгородском диалекте [1993; 2008]. Ранг определяется закрепленным местом клитики в линейной схеме.

[21] Порядок клитик, как сейчас уже известно, обусловлен временной последовательностью их присоединения к цепочке (от более древних клитик, способных к кластеризации, к более молодым) [Зализняк 2008] и, если добавить выводы А. В. Циммерлинга [2013а: 334], см. и [Циммерлинг 2012б; 2012в; Kosta, Zimmerling 2013], связан с таксономическим (категориальным) фактором, т. е. присоединение более поздних компонентов происходит не к одному — финальному — концу цепочки, но к группе морфологически единообразных энклитик: более молодые частицы присоединяются справа к частицам, местоимения — справа к местоимениям.

[22] *Ще* и *не* — «базы, притягивающие цепочки энклитик», по А. В. Циммерлингу [2013а: 116]

Примеры:

Сложил ***съм го*** *в хола*; *Често* ***ми се*** *сърди*; *Винаги* ***съм му го*** *казвал*; *Ти* ***си ми*** *всичко*; *Чух, че* ***се е*** *върнал късно*; *Бих* ***си го*** *купила*; ***Ще ти го*** *донеса утре*; *Върнал* ***съм му*** *парите*; *Не* ***съм му ги*** *върнал парите*; *Той не* ***му ги е*** *върнал парите*; *Благодаря, че* ***си ми се*** *доверила отново!*

Комментарии к таблице:

1. Знак / в таблице показывает, что в одной клетке записаны несочетающиеся элементы одного ранга. Если же учитывать внедрение в цепочку элемента *си* в его разных функциях, в том числе при подъеме посессора, и слабую кластеризуемость прагматических клитик, распределение клитик может быть представлено и в более детализированном виде, см. таблицу 2 в работе [Иванова, Петрова 2014].

2**.** Во многих славянских языках глагольные клитики, в том числе показатели будущего времени, записываются в одну клетку как имеющие один ранг и неспособные к сочетаемости. Для болгарского языка необходимость выведения показателя будущего времени *ще* (проклитики) в отдельную клетку доказывается возможностью его одновременного употребления со вспомогательным глаголом настоящего времени в сложных глагольных формах: *Когато се върнеш от училище,* ***ще съм*** *ти* ***приготвил*** (FUT2) *изненада*. ‘К тому времени, когда ты вернешься из школы, я приготовлю тебе сюрприз’.

3. В болгарском литературном языке порядок клитик конца цепочки — возвратного компонента и глагольной клитики 3 л. ед. ч. — закреплен как ***се е*.** Но взаимное расположение этих клитик и в диахронии, и во всех диалектах крайне неустойчивое.

4. Во многих исследованиях считается очевидным, что место **dativus ethicus** (или, в славянской лингвистике, «этического» датива) — там же, где и местоименной клитики дат. падежа. Тем не менее их совместное употребление — хоть и редкое явление, но не исключено в других южнославянских языках с клитиками, при этом dativus ethicus ставится перед местоимением: серб. *Она* ***ти*** *<u>ми</u> га исприча!*; макед. *Господ здравје да* ***ми*** *<u>ти</u> даде*.

Для современного болгарского языка, однако, такое совмещение не характерно. Болгарский этический датив обычно встречается вне сочетания с дат. местоименной клитикой[23]: *Кой* ***ти*** *мисли за забавления при такова безпаричие!* ‘Да кто тут тебе думает о развлечениях при таком безденежье!’; *Твоята Ани* ***ми*** *е умница!* ‘Какая же твоя Аня [у меня] умница!’; *Какъв* ***ти*** *тук ужас* (Н. Вапцаров). ‘Да какой тебе тут ужас’; *Каква си* ***ми*** *лисица!* (Д. Димов). ‘Ох уж ты и лиса!’ Тем не менее мы располагаем их в разных клетках, исходя из того, что их различие обосновано и морфологически [Kosta, Zimmerling 2013], см. также аргументацию в [Иванова, Петрова 2014].

[23] О причинах этих ограничений, а также о функциях dativus ethicus см. в [Иванова, Петрова 2014].

Ю. С. Маслов, определявший dativus ethicus как эмоциональную частицу, придающую высказыванию «оттенок задушевности, интимности, порой — сочувствия лицам, о которых говорится» [Маслов 1981: 334], причисляет к этому ряду и **форму *му*** (3 л. ед. ч. для м. и ср. р.), см. и пример Ю. С. Маслова: *Ех че гуляй **му** дръпнахме* (А. Константинов). ‘Ну и пирушку мы закатили!’ Однако и в болгарской, и в целом в южнославянской лингвистике форму 3 л. принято рассматривать как личное местоимение, имеющее пустой референт [Ницолова 2008а: 157]. В отличие от dativus ethicus, местоимение с пустым референтом может стоять (и чаще так и бывает) в винит. пад.: *Оплескахме **я**!* ‘Ну мы и влипли!’, см. также другие особенности местоимений с пустым референтом в 1.2.5.4.4.

5. В болгарском языке широко представлен **сдвоенный этический датив *ми ти***, но он встречается в ограниченных синтаксических условиях и в соединении с указательными (реже — вопросительными) местоимениями:

а) в составе фразеосхем:

*Такива **ми ти** работи.* ‘Такие вот дела’;
*Та това **ми ти** е България*. ‘Вот такая она, Болгария’;
*И това **ми ти** било справедливост!* ‘И это называется справедливость’.

б) в составе ИГ с указательными (реже вопросительными) местоимениями:

Всичко беше ок, докато не започнах да я [*тортата*] *сглобявам — като се разтече <u>онзи</u> **ми ти** крем!* ‘Все было хорошо, пока я не начала его [торт] формировать. Весь этот крем как потек!..’;

*Като отвори една уста <u>онзи</u> **ми ти** индивид*… ‘И как начал орать этот самый тип…’

См. также: *Този **ми ти** Кашпировски се смали, смали, та се не виде*…; *Отворени врати — в тоя студ… и като задуха онзи **ми ти** вятър!*; *Тази **ми ти** нечистотия, това **ми ти** омерзение към хората, това **ми ти** самолюбуване до свръхнасита, това **ми ти** лъготене под път и над път…*

Хотя двойной этический датив, казалось бы, близок одиночному как маркер разговорного стиля, фамильярной речи, но по целому комплексу признаков (семантика, прагматика) различается. Чаще всего двойной датив имеет неодобрительную семантику, но эта коннотация за формой не закреплена, ср. одобрительное умиление: *И в този **ми ти** мъничък магазин има сигурно 1 милион вида халки*. ‘И в этом магазинчике («малюсеньком магазинчике»), да наверно, миллион видов обручальных колец’; ср. также: *…не беше върха на организацията, но когато излезе онзи **ми ти** усмихнат човек и заля публиката с положителната си енергия, стана страхотно*.

Во многих случаях ощущается оживление притяжательной семантики, прежде всего когда сдвоенный датив служит для установления контакта, эффекта доверительного общения, напр. с маленьким слушателем при рассказе сказки: *И като хукнал **онзи ми ти** заек. Само пушилка останала след него.* ‘Как бросился наш

зайчик (*букв.* ‘тот мой твой заяц’) бежать! Только пыль столбом…’, где датив не только выполняет интимизирующие функции, но и маркирует детерминацию именного выражения: ‘тот, о котором мы с тобой говорим’.

Обратим внимание и на еще одно употребление сдвоенного этического датива: он может действовать как факультативная усилительная частица, встраиваясь в имеющиеся сращения: так, *ми ти* может разрывать количественно-усилительное сочетание К-слово + *ли не*: ср. *Ще измислят* ***какви ли не*** *лъжи!* ‘Какую только ложь не выдумают!’ → *Ще измислят* ***какви ли <u>ми ти</u> не*** *лъжи!*

Для нас сейчас важна прежде всего синтаксическая позиция: если не считать устойчивые формулы, то сдвоенный этический датив используется только в рамках ИГ. Таким образом, сдвоенный датив вообще не претендует на место в цепочке клитик.

6. **«Свободный возвратный датив»** ***си*** обычно рассматривается как частица, которая показывает, что действие осуществляется «по прихоти притяжателя», «в интересах притяжателя» [Ницолова 1986: 68], в своих интересах без учета окружающих [Станков 1982: 500]: *Лежи* ***си*** *на кревата, чете* ***си*** *вестника.* Г. Петрова обоснованно называет ее функции модальными и показывает следующие функциональные возможности модальной частицы *си* [Петрова Г. 2008: 118—140; 2012: 361—367]. Примеры далее из ее же работ, а также любезно предоставленные ею в устной беседе:

а) значение осуществления действия в угоду, по прихоти, для удовольствия производителя действия: *Ще* ***си*** *слушам музика и ще* ***си*** *хапвам сладолед.* ‘Буду себе слушать музыку и есть мороженое’;

б) действие, состояние или качество предстают с помощью *си* как обычные или присущие производителю действия или носителю состояния: *Тя* ***си*** *е мълчалива.* ‘Она [по природе, по характеру] молчаливая’, ср. недопустимость актуальных временных обстоятельств при таком *си*: **Днес* (‘сегодня’) *тя си е мълчалива*.

См. еще примеры: *Не се смей, той така* ***си*** *танцува*. ‘Не смейся, он всегда так танцует’; *Той така* ***си*** *си говори*. ‘Он [всегда] так сам с собой разговаривает’; *Тук* ***си*** *е весело* (указание на обычность данного состояния для этого места) [Там же]

Такое же *си*, по-видимому, представлено и в частотных фразеосхемах тавтологического типа, причем в них *си* обязательно, т. к. это маркер переосмысления тавтологии: *Жената си е жена*. ‘Женщина есть женщина’; *Децата са си деца.* ‘Дети есть дети’, см. об этой конструкции в [Лазарева 2004; Иванова 2006б: 19; 2009в: 99—105; 2009г];

в) действие, состояние, положение дел представлены как продолжительные либо как неизменные в течение некоторого промежутка времени: *Стои* ***си*** *там и чака да го извикат.* ‘[Всё] стоит там и ждет, пока его позовут’; *Никъде не съм ходил, вкъщи съм* ***си***. ‘Я никуда не выходил, я [сижу] дома’; *Те* ***си*** *живеят в Пловдив.* ‘Они [и сейчас] живут в Пловдиве’; *Тя* ***си*** *е добре.* ‘У нее [по-прежнему] все в порядке’;

г) субъективная обусловленность: *Директора ли чакате? — А не, ние* ***си*** *чакаме.* ‘Вы директора ждете?’, *букв.* ‘Да нет, так, ждем [по своим субъективным

причинам]'; *Опитах се да го разубедя, но той* ***си*** *знае.* 'Я попытался его разубедить, но он все свое', *букв.* 'он себе знает [имеет свои соображения]';

д) элиминация субъективной обусловленности при высказывании мнения, оценки, чувственного ощущения или восприятия (функция, на наш взгляд, близкая к частицам — усилителям индикативности): *Това* ***си*** *е кражба на държавно имущество*. 'Это [не что иное, как] кража государственной собственности'; *Студено* ***си*** *е*. 'Холодно [действительно]'. Оба утверждения подаются не как субъективное мнение говорящего, а как очевидное, бесспорное (мнение), общее для всех (ощущение) [Петрова Г. 2008; 2012].

Данные значения *си* могут давать разные прочтения одного и того же высказывания вне контекста: *Лежи си.* 'X лежит в свое удовольствие', или 'Лежание характерно для X-а', или 'X продолжает лежать, причем уже это длится довольно долго, по мнению говорящего' [Петрова Г. 2008: 119].

Возможно двойное употребление частицы *си*, когда каждая используется в своем значении:

Аз ***си си*** *лежа пред телевизора и си цъкам с дистанционното.* 'Я лежу себе [в свое удовольствие] [уже давно] перед телевизором и щелкаю пультом'.

Следобед си седим на терасата, пием ***си си*** *кафе и разговаряме.* 'После обеда мы сидим на террасе, пьем [как обычно] [в свое удовольствие] кофе и разговариваем'.

Модальная частица может быть добавлена даже к возвратным глаголам: *Котето* ***си се*** *мие* ('Котенок себе моется').

Помимо модальной частицы *си*, в цепочку клитик может встраиваться и *си* — словообразовательная частица, и *си* — усилительная частица, см. о всех возможностях соположения этих клитик в [Иванова, Петрова 2014].

7. **Определение ранга клитик в вопросительных предложениях**. Часто место клитик в цепочке записывают исходя из их расположения в частных вопросах, поскольку это позволяет подключить к цепочке частицу *ли* в сочетании с другими клитиками (*Тя* ***ли ще ми се*** *обади?* 'Она мне позвонит?'; *Вчера* ***ли ти го*** *е показал?* 'Он вчера тебе его показал?'). Мы не считаем эти цепочки релевантными для определения расположения *ли* по отношению к смежным с ней клитикам, поскольку здесь *ли*, оформляя частный вопрос, оказывается в мнимом начале мнимой цепочки.

Очевидное доказательство некластерного *ли* — возможность (не всегда, впрочем, отвечающая стилистической норме) вставки в цепочку акцентно самостоятельных словоформ, напр.[24]: *Често ли | ви се случва това?* → *Често* ***ли*** *на вас* ***ви се*** *случва това?* ('Часто ли с вами это случается?'); *И на теб ли | ти се стори така?* → *И на*

[24] Вертикальная черта в примерах показывает истинное начало кластера сентенциальных клитик. Подчеркнуты акцентно самостоятельные словоформы, которые не могли бы быть вставлены в истинный кластер.

*теб **ли** така **ти се** стори?* (‘И тебе так показалось?’). См. также другие частные вопросы, дающие такие невозможные для кластера последовательности, как:

ли + *бих* — показатель сослагательного наклонения, который в болгарском языке не является клитикой: *Коя ли | би му устояла?*; *Интересно ми е, какъв ли | би му бил отговорът, ако го запитат*; также *ли* + *не би*: *И ти ли | не би я прочел?*;

ли + *ще* — проклитический показатель буд. времени, который должен начинать цепочку: *В ареста ли | ще ме вкарат?*; *Ние по план ли | ще се разболяваме?*

Поэтому *ли*-вопросы при определении рангов должны быть только общими, т. е. к предикатной группе, напр. *Обидил **ли ми се е**?* ‘Он на меня обиделся?’; *Дал **ли си му го***? ‘Ты ему его дал?’

Далее мы еще вернемся к особой роли частицы *ли* в болгарской цепочке клитик.

5.2.4. Перемещение притяжательных клитик в предикатную группу и его семантические и стилистические последствия

Болгарские посессивные клитики способны к операции «подъем посессора», т. е. к извлечению из состава NP и перемещению в приглагольную позицию. При этом перемещенная клитика занимает место дательного аргумента:

Къде си (2SG) *сложил* [*чантата **ми*** (POSS)]? ‘Куда ты положил мою сумку?’→ *Къде си* (2SG) ***ми*** (POSS) *сложил* [*чантата t*]?

Къде си (2SG) *сложил* [*чантата **си*** (POSS)]? ‘Куда ты положил свою сумку?’→ *Къде си* (2SG) ***си*** (POSS) *сложил* [*чантата t*]?

Видях [*приятеля **ти*** (POSS)]. ‘Я видел твоего друга’ → *Видях **ти*** (POSS) [*приятеля t*]

Видях [*новия **ти*** (POSS) *приятел*]. ‘Я видел твоего нового друга’ → *Видях **ти*** (POSS) [*новия приятел t*].

При таком перемещении клитика может переосмысляться как аргументная или получать двойную трактовку, что отмечено еще в давней монографии Г. Ф. Цыхуна [Цыхун 1968: 88]. Более того, исследователи отмечают возможность и тройного толкования. Так, *Донесох **ти** шапката* может интерпретироваться тремя способами: 1) *Донесох на тебе шапката.* ‘Я принес тебе шляпу’; 2) *Донесох твоята шапка.* ‘Я принес твою шляпу’; 3) *Донесох на тебе твоята шапка.* ‘Я принес тебе твою шляпу’ [Ницолова 2008а: 165].

Возможно, однако, и единственно допустимое толкование клитики — как притяжательной: *Не **му** чух думите, но разбрах* (П. Незнакомов). ‘Я не слышал его слов, но понял’; *Понякога **ми** забравяше дори името* (П. Вежинов). ‘Иногда он забывал даже мое имя’.

Синтаксические правила, по которым происходит перемещение (подъем) болгарской притяжательной клитики, уже хорошо описаны, см. на русском языке [Циммерлинг 2013а], также, с несколько разных подходов, в [Dimitrova-Vulchanova 1999; Dimitrova-Vulchanova, Giusti 1999; Cinque, Krapova 2009; Schürcks, Wunderlich

2003; Zimmerling 2013 и др.]. Здесь остановимся на ином аспекте этого вопроса — роли лексики, лексико-синтаксических связей в предложении и других условий, блокирующих или допускающих переосмысление дательной клитики.

В последние десятилетия болгарская лингвистика далеко продвинулась в изучении этого вопроса [Станков 1982: 498; Пенчев 1984: 82—83; 1995 и др.]. Перечислим основные положения.

I. Однозначно аргументную трактовку получает дательная клитика в отсутствие определенного артикля при ИГ: *Взех ти билет.* ‘Я взял тебе билет’; *Купиха ми апартамент.* ‘Мне купили квартиру’; в том числе и в конструкциях квазипосессивного типа: *Той ми е приятел.* ‘Он мне друг’; *Тя му е съпруга.* ‘Она его (‘ему’) жена’.

Эта однозначность связана с тем, что операция «подъем посессора» возможна только из ИГ, маркированной определенным артиклем, а не из любой определенной ИГ.

В п. 5.2.2, характеризуя клитики именной группы, мы говорили о существующих двух возможностях употребления краткого посессива в ИГ без определенного артикля. Однако для осуществления «подъема посессора» эти условия становятся нерелевантны.

Так, в предложении *Видях този ти приятел*. ‘Я видел этого твоего приятеля’ допустимость употребления притяжательной клитики *ти* определяется ее постановкой после «лексического» маркера определенности *този*. Однако подъем клитики *ти* из ИГ *този ти приятел* невозможен: **Видях ти този приятел*. Ср.:

Видях [*новия* ***ти*** (POSS) *приятел*] ‘Я видел твоего нового друга’ → *Видях* ***ти*** (POSS) [*новия приятел t*];
Видях [*този* ***ти*** (POSS) *приятел*] → **Видях* ***ти*** [*този приятел*].

При именах родственников, которые не всегда оформлены определенным артиклем[25], перемещение реализуется с одновременным «восстановлением» показателя определенности (в то время как в ИГ с *този*, рассмотренной выше, эксплицировать определенный артикль невозможно). Например, подъем посессора при существительном *син* (которое должно обязательно получить артикль при последующем притяжательном местоимении) реализуется лишь перемещением: *Вземи* ***сина си*** *и иди под наем*. ‘Бери сына и уходи на съемную квартиру’. — *Вземи* ***си сина*** *и иди под наем*. В то же время при существительном *дъщеря*, которое допускает только безартиклевую форму при кратком посессиве, автоматическое перемещение бло-

[25] Не маркируются артиклем перед посессивной клитикой имена ближайших родственников в ед. ч. (*жена ми* ‘моя жена’, *дъщеря му* ‘его дочь’, *брат ти* ‘твой брат’), однако не подвергаются действию этого особого правила слова *мъж*, *син* (*мъжът ми* ‘мой муж’, *синът ти* ‘твой сын’), а также имена с уменьшительными суффиксами (*сестричката ти* ‘твоя сестренка’, *братчето му* ‘его братик’). При наличии согласованного определения действует общее правило: артикль ставится при первом согласованном определении: *втората ми жена*, *милата ти сестра*, *малката ти сестричка*.

кируется: *Посъветвай* ***дъщеря си***. ‘Посоветуй дочери’. — **Посъветвай си дъщеря* [Пашов 1978: 126]. Перемещение будет допустимо, если оно сопровождается одновременным присоединением артикля: *Посъветвай* ***дъщеря си***. — *Посъветвай* ***си дъщерята*** (ср. **дъщерята си*). При этом формы с перемещением стилистически снижены [Станков 1982: 498], об этом эффекте см. и далее.

II. При наличии артикля в ИГ с кратким посессивом выделяются несколько разных случаев, а именно следующие.

1. Если предикат имеет валентность на дательный аргумент, дательная клитика трактуется как личная или допускает два толкования: *Прочетох* ***му*** *писмото* (‘Я прочитал ему письмо’ и ‘Я прочитал его письмо’). Р. Ницолова отмечает, что аргументная трактовка вне контекста принимается первой. Неоднозначное прочтение при глагольном предикате обычно снимается в тексте:

Прочетох ***му*** *писмото и също му писах*, ср. [*писмото му*]. ‘Я прочитал *его письмо* и тоже ему написал’;

Прочетох ***му*** *писмото и той се развълнува*. ‘Я *прочитал ему* письмо, и он разволновался’, в том числе удвоением личного краткого местоимения полной формой: *Прочетох му писмото* ***на него***.

Сочетание аргументной и притяжательной клитики невозможно, так что допустимо говорить о том, что при реализации дательной валентности глагола операция «подъем посессора» блокируется: ср. *Чета му* (DAT) [*статията си* (POSS)]. ‘Читаю ему свою статью’, но **Чета му* (DAT) *си* (POSS) [*статията t*]. Клитика, занимающая место датива, может толковаться как аргументная или получать комбинированное толкование.

2. Несколько иначе обстоит дело в предложениях с переходным глаголом, не способным иметь дат. дополнение: *Загубих* ***му*** *ключа*; *Падна* ***ти*** *шапката*; *Получих* ***ти*** *писмото*; *Видях* ***ти*** *колегата.* В этих фразах синтаксические и семантические характеристики глагола заставляют трактовать местоимение скорее как обозначение притяжателя, а не бенефицианта (В. Станков, Р. Ницолова). На русский язык они переводятся как посессивные или (если допустимо) как квазипосессивные конструкции, ср. соответственно: *Я потерял его ключ*; *У тебя шапка упала / Твоя шапка упала*; *Я получил твое письмо*; *Я видел твоего коллегу*.

В болгарской лингвистической литературе привлекают к анализу подобных случаев такие факторы, как лексическая семантика имени и наличие/отсутствие отношений собственности, отмечается и разный стилистический эффект перемещения клитики при разных типах существительных. Так, существительные неотторжимой принадлежности допускают перестановку прежде всего рефлексивной клитики — без каких-л. ограничений, не меняя притяжательной трактовки: *Вдигни ръката си* ‘Подними руку’. → *Вдигни си ръката*; *Дай си ръчичката.* ‘Дай ручку’. Такое перемещение меняет лишь стилистическую окраску на разговорную.

В случае нерефлексивной клитики чаще возникает допустимость толкования ее не только как перемещенной притяжательной, но и как аргументной, т. е. включенной в квазипосессивную конструкцию: *Вдигни му ръката*. ‘Подними его

руку / (?) Подними у него руку’; *Виж ѝ косата каква е мазна.* ‘Посмотри на ее волосы / (?) Посмотри ей на волосы — какие жирные’; *Падна ми зъбът.* ‘У меня зуб выпал’.

При именах отчуждаемой принадлежности перемещение посессива также ведет к стилистической сниженности, а трактовка местоимения как квазипосессивного (или с двойным толкованием) зависит от семантики глагола, его возможности присоединять актант со значением внешнего посессора, ср.: *Падна му шапката.* ‘У него шляпа упала. / Его шляпа упала’, но только с посессивной трактовкой: *Загубих му ключа*. ‘Я потерял его ключ (*Я потерял у него ключ)’. Использование обладаемого в роли подлежащего значительно повышает допустимость аргументной трактовки клитики: *Къде ми се е загубил чадърът?* ‘Куда у меня делся зонтик? / Куда делся мой зонтик?’

В разговорных репликах с именным предикатом, допускающим датив притяжателя (конструкцию с внешним посессором), двойная трактовка может не сниматься в широком контексте. Именно в таких случаях говорят о действительно двойной отнесенности дательной клитики: *Къде **ти** е чантата?* ‘Где у тебя сумка? / Где твоя сумка?’

То же касается и распространенных устойчивых разговорных формул с именным предикатом, где дательная клитика получает двойное осмысление: *Това ли **ти** е мечтата?* ‘Это и есть твоя мечта? / Это такая у тебя мечта?!’, также: *Това ли **ти** е хобито?*[26], см. и при упреке: *Къде са ти очите!?* (‘Где у тебя глаза / твои глаза?’, ‘Куда ты смотрел?’).

Несколько иная ситуация в отсутствие отношений собственности. Существительные родства, социальных отношений, не связанные отношениями собственности с адресатом, в принципе, должны соединяться только с приименными притяжательными клитиками: *Видях приятеля ти*, поэтому их перестановка редка, а если и происходит, то является маркером фамильярности, небрежной речи: *Видях ти приятеля* (‘Да видел я твоего друга’). В данном примере нет осмысления притяжательной клитики как личной, однако иногда возможно «квазипосессивное» толкование, если допустимо переосмысление родственных / социальных связей релятивного существительного.

Так, перестановка посессива в предложении *Видях секретарката ти.* ‘Я видел твою секретаршу’ может привести к фамильярно-иронической трактовке: *Видях ти секретарката…* ‘Видел я твою секретаршу… [а только ли секретаршу…?]’.

[26] По той же биноминативной форме строятся вопросительные предложения, в которых краткая местоименная форма используется в особой функции — как указание на источник мнения (подобно вводным словам): *…това ли **ти** е бил късметът: венчават се на 10 май и Димитър заминава на фронта.* ‘И это, *по-твоему*, везение? Венчаются 10 мая, и Димитр уходит на фронт’; *Това ли **ти** е културата?* ‘*По-твоему*, это культура?’

В подобных употреблениях нет ни отношений притяжания, ни бенефицианта. Обычно используется местоимение 2 л. ед. ч. Но и 3 л. в данной функции не исключено. Чаще при этом, однако, пользуются цитацией: *Това ли **му** е «мирът»?* ‘Это, по его мнению, «мир»?!’

3. Фиксируются особые случаи, которые могут рассматриваться как «подъем» клитик, полученных в результате сокращения притяжательной группы.

а) Для краткого возвратного местоимения дат. падежа *си*, помимо многочисленных функций свободного возвратного датива, описывается еще одно употребление, которое расценивается как «мнимо приглагольное» [Петрова Г. 2008: 131]. Речь идет об употреблениях типа *Дай си му книгата*, где *си* не может трактоваться как перемещенное притяжательное местоимение (т. к. невозможно **Дай си книгата му*).

Для подобных случаев Й. Пенчев [Пенчев 1984: 82—83; 1995] выдвигает следующее решение: элемент *си* здесь является следом устранения полной формы притяжательного местоимения из рефлексивизированной притяжательной формы *неговата си*[27]: *Дай му* (DAT) [*неговата* <u>***си***</u> (PCL)] *книга.* ‘Дай ему [его [<u>собственную</u>]] книгу’ → *Дай* ***му*** ~~*неговата*~~ ***си*** *книга* → *Дай си* (PCL) *му* (DAT) *книгата*.

Такое *си* в результате выступает как усилительная частица, см. [Петрова Г. 2008: 131]. Встраиваясь в цепочку, оно занимает место перед местоименным дативом.

б) В устной болгарской региональной речи (в районе Бургаса и Варны) фиксируются случаи дублирования ИГ, когда притяжательная клитика накладывается на уже занятое аргументное место в цепочке: *Ана ви* ***му*** *го даде* (*писмото* ***на Иво***), где *му* дублирует притяжательную группу *на Иво*, см. [Петкова-Шик 1997: 56].

Но и это маргинальное употребление не меняет общего положения о том, что клитика, сдвинутая со своего места в именной синтагме и попадая в кластер клитик, занимает место клитики дат. падежа и начинает подчиняться законам приглагольной клитики.

Итак, притяжательные клитики могут передвигаться в приглагольные позиции, если место дативного аргумента в цепочке свободно. При этом синтаксическое перемещение не всегда заканчивается переосмыслением притяжательной клитики как аргументной. Возможность сохранения посессивной трактовки зависит от лексико-семантических условий. Перемещение однозначных посессивов в позицию аргументной клитики в болгарском языке сопровождается стилистической или прагматической окраской результирующего высказывания.

---

[27] Присоединение *си* к притяжательным местоимениям (*неговата си*) и прилагательным со значением собственности (*собствения си*, *личния си*, *родния си*), характерное для разговорной речи, усиливает значение принадлежности. Такое употребление у Г. Петровой [2008: 130—131] определено как «усилительная» функция частицы *си* и соотнесено с другой характерной для болгарского языка ролью *си* — усилением значения неопределенности при присоединении к неопределенным местоимениям и наречиям (*някакъв си*, *някъде си*), часто с оттенком пренебрежения: *Какво тук значи някаква* ***си*** *личност!* (Н. Вапцаров), ср. русск. *Что тут значит какая-то* ***там*** *личность!*

5.2.5. Частица *ли* в цепочке сентенциальных клитик. Расширение функций болгарского *ли* и его синтаксические последствия

Позиция *ли* в болгарском предложении описана как с точки зрения коммуникативной (о *ли* как маркере фокуса см. [Rudin 1997; Rudin et al. 1998; Тишева 2004а; 2004б; 2005; 2006; Мишеска-Томиќ 2010 и др.]), так и формально-синтаксической, см. [Циммерлинг 2013а: 115—117, 396—400, 420—421, там же и другая литература]. При этом в работах А. В. Циммерлинга *ли*, в отличие от других формальных концепций, предстает как грамматикализованный селективный барьер, действующий на кластеризуемые болгарские клитики.

Здесь мы представим описание места *ли* в болгарском предложении с клитиками исходя из коммуникативно-функциональных условий ее употребления.

Частица *ли* имеет самый высокий ранг из всех болгарских энклитик, именно она начинает (в тривиальном случае после начального глагола) цепочку энклитик: *Подигравате* ***ли ми се****?* ‘Разыгрываете меня?’; *Обадил* ***ли си му се****?*; *Носиш* ***ли ми го****?*, в том числе после ритмико-синтаксического барьера: *Тези хора //*[28] *подиграват* ***ли ми се****?*; *Кражби // ставали* ***ли са*** *при вас?*; *Когато се върна снощи, // видя* ***ли го****?*; *Ваньо, // обичаш* ***ли ме****?*

Частица *ли*, в отличие от других клитик, поразительным образом сохраняет свои энклитические свойства. Наиболее показательный пример устойчивой энклизы *ли* — это симметричное по отношению к глаголу расположение *ли* и других клитик при неударном начале предложения и в отрицательных предложениях.

Так, при неначальном положении основного глагола все сентенциальные энклитики болгарского языка, кроме *ли*, лишь механически привязываются к начальному компоненту (начальной составляющей), оказываясь перед глаголом: *Винаги* ***съм му го*** *казвал.* ‘Я всегда ему это говорил’. Начальная составляющая может быть и безударная: *<u>Ще</u>* ***ти го*** *върна*; *<u>Да</u>* ***ми се*** *обадиш веднага!* Но *ли* не ведет себя столь же автоматически: она не может следовать за безударным словом, поскольку является строгой энклитикой. Например, в следующих вопросительных конструкциях частице приходится пропускать вперед всю безударную цепочку, дожидаясь ударного глагола: ***Ще ми се*** *обадиш* ***ли****?*; ***Ще ми го*** *върнеш* ***ли****?*; ***Да ти го*** *донеса* ***ли****?*

Так же строго энклитично ведет себя *ли* и в отрицательных предложениях. Важнейшая особенность *ли* на фоне других сентенциальных клитик болгарского языка заключается в том, что она никогда не принимает на себя ударение после болгарской частицы *не*, которая всегда акцентирует последующую клитику — любую, кроме *ли*. Ударение получает первая же клитика после *не*, остальные продолжают безударную цепочку в порядке, соответствующем их рангам: *Не* ***му́ го*** *казах*; *Не* ***сме́ му се*** *обидили.*

Однако *ли* не может принять на себя ударение после *не*, поэтому в вопросительно-отрицательных предложениях она пропускает вперед (следующую по рангу)

[28] Знаком //, вслед за А. А. Зализняком [1993; 2008], здесь и далее помечается ритмико-синтаксический барьер, см. раздел. 5.2.7.

энклитику, которая после *не* становится ударной и образует базис тактовой группы: *Не **мý ли го** каза?*; *Не **мú ли се е** обидил?*

При этом *ли*, в соответствии с высотой своего ранга, стремится на первое же место после ударной клитики, ради этого разрывая даже тесно связанную пару местоименных клитик дательного и винительного падежей: *Не **мú ли я** даваш?*; *Не **тú ли го** казах?*; *Ти не **мú ли го** върна вече?*

Строго энклитична позиция *ли* при любых типах вопросов. Основные сферы, где встречается *ли*, — *да/не-* вопросы, разные виды риторических и рефлексивных вопросов; косвенные вопросы; в качестве союза в разделительных и условно-уступительных предложениях. Хотя способы построения всех указанных видов конструкций с *ли* различаются, в тривиальном случае частица находится справа от фокусируемого элемента, ср. *Готова **ли** е статията? — Питай го готова **ли** е статията. — Готова **ли** ти е статията или още искаш да я доработиш?*

Устойчивость энклизы *ли*, по-видимому, определяется тем, что эта частица имеет совершенно определенную функцию в высказывании — она указывает на коммуникативно-смысловое выделение левостоящего элемента, и это требует неизменности ее позиции. Частица *ли* в обычном случае находится после фокусируемого элемента, который выделен и по смыслу, и ударением и потому обладает и просодическими возможностями служить базисом для *ли*.

Базисом для *ли*, таким образом, может быть и глагольное сказуемое (*<u>Ще</u> ми <u>дойдеш</u> ли на гости?*), и неглагольный предикат в связочном предложении: *Ами вие // <u>оттук</u> **ли** сте?*; *Той // <u>в командировка</u> **ли** е?*, и любой другой член предложения, готовый нести фокусируемую смысловую нагрузку: *Тя // <u>също</u> **ли** е от България?*; *Тя // <u>всичко</u> **ли** ти разказва?*; *А това // <u>често</u> **ли** ви се случва?* (П. Вежинов); *<u>За танци</u> **ли** сме тръгнали?* (Д. Димов); *<u>Отначало</u> **ли** да почна?*; *А бе <u>още</u> **ли** да се разправям?* (С. Стратиев); *<u>Пак</u> **ли** почваш?*; *<u>Снощи</u> **ли** пристигна?*

Примечательно, что в болгарском языке таким же базисом для *ли* могут быть морфемы-частицы[29] «степени» *пó* и *най*. В этом, впрочем, нет ничего неожиданного, т. к. данные показатели в болгарском языке являются не только универсальным морфологическим средством образования степеней сравнения для качественных прилагательных и наречий, но способны — уже в качестве частиц[30] — употребляться с другими частями речи, активизируя либо качественные семы (*Той е пó майстор / пó демагог / пó наш човек*), либо любые контекстуальные варианты признака, допускающего изменение по интенсивности, продолжительности или другим количественным параметрам (*Най мразя да мия съдове*; *Там пó се намира работа*; *Минете най в средата*; *Това е пó към центъра*; *Той пó е в течение*). При этом данные частицы имеют самостоятельное ударение (даже в составе форм

[29] Грамматическое определение Ю. С. Маслова.

[30] Это отражено и в написании — показатель сравнительной степени *по* пишется через дефис с прилагательными и наречиями, но при других частях речи *пó* пишется отдельно и с указанием ударения.

прилагательных и наречий), а при употреблении с другими частями речи являются еще и слабо отделимыми.

Таким образом, *пó* и *най* могут становиться базисом для сентенциальных клитик: *Пó* ***ми*** *върви, когато съм с теб*. ‘Мне больше везет, когда я с тобой’; *Най* ***ги е*** *яд за парите*. ‘Больше всего им за деньги обидно’; *Този път интервюто пó* ***се е*** *получило*. ‘В этот раз интервью получилось лучше’. Проклитический показатель будущего времени также следует за *по* и *най* (вместе с последующими энклитиками): *Най* ***ще се*** *дърпат новите столичани*. ‘Больше всего будут сопротивляться новые жители столицы’; *Колко пó говориш за тях, толкова пó* ***ще те е*** *страх*. ‘Чем больше ты будешь о них говорить, тем больше тебе будет страшно’.

На этом фоне использование *пó* и *най* как базиса для *ли* в болгарском языке совершенно естественно. Ранжирование клитик в цепочке после частного вопроса с *ли* сохраняется: *Пó* ***ли*** | ***ще се*** *харесваш с права коса?* ‘Ты больше будешь себе нравиться с прямыми волосами?’; *Пó* ***ли*** | ***ти се*** *нрави една вечно съгласяваща се жена?* ‘Тебе нравится больше, когда женщина вечно соглашается?’

Но что особенно показательно, не только сами частицы *пó* и *най*, в целом обладающие достаточной линейно-синтагматической свободой, но и сами грамматические показатели — морфемы *по-* и *най-* — при качественных прилагательных и наречиях (ср. *по-хубав*; *най-добре*) допускают фокусирование с помощью *ли*: *Пó* ***ли*** *е хубава новата му кола?* ‘Его новая машина лучше?’, также: *Най* ***ли*** *е добре да излезем?* (примеры доц. М. Димитровой); *Така, с тази премяна, бялата, пó* ***ли*** *ми е добре? — Пó* (И. Волен).

Итак, энклитичность болгарского *ли* в стандартных функциях обусловлена и просодически, и функционально.

Можно обозначить два отступления от этого правила, противоположные по векторности, когда энклиза *ли* обусловлена либо только просодически, либо только функционально.

1. Условия, когда энклиза *ли* обусловлена только просодически, связаны с теми случаями, когда имеется ударный (но не смысловой) базис для *ли*. Выше был показан один из таких контекстов — вопросительно-отрицательные предложения: *Не мý ли го каза?*

Помимо того, просодически обусловленную энклизу демонстрирует болгарское *ли* в аналитических глагольных формах с полноакцентными вспомогательными глаголами: *Няма* ***ли*** *да ми го дадеш?*; *Щеше* ***ли*** *да му се обаждаш? Беше* ***ли*** *му го върнал?*, ср. и сокращенный вариант глагольной формы *беше — бе*: *Не бе* ***ли*** *се разкрил най-глупашки?*, то же при связке с именным предикатом: *Но бе* ***ли*** *справедлив, — не знам* (К. Цанков).

2. Условия, когда энклиза *ли* обусловлена только функционально, связаны с экспансией фокусообразующей функции *ли*. Частица *ли* способна брать в фокус всю рематическую часть вопроса, см. об этом и в разделе «Вопросительные предложения». Иначе говоря, *ли* отчленяет конституирующую часть вопроса (в понимании Т. Е. Янко [2001: 42]).

Функциональная экспансия болгарского *ли* выражается прежде всего в распространении ее употребления как «удостоверяющей» и заключающей общий вопрос частицы. Такие вопросы наиболее распространены в тех контекстах, когда ожидается подтверждение предполагаемой (или оговоренной и очевидной) информации:

> *Не ми го даваш **ли**?*; *Няма да му кажеш **ли**?* (на фоне обычных вопросительных предложений *Не ми **ли** го даваш?*; *Няма **ли** да му кажеш?*), напр. в контексте: *Това много ми трябва. Не ми го даваш **ли**?* ‘Мне это очень нужно. Так ты мне это не даешь (ли)?’ (‘отказываешься дать’).

Завершающее *ли* оказывается удобным маркером и для эхо-вопросов: *Няма никакъв начин. — Няма начин **ли**? Ти си мислиш така!* ‘Нет никакой возможности… — Нет возможности (ли)? Я так не думаю!’ (*букв.* ‘Это ты так думаешь!’), см. и другие примеры, где нехарактерное завершающее место частицы *ли* (без обычного продвижения вперед вместе с фокусируемым элементом) указывает на то, что это удостоверяющий или эхо-вопрос:

> *Значи, обадил ти се е вчера от гарата ли*? ‘Значит, он позвонил тебе вчера с вокзала (ли)?’; *Какво правя в тази кола ли? Чакам едно момиче* (Д. Енев). ‘Что я делаю в этой машине (ли)? Жду девушку’.

Так что новые синтаксические характеристики частицы *ли* связаны с расширением ее функций и уже не имеют привязки к просодическим закономерностям.

В целом энклиза *ли* оказалась закреплена надежнее, чем у других энклитик, благодаря ее специфической коммуникативной функции в предложении — как маркера фокуса для левостоящего элемента. Это создает цельность просодико-функциональной энклизы *ли*, позволяя ей в рамках типичных ее функций оставаться наиболее последовательной «ваккернагелевской» клитикой. Расширение функций болгарской вопросительной частицы («удостоверяющий» и «эхо»-вопрос) меняет ее синтаксис как частицы «второй позиции» и делает его независимым от просодии.

5.2.6. *Ли* при именной группе

Современное болгарское *ли*, выводя в фокус вопроса ИГ или ее атрибут, не расщепляет ее (как, например, в русском языке), а замыкает: *А майсторът // **възпитан господин ли** е?* (Д. Димов). ‘А мастер воспитанный господин (ли)?’, также: *Ти // **всеки ден ли** искаш да стават убийства?* (П. Вежинов); *Сега // от **един нищо и никакъв шофьор ли** ще се притеснявате?* (С. Стратиев), в том числе при союзных функциях: *Не знам кой е виновен — ние ли, децата ли, // **средното училище ли***… («Арена»).

Расщепление может отсутствовать даже при выраженном контрасте, ср. соответственно эксплицитный и имплицитный контраст: *Ама, какво става тук! Тя **ваша** съученичка ли е, или **моя**?* (С. Стратиев); *Това тук // **вашият** подпис ли е? **Вашият**. На **официален** документ ли е? На **официален*** (С. Стратиев).

Синтаксические позиции ИГ здесь не имеют существенного значения — это может быть и предикатная группа (как в предыдущем абзаце), и актантная: *Само Фонд «Научни изследвания»* ***ли*** *помага на науката в България?* 'Только лишь Фонд научных исследований (ли) помогает науке в Болгарии?'

Неважен и характер расширения (препозитивные или постпозитивные определители, согласованные или несогласованные):

> ***С този мъж ли*** *ще правиш семейство?* 'С этим мужчиной (ли) ты собираешься создать семью?'; *Котешкият грим // само* ***с черен молив ли*** *го правиш?*; ***В дома на издателя Бисеров ли*** *ви дойде тази идея?* (Ц. Марангозов); *— Братко — обърна се тя към по-високия от тях — вие //* ***от болницата на отец Ередия ли*** *сте?* (Д. Димов).

ИГ, которую завершает *ли*, может быть достаточно протяженная, если включает относительные (определительные) придаточные:

> ***Същия ден, когато те би***, ***ли*** *е откраднал тия неща?* (Б. Биолчев). 'В тот день, когда он тебя бил (ли), он украл эти вещи?'; *Съжалявам, но обичам друг. — Кой,* ***оня, дето те би ли****?* (Н. Десев); *Та тъкмо* ***на човека, който прояви благородство към него, ли*** *ще прави мръсно?* (А. Мандаджиев)[31].

Расщепление ИГ наблюдается в разговорной речи при выраженном контрасте и в некоторых типах именных синтагм с квантификаторами: *Всички* ***ли*** *овце са такива, не знам, ама нашата*… (С. Стратиев). 'Все ли овцы такие, не знаю…'; *И тази* ***ли*** *година цялата диплома е балообразуваща?*

Итак, болгарская частица *ли* при вопросах к ИГ, как правило, замыкает ее даже при контрастно выделенном атрибуте.

Как связать эту особенность со всем сказанным ранее о фокусообразующих свойствах болгарского *ли*? Объяснение здесь можно искать в отмеченной более чем полвека назад Иваном Гылыбовым [Гълъбов 1986 (1950)] тенденции к закрытию границ ИГ в болгарском языке — тенденции, которая оформилась благодаря закреплению определенного артикля и последующей грамматикализации кратких дательных форм как притяжательных местоимений. Поэтому *ли* в болгарском языке регулярно не преодолевает границу ИГ, она не способна и кластеризоваться с чисто групповой клитикой притяжательности: *Ти с* [*всичкия* **си** *ум*] ***ли*** *си?*; [*Целият* ***ни*** *разговор*] ***ли*** *си му предал?*

5.2.7. Место сентенциальных клитик в предложении

Расположение славянских сентенциальных клитик (в том числе цепочки клитик) в предложении — объект рассмотрения в десятках исследований, особенно за пределами славянских стран [Clitics, pronouns and movement 1997; Clitics in the languages of Europe 1999]. Многие имеющиеся различия и сходства между сла-

[31] В разговорной речи, однако, частица *ли* будет передвигаться ближе к субстантивной основе группы.

вянскими языками в порядке слов обобщены в [Циммерлинг 2012б; 2012в; 2013а; 2013б; Kosta, Zimmerling 2013].

Болгарские клитики (как и македонские), как известно, противопоставлены другим южнославянским: болгарские и македонские клитики занимают позиции, смежные с глаголом (VA-клитики**)**, а сербохорватский, словенский и другие языки обычно рассматриваются как языки 2P-типа, поскольку их клитики регулярно продвигаются во вторую позицию. А. В. Циммерлинг предлагает доказательства того, что болгарские кластеризуемые местоимения и связки одновременно являются 2P-клитиками и VA-клитиками [Циммерлинг 2013б: 70—72].

Возможные начальные группы для болгарских клитик. Как показывают многочисленные современные исследования порядка слов языков с клитиками, фонетические закономерности могут объяснить лишь небольшую часть случаев расположения клитик в предложении. Без привлечения синтаксических параметров описать постановку клитик в современных языках вряд ли возможно. «Ссылки на фонетические свойства строгих энклитик объясняют наличие одной или нескольких словоформ перед ними, но не могут объяснить ограничения на число синтаксических групп, предшествующих кластеризуемым клитикам» [Там же: 42].

Начнем с тех случаев, которые еще поддаются просодическим комментариям.

1. Многочисленные уточнения того, что понимается под «ваккернагелевским» п е р в ы м м е с т о м в п р е д л о ж е н и и, как кажется, уже исчерпывающе доказывают, что первый элемент, за которым может следовать клитика или цепочка клитик, представляет собой не обязательно одно ударное слово, а ударный комплекс, как подчеркнутые далее: <u>*А как*</u> ***ми се*** *спеше!*; *Мога ли да имам аз пет хиляди лева! <u>Че от какво</u>* ***съм ги*** *спечелил* (Елин Пелин). Сохраняет свою актуальность и тот факт, что первое место в предложении не всегда должно быть и ударным. В начале фразы вполне возможна и проклитико-энклитическая группа, как это было и в более древний период [Зализняк 2008: 9]. В болгарском языке такой наиболее распространенной группой является сочетание энклитик с частицей *да*, напр. ***Да му се*** *обадиш!*, и проклитикой *ще*: ***Ще му се*** *обадя.*

2. Тривиальным случаем является предложение, где сам глагол занимает первую позицию, а энклитики стоят после него: *Обадих му се вчера*; *Донесе ми ги*; *Сложил съм го в хола.*

3. Если глагол занимает не начальную позицию, клитики лишь механически привязываются к первому ударному слову или комплексу[32], после цепочки клитик следует глагол: *Вчера* ***му се*** *обадих*; *Той* ***ми ги*** *донесе*; *Винаги* ***ми се*** *сърди*; *В хола* ***съм го*** *сложил.*

Таково же расположение клитик при отрицательном сказуемом. Поскольку отрицательная частица *не* акцентирует следующую за ней клитику и образует с ней базис тактовой группы, за ними следуют остальные клитики в порядке их рангов: *Не* ***сме́ му се*** *обидили*; *Не* ***му́ го*** *каза*; *Не* ***му́ се е*** *обаждала.*

---

[32] Но частица *ли* не ведет себя столь же автоматически, как было показано ранее.

Указанные положения применимы лишь для предложений, в которых первое слово не является сложной составляющей. Помимо просодически объяснимых «начал», современные славянские языки имеют грамматические допуски и ограничения на возможные начальные группы, после которых располагаются сентенциальные клитики [Циммерлинг 2013б: 66; Clitics in the languages of Europe 1999]. Следующие далее правила демонстрируют синтаксически допустимые возможности для начальных групп предложений с клитиками в болгарском языке.

4. Если первая составляющая состоит из нескольких ударных слов, болгарские клитики следуют после всей составляющей:

> [*Някакви манифестиращи селскостопански работници*] ***са ги*** (*камъните*) *нахвърляли по целия площад* (Г. Тенев); [*Връзката с Ирина*] ***му*** *тежеше отдавна*… (Д. Димов); [*При качване в автобуса*] ***сте*** *длъжни да закупите билет от кондуктора*; [*Приликата в гласовете ви*] ***ме*** *подведе* (Н. Десев).

Разрыв сложной составляющей местоименными и глагольными сентенциальными клитиками в болгарском языке недопустим. Однако частица *ли* иногда может разрывать начальную ИГ[33]: [*Всички* ***ли*** *мъже*] *са такива, не знам.*

5. Перед клитиками в болгарском языке возможен и свернутый предикативный компонент, и полная сентенциальная составляющая, см. описание всех ограничений и возможностей в [Циммерлинг 2012б; 2013а; 2013б], что указывает на синтаксические (а не фонетические) условия расстановки клитик.

Далее проиллюстрируем постановку клитик в сложноподчиненном и осложненном предложениях в традиционных терминах.

1) Разрыв предложения придаточной частью, обособленным оборотом или вставной конструкцией (далее эти элементы подчеркнуты) не влияет на расположение клитик главной части:

> *Неучтивият начин, по който ѝ заговори,* ***я*** *разгневи* (Д. Димов); …*Тревогата от дребните усложнения, които можеха да настъпят,* ***го*** *караше да мисли за скъсване* (Д. Димов); *Под името ми със скромната титла «мистър» следва моя неизменен адрес, а отгоре, в крайчеца на плика,* ***се*** *усмихва мършавият образ на Абраам Линколн върху една синя марка от петнайсет цента* (С. Минков); *Може ли да не се радваме, като гледаме, че и ние, българите,* ***се*** *удостояваме с едно таквоз учреждение*; *Сега тези хора, те още са живи,* ***ми*** *навяват такава тъга, такава тъга*…(Г. Господинов); *Пианистката, викаше се Ненка,* ***го*** *позна и той се сети, че това беше същата онази Ненка*… (В. Голев).

[33] Таким образом, можно было бы утверждать, что клитика *ли* в болгарском языке является единственной клитикой 2P-позиции (ср. в [Циммерлинг 2012в: 18] о необходимости различать языки, допускающие в 2P-позиции единичные клитики либо же цепочку клитик). Однако такой разрыв возможен лишь в устной речи в определенных семантических условиях и в некоторых синтаксических типах синтагм. В письменной речи разрыв не считается нормативным, см. раздел 5.2.6.

2) Если осложненное предложение начинается с обособленного оборота, клитики ставятся перед глаголом: *Влизайки в стаята,* ***се*** *огледа*; *Приятно уморени,* ***се*** *запътихме към базата ни*.

3) Если прямая речь предваряет авторскую в конструкциях с прямой речью, нормативен вариант с глагольным началом и постпозитивными клитиками: *Но влезте, влезте! — кани* ***ме*** *Юлия Серафимова…* (Ц. Марангозов); *Аз съм Борис Морев, син на Редингота — представи* ***се*** *той, като че беше решил да се забавлява с баща си* (Д. Димов). Авторскую речь возможно начать с клитики, когда прямая речь не оформлена как цитата, как это часто наблюдаем в жанре газетных новостей: *Възможно е да има сблъсъци на етническа основа,* ***се*** *очаква да обяви Доган на VI Национална конференция* («168 часа», 2006, № 13).

4) Если сложное предложение начинается с придаточного, клитики в постпозитивной главной части в норме должны стоять по обычным правилам (пример (а) ниже), тем не менее «в составе сложного предложения начальная предглагольная позиция (после запятой) не запрещена: *Като го видях,* ***му*** *казах*» [Пенчев 1984: 72], см. еще примеры (б).

(а) *Когато дойдеш, обади* ***ми се****.* ‘Когда придешь, позвони мне’;

(б) *Вместо да ме наградят,* ***ме*** *съдят.* ‘Вместо того, чтобы меня наградить, меня судят / осуждают’; *Като влязох,* ***го*** *забелязах веднага.* ‘Войдя (*букв.* Когда вошел), я сразу его увидел’.

Условия, при которых реализуется порядок слов (б) вместо (а), не определены. Отчасти он зависит от цельности произнесения, от семантической слитности частей, как, напр., в СПП с заместительным придаточным: *Вместо да ме наградят,* ***ме*** *съдят*, или с временным *като*, которое вводит, по сути, сопутствующее действие (действие с минимальным временным промежутком следования): *Като влязох,* ***го*** *забелязах веднага*, как и с придаточным с союзом *без да*: *И без повече аз да го питам,* ***му*** *прибирам различни неща.* Однако см. и в отсутствие таких условий: *И понеже често ти създавам ядове,* ***съм ти*** *нещо като слабост* (В. Колев).

При рассмотрении факторов, влияющих на появление энклитики после препозитивного придаточного, нельзя исключать и роль субъективно-авторской манеры письма, ср. примеры из одного автора из [Шанова 2006]: *Докато го галеше с къдрите, въртейки глава,* ***си*** *представи как го захапва за здравия врат*; *Докато тя късаше цветя*, ***се*** *наведе под колата*; *Ако още веднъж се появиш*, ***ти е*** *спукана работата* (Д. Шумналиев).

5) Клитики в составе придаточного предложения располагаются сразу после подчинительного союза или союзного слова, если далее следует сказуемое:

Нали ми каза, че ***ми се*** *обадиш веднага щом се прибереш*; *Благодаря, че* ***си ми се*** *доверила отново!*; *Той беше едър петдесетгодишен мъж, с грамадни плещи и енергично, гладко избръснато лице, което* ***му*** *придаваше властен вид* (Д. Димов); *В тази наслада от затъмнени картини и звуци преминавам цялото разстояние,*

което ***ми е*** *предопределено да пропътувам, за да* ***се*** *озова пред блестящи врати с месингови дръжки и безшумно разтварящи се крила* (Г. Тенев); *И все пак се чувствам някак хладно изтръпнал, сякаш* ***са ме*** *извадили от хладилник* (П. Вежинов).

В ином случае, когда придаточное начинается с актанта, сирконстанта либо частиц, клитики смещаются вправо и ставятся между начальным элементом (далее подчеркнут) и глаголом:

Нали ми каза, че Иван ***ти се*** *обади*; *Дългите години на печално детинство и на неизлечимата учителска бедност на баща му бяха наслоили в душата му студ и горчивина към света, които винаги* ***му*** *пречеха да се вълнува* (Д. Димов); *Приличаше ми на морско свинче, ама много старо морско свинче, дето вече* ***му е*** *омръзнало да живее* (П. Вежинов).

Сдвиг клитик под влиянием барьера. Причины расположения кластера клитик на значительном расстоянии от «второго места» от перечисленных начальных групп в подавляющем большинстве случаев хорошо объяснимы с привлечением понятия ритмико-синтаксического барьера — условной границы внутри предложения, после которой отсчет позиции начинается заново. «Наличие во фразе барьера означает, что вопрос о положении энклитик решается уже в рамках послебарьерного отрезка» [Зализняк 2008: 90].

В работах А. А. Зализняка [1993; 2008] были описаны виды барьеров, которые влияли в древнерусском языке на порядок клитик. Барьеры обязательные реализовывались всегда. Факультативные барьеры, зависящие от интенции говорящего, представляли собой просодическое выделение части фразы или ее ритмическое выделение. Полуобязательные барьеры действовали на слабые энклитики, поэтому происходило разделение энклитик: сильные ставились левее полуобязательного барьера, слабые — правее (как последний пример ниже с ***же*** и ***вы***): *охъ, // брате, // помози* ***ми***;*… а дроужина моѩ // изнемогласѧ. … и о семь* ***же*** *// молю* ***вы*** *и заклинаю* [Зализняк 2008: 50—57].

С введением понятия ритмико-синтаксического барьера стало возможным истолковать многие случаи расположения клитик и в современных славянских языках, а именно их позиции значительно правее второго (послеударного) места в предложении, которые раньше объяснялись паузой и — шире — интонационными и коммуникативными причинами, см. комментарии Й. Пенчева и З. К. Шановой к примерам «*При това се оказва, че…*» и «*При това // оказва се, че…*» [Пенчев 1966], *Все пак // съветвам ви да си припомняте за отминалото премеждие* (Н. Стоянов) [Шанова 2006].

Теория барьеров позволяет объяснить и другие случаи сдвигов, интонационно менее зависимые. Приведем примеры действующих в болгарском языке барьеров — обязательных и факультативных[34]:

[34] Трактовка барьеров ведется преимущественно в терминах работ А. А. Зализняка. Более формализованные синтаксические правила барьеров см. в работах А. В. Циммерлинга. В част-

а) обязательны барьеры после обращений: *Ваньо, // обади* ***ми се*** *утре*; междометий: *Ох*, *// как* ***ми се*** *приспа!*;

б) факультативны и находятся на грани нормы барьеры после частиц, см. пример З. К. Шановой выше, и инициальных союзов: *И // решихме* ***се***; *Но // разбраха* ***се*** *после*;

в) при нескольких сочиненных сказуемых при бессоюзной связи барьер обязателен и находится перед группой каждого непервого сказуемого: *Обичаше я, // вярваше* ***ѝ***.

При наличии сочинительного союза барьера после него нет: *Обичаше я // и* ***ѝ*** *вярваше*; *Взели ме // и* ***ме*** *прибрали бързо*; *Поздрави го от мене // и* ***му*** *кажи, че отговорникът в градския комитет по складовите дружества е вдигнал много високо мерника* (Д. Димов); *Това твое предположение ли е, // или* ***си*** *говорила с някого?* (С. Стратиев). Случаи вынесения возвратной клитики в постпозицию к глаголу при сочинительной связи не исключены, но редки: *Еньо Кунчин слезе от коня, свали шапка и // прекръсти* ***се*** (пример З. К. Шановой [2006]).

При участии вопросительной частицы *ли* барьер при сочинительном союзе становится обязательным: *Обичаше ли я и // вярваше* <u>*ли*</u> ***ѝ****?*;

г) обязательный барьер создается между тематическим подлежащим и инвертированным актантом или сирконстантом: *Той // още вчера* ***ми се*** *обади*; *Мама // здравата* ***му*** *натякваше* (П. Вежинов). При неинвертированном варианте барьеров нет, ср. *Той // още вчера* ***ми се*** *обади* и *Той* ***ми се*** *обади още вчера.*

В вопросительных предложениях с *ли* такой барьер включен в закрепленную схему построения вопроса: в начале предложения помещается тематический компонент (обстоятельство, дополнение или подлежащее), за которым следует ритмико-синтаксический барьер. Затем располагается слово — фокус вопроса с *ли*: *Вчера // видя* ***ли го****?*; *Иван // на тебе* ***ли се*** *обади?*; *Това // правилен пример* ***ли е*** *според вас?*; *Доктор Юрукова // всичко* ***ли ти*** *каза?* (П. Вежинов); *А шоколад // дават* ***ли ви****?*; *Кражби // ставали* ***ли са*** *при вас?*

«Ансамбли» начальных групп. Сдвиг клитик вправо от левой границы предложения связан с наличием перед ними тех или иных допустимых сочетаний («ансамблей») начальных групп [Циммерлинг 2013б]. Наиболее распространенное сочетание — коммуникативно единообразные элементы предложения[35]. Это, как правило, множественный детерминант: <u>*Вчера рано сутринта*</u> ***ми се*** *обадиха по телефона* — или сочетание тематического подлежащего с тематическим детерминантом или детерминантами: <u>*Вчера рано сутринта*</u> <u>*Иван*</u> ***ми се*** *обади по телефона***,** ср. также сочетание подлежащего с разного рода частицами: *И все пак //* <u>*това*</u> <u>*като*</u>

ности, в терминах селективных барьеров описана позиция частицы *ли*. О месте частицы *ли* в цепочке см. выше в п. 5.

[35] Множественные темы можно рассматривать как группы, каждая из которых формирует барьер, либо как неодиночные базисы — «ансамбли» разрешенного типа, которые служат для славянских языков «дополнительным ресурсом, позволяющим вставлять в начальную позицию предложения с клитиками более длинные группы» [Циммерлинг 2013б: 64].

че ли ***е*** *постоянната ми среда* (П. Вежинов). ‘И все-таки это как бы моя постоянная среда’.

Сочетание тематического элемента с инверсированным косвенным или прямо-объектным актантом характерно для вопросительного предложения: *Вие // мене // за милионер* ***ли ме*** *смятате?* (Елин Пелин). ‘Вы // меня // миллионером считаете?’, а в невопросительном предложении встречается реже: *В миналия брой на списание* «*Български език*» *бяха представени по традиция младите учени… В тази книжка // на тях също* ***им се*** *дава трибуна*. ‘…В этом номере [журнала] // им тоже предоставляется трибуна’.

Вопросительные предложения с *ли* в целом имеют более продолжительные «ансамбли», чем невопросительные, благодаря регулярной инверсии фокусируемого элемента.

Пример 1. *…те // миналата седмица // и двете ли му се счупиха?* (КБРР). ‘…они // на прошлой неделе // обе у него сломались?’ Барьер стоит после начальных групп подлежащего и детерминанта, а именно перед *и двете*, находящимся в фокусе вопроса.

Пример 2. *Рустем, // ти // бяла кукувица // видял ли си? — попита многозначително докторът* (Елин Пелин). ‘Рустем, // ты // белую кукушку // видел?’, где барьер имеется после обращения, подлежащего и инвертированного актанта.

Пример 3. *Чичо, // дето си ти, // жените // госпожи ли са, или селянки?* (Елин Пелин). ‘Дядя, // [там,] где ты, // женщины // госпожи или селянки?’, где барьер имеется после обращения, детерминанта в виде придаточного места и подлежащего. В фокусе вопроса именная часть сказуемого.

Глава VI. БОЛГАРСКАЯ ПУНКТУАЦИЯ НА ФОНЕ РУССКОЙ

В настоящей главе нас будут интересовать различия в пунктуационных системах болгарского и русского языков. Эти различия связаны с принципами и основными закономерностями организации двух сопоставляемых систем. Мы ориентируемся не только на основной корпус правил, утвержденных в 1945 г. болгарским законодательным и в 1956 г. русскими нормативными актами, но и на различные относящиеся к сложным вопросам пунктуации уточнения, пояснения и рекомендации, разработанные в разного рода справочных и учебных изданиях и связанные, в частности, с необходимостью учета новых тенденций в пунктуационной практике наших дней. Поскольку в болгарских словарях, справочниках, монографиях и вузовских учебниках трактовки отдельных пунктуационных правил не всегда совпадают, после каждого болгарского правила дается ссылка на работу, которая его содержит.

Иллюстративный материал для русских правил извлечен из художественных произведений русской классической и современной литературы. Иллюстрации к болгарским правилам чаще всего заимствованы из имеющихся справочных, научных или учебных изданий и сопровождаются ссылками на эти издания.

6.1. Об основах болгарской и русской пунктуации

1. Современная русская пунктуация представляет собой достаточно сложную и разветвленную систему правил, построенную на *синтаксической* и *смысловой* основах. Поскольку грамматическая структура речи тесно связана с ее смысловой стороной, обыкновенно говорят о *семантико-грамматической*, или *логико-грамматической*, основе русской системы пунктуации. Эта система формировалась постепенно, без коренных изменений и радикальных нормализаторских преобразований. Вместе с тем на протяжении прошлого столетия и в наши дни неоднократно дискутировались предложения об унификации и упрощении пунктуационных правил. Ряд возражений был связан с необходимостью постановки (в связи с синтаксическим принципом пунктуационной системы) многочисленных «лишних», «бесполезных» знаков препинания, не передающих семантических отношений между компонентами высказывания и не уточняющих его смысл. Так, еще О. А. Добиаш-Рождественская, считая русскую пунктуацию сколком с немецкой, видела недостаток обеих систем в их излишней педантичности [Добиаш-Рождественская 1936: 197]. Но большинство исследователей склонялись к признанию рациональности установившейся системы правил. Говоря о постановке не выполняющих смыслоразличительной функции знаков препинания, А. Б. Шапиро писал:

> В ряде случаев можно считать такую пунктуацию даже загромождающей наше письмо, однако надо признать, что и тогда, когда знаки препинания только подкрепляют значения и отношения, выраженные другими языковыми средствами, они большей частью не затрудняют читателя, а помогают ему быстрее и вернее разбираться в синтаксической структуре текста и в значениях, вложенных в него пишущим [Шапиро 1955: 86].

Приводя типологию пунктуационных систем европейских языков, Л. В. Щерба относил русскую пунктуацию к *немецкому типу*. Построенные на грамматической основе, русская и немецкая[1] системы постановки знаков препинания противопоставлены пунктуационным системам *французского типа*, т. е. системам французского, английского, итальянского и других языков, основывающимся на семантико-интонационном членении речи.

---

[1] Утвержденные в 1996 г. изменения в немецкой системе пунктуационных правил связаны с некоторыми отступлениями от синтаксического принципа пунктуации, см. [Die neue deutsche Rechtschreibung 1996: 71—94].

Семантико-грамматической основой русской пунктуации обусловлены как сами формулировки большей части правил, так и принятая в школьной и вузовской практике схема расположения этих правил. Последние объединяются в темы и следуют друг за другом в порядке, соответствующем разделам традиционного курса синтаксиса русского литературного языка.

Опираясь на смысловую и грамматическую стороны речи, русские пунктуационные правила учитывают одновременно смысл предложения и связанную с этим смыслом специфику его построения, особенности связи и расположения его частей, морфологическую форму выражения отдельных компонентов и т. д. (см., напр., правила о пунктуации в предложениях с однородными членами при обобщающем слове; в конструкциях с обособленными определениями или обстоятельствами; правила о постановке пунктуационных знаков на границе между предикативными частями сложносочиненных и сложноподчиненных предложений и под.).

Некоторые правила имеют главным образом грамматическую основу, в частности правила о выделении запятыми обстоятельств, выраженных деепричастными оборотами; определений, распространяющих личные местоимения; правила о постановке тире между составами главных членов предложения при определенных способах морфологического выражения подлежащего и сказуемого и др.

Часть русских пунктуационных правил основывается преимущественно на семантической стороне речи, например правила о дифференциации однородных и неоднородных бессоюзно связанных определений и пунктуации при них; о выделении или невыделении запятыми распространенных согласованных определений, предшествующих определяемому нарицательному существительному (в зависимости от наличия или отсутствия у определения добавочного обстоятельственного значения); правила о постановке запятой, точки с запятой, тире или двоеточия между предикативными частями бессоюзных сложных предложений; правила об употреблении в простом предложении так называемого интонационно-смыслового тире и т. д.

Поскольку строение предложения неразрывно связано с его семантикой, которая обусловливает интонационную структуру речи, то русская пунктуация, имея семантико-грамматическую основу, отражает и интонационные особенности высказывания. Так, например, в четверостишии О. Мандельштама *Я так же беден, / как природа, // И так же прост, / как небеса, // И призрачна моя свобода, // Как птиц полночных голоса.* Все знаки препинания — запятые и точка — соответствуют разным по продолжительности паузам в устной речи. С интонационной спецификой высказывания связано использование тире, двоеточия, восклицательного и вопросительного знаков, их сочетаний, многоточия и т. д. С особой интонацией произносятся выделяемые на письме обращения, вводные и вставные конструкции, однородные члены и др.

Вместе с тем русская пунктуация далеко не всегда соответствует интонационной структуре высказывания. Так, очень часто синтагматическое членение

речи и пунктуационное оформление предложения не совпадают. Нормы русской пунктуации нередко запрещают постановку знака препинания на месте обычных пауз в устной речи. Прежде всего, существует запрет на постановку запятой на месте так называемой предикативной паузы, отделяющей группу подлежащего от состава сказуемого: *Ощущение непонятной тревоги / смущало и раздражало его* (М. Горький). Не ставится знак препинания на месте паузы после обстоятельства, находящегося в начале высказывания: *Минут через пятнадцать / объявили первую пристань* (В. Распутин); *На палубе шхуны / лежали полуголые ловцы жемчуга* (А. Беляев). Запрещается постановка запятой на месте паузы перед неповторяющимся союзом *и*, соединяющим два однородных сказуемых: *Мы уместились на лавочке / и принялись пить из тяжелых оловянных кружек / довольно холодное пиво* (И. Тургенев) и т. д.

В других случаях пунктуационные нормы диктуют постановку знака препинания между компонентами предложения, которые в устной речи паузой не разделяются. Так, ставится запятая, но отсутствует пауза после союза перед обособленным или вводным компонентом предложения: *Евгения придвинула к себе корзину / и, любуясь цветами, / но оберегая от уколов свои тонкие, / белые пальчики, / принялась за дело* (Л. Авилова); *Он ходил по кабинету / и, кажется, что-то рассказывал, / но, увидев меня в дверях, / остановился* (Л. Авилова). При определенных структурных условиях ставится запятая между двумя подчинительными союзами, а также между сочинительным и подчинительным союзами, хотя в устной речи пауза между ними отсутствует:

> *Не сетуя на проигрыш, / он все же втайне считал, / что играет очень недурно, / <...> и полагал, / что, если приналечь, / можно и без теорий опровергнуть любой гамбит из учебника* (В. Набоков); *Он был уверен, / что человек должен понимать свои эмоции / и развивать или уничтожать их, / и, когда при нем говорили о таинственной сложности психической жизни человека, / он, иронически усмехаясь, / называл такие суждения «метафизикой»* (М. Горький) и т. д.

Русская система пунктуации включает не только правила, диктующие обязательную постановку знаков препинания, но также и многочисленные указания и рекомендации, связанные с использованием *факультативных* знаков. Смотрите, например, указания относительно употребления тире в эллиптических и неполных предложениях; тире между составами главных членов предложения при подлежащем — личном местоимении и сказуемом — существительном в именительном падеже без глагольной связки, при выражении подлежащего и сказуемого именительными падежами существительных и использовании перед сказуемым отрицательной частицы *не* и т. д.; рекомендации относительно выделения на письме относящихся к нарицательному существительному несогласованных определений, выраженных существительными в формах косвенных падежей; относительно выделения обстоятельств — форм существительных с предлогами; компонентов предложения со значением замещения или включения и под.

Допускаемая факультативность употребления знаков препинания усложняет пунктуационную систему и в то же время делает ее более гибкой, позволяющей передать на письме различные варианты семантико-интонационного членения высказывания, связанные с определенными коммуникативными установками автора речи, с теми или иными стилистическими целями, которые он преследует[2].

2. Становление современной пунктуационной системы болгарского литературного языка происходит в период болгарского Возрождения. Постановка знаков препинания в более ранних сочинениях этого времени в основном подчинена закономерностям церковнославянской пунктуации и лишь в отдельных случаях отражает влияние греческих письменных текстов, см. [Ницолова 1989: 6—7]. Дальнейшее формирование системы связано с сильным воздействием со стороны русской пунктуации. Следствием такого воздействия явилось установление в болгарской практике постановки знаков препинания *основных норм системы немецкого типа*. Закрепление этих норм, однако, происходило постепенно, и письменные тексты еще долгое время давали примеры не соответствующих синтаксическому принципу употреблений пунктуационных знаков. Известно, например, использование И. Вазовым запятой, фиксирующей паузы при синтагматическом членении речи и не отражающей особенностей структурной организации предложения: *Няколко дена след пристигането ми в Хасково, постигна ме втора неприятност*; *При всяка негова дума, предаността на това момиче се изпаряваше във въздуха* и под., см. [Георгиева Е. 1980: 337].

Большое значение для развития болгарской системы пунктуации имели решения орфографической комиссии, работавшей в 1944—1945 гг. и подготовившей реформу болгарского правописания. Руководствуясь стремлением сохранить устоявшиеся пунктуационные нормы, а при колебаниях в употреблении запятой ограничить ее частные функции (см. [Янакиев 1980: 361]), комиссия предложила несколько опирающихся на интонационный принцип новых правил взамен старых, имеющих грамматическую основу. Таким образом была отменена постановка «лишних», не играющих смыслоразличительной роли запятых перед предикативными единицами, представляющими собой *косвенный вопрос*; перед подчинительными союзами или союзными словами, которым предшествует отрицательная частица *не* или так называемые уточняющие наречия *само*, *даже*, *тъкмо*, *едва*, *чак*, *именно*, *почти* и под.; перед союзом *и*, связывающим две предикативные единицы; регламентировалось также невыделение запятыми целого ряда вводных слов и сочетаний, см. [Янакиев 1998: 48—57; Русинов 2001: 26—29].

Болгарские пунктуационные нормы наших дней закреплены правилами, которые были предложены орфографической комиссией и утверждены в 1945 г., а впоследствии пояснялись и уточнялись в изданиях академических словарей

[2] Подробнее об особенностях русской пунктуационной системы см., например, [Наумович 1983].

(см. последнее издание такого словаря [Официален правописен речник 2012]) и в работах болгарских синтаксистов, см., напр., [Ницолова 1989].

Значительная часть современных болгарских правил постановки знаков препинания имеет семантико-грамматическую основу. В связи с этим принято говорить о том, что *основным* принципом современной болгарской системы пунктуации является принцип *синтаксический* [Георгиева Е. 1980: 336; 1994: 450; Ницолова 1989: 8, 12 и др.; Правопис и пунктуация 2011: 98], т. е. знаки препинания прежде всего фиксируют границы между отдельными предикативными единицами и их частями. В то же время отмечается тот факт, что в предписаниях болгарских правил этот принцип проводится не вполне последовательно, поскольку существует ряд серьезных отступлений в пользу принципа *фонетического* (интонационного). В число правил, основанных на фонетическом принципе, помимо введенных в 1945 г. и уже упоминавшихся, входят правила о пунктуационном выделении или невыделении представляющих собой предикативные части *да*-конструкций, правила о разделении или неразделении запятой двух стоящих рядом союзов или союза и союзного слова, правила о постановке или непостановке запятой после союза перед обособленным компонентом с причастием или деепричастием и др. (о мотивации перечисленных правил см. [Ницолова 1989: 8, 13—14, 80, 110, 114—117 и др.]).

Отступления от синтаксического принципа пунктуации могут быть связаны с декларируемым нормализаторами желанием избегать скопления знаков препинания в одном предложении и в непосредственной близости друг от друга: «За да се избегне голямо натрупване на препинателни знаци, правописът предвижда някои отстъпки от синтактичния принцип»[3] [Правописен речник… 1995: 60]. Такая установка обусловлена, в конечном счете, стремлением к созданию пунктуации по возможности без «лишних» знаков, не выполняющих смыслоразличительной функции и загромождающих письменную речь. С этим стремлением связано появление правил о пропуске запятой после односложного безударного союза перед союзом, а также перед обособленным оборотом с причастием или деепричастием; о пунктуационном невыделении некоторых синтаксических компонентов на том основании, что их выделение или невыделение не отражается на восприятии смысла предложения (см., напр., мотивацию невыделения запятыми части вводных слов: «След като повечето от тези думи се произнасят само като вметнати, отпада необходимостта да сигнализираме тяхната “вметнатост” с препинателен знак»[4] [Ницолова 1989: 94]), и др.

Развиваясь, болгарская пунктуационная система, таким образом, движется в сторону ее сближения с системами французского типа.

---

[3] Чтобы избежать скопления пунктуационных знаков, в правилах предусмотрены некоторые отступления от синтаксического принципа (перевод наш. — *А. Г.*).

[4] Поскольку большинство этих слов произносятся только как вводные, исчезает необходимость сигнализировать их «вводность» посредством знака препинания (перевод наш. — *А. Г.*).

3. Состав знаков препинания в болгарской и русской пунктуационных системах одинаков. Естественно, однако, что объемы частных функций у отдельных знаков в этих системах полностью не совпадают. Так, например, болгарская отделяющая запятая, в отличие от русской, не указывает на следование друг за другом отдельных предикативных единиц, связанных неповторяющимися сочинительными союзами *и* или *или*; не используется в функции точки, фиксируя правую границу прямой речи (перед словами автора). Русское одиночное соединительное тире нормативно не указывает, в отличие от болгарского, на следование после обобщающего слова однородных членов предложения (русская норма, несмотря на колебания в современной пунктуационной практике, диктует использование в этой функции двоеточия). Болгарская двойная запятая, в отличие от русской, не обращает внимания читающего на наличие в предложении некоторых вводных слов и сочетаний, интерпозитивного косвенного вопроса и т. п.

Различия в мотивации немалой части русских и болгарских правил являются причиной неодинакового пунктуационного оформления многих предложений (или их частей), имеющих в обоих языках сходную синтаксическую структуру. Сравните:

Лес повсюду начинал сквозить, и только дубняки стояли еще одетыми в свой наряд, поблекший и полузасохший (В. Арсеньев).	Разкаляните през деня пътечки също се бяха втвърдили и острите иглици скреж блестяха слабо на червеникавата заря на утрото (П. Вежинов).
Может быть, я уже семи лет знал, что я смешон (Ф. Достоевский).	Може би тъкмо такива са изглеждали някогашните идеалисти — героични, поетични и самоуверени! (А. Гуляшки).
Но у него спросили про образование и, услышав о кулинарном техникуме, переглянулись (В. Быков).	Аз правя една малка екскурзия, отче, и минавайки през Толедо, си спомних за писмото ви (Д. Димов).
Почему-то я сразу понял, что он имеет в виду (В. Белоусова).	Тя май не разбра какво имам предвид, но не попита за обяснение (Б. Райнов).
По крайней мере один утопающий уверял, что, когда он уже погружался в воду, кто-то подхватил его снизу за спину… (А. Беляев).	Фани знаеше, че когато Мюрие почнеше да говори така, гневът му е минал (Д. Димов).

6.2. Различия в пунктуационном оформлении болгарских и русских конструкций

Далее будут сопоставлены некоторые болгарские и русские правила, предписывающие различное пунктуационное оформление имеющих сходное строение русских и болгарских конструкций[5].

6.2.1. Пунктуация в простом предложении

В болгарской системе пунктуации, в отличие от русской, отсутствует целый блок правил, регулирующих постановку тире между подлежащим и сказуемым. Русские правила предписывают постановку тире на месте нулевой связки в зависимости от морфологических способов выражения главных членов, их взаиморасположения и ряда других условий. Аналогичных болгарских правил не существует, поскольку связка *съм*, входящая в состав болгарского именного сказуемого, как правило, сохраняется во всех временах, т. е. не может быть представлена формальным нулем, как русская.

Пунктуация при однородных членах предложения

1. Русское правило не уподобляет конструкции с союзами *ли… или* при двух однородных членах предложения конструкциям с повторяющимися союзами. По правилу запятая между однородными членами, связанными союзами *ли… или*, не ставится:

> *…И в этих обломках красивой зеркальности мы видим искаженные мучительные лики, они кричат, они молят, они проклинают, они горько молчат, но хранят* ***ли*** *они молчание* ***или*** *нарушают его, они неизменно обвиняют и сетуют* (К. Бальмонт).

Болгарское правило, наоборот, уподобляет конструкции с союзами *ли… или* и *дали… или* конструкциям с повторяющимися союзами:

> Запятой разделяются однородные члены предложения, при которых используются союзы *ли… или*, *дали… или*: *Аз пак ще попитам: бездънна глупост* ***ли*** *е туй,* ***или*** *мерзко раболепие на една нещастна рабска душа?* (А. Константинов); *И даже не помислях да се питам —* ***дали*** *обичам своя спътник млад,* ***или*** *пък свойта младост недопита* (Е. Багряна) [Владимирова 1973: 83—84; Ницолова 1989: 84, 202; Правопис и пунктуация 2011: 100].

[5] Более полно такие правила представлены в работе [Градинарова 2013].

2. Перед обобщающим словом, следующим за рядом однородных членов, русское правило диктует постановку тире: *Язык, замыслы, художественная манера —* ***все*** *отмечено в Эдгаре По яркою печатью новизны* (К. Бальмонт).

Аналогичное правило предписывает постановку тире и в болгарских текстах: *Редът, другарството, най-простата човещина —* ***всичко*** *се удави и заличи в свирепата и груба проява на инстинкта* (Й. Йовков) [Владимирова 1973: 104; Попов 1979: 219; Ницолова 1989: 120, 201; Правописен речник… 1995: 74]. Пунктуационная практика, однако, дает примеры постановки вместо тире запятой. Такой вариант пунктуации отмечается как более редкий, но возможный и в некоторых болгарских работах по грамматике. Ср.: *И земята, и стоката, и плевникът, и къщата,* ***всичко*** *беше разделено без кавги, по доброволно пред близки роднини и пред съдията* (Елин Пелин) [Андрейчин 1978: 379; Попов 1979: 219; Недев 1992: 171].

3. Согласно русским пунктуационным нормам, в тех случаях, когда следующая за обобщающим словом группа однородных членов располагается не в конце предложения, перед ней ставится двоеточие, а после нее — тире: *Книга зацепила за нерв, и сразу все и* ***везде****: В Москве, в Ленинграде, на Камчатке — почувствовали, что больно* (В. Солоухин).

Болгарское правило также регламентирует постановку тире после следующего за обобщающим словом ряда однородных членов, если этот ряд не заключает предложения: ***Всичко това*** *— вадички и горски потоци, чешми и кладенци — пресъхна* [Пенчев 1994: 222]. Правило, однако, не дает ответа на вопрос, может ли тире, отделяющее ряд однородных членов от последующего текста, сочетаться с предшествующим этому однородному ряду двоеточием. Т. Владимирова со ссылкой на работу М. Янакиева отмечает, что после перечисления, перед которым стоит двоеточие, предложение не может быть продолжено. Следовательно, перечислительный ряд, находящийся в середине предложения, должен с двух сторон выделяться тире [Владимирова 1973: 103—104]. Ср. последнюю по времени формулировку этого правила:

> Когда однородный ряд расположен между остальными компонентами предложения и его начало отделено тире, конец его может быть отделен тире или запятой: *Допреди няколко десетилетия се разискваше въпросът кой от трите вида —* ***орангутанът, горилата или шимпанзето*** *— е предшественик на човека*; *При неврози се препоръчват и останалите пчелни продукти с хранително-лечебни свойства —* ***пчелното млечице и пчелният прашец****, заради тяхното общоукрепващо действие и влиянието им върху нервната система* [Правопис и пунктуация 2011: 125—126; Официален правописен речник 2012: 93].

Пунктуация при обособленных определениях

1. Согласно русским пунктуационным нормам, независимо от препозиции или постпозиции по отношению к определяемому существительному-подлежащему и независимо от своей распространенности или нераспространенности всегда

обособляются *дистантно расположенные* определения (определяемое слово и определение разделены другими членами предложения). Такие определения часто следуют за сочинительным союзом, после которого ставится запятая: *…**Тетя** надела кружевные перчатки, шляпу и, **сияющая от веселого возбуждения**, поехала на конке в город…* (В. Катаев); *И, **обнаженные**, слагались / В ладошки длинные **листы**…* (Н. Заболоцкий).

В подобных случаях, а также при обособлении определения к отсутствующему в предложении подлежащему болгарское правило запрещает постановку запятой после односложного союза:

> Если перед обособленным определением, выраженным причастием, находится односложный безударный союз, запятая после этого союза не ставится. Ср.: *И **не разбрали тая песен горда**, напразно мръщите чела* (Н. Вапцаров); *Започна да говори, но **разчувствуван до сълзи**, спря и седна* [Москов 1968: 288; Владимирова 1973: 92—93; Попов 1979: 232; Ницолова 1989: 115—116; Георгиева Е. 1994: 242; Правописен речник… 1995: 68; Правопис и пунктуация 2011: 102].

2. Русское правило диктует выделение приложения посредством тире в тех случаях, когда оно заключает предложение и имеет уточняющее или поясняющее значение (перед приложением могут быть вставлены слова *а именно* или *то есть*): *Надвигался шторм, быть может ураган — **тайфун*** (А. Толстой); *Послышался лай борзых, крики охотников, и над кустами лозняка замелькало красное вабило — **чучело с крыльями куропатки для приманки соколов*** (Д. Мережковский).

Болгарское правило также говорит об использовании тире при выделении обособленного члена предложения, имеющего пояснительный характер: *По-нататък незнаен, загадъчен свят — **царството на куците дяволи и високата гора с къщички от захарни плочки*** (А. Каралийчев) [Ницолова 1989: 205—206]. Вместе с тем болгарское правило для отделения на письме постпозитивного поясняющего приложения вместо тире позволяет использовать невозможное для таких случаев в русской пунктуации двоеточие. Такое двоеточие обычно отделяет приложение, относящееся к местоимению или к имени с обобщенным значением: *Само едно нещо го интересуваше: **свободата на България*** (Й. Йовков); *Само един факт му беше интересен: **случаят с лелята*** ([Ницолова 1989: 206]; ср. [Георгиева Е. 1994: 242]).

3. Русское правило предписывает употребление двух тире для выделения приложения, находящегося в середине предложения и имеющего уточняющий или поясняющий характер, а также значительного по объему приложения, внутри которого имеются запятые:

> *Пассажиров было много, пароход — **знаменитая «Атлантида»** — был похож на громадный отель со всеми удобствами…* (И. Бунин); *Актриса — **пегая блондинка с висевшими, как плети, голубоватыми руками** — схватилась за край стола и театрально зарыдала* (К. Паустовский).

Болгарское правило рекомендует использовать тире в тех случаях, когда согласованное определение или приложение значительно распространено: *Ниагара —* ***чудната игра на природата, която привлича хиляди европейци в Новия свят*** *— ето я пред мене!* (А. Константинов) [Ницолова 1989: 125—126].

При выделении значительно распространенных приложений допускается замена второго тире запятой: *И само човекът —* ***създание разбито, препълнено със грижи, от страстите надвито****, час мирен не нахожда във теб да фърли взор…* (И. Вазов) [Там же: 126]. Возможность использования запятой вместо второго тире звучит категоричнее в более поздней по времени формулировке правила и не связывается с распространенностью или нераспространенностью обособленного компонента:

> Когда обособленные компоненты расположены в середине предложения и их начало отделено тире, их конец может быть отделен посредством тире или запятой: *Всяко съвпадение с имена на действителни личности —* ***живи или починали****, и с техните биографии е случайно*; *Страните —* ***членки на Европейския съюз****, подписаха споразумението* [Правопис и пунктуация 2011: 124].

4. В русских правилах подробно описываются случаи, когда второе выделяющее приложение тире сочетается с запятой. Запятая перед закрывающим приложение тире ставится, в частности, тогда, когда она продиктована концом обособленного компонента, заключающего распространенное приложение:

> *Заведующая отделом хранения Клара —* ***красивая, тонкая, черноволосая, смуглая казашка, похожая и на индуску и на черкешенку****, — отошла от лестницы и осторожно дотронулась до моего локтя* (Ю. Домбровский); *Двойка —* ***двухвесельная распашная гичка из красного дерева, изящная, как скрипка****, — узкой полоской едва двигалась по зеркальной реке* (А. Толстой).

По болгарскому правилу, если структура самого обособленного распространенного члена предложения требует постановки перед вторым выделяющим тире запятой, эта запятая опускается [Ницолова 1989: 163]: *Досадата и времето —* ***молци, които изгризваха всяко чувство*** *— бяха потиснали спомена за вълнението през оная вечер* (Д. Димов).

Болгарские правила выделения на письме обособленных определений не составляют системы, достаточно полно отражающей основные закономерности и условия обособления разных видов определений в болгарском литературном языке. Несмотря на то что основным принципом болгарской пунктуационной системы признается принцип синтаксический, что предполагает учет и семантики высказывания, тесно связанной с синтаксической структурой речи, в формулировках правил ясно не прослеживается или вообще не раскрывается зависимость обособления определения от его типа (согласованное, сказуемостное, несогласованное, приложение), от грамматической природы главного слова обособленного определения (прилагательное, причастие — какое именно, существительное — нарицательное

или собственное), от грамматической природы и семантики определяемого слова (личное или неличное местоимение, нарицательное или собственное существительное, семантически достаточное или нет), от наличия у определения (помимо атрибутивного) обстоятельственных значений. Попытка раздельного изложения правил в зависимости от типа определения предпринята И. Недевым [Недев 1992: 176—180].

Отдельные наблюдения исследователей, касающиеся обособления в определенных условиях тех или иных типов определений, не сформулированы в виде правил.

Так, С. Стоянов пишет о нормативном обособлении и необходимости выделения запятыми следующих за нарицательными существительными согласованных одиночных уточняющих определений, выраженных прилагательными, причастиями, порядковыми числительными и притяжательными местоимениями. Если такие определения относятся к слову, называющему определенный, известный предмет, они всегда принимают членную форму. Если определяемое имя обозначает неопределенный предмет, уточняющее определение используется в нечленной форме: *…Шерифът притежаваше модния и сладък порок да обича ракията, **лютата*** (И. Вазов); *Подариха му риза, **копринена***. Если постпозитивное одиночное согласованное определение относится к имени собственному и имеет характеризующее значение, оно может обособляться и не обособляться. Обособления обыкновенно не происходит, если определение называет постоянный отличительный признак лица: *Дядо Йоцо **слепият** иска да те види!* (И. Вазов); *През една юлска вечер се върна от града Лазар **куция** и спря каручката си пред дядовата Минчова вратня* (А. Каралийчев) [Стоянов 1979].

С. Брезински, исследуя явление обособления сказуемостных (предикативных) определений, приходит к выводу, что в предложениях с обособленным сказуемостным определением порядок следования компонентов обычно следующий: *подлежащее* + *сказуемое* (знаменательный спрягаемый глагол) + *сказуемостное определение* или *подлежащее* + *сказуемое* + *дополнение* (или *обстоятельство*) + *сказуемостное определение*. См.: *Снегът валеше, **ситен**, **тих*** (Й. Йовков); *Поручик Манев поседя малко с ръце на очите, **самотен и с разпилени мисли**…* (П. Вежинов) [Брезински 1979]. Тот же порядок следования членов предложения характерен и для конструкций с необособленным сказуемостным определением, из чего следует заключить, что обособление сказуемостных определений не связано с изменением порядка размещения компонентов предложения, т. е. не связано с занимаемой сказуемостными определениями позицией.

Не находят отражения в правилах некоторые обобщения Е. Георгиевой, изложенные ею в монографии «Обособленные члены предложения в болгарском литературном языке» [Георгиева Е. 1964]. Так, Е. Георгиева пишет об обязательном обособлении распространенных определений с главными словами — прилагательными *готов*, *годен*, *достоен*, *пълен*, т. е. прилагательными, для которых характерно функционирование в качестве предикатива [Там же: 116]; об обособлении постпозитивных определений, поясняющих, конкретизирующих значение препозитивных,

напр.: *Защото* ***никакъв*** *път,* ***ни силистренски, ни други****, не минуваше през тая усамотена морава…* (И. Вазов) [Георгиева Е. 1964: 130]; об обособлении распространенного определения, поясняющего предшествующее ему нераспространенное, напр.: *С гръб към улицата се издигаше нова,* ***още неизмазана отвън****, двуетажна къща* (К. Петканов) [Там же: 138]. В другой своей работе Е. Георгиева отмечает обычную постпозицию уточняющих обособленных приложений, их членную форму как грамматический показатель обособленности: *Боян,* ***големият син на Васила****, се дигна от софрата да му отвори* (К. Петканов). В отличие от обособленных уточняющих приложений, квалифицирующие обособленные приложения используются в нечленной форме. Для них характерна как постпозиция, так и препозиция: *Като стигнаха до шосето, майката —* ***жълта и сломена от тегло жена*** *— още отдалеч загледа мъжа си…* (Й. Йовков); ***Новомахленец и нов човек****, той гледаше отвисоко на старите квартали…* (П. Нейков) [Георгиева Е. 1994: 234].

Несомненно, болгарская система правил пунктуационного выделения разных видов обособленных определений не может не отличаться от аналогичной русской системы. Такое несходство должно быть обусловлено некоторыми специфическими особенностями болгарских обособленных определений в сравнении с русскими.

Важным грамматическим признаком болгарского обособленного определения с характеризующим или оценочным значением является его *нечленная форма*: *Тая стая,* ***назначена за гости****, беше малка, весела и спокойна* (И. Вазов). Ср. необособление определения в членной форме: ***Назначената за гости*** *стая беше малка, весела и спокойна*. Нечленная форма обособленных определений свидетельствует об их функциональной соотносительности с именной частью составного сказуемого. Таким образом, болгарское обособленное определение имеет дополнительный грамматический сигнализатор обособленности.

Признак *постпозитивности*, характерный для русских обособленных согласованных распространенных определений, по отношению к болгарским определениям того же типа характеризуется гораздо меньшей степенью релевантности. В болгарском литературном языке, так же как и в русском, признаки, называемые постпозитивным распространенным или группой нераспространенных согласованных определений, воспринимаются как дополнительные, а не основные характеристики лица, предмета или явления, а сами определения обособляются. По заключению Е. Георгиевой, постпозитивные определения являются основным, самым характерным типом обособленных определений в болгарском литературном языке [Георгиева Е. 1964: 113 и сл.]. В то же время в нем, по сравнению с русским литературным языком, гораздо легче обособляются *препозитивные* согласованные определения. Основную часть таких обособленных компонентов составляют определения, выраженные причастиями (страдательным причастием прошедшего времени — единственным из страдательных причастий в современном болгарском языке — и действительным причастием прошедшего времени) с зависимыми словами.

Способность русских и болгарских определений обособляться в препозиции связана с их возможностью, располагаясь перед определяемым словом, выполнять полупредикативную функцию, передавать добавочное сообщение о лице, предмете или явлении. Русские препозитивные распространенные определения, относящиеся к нарицательному существительному, обособляются, как правило, в том случае, если, помимо атрибутивного, выражают и обстоятельственные значения — обычно причинное, реже уступительное, редко условное.

Полупредикативность болгарских препозитивных обособленных определений связана с выражением ими гораздо более богатой гаммы обстоятельственных значений — значений обусловленности, времени, образа действия. Эта особенность болгарских препозитивных обособленных определений является следствием высокой степени глагольности образующих их причастий. Неслучайно функциональными соответствиями многих обособленных препозитивных болгарских определений, выраженных причастными оборотами, являются русские обособленные обстоятельства, выраженные деепричастными оборотами, или придаточные предложения с обстоятельственными значениями. Ср.:

> ***Стигнало до пресечката на булеварда****, множеството се залюля и спря* (П. Нейков) (пример Е. Георгиевой, см. [Георгиева Е. 1964: 144]) (значения определительное и временное). ‘*Дойдя до перекрестка*, толпа качнулась и остановилась’ (значение времени);
>
> ***Останал сам****, полковникът пристъпи отмалял до писмената си маса и се отпусна на стола* (С. Минков) (значения определительное и временное). ‘*Оставшись один*, полковник подошел к письменному столу и без сил опустился на стул’ (значение времени);
>
> ***Наострил слух****, дядото чакаше да чуе камбаната* (значения определительное и образа действия). ‘*Сосредоточенно вслушиваясь*, дед ждал ударов колокола’ (значение образа действия);
>
> ***Погледнат отсреща, от канадския бряг****, този водопад изглежда като трептяща маса от къдрави снопове пяна*… (А. Константинов) (значения определительное и условное). ‘*Если посмотреть с противоположной стороны, с канадского берега*, этот водопад кажется дрожащей массой извивающихся снопов пены’ (значение условия) и под.

Ср. перевод на болгарский язык русских обособленных обстоятельств, выраженных деепричастными оборотами:

> ***Услыхав низкий звериный вопль****, мамки и няньки, повитухи и дурьки вбежали к молодой царице* (А. Толстой)[6] (обособленное обстоятельство выражает значения причины и времени). ‘*Чули ниския животински вопъл*, дойките и бавачките, бабите и жените-смешници се втурнаха при младата царица’ (обособленное

[6] Этот и следующий пример вместе с их переводами на болгарский язык взяты из работы [Васева 1982: 215].

препозитивное определение выражает значения определительное, причинное и временное);

Иван Ильич, ***одурев от дыма****, на минутку вышел из землянки на воздух* (А. Толстой) (значение причины и времени). '*Замаян от дима*, Иван Илич излезе за малко от землянката на открито' (значения определительное и причинное).

Ср. также приводимые И. Васевой и взятые ею из болгарских переводов регулярные соответствия русских деепричастий СВ: *усмихнат* (*улыбнувшись*), *обърнат* (*обернувшись*), *изпънат* (*вытянувшись*), *подпрян* (*прислонясь*, *опершись*), *ядосан* (*обозлившись*), *уплашен* (*испугавшись*) и т. д. [Васева 1982: 216].

Достаточно характерным признаком русского обособленного согласованного определения является его *распространенность* или (для нераспространенных) использование в ряду однородных определений. Так, например, если согласованное одиночное, не входящее в ряд однородных членов определение не распространяет личное местоимение, не оторвано от определяемого слова, не относится к отсутствующему в предложении подлежащему (в этих случаях определение всегда обособлено), оно обыкновенно обособляется только в тех случаях, когда следует за определяемым словом и выражает (помимо атрибутивного) обстоятельственные значения или имеет уточняющий характер.

Для болгарского обособленного согласованного определения признак распространенности менее релевантен. В болгарском языке занимающие позицию перед или после определяемого существительного обособленные одиночные согласованные определения довольно частотны:

Краличът, ***изтръпнал****, вкова очи в сянката*… (И. Вазов), пример Е. Георгиевой, см. [Георгиева Е. 1964: 142]. 'Принц, *оцепеневший от ужаса*, не отрывал глаз от тени…';

Султанът, ***поусмихнат****, мълчеше* (Й. Йовков), пример Е. Георгиевой, см. [Там же: 127]. 'Султан, *улыбаясь*, молчал';

Изтръпнала*, ръката му натисна сама бутона* (И. Серафимов). 'Его рука, *онемев*, сама нажала кнопку';

Уплашен*, братовчедът даде газ и Бо намести единия си крак на стъпалото* (П. Вежинов). '*Испугавшись*, двоюродный брат нажал на газ, и Бо поставил ногу на подножку'.

Как видно из примеров, одиночные болгарские действительные и страдательные причастия прошедшего времени в силу высокой степени глагольности своих значений часто являются функциональными соответствиями деепричастий, образующих обособленные полупредикативные компоненты русских предложений.

Гораздо чаще, чем в русском языке, обособленное болгарское определение относится к отсутствующему в предложении подлежащему. Этот факт в первую очередь связан с нормативным для болгарского языка опущением личных местоимений в функции подлежащего и характерным их присутствием в русской речи. См.:

***Изгорен от жажда**, се наведох, знойни устни за да разхладя* (А. Далчев); ***Бледен, уморен от дълбоко внимание**, извърна глава и с все сила се спусна от баира към реката* (К. Петканов) и под.

Таким образом, русским и болгарским обособленным определениям присущи как общие, так и специфические особенности, связанные с различиями в грамматических системах двух родственных славянских языков. В связи с тем что условия обособления и признаки обособленных русских и болгарских определений полностью не совпадают, не могут в той или иной степени не различаться и системы правил пунктуационного оформления разных видов обособленных определений в русском и болгарском языках.

Пунктуация при обособленных обстоятельствах

1. Согласно русским пунктуационным нормам, обстоятельства, выраженные деепричастными оборотами или одиночными деепричастиями и размещающиеся непосредственно после союзов (сочинительных или подчинительных) или союзных слов, служащих средством связи однородных сказуемых или предикативных частей сложного предложения, отделяются от этих средств связи запятой:

> *Он рассердился, что нельзя посидеть в тепле, что идет снег, что у тети горят сентиментальные слезы за вуалью, — **и**, **резко повернув**, пошел прочь **и**, **с час походив**, отправился домой* (В. Набоков); *В эти жаркие безветренные дни люди так уставали, **что**, **окончив лов**, не могли даже поднять на палубу лодки* (А. Беляев); *В полуоткрытой двери стояла небольшая фигурка в разношенных валенках, **на которых**, **стаивая**, гасли морозные искринки* (Ю. Нагибин).

Несмотря на то что в подобных предложениях союзный компонент часто интонационно сливается с обособленным обстоятельством, он синтаксически не имеет к нему отношения. Болгарское правило, в основе которого лежит фонетический принцип, учитывает именно это интонационное слияние средства связи и обособленного обстоятельства и находится в противоречии с синтаксическим принципом пунктуации. Ср.:

> После односложного безударного союза, расположенного перед обособленным обстоятельством, выраженным деепричастием или деепричастным оборотом, запятая не ставится: *Той се канеше да си тръгне, **но виждайки тежкото ѝ състояние**, все отлагаше* [Москов 1968: 288; Владимирова 1973: 92—93; Ницолова 1989: 115—116; Правописен речник… 1995: 68; Правопис и пунктуация 2011: 102].

Если же союзный компонент, расположенный перед обособленным обстоятельством (так же как и перед обособленным определением), неодносложный и ударный, то после него ставится запятая: *Той се извини, **задето**, **наблюдавайки с голям интерес животното**, не беше ни обърнал достатъчно внимание* [Ницолова 1989: 116]. Такая пунктуация, соответствующая русской, тоже имеет в своей основе фонетический принцип, который в данном случае согласуется с синтаксическим.

2. Русские правила довольно подробно описывают условия обособления разных семантических типов обстоятельств, выраженных существительными в формах косвенных падежей с предлогами и не имеющих уточняющего значения. Основное правило говорит о том, что такие обстоятельства выделяются запятыми в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть их важную смысловую роль в предложении, их относительную коммуникативную самостоятельность. Целый ряд частных правил связывает обособление обстоятельств такого рода с характером предлогов в их составе (производные или непроизводные), с выражаемыми значениями (уступка, причина, цель, условие и др.), с распространенностью обстоятельств, с их расположением относительно сказуемого.

Болгарское правило регламентирует обособление *препозитивных* обстоятельств этого типа:

> Обстоятельство, не имеющее конкретизирующего характера и располагающееся в начале предложения, обособляется и отделяется запятой только в том случае, если оно значительно распространено: ***Въпреки голямата умора от дългия преход през скалистите планини****, войниците продължаваха да вървят без почивка* [Ницолова 1989: 88—89]. Ср.: ***Въпреки всички предупреждения*** *Богомил не можа да откаже на Филип участието си в едно каре за бридж* (П. Вежинов) (обстоятельство невелико по объему).

Правило о пунктуационном выделении не имеющих конкретизирующего характера обособленных обстоятельств, находящихся в середине или в конце предложения, отсутствует. Примеры обособления и выделения запятыми таких обстоятельств нередки:

> *Но Кириак,* ***при всичката поквареност на душата си****, чувстваше още гнусотата на това дело* (И. Вазов); …*Това прелестно кътче,* ***поради своята усойност****, запазваше още неприкосновена своята зеленина и свежест* (И. Вазов) и т. д. (примеры К. Попова и И. Недева [Попов 1979: 228; Недев 1992: 175]). См. также: *Обедът у Иречека,* ***благодарение на бай Ганя****, излезе оживен* (А. Константинов); *Понякога,* ***с разрешение от министерството****, пристигаха пациенти и от други окръзи* (А. Гуляшки) и под.

Обособление обстоятельств, выраженных наречиями или существительными с предлогами и не имеющих конкретизирующего характера, Е. Георгиева называет *нетипичным обособлением* и считает, что его передача средствами графики может быть свободной, см. [Георгиева Е. 1994: 239—240]; ср. также [Ницолова 1989: 88].

Пунктуация при сравнительных оборотах и конструкциях с союзом как

Согласно русским пунктуационным нормам, сравнительные обороты на письме выделяются запятыми (отделяются запятой): *С почтительным тревожным и умильным чувством принялся Цвет бережно перелистывать одну за другой*

*твердые, **как картон**, желтые, **как слоновая кость**, страницы* (А. Куприн). Данное правило сопровождается другими, цель которых — отграничить от сравнительных оборотов похожие на них по структуре синтаксические соединения, не выделяемые на письме знаками препинания.

Детально описывают русские правила условия пунктуационного выделения или невыделения конструкций с союзом *как*. При этом учитываются функции этого союза, структура, значение и интонационные особенности самой конструкции, ее отношение к сказуемому предложения.

Болгарские правила регулируют постановку знаков препинания при конструкциях со словами *като*, *сякаш*, *както*, *както и*.

Основное правило говорит о том, что сравнительные обороты с союзами *като* или *сякаш* обособляются и выделяются запятыми (отделяются запятой) в тех случаях, когда автор речи хочет подчеркнуть их информативную или художественную значимость. Обособлению сравнительных оборотов способствует также их распространенность. Ср.:

> *На друго място една безбройна тълпа, **като черен мравунек**, бягаше разпръсната из жълтите стърнища* (Й. Йовков); *На самото чело на планината беше кацнал, **като хищен орел**, малък чер облак* (А. Страшимиров); *От време на време вятърът се усилваше и в полето, **като живи същества**, се гонеха валчести бурени* (Й. Йовков). — *В колата впрегнаха Балана и Чавгата, и двата бели **като преспи*** (Й. Йовков); ***Като сълза** над бреговете свети прозрачната предутринна луна* (В. Ханчев); *Старите къщи наоколо си спяха сгушени една до друга **като бабички*** (Елин Пелин) [Георгиева Е. 1964: 182—183; Правописен речник… 1969: 31; Владимирова 1973: 93—94; Андрейчин 1978: 384; Попов 1979: 228; Ницолова 1989: 89—90; Недев 1992: 116; Правописен речник… 1995: 67].

Таким образом, болгарское правило предоставляет пишущему возможность принятия самостоятельных решений относительно пунктуационного выделения сравнительных оборотов.

Пунктуация при вводных словах и конструкциях

I. Выделение русских вводных слов и конструкций знаками препинания осуществляется в соответствии с синтаксической основой русской пунктуации и в большинстве случаев не противоречит интонационным особенностям звучащей речи.

По основному правилу вводные слова и конструкции выделяются (или отделяются) на письме запятыми: *Матвей Лозинский, **разумеется**, не знал еще, **к своему несчастью**, местных обычаев* (В. Короленко); ***К счастью**, у ней не было других желаний, кроме как тысячу лет ехать куда-нибудь наугад* (Л. Леонов).

В болгарских работах по грамматике в состав вводных слов и конструкций (*вметнати думи и конструкции*) включаются не только единицы, формально

не связанные со всем предложением или отдельными его членами и характеризующие сообщение с точки зрения говорящего, но и слова и конструкции, оформляющиеся как члены предложения или отдельные предикативные части в составе сложного предложения и объединяющиеся единством функции — они содержат разного рода уточнения, пояснения, дополнительные замечания и сообщения, поправки и т. п.; см., напр., [Андрейчин 1978: 387—388; Попов 1979: 233—237; Пашов 1989: 311—315]. В настоящее время в русской грамматике слова и конструкции второго типа принято называть *вставными*. Их выделение из состава вводных связано с трудами В. В. Виноградова, А. Б. Шапиро, Д. Э. Розенталя и др. Академическая болгарская грамматика рассматривает эти два различающихся функционально разряда языковых единиц в качестве двух разновидностей одной категории [ГСБКЕ 1983-3: 243—252].

Болгарские правила выделения вводных слов и конструкций имеют грамматическую и интонационную мотивацию. Кроме того, авторы правил пытаются подвести под них основание, которое можно было бы назвать принципом рациональности. В целом правила об использовании знаков препинания при болгарских вводных словах и конструкциях достаточно противоречивы; ср., напр., [Московов 1968: 289—290; Владимирова 1973: 88—92; Попов 1979: 233—237; Пашов 1989: 314; Правописен речник… 1995: 61, 65—66, 73, 75; Принципи и правила 2002; Правопис и пунктуация 2011: 102—103]. В некоторых работах [Пашов 1989: 314; Недев 1992: 195] предлагается единственно интонационное основание для выделения или невыделения на письме вводных слов и конструкций. Пунктуационная практика характеризуется значительными колебаниями.

Приведем здесь следующие формулировки.

1. Выделяются запятыми вводные слова и конструкции, если они представляют собой:

а) глагольные формы и глагольные сочетания: *разбира се*, *мисля*, *надявам се*, *изглежда*, *така да се каже* и др.: *Това, **разбира се**, не бяха думи, не можеха да бъдат думи* (П. Бобев); *Не беше, **изгдежда**, съвестта ѝ много чиста* (Д. Талев) ([Правописен речник… 1995: 66]. Примеры: [Недев 1992: 189]);

б) конструкции, начинающиеся подчинительным союзом, например: *да ти кажа право*, *да речем*, *да си призная*, *ако искаш да знаеш*: ***Да ти кажа право**, преди разпита го мислех за малко по-обикновен човек* (П. Вежинов); *Влезеш в него, **да речем**, един майски ден, когато цъфтят сливите* (Елин Пелин) ([Правописен речник… 1995: 66]. Примеры: [Ницолова 1989: 93; Недев 1992: 188]);

в) слова и сочетания слов, использующиеся для указания на противопоставленность частей сообщаемого: *от една страна*, *от друга страна*, *напротив*, *обратно*: *Отнася се, **от една страна**, за характера на меките звукове в нашия книжовен език в сравнение с диалектите, **от друга страна**, за тяхната позиционна употреба и честота на срещане* (*фреквентност*) *при различни положения в строежа на думата*… (Л. Андрейчин); ***Напротив**, всичко това е лесно обяснимо* ([Правописен речник… 1995: 66]. Примеры: [Там же; Владимирова 1973: 89]).

2. Не выделяются знаками препинания вводные слова и сочетания слов типа *обаче*, *може би*, *вероятно*, *по всяка вероятност*, *очевидно*, *навярно*, *например*, *наистина*, *всъщност*, *следователно*, *значи* в значении 'следовательно', *по мое мнение*, *според мене*, *по такъв начин*:

> *Иван* ***може би*** *вече е пристигнал*; ***Всъщност*** *той беше прав*; *Той* ***по всяка вероятност*** *не е мислил, че може да те засегне*; ***Следователно*** *решението е правилно*; *Аз* ***например*** *съм готов веднага да замина* [Ницолова 1989: 93—94; Правописен речник… 1995: 66].

См. мотивацию правила (2) у Р. Ницоловой:

> Наречията за «логическо уточняване» като: *например*, *наистина*, *следователно* <…> не се отделят със запетаи, макар че повечето от тях поради своето значение се употребяват само като вметнати и, според синтактичния принцип, би трябвало да се оформят пунктуационно, както останалите вметнати думи <…>. След като повечето от тези думи се произнасят само като вметнати, отпада необходимостта да сигнализираме тяхната «вметнатост» с препинателен знак — затова и те не се отделят със запетаи в изречението[7] [Ницолова 1989: 93—94].

Это основание, которое мы назвали принципом рациональности (при всей спорности его применения), привлечено в качестве единственного критерия для пунктуационного выделения или невыделения вводных слов и сочетаний в одном из последних по времени издания болгарских академических руководств по орфографии и пунктуации — книге «Правопис и пунктуация на българския език. Основни правила» [Правопис и пунктуация 2011]. Ср.:

> а) Запятыми выделяются вводные слова и сочетания, которые в других случаях могут функционировать как члены предложения: *от една страна*, *от друга страна*, *първо*, *второ*, *трето*, *обратно*, *напротив*, *изглежда*, *да речем*, *да кажем*, *значи*, *разбира се*, *между другото*, *естествено*, *за съжаление*, *честно казано*, *казано по друг начин* и др.
>
> б) Не выделяются запятыми слова и сочетания, которые используются в предложении только как вводные: *всъщност*, *впрочем*, *може би*, *наистина*, *според мене*, *обаче*, *например*, *действително*, *по всяка вероятност*, *навярно*, *следователно*, *като че ли*, *сякаш*, *в края на краищата* и др. [Там же: 102—103].

Как видим, в список слов и сочетаний, «использующихся в предложении только как вводные», попадают языковые единицы, исполняющие в языке и другие

---

[7] Наречия «логического уточнения», такие как *например*, *наистина*, *следователно* <…>, не выделяются запятыми, несмотря на то что большинство из них из-за своего значения употребляются только как вводные и, согласно синтаксическому принципу, должны были бы пунктуационно выделяться, как и остальные вводные слова <…>. Поскольку большинство этих слов произносятся только как вводные, исчезает необходимость сигнализировать их «вводность» посредством знака препинания — поэтому они и не выделяются в предложении запятыми (перевод наш. — *А. Г.*).

функции. Так, *като че ли* и *сякаш* могут выступать как модальные частицы, вносящие значение уподобления, *обаче* — как противительный союз. Такие слова, как *наистина*, *действително* и под., часто выполняют функцию выделяемых логическим ударением усилительных частиц, и русские правила обращают специальное внимание на разграничение аналогичных русских единиц, не выделяемых запятыми, и вводных компонентов. На использование таких слов не только в качестве вводных обращает внимание Р. Ницолова. Со ссылкой на рекомендации М. Янакиева [Янакиев 1975] она говорит о возможности пунктуационного выделения этих единиц при условии их употребления в функции вводных [Ницолова 1989: 95]. Позднее такая дифференциация находит отражение в формулировке правил. См.:

> Если слова и сочетания *естествено*, *в действителност*, *и по-нататък*, *всъщност* и др. используются не как вводные, а как компоненты основного состава предложения, они не выделяются запятыми [Принципи и правила 2002: 63].

II. Согласно русским пунктуационным нормам, при использовании друг за другом двух вводных слов (сочетаний слов) каждое из них выделяется запятыми по общему правилу: *Я пожирал его глазами; я, **право**, **кажется**, забывал мигать, глядя на него* (И. Тургенев); ***Впрочем**, **может быть**, были и другие причины такой любезности* (А. Куприн).

Болгарское правило имеет следующее содержание:

> Если используются друг за другом два вводных слова (сочетания слов), первое из которых по правилу выделяется запятыми, а второе — нет, то при условии тесной смысловой связи между этими вводными словами (сочетаниями слов) запятая ставится не между ними, а после второго из них: ***От друга страна обаче**, температурата не трябва да се повишава*. Если между такими вводными словами (сочетаниями слов) нет тесной смысловой связи, то запятая ставится только после первого вводного слова (сочетания слов) по общему правилу: ***Напротив**, **може би** всички ще бъдат доволни* [Правописен речник… 1995: 66].

III. В соответствии с русским правилом, вводное слово (сочетание слов), следующее за сочинительным союзом, может отделяться и не отделяться от него запятой.

Если союз (как правило, союз *а*) и вводное слово (сочетание слов) образуют структурно-интонационное единство, то запятая между ними не ставится. В этом случае исключение вводного слова (сочетания слов) или его перестановка разрушает структуру предложения:

> *Дориан скакал с одной ноги на другую — то ли развлекался, как умел, **а может**, грелся подобным образом* (В. Токарева); *Представлялось ясным, что если я человек, и еще не нуль, и пока не обратился в нуль, то живу, **а следственно**, могу страдать, сердиться и ощущать стыд за свои поступки* (Ф. Достоевский).

Если между союзом (чаще всего союзами *и*, *но*) и вводным словом (сочетанием слов) такого единства не образуется, то запятая после союза ставится. В этом

случае перестановка или устранение вводного слова (сочетания слов) не разрушает структуру предложения: *Ненила Макарьевна подсела к ним* ***и**, **может быть**, с намерением упомянула об Авдее Ивановиче* (И. Тургенев); *Он разговаривал не с одной Лизой,* ***но**, **конечно**, говорил только для нее одной* (И. Тургенев).

Если сочинительные союзы используются в начале предложения в присоединительном значении, то от следующего за ними вводного слова (сочетания слов) они чаще не отделяются запятой, но могут и отделяться.

Запятая не ставится, если союз и вводное слово (сочетание слов) тесно связаны интонационно: ***И следовательно**, церковь Христова Воскресения стояла в деревне Теребени задолго до 1776 года, когда, как мы помним, построил ее помещик Караулов* (В. Балязин). Ср. при отсутствии такой связи: ***И**, **таким образом**, в эти два месяца я каждую ночь, возвращаясь домой, думал, что застрелюсь* (Ф. Достоевский).

Формулировка болгарского правила не дает представления о его мотивации:

> Между сочинительным союзом и вводным словом (сочетанием слов), по правилу выделяемым знаками препинания, ставится запятая. Исключение представляют только вводные слова *обратно* и *напротив: …**и**, **от трета страна**, за някои правописно-правоговорни въпроси* (Л. Андрейчин); ***Но**, **разбира се**, това е мое задължение*. Ср.: ***И обратно**, художник, който смело използува всички багри и отсенки на смеха, обогатява художествения си метод* [Владимирова 1973: 91—92; Янакиев 1980: 363].

Этому правилу противоречит более позднее по времени:

> Не разделяются запятой безударный односложный союз и расположенный непосредственно за ним вводный компонент, который по правилу выделяется запятыми*: Аз, от една страна, приемам аргументите ти,* ***но от друга страна**, не изцяло*; *Тази книга е, първо, доста информативна, второ, увлекателно написана* ***и трето**, много добре преведена* [Правопис и пунктуация 2011: 102—103; Официален правописен речник 2012: 77].

IV. Русские правила, регулирующие постановку знаков препинания при вводных словах и конструкциях, дают также рекомендации относительно пунктуационного оформления:

— сочетаний вводных компонентов с частицами (*уж конечно*, *ну право*);

— вводных слов и сочетаний, находящихся в начале, конце или середине обособленного компонента предложения; после сочинительного союза, связывающего однородные обособленные обороты; между предикативными частями сложного предложения.

Аналогичные болгарские правила отсутствуют.

V. Русское правило предписывает выделение вводных компонентов тире только в том случае, если эти компоненты произносятся с восклицательной или вопросительной интонацией и после них ставится восклицательный или вопросительный знак:

> *Первое, что припомнилось мне и что чуть-чуть подходило к тому впечатлению, от которого я вздрогнул и проснулся, —* ***странное дело!*** *— была самая ничтожная деревенская картинка* (Г. Успенский); *Но такая искренность была в лице его и в голосе, что —* ***верите ли?*** *— до последней минуты я не подозревал ничего…* (Д. Мережковский).

Формулировки болгарских правил, включенных в академические издания последних лет, не связывают использование тире для отделения или выделения вводных компонентов с подобными условиями. «Официален правописен речник на българския език» содержит следующее правило:

> Тире ставится вместо запятой для более сильного отделения вводных слов и выражений (*вметнати думи и изрази*): ***Първо*** *— ти не го познаваш*; ***Напротив*** *— даже се опита да ме спре*; ***Честно казано*** *— не знам как да постъпя* [Официален правописен речник 2012: 92—93]. Ср. также использование тире для выделения вводного компонента, расположенного в середине предложения: *Това искане —* ***разбира се*** *— ще бъде отхвърлено* [Правопис и пунктуация 2011: 125; Официален правописен речник 2012: 93].

Пунктуация при вставных конструкциях

Различия в пунктуационном оформлении болгарских и русских вставных конструкций касаются вставок, выделяемых на письме посредством тире.

1. Согласно русским пунктуационным нормам, вставные слова, сочетания слов и предложения, наряду со скобками, выделяются на письме тире: *Коврин вслушивался в слова* ***— они были русские —*** *и никак не мог понять их смысла* (А. Чехов). Тире используется как парный выделяющий знак, что исключает замену второго тире запятой.

Болгарское правило в качестве второго знака диктует использование тире или запятой:

> Когда вставные слова и выражения (*вметнатите думи и изрази*) располагаются между остальными компонентами предложения и их начало отделено тире, конец их может быть отделен посредством тире или запятой: *В близост до самото пристанище —* ***на около два метра от брега****, се намират останките на стария град* [Правопис и пунктуация 2011: 125].

2. Русское правило регламентирует постановку перед вторым тире запятой в том случае, если эта запятая продиктована структурой вставной конструкции или той частью основного предложения, которая за ней следует: *Аннушка тушит в гостиной свет —* ***слышно, как щелкнул выключатель,*** *— и уходит на кухню* (Л. Кассиль); *Рывком кинул ее Григорий на руки —* ***так кидает волк к себе на хребтину зарезанную овцу****, — путаясь в полах распахнутого зипуна, задыхаясь, пошел* (М. Шолохов).

По болгарскому правилу, если структура самой вставной конструкции требует постановки перед вторым выделяющим тире запятой, эта запятая опускается: *Врагът тайно ще се съсредоточи някъде в гората* — ***в някой пункт, който сам ще си избере*** — *и ще се опита да атакува* [Правописен речник… 1969: 33; Ницолова 1989: 163].

6.2.2. Пунктуация в сложном предложении

В пунктуационном оформлении болгарских и русских сложных предложений имеются следующие существенные различия.

Сложносочиненное предложение

Основанное на синтаксическом принципе русское пунктуационное правило диктует постановку запятой между предикативными частями сложносочиненного предложения независимо от вида сочинительного союза, использующегося в качестве средства связи этих предикативных частей. Так, запятая ставится и в случае использования *одиночных* соединительных и разделительных союзов *и*, *да* (в значении ‘и’), *или*, *либо*:

> *Это была живая, искренняя, убежденная девушка,* ***и*** *слушать ее было интересно*… (А. Чехов); *Кроме сестры, у меня живет старушка тетка,* ***да*** *сосед один иногда наезжает в карты играть*… (И. Тургенев); *Ты сходи меду возьми,* ***или*** *я немую пошлю* (Л. Толстой); *Вероятно, достойный суд есть самый поздний плод самого зрелого общества,* ***либо*** *уж надо иметь царя Соломона* (А. Солженицын).

Отступления от этого правила имеют семантическую и интонационную мотивацию и касаются предикативных частей, связанных одиночными союзами *и*, *да* (в значении ‘и’), *или*, *либо*. Эти предикативные части не разделяются запятой в том случае, если они имеют общий второстепенный член, общий вводный компонент, общую для них предикативную часть многочленного сложного предложения, если они представляют собой связанные единой интонацией вопросительные, восклицательные или побудительные предложения, а также некоторые типы односоставных структур с одинаковой формой главного члена.

Болгарское правило предписывает разделение запятой предикативных частей сложносочиненного предложения тогда, когда эти части связаны противительными (*обаче*, *но*, *ала* и под.) или пояснительными (*тоест*, *сиреч*, *а именно*) союзами, а также такими соединительными союзами, как *та*, *па*, *че* (в значении ‘и’) [Ницолова 1989: 102—103; Недев 1992: 248].

Между предикативными частями сложносочиненного предложения, объединенными одиночными союзами *и* (в значении соединительного союза) и *или*, постановка запятой запрещается:

> *Гъста и тежка е зеленината на овошките, някъде над сухите дувари се синее люляк* ***или*** *висят жълти кичури цъфнал салкъм* (Й. Йовков); *Лазурът на небето*

потъмня ***и*** *в сухата обилна светлина се промъкна нещо болезнено и неспокойно*; *Очевидно не разбираше смисъла на разговора* ***или*** *искаше да го промени* [Ницолова 1989: 103; Недев 1992: 248; Официален правописен речник 2012: 82].

Обратим внимание на последний из приведенных примеров. Союз *или* связывает в нем компоненты, которые русская грамматическая традиция определяет как однородные сказуемые в составе простого предложения. Синтаксические структуры, которые русское грамматическое учение называет простыми предложениями с однородными простыми или составными *глагольными* сказуемыми, болгарские грамматисты считают сложными предложениями [ГСБКЕ 1983-3 и др.]. Это положение болгарской теории синтаксиса можно считать одним из оснований указанного запрета на постановку запятой.

Сложноподчиненное предложение

1. В соответствии с синтаксическим принципом пунктуации русское правило диктует отделение придаточной части сложноподчиненного предложения запятой (если эта часть находится перед главной частью или следует за ней) или выделение этой части запятыми (при условии ее расположения внутри главной).

Отклонения от этого русского правила единичны и не столь существенны. В частности, запятая между главной и придаточной частями не ставится, если перед союзным средством подчинительной связи стоит сочинительный союз *и* или частица *не*, если придаточная часть представлена только союзным словом или включена в однородный ряд посредством союзов *и*, *или*.

Ряд болгарских правил, касающихся пунктуационного оформления частей сложноподчиненного предложения, согласно синтаксическому принципу, предписывает отделение запятой или выделение запятыми зависимых предикативных частей с союзными словами *който*, *какъвто*, *щото*, *дето*, *чийто*, *когато*, *където*, *колкото* и подобными, с союзами *че*, *като*, *щом като*, *след като*, *тъй като*, *докато*, *щом*, *като да*, *сякаш*, *без да*, *освен да*, *за да*, *преди да*, *защото*, *понеже*, *макар* (*и*) *да*, *ако*, *даже* и подобными, а также с союзом или союзной частицей *да* при выражении условных, уступительных или целевых отношений, т. е. когда *да* используется в значениях ‘ако’, ‘дори да’ или ‘за да’ [Ницолова 1989: 106—107, 110—112].

Что касается придаточных частей, присоединяемых союзом *да*, то при условии постпозиции этих частей академические руководства последних лет запрещают их отделение запятой независимо от выражаемых в СПП отношений [Правопис и пунктуация 2011: 106; Официален правописен речник 2012: 79]. Впрочем, эти изменения относятся только к сложноподчиненным предложениям с союзом *да* в значении ‘за да’. Придаточная часть таких предложений постпозитивна, а колебания в ее пунктуационном оформлении были отражены в правилах [ср.: Ницолова 1989: 109; Недев 1992: 293]. Придаточные же части, присоединяемые *да* в значениях ‘ако’ и ‘дори да’, препозитивны, а после препозитивных придаточных частей (включая и те, которые при условии постпозиции пунктуационно не отделяются) по правилу

ставится запятая, что находится в соответствии с синтаксическим принципом и не противоречит принципу интонационному (см. об этом ниже).

Таким образом, если речь идет о пунктуационном маркировании придаточных частей независимо от их позиции в составе сложного предложения, болгарские правила предписывают такую маркировку только для придаточных с определенными подчинительными союзами и союзными словами.

Пунктуационное оформление других типов зависимых предикативных частей регулируется специальными правилами, часть которых демонстрирует отступления от синтаксического принципа в пользу принципа интонационного.

2. Важной особенностью болгарской пунктуации в сравнении с русской является неразделение запятой главной части предложения и следующей за ней придаточной, которая представляет собой так называемый *косвенный вопрос*. В основе это правила лежит фонетический (интонационный) принцип [см. Ницолова 1989: 116]. Ср.:

> *Никой не знаеше* ***какво стана с нея*** (Елин Пелин); *Божура чу* ***как сърцето ѝ, долепено до камъните на дувара, чукаше*** (Й. Йовков); *Никой не казва* ***колко още ще продължи кризата***; *Дълго се колебахме* ***кого да изберем***; *Не знаем* ***дали вървим в правилната посока*** [Ницолова 1989: 117; Официален правописен речник 2012: 80].

Если косвенный вопрос располагается перед главной частью сложного предложения, он отделяется от нее запятой: ***Колко време стоя така****, тя не знаеше* (Й. Йовков); ***Кой ще е следващият****, аз не мога да гадая*; ***Дали ще заминем****, не е известно още* [Ницолова 1989: 117; Официален правописен речник 2012: 81]. Это правило тоже мотивировано интонационным принципом (см. [Ницолова 1989: 117]), а его применение не противоречит в данном случае принципу синтаксическому.

Последние по времени появления болгарские академические руководства по орфографии и пунктуации содержат также правило, регулирующее пунктуационное оформление интерпозитивного косвенного вопроса:

> Когда простое предложение, введенное посредством вопросительного слова, расположено между частями другого простого предложения, запятой отделяется его конец: *Любопитството* ***кой е в стаята с Ирина****, не ми даваше покой*; *Въпросът* ***кога ще започне пенсионната реформа****, е от съществено значение за действията на синдикатите* [Правопис и пунктуация 2011: 108; Официален правописен речник 2012: 81].

Аналогичное правило касается пунктуации в сложноподчиненном предложении с интерпозитивным *да*-предложением (см. ниже).

Указанное правило имеет интонационную мотивацию, а приведенные примеры демонстрируют неудачное применение интонационного принципа в ущерб принципу синтаксическому. Как видно из этих примеров, использование не парного выделяющего, а одиночного отделяющего знака (т. е. отсутствие запятой, показы-

вающей начало зависимой предикативной части) искажает представление о грамматической структуре предложений. Одиночная запятая разделяет подлежащие (*любопитството* в первом предложении и *въпросът* во втором) и сказуемые (*не даваше покой* в первом предложении и *е от значение* во втором), что абсолютно недопустимо, например, для русской пунктуационной системы.

Возможность неудачного использования одиночной запятой в сложном предложении с интерпозитивным косвенным вопросом учитывала прежняя болгарская нормализаторская практика. Так, Р. Ницолова включает в свою посвященную болгарской пунктуации книгу правило следующего содержания:

> Когда косвенный вопрос является придаточным определительным предложением, связанным с именем существительным или местоимением *това* в составе главного предложения, перед косвенным вопросом ставится запятая: *Изведнъж я обзе* ***въпросът, какво щеще да прави до сутринта*** (Д. Димов); *Силата на художественото произведение според мене идва главно* ***от това, какво ново е казал творецът,*** *и от яркостта, силата и сблъсъка на характерите* (Пулс) [Ницолова 1989: 117].

3. Интонационный принцип является определяющим при регламентации пунктуационного оформления сложных предложений с зависимой *да*-конструкцией.

«Официален правописен речник на българския език» содержит следующие основные правила, касающиеся пунктуации в этих предложениях:

> а) Не отделяются запятой два простых предложения, если второе предложение введено союзом *да*: *Не е лесно* ***да признаеш вината си***; *Милен не им позволи* ***да влязат***; *Флиртът на Зара беше просто ексцентрично и невинно хрумване* ***да се разсее един уморен човек***; *Инструкторите подкрепят идеята* ***да се разреши на 16-годишните карането на кола с родител***.
>
> б) Когда *да*-предложение расположено между частями другого простого предложения, конец *да*-предложения отделяется запятой: *Необходимостта* ***да се осигурят надеждни средства за обмен на информацията****, изисква разработване на нови продукти*.
>
> в) Когда *да*-предложение располагается перед главным предложением, эти два предложения разделяются запятой: ***Да те обичам****, аз копнея*; ***Да сте много щастливи****, ви желаем!* [Официален правописен речник 2012: 79—80].

Применение правила (б), так же как и правила о пунктуационном оформлении сложноподчиненного предложения с интерпозитивным косвенным вопросом (см. выше), может привести (и это видно из примера к правилу) к постановке запятой, отделяющей состав подлежащего главного предложения от состава сказуемого. Это бывает, например, в тех случаях, когда *да*-предложение находится в позиции определения при подлежащем.

Более ранние по времени болгарские правила, перечисляя условия, при которых перед постпозитивным *да*-предложением запятая не ставится, специально подчеркивали ее отсутствие и в конце придаточной части:

> Перед союзом *да* запятая не ставится, когда *да* связывает с главным предложением придаточные дополнительное, подлежащное, сказуемостноопределительное[8], определительное или обстоятельственные цели, причины, следствия. В этих случаях и в конце придаточного предложения запятая не ставится, если ее употребление не продиктовано характером следующего за *да*-предложением компонента — присоединяемого союзом придаточного предложения, обособленного оборота, вводного слова или сочетания и др. [Ницолова 1989: 109].

4. Одно из русских правил определяет пунктуационное оформление сложноподчиненных предложений, в которых подчинительному союзу предшествует усилительная частица или слово, маркирующее присоединительные отношения: *только*, *лишь*, *исключительно*, *как раз*, *даже*, *а также*, *особенно*, *в особенности*, *а именно* и под. По правилу запятую следует ставить перед этими словами, а не перед союзом:

> *Когда я вижу бегущих людей, я бегу вместе со всеми,* ***даже если*** *мне надо в противоположную сторону* (В. Токарева); *Несколько упрощая, можно сказать, что англичанин будет скорее всего разговаривать в гостях о своих увлечениях <...> и почти никогда не станет касаться того, что является главным делом его жизни,* ***особенно если*** *он на этом поприще чего-то достиг* (В. Овчинников).

Болгарское правило, в основе которого лежит не синтаксический, а интонационный принцип, запрещает в подобных случаях отделение придаточной части от главной. См. в словаре «Официален правописен речник на българския език»:

> Не разделяются запятой два простых предложения, если перед союзом или союзным словом, вводящим второе предложение, стоит <…> уточняющее слово или выражение (*даже*, *дори*, *дълго*, *едва*, *единствено*, *именно*, *много*, *малко*, *особено*, *поне*, *само*, *тъкмо*, *чак*, *твърде дълго*, *твърде скоро* и под.): *Визите за членовете на семейства на граждани на ЕС се издават безплатно* ***единствено когато*** *въпросните членове на семейство пътуват в държавата членка домакин като придружители на гражданина на Съюза в тази страна* [Официален правописен речник 2012: 81—82].

Ср. уточнение Р. Ницоловой к этому правилу:

> В конце придаточного предложения, однако, ставится запятая: *Чичо Мартин можеше* ***само като се обърне,*** *да вземе пушките на стражарите и да ги насочи срещу тях*… (И. Петров) [Ницолова 1989: 113].

5. Русские правила о постановке запятой на стыке двух союзных компонентов в сложном предложении имеют семантико-синтаксическую мотивацию.

[8] Сказуемостноопределительное, т. е. занимающее позицию так называемого *сказуемостного определения* — особого члена предложения в болгарской синтаксической теории.

Если располагаются рядом сочинительный и подчинительный союз (или союзное слово), а также два подчинительных союза (или подчинительный союз и союзное слово), то постановка между ними запятой или ее отсутствие определяются структурой сложного предложения.

Запятая между этими союзными компонентами ставится в том случае, если устранение придаточной части, присоединяемой вторым союзным компонентом, не разрушает структуры сложного предложения:

> *Что-то легкое, острое, белесое било в лицо,* ***и, если*** *посмотреть на пустое небо, светленькие точки плясали в глазах* (В. Набоков); *И одну белочку я знал особенно, она садилась на задние лапки совсем у моих ног и причудливо глядела черным лукавым глазком, как бы говоря,* ***что, хотя*** *я поэт и нежный, я всебожник, я все-таки здесь несколько чужой, и потому она не может сесть мне на плечо…* (К. Бальмонт).

Запятая на стыке союзных компонентов не ставится тогда, когда устранение придаточной части, присоединяемой вторым союзным компонентом, разрушает структуру сложного предложения. Обычно такое бывает, если за этой придаточной частью следует коррелят *то*, реже *так*:

> *Трава была не кошена, скрывала велосипед,* ***и если*** *посмотреть со стороны,* ***то*** *можно было подумать, что Танька парит над шелковым ковылем* (В. Токарева); *Ну, сейчас он всячески старается натравить его на меня, не соображая,* ***что если*** *кто-нибудь в свою очередь натравит Шарикова на самого Швондера,* ***то*** *от него останутся только рожки да ножки* (М. Булгаков).

Болгарские правила о пунктуации на стыке двух союзных компонентов мотивированы исключительно интонационным принципом [ср. Ницолова 1989: 115]:

> На стыке двух союзных компонентов запрещается постановка запятой в том случае, если первый компонент является односложным безударным союзом: *Снощи дълго звънях,* ***но като*** *не ми отворихте, си тръгнах*; *В този миг си мислех,* ***че ако*** *всички разберат, с мен е свършено* [Ницолова 1989: 114—115; Правопис и пунктуация 2011: 111; Официален правописен речник 2012: 83].

Запрещая постановку при таких условиях запятой, правила позволяют использовать тире, очевидно в качестве маркера возможной паузы:

> В сложном предложении употребление тире допускается между двумя союзами, которые следуют непосредственно один за другим и вводят простые предложения, если первый союз односложный и безударный: *Смятах да мълча,* ***но — понеже*** *стана дума за това, ще ви отговоря* [Правопис и пунктуация 2011: 127; Официален правописен речник 2012: 94].

Если же первый из двух союзных компонентов неодносложный и ударный, то союзные компоненты разделяются запятой: *Не съм съгласен,* ***понеже, ако***

поставим нещата на друга плоскост, губещите ще станат печеливши [Ницолова 1989: 115; Правопис и пунктуация 2011: 111; Официален правописен речник 2012: 83]. О постановке тире в таких случаях в правилах не говорится.

Бессоюзное сложное предложение

Русские правила, регламентирующие постановку знаков препинания (запятой, точки с запятой, двоеточия и тире) между предикативными частями бессоюзного сложного предложения, представляют собой систему, в основе которой лежит семантико-синтаксический принцип. Выбор пунктуационного знака, разделяющего бессоюзно связанные предикативные части, определяется в зависимости от выражаемых между этими частями смысловых отношений. Для читающего знаки препинания на границе предикативных частей являются маркерами этих отношений, облегчая правильное понимание письменного текста.

Постановка двоеточия между частями бессоюзного сложного предложения предписывается правилами в тех случаях, когда вторая предикативная часть поясняет, разъясняет, выражает причину или основание того, о чем сообщает первая часть, а также когда она имеет изъяснительное значение.

Более нагружен функционально знак тире. Тире ставится по правилам в тех бессоюзных сложных предложениях, в которых вторая предикативная часть выражает следствие, вывод, содержит сравнение, носит характер неожиданного присоединения; первая предикативная часть выражает время или условие протекания действий, совершения событий, названных во второй части; между предикативными частями выражаются противительные отношения. Тире используется в бессоюзном сложном предложении и при некоторых других условиях.

Современная русская пунктуационная практика дает многочисленные примеры замены предписываемого правилами двоеточия знаком тире. Особенно часто передает свои функции знаку тире двоеточие, использование которого правила мотивируют выражением пояснительно-разъяснительных отношений. Исследователи связывают эту тенденцию «с активизацией позиций тире как знака более емкого содержания» [Валгина, Светлышева 1996: 244].

В болгарской системе пунктуации, в отличие от русской, характер семантических отношений, выражаемых между предикативными частями бессоюзного сложного предложения, не играет столь существенной роли при выборе знака препинания. Хотя в немногочисленных правилах, посвященных этому разделу, упоминаются некоторые типы смысловых отношений, такое упоминание чаще всего имеет смысл только для разграничения постановки запятой и точки с запятой, с одной стороны, и двоеточия и тире — с другой. Функции двоеточия и тире строго не дифференцированы[9]. Ср.:

---

[9] О субъективных решениях пишущего относительно постановки двоеточия или тире на границе предикативных частей бессоюзного сложного предложения см. [Недев 2001: 164—167; 2006: 343—347].

а) Двоеточие ставится между двумя простыми предложениями в составе сложного, когда первое из них имеет обобщающий характер, а второе его конкретизирует: *Нещата тръгнаха съвсем наопаки: вместо мир започна война* [Официален правописен речник 2012: 87].

б) Тире ставится между двумя простыми предложениями в составе сложного, когда одно из них имеет обобщающий характер, а другое его конкретизирует [Там же: 94].

В издании «Официален правописен речник на българския език» среди примеров к этому правилу, имеющему обобщающий характер, нет случаев использования бессоюзных сложных предложений. Ср. у Р. Ницоловой:

> Пояснительное тире функционирует как пояснительное двоеточие и когда ставится в сложном бессоюзном предложении между двумя предложениями, одно из которых конкретизирует имя или другой компонент другого предложения или другое предложение в целом: *От тогава е станал **един** — не знам какъв* (Елин Пелин) [Ницолова 1989: 130].

Ср. также одинаковые условия для постановки двоеточия и тире в следующих случаях:

а) Двоеточие ставится между двумя простыми предложениями в составе сложного при выражении причинно-следственной связи, когда пропущен союз между ними: *Познавам го добре: той е мой стар приятел* (ср.: *Познавам го добре, **тъй като** той е мой стар приятел*) [Официален правописен речник 2012: 87].

б) Тире ставится между двумя простыми предложениями в составе сложного при выражении причинно-следственной связи, когда пропущен союз между ними: *Текстът се публикува без редакция — само така може да изпъкне същинският му смисъл* (ср.: *Текстът се публикува без редакция, **защото** само така може да изпъкне същинският му смисъл*) [Там же: 94].

Более того, пунктуационными ошибками, очевидно, не считаются случаи использования запятой и точки с запятой вместо рекомендуемых приведенными выше правилами двоеточия или тире. Расположение правил по темам, соответствующим разделам традиционного курса синтаксиса, вынуждает авторов к таким формулировкам этих правил, как, например, следующие:

— запятая ставится между простыми предложениями в составе бессоюзного сложного предложения, если в них выражаются одновременные или последовательные действия (которые в то же время могут находиться в причинно-следственных, пояснительных и других отношениях);

— двоеточие, тире или точка с запятой ставятся между простыми предложениями в составе бессоюзных сложных предложений, в которых содержание второго простого предложения вносит дополнительные разъяснения к содержанию первого простого предложения: *Един ден се пръсва неочаквано из махалата новина: дошъл*

си мъжът на стрина Пановица (Т. Влайков); *По едно време той поглежда дрехите си — кървави са и скъсани* (Й. Йовков); *Стефан понесе плесницата; сиромахът, срамува се и да помене* (П. Яворов). Эти знаки препинания ставятся и между простыми предложениями в составе бессоюзных сложных предложений, когда между простыми предложениями выражаются причинно-следственные отношения [Недев 1992: 313].

Р. Ницолова, отмечая возможность использования вместо так называемого пояснительного двоеточия (во всех его разновидностях) знака тире, рекомендует тем не менее избегать употребления тире — знака, перегруженного самыми различными функциями, — вместо двоеточия [Ницолова 1989: 77].

В правилах, включенных в «Официален правописен речник на българския език», присутствует единственное упоминание о тире, постановка которого на границе между предикативными частями бессоюзного сложного предложения не связывается с использованием в той же позиции другого пунктуационного знака:

> Тире ставится для отделения обобщений и заключений от предшествующих им и конкретизирующих их однородных членов или *предложений*: *Слънцето се поусмихна, повя южен вятър — природата започна да се събужда* [Официален правописен речник 2012: 93].

В цитируемой книге Р. Ницоловой, в отличие от академических руководств последних лет, говорится также об использовании тире в бессоюзных сложных предложениях, между предикативными частями которых устанавливаются темпоральные, условно-следственные, сопоставительные или противительные отношения [Ницолова 1989: 130—131]. Встречаются также упоминания об употреблении в бессоюзном сложном предложении тире перед второй предикативной частью, сообщающей о неожиданных действиях [Недев 1992: 314].

Пунктуация при прямой речи и цитатах

Болгарское пунктуационное оформление прямой речи и цитат отличается от русского следующими двумя основными чертами.

1. В русской пунктуационной системе для отделения слов автора от предшествующей им прямой речи (или цитаты), после которой нет восклицательного знака, вопросительного знака или многоточия, используются запятая и тире: «*Сейчас*», — *сказал молодой военный, сидевший всего ближе ко входу* (Б. Пастернак).

Если прямая речь (или цитата) разрывается словами автора и на месте разрыва есть запятая, точка с запятой, двоеточие, тире или нет никакого знака, то слова автора выделятся с обеих сторон запятой и тире: «*Как вы смеете, — кричит, — давать свисток к отправлению. Именем закона требую задержать эшелон до поимки бежавших*» (Б. Пастернак).

В болгарской системе пунктуации для отделения слов автора от предшествующей им прямой речи (или цитаты) независимо от того, какой знак стоит в конце прямой речи (или цитаты), используется тире: «*Не ще е на зле*» — *рекох си* (В. Му-

тафчиева); «*На изучаването на естествените науки е основана силата и прогресът на сегашните европейски народи*» — *заявява Бончев в статията си за програмата на пловдивските училища* (примеры: [Ницолова 1989: 192; Официален правописен речник 2012: 94—95]). Правило говорит следующее:

> Когда в конце предложения из состава прямой речи надо поставить точку, этот знак препинания «поглощается» тире, стоящим перед словами автора. Остальные знаки препинания, однако, которые стоят в конце предложения (восклицательный знак, вопросительный знак, многоточие и др.), сохраняются [Ницолова 1989: 191].

В случае разрыва прямой речи (или цитаты) словами автора болгарское правило предписывает выделять слова автора с двух сторон тире. Если на месте разрыва прямой речи (или цитаты) есть запятая, она переносится и ставится после слов автора перед тире [Там же: 186, 192]:

> «*Проблемът за свободата — отбелязва авторът — може да се разглежда в различни аспекти.*»; «*Да се запрещава на младежта да се стреми към един висок идеал, по-висок от егоистичните цели — пише Д. Благоев, — ще рече изкуствено да я осъждаме на пороци и разврат.*» (примеры: [Официален правописен речник 2012: 95; Ницолова 1989: 186]).

2. В русской пунктуационной практике при оформлении прямой речи или цитаты посредством кавычек сочетание знаков *точка + кавычка* не используется. Точка может быть поставлена только *после* закрывающих кавычек.

В болгарской пунктуационной системе используется сочетание *точка + кавычка*. По болгарскому правилу в зависимости от вида предложения, заключенного в кавычки, перед кавычками ставится точка, восклицательный знак, вопросительный знак или многоточие [Ницолова 1989: 147, 159].

Таким образом, различия между болгарской и русской пунктуационными системами связаны, прежде всего, с теми отступлениями от синтаксического принципа пунктуации, которые лежат в основе многих болгарских правил.

Русская система постановки знаков препинания гораздо более тесным образом, чем болгарская, связана со строением предложения и морфологическим статусом его компонентов. Реагируя на малейшие изменения в грамматических характеристиках речи, русская пунктуационная система отличается детализированностью и усложненностью.

Болгарская система пунктуации в значительно меньшей степени детализирована. Несмотря на то что основным ее принципом признается принцип синтаксический, в этой системе отсутствуют частные правила, объединенные в группы соответственно морфологическим и синтаксическим особенностям членов предложения (ср., напр., русские правила пунктуационного оформления разных видов определений).

Большое количество болгарских правил мотивировано исключительно интонационным принципом, а также стремлением избежать скопления в тексте пунктуационных знаков. В своем развитии болгарская система пунктуации все более и более удаляется от построенных на грамматической основе систем немецкого типа, к которым принадлежит русская пунктуационная система. В настоящее время болгарская система в целом характеризуется высокой степенью эклектизма и является объектом критики со стороны некоторых болгарских языковедов. Так, Б. Вылчев в статье, посвященной выходу в свет последнего издания академического словаря [Официален правописен речник 2012], говорит о том, что болгарская система пунктуации перестала быть системой, превратившись в собрание не всегда аргументированных правил, и считает этот факт одной из причин неудовлетворительного состояния болгарской пунктуационной практики [Вълчев 2013: 57—59][10]. Еще до публикации последнего академического справочника в болгарской языковедческой периодике появлялись конкретные предложения по совершенствованию системы пунктуации. Предлагалось, в частности, с целью устранения противоречий при формулировке правил пунктуационно выделять косвенный вопрос (в соответствии с синтаксическим принципом), при обособлении открывающий знак препинания сочетать с закрывающим и др. (см. [Коева 2010]).

В последних болгарских академических руководствах заметно стремление унифицировать пунктуационное оформление различных по функции компонентов предложения. Так, последовательно разрешается замена второго тире запятой при выделении на письме обособленных оборотов, вставных конструкций, ряда однородных членов при обобщающем компоненте; запрещается постановка запятой после односложного безударного союза перед непосредственно следующим за ним обособленным оборотом, вводным компонентом, присоединяющим зависимую предикативную часть союзным компонентом; предписывается постановка отделяющей запятой после препозитивных и интерпозитивных предикативных частей, не отделяемых знаками препинания в случае их расположения в постпозиции.

Очевидно, движение болгарской системы пунктуации в сторону сближения с системами французского типа будет продолжаться.

[10] Большой процент пунктуационных ошибок связывается также с несоответствием между синтаксической сущностью пунктуационной нормы (в основе правила — синтаксический принцип, определяющий постановку так называемой синтаксической запятой) и представлением этой нормы в кодификационной и популяризаторской литературе посредством формулировок типа «перед *че* ставится запятая», «перед первым *и* не ставится запятая» и т. п., которые характеризуют запятую как лексически связанную см. [Димитрова М. 2001: 104—106, 108].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описание синтаксической системы болгарского языка осуществлено в данном исследовании в нескольких направлениях, что позволяет представить комплексную картину болгарского синтаксиса.

«*Традиционное*» *структурно-семантическое описание* словосочетания и предложения было и остается значимым как в Болгарии, так и в России, доказывая свою эффективность в качестве одного из обязательных аспектов представления системы синтаксиса. В данной работе традиционная характеристика простых и сложных предложений и анализ словосочетаний произведены с учетом достижений современной славистики.

Исследование *словосочетаний* болгарского языка показало, что почти полная утрата именного склонения привела, с одной стороны, к значительной активности согласования (здесь имелись и другие причины), а с другой, примыкания — предложного и беспредложного. Более того, в современный период растет активность словосочетаний и составных наименований, образованных простым соположением корней или слов, — тенденция, которая трактуется либо как усиление аналитичности болгарского языка, либо как обретение им статуса корневого языка. При этом активно обсуждается вопрос о границах между сложным словом и словосочетанием, т. к. расширение группы образований по типу «несогласуемого соположения» идет не только за счет заимствованных корней (*факс апарат*, *парти център*, *имейл съобщение*, *допинг скандал*), но и за счет опущения предлога и утраты изменяемости первого компонента бывших словосочетаний (*ръководител-производство*, *началник-отдел*). Отдельное внимание в работе уделяется способности болгарских предлогов присоединять предложные группы, в результате чего образуются словосочетания с двойными и тройными предлогами.

В рамках простого предложения описаны способы построения вопросительных, побудительных и оптативных предложений. Средства выражения *побудительности* в болгарском языке отличаются бóльшим, в сравнении с русским, набором ядерных грамматически маркированных форм, среди которых значительное функциональное пространство занимает болгарская *да*-конструкция, способная выразить в вариациях видовых и лично-числовых характеристик практически любое из значений оптативно-императивной сферы. Серьезные видовые ограничения на образование отрицательных форм императива (ср. рус. *Не упади* и болг. **Не падни*) ведут к перераспределению функций между другими средствами. Как

сходства, так и различия с русским языком имеются в наборе транспозиций, которые используются для выражения побудительности. Как и в русском языке, допустимость тех или иных форм и особенности их функционирования значительно зависят от типа субъекта (одушевленный / неодушевленный) и семантики предиката (контролируемое / неконтролируемое действие). Среди набора средств выражения *оптативности* только форма *дано* + PRES претендует на статус морфологической формы со специализированным значением.

Вопросительные предложения отличаются не только разнообразием вопросительных частиц, но прежде всего универсальным характером болгарской частицы *ли*, взявшей на себя функции выражения всех видов общих вопросов и эхо-вопросов. Причины, которые привели к обязательности вопросительного слова, еще требуют обсуждения. Как было показано, ответ следует искать в большей сглаженности интонационного контура болгарского вопроса, при котором семантически и прагматически не осложненная частица служит существенной поддержкой для формирования вопросительного высказывания.

Проанализированы наиболее характерные черты болгарского *отрицательного предложения* на фоне русского: а) наличие разных отрицательных показателей во временных и модальных формах глагола (при едином рус. *не*); б) возможность использования как двойного, так и одинарного отрицания при повторяющемся союзе *(ни)то*; в) превалирование смещенного отрицания; г) более частое, чем в русском, явление «подъема отрицания» в сложноподчиненных предложениях; д) специфика употребления вспомогательных глаголов при отрицательной ответной реплике. В последующих разделах работы описаны и другие смежные вопросы: особый вид придаточных с отрицательным союзом *без да* (1.4.2.4.2.2), структуры бытийно-посессивного типа *няма с кого да поговори*, *няма къде да отида* — эквиваленты русских построений с имплицитной бытийностью *ей не с кем поговорить*, *мне некуда пойти* (1.2.6.6.10), наличие «истинного» и «пустого» отрицания в придаточных с союзом *докато* в сопоставлении с рус. *пока* (1.4.2.4.2.1), а также в придаточных с *освен ако* (1.4.2.4.7) и др.

В разделе, посвященном особенностям выражения и употребления *главных членов предложения*, приводятся показатели «подлежащного статуса» именной группы (особенно значимые с учетом отсутствия падежного изменения существительных) и описываются варианты морфолого-синтаксического наполнения канонической подлежащной группы. В сопоставительном плане наибольшее внимание уделено местоименному подлежащему. Поскольку болгарский язык в большей степени, чем русский, проявляет себя как «нулевоподлежащный», употребление личного местоимения как подлежащего связано с рядом существенных ограничений. Показаны условия его наличия / отсутствия, а также комплекс вопросов, связанных со спецификой экспликации местоименного подлежащего; объясняется выбор между указательным и личным местоимением при дейксисе и кореференции, обсуждается проблема снятия (или намеренного не-снятия) референциального конфликта. Отдельное внимание уделено референциально неоднозначному местоимению *то*,

в том числе как «претенденту» на роль формального подлежащего, закономерностям использования обобщающего *това* и условиям появления «ленивых» указательных местоимений *такъв* и *този*. Существенные отличия от русского языка демонстрируют и вопросительные местоимения в позиции подлежащего.

В разделе «Виды сказуемого и способы его выражения» классификация сказуемых производится на тех же основаниях, что и в русской лингвистике, — учитывается морфологическая природа этого главного члена предложения и его состав. При этом особое внимание обращено на наиболее интересные в сопоставительном плане вопросы: *да*-конструкция как компонент сказуемого, тавтологическое сказуемое (оба явления относятся к балканизмам), система связочных глаголов, набор модальных глаголов и их семантико-синтаксические особенности, позволяющие выстраивать многочленные *да*-конструкции.

Из специфических типов именных предикативов типологический интерес представляют разнообразные предложные группы как части именного сказуемого, в том числе с двойным предлогом: *Роклята не е за пред хората*, *букв.* ‘Это платье не для перед людьми’, именные сказуемые с существительными состояния (*страх*, *срам*, *гнус*) и экспериенцером в объектной позиции и др. Показаны и отличия сопоставляемых языков в согласовании между подлежащим и сказуемым и особые случаи числового и родового рассогласования.

Второстепенные члены предложения (определение — согласованное и несогласованное, приложение, дополнение, обстоятельство) рассмотрены, в основном, в аспекте специфических проявлений. Наиболее важным в сопоставительном плане является дополнение, имеющее значительные грамматические особенности, отличающие его от русского. В болгарском языке шире круг переходных глаголов, т. к. многие глаголы с утратой форм именного склонения существительных стали осмысляться как переходные; больше переходных предикатов, каузирующих физиологические и эмоциональные состояния, напр. *разлайвам кучето* ‘вызывать лай собаки’, *разплаквам майка си* ‘доводить маму до слез’. В народной и разговорной речи используется внутреннее («тавтологическое») прямое дополнение: *ден денувам*, *нощ нощувам*, *такъв смях се смяхме*. Отдельное внимание уделено косвенному дополнению, которое в болгарском языке может быть беспредложным только при местоименном выражении, показаны различия болгарского и русского языков при семантически и конструктивно мотивированном дательном падеже.

Характерной балканской чертой болгарского языка является местоименное удвоение дополнения; оно осуществляется по коммуникативным и коммуникативно-синтаксическим причинам, и от этих случаев, как показано, надо отличать грамматически обязательное местоименное дополнение, которое не зависит от коммуникативных факторов.

Большое внимание в работе уделено еще одному важному для болгарского синтаксиса члену предложения — *предикативному определению*. Рассматривается статус этого синтаксического явления в системе языка, способы его дифференциации от других членов предложения, типы морфологического выражения.

Характеризуются две его синтаксические разновидности — предикативное определение к подлежащему и к дополнению. В связи с описанием семантики предикативного определения (вопрос, практически не затрагиваемый болгарской лингвистикой) особое внимание обращено на семантические особенности данного члена предложения, которые, как представляется, во многом соотнесены с признаком контролируемости / неконтролируемости глагола-сказуемого. Выводится инвариантное значение конструкции с предикативным определением; показаны соответствия между семантическими типами предикативного определения в болгарском языке и их функциональными аналогами в русском.

Осложнение рассматривается в рамках традиционно выделяемых в отечественной лингвистике типов осложнения простого предложения — это, с одной стороны, синтагматический тип осложнения в виде включения обособленных и однородных членов предложения и, с другой, включение элементов синтагматически независимого плана: вводных и вставных слов и выражений, а также обращений. В этом разделе наиболее важные отличия болгарского и русского языков усматриваются в области обособленных оборотов в связи с утратой деепричастия прошедшего времени и усечением системы причастий в болгарском языке, что требует установления функциональных параллелей между рассматриваемыми языками. Интерес для сопоставительного исследования представляют и обращения, т. к. в болгарском языке часть способов выражения обращения строится по общим для балканских языков правилам.

Основные особенности *односоставных предложений* связаны со статусом болгарского языка как «нулевоподлежащного», языка со своеобразными типами безличных предложений, спецификой порождения и употребления конструкций субъектного имперсонала, как языка с утраченным инфинитивом и экспансией *да*-конструкции. В том же разделе обсуждается вопрос об односоставности «именных» предложений, который дискуссионен и в российской лингвистике. В болгарском языке все подобные структуры оказываются неполными двусоставными. Показано, что на статус безглагольных односоставных претендуют только указательные предложения болгарского языка, содержащие предикативно употребленную указательную частицу (в болгарском языке — с прямым дополнением): *Ето го*. 'Вот он', *букв.* 'Вот его'.

Структурно-семантическое описание сложного предложения осуществляется в традиционных группах сложносочиненного и сложноподчиненного предложений. Проблемы вычленения и изучения *сложносочиненного предложения* в болгарской лингвистике близки тем, которые составляют предмет обсуждения и в отечественном языкознании: семантические отношения между сочиняемыми предикациями, границы класса сочинительных союзов, гибридный характер ряда союзных средств. Набор сочинительных союзов в болгарском языке обогащен, с одной стороны, значительным количеством средств, использующихся только в разговорной или народной речи, с другой — рядом заимствованных союзов. Вклад последних в семантику и прагматику болгарского предложения различен.

Так, противительные союзы *ама*, *ами*, *ала* являются только стилистическими синонимами союзов *а* и *но*, в то время как соединительный союз *хем… хем* способен оформлять структуры с «рефлексивным» значением, соединяя внутренне противоречивые явления, ср. рус. *с одной стороны… с другой стороны*, *вроде бы… но и*. Особенностью употребления многоместных союзов в современном болгарском (особенно разговорном) языке является частый пропуск первого элемента союза, напр. при союзах *нито… нито*, *хем… хем*, *ту… ту*, что требует от воспринимающего выявления в предтексте первого конъюнкта и обуславливает дополнительное присоединительное значение второй предикации. Значительна и вариативность компонентов повторяющихся союзов.

Представление классификационных групп *сложноподчиненных предложений* осуществлено с учетом противоречий, существующих в принципах классификации подчиненных предикаций в болгарской и отечественной лингвистике. Полное применение отечественного варианта структурно-семантической классификации для описания болгарского языка невозможно в связи с представленной в нем тенденцией к пропуску соотносительных слов, а значит, к нерегулярному и даже непредпочтительному использованию местоименно-соотносительной связи. Однако структурно-ориентированная классификация, в отличие от «логической», позволяет системно описать формально-грамматические средства и особенности структуры СПП, что важно для сопоставительного анализа. Вслед за отечественными болгаристами Ю. С. Масловым [1981], Е. А. Захаревич и Г. В. Крыловой [1978] был выбран компромиссный вариант, базирующийся на принципах структурно-семантической классификации, но с учетом функциональных характеристик придаточной части. В данном разделе описаны средства связи, условия употребления соотносительных и усилительных слов, семантические разновидности каждого типа, видо-временные формы и др., с обязательностью приводятся болгарско-русские переводческие параллели. В качестве главных структурных особенностей болгарских сложноподчиненных предложений на фоне русских отметим: 1) место общего подлежащего: при совпадении субъектов главной и придаточной частей подлежащее используется только в главной при любой позиции придаточной; 2) различие в наборе и употреблении местоимений, использующихся в качестве коррелятов. В связи с нормативным отсутствием соотносительных слов изменяются и другие структурные характеристики болгарского предложения (место усилительных наречий, отрицательной частицы). Отмечается роль определенного артикля, часто берущего на себя функции соотносительного слова. Отсутствие коррелята, как продемонстрировано, является для многих типов сложных предложений фактором, способствующим большей семантической и стилистической свободе конструкции; 3) местоименное дублирование препозитивного придаточного в главном предложении (одиночное и двойное); 4) возможное неначальное место союза *да* в придаточном и разрыв компонентов союзов, включающих *да*, что связано с приглагольной позицией последнего. Между первой частью союза и второй (т. е. *да*) могут вставляться тематическое подлежащее, детерминанты,

контрастивное (топикализованное) дополнение; 5) особенности видо-временных форм, в частности нарушение «согласования времен», или, в иных терминах, — нейтрализация ряда глагольных значений.

При характеристике *референциальных аспектов болгарского предложения* показаны особенности артиклевой системы болгарского языка, сформированной, как известно, по балканскому типу, предложены наблюдения над соотнесением артиклевых показателей с денотативными статусами именных групп, над связью референциальных и артиклевых характеристик именных групп с глагольными категориями и др. Артиклевая маркированность значима и для отражения *коммуникативного устройства* болгарского предложения. Здесь предложена характеристика основных «коммуникативных значений» (Т. Е. Янко) болгарского языка, таких как тема, рема, контраст, эмфаза, но главная цель раздела — демонстрация специфики линейно-интонационных сдвигов в болгарском предложении, обусловленной более строгим, чем в русском, порядком слов и большей ровностью интонационного контура. Значительным оказывается различие болгарского и русского языков при реализации особых коммуникативных стратегий говорящего. Для сопоставления взяты три коммуникативные стратегии, хорошо исследованные в русском языке: стратегия с рецессией темы, с «неингерентной» темой и с суперпозицией ремы. Показано, какие средства помогают реализации данных коммуникативных задач в болгарском языке, если учитывать имеющиеся ограничения на линейно-синтаксические перемещения и характерное для болгарского предложения стремление к неразрывности рематического поля. Мощным средством оформления коммуникативных стратегий в болгарском языке является артиклевая маркированность: при действии ограничений на линейно-интонационные варианты именно артикли берут на себя основную функцию выражения коммуникативных значений.

С позиций *функционального синтаксиса* описываются характерные для болгарского языка формы подавления семантического субъекта, рассмотрение которых в коммуникативно-функциональном плане на фоне русского языкового материала представляется особенно полезным. Описано образование, семантика и коммуникативные функции таких болгарских конструкций, как пассив, субъектный имперсонал, неопределенно-личная модель и безличная модель с причастным предикативом (причастный имперсонал). При описании пассива особое внимание уделено возвратному перфективному пассиву (*Предложението се отхвърли*. ‘Предложение было отвергнуто’, *букв.* ‘Предложение отверглось’), широко представленному в болгарском языке и имеющему очень узкую сферу распространения в русском. Показано, что видовая характеристика болгарского возвратного глагола не ограничивает его использование в данной форме. Если учесть тот факт, что в болгарском языке и страдательные причастия регулярно образуются от глагольных основ как совершенного, так и несовершенного вида, то болгарская система пассивных конструкций может быть представлена как более стабильная по сравнению с русской.

Болгарскому субъектному имперсоналу как одному из способов выражения генерализованного или неопределенного субъекта сопоставлены его современные

русские функциональные соответствия. На фоне этих сопоставлений отчетливо проступает специфика болгарских и некоторых русских конструкций, типологическая характеристика которых в настоящее время не находит однозначных определений (*В статье сообщается о…*; *Легко работается*; *С трудом дышится* и др.).

При описании неопределенно-личных предложений было констатировано, что области функционирования русской и болгарской неопределенно-личной модели совпадают далеко не полностью. Активное использование в болгарском языке конструкций безагенсного пассива и субъектного имперсонала сужает сферу распространения неопределенно-личных предложений. Описаны и условия, при которых болгарским неопределенно-личным предложениям в русском языке соответствуют синтаксические модели других типов.

Установлено, что и в болгарском и в русском языках действуют одни и те же структурные и коммуникативные механизмы образования безличных предложений с причастным предикативом. Вместе с тем возможность производства этой модели в русском языке в большей степени, чем в болгарском, связана с грамматическими и лексико-грамматическими характеристиками производящего глагола — его видом, переходностью или непереходностью, способом глагольного действия. Высказано предположение, что эта безличная конструкция в русском языке теснее, чем в болгарском, связана со структурой канонического пассива. Показаны причины несоответствий между болгарскими и русскими предложениями в плане стилистической отнесенности.

Коммуникативно-функциональный подход реализован и при исследовании описательных предикатов. Здесь прослеживается их участие в образовании болгарских и русских синтаксических структур (пассива, декаузатива, рефлексивной конструкции с дательным субъекта, конструкций с номинализацией, атрибутизацией и адвербиализацией глагольного компонента описательного предиката), объясняются коммуникативные механизмы и цели трансформационных преобразований описательных предикатов. Еще один объект исследования в коммуникативно-функциональном ключе — болгарские фразеосхемы, выступающие маркерами темы высказывания. В настоящее время фразеологизированные синтаксические построения привлекают особое внимание исследователей, в частности, в связи с актуальностью этой темы для современного уровня автоматической обработки текстов и обострением интереса к проблематике и концептуальному аппарату Грамматики конструкций (Construction Grammar).

Линейно-синтаксические характеристики болгарского предложения рассмотрены в главе «Порядок слов в болгарском предложении. Болгарские клитики». Здесь представлены закономерности болгарского словорасположения с особым вниманием к тем структурным ограничениям, которые связаны с одной из фундаментальных характеристик болгарского языка — его именным аналитизмом. Сопоставляются болгарские и русские схемы расположения прямого дополнения, подлежащего, сказуемого и характеризующего обстоятельства, существующие различия получают лингвистическое объяснение.

Важную роль в структуре болгарского предложения, в размещении основных его элементов играют клитики. В данной главе описан набор клитик болгарского языка, устанавливается их взаиморасположение в цепочке, охарактеризованы кластерные возможности клитик уровня предложения и уровня группы, рассмотрено явление подъема посессора и связанные с ним семантические и стилистические переосмысления. Показано также особое место частицы *ли* в предложении и в цепочке сентенциальных клитик, что связано с расширением функций болгарского *ли*, которые меняют ее синтаксис как частицы «второй позиции» и делают его независимым от просодии. Специфическим образом ведет себя болгарская частица *ли* при вопросах к именной группе, как правило замыкая ее даже при контрастно выделенном атрибуте. Объяснение этому можно искать в отмеченной более чем полвека назад Иваном Гылыбовым [Гълъбов 1986 (1950)] тенденции к закрытию границ именной группы в болгарском языке — тенденции, которая оформилась благодаря закреплению определенного артикля и последующей грамматикализации кратких дательных форм как притяжательных местоимений. Поэтому *ли* в болгарском языке регулярно не преодолевает границ именной группы и не способна кластеризоваться с чисто групповой клитикой притяжательности.

При сопоставлении *пунктуационных систем* болгарского и русского языков установлено, что имеющие место различия связаны, прежде всего, с теми отступлениями от синтаксического принципа пунктуации, которые лежат в основе многих болгарских правил. На фоне сопоставлений показано, что русская система постановки знаков препинания гораздо более тесным образом, чем болгарская, связана со строением предложения и морфологическим статусом его компонентов. Болгарская система пунктуации в значительно меньшей степени детализирована. Несмотря на то что основным ее принципом признается принцип синтаксический, в этой системе отсутствуют частные правила, объединенные в группы согласно морфологическим и синтаксическим особенностям членов предложения. Большое количество болгарских правил мотивировано исключительно интонационным принципом, а также стремлением избежать скопления в тексте пунктуационных знаков. В своем развитии болгарская система пунктуации все более и более удаляется от построенных на грамматической основе систем немецкого типа, к которым принадлежит русская пунктуационная система. В настоящее время болгарская система в целом характеризуется высокой степенью эклектизма и является объектом критики со стороны некоторых болгарских языковедов. Очевидно, движение болгарской системы пунктуации в сторону сближения с системами французского типа будет продолжаться.

В данной работе не уделялось специального внимания *семантике болгарского предложения*. Для интересующегося читателя предлагаем обратиться к книге [Иванова 2009в, там же и литература], где семантика болгарского и русского предложений представлена в классификационной сетке, совмещающей дифференциальные признаки двух важнейших для славистики классификаций: логико-синтаксических типов предложений (Н. Д. Арутюнова) и семантических типов предикатов (З. Вендлер, Ю. С. Маслов, Т. В. Булыгина, Е. В. Падучева, Ю. Д. Апресян). Первая из этих

классификаций позволяет показать, что при общности способов порождения речемыслительного произведения различным оказывается набор синтаксических структур, реально представляющих те или иные логико-семантические отношения. Вторая, давно доказавшая свою эффективность, неоправданно мало применяется при сопоставлении близкородственных языков, хотя именно с ее помощью легко вскрываются грамматические и деривационные расхождения между родственными языками. В указанной книге в новом ракурсе предстают описанные в настоящей монографии синтаксические явления. См. также [Иванова 2003; 2008; 2012а; 2012б; 2012в].

В заключение укажем значимые типологические характеристики болгарского языка, которые более всего повлияли на структуру болгарского предложения.

Среди основных морфологических и морфосинтаксических черт отметим следующие: а) утрата падежного склонения у именных частей речи, б) наличие разветвленной системы глагольных форм и грамматикализация ряда глагольных значений, в) грамматическое выражение категории определенности / неопределенности, г) утрата инфинитива и распространение *да*-конструкции, д) утрата деепричастия прошедшего времени и трансформация системы причастий при активности такого синтаксического явления, как предикативное определение к подлежащему и к дополнению. Важную роль играют и такие синтаксические особенности, как «нулевоподлежащность» и специфика реализации других синтаксических нулей, отнесенность болгарского к языкам *habere*-типа, эксплицитность глагола *esse* в копульных и бытийных предложениях, наличие развитой системы клитик — как сентенциальных, так и групповых.

Эти характерные черты, в свою очередь, оказали или оказывают влияние на формирование ряда иных синтаксических особенностей болгарского языка, как, например, перераспределение в области подчинительных связей в словосочетании (активизация согласования и особенно примыкания), соположение основ (корней) как способ образования новых слов и сочетаний, более разнообразные, чем в русском, формы «подавления» семантического субъекта, экспансия *да*-конструкций в зоне императивности и сложноподчиненного предложения (в том числе те позиции, которые в русском языке обслуживаются сослагательным наклонением), специфика сложных предложений с союзами, включающими элемент *да* (возможность дистантного расположения компонентов союза и ограничение на формы сказуемого придаточной части), удвоение дополнения как на уровне простого, так и на уровне сложного предложений, особенности порядка слов и передвижения сентенциальных и групповых клитик, своеобразие оформления коммуникативных стратегий говорящего, при которых линейно-синтаксические ограничения на порядок слов компенсируются использованием нетипичных случаев артиклевой маркированности субстантивных коммуникативных составляющих, и др.

Выражаем надежду, что эта книга внесет свой вклад в более активное и результативное исследование болгарского языка — несомненно, одного из самых типологически своеобразных европейских языков, что, в сущности, современная лингвистика вполне осознала.

Приложение 1. СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ[1] И ГЛОССОВ

ИГ — именная группа
НСВ — несовершенный вид
ОП (для раздела 4.2) — описательный предикат
ПО (для раздела 1.2.5.4.2) — предикативное определение
СВ — совершенный вид
ССП — сложносочиненное предложение
СПП — сложноподчиненное предложение

настоящее время	present	PRES
аорист	past aorist	AOR
перфект (прошедшее неопределенное)	present perfect	PERF
имперфект (прошедшее несовершенное)	past imperfect	IMPERF
плюсквамперфект (прошедшее предварительное)	past perfect	PPERF
будущее	future	FUT1
будущее в прошедшем	past future	PFUT
будущее предварительное	future perfect	FUT2
изъявительное наклонение	indicative (mood)	IND
условное наклонение	conditional (mood)	COND
повелительное наклонение	imperative (mood)	IMP
пересказывательные формы	inferential (mood)	INFER
умозаключительное наклонение	conclusive (mood)	CONCL
отрицательная форма	negation, negative	NEG
совершенный вид	perfective aspect	PFV
несовершенный вид	imperfective aspect	IPFV

Часть сокращений заимствована из примеров к т. н. «лейпцигским правилам глоссирования»: http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php.

[1] Сокращения источников см. в Приложении 3.

Приложение 2. КОРПУСЫ И БАЗЫ ДАННЫХ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Корпусы болгарского языка[2]

Болгарский национальный корпус (БНК) создан в Институте болгарского языка им. проф. Любомира Андрейчина сотрудниками секции компьютерной лингвистики и секции болгарской лексикологии и лексикографии. В БНК объединены несколько отдельных электронных корпусов, разработанных в период с 2001 по 2009 г. для целей обоих отделений. Корпус состоит из моноязыковой болгарской части и 47 параллельных корпусов различной величины. О создании корпуса, структуре, метаданных, а также о публикациях группы см. информацию на болгарском и английском языках на сайте http://dcl.bas.bg/bulnc/.

Ядро БНК состоит из текстов на болгарском языке. Болгарская часть содержит 1,2 млрд слов и включает в себя более 240 000 текстов. Материалы корпуса отражают состояние болгарского языка (преимущественно в его письменной форме) начиная с середины XX в. (1945 г.) и до наших дней.

В корпус включены также параллельные корпусы с 47 языками с общим объемом около 4,2 млрд слов. Общий объем БНК к 2014 г., таким образом, насчитывает приблизительно 5,4 млрд слов. При этом оригинальные болгарские тексты составляют 37,1 % корпуса, переводные — 40,5 %, а у остальных 22,4 % отсутствует информация об источнике или указание на перевод.

В БНК включены следующие типы текстов: преимущественно письменные (97,35 %) с устными текстами (2,65 %) ограниченного количества разновидностей — лекции, парламентские дебаты и субтитры. Бóльшая часть текстов (97,5 %) собрана из Интернета с помощью поискового робота или ручного изъятия, в то время как остальная часть (2,5 %) предоставлена авторами или издателями.

Исходя из того, что язык отражает коммуникацию в следующих аспектах: функция и роль участников (стиль), тематическое содержание (тематическая область) и композиционная структура (жанр), в разработке БНК авторы следовали трем основным признакам классификации — стилю, тематической области и жанру. Единицы корпуса снабжены подробными метаданными, что позволяет извлекать подкорпуса со специфической структурой и характеристиками.

Недостатками БНК являются высокая представленность переводных текстов и низкая доля устных текстов, см. [Коева, Стоянова 2009: 140].

---

[2] Основная информация о болгарских корпусах дана по [Tisheva, Dzhonova 2006; Коева, Стоянова 2009; Тишева, Джонова 2011; Тишева 2014], включена также информация о корпусах с соответствующих порталов.

Условия доступа: для незарегистрированных потребителей — частичный онлайн-доступ, до 30 случайных результатов на каждую заявку; для зарегистрированных — полный доступ.

Описание других ресурсов см. на сайте Секции компьютерной лингвистики Института болгарского языка: http://dcl.bas.bg/corpora_bg.html#BulEnAC.

Корпусы и базы данных болгарской разговорной речи

Первые электронные ресурсы (неаннотированные базы данных) болгарской разговорной речи представлены для интернет-пользования известным болгаристом Хетилом Ро Хауге (Университет Осло, Норвегия) — http://folk.uio.no/kjetilrh/bulg/. Этот материал, выложенный в виде текстовых файлов, был создан для конкретных лингвистических изысканий, проводимых разными исследователями (К. Алексовой, Ц. Николовой, И. Мавродиевой, М. Джоновой) в разные периоды их деятельности, см. [Тишева, Джонова 2010; 2011].

Эти ресурсы включают:

— транскрибированные тексты, представляющие собой разговоры в семейной среде;

— транскрибированные записи разговорной речи;

— транскрибированные записи дебатов Седьмого великого народного собрания;

— базу данных из чатов. См. подробнее с соответствующими ссылками и образцами записей в (электронной) статье [Тишева 2014].

Устная речь, представленная в этих базах данных, представляет узкий круг коммуникативных ситуаций, не вполне отражает актуальное состояние разговорной речи, отсутствует и общий формат записи.

Создание корпуса, который бы отражал современное состояние болгарской устной речи, является одной из важнейших целей инициативной группы *BgSpeech*, которая объединяет болгаристов и славистов, работающих над исследованиями в сфере устной коммуникации.

Новые материалы по болгарской устной разговорной речи спонтанного бытового общения были подготовлены преподавателями и учащимися Софийского университета (см. ресурсы на bgspeech.net, в нашей работе КБРР). Созданная на данный момент база данных включает аудио- и видеозаписи, представляющие собой речь прежде всего молодежи в ситуациях официального (академического) и неофициального общения, в меньшей степени — других носителей языка, а также записи, отражающие коммуникацию в официальных ситуациях (презентации, интервью, медийная речь, политическая речь).

Положено начало созданию видеоархива болгарской разговорной речи с целью изучения паралингвистических (невербальных) элементов речевой коммуникации. Об отражении их в данном корпусе и в целом в языковых ресурсах болгарского языка см. [Алексова 2014a].

Подробнее о структуре и разметке корпусов, о ближайших исследовательских планах группы см. [Тишева, Джонова 2011; Тишева 2014].

Параллельные болгарско-русские и русско-болгарские корпусы

Помимо включенных в БНК параллельных корпусов, представляющих административный стиль, существуют и другие электронные ресурсы.

В интернет-доступе (http://rbcorpus.com/index2.php) находится богатый корпус переводных болгарских текстов русской классической и современной литературы *Успореден корпус на руски и български текстове* (в нашей работе РБПК), созданный в Великотырновском университете. В настоящий момент (2015 г.) корпус содержит 1 647 762 примеров употребления русских слов и 1 859 467 примеров употреблений болгарских слов. Обработаны 42 произведения русской художественной прозы и публицистики 22 авторов и их переводы на болгарский язык, выполненные 27 переводчиками.

Корпус разработан в двух основных направлениях: предоставление базы данных, включающей в себя параллельные русские и болгарские тексты, выравненные по предложениям (собственно корпус), и систематизация этих данных в виде словаря (корпусной русско-болгарский словарь переводчика, находится в процессе разработки). Корпус содержит также список всех словоформ. В ближайшие месяцы на сайте Великотырновского университета ожидается открытие доступа к разрабатываемому болгарско-русскому параллельному корпусу http://rbcorpus.com/proizvedenia.php.

Тексты русско-болгарского параллельного корпуса введены в Национальный корпус русского языка (подкорпус параллельных текстов) в январе 2014 г. (http://ruscorpora.ru/search-para-bg.html).

В нашей работе мы пользуемся ранее доступными в Интернете (в данный момент офлайн) параллельными болгарско-русскими текстами, подготовленными русистами Софийского университета (см. БРКТ в Приложении 3).

Среди других возможных источников болгарского материала упомянем следующие.

На специализированном портале о литературе и гуманитарных науках LiterNet *ЛитерНет* (http://liternet.bg) размещен электронный журнал LiterNet. Он существует с середины 1999 г. Здесь представлены (на дату 08.05.2015) более 2850 произведений болгарских и иностранных авторов.

Виртуальная библиотека «Словото» (http://slovo.bg/) представляет наиболее значимые произведения болгарской литературы. Порталы «Литературен клуб» (http://www.litclub.com/), «Народна библиотека» (http://narodnabiblioteka.info/index.php/start) содержат тексты болгарских художественных произведений и литературоведческие работы.

Приложение 3. ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Источники болгарского иллюстративного материала

1. БРКТ — Болгарско-русский корпус текстов.

Корпус оригинальных болгарских и русских художественных текстов и их переводов на соответственно русский и болгарский языки (общий объем текстов из этого корпуса превышает 20 000 страниц).

При цитировании примеров из данного корпуса указываются только автор и переводчик.

2. РБПК — Русско-болгарский параллельный корпус (см. описание в Приложении 2).

3. КБРР — Корпус болгарской разговорной речи (см. описание в Приложении 2).

4. БНК — Болгарский национальный корпус (см. описание в Приложении 2).

5. Иллюстративные примеры, не снабженные указанием на источник, входят в **личный корпус авторов**, — т. е. они собраны вручную из разных источников, в том числе из интернет-общения (помета «И»), а также записаны со слов носителей языка. Все примеры из нередактируемых текстов Интернета приведены в соответствие с действующими орфографическими и пунктуационными правилами.

Источники русского иллюстративного материала

1. НКРЯ — Национальный корпус русского языка.

2. Личный корпус авторов.

Оформление указания источников и переводов

В скобках после иллюстративных примеров дается указание на автора, напр. И. Вазов, Г. Господинов, причем оформление сокращения имени производится по российским нормам — используется только первая буква. Полная форма имени (Елин Пелин, Радой Ралин) указывает, что это литературный псевдоним.

Если иллюстративный пример не снабжен отсылками на источник, это означает, что он входит в личный корпус примеров, общеупотребительных, частотных.

При переводах, взятых из параллельных корпусов (БРКТ и РБПК), имеются указания на переводчика. Переводы без указания переводчика выполнены авторами данного исследования (в соответствии с авторством глав)[3].

---

[3] Обратим внимание, что, если форма болгарского сказуемого не указывает на грамматический род и узкий контекст не позволяет установить род, в переводах на русский язык предлагается форма м. рода, напр. *Прочетох книгата.* ‘Я прочитал эту книгу’ вместо ‘Я прочитал(а) эту книгу’.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аврамова 1982 — *Аврамова В.* Полная и краткая форма прилагательного в предикативной функции и их эквиваленты в болгарском языке // Изследвания в чест на проф. д-р С. Русакиев. Шумен: ВПИ, 1982. С. 99—109.

Аврамова 1994 — *Аврамова В.* Семантика и прагматика словосочетаний с прилагательными-цветообозначениями в русском и болгарском языках // Вопросы современного состояния и исторического развития систем русского и болгарского языков. Шумен: Изд-во «Константин Преславски», 1994. С. 118—135.

Аврамова, Осенова 2005 — *Аврамова Ц., Осенова П.* Отново по въпроса за границата между сложна дума и словосъчетанието (върху материал от най-новата българска лексика) // Езиковедски проучвания в памет на Йордан Заимов. София: «М. Дринов», 2005. С. 111—114.

Адамец 1978 — *Адамец П.* Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. Praha: Univerzita Karlova, 1978.

Алексова 2003 — *Алексова К.* Синтагматичната неутрализация на граматическите опозиции като причина за различните състояния, които морфологичната система може да заема (върху материал от темпоралната система на българския език) // Научни трудове на Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Т. 41. Филология. Кн. 1. 2003. С. 147—166.

Алексова 2004 — *Алексова К.* Адмиративът в българската разговорна реч // Проблеми на българската разговорна реч. Кн. 6. Велико Търново: Университетско изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2004. С. 21—34.

Алексова 2008 — *Алексова К.* За два феномена при съвместната употреба на времената в българското сложно изречение: емпатията и темпоралните неутрализации (с акцент върху преподаването на български език като L2) // Езиков свят. 2008. Кн. 6. (http://books.swu.bg/pdf/Ezikov%20sviat6.pdf)

Алексова 2014а — *Алексова К.* Български езикови ресурси, в които е отразена невербалната комуникация // Littera et Lingua. Год. 11. Кн. 1—2 (Пролет — Лято). 11. 2014. (http://slav.uni-sofia.bg/naum/lilijournal/2014/11/1-2/kaleksova-2)

Алексова 2014б — *Алексова К.* Темпоралните неутрализации в обучението по български език като чужд // Предизвикателствата на XXI век за развиване на комуникативната компетентност за професионални цели (Сб. с доклади от VII международна конф., 8—9.12.2014, Варна, България). 2014. С. 68—93.

Алексова, Никова 2003 — *Алексова К., Никова Е.* Повторителните глаголни употреби в съвременния българския език като резултат от интрапарадигматична комбинация на диференциални признаци // Научни трудове на Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Т. 41: Филология. 2003. Кн. 1. С. 135—146.

Алмалех 1990 — *Алмалех М.* Семантични отношения в словосъчетания от две съществителни, свързани с прилагане (несъгласувани определения) // Български език. 1990. Кн. 4. С. 350—357.

Алмалех 1991 — *Алмалех М.* Семантични особености на словосъчетанията от две съществителни, свързани безпредложно // Български език. 1991. Кн. 4. С. 373—378.

Алмалех 1999 — *Алмалех М.* Семантика и синтаксис на словосъчетания от две съществителни в иврит и български език // Съпоставително езикознание. 1999. Кн. 4. С. 5—30.

Ангелова 1988 — *Ангелова И.* Организация на репликата в българската разговорна реч // Български език. 1988. Кн. 6. С. 525—528.

Ангелова 1994 — *Ангелова И.* Двупредложни конструкции в разговорната реч // Проблеми на българската разговорна реч. [Сб. материали от II научна сесия, 27—28 май 1992 г.]. Кн. 2. Велико Търново: Университетско изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 1994. С. 77—82.

Андрейчин 1958 — *Андрейчин Л.* Енклитични притежателни местоимения в българския език // Изследвания в чест на академик Димитър Дечев. София: Изд-во на БАН, 1958. С. 199—200.

Андрейчин 1978 — *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. София: Наука и изкуство, 1978.

Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.

Апресян 1997 — *Апресян Ю. Д.* Лингвистическая терминология словаря синонимов // *Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1 / Под общ. ред. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 1997. С. XVI—XXXIV.

Апресян 2002 — *Апресян Ю. Д.* Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1. С. 10—29.

Апресян 2004а — *Апресян Ю. Д.* Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1. С. 5—22.

Апресян 2004б — *Апресян Ю. Д.* О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 3—18.

Апресян 2005 — *Апресян Ю. Д.* О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 3—28.

Апресян, Иомдин 1989 — *Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л.* Конструкции типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография // Семиотика и информатика. Вып. 29. М., 1989. С. 34—92.

Апресян В., Пекелис 2012 — *Апресян В. Ю., Пекелис О. Е.* Сочинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2012.

Арнаудова 2013 — *Арнаудова О.* Яркост и контраст в говоримия български език: лява дислокация на топика и контрастни топик-фокус вериги // Нови изследвания по генеративен синтаксис на българския език. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2013. С. 239—262.

Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.

Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1999.

Арутюнова, Ширяев 1983 — *Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение: Бытийный тип (структура и значение). М.: Русский язык, 1983.

Асенова 2002 — *Асенова П.* Балканско езикознание. София: Фабер, 2002.

Атанасов 2006 — *Атанасов А.* Проблеми при създаването на езикови корпуси с транскрибирана българска разговорна реч // Паисиеви четения. Научни трудове на Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Т. 44. Кн. 1. Пловдив, 2006. С. 289—296.

Атанасов 2010 — *Атанасов А.* Синтактични фрази с предлога НА в предикативна позиция // Български език. 2010. Кн. 1. С. 75—79.

Атанасова И. 1992 — *Атанасова И.* Някои количествени параметри при употребата на местоименията в съвременния български език // Български език. 1992. Кн. 2. С. 96—104.

Атанасова Т. и др. 1963 — *Атанасова Т., Радулова Н., Ранкова М., Русев Р.* Английска граматика в сравнение с български език. (Морфология.) 2-о изд. София: Наука и изкуство, 1963.

Бабайцева 1968 — *Бабайцева В. В.* Односоставные предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1968.

Балтова 1985 — *Балтова Ю.* Двусъставни субстантивни конструкции в съвременния български книжовен език // Известия на ИБЕ. Т. XXVI. София, 1985. С. 81—133.

Баракова 1980 — *Баракова П.* Семантика и дистрибуция на пасивните конструкции в съвременния български книжовен език // Въпроси на съвременния български език и неговата история. Известия на Института за български език. Кн. XXV. София: Сема РШ, 1980. С. 137—202.

Баракова 1982 — *Баракова П.* За един семантико-синтактичен изреченски тип в българския език (Към описанието на *за да*-изреченията) // Български език. 1982. Кн. 5. С. 442—448.

Баракова 2003 — *Баракова П.* Декомпозирането на предиката в българския език… или движението в две посоки // Славистиката в началото на XXI век. Традиции и очаквания. София: Сема РШ, 2003. С. 247—255.

Баранов, Кобозева 1983 — *Баранов А. Н., Кобозева И. М.* Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 3. С. 263—274.

Барентсен 2006 — *Барентсен А.* О польских и русских соответствиях английского союза *till/until* // Od fonemu do tekstu: Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu / Pod red. I. Bobrowskiego i K. Kowalik. Kraków: Lexis, 2006. С. 65—80.

Барентсен 2007 — *Барентсен А.* Об ограничительных временных союзах в сербском, русском и польском языках // Зборник Матице српске за славистику. 2007. 71—72. С. 237—253.

Барентсен 2011 — *Барентсен А.* О сходствах и различиях в употреблении ограничительных временных союзов в современных славянских языках // Граматика и лексика у словенским језицима. Зб. радова с међународног симпозијума (ур. С. Танасић и др.). Нови Сад; Београд: Матица српска. Институт за српски език САНУ, 2011. С. 33—54. (https://dl.dropboxusercontent.com/u/46353145/Barentsen_2011_Copy.pdf)

Барентсен 2014 — *Барентсен А. А.* Проблемы описания союза *пока* // *Nomachi M., Danylenko A., Piper P.* (eds). Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages: Proceedings from the 36th meeting of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee of Slavists. München; Berlin; Washington (DC), 2014. P. 377—410.

Барентсен, в печати — *Барентсен А.* Разделы «От одновременности к следованию: Сложноподчиненные предложения с союзом *пока*». «Таксис следования» // *Храковский В. С.* (ред.) Таксис в славянских языках (в печати).

Барентсен, Пупынин 1999 — *Барентсен А., Пупынин Ю.* О союзах предшествования в русском и английском языках // *Greń Zb., Koseska-Toszewa V.* (red.). Semantyka a konfrontacja językowa 2. Warszawa: Slawistyczny ośrodek wydawniczy, 1999. S. 105—122.

Белошапкова 1981 — *Белошапкова В. А.* Синтаксис // *Белошапкова В. А.* (ред.). Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1981.

Белошапкова 1989 — *Белошапкова В. А.* Синтаксис // *Белошапкова В. А.* (ред.). Современный русский язык. Учеб. для филол. спец. ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. С. 532—792.

Бирюлин, Храковский 1992 — *Бирюлин Л. А., Храковский В. С.* Повелительные предложения: Проблемы теории // *Храковский В. С.* (отв. ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 5—50.

Блажев 1988 — *Блажев Б.* Употребление конструкций направления и места в современном русском языке. 2-е изд. София: Народна просвета, 1988.

Блажев 1996/1997 — *Блажев Б.* За синтактичната структура на изреченията от типа «Вот дом» в руския език и техните съответствия в българския език // Съпоставително езикознание. 1996. Кн. 4. С. 34—42; 1997. Кн. 1. С. 23—32.

Блажев 2007 — *Блажев Б.* Типы предложений по наличию или отсутствию отрицания // *Градинарова А., Делева Н.* (ред.-сост.). Русский и болгарский языки. Сопоставление грамматических систем. Вопросы перевода. София: Heron Press, 2007. С. 149—156.

Бозова 1994 — *Бозова С. А*. Системные семантические связи глаголов *быть* и *бывать* в современном русском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1994. С. 45—61.

Бозова 1995 — *Бозова С. Быть*, *бывать*, *побывать*, *побыть*, *пробыть*, *посещать*, *навещать* // Лингвометодическое описание русской лексики и грамматики в свете болгарского языка. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1995. С. 45—61.

Бондарко 2005 — *Бондарко А. В*. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005.

Бонджолова 1989 — *Бонджолова В.* Словосъчетания с двойна предложна връзка в съвременния български език // Език и литература. 1989. № 2. С. 59—63.

Бонджолова 2007 — *Бонджолова В.* В света на българските предлози. Велико Търново: Фабер, 2007.

Босилков 1979 — *Босилков К.* Глаголно-именните устойчиви съчетания — развиваща се категория в съвременните славянски книжовни езици (върху материал от българския и руския език) // Съпоставително езикознание. 1979. Кн. 4. С. 38—40.

Бояджиев и др. 1998 — *Бояджиев Т., Куцаров И., Пенчев Й.* Съвременен български език (фонетика, лексикология, морфология, синтаксис). София: Изток-Запад, 1998.

БПСГ 1990 — *Гаргов Г., Косеска-Тошева В*. Българско-полска съпоставителна граматика. Т. 2: Семантичната категория определеност / неопределеност. София: Изд-во на БАН. София, 1990.

БПСГ 1993 — *Гугуланова И., Шимански М., Баракова П.* Българско-полска съпоставителна граматика. Т. 4: Семантичната категория комуникант. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1993.

БПСГ 1994 — *Крумова-Цветкова Л. и др.* Българско-полска съпоставителна граматика. Т. 3: Семантичните категории количество и степен. София: «М. Дринов», 1994.

БПСГ 2003 — *Maldjieva V*. Gramatyka konfrontatywna bułgarsko-polska. T. 6. Cz. 3. Modalność: hipotetyczność, optatywność, imperatywność, warunkowość. Warszawa, 2003.

Брезински 1979 — *Брезински С.* Системата на обособените части на изречението в българския книжовен език // Помагало по български синтаксис. София: Наука и изкуство, 1979. С. 163—188.

Брезински 1995 — *Брезински С.* Кратък български синтаксис. София: Наука и изкуство, 1995.

Брезински 2001 — *Брезински С.* Видове сказуеми // Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис. Пловдив: Пловдивско университетско изд-во, 2001. С. 38—60.

БТР 2006 — *Андрейчин Л., Георгиев Л., Илчев С. и др*. Български тълковен речник. Четвърто издание. Доп. и прераб. от Д. Попов. София, 2006.

Булыгина 1982 — *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7—85.

Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997.

Буслаев 1959 — *Буслаев Ф. И*. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.

Бъркалова 1997 — *Бъркалова П*. Българският синтаксис — познат и непознат. Пловдив: Университетско изд-во «Паисий Хилендарски», 1997.

Бъркалова 2001 — *Бъркалова П*. Комбинаторен извод на конституентните правила в съвременния български език // Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис. Пловдив: Пловдивско университетско изд-во, 2001. С. 14—37.

Бъркалова 2005 — *Бъркалова П*. Синтактични позиции и словообразувателни матрици // Littera scripta manet. Сб. в чест на 65-годишнината на проф. дфн Василка Радева. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2005. С. 511—522.

Валгина 2003 — *Валгина Н. С.* Современный русский язык: Синтаксис: Учебник. 4-е изд., испр. М.: Высшая школа, 2003.

Валгина, Светлышева 1996 — *Валгина Н. С., Светлышева В. Н.* Орфография и пунктуация: Справочник. М.: Высшая школа, 1996.

Валтер 1982 — *Валтер Х.* Към проблема за възвратните глаголи в съвременния български литературен език // Езиковедската българистика в ГДР. София: Наука и изкуство, 1982.

Васева 1982 — *Васева И*. Теория и практика перевода. София: Наука и изкуство, 1982.

Васева 1983а — *Васева И.* Выражение условных отношений в русском и болгарском языках // Изучение русского языка в сопоставлении с болгарским. София: Народна просвета, 1983. С. 122—158.

Васева 1983б — *Васева И.* О соотношении экспликации / импликации при выражении условности в русском и болгарском языках // Славянска филология. София: Изд-во на БАН, 1983. Т. 17. С. 99—126.

Васева 1983в — *Васева И.* Самостоятельные условные предложения в русском и болгарском языках // Болгарская русистика. 1983. № 1. С. 32—37.

Васева 1984 — *Васева И*. Использование коррелятов при выражении условных отношений в русском и болгарском языках // Славистични изследвания. 1984. Т. 5. С. 94—103.

Васева 1985 — *Васева И*. Някои слабости при превода на руските условни конструкции // Езикови проблеми на превода (славянски езици). София: Наука и изкуство, 1985. С. 15—36.

Васева 1986 — *Васева И*. Изразяване на категорията условност в руския и българския език // Прояви на езикова асиметрия при превод от чужд на български език. София: Изд-во на БАН, 1986. С. 11—111.

Васева 1990 — *Васева И*. Использование частиц для выражения пересказывания в болгарском и русском языках // Славистични изследвания. 1990. Т. 6. С. 185—200.

Васева 1995а — *Васева И*. Неимперативни глаголни форми в императивна функция. Изразяване на подбудителност в руски и български език // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски», ФСФ. 1995. Т. 88. Кн. 1. С. 221—281.

Васева 1995б — *Васева И*. Преизказването в българския и руския език // Прояви на езикова асиметрия при превод от чужд на български език. Т. II. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 1995. С. 7—103.

Васева 2003а — *Васева И*. Косвенная речь в болгарском и русском языках // Русистика 2003: Язык, коммуникация, культура. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2003. С. 257—264.

Васева 2003б — *Васева И*. Преизказване и преразказване // Съпоставително езикознание. 2003. Кн. 3. С. 47—53.

Васева 2004 — *Васева И*. Полупряката реч в българския и руския език // Съпоставително езикознание. 2004. Кн. 3. С. 17—25.

Васева 2007а — *Васева И*. Инструктивен императив в българския и руския език // Русский и болгарский языки. Сопоставление грамматических систем. Вопросы перевода. Юбилейный сб. София: Херон Прес, 2007. С. 11—17.

Васева 2007б — *Васева И*. К вопросу о функциях порядка слов в болгарском и русском языках // Русский и болгарский языки. Сопоставление грамматических систем. Вопросы перевода. Юбилейный сб. София: Херон Прес, 2007. С. 29—41.

Васева 2007в — *Васева И*. Межъязыковая асимметрия при выражении побудительности неимперативными глагольными формами в русском и болгарском языках // Русский и болгарский языки: Сопоставление грамматических систем. Вопросы перевода: Юбилейный сб. София: Херон Прес, 2007. С. 27—36.

Васева-Кадынкова 2003 — *Васева-Кадынкова И*. Межъязыковая асимметрия при выражении побудительности неимперативными глагольными формами в русском и болгарском языках // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 27—36.

Василев 1969 — *Василев Х.* Добавка към правилото за словореда на енклитиките в български език // Български език. 1969. Кн. 2. С. 175—176.

Васильева, Стайкова 1988 — *Васильева А., Стайкова Х.* Русская разговорная речь в сопоставлении с болгарской. София: Народна просвета, 1988.

Вачкова, Вачков 1998 — *Вачкова К., Вачков В.* Словообразуване и аналитизъм. Типологична обусловеност на някои словообразувателни процеси в съвременния български език // Славянска филология. Т. 22: Доклади за XII Международен конгрес на славистите. Краков; София: Изд-во на БАН, 1998. С. 95—101.

Велева 1988 — *Велева М.* Към въпроса за обобщено-личните изречения // *Брезински С.* (съст.). Помагало по синтаксис на българския език. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1988. С. 42—49.

Велкова 2006 — *Велкова Й.* Към проблема за безличността при страдателните конструкции // *Стефанов В., Тишева Й., Божанкова Р.* (ред.). Политики на различието, езици на близостта. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2006. С. 412—426.

Венкова В. 2001/2002 — *Венкова В.* За именни групи от вида *ято птици* // Български език. 2001/2002. Кн. 2. С. 107-111.

Венкова Ц. 2001 — *Венкова Ц.* За някои случаи на съюзна елипса при съподчинителни изречения и тяхната специфика в разговорната реч // Проблеми на българската разговорна реч. Велико Търново: Университетско изд-во «Св. св. Кирил и Методий». 2001. Кн. 5.

Виденов 1979 — *Виденов М.* Към производството на някои повечесловни съчетания в съвременния български език // Език и литература. 1979. № 2. С. 113—117.

Викторова 2001 — *Викторова К.* Системата на сложните съчинени изречения // Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис. Пловдив: Пловдивско университетско изд-во, 2001. С. 116—143.

Викторова 2005 — *Викторова К.* Функционален развой на *да*-конструкцията в съвременния български език // *Коева С.* (съст.). Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение. София: Сема РШ, 2005. С. 185—224.

Викторова 2006 — *Викторова К. Да* като компонент в сложни глаголни форми // Езиковедски изследвания в чест на 75-годишнината от рождението на ст. н. с. I ст. д. ф. н. Йордан Пенчев. София: АртГраф, 2006. С. 172—180.

Виноградов 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1947.

Виноградов 1982 — *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. М.: Высшая школа, 1982.

Владимирова 1973 — *Владимирова Т.* Препинателни знаци вътре в изречението // Въпроси на българския правопис. София: Народна просвета, 1973.

Влахова 2005 — *Влахова Р.* «Винителни» и «дателни» префигирани глаголи в съвременния български език // *Коева С.* (съст.). Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение. София: Сема РШ, 2005. С. 80—105.

Влахова 2006 — *Влахова Р.* Семантични и синтактични особености на префигираните глаголи с прономинален елемент в български // Езиковедски изследвания в чест на 75-годишнината от рождението на ст. н. с. I ст. д. ф. н. Йордан Пенчев. София: Артграф, 2006. С. 172—180.

Влахова 2009 — *Влахова Р.* За семантичните особености и синтактичните функции на някои предложни съчетания в българския език // Български език. 2009. Кн. 1. С. 19—23.

Влахова-Руйкова 2000 — *Влахова-Руйкова Р.* Монофонична и полифонична реч. София: Сема РШ, 2000.

Воробьева 1994 — *Воробьева Г. К.* Функционально-коммуникативная типология устойчивых глагольных словосочетаний русского языка. М.: Ведас, 1994.

Всеволодова 1989 — *Всеволодова М. В*. Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1989.

Всеволодова 2000 — *Всеволодова М. В*. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во МГУ, 2000.

Всеволодова 2001 — *Всеволодова М. В*. Описательные предикаты и их соотнесенность с денотативной структурой предложения // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 3. М., 2001. С. 24—31.

Всеволодова, Кузьменкова 2003 — *Всеволодова М. В., Кузьменкова В. А.* Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2003. № 5. С. 7—29.

Вълчев 2013 — *Вълчев Б.* Правописът не (трябва) да е самоцел, той е само средство // Български език и литература. 2013. Год. LV. Кн. 1. С. 48—64.

Вътов 1987 — *Вътов В*. По въпроса за отрицателните изречения в българския език // Език и литература. 1987. № 5. С. 68—79.

Гаврилова 1990 — *Гаврилова В. И*. Квазипассивная конструкция в системе залоговых противопоставлений русского глагола // Вопросы кибернетики: Язык логики и логика языка. Сб. статей к 60-летию проф. В. А. Успенского. М.: АН СССР, 1990. С. 26—40.

Гаврилова 2001 — *Гаврилова В. И.* Возвратные глаголы совершенного вида как средство выражения стихийных процессов и их место в залоговой системе // *Ремнева М. Л., Поликарпов А. А.* (общ. ред.). Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 162—163.

Гаврилова 2010 — *Гаврилова В. И.* Развитие страдательного значения у предикативных форм возвратных глаголов совершенного вида // *Ремнева М. Л., Поликарпов А. А.* (сост.). Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филол. факультет, 20—23 марта 2010 г.): Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 819—820.

Гак 1965 — *Гак В. Г.* Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса // Аналитические конструкции в языках различных типов. Л.: Наука, 1965.

Ганчева 1983 — *Ганчева М.* К вопросу о временных конструкциях в русском и болгарском языках // Научни трудове на Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». 1983. Т. 21. Кн. 5. С. 399—406.

Генадиева-Мутафчиева 1970 — *Генадиева-Мутафчиева З.* Подчинителният съюз *да* в съвременния български език. София: Изд-во на БАН, 1970.

Генадиева-Мутафчиева 1972 — *Генадиева-Мутафчиева З.* Един вид въпросителни изречения в съвременния български език, съдържащи модалната частица *да* // Български език. 1972. Кн. 5. С. 415—422.

Генадиева-Мутафчиева 1976 — *Генадиева-Мутафчиева З.* Модалната частица *да* в съвременния български език // Български език. 1976. Кн. 4. С. 311—322.

Георгиев И. 1990 — *Георгиев И.* Безличные предложения в русском и болгарском языках. София: Народна просвета, 1990.

Георгиев С. 1967 — *Георгиев С.* Лексико-морфологическа модификация на първичното числително *един* в съвременния български език // Български език. 1967. Кн. 2. С. 114—124.

Георгиева Е. 1964 — *Георгиева Е.* Обособени части в българския книжовен език. София: Изд-во на БАН, 1964.

Георгиева Е. 1974 — *Георгиева Е.* Словоред на простото изречение в българския книжовен език. София: Изд-во на БАН, 1974.

Георгиева Е. 1980 — *Георгиева Е.* Синтаксис и пунктуация // Помагало по български правопис и пунктуация. София: Наука и изкуство, 1980. С. 334—347.

Георгиева Е. 1987 — *Георгиева Е.* Словоред на усложненото просто изречение. София: Изд-во на БАН, 1987.

Георгиева Е. 1994 — *Георгиева Е.* Обособени части на изречението // Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 3. Синтаксис. София: Изд-во на БАН, 1994. С. 222—242.

Георгиева М. 1995 — *Георгиева М.* Случаи на семантична компресия в синтаксиса на разговорната реч // Проблеми на българската разговорна реч. Кн. 3. Велико Търново: Университетско изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 1995. С. 46—49.

Георгиева М. 1998а — *Георгиева М.* Скрита предикация в българския синтаксис. Теоретико-методологични проблеми. Велико Търново: Знак'94, 1998.

Георгиева М. 1998б — *Георгиева М.* Скрити предикати в синтаксиса на разговорната реч // Проблеми на българската разговорна реч. Кн. 4. Велико Търново: Университетско изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 1998. С. 31—35.

Георгиева М. 2001 — *Георгиева М.* Семантика на косвения въпрос в разговорната реч // Проблеми на българската разговорна реч. Кн. 5. Велико Търново: Университетско изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2001. С. 55—58.

Георгиева М. 2009 — *Георгиева М.* Синтактични аспекти на гносеологическата недостатъчност. Дефицити на предикацията. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2009.

Георгиева М. 2010 — *Георгиева М.* Парадигма на предикацията в българския синтаксис. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2010.

Герджиков 2000а — *Герджиков Г.* Категорията 'време' като хиперкатегория // Български език и литература. 2000. Кн. 1. С. 3—15.

Герджиков 2000б — *Герджиков Г.* Организацията на многочленните морфологически парадигми // Език и литература. 2000. Кн. 1. С. 150—179.

Гинина и др. 1985 — *Гинина С., Платонова И. В., Усикова Р. П.* Учебник болгарского языка. М.: Изд-во МГУ, 1985.

Гочев 2007 — *Гочев Г.* Некоторые наблюдения над предложными сочетаемостными фраземами в болгарском и русском языках // Славянските предлози. Велико Търново: ИВИС, 2007. С. 76—84.

Гочев, Пъшева 1985 — *Гочев Г., Пъшева Й.* За субектния детерминант в един модел руски и български изречения // 40 години социалистическа революция в България. Велико Търново: Великотърновски унив. Кирил и Методий, 1985. С. 174—184.

Градинарова 1997 — *Градинарова А. А.* О специфике выражения отношений цели и назначения в русском и болгарском языках (уровень словосочетания) // Лингвистические и культуроведческие аспекты русского языка в сопоставлении с родным. Доклады межд. конф. 11—14 октября 1996 г. Пловдив, 1997. С. 178—182.

Градинарова 2007а — *Градинарова А. А.* Болгарская целевая *да*-конструкция и ее функциональные соответствия в русском языке // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Вып. 5. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2007. С. 48—56.

Градинарова 2007б — *Градинарова А. А.* Болгарский субъектный имперсонал и его русские функциональные соответствия // Acta Linguistica. 2007. Vol. 1. № 1. С. 41—54.

Градинарова 2008 — *Градинарова А. А.* Словорасположение в русском и болгарском языках: позиция прямого дополнения // Болгарская русистика. 2008. № 3—4. С. 5—21.

Градинарова 2009 — *Градинарова А. А.* Славянский рефлексивный имперсонал: к проблеме описания значений // Acta Linguistica. 2009. Vol. 3. № 2. С. 49—63.

Градинарова 2010а — *Градинарова А. А.* Безличные конструкции с дательным субъекта и предикативом на *-о* в русском и болгарском языках // Болгарская русистика. 2010. № 3—4. С. 34—55.

Градинарова 2010б — *Градинарова А. А*. Возвратный перфективный пассив в болгарском и русском языках: сферы распространения // *Иванова Е. Ю., Шанова З. К.* (отв. ред.). XV Державинские чтения: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики: Материалы XXXIX Международной филологической конф., 16—18 марта 2010 г., Санкт-Петербург. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 12—25.

Градинарова 2010в — *Градинарова А. А*. Словорасположение в русском и болгарском языках: позиции подлежащего и сказуемого // Acta Linguistica. 2010. Vol. 4. № 1. С. 54—70.

Градинарова 2010г — *Градинарова А. А*. Фрагменты болгарско-русского сопоставительного синтаксиса. Учебн. пос. для студентов-русистов старших курсов болгарских вузов. Sofia: Eurasia Academic Publishers, 2010.

Градинарова 2011 — *Градинарова А. А*. Безличная модель с причастным предикативом в русском и болгарском языках // Acta Linguistica. 2011. Vol. 5. № 1. С. 42—59.

Градинарова 2012а — *Градинарова А. А*. Болгарская синтаксическая фразема *X (P) (не) е за P* на фоне русских функциональных эквивалентов // Служение слову. Сб., посвящ. 70-летию доц. д-ра Анны Николовой. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2012. С. 48—58.

Градинарова 2012б — *Градинарова А. А*. К проблеме изучения описательных предикатов в сопоставительном плане (русский язык vs. болгарский язык) // Acta Linguistica. 2012. Vol. 6. № 2. С. 105—114.

Градинарова 2012в — *Градинарова А. А*. Предикатное существительное в функции обстоятельств образа и способа действия в русском и болгарском языках // Acta Linguistica. 2012. Vol. 6. № 1. С. 44—55.

Градинарова 2012г — *Градинарова А. А*. Синтаксическая безличность в русском и болгарском языках: о причинах межъязыковых несоответствий // Русистика: язык, культура, перевод: Сб. докладов юбилейной международной научной конф. (София, 23—25 ноября 2011 г.). София: Изток-Запад, 2012. С. 66—71.

Градинарова 2013 — *Градинарова А. А*. Болгарская пунктуация на фоне русской // Acta Linguistica. Vol. 7. No. 2. София: Eurasia Academic Publishers, 2013. С. 41—77.

Градинарова 2014 — *Градинарова А. А*. Деепричастный оборот в болгарском языке на фоне русского // Acta Linguistica. 2014. Vol. 8. № 1. С. 64—95.

Граматика на старобългарския език 1991 — Граматика на старобългарския език. Фонетика. Морфология. Синтаксис. София: Изд-во на БАН, 1991.

Гришина 1997 — *Гришина Н. И*. Дативные предложения как синтаксический способ представления провиденциальной составляющей русской языковой картины мира // Теория и практика русистики в мировом контексте: Симпозиум «Теоретическая лингвистика и преподавание русского языка как иностранного». М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 204—205.

Грозданова 1991 — *Грозданова Л*. Отрицание в английския, българския и малтийския език: общи правила и типологични различия // Съпоставително езикознание. 1991. Кн. 2. С. 5—9.

Грозева 1979 — *Грозева М*. Употребата на словоформата *един* за изразяване на неопределеност в българския език, съпоставена с употребата на неопреде-

лителния член в немския език // Съпоставително езикознание. 1979. Кн. 5. С. 13—21.

Грошева 2004 — *Грошева М. А*. Номинативный потенциал глагольно-именных словосочетаний типа «принять решение» и «to give a smile»: Дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2004.

Грудева 2006 — *Грудева Е. В*. Способы введения темы в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конф. «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая — 4 июня 2006 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 124—128.

ГСБКЕ 1983-2 — Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология. София: Издателство на Българската академия на науките, 1983.

ГСБКЕ 1983-3 — Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 3: Синтаксис. Издателство на Българската академия на науките, 1983.

Гугуланова 1989 — *Гугуланова И*. Синтактичните функции на лицето в българския език в съпоставка с другите славянски езици // Международен конгрес по българистика. II. София, 1986. Доклади. Т. 4. Сравнително и съпоставително езикознание. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1989.

Гугуланова 2005 — *Гугуланова И*. Българските причастия и деепричастия в славянски контекст. София, 2005. С. 142—150.

Гусев 2004 — *Гусев В. Ю.* Целевые конструкции при глаголах движения: актанты или сирконстанты? // International symposium on the typology of argument structure and grammatical relations in languages spoken in Europe and North and Central Asia. Kazan State University. 2004. P. 142—145.

Гуторанова 1996 — *Гуторанова И*. Българският предлог *за* и неговите съответствия в руския език // Български език. 1996. Кн. 4. С. 77—80.

Гълъбов 1986 — *Гълъбов И*. Към въпроса за българските енклитики // Избрани трудове по езикознание. София: Наука и изкуство, 1986. С. 266—281.

Гърдев 2007 — *Гърдев С*. Употреба на предлози за означаване на приблизително определеното количество в българската книжовна разговорна реч // Славянските предлози. Велико Търново: ИВИС, 2007. С. 51—63.

Даль 1978 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1978—1980.

Дамянова 2004 — *Дамянова Х*. Рефлексивный перфективный пассив в русском языке // Динамика языковых процессов: история и современность. К 75-летию со дня рождения проф. Пенки Филковой. Сб. научных трудов. София: Херон Прес, 2004. С. 226—234.

Дамянова 2010а — *Дамянова Х*. Конструкции на българския възвратен модален пасив и техните функционални руски съответствия // Език, култура, идентичност. В памет на проф. Жана Молхова. Т. 1. Шумен: Фабер, 2010. С. 174—180.

Дамянова 2010б — *Дамянова Х*. Конструкции с отглагольными номинализациями на *-не* в болгарском языке и их русские соответствия // Болгарская русистика. 2010. № 1—2. С. 44—52.

Дачева, Тишева 2005 — *Дачева Г., Тишева Й*. Традицията в разговорните модели — *който* или *дето* // Юбилеен славистичен сборник. Югозападен университет «Неофит Рилски». Благоевград, 2005. С. 390—399.

Деянова 1981 — *Деянова М.* Подчинени обстоятелствени изречения със съюз *да / da* в българския и словенския книжовен език // Съпоставително езикознание. 1981. Кн. 1. С. 21—30.

Деянова 1985 — *Деянова М.* Подчинени изречения със съюз *da* в съвременния словенски книжовен език (в сравнение с български). София: Изд-во на БАН, 1985.

Джонова 2004а — *Джонова М.* Конструкции от типа *Аз ми се струва* в българската разговорна реч // Проблеми на българската разговорна реч. Кн. 6. Велико Търново: Университетско изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2004. С. 107—116.

Джонова 2004б — *Джонова М.* Семантичната роля Експериенцер в изреченията с предикативно наречие // Славистиката в началото на XXI век — традиции и очаквания. София: Сема РШ, 2004. С. 199—205.

Джонова 2005а — *Джонова М.* Предикати със задължителен аргумент *експериенцер* от типа *дострашее ме*, *домъчнее ми* // Littera scripta manet: Сб. в чест на 65-годишнината на проф. дфн Василка Радева. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2005. С. 568—577.

Джонова 2005б — *Джонова М.* Теорията за семантичните роли // *Коева С.* (съст.). Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение. София, Сема РШ, 2005. С. 43—68.

Дидковская 2000 — *Дидковская В. Г.* Системно-функциональное описание фразеологических сочетаний современного русского языка (на материале глагольно-именных словосочетаний): Дис. … докт. филол. наук. СПб., 2000.

Димитрова М. 1990 — *Димитрова М*. Варианти в словореда на местоименните клитики в новата българска поезия // Език и литература. 1990. № 1. С. 108—116.

Димитрова М. 2001 — *Димитрова М*. Правопис, пунктуация и обучение // Проблеми на българския правопис и правоговор. Велико Търново: Университетско изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2001.

Димитрова С. 1997 — *Димитрова С*. Синтактично равнище // *Dimitrova S*. (red.). Български език. Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole: Uniwersytet Opolski, 1997. С. 91—103.

Димитрова С. 1999 — *Димитрова С*. Езикова демагогия. София: Наука и изкуство, 1999.

Димитрова С. 2009 — *Димитрова С*. Лингвистична прагматика. София: ВЕЛЕС, 2009.

Димова 2013 — *Димова Е*. За реда на въпросителните думи в българските въпросителни изречения // Нови изследвания по генеративен синтаксис на българския език. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2013. С. 165—183.

Динева 1999/2000 — *Динева А*. Валентности и семантични роли при изразяването на емоции // Български език. 1999/2000. Кн. 2. С. 1—25.

Дмитриева 1976 — *Дмитриева Л. К.* Обращение и вводный компонент. Л.: Наука, 1976.

Добиаш-Рождественская 1936 — *Добиаш-Рождественская О. А.* История письма в средние века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Добрева 1984 — *Добрева Х.* Безличните причастни изречения в руски и български език // Българо-руски и българо-съветски връзки през вековете. Ч. I. София, 1984.

Добрушина 2004 — *Добрушина Н. Р.* О некоторых корреляциях между зависимыми и независимыми употреблениями ирреалиса // *Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю.* (ред.). Исследования по типологии грамматики. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. Вып. 3. С. 124—146.

Добрушина 2006 — *Добрушина Н. Р.* Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 28—67.

Добрушина 2011 — *Добрушина Н. Р.* Сослагательное наклонение в относительных придаточных с союзом *который* // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2011. № 6. С. 69—83.

Добрушина 2012а — *Добрушина Н. Р.* Сентенциальные дополнения с союзом *чтобы* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конф. «Диалог» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2012 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 150—161.

Добрушина 2012б — *Добрушина Н. Р.* Сослагательное наклонение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2012.

Добрушина 2013 — *Добрушина Н. Р.* Императив. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2013.

Ефтимова 2010 — *Ефтимова А.* Винаги малко повече: Наречия за количество и време в обучението по български език като чужд. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2010.

Жерева 2011 — *Жерева М*. Прагматика и семантика в положителните форми на българския императив // Научни трудове в памет на Георги Герджиков. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2011. С. 123—133.

Жерева 2012 — *Жерева М*. Перформативи и перформативни изказвания в съвременния български език: Дис. за присъждане на научната степен «Доктор на филологическите науки». София, 2012.

Зализняк 1977 — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык, 1977.

Зализняк 1993 — *Зализняк А. А.* Место энклитик в предложении и их порядок // Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984—1989 гг. М.: Наука, 1993. С. 280—298.

Зализняк 2008 — *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

Замятина 1998 — *Замятина И. В*. Безличное употребление причастных форм в простом предложении: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1998.

Замятина 2007 — *Замятина И. В*. Семантика и семантическая структура безличных причастных предложений со значением результативного состояния среды // *Ремнёва М. Л., Поликарпов А. А*. (сост.). III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 20—23 марта 2007 г.): Труды и материалы. М.: Макс Пресс, 2007. С. 764—765.

Замятина 2009 — *Замятина И. В.* Употребление личной и безличной формы причастного предикатива // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер. «Русская филология». М.: Изд-во МГОУ, 2009, № 2. С. 25—30.

Зарецкий 2008 — *Зарецкий Е. В*. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими

индоевропейскими языками). Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008.

Захаревич 1967 — *Захаревич Е. А*. Признаци на неделимост на думите от типа *помощник-аптекар* // Български език. 1967. Кн. 4. С. 350—352.

Захаревич, Крылова 1968 — *Захаревич Е. А., Крылова Г. В.* Болгарский язык: Методические указания, теоретический комментарий, тексты и упражнения по синтаксису простого предложения. Л.: ЛГУ, 1968.

Захаревич, Крылова 1978 — *Захаревич Е. А., Крылова Г. В.* Синтаксис болгарского языка: Сложные предложения. Л.: ЛГУ, 1978.

Зельдович 2010 — *Зельдович Г. М*. Синтетический пассив совершенного вида на *-ся*: Почему его (почти) нет? // Вопросы языкознания. 2010. № 2. С. 3—36.

Зидарова 1996 — *Зидарова В.* Неопределителното местоимение «един» — семантика и контекст // Юбилейна научна сесия: Сб. доклади. 8—10 ноември 1996. Пловдив, 1996. С. 154-—159.

Златева 1980 — *Златева П.* Функциите на лексемата *то* в съвременния български език // Български език. 1980. Кн. 3. С. 230—235.

Златева 1981 — *Златева П.* Функционални еквиваленти на английското *it* в българския език // Съпоставително езикознание. 1981. Кн. 2. С. 39—47.

Зозикова 1989 — *Зозикова М.* Синтаксическое отрицание и его выражение в русском и болгарском языках // Научни трудове на Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Т. 27. Кн. 1. Филологии. 1989. С. 165—172.

Зозикова 2001 — *Зозикова М.* Синтаксические конструкции с мнимым отрицанием в русском и болгарском языках // Научни трудове на Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». 2001. Т. 39. Кн. 1. Филологии. С. 637—644.

Зозикова 2002 — *Зозикова М.* Синтаксические конструкции с имплицитным отрицанием в русском и болгарском языках // МАПРЯЛ 2002: Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в начале XXI века. Велико Търново: Фабер, 2002. С. 164—167.

Золотова 1973 — *Золотова Г. А*. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.

Золотова 1982 — *Золотова Г. А*. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.

Золотова и др. 1998 — *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю*. Коммуникативная грамматика русского языка / Под ред. Г. А. Золотовой. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1998.

Иванова 1999 — *Иванова Е. Ю.* Конструкции экспрессивного синтаксиса в современном болгарском языке. СПб.: СПбГУ, 1999.

Иванова 2002 — *Иванова Е. Ю. Има* и *съм* в болгарских бытийных предложениях (в сопоставлении с русскими) // Съпоставително езикознание. 2002. Кн. 2. С. 5—23.

Иванова 2003 — *Иванова Е. Ю.* Логико-семантические типы предложений: Неполные речевые реализации. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003.

Иванова 2004 — *Иванова Е. Ю.* О перцептивности номинативных предложений // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 107—117.

Иванова 2006а — *Иванова Е. Ю.* Артиклевая маркированность предикативной именной группы в болгарском предложении: грамматика и семантика // Славяноведение. 2006. № 1. С. 86—92.

Иванова 2006б — *Иванова Е. Ю.* Болгарский язык. Функционально-коммуникативный синтаксис. СПб.: СПбГУ, 2006.

Иванова 2007 — *Иванова Е. Ю.* Безглагольные предложения в болгарской лингвистической традиции // Славянская филология. Вып. IX. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 14—24.

Иванова 2008 — *Иванова Е. Ю.* Семантические типы предложений: проблемы и возможности сопоставительного анализа // Славянское языкознание: Доклады российской делегации на XIV Международном съезде славистов. М.: Индрик, 2008. С. 276—292.

Иванова 2009а — *Иванова Е. Ю.* Агентивность и целевое придаточное // Русистика 2008. Язык, коммуникация, литература, культура. Сб. статей, посвящ. 35-летию русистики в Шуменском ун-те. Шумен: Изд-во Шуменского университета, 2009. С. 25—30.

Иванова 2009б — *Иванова Е. Ю.* Признак «контролируемость действия» в исследовательском аппарате сопоставительного синтаксиса (на материале славянских языков) // Acta Linguistica. 2009. Vol. 3. № 3. С. 61—70.

Иванова 2009в — *Иванова Е. Ю.* Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / Под науч. ред. проф. Стефаны Димитровой. София: Велес, 2009.

Иванова 2009г — *Иванова Е. Ю.* Метаморфозы имени собственного в формулах отождествления // Човекът и езикът: Универсум. Юбилеен сборник по случай 60-годишнината на доц. д-р Иван Чобанов. Пловдив: Университетско изд-во «Паисий Хилендарски», 2009. С. 73—78.

Иванова 2012а — *Иванова Е. Ю.* Глаголы семантического подкласса «поведения» (болгарско-русские параллели) // Езикът на времето. Сб. доклади по случай 70-годишния юбилей на проф. д. ф. н. Иван Куцаров. Пловдив: Университетско изд-во «Паисий Хилендарски», 2012. С. 239—248.

Иванова 2012б — *Иванова Е. Ю.* Семантическая классификация предикатов в аспекте теории и практики перевода (русско-болгарские параллели) // Русистика: язык, культура, перевод. София: Изток—Запад, 2012. С. 301—307.

Иванова 2012в — *Иванова Е. Ю.* Славянские языки в аспекте типологии предикатов (класс «устойчивых признаков») // Филология и человек. 2012. № 3. С. 72—86.

Иванова 2013 — *Иванова Е. Ю.* Сентенциальные клитики в русском и южнославянских языках // *Молдован А. М., Толстая С. М.* (отв. ред.). Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21—27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2013. С. 382—407.

Иванова 2014а — *Иванова Е. Ю.* Апрехенсивное значение в русском и болгарском языках // Studi Slavistici. Firenze University Press. XI. 2014. С. 143—168. (http://www.fupress.net/index.php/ss/article/view/15347)

Иванова 2014б — *Иванова Е. Ю.* Русские параллели болгарской *да*-конструкции // Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции / Уредник: акад.

Зузана Тополињска. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2014. С. 107—161. (http://ical.manu.edu.mk/books/ZbornikSubjuniktivICAL2014.pdf)

Иванова и др. 2011 — *Иванова Е. Ю., Шанова З. К., Димитрова Д.* Болгарский язык. Курс для начинающих. СПб.: КАРО, 2011. (2-е изд., испр. и доп. СПб.: КАРО, 2014.)

Иванова К. 1963 — *Иванова К.* Остатъци от употреба на глаголи от свършен вид в отрицателна императивна форма // Български език. 1963. 6. С. 521—528.

Иванова К. 1983 — *Иванова К.* Взаимоотношения между аспектуальностью и партитивностью на синтаксическом уровне // Вопросы языкознания. 1983. № 2. С. 51—57.

Иванова К. 1985 — *Иванова К.* Някои ограничения при реализирането на императива в съвременния български език // Славистичен сборник. София: Изд-во на БАН, 1985. С. 70—76.

Иванова Н. 1981 — *Иванова Н.* Особености на екзистенциалните изречения в българския и сърбохърватския език // Съпоставително езикознание. 1981. Кн. 2. С. 58—62.

Иванова Т. 1998 — *Иванова Т.* Функциональная грамматика. Выражение временных отношений в русском языке (на фоне болгарского языка). Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 1998.

Иванова Т. 2001 — *Иванова Т.* Характеристика языковых средств выражения временных отношений в русском и болгарском языках // Приложна лингвистика и чуждоезиково обучение. Варна, 2001. С. 283—290.

Иванова Т. 2004 — *Иванова Т.* О семантическом противопоставлении и семантическом сближении субстантивных темпоральных синтаксем // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. Вып. 1. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2004. С. 109—130.

Иванова Т. 2006 — *Иванова Т.* Особенности функционирования темпоральных синтаксем // Аспекти на контрастивното описание на руския и българския език. Вып. 2. Шумен, 2006. С. 140—162.

Иванова Т. 2008 — *Иванова Т.* Перцептивность, эвиденциальность и модальность // Проблемы когнитивного и функционально-коммуникативного описания русского и болгарского языков. Вып. 7. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2008. С. 69—78.

Иванова, Коваль 1994 — *Иванова Е. Ю., Коваль С. А.* Болгарское «един» с точки зрения референциального анализа (научно-методический аспект) // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История, яз., лит. 1994. Вып. 4. С. 58—64.

Иванова, Петрова 2014 — *Иванова Е. Ю., Петрова Г. М.* Кластеризация местоименных клитик в форме датива: допуски и ограничения в болгарском языке (с македонскими и сербскими параллелями) // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конф. «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1 / Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. С. 58—75. (http://mggu-sh.ru/imlr/publikacii)

Иванова, Прасолова 2005 — *Иванова Е. Ю., Прасолова Н. В*. Местоимение *това* как первый компонент биноминативных предложений // VI Славистические чтения памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова: Материалы международной научной конф. 9—11 сентября 2004 г. / Отв. ред. Е. Ю. Иванова, М. Ю. Котова. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2005. С. 29—34.

Иванова-Лукьянова 2004 — *Иванова-Лукьянова Г. Г*. Культура устной речи: интонация, паузирование, темп, ритм. М.: Флинта, 2004.

Иванчев 1978 — *Иванчев С.* Значение и употреба на показателното местоимение *този/тоя* в съвременния български книжовен език // *Пашов П*. (съст.). Помагало по българска морфология: Имена. София: Наука и изкуство, 1978. С. 423—434.

Иванчев 1988 — *Иванчев С.* Български език — класически и екзотичен. София: Народна просвета, 1988.

Илиева К. 1986 — *Илиева К*. Към въпроса за семантичните роли // Български език. 1986. Кн. 2. С. 138—144.

Илиева К. 1996 — *Илиева К*. Биноминативни изречения и прагматика. Пловдив: Макрос 2000, 1996.

Илиева К., Малджиева 1991 — *Илиева К., Малджиева В.* К вопросу о типологизации болгарских и русских глаголов на синтаксическом уровне // Съпоставително езикознание. 1991. Кн. 5. С. 24—29.

Илиева Л. 1995 — *Илиева Л.* Отрицанието и езиковата структура: Grammatica contra logicam // Съпоставително езикознание. 1995. Кн. 1. С. 19—28.

Илиева М. 2001 — *Илиева М*. Субективна оценъчност в употребата на показателните местоимения // Проблеми на българската разговорна реч. Кн. 5. Велико Търново: Университетско изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2001. С. 79—86.

Иомдин 2006 — *Иомдин Л. Л.* Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конф. «Диалог'2006» (Бекасово, 1—6 июня, 2006 г.). М.: Наука, 2006. С. 202—206.

Иомдин 2013а — *Иомдин Л. Л.* Об одной микросинтаксической конструкции русского языка с повторяющимися элементами // Лексикография. Язык. Речь. Сб. статей памяти Анны Липовской. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2013. С. 219—228.

Иомдин 2013б — *Иомдин Л. Л. Читать не читал, но*…: об одной русской конструкции с повторяющимися словесными элементами // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конф. «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 297—310.

Йотов 1994 — *Йотов Ц.* Разговорът и неговият глобален лингвистичен модел. Дис… докт. филол. наук. София, 1994.

Кабакчиев 1981 — *Кабакчиев К*. Един тип глаголно-именни словосъчетания и връзката им с видовата система на съвременния български език // Български език. 1981. Кн. 5. С. 427—433.

Кабакчиев 1986 — *Кабакчиев К*. Вид, време и разновидностите на неопределеността в българския език // Български език. 1986. Кн. 3. С. 233—241.

Кайгородова 1999 — *Кайгородова И. Н.* Проблемы синтаксической идиоматики (на материале русского языка). Астрахань, Изд-во АГУ, 1999.

Канза 1991 — *Канза Р.* Описательный способ выражения семантического предиката в современном русском языке (предикат со значением состояния человека): Дис. … канд. филол. наук. М., 1991.

Карастанева 2008 — *Карастанева Ц*. Външен топик, дясна дислокация и клитична лява дислокация // Studia et Argumenta. Festschrift für Ruselina Nitsolova zum 65. Geburtstag. Specimina Philologiae Slavicae. Bd 151. München, 2008. S. 251—260.

Кибрик 1987 — *Кибрик А. А.* Механизмы устранения референциального конфликта // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987. С. 128—146.

Китина 1991 — *Китина А*. За значението «иреалност» на формите за бъдеще време в миналото в български език и техните съответствия в руските преводи // Български език. 1991. Кн. 2. С. 101—109.

Климовская 2008 — *Климовская Г. И*. Дело о синлексах (к вопросу о функциональном подходе к номинативному материалу языка) // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. № 3 (4). С. 44—54.

Князев 2007 — *Князев Ю. П*. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.

Князев 2010 — *Князев Ю. П*. Русский безличный пассив на *-н*, *-т* // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 20—23 марта 2010 г.): Труды и материалы / Сост. М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов. М.: МГУ, 2010. С. 823—824.

Князев, Недялков 1985 — *Князев Ю. П., Недялков В. П*. Рефлексивные конструкции в славянских языках // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1985. С. 20—39.

Ковачева М. 1983 — *Ковачева М*. Проблемата за граматичния подлог и разговорната употреба на *то/it* в българския и английския език // Съпоставително езикознание. 1983. Кн. 6. С. 16—26.

Ковачева Н. 1982 — *Ковачева Н.* Глаголы положения в русском языке в сопоставлении с болгарским. София: Народна просвета, 1982.

Ковтунова 1976 — *Ковтунова И. И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976.

Коева 1995 — *Коева С*. Към въпроса за влиянието на контекста върху словоредните изменения // Лингвистика на текста. София: Академично изд-во «Проф. М. Дринов», 1995. С. 210—229.

Коева 1999 — *Коева С*. За някои по-рядко срещани подчинени изречения (сказуемно-определителни изречения) // Български език и литература. 1999. Кн. 6. (http://liternet.bg/publish2/skoeva/skaz.htm)

Коева 2001а — *Коева С*. Малки изречения // Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис. Пловдив: «Пловдивско университетско изд-во», 2001. С. 61—67.

Коева 2001б — *Коева С.* Типология на подчинените изречения // Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис. Пловдив: «Пловдивско университетско изд-во», 2001. С. 144—163.

Коева 2004 — *Коева С.* Семантично и синтактично описание на диатезите в българския език // Българско езикознание. Т. 4: Когнитивна граматика на българския и френския език — описание и формализация. София: Изд-во на БАН, 2004. С. 182—231.

Коева 2005а — *Коева С.* Аргументи — семантични отношения и синтактична реализация // *Коева С.* (съст.). Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение. София: Сема РШ, 2005. С. 25—42.

Коева 2005б — *Коева С.* Синтактични трансформации // *Коева С.* (съст.). Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение. София: Сема РШ, 2005. С. 106—138.

Коева 2006а — *Коева С.* Българските сказуемноопределителни изречения // Езиковедски изследвания в чест на 75-годишнината от рождението на ст. н. с. I ст. д. ф. н. Йордан Пенчев. София: АртГраф, 2006. С. 233—243.

Коева 2006б — *Коева С.* Синтактични редувания в български — диатези и алтернации // Български език. 2006. Кн. 4. С. 19—32.

Коева 2008 — *Коева С.* Българският ФреймНет. Семантико-синтактичен речник на българския език — концептуален модел // *Коева С.* (съст.). Българският ФреймНет. Семантико-синтактичен речник на българския език. София, 2008. С. 5—57. (http://dcl.bas.bg/PDF/FrameNet.pdf)

Коева 2010а — *Коева С.* Българският ФреймНет 2010. София: Изд-во на БАН, 2010.

Коева 2010б — *Коева С.* За пунктуацията на подчинените изречения, част от подчинително словосъчетание // Български език. 2010. Кн. 1. С. 130—132.

Коева, Стоянова 2009 — *Коева С., Стоянова И.* Български национален корпус // Български език. 2009. Кн. 3. С. 135—150.

Колева-Златева 1988 — *Колева-Златева Ж.* Об одной группе предикатов наличия (Сопоставительное исследование на материале русского и болгарского языков) // Болгарская русистика. 1988. № 6. С. 34—43.

Коломацкий 2007 — *Коломацкий Д. И.* К вопросу о распределении русских пассивных форм по виду // Acta Linguistica. 2007. Vol. 1. № 1. С. 14—32.

Кордовска 1998 — *Кордовска Р.* Изречения с асиметрично отрицание в съвременния български език // Български език и литература. 1998. Кн. 3. С. 3—8.

Коритковска 1984 — *Коритковска М.* За една тенденция в развоя на българските безподложни изречения // Съвременна България. Т. 5: Развитие на българския език и на българската литература. София: Бълг. Академия на Науките, 1984.

Костадинова 2006 — *Костадинова П. Имам* + минало страдателно причастие: едно семантично ограничение // Езиковедски изследвания в чест на 75-годишнината от рождението на ст. н. с. I ст. д. ф. н. Йордан Пенчев. София: АртГраф, 2006. С. 153—156.

Костов 2004 — *Костов К.* Мисли за структурните ограничения в употребата на синтактичното съчетание *имам* + минало страдателно причастие от преходен глагол // Български език. 2004. Кн. 2—3. С. 125—130.

Костова 2011 — *Костова М.* Изразяването на условие в български език от гледна точка на комуникативната граматика // Проф. д-р Върбан Вътов. 70 години. Юбилеен сб. Велико Търново: Университетско изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2011. С. 267—280.

Костова-Добрева 1983 — *Костова-Добрева Х.* За статуса на сказуемното определение в структурната йерархия на изречението (върху материал от немския и българския език) // Съпоставително езикознание. 1983. Кн. 6. С. 27—32.

Котова, Янакиев 2001 — *Котова Н., Янакиев М.* Грамматика болгарского языка (для владеющих русским языком). М.: МГУ, 2001.

Кошелев 2003 — *Кошелев А.* Семасиологичен анализ на употребата на темпоралните форми за бъдеще време в подчинени условни изречения с *ако* в съвременния български език // Български език. 2003. Кн. 4. С. 41—58.

Крейдлин, Падучева 1974 — *Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В*. Значение и синтаксические свойства союза *а* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 9. С. 31—40.

Крумова 1979 — *Крумова Л.* Някои типове обособяване в народно-разговорния език в съпоставка с полския // Съпоставително езикознание. 1979. Кн. 3. С. 34—39.

Кръпова 1990 — *Кръпова И.* Някои наблюдения върху синтаксиса на анафоричните местоимения за трето лице // Научни трудове на Пловдивски ун-т «Паисий Хилендарски». 1990. Т. 28. Кн. 1. С. 154—161.

Кръпова 2013а — *Кръпова И.* Генеративна граматика и изследванията на българския синтаксис от най-ново време // Нови изследвания по генеративен синтаксис на българския език: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов». София, 2013. С. 5—13.

Кръпова 2013б — *Кръпова И.* Подчинени определителни изречения към опорно съществително име // Нови изследвания по генеративен синтаксис на българския език. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2013. С. 263—296.

Крылова 1992 — *Крылова О. А*. Коммуникативный синтаксис русского языка. М.: Изд-во РУДН, 1992.

Крючкова 2004 — *Крючкова О. Ю*. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 63—85.

Кузова 1997 — *Кузова М*. Безличные фразеосочетания в русском и болгарском языках // «Лингвистические и культуроведческие аспекты русского языка в сопоставлении с родным». Доклады межд. конф. (11—14.10.1996). Пловдив, 1997. С. 31—36.

Кузова 2000 — *Кузова М*. Предложения-проклятия в русском и болгарском языках // Научни трудове на Пловдивски ун-т «Паисий Хилендарски». Т. 38. Кн. 1: Филологии, 2000. С. 209—216.

Кузова 2002 — *Кузова М*. О национально маркированном в русском и болгарском синтаксисе // Юбилейни Паисиеви четения. Т. 40. Кн. 1: Филологии. Пловдив, 2002. С. 253—261.

Кузьменкова 2000 — *Кузьменкова В. А*. Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке: Дис. … канд. филол. наук. М., 2000.

Кузьмина, Немченко 1971 — *Кузьмина К. Б., Немченко Е. В*. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971.
Куков 1987 — *Куков Н*. Елиптичността в структурата на диалогичната реч (Из наблюдения върху българската речева действителност) // Български език. 1987. Кн. 5. С. 408—412.
Кунева 2013 — *Кунева И*. Индиректно изразяване на подбудителност // Български език. 2013. Кн. 1. С. 56—62.
Кустова 2002 — *Кустова Г. И.* О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 16—34.
Кустова 2011 — *Кустова Г. И.* Падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2011.
Кустова 2012 — *Кустова Г. И.* Дательный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2012.
Кустова 2013 — *Кустова Г. И.* Синтаксис современного русского языка: Курс лекций. М.: Флинта: Наука, 2013.
Куцаров 2007 — *Куцаров И*. Теоретична граматика на българския език: Морфология. Пловдив: Университетско изд-во «Паисий Хилендарски», 2007.
Кършакова 1991 — *Кършакова Р.* Комуникативно-прагматичен аспект на непълнотата на изречението // Български език. 1991. Кн. 6. С. 532—535.
Лагузова 2003 — *Лагузова Е. Н.* Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации: Дис. … докт. филол. наук. М., 2003.
Лазарева 2004 — *Лазарева В. А.* Анализ фразеологизированных построений на материале болгарского и русского языков // Europa Orientalis. 2004. XXIII. № 1. С. 185—221.
Лазарова А. 1970 — *Лазарова А*. Бъдеще време в подчинено изречение. (Употреба на *ще* след *когато*) (Бележки и материали) // Български език. 1970. Кн. 5. С. 459—463.
Лазарова А. 1973 — *Лазарова А*. Означаване на секундарно действие чрез подчинено обстоятелствено изречение // Език и литература. 1973. № 5. С. 33—40.
Лазарова А. 1981 — *Лазарова А*. Към характеристиката на сложните изречения със съюза *но* в съвременния български език // Български език. 1981. Бр. 1. С. 20—29.
Лазарова М. 2001 — *Лазарова М.* Морфологични процедури за синтактична идентификация // Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис. Пловдив: «Пловдивско университетско изд-во», 2001. С. 3—13.
Лакова 1978 — *Лакова М*. Въпросно-отговорни единства в съвременния български книжовен език // Български език. 1978. Кн. 5. С. 418—434.
Лакова 1984 — *Лакова М*. Местоименните въпросителни изречения и теорията за семантичните роли // Български език. 1984. Кн. 4. С. 316—323.
Лакова 1987 — *Лакова М*. Синтактични позиции на неквантифицираните именни фрази в българското изречение // Втори международен конгрес по българистика. Доклади 3: Съвременен български език. София: Изд-во на БАН, 1987. С. 420—429.
Лакова 1995 — *Лакова М*. Конверсия при словоформи в съвременния български книжовен език в съпоставка с руския, полския и английския // Проблеми на гра-

матичната система на българския език. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 1995. С. 6—50.

Лакова 2002 — *Лакова М*. Принципът на конструктивизма в граматичната семантика на българското просто изречение. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2002.

Лакова 2006 — *Лакова М*. Семантика на изреченията с безлични глаголи за природни състояния в съвременния български книжовен език // Езиковедски изследвания в чест на 75-годишнината от рождението на ст. н. с. I ст. д. ф. н. Йордан Пенчев. София: АртГраф, 2006. С. 301—314.

Лакова 2007 — *Лакова М*. Въпросите и въпросителните изречения в българския и в полския език. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2007.

Лакова 2010 — *Лакова М*. Какво обикновено се включва в семантиката на изречението // Български език. 2010. Кн. 3. С. 100—114.

Лакова 2013 — *Лакова М*. Начало на генеративно-трансформационното описание на синтаксиса на българския език // Нови изследвания по генеративен синтаксис на българския език: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов». София, 2013. С. 17—30.

Лакова, Гаргов 1985 — *Лакова М., Гаргов Г.* За категорията определеност / неопределеност като семантико-прагматична категория // Език и литература. 1985. № 2. С. 32—40.

Лакова, Коева 2006 — *Лакова М., Коева С.* Живот и научна дейност на старши научен сътрудник първа степен доктор на филологическите науки Йордан Пенчев (12.02.1931—16.02.2005) // Езиковедски изследвания в чест на 75-годишнината от рождението на ст. н. с. I ст. д. ф. н. Йордан Пенчев. София: АртГраф, 2006. С. 7—16.

Ласкова 2009 — *Ласкова Л.* Имперфект и плусквамперфект в подчинени *да*-изречения след глаголи за възприятие // Български език. 2009 — Приложение. С. 169—185.

Лашкова 1973 — *Лашкова Л.* За развоя на една отрицателна конструкция в български език // Български език. 1973. Кн. 1—2. С. 74—82.

Лашкова 1974 — *Лашкова Л.* За някои аспекти на синтактичното отрицание в славянските езици // Български език. 1974. Кн. 2. С. 144—153.

Лашкова 1976а — *Лашкова Л.* Българските отрицателни конструкции и теорията за актуалното членение // Актуалното членение на изречението и българският език. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1976. С. 89—98.

Лашкова 1976б — *Лашкова Л.* За спецификата на синтактичното отрицание в сърбохърватски и български език // Зборник за филологију и лингвистику. 1976. Књ. XIX (1). С. 19—26.

Лашкова, Шверчек 1979 — *Лашкова Л., Шверчек Л*. Някои проблеми на синтактичното отрицание в българския и полския език // Съпоставително езикознание. 1979. Кн. 3. С. 39—44.

Левицкий 1995 — *Левицкий Ю. А*. От высказывания — к предложению. От предложения — к высказыванию. Пермь: Пермский ун-т, 1995.

Лекант 1967 — *Лекант П. А*. Описательные глагольно-именные обороты в функции сказуемого // Учен. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. М., 1967. Т. 204. Вып. 14. С. 120—127.

Леонидова 1976 — *Леонидова М*. Фразеосхема как лингвистическая единица промежуточного фразеолого-синтаксического уровня в русском и болгарском языках // Болгарская русистика. 1976. № 3. С. 23—25.

Леонидова 1978 — *Леонидова М*. Фразеосхема как лингвистическая единица промежуточного синтаксико-фразеологического уровня // Славянска филология. Кн. XV. София: Изд-во на БАН, 1978. С. 219—229.

Лесева 2006 — *Лесева С*. Лексикално-семантично описание на предикатите и теорията за семантико-синтактично съотнасяне // Български език. 2006. Кн. 4. С. 68—80.

Ликоманова 1992 — *Ликоманова И.* Синтаксис на българската разговорна реч (в съпоставка с други славянски езици). София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1992.

Ликоманова 1998 — *Ликоманова И.* Експлицитният подлог в славянското изречение като типологичен критерий (въз основа на български, полски, руски и сръбски материал) // Славянска филология. Т. 22. Доклади за XII Международен конгрес на славистите (Краков, 1998). София: Изд-во на БАН, 1998. С. 110—122.

Лингвистика конструкций 2010 — Лингвистика конструкций / [Рахилина Е. В., Кузнецов Ю. Л., Плунгян В. А. и др.] отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010.

Лобанова 2011 — *Лобанова С. В*. История исследования единиц типа вербальных синлексов в отечественной лингвистике и толкование вербальной синлексики как особого пласта номинативных составных единиц // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 10 (351). С. 29—32.

Ломов 2007 — *Ломов А. М.* Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М.: АСТ; Восток—Запад, 2007.

Лутин 2008 — *Лутин С. А.* Системно-функциональный анализ категории падежа в русском языке: Автореф. дис. … докт. филол. наук. М., 2008.

Макович 1997 — *Макович Г. В*. Описательный способ выражения семантического предиката со значением активного действия в современном русском языке: Дис. … докт. филол. наук. Челябинск, 1997.

Малджиева 1985 — *Малджиева В.* Псевдофинални изречения в съвременния български език // Български език. 1985. Кн. 2. С. 148—152.

Малджиева 1995 — *Малджиева В.* Синтактични начини за изразяване на значението 'възможност' в българския език в сравнение с други славянски езици // Проблеми на граматичната система на българския език. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 1995. С. 260—320.

Мальчуков 2004 — *Мальчуков А. Л.* Наблюдения над семантикой и типологией противительных конструкций // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию проф. В. С. Храковского. М.: Знак: А. Кошелев, 2004. С. 268—283.

Маровска 1998 — *Маровска В*. Стилистика на българския език. Пловдив: Университетско изд-во «Паисий Хилендарски», 1998.

Маровска 2005 — *Маровска В.* Новобългарският перфект. София, 2005.

Маровска 2013 — *Маровска В. Т.* Референция и рефериране. В света на езика. Пловдив: Университетско изд-во «Паисий Хилендарски», 2013.

Маслов 1959 — *Маслов Ю. С.* Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // *Бернштейн С. Б.* (отв. ред.). Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 157—312.

Маслов 1971 — *Маслов Ю. С.* Членные формы болгарского литературного языка с точки зрения лингвистической типологии // Исследования по славянскому языкознанию. Сб. в честь шестидесятилетия проф. С. Б. Бернштейна. М.: Наука, 1971. С. 181—188.

Маслов 1981 — *Маслов Ю. С.* Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа, 1981.

Маслова 2008 — *Маслова А. Ю.* Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в сербском и болгарском языках на фоне русского языка. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2008.

Мельчук 2001 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. IV. М.: Языки славянской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 2001.

Милославский 1978 — *Милославский И. Г.* Какому залогу принадлежит глагол «нравиться»? // *Холодович А. А.* (отв. ред.). Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978. С. 208—213.

Минкова 2003 — *Минкова Л.* Анализ возможностей передачи интенциональных значений частицы *разве* на болгарский язык (на материале переводов с русского на болгарский) // Русистика 2003: Язык, коммуникация, культура. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2003. С. 271—281.

Минкова 2005 — *Минкова Л. И.* Интенции удивления и сомнения в *разве/неужели*-высказываниях и их соответствия в болгарском языке // *Иванова Е. Ю., Котова М Ю.* (отв. ред.). VI Славистические чтения памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова: Материалы международной научной конф. 9—11 сентября 2004 г. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2005. С. 65—70.

Минчев 2005 — *Минчев З.* За така наречения «имперсонален пасив» // Лингвистични дискурси: Юбилеен сб. в чест на 70-годишнината на проф. д. ф. н. Стефана Димитрова. Научни трудове на Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Т. 43. Кн. 1. 2005. С. 149—164.

Минчева 1964 — *Минчева А.* Развой на дателния притежателен падеж в българския език. София: Изд-во на БАН, 1964.

Мишеска-Томиќ 2010 — *Мишеска-Томиќ О.* Типови македонски прашални реченици // Меѓународен македонистички собир (29—31 август, 2008, Охрид). Скопје, 2010. С. 233—240.

Младенов, Младенова 2005 — *Младенов М., Младенова О.* За един тип притежателни конструкции в българския език // Littera scripta manet. Сб. в чест на 65-годишнината на проф. дфн Василка Радева. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2005. С. 156—165.

Молле 2002 — *Молле К.* Взаимообусловеност между референтност и съкращение в сложносъчиненото изречение с тъждествени обектни съставящи // Litora Psycholinguistica. София: Сема РШ, 2002. С. 103—121.

Молошная 1975 — *Молошная Т. Н.* Субстантивные словосочетания в славянских языках. М.: Наука, 1975.

Молошная 1985 — *Молошная Т. Н.* Адъективные словосочетания в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1985.

Молошная 1995 — *Молошная Т. Н.* Синтаксические способы выражения косвенных наклонений в современных славянских языках // Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М.: Индрик, 1995. С. 60—150.

Мордвилко 1964 — *Мордвилко А. П.* Очерки по русской фразеологии (именные и глагольные фразеологические обороты). М.: Просвещение, 1964.

Москальская 1974 — *Москальская О. И.* Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). М.: Высшая школа, 1974.

Москов 1968 — *Москов М.* Български правопис. София: Наука и изкуство, 1968.

Москова-Еленска 1978 — *Москова-Еленска В.* Конструкции с десемантизираното съществително *човек* в българския език // Български език. 1978. Кн. 2. С. 128—136.

Мразек 1990 — *Мразек Р.* Сравнительный синтаксис славянских литературных языков: Исходные структуры простого предложения. Brno: Univerzita J. E. Purkyně, 1990.

Мурдаров 2009 — *Мурдаров В.* За правописните правила при някои сложни думи и съставни наименования // Български език. 2009. Кн. 4. С. 116—117.

Наумович 1983 — *Наумович А. Н.* Современная русская пунктуация. Минск: Вышэйшая школа, 1983.

Недев 1989а — *Недев И.* За разграничаването на сказуемното име от сказуемното определение и за два вида подчинени изречения // Език и литература. 1989. № 4. С. 23—31.

Недев 1989б — *Недев И.* Към въпроса за незадължителната и задължителната употреба на подлога — първолично или второлично местоимение // Български език. 1989. Кн. 1. С. 29—32.

Недев 1992 — *Недев И.* Синтаксис на съвременния български книжовен език. София: Бряг-принт, 1992.

Недев 2001 — *Недев И.* За препинателните знаци, употребявани в безсъюзните сложни изречения // Проблеми на българския правопис и правоговор. Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2001.

Недев 2006 — *Недев И.* Безсъюзните сложни изречения в съвременния български книжовен език. Силистра: РИТТ, 2006.

Несторова 2000 — *Несторова П.* Още едно мнение за основанията на термина *подчинено сказуемноопределително изречение* в българската лингвистика (по повод класификацията на подчинените изречения) // Краят на хилядолетието — носталгии, раздели, надежди. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2000.

Несторова 2008 — *Несторова П.* Семантични и синтактични особености на предикати в българския език. Пловдив, 2008.

Николаева 1981 — *Николаева Т. М.* «Экстренное введение в ситуацию»: особый вид просодического выделения // Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения акад. Л. В. Щербы. Л.: Наука, 1981. С. 182—187.

Николаева 1982 — *Николаева Т. М*. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982.

Николаева 2000 — *Николаева Т. М*. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000.

Николаева 2008 — *Николаева Т. М*. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). М.: Языки славянских культур, 2008.

Николова 1977 — *Николова А.* Русские инфинитивные предложения и способы их передачи в болгарском языке: Дис. … канд. филол. наук. М.: МГУ, 1977.

Николова 1978 — *Николова А.* Някои проблеми на предаването на руските инфинитивни изречения на български език // Съпоставително езикознание. 1978. Кн. 3. С. 58—69.

Николова 1980 — *Николова А.* О передаче русских вопросительных предложений с независимым инфинитивом на болгарский язык // Болгарская русистика. 1980. № 1. С. 36—45.

Николова 1981 — *Николова А.* Русские местоименные инфинитивные вопросы и их болгарские аналоги // Болгарская русистика. 1981. № 4. С. 65—76.

Николова 1983 — *Николова А.* Български еквиваленти на руските инфинитивни конструкции, означаващи невъзможност // Съпоставително езикознание. 1983. Кн. 6. С. 5—14.

Николова 1987 — *Николова А.* О сопоставительном описании функционально-семантических типов предложений в русском и болгарском языках // Болгарская русистика. 1987. № 6. С. 51—55.

Николова 1997 — *Николова А.* Функциональная грамматика: Выражение пространственных отношений в русском языке (на фоне болгарского). Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 1997. (http://shu.bg/tadmin/upload/storage/1677.pdf)

Николова 2004 — *Николова А.* О сопоставительном описании систем простых предложений в русском и болгарском языках // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. Вып. 1. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2004. С. 35—68.

Николова 2005 — *Николова А.* О синтактике и прагматике языковых средств именования, называния и идентификации лица в русском и болгарском языках // Русистика 2005: Язык. Коммуникация. Культура. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2005. С. 111—137.

Николова 2006 — *Николова А.* О способах выражения обобщенности лица в русском и болгарском языках // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. Вып. 2. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2006. С. 163—204.

Николова 2007 — *Николова А.* Неопределенный и отстраненный субъект-деятель в русском и болгарском языках // Проблемы когнитивного и функционально-коммуникативного описания русского и болгарского языков. Вып. 5. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2007. С. 57—78.

Николова Е. 2000 — *Николова Е.* За статуса на подчиненото изречение след определена именна група и глагол *съм* в главното изречение // Български език и литература. 2000. № 6. (http://liternet.bg/publish/enikolova/statusa.htm)

Николова Ц. 1987 — *Николова Ц.* Честотен речник на българската разговорна реч. София: Наука и изкуство, 1987.

Ницолова 1984 — *Ницолова Р.* Прагматичен аспект на изречението в българския книжовен език. София: Народна просвета, 1984.

Ницолова 1986 — *Ницолова Р.* Българските местоимения. София: Наука и изкуство, 1986.

Ницолова 1989 — *Ницолова Р.* Съвременна българска пунктуация. София: Народна просвета, 1989.

Ницолова 1990 — *Ницолова Р.* Екзистенциалните изречения с глаголите *esse* и *habere* в българския език в съпоставка с другите славянски езици // Съпоставително езикознание. 1990. Кн. 4—5. С. 236—242.

Ницолова 1994 — *Ницолова Р.* За някои прояви на тенденцията към демократизация в езика на българския печат след 10.XI.1989 г. // Годишник на института за чуждестранни студенти. Т. 9. София, 1994. С. 32—42.

Ницолова 1998 — *Ницолова Р.* Условные конструкции в болгарском языке // *Храковский В. С.* (отв. ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 129—161.

Ницолова 2000 — *Ницолова Р.* За състава на *да*-изреченията в български // Едно поколение български езиковеди. София: ИК «Св. Климент Охридски», 2000. С. 161—169.

Ницолова 2001 — *Ницолова Р.* Значение и граматични особености на сложните изречения с предикати за знание в българския език // Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис. Пловдив: «Пловдивско университетско изд-во», 2001. С. 174—192.

Ницолова 2004 — *Ницолова Р.* Уступительные конструкции в болгарском языке // *Храковский В. С.* (отв. ред.). Типология уступительных конструкций. СПб.: Наука, 2004. С. 95—136.

Ницолова 2005а — *Ницолова Р.* За значението на предложните съчетания в българското изречение // *Коева С.* (съст.). Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение. София: Сема РШ, 2005. С. 141—152.

Ницолова 2005б — *Ницолова Р.* За формалното означаване на семантичните роли в българските конструкции с отглаголни съществителни // *Коева С.* (съст.). Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение. София: Сема РШ, 2005. С. 69—79.

Ницолова 2005в — *Ницолова Р.* Семантика и прагматика на сложните съставни изречения с подчинени отстъпителни изречения // *Коева С.* (съст.). Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение. София: Сема РШ, 2005. С. 225—234.

Ницолова 2008а — *Ницолова Р.* Българска граматика. Морфология. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2008.

Ницолова 2008б — *Ницолова Р.* Взаимодействие между граматически значения на глагола и лексикални модификатори в семантиката на изречението // Славянска филология. Т. 24: Доклади и статии за XIV Международен конгрес на славистите. София: Изд-во на БАН «Марин Дринов», 2008. С. 251—268.

Ницолова 2008в — *Ницолова Р.* Проблематика на сложните изречения с комплементи в българския език // Јужнословенски филолог. 2008. LXIV. С. 261—272.

Ницолова 2009 — *Ницолова Р.* Таксис // *Храковский В. С.* (отв. ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 117—160.

Ничева 1982 — *Ничева К.* Фразеосхеми (фразеологизирани конструкции) в българския език // Език и литература. 1982. № 5. С. 29—43.

Ничева 1990 — *Ничева* (*Анкова-Ничева*) *К.* Фразеосхеми и фразеологизми в български език // Съпоставително езикознание. 1990. Кн. 4—5. С. 97—101.

Нов правописен речник 2002 — Нов правописен речник на българския език / Отг. ред. В. Станков. София: Хейзъл, БАН, 2002.

Нови изследвания… 2013 — Нови изследвания по генеративен синтаксис на българския език / Съст. С. Коева, И. Кръпова. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2013.

Норман 1972 — *Норман Б. Ю.* Переходность, залог, возвратность. Минск: Изд-во БГУ, 1972.

Норман 1978 — *Норман Б. Ю.* Предложните съчетания като синтактично явление // Език и литература. 1978. 2. С. 94—98.

Норман 1980 — *Норман Б. Ю.* Болгарский язык. Минск: Изд-во БГУ, 1980.

Норман 1988 — *Норман Б. Ю.* За някои типове безлични конструкции в съвременния български език // Език и литература. 1988. Кн. 6. С. 3—11.

Осенова 2004 — *Осенова П.* Именните групи от типа NN в българския език // Славистиката в началото на XXI век — традиции и очаквания. София: Сема РШ, 2004. С. 255—258.

Осенова 2009 — *Осенова П.* Именните фрази в българския език. София: Изд-во ЕТО, 2009. (http://www.bultreebank.org/petya/habilitation.pdf)

Осенова, Симов 2007 — *Осенова П., Симов К.* Формална граматика на българския език. София: Институт за паралелна обработка на информацията, БАН, 2007. (http://bultreebank.org/bgpapers/FormalGrammarBG.pdf)

Острецова 2010 — *Острецова И. В.* Возможности функционально-коммуникативного и когнитивного подходов к изучению описательных предикатов в специальном дискурсе // Вісник Дніпропетровського університету. Сер. «Мовознавство». 2010. Вип. 16. С. 250—260.

Официален правописен речник 2012 — Официален правописен речник на българския език. София: Просвета, 2012.

Падучева 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974.

Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука, 1985.

Падучева 1987 — *Падучева Е. В.* Предложения тождества: Семантика и коммуникативная структура // Язык и логическая теория. М., 1987. С. 152—163.

Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.

Падучева 2001 — *Падучева Е. В.* Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52—79.

Падучева 2004а — *Падучева Е. В*. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Падучева 2004б — *Падучева Е. В*. О параметрах лексического значения слова: онтологическая категория и тематический класс // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии / Ред. Л. П. Крысин, М.: ИРЯ РАН, 2004. С. 213—238.

Падучева 2005 — *Падучева Е. В*. Еще раз о генитиве субъекта при отрицании // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 84—99.

Падучева 2011 — *Падучева Е. В*. Отрицание. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2011.

Падучева 2012 — *Падучева Е. В*. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 27—41.

Падучева 2013 — *Падучева Е. В*. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры. 2013.

Падучева, Розина 1993 — *Падучева Е. В., Розина Р. И*. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // Вопросы языкознания. М., 1993. № 6. С. 5—16.

Пайар, Плунгян 1993 — *Пайар Д., Плунгян В. А.* Об одном типе конструкций с повтором глагола в русском языке // Russian Linguistics. 1993. Vol. 17. № 3. P. 263—277.

Пантелеева 1998 — *Пантелеева Х.* Кондиционалът в съвременния български книжовен език. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 1998.

Пантелеева 2006 — *Пантелеева Х.* За тълкуването на форми като *ядвам*, *търпявам* // Езиковедски изследвания в чест на 75-годишнината от рождението на ст. н. с. I ст. д. ф. н. Йордан Пенчев. София: АртГраф, 2006. С. 181—190.

Панфилов 1971 — *Панфилов В. З.* Взаимоотношение языка и мышления. М.: Наука, 1971.

Паршин 1988 — *Паршин П. Б*. Сопоставительное выделение как коммуникативная категория. Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1988.

Паскалева 2007 — *Паскалева Е.* Межъязыковые компьютерные исследования и приложения для славянских языков: технологические и геополитические аспекты // Acta linguistica. 2007. Vol. 1. № 1. С. 91—98.

Пашов 1978 — *Пашов П*. За употребата на някои местоименни форми // *Пашов П.* (съст.). Помагало по българска морфология. Имена. София: Наука и изкуство, 1978. С. 411—423.

Пашов 1989 — *Пашов П*. Практическа българска граматика. София: Народна просвета, 1989.

Пашов 1999 — *Пашов П*. Българска граматика. Пловдив: ИК «Хермес», 1999.

Пекелис 2008 — *Пекелис О. Е.* Семантика причинности и коммуникативная структура: *потому что* и *поскольку* // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 66—84.

Пекелис 2014 — *Пекелис О. Е.* Сентенциальные обстоятельства. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2014.

Пенчев 1966 — *Пенчев Й.* Въвеждащи и вметнати думи и изрази в съвременния български книжовен език. София: Изд-во на БАН, 1966.

Пенчев 1968 — *Пенчев Й.* Конструкции с глагола *имам* // Славистичен сборник. София: Изд-во на БАН, 1968. С. 173—179.

Пенчев 1973 — *Пенчев Й.* За словореда на някои сложни изречения със съюзите *че* и *да* // Български език. 1973. Кн. 1—2. С. 95—98.

Пенчев 1980 — *Пенчев Й.* Основни интонационни контури в българското изречение. София: Изд-во на БАН, 1980.

Пенчев 1984 — *Пенчев Й.* Строеж на българското изречение. София: Наука и изкуство, 1984.

Пенчев 1993 — *Пенчев Й.* Български синтаксис. Управление и свързване. Пловдив: Пловдивско университетско изд-во, 1993.

Пенчев 1994 — *Пенчев Й.* Разширени, сложни и повторени части на изречението. Еднородни части на изречението // Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 3. Синтаксис. София: Изд-во на БАН, 1994. С. 205—222.

Пенчев 1995 — *Пенчев Й.* Функции на форманта *се / си* в съвременния български език // Български език. 1995. Кн. 5—6. С. 404—418.

Пенчев 1998а — *Пенчев Й.* Синтаксис // *Бояджиев Т., Куцаров И, Пенчев Й*. Съвременен български език. Фонетика. Лексикология. Словообразуване. Морфология. Синтаксис. София: Изток-Запад, 1998. С. 498—655.

Пенчев 1998б — *Пенчев Й.* Синтаксис на съвременния български книжовен език. Пловдив: Неделник, 1998.

Пенчев 2001 — *Пенчев Й.* Едносъставни изречения // Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис. Пловдив: «Пловдивско университетско изд-во», 2001. С. 86—93.

Пенчев 2005 — *Пенчев Й.* Словоред и интонация // *Коева С.* (съст.). Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение. София: Сема РШ, 2005. С. 245—256.

Перцов 2003 — *Перцов Н. В.* Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопросы языкознания. 2003. № 4. С. 43—71.

Пете 1991 — *Пете И.* Употребление глаголов совершенного вида в болгарских и русских отрицательных побудительных предложениях // Съпоставително езикознание. 1991. Кн. 2. С. 17—21.

Петкова-Шик 1997 — *Петкова-Шик И.* Българските местоименни клитики // Съпоставително езикознание. 1997. XXII. Кн. 1. С. 50—65.

Петров 2007 — *Петров А. В.* Безлично-результативные предложения // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». 2007. № 1. С. 117—122.

Петрова Г. 2006 — *Петрова Г.* Семантични роли на кратките дателни местоимения. Бургас: Димант, 2006.

Петрова Г. 2008 — *Петрова Г.* Функции на клитиките *се* и *си* в съвременния български език. Бургас: Димант, 2008.

Петрова Г. 2012 — *Петрова Г.* За употребата на *си* като частица с модална функция // Езикът и културата в съвременния свят. Велико Търново: Фабер, 2012. С. 361—367.

Петрова С. 1988 — *Петрова С.* Подчинени обстоятелствени изречения със съюз *за да* // Помагало по синтаксис на българския език. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1988. С. 253—263.

Петрова С. 1995 — *Петрова С.* Асиметрия в сложното изречение: Въпроси от семантиката и структурата. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1995.

Петрова С. 1997/1998 — *Петрова С.* По въпроса за синтактичните термини в българския език (подчинено предикативно изречение) // Български език. 1997/1998. Кн. 1. С. 97—98.

Петрова С. 2008 — *Петрова С.* Сложно изречение и езикови равнища. София: Skyprint, 2008.

Плунгян 2003 — *Плунгян В. А.* Общая морфология: введение в проблематику. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Плунгян 2004 — *Плунгян В. А.* О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность / Ред. Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. М.: Гнозис, 2004. С. 273—291.

Плунгян 2011 — *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Подлесская 2001 — *Подлесская В. И.* Переключение референции: дискурсивные функции грамматической категории // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории / Ред. В. А. Плунгян. М.: Русские словари, 2001. С. 198—208.

Поляков 2010 — *Поляков Д. К.* Потенциальные члены залоговых оппозиций в современном русском языке (на фоне других славянских) // *Ремнева М. Л., Поликарпов А. А.* (сост.). Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 20—23 марта 2010 г.). Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 30—31.

Пометкова 2003 — *Пометкова Я.* Синонимни синтактични конструкции за изразяване на обстоятелствени и определителни отношения в съвременния български език: Подчинени изречения и конструкции с отглаголно съществително име на *-не*. Русе: Лени Ан, 2003.

Пометкова 2012 — *Пометкова Я.* Изречения с усложнена семантична структура в българския език. Русе: Лени Ан, 2012.

Попов 1961 (1963, 1979) — *Попов К.* Съвременен български език. Синтаксис. София: Наука и изкуство, 1961 (и последующие издания).

Попова 1987 — *Попова М.* Кратък валентен речник на глаголите в съвременния български книжовен език. София: Изд-во на БАН, 1987.

Правопис и пунктуация 2011 — Правопис и пунктуация на българския език. Основни правила. София: Просвета, 2011.

Правописен речник… 1969 — *Андрейчин Л., Георгиев В., Леков И., Стойков С.* Правописен речник на българския книжовен език. София: Наука и изкуство, 1969.

Правописен речник… 1995 — *Георгиева Е., Станков В.* Правописен речник на съвременния български книжовен език. 2-о изд. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 1995.

Прасолова 2009 — *Прасолова Н. В.* Биноминативные предложения в болгарском языке: на материале художественной прозы: Дис. … канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2009.

Принципи и правила 2002 — Принципи и правила на правописа и пунктуацията в българския език. Институт за български език при БАН. София: Хейзъл, 2002.

Проничев 1991 — *Проничев В. П.* Функционирование именных односоставных конструкций в тексте: Предметно-ситуативные номинации. Л.: РГПУ, 1991.

Пучина 2012 — *Пучина А. В.* Интродуктивные коммуникативные стратегии в болгарском, русском и английском языках. Магистерская дис. СПб.: СПбГУ, 2012.

Радева В. 1977 — *Радева В.* За лексикалната съчетаемост на българския глагол *имам* и на полския *mieć* при изразяване на притежание // Kategorie werbalne w języku polskim i bułgarskim. Warszawa: Polska akademia Nauk. Zakład Słowianoznawstwa, 1977. С. 117—123.

Радева П. 1992 — *Радева П.* Тавтологичното сказуемо в съвременния български език // Език и литература. 1992. 6. С. 95—98.

Радева П. 1997 — *Радева П.* Записки по синтаксис на съвременния български книжовен език (словосъчетание и просто изречение). Велико Търново: Унив. изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 1997.

Радева П. 2002 — *Радева П.* Записки по синтаксис на съвременния български книжовен език. Сложно изречение. Велико Търново: Унив. изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2002.

Радева П. 2005 — *Радева П.* Проблеми при идентификацията на чрезсказуемното определение в съвременния български език // Научни изследвания в чест на проф. д-р Боян Байчев. Велико Търново: Унив. изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2005. С. 433—440.

Радева П. 2012 — *Радева П.* Динамика в синтаксиса на съвременния български език. Велико Търново: Унив. изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2012.

Распопов 1970 — *Распопов И. П.* Строение простого предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1970.

Рахилина 1998 — *Рахилина Е. В*. Семантика русских «позиционных» предикатов: *стоять*, *лежать*, *сидеть* и *висеть* // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 69—80.

Рачева 1984 — *Рачева Т.* Членуването на една семантична група съществителни имена в ролята на сказуемно определение в немския и българския език // Съпоставително езикознание. 1984. Кн. 2. С. 18—23.

РБЕ — Речник на българския език. София: Изд-во на Българската академия на науките, Т. 1—14. 1977—2012. (http://ibl.bas.bg/rbe/)

РГ 1980-1 — Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980.

РГ 1980-2 — Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1980.

Риверо 2013 — *Риверо М. Л.* Избрани проблеми от българската морфология и синтаксис: анализ от гледна точка на Минималистката програма // Нови изследвания по генеративен синтаксис на българския език: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов». София, 2013. С. 67—110.

Рогова 1971 — *Рогова К. А*. Современный русский литературный язык: Односоставные предложения. Л.: ЛГУ, 1971.

Рожновская 1959 — *Рожновская М. Г.* Безличные предложения в современном болгарском литературном языке // *Бернштейн С. Б*. (отв. ред.). Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 379—432.

Рожновская 1970 — *Рожновская М. Г.* Синтаксис прилагательного в болгарском литературном языке. М.: Наука, 1970.

Рожновская 1979 — *Рожновская М. Г.* Очерки по синтаксису болгарского литературного языка: Предложения с предикатив. определением. М.: Наука, 1979.

Розенталь 1988 — *Розенталь Д. Э.* Пунктуация и управление в русском языке. М.: Книга, 1988.

Русинов 2001 — *Русинов Р.* Правописът: подобряване на днешния или връщане към стария // Проблеми на българския правопис и правоговор. Велико Търново: Университетско изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2001.

Сааведра 2008 — *Сааведра Д.* Пасивни конструкции в български език // Български език. 2008. Кн. 2. С. 78—92.

Савова Д. 2012 — *Савова Д.* Предикативная структура высказывания в болгарском языке // Вопросы языкознания. 2012. № 3. С. 69—90.

Савова С. 1984 — *Савова С.* Фукции на разделителния съюз *или* в простото изречение // Български език. 1984. Кн. 5. С. 449—451.

Савова С. 1986 — *Савова С.* Към характеристиката на дизюнктивните въпроси // Български език. 1986. Кн. 2. С. 170—176.

Савова С. 1991 — *Савова С.* Сложни изречения с един разделителен съюз в съвременния български език // Български език. 1991. Кн. 3. С. 212—219.

Санников 1989 — *Санников В. З.* Русские сочинительные конструкции: Семантика, прагматика, синтаксис. М.: Наука, 1989.

Санников 2001 — *Санников В. З*. Еще раз о союзе «раз» // *Капанадзе Л. А*. (сост.); *Кузьмина С. М*. (отв. ред.). Жизнь языка: сб. статей к 80-летию Михаила Викторовича Панова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 109—116.

Санников 2008 — *Санников В. З*. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.

Сеизова 1984 — *Сеизова Т.* Функционална изреченска перспектива и интонация при съобщителните изречения в английския и българския език // Съпоставително езикознание. 1984. Кн. 4. С. 30—39.

Селиверстова 1990 — *Селиверстова О. Н*. Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт описания. М.: Едиториал УРСС, 1990.

Симов, Колковска 2004 — *Симов К., Колковска С.* Интерпретация на *да*-конструкциите в опорната фразова граматика // Славистиката в началото на XXI век — традиции и очаквания. София: Сема РШ, 2004. С. 153—162.

Синтаксис современного русского языка 2008 — Синтаксис современного русского языка. Учебно-методич. комплекс: Препринт учебника для высших учебных заведений РФ / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев; под ред. С. В. Вяткиной. СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2008.

Скобликова 1971 — *Скобликова Е. С.* Согласование и управление в русском языке. М.: Просвещение, 1971.

Славянските предлози 2007 — Славянските предлози. Велико Търново: ИВИС, 2007.

Соболев 2009 — *Соболев А. Н.* О категории определенности в болгарском языке (по поводу книги Ольги Младеновой «Definiteness in Bulgarian. Modelling the Processes of Language Change». Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007) // Zeitschrift für Balkanologie. Bd 45. Wiesbaden, 2009. (http://www.zeitschrift-fuer-balkanologie.de/index.php/zfb/article/view/205)

Сопоставительная болгарско-русская грамматика 2009 — Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Т. 1: Фонетика / Т. Стоева, С. Димитрова, Д. Даскалова, Т. Чалыкова; Под науч. ред. проф. Стефаны Димитровой. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2009.

СРЛЯ 1988 — Современный русский литературный язык: Учебн. пос. / Под ред. Н. М. Шанского. 2-е изд., перераб. Л., 1988.

СРЯ 2001 — Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. 3-е изд. / Под общ. ред. Л. А. Новикова. СПб., 2001.

Стаменов М. 2006 — *Стаменов М.* Граматиката на конструкциите като алтернатива за описание на отношенията между синтаксис и семантика в граматиката и в лексикона. Ч. I: Основни идеи // Български език. 2006. Кн. 4. С. 81—93.

Стаменов М. 2007а — *Стаменов М.* Граматиката на конструкциите като алтернатива за описание на отношенията между синтаксис и семантика в граматиката и в лексикона. Ч. II: Глаголи и конструкции // Български език. 2007. Кн. 1. С. 50—62.

Стаменов М. 2007б — *Стаменов М.* Граматиката на конструкциите като алтернатива за описание на отношенията между синтаксис и семантика в граматиката и в лексикона. Ч. III: Конструкции и речева дейност // Български език. 2007. Кн. 4. С. 59—69.

Стаменов Х. 1985 — *Стаменов Х.* За употребата на *един* като показател за неопределеност в българския език (в сравнение с английски) // Език и литература. 1985. № 3. С. 33—44.

Станева 1988а — *Станева Х.* Към характеристиката на един тип сложни съчинени изречения // Помагало по синтаксис на българския език. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1988. С. 183—192.

Станева 1988б — *Станева Х.* Смислово-синтактичните отношения в съединителните изречения със съюза *и* в съвременния български език // Помагало по синтаксис на българския език. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1988. С. 176—182.

Станева 1988в — *Станева Х.* Предикативна употреба на предложни съчетания // Помагало по синтаксис на българския език. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1988. С. 66—71.

Станков 1976 — *Станков В.* Конкуренция на глаголните видове в българския книжовен език. София: Изд-во на БАН, 1976.

Станков 1980 — *Станков В*. Глаголният вид в българския книжовен език. София: Наука и изкуство, 1980.

Станков 1982 — *Станков В*. За дателните местоименни клитики в българския език // Български език. 1982. Кн. 6. С. 494—502.

Станков 1984 — *Станков В*. За категорията «неопределеност на имената» в българския език // Български език. 1984. Кн. 3. С. 195—205.

Станков 1987 — *Станков В*. За семантичния инвариант на определителния член в българския език // Български език. 1987. Кн. 1—2. С. 70—77.

Станков 1988 — *Станков В*. Особености на генеричната употреба на детерминаторите за определеност / неопределност в българския език // Български език. 1988. Кн. 2. С. 99—106.

Станков 1993/1994 — *Станков В*. Членуване и вид в българския език // Български език. 1993/1994. Кн. 2. С. 117—121.

Станков 1995 — *Станков В*. Семантични особености на категорията «неопределеност на имената» в българския език // Проблеми на граматичната система на българския език. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 1995. С. 87—150.

Станков, Иванова 1989 — *Станков В., Иванова М.* За неопределените именни синтагми, изразяващи специфичност / неспецифичност // Български език. 1989. Кн. 1. С. 14— 27.

Стоева 1999 — *Стоева Т.* Структурные и просодические характеристики новых сложных слов болгарского и русского языков с компонентами интернационального характера // Съпоставително езикознание. 1999. XXIV. Кн. 1. С. 5—12.

Стоянов 1970 — *Стоянов С*. Изпускане на спомагателния глагол *съм* от съставни именни сказуеми в българския език // Език и литература. 1970. № 4. С. 15—26.

Стоянов 1979 — *Стоянов С*. Някои особености на обособените определения в българския език // Помагало по български синтаксис. София: Наука и изкуство, 1979. С. 158—162.

Стоянова 2008 — *Стоянова И*. Основни теоретични проблеми, свързани с разпознаването на съставни лексикални единици в българския език // Български език. 2008. Кн. 4. С. 59—72.

Ступкина 2007 — *Ступкина М. О.* Парцелляция и смежные синтаксические явления в болгарском языке // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2007. Вып. 1. С. 61—64.

Съвременни лингвистични теории 2001 — *Коева С*. (съст.). Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис. Пловдив: «Пловдивско университетско изд-во», 2001.

Тагамлицка 1963 — *Тагамлицка Г.* Някои особености в употребата на местоименията в руски и български език // Славянска филология. Т. 3. Доклади, съобщения и статии по езикознание. София, 1963. С. 255—276.

Тарланов 1999 — *Тарланов З. К.* Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск: Петрозавод. ун-т, 1999.

Телия 1981 — *Телия В. Н*. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981.

Телия 1996 — *Телия В. Н*. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Тестелец 2001 — *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.

Тилков 1978 — *Тилков Д.* За един тип сложни думи в българския език // Български език. 1978. Кн. 1—2. С. 62—65.

Тишева 2000 — *Тишева Й.* Модели за интерпретация на сложното изречение в българския език. София: Сема РШ, 2000.

Тишева 2001а — *Тишева Й.* Подчинително свързване в сложното изречение. Комплементизаторите в българския език // Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис. Пловдив: «Пловдивско университетско изд-во», 2001. С. 164—173.

Тишева 2001б — *Тишева Й.* Свободен или фиксиран е словоредът на клитиките? // *Радева В*. (отв. ред.). Българският език през XX век. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2001. С. 64—70.

Тишева 2001в — *Тишева Й.* Структурни особености на косвените въпроси в българския език // Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис. Пловдив: «Пловдивско университетско изд-во», 2001. С. 193—202.

Тишева 2002 — *Тишева Й.* За динамиката в системата на прагматичните частици в българския език // Litora Psycholinguistica. София: Сема РШ, 2002. С. 213—219.

Тишева 2004а — *Тишева Й.* Структура на общите въпроси — опит за съпоставка // Славистиката в началото на XXI век — традиции и очаквания. София: Сема РШ, 2004. С. 146—153.

Тишева 2004б — *Тишева Й.* Структурни модели на въпросителните изречения в българския език // Годишник на Соф. ун-т «Св. Климент Охридски». Факултет по славянски филологии. 2004. Т. 93—95. С. 5—65.

Тишева 2005 — *Тишева Й.* За системата на общите въпроси в съвременния български език // Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение. София: Сема РШ, 2005. С. 160—182.

Тишева 2006 — *Тишева Й.* За «синонимите» *ли* и *дали* // Езиковедски изследвания в чест на 75-годишнината от рождението на ст. н. с. I ст. д. ф. н. Йордан Пенчев. София: АртГраф, 2006. С. 279—287.

Тишева 2009а — *Тишева Й.* Въпросителната частица *нали* като част от комплементизаторната фраза в българския език // Български език. Кн. 1. 2009. С. 24—34.

Тишева 2009б — *Тишева Й.* За словоредните модели на българското просто изречение // Отговорността пред езика. Кн. 3. Сб., посветен на 65-годишнината на проф. д-р Кина Вачкова. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2009. С. 244—255.

Тишева 2013 — *Тишева Й.* Граматични аспекти на устната реч (Littera et Lingua Series Dissertationes 3). София, 2013.

Тишева 2014 — *Тишева Й.* Езикови бази данни, корпуси и електронни ресурси за българската устна реч // Littera et Lingua. 2014. Год. 11. Кн. 1—2 (Пролет — Лято). (http://slav.uni-sofia.bg/naum/lilijournal/2014/11/1-2/ytisheva)

Тишева, в печати — *Тишева Й.* Как българинът говори в различни ситуации. Електронни ресурси за българската устна реч // Доклади на 3-ия международен конгрес по българистика. София, 23—26.05. (в печати).

Тишева, Джонова 2006 — *Тишева Й., Джонова М.* Старият «нов» топик // *Младенова М., Монова И*. (съст.). Славистика и общество. София: Heron Press, 2006. С. 231—237.

Тишева, Джонова 2010 — *Тишева Й., Джонова М.* Електронни ресурси за българската разговорна реч (инициативата BgSpeech) // Littera et Lingua, лято 2010, (http://

www.slav.uni-sofia.bg/lilijournal/index.php/bg/issues/summer2010/597-jtishevam-dzhonova-summer. 2010)

Тишева, Джонова 2011 — *Тишева Й., Джонова М.* Корпус с устна българска реч — специфика и структура // Български език. 2011. Кн. 3. С. 34—53.

Тишева, Хауге 2001 — *Тишева Й., Хауге Х. Р.* Съюзи за противопоставяне във функцията на прагматични частици // Проблеми на българската разговорна реч. Кн. 5. Велико Търново: Университетско изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2001. С. 242—252.

Тодорова Б. 2005 — *Тодорова Б.* За някои особености на темо-ремната организация на изречението и текста (по материали от новата българска преса) // Год. на Юго-зап. ун., Филол. фак. 2005. Т. 3. С. 171—183.

Тодорова Е. 2012 — *Тодорова Е.* Традиции и нови теории в българското езикознание // Съпоставително езикознание. 2012. Кн. 3. С. 57—65.

Толстая 2000 — *Толстая М. Н.* Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1998—1999. XIV. М.: Индрик, 2000. С. 134—143.

Тополињска 2009 — *Тополињска З.* Полски-македонски: Граматичка конфронтација. 9: Негација. Скопје: МАНУ, 2009.

ТФГ 1992 — Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб., 1992.

Урысон 2011 — *Урысон Е. В.* Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011.

Ухлиржова 1992 — *Ухлиржова Л.* Българското *един* като експонент на неопределена референтност (в съпоставка с руския и чешкия език) // Съпоставително езикознание. 1992. Кн. 6. С. 5—15.

Ухлиржова 1997 — *Ухлиржова Л.* За езика на българските вестници (развойна динамика на изречението) // Съпоставително езикознание. 1997. Кн. 1. С. 33—49.

Ухлиржова 2011/2012 — *Ухлиржова Л.* Общност и многообразие в словореда на клитиките (Съпоставително изследване на българския и чешския език) // Съпоставително езикознание. Част I. 2011. Кн. 1. С. 5—17; Част II. 2011. Кн. 2. С. 20—31; Част III. 2011. Кн. 3. С. 5—16; Част IV. 2012. Кн. 1. С. 5—11.

Хаджиева 2004 — *Хаджиева Е.* Синтактична интерференция между сродни езици. София: Сема РШ, 2004.

Халачева 2004 — *Халачева С.* Глаголи със специфичен субект в българския книжовен език. Велико Търново: Абагар, 2004.

Хауге 1986 — *Хауге Х.* Опит за тълкуване на генеричната употреба на *един* в българския език // Втори международен конгрес по българистика. Доклади. II. София: Изд-во на БАН, 1986. С. 442—454.

Храковский 1990 — *Храковский В. С.* Повелительность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 185—238.

Храковский 1998 — *Храковский В. С.* Теоретический анализ условных конструкций (Семантика, исчисление, типология) // *Храковский В. С.* (отв. ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 7—96.

Храковский 2004 — *Храковский В. С.* Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология // *Храковский В. С.* (отв. ред.). Типология уступительных конструкций. СПб.: Наука, 2004. С. 9—91.

Цанков 1995 — *Цанков К.* Глаголи и глаголни форми с възвратен елемент в съвременния български книжовен език. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1995.

Цветкова 1984 — *Цветкова М.* Употреба на предлога *на* в определително значение в българския език и някои негови синтактични еквиваленти в полския и руския език // Съпоставително езикознание. 1984. Кн. 4. С. 25—29.

Цивьян 1979 — *Цивьян Т. В.* Синтаксическая структура балканского языкового союза. М.: Наука, 1979.

Циммерлинг 2009 — *Циммерлинг А. В.* Синтаксические нули в теории грамматики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). Диалог 2009. М., 2009.

Циммерлинг 2012а — *Циммерлинг А. В.* Неканонические подлежащие в русском языке // От значения к форме, от формы к значению: Сб. статей в честь 80-летия Александра Владимировича Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 568—590.

Циммерлинг 2012б — *Циммерлинг А. В.* Системы порядка слов в славянских языках // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 3—37.

Циммерлинг 2012в — *Циммерлинг А. В.* Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте // Вопросы языкознания. 2012. № 4. С. 3—38.

Циммерлинг 2013а — *Циммерлинг А. В.* Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Циммерлинг 2013б — *Циммерлинг А. В.* Типология порядка слов в славянских языках // *Иванов Вяч. Вс.* (отв. ред.). Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов). СПб.: Алетейя, 2013. С. 7—80.

Цонев 2013а — *Цонев Р.* Съюзът *ама* в българската разговорна реч // Български език. 2013. Кн. 1. С. 63—72.

Цонев 2013б — *Цонев Р.* Съюзът *пък* в българската разговорна реч // Лингвистиката: история, предизвикателства, перспективи: Сб. в чест на 80-годишнината на професор Славчо Петков. Благоевград: Унив. изд-во «Неофит Рилски», 2013. С. 203—216.

Цонева 1994 — *Цонева Л.* За синтактичните особености на наречията в руския и българския език // Втори колоквиум по езикознание. Доклади и съобщения. Велико Търново: Абагар, 1994. С. 232—240.

Цыхун 1966 — *Цыхун Г. А.* Синтаксис местоименных клитик в болгарском и македонском литературных языках. Л.: ЛГУ, 1966.

Цыхун 1968 — *Цыхун Г. А.* Синтаксис местоименных клитик в южнославянских языках. Минск: Наука и техника, 1968.

Чакърова К. 1996 — *Чакърова К.* Синтактичните средства за изразяване на кратност в съвременния български книжовен език// Научни трудове на Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Т. 34: Филология. 1996. Кн. 1. С. 93—101.

Чакърова К. 2002 — *Чакърова К.* Синтактични средства за изразяване на повелителност в съвременния български език // Езикът: история и съвременност. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2002. (http://georgesg.info/belb/personal/chakyrova/Povelit.htm)

Чакърова К. 2003 — *Чакърова К.* Аспектуалност и количество. Велико Търново: Фабер, 2003.

Чакърова К. 2006 — *Чакърова К.* Към анализа на две типологически сходни парадигми (българския и руския императив) // Славистика и общество. София: Херон Пресс, 2006. С. 138—144.

Чакърова К. 2008а — *Чакърова К.* Българските конструкции с глагола *има* и техните аналози в руския език // Научни трудове на Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». 2008. Т. 46. Кн. 1. Сб. А. С. 515—529.

Чакърова К. 2008б — *Чакърова К.* Повелителните *да*-конструкции в съвременния български език и проблемът за «българския конюнктив» // Славистика. III. В чест на XIV международен конгрес на славистите (Охрид, 2008 г.). Пловдив: Университетско изд-во «Паисий Хилендарски», 2008. С. 98—112.

Чакърова К. 2009 — *Чакърова К.* Императивът в съвременния български език. Пловдив: Пигмалион, 2009.

Чакърова К. 2013а — *Чакърова К.* Към въпроса за съчетаването на имперфекта с глаголните видове в съвременния български език // Научни трудове на Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». 2013. Т. 51. Кн. 1. Сб. Б. С. 161—170.

Чакърова К. 2013б — *Чакърова К.* Типология на оптативните конструкции в българския, руския и полския език // Славянска филология. Т. 24: Доклади за XV Международен конгрес на славистите в Минск, Беларус. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2013. С. 88—98.

Чакърова Ю. 1990 — *Чакърова Ю.* Выражение цели в русском и болгарском языках в сопоставительном плане (синтактический уровень) // Научни трудове на Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Т. 28: Филология. 1990. Кн. 1. С. 223—230.

Чакърова Ю. 2010 — *Чакърова Ю.* Местоимения и анафора в болгарском и русском текстах. Пловдив: Университетско изд-во «Паисий Хилендарски», 2010.

Чаралозова 1995 — *Чаралозова К.* Показателните местоимения в съвременния български книжовен език // Проблеми на граматичната система на българския език. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 1995. С. 179—221.

Ченева 1989 — *Ченева В.* Об одном типе предложений обусловленности в русском языке и их болгарских функциональных соответствиях // Съпоставително езикознание. 1989. Кн. 1. С. 5—10.

Ченева 2004 — *Ченева В.* Фразеосхемы в структуре русского и болгарского сложных предложений уступительной семантики // Ежегодные лингвистические чтения. 15 ноября 2003 года. Сб. статей. В. Търново: Университетско изд-во «Св. Св. Кирил и Методий», 2004.

Ченева 2006 — *Ченева В.* К вопросу о выражении альтернативно-уступительных отношений в русском и болгарском языках // Ежегодные лингвистические

чтения. 20 декабря 2006 года. Сб. статей. (http://www.uni-vt.bg/pages/679/uplft/sbornik2006.doc)

Чолакова, Иванова 1973 — *Чолакова Кр., Иванова К.* Залогът като граматична и лексикографска проблема // Славянска филология. Т. 12. Езикознание. София: Изд-во на БАН, 1973. С. 167—181.

Шанова 1993 — *Шанова З. К.* Грамматические вопросы в курсе теории и практики перевода // Славянская филология. Вып. VII. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 217—224.

Шанова 2006 — *Шанова З. К.* К вопросу о месте местоименной клитики в болгарском предложении // Материалы XI Державинских чтений. Современность и исторические проблемы болгаристики и славистики. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2006. С. 80—84.

Шанова 2010а — *Шанова З. К.* Болгарские предлоги: Учебн. пос. СПб.: СПбГУ, 2010.

Шанова 2010б — *Шанова З. К.* Болгарский глагол. Время, вид, наклонение, залог: Учебн. пос. СПб.: СПбГУ, 2010.

Шапиро 1955 — *Шапиро А. Б.* Основы русской пунктуации. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

Шведова 1964 — *Шведова Н. Ю.* Изменения в системе безличных предложений // Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964. С. 241—334.

Шелякин 2006 — *Шелякин М. А.* Русский инфинитив (морфология и функции). М.: Флинта, 2006.

Шелякин 2009 — *Шелякин М. А.* О происхождении и употреблении безличной формы русского глагола // Вопросы языкознания. 2009. № 1. С. 35—49.

Шепелев 2004 — *Шепелев Д.* К вопросу о влиянии лексического наполнения на семантику русских и болгарских фразеосхем со значением оценки // Ежегодные лингвистические чтения. 15 ноября 2003 года. Сб. статей. В. Търново: Университетско изд-во «Св. Св. Кирил и Методий», 2004. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.russian.slavica.org/artide1198.html

Шилихина 2013 — *Шилихина К. М.* Дискурсивное маркирование нетривиального лексического выбора // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конф. «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 625—633.

Щаднева, Кудрявцев 2007 — *Щаднева В. П., Кудрявцев Ю. С.* К вопросу о безличных пассивных оборотах в русском языке // *Ремнёва М. Л., Поликарпов А. А.* (сост.). III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 20—23 марта 2007 г.): Труды и материалы. М., 2007.

Юрченко 1972 — *Юрченко В. С.* Простое предложение в современном русском языке. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1972.

Языковедческая русистика в Болгарии 2007 — Языковедческая русистика в Болгарии: библиографический указатель 1983—2007. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2007.

Янакиев 1975 — *Янакиев М*. Как да редактираме собствено съчинение. София: Народна просвета, 1975.

Янакиев 1980 — *Янакиев М*. Употреба на запетаята (общи положения) // Помагало по български правопис и пунктуация. София: Наука и изкуство, 1980. С. 360—365.

Янакиев 1998 — *Янакиев М*. Как да редактираме свой или несвой текст. София: Регалия 6, 1998.

Янко 1990 — *Янко Т. Е.* Еще раз о союзах А и НО // *Арутюнова Н. Д.* (отв. ред.). Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 127—135.

Янко 2001 — *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Янко 2008 — *Янко Т. Е.* Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2008.

Янко-Триницкая 1962 — *Янко-Триницкая Н. А.* Возвратные глаголы в русском языке. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Arnaudova 2010 — *Arnaudova O.* Focus and Bulgarian clause structure. Word order variation and prosody. VDM Verlag Dr. Müller, 2010.

Avgustinova 2002 — *Avgustinova T*. Clustering clitics in Bulgarian nominal constituents // *Kosta P., Frasek J.* (eds). Current Approaches to Formal Slavic Linguistics. Peter Lang, 2002. Vol. 9.

Bonet 1995 — *Bonet E.* Feature structure of Romance clitics // Natural Language and Linguistic Theory. 4. 1995. P. 607—647.

Cinque, Krapova 2009 — *Cinque G., Krapova I.* The two possessor raising constructions of Bulgarian // *Franks S., Chidambaram V., Joseph J*. (eds). A linguist's linguist. Studies in South Slavic linguistics in honor of E. Wayles Browne. Bloomington (IN): Slavica, 2009. P. 123—148.

Clitics in the languages of Europe 1999 — Clitics in the languages of Europe. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999.

Clitics, pronouns and movement 1997 — Clitics, pronouns and movement. Amsterdam; Philadelphija: Benjamins, 1997.

Die neue deutsche Rechtschreibung 1996 — Die neue deutsche Rechtschreibung. Mit den neuen Regeln und Schreibweisen für Deutschland, Österreich und die Schweiz. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1996.

Dimitrova-Vulchanova 1999 — *Dimitrova-Vulchanova M*. Clitics in the Slavic languages // *van Riemsdijk H.* (ed.). Clitics in the languages of Europe. (Eurotype 20-5.) Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999. P. 83—121.

Dimitrova-Vulchanova, Giusti 1999 — *Dimitrova-Vulchanova M., Giusti G*. Possessors in the Bulgarian DP // *Dimitrova-Vulchanova M., Hellan L*. (eds). Topics in South Slavic Syntax and Semantics. Amsterdam: John Benjamins, 1999. P. 163—192.

Dobrushina 2012 — *Dobrushina N. R*. Subjunctive complement clauses in Russian // Russian linguistics. 2012. Vol. 36. № 2. P. 121—156.

Fielder 2010 — *Fielder G. Ama*, a Bulgarian adversative connective // South Slavic Discourse particles. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2010.

Franks 1995 — *Franks S*. Parameters of Slavic Morphosyntax. Oxford: OUP, 1995.

Gešev 2013 — *Gešev V.* Congruence languages and word order // Rasprave. 2013. 39/2. S. 377—390.

Guiraud-Weber 2003 — *Guiraud-Weber M.* Еще раз о русском генитиве отрицания: взгляд со стороны // Russian Linguistics. 2003. Vol. 27. P. 363—384.

Hauge 1976 — *Hauge K. R.* The word order of predicate clitics in Bulgarian // Meddelelser. № 10. Oslo, 1976.

Isačenko 1974 — *Isačenko A. V.* On «have» and «be» languages (a typological sketch) // Slavic Forum Essays in Linguistics and Literature. The Hague; Paris, 1974.

Ivanova 2014 — *Ivanova E. Yu.* Reflexive-with-Dative construction in Russian and Bulgarian // *Howard D., Volodina T., Yong Zhang, Green R.* (eds). ICELAIC 2014 Proceedings of the International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication. Atlantis Press, 2014. P. 427—431. (http://www.atlantis-press.com/php/pub.php?publication=icelaic-14)

Izvorski et al. 1997 — *Izvorski R., King T. H., Rudin C*. Against *li* lowering in Bulgarian // Lingua. 1997. 102. P. 187—194.

Koeva 2004 — *Koeva S.* Theoretical model for a formal representation of syntactic frames // Scripta and e-Scripta. Vol. 2. Sofia, 2004. P. 31—49.

Koeva 2007 — *Koeva S.* Bulgarian alternations — lexicon or grammar? // Southern Journal of Linguistics. 2007. 29. P. 77—106.

Koeva 2008 — *Koeva S.* Syntactic alternations // *Blanco X., Silberztein M.* (eds). Proceedings from the 2007 International NooJ Conference. Cambridge Scolars Publishing. 2008. P. 121—138.

Kosta, Zimmerling 2013 — *Kosta P., Zimmerling A*. Slavic clitic systems in a typological perspective // The structure of NP and beyond (Studies in generative grammar). Berlin; London, 2013. P. 441—490.

Krapova 1996 — *Krapova I.* Is there a PRO in Bulgarian? // Научни трудове на Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Т. 34. Кн. 1: Филология. 1996. P. 121—130.

Krapova 1997 — *Krapova I.* On control in Bulgarian // *Junghans U., Zybatow G*. (eds). Formale Slavistik. Frankfurt am Mein: Vervuert, 1997. P. 93—107.

Krapova 2002 — *Krapova I.* On the left periphery of the Bulgarian sentence // University of Venice Working Papers in Linguistics. 2002. 12. P. 107—128.

Krapova, Karastaneva 2000 — *Krapova I., Karastaneva Ts.* Complementizer positions in Bulgarian // Българистиката в зората на двайсет и първи век: българо-американската перспектива за научни изследвания. София: ИК «Гутенберг», 2000. P. 93—104.

Krapova, Karastaneva 2002 — *Krapova I., Karastaneva Ts.* On the structure of the CP field in Bulgarian // Balkanistica. 2002. Vol. 15. Papers from the Third Conference on Formal Approaches to South Slavic and Balkan Languages. P. 293—322.

McCoy 2002 — *McCoy S*. Semantic and discourse properties of colloquial Russian construction of the form «X-to X, a…» // Glossos. 2002. Issue 3. P. 1—26.

Mladenova 2007 — *Mladenova O. M.* Definiteness in Bulgarian. Modelling the processes of language change (= Trends in linguistics. Studies and monographs; 182). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007.

Mladenova M. 2013 — *Mladenova M.* Порядок слов и семантика в словоупотреблении глаголов *mít / иметь / имам* (в чешском, русском и болгарском) // Rasprave. 2013. 39/2. S. 545—556.

Paskaleva 2000 — *Paskaleva E.* Alexander Ljudskanov // *Hutchins W. J.* (ed.). Early years in machine translation. Memories and bibliographies of pioneers. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2000. P. 361—377.

Perlmutter 1971 — *Perlmutter D. M.* Deep and surface structure constraints in syntax. New York: Rinehart & Winston Inc., 1971. P. 361—377.

Pollard, Sag 1994 — *Pollard C., Sag I. A*. Head-driven phrase structure grammar. Chicago: University of Chicago Press; Stanford: CSLI Publications, 1994.

Rivero 2003 — *Rivero M. L.* Reflexive clitic constructions with datives: syntax and semantics // *Browne W., Kim J.-Y., Partee B. H., Rothstein B. A*. (eds). Formal approaches to Slavic linguistics: The Amherst meeting 2002. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2003. P. 469—494.

Rivero 2005 — *Rivero M. L.* Topics in Bulgarian morphology and syntax: a minimalist perspective // Lingua. 2005. 115. P. 1083—1128.

Rizzi 1982 — *Rizzi L.* Issues in Italian syntax. Dordrecht: Foris Publications, 1982.

Rudin 1986 — *Rudin C.* Aspects of Bulgarian syntax: Complementizers and Wh constructions. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1986.

Rudin 1997 — *Rudin C.* Kakvo li e *li*: Interrogation and focusing in Bulgarian // Balkanistica. 1997. 10. P. 335—346.

Rudin et al. 1998 — *Rudin C., King T. H., Izvorski R.* Focus in Bulgarian and Russian yes-no questions // *Benedicto E., Romero M., Tomioka S.* (eds.) Proceedings of the Workshop on Focus. University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics. 21. GLSA, University of Massachusetts, Amherst, 1998. P. 209—226.

Rudin et al. 1999 — *Rudin C., Kramer Ch., Billings L., Baerman M.* Macedonian and Bulgarian *li* questions: Beyond syntax // Natural Languages and Linguistic Theory. 1999. Vol. 17. 3. P. 499—540.

Rudnitskaya, Uryson 2008 — *Rudnitskaya E. L., Uryson E. V.* Toward a semantic typology of coordination // Subordination and coordination strategies in North Asian languages / Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. Ser. IV — Current issues in linguistic theory. V. 300 / Ed. E. J. Vajda. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 85—96.

Schürcks, Wunderlich 2003 — *Schürcks L., Wunderlich D.* Determiner-possessor relation in the Bulgarian DP // *Coene M., D'hulst Y.* (eds). From NP to DP. Vol. 2: The expression of possession in noun phrases. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2003. P. 121–139.

Thompson, Longacre 1987 — *Thompson S. A., Longacre R. E.* Adverbial clauses // *Shopen T.* (ed.). Language typology and syntactic description. Vol. 2. Complex constructions. Cambridge, 1987. P. 171—234.

Tisheva 2003 — *Tisheva Y.* Bulgarian yes-no questions with particles *nali* and *nima* // *Kosta P., Blazsczak J., Frasek J., Geist L., Zygis M*. (eds). Investigations into formal Slavic linguistics // Linguistik International. Bd 10. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2003. P. 715—729.

Tisheva 2007 — *Tisheva Y.* On right dislocation and marginalization in Bulgarian // Linguistic investigations into formal description of Slavic languages. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2007. P. 389—397.

Tisheva, Dzhonova 2006 — *Tisheva Y., Dzhonova M.* Colloquial Bulgarian on the Web // Computer applications in Slavic studies. Sofia: Publishing Center «Boyan Penev», 2006. P. 217—232.

Zimmerling 2013 — *Zimmerling A.* Possessive raising and Slavic clitics // *Kor Chanine I.* (ed.). Contemporary studies in Slavic linguistics [Studies in Language Companion Series 146]. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Press, 2013. P. 43—60.

Научное издание

Елена Юрьевна Иванова
Алла Анатольевна Градинарова

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА
НА ФОНЕ РУССКОГО

Корректор О. Круподер
Ведущий редактор В. Столярова
Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой
Художественное оформление переплета И. Богатыревой

Подписано в печать 15.09.2015. Формат 70x100/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 50, 96. Тираж 600. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры»
№ госрегистрации 1037739118449.
Phone: 8 (495) 624-35-92   E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4

***Зубкова Л. Г.* Эволюция представлений о Языке.** — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 760 с. — (Studia philologica).

В книге на материале ключевых концепций, разработанных начиная с античности по сей день, показаны истоки и эволюция идей, заложивших основы современного понимания языка.

Прослеживается решение двух центральных проблем: язык в отношении к внешнему и внутреннему миру человека (Часть I), язык как система знаков (Часть II).

Книга предназначена филологам различных специальностей, студентам, магистрантам, аспирантам, преподавателям и всем интересующимся теорией и историей языкознания.

***Татевосов С. Г.* Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события.** — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 368 с. — (Studia philologica).

В книге излагается теория акциональности в естественном языке, применимая к широкому межъязыковому материалу, которая объясняет, как акциональная информация создается и видоизменяется в процессе синтаксической деривации. Общая теория состоит из четырех частных компонентов — теории лексического представления глагола, которая определяет, какие акциональные характеристики задаются словарно; деривационной теории, которая объясняет, как семантика деривационных морфем воздействует на акциональность; теории акциональной композиции, которая выявляет вклад глагольных актантов в интерпретацию; и теории вида, описывающей, что происходит с акциональной семантикой предиката при присоединении видовых показателей.

Книга предназначена для читателей, интересующихся проблемами лексической и грамматической семантики и семантико-синтаксического интерфейса.

***Дронов П. С.* Общая лексикология.** — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 224 с.

Данная книга посвящена возникновению, образованию и значению слова. Как правило, подобные работы опираются на материал какого-либо одного языка, т. е. речь идет о проблемах частной лексикологии. В данном случае лексикологические проблемы рассматриваются на примерах из различных индоевропейских и неиндоевропейских (финно-угорских, тюркских, монгольских и др.) языков. Книга вооружает студента теоретической информацией (причем так, что он получает возможность в дальнейшем более внимательно изучить труды лексикологов и языкове-

дов широкого профиля, их взгляды на природу слова, на предмет лексикологии, на ее место в системе других лингвистических дисциплин, функциональные модификации слова в тексте и т. д.). Кроме теоретической информации, книга содержит тщательно подобранные автором тексты-задания, призванные целенаправленно активизировать творческую инициативу адресата, его языковую интуицию, способность к лингвистическому экспериментированию, к адекватной оценке языковой реальности и — главное — привлечь внимание к фундаментальным универсалиям естественного языка в целом.

«Общая лексикология» послужит полезным справочником не только будущим филологам, но и студентам-философам, экономистам, юристам, широкому кругу специалистов гуманитарного профиля в целом. Книга найдет заинтересованного читателя и среди тех негуманитариев, для кого «стилистика», «риторика», «фразеология» — не только абстрактные лингвистические понятия, но реальная языковая материя, которая позволяет совершенствовать речевую культуру индивида.

***Воейкова М. Д.* Становление имени: Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка.** — М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2015. — 352 с.

Книга представляет собой исправленную и дополненную версию издания 2011 года. Она посвящена описанию ранних этапов усвоения русскими детьми семантики и грамматики именных частей речи, которые являются основой первичной языковой системы ребенка. Исследование основано на качественном и количественном анализе данных спонтанной речи детей от начала речевой деятельности до 3—4 лет.

Попутно проводится обследование речи родителей и устанавливается степень их влияния на процесс становления языка у ребенка. Автор учитывает современные теории изучения детской речи, в особенности теорию языка, основанную на употреблении, и теорию естественной морфологии.

Рукопись обобщает результаты работы автора в нескольких международных научных проектах, целью которого является сравнение процессов усвоения детьми языков различного строя. Это позволяет рассмотреть результаты, полученные на материале русского языка, с типологических позиций. Книга предназначена широкому кругу лингвистов, психолингвистов и логопедов, но может быть интересна и родителям, наблюдающим за развитием своих детей.

***Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А*. Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса: Монография.** — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 704 с., вклейка (Studia philologica).

Монография содержит описание грамматической структуры даргинского идиома селения Танты, расположенного в центральном Дагестане и принадлежащего к нахско-дагестанской языковой семье, а также детальное обсуждение ряда вопросов, связанных с интерпретацией тантынских языковых данных. Тантынский идиом характеризуется сложными и неординарными системами именного и глагольного словоизменения, характерной для дагестанских языков эргативностью, на которую, однако, накладывается редкое для семьи личное согласование, и рядом других нетривиальных черт. В работе специально рассматриваются специфика конструкций именной группы, глагольных конструкций, синтаксическая структура простых предложений различных коммуникативных типов, категории согласования. Монография также включает небольшой корпус тантынских текстов и словарные материалы.

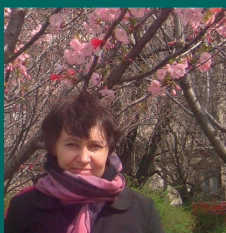
***Панов М. В*. Лингвистика и преподавание русского языка в школе.** — М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2014. — 272 с.; ил.

Книга представляет собой расшифровку записанного на магнитную пленку спецкурса. М. В. Панов (1920—2001), крупнейший ученый современности, излагает теорию Московской лингвистической (фортунатовской) школы на всех ее уровнях: лексика, фонетика, морфология, синтаксис — и показывает, как эту теорию можно интересно и доступно преподавать школьникам. Автор восстанавливает сотрудничество лингвистической науки и школы, плодотворно развивавшееся в первой трети XX в. трудами его учителей и предшественников: Ф. Ф. Фортунатова, Д. Н. Ушакова, М. Н. Петерсона, А. М. Пешковского, Р. И. Аванесова, В. Н. Сидорова, А. Б. Шапиро и др., показывает пути преодоления традиционного разлада школьной и научной грамматики. Заканчивает курс лекция, посвященная анализу стихотворных текстов. Книга может представлять интерес для студентов, школьных учителей, преподавателей высших учебных заведений, для ученых-лингвистов.

Активный словарь русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. А. Лопухина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — Т. 1. — 408 с.

Активный словарь русского языка разрабатывался с опорой на важнейшие достижения отечественной и европейской лексикографии и с учетом результатов современной теоретической лингвистики во всех важных для лексикографии областях. Словарь ставит своей целью сообщение такого объема сведений о каждом включенном в него слове в каждом из фиксируемых в словаре значений, которые необходимы не только для понимания этого слова в произвольном контексте, но и для его правильного использования в собственной речи говорящих. Он содержит полную информацию о следующих свойствах слова: а) его грамматических формах; б) его специфической просодии – в тех редких случаях, когда такая специфика имеет место; в) его значениях в форме развернутых аналитических толкований; г) закономерных видоизменениях лексических значений и значений грамматических форм в определенных контекстуальных условиях; д) управлении и вариантах управления в данном лексическом значении, если они возможны; е) специфичных для слова в данном значении синтаксических конструкциях; ж) лексико-семантической сочетаемости слова в данном значении; з) прагматических условиях его употребления; и) его «лексическом мире» (синонимах, аналогах, антонимах, дериватах и других семантически связанных с ним словах). Каждая такая словарная статья снабжена обширными иллюстрациями из «Национального корпуса русского языка».

Предлагаемый словарь адресован самой широкой аудитории, профессионально или практически имеющей дело с русским языком, – от школьных учителей, редакторов, переводчиков до рядового носителя языка, который хочет правильно говорить по-русски.



Елена Юрьевна Иванова, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук по специальностям «Славянские языки» и «Русский язык». Автор книг «Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Т. 2: Синтаксис», «Болгарский язык», «Логико-семантические типы предложений. Неполные речевые реализации». Сфера научных интересов: синтаксис, сопоставительное языкознание, болгарский и другие южнославянские языки.

Алла Анатольевна Градинарова, доцент кафедры русского языка Софийского университета им. Св. Климента Охридского, кандидат филологических наук. Автор книг «Карамзин и его школа в истории русского литературного языка», «Русская пунктуация в сопоставлении с болгарской. Пунктуация простого предложения», «Генеративизм: Синтаксические теории», «Фрагменты болгарско-русского сопоставительного синтаксиса». Соавтор учебников и учебных пособий. Сфера научных интересов: синтаксис современного русского языка, семантический синтаксис, сопоставительный синтаксис, история русского литературного языка.

ISBN 978-5-94457-233-2
9 785944 572332 >